ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2014

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО И ВОЙНА

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2014

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
В26

Редакционная комиссия десятого тома:

Ю. А. Петров *(председатель)*, Н. Ф. Бугай, А. В. Голубев, С. В. Журавлев (*заместитель председателя)*, В. А. Золотарев, М. Ю. Моруков, М. Ю. Мухин, В. А. Невежин, Н. И. Рыжков, А. М. Соколов, Е. П. Челышев

Авторский коллектив десятого тома:

С. В. Журавлев (руководитель авторского коллектива), Н. А. Араловец, Н. Ф. Бугай, Т. С. Бушуева, О. М. Вербицкая, А. В. Голубев, В. Б. Жиромская, Ю. Н. Жуков, О. Г. Жукова, В. Н. Земсков, М. С. Зинич, Г. М. Иванова, Л. П. Колодникова, Н. И. Кондакова, Т. Ю. Красовицкая, Г. А. Куманев, И. А. Курляндский, М. Ю. Моруков, М. Ю. Мухин, В. А. Невежин, Ю. А. Петров, А. Ю. Попов, Е. С. Сенявская, А. К. Соколов, Д. Н. Филипповых

При участии:

Т. В. Анисимовой, И. В. Быстровой, А. И. Владимирова, И. С. Даниленко, М. Р. Зезиной, В. П. Зимонина, Н. В. Илиевского, Н. З. Кунца, С. Я. Лавренова, Д. Д. Лотаревой, Е. М. Малышевой, Т. А. Мухаматулина, Н. К. Петровой, М. С. Полянского, Т. М. Смирновой, А. Н. Сахарова, А. С. Сенявского, Г. Л. Соболева, А. М. Соколова, А. В. Тимченко, В. В. Тихонова

Помощь авторскому коллективу в организационной и научно-контрольной работе по тому оказали: М. А. Елисеева, О. В. Власов, М. И. Горелов, С. В. Запорожцева, В. К. Гапон, Ю. В. Кожухов, Д. И. Крылов, Г. А. Малахов, Р. Г. Носов, В. С. Параскевов, Н. Г. Михальцов, Ю. В. Рубцов, О. В. Саксонов, М. А. Селиванов, В. В. Соколов, С. Б. Страшко, И. А. Федорченко, В. И. Фролов, А. Т. Хабалов, В. С. Хмельников

В26 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. — М.: Кучково поле, 2014. — 864 с., 24 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0458-5

В десятом томе раскрываются характер и формы взаимодействия государства и общества в чрезвычайных условиях военного времени, героизм тружеников города и деревни, их вклад в Победу. С привлечением широкого материала, в том числе новых архивных документов, показано величие подвига советских людей, ценой огромных жертв спасших страну и человечество от фашизма, а также дана оценка объединяющей и мобилизующей роли государства.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Отечества.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0458-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Десятый том «Государство, общество и война» многотомного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» посвящен рассмотрению двух ключевых вопросов: всестороннему, комплексному исследованию состояния советского общества в условиях военного времени и изучению характера, форм и методов взаимодействия государства и общества в период войны во имя главной цели — разгрома врага.

Тема «Народ и война» — одна из ключевых для понимания событий 1941–1945 гг. О величии подвига советских людей, спасших страну и человечество от фашизма, написано немало книг. Вместе с тем многие аспекты этой проблемы остаются недостаточно исследованными, иные подвергаются переоценке или требуют всестороннего и тщательного анализа с привлечением введенных в научный оборот новых архивных документов.

Не менее важно объективно, непредвзято, с опорой на широкую источниковую базу оценить объединяющую и мобилизующую роль государства в условиях Великой Отечественной войны. Перед угрозой смертельной опасности, нависшей над тысячелетней российской цивилизацией и первым в мире социалистическим государством, граждане СССР сплотились вокруг государственно-политического руководства страны. Существовавшие проблемы между властью и обществом отошли на второй план. В условиях войны патриотические настроения в обществе усилились, и конкретным выражением этого стал массовый героизм людей на фронте и в тылу, небывалый накал партизанской войны. Во имя достижения национального единства в борьбе с врагом власть поднялась над некоторыми идеологическими догмами: например, пошла на смягчение политики по отношению к церкви и верующим. Победа в войне была достигнута благодаря подвигу многонационального советского народа, при этом важнейшим фактором стало организующее, мобилизующее начало государства.

Структурно десятый том состоит из крупных проблемно-тематических блоков, рассмотрение которых позволяет максимально раскрыть тему, вынесенную в заглавие труда. Авторский коллектив знакомит читателя с основными направлениями изучения истории Великой Отечественной войны в рамках проблематики тома, а также дает представление о степени изученности тех или иных сюжетов в отечественной и зарубежной историографии, характеризует основные дискуссии, а также обозначает темы, требующие дальнейшего исследования. В силу обширности литературы авторы не ставили своей задачей дать исчерпывающую историографическую характеристику проблематики тома. Она заключалась, скорее, в том, чтобы обозначить основные историографические направления, нашедшие свое отражение и непосредственно в тексте данного издания.

Особое внимание уделено общей характеристике состояния СССР и советского общества накануне войны. Подробно, с привлечением значительного массива архивных источников были раскрыты те процессы и явления предвоенных лет, которые впоследствии оказали существенное влияние на социально-политическую ситуацию в военный период. Речь, в частности, идет о противоречивости процесса присоединения к СССР после 1939 г. При-

балтийских государств, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и других регионов*.

С одной стороны, в военно-стратегическом плане являлось немаловажным, что границы СССР были отодвинуты на запад. С другой — социально-политическая обстановка на этих землях к июню 1941 г. складывалась достаточно сложная: не были завершены национализация частной собственности и коллективизация; на волне националистических и антисоветских настроений часть местного населения встречала наступающие немецкие войска как освободителей. Важно отметить, что в дальнейшем, под тяжестью оккупационного режима, отношение к фашистам существенно изменилось.

В представленном труде рассмотрен также комплекс вопросов, связанных с общественно-политической и экономической ситуацией в СССР в условиях нарастающей военной опасности и ее влиянием на разные стороны жизни общества. Речь идет о социальных аспектах ужесточения трудового законодательства и развертывания мобилизационных мероприятий, об общественных настроениях и росте патриотизма в советском обществе, о роли и действенности пропаганды в войсках и среди мирного населения.

Должное место в томе заняла тема перестройки государственного управления на военный лад и «человеческой составляющей», а также не имевшего аналогов в мировой истории предпринятого комплекса мер по эвакуации предприятий и людских ресурсов на восток страны. В центре внимания авторов — основные направления деятельности Государственного Комитета Обороны (ГКО), сосредоточившего в своих руках всю полноту власти в чрезвычайных военных условиях. С точки зрения современных исторических знаний показана деятельность советских органов, партийных структур, комсомола, профсоюзов и иных общественных организаций в условиях военного времени, а также их вклад в Победу.

Дана комплексная и всесторонняя оценка трудового героизма советских людей и их помощи фронту. Подробно охарактеризованы общественные инициативы и формы помощи действующей армии со стороны населения, а также трудовое законодательство военных лет, нацеленное на повышение дисциплины на производстве и увеличение производительности труда.

С привлечением архивных документов и воспоминаний участников трудового фронта в томе рассказывается об условиях труда и быта, снабжении рабочих, трудностях, с которыми пришлось столкнуться в индустриальной сфере. Мужчины ушли на фронт, а их места у станка заняли женщины и подростки, на хрупкие плечи которых легла основная доля ответственности за выпуск промышленной продукции. Показан самоотверженный труд жителей деревни, вклад крестьян в продовольственное обеспечение фронта и тыла. Определенное внимание уделено «особым» формам организации работы: использованию труда заключенных ГУЛАГа (Главного управления лагерей и мест заключения), а также мобилизованных в трудовые армии и иностранных военнопленных. Эти темы в ранее выходивших обобщающих работах по истории Великой Отечественной войны практически не рассматривались.

Анализируется влияние поставок по ленд-лизу на жизнь советского общества в годы Великой Отечественной войны.

Исследуются вопросы медицинского и социального обеспечения, в том числе заботы о детях, что в условиях войны приобрело особую общественную значимость. Авторы тома специально рассматривают и такие вопросы, как особенности фронтового быта, будни жителей больших, малых и прифронтовых городов, особенности повседневной жизни в деревне в условиях войны. В качестве наиболее яркого примера повседневной жизни в экстремальных условиях под этим углом зрения анализируется ситуация в блокадном Ленинграде.

Особое место в труде занимают вопросы снабжения армии и тыла продовольствием, самоснабжения и стратегии выживания людей в условиях войны, шефской связи города и деревни, а также роль взаимной поддержки и взаимопомощи граждан как важный матери-

---

* С точки зрения исторической справедливости следует отметить, что эти территории длительное время входили в состав России (Российской империи).

альный и моральный фактор, досуг на фронте и в тылу, демографические и многие другие проблемы.

Подробно и объективно, не скрывая трудностей и противоречий, в том числе депортации ряда народов, рассматривается широкий спектр национальных и конфессиональных проблем, приобретших чрезвычайную остроту в условиях военного времени. Не секрет, что нацистская пропаганда возлагала особые надежды на разжигание национализма и разобщение советского общества, а также на привлечение на свою сторону «обиженных большевиками» верующих. Как и почему этим надеждам в годы войны не суждено было сбыться, раскрывается в данном труде. В томе убедительно показано, что одним из главных источников Победы стало единение в борьбе с врагом представителей всех советских народов, коммунистов и беспартийных, атеистов и верующих. В то время как одни боролись с оружием в руках, другие по зову сердца отправляли посылки на фронт, помогали раненым и сиротам, отдавали последние силы работе на заводе и в поле, жертвовали деньги на строительство танков и самолетов, а кто-то в силу обстоятельств оказался в трудовой армии, внося свой вклад в Победу.

Отдельный проблемно-тематический блок посвящен непростой по объективным причинам ситуации в области науки, культуры и образования в годы войны, а также совместным усилиям государства и общества по решению возникавших проблем в данной сфере. Дается высокая оценка патриотической позиции ученых, других представителей творческой интеллигенции, каждый из которых на своем посту стремился внести посильный вклад в разгром врага. Сотрудники конструкторских бюро создавали новые образцы боевой техники и разрабатывали передовые технологии, связанные с производством ядерного оружия, реактивной авиации, и другие.

Историки, литераторы, артисты, художники, композиторы и другие представители творческой интеллигенции проводили большую воспитательную и пропагандистскую работу на фронте и в тылу, вселяя в граждан уверенность в Победе и способствуя единению общества и государства во имя этой цели. Особенно важную информационно-пропагандистскую роль сыграло Совинформбюро. Безусловный интерес представляет рассмотрение судьбы оказавшихся на оккупированной территории отечественных культурных ценностей: памятников, музейных собраний, библиотечных фондов и прочего.

Общественные настроения военных лет достаточно полно отражают две ключевые темы — восприятие советскими людьми образа врага и образа союзника. В известном смысле, это две стороны одной медали. Будучи комплексно изученными в контексте меняющихся внешне- и внутриполитических факторов, советской пропаганды и многого другого, они могут дать более широкий и разнообразный спектр настроений общества, чем принято было полагать. Впрочем, в условиях, когда эта проблема, по большому счету, только начинает разрабатываться, авторы не претендуют на окончательные выводы и обобщения.

В томе убедительно показано, что к категории «общество военных лет» необходимо отнести не только тех, кто воевал или работал в тылу, но и ту значительную часть советского социума, которая в силу обстоятельств оказалась на оккупированной территории, в плену или была вывезена в качестве «восточных рабочих».

Подробно рассмотрены в труде и демографические и социально-экономические последствия войны. Речь идет о колоссальном прямом экономическом ущербе, нанесенном войной, а также о катастрофических людских потерях, которые давали о себе знать весь послевоенный период и от последствий которых наше общество, по большому счету, не оправилось до сих пор. Война привела к негативным изменениям в половозрастной структуре населения, а это не могло не отразиться на рождаемости и невозможности для многих людей создать семью. В 1946 г. на 96,2 млн женщин в СССР осталось только 74,4 млн мужчин. Неизбежным следствием войны стали инвалиды и дети-сироты. Трудно учесть и объективно оценить моральные утраты, связанные с войной.

Том основан на широкой и разнообразной источниковой базе, позволяющей комплексно и всесторонне исследовать проблему «Государство и общество в условиях Великой Отечественной войны». Используются многочисленные неопубликованные материалы из

отечественных центральных, ведомственных и региональных архивов. Представлены также документы из архивов ближнего и дальнего зарубежья: Украины, Беларуси, стран Балтии, Германии и другие. Привлечены частично неопубликованные документы из личных фондов И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. И. Микояна, Е. М. Ярославского, Г. М. Маленкова, А. А. Жданова, А. С. Щербакова и других, а также материалы ГКО, высших партийных органов: Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП(б), а также материалы из личных фондов писателей и публицистов В. В. Вишневского, Вс. В. Иванова, И. Г. Эренбурга и других.

Комплексное изучение истории жизни граждан в условиях фашистского оккупационного режима, исследование экономических, национальных и конфессиональных проблем оказалось бы невозможным без обращения к документам Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации и трофейным документам Третьего рейха, в том числе Главного управления имперской безопасности РСХА, Рейхсминистерства церковных дел, Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий, личной канцелярии Адольфа Гитлера, Имперского министерства народного просвещения и пропаганды, оперативного штаба рейхсляйтера А. Розенберга и другим.

Отдельную группу источников десятого тома составляет чрезвычайное законодательство военных лет. В первую очередь это постановления ГКО, принятые в их развитие и направленные на их реализацию решения государственных и партийных органов, а также ведомственные и региональные подзаконные нормативные акты. Многие из них до недавнего времени были закрыты для исследователей и введены в научный оборот впервые. Между тем они жестко регламентировали едва ли не все стороны жизнедеятельности не только предприятий, государственных и общественных институтов, но и повседневную жизнь рядовых граждан в городе и деревне.

Для изучения различных сторон массового сознания и общественных настроений на фронте и в тылу были привлечены как официальные документы, в том числе приказы командования, боевые донесения, разведданные, протоколы допросов военнопленных и прочее, так и источники личного происхождения — письма, дневники, мемуары, воспоминания участников войны. Они позволили показать войну не только с командных высот, но и из окопа, глазами непосредственных участников боевых действий. Активно привлекались к работе над томом и материалы интервью с ветеранами войны и трудового фронта.

При обилии источников личного происхождения о войне авторы тома отдавали предпочтение письмам военной поры и дневниковым записям, фиксировавшим ситуацию так, как ее в данный момент воспринимал автор письма или дневника, и насыщенным уникальными подробностями быта и повседневной жизни военных лет. Вместе с тем следует иметь в виду, что ведение дневников в условиях войны было редким явлением. Военнослужащим по причине сохранения тайны вообще запрещалось делать такие записи. Наиболее информативны дневники писателей, в том числе В. В. Вишневского, М. М. Пришвина, академика В. И. Вернадского и других, однако они отражают точку зрения преимущественно советской интеллектуальной элиты.

Содержащие описание подвигов наградные материалы дали возможность авторам проследить, каким героическим поступкам отдавалось предпочтение при награждении, каковы были критерии присвоения наград разного достоинства. Атмосферу в обществе военных лет и ход пропагандистских кампаний невозможно исследовать без таких источников, как листовки, периодическая печать и публицистика. Важным источником информации стали и статистические материалы.

Были привлечены рассекреченные документы НКВД, в частности аналитические материалы о настроениях среди гражданского населения и военнослужащих. Другим важным источником информации по этой теме стали документы Политуправления РККА, включая проекты и окончательные варианты директив Политического управления Красной армии, материалы совещаний его руководства, переписку, доклады и многие другие.

Для исследования повседневной жизни деревни в годы войны был использован широкий круг опубликованных и архивных источников (статистика, документальные публикации,

мемуары, периодика и прочее), статистика бюджетных обследований колхозных семей военного времени, материалы местных партийных организаций. Эти документы оказались неоценимым источником при изучении экономической, политической, демографической ситуации в деревне. Богатейшие сведения о сельскохозяйственном производстве, состоянии его материально-технической базы, деятельности колхозов во время войны содержатся в статистических сборниках экономических показателей развития сельского хозяйства СССР.

Что касается источниковой базы для изучения городского быта, авторы стремились максимально использовать материалы официальных документов центральной и местной власти, источников личного происхождения, региональных изданий и другие. Важными источниками по истории городской повседневности военных лет являются также информационные и делопроизводственные материалы НКВД и партийных органов (сводки, докладные записки обкомов и горкомов партии и прочие). Документы позволили исследовать такие вопросы, как взаимоотношения местной власти и горожан, распределение и потребление, стратегия выживания городского населения, и другие аспекты.

Новизной и разнообразием источниковой базы отличаются и материалы десятого тома, посвященные национальной и конфессиональной проблематике. Авторами использованы документы о государственно-церковных отношениях военных лет, мемуары и письма ряда видных церковных деятелей за 1941—1945 гг., многие архивные документы об участии духовенства и верующих в партизанском движении, о конфессиональной политике государства в годы войны, патриотической позиции Русской православной церкви и других конфессий.

Введенные в научный оборот архивные документы позволили по-новому подойти к освещению вопросов, посвященных культуре военных лет, судьбе советских культурных ценностей и их перемещению, проблемам народного образования, демографических сложностей, перестройки системы здравоохранения, особенностей медицинского обслуживания населения в условиях военного времени.

Авторский коллектив десятого тома представлен сотрудниками Института российской истории Российской академии наук, специалистами вузов, научных и архивных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России. Большую помощь в создании тома, научном и научно-контрольном редактировании оказали сотрудники Научно-исследовательского центра (научного руководителя труда) Военного университета.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам Главного управления кадров Министерства обороны РФ, Военно-научного комитета ВС РФ, Архива Президента Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов, Белорусского государственного архива кино-, фото- и фонодокументов, других научных организаций и учреждений за предоставленные материалы, участие в рецензировании рукописи тома, а также всем, кто оказал помощь в подготовке тома к печати.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблема «Государство и общество в годы Великой Отечественной войны» многогранна. Она включает в себя множество больших и малых тем, историографическое изучение каждой из которых могло бы стать предметом самостоятельного исследования. Многие из них получили достаточно полное освещение в отечественной и зарубежной истории уже во время Великой Отечественной войны или сразу после нее. По этой причине авторы тома решили сконцентрировать внимание на современных историографических направлениях и тенденциях изучения данной темы, важнейших работах, увидевших свет, ведущих исследовательских подходах и проблемах, вызывающих наиболее острые дебаты в обществе и среди ученых.

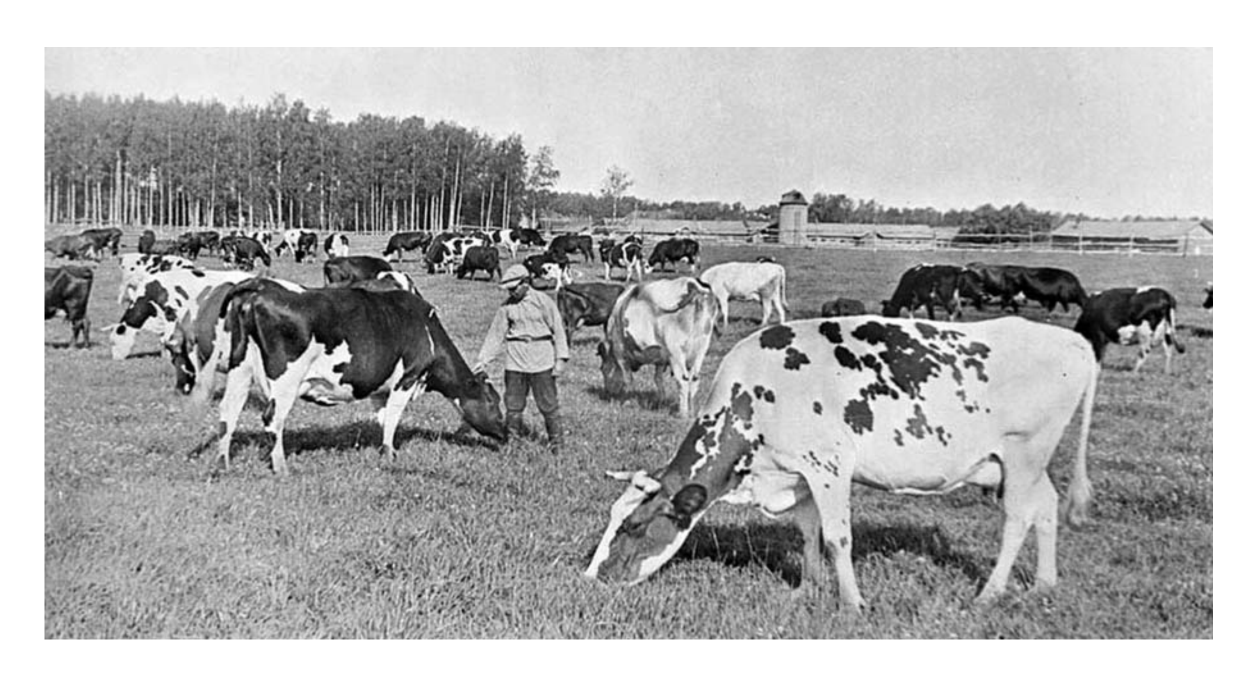
При этом авторский коллектив в значительной степени опирался на опыт предшественников — авторов выходивших в разные годы обобщающих трудов по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, в которых в той или иной мере находила отражение социально-историческая проблематика. Среди работ, в которых уже в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. с новаторских позиций освещались разные стороны советского тылового быта, были издания, подготовленные в Институте истории СССР АН СССР (ныне Институт российской истории РАН)[1].

Заметным историографическим событием стал выход в 2008 г. трехтомника «Война и общество в XX веке». Вторая книга издания стала одной из первых обобщающих работ, где на основе современных знаний проанализированы социальные аспекты истории Великой Отечественной войны и намечены перспективы их дальнейшего исследования.

Ликвидация идеологической монополии в науке, введение в оборот новых источников в рамках «архивной революции» 1990-х гг. в значительной степени изменили проблематику и подходы к освещению ключевых событий истории Великой Отечественной войны. Рассекречивание архивов, публикация новых данных, введение в оборот многочисленных документов личного происхождения значительно расширили источниковую базу исследований, следствием чего стало увеличение перечня изучаемых проблем, в том числе за счет ранее запретных тем. Все это позволило специалистам уточнить ряд ключевых фактов, событий, статистических данных по истории военных лет и на этой основе приступить к изучению сравнительно новых сюжетов, которые по различным причинам остались вне поля внимания советской историографии.

Общее собрание колхозников перед уборкой урожая

Племенной скот на пастбище

День отдыха в колхозе

Наиболее характерный пример подобного рода — всестороннее исследование темы «Власть и общество» в условиях войны, включая анализ социальной и национальной политики государства военных лет. В настоящее время исследуются такие аспекты, как общественные настроения советских людей в условиях войны, выявление их реакции на мероприятия власти, формирование образа врага и отношение к оккупантам, исследование стратегий выживания населения в условиях войны и повседневной жизни граждан в городе и деревне, на фронте и в тылу, характер и формы сотрудничества с врагом (коллаборационизм) и другие. Многие из этих относительно новых для отечественной историографии и при этом непростых и даже болезненных проблем по-прежнему сохраняют дискуссионный характер, обусловленный в том числе продолжающейся мифологизацией и политизацией истории Великой Отечественной войны, засильем по данной теме околонаучной литературы, играющей, к сожалению, немалую роль в формировании соответствующих исторических представлений современных россиян.

В свою очередь, позитивное влияние на изучение темы «Государство, общество и война» оказало появление новых методологических подходов к изучению прошлого, метко названных «антропологическим вызовом». Социально-историческая проблематика, включающая многие считавшиеся ранее «второстепенными» сюжеты о «рядовом человеке» на войне, о разных сторонах жизни и быта на фронте и в тылу, значительно обогатила знания о войне.

Необходимо упомянуть о новациях в области методик и подходов в изучении прошлого с позиций социальной истории, исторической антропологии[2], истории повседневности[3] и микроистории[4], истории семьи, «устной истории», истории эмоций (как известно, чрезвычайные условия войны до предела обостряли чувства и эмоции людей, что отражалось на их поведении), гендерного анализа[5] и прочего. Указанные исследовательские направления в последние десятилетия завоевывают все большее признание.

В связи с изучением военной повседневности Второй мировой войны появились исследования, в которых рассматривается аналогия «военной работы» с индустриальным трудом, в том числе с точки зрения точного расчета, навыков самостоятельности и инициативности, умения работать в команде, эффективно использовать технику и других аспектов. Не менее важно было понять, имел ли какое-либо значение в условиях противостояния двух армий культурно-образовательный уровень военнослужащих, а также каким образом сказывалось в условиях Великой Отечественной войны наличие или отсутствие у призванных в армию новобранцев, в основном вчерашних крестьян и рабочих, навыков индустриального труда.

В 1941 г. итальянский журналист Курцио Малапарте в течение нескольких месяцев в качестве очевидца освещал для газеты Corriere della sera нападение Германии на СССР. Он, в частности, обратил внимание на то, что войну ведут две армии, сформированные в основном из рабочих и индустриализированных крестьян. По его мнению, «впервые в истории войн, в то время как две армии сражаются одна против другой, их боевой дух замысловато переплетается с рабочей моралью, соединяя воедино военную дисциплину с технической дисциплиной труда, поскольку обе армии укомплектованы и управляются квалифицированными работниками»[6].

Как известно, в годы первых пятилеток были достигнуты заметные успехи в деле ликвидация неграмотности и введения обязательного начального, а затем и среднего образования для детей; осуществлялась активная машинизация сельского хозяйства, а численность рабочего класса в 1939 г., по сравнению с 1926 г., возросла в 3,6 раза и составила 25,4 млн человек. Несомненно, советская модернизация конца 1920–1930-х гг. способствовала приобщению миллионов граждан СССР к общей и технической грамоте, опыту работы с механизмами. Эти знания и навыки оказались в высшей степени востребованными в условиях начавшейся войны, ставшей «войной моторов».

Специалисты по истории военной повседневности порой способствуют пересмотру традиционных представлений и разрушению стереотипов. Яркий пример такого рода — подготовленная в 1995 г. немецкими учеными документальная выставка по истории вермахта времен Второй мировой войны, основу которой составили источники личного происхождения (фотографии, письма и солдатские свидетельства), а также немецкие архивные документы. За

несколько лет в разных городах Германии выставку посмотрели 800 тыс. человек. Расширенный вариант выставки был представлен публике в 2001 г. Эта экспозиция изменила господствовавшее прежде в Германии представление, будто зверства фашистов на оккупированных территориях СССР лежали в основном на совести войск СС и карательных подразделений, но не армии — документы и фотографии подтвердили активное участие вермахта в преступлениях.

В популярную ныне гендерную проблематику входит не только сама по себе крайне сложная тема «Женщина на войне» (как известно, «у войны не женское лицо»), но и только начинающая разрабатываться в отечественной историографии история «маскулинности» (мужественность, особенности проявления мужских качеств на фронте и в тылу), а также история детей и военного детства, по которой уже имеется довольно богатая литература, особенно на региональном уровне[7].

Закономерным представляется и появление в 1990-е гг. таких историографических направлений, как «военно-историческая антропология» и «социальная психология войны», ставящих во главу угла изучение человека и различных социальных групп в условиях военного времени, а также восприятие войны самим человеком — как комбатантом, так и тружеником тыла[8]. Благодаря указанным выше социально-историческим направлениям появляется возможность дополнить традиционный государственно-институциональный подход взглядом на войну «снизу», глазами ее рядовых участников и очевидцев.

Социально-исторический подход к истории войны представляется важным еще и в контексте современных дискуссий о мифологизации и героизации военной истории. В последние десятилетия на волне критики советского прошлого вошел в моду разоблачительный пафос в отношении всех без исключения прежних героев — от Г. К. Жукова до Зои Космодемьянской, Александра Матросова и 28 панфиловцев, являвшихся якобы исключительно продуктом советской пропаганды. Более того, присутствует тенденция героизации украинских националистов во главе с С. А. Бандерой, генерала А. А. Власова, бывших белогвардейских офицеров-эмигрантов, перешедших на сторону врага. Недопустимыми являются и попытки представить бандеровцев, власовцев, сотрудничавших с гитлеровцами татарских, прибалтийских и иных националистов своего рода «третьей силой» в войне[9].

Современная социальная история, вводя в научный оборот такую источниковую базу, как наградные листы, материалы личного происхождения, документы «устной истории», трофейные документы и прочие, предлагает критикам и сомневающимся тысячи никогда не задействованных в пропагандистских целях конкретных примеров самопожертвования рядовых советских людей, которые бесспорно свидетельствуют о массовом героизме во время войны. Это позволяет в полной мере представить, какой огромной ценой досталась Победа, что важно не только в научных, но и в воспитательных целях.

Нельзя обойти вниманием еще один фундаментальный вопрос, вокруг которого не один год ведутся острейшие дискуссии в научной среде и российском обществе. Его суть сводится к необходимости нового прочтения истории Великой Отечественной войны как особого периода в более широком контексте, в связи с современными трактовками «сталинского социализма»[10]. В последние десятилетия в России и за рубежом изданы работы, посвященные периоду конца 1920-х — начала 1950-х гг.

Особенно основательно оказались изученными две связанные между собой темы: истории репрессивной политики государства (включая коллективизацию и массовые репрессии 1937–1938 гг.) и общественных настроений, сопротивления режиму в 1920–1930-е гг. Из обширной литературы по истории репрессий можно сделать вывод о существовании к началу войны широкого общественного недовольства репрессивным характером сталинского режима, открытое сопротивление которому якобы сдерживалось лишь органами НКВД. В ряде исследований ситуация тех лет подается в утрированно-упрощенном свете. К примеру, утверждается, что к концу 1930-х гг. советское общество было разделено на две антагонистично настроенные друг к другу части: на тех, кто подвергся разного рода репрессиям и потому ненавидел сталинский режим, и на «сексотов» и сотрудников «репрессивного аппарата», от имени государства осуществлявших карательные функции, охранявших заключенных и прочее[11].

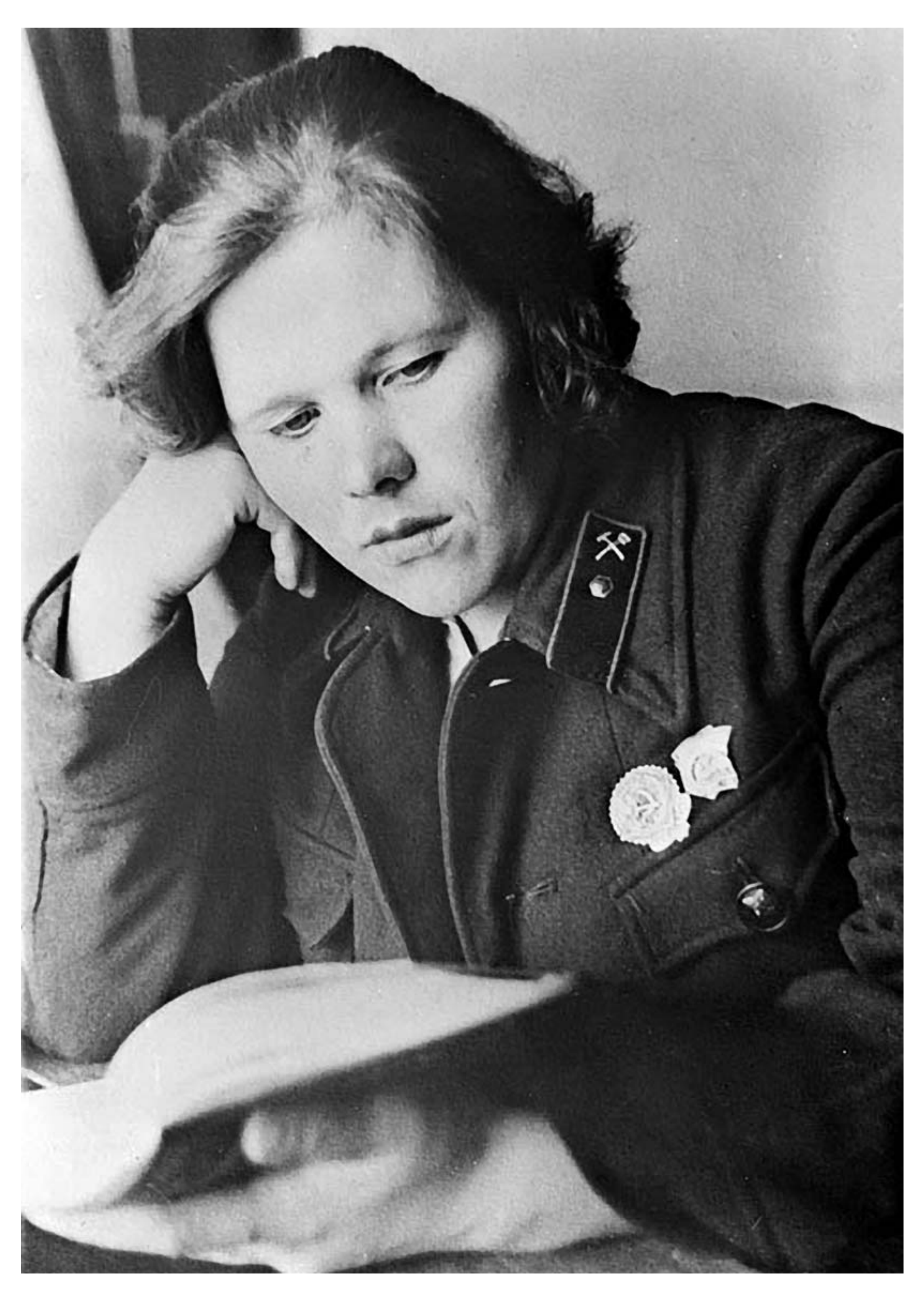

Строительство и открытие моста через реку Оку в Горьком

Строительство никелевого комбината в Мончегорске

Помощник начальника железнодорожной станции Омск

Школа в Днепропетровской области

Двор городской школы во время перемены

В детском саду

Если бы это действительно было так, то с наступлением фашистских войск в СССР должны были начаться народные восстания против «тоталитарного режима». Однако вместо этого лишь незначительное меньшинство пошло на службу к врагу, а миллионы советских людей добровольно, а не по принуждению, с поразившим весь мир мужеством, жертвенностью и упорством защищали свою Родину. В критической военной обстановке ведущей стала тенденция к единению народа и власти, несмотря на то что власть не отказалась в условиях войны от репрессий и насильственных акций.

Война стала главным испытанием на прочность и жизнеспособность созданной в 1930-е гг. общественно-политической системы и советского общества. И система, и общество это испытание выдержали. Об этом свидетельствуют и зарубежные авторы[12]. Однако издержки и потери были огромными. Всесторонний анализ разных факторов Победы позволяет прийти к выводу о том, что во многом она была достигнута благодаря мобилизационному характеру созданного в 1930-е гг. «сталинского социализма», позволившего государству в кратчайшие сроки сконцентрировать все ресурсы для отпора врагу.

В стремлении объяснить происходившее в современной литературе о войне появился среди прочих термин «добровольная самомобилизация», означающий общественные инициативы, инициированные рядовыми людьми. Исследования последних лет, посвященные социокультурным практикам военного периода, дают широкую картину подобных спонтанных инициатив «снизу». Характерно, что эти «ростки гражданского общества», свидетельствовавшие о наличии общественной солидарности, наиболее отчетливо проявились именно в условиях нужды и бедствий военных лет, когда, напротив, можно было ожидать преобладания процессов атомизации общества. Соответственно, единение общества и власти стало главным фактором Победы. Правы те авторы, кто полагает, что современный историографический акцент на историю репрессий, тем более рассматриваемый в рамках тоталитарной модели советской истории, привел к перекосу в оценке общественно-политической ситуации в СССР в 1920–1940-х гг.

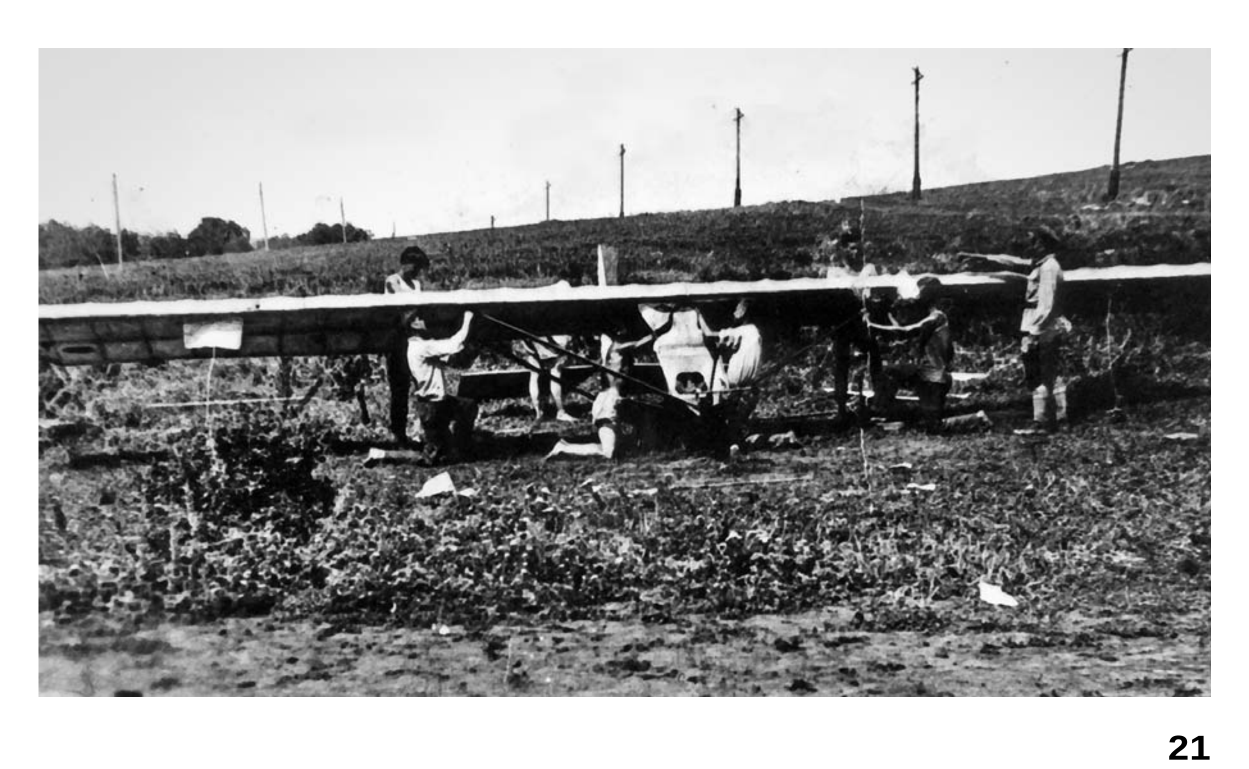
Советский политический режим в представлениях людей военного поколения отождествлялся с революцией и идеалами социализма. Это позволяет понять, почему даже многие из тех, кто подвергся репрессиям в предвоенные годы, сохраняли верность существующему строю. Для поколений 1920–1940-х гг., особенно для молодежи, ключевым фактором, определявшим позитивное отношение к советской системе и побудившим встать на ее защиту во время войны, были разительные перемены в стране, произошедшие в результате экономической, социальной и культурной модернизации 1920–1930-х гг., чувство социального оптимизма, уверенность в том, что принесенные жертвы не будут напрасными. Советское поколение, сформировавшееся в 1920–1930-е гг., не сомневалось в правоте коммунистических идей, гордилось своей Родиной, считало ее лучшей в мире. Молодые граждане СССР чувствовали личную сопричастность громадным переменам в стране и по зову сердца были готовы защищать Советское государство.

Вместе с тем под влиянием Великой Отечественной войны в советском обществе произошли пока еще не изученные в должной мере перемены, о чем, в частности, свидетельствует анализ общественных настроений военного времени, когда в определенном сегменте советского общества формировались предпосылки для переоценки «непогрешимости» довоенной сталинской модели социализма[13]. В немалой степени этому способствовало катастрофическое для Советского Союза начало войны. Однако после победоносной битвы под Москвой и Сталинградом народ ощутил себя в новом качестве — в роли победителя, с которым впредь должна считаться и собственная власть[14].

Среди тем, вокруг которых обозначились наиболее острые дискуссии, — вопросы о роли властных институтов в обеспечении Победы, а также содержание понятия «советское общество» 1941–1945 гг., включая оценку степени его гомогенности и стратифицированности. В последнее время исследователи обоснованно обратились к изучению роли и места Государственного Комитета Обороны СССР — чрезвычайного органа, на долю которого выпала основная тяжесть ответственности по руководству всеми без исключения сторонами деятельности фронта и тыла военного времени[15].

На занятиях в аэроклубе

Истребители-халхингольцы

Советские лыжники на марше

Что касается изучения советского общества, то современные исследователи склонны, во-первых, трактовать понятие «советское общество» в широком смысле, включая в него и советских граждан, оказавшихся на временно оккупированной врагом территории или в плену, а также тех, кто вносил свой посильный вклад в Победу, находясь в трудовой армии или пребывая в ГУЛАГе. Во-вторых, наметилась тенденция отказаться от традиционного жесткого разделения социума на две основные части — фронт и тыл, разграничение которых в условиях реального военного времени было весьма условным. За годы войны миллионы мирных советских граждан, не по своей воле оказавшихся в прифронтовой полосе, несли потери, сопоставимые с боевыми. Фронт требовал регулярного пополнения людскими резервами, в свою очередь, постоянно переводя в разряд «тыловиков» сотни тысяч бойцов, направленных с передовой на долечивание или выведенных из списочного состава действующей армии по ранению. Особое место в связи с этим занимает проблема массовых, групповых и индивидуальных общественных представлений и общественных настроений периода войны — как в армейской среде, так и в советском тылу и на временно оккупированных территориях.

Поскольку общественные настроения изучаются в динамике, важно понять, под воздействием каких определяющих факторов они формировались и трансформировались, что предполагает исследование степени зависимости советского общества от идеологии, пропаганды, а также стереотипов массового сознания, сформировавшихся в основном в предвоенные годы.

Повседневность как специальная область исторических исследований стала востребованной, особенно в отечественной историографии, сравнительно недавно. При этом изучение военной повседневности, хотя и подчиняется общим закономерностям исторических исследований повседневности, имеет свои особенности, обусловленные экстремальным характером состояния общества в условиях крупномасштабной войны. Еще большей спецификой отличается фронтовая повседневность. Различным аспектам ее изучения в период Великой Отечественной войны уже посвящено значительное число научных публикаций как в теоретико-методологическом, методическом, источниковедческом, так и в конкретно-историческом аспектах[16].

Изучение фронтовой повседневности предполагает рассмотрение также таких проблем, как феномен фронтовой дружбы, роль переписки в качестве фактора моральной поддержки, специфика взаимоотношений полов на фронте и в тылу.

Особое место в исследовании фронтовой повседневности занимает тема массового участия в войне советских женщин, анализ особенностей женской психологии и поведения на войне и прочее. Продолжается дискуссия о численности женщин — участниц войны. В частности, в одной из последних работ на эту тему австралийских ученых утверждается, что на разных этапах Великой Отечественной войны в боевых и обслуживающих армейских подразделениях сражались и служили до 1 млн советских женщин, еще 28 тыс. действовали в составе партизанских отрядов. По мнению этих авторов, мировая история не знала столь массового участия женщин в войнах, что делает данный феномен уникальным, пока еще в должной мере неоцененным специалистами[17].

Исследование общественных настроений периода войны тесно связано с изучением «образа врага», ведущегося в рамках нового междисциплинарного направления — имагологии (имажинологии), которая занимается изучением взаимовосприятия народов, социумов, культур, в том числе в условиях военного времени. Для исторической науки это направление относительно новое, в рамках которого в разных странах разрабатывается несколько приоритетных сюжетов. Так, в ФРГ с 1982 г. работает исследовательская группа «Вуппертальский проект по изучению представлений немцев и русских друг о друге», выпускающая многотомное научное издание «Западно-восточные отражения» (в двух сериях — «Русские и Россия глазами немцев» и «Немцы и Германия глазами русских»). В отечественном Институте российской истории РАН с 1994 г. проводится ежегодный круглый стол под названием «Россия и мир: из истории взаимовосприятия», материалы которого регулярно публикуются. Следует подчеркнуть, что долгое время разработка этой проблемы в нашей стране, а отчасти и за рубежом являлась прерогативой спецслужб, решавших задачи спецпропаганды и психологической войны. Лишь в постсоветский период этот пласт проблем стал предметом исторического анализа и широкого освещения.

Подобная ситуация в полной мере может быть отнесена и к изучению «образа союзника». До недавнего времени эта проблема рассматривалась, как правило, в качестве лишь одного из сопутствующих сюжетов, а не в плотном историческом контексте, в различных социокультурных репрезентациях и формах бытования. В последние годы произошли значительные изменения на этом направлении, вышел ряд значимых работ по этой проблематике[18], в которых рассматривается «человеческое измерение» во взаимоотношениях стран Большой тройки — СССР, США и Великобритании в годы войны.

В целом, проблема изучения общественных настроений в годы войны продолжает сохранять свою актуальность, что предполагает необходимость комплексного подхода к источниковой базе по данной теме, вовлечения в научный оборот информационных материалов НКВД СССР, военной цензуры, партийных и советских органов, документов личного происхождения. Это позволит восстановить многоплановый спектр настроений, доминировавших в тот период в советском обществе.

Представления о будущей войне, бытовавшие в массовом сознании в предвоенный период, как и вопросы пропагандистской подготовки к ней, стали изучаться лишь в последние десятилетия. Заметный вклад в изучение этих тем внесли и отечественные ученые[19]. Необходимо также отметить выход в свет сборника статей под рубрикой «Незапланированная дискуссия», где основное внимание уделялось вопросам пропагандистской подготовки СССР к войне[20]. Этот сборник привлек внимание не только российских, но и зарубежных ученых[21]. Развернувшаяся дискуссия была отражена и на страницах журнала «Отечественная история»[22].

Российскими учеными была проанализирована также специфика восприятия картины будущей войны представителями советского общества[23]. Изучен опыт политико-воспитательной работы с личным составом Красной армии, проводившейся в ходе локальных войн и вооруженных конфликтов, в частности у озера Хасан (1938), на реке Халхин-Гол (1939), в период присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии (1939), а также войны с Финляндией (1939–1940).

Большое внимание уделено и изучению крестьянства периода Великой Отечественной войны[24]. В научный оборот введены многие новые статистические документы, уточнены масштабы военного ущерба, нанесенного войной трудовым ресурсам и сельскохозяйственному производству. Для большинства работ советского периода было характерно определенное микширование тяжелого положения, сложившегося в сельском хозяйстве, что кроме всего прочего не позволяло в полной мере оценить трудовой героизм деревенских жителей. Проблема трудового вклада советского крестьянства в общую победу достаточно подробно рассмотрена в многотомных изданиях по истории СССР и Великой Отечественной войны, истории Вооруженных сил Советского Союза, тыла, истории социалистической экономики страны, а также в третьем томе многотомного труда «История советского крестьянства»[25].

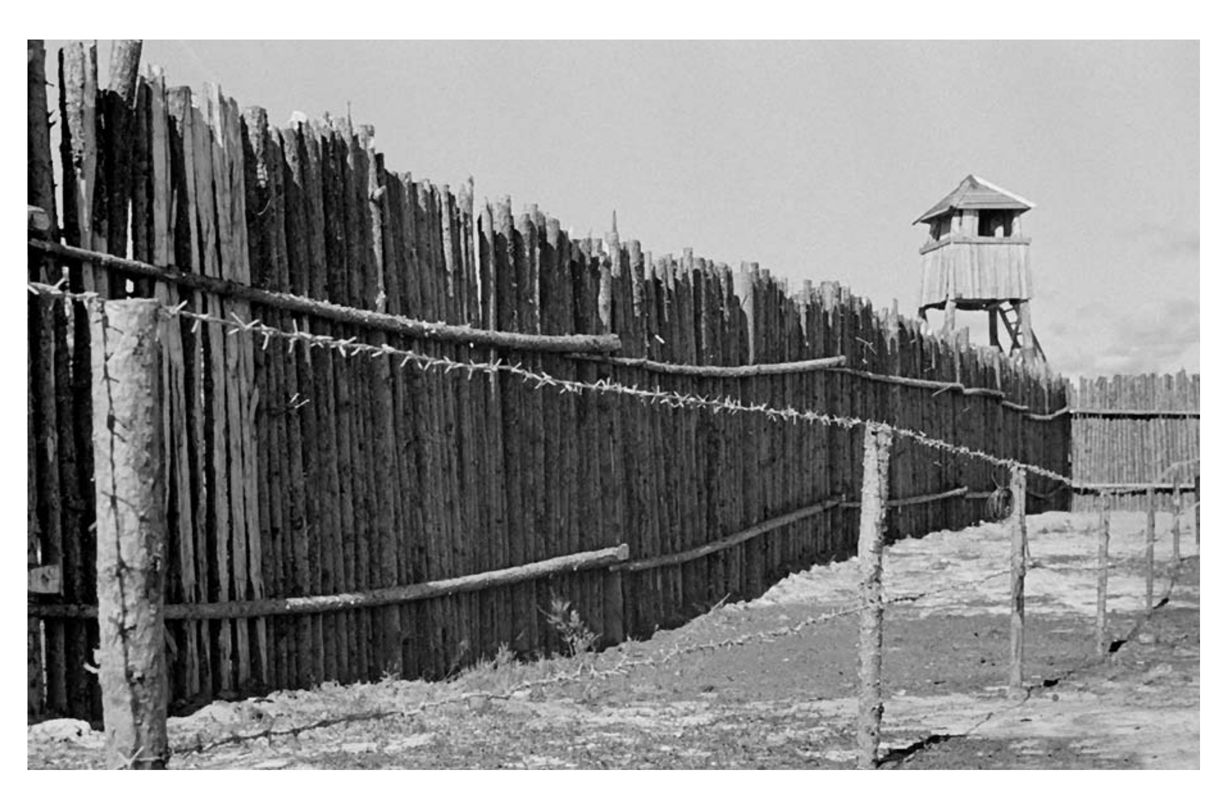
В исследованиях перестроечного периода следует выделить работы уральских историков, в которых впервые были рассмотрены вопросы государственных заготовок на Урале, дана оценка состояния и развития сельского хозяйства региона в период войны[26].

Вместе с тем в современной историографии во многом преодолен характерный для перестроечных лет разоблачительный подход в оценке ситуации военного времени в деревне[27]. Более взвешенный, современный подход к истории советской деревни военных лет исходит из того, что преобладающим мотивом поведения колхозников было не принуждение, а самоотверженный труд, патриотизм и трудолюбие[28].

В связи с мобилизацией мужчин в ряды Красной армии с огромным трудом решалась проблема обеспеченности сельского хозяйства кадрами. В эти годы значительно возросла роль женщин, предполагавшая также выдвижение их на руководящие должности. Проблема восполнения дефицита рабочей силы решалась и за счет увеличения производственной нагрузки на колхозников. При этом оплата труда в колхозе была минимальной — всё, что производилось, в основном уходило на выполнение государственных планов обязательных поставок продукции. В этих условиях выживать крестьянству нередко приходилось лишь за счет личного подсобного хозяйства.

Въезд в Салминскую механизированную колонну № 9

Ограждение исправительно-трудового лагеря в Карелии

Исследования в области истории народного хозяйства, промышленности и рабочих в условиях войны, в отличие от советской историографии, где на этом направлении были достигнуты заметные успехи[29], в современной историографии представлены значительно скромнее. Вместе с тем здесь значительно больше внимания уделено вопросам производственной и бытовой повседневности рабочих. В трудах последних лет нашли отражение проблемы условий труда и быта на заводах, основных форм трудовой мотивации, обеспечения производственной дисциплины и выполнения плановых заданий, организации питания. Предметом исследования являлись как конкретные заводы, так и промышленность в рамках регионов и отдельных отраслей, производственная повседневность военных лет. Значительное внимание уделено изучению кадрового состава работников, подготовке инженерно-технических кадров и рабочих специальностей в условиях военного времени. Исследовались вопросы производительности труда, социалистического соревнования, патриотических начинаний и трудовых починов[30].

Наряду с отечественными авторами определенный вклад в исследование данной темы внесли зарубежные ученые, в том числе в работах, посвященных показу повседневной жизни населения в тылу, в частности ситуации, сложившейся в крупных промышленных центрах Урала, Кузбасса и Поволжья[31].

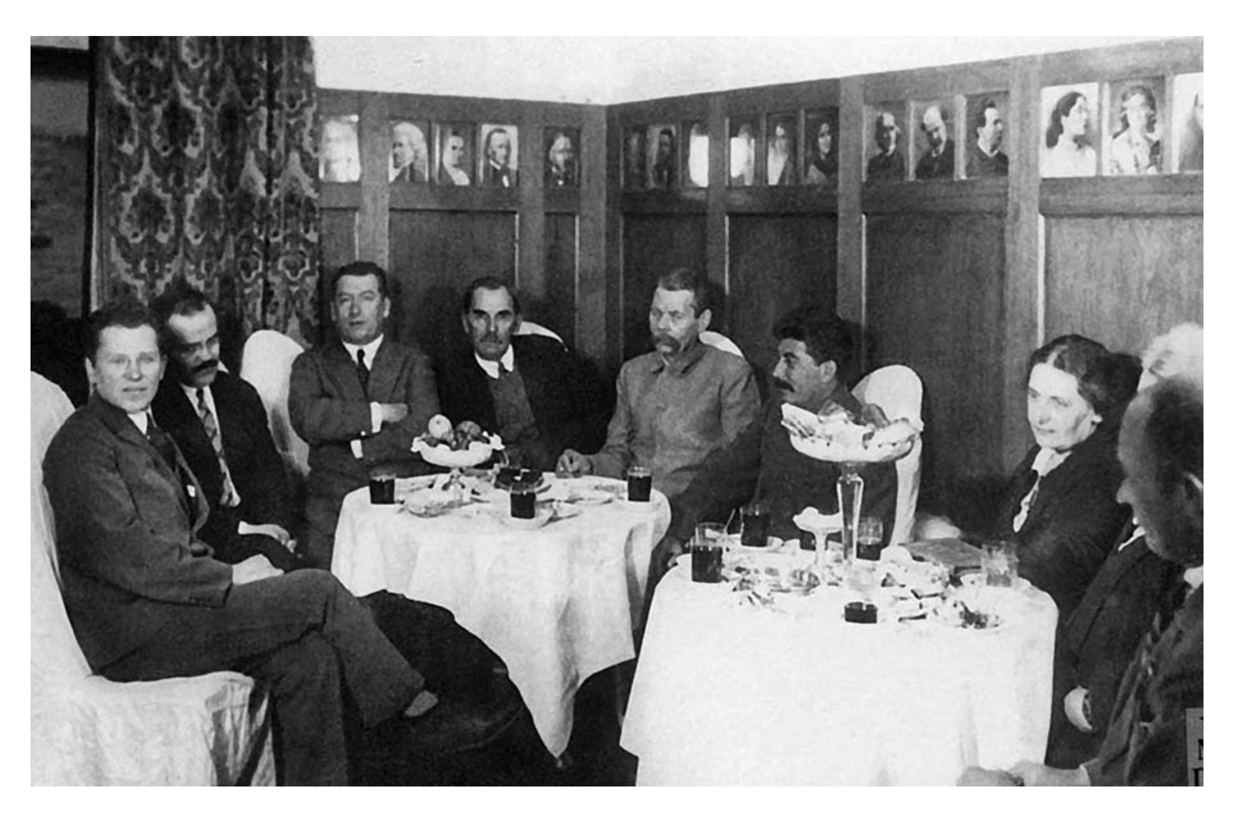
Историография этнонациональных проблем в условиях войны также носит дискуссионный и во многом политизированный характер. Прежде всего это относится к сложной проблеме массовых выселений ряда народов накануне и в ходе Великой Отечественной войны, охватываемых термином «депортация». Некоторые зарубежные историки пытаются доказать, что эти акции подпадают под юридическое понятие «геноцид», что вызвало критику даже со стороны западных коллег[32].

Помимо заметных позитивных тенденций в жизни этнических общностей на территории Советского Союза в 1920—1930-е гг. (в сфере улучшения материального положения, национально-культурного развития и прочего) в годы войны проявились и негативные составляющие советской национальной политики. Многие из этнических общностей СССР (корейцы, финны-ингерманландцы, иранцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, немцы, греки, частично русские, кабардинцы, болгары, армяне, итальянцы, поляки и другие) по разным причинам накануне и в ходе войны были принудительно переселены в Сибирь и республики Средней Азии. Они оставались на спецпоселении до ликвидации системы ГУЛАГа во второй половине 1950-х гг. Тем не менее определенная часть представителей репрессированных народов принимала активное участие в защите Советского Союза от фашистских захватчиков, а также работала на трудовом фронте.

Большинство современных исследователей расценивают принудительные переселения как антигуманные и беззаконные акции. Различное объяснение дается в литературе и причинам этих акций. Формальным поводом для них послужили обвинения в «предательском поведении» отдельных народов, оказавших массовую поддержку захватчикам в период оккупации соответствующей территории. Отдельные авторы связывают принудительное переселение тюркоязычных мусульман с внешнеполитическим фактором — угрозой создания антисоветского исламского блока под эгидой Турции. Значительная историография посвящена принудительному переселению накануне и в начале войны «в превентивных целях» более 1 млн советских немцев[33]. Большинство из них затем добросовестно работали в трудовых армиях, внеся достойный вклад в Победу.

В последние годы много сделано для изучения истории принудительных переселений народов Северного Кавказа и Закавказья. Исследования последних лет дают представление о принудительных переселениях этнических общностей Крыма во время войны[34]. Самостоятельное историографическое направление составили работы, посвященные участию народов СССР, включая репрессированные народы, в борьбе с фашизмом.

Советская культура военных лет — одна из наиболее значимых страниц в истории отечественной культуры XX в. Духовно-интеллектуальный потенциал народа явился важнейшим источником победы над фашизмом. Эти проблемы нашли отражение в общесоюзной,

Встреча деятелей культуры с руководителями Советского государства.
В центре — И. В. Сталин

А. М. Горький и Г. Г. Ягода

Группа молодых московских теннисистов

Парад физкультурников в Ленинграде

общероссийской и региональной исторической литературе. К настоящему времени созданы также обобщающие работы по историографии трудов по истории военной культуры. В этих исследованиях отражены усилия советских людей по спасению национальных ценностей, с опорой на архивные источники дана оценка ущерба, причиненному культурному достоянию СССР и России.

В советской историографии, однако, не в полной мере нашли отражение некоторые аспекты этой проблемы: не всегда обоснованные действия властных структур, особенности возвращения культурных ценностей в послевоенный период и другие. Вместе с тем значительное число публикаций, не потерявших своей значимости, посвящено проблемам общеобразовательной и высшей школы, литературы, драматургии и художественной культуры, работе библиотек в годы войны.

С середины 1990-х гг. исторические исследования все в большей степени стали основываться на новых источниках, рассекреченных в отечественных архивах, в том числе на трофейных документах. В связи с этим возникла новая дискуссионная проблема, касающаяся перемещенных культурных ценностей[35]. Здесь исследования идут в трех основных направлениях: первое — изучение утрат отечественного наследия вследствие фашистской агрессии; второе — поиск за рубежом и возвращение отечественных коллекций и памятников старины; третье — вывезенные с Запада в СССР культурные ценности или «трофейное искусство». Преступления нацистов против отечественной культуры нашли отражение в документальных сборниках[36].

Историография народного образования периода войны условно подразделяется на два хронологических периода. Первый период охватывает работы второй половины 1950-х — середины 1980-х гг., где в основном отражены вопросы руководства образовательными процессами в стране. Политическое руководство учреждениями образования рассматривалось в большинстве случаев либо на региональном материале, либо в общем контексте историко-партийных и историко-педагогических исследований. Интерес представляют работы, в которых изучалось развитие учебно-воспитательной работы, подготовка педагогических кадров, связь экономики и народного образования. Интерес к проблеме усиливался, публиковались региональные исследования о состоянии школьного образования военных лет, проблемах восстановления школьной сети на ранее оккупированных территориях и в тылу советских войск. С частично обновленных теоретических позиций анализировался опыт руководства ВКП(б) народным образованием военного времени, привлекался новый, не вводимый ранее архивный материал. Система народного образования рассматривалась в качестве основного фактора идейно-политической самоидентификации советского общества. В период перестройки вопросы идеологии и культурного строительства в СССР стали предметом научных дискуссий, шла переоценка опыта политического руководства со стороны ВКП(б) многими сторонами общественной жизни, включая сферу народного образования в годы войны.

С начала 1990-х гг. в связи с расширением источниковой базы и устранением идеологических препон стали исследоваться малоизученные стороны школьного строительства. Из работ стал уходить схематизм, на первое место вышла специфика каждого региона, по-своему переживавшего трудности войны, связанные с организацией школьного обучения детей. Особо подчеркивается проблема подвижничества советского учительства. К сожалению, на сегодняшний день ни одна из историографических работ не содержит комплексного анализа современной общероссийской и региональной историографии школьного образования военных лет[37].

Недостаточно изученная проблема в отечественной историографии — социальная политика военных лет и демографические последствия Великой Отечественной войны, что предполагает всестороннее изучение демографических характеристик российского населения в предвоенный период. На основе данных переписей населения 1937 и 1939 гг. написан ряд монографических исследований и статей, характеризующих демографическую ситуацию в предвоенном Советском Союзе с учетом перенесенного голода в 1932–1934 гг., репрессий, а также эпидемических заболеваний.

В центре внимания исследователей по-прежнему находится проблема людских потерь в годы Великой Отечественной войны. Эта тема актуализировалась в 1990–2000-е гг. благодаря новым подходам к ее решению на основе рассекреченных архивных документов. Первоначально внимание ученых было сосредоточено на общей оценке людских потерь, исчисляемых в основном методом демографического баланса. В целях получения более точных результатов в 1989–1990 гг. была создана государственная комиссия, которая специально исследовала вопрос о людских потерях в годы Великой Отечественной войны. В нее входили военные историки, сотрудники государственных статистических органов, ученые Академии наук, преподаватели ведущих вузов страны. В рамках работы Комиссии в 1995 г. была проведена международная конференция, подготовленная Институтом российской истории и Отделением истории РАН «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне»[38]. На базе документов Генерального штаба и главных штабов видов Вооруженных сил, МВД, ФСБ, погранвойск, а также материалов ряда архивных учреждений были исчислены потери военнослужащих. Результаты этой работы нашли отражение в ряде обобщающих трудов[39].

В 1990-е гг. исследователи приступили к изучению так называемого демографического эха войны, были проанализированы долгосрочные демографические последствия, в течение многих десятилетий определявшие демографическую ситуацию в стране, повлиявшие на режим воспроизводства населения, специфику компенсаторного послевоенного периода, уровень рождаемости, смертности и брачности. Параллельно исследовались такие проблемы, как значительная деформация половозрастного состава населения вследствие людских потерь, особенности заболеваемости и смертности, связанные с последствиями войны: ранениями, контузиями, нервными стрессами и прочим.

Ряд исследований был посвящен воздействию войны на семейно-брачные отношения. В конце 1980-х и особенно в 1990-е гг. активизировалась работа по изучению демографических последствий войны в тыловых районах. Исследователи на новых архивных данных, в том числе архивов Урала и Сибири, показали изменения численности населения тыла, половозрастного состава, а также особенности демографических процессов. Были выявлены факторы снижения рождаемости и увеличения смертности. Особое внимание было уделено рассмотрению влияния жилищных условий, питания, санитарно-гигиенической обстановки на специфику рождаемости и смертности населения[40].

Изучение важнейших проблем организации здравоохранения в годы Великой Отечественной войны началось еще до ее окончания. Впоследствии был издан ряд обобщающих работ, в которых рассматривались особенности перестройки системы здравоохранения на военный лад. Большое значение имели труды организаторов здравоохранения в период Великой Отечественной войны, в числе которых воспоминания наркома здравоохранения в годы войны[41]. В книгах, написанных в последние десятилетия, подробно освещены создание сети тыловых эвакогоспиталей, их размещение и деятельность, доставка раненых, подготовка медицинских кадров, обеспечение госпиталей необходимыми средствами и материалами. Были также показаны состав больных и раненых в тыловых госпиталях, специфика ранений, основные причины смерти раненых.

Одной из наиболее активно разрабатываемых в современной историографии тем является роль и место Русской православной церкви, других конфессий в годы войны, а также религиозная политика Советского государства. В первую очередь, отечественных исследователей привлекли почти не разрабатывавшиеся ранее темы государственно-церковных отношений накануне и в годы войны, а также патриотической деятельности Русской православной церкви и других конфессий. Исследователи рассмотрели причины изменения религиозной политики Советского государства, характер и размеры патриотической помощи религиозных организаций фронту[42]. В историографии изучалась деятельность государственных институтов, ответственных за проведение конфессиональной политики. Была затронута тема привлечения религиозных организаций советской разведкой. Между тем до сих пор отсутствуют работы, специально рассматривающие деятельность НКВД — НКГБ в конфессиональной сфере в 1941–1945 гг. Отдельной темой исследований стало изучение религиозного фактора во внеш-

ней политике Советского государства, освещены планы И. В. Сталина по использованию Русской православной церкви в распространении советского влияния в Европе, включая намерение создать здесь своего рода «православный Ватикан»[43].

Степень религиозности в 1941—1945 гг. среди различных слоев российского общества исследована непропорционально. Так, в ряде работ рассматривается специфика религиозности крестьянства в годы войны[44], но отсутствуют аналогичные исследования о степени религиозности рабочих и интеллигенции, влиянии религии на поведение солдат во фронтовой обстановке. Слабо изучена внутренняя жизнь церкви в годы войны — на уровне епархий и приходов, что обусловлено в том числе закрытостью архивов Московской патриархии. Исключение составляют биографии отдельных архиереев и священнослужителей — Сергия (Страгородского), Николая (Ярушевича) и других.

Значительное количество работ как российских, так и зарубежных исследователей посвящены деятельности Русской православной церкви и других религиозных организаций на оккупированных территориях, а также германской конфессиональной политике на Востоке[45]. Одномерное представление о деятельности Русской православной церкви на оккупированных территориях как коллаборационистской меняется в сторону понимания более сложного характера этого явления.

Не менее важной, но все еще малоизученной проблемой историографии является использование труда заключенных в годы Великой Отечественной войны. В советский период эта тема практически не изучалась. Между тем труд заключенных ГУЛАГа, спецпереселенцев и прочих категорий населения внес значительный вклад в народное хозяйство. Не случайно колымский трест «Дальстрой», трудовые ресурсы которого на 70—80% состояли из заключенных, был награжден в феврале 1945 г. орденом Трудового Красного Знамени «за значительный вклад в оборону страны». Первые работы по истории ГУЛАГа в годы войны, раскрывавшие его вклад в развитие многих ведущих отраслей оборонной промышленности СССР, появились в 1990-е гг.[46] Широкий круг вопросов, касающихся истории ГУЛАГа и спецпоселений в годы Великой Отечественной войны, исследован в работах, изданных в начале 2000-х гг.[47]

Значительным вкладом в историографию ГУЛАГа стал справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР», выпущенный в 1998 г. обществом «Мемориал» совместно с Государственным архивом Российской Федерации. В статьях, посвященных описанию отдельных лагерно-производственных комплексов и лагерных управлений, значительное внимание уделено военному периоду[48]. Часть работ посвящена проблемам использования труда спецпереселенцев в разных отраслях народного хозяйства в период войны[49].

Значительное место в современной отечественной и зарубежной историографии занимает проблема коллаборационизма в СССР. Современные исследователи обращают внимание на разные виды коллаборационизма, выделяя, в частности, сознательный и вынужденный (принудительный), а также подразделяя его на экономический (хозяйственно-административный), идейный (политический) и военный (военно-полицейский)[50]. Типичный пример вынужденной работы на рейх — миллионы остарбайтеров, насильно вывезенных в Германию с территории СССР[51].

В работах последних лет отмечается, что истоки политического коллаборационизма лежат прежде всего в ошибках и перегибах советской социальной и национальной политики 1920—1940-х гг., среди которых издержки классовой борьбы, насильственная коллективизация, расказачивание, массовые репрессии, переселение различных национальностей, преследование церкви и верующих.

Непреходяще важным историографическим вопросом является проблема запланированного массового уничтожения фашистами славянских народов СССР, а также геноцид по отношению к еврейскому населению (холокост). В 2002 г. была издана монография И. А. Альтмана, ставшая первым обобщающим исследованием по истории холокоста на территории СССР[52].

В целом, необходимо отметить значительный прогресс, достигнутый в последние десятилетия отечественными и зарубежными исследователями в изучении широкого круга проблем

социальной истории Великой Отечественной войны — научного направления, которому в силу различных причин долгое время уделялось явно недостаточное внимание, несмотря на хорошую разработанность ряда проблем истории культуры и образования в советский период. Важно, что появляются новые публикации, вводятся в научный оборот ранее неизвестные источники. Вместе с тем историографический анализ показывает, что к числу все еще слабо изученных относятся проблемы динамики общественного настроения, национальной политики, коллаборационизма, история стихийных общественных инициатив, взаимодействия власти и общества ради достижения Победы. Большинство проблем социальной истории СССР военного периода все еще носят дискуссионный характер, что не могло не отразиться на полемичности стиля, в котором изложен ряд фрагментов данного тома.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988; Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942–1943 г. М., 1989; *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002; Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 2010.

[2] См.: *Кром М. М.* Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя. Сб. М., 2003. С. 179–202; История и антропология. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI вв. СПб., 2006.

[3] См.: *Пушкарева Н. Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 9–54; История повседневности. Сб. науч. работ. Вып. 3. СПб., 2003; *Журавлев С. В.* История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки / Предисловие к книге: *Людтке А.* История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 3–27; *Сенявская Е. С.* Повседневность российской армии в войнах XX века: понятие, структура и психология фронтового быта // Человек в российской повседневности. Сб. статей. М., 2001; и др.

[4] См.: Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Сб. М., 1999; *Медик Х.* Микроистория // Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1994. Т. II. № 4; Прошлое — крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003; *Журавлев С. В.* Микроистория: заметки о современном состоянии и перспективах изучения // Человек на исторических поворотах XX века. Сб. Краснодар, 2006. С. 60–83.

[5] См.: *Пушкарева Н. Л.* Гендерная теория и историческое знание. М., 2007; *Она же.* Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» российской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. М., 2002.

[6] *Malaparte C.* Die Wolga entspringt in Europa. Köln, 1989. S. 44.

[7] См.: *Александрова Г. И.* Забота Коммунистической партии о детях, оставшихся без родителей в годы Великой Отечественной войны (Историографический обзор) // Возрастание руководящей роли Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Петрозаводск, 1988; *Базаров Ф. Е.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны // В грозные годы. Омск, 1973; *Зинич М. С.* Всенародная помощь детям в период Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1985. № 5; *Дунбинская Т. И.* К вопросу о статистике эвакуированных детских учреждений, прибывших в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны // Образование в Сибири: актуальные проблемы и современность. Томск, 2002. С. 120–122; *Кринко Е. Ф.* Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. Вып. 4; и др.

[8] См.: *Сенявская Е. С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Она же.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Она же.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

[9] См.: *Александров К. М.* Русские солдаты вермахта. Герои или предатели? Сб. статей и материалов. М., 2005; *Он же.* Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сб. статей и материалов. СПб., 2003; *Он же.* Мифы о генерале Власове. М., 2010; *Штрик-Штрикфельдт В. К.* Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 2003; *Дробязко С. И.,*

Романько О. В., Семенов К. К. Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009; *Хоффманн Й.* Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии. М., 2006; и др.

[10] См.: СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм. М., 2014.

[11] *Figes O.* The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. L., 2007.

[12] См.: *Thurston R.* Life and Terror in Stalin's Russia. 1934–1941. New Haven, 1996; *Reese R.* Motivations to Serve. The Soviet Soldier in the Second World War // The Journal of Slavic Military Studies. 2007. № 20 (2). P. 236–282; *Reese R.* Why Stalin's Soldiers Fought? The Red Army's Military Effectiveness in World War Two. Lawrence, Kansas, 2011.

[13] См.: Late Stalinist Russia: Society Between Reconstruction and Reinvention. L., N.-Y., 2006.

[14] См.: *Зубкова Е. Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Россия: XX век: Другая война. М., 1996. С. 421–439; *Она же.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; и др.

[15] См.: *Хлевнюк О. В.* Государственный Комитет Обороны СССР. Структура, функции, архивные фонды // Историк и Художник. Сб. М., 2013. С. 434–447; *Он же.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945): цифры, документы. М., 2002: *Печенкин А. А.* Государственный Комитет Обороны в 1941 году // Отечественная история. 1994. № 4–5; *Ежов В. А.* Государственное управление СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1998; и др.

[16] См.: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003.

[17] *Markwick Roger D., Cardona Euridice Ch.* Soviet Women on the Front Line in the Second World War. Palgrave Macmillan, 2012. P. 1.

[18] *Быстрова И. В.* Поцелуй через океан. «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945). М., 2011.

[19] *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е годы. М., 2008; *Голубев А. В., Поршнева О. С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012; *Дружба О. В.* Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Рн/Д, 2000; *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; *Он же.* «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М., 2007; и др.

[20] Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сб. статей. М., 1995.

[21] *Straus W.* Es war kein Überfall, es war ein Gegenangriff // Staatsbriefe. 1996. № 7 (8). S. 12–16; *Davies R. W.* Soviet History in the Yeltsin Era. N.-Y., 1997. P. 57, 232; *Voß S.* Stalins Kriegsvorbereitungen 1941 erforscht, gedeutet und instrumentalisiert. Eine Analyse postsowjetischer Geschichtsschreibung. Hamburg, 1998; *Hoffman J.* Stalins Vernichtungskrieg. 1941–1945. Planung, Ausführung und Dokumentation. 6. Auflage. München, 2000; *Magenheimer H.* Entscheidungskampf 1941. Sowjetische Kriegsvorbereitungen. Aufmarsch. Zusammenstoß. Bielefeld, 2000; *Bonwetsch B.* Die Forschungskontroverse Über die Kriegsvorbereitungen der Roten Armee 1941 // Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main, 2000. S. 170–189; *Ennker B.* Stalin-Regime 1939–1941: Politische Lähmung im Angesicht der kommenden Katastrophe // Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main, 2000. S. 131–147; *Menning B. W.* A Decade Half-Full: Post-Cold War Studies in Russian and Soviet Military History // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. № 2 (2). Spring 2001. P. 337–358; *Michaels D.* Revising the Twentieth Century's «Perfect Storm». Russian and German Historians Debate Barbarossa and Its Aftermath // Journal of Historical Review. 2001. Vol. 20. № 5–6; *Weeks A. L.* Stalin's Other War. Soviet Grand Strategy, 1939–1941. Rowman & Littlefield Pub, 2002. P. 13, 95, 101–103, 152.

[22] Отечественная история. 1995. № 2; 1997. № 5.

[23] *Дружба О. В.* Указ. соч.; *Невежин В. А.* Размышления писателя о грядущей войне // Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы. М., 1999. С. 270–293.

[24] *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; *Анисков В. Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока фронту. 1941–1945. Барнаул, 1966; *Он же.* Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне: Историографический очерк. М., 1979;

Он же. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993; Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига. М., 2003.

[25] История советского крестьянства: В 5-ти т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. М., 1987.

[26] *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 70; *Он же.* Уральское село и война: Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993; *Корнилов Г. Е. и др.* Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953. М., 2006; *Мотревич В. П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; *Он же.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики, 1941–1950 гг. Екатеринбург, 1993; и др.

[27] См.: *Вылцан М. А.* Крестьянство России в годы Большой войны. 1941–1945: Пиррова победа. М., 1995. С. 17.

[28] См., например, *Корнилов Г. Е.* Колхозы и колхозная торговля на Урале в условиях Великой Отечественной войны // Аграрный рынок в историческом развитии: Сб. научн. тр. Екатеринбург, 1996; *Вылцан М. А., Кондрашин В. В.* Патриотизм крестьянства // Война и общество. 1941–1945. М., 2004; и др.

[29] См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1970; История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. Т. 5. М., 1978; Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1–2. М., 1974; *Шигалин Г. И.* Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1960; *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945). М., 1964; *Зинич М. С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. М., 1984; *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968; *Тельпуховский Б. С.* Рабочий класс СССР (1938–1965). М., 1971; *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; История советского рабочего класса. В 6-ти т. Т. 3. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945. М., 1984.

[30] *Кожурин В. С.* Неизвестная война: деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М., 1990; *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья, 1941–1945. В 2-х вып. М., 1994; *Парамонов В.* Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999; *Захарченко А. В.* Формирование авиапромышленного комплекса в Поволжье накануне и в годы Великой Отечественной войны (1940–1942 гг.). Самара, 2004; *Подрепный Е. И., Титков Е. П.* Нижегородский арсенал победы. Нижний Новгород, Арзамас, 2013; *Савицкий И. М.* Важнейший арсенал Сибири. Новосибирск, 2005; *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011; *Соколов А. К., Маркевич А. М.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005; *Гаража Н. А.* Власть и рабочий класс в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Краснодарского края). Майкоп, 2009; и др.

[31] *Самуэльсон Л.* Танкоград. Секреты русского тыла 1917–1953 гг. / Пер. со шведск. М., 2010; *Barber J., Harrison M.* The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. L., 1991; *Harrison M.* Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940–1945. Cambridge University Press, 1996; *Filtzer D.* The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene and Living Standards, 1943–1953. Cambridge University Press, 2010.

[32] *Naimark N.* Stalin's genocides. Princeton University Press, 2010; *Lennart Samuelson.* Inflationary use of a politicalconcept. Reinterpreting «genocide» Baltic Worlds. 2012. № 3–4.

[33] Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 — февраль 1942 г.). М., 1995; Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М., 1999; *Вольтер Г. А.* Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. М., 1998; Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.

[34] Там же.

[35] *Зинич М. С.* Похищенные сокровища: Вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2003.

[36] Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 1–17. М., 1999–2011.

[37] *Дрыночкин В. В.* Образовательная система в годы Великой Отечественной войны // История образования и просвещения в России XIX–XX веков. М., 1994.

[38] По ее материалам был издан сборник статей: «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне» (СПб., 1995). На конференции был поставлен вопрос о научной классификации военных людских потерь и об исчислении их составляющих: военнослужащих, военнопленных, мирного населения, населения тыла, жителей прифронтовой полосы, населения оккупированных территорий и т. д.

[39] См.: Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М., 1993; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001.

[40] Внимание зарубежных ученых было в основном сосредоточено на причинах больших потерь населения СССР в годы Второй мировой войны. В их работах даны оценки потерь Вооруженных сил СССР, а также гражданского населения, в том числе по отдельным народам (*Nove Alec*. An Economic History of the USSR. L., 1986; *Dallin A*. German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Police. L., 1957; *Pinkus B*. The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority. N.-Y., 1988; *Lewin R*. Hitler's mistakes. L., 1984). Эти материалы опубликованы в сборнике «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне».

[41] *Митерев Г. А.* В дни мира и войны. М., 1975; *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина: мысли и воспоминания 1939–1945. М., 1976.

[42] *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991; *Он же.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992; *Одинцов М. И.* Государство и церковь (История взаимоотношений: 1917–1938 гг.). М., 1991; *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001; *Якунин В. Н.* Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001; *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь и религиозная политика Советского государства в 1943–1964 годах. СПб., 1996; *Он же.* Нацистская Германия и Православная церковь. М., 2002; *Он же.* Крест и свастика. М., 2007; *Он же.* Русская церковь и Третий рейх. М., 2010; и др.

[43] *Васильева О. Ю.* Указ. соч.

[44] См.: *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; *Сперанский А. В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1996; *Федорова А. В.* Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995; и др.

[45] Например: *Шкаровский М. В., священник Илья Соловьев.* Церковь против большевизма. М., 2013.

[46] ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 1991. №. 1. С. 14–24; *Земсков В. Н.* ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. 1991. № 6–7. С. 69–70; *Bacon Ed.* The Gulag at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archives. N.-Y., 1994; *Иванова Г. М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; и др.

[47] *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003; *Иванова Г. М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005; *Захарченко А. В., Репинецкий А. И.* Использование труда заключенных и индустриализация Куйбышевской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 8. № 3 (17). 2006. Июль — сентябрь. С. 789–800; *Захарченко А. В.* НКВД и формирование авиапромышленного комплекса в Поволжье, 1940–1943. Самара, 2013; *Зеляк В. Г.* Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30–50-х гг. XX в. Магадан, 2004; *Широков А. В.* Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск, 2009; *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953). Екатеринбург, Пермь, 2003.

[48] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998.

[49] *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском районе Урала. Нижний Тагил, 1996; *Бугай Н. Ф.* Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: вехи истории. М., 1994. С. 84–90; М., 1997; *Морозов Г. А.* ГУЛАГ в Коми крае. Сыктывкар, 1997; *Курочкин А. Н.* «Трудармия». Историография и источники. М., 1997; *Полян П. М.* Вестарбайтеры. Интернированные немцы на советских стройках // Родина. № 9; *Маламуд Г.* Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; и др.

[50] См.: *Кринько Е. Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153–164; *Семиряга И. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2001; *Ковалёв Б. Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Новгород Великий, 2009; *Александров К. М.* Русские солдаты вермахта. Герои или предатели?; *Он же.* Мифы о генерале Власове; Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004; *Дюков А. Р.* Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2009; *Смыслов О. С.* «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М., 2004; «Свершилось. Пришли немцы!» Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012; *Веригин С. Г.* Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2012; и др.

[51] *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; *Земсков В. Н.* Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М., 2004; *Дугас И. А., Черон Ф. Я.* Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994; и др.

[52] *Альтман И. А.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945 гг. М., 2002; и др.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Второй мировой войны в связи с коренными изменениями общей геополитической ситуации СССР активно использовал возможности укрепления своей безопасности, в результате чего ему удалось отодвинуть западные границы на 250–300 км.

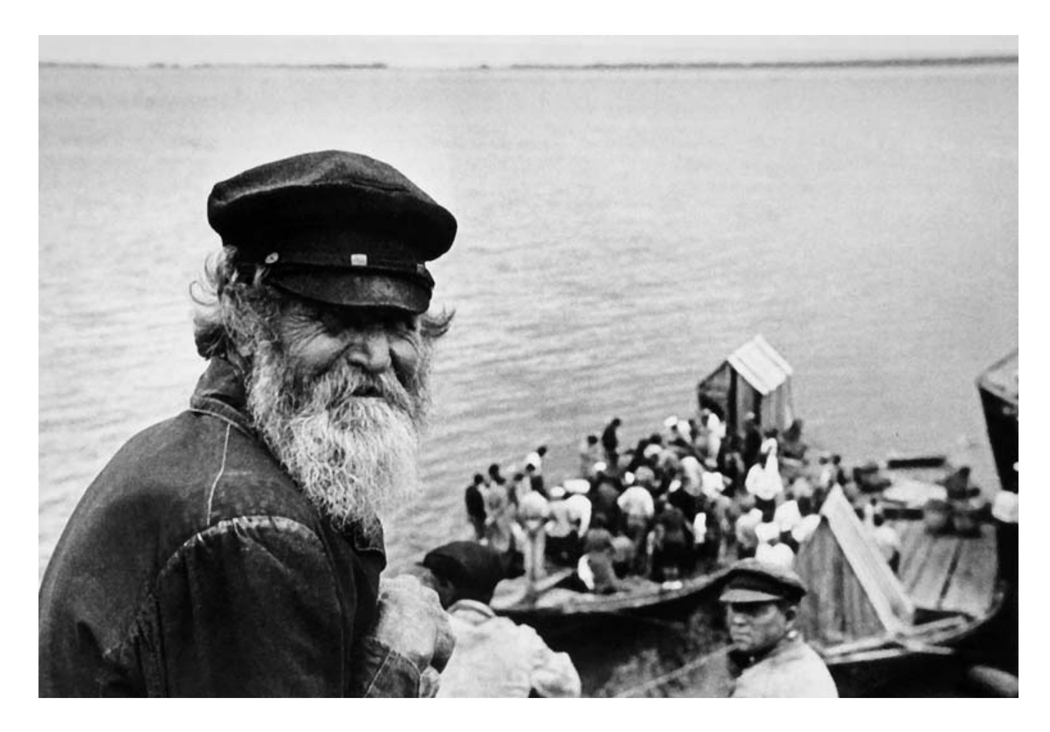
В начале ноября 1939 г. в результате похода Красной армии в Польшу Западная Украина была включена в состав Украинской ССР, а Западная Белоруссия — в состав БССР. По итогам Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СССР смог существенным образом укрепить безопасность Ленинграда. Новая граница на Карельском перешейке была отодвинута более чем на 150 км и установлена по линии севернее Выборга и Сортавала — там, где в 1712 г. ее провел Петр I по итогам Северной войны. Кроме того, Советский Союз получил право на создание на полуострове Ханко своей военно-морской базы, а также брал под свой контроль стратегически важные острова в восточной части Финского залива. Карельский перешеек с г. Выборгом был включен в состав Ленинградской области, а остальные территории отошли к Карельской АССР, которая 31 марта 1940 г. была преобразована в Карело-Финскую ССР. 2 августа 1940 г. была образована Молдавская Советская Социалистическая Республика. В ее состав вошли часть прежней Молдавской АССР, а также центральные уезды Бессарабии, захваченные Румынией в 1918 г. и возвращенные по итогам мирного решения советско-румынского конфликта. Северная Буковина вместе с тремя уездами Бессарабии перешла к Украинской ССР. 3 августа 1940 г. в состав Советского Союза была принята Литовская, 5 августа — Латвийская, 6 августа — Эстонская Советские Социалистические Республики.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны СССР состоял из 16 союзных республик: РСФСР, Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Грузинской, Казахской, Карело-Финской, Киргизской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Таджикской, Туркменской, Узбекской, Украинской и Эстонской. Ряд союзных республик, в свою очередь, имел в своем составе автономные образования. 16 автономных республик входили в РСФСР, две — в Грузию, по одной — в Азербайджан и Узбекистан. Кроме того, в РСФСР входило 15 автономных областей и национальных округов.

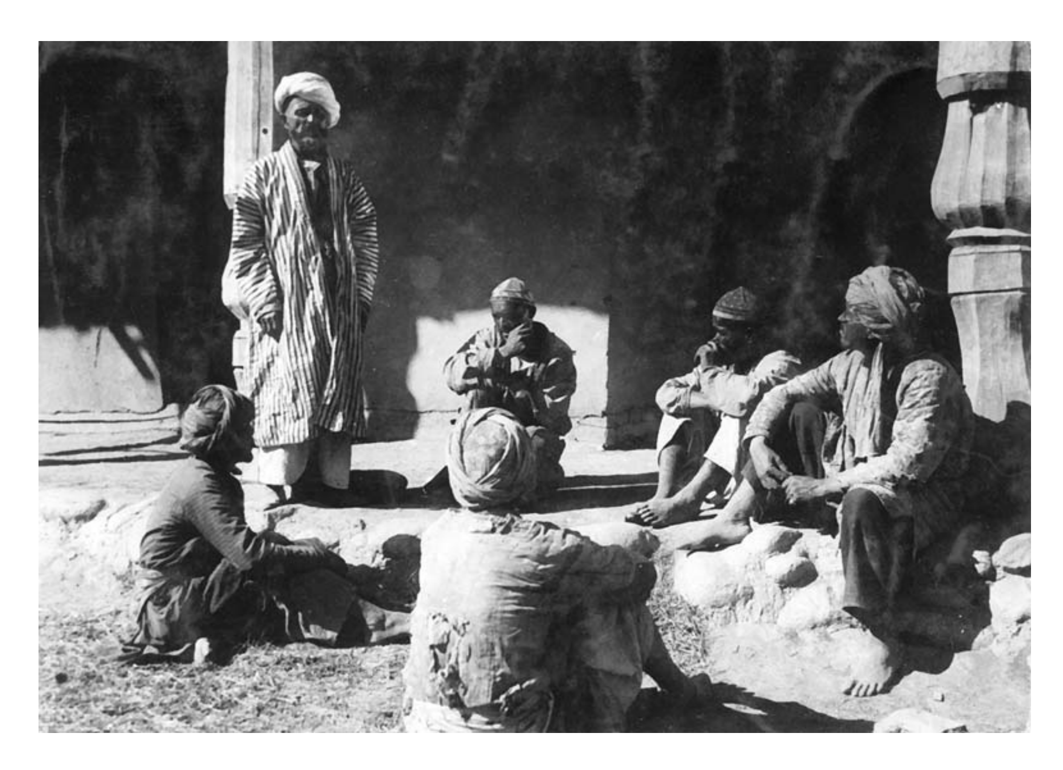
Общая площадь СССР к началу Великой Отечественной войны составляла более 22 млн кв. км[1]. На территории нашего государства проживали 195 млн человек (по другим данным — 196,7 млн)[2].

Административно-политическое устройство и население СССР

Предвоенный СССР был многонациональным государством. Самой большой по территории и сложной по национальному составу республикой являлась РСФСР. По состоянию на 1940 г. ее площадь составляла 17 млн кв. км, то есть 76% всей территории Советского Союза;

Старик-волжанин

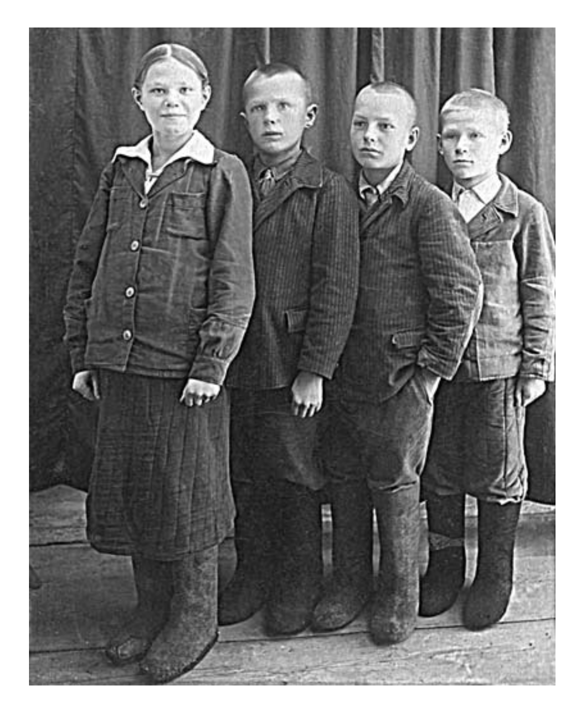
На улице Самарканда

Девушка-кабардинка

Маленькие граждане большой страны

Дети довоенной поры

Умершие от голода. 1930-е гг.

в России проживали представители более 100 народов и народностей. Основную часть ее населения составляли русские (более 82% от общего числа жителей)[3]. В европейской части РСФСР жили также украинцы, белорусы, поляки, евреи, татары, башкиры, чуваши и другие народы Поволжья. Самый разнообразный этнический состав населения был на Кавказе: армяне, грузины, азербайджанцы, чеченцы, кабардинцы, аварцы, осетины, лезгины, ингуши, балкарцы и многие другие народности. На севере европейской части Российской Федерации значительную группу населения представляли коми, карелы и финны. В районах Западной Сибири, граничащих с Казахстаном, проживали казахи. В Сибири кроме бурятов и якутов компактно обитали хакасы и ойраты. На севере азиатской части РСФСР проживали эвенки, ненцы, ханты, чукчи, нанайцы и другие малочисленные народности.

К началу Великой Отечественной войны большая часть населения Советского Союза — свыше 130 млн человек (около 68%) проживала в сельской местности. Городских жителей насчитывалось, по разным данным, 60–63 млн человек, или немногим более 30% всех граждан. В Российской Федерации, по различным оценкам, проживали 108–110 млн человек[4]. Соотношение сельских и городских жителей в РСФСР в целом соответствовало общесоюзным показателям: 66,5% — в деревне и 33,5% — в городах[5]. Основная масса горожан была сосредоточена в европейской части республики. Численность городского населения в азиатской части была сравнительно невелика. Сибирь и Дальний Восток еще только начинали по-настоящему осваиваться.

1939–1940 гг. были отмечены проявлением ряда неблагоприятных тенденций в демографической сфере. Уменьшилась рождаемость в стране. Если в 1939 г. в СССР родились 7,6 млн человек, то в 1940 г. — около 7 млн. Увеличилась и смертность — до 4,2 млн человек в 1940 г. В результате коэффициент естественного прироста населения снизился в том же году до 14,7% против 21,5% в 1939 г. Средняя продолжительность жизни сократилась у мужчин с 40,5 года в 1939 г. до 38,6 года в 1940 г., а у женщин, соответственно, — с 46,8 до 43,9 года[6].

В РСФСР в 1940 г. коэффициент рождаемости составлял 33% (3,7 млн человек против 4,2 млн в 1939 г.). Правда, в 1940 г. несколько снизилась смертность населения, составившая 20,6% (2,3 млн человек против 2,1 млн в 1939 г.). Коэффициент естественного прироста за счет понижения рождаемости составил в 1939 г. 12,4%. Несколько сократилась в РСФСР и ожидаемая продолжительность жизни. В 1940 г. этот показатель составил у мужчин 35,7 года, у женщин — 41,9 года.

Негативные явления в демографическом развитии накануне Великой Отечественной войны во многом были следствием сложных и противоречивых социально-экономических и политических процессов 1920–1930-х гг. Некоторые из них, такие как эмансипация женщин и разрушение традиционной крестьянской семьи, соответствовали общемировым тенденциям модернизации жизни. Другие, как, например, индустриализация и коллективизация, имели сугубо отечественную специфику. Миграции населения, тяжелые условия напряженного труда в промышленности и строительстве, политика коллективизации и раскулачивания на селе, обострение политической борьбы не способствовали высокой рождаемости. К тому же все еще сказывались тяжелые последствия голода 1932–1934 гг. По материалам переписей 1937 и 1939 гг. видно, что во многих ранее охваченных голодом регионах страны население так и не восстановило своей прежней численности[7].

Большие людские потери в Первой мировой и Гражданской войнах деформировали возрастно-половой состав населения: дисбаланс в соотношении полов в 1920-е гг. измерялся цифрой в 5 млн человек в пользу женщин, которые составляли 51,7% всего населения страны. К 1937 г. мужчин было меньше, чем женщин, уже на 8,5 млн, доля которых в структуре населения СССР достигла к этому времени 52,7%, причем диспропорция полов наблюдалась и в молодых возрастных группах. Увеличивалась разница средней продолжительности жизни мужчин и женщин, это соотношение в отдельных регионах доходило до 1:1,5[8].

В возрастной структуре обозначились новые демографические проблемы. Первая из них наблюдалась в возрастной группе детей от двух до четырех лет. Ее удельный вес среди других возрастных групп упал в 1937 г. до 11% против 15,2% в 1926 г. Уменьшилась и численность

Девушка-узбечка за работой

На текстильной фабрике

возрастных групп 15–19 лет. Это было прямо связано с низкой рождаемостью в военные и первые послевоенные годы. В 1926 г. представителям этих возрастных групп было 5–9 лет, и они составляли 10% населения, а в 1937 г. их удельный вес снизился до 8%[9]. Если 13-летних было почти 4 млн, то 16-летних — только 2,6 млн, а 17-летних — 2,5 млн. Следует отметить, что именно люди 1917–1921 гг. рождения составили значительную часть призывников в 1941 г.

Таким образом, в возрастно-половой структуре населения СССР сохранялись прежние и формировались новые проблемы. Тем не менее в ней наблюдалось выраженное преобладание молодых людей: лица старше 60 лет составляли менее 7%, дети и подростки — 36,6%, а молодые люди 15–29 лет — 26,5% от общей численности населения[10].

Сложные политические и социально-экономические процессы, начало которым положила революция 1917 г., существенно изменили к концу 1930-х гг. социальный облик СССР. Советское общество состояло в основном из рабочих, крестьян и служащих.

По сравнению с 1920-ми гг. в материалах Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. уже не числились ни рабочие частных предприятий (которые к этому времени были национализированы), ни хозяева с наемными рабочими, ни безработные (последняя биржа труда была закрыта в 1930 г.). Хозяева, не использовавшие наемный труд, были названы «единоличниками». Возросли численность и удельный вес рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений (соответственно 30,2 и 15,6%), кооперированного населения (43,5%), особенно в сельском хозяйстве. Сохранились кооперированные кустари (0,5%) и служащие промкооперации (0,4%)[11]. Анализ отраслевой структуры занятости рабочих и служащих по переписи 1937 г. показывает, что эти группы в основном были представлены в промышленности и сельском хозяйстве. Явно отставали по степени занятости коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание.

Основная масса рабочих страны была сосредоточена в РСФСР. К 1939 г. рабочие в РСФСР составляли две трети городского населения и одну пятую сельского. Больше всего рабочих было занято в металлургической промышленности (токари, фрезеровщики, сталевары, литейщики, прокатчики). Они трудились также в машиностроении, в топливной, рудодобывающей и каменноугольной промышленности. Наиболее высокая грамотность была у металлистов: у мужчин — 98%, у женщин — 94%. Среднее образование имели на 1000 человек: у мужчин — 180, у женщин — 107. Среди металлистов было много учащихся, преимущественно в техникумах (97 человек на 1000). Здесь преобладали люди молодого возраста (43% мужчин принадлежали к возрастной группе 20–29 лет).

Традиционными рабочими профессиями являлись слесари, кузнецы. Среди них преобладали лица 30–39-летнего возраста. Уровень грамотности у них тоже был довольно высок — 92%. В машиностроении самой распространенной являлась профессия механика-рабочего. В переписях 1937 и 1939 гг. были зафиксированы новые рабочие специальности, связанные с освоением нового оборудования и возникновением новых производств: электро- и автогеносварщики, электромонтеры, трубопроводчики (наиболее распространенный возраст — 20–29 лет, грамотность — 99%).

Крупной группой рабочих были горняки и нефтяники, работавшие в горнодобывающей и нефтедобывающей промышленности. В ней преобладала возрастная группа от 20 до 39 лет. Грамотных мужчин также было больше, чем женщин: 90% против 76%. Среди мужчин 58% имели среднее образование. Перспективной была работа на силовых установках (электро-топливные станции). Среди их персонала преобладающей возрастной группой была 20–39 лет. Грамотность у мужчин здесь достигала 96%, у женщин — 89%. Среднее образование имели 10%. В легкой, текстильной, трикотажной и швейной промышленности преимущественно использовался женский труд (от общего числа занятых лишь 23% составляли мужчины), при этом довольно представительной была группа лиц среднего и пожилого возраста. В строительстве в РСФСР было занято более 1 млн человек, причем женщины составляли всего 5%. Здесь выделялись новые профессии — экскаваторщики и бетонщики, которые имели грамотность 100%[12]. Среди электросварщиков преобладали лица со средним образованием.

В заводском цеху

Ташкентские студентки готовятся к занятиям

Урок в одной из школ Латвийской ССР

Коммунальное хозяйство и сфера обслуживания развивались недостаточно активно. Это подтверждает, в частности, узкий набор профессий рабочих, занятых в этих отраслях: дворники, мойщики, разносчики, истопники и домработницы. Многочисленной была группа чернорабочих, не имеющих квалификации, пополнявшаяся в основном из деревень. К этой категории принадлежали мужчины и женщины, как правило, молодого возраста.

Колхозное крестьянство составляло более 40% в самодеятельном населении страны. В основном это были колхозники-земледельцы. Появились и новые профессии. Среди них большая группа имела отношение к организации труда в колхозах: звеньевые, бригадиры полеводческих и животноводческих бригад. Вторая группа представителей новых профессий была связана с сельскохозяйственной техникой: трактористы, комбайнеры, машинисты и прочие. Однако эти профессии еще не являлись массовыми. Значительную группу составляли работники, трудившиеся в области животноводства: зоотехники, доярки, конюхи.

Кроме колхозного крестьянства в деревне проживали 22% сельскохозяйственных рабочих (рабочие совхозов). Демографические характеристики этих двух категорий сходны. Новыми профессиями овладевали в основном мужчины в возрасте от 20 до 29 лет. 35% имели среднее образование. Среди работников, связанных с животноводством, было большое количество женщин в возрасте от 19 до 50 лет и старше.

Большая группа населения была занята в сфере культуры, науки, техники, образования, медицины. Основные возрастные группы — от 20 до 60 лет. В составе интеллигенции присутствовали как специалисты «старой», дореволюционной школы, так и «выдвиженцы», которые получали образование уже при советской власти. Среди них было много выходцев из семей служащих. Сельскую интеллигенцию представляли агрономы, учителя, врачи, фельдшеры, фармацевты, ветеринары.

Среди управленцев самым многочисленным был административно-руководящий персонал различного рода государственных учреждений. Значительная часть кадров управленческого аппарата государственных учреждений была представлена лицами зрелого возраста (30–39 лет) — до 45%. Весомую долю составляла молодежь 25–29 лет — 25,7%, люди старше 50 лет — не более 4%, 60 лет — не более 1%. А вот среди руководителей промышленных предприятий молодежь 20–24 лет насчитывала всего 3,3%, зато сотрудники 40–59 лет составляли большинство — 52,4%. Грамотность кадров государственного аппарата достигала 99,7%, но лишь около 30% составляли лица со средним образованием, а с высшим — менее 7%. Только 20,5% представителей высшего звена управленческого аппарата имели высшее образование[13].

Во всех республиках СССР управленческий аппарат, особенно высшего звена, формировался как многонациональный. В административно-управленческом персонале кадры коренной национальности составляли от 40% (Узбекистан, Казахстан) до 70–90% (Грузия, Армения).

В предвоенной социальной структуре населения СССР значилась и такая категория, как лица «свободных профессий» — около 0,02% (адвокаты, врачи, преподаватели, художники, актеры и другие).

Особую категорию составляли священнослужители — 0,04%. В РСФСР их было менее 30 тыс. человек, причем основная их часть (21 тыс.) проживала в сельской местности. Среди служителей культа преобладали мужчины — более 90%.

Государственная политика ликвидации безграмотности (ликбез) позволила к концу 1930-х гг. добиться заметных успехов в этой сфере. Среди мужчин уровень грамотности достиг 86%, среди женщин — 66,2%[14]. Особенно высокие показатели были в молодежной среде: грамотой овладели свыше 90% возрастных групп 12–14 и 18–19 лет. Вместе с тем оставалось много неграмотных. Так, в возрастной группе 15–19 лет их было 5%, в возрастных категориях 30–34 года неграмотным был каждый пятый, после 40 лет — каждый третий. Характерно, что во всех категориях показатель неграмотности у женщин был выше, чем у мужчин.

Необходимо учитывать, что значительная часть функционально грамотных граждан СССР при этом не имела формального образования. Так, грамотных, но не имеющих образования граждан в возрасте старше 16 лет насчитывалось 59%.

В рабочей среде лишь 8,4% имели образование от семи классов и выше. Следует подчеркнуть, что для рабочих в СССР был открыт широкий доступ ко всем видам образования, в том числе высшему. Это, безусловно, имело большое позитивное значение. Был выдвинут лозунг «Пролетарии — в вузы!».

Специально для подготовки рабочей молодежи к поступлению в высшие учебные заведения была развернута широкая сеть рабочих факультетов, так называемых рабфаков. В 1925 г. прием рабфаковцев в промышленные вузы РСФСР составил свыше 66%. Тем не менее на выходцев из рабочих к концу 1930-х гг. приходилась только десятая часть всех выпускников вузов. В 1933—1937 гг. дипломы о высшем образовании получили примерно 90 тыс. рабочих, это около 1,5% от общего количества промышленных рабочих по состоянию на 1937 г. К 1939 г. число рабфаков сократилось.

Во всех без исключения возрастных группах — как в городе, так и на селе — в ходе Всесоюзной переписи населения 1937 г. было зафиксировано, что верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн человек против 42,2 млн (56,7% и 43,3% соответственно всех выразивших свое отношение к религии). Еще 0,9 млн человек отказались ответить на этот вопрос. Процент верующих был выше в сельской местности, в старших возрастных группах, а также среди женщин. Что же касается советской молодежи, особенно проживавшей в городах, то здесь процент верующих был невелик[15]. В действительности, верующих было, по-видимому, даже больше, поскольку часть участников переписи, скорее всего, не решилась в той сложной ситуации открыто позиционировать свою религиозную принадлежность.

Определенная часть верующих по разным причинам (кто-то, например, разочаровался в церкви, а кто-то опасался преследований за веру) к концу 1930-х гг. перестала регулярно посещать храмы и строго соблюдать религиозные обряды. Многие культовые сооружения были закрыты или разрушены. В течение 1920—1930-х гг. все больше советских людей отходили от веры, перенимали атеистические нормы жизни. Увеличилось количество молодежи, вступавшей в пионерскую и комсомольскую организации. Росла и численность ВКП(б).

Общественно-политическая ситуация в стране и ее отражение в жизни общества

В предвоенный период в СССР сложилась противоречивая и многоаспектная общественно-политическая ситуация. Характер взаимоотношений общества и власти определялся разновекторными тенденциями.

Государству одновременно приходилось решать исключительно сложные задачи ускоренной и масштабной индустриализации; форсированной коллективизации и механизации сельского хозяйства; культурной революции, предполагавшей качественные изменения в социальной сфере. Системная модернизация страны, коренные изменения в ее экономике существенно повлияли на качество и направленность социальных процессов и духовную жизнь общества.

Политика индустриализации и коллективизации способствовала значительной миграции населения и приобщению огромного числа пришедших на производство бывших крестьян к навыкам индустриального труда и городской культуре.

Приоритет в развитии тяжелой и оборонной промышленности в ущерб промышленности легкой и пищевой носил вынужденный характер. Однако это приводило к дороговизне и дефициту товаров народного потребления и продуктов питания. В 1939—1941 гг. эта проблема обострилась настолько, что в ряде регионов вновь была введена карточная система, отмененная в масштабах страны в 1934 г.[16]

Освоение рабочих специальностей в учебных мастерских

Выполнение оборонного заказа

Комсомольцы за ремонтом дороги

Учащиеся рабочего факультета

На занятиях Осоавиахима

Трудовая молодежь возвращается с физзарядки

С началом третьей пятилетки на производстве обнаружились трудности, которые привели к замедлению темпов роста экономики. Для наведения порядка на производстве руководство СССР приняло меры по ужесточению трудового законодательства и применению к нарушителям жестких административных и даже уголовных наказаний. 20 декабря 1938 г. СНК СССР утвердил постановление об обязательном введении трудовых книжек на всех предприятиях и в учреждениях. Это постановление было направлено прежде всего на борьбу с текучестью кадров.

В январе 1939 г. вышло еще одно постановление СНК СССР, согласно которому опоздание на работу свыше 20 минут приравнивалось к прогулу. Это решение явилось своеобразной предтечей указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Данный указ, принятый в условиях уже начавшейся Второй мировой войны, не только вводил ряд строгих мер за прогулы, опоздания и самовольный уход с работы, но и фактически прикреплял работника к предприятию[17]. В 1940—1941 гг. на основании этого указа судебные органы приговорили 3,2 млн нарушителей к шести месяцам исправительных работ без отрыва от производства с удержанием четверти заработка, еще 633 тыс. человек подверглись тюремному заключению на срок от двух до четырех месяцев[18].

В октябре 1940 г. была проведена реформа фабрично-заводского обучения, имевшая большое значение для создания системы трудовых резервов, которая вполне оправдала себя в период Великой Отечественной войны. Специально созданное Управление трудовых резервов при СНК СССР (позднее — Народный комиссариат трудовых резервов) в плановом порядке занималось обеспечением предприятий и строек рабочей силой, причем основной упор делался на подготовку молодых рабочих.

Наряду с обычными школами фабрично-заводского обучения создавались ремесленные училища и ремесленно-железнодорожные училища. Было объявлено о мобилизации и призыве в школы трудовых резервов 800 тыс. юношей и девушек. Они обучались за государственный счет, обеспечивались обмундированием, довольствием и получали стипендии. Срок обязательной отработки по окончании училища увеличивался до четырех лет. В декабре 1940 г. было принято постановление, запрещающее самовольное оставление школы. За самовольный уход из училища (школы) предусматривалось уголовное наказание[19].

В предвоенный период активно использовались формы материального и морального поощрения работников за качественный и производительный труд. Значительно вырос фонд заработной платы — с 82 до 127 млрд рублей. Если в 1937 г. был установлен минимальный размер заработной платы в пределах от 110 до 115 рублей, то в 1940 г. в среднем по стране зарплата составляла уже 331 рубль (у рабочих — 324 рубля, у инженерно-технических работников — 696 рублей).

В предвоенные годы был предпринят ряд важных мер, направленных на развитие социально-бытовой сферы предприятий и обеспечение преимущественного снабжения трудящихся ряда наиболее значимых отраслей экономики, в первую очередь работавших на оборону. Вводились льготы для многодетных матерей, студентов, учащихся профессиональных училищ. На предприятиях учреждались комиссии по охране труда при профкомах и вводился институт инспекторов по охране труда. При крупных предприятиях создавались собственные амбулатории и поликлиники, медико-санитарные части. Рабочим и служащим предоставлялись регулярные отпуска, для их полноценного использования ускоренными темпами создавалась санаторно-курортная база в Крыму, на Кавказе и в других регионах страны. К 1938 г. в СССР насчитывалось 1838 санаториев и 1270 домов отдыха, причем их сеть постоянно расширялась. Для ударников производства и их семей предусматривались существенные скидки при приобретении путевок.

Жилищная проблема в стране оставалась весьма напряженной. Большинство рабочих по-прежнему испытывали острую нужду в жилье (в среднем по стране на одного рабочего приходилось менее 7 кв. метров жилья)[20]. С середины 1930-х гг. прилагались усилия по введению нового стандарта жилья: нормой должна была стать отдельная квартира для каждой

Заключенные на строительстве канала

Руководство исправительно-трудового лагеря

Заключенные Свирьлага на лесосплаве

Внутренний вид типового лагерного барака

семьи. В условиях, когда для многих, снимавших угол или живших в бараке, пределом мечтаний была комната в коммунальной квартире, такой стандарт задавал очень высокую планку качества жизни. К сожалению, добиться в этом вопросе существенного прогресса в предвоенный период не удалось.

Политические репрессии 1930-х гг., принудительные переселения прямо или косвенно затронули миллионы людей. Эти жесткие меры являлись не только проявлением политической борьбы различных течений в ВКП(б) и обществе в целом, но и в условиях угрозы близкой войны радикальным способом борьбы против «шпионов, националистов и других антисоветских элементов». Среди репрессированных в 1937–1938 гг. около 10% (55 тыс. человек в 1937 г. и более 60 тыс. в 1938 г.) составляли члены и кандидаты в члены ВКП(б)[21]. Всего в эти годы пострадало 8,5% от общего состава коммунистической партии[22].

Одним из следствий политики сплошной коллективизации стали репрессии в отношении части зажиточного крестьянства, выступившей в качестве активных противников создания колхозов. Так, 30 июля 1937 г. был издан оперативный приказ наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»[23]. В соответствии с этим документом более 770 тыс. человек были осуждены. При этом в число арестованных вошли почти 380 тыс. «бывших кулаков» и свыше 200 тыс. «прочих контрреволюционных элементов»[24]. Репрессивная политика в деревне была прекращена в ноябре 1938 г., после принятия специального постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Вхождение в состав СССР Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины усложнило социально-политическую ситуацию. В ходе «советизации» этих регионов часть населения подверглась репрессиям, что в определенной степени было обусловлено наличием на присоединенных территориях враждебных советской власти элементов и даже антисоветского подполья[25]. В предвоенные годы органами НКВД было проведено несколько операций по выселению (депортации) десятков тысяч человек из приграничных районов в отдаленные регионы СССР. С целью ликвидации «потенциальной разведывательной базы» репрессии были также распространены на лиц, принадлежавших к национальностям «буржуазно-фашистских государств», преимущественно граничивших с СССР[26].

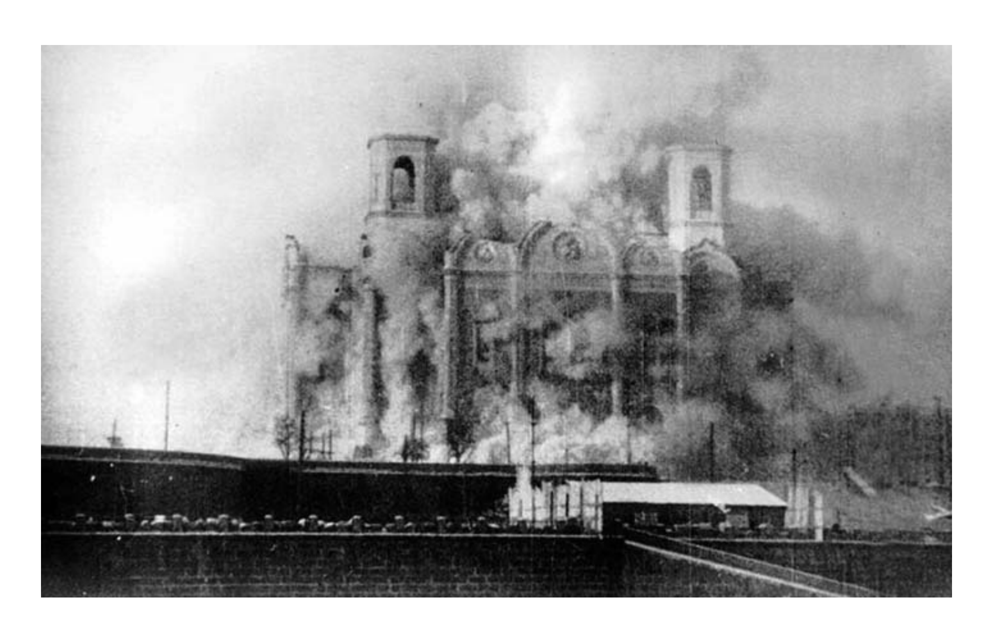
В этот же период наблюдалось усиление антирелигиозной пропаганды, сопровождавшейся закрытием храмовых зданий, монастырей, преследованием служителей культа[27].

По различным подсчетам, общее число репрессированных с 1935 по 1941 г. по политическим мотивам составило 1 868 085 человек[28].

В предвоенные годы использовалась и система принудительного труда. На 1 января 1939 г. в системе Главного управления лагерей Народного комиссариата внутренних дел (ГУЛАГ НКВД) числились почти 1,7 млн заключенных[29]. В 1940–1941 гг. в ГУЛАГе были образованы специальные производственные управления. Заключенные использовались для работ в шахтах, на рудниках и металлургических предприятиях, на лесозаготовках. Наблюдалась и тенденция к специализации труда заключенных в соответствии с их подготовкой и квалификацией. Для ряда специальностей инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих организовывались специальные условия и устанавливались нормы оплаты труда, которые, правда, были ниже, чем в «гражданских» отраслях и сильно зависели от финансового положения мест заключения[30].

Репрессивная политика вызывала неоднозначную реакцию в обществе. В донесениях НКВД сообщалось, что в рабочей среде, в целом лояльной к советской власти, были те, кто остро критически характеризовали советскую действительность[31].

Незадолго до войны значение Политбюро ЦК ВКП(б) в системе выработки и принятия решений начало меняться, что объяснялось процессом постепенного увеличения роли Совнаркома. 21 марта 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об образовании Бюро Совнаркома». Помимо В. М. Молотова, первоначально возглавившего его как глава правительства, в состав Бюро вошли: Н. А. Вознесенский (первый заместитель), А. А. Анд-

Снос храма Христа Спасителя в Москве

Церковные колокола перед переплавкой

реев, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян. На Бюро Совнаркома возлагались рассмотрение всех текущих вопросов, подготовка квартальных и месячных планов снабжения и многие другие[32].

Перед войной в руководстве страной произошли новые заметные изменения. 6 мая 1941 г. И. В. Сталин сменил В. М. Молотова на посту председателя Совета народных комиссаров СССР. Это был решительный шаг, значительно повысивший роль и значение правительства в системе органов государственной власти. В. М. Молотов стал заместителем председателя СНК, сохранив за собой пост народного комиссара иностранных дел. Заместителем И. В. Сталина по Секретариату ЦК ВКП(б), то есть вторым человеком в партии, стал А. А. Жданов. Назначенный секретарем ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков сменил его в качестве куратора Управления пропаганды и агитации ЦК, одновременно сохранив за собой пост первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б).

В предвоенные годы активизировалось проведение военной и военно-технической политики. Все важные административные решения, определявшие ее содержание, оформлялись совместными постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В качестве своеобразных «приводных ремней» государственного управления, помимо Политбюро и Совнаркома, использовались и другие, специально созданные органы власти. Так, в апреле 1937 г. был образован Комитет обороны при СНК СССР, а с ноября 1937 по март 1941 г. функционировал Экономический совет при Совнаркоме[33].

В целом, во второй половине 1930-х гг. в связи с возрастанием военной опасности была проделана большая работа по укреплению кадровой и военно-технической базы Вооруженных сил СССР. С развитием военной техники и вооружения повысилась боевая мощь и мобилизационная готовность Красной армии, значительно возрос уровень механизации и моторизации войск.

И. В. Сталин держал в поле пристального внимания подбор руководящих кадров Красной армии, от которых требовалась безусловная политическая надежность. Многие высшие командные и политические должности были доверены тем, с кем Сталин был лично связан еще со времен Гражданской войны. Одним из них был член Политбюро ЦК ВКП(б) К. Е. Ворошилов, возглавлявший военное ведомство с ноября 1925 по май 1940 г. За год до войны К. Е. Ворошилова на посту наркома обороны сменил С. К. Тимошенко.

В целом советское руководство уделяло большое внимание повышению качества подготовки командного состава армии, развивая сеть военно-учебных заведений — училищ и академий. В 1941 г., перед началом Великой Отечественной войны, подготовку военных кадров осуществляли: 15 военных академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, семь высших военно-морских и 203 средних военных училища и ряд других. Для переподготовки и усовершенствования командных и начальствующих кадров функционировало более 100 курсов[34].

В основу мобилизационных мероприятий последних предвоенных лет были положены положения «Закона о всеобщей воинской обязанности», принятого Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г. Согласно этому закону, воинская обязанность устанавливалась для всех слоев населения, а существовавшие ранее ограничения и запреты для отдельных социальных групп отменялись. Срок службы в Красной армии определялся в три года, на флоте — в пять лет.

Накануне нападения нацистской Германии на СССР, в середине мая 1941 г. начался призыв приписного состава на большие учебные сборы. Он дал свыше 800 тыс. человек. В целом, личный состав Вооруженных сил СССР за два с половиной предвоенных года увеличился более чем в 2,3 раза. По состоянию на 22 июня 1941 г. они насчитывали 5,7 млн человек[35].

Столь масштабное укрепление Вооруженных сил значительно усиливало оборонную мощь СССР и позволяло советскому военно-политическому руководству решать важные геостратегические задачи в условиях нарастания военной опасности. При этом приходилось считаться с тем, что этот необходимый процесс имел определенные негативные демографические и экономические последствия, ведь в армию призывались миллионы трудоспособных мужчин репродуктивного возраста (в основном от 19 до 40 лет). Это обостряло проблему

Л. З. Мехлис

дефицита рабочей силы в городе и на селе: всего свыше 5% от общей численности самодеятельного населения состояло на службе в Вооруженных силах[36].

Вопрос обеспечения политической надежности армии имел для Советского государства особое значение, и работа в этом направлении велась методично и непрерывно. 10 мая 1937 г. в Красной армии был восстановлен институт военных комиссаров. Военные комиссары вводились во всех войсковых частях и соединениях, от полка и выше, а также в штабах, управлениях и учреждениях.

30 декабря 1937 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) заместителем народного комиссара обороны СССР и начальником Политического управления РККА с присвоением звания армейского комиссара 2 ранга был назначен Л. З. Мехлис. Он являлся членом ЦК ВКП(б), а в марте 1938 г. был введен в состав Оргбюро ЦК. Как заместитель наркома обороны Л. З. Мехлис вошел и в состав Главного военного совета РККА при Наркомате обороны СССР.

Вступив в новую должность, Л. З. Мехлис столкнулся с проблемой значительного некомплекта политсостава РККА. Главными причинами этого были быстрый рост численности Красной армии и политические чистки. Только в 1938 г. из Красной армии были уволены свыше 3 тыс. политработников. Чтобы ликвидировать кадровый дефицит, Л. З. Мехлис предложил выдвигать наиболее проверенных и грамотных красноармейцев и младших командиров на должности заместителей и помощников политруков. По постановлению Центрального комитета ВКП(б) от 1 апреля 1938 г. был произведен набор 5 тыс. коммунистов и комсомольцев — заместителей политруков для зачисления их в кадровый состав армии и флота и направления на учебу на курсы младших политруков[37].

12 августа 1940 г. институт военных комиссаров был упразднен. В Красной армии и Военно-морском флоте теперь вводились должности заместителей командиров (начальников) по политической части. В мае 1940 г. началась переаттестация политработников. К февралю 1941 г. помимо кадровых офицеров ее прошли 99 тыс. политработников запаса. Суммарная численность политсостава превысила 122 тыс. человек (при общем контингенте командно-начальствующего состава РККА в 540 тыс.)[38].

Военно-патриотическая и оборонная работа среди населения в предвоенные годы также являлась одним из важных направлений в деятельности партийных и государственных органов. Руководство этой работой на местах возлагалось на региональные первичные организации ВКП(б), а также на постоянно взаимодействовавшие с ними организации ВЛКСМ. Большую работу по мобилизации сил народа на отпор врагу, подготовке военных резервов, укреплению местной противовоздушной обороны вели организации Всевообуча (Всеобщее военное обучение). Для подготовки молодежи к прохождению службы в Вооруженных силах в предвоенные годы были образованы такие организации, как Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства СССР (Осоавиахим), Общество спасания на водах (ОСВОД), Общество друзей радио (ОДР), Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог (Автодор) и другие.

К началу войны Осоавиахим насчитывал в своих рядах 13 млн членов, объединенных в 329 тыс. первичных организаций, которые проводили оборонно-массовую работу среди населения. В 1941 г. в Осоавиахиме завершили подготовку около 400 тыс. летчиков запаса, пилотов-планеристов, парашютистов, авиамехаников, морских специалистов, автомобилистов, мотоциклистов и связистов[39]. Осоавиахим, будучи военизированной организацией, имел общественный статус, но фактически являлся государственной структурой, финансирование которой осуществлялось преимущественно из бюджета[40]. Другим важным источником средств являлись членские взносы.

В условиях начавшейся Второй мировой войны перед Осоавиахимом была поставлена задача подготовки резерва кадров по различным военным специальностям. С марта 1940 г. вводились новые программы военного обучения. Суть их заключалась в переходе от подготовки значкистов к комплексному обучению будущего бойца, который должен был заниматься политической, строевой, огневой, тактической, физической, химической подготовкой. К началу Великой Отечественной войны по новой программе прошли обучение порядка 2,6 млн человек (более 20% от общей численности Осоавиахима)[41]. Осоавиахим внес большой вклад в формирование, особенно среди молодого поколения, чувства советского патриотизма. Особую актуальность приобретала военно-патриотическая работа в пограничных союзных республиках СССР, которые в 1941 г. первыми подверглись германской агрессии.

Помимо Осоавиахима оборонную работу вели и другие общественные организации. В общеобразовательных школах учащиеся привлекались к военным играм, походам, военно-физкультурным соревнованиям. Они также являлись членами оборонных кружков. Подобные мероприятия способствовали ознакомлению допризывников с материальной частью оружия, получению знаний по топографии, улучшали их общую физическую подготовку[42].

Идеологическая подготовка к обороне страны и общественные настроения накануне войны

Система идеологической работы в СССР на рубеже 1930–1940-х гг. отличалась высокой централизацией и жестким государственным контролем. Руководство ею осуществлялось Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Советская пропагандистская система активно использовала в своей повседневной деятельности периодическую печать, которой отводилась большая роль. Подчеркивая ее значение, И. В. Сталин на заседании Политбюро 11 октября 1938 г. заявил: «Печать — это такая вещь, которая дает возможность ту или иную истину сделать достоянием всех»[43].

Накануне Великой Отечественной войны в СССР имелось свыше 1800 периодических изданий, общий годовой тираж которых достигал 245 млн экземпляров. Помимо этого выпускалось 8800 наименований ежедневных газет разовым тиражом порядка 40 млн экземпляров, а годовым — 7,5 млрд экземпляров[44]. Особое значение имела система организации агитации и пропаганды в армейских структурах. Накануне войны выходили четыре центральные, 21 окружная, 22 армейские и флотские газеты общим тиражом 1 млн 840 тыс. экземпляров. Кроме того, выпускались три газеты особых корпусов и 692 многотиражки соединений и военно-учебных заведений[45].

Контроль над печатью и литературой осуществляло Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), сотрудники которого предварительно просматривали предназначенные для публикации материалы. На них также возлагалась задача проведения в жизнь государственной политики в области печати, деятельности издательств, библиотек, книжных магазинов. Цензоры центральных газет входили в номенклатуру ЦК ВКП(б). Цензоров газет в республиках, краях, областях, районах утверждали на заседаниях ЦК партий союзных республик, крайкомов, обкомов, райкомов. Они строго следили за соблюдением требований «Перечня сведений, составляющих государственную тайну»[46]. Предварительно проверялось содержание почти 40 тыс. названий книг общим тиражом около 700 млн экземпляров[47].

Комитет по контролю над репертуаром, преобразованный в феврале 1934 г. в Главное управление по контролю над зрелищами и репертуаром, отвечал за политико-идеологический контроль над кинематографом, театральной и музыкальной деятельностью.

В проведении внешнеполитической пропаганды ведущая роль принадлежала Народному комиссариату иностранных дел СССР (НКИД), в структуру которого входил, в частности, Отдел печати, чьи сотрудники привлекались к предварительному просмотру статей на международные темы, предназначенных для публикации в центральной советской прессе.

В 1925 г. было создано Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), которое постепенно превратилось в центральный государственный информационный орган. С ноября 1934 г., согласно постановлению ЦК ВКП(б), ТАСС получил исключительное право распространения иностранной и общественной информации внутри страны[48].

Важную роль в пропагандистской деятельности играло радио. Ежедневный общий объем эфирного времени центральных, республиканских и местных радиостанции составлял 383 часа. Центральное радиовещание включало передачи на 14 иностранных языках, ориентированные на зарубежного слушателя. Ежедневно в эфир передавалось свыше 30 печатных листов текста[49]. В рамках Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, созданного в 1933 г., имелся Иностранный отдел (Инорадио), отвечавший за радиовещание на иностранных языках[50].

Большое внимание Советское государство уделяло развитию литературы и искусства. Интеллектуальная элита страны (писатели, журналисты, художники и другие) постоянно находилась в поле зрения политического руководства. В стране насчитывалось 45 тыс. писателей, журналистов, редакторов, еще около 100 тыс. человек составляли «культурно-политико-просветительский персонал». В сфере устной агитации и пропаганды к началу Великой Отечественной войны были задействованы более 112 тыс. человек[51]. Особое значение придавалось кинематографу.

Накануне войны национальной идеей, объединявшей общество и реально способствовавшей его консолидации, была тема противостояния внешней военной угрозе. Не всегда ожидания войны связывались в обществе с международным положением, иногда они вызывались и внутриполитическими событиями. Например, многочисленные займы, на которые организовывалась обязательная подписка, воспринимались в массовом сознании как часть оборонной политики.

Колонна японских танков в Китае. 1937 г.

Военнослужащие Красной армии в Бресте. 1939 г.

С начала 1930-х гг. опасность войны становилась все более реальной. В 1931 г. Япония, захватив Маньчжурию, начала широкомасштабную агрессию в Китае. В результате очаг войны возник непосредственно у дальневосточных границ СССР. В 1935—1936 гг. фашистская Италия захватила Абиссинию. При этом Лига Наций, как и в случае с японской агрессией против Китая, оказалась бессильна обуздать агрессора. Но главная опасность исходила от Германии, где в 1933 г. к власти пришли нацисты во главе с А. Гитлером.

Советское руководство предпринимало системные меры для предотвращения войны, но все попытки создания единого антифашистского фронта с Западом оказались, как известно, безуспешными. Начало Второй мировой войны стало побудительной причиной для активизации пропагандистской идеологической работы среди гражданского населения и личного состава Вооруженных сил СССР.

Следует отметить, что отличительной особенностью большинства советских людей было понимание благородной цели защиты своего Отечества. Государственный патриотизм, сплоченность, гражданская зрелость перед войной все более становились основой поведения граждан. Эти качества успешно использовались государством с целью мобилизации общества и подготовки его к отражению агрессии.

Если среди наиболее вероятных противников СССР в 1920-е и в начале 1930-х гг. назывались Япония, Англия, Польша, то с 1933 г. — все чаще Германия. Приход нацистов к власти привел к быстрым изменениям в двусторонних советско-германских отношениях и к серьезным корректировкам в советской пропаганде, которая постепенно стала принимать антифашистский (а объективно в некоторой степени и антигерманский) характер.

Антифашистская направленность пропаганды встречала горячий отклик в обществе. Большие опасения у советских людей вызывали планы гитлеровцев по захвату «жизненного пространства», их расовая теория, репрессии против коммунистов, антисемитская политика[52]. В массовом сознании формировалось устойчивое представление о Германии как об основном источнике военной угрозы.

Подписание советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. было встречено в советском обществе со смешанными чувствами. С одной стороны, явно ощущался шок от внезапного изменения тона советской пропаганды; с другой — советско-германский договор гарантировал мирное будущее на ближайшее время и поэтому был воспринят с определенным облегчением. Кроме того, в результате подписания пакта советская граница отодвигалась на запад и предотвращалось возможное соглашение между Гитлером и западными державами, чего не без оснований опасались в СССР. К тому же ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, вопреки своим обещаниям так и не пришли на помощь Польше.

Определенный геополитический выигрыш от пакта Молотова — Риббентропа и договора о дружбе и границе между СССР и Германией сопровождался издержками в духовной сфере. Советская пропаганда начала культивировать пусть сдержанные, но все же «дружественные чувства» к Германии. Однако этой линии предшествовала многолетняя и интенсивная антинацистская кампания, которая являлась закономерным ответом СССР на внутреннюю и внешнюю политику А. Гитлера. Теперь же цензурным запретам подвергались произведения литературы и искусства, кинематографа, театральные постановки, статьи в периодической печати, прямо или косвенно связанные по своей тематике с возможным вооруженным конфликтом между СССР и Германией. В прессе стали даже появляться материалы об успехах вермахта в военных кампаниях 1939—1940 гг. Столь радикальная смена акцентов не могла не вызывать определенного недоумения и даже раздражения в обществе.

Нападение Германии на Польшу, знаменовавшее собой начало Второй мировой войны, оценивалось в советском обществе неоднозначно. Отношение к этой стране как к государству, проводившему по отношению к СССР враждебную политику, было сложным, и порой в этой связи высказывались весьма жесткие оценки: «Польша своим криком и дерзким поведением вынудила Германию выступить»[53]. Однако преобладали другие настроения. Как вспоминал позднее писатель К. М. Симонов, после начала войны его сочувствие, как и его товарищей по редакции военной газеты, было на стороне поляков. К. М. Симонов так аргументировал

эту позицию: во-первых, сильнейший напал на слабейшего; во-вторых, несмотря на пакт о ненападении, никто не хотел победы фашистской Германии в начавшейся европейской войне, тем более легкой победы. «Быстрота, с которой немцы ворвались и шли по Польше, огорошивала и тревожила»[54].

Что касается общественной реакции на поход Красной армии в Западную Украину и в Западную Белоруссию осенью 1939 г., то она была в целом позитивной. Многие граждане публично высказывались в поддержку этой внешнеполитической акции СССР. Эти оценки справедливы не только в отношении гражданского населения, но и военнослужащих Красной армии.

Военная операция, направленная на помощь «братьям белорусам и украинцам», которые «подвергались угнетению со стороны польских панов», вызвала заметный рост патриотических настроений, инициировала массовые выражения чувства классовой солидарности. Это относилось ко всем группам населения. Одни приветствовали возможность распространения социализма на новых территориях, другие — восстановление законных границ и интересов России. Академик В. И. Вернадский, в частности, записал в своем дневнике 3 октября 1939 г.: «Захват (Западной) Украины и Белоруссии всеми одобряется... политика Сталина — Молотова реальная и, мне кажется, правильная, государственная — русская»[55].

Подобная позиция отнюдь не была исключением. Отношение таких видных историков, как Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Е. В. Тарле, к разделу Польши демонстрирует их поддержку внешнеполитических акций советского руководства. Большинство из них рассматривали Западную Украину и Белоруссию как осколки Киевской Руси и тем самым находили историческую справедливость в их присоединении. Хотя их взгляды отличались известным либерализмом, это не помешало им принять самое активное участие в пропагандистской кампании по поводу воссоединения Украины и Белоруссии[56]. К. М. Симонов встретил вступление советских войск на территорию Польши «с чувством безоговорочной радости»[57].

Впрочем, среди интеллигенции встречались и иные настроения. В частности, А. А. Ахматова в ноябре 1940 г. объясняла свое нежелание публиковать работу о А. С. Пушкине и А. Мицкевиче (с нелестными замечаниями по поводу последнего) так: «Сейчас не время обижать поляков»[58].

Воссоединение с западными областями Украины и Белоруссии, включение Бессарабии, Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР характеризовалось как пример решения двуединой задачи: укрепления безопасности СССР и освобождения народов от капиталистического гнета. В таком же ключе интерпретировались итоги Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

В этот период, когда вопрос о потенциальных противниках и союзниках СССР в Европе был особенно актуальным, в массовом сознании Англия и Франция считались противниками СССР. Если начало войны между СССР и Финляндией вызвало у противников советской власти надежды на вмешательство Запада, то заключение мира у них же порождало сильное разочарование, так как они рассчитывали на военное поражение Советского Союза и его крушение.

После заключения пакта Молотова — Риббентропа Англия и Франция характеризовались советской официальной пропагандой как главные виновники войны и потенциальные противники. Например, в директиве Исполкома Коминтерна руководству английской компартии в сентябре 1939 г. отмечалось: «Не фашистская Германия, пошедшая на соглашение с СССР, является опорой капитализма, а реакционная антисоветская Англия с ее огромной колониальной империей»[59].

Среди представителей интеллигенции бытовало мнение, что в войне в Европе нет ни правых, ни виноватых, но в любом случае она выгодна для СССР. К. И. Чуковский в своем дневнике приводит такие слова А. А. Ахматовой, сказанные в августе 1940 г.: «Каждый день война работает на нас. Но какое происходит одичание англичан и французов. Это не те англичане, которых мы знали... Я так и в дневнике записала: «Одичалые немцы бросают бомбы в одичалых англичан»[60]. Впрочем, тогда же А. А. Ахматова написала трагическое стихотворение о падении Парижа, в чем она «услышала горе всего мира», и известное сти-

хотворное послание, обращенное к лондонцам[61]. Поражение и оккупация Франции у многих вызвали смешанные чувства. Одни сочувствовали «прекрасному народу», переживающему ужас военного разгрома[62], другие порицали воинственную политику Парижа, приведшую к военному поражению[63].

Постепенно в ходе Второй мировой войны, особенно во время «битвы за Британию», прежнее недоверие к Англии в какой-то степени сменилось сочувственным и уважительным отношением. В книге британского журналиста А. Верта можно найти такие отклики его советских собеседников, относящиеся к 1940 г.: «Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан — после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером»[64]. В июле 1941 г. историк, архивист, директор Архива АН СССР в Ленинграде Г. А. Князев, вспоминая предвоенную ситуацию, отметил в своем блокадном дневнике: «Пример лондонцев, переживших небывалые разрушения, должен стоять перед нами. Лондонцы не дрогнули. Не дрогнем и мы!»[65]

Несмотря на все повороты советской внешней политики, в массовом сознании именно Третий рейх оставался самым вероятным потенциальным противником. Достаточно свидетельств тому, что пакт Молотова — Риббентропа многими воспринимался как тактический ход советского правительства. Люди помнили о союзе с Францией и Великобританией в годы Первой мировой войны, когда Германия, напротив, выступала противником. С конца 1930-х гг. слухи о грядущей войне с Германией то возникали, то затихали. Об этом, например, неоднократно пишет в своем дневнике академик В. И. Вернадский[66]. Очередной всплеск военных ожиданий пришелся на осень 1940 г. (визит В. М. Молотова в Берлин), причем многие тогда терялись в догадках — с кем именно предстоит воевать. В целом, надо признать, общество жило предчувствием большой войны.

Осложнение международной обстановки, вооруженные конфликты на Дальнем Востоке актуализировали задачу воспитания патриотизма, гордости за свою Родину. Например, действия бойцов и командиров Красной армии по отражению японской агрессии у озера Хасан и реки Халхин-Гол рассматривались как образец героизма и самоотверженности, который был так необходим перед лицом нарастающей военной опасности. Идеологическая работа способствовала тому, что это действительно становилось примером для подражания.

Однако в канун войны у значительной части общества сформировались достаточно сильные настроения предопределенности победы над любым агрессором, поскольку трудящиеся капиталистических государств глубоко враждебны своим правительствам и в случае войны перейдут на сторону СССР. Эта установка оказалась ошибочной и сыграла дезориентирующую роль. Преувеличивалась и мощь Красной армии: постепенно в связи с внешнеполитическими успехами СССР, развитием экономики и оборонной мощи стали появляться шапкозакидательские настроения. В конце 1930-х гг. все чаще раздавались голоса: «Прозевали [агрессоры], теперь нам воевать не страшно»[67]. Постепенно формировалось «оборонное сознание» общества, готовность к победоносной войне «малой кровью, могучим ударом, на чужой территории». На эти идеи работали все средства искусства и пропаганды, включая драматургию, литературу, кинематограф[68].

В любом случае, об опасности войны не забывали. Слова И. В. Сталина о том, что необходимо сделать так, чтобы «никакая случайность и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох»[69], воспринимались как руководство к действию. С лета 1940 г. общий тон советской пропаганды, смягчившийся по отношению к Германии со времени заключения с ней пакта о ненападении, изменился в сторону большей жесткости. Многие стали понимать, что СССР не избежать большой войны.

Таким образом, в предвоенные годы идеологическая работа в СССР проводилась достаточно эффективно, обеспечивая широкую общественную поддержку внешнеполитическим действиям правительства. Несмотря на неизбежные издержки и допущенные ошибки в трактовках будущей войны, задачи, стоявшие перед советской оборонной пропагандой, были в целом успешно решены.

Подавляющая часть населения СССР, несмотря на разницу в социальном положении, уровне образования, различиях в своих политических и религиозных убеждениях, была настроена глубоко патриотично и морально готова к защите своего Отечества. В стране проводилась активная оборонно-массовая работа. Внешнеполитические акции советского руководства 1939–1940 гг., направленные на укрепление стратегических позиций СССР в преддверии неизбежной войны, пользовались широкой общественной поддержкой. Красная армия значительно выросла численно и укрепилась в военно-техническом отношении.

Однако война, о приближении которой знали и к которой готовились, во многом оказалась не соответствовавшей ожиданиям. Многие распространенные представления о революционном взрыве на Западе, о немедленном переходе Красной армии в наступление, о скорой победе, свойственные прежде всего молодому поколению, были иллюзорны.

22 июня 1941 г. предвоенная эпоха закончилась, началась Великая Отечественная война, ставшая тяжелейшим испытанием для Советского государства, проверкой на прочность его экономики, социальной, политической и духовной сфер общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Население России в XX веке: Исторические очерки в 3-х т. Т. 2. 1940–1959 гг. М., 2001. С. 7–8.

[2] *Кожурин В. С.* О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны (неизвестные документы) // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 21–26; *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998. С. 157–159.

[3] Население России в XX веке. С. 15.

[4] Народное хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1956. С. 17–18; Народное хозяйство СССР. 1922–1972. Стат. сб. М., 1972. С. 9–10.

[5] Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Стат. ежегодник. М., 1987. С. 8.

[6] Население Советского Союза. 1921–1991. М., 1993. С. 158.

[7] *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России. М., 2012. С. 100.

[8] *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 92.

[9] *Араловец Н. А.* Городская семья в России 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 86–89.

[10] Там же. С. 92–95.

[11] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 242. Л. 4.

[12] *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 136–139.

[13] Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 39.

[14] *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. С. 179.

[15] Всесоюзная перепись населения 1937 года: краткие итоги. М., 1991. С. 106–107.

[16] *Осокина Е. А.* Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 16–32.

[17] *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 238.

[18] Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 57.

[19] Там же. С. 51–52.

[20] Там же. С. 54–56.

[21] *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008. С. 121.

[22] *Степанов А. Ф.* Политические репрессии, большой террор 1937–1938 гг. как средство социальной инженерии // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. М., 2013. С. 242.

[23] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. Док. № 151, 152.

[24] *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 106; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 4. 1935–1939. М., 2012. С. 28–29.

[25] Теория и практика западно-украинского национализма в документах НКВД, МВД и МГБ СССР. Сб. документов. М., 2010.

[26] *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 106.

[27] Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. В 6-ти т. Т. 1. 1917–1941. Екатеринбург, 2005. Док. № 248.

[28] *Земсков В. Н.* Правда о репрессиях в СССР. Против спекуляций, извращений и мистификации // Противодействие современным фальсификаторам истории Великой Отечественной войны. М., 2010. С. 52.

[29] *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. С. 121.

[30] Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 53.

[31] *Фельдман М. А.* Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929–1941 гг.) // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 129.

[32] *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 253.

[33] Там же. С. 251–253; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 2013. С. 241–243.

[34] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 551.

[35] Там же. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 65.

[36] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2008. С. 275.

[37] Партийно-политическая работа в Красной армии: Документы. Июль 1929 — май 1941 г. М., 1985. С. 500.

[38] 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 48.

[39] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 511–512.

[40] Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 50.

[41] *Орлов И., Горлов А.* Пропагандистская работа в Осоавиахиме накануне Великой Отечественной войны // Власть. 2007. С. 101.

[42] *Антимонов М. Ю.* «Если завтра война...»: моральная и физическая подготовка советского старшеклассника к защите Отечества // История в подробностях. 2011. № 5. С. 28–35.

[43] Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938. В 3-х т. Т. 3. 1928–1938. С. 691.

[44] Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 453.

[45] Советский Союз: накануне великих испытаний. М., Клинцы, 2004. С. 548.

[46] *Горяева Т. М.* Советская политическая цензура (История, деятельность, структура) // Исключить всякие упоминания... Очерки истории советской цензуры. Минск, 1995. С. 20, 27, 30, 35.

[47] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9425. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

[48] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9-е. Т. 7. М., 1985. С. 181.

[49] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 73. Л. 18.

[50] Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 166, 169.

[51] Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941. М., 1988. С. 212.

[52] См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов российского общества первой половины XX в. М., 1998. С. 95, 149, 159–160.

[53] Цит. по: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 19.

[54] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 79.

[55] *Вернадский В. И.* Дневники 1935–1941. В 2-х кн. Кн. 2. 1939–1941. М., 2006. С. 56.

[56] *Токарев В. А.* В фарватере советской пропаганды 1939 г. (к стратегии выживания старшего поколения историков) // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 199–200.

[57] *Симонов К.* Указ. соч. С. 80.

[58] *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М., 1997. С. 224.

[59] Цит. по: *Фирсов Ф. И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 22.

[60] *Чуковский К. И.* Дневник (1930–1969). М., 1995. С. 155.

[61] См.: *Чуковская Л. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 171. Имеются в виду стихотворения «Когда погребают эпоху...» и «Лондонцам».

[62] *Вишневский Вс.* Собрание сочинений. В 6-ти т. М., 1961. Т. 6. С. 314.

[63] *Эфрон Г. С.* Дневники. В 2-х т. Т. 1. М., 2007. С. 58.

[64] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 2001. С. 64–65.

[65] *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 96.

[66] *Вернадский В. И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 135–136.

[67] Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее — ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 26.

[68] См.: *Сенявская Е. С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

[69] Цит. по: *Чалая З.* Оборонная драматургия (опыт исследования нашей творческой работы в свете задач современности). М., Л., 1938. С. 3.

ПЕРЕСТРОЙКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ

Государственно-политическое руководство страной в условиях военного времени

На десятый день войны, 1 июля 1941 г., все газеты Советского Союза на первых полосах опубликовали сообщение «Об образовании Государственного Комитета Обороны». Оно гласило:

«Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:

Тов. Сталин И. В. (председатель), т. Молотов В. М. (заместитель председателя), т. Ворошилов К. Е., т. Маленков Г. М., т. Берия Л. П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин
Председатель Совнаркома и секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин

Москва, Кремль, 30 июня 1941 г.».

В том, что чрезвычайный орган власти после 22 июня следовало создать, ни у кого в советском руководстве не было ни тени сомнения. Чисто государственный характер ГКО весьма наглядно демонстрировал его состав: из четырнадцати членов и кандидатов в члены

Политбюро в него вошли только пятеро, четверо из которых занимали к тому же ключевые посты в правительстве. И. В. Сталин — председатель Совнаркома СССР, первый заместитель председателя В. М. Молотов и заместитель председателя Л. П. Берия — соответственно нарком иностранных дел и нарком внутренних дел. Только Г. М. Маленков занимал исключительно партийные посты — кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК и начальник Управления кадров ЦК.

Однако не стал ГКО и упрощенным вариантом СНК. В его состав не были включены первый заместитель председателя СНК Н. А. Вознесенский, три заместителя председателя — А. Н. Косыгин, М. Г. Первухин, Р. С. Землячка, семь заместителей, являвшихся одновременно и наркомами: председатель правления Госбанка СССР Н. А. Булганин, первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, нарком путей сообщения Л. М. Каганович, нарком среднего машиностроения В. А. Малышев, нарком государственного контроля Л. З. Мехлис, нарком внешней торговли А. И. Микоян, председатель Госплана СССР М. З. Сабуров.

В качестве прототипа ГКО можно рассматривать существовавший в первые годы советской власти негласный орган — «тройку», в 1919–1921 гг. включавшую В. И. Ленина, Л. Б. Каменева, Н. Н. Крестинского, а в 1921–1924 гг. — Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. В. Сталина. Этот орган продемонстрировал высочайшую эффективность в условиях Гражданской войны и тяжелейшего экономического кризиса.

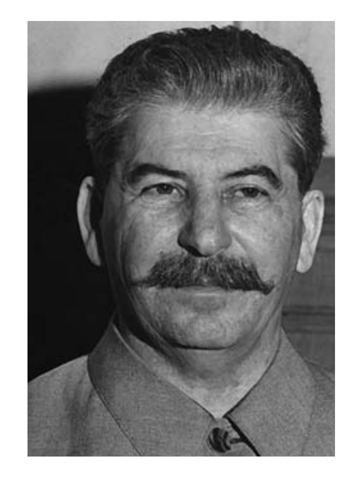
Инициатором создания ГКО выступил В. М. Молотов, занимавший пост секретаря ЦК в период существования и деятельности второй «тройки» и достаточно хорошо знавший технологию ее работы. Именно он 30 июня пригласил к себе в кремлевский кабинет Г. М. Маленкова и Л. П. Берию и предложил им образовать ГКО, который объединил бы функции и Политбюро, и СНК, и Президиума Верховного Совета СССР — высших законодательных и исполнительных органов власти. Этот замысел был изложен И. В. Сталину, который его одобрил.

Решением о создании ГКО И. В. Сталин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков и Л. П. Берия открыто брали на себя ответственность за страну, народ и их судьбу в самый трудный, непредсказуемый момент. Именно тогда, когда Красная армия отходила и уже оставила врагу Прибалтику, западные районы Белоруссии и Украины, Молдавию; когда эшелоны, которые должны были эвакуировать на восток промышленные предприятия, еще только грузились; когда все висело на волоске.

Тогда же были определены полномочия членов ГКО: чисто военные вопросы входили в сферу деятельности И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова; на В. М. Молотова, Г. М. Маленкова и Л. П. Берию в дополнение к уже имевшимся обязанностям были возложены ответственность за проведение мобилизации, формирование и подготовку новых пополнений для фронта, обеспечение армии и флота вооружением и боеприпасами, обмундированием и продовольствием.

Следует отметить особенность работы ГКО. Его члены ни разу не собирались на протокольные заседания. Свои решения они оформляли от имени ГКО, Политбюро, ЦК ВКП(б), а также СНК и Верховного Совета СССР. Ведь Государственный Комитет Обороны не упразднил ни одного из высших государственных и партийных органов, он лишь объединил и скоординировал их усилия по завоеванию победы в войне.

1 июля СНК СССР принял постановление № 1795 «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени», согласно которому руководители ведомств были наделены большими правами. Они получили возможность самостоятельно решать вопросы, прежде находившиеся в компетенции СНК или Бюро СНК. Они могли распределять материальные ресурсы своих наркоматов между подведомственными предприятиями и стройками. Даже дирекция отдельных предприятий получала право «выдавать из своих ресурсов другим предприятиям необходимые материалы». Руководителям ведомств предоставили и частичную финансовую самостоятельность, разрешив «перераспределять капиталовложения по сверхлимитным строительствам», резервировать часть утвержденного фонда заработной

И. В. Сталин

В. М. Молотов

Л. П. Берия

К. Е. Ворошилов

Г. М. Маленков

Н. А. Вознесенский

А. И. Микоян

Л. М. Каганович

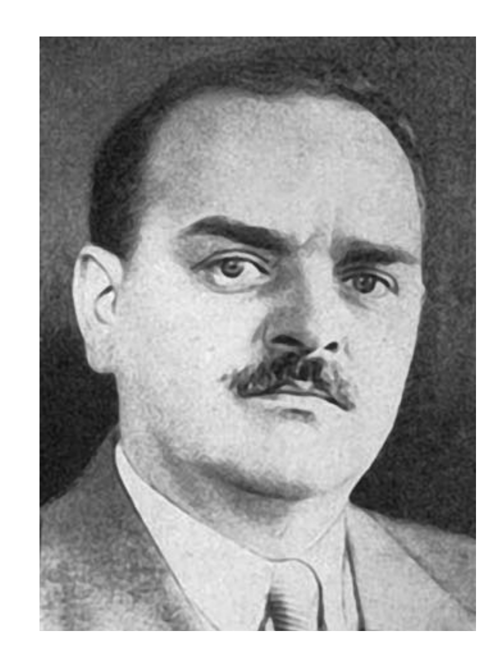
Н. А. Булганин

И. В. Сталин и Б. М. Шапошников

А. А. Андреев

Н. М. Шверник

платы (но не свыше 5%), «производить затраты по восстановлению разрушенных военными действиями предприятий и жилищ», «производить списание числящихся на балансе убытков». Наконец, у наркомов появилось важнейшее в условиях войны право «допускать частичные отступления от утвержденных проектов и смет» и своей властью разрешать введение в эксплуатацию строящихся предприятий и их отдельных частей[1]. 18 июля действие этого важного постановления, вводившего, по сути, «военный стандарт» управления экономикой, распространили на наркоматы РСФСР и УССР.

После этого ГКО ввел институт уполномоченных. Воинскими перевозками сначала ведал Л. М. Каганович, а затем на это направление был назначен А. А. Андреев. Уполномоченным по формированию новых частей стал К. Е. Ворошилов, формально остававшийся членом ГКО; по вооружению и боеприпасам — Н. А. Вознесенский; по снабжению — А. И. Микоян; новым председателем Совета по эвакуации — Н. М. Шверник.

Эффект от новых назначений был усилен еще двумя актами. 3 июля были ликвидированы незадолго до того созданные при Бюро СНК комитеты по снабжению армии, по вооружению и боеприпасам. На следующий день Н. А. Вознесенский, М. З. Сабуров и М. Г. Первухин, с привлечением наркомов авиационной промышленности А. И. Шахурина, вооружения — Д. Ф. Устинова, боеприпасов — П. Н. Горемыкина, получили задание разработать военно-хозяйственный план обороны страны, «имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации»[2].

За первые 10 дней своей деятельности ГКО принял 343 постановления и распоряжения. Из них 28 постановлений — кадровые назначения на высшие военные должности, ранее входившие в компетенцию Политбюро, в том числе на должности начальника Генштаба РККА — маршала Б. М. Шапошникова, начальников главных управлений: артиллерии — генерал-полковника Н. Д. Яковлева, связи — генерал-майора И. Т. Пересыпкина, ГлавПУРККА — Л. З. Мехлиса. Главнокомандующими направлений были назначены: Северо-Западного — маршал К. Е. Ворошилов, Западного — маршал С. К. Тимошенко, Юго-Западного — маршал С. М. Будённый; командующими фронтами: Западного — маршал С. К. Ти-

М. З. Сабуров

М. Г. Первухин

мошенко, Резервного — генерал армии Г. К. Жуков; членами военных советов: Западного фронта — Н. А. Булганин, Северо-Западного стратегического направления — А. А. Жданов.

К этой же группе принятых указов следует отнести и постановление ГКО № 169сс от 16 июля «О строжайшем пресечении в Красной армии нарушений воинской дисциплины, об аресте и придании суду группы командования Западного фронта», в числе коих были командующий фронтом генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта генерал-майор В. Е. Климовских, начальник связи генерал-майор А. Т. Григорьев, а также командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков.

67 постановлений и распоряжений ГКО относились к вопросам оборонной промышленности. Среди них — о производстве боеприпасов: авиабомб ФАБ-100, бронебойных снарядов, напалма для ранцевых огнеметов и снарядов для установок реактивной артиллерии («катюша») М-8 калибра 82 мм и М-13 калибра 132 мм, бутылок с горючей смесью; бомбардировщиков ТБ-7, штурмовиков Ил-2, истребителей Як-1, Як-3, МиГ-3; авиамоторов; легких танков БТ-7, Т-26, Т-28, Т-38, Т-60, средних Т-34; бронеавтомобилей; установок М-8 и М-13.

Остальные 248 постановлений и распоряжений ГКО в июле 1941 г. посвящались: формированию новых соединений, частей народного ополчения и службы МПВО; обеспечению военнослужащих продовольствием, денежным и вещевым довольствием; строительству аэродромов и Можайской линии обороны; эвакуации предприятий, в первую очередь из Ленинграда и Москвы; материально-техническому снабжению оборонных предприятий, производству горюче-смазочных материалов и прочему.

В первые месяцы деятельности состав ГКО, распределение полномочий между его членами часто уточнялись. Изменялись и обязанности заместителей СНК СССР. Так, Н. А. Вознесенский, первый заместитель председателя СНК, не только не был включен в состав ГКО, но и отстранен от участия в решении главнейших вопросов. 20 августа 1941 г. последовало постановление ГКО № 532: «1. В отмену старых постановлений Государственного Комитета Обороны назначить т. Вознесенского уполномоченным Государственного Комитета Обороны по вопросам выполнения планов производства боеприпасов всех видов. 2. Освободить т. Вознесенского от всех текущих дел по Совнаркому СССР. 3. Возложить ведение текущих

Д. Ф. Устинов

П. Н. Горемыкин

дел по Совнаркому СССР на т. Микояна (созыв), Малышева и Первухина»[3]. Тем самым он был отстранен от работы в СНК, хотя и сохранил должность первого заместителя главы правительства.

ГКО ни на минуту не ослаблял контроль над важнейшими отраслями промышленности. Заместитель председателя СНК СССР и член ГКО Л. П. Берия был назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны по вопросам выполнения и перевыполнения планов, производства всех видов вооружения[4]. Два дня спустя, 1 сентября, заместителями к Л. П. Берии направили замов председателя Госплана СССР П. И. Кирпичникова и В. В. Кузнецова, «освободив их от другой работы, кроме работы, связанной с вопросами производства вооружения»[5]. Однако перераспределение обязанностей, особенно в курировании оборонной промышленности, продолжалось. 2 сентября Г. М. Маленков был назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны по вопросам производства танков. На него возлагалась «обязанность в кратчайший срок обеспечить выполнение и перевыполнение программы по производству танков всех видов». Все партийные, советские и хозяйственные организации должны были оказывать ему «необходимую помощь и содействие в выполнении возложенного на него поручения»[6].

11 сентября на базе отдельных заводов Наркомата среднего машиностроения, станкостроения и тяжелого машиностроения был образован Наркомат танковой промышленности во главе с В. А. Малышевым. Такая реорганизация быстро принесла положительные результаты. 26 ноября из Наркомата авиационной промышленности было выделено производство минометов и создан Наркомат минометного вооружения во главе с П. Н. Паршиным. Это объяснялось и тем, что нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин в условиях массовой эвакуации и спешного развертывания промышленности на востоке «провалил все планы производства и выдачи самолетов и минометов и подвел таким образом страну и Красную армию». Наркомат авиапромышленности был передан под контроль членов Государственного Комитета Обороны Л. П. Берии и Г. М. Маленкова[7].

25 октября 1941 г., через 10 дней после объявления в Москве осадного положения и принятия решения об эвакуации правительства в Куйбышев, Н. А. Вознесенский получил

А. Н. Косыгин

В. А. Махнев

предписание ГКО представлять в Куйбышеве Совет народных комиссаров СССР, руководить работой эвакуированных на восток наркоматов, прежде всего наркоматов авиапромышленности, танковой промышленности, вооружения, черной металлургии, боеприпасов, и добиваться того, чтобы в кратчайший срок были пущены заводы, эвакуированные на Волгу, Урал и в Сибирь, и чтобы наркоматы авиационной промышленности, танковой промышленности, вооружения, черной металлургии заработали в ближайшие недели полным ходом.

2 января 1942 г. Н. А. Вознесенский был назначен председателем Комиссии Бюро СНК СССР по текущим делам. В состав комиссии вошли В. М. Молотов, А. И. Микоян, А. А. Андреев, М. Г. Первухин и А. Н. Косыгин. А 3 февраля по личному предложению И. В. Сталина Н. А. Вознесенского вместе с А. И. Микояном ввели в состав ГКО[8].

В результате 4 февраля произошло новое перераспределение обязанностей между ключевыми фигурами в ГКО. Контроль над исполнением решений по производству танков был возложен на В. М. Молотова; по производству самолетов и моторов, а также по формированию авиаполков и своевременной их переброске на фронт — на Г. М. Маленкова и Л. П. Берию; по штабу минометных частей (реактивных установок М-8 и М-13) — на Г. М. Маленкова; по производству вооружения и боеприпасов — на Л. П. Берию; по производству боеприпасов и по черной металлургии — на Н. А. Вознесенского; по вещевому, продовольственному и денежному довольствию Красной армии, а также по обеспечению ее горючим, артиллерией и их транспортировкой — на А. И. Микояна. Кроме того, каждому члену ГКО предлагалось назначить заместителей «по контролю выполнения наркоматами решений ГКО по порученной ему отрасли работы»[9]. Уже 6 февраля заместителем к В. М. Молотову назначили заместителя наркома танковой промышленности П. Н. Зернова; к Н. А. Вознесенскому — заместителя наркома боеприпасов В. А. Махнева, зампредов Госплана СССР Н. А. Борисова и В. В. Кузнецова; к А. И. Микояну — начальника Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлева и наркома пищевой промышленности В. П. Зотова.

12 февраля произошло новое уточнение полномочий среди членов ГКО. Контроль над производством вооружения и боеприпасов был передан Л. П. Берии, взамен Н. А. Вознесен-

Н. Д. Яковлев

В. П. Зотов

ский получил контроль над производством цветных металлов и химикатов, добычей нефти и угля. А 16 февраля на Г. М. Маленкова возложили единоличный контроль над производством самолетов и моторов, формированием авиаполков и переброской их на фронт[10].

Важнейшим решением стало образование 11 февраля 1942 г. Транспортного комитета при ГКО. В круг его обязанностей включили «планирование перевозок на железнодорожном, морском и речном транспорте; увязку всех видов транспорта по перевозкам; выработку мероприятий по улучшению материальной базы и по обеспечению указанных видов транспорта новыми транспортными средствами (передвижной состав, путь, связь, погрузочно-разгрузочные средства) и ремонтом». Таким образом, была создана единая система управления и контроля, охватывающая собственно военное производство, снабжение его сырьем и полуфабрикатами и доставку произведенной продукции к фронту. Председателем комитета утвердили И. В. Сталина, членами: А. А. Андреева (заместитель) — первого заместителя наркома путей сообщений, Л. М. Кагановича — заместителя председателя СНК СССР (а 20 февраля его еще и ввели в состав ГКО), А. И. Микояна, П. П. Ширшова — наркома морского флота, З. А. Шашкова — наркома речного флота, А. Б. Хрулёва — начальника тыла Красной армии и наркома путей сообщений, И. В. Ковалёва — начальника Управления военных сообщений[11].

На этом кадровые перемены в высших органах власти и их реорганизация не завершились. 16 августа В. М. Молотова утвердили первым заместителем председателя СНК СССР «по всем вопросам работы СНК», а пять дней спустя назначили председателем комиссии Бюро СНК по текущим вопросам вместо Н. А. Вознесенского, которого сделали просто членом комиссии[12].

8 декабря 1942 г. постановлением ГКО было создано Оперативное бюро ГКО. К его ведению были отнесены контроль и наблюдение за текущей работой наркоматов оборонной промышленности, путей сообщения, черной, цветной металлургии, электростанций, угольной, химической промышленности, «а также за делом составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности и транспорта всем необходимым». В состав Оперативного бюро были введены четыре «ключевых» члена ГКО — В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия и А. И. Микоян.

П. П. Ширшов

З. А. Шашков

А. В. Хрулёв

И. В. Ковалёв

Дополнительно к возложенным на них прежде обязанностям Л. П. Берии вменялось курирование наркоматов угольной промышленности и путей сообщения, Г. М. Маленкову — черной металлургии, А. И. Микояну — цветной металлургии, «контроль и наблюдение за распределением топлива, металла и электроэнергии».

Тем же постановлением, на сей раз принятым от имени Политбюро, упразднялась Комиссия Бюро СНК по текущим вопросам и восстанавливалось довоенное Бюро СНК. В его состав вошли В. М. Молотов, А. И. Микоян, А. А. Андреев, Н. А. Вознесенский и председатель ВЦСПС Н. М. Шверник.

Бюро СНК передало оперативный контроль Оперативному бюро ГКО, а само рассматривало и утверждало «народно-хозяйственные планы (планы производства и снабжения), государственный бюджет и кредитование всех отраслей народного хозяйства, решало практические вопросы работы машиностроительных наркоматов, наркоматов по строительству и производству строительных материалов, пищевой и легкой промышленности, сельского хозяйства, сельскохозяйственных заготовок и торговли, морского и речного транспорта, резиновой промышленности, лесной промышленности, целлюлозно-бумажной промышленности, здравоохранения, юстиции и всех комитетов и управлений при СНК СССР, ведающих отдельными отраслями культурного строительства и административного управления». Одним словом, Бюро СНК получало в ведение все то, что оказалось вне сферы ГКО.

Затянувшийся почти на год процесс распределения задач между чрезвычайным и конституционным высшими исполнительными органами власти СССР на повседневной деятельности ГКО практически не сказался. Он продолжил заниматься только теми вопросами, которые и определяли обороноспособность страны, позволяли оказывать отпор натиску врага.

ГКО организовывал эвакуацию на восток — на Волгу, Урал, в Сибирь населения из угрожаемых регионов, принимал меры для обеспечения его на новых местах жильем и продовольствием. Контролировал вывод как можно дальше от линии фронта скота и сельхозинвентаря. Но главное, занимался демонтажем и отправкой в тыл заводов и фабрик, воссозданием их в возможно кратчайшие сроки и переводом их производства на нужды обороны. Под особым контролем ГКО из Ленинграда эвакуировали Ижорский завод, танкостроительный Кировский (частично); из Ленинградской области — оборудование Волховской и Свирской ГЭС, Волховский алюминиевый, Тихвинский глиноземный; из Шостки и Павлограда — пороховой и снарядный заводы; из Одессы — сталепрокатный; из Керчи, Мариуполя, Краматорска — металлургические и машиностроительный; из Днепропетровска — алюминиевый, магниевый, электродный; из Москвы — автомобильный (частично), Первый подшипниковый, «Москабель», «Серп и молот»; из Подмосковья — «Электросталь», оптико-механический и прочие.

Помимо уполномоченных — членов ГКО сотни человек получали временные назначения как уполномоченные ГКО для решения конкретных задач в отдельной отрасли, на отдельных предприятиях либо в городах, где концентрировалось оборонное производство. Так, зампредседателя СНК СССР А. Н. Косыгина дважды направляли с таким заданием — в Ленинград и Сталинград. Благодаря практике назначения временных уполномоченных ГКО удалось избежать создания собственной структуры, которая неизбежно затормозила бы его работу.

В первую очередь под контролем членов ГКО находилось выполнение планов производства военной техники: самолетов Пе-2, ЛаГГ-3, Ил-4 (ДБ-3), Як-7; танков Т-34 и КВ; танковых пушек ЗиС-5, 122-мм дивизионных гаубиц, 76-мм полковых пушек, 120-мм полковых минометов; автоматов ППШ. Но, пожалуй, самым важным было постановление № 2542сс от 27 ноября 1942 г. «О добыче урана», положившее начало созданию советского ядерного оружия. Оно обязывало: «1. К 1.5.43 г. организовать добычу и переработку урановых руд и получение урановых солей в количестве четырех тонн в год на Табошарском заводе «В» Главредмета... 3. Приравнять завод «В» в части порядка финансирования, проектирования, строительства, оплаты труда, материально-технического и продовольственного снабжения к строительствам особо важного назначения... 4. Возложить на Радиевый институт АН СССР (акад. Хлопин), с привлечением Научного института удобрений и инсектофунгицидов им. Самойлова и Уральского института механической обработки полезных ископаемых, разработку

И. В. Курчатов

к 1.2.1943 г. технологической схемы получения урановых концентратов из табошарских руд и переработки их для получения урановых солей. 5. Комитету по делам геологии при СНК СССР (т. Малышев) в 1943 г. провести работы по изысканию новых месторождений урановых руд с первым докладом Совнаркому СССР не позже 1 мая 1943 г.». Постановление было подписано В. М. Молотовым[13].

Всего через два с половиной месяца, 11 февраля 1943 г., задолго до того как участники «Манхэттенского проекта» приблизились к созданию атомной бомбы, последовало новое распоряжение ГКО № 2872сс по урановой проблеме. Им намечалась программа распределения людских и материальных ресурсов для советского атомного проекта. Обязанности повседневного руководства работами по урану возлагались на М. Г. Первухина и С. В. Кафтанова, а научным руководителем данных работ назначался профессор И. В. Курчатов. Президиуму Академии наук СССР и Ленсовету давались поручения укомплектовать специальную лабораторию атомного ядра научными кадрами и передать в ее ведение оборудование и циклотрон Ленинградского физико-технического института. Тем же постановлением наркоматам черной металлургии, среднего машиностроения, электропромышленности, цветной металлургии, финансов давалось срочное задание: к 1 марта — 15 мая 1943 г. изготовить и доставить для лаборатории Курчатова все необходимое оборудование и сырье. От самого профессора И. В. Курчатова требовалось «провести к 1 июля 1943 г. необходимые исследования и представить Государственному Комитету Обороны к 5 июля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива»[14].

ГКО продолжал определять кадровый состав высшего военного руководства. Им были назначены на посты начальник Генштаба РККА А. М. Василевский, начальники Главного управления формирования и укомплектования войск Е. А. Щаденко, Главного военно-санитарного управления Е. И. Смирнов, Главного управления автотранспортной и дорожной службы З. И. Кондратьев, заместитель командующего ВВС Ф. Я. Фалалеев. ГКО принял решения о назначении К. А. Мерецкова командующим Волховским фронтом, а вице-адмирала

⊗ 149

СОВ.СЕКРЕТНО.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ №2542сс

"27 ноября 1942г. Москва, Кремль.

О добыче урана.

Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать Наркомцветмет (т.т.Ломако, Флоров):

а) к 1.У.1943 г. организовать добычу и переработку урановых руд и получение урановых солей в количестве четырех тонн в год на Табошарском заводе "В" Главредмета;

б) перевести на временную консервацию Адрасманский висмутовый рудник, использовав оборудование и кадры его для строительства Табошарского уранового предприятия;

в) в месячный срок представить на утверждение ГОКО заявку на рабочую силу, материалы и оборудование, необходимые для выполнения работ по урану;

г) в первом квартале 1943 г. составить комплексный проект уранового предприятия производительностью 10 тонн урана в солях в год;

д) закончить в 1943 г. разведочные, изыскательские и исследовательские работы по урановым месторождениям Майли-Су и Уйгур-Сай и запроектировать их промышленное использование.

2. Разрешить Наркомцветмету временно извлекать на заводе "В" только уран, обеспечив сохранность складируемых радий-содержащих отходов.

3. Приравнять завод "В" в части порядка финансирования, проектирования, строительства, оплаты труда, материально-техничес-

Постановление ГКО «О добыче урана». Лист 1

150

2.-

кого и продовольственного снабжения к строительствам особого значения и распространить на него действие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30 января 1941 г. "Об увеличении производства молибденового концентрата на предприятиях Наркомцветмета".

4. Возложить на Радиевый Институт АН СССР (акад.Хлопин) с привлечением Научного Института Удобрений и Инсектофунгисидов им.Самойлова и Уральского института механической обработки полезных ископаемых разработку к 1.II.1943 г. технологической схемы получения урановых концентратов из табошарских руд и переработки их для получения урановых солей.

5. Комитету по Делам Геологии при СНК СССР (т.Малышев) в 1943 г. провести работы по изысканию новых месторождений урановых руд с первым докладом Совнаркому СССР не позже 1 мая 1943 года.

6. Обязать Наркомсредмаш выделить в ноябре месяце Наркомцветмету для Табошарского завода "В" 4 трехтонных автомашины за счет резерва ГОКО.

7. Возложить на тов. Попова (НКГК) личный контроль за неуклонным выполнением настоящего Постановления ГОКО.

Зам. Председателя Государственного
Комитета Обороны

В. Молотов

6 Молотову
Ломако
Фролову
Сабурову
Попову НКГК
Чадаеву
Звереву
Грассману
Фирсову } 3
Минимову
Комарову (Ак. Наук) } 4
Хлопину
Малышеву (К-т Геологии) 5
Аконову 6

Постановление ГКО «О добыче урана». Лист 2

Ф. С. Октябрьского — заместителем командующего Закавказским фронтом. Начальником Центрального штаба партизанского движения был назначен П. К. Пономаренко.

В конце 1942 г. ГКО принял несколько постановлений с целью реорганизации Наркомата обороны. Начало реорганизации было положено упразднением института военных комиссаров в армии и на флоте. В целом, успешные для СССР итоги весенней кампании 1943 г. и в то же время необходимость восполнения серьезных потерь офицерского состава вызвали к жизни постановление ГКО № 3426 от 24 мая 1943 г. «Об упразднении института заместителей командиров по политической части рот, батарей, эскадронов, эскадрилий, отдельных взводов и частичном сокращении политработников других категорий». Ликвидация явно ставшего излишним звена политического контроля на уровне подразделений позволила перевести около 120 тыс. политработников на командную работу в войска, а 3 тыс. — на укомплектование вновь создаваемых низовых органов ГУКР «Смерш»[15]. 2 июля 1943 г. ГКО постановил вместо Военно-политической академии имени В. И. Ленина создать годичные курсы переподготовки политического состава численностью в 800 человек[16].

Практически одновременно произошли и кардинальные изменения в руководстве Наркомата обороны. Опираясь на уже двухлетний опыт, И. В. Сталин максимально упростил организацию своего ближайшего окружения как наркома обороны. В постановлении ГКО № 3399 «О заместителях наркома обороны», принятом 20 мая 1943 г., говорилось: «В начале войны, когда Наркомат обороны перестраивался применительно к нуждам войны и когда во главу управлений и родов войск НКО были выдвинуты новые руководители, авторитет которых необходимо было поднять путем назначения их заместителями наркома, было вполне понятно назначение начальников главных управлений и командующих родов войск заместителями наркома. В данный же момент, когда наркомат уже приспособился к нуждам войны, а начальники главных управлений и командующие родов войск приобрели достаточный опыт и авторитет, нет больше необходимости иметь большое количество заместителей и сохранять за начальниками главных управлений и за командующими родов войск должности заместителей наркома обороны.

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Иметь в НКО всего двух заместителей наркома: первого заместителя — Маршала Советского Союза Жукова и заместителя по Генштабу — Маршала Советского Союза Василевского.

2. Освободить от должности заместителей наркома обороны тт. комиссара государственной безопасности 2 ранга Абакумова, генерал-лейтенанта артиллерии Аборенкова, Маршала Советского Союза Будённого, генерал-лейтенанта инженерных войск Воробьёва, маршала артиллерии Воронова, генерал-полковника Голикова, генерал-лейтенанта Громадина, генерал-полковника авиации Жигарева, генерала армии Мерецкова, маршала авиации Новикова, генерал-полковника войск связи Пересыпкина, Маршала Советского Союза Тимошенко, генерал-полковника танковых войск Федоренко, генерал-полковника интендантской службы Хрулёва, Маршала Советского Союза Шапошникова, генерал-полковника Щаденко, генерал-лейтенанта Щербакова с оставлением их в ныне занимаемых должностях начальников главных управлений, командующих родов войск и т. д.»[17].

Правоохранительная политика Советского государства в годы войны определялась указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», принятым 22 июня 1941 г. в соответствии с пунктом «п» статьи 49 Конституции СССР. Согласно этому указу, в местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались военному командованию. За неподчинение его распоряжениям и приказам, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали привлечению к уголовной ответственности по законам военного времени. Все дела о государственных преступлениях, хищениях общественной собственности, разбое, умышленных убийствах и побегах из мест заключения, уклонении от воинской службы, сопротивлении представителям власти, незаконном хранении оружия, а также все дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, подлежали рассмотрению военных

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ О ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛАХ В МЕСТНОСТЯХ, ОБ'ЯВЛЕННЫХ НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, И В РАЙОНАХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

1. Утвердить положение о военных трибуналах в местностях, об'явленных на военном положении, и в районах военных действий.

2. Предусмотренный ст. ст. 11 и 12 указанного положения порядок рассмотрения дел военными трибуналами в местностях, об'явленных на военном положении, и в районах военных действий вводится в действие совместным приказом Народного Комиссара юстиции Союза ССР и Народного Комиссара Обороны Союза ССР с разрешения Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 22 июня 1941 года.

Положение о военных трибуналах в местностях,
объявленных на военном положении, и в районах военных действий

трибуналов. Им же на рассмотрение военные власти могли передать и уголовные дела иных видов, если это признавалось необходимым по обстоятельствам военного положения[18].

22 июня 1941 г. было утверждено «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий». Трибуналам предоставлялось право рассматривать дела в течение 24 часов после вручения обвинительного заключения. Вынесенные ими приговоры кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора[19]. Военные трибуналы создавались не только в армии, на флоте и в войсках НКВД, но также в военизированных учреждениях и на транспорте. Постановлением ГКО от 14 декабря 1941 г. линейные суды железных дорог СССР были реорганизованы в военные трибуналы. В местностях, где постановлением ГКО вводилось осадное положение, территориальные судебно-прокурорские органы преобразовывались в военные. До начала войны в стране функционировали 298 военных трибуналов с численностью судей 766 человек. По состоянию на 1 марта 1942 г. было сформировано еще 823 трибунала, а численность оперативных работников (без секретарей) увеличилась до 3735 человек[20].

Трибуналы стали важным звеном в системе правоохранительных органов военного времени. С 1941 по 1945 г. военные трибуналы Красной армии и флота и войск НКВД СССР осудили 2 530 663 человека. Одной из важных отличительных особенностей правоохранительной политики военных лет было широкое применение в соответствии со статьей 28, прим. 2 Уголовного кодекса (УК) РСФСР отсрочки исполнения приговоров к лишению свободы до окончания военных действий с направлением осужденных в действующую армию. Особенно часто эта мера применялась по отношению к военнослужащим. Например, во втором полугодии 1941 г. отсрочка по воинским преступлениям была применена в отношении 70%, в

Конный патруль Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского на улице Москвы

1942 г. — 79%, в 1943 г. — 84% лиц, имевших приговор к лишению свободы[21]. В числе граждан, осужденных за годы войны военными трибуналами Красной армии и флота и войск НКВД СССР, за контрреволюционные преступления были осуждены 471 988 человек, за воинские преступления — 792 192 человека, за общеуголовные преступления — 1 266 483 человека. Кроме того, военными трибуналами железнодорожного и водного транспорта, по неполным данным, были осуждены 406 042 человека[22].

Ужесточение советского законодательства в начале войны проявлялось не только в усилении санкций за те или иные правонарушения, но и в появлении новых составов преступлений. В военное время было признано преступным распространение среди населения панических и пораженческих слухов. Выступая 3 июля 1941 г. по радио, И. В. Сталин особо подчеркнул: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов... Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица»[23].

Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», лица, виновные в подобных преступлениях, карались по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от двух до пяти лет, «если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания»[24].

Столь суровые санкции объяснялись, в первую очередь, чрезвычайно сложной военной обстановкой того периода. Анализ судебной практики военных трибуналов показывает,

что распространявшиеся в военное время слухи носили самый разнообразный характер. В основном они касались положения на фронтах, экономической ситуации в стране. Были установлены случаи, когда ложные слухи организованно распространялись вражеской агентурой. Для этих целей немцы зачастую использовали заключенных, отбывавших наказание в тюрьмах на оккупированной территории.

Судебные процессы по делам о распространении ложных слухов проводились, как правило, в закрытых заседаниях и не освещались в печати. По неполным данным, до 1 ноября 1941 г. военные трибуналы осудили по этому указу на три или пять лет 1423 человека. Впоследствии исполняющий обязанности прокурора СССР Г. Н. Сафонов направил прокурорским органам особые указания о том, что многие дела о распространении ложных слухов «политически правильнее» квалифицировать не по указу от 6 июля, а как дела о контрреволюционной агитации[25].

Война вызвала к жизни многие несвойственные мирному времени преступления, такие, например, как мародерство. Небывалое напряжение тех дней подорвало моральные устои многих советских граждан, в том числе и руководящих работников. Согласно справке Управления коменданта г. Москвы только за 16–18 октября 1941 г., по неполным данным, из 438 предприятий, учреждений и организаций города сбежало, поддавшись панике и пораженческим настроениям, 779 руководящих работников. Из Москвы бежал директор 1-го Московского медицинского института В. В. Парин, а вместе с ним на автомашинах и два его заместителя, два руководителя клиник, главный бухгалтер и секретарь парторганизации[26]. Под воздействием панических слухов о скорой сдаче Москвы немцам скрылись директор и кассир обувной фабрики Молотовского промтреста, бросив производство. На фабрике № 2 «Большевичка» среди сбежавших были технический руководитель и начальник цеха, при этом они похитили из кладовой 160 метров бостона и меховых изделий на сумму 87 тыс. рублей. Как отмечалось в справке, «бегство отдельных руководителей предприятий и учреждений сопровождалось крупным хищением материальных ценностей и разбазариванием имущества. Было похищено наличными деньгами за эти дни 1 484 000 рублей, а ценностей и имущества на сумму 1 051 000 рублей. Угнаны сотни легковых и грузовых автомашин»[27].

Смертельная опасность, нависшая над Москвой, потребовала принятия чрезвычайных мер. 19 октября постановлением ГКО № 813 с 20 октября 1941 г. в столице и прилегающих к ней районах вводилось осадное положение. Постановление, в частности, предписывало: «Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте»[28]. Во исполнение этого постановления ГКО в течение суток в Москве были созданы 25 районных военных комендатур и девять комендатур в пригородных районах. На базе Московского городского суда и народных судов был организован военный трибунал, который начал действовать с 27 октября 1941 г. В течение последующих восьми месяцев военными комендантами по разным основаниям были задержаны свыше 830 тыс. человек, на месте расстреляны за антисоветскую агитацию 13 человек. У лиц, вышедших из окружения и бежавших с фронта, а также у гражданского населения было отобрано и сдано на военные склады почти 15 тыс. единиц огнестрельного оружия и около 800 тыс. патронов и гранат. Специальная работа была проведена по очистке Москвы от уголовных элементов (вывоз заключенных, выселение граждан без определенных занятий, превентивные аресты лиц с криминальным прошлым), особое внимание было уделено вопросам борьбы с нарушителями правил светомаскировки. Только с октября 1941 по июль 1942 г. за это правонарушение сугубо военного времени Управление коменданта привлекло к ответственности свыше 57 тыс. человек, штрафы по этим делам составили 518 285 рублей. Еще около 9 тыс. человек были привлечены к ответственности за нарушение правил светомаскировки на автотранспорте[29]. Принятые чрезвычайные меры помогли стабилизировать обстановку и не допустить эскалации преступности.

Учитывая заметно возросшую социальную опасность дезертирства и немалые масштабы этого явления, Главное управление милиции НКВД СССР 9 мая 1942 г. издало директиву

«Об организации активных мер по борьбе с уголовными проявлениями, совершаемыми дезертирами и другими уголовными преступниками».

С осени 1942 г. дезертиров, занимающихся бандитизмом и вооруженными грабежами, начали предавать суду военных трибуналов заочно как изменников Родине. При аресте дезертиров, в отношении которых были вынесены заочные приговоры к высшей мере наказания, приговоры военных трибуналов приводились в исполнение немедленно. Суровым репрессиям подвергались не только сами дезертиры, но и их родственники. Еще ранее на основании постановления ГКО № 1926сс от 24 июня 1942 г. был установлен порядок, согласно которому репрессиям подвергались семьи лиц, осужденных к высшей мере наказания по статье 58-1а УК РСФСР (измена Родине). Членами семьи считались отец, мать, муж, жена, дети, братья и сестры, если они жили совместно с осужденным или находились на его иждивении. Впоследствии был издан ряд директив, значительно расширявших круг лиц, чьи семьи подлежали репрессиям на основании объективного вменения, то есть без установления их вины[30]. Жесткость карательной практики в отношении дезертиров объяснялась отчасти тем, что в условиях военного времени дезертирство становилось социальной базой бандитизма.

Так называемое трудовое дезертирство, наряду с прогулами и опозданиями, стало в годы войны едва ли не самым распространенным правонарушением. Резкое усиление санкций за несоблюдение трудовой дисциплины произошло 26 декабря 1941 г., когда был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Все рабочие и служащие мужского и женского пола, занятые на предприятиях военной промышленности и в других отраслях, обслуживающих военную промышленность, объявлялись мобилизованными на период войны и закреплялись на тех предприятиях, на которых они работали. Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий, в том числе и эвакуированных, расценивался как дезертирство, и лиц, виновных в самовольном уходе, предписывалось карать тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет. Дела на лиц, виновных в самовольном уходе, подлежали рассмотрению военными трибуналами[31]. В течение года действие указа от 26 декабря 1941 г. было распространено на многие отрасли, имевшие важное стратегическое значение: например, на предприятия угольной, нефтяной, текстильной, бумажной промышленности, на железнодорожный и водный транспорт, а также на ряд отдельных трестов и строек.

Согласно постановлению СНК СССР от 3 января 1942 г., директора предприятий военной промышленности были обязаны направлять материалы о дезертирах военному прокурору не позднее, чем на следующий день после установления факта правонарушения. В свою очередь, органы военной прокуратуры, руководствуясь соответствующими разъяснениями наркома юстиции СССР Н. М. Рычкова и прокурора СССР В. М. Бочкова, должны были немедленно, без предварительного расследования, выносить постановления о привлечении обвиняемых к ответственности и передавать эти постановления в ближайший военный трибунал вместе с материалами, полученными от директоров предприятий. Дела по указу от 26 декабря 1941 г. рассматривались военными трибуналами во внеочередном порядке. Широкое распространение получила практика заочного рассмотрения дел о самовольном уходе с предприятий военной промышленности, что часто приводило к неосновательному преданию суду и осуждению. Например, в Удмуртии военный трибунал заочно приговорил к пяти годам тюрьмы рабочего И. П. Мурзина, а впоследствии оказалось: он отсутствовал на предприятии по той причине, что, возвращаясь с работы, попал под трамвай и лишился ног[32].

С целью повышения эффективности борьбы за ликвидацию прогулов и самовольных уходов с предприятий прокурор СССР направил всем прокурорам указание «о привлечении к строжайшей ответственности руководителей и других работников предприятий за попустительство дезорганизаторам производства, нарушение установленного порядка предания суду дезертиров и прогульщиков и за создание условий, способствующих нарушениям трудовой дисциплины»[33].

Главная причина, по которой многие работники оборонных и приравненных к ним предприятий, невзирая на грозящие кары, самовольно оставляли работу, крылась в тяжелых мате-

риальных и жилищно-бытовых условиях, в которых оказывались рабочие этих предприятий. Наибольший размах трудовое дезертирство приобрело в таких областях, как Свердловская, Молотовская и Челябинская, где было сосредоточено огромное число эвакуированных военных заводов. Так, бюро Челябинского обкома ВКП(б) отмечало, что «директора заводов... переложили борьбу с дезорганизаторами производства только на карательные органы, не проявили заботу об улучшении быта, проглядели массовые случаи прогулов и самовольных уходов рабочих с предприятий»[34].

Немалую часть дезертиров составляли подростки, прибывшие на заводы после окончания школ ФЗО и ремесленных училищ. В начале 1942 г. в Саратове на заводе № 180 Наркомата боеприпасов наблюдалось массовое дезертирство молодых рабочих, которые прибыли на завод по окончании Вольской школы ФЗО. Прокурорской проверкой было установлено, что «из 105 подростков, прибывших из школы ФЗО, 20 были размещены в общежитии, а остальные на частных квартирах. Подросткам выдали по матрацу и подушке. Другими постельными принадлежностями не снабдили, за отсутствием кроватей спят они на полу, укрываются грязной одеждой, стирка белья не организована. Подростки один раз в сутки получают горячую пищу: обед из овсяного супа и соевой каши. В выходные дни их не пускают в заводскую столовую. Получив аванс по 75 руб., рабочие быстро израсходовали эти деньги и остались без средств. Спецодежду им не выдали. Никакой культурно-политической работы среди молодых рабочих не проводится... В результате такого к ним отношения 22 подростка дезертировали с завода»[35].

Вскоре в судебной практике по делам о дезертирстве молодежи возник вопрос, как следует квалифицировать самовольный уход с предприятий учеников-подростков в возрасте моложе 16 лет. Поначалу их судили в соответствии с указом от 26 декабря 1941 г., однако позднее Верховный суд СССР внес в этот вопрос серьезные уточнения. В постановлении от 1 августа 1942 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что самовольный уход с предприятий учеников-подростков моложе 16 лет должен рассматриваться по аналогии как самовольный уход учащихся из училищ и школ, то есть к ним должен применяться указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. Этим указом для учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО ответственность за самовольный уход из училища (школы) устанавливалась по приговору суда в виде заключения в трудовые колонии сроком до одного года[36].

Сравнительно редкими были случаи дезертирства среди лиц призывных возрастов. На военных заводах эти рабочие, как правило, получали бронь на время войны и в армию не призывались, что служило сдерживающим фактором. Среди осужденных за трудовое дезертирство весьма значительной была доля женщин: в 1942 г. она составляла 28%, а в конце 1943 г. — 43,1%. Больше всего самовольных уходов фиксировалось на предприятиях Наркомата угольной промышленности и Наркомата вооружения, то есть там, где условия труда женщин были одними из самых тяжелых в промышленности[37].

Уголовное наказание за нарушения трудовой дисциплины тем не менее не позволило добиться ликвидации прогулов, опозданий, самовольного оставления работы. На отдельных предприятиях число осужденных за прогулы было настолько большим, что, по мнению прокурора СССР, судимость за это преступление становилась по существу «бытовым явлением». Так, на заводе № 2 Наркомата вооружений с 1 января 1942 по 20 марта 1943 г. было осуждено только за прогулы 26,3% от списочного состава рабочих данного предприятия.

18 октября 1942 г. постановлением СНК СССР было установлено дополнительное наказание для лиц, осужденных за прогул, — снижение нормы отпуска хлеба. Как показала практика, применение этой меры наказания оказалось более эффективным средством. На многих крупных предприятиях снижение нормы отпуска хлеба рабочим, осужденным за прогул, привело к резкому сокращению числа прогулов, чего не удавалось достичь судебными мерами.

Указы военного времени предусматривали уголовную ответственность не только за нарушение трудовой дисциплины, но и за уклонение от мобилизации для работы на производ-

стве и строительстве, за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней, за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы и другие «уклонения от работы на трудовом фронте».

Всего за время войны по указам военного времени были осуждены более 8,5 млн человек. Причем 75,7% всех приговоров, вынесенных в годы войны за нарушения трудового законодательства, не были связаны с лишением свободы. Это свидетельствует о том, что карательная практика в области применения указов военного времени была менее жесткой по сравнению применением мер социальной защиты в сфере уголовного законодательства.

Меры наказания, предусмотренные за общие уголовные преступления и тем более за так называемые контрреволюционные преступления, были значительно строже. В СССР контрреволюционные преступления относились к числу государственных преступлений, наиболее опасных для советского строя. Именно поэтому в судебной практике и в литературе их часто называли антисоветскими преступлениями. По данным Отдела по подготовке и рассмотрению ходатайств о помиловании при Президиуме Верховного Совета СССР, за годы войны специальными судами СССР (военными трибуналами и транспортными судами) и судебными органами союзных республик за контрреволюционные преступления были осуждены 583 285 человек.

Наиболее часто в военные трибуналы поступали дела об измене Родине (ст. 58-1 УК РСФСР) и об антисоветской агитации или пропаганде (ст. 58-10 УК РСФСР). По закону эти преступления, совершенные в военной обстановке или в местностях, объявленных на военном положении, влекли за собой «высшую меру социальной защиты — расстрел». При рассмотрении военными трибуналами дел о контрреволюционной агитации и пропаганде было допущено немало судебных ошибок. За первый год войны высшую меру наказания применили к 40% осужденных за контрреволюционную пропаганду и агитацию[38].

Одним из самых распространенных видов уголовных преступлений в годы войны было хищение государственной (общественной) собственности и личного имущества граждан. В 1941 г. за кражи и хищения были осуждены 359 786 человек, а в 1944 г. — уже 519 546 человек[39].

Специфика правонарушений военного времени проявлялась в том, что преступники использовали для своих целей такие ситуации, как воздушная тревога, эвакуация, обязательное затемнение населенных пунктов в прифронтовой полосе и прочее.

Так, в октябре 1941 г. в Москве на фабрике «Мосбелье» была выявлена преступная группа из трех человек, расхищавших материалы, предназначенные для нужд Красной армии, во время воздушных тревог, когда на фабрике оставался открытым склад, в помещении которого находился пожарный кран. Пользуясь темнотой, преступники (рабочие этой же фабрики) поочередно проникали на этот склад и мелкими партиями выносили военное сукно и шерстяные ткани, похитив в общей сложности 88 метров ценной военной продукции.

Органы московской милиции вскрыли ряд случаев расхищения вещей эвакуированных жильцов в домах, расположенных на Большой Грузинской улице и в районе Миусской площади, управдомами. При обыске в квартирах преступников были обнаружены и изъяты сотни похищенных вещей и предметов домашнего обихода (костюмы, часы, велосипеды и прочее). Также были выявлены случаи, когда домоуправы в кооперации с другими мошенниками занимались фабрикацией подложных списков на жильцов, получали по ним продовольственные и промтоварные карточки, а по этим карточкам приобретали для себя нормированные продукты и промтовары. Дела по таким преступлениям рассматривались военным трибуналом[40].

Много уголовных дел по стране было возбуждено по фактам хищения железнодорожных грузов, причем главную категорию расхитителей (свыше 60% от общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности) составляли не профессиональные преступники, как это было до войны, а сами железнодорожники. Так, в первом квартале 1943 г. из 203 хищений, совершенных на Южно-Уральской железной дороге, на долю железнодорожных рабочих приходилось 131 хищение (64,5%)[41]. Проблема сохранности грузов на железных дорогах страны сохраняла свою актуальность в течение всех военных лет.

В предвоенные годы весьма распространенным видом преступлений было хулиганство. Так, в одном лишь 1940 г. за хулиганство осудили 201 735 человек, что было связано с исполнением указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство». В 1941 г. число осужденных за это правонарушение снизилось до 140 тыс. человек, а в 1943 г. составило около 14 тыс. В первый год войны почти всех, кто был осужден за хулиганство к лишению свободы (кроме злостных хулиганов), освободили от наказания, при этом лица призывных возрастов были организованно переданы в военкоматы.

Более половины общеуголовных преступлений в годы войны совершалось в городах. В 1941 г. на долю городов приходилось 54% преступлений, на сельскую местность — 46%. К 1945 г. эта пропорция несколько изменилась — 51,9 и 48,1%. Весьма существенные изменения произошли в составе лиц, совершивших преступления. Согласно судебной статистике, доля осужденных мужчин уменьшилась за годы войны с 82,8% в 1941 г. до 59,9% в 1944 г., а доля женщин в составе лиц, совершивших преступления, увеличилась соответственно с 17,2% до 40,1%. Лишь в последний год войны наметилась тенденция к снижению женской преступности[42].

Прямым следствием тяжелейших условий военного времени стал рост подростковой преступности. Если в 1941 г. несовершеннолетними было совершено 5% всех зарегистрированных в стране преступлений, то в 1944 г. этот показатель вырос до 11%. Военные и трудовые мобилизации оставили многих подростков без родительского надзора, многие дети вообще лишились родных и близких и стали сиротами. Все это не могло не привести к росту числа беспризорных и безнадзорных детей и к повышению уровня преступности среди несовершеннолетних. Малолетние преступники в основном занимались карманными и квартирными кражами, хулиганили, но были на счету несовершеннолетних и тяжкие преступления — убийства и грабежи.

Прилагая усилия к тому, чтобы не допустить активного вовлечения молодежи в преступную среду, государство, несмотря на чрезвычайно сложную обстановку на фронте, уделяло значительное внимание ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. В 1942–1943 гг. были приняты постановления СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». Судьбой беспризорных и безнадзорных детей занимался Наркомат внутренних дел, которому подчинялись колонии для несовершеннолетних и детские приемники-распределители. Законы военного времени были суровы, подчас жестоки, но необходимы. Их появление и неуклонное проведение в жизнь стало неизбежным следствием прежде всего экстремальной обстановки. Оно позволило обеспечить консолидацию тыла, нейтрализовать деструктивное воздействие войны, сохранить правопорядок и безопасность.

Руководство перемещением основных производственных мощностей и производительных сил страны

Летом 1941 г. вражеское вторжение поставило под угрозу наиболее освоенные и развитые экономические районы, где проживало 40% всего населения страны и было расположено 31 850 крупных и средних промышленных предприятий, в том числе 37 заводов черной металлургии, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения, 1135 шахт, свыше 3 тыс. нефтяных скважин, 61 крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых и других предприятий[43].

Немецко-фашистские оккупанты надеялись, как это им удалось в порабощенных странах Европы[44], захватить и на советской земле огромный промышленно-экономический потен-

М. В. Захаров

Б. Н. Арутюнов

циал, другие материальные и людские ресурсы СССР. Потеря столь внушительной экономической базы, по их мнению, привела бы Советское государство к быстрому и неминуемому краху. С первых дней войны стало очевидно, что от размеров и темпов перемещения масс населения, производственных ресурсов и материально-культурных ценностей из угрожаемых районов на восток во многом зависели результаты перестройки народного хозяйства СССР на военный лад, развертывание массового военного производства, обеспечение количественного и качественного превосходства над врагом по всем видам вооружения и, в конечном счете, исход вооруженной борьбы с фашистским блоком.

Необходимо учесть, что само по себе перемещение производственных мощностей сопровождается значительными материальными и финансовыми потерями. Одно лишь прекращение производственного процесса на тысячах предприятий наносит стране огромный ущерб. Но альтернативой спасению от врага производительных сил страны и их использованию в интересах развертывания мощной военной экономики могло стать только военное поражение.

Каких-либо заблаговременно разработанных планов по организации масштабной эвакуации в СССР не существовало, не создавались и органы руководства перебазированием производительных сил страны. В Москве во главе с председателем Московского совета В. П. Прониным была создана специальная Комиссия по эвакуации из Москвы населения в военное время, которая 3 июня представила И. В. Сталину свой план и проект постановления Совнаркома СССР «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время», но И. В. Сталин план не утвердил, а комиссию распустил[45].

Однако уже 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей»[46] был создан Совет по эвакуации во главе с Л. М. Кагановичем. А 3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. 16 июля ГКО уточнил состав Совета по эвакуации: А. Н. Косыгин (заместитель председателя), М. Г. Первухин (заместитель председателя), А. И. Микоян, Л. М. Каганович (в период

отсутствия его заменял Б. Н. Арутюнов), М. З. Сабуров (в период отсутствия его заменял Г. П. Косяченко) и В. С. Абакумов (НКВД)[47]. Через месяц в состав был введен заместитель начальника Главного управления тыла Красной армии генерал М. В. Захаров. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым, который стал и одним из заместителей председателя Совета[48].

За практическое осуществление эвакуации отвечали центральные комитеты партии и совнаркомы союзных республик, наркоматы, обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы местных Советов. К выполнению этой военно-хозяйственной задачи были привлечены и органы тыла Красной армии. Вывоз промышленного оборудования и других материальных ценностей из угрожаемых районов стал одной из важнейших обязанностей начальников тыла фронтов и армий. При наркоматах и ведомствах были образованы специальные бюро и комиссии по эвакуации и выделены уполномоченные для каждой группы предприятий. Контроль над вывозом населения, оборудования и других материальных ценностей осуществляла созданная при Совете по эвакуации группа инспекторов во главе с А. Н. Косыгиным[49].

Главные задачи и первоочередные объекты эвакуации определяло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Важнейшие проблемы перебазирования: порядок эвакуации населения, организация обслуживания эвакуированных в пути, конечные пункты следования, правила и очередность вывоза ценного оборудования и грузов, сроки восстановления предприятий и инфраструктуры, жилищного строительства в районах их размещения — решались комплексно. В первую очередь вывозу на восток подлежали квалифицированные рабочие и ИТР, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение. Вскоре это постановление было дополнено утвержденной Совнаркомом СССР специальной инструкцией о порядке демонтажа и отгрузки оборудования заводов и фабрик.

В соответствии с решением ГКО в операцию по перебазированию производительных сил страны на восток с первых дней войны были активно включены все виды советского транспорта. Однако главная тяжесть в выполнении этой сложнейшей задачи закономерно пришлась на долю железных дорог. В названном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. на НКПС было возложено «предоставление железнодорожных транспортных средств и осуществление перевозки до пунктов размещения эвакуируемого населения, промышленных объектов и государственных ценностей»[50].

На крупные железнодорожные станции направлялись уполномоченные Совета по эвакуации. Только на девяти железных дорогах Центра находилось до 30 уполномоченных Совета. Позднее было дано указание направить во все морские бассейны заместителей наркома морского флота и ответственных работников Политуправления наркомата.

С 5 июля по решению Политбюро ЦК ВКП(б) на ряде железнодорожных узлов, станций и пристаней были организованы эвакуационные пункты. «Они принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание. Цепь эвакопунктов протянулась на тысячи километров от прифронтовых железнодорожных станций юга и запада страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии», — писал в послевоенные годы А. Н. Косыгин[51]. Организовывались столовые, душевые, санпропускники, было обеспечено снабжение людей продуктами и кипятком.

В самом Наркомате путей сообщения вопросами эвакуации занимались Грузовое управление и Управление движения. Здесь действовала оперативная группа в составе 25 человек. Кроме того, для руководства вывозом железнодорожного имущества НКПС образовал специальную комиссию во главе с заместителем наркома Б. Н. Арутюновым. Одновременно была создана Комиссия НКПС по делам эвакуации железнодорожников под председательством С. К. Некрасова и учрежден штат ее уполномоченных[52]. Наркоматом путей сообщения было срочно начато составление конкретных планов и мероприятий, связанных с беспрепятственным продвижением эшелонов с эвакуированными грузами. Однако положение осложнялось

тем, что многие предприятия прифронтовых районов до последней возможности должны были давать продукцию для обеспечения нужд обороны.

В самом начале проведения эвакуационных перевозок выявились серьезные трудности и недостатки, во многом связанные с отсутствием необходимого опыта в проведении перебазирования производительных сил в столь грандиозных масштабах. Попытка разработать сводный план вывоза из прифронтовых районов населения, промышленного оборудования ресурсов сельского хозяйства и других материальных и культурных ценностей была предпринята еще в июле 1941 г. Однако, считая, что вражеские войска Красная армия вскоре остановит, плановые органы предусматривали переместить основную массу беженцев в количестве немногим более 2 млн человек только в районы ближайшего тыла. Основную часть эвакуируемых намечалось перебазировать в Поволжье. Что касается восточных областей, то, например, на Урал должны были переселиться всего 440 тыс. Но развитие событий на фронте сделало указанный общий план нереальным и требовало его серьезных корректив[53].

Для эвакуационных пассажирских эшелонов была установлена среднесуточная скорость до 600 км. Перевозки населения были взяты под строгий контроль. Начальники дорог ежесуточно не позже 22 часов сообщали в НКПС сведения о следовании эшелонов и отдельных вагонов с эвакуированным населением по состоянию на 18 часов. В свою очередь, Наркомат путей сообщения ежедневно представлял в ГКО подробную справку о находящихся на железных дорогах составах с эвакуированными[54].

Советом по эвакуации был выработан твердый порядок организации эвакуационных перевозок. Наркоматы заблаговременно представляли в Совет по эвакуации заявки на требуемое число и тип вагонов (крытые, полуплатформы, цистерны, полувагоны и прочие) для каждого подлежащего перебазированию предприятия. Совет по эвакуации с участием представителей наркоматов и Наркомата путей сообщения уточнял и дорабатывал представленные заявки и проекты решений. Проекты постановлений об эвакуации вместе с короткой запиской посылались на рассмотрение в ГКО[55]. Затем выносились согласованные решения по эвакуации каждого крупного промышленного объекта. В них указывались сроки перебазирования, необходимое количество вагонов, которое должен выделить НКПС, скорость продвижения грузов, пункты назначения и другие необходимые сведения. Постановления Совета по эвакуации или ГКО немедленно поступали в НКПС и соответствующие наркоматы для исполнения. Уже с середины июля 1941 г. Совет по эвакуации совместно с НКПС стал составлять планы эвакоперевозок на каждую декаду месяца, которые утверждались ГКО.

Был учтен весь наличный вагонный парк и предусмотрено наиболее целесообразное его использование под перевозки. Но вагонов не хватало, приходилось искать дополнительные резервы, усиливать контроль над правильностью погрузки и заполнения вагонов[56]. С этой целью на всех магистралях периодически проводилась перепись вагонов с эвакогрузами, в которой указывались номер каждого вагона, пункты отправления и назначения, характер и принадлежность груза[57]. Перепись и досрочная разгрузка вагонов были весьма трудоемким делом, осложняли работу узлов и станций. Но это была необходимая мера, позволявшая более рационально использовать подвижной состав для удовлетворения первоочередных потребностей фронта и тыла.

ГКО и Совнарком СССР принимали срочные меры по упорядочению и ускорению эвакуационных перевозок. Устанавливались пункты разгрузки так называемых бездокументных грузов из прифронтовой зоны. Вводился порядок, согласно которому эшелоны, осуществлявшие мобилизационные перевозки на запад, должны были после разгрузки немедленно предоставляться для эвакогрузов. С этой же целью в прифронтовые районы перебрасывалась часть порожних вагонов и платформ. Но порожняка не хватало, что заставляло искать дополнительные резервы, проявляя смекалку и изобретательность.

Уже в первый день войны коллективы прифронтовых железнодорожных магистралей буквально под огнем врага обеспечили проследование на восток нескольких эшелонов с эвакогрузами. Потери при этом оказались значительными. Так, железнодорожники Брест-Литовской дороги из 10 091 вагона с ценными грузами смогли отправить в тыл только

5675 вагонов[58]. В условиях быстро ухудшающейся военной обстановки нередко приходилось ограничиваться вывозом только наиболее важных и технически современных агрегатов, станков, машин и механизмов.

В крайне тяжелой обстановке проходила эвакуация из Молдавской ССР. Лишь благодаря оперативным и энергичным действиям республиканских и местных органов, рабочих предприятий и железнодорожников Кишиневской дороги были вывезены из угрожаемых районов до 300 тыс. граждан республики, а также 4076 вагонов с ценным промышленным оборудованием, сельскохозяйственными машинами, зерном, продовольствием и большое количество скота.

С громадными трудностями осуществлялось перебазирование предприятий Украины и Крыма. 4 июля ЦК КП(б) Украины и Совнаркомом УССР направили всем партийным и советским организациям республики специальную директиву, в которой требовалось усилить «отгрузку ценностей, оборудования предприятий и продовольствия (зерно, сахар и другие ценные товары), приняв меры к тому, чтобы подготовиться к уничтожению всего оборудования, продовольственных и других товаров, которые не могут быть вывезены при вынужденном отходе частей Красной Армии»[59].

В первые дни июля началась эвакуация из Одесской области. Несмотря на непрерывные воздушные налеты, днем и ночью демонтировалось наиболее важное промышленное оборудование, шла его погрузка в эшелоны. В начале августа немецко-фашистские войска перерезали железные дороги, и Одесса оказалась изолированной с суши. Тогда было решено организовать вывоз основных железнодорожных грузов водным путем через Одесский порт и Николаев.

Много усилий и изобретательности потребовала эвакуация паровозного парка. Паровозы в горячем состоянии погрузили на три плавучих дока, два из которых удалось доставить в Николаев. Прибывшие в Николаев локомотивы подали к подготовленным составам, и они увезли в тыловые районы свыше 20 эшелонов с ценными грузами[60]. К сожалению, не удалось вывезти значительную часть оборудования судостроительных заводов южной группы, попавших в руки противника.

На разных этапах эвакуации и в различных регионах встречалось немало трудностей. При перемещении миллионных масс населения нередкими были случаи простаивания эшелонов на станциях, перебои со снабжением продуктами питания, кипятком, факты неудовлетворительной организации врачебной помощи, потери родных в пути следования и т. п. Точные направления продвижения эвакопоездов и конечные пункты их следования зачастую были указаны только для пассажирских составов. Места размещения предприятий первоначально устанавливались самими наркоматами, а они нередко планировали или чрезмерно дальнюю переброску некоторых грузов (в Сибирь и даже на Дальний Восток), или выводили предприятия в районы ближайшего тыла, которые вскоре сами становились зоной военных действий. Иногда вместе с эвакогрузами в глубокий тыл отправлялись вагоны с боеприпасами и вооружением, предназначенные для действующей армии[61].

При демонтаже многих предприятий ощущалась острая нехватка рабочей силы, грузоподъемных и особенно транспортных средств. Чрезвычайно сложно было быстро демонтировать и вывести по железной дороге крупногабаритные грузы: оборудование электростанций, горной, металлургической, машиностроительной, коксовой промышленности.

В июле 1941 г. ввиду угрозы широкого выхода вражеских войск к Днепру в полосе Юго-Западного и Южного фронтов стала неизбежной массовая эвакуация промышленных районов Приднепровья и Крыма. Были эвакуированы оборудование 197 крупных предприятий украинской столицы и свыше 350 тыс. киевлян[62]. С середины августа развернулось перебазирование заводов, фабрик, электростанций Запорожской и восточной части Днепропетровской областей. Местными органами и органами военных сообщений вместе с уполномоченными ГКО и Совета по эвакуации, а также военными советами Южного и Юго-Западного фронтов были приняты энергичные меры по демонтажу, погрузке и вывозу наиболее ценного оборудования со многих заводов и фабрик.

Налет немецкой авиации на железнодорожную станцию Витебск

Ремонт железнодорожных путей после бомбежки

Паровоз на разрушенной станции

Инструктаж локомотивной бригады

В обычных условиях для перевозок по железным дорогам негабаритных грузов и «тяжеловесов» применялись специальные платформы. Тогда для этой цели были приспособлены 60-тонные платформы, на которых были перевезены 22 станции прокатных станов и другие детали, вес которых превышал 60 тонн. Нашли и другой выход: по предложению вагонников для вывоза тяжелого оборудования были использованы тележки тендеров паровозов ФД. А вскоре прибыло около 100 большегрузных платформ и транспортеров, направленных сюда по указанию Совета по эвакуации. К началу октября вывоз важнейшего оборудования запорожских и днепропетровских заводов был завершен. К 16 октября все крупные заводы Харькова и Харьковской области (45 предприятий) удалось эвакуировать. Вместе с заводами выехали в тыл 24,5 тыс. рабочих, инженерно-технических работников и служащих[63]. Экстренно проводилось перемещение в восточные районы страны и предприятий Донецкого бассейна, откуда было отправлено в тыл 11 870 вагонов с людьми, оборудованием и материалами[64].

Исключительно сложно было спасать от захватчиков энергетическое хозяйство Украины, которое нельзя было демонтировать одновременно с другими оборонными предприятиями, поскольку значительная часть из них выполняла срочные заказы фронта и нуждалась в бесперебойной подаче электроэнергии. Поэтому переброска из угрожаемых районов основного оборудования всех крупных электростанций проходила буквально перед отходом советских войск, в самые последние дни и часы. На Днепровской ГЭС местные работники успели снять только некоторые детали с трех турбин, а плотину пришлось взорвать.

Всего с Украины с июля по октябрь были вывезены в тыл почти 550 крупных промышленных предприятий. Кроме того, удалось эвакуировать за пределы республики свыше 6 млн голов скота, 1667,4 тыс. тонн зерна и 269,5 тыс. тонн зернопродуктов и много других материальных и культурных ценностей[65].

В тяжелейших условиях проводилась эвакуация производительных сил с территории Белорусской ССР. Из-за стремительно меняющейся обстановки не удалось организовать эвакуацию из Брестской, Белостокской, Барановичской и Пинской областей БССР, а также из Минска, который пал 28 июня. В восточной части республики, где, собственно, и располагалась львиная доля белорусской промышленности, эвакуация была налажена и проведена много лучше. Только из Гомеля и области ежедневно отправлялось в тыл не менее 250–300 вагонов с эвакогрузами. Всего из республики были эвакуированы свыше 1,5 млн человек, 109 крупных и средних промышленных предприятий[66].

Стремительное наступление германского вермахта в Прибалтике не позволило в полной мере провести эвакуационные мероприятия в Латвии и Литве. Лишь в Эстонии была частично проведена эвакуация. По железнодорожным линиям удалось перебросить в тыл около 13 тыс. единиц различного производственного оборудования предприятий республики, 65 паровозов и мотовозов, более 6 тыс. единиц электрооборудования, 750 тыс. метров хлопчатобумажных тканей и многое другое на сумму свыше 600 млн рублей[67].

Массовая эвакуация ленинградских промышленных предприятий и населения развернулась по решению ГКО от 11 июля 1941 г., после того как противник овладел Псковом и вышел к р. Луге. Ход эвакоперевозок находился под контролем заместителя председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгина, направленного в Ленинград в качестве уполномоченного ГКО[68]. В зимнее время, с 22 января по 11 апреля 1942 г., из Ленинграда по льду Ладожского озера удалось переправить на автомашинах и в специально оборудованных товарных вагонах 539 400 человек.

Из Советского Заполярья железнодорожники перебазировали в глубокий тыл несколько тысяч вагонов с грузом. С территории Карелии были отправлены в тыл почти 90% населения, оборудование и имущество многих предприятий.

Эвакуационные перевозки развернулись и на Кавказе. К 9 ноября 1941 г. с Орджоникидзевской магистрали на Закавказскую железную дорогу поступило 16 208 вагонов с эвакогрузом, в том числе 10 758 вагонов с промышленным оборудованием и материалами. Почти все грузы направлялись на перевалку в Бакинский порт[69].

Возрастание угрозы для советской столицы заставило приступить к планированию и проведению эвакуации Москвы и Московской области. Совет по эвакуации вынес решение об ускорении эвакуации гражданского населения столицы — не менее 64 тыс. человек ежедневно[70].

Более широкие масштабы приняли эвакоперевозки из Москвы и Московской области в осенние месяцы 1941 г., когда противник начал операцию «Тайфун». 15 октября вышло постановление ГКО № 801 «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». К 12 декабря было эвакуировано 523 предприятия Москвы и Московской области и до 2 млн человек[71].

В целом перемещение производительных сил в тыловые районы страны в 1941 г. прошло слаженно. Из прифронтовой зоны в течение второго полугодия 1941 г. на восток только по железным дорогам, согласно сводкам НКПС, было вывезено 2593 промышленных предприятия. Почти 70% перемещенных промышленных объектов размещалось на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане. Вместе с перебазированными фабриками и заводами на восток прибыли до 30–40% рабочих, инженеров и техников. Всего же по железным и шоссейным дорогам, а также водным и воздушным путям с начала войны до конца 1941 г. было переправлено в тыловые районы около 20 млн человек. Все эвакоперевозки 1941 г. потребовали одних железнодорожных вагонов более 1,5 млн. Построенные в одну линию, эти вагоны растянулись бы от Бискайского залива до Тихого океана.

Одновременно была осуществлена и операция по спасению от врага ресурсов сельского хозяйства. Колхозы и совхозы восточных районов страны приняли во втором полугодии 1941 г. 2393,3 тыс. голов скота, перемещенного из прифронтовой полосы[72].

Процесс перебазирования производительных сил СССР включал не только вывоз в тыловые районы огромных масс населения, промышленного оборудования, ресурсов сельского хозяйства, материальных и культурных ценностей. Не менее важной задачей являлось их рациональное размещение на новых местах в соответствии с военно-хозяйственными интересами Советского государства. Примерно треть всех прибывших расселялась в городской местности, а остальные — в сельской.

Важное военно-хозяйственное значение имел скорейший ввод в действие прибывавших в восточные регионы предприятий, который осуществлялся в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 29 октября 1941 г. «О графике восстановления заводов, эвакуированных на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан». Всем оборонным наркоматам предписывалось представить не позднее 1 ноября 1941 г. в Совнарком СССР график восстановления заводов, эвакуированных из Москвы, Тулы, Харькова, Донбасса, Ленинграда и других мест. В графике требовалось указать сроки пуска оборудования и программу выпуска продукции на ноябрь и декабрь 1941 г. На решение этой задачи было направлено большинство членов ЦК ВКП(б) и правительства.

ГКО особо указал, что в размещении эвакуируемых предприятий преимущество должно быть отдано авиационной промышленности, промышленности боеприпасов, вооружения, танковой, черной, цветной и специальной металлургии, химии. Наркомам предписывалось согласовывать с Госпланом СССР и Советом по эвакуации конечные пункты для вывозимых в тыл предприятий и организацию дублирующих производств. В ряде восточных республик, краев и областей состоялись специальные пленумы райкомов, обкомов и ЦК, собрания партийного советского и хозяйственного актива, посвященные ходу выполнения этой чрезвычайно важной военно-хозяйственной задачи. Однако большинство текущих вопросов, связанных с восстановлением эвакуированных фабрик и заводов, решалось в оперативном порядке на заседаниях бюро и секретарями обкомов по соответствующим отраслям промышленности. Преодолевая огромные трудности, рабочие и служащие эвакуированных предприятий вместе с трудящимися восточных районов в невиданные сроки, в среднем 1,5–2 месяца, монтировали поступавшее промышленное оборудование и вводили его в действие.

Строить приходилось в неимоверно тяжелых условиях, иногда буквально на пустом месте. Нередко возведение цехов и монтаж оборудования проходили одновременно. Работы шли днем и ночью, при любых погодных условиях. Быстрое восстановление перемещенных

в восточные районы заводов стало возможным в значительной мере благодаря титаническим усилиям и смекалке строителей. В восстановительных работах принимали участие и заключенные исправительно-трудовых лагерей и колоний.

К концу 1941 г. в различных тыловых районах были размещены предприятия: Наркомата авиапромышленности — 122, Наркомата танковой промышленности — 43, Наркомата вооружения — 71, Наркомата боеприпасов — 96, Наркомата минометного вооружения — 80, Наркомата черной металлургии — 199, Наркомата химической промышленности — 91, Наркомата цветной металлургии — 45 и прочие[73]. Уже в марте 1942 г. промышленность восточных районов с учетом восстановленных здесь эвакуированных предприятий произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР[74].

Наряду с этим в связи с ликвидацией непосредственной угрозы столице в конце декабря 1941 — первые месяцы 1942 г. была проведена реэвакуация части предприятий центрального промышленного района СССР, в том числе Москвы. Так, уже в начале 1942 г. в Москву было возвращено несколько крупных объектов, в том числе станкостроительный завод «Красный пролетарий»[75].

С конца мая 1942 г. военная обстановка вновь вызвала необходимость проведения эвакуации. Правда, она проходила на этот раз с более ограниченной территории и в гораздо меньших масштабах, охватив преимущественно Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и Северный Кавказ.

22 июня 1942 г. вышло постановление ГКО № 1922 «Об образовании при Государственном Комитете Обороны Комиссии по эвакуации». В эту комиссию вошли Н. М. Шверник (председатель), А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, Б. Н. Арутюнов, П. А. Ермолин и В. Н. Меркулов. Опираясь на опыт по перемещению производительных сил 1941 г., комиссия обеспечила возобновление работы эвакопунктов, эвакобаз и эвакокомитетов, созданных на местах в первые месяцы войны.

В течение лета и осени 1942 г. удалось вывезти из угрожаемых районов оборудование более 150 крупных промышленных предприятий, многие материальные и культурные ценности и сотни тысяч беженцев. Как и в 1941 г., эвакуация позволила спасти для военной экономики СССР значительные производственные ресурсы, которые немедленно подключались к работе для фронта[76].

По мнению министра иностранных дел Великобритании А. Идена, советскому руководству удалось «в кратчайший срок воссоздать эвакуированную промышленность в других регионах и наладить надежные транспортные связи тыла с фронтом. Сочетая жесткие методы военного времени и экономический прагматизм, в СССР в рекордно короткий срок был восстановлен и даже увеличен экономический потенциал, который позволил выдержать германскую военно-экономическую мощь, а затем превзойти ее. Этот советский опыт мы, по поручению нашего премьер-министра и главкома Уинстона Черчилля, изучали и применили при эвакуации некоторых отраслей британской промышленности в Канаду и многих промышленных предприятий из Юго-Восточной Азии, в связи с японской агрессией, в Австралию, Новую Зеландию и Индию»[77].

По оценке генерала Шарля де Голля, «опыт быстрого воссоздания советской индустриальной экономики и ее перебазирования беспрецедентен... В отличие от существовавшей многие столетия монархической России, сталинское государство оказалось намного более устойчивым, экономически мощным и, что очень важно, способным быстро и эффективно реагировать на потерю значительной части территории и экономики из-за внешней агрессии. Это доказал, в частности, советский тыл в 1941–1945 годах, оказавшийся административно управляемым, политически стабильным и экономически дееспособным»[78].

И хотя эвакуация, осуществленная в СССР, сопровождалась и значительными потерями, уже вскоре стало очевидным, что ее главная цель — спасти от фашистских захватчиков и использовать в интересах фронта миллионы советских граждан, основную часть промышленных и сельскохозяйственных ресурсов и других материальных ценностей — была успешно достигнута.

Перестройка деятельности партийных и советских органов в военных условиях

В 1941 г. коммунистическая партия занимала в политической структуре Советского Союза особое место. К началу Великой Отечественной войны ВКП(б) представляла собой жестко иерархичную административную систему, осуществлявшую контроль над ситуацией на местах, а иногда и непосредственно берущую на себя властные функции. Практически любой руководитель советской, государственной, хозяйственной или профсоюзной вертикали управления являлся членом ВКП(б) и в силу этого должен был выполнять директивы партийного руководства. В ряде случаев на местах роль первого секретаря областного комитета ВКП(б) была важнее, чем роль председателя областного исполкома. И в общегосударственном масштабе нередко решающую роль в принятии решения играли взаимоотношения в партийных кругах.

Помимо влияния на принятие управленческих решений весьма значительную роль партийные органы играли в кадровой политике. Принцип номенклатурного назначения подразумевал, что ряд постов в советской, ведомственной, профсоюзной и иных административных структурах, входящий в особые списки (номенклатуру), может заполняться только кандидатами, одобренными соответствующими партийными инстанциями. Существовало несколько уровней номенклатуры, и разумеется, важнейшим среди них являлся уровень ЦК ВКП(б). К нему относились высшие партийные посты, руководящий состав правоохранительных органов, дипломатического ведомства, управленческого аппарата культурных учреждений и общественных организаций, а также ведущих советских средств массовой информации.

Кроме того, на этом же уровне утверждались кандидатуры руководящего состава всего экономического блока (вплоть до директоров и главных инженеров сравнительно небольших заводов и фабрик и районных уполномоченных заготовительных органов), директора высших учебных заведений, научно-исследовательских организаций и академических театров[79]. Номенклатурный принцип позволял партийным органам, даже не вмешиваясь напрямую в управление теми или иными областями государственного управления, опосредованно влиять на выбор приоритетных путей развития страны путем расстановки кадров на ключевые позиции в политической, экономической, научной и культурной сферах. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что номенклатурный принцип назначения гарантировал управленцам соответствующего ранга определенный иммунитет.

Последовательный переход руководителя с партийной работы на государственную и обратно являлся весьма распространенной практикой и воспринимался как нормальное положение дел. Характерным можно считать карьерный путь народного комиссара авиапромышленности А. И. Шахурина. Он начал трудовую деятельность в 15 лет, два года проработал электромонтером, четыре года — фрезеровщиком, после чего ушел на комсомольскую работу, получил образование в Московском инженерно-экономическом институте. С 1933 г. служил в РККА, занимал должность старшего инженера, затем стал начальником научно-исследовательского отдела Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. Зимой 1938 г. он был назначен парторгом на авиазавод № 1, а летом того же года окончательно перешел на партийную работу, занимая последовательно посты первых секретарей Ярославского и Горьковского обкомов. Наконец, 10 января 1940 г. он возглавил Наркомат авиапромышленности и оставался в этой должности до 1946 г.[80]

С другой стороны, партийные органы достаточно часто напрямую осуществляли непосредственное управление государством и экономикой, особенно в вопросах оборонного значения. Так, например, в июле 1940 г. выполнение заказов Наркоматом авиапромышленности было поручено контролировать в числе прочих и первым секретарям обкомов ВКП(б), имевшим на «своей» территории предприятия отрасли[81]. В ряде горкомов и обкомов по решению XVIII конференции ВКП(б) была введена должность секретаря по авиапромыш-

ленности, призванная обеспечивать развитие авиапроизводства[82]. Ход строительства новых авиазаводов еженедельно обсуждался на заседаниях специальной комиссии ЦК ВКП(б)[83]. А в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 ноября 1940 г. «О ежедневной информации о производстве моторов и самолетов» директора моторных и самолетных заводов должны были ежедневно отчитываться о количестве принятых военпредами изделий как перед наркомом, так и перед ЦК[84].

В СССР существовала практика, когда совмещались высшие партийные и государственные посты. Назначенный 11 сентября 1941 г. на пост наркома танковой промышленности В. А. Малышев к тому моменту одновременно занимал посты заместителя председателя Совнаркома СССР и члена ЦК ВКП(б)[85]. В. М. Молотов будучи заместителем председателя Совета народных комиссаров и наркомом иностранных дел одновременно являлся членом Политбюро ЦК ВКП(б), а в годы войны — членом Ставки ВГК и заместителем председателя ГКО. Другой видный деятель Советского Союза — Л. П. Берия одновременно являлся наркомом внутренних дел и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Даже этот краткий перечень позволяет заключить, что зачастую отделить роль партийных органов в том или ином событии от вклада органов государственных или советских попросту невозможно, так как ключевые решения принимал человек, одновременно включенный сразу в несколько вертикалей власти. Большинство важнейших решений, определявших внешнюю и внутреннюю политику страны, оформлялось совместными постановлениями Совнаркома и ЦК ВКП(б)[86], что еще раз подчеркивает неразрывную связь партийных и государственных инстанций в механизме управления Советским Союзом.

На начало 1941 г. в рядах ВКП(б) состояли 3,9 млн человек, объединенных в 205 тыс. первичных организаций. Почти две трети коммунистов в 1941 г. составляли люди, вступившие в партию на рубеже 1930–1940-х гг.[87] К началу войны менее 5% членов ВКП(б) и кандидатов на членство достигли возраста 50 лет, а 62% — были моложе 36 лет. На тот момент коммунистическая партия была преимущественно мужской, на женщин приходилось лишь чуть больше 15%. Формально ВКП(б) сохраняла статус партии пролетарской — порядка 66% ее членов считались рабочими и крестьянами, но в силу стремительного демографического дрейфа из села в город, а также еще более интенсивного процесса выдвижения перспективных кадров в различные государственные, партийные, профсоюзные и другие органы и организации, реально занимались сельским хозяйством или работали на производстве лишь около 30% членов партии. Две трети коммунистов в 1941 г. имели начальное образование и лишь 6% — высшее.

Партийные функционеры среднего и высшего звена, как, впрочем, и все члены советского руководства, имели определенные привилегии в плане обеспечения дефицитными продуктами широкого потребления, жилищных условий, доступа к санаторно-курортным услугам и прочему. Но подавляющее большинство членов ВКП(б) трудились наравне с беспартийными рабочими и крестьянами и жили в тех же условиях, что и все остальные граждане СССР. Членство в коммунистической партии налагало на них требование подчиняться партийной дисциплине, но отнюдь не гарантировало материальный достаток. В годы войны миллионы рядовых членов партии героически защищали нашу Родину, демонстрируя личную отвагу и беззаветное мужество. Эти люди на практике доказали постулат о том, что «на войне у коммуниста было только две привилегии — первому подняться в атаку и последнему выйти из боя».

С конца XX в. в отечественной историографии стало общим местом обличение партийно-номенклатурных методов управления страной. Роль ВКП(б) в Великой Отечественной войне систематически принижалась и выводилась за скобки. Логическим завершением такой тенденции стал тезис «Не благодаря, а вопреки!», согласно которому победа в войне была достигнута вопреки «комиссарам», которые, дескать, только мешали. Такой подход представляется в корне ошибочным и антиисторичным. Система партийных органов являлась неотъемлемой, интегральной частью системы управления Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны и в качестве таковой нуждается в специальном изучении.

Реалии военного времени заставили советское общество меняться, приспосабливаться к новым условиям, искать новые решения для прежних задач. Коммунистическая партия не стала исключением. Следует выделить несколько ключевых тенденций, определявших общий вектор развития коммунистической партии в годы войны.

Усилилась степень влияния партийных структур на решение вопросов управления не просто государством, но напрямую экономикой. Так, например, в постановлении ЦК ВКП(б) от 24 сентября 1942 г. Новосибирский обком и ряд горкомов подверглись жесткой критике за то, что «перестали заниматься углем. Хозяйственники, руководители комбината и шахт, Новосибирский обком и горкомы партии Кузбасса не поняли, что Кузбасс после временной потери Донбасса является основным угольным бассейном для нашей промышленности и транспорта, и забыли о своей прямой ответственности за полное выполнение плана добычи угля каждой шахтой и комбинатом в целом»[88]. С точки зрения партийного руководства 1942 г., ответственность партийных и хозяйственных органов за выполнение экономических задач была совершенно равновесна. Аналогичным образом ответственность за разрешение затруднений, возникших в работе советских железных дорог зимой 1942–1943 гг., возлагалась в равной мере на обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик, облисполкомы, крайисполкомы и республиканские совнаркомы[89].

Следует отметить определенное снижение внутрипартийной демократии в рассматриваемый период. Уже к началу 1941 г. произошла структурная трансформация ВКП(б) из политической партии во властную вертикаль. Все назначения на сколько-нибудь значимые должности происходили в соответствии с номенклатурным принципом, и даже если эта должность формально считалась выборной, как правило, кандидатура первоначально согласовывалась в соответствующей инстанции. Тем не менее формально выборный принцип заполнения ряда постов в партийной иерархии сохранялся. Однако в условиях войны руководство ВКП(б) было вынуждено сократить и эти рудименты внутрипартийной демократии. В армии избираемые секретари первичных партийных организаций были официально заменены назначаемыми армейскими политорганами парторгами, а в тыловых районах Советского Союза отчеты и выборы партийных органов в первичных организациях проводились по согласованию с вышестоящим органом. Пытаясь использовать опыт армейских партийных организаций, система подобных политорганов в конце 1941 г. была создана в сельском хозяйстве и на транспорте, но в мае 1943 г. от этой идеи было решено отказаться.

Аналогичная картина сокращения выборности и коллегиальности в пользу директивного управления наблюдалась и в высших эшелонах партийной организации — в годы войны не проводились ни партийные съезды, ни партийные конференции. Единственный пленум ЦК ВКП(б) был проведен в январе 1944 г., но и на нем обсуждались очевидно второстепенные вопросы — повестка дня очередной сессии Верховного Совета и утверждение текста государственного гимна СССР[90]. Таким образом, если в довоенный период происходило постепенное стягивание властных полномочий сначала от Съезда партии к ЦК, а затем от ЦК (превратившегося в достаточно многочисленный коллегиальный орган) к Политбюро, то в военные годы можно констатировать, что Политбюро превратилось в единственный продолжающий функционировать высший орган партии.

До некоторой степени такое замирание деятельности высших партийных органов объясняется массовым оттоком партийных кадров в действующую армию. По мобилизации ушли на фронт более 500 секретарей ЦК компартий союзных республик, краевых, областных, городских и районных комитетов, 1265 других входивших в номенклатуру ЦК работников, около 300 сотрудников аппарата ЦК. Все годные к военной службе слушатели центральных и местных партийных учебных заведений направлялись в распоряжение ГлавПУРККА. Значительная часть секретарей ЦК компартий, крайкомов и обкомов западной части страны стали членами военных советов фронтов и армий или возглавили подпольные организации и партизанские отряды в тылу врага. Почти половина членов ЦК ВКП(б) получила военные или военно-политические назначения[91]. Ввиду сложившегося положения для пополнения партийных комитетов в первый период Великой Отечественной войны широко применялась кооптация кадров.

В годы войны ВКП(б) действительно являлась сражающейся партией, поэтому для неукоснительного выполнения требований партийного устава в части выборности и коллегиальности попросту не хватало людей — все ушли на фронт в буквальном смысле этого слова. Скажем, если на июнь 1941 г. в Москве и Московской области насчитывалось 320 тыс. коммунистов, то к началу декабря того же года их осталось менее 80 тыс. человек[92]. Более половины московских первичных организаций к началу 1942 г. насчитывали в своем составе менее 10 человек. На селе после массовых мобилизаций 1941 г. в 131 тыс. колхозов из 150 тыс. имеющихся в стране не осталось ни одного коммуниста. Ситуация начала меняться лишь после коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Так, с апреля 1943 г. возобновило на постоянной основе свою деятельность Оргбюро ЦК. В августе того же года Политбюро ЦК ВКП(б) издало специальное постановление, очерчивавшее сферы ответственности Оргбюро и Секретариата.

Реалии военного времени возложили на партийные структуры целый ряд новых функций, которые ранее не имели места в советской повседневности. Партийные структуры занимались сбором среди населения теплых вещей и белья для Красной армии[93], формировали и курировали деятельность комитетов помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров, занимались расквартированием, материальным обеспечением и культурно-досуговым обслуживанием частей Красной армии, трудоустройством военных инвалидов[94] и решали еще целый ряд подобных задач. Для улучшения имиджа Советского Союза на международной арене и получения материальной помощи из-за рубежа под эгидой ВКП(б) был создан целый ряд антифашистских комитетов (советских женщин, ученых, молодежи, всеславянский, еврейский). Можно сказать, что партийная система, имевшая свои отделения практически в каждой административной единице СССР и пользовавшаяся непререкаемым моральным авторитетом, позволяла советскому руководству оперативно разрешать внезапно возникавшие в военные годы проблемы.

Численность ВКП(б) за военные годы выросла. За 1941—1945 гг. в коммунистическую партию вступили 3,3 млн человек, а еще 5,1 млн стали кандидатами в члены ВКП(б)[95]. Несмотря на большие потери (всего за годы войны погибли более 3 млн коммунистов), общая численность ВКП(б) возросла на 1,6 млн человек и составила к концу войны почти 6 млн.

В первые военные годы ВКП(б) продолжала тесные отношения с зарубежными коммунистическими партиями. Инструментом такой деятельности служил Исполнительный комитет Коммунистического интернационала (ИККИ). Своими призывами к мировой революции ИККИ серьезно вредил международным позициям Советского Союза в глазах партнеров по антигитлеровской коалиции. В связи с этими обстоятельствами было решено изменить форму взаимодействия с зарубежными компартиями, оставив при этом суть подобного сотрудничества неизменной. В мае 1943 г. Коминтерн был распущен, однако практически все важнейшие функции Исполкома Коминтерна были переданы Отделу международной информации ЦК. Характерно, что во главе этого отдела встал Г. Димитров, занимавший до этого пост генерального секретаря ИККИ.

Условия повседневного функционирования механизма управления Советским Союзом сделали весьма затруднительным вычленение роли и вклада именно партийных органов. Все элементы и составные части государственной машины СССР работали в тесном взаимодействии, при котором однозначно определить, какое ведомство обладало приоритетом в данном вопросе, было непросто.

Тщательное изучение партийных документов вообще ставит под сомнение версию о поголовном ступоре, охватившем сверху донизу все партийное руководство 22 июня 1941 г. Так, в первый день войны ЦК КП(б) Белоруссии выпустил постановление «О задачах партийных организаций в связи с вероломным нападением фашистской Германии на СССР»[96]. В этот же день бюро Ростовского обкома приняло постановление «О мобилизации и задачах парторганизации». Тогда же, 22 июня, на начало войны среагировали соответствующими решениями бюро Воронежского обкома, Пензенский обком, Астраханский окружком и Омский горком, а 23 июня — Житомирский горком и Сталинградский обком[97].

Однако некоторые местные партийные организации не смогли своевременно перестроиться на военный лад. Это к ним относились критические строки совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г.: «...несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значения этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад»[98]. Данное постановление было первым обобщающим документом, направленным ЦК ВКП(б) даже в прифронтовые обкомы.

Конечно, на практике перестройка партийной работы произошла оперативно далеко не везде. Тем не менее постепенно маховик перевода административной машины Советского Союза на военные рельсы набирал обороты, и особую роль в этом процессе сыграли специализированные промышленные отделы ЦК ВКП(б), выступавшие кураторами соответствующих отраслей индустрии. Так, нарком авиапромышленности А. И. Шахурин в своих мемуарах отмечал ключевую роль авиационных отделов ЦК в преодолении тех «узких мест», которые возникали в работе заводов и которые не могли преодолеть сами работники авиапромышленности. «Мы одни не могли, конечно, охватить всё. Многое делалось через аппарат ЦК партии, авиационные отделы, секретарей обкомов, парторгов ЦК партии на заводах... Работники авиационных отделов ЦК могли обращаться к кому угодно, минуя наркомов или руководителей соответствующих хозяйственных управлений, непосредственно к партийным организациям и хозяйственникам, прямо к тому или иному коммунисту.

Отделы ЦК не дублировали деятельность Наркомата авиационной промышленности, а непосредственно через обкомы и горкомы партии, через партийные организации на заводах-поставщиках обеспечивали своевременную поставку нам многого из того, что было необходимо для выполнения заказов фронта. В отделах инициативно действовали секторы, державшие связь с черной и цветной металлургией, химической и электротехнической промышленностью, деревообрабатывающей промышленностью и многими другими отраслями народного хозяйства. Авиационные отделы ЦК проделали поистине гигантскую, даже сейчас труднооценимую работу, без которой наркомату было бы много сложнее обеспечивать все возрастающие поставки фронту боевой авиационной техники»[99]. Аналогичным образом действовали и другие промышленные отделы ЦК ВКП(б).

Фактически, система партийных органов в годы войны превратилась в систему оперативного налаживания горизонтальных связей и кооперации, без которых экономика Советского Союза была бы недееспособна. Так, например, В. М. Молотов курировал вопросы производства танков, Г. М. Маленков — самолетов и авиационных моторов, Н. А. Вознесенский — вооружения и боеприпасов, а также черных и цветных металлов, А. И. Микоян — продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л. П. Берия — вооружения и минометов, А. А. Андреев и Л. М. Каганович — транспортных перевозок, М. Г. Первухин — химическую и топливную промышленность. Именно в силу возможности этих лиц воздействовать на ситуацию как в роли государственных, так и в качестве партийных деятелей, они были в состоянии оперативно и эффективно решать требующие незамедлительного разрешения проблемы военного времени.

Кризисная ситуация, сложившаяся в сельском хозяйстве Советского Союза, вынудила в ноябре 1941 г. создать на машинно-тракторных станциях и в совхозах политотделы, причем начальники политотделов несли наряду с директорами полную ответственность за выполнение плана конкретной МТС или совхозом. По своему статусу и назначению начальники политотделов походили на комиссаров, а сам институт политотделов в сельскохозяйственных учреждениях в известной мере приближал эти учреждения к военным частям. По мере перевода экономики страны на военный лад, достижения побед на фронте и в тылу весной 1943 г. институт политотделов в МТС и совхозах было решено ликвидировать[100].

Великая Отечественная война стала величайшим испытанием на прочность всего Советского государства в целом, а также его правящей партии. Неудачи в начальный период войны, крупные потери в людях и военной технике заставили политическое и военное руководство страны искать пути восстановления фронта обороны, остановки стремительного наступления вермахта. Одним из таких мероприятий стало введение в РККА 16 июля 1941 г. института военных комиссаров[101]. Отныне любой приказ командира должен был подтверждаться подписью комиссара.

«Положение о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии», утвержденное Президиумом Верховного Совета СССР в июле 1941 г., недвусмысленно гласило, что «военный комиссар является представителем партии и правительства в Красной Армии и наряду с командиром несет полную ответственность за выполнение войсковой частью боевой задачи, за ее стойкость в бою и непоколебимую готовность драться до последней капли крови»[102].

Характерно, что в данном документе комиссар трактуется как представитель и партии, и правительства, то есть государственная и партийная вертикали власти не разделялись и рассматривались как компоненты единого механизма управления страной. Руководство особых отделов на полковом и дивизионном уровне находилось в двойном подчинении — Наркомата внутренних дел и комиссаров полка или дивизии соответственно.

Еще раньше, 9 июля, было принято постановление ГКО № 71 «О членах военных советов армий», фактически создававшее аналог системы комиссаров на армейском и фронтовом уровнях. Руководство всей системой партийных органов в армии было возложено на Главное политическое управление, действовавшее на правах отдела ЦК ВКП(б). Его возглавлял кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК А. С. Щербаков, занимавший также должность первого секретаря МК и МГК ВКП(б)[103].

Одновременно шло форсированное укрепление низового звена системы политорганов в армии. 27 июня 1941 г., на пятый день войны, было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках», согласно которому перед обкомами ставилась задача отобрать и отправить в армию в качестве политбойцов (то есть помощников политруков, по званию приравненных к красноармейцам) 18 тыс. коммунистов и комсомольцев. Через три дня задание на мобилизацию политбойцов было повышено еще на 23 тыс. человек. Всего за первые полгода войны в Красную армию поступили около 100 тыс. политбойцов.

Затем последовало несколько мобилизаций коммунистов для покрытия нехватки политсостава в действующей армии. Как правило, отбор кандидатов при таких мобилизациях осуществляли обкомы и крайкомы ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик среди руководящих работников в возрасте до 45 лет, имевших опыт партийно-организационной работы[104]. Отобранные кандидаты проходили утверждение на бюро региональных (областных и краевых) комитетов или ЦК компартий союзных республик и в случае положительного решения командировались на военные курсы Главного политического управления РККА. После прохождения переподготовки на курсах (обычно 1–2 месяца) политработники отправлялись в войска. В случае формирования в конкретном регионе новой части или соединения Красной армии политработников для этой части тоже подбирали местные партийные органы[105]. Одна из последних подобных мобилизаций была проведена в апреле 1942 г.[106]

По мере стабилизации ситуации на фронте и повышения доверия руководства страны к командным кадрам армии все чаще ставился вопрос о месте и значении политических органов в действующей армии и необходимости института комиссаров вообще.

9 октября 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии» в армии был введен институт заместителей командиров по политической части (замполитов). При этом функции замполитов были существенно сокращены по сравнению с обязанностями комиссаров, как и число самих замполитов[107]. В результате стало возможным направить 120 тыс. политработников на командные должности. Около трети бывших комиссаров были отправлены непосредственно в части, остальных откомандировали на различные краткосрочные курсы.

Бойцы 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения

Обучение ополченцев штыковому бою

Бойцы одного из батальонов ополчения Москвы

Основную массу коммунистов в рядах действующей армии составляли не политические работники, а обычные члены ВКП(б), которые призывались на военную службу на общих основаниях. Практически в каждой части или подразделении существовала первичная партийная организация, состоявшая из служащих в данной части членов ВКП(б) как рядового, так и командного состава. На середину 1941 г. в армии и на флоте СССР существовало свыше 14,7 тыс. таких организаций.

В начале войны партийные массы армии понесли тяжелейшие потери. За первые шесть месяцев боевых действий из строя РККА выбыли убитыми, ранеными и пленными 500 тыс. членов ВКП(б). Если учесть, что именно коммунисты, как правило, являлись наиболее активными и мотивированными бойцами и командирами, недооценить тяжесть этих потерь невозможно.

Численность коммунистов в РККА возрастала как за счет мобилизации, так и вследствие вступления в члены ВКП(б) непосредственно на фронте. Всего за первый год войны в ходе специальных и общих мобилизаций в действующую армию были направлены 1 млн 344 тыс. коммунистов, что составляло около 40% суммарной численности гражданских первичных организаций ВКП(б) на начало войны[108]. При этом надо учитывать, что значительная часть членов и кандидатов в члены ВКП(б) не успела принять участие в мобилизации, оставшись на временно оккупированной территории. Велика была также доля коммунистов, вступивших в партию непосредственно на фронте. Уже 19 августа 1941 г. порядок приема в партию особо отличившихся в боях красноармейцев и командиров был существенно упрощен. С 19 августа 1941 г. для приема в ряды ВКП(б) было достаточно рекомендаций трех коммунистов, имевших собственный партийный стаж всего один год (а не три года, как это требовалось ранее) и знавших кандидата даже менее года, что по довоенным стандартам было недопустимым[109]. Кандидатский стаж в декабре 1941 г. и вовсе был сокращен до трех месяцев[110]. В результате к концу 1941 г. в рядах армии насчитывалось уже 1,2 млн коммунистов, что составляло примерно 40% общей численности ВКП(б)[111].

Всего за годы войны в армию и флот СССР влились более 1 млн 640 тыс. коммунистов из местных первичных организаций. Непосредственно в частях с 1 июля 1941 по 1 июля 1945 г. вступили в партию 2 млн 376 тыс. человек, а 3 млн 788 тыс. бойцов стали кандидатами в члены ВКП(б). Если учесть, что всего за годы Великой Отечественной войны в ряды коммунистической партии вступили 5 млн 319 тыс. человек, то на армию и флот пришлось более 70% всех вновь вступивших партийцев. Именно действующая армия была основным источником пополнения ВКП(б).

Коммунисты подлежали мобилизации в армию на общих основаниях. Разумеется, иногда проводились специальные мобилизации коммунистов и комсомольцев, предназначенные насытить армию политработниками и политбойцами, однако под такие целевые наборы попало сравнительно небольшое число партийцев. В ряде случаев для коммунистов объявлялись специальные мобилизации, в ходе которых создавалось ядро частей и соединений народного ополчения. Хотя формально штабы народного ополчения создавались при областных, районных и сельских советах[112], уже с первых дней своего существования народное ополчение находилось под эгидой партийных органов.

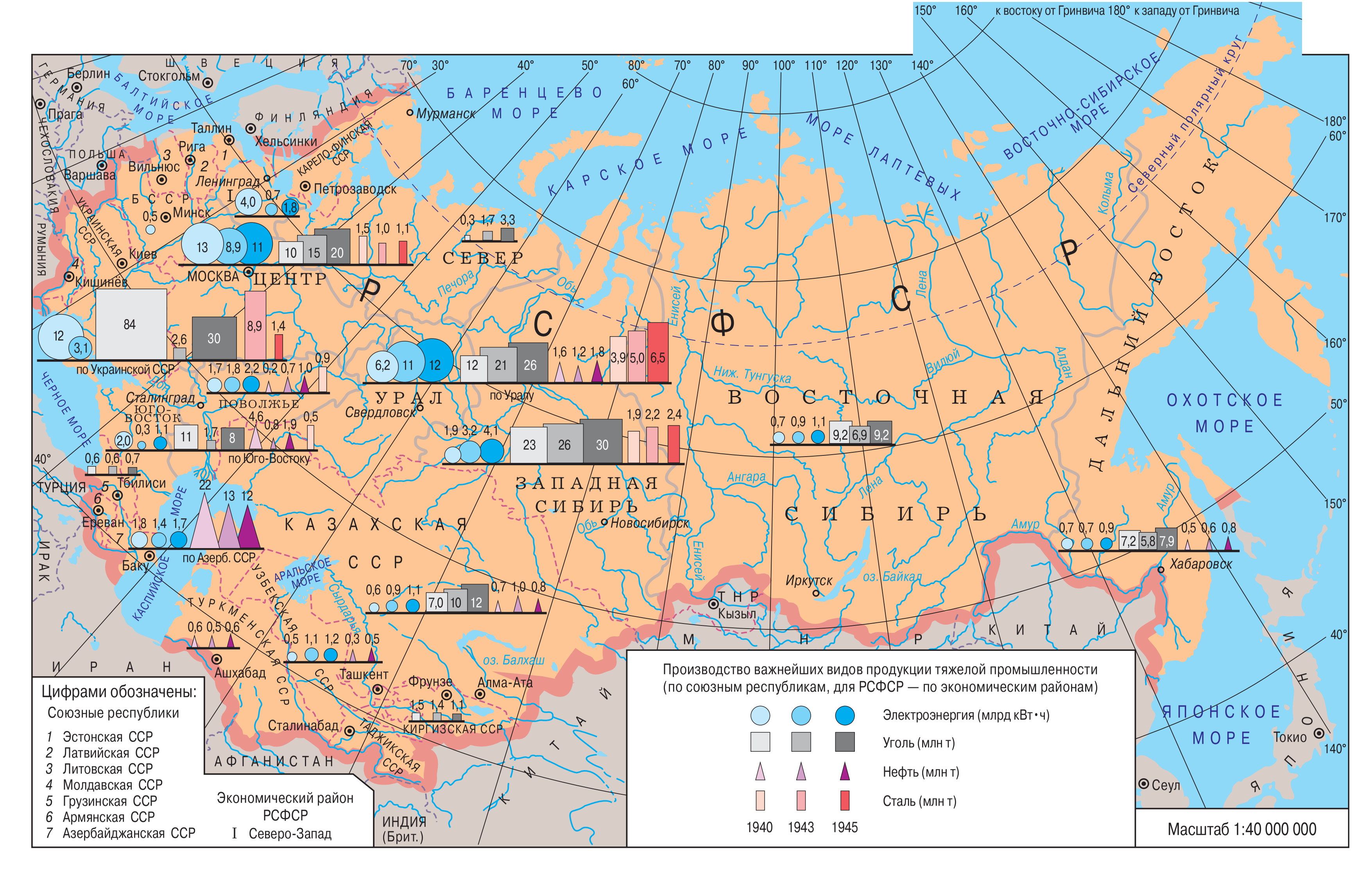
Так, 14 июля 1941 г. бюро Ярославского горкома приняло постановление «О военной подготовке бойцов народного ополчения», в котором говорилось: «1. Ответственность за военную подготовку народного ополчения в каждом районе возложить на одного из секретарей райкома ВКП(б), а на предприятиях и в учреждениях — на специально выделенных товарищей, утвержденных первичной партийной организацией. 2. Предложить райкомам ВКП(б) из записавшихся в народное ополчение сформировать взводы и отделения непосредственно при предприятиях и учреждениях с учетом сменности в производственной работе ополченцев... 3. Обязать райкомы ВКП(б) подобрать и закрепить за каждым взводом, группой командира взвода, группы и их помощников по политической части... 5. Обязать райкомы ВКП(б) один раз в два дня докладывать горкому ВКП(б) о ходе военного обучения народного ополчения в районе»[113]. Кроме того, большое значение имело шефство конкретных

Молодые ополченцы на берегах Невы

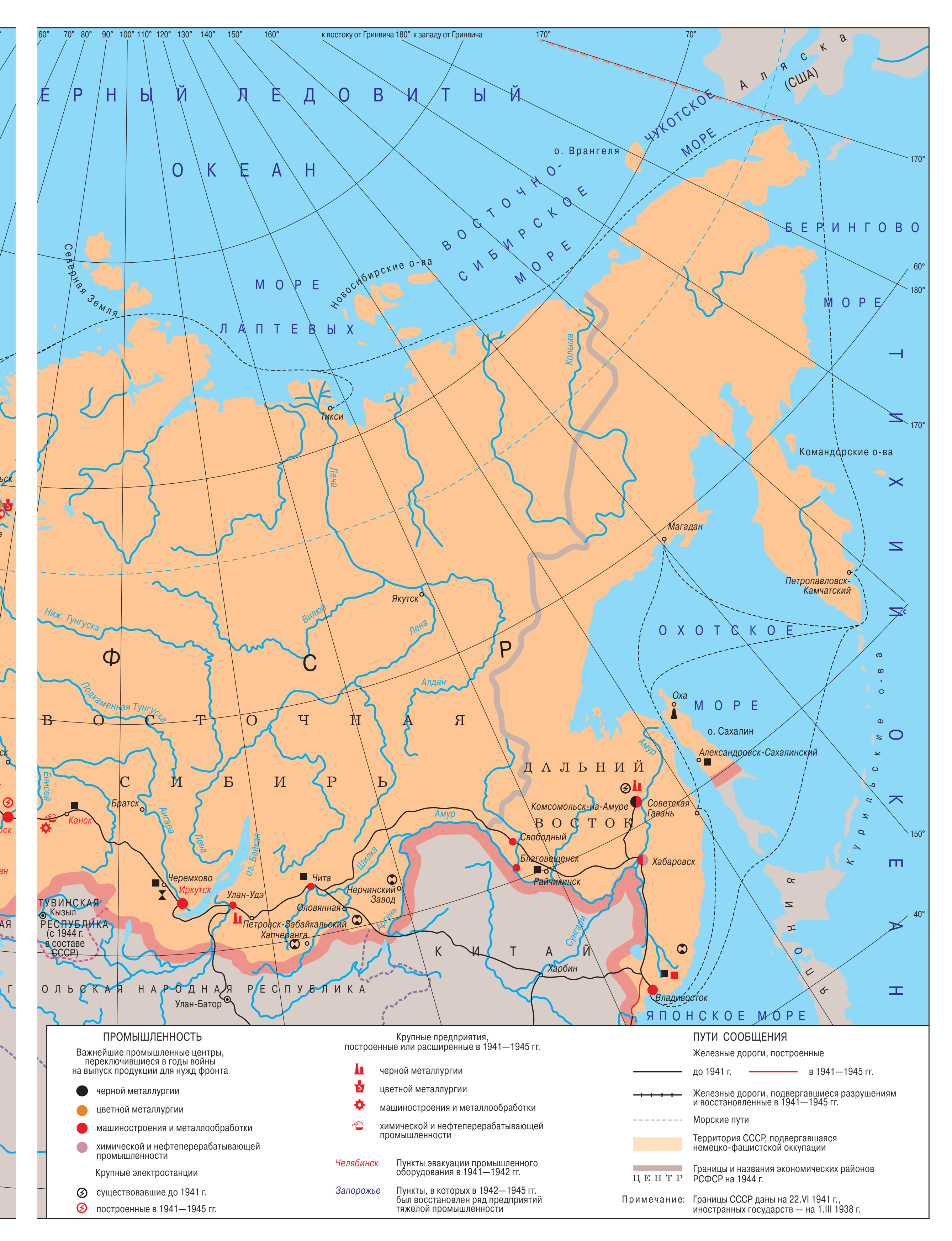

Проводы бойцов ленинградского народного ополчения на фронт

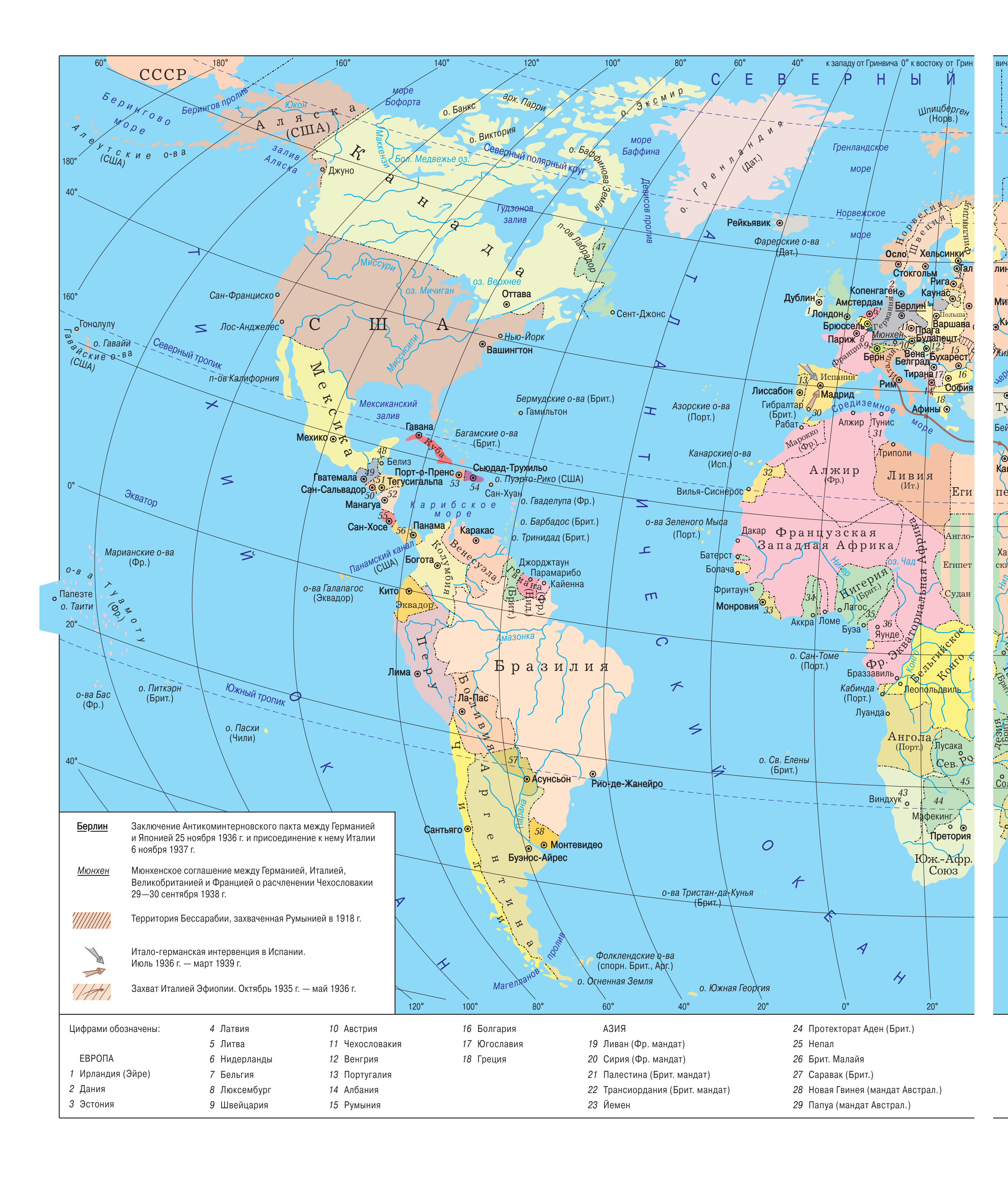

Тяжелая промышленность СССР в годы войны

ДОБЫЧА СТРАТЕГИЧЕСКОГО СЫРЬЯ
Места добычи до 1941 г.
Освоение новых мест добычи в 1941—1945 гг.
Уголь
Нефть
Сырье черной металлургии (железные и марганцевые руды)
Сырье цветной металлургии (медные, алюминиевые, свинцовые и оловянные руды)
Сырье химической промышленности (поваренная, калийная и глауберова соли; фосфориты, сера)
Сокращения:
Вл. — Владимир
Дн. — Днепродзержинск
Л. — Лысьва
М. — Миасс
Мк. — Макеевка
Под. — Подольск
Св. — Свердловск
Эл. — Электросталь
Цифрами обозначены:
1 Грузинская ССР
2 Армянская ССР
3 Азербайджанская ССР
Масштаб 1 : 20 000 000
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
СЕВЕРО-ЗАПАД
СЕВЕР
УРАЛ
ПОВОЛЖЬЕ
ЮГО-ВОСТОК
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ
КАЗАХСКАЯ ССР
УЗБЕКСКАЯ ССР
ТУРКМЕНСКАЯ ССР
КИРГИЗСКАЯ ССР
ТАДЖИКСКАЯ ССР
БЕЛОРУССКАЯ ССР
КАРЕЛО-ФИНСКАЯ ССР
ЛИТОВСКАЯ ССР
ЛАТВИЙСКАЯ ССР
ЭСТОНСКАЯ ССР
МОЛДАВСКАЯ ССР
ЦЕНТР
ФИНЛЯНДИЯ
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ГЕРМАНИЯ
ПОЛЬША
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
РУМЫНИЯ
ТУРЦИЯ
ИРАК
ИРАН
АФГАНИСТАН
ИНДИЯ (Брит.)
КИТАЙ
Шпицберген (Норв.)
Земля Франца-Иосифа
Новая Земля
Северный полярный круг
Москва
Ленинград
Мурманск
Мончегорск
Кировск
Архангельск
Петрозаводск
Воркута
Инта
Ухта
Котлас
Горький
Казань
Куйбышев
Саратов
Сталинград
Астрахань
Пермь
Свердловск
Челябинск
Магнитогорск
Уфа
Ишимбай
Стерлитамак
Чкалов
Орск
Актюбинск
Гурьев
Доссор
Эмба
Караганда
Балхаш
Джезказган
Новосибирск
Кемерово
Прокопьевск
Сталинск
Барнаул
Омск
Томск
Ташкент
Алма-Ата
Фрунзе
Сталинабад
Ашхабад
Красноводск
Небит-Даг
Баку
Тбилиси
Ереван
Грозный
Махачкала
Майкоп
Краснодар
Ростов-на-Дону
Сталино
Ворошиловград
Харьков
Киев
Днепропетровск
Кривой Рог
Никополь
Запорожье
Мариуполь
Одесса
Севастополь
Керчь
Курск
Тула
Воронеж
Липецк
Рязань
Калуга
Ярославль
Вологда
Череповец
Киров
Соликамск
Березники
Краснотурьинск
Нижний Тагил
Тюмень
Курган
Норильск
Дудинка
Игарка
Салехард
Диксон
Кабул
Тегеран

Экономика СССР в годы войны

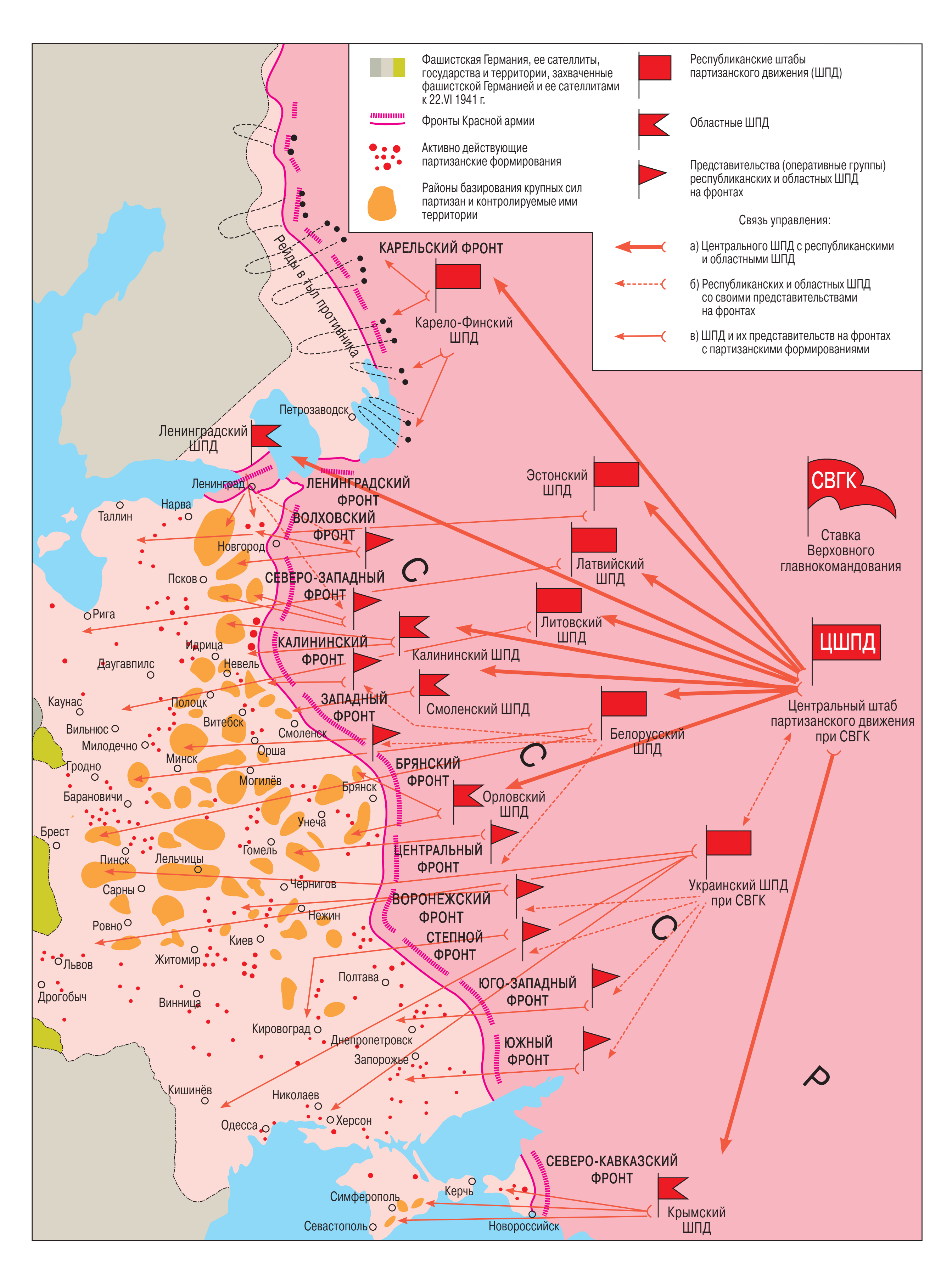

СССР
Берингово море
Берингов пролив
Алеутские о-ва (США)
Аляска (США)
Юкон
море Бофорта
залив Аляска
Джуно
Маккензи
о. Банкс
арх. Парри
о. Виктория
о. Элсмир
Бол. Медвежье оз.
Северный полярный круг
о. Баффинова Земля
море Баффина
Девисов пролив
о. Гренландия (Дат.)
Гренландское море
Шпицберген (Норв.)
Норвежское море
Рейкьявик
Фарерские о-ва (Дат.)
Канада
Гудзонов залив
п-ов Лабрадор
Миссури
оз. Мичиган
оз. Верхнее
Оттава
Сент-Джонс
Сан-Франциско
Лос-Анджелес
США
Миссисипи
Нью-Йорк
Вашингтон
Гонолулу
о. Гавайи
Гавайские о-ва (США)
Северный тропик
п-ов Калифорния
Мексика
Мексиканский залив
Бермудские о-ва (Брит.)
Гамильтон
Азорские о-ва (Порт.)
Гавана
Куба
Багамские о-ва (Брит.)
Мехико
Белиз
Гватемала
Сан-Сальвадор
Тегусигальпа
Манагуа
Сан-Хосе
Панама
Порт-о-Пренс
Сьюдад-Трухильо
о. Пуэрто-Рико (США)
Сан-Хуан
о. Гваделупа (Фр.)
о. Барбадос (Брит.)
о. Тринидад (Брит.)
Карибское море
Каракас
Экватор
Марианские о-ва (Фр.)
Папеэте
о. Таити
о-ва Туамоту (Фр.)
Панамский канал (США)
Богота
Колумбия
Венесуэла
Джорджтаун
Парамарибо
Кайенна
Гвиана (Брит.)
Гвиана (Нид.)
Гвиана (Фр.)
о-ва Галапагос (Эквадор)
Кито
Эквадор
Амазонка
Бразилия
Лима
Перу
Боливия
Ла-Пас
о-ва Бас (Фр.)
о. Питкэрн (Брит.)
Южный тропик
о. Пасхи (Чили)
Асунсьон
Рио-де-Жанейро
Чили
Аргентина
Парана
Сантьяго
Монтевидео
Буэнос-Айрес
Фолклендские о-ва (спорн. Брит., Арг.)
Магелланов пролив
о. Огненная Земля
о. Южная Георгия
о-ва Тристан-да-Кунья (Брит.)
о. Св. Елены (Брит.)
Тихий океан
Атлантический океан
Северный
Дублин
Лондон
Амстердам
Копенгаген
Брюссель
Париж
Берлин
Мюнхен
Прага
Вена
Будапешт
Варшава
Берн
Рим
Белград
Бухарест
Тирана
София
Афины
Осло
Стокгольм
Хельсинки
Рига
Каунас
Норвегия
Швеция
Германия
Франция
Польша
Испания
Италия
Лиссабон
Мадрид
Гибралтар (Брит.)
Рабат
Алжир
Тунис
Средиземное море
Триполи
Марокко (Фр.)
Канарские о-ва (Исп.)
Алжир (Фр.)
Ливия (Ит.)
Египет
Вилья-Сиснерос
о-ва Зеленого Мыса (Порт.)
Дакар
Батерст
Болама
Французская Западная Африка
Нигер
оз. Чад
Нигерия (Брит.)
Фритаун
Монровия
Аккра
Ломе
Лагос
Буэа
Яунде
Судан
Англо-
о. Сан-Томе (Порт.)
Фр. Экваториальная Африка
Бельгийское Конго
Конго
Браззавиль
Кабинда (Порт.)
Леопольдвиль
Луанда
Ангола (Порт.)
Лусака
Сев. Родезия
Виндхук
Мафекинг
Претория
Юж.-Афр. Союз
к западу от Гринвича 0° к востоку от Гринвича
Берлин — Заключение Антикоминтерновского пакта между Германией и Японией 25 ноября 1936 г. и присоединение к нему Италии 6 ноября 1937 г.
Мюнхен — Мюнхенское соглашение между Германией, Италией, Великобританией и Францией о расчленении Чехословакии 29—30 сентября 1938 г.
Территория Бессарабии, захваченная Румынией в 1918 г.
Итало-германская интервенция в Испании. Июль 1936 г. — март 1939 г.
Захват Италией Эфиопии. Октябрь 1935 г. — май 1936 г.
Цифрами обозначены:
ЕВРОПА
1 Ирландия (Эйре)
2 Дания
3 Эстония
4 Латвия
5 Литва
6 Нидерланды
7 Бельгия
8 Люксембург
9 Швейцария
10 Австрия
11 Чехословакия
12 Венгрия
13 Португалия
14 Албания
15 Румыния
16 Болгария
17 Югославия
18 Греция
АЗИЯ
19 Ливан (Фр. мандат)
20 Сирия (Фр. мандат)
21 Палестина (Брит. мандат)
22 Трансиордания (Брит. мандат)
23 Йемен
24 Протекторат Аден (Брит.)
25 Непал
26 Брит. Малайя
27 Саравак (Брит.)
28 Новая Гвинея (мандат Австрал.)
29 Папуа (мандат Австрал.)

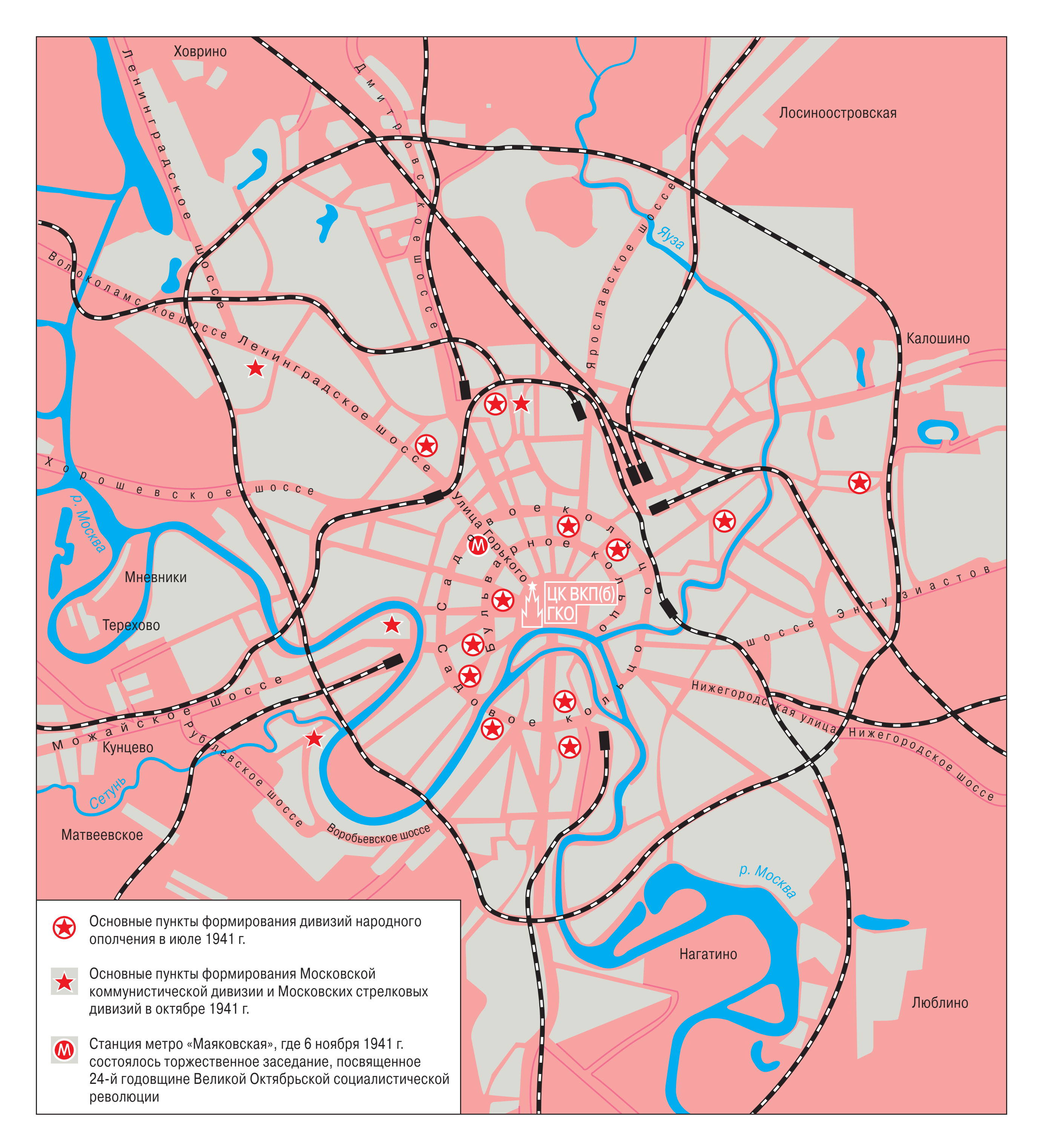
Политическая карта мира накануне Второй мировой войны

Партизанское движение на территории, оккупированной фашистской Германией

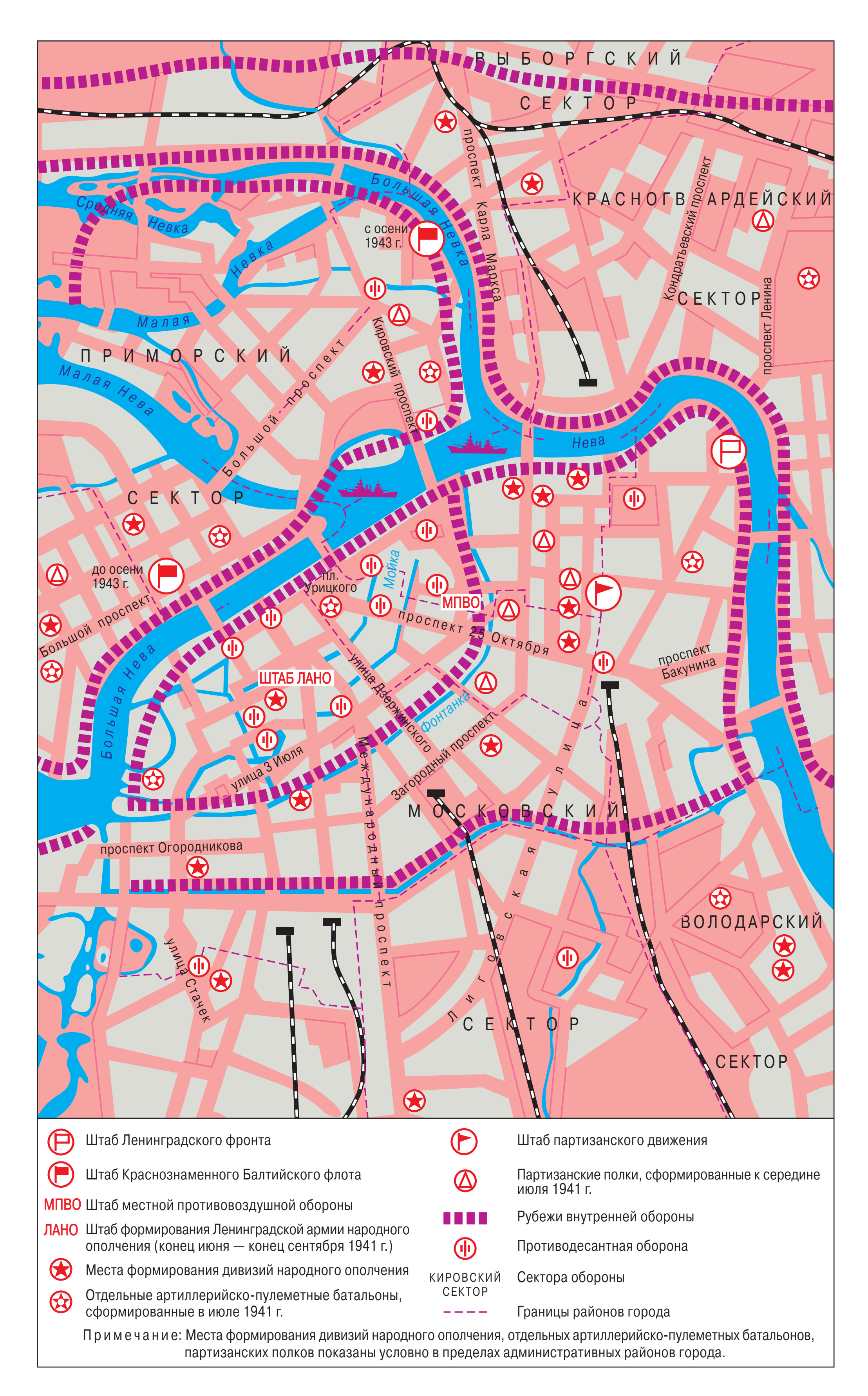
Руководство партизанским движением

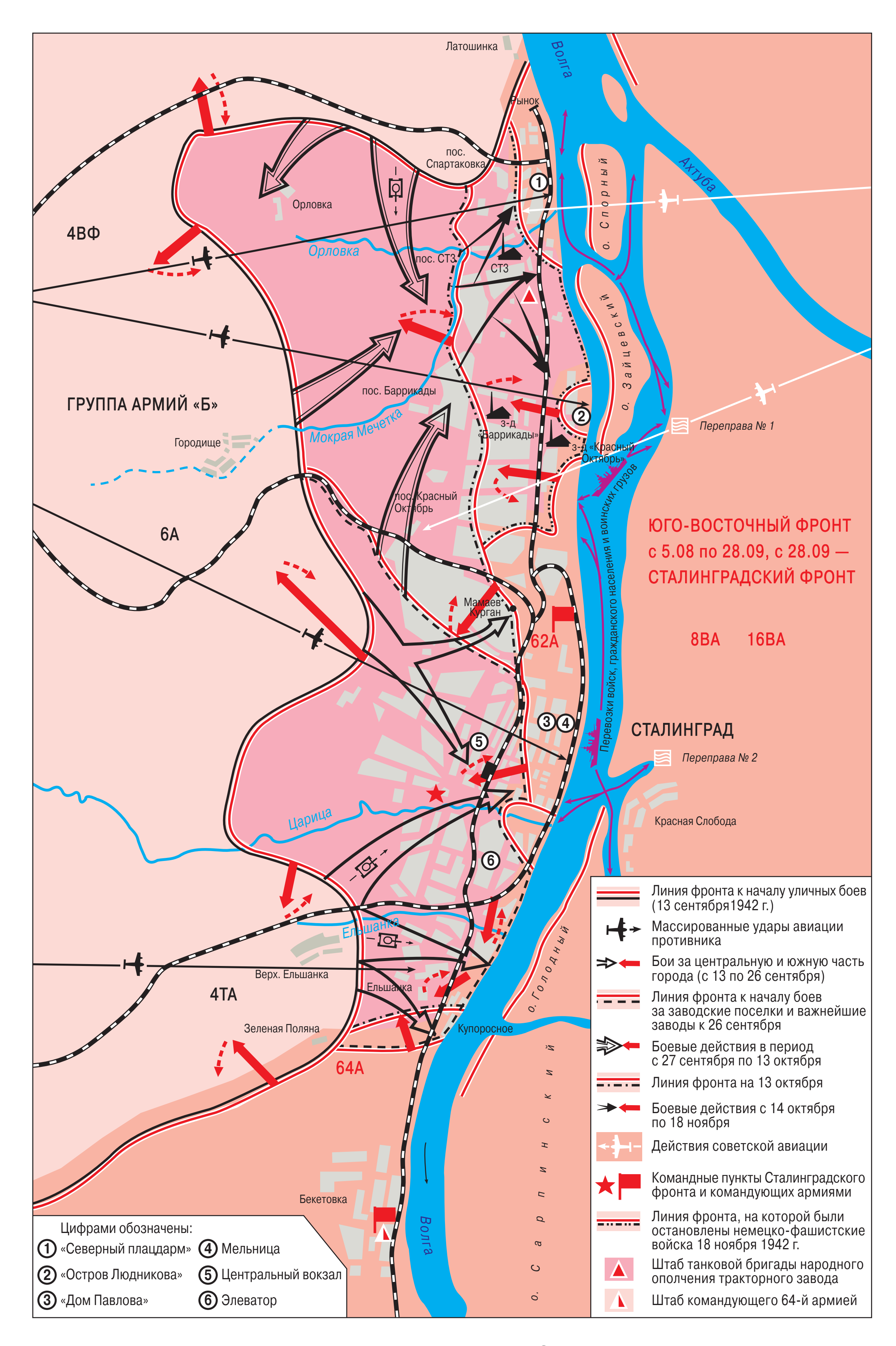
Москва фронтовая

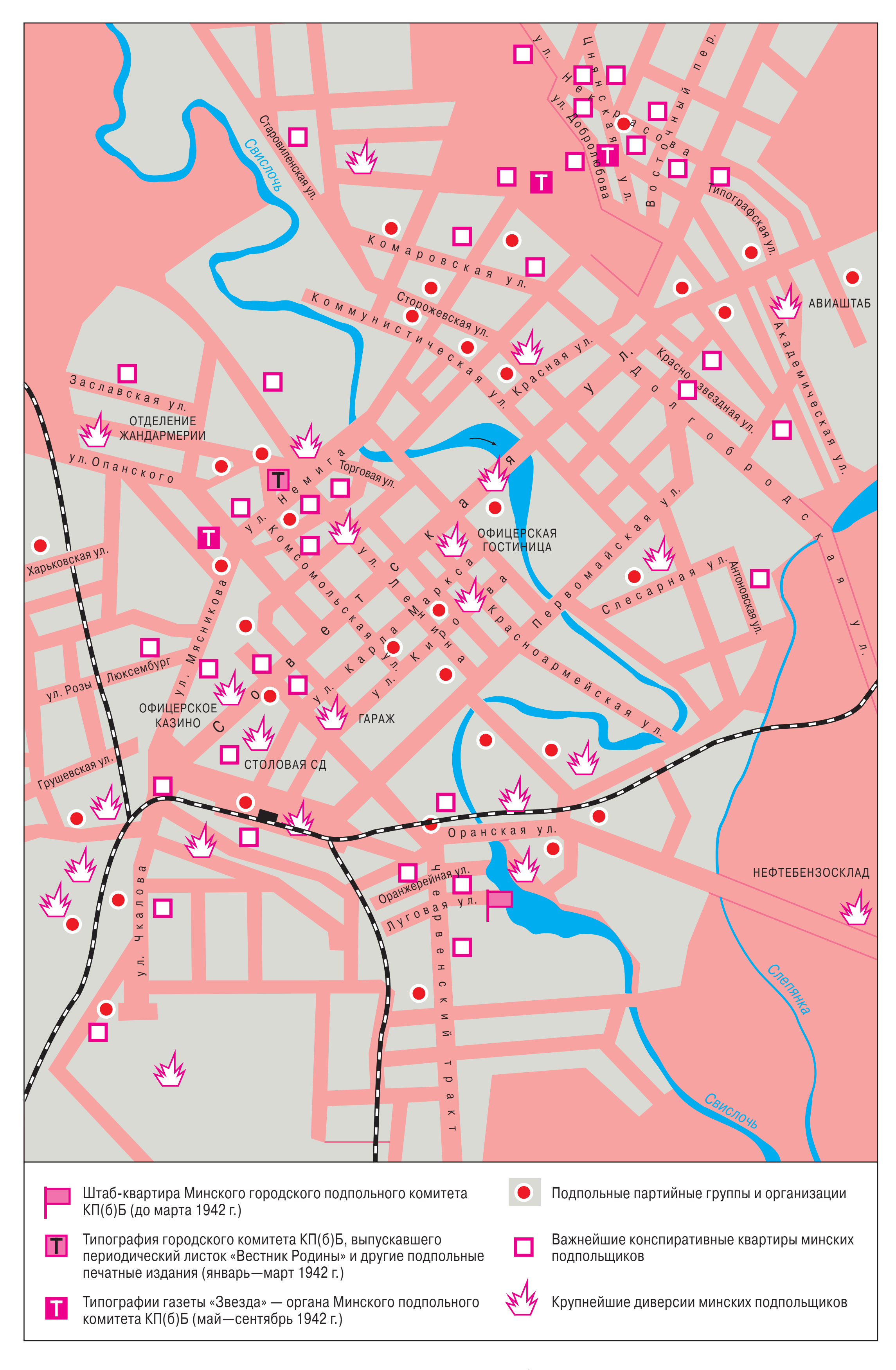
Тула — бастион на южных подступах к Москве

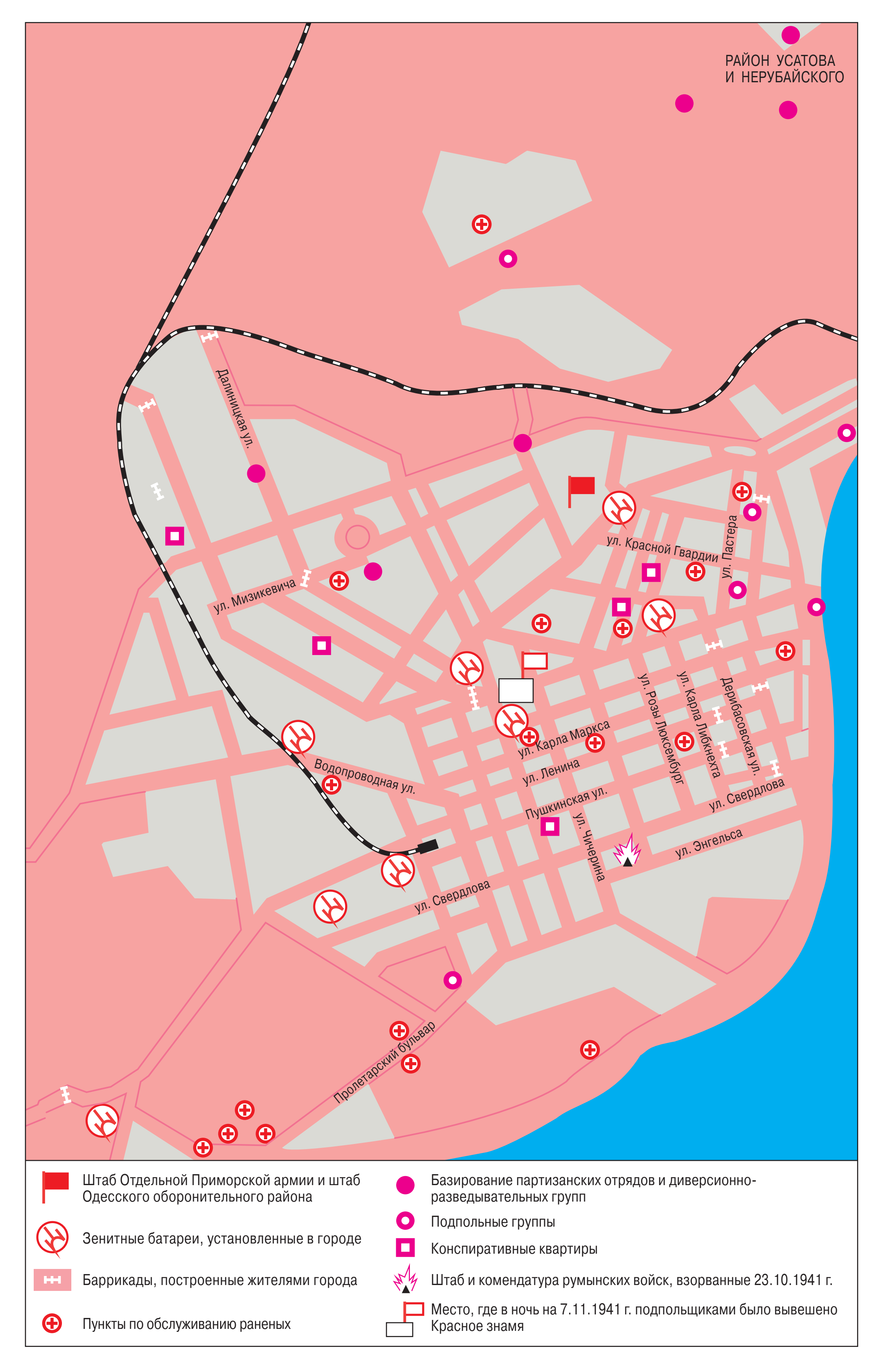
Неприступный город Ленинград

Бессмертный подвиг защитников Сталинграда

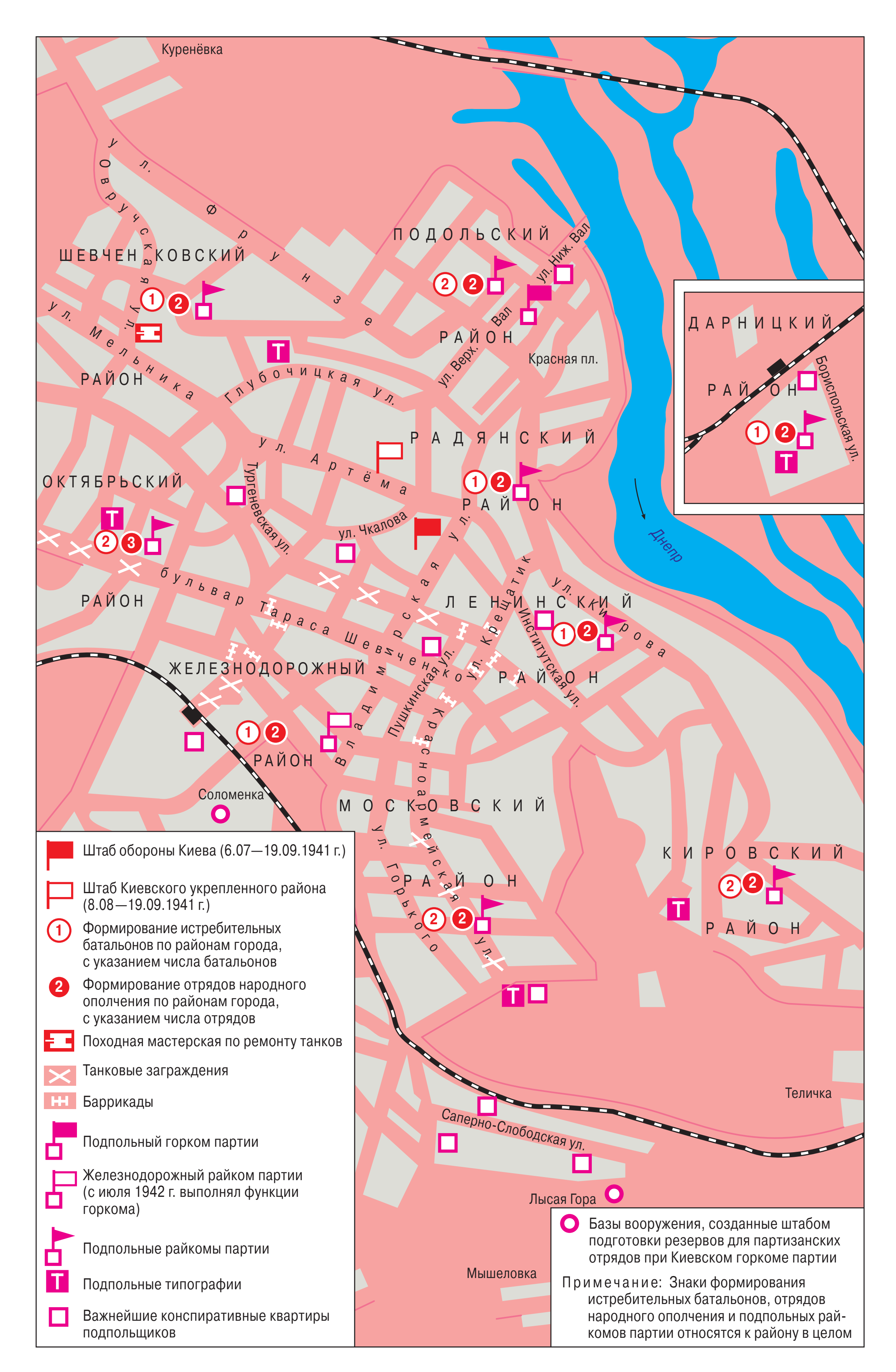
Столица партизанской республики Минск

Героизм защитников Одессы

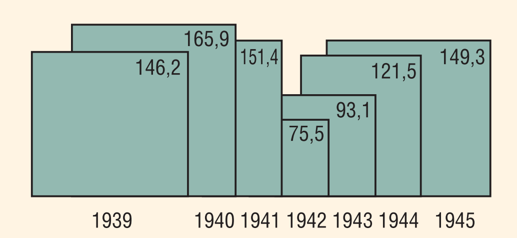
Город-фронт Севастополь

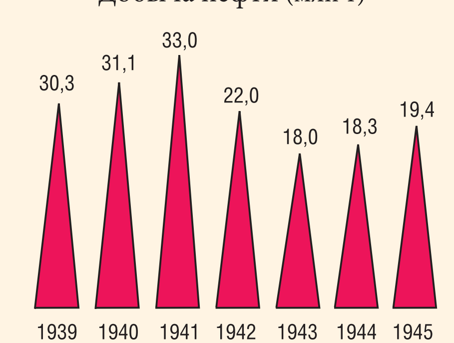
Сражающийся Киев

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИКИ СССР

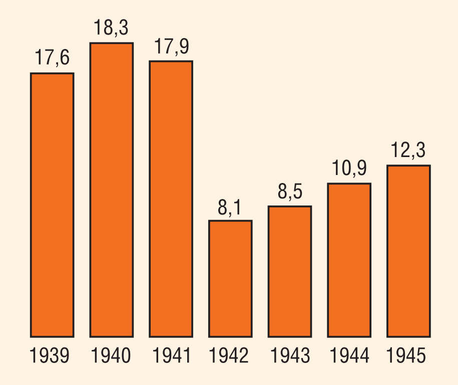

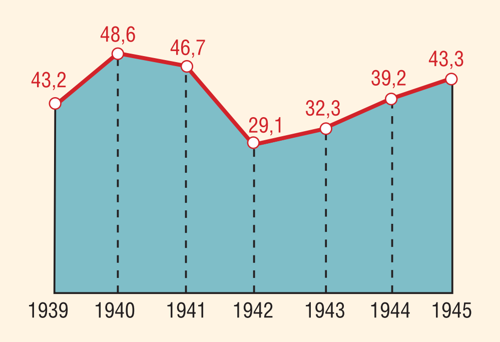
Добыча нефти (млн т)

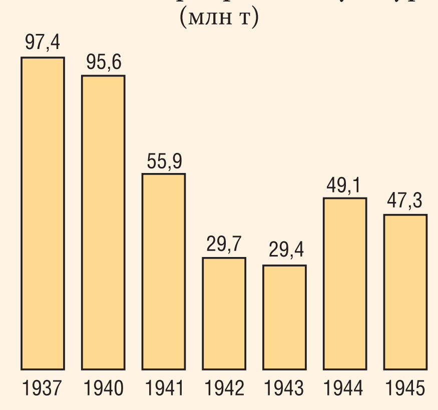
Выплавка стали (млн т)

Производство электроэнергии (млрд кВт • ч)

Валовый сбор зерновых культур (млн т)

организаций и предприятий над частями и подразделениями народного ополчения. Причем обеспечивать такое шефство должны были как директора соответствующих организаций, так и секретари заводских и учрежденческих первичных организаций[114].

Степень влияния коммунистических организаций на народное ополчение возрастала и за счет целевых мобилизаций коммунистов в отряды и более крупные соединения народного ополчения. Так, например, в сентябре 1941 г. Курский обком объявил поголовную мобилизацию коммунистов и комсомольцев области для зачисления в соединения народного ополчения и истребительные батальоны[115]. В Горьковской области на 28 июля 1941 г. было подано 61 110 заявлений о зачислении в народное ополчение, но удовлетворено из них только 44 392 заявления. Из этого числа коммунистов и кандидатов в члены ВКП(б) — 13 364 человека, комсомольцев — 9374[116]. Таким образом, коммунисты и комсомольцы составляли приблизительно половину от всей численности народного ополчения области.

Особым случаем партийных мобилизаций в Красную армию стали коммунистические батальоны, представлявшие собой разновидность народного ополчения и создававшиеся по инициативе местных партийных комитетов в регионах, находившихся под непосредственной угрозой фашистского вторжения. Как правило, батальоны комплектовались коммунистами и комсомольцами, по той или иной причине не подлежавшими призыву — обычно такие категории бойцов составляли до 80% добровольцев. Так как по организационным причинам такие батальоны обычно комплектовались из горожан, нередко эти части называли рабочими батальонами. В большинстве случаев комплектование коммунистических батальонов оружием, амуницией и прочим снаряжением происходило за счет использования местных ресурсов, а командный состав формировался местными военкоматами из командиров запаса. Что касается политработников, то они практически всегда комплектовались из состава местных партийных и комсомольских сотрудников. Разумеется, будучи добровольными формированиями военного времени, коммунистические батальоны просуществовали недолго, влившись в состав регулярной армии. Такие батальоны формировались в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Кишинёве, Севастополе, Одессе, Сталинграде, Туле, Воронеже и других городах.

В ряде случаев отдельные коммунистические батальоны объединялись в коммунистические полки[117] и даже дивизии. Примером может служить боевой путь 3-й Московской коммунистической дивизии. Согласно решению партийного актива Москвы от 13 октября 1941 г. дополнительно к уже сформированным дивизиям народного ополчения в течение трех дней в городе было сформировано 25 коммунистических батальонов общей численностью 12 тыс. человек. 17 октября (то есть спустя всего четыре дня после принятия решения) все 25 батальонов заняли позиции на ближних подступах к столице, где были сведены сначала в полки, а затем в 3-ю Московскую коммунистическую дивизию. Позднее, в январе 1942 г., это соединение было переформировано в кадровую 130-ю стрелковую дивизию, а за успешные боевые действия ей было присвоено звание гвардейской (53-я гвардейская стрелковая дивизия), почетное наименование Тартуской, она была награждена орденом Красного Знамени.

Именно коммунисты и комсомольцы, как правило, становились кадровой основой истребительных рот и батальонов, предназначенных для борьбы с воздушными десантами противника, прорвавшимися вражескими подразделениями. Численность таких формирований была непостоянной и колебалась от 100 до 500 человек. Истребительные роты и батальоны создавались, как правило, в каждом административном районе прифронтовой полосы. Боевую подготовку они проходили по 110-часовой программе, предусматривавшей 30 часов боевой учебы[118].

Постановление Совнаркома о создании истребительных батальонов было опубликовано 24 июня 1941 г., и уже к концу июля в СССР было сформировано 1755 истребительных батальонов и 300 тыс. групп содействия истребительным батальонам[119]. Истребительные роты и батальоны внесли весомый вклад в оборону Одессы, Севастополя, Москвы, Ленинграда, Тулы и других городов. В ряде областей страны истребительные батальоны стали базой для создания партизанских отрядов[120].

Обучение приемам штыкового боя

Партизанская бригада в бою

В ходе стремительного наступления вермахта летом — осенью 1941 г. около 70 тыс. коммунистов, преимущественно из западных приграничных областей Советского Союза, не успели эвакуироваться и были вынуждены остаться на временно оккупированной врагом территории. Кроме того, десятки тысяч членов ВКП(б) были оставлены в неприятельском тылу для организации партизанского движения. Несмотря на многочисленные потери и жесточайшие меры, предпринимаемые нацистами, к концу первого года войны в антифашистском подполье действовали около 65 тыс. членов ВКП(б). Одним из важнейших узлов кристаллизации такого подполья становились именно партийные структуры. Население временно оккупированных территорий видело в партийных организациях элементы привычной системы управления и ощущало себя находящимся в неразрывной связи с Большой землей. Именно поэтому по ту линию фронта действовали десятки подпольных обкомов и сотни горкомов, райкомов и первичных организаций[121]. Очевидно, что без мощной и постоянной поддержки местного населения было бы невозможно функционирование столь большого числа партийных организаций на временно оккупированных территориях.

В ряде случаев партийные органы становились центром создания подпольной сети в неприятельском тылу согласно заранее составленному плану. По сути, впервые задача заблаговременной подготовки партизанского движения была поставлена в совместном постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 29 июня 1941 г. В нем, в частности, требовалось для руководства партизанской борьбой и боевой работы подполья «заблаговременно под ответственность первых секретарей райкомом и обкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки»[122].

В сравнении с другими странами, подвергшимися гитлеровской агрессии, именно СССР проявил недюжинную оперативность в переходе к активным партизанским действиям. Ни одна другая страна, ставшая жертвой немецко-фашистских захватчиков, так и не успела отдать аналогичную директиву. В результате в Югославии первые партизанские отряды начали появляться через два месяца, в Греции — через 10 месяцев, во Франции — спустя полтора года, а в Польше — через три года после оккупации[123]. Соответственно, гитлеровское военное и политическое руководство ожидало, что война против СССР в плане реакции мирного населения на оккупацию будет мало отличаться от кампаний на Западе и Балканах, и планировало количество оккупационных сил, исходя из этих расчетов. Как показала практика — ошибочных[124].

Надо отметить, что в ряде случаев местные партийные организации начали работу по созданию партизанского движения самостоятельно, не дожидаясь руководящих указаний из Москвы. Так, уже 23 июня 1941 г. Минский обком принял решение о подготовке к переходу на нелегальное положение[125]. На следующий день, 24 июня, первый секретарь ЦК компартии Белоруссии П. К. Пономаренко на собрании партактива сказал: «Пришло время начинать партизанскую борьбу в тылу врага. В Минске сейчас находятся многие партийные, советские и комсомольские работники из занятых немцами областей и районов. Надо немедленно решать, кого из них мы можем направить во вражеский тыл для организации партизанских отрядов и диверсионных групп»[126]. В результате первый партизанский отряд в Белоруссии был сформирован в г. Пинске уже 26 июня 1941 г.[127] Характерно, что возглавил его Василий Корж, занимавший до того пост заведующего отделом обкома ВКП(б)[128], и это еще раз подчеркнуло незыблемость партийного руководства созданием системы партизанских и подпольных отрядов и групп. Уже в ночь на 25 июня в Новоград-Волынском прошло совещание секретарей обкомов Западной Украины, посвященное подготовке партизанских отрядов и подпольных групп на случай перехода на нелегальное положение, а 28 июня прошло аналогичное совещание секретарей обкомов всей Левобережной Украины[129].

Примечательно, что в первое время партизанское движение рассматривалось прежде всего как партийная работа, и все руководство подготовкой и организацией советского подполья шло в основном через партийные структуры. Хотя непосредственную работу по вооружению и оперативному слаживанию партизанских отрядов, как правило, осуществляли органы НКВД и НКГБ, к каждому таком отряду в обязательном порядке прикреплялся

ответственный партработник[130]. Достаточно часто партийные органы ставили конкретные задачи по действиям в неприятельском тылу.

Так, 29 июня 1941 г. ЦК КП(б) Белоруссии издало постановление «О направлении в тыл противника диверсионных групп...», в котором указывалось: «В связи с тем что противник использует действующие аэродромы в захваченных районах Белоруссии для борьбы с Красной армией, направить в районы расположения аэродромов 28 диверсионных групп»[131]. Подготовку кадров для партизанских отрядов осуществлял Оперативный учебный центр (ОУЦ) под руководством И. Г. Старинова[132], созданный 12 июля приказом командующего Западным фронтом, но находящийся в подчинении ЦК компартии Белоруссии.

По образцу ОУЦ на Украине 1 августа под Киевом была создана партизанская школа. Формирование партизанской структуры на Украине шло с некоторым отставанием от Белоруссии. А в Прибалтийских республиках складывания системы антифашистского подполья практически не произошло. Свою роль здесь сыграли и высокие темпы наступление германской группы армий «Север», и особенности социально-политической обстановки в республиках, где сохранилась значительная социальная база для коллаборационизма, а позиции коммунистической партии были слабее. В отличие от Украины и Белоруссии, подпольщиков и партизан в Литву и Латвию пришлось впоследствии перебрасывать через линию фронта, так как оставить их заблаговременно не успели.

В Эстонии партизанский штаб был создан только 23 июля, а значительная часть из 800 подпольщиков, подготовленных до оккупации летом 1941 г., была вскоре разоблачена германскими службами безопасности[133]. В Латвии работа по подготовке подполья началась после специального постановления ГКО от 3 августа 1941 г. № 383 «О создании Латвийской стрелковой дивизии, формировании партизанских отрядов и групп», а в Литве руководящая группа по организации подпольного движения была создана 28 августа[134]. К этому моменту Прибалтийские республики рассматривались командованием вермахта как сугубо тыловые районы. Очевидно, что создавать в таких условиях партизанскую сеть с опорой на местные партийные органы было уже поздно.

Учитывая печальный опыт Прибалтийских республик, по мере перестройки партии на военные рельсы райкомы и обкомы российских областей интенсифицировали подготовку к переходу на нелегальное положение. Уже 3 июля 1941 г. Калининский обком ВКП(б) направил райкомам и обкомам области директиву о подготовке подпольных партийных организаций[135], а 25 июля Ленинградский обком и горком постановили сформировать к 29 июля 300 партизанских отрядов суммарной численностью 12 тыс. человек[136].

Постепенно основной вектор партийной работы смещался от подготовки подпольных органов партии к формированию базы партизанского движения. В справке Калининского обкома от 9 августа 1941 г. «О мобилизации коммунистов и организации обороны» говорилось: «В районах области организованы партизанские отряды. Во главе отрядов стоят секретари райкомов партии, председатели исполкомов и другие ответственные работники районов. В Рамешковском районе создано 4 партизанских отряда. Каждый отряд составил план-маршрут действий партизан в случае занятия врагом территории. Подобрано место хранения имущества отрядов»[137]. Надо отметить, что определенные результаты эта подготовительная работа дала, и после оккупации неприятелем ряда западных районов области там сравнительно быстро была развернута сеть подпольных организаций и партизанских отрядов.

На 1 декабря 1941 г. в оккупированных районах Калининской области действовало 55 партизанских отрядов, объединявших в своем составе 1652 человека. Помимо этого, через линию фронта в этот регион было переброшено 32 диверсионные группы суммарной численностью 288 бойцов[138]. Эти группы также использовали структуры, заблаговременно развернутые Калининским обкомом еще до подхода немецко-фашистских войск к границам области. О масштабе работы по подготовке партизанской деятельности говорит тот факт, что в октябре 1941 г. задача по заблаговременному развертыванию партизанских баз ставилась даже перед партийным руководством Дальнего Востока, и вплоть до конца 1942 г. велась активная работа в данном направлении[139].

Советские партизаны изучают трофейный немецкий пулемет

Партизаны спасают раненого товарища

Народные мстители

Основную массу руководителей зафронтовой борьбы составляли партийные кадры. Так, на весну 1942 г. антифашистское подполье на Смоленщине возглавляли 220 руководящих работников партийного аппарата (в том числе 89 секретарей райкомов), 142 руководящих сотрудника исполкомов (в том числе 22 председателя райисполкомов или горисполкомов) и 56 руководителей из других властных вертикалей[140]. К концу 1941 г. на временно оккупированных территориях Советского Союза действовало 18 подпольных обкомов, свыше 260 окружкомов, горкомов и райкомов[141].

В 1941 г. единого руководства партизанским движением на оккупированной врагом территории практически не существовало. Еще 18 июля ЦК ВКП(б) издал постановление, в котором обязанности по руководству партизанской работой были возложены на местные партийные организации. Однако прочие ведомства, полагая, что партийные структуры не в полной мере понимают специфику зафронтовой работы в интересах действующей армии, не только продолжили, но и расширили масштабы создания собственных зафронтовых структур.

К осени 1941 г. произошло окончательное отделение работы зафронтовых партийных органов от деятельности органов НКВД и военной разведки. Обкомы и райкомы ВКП(б) на Украине и в Белоруссии стали сами создавать партизанские отряды[142]. Одновременно с этим в тыл врага направляли собственные партизанские отряды и разведывательно-диверсионные группы НКВД, Главное политическое управление[143] РККА и разведывательные отделения штабов фронтов и армий. 1 ноября 1941 г. при Военном совете Юго-Западного фронта была создана оперативная группа по руководству партизанским движением[144], что еще более запутало систему руководства зафронтовыми операциями.

Начальник спецотдела[145] Политуправления Северо-Западного фронта А. Н. Асмолов писал: «Отсутствие единого центра по руководству партизанским движением неизбежно вызывает то, что сейчас имеем массу недочетов в партизанском движении. Никто не заботится обеспечить партизанское движение радиосредствами; до сих пор не отработан практический вопрос о порядке обеспечения партизан и их семей денежным пособием... никто не занимается обобщением опыта партизанской борьбы, не распространяется положительный опыт между фронтами; до сих пор мы не получили ни одного руководящего указания по организации партизанского движения и его руководству из центра»[146].

Одним из немногих успешных примеров межведомственной координации руководства партизанским движением можно считать опыт создания «тройки» по руководству партизанским движением на территории Ленинградской области. В состав «тройки» вошли секретарь обкома, заведующий военным отделом обкома и представитель Управления НКГБ по Ленинградской области[147]. К сожалению, распространить этот полезный опыт на другие регионы не удалось. Тем не менее надо отметить, что к концу 1941 г. подавляющее большинство партизанских отрядов, о которых было известно в Москве[148], входило в систему НКВД.

Количественный рост партизанского движения превращал его в действенную силу, способную существенно влиять на ход военных действий. Особую роль в расширении партизанского движения сыграл приказ И. В. Сталина от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения», в котором была поставлена задача вовлечь в партизанское движение широкие массы населения[149].

Еще весной 1942 г. германское командование начало обращать усиленное внимание на обеспечение безопасности в своем тылу. В это время оно нанесло целый ряд ударов по советскому подполью, причем в основном по сегменту, руководимому именно партийными органами. В Минске были казнены свыше 400 подпольщиков, в том числе 28 руководящих сотрудников. На Украине в руки гитлеровцев попали партийные руководители Киева, Харькова, Днепропетровска, Винницы и ряда других городов. В Литве были разгромлены шяуляйская и паневежская подпольные группы, погиб секретарь ЦК компартии Литвы. Значительная часть подпольных партийных организаций была вынуждена уйти в леса, так как возможности подпольной деятельности в городах были крайне невелики.

30 мая 1942 г. все руководство партизанским движением было сконцентрировано в руках Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), во главе которого встал П. К. По-

номаренко, созданном при Ставке Верховного главнокомандования. Л. П. Берия пытался сохранить влияние на руководство зафронтовыми операциями, но И. В. Сталин специально подчеркнул: «У вас — узковедомственный подход к этой чрезвычайно важной проблеме. Партизанское движение, партизанская борьба — это народное движение, народная борьба. И руководить этим движением, этой борьбой должна и будет партия. Сейчас то, что требуется, мы и исправим. И начальником ЦШПД будет член ЦК ВКП(б)». Со стороны ГКО деятельность ЦШПД курировал К. Е. Ворошилов.

Следующим этапом становления структуры управления партизанским движением стало учреждение 6 сентября 1942 г. должности главнокомандующего партизанским движением, которому и был подчинен ЦШПД. Эту должность занял К. Е. Ворошилов, являвшийся членом Политбюро ЦК ВКП(б), что еще раз подчеркнуло доминирующую роль партийных инстанций в этой проблематике. Однако К. Е. Ворошилов повел курс на военизацию партизанского движения, что означало поэтапное сокращение влияния партийных органов.

19 ноября 1942 г. решением ГКО № 2527сс «Вопросы партизанского движения» должность главнокомандующего партизанским движением была упразднена, а руководство деятельностью партизан вновь возложено на возглавляемый П. К. Пономаренко ЦШПД. Ввиду специфики деятельности партизан, а также вследствие отказа от военизации партизанских отрядов 6 января 1943 г. в партизанских соединениях был восстановлен институт военных комиссаров.

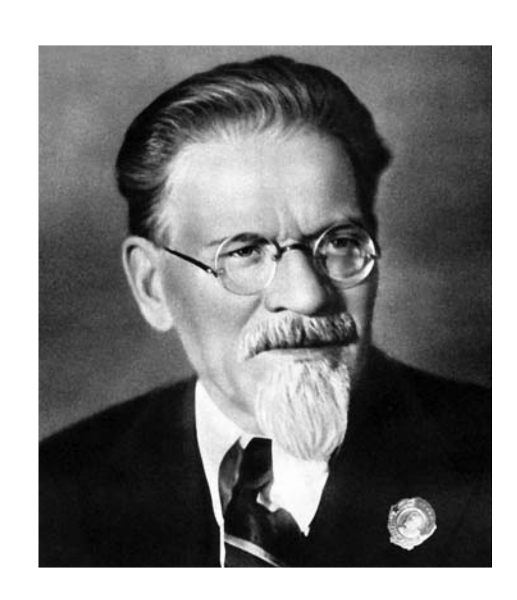
В дальнейшем система управления партизанским движением претерпела еще несколько реорганизаций, но роль и значение партийных структур в руководстве партизанскими соединениями оставалась неизменной до полного освобождения советской территории в конце Великой Отечественной войны.

Деятельность государственных органов и общественных организаций в годы войны

По действовавшей Конституции СССР 1936 г. в Советском Союзе не существовало разделения законодательной и исполнительной властей. Официально высшая власть в стране принадлежала двухпалатному Верховному Совету, переизбиравшемуся каждые полгода. Верховный Совет, в свою очередь, избирал высший исполнительный орган — Совет народных комиссаров (Совнарком), выполнявший функции правительства, а также Верховный суд. При этом в каждой области, крае, союзной или автономной республике существовал собственный совет, формировавший соответствующий исполнительный орган — исполнительный комитет. Сферы компетенции советов разных уровней были разграничены весьма нечетко, но на практике это, как правило, не приводило к сколько-нибудь заметным конфликтам.

Как уже говорилось выше, партия к этому моменту уже прочно заняла нишу дополнительной ветви власти, поэтому любая административная проблема без труда решалась в соответствующей партийной инстанции. Более того, степень интегрированности партийных структур в советскую систему управления достигла такого уровня, что даже сравнительно маловажные вопросы, например утверждение административно-территориальных преобразований или перенос сроков выборов в советы всех уровней, утверждались по представлению местных партийных органов Секретариатом ЦК ВКП(б)[150].

Кардинальные государственные решения к 1941 г. принимались отнюдь не на сессиях Верховного Совета СССР. Однако на низовом уровне население постоянно взаимодействовало с районными советами и исполнительными комитетами, а также с соответствующими структурами городского уровня. Именно эти инстанции отвечали за массу бытовых и инфраструктурных вопросов, без решения которых жизнь советского гражданина была бы невозможна.

М. И. Калинин

О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время

Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 25 июня 1941 г.

«Известия» от 27 июня 1941 г.

В целях обеспечения выполнения производственных заданий, связанных с нуждами военного времени, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Предоставить директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли право устанавливать, с разрешения Совнаркома СССР, как для всех рабочих и служащих предприятия, так и для отдельных цехов, участков и групп рабочих и служащих обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день.
2. Лица, не достигшие 16 лет, могут быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более 2 часов в день.
3. Не могут быть привлечены к обязательным сверхурочным работам беременные женщины, начиная с шестого месяца беременности, а также женщины, кормящие грудью — в течение шести месяцев кормления.
4. Оплату обязательных сверхурочных работ рабочим и служащим производить в полуторном размере.
5. Отменить очередные и дополнительные отпуска, заменив их денежной компенсацией за неиспользованный отпуск, во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях. Отпуска предоставлять лишь в случае болезни. Отпуска по беременности и родам предоставлять в соответствии со ст. 14 постановления Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
«О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»

С началом Великой Отечественной войны чрезвычайно остро встал вопрос о повышении степени оперативности руководства. Прежняя система, достаточно удовлетворительно работавшая в мирные годы, теперь представлялась излишне инерционной и неповоротливой. Требовалась полная централизация власти, окончательно выводящая за скобки последние рудименты формального разделения советской и партийной властных вертикалей.

Организационной формой такой административной концентрации стал Государственный Комитет Обороны, созданный 30 июня 1941 г. ГКО превратился в высшую государственную инстанцию, чьи постановления имели силу законов и были обязательны для исполнения всеми без исключения государственными, партийными, хозяйственными, профессиональными и общественными органами, организациями и союзами. По сути, к ГКО перешло руководство всеми вопросами, связанными с обороной и военной экономикой, а в ведении СНК оставались отрасли, не связанные непосредственно с оборонной промышленностью. Появился особый институт уполномоченных представителей ГКО, которые направлялись непосредственно на места и, используя свой авторитет и административный ресурс, решали многие вопросы на производстве и транспорте.

Органами законодательной власти СССР был принят целый пакет важнейших нормативно-правовых документов, рассчитанных на военное время. Так, 22 июня был принят, а 23 июня 1941 г. объявлен, в соответствии с Конституцией СССР, указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных во всех военных округах за исключением Среднеазиатского и Забайкальского, а также Дальнего Востока.

В числе самых срочных появились и указы Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»[151], «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время»[152].

Верховный Совет СССР продолжал издавать указы, направленные на перевод экономики страны на военные рельсы[153], однако даже с учетом того, что ГКО был создан формально совместным решением Президиума Верховного Совета, ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, степень важности вопросов, остававшихся в сфере компетенции Верховного Совета, постепенно снижалась.

Синхронно с формированием ГКО и института его уполномоченных суживался и круг вопросов, остававшихся в ведении местных советов. Характерно, что за весь период войны сессии Верховного Совета собирались лишь трижды (в 1942, 1944 и 1945 гг.)[154], причем принимаемые на этих сессиях решения по сути легитимизировали решения ГКО, Совнаркома и ЦК ВКП(б). Председатель Президиума Верховного Совета М. И. Калинин так и не был включен в состав ГКО. Фактически в годы войны в компетенции Верховного Совета СССР остались следующие функции:

— установление воинских званий, дипломатических рангов и иных специальных званий;

— учреждение орденов и медалей СССР;

— прием в гражданство СССР;

— предоставление убежища;

— издание общесоюзных актов об амнистии и об осуществлении помилования;

— назначение и отзыв дипломатических представителей СССР в иностранных государствах и при международных организациях;

— прием верительных и отзывных грамот и аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств.

Впрочем, бесспорно и то, что за годы Великой Отечественной войны, по сравнению с мирным временем, не менее чем в тысячу раз увеличилось количество представлений к государственным наградам, почетным званиям героев фронта и тыла. Президиуму Верховного Совета СССР полагалось своевременно рассматривать такие представления к наградам, принимать коллективные решения и организовывать вручение государственных наград героям.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения

Установить, что за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору Военного Трибунала тюремным заключением на срок от двух до пяти лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 6 июля 1941 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»

Говоря о снижении роли Верховного Совета в годы войны, следует учитывать, что речь идет все же в основном о тенденции. Вполне были возможны в виде исключения и прецеденты обратного характера. Следует иметь в виду, что советская система управления отличалась некоторой нечеткостью сфер компетенций, поэтому ситуация, когда одним и тем же вопросом занималось несколько органов, относящихся к разным структурам, была хотя и не повсеместной, но сравнительно частой. Например, именно Верховному совету довелось легитимизировать различные этапы мобилизации народного хозяйства и людских ресурсов страны в первый период войны. 30 июня 1941 г. был издан указ «Об автотракторном и гужевом транспорте, поставляемом для Красной Армии», а 6 июля 1941 г. — указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»[155].

Появился также ряд указов, регламентировавших обязанности граждан и организаций в военных условиях во всех сферах жизнедеятельности. 16 июля 1941 г. был опубликован указ «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии»[156]. 13 февраля 1942 г. Верховный Совет СССР издал указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»[157]. А 17 апреля того же года уже Совнарком и ЦК ВКП(б) издали совместное постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»[158].

Основная тяжесть практической работы в военные годы пришлась на местную систему советских учреждений. Заметно изменился круг вопросов, которые приходилось решать советам и их исполнительным комитетам. У советов тыловых районов определились два основных объекта деятельности — удовлетворение нужд фронта и создание хотя бы минимальных условий для жизни населения в тылу. Так, местные исполкомы осуществили титанический объем работ по обустройству эвакуированных в восточные области страны граждан СССР и многочисленных в военные годы детей-сирот, по оказанию материальной помощи семьям военнослужащих и инвалидам войны. Велика была роль местных советов в организации всеобщего военного обучения, а в прифронтовых районах — в строительстве

различных фортификационных сооружений. Советы, особенно западных областей, уделяли много внимания осуществлению мер противовоздушной обороны, подготовке инструкторов и мобилизации широких масс населения для отражения налетов вражеской авиации. Много сделали в оборонно-массовой работе городские и районные Советы депутатов трудящихся Москвы, Ленинграда, Одессы и других городов и регионов, где создавались специальные штабы МПВО и противопожарной службы.

В целях оказания более ощутимой помощи фронту повсеместно расширяла свою работу местная промышленность, в том числе региональные, местные и кустарно-промысловые артели. Они поставляли как фронту, так и тылу одежду, маскировочные халаты, лыжи, сани, конскую упряжь, предметы гигиены, табак, котелки, ложки и многое другое. Именно советы стали привлекать местные сырьевые, трудовые и технические ресурсы для производства в большем количестве этих столь нужных для фронта предметов.

Исполкомы неоднократно в соответствии с постановлениями директивных органов занимались мобилизацией населения на временные работы: строительство оборонительных сооружений, заготовку топлива, погрузочно-разгрузочные работы, сенокос, уборку урожая, стрижку овец и другие сезонные работы. Через местные советы происходило и направление ранее не работавших граждан для трудового использования в промышленность. Так, в 1942 г. по линии местных советов были мобилизованы около 734 тыс. человек, из которых 89 тыс. были направлены на предприятия металлургической отрасли, 74 тыс. — в топливно-энергетическую отрасль, 51 тыс. — на машиностроительные предприятия.

В соответствии с новыми задачами в исполкомах местных советов депутатов трудящихся создавались новые структуры. Так, в Московском совете был сформирован целый ряд управлений, отделов, бюро, комиссий, в их числе отдел государственных пособий одиноким и многодетным матерям, топливный отдел, бюро учета и распределения рабочей силы, бюро выдачи продовольственных и промтоварных карточек. Вводилась должность заместителя председателя Моссовета по местной промышленности, промкооперации, развернувших большую работу по оказанию помощи фронту[159]. Аналогичные изменения произошли в других республиканских, областных и краевых, районных и сельских советах. Почти повсеместно в тыловых районах при обл(край)исполкомах, городских и районных советах депутатов создавались отделы: по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, эвакуированного населения, комиссии по трудоустройству и трудовому обучению инвалидов войны, комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей и другие.

Продолжалась практика тесной увязки деятельности местных органов советской власти и местных партийных инстанций. Так, например, совместное постановление полтавских обкома ВКП(б) и облисполкома «Об улучшении содержания и усилении охраны железнодорожного пути», изданное 28 июня 1941 г., гласило: «Обязать председателей исполкомов и первых секретарей райкомов партии под личную их ответственность обеспечить необходимой рабочей силой дистанции пути»[160].

Необходимо отметить, что тенденцией стал неуклонный рост удельного веса женщин как в аппарате исполкомов, так и в активе советов. К октябрю 1944 г. женщины составляли до 60% работников областных, краевых, городских и районных исполкомов, до 77% — в сельских и поселковых советах, свыше 62% актива постоянных комиссий исполкомов и советов всех уровней.

Характер изменений в составе местных советов отчетливо прослеживается в информационной записке Верховного совета Татарской Автономной Республики и Татарского обкома ВКП(б) «О работе Советов депутатов трудящихся в обстановке Отечественной войны» (подготовлена не позднее 1 октября 1941 г.). К началу Отечественной войны в 1692 сельских и поселковых советах было 19 198 депутатов, из них мужчин — 13 269, женщин — 5929, членов и кандидатов ВКП(б) — 4551, членов ВЛКСМ — 1658; в 63 районных советах имелось 2182 депутата, из них мужчин — 1469, женщин — 713, членов и кандидатов ВКП(б) — 336, членов ВЛКСМ — 51; в 12 городских советах было 912 депутатов, из них мужчин — 562, женщин — 350, членов и кандидатов ВКП(б) — 517 человек.

За три с половиной месяца войны как в составе Советов депутатов трудящихся, так и в содержании их работы произошли огромные изменения. По неполным данным, на начало октября 1941 г. от 30 до 65% депутатов советов выбыли в ряды РККА. Из 143 депутатов Татарской АССР были мобилизованы в РККА 44 человека.

С началом Великой Отечественной войны коренным образом перестроил свою работу и аппарат Президиума Верховного совета Татарской АССР. Штат аппарата был сокращен на шесть единиц, а четверых, ушедших в ряды РККА, заменили женщинами. Одной из особенностей деятельности советов депутатов трудящихся в годы войны являлось привлечение к работе значительного количества активистов. В связи с тем что 13% депутатов советов были призваны в армию, разрешалась кооптация активистов в состав советов[161]. Так, исполком Кировского областного совета депутатов трудящихся, подводя итоги работы в условиях военного времени в январе 1942 г., сообщал: «В избирательную кампанию 1939 г. было избрано по этому району депутатов сельсовета 311 человек, за время войны мобилизовано в ряды РККА 125 депутатов. Оставшиеся на работе 186 депутатов не ослабили работу советов, заполнив пробел, образовавшийся в составе депутатов, активистами из колхозников и колхозниц». С начала войны до конца 1941 г. количественный состав актива по району вырос с 572 до 765 человек. Так, в Ивановском сельсовете из 23 депутатов были мобилизованы в Красную армию 10 человек. Оставшиеся 13 депутатов сплотили вокруг себя актив в количестве 117 человек, которые систематически участвовали в выполнении хозяйственных, политических и других вопросов. В бюджетной комиссии работали три депутата и 32 активиста, в сельхозкомиссии — два депутата и 23 активиста, в культпросветкомиссии — три депутата и 28 активистов, в торгово-заготовительной — два депутата и 16 активистов, в комиссии дорог и связи — три депутата и восемь активистов. Из справок видно, что депутаты местных советов, призванные на фронт, были заменены на 70–80% активистами[162]. На освобожденных же от неприятеля территориях вопрос решался более радикально — местные исполкомы формировались путем назначения партийными органами.

Помимо партийных и советских органов, в систему управления СССР входили различные общественные организации. Самой массовой из них являлись советские профсоюзы, которые к началу войны объединяли 25 млн человек, что составляло 82,9% рабочих, служащих, учащихся. Они были объединены в 68 отраслевых, 120 территориально-отраслевых профсоюзов и три республиканских совета профсоюзов (Латвия, Литва, Эстония), свыше 2 тыс. республиканских, краевых и областных комитетов профсоюзов, свыше 21 тыс. районных, городских, дорожно-бассейновых и объединенных комитетов и свыше 363 тыс. первичных профсоюзных организаций. Советские профсоюзы до 1944 г. возглавлял член Политбюро ЦК ВКП(б) Н. М. Шверник. Позднее, с 1944 г., председателем ВЦСПС был избран В. В. Кузнецов, работавший ранее председателем ЦК профсоюза металлургов центральных районов СССР.

Советские профсоюзы прошли за период 1917–1941 гг. достаточно непростой путь развития и трансформации, в результате которого они превратились в интегральный элемент механизма управления Советским Союзом, игравший немаловажное значение в организации деятельности советских субъектов экономики. Фактически, любой завод или фабрика в СССР управлялся так называемым «рабочим треугольником» в составе руководителя заводской администрации (директор), руководителя заводской партийной организации (парторг) и руководителя профсоюзной организации (председатель месткома). Низовые органы профсоюзов (месткомы) играли важную роль в социальном обеспечении рабочих и в то же время демпфировали возможные конфликты между рабочими и заводоуправлением.

В структуре ВЦСПС в 1941–1945 гг. действовали следующие отделы: организационно-инструкторский, охраны труда, заработной платы, государственного социального страхования, жилищно-бытовой, управления госпиталями, рабочего снабжения, производственно-массовой работы, финансовый, культурно-массовой работы, международный, физкультуры и спорта. В целях оптимизации структуры с учетом потребностей войны ВЦСПС объединил 34 малочисленных отраслевых и территориально-отраслевых профсоюза, и к 1945 г. их осталось 154[163]. Реорганизовывались старые профсоюзы, создавались новые. В соответствии с

изменением в структуре экономики и появлением ряда новых отраслей народного хозяйства был выделен, в частности, профсоюз рабочих танковой и тракторной промышленности.

В военные годы профсоюзам довелось сыграть ключевую роль в организации массовых трудовых патриотических движений, одним из наиболее значимых было движение двухсотников и тысячников. Для ведения мобилизационной работы среди трудящихся в 23 крупнейших промышленных центра СССР были направлены специальные уполномоченные ВЦСПС. За годы войны через профсоюзы было подано около 12,3 млн рационализаторских предложений, 9 млн из них внедрены на производстве.

Для военных лет было характерно активное участие профсоюзов в оборонно-массовой работе, главным образом через создаваемые ими в предвоенные и военные годы спортивные общества и кружки. Через эти объединения профсоюзы подготовили 2 млн лыжников, воевавших в годы войны в лыжных батальонах. При содействии профсоюзов были также подготовлены для фронта без отрыва от работы 90 тыс. медсестер и 160 тыс. сандружинников.

Помимо этого, общественные организации курировали социалистическое соревнование, коллективное и индивидуальное огородничество. К 1944 г. на предприятиях общественного питания работали 222 тыс. профсоюзных контролеров. На базе санаториев и домов отдыха было развернуто 215 госпиталей, содержавшихся полностью на профсоюзные средства. За 1941–1945 гг. через них прошел миллион раненых воинов Красной армии. За годы войны профсоюзы своими средствами обеспечили летний отдых для трех миллионов детей[164]. При промышленных предприятиях страны было создано 150 детских домов, в которых воспитывались 10 тыс. детей-сирот.

Состав членов профсоюзов за годы войны, как и всех общественных организаций страны, претерпел существенные изменения. На фронт ушли 13 млн человек. Одновременно за годы войны в члены профсоюза были приняты 10 млн человек, в основном из молодых производственников. В 1945 г. профсоюзы СССР объединяли 21 млн человек, оставаясь, как и перед войной, крупнейшей массовой организацией Советского Союза.

Существенное место в советском обществе играл и комсомол, позиционировавший себя как молодежный резерв ВКП(б). К началу войны в его рядах состояли более 10 млн человек. К 1941 г. комсомол являлся одной из самых массовых и общественных организаций Советского Союза. В 1928 г. за героизм, проявленный в годы Гражданской войны, комсомол был награжден орденом Красного Знамени, а в 1931 г. — Орденом Трудового Красного Знамени.

В 1938 г. первым секретарем ЦК ВЛКСМ был избран член ЦК ВКП(б), бывший рабочий Московского металлургического завода «Серп и молот» Н. А. Михайлов. Позднее его работа на этом посту была отмечена тремя орденами Ленина.

С началом войны вся жизнь и деятельность комсомольской организации в Союзе ССР под чутким руководством партийных органов в срочном порядке перестраивалась на военный лад. 22 июня 1941 г. Бюро Центрального комитета ВЛКСМ приняло постановление «О мероприятиях по военной работе в комсомоле». «В связи с вероломным разбойничьим нападением германских фашистов на нашу страну, — говорилось в документе, — ЦК ВЛКСМ требует от всех комсомольских организаций удесятеренной бдительности, сплоченности, дисциплины, организованности». Всего же только в начале войны около 900 тыс. комсомольцев влились в армейские комсомольские организации. В 1941 г. по персональным мобилизациям в Красную армию и на Военно-морской флот для политической работы были направлены 9482 ответственных комсомольских работника. В их числе значились около одной трети всех секретарей ЦК ЛКСМ союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов ВЛКСМ.

Война потребовала необходимости проведения некоторых изменений в комсомольском строительстве. Так, по аналогии с ВКП(б), упростившей порядок приема новых членов в свои ряды, была упрощена и процедура приема молодежи в комсомол. Возраст приема в эту молодежную организацию в конце 1941 г. был снижен до 14 лет. Это позволяло новым тысячам общественно активных юношей и девушек вступать в комсомол, ускоряло их социальное взросление как на фронте, так и в тылу. За весь период войны в комсомол были приняты 5,3 млн новых членов[165].

После получения комсомольского билета

Комсомольцы разведроты 384-й стрелковой дивизии

Комсомольцы Ярославской области передают летчикам штурмового авиаполка эскадрилью самолетов Ил-2

В 1941–1945 гг. 3,5 млн комсомольцев были направлены местными организациями ВЛКСМ в Красную армию и Военно-морской флот. Среди воинов, повторивших подвиг Героя Советского Союза Александра Матросова, было 76 членов ВЛКСМ. Из 23 летчиков, совершивших воздушные тараны, защищая небо Москвы, 15 были комсомольцами. Из всех экипажей боевых самолетов, направивших горящие машины на противника, половину составляли также комсомольцы.

Активно участвовал комсомол и в комплектовании частей народного ополчения, истребительных батальонов, подразделений Всевобуча, отрядов строителей оборонительных сооружений, комсомольско-молодежных отрядов, в оказании помощи войскам НКВД по охране промышленных объектов, борьбе с диверсантами.

Комсомол в годы войны провел 73 специальные мобилизации комсомольцев и молодежи на фронт. А всего на фронтах в годы Великой Отечественной войны сражались 11 млн комсомольцев[166]. Каждый пятый воин к окончанию войны был членом комсомола[167]. Сотни тысяч советских комсомольцев сражались в рядах партизан. Они составляли 60% народных мстителей.

В сельском хозяйстве несли трудовую вахту 22 тыс. молодежных, в основном женских, тракторных бригад, 100 тыс. звеньевых высокого урожая, 100 тыс. комсомольцев, направленных в 1943 г. на поднятие животноводства. Получило развитие молодежное движение за сбор металлолома, запчастей для тракторов и комбайнов, экономию горючих и смазочных материалов[168].

За вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне ВЛКСМ 14 июня 1945 г. был награжден орденом Ленина. Орденом Красного Знамени были награждены комсомольские организации Украины, Белоруссии, Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Севастополя и Одессы. За мужество и героизм в борьбе с врагом, за успехи в хозяйственном и культурном строительстве орденами и медалями были награждены и 39 городских, районных и первичных комсомольских организаций. За героизм и мужество, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками в 1941–1945 гг., около 7 тыс. комсомольцев было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди героев борьбы с фашистами в памяти потомков остались комсомольцы Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, молодогвардейцы Краснодона и Людинова, Маншук Маметова, Марите Мельникайте и многие другие.

Подготовка резервов для Красной армии и военное обучение населения в военные годы стали важнейшей задачей, значение которой для победы над вторгнувшимся врагом было трудно переоценить. Вычленить отдельный вклад какой-либо властной вертикали практически невозможно. Так, например, в постановлении Бюро Куйбышевского райкома г. Москвы «О военном обучении рабочих и служащих», изданном 28 июля 1941 г., указывалось: «Военное обучение организуется парторганизацией через Осоавиахим, комсомол и физкультурные организации для мужчин в возрасте от 17 до 55 лет вне зависимости от состояния на военном учете... Программно-методическое руководство, инструктаж командиров подразделений и материальное обеспечение осуществляет райсовет Осоавиахима... Контроль и проверку исполнения настоящего решения возложить на военный отдел райкома ВКП(б)»[169].

Потребности фронта ставили на повестку дня кардинальное расширение работ по подготовке кадров для Красной армии. Причем требовалось, с одной стороны, подготовить огромное число резервистов, а с другой — эту работу необходимо было провести в сжатые сроки. В этих условиях пригодился опыт Гражданской войны. В 1918–1923 гг. в Советской России существовала система всеобщего военного обучения — Всевобуч. После реформирования РККА от столь обширной системы подготовки резервистов отказались, но в 1941 г. решили вернуться к полезному опыту. 17 сентября 1941 г. ГКО издал постановление № 690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», предусматривавший обязательную 110-часовую подготовку всех поголовно мужчин в возрастном диапазоне от 16 до 50 лет без отрыва от работы[170]. Специально для руководства возрожденной системой Всевобуча в рамках Наркомата обороны было создано Главное управление всеобщего военного обучения, при республиканских, краевых и областных военкоматах — отделения

Куйбышевские ополченцы на строевых занятиях Всевобуча

Всевобуча. Низовую сеть новой структуры составляли по 2–3 инструктора при городских и районных военкоматах[171]. Так как значительная часть призывников, проходивших обучение в системе Всевобуча, владела русским языком в ограниченном объеме, спустя некоторое время в программу занятий Всевобуча было введено изучение русского языка в объеме 90 часов — в Таджикистане и 150 часов — в Азербайджане[172]. Для успешного проведения всеобщего военного обучения граждан исполнительные комитеты городских и сельских советов предоставляли военкоматам помещения под учебные пункты, оборудовали их инвентарем, наглядными пособиями, обеспечивали явку военнообязанных на занятия. Знание советами местных жителей, их биографий, возможностей и способностей позволяло советам плодотворно участвовать в подборе подходящих преподавателей и инструкторов военного дела из числа участников Первой мировой и Гражданской войн, бывших военнослужащих, охотников и прочих.

Всего за годы войны через систему Всевобуча прошли 9 млн 862 тыс. граждан СССР[173]. Однако следует учитывать, что деятельность территориальных подразделений системы Всевобуча постоянно находилась под контролем региональных партийных органов, и в отчетах партийных комитетов достаточно часто давалась характеристика положения дел в органах Всевобуча. Так, например, Сталинградский обком ВКП(б) 16 января 1942 г. постановил: «Обязать райвоенкомов совместно с райкомами ВКП(б) к 05.11.1942 г. полностью укомплектовать все подразделения Всевобуча командным и политическим составом... Предложить райвоенкомам совместно с райкомами ВКП(б) обеспечить 100% посещаемость военных занятий бойцами Всевобуча, принимая решительные меры к не посещающим занятия. Потребовать от директоров предприятий прекратить практику освобождения бойцов Всевобуча

от военных занятий без ведома райвоенкомов и райкомов ВКП(б)... Потребовать от райкомов ВКП(б), райкомов ВЛКСМ и директоров предприятий точного выполнения решений обкома ВКП(б) от 29.09.41 г. в оказании практической помощи райвоенкоматам в обеспечении учебных пунктов Всевобуча учебными пособиями... Бюро обкома ВКП(б) особенно обращает внимание райвоенкомов, командиров и политруков подразделений Всевобуча на тщательную отработку программ обучения одиночного бойца по огневой, тактической и лыжной подготовке во всех видах боя»[174].

Практически все мероприятия по интенсификации и оптимизации деятельности Всевобуча осуществлялись путем взаимодействия райкомов партии (иногда подключались еще и комсомольские структуры) и военкоматов. О степени влияния партийных структур на деятельность системы Всевобуча позволяет судить тот факт, что в феврале 1943 г. Московский горком и Моссовет приняли совместное постановление, в котором они не только определяли, какой именно район получит переходящее Красное знамя за лучшие показатели деятельности Всевобуча, но и выделяли определенные денежные суммы для премирования лучших командиров и политработников, а также бойцов-отличников[175].

Таким образом, перестройка деятельности органов государственного управления, партийных и общественных организаций на работу в условиях военного времени происходила в сжатые сроки и в тяжелейших военно-политических и организационных условиях. Тем не менее советскому руководству удалось, умело сочетая административные, идеологические, экономические и другие методы воздействия на общество, в течение 1941 и 1942 гг. создать слаженную, эффективно действующую систему управления военной экономикой и вооруженными силами, которая сыграла важную роль в достижении экономической и военной победы СССР над нацистской Германией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1941—1952 гг. В 3-х т. Т. 3. М., 1968. С. 38—40.

[2] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.

[3] Там же. Д. 7. Л. 136.

[4] Там же. Д. 8. Л. 62.

[5] Там же. Л. 78.

[6] Там же. Л. 103.

[7] Там же. Д. 16. Л. 96.

[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1043. Л. 31.

[9] Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 218—219.

[10] Там же. Д. 21. Л. 39, 94.

[11] Там же. Л. 49.

[12] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1045. Л. 17, 37.

[13] Там же. Д. 70. Л. 144.

[14] Там же. Д. 89. Л. 71—72.

[15] Там же. Д. 119. Л. 155—156.

[16] Там же. Д. 129. Л. 152.

[17] Там же. Д. 119. Л. 3—4.

[18] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 — июль 1956 г. М., 1956. С. 213—215.

[19] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 205—209.

[20] *Звягинцев В.* Война и правосудие // Человек и закон. 1990. № 6. С. 29.

[21] *Муранов А.* По законам военного времени // Социалистическая законность. 1990. № 5. С. 20.

[22] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7-ми т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 618—620; *Кокурин А. И., Моруков Ю. Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль — XXI. 2001. № 12. С. 100.

[23] 1941 год. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 452.

[24] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 — июль 1956 г. С. 395—415.

[25] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 1. С. 428—429.

[26] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 123, 550, 725.

[27] Там же. С. 550.

[28] Правда. 1941. 20 октября.

[29] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. С. 551—555.

[30] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 93—97.

[31] Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2. 12 января.

[32] *Кодинцев А. Я.* Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941—1948 годах // Отечественная история. 2008. № 6. С. 104—105.

[33] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 1. С. 438—442.

[34] *Салмина С. Ю.* Прокуратура Челябинской области: Очерки истории. Челябинск, 2001. С. 204.

[35] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 1. С. 435–437.

[36] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 1.

[37] *Кодинцев А. Я.* Указ. соч. С. 104.

[38] *Муранов А.* Указ. соч. С. 19; *Звягинцев В.* Указ. соч. С. 38–39.

[39] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 1. С. 611.

[40] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 545, 549–550.

[41] *Гусак В. А.* Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2007. С. 98.

[42] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 1. С. 645.

[43] *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1917–1947. М., 1979. С. 504, 582; *Он же.* Эшелоны идут на Восток. М., 1966. С. 6.

[44] Общая стоимость материальных ценностей, награбленных гитлеровцами в оккупированных странах Европы, достигла к 1941 г. 9 млрд английских фунтов стерлингов (в масштабе довоенных цен), что вдвое превышало довоенный национальный доход нацистской Германии (*Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1917–1947. С. 590).

[45] ГАРФ. Ф. 4518. Оп. 27. Д. 244. Л. 224.

[46] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). В 15-ти т. Т. 7. 1938–1945. М., 1985. С. 212.

[47] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 213.

[48] *Вознесенский Н. А.* Эшелоны идут на Восток. С. 10.

[49] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти т. Т. 2. М., 1961. С. 143.

[50] Там же.

[51] *Косыгин А. Н.* В едином строю защитников Отечества. М., 1980. С. 15.

[52] Центральный архив МПС (далее — ЦА МПС). Ф. 33а. Оп. 49. Д. 1249. Л. 6.

[53] *Потемкина М. Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002. С. 51–52.

[54] Железнодорожники в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1985. С. 119.

[55] Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 2. С. 15.

[56] РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 2988. Л. 277; Д. 4038. Л. 5–6, 19, 30.

[57] РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 3980. Л. 1–14, 27, 123, 130.

[58] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013. С. 128.

[59] История второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 4. М., 1975. С. 138.

[60] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 1396. Л. 26.

[61] Там же. Д. 1206. Л. 11; Д. 1443. Л. 36.

[62] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 129.

[63] ГАРФ. Ф. 6822сс. Оп. 1. Д. 200. Л. 8; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941–1945. Киев, 1975. Т. 1. С. 263.

[64] *Куманев Г. А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945). М., 1963. С. 62.

[65] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 130–131.

[66] Там же. С. 131.

[67] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 372. Л. 2. Сводная таблица и таблицы № 35, 38.

[68] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 1241. Л. 80.

[69] Там же. Д. 1264. Л. 23.

[70] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 126.

[71] Там же. С. 126, 133.

[72] *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 52.

[73] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 137.

[74] *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1917–1947. С. 505.

[75] История второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 4. М., 1975. С. 157.

[76] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 7. М., 2013. С. 154.

[77] ГАРФ. Ф. 6822сс. Оп. 1. Д. 200. Л. 20–27, 29–36.
[78] Там же. Д. 495. Л. 110–111, 116.
[79] Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 463.
[80] *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 25.
[81] 1941 г. М., 1998. Кн. 1. С. 132–133.
[82] *Шумихин В. С.* Советская военная авиация. 1917–1941 гг. М., 1986. С. 208.
[83] *Арлазоров М.* Фронт идет через КБ. М., 1987. С. 90.
[84] *Мухин М. Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М., 2006. С. 78.
[85] *Ермолов А. Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. М., 2012. С. 93.
[86] См.: Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М., 1982. С. 66.
[87] Политические партии России: история и современность. С. 461.
[88] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1941–1952 гг. Т. 3. С. 73.
[89] Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 148.
[90] Там же. С. 462.
[91] Там же. С. 468.
[92] Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1983. С. 622.
[93] КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Документы. 1917–1981. М., 1981. С. 310–311.
[94] Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 104, 229, 233.
[95] Политические партии России: история и современность. С. 461.
[96] Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июль 1941 — июль 1944). Документы и материалы. Минск, 1967. Т. 1. С. 47.
[97] На защите Родины. Партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб. документов. Рн/Д, 1980. С. 36–37; Во имя победы. Воронежская областная партийная организация в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сб. документов и материалов. Воронеж, 1975. С. 23–24; Пензенская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Саратов, 1964. С. 24; Астраханская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Астрахань, 1962. С. 24; Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 197–198; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 3-х т. Т. 1. Киев, 1980. С. 31–32; В дни суровых испытаний. Сталинградская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Волгоград, 1966. С. 34–36.
[98] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 59. Д. 401. Л. 10.
[99] *Шахурин А. И.* Крылья победы. М., 1985. С. 148–149.
[100] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 7. С. 260, 412–414.
[101] Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 84.
[102] КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Документы. 1917–1981. С. 305.
[103] Политические партии России: история и современность. С. 468.
[104] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 7. С. 254.
[105] Во имя победы. Воронежская областная партийная организация в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) Сб. документов и материалов. С. 43–44.
[106] Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 224.
[107] Политические партии России: история и современность. С. 469.
[108] Там же. С. 467.
[109] Коммунистическая партия Советского Союза в Великой Отечественной войне. М., 1970. С. 55.

[110] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 7. С. 276.

[111] Очерки истории Московской организации КПСС. С. 616.

[112] Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Документы и материалы. Т. 1. С. 55–57.

[113] Ярославцы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Ярославль, 1960. С. 70–71.

[114] Выстояли и победили. Документы и материалы. М., 1966. С. 46–47.

[115] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Сб. документов и материалов. Курск, 1962. Т. 1. С. 91–93.

[116] Горьковская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сб. документов и материалов. Горький, 1975. С. 57–60.

[117] Во имя победы. Воронежская областная партийная организация в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) Сб. документов и материалов. С. 44–45.

[118] Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 230.

[119] Народное ополчение в Великой Отечественной войне, 1941–1945 // Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. Т. 17. М., 1974. С. 269–270.

[120] Подвиги народных мстителей. Партизанское движение Калининской области. 1941–1944 гг. Документы и материалы. М., 1966. С. 97–101.

[121] Политические партии России: история и современность. С. 467–468.

[122] Цит. по *Дюков А. Р.* Кто командовал советскими партизанами. Организованный хаос. М., 2012. С. 19.

[123] *Семиряга М. И.* Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970. С. 18, 116, 154–155, 241.

[124] *Дюков А. Р.* Указ. соч. С. 22.

[125] *Бычков Л. Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Краткий очерк. М., 1965. С. 55.

[126] *Калинин П. З.* Партизанская республика. М., 1964. С. 8–9.

[127] *Дюков А. Р.* Указ. соч. С. 27.

[128] Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983. С. 599.

[129] Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974. Вып. 1. С. 17–18.

[130] *Дюков А. Р.* Указ. соч. С. 31.

[131] Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июнь 1944). Документы и материалы. Т. 1. С. 52–53.

[132] *Старинов И. Г.* Пройти незримым. М., 1988. С. 26–27.

[133] *Лесняк Т.* Совершенствование руководства партизанским движением // Военно-исторический журнал. 1967. № 9. С. 32.

[134] *Дюков А. Р.* Указ. соч. С. 40.

[135] Подвиги народных мстителей. Партизанское движение Калининской области. 1941–1944 гг. Документы и материалы. С. 14.

[136] Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 14.

[137] Там же. Т. 1. С. 248.

[138] Подвиги народных мстителей. Партизанское движение Калининской области. 1941–1944 гг. Документы и материалы. С. 20–21.

[139] *Пегов Н. М.* Далекое — близкое. М., 1982. С. 112.

[140] Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943. Документы и материалы. Смоленск, 1962. С. 109–116.

[141] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 7. С. 229.

[142] *Дюков А. Р.* Указ. соч. С. 40, 80.

[143] Создано на базе Главного управления политической пропаганды.

[144] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. Т. 1. С. 376.

[145] Спецотделы политуправлений входили в систему местных органов Главного политического управления РККА и занимались наряду с другими задачами руководством партизанскими отрядами в полосе данного фронта.

[146] Цит. по *Дюков А. Р.* Указ. соч. С. 83.

[147] В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области в 1941 г. Сб. документов. Л., 1979. С. 80.

[148] Надо учитывать, что определенное количество партизанских отрядов и подпольных групп действовали без связи с Большой землей.

[149] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–17.

[150] Политические партии России: история и современность. С. 463.

[151] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Тыл. Оккупация. Сопротивление. М., 1993. С. 9.

[152] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 — 1942 г. Т. 13 (2-2). М., 1997. С. 275–276.

[153] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1941–1952 гг. Т. 3. С. 40.

[154] Политические партии России: история и современность. С. 467.

[155] Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 17.

[156] КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. Документы. 1917–1981. С. 84.

[157] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1941–1952 гг. Т. 3. С. 64.

[158] Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 133–136.

[159] *Колесник А. Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 62.

[160] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 50–51.

[161] Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сб. документов и материалов. Казань, 1963. С. 53–54.

[162] Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов и материалов. Киров, 1961. С. 137–138.

[163] Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 591–592.

[164] Политические партии России: история и современность. С. 467.

[165] Славный путь Ленинского комсомола. В 2-х т. Т. 2. М., 1974. С. 68–75.

[166] *Тяжельников Е. М.* Союз молодых ленинцев. М., 1980. С. 73, 87–89.

[167] Славный путь Ленинского комсомола. Т. 2. С. 69.

[168] *Кондакова Н. И., Маин В. Н.* Великая Отечественная война в современном патриотическом воспитании граждан. М., 2008. С. 163.

[169] Выстояли и победили. Документы и материалы. С. 47–48.

[170] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 7. С. 241.

[171] Всеобщее обучение // Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. Т. 5. М., 1971. С. 442.

[172] *Захаров И. З.* Дружба, закаленная в боях. М., 1970. С. 25–26.

[173] Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. М., 1979. Т. 2. С. 395.

[174] См.: Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 263.

[175] *Алещенко Н. М.* Московский совет в 1941–1945 гг. М., 1980. С. 157.

ТРУД В ТЫЛУ И ВКЛАД ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОБЕДУ

Всенародная помощь фронту

Охваченные патриотическим порывом, миллионы людей разных профессий работали, не жалея сил, чтобы спасти Отечество. Рабочие и служащие промышленных предприятий, строек, транспорта массово участвовали в социалистическом соревновании, являвшемся одним из стимулов увеличения трудовой активности. Возникали новые почины, целью которых была максимальная помощь сражающейся армии. Они находили тысячи последователей.

С первых дней боевых действий на предприятиях СССР получили широкое распространение движения, которые должны были компенсировать недостаток рабочих кадров, в частности овладение смежными специальностями, многостаночное обслуживание. 26 июня 1941 г. многостаночники московского завода «Калибр» обратились к машиностроителям с призывом о широком применении многостаночного обслуживания. Люди вставали к станкам товарищей, ушедших в Красную армию, продолжая обслуживать и свое оборудование. Возникшее патриотическое движение двухсотников, трехсотников, пятисотников было направлено на перевыполнение норм выработки, ведение сверхурочных работ в течение нескольких смен и прочее. Это стало логическим продолжением стахановского движения.

Одним из зачинателей движения двухсотников был слесарь Горьковского машиностроительного завода Ф. М. Букин, который 3 июля 1941 г. выполнил 2,5 нормы. В конце 1941 г. на предприятиях Горьковской области насчитывалось уже 3900 двухсотников. Большое распространение получило это движение в трудовых коллективах Москвы, Ленинграда, Поволжья, Урала[1]. В Ленинграде в декабре 1941 г. среди молодежи, непосредственно занятой на производстве, главным образом по выпуску новых видов продукции — тяжелых танков, бронемашин, автоматического оружия, гранат и мин, 60% были двухсотниками[2].

Движение тех, кто своим ударным трудом перевыполнил производственные нормы в 2,3 и более раз, ширилось в национальных республиках. Так, сведения, приведенные в таблице 1, показывают, что число двухсотников, трехсотников из числа молодежи в промышленности Туркмении постоянно росло.

В индустрии СССР в 1944 г. число рабочих-двухсотников по отношению к общей численности персонала составляло: в станкостроении — 25%, в электропромышленности — 23,3%, в авиационной промышленности — 23%, в тяжелом машиностроении — 17%, в промышленности боеприпасов — 11%, в химической промышленности — 12%[4].

Таблица 1

Динамика роста количества соревнующихся среди молодых рабочих Туркменской ССР в период Великой Отечественной войны[3]

Годы	Выполнение нормы				
	200%	300%	400%	500%	Свыше 500%
1941	787	470	96	30	–
1942	1230	879	111	30	3
1943	4215	905	76	21	13
1944	16 670	1594	147	73	46

Весной 1942 г. возникло движение тысячников. Его инициатором выступил фрезеровщик Д. Ф. Босый, эвакуированный из Ленинграда в Нижний Тагил. Используя собственные приспособления, он 12 февраля 1942 г. выполнил сменное задание на 1480%. Одним из первых последовал примеру Д. Ф. Босого токарь инструментального цеха комбината «Сибметаллстрой» П. Е. Ширшов. Применив усовершенствованные приспособления к станку, он 15 марта выполнил более 10 норм. На этом предприятии также стали тысячниками фрезеровщики П. Коршунов, А. Афанасьев, токарь В. Савельев и другие рабочие. Они внесли прогрессивные изменения в технологию производства и организацию своего труда.

Среди последователей Д. Ф. Босого были челябинский танкостроитель Г. Ехлаков, свердловские токари Е. Коршунов, В. Лаврентьев, И. Мезенин, новосибирский фрезеровщик И. Монаков. Развернулось соревнование тысячников Урала и Сибири[5]. Хотя движение тысячников и охватило ограниченный круг рабочих, оно сыграло важную роль. Их героический труд, творческий поиск, новаторство морально мобилизовали остальных членов коллектива на перевыполнение норм выработки, увеличение выпуска продукции для сражающейся армии.

В военную пору новой формой трудового состязания стали комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Они работали по-фронтовому, перевыполняя норму выработки на 150–200%, причем помимо собственно бригад существовали также фронтовые смены, группы, участки. Возникло это движение суровой осенью 1941 г., когда немцы рвались к Москве. Стартовало оно на Уральском заводе тяжелого машиностроения, который получил срочное задание — наладить обработку танковых корпусов. К решению этой ответственной задачи был подключен и участок расточки № 29, где работала молодежная бригада М. Попова. Коллектив цеха, понимая, как остро нуждается армия в боевой технике, искал пути для сокращения сроков производства танковых корпусов. Бригада М. Попова сократила время, отведенное на порученную ей работу, до 18 часов при норме 50 часов. Однако приехавший на Уралтяжмаш нарком танковой промышленности В. А. Малышев установил еще более жесткие сроки — 6–8 часов. Молодые рабочие успешно справились с задачей, сократив время расточки до 5,5 часов. Установленный рекорд дал молодым уральцам право называться фронтовой бригадой и породил новое всесоюзное производственное соревнование молодежных коллективов[6].

В эти же дни фронтовые бригады создали рабочие Горьковского автозавода Ф. Любавин, В. Шубин, В. Тихомиров и другие. В октябре 1941 г. В. Шубин поставил рекорд, выполнив 25 норм за смену. В декабре 1941 г. на заводе было уже 62 комсомольско-молодежные бригады, а в марте 1942 г. — 215[7].

Социалистическое соревнование стимулировало производственную активность тружеников тыла. На предприятиях Горьковской области широко развернулись стахановское движение, организация фронтовых бригад, движение за освоение вторых профессий. На оборонном заводе № 92 в мае 1942 г. имелось 156 фронтовых бригад, свыше 3600 двухсотников и 60 человек пятисотников и тысячников[8].

Лауреат Сталинской премии фрезеровщик Д. Ф. Босый

Выступление директора завода на митинге трудового коллектива

Приёмка танков Т-60

Достижения передовых рабочих популяризировали партийные органы, комсомол, профсоюзы. В заводской печати, на партийных и комсомольских собраниях обсуждались примеры трудового героизма. Проводилась агитационно-пропагандистская работа на производстве и среди населения (митинги, беседы). В коллективах использовалась военная терминология: гвардейцы тыла, фронтовые бригады, производственные победы и прочее. На многих предприятиях устная и наглядная производственная агитация развертывалась в цехах. Например, на ленинградских заводах у станков, где персонал давал высокую норму выработки, вывешивались красные флажки, специальные плакаты с показом результатов труда передовиков[9].

Фронтовые бригады вслед за Уралом и Поволжьем появились на предприятиях Сибири, в других регионах, позже — на освобожденной от оккупации территории СССР. Они создавались практически во всех отраслях индустрии, на транспорте. Целью повсеместно формировавшихся фронтовых бригад, работавших под девизом «В труде, как в бою!», было досрочное выполнение заданий для сражающейся армии, увеличение выпуска продукции при меньшей численности кадров. В Москве уже к сентябрю 1942 г. соревновалось 1810 комсомольско-молодежных бригад. А к концу 1942 г. в Москве и Московской области их насчитывалось 4000, в Куйбышевской области — 2000, в Свердловской — 1175, в Новосибирской — 376, в Казахстане — 301. Многие из них были удостоены звания фронтовых[10].

В Казахской ССР первые молодежные бригады появились на Чимкентском свинцовом заводе в августе 1942 г. К концу войны на предприятиях республики работало 2750 бригад, в которых трудились 19 559 человек. Лучшие коллективы были награждены премиями ЦК ВЛКСМ и наркоматов. На предприятиях Таджикистана молодежные фронтовые бригады стали возникать с начала 1943 г. Инициатором их создания стала молодая работница Сталинабадского мясокомбината Головачева, награжденная почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, грамотой Верховного совета Таджикской ССР. Принявшие участие в республиканском совещании руководителей фронтовых бригад в конце 1943 г. стахановки Каюмова (Ленинабадская типография), Эшанова (Шелковый комбинат) были награждены орденом «Знак Почета»[11]. Движение комсомольско-молодежных бригад служило отличной школой производственного обучения, карьерного роста и политического воспитания рабочей молодежи.

В целом в промышленной сфере СССР в декабре 1944 г. насчитывалось 52 тыс. молодежных фронтовых бригад[12]. В большинстве из них трудились юноши и девушки, только начинавшие жизненный путь. Многим подросткам, чтобы они дотянулись до станка, подставляли ящики. В 1942 г. в народном хозяйстве страны было занято 15% рабочих и служащих в возрасте до 18 лет. В авиапромышленности к концу войны они составляли 13% всех занятых в отрасли. Рабочие до 25 лет в отраслях оборонки насчитывали от 40 до 60% состава на протяжении всех военных лет[13].

В суровую военную пору молодежь показывала примеры трудового героизма. Одним из стимулов к труду у молодых людей была социальная престижность. На московском станкозаводе «Красный пролетарий» напряженно работали в цехах подростки В. Каулина, В. Михалина, Ю. Морозов, М. Янкина, Т. Ячменева и многие другие. Татьяна Ячменева (Шилова) пришла в цех в возрасте пятнадцати лет, со школьной скамьи. Под руководством опытного мастера Н. А. Паникова она освоила профессию токаря, успешно справлялась с заданиями. В 1943 г. организовала молодежную фронтовую бригаду, которая неоднократно занимала первые места в соревнованиях по заводу, району, городу. За внедрение методов скоростного резания металлов она была удостоена звания лауреата Сталинской премии. Окончив станкоинструментальный техникум, Татьяна Петровна многие годы работала конструктором в Экспериментальном научно-исследовательском институте металлорежущих станков. За свой труд она удостоена правительственных наград[14].

Сильное воздействие на молодежь оказывала переписка с фронтовиками. Так, в тяжелые дни 1942 г., когда шли ожесточенные бои на Волге, на Московском станкозаводе имени С. Орджоникидзе было получено письмо от бывшего токаря завода С. К. Тарнова. Сложенный треугольником конверт из действующей армии мастер Д. Я. Тимошин вручил своему ученику Н. Чикиреву. В письме говорилось: «Дорогой товарищ!.. Ныне я стрелок разведроты.

Пишу тебе потому, что родных у меня не осталось... А работал я как раз на том станке, за которым ты стоишь... Нахожусь я под тем самым городом, о котором все сейчас говорят. Сам понимаешь, где... Теперь мы стоим и стоять будем насмерть. Это тебе мое слово»[15]. Письмо заканчивалось просьбой сообщить о себе и успехах заводского коллектива.

В то время Н. Чикирев выполнял норму на 200%, но под воздействием письма с места боев у юноши из головы не выходила мысль, как выполнить задание на 500%, то есть работать за пятерых. И вскоре в цехе появилась «Молния»: «Николай Чикирев сегодня выполнил норму на 500 процентов». Придя домой, он сел за письмо в действующую армию. Шли напряженные дни Сталинградской битвы. Когда с передовой пришло известие, что боец С. К. Тарнов пал смертью храбрых, в память о погибшем солдате-токаре молодой рабочий решил перейти на обслуживание двух станков. Он уговорил ребят создать бригаду по обработке шпинделей — самой трудоемкой детали револьверных станков. Бригада стала одной из лучших на заводе, а Николай Чикирев — самым молодым лауреатом Сталинской премии[16].

Дальнейшему росту числа трудовых побед способствовали разнообразные формы общения армии с народом. Одна из них — шефство рабочих над воинскими частями и соединениями. Например, коллективы автомобильных заводов страны на протяжении всей войны осуществляли шефство над 121-й и 122-й танковыми бригадами. Они оказывали им необходимую помощь в материально-бытовом обеспечении. В начале апреля 1942 г. делегация московских автозаводцев выехала в подшефную часть и вручила ей Красное знамя, завоеванное коллективом завода в производственном соревновании[17].

Трудящиеся Казахстана поддерживали тесные связи с 8-й гвардейской дивизией генерала И. В. Панфилова, 73-й гвардейской Сталинградской дивизией. В феврале 1943 г. делегация 73-й гвардейской Сталинградской дивизии вручила Алма-Атинскому машиностроительному заводу — победителю социалистического соревнования в республике — боевое Красное знамя командования Сталинградского фронта[18]. Тыл и фронт были едины.

Трудовой энтузиазм многочисленных отрядов рабочих помогал вскрывать резервы производства для увеличения выпуска оборонной продукции, решения сложных задач перестройки экономики применительно к нуждам фронта. В ходе соревнования снижалась трудоемкость изготовления продукции, увеличивалась производительность труда, улучшалась технология производства, совершенствовалось заводское оборудование.

Весной 1942 г., когда главные этапы перестройки были уже пройдены, началось Всесоюзное социалистическое соревнование, которое способствовало решению проблемы интенсификации производства. С предложением о его организации выступили коллективы передовых предприятий — Кузнецкого металлургического комбината и двух авиационных заводов — № 18 и 26.

Во Всесоюзное соревнование включились предприятия вооружения, танковой промышленности, боеприпасов, судостроения, цветной металлургии, бумажной, пищевой, рыбной и других отраслей, а также железнодорожного, речного и морского транспорта, строительства и торговли. Государственный Комитет Обороны, ЦК ВКП(б), ВЦСПС и наркоматы разработали условия соревнования, порядок морального и материального поощрения (премии) победителей.

Впервые для его победителей были учреждены переходящие Красные знамена высших государственных и партийных органов. Знамена вручались лучшим коллективам представителями гвардейских частей Красной армии на общезаводских митингах. Это еще больше укрепляло единство армии и народа. В 1942 г. впервые были отмечены Сталинскими премиями рабочие — новаторы производства: фрезеровщик Д. Ф. Босый, бурильщики А. И. Семиволос, И. П. Янкин, машинист Н. А. Лунин.

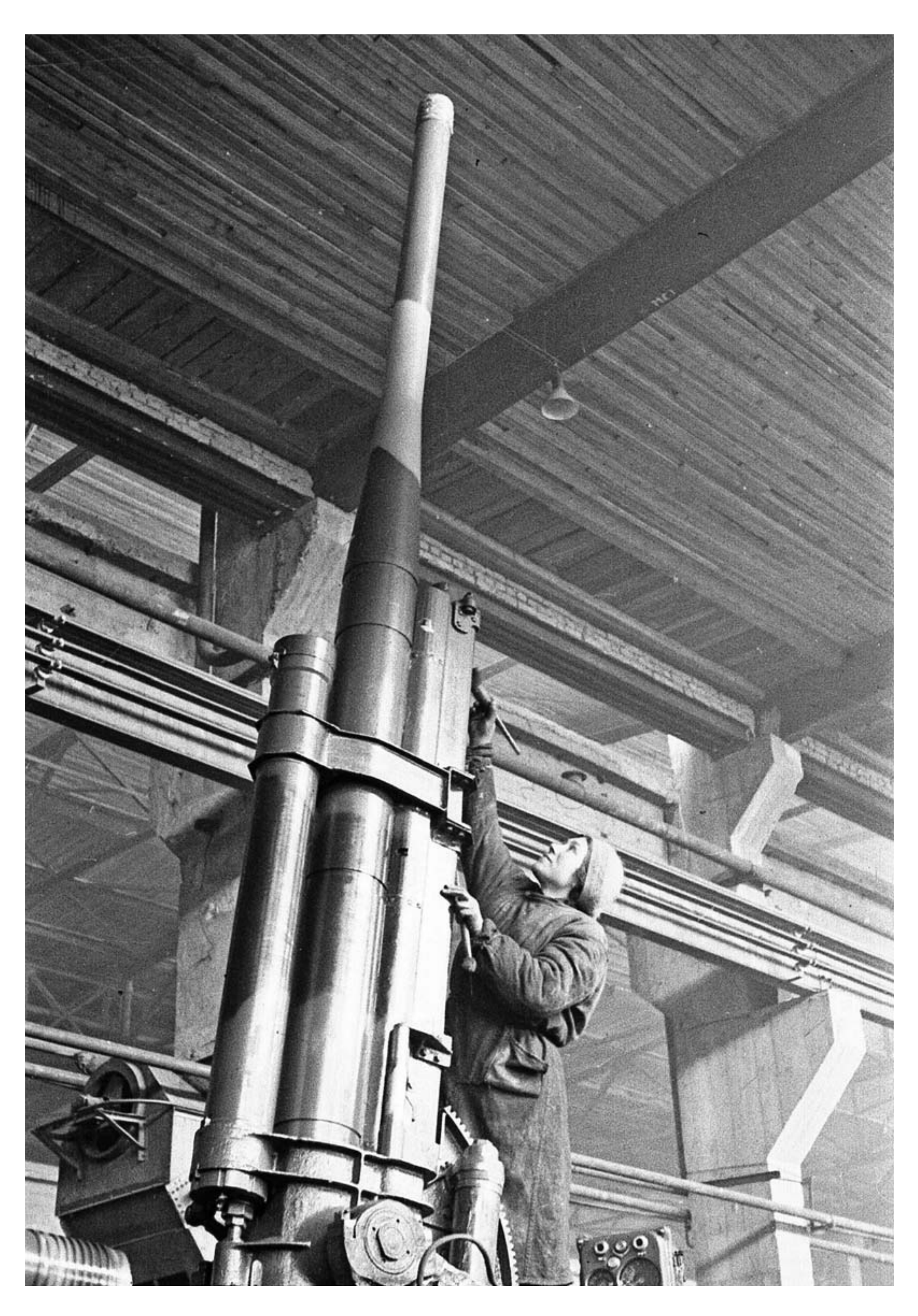
В мае 1943 г. труженики тыла подвели итоги первого года Всесоюзного соревнования. Они показали, что промышленность СССР, особенно военная, добилась крупных успехов. В соревновании участвовало уже около 80% персонала, занятого в индустрии. Хотя следует отметить и формальные моменты в организации соревнования, и не всегда действенные меры по повышению его эффективности. В ряде случаев плохо были поставлены учет его результатов и распространение передового опыта. Не всегда правильно использовались премиальные средства[19].

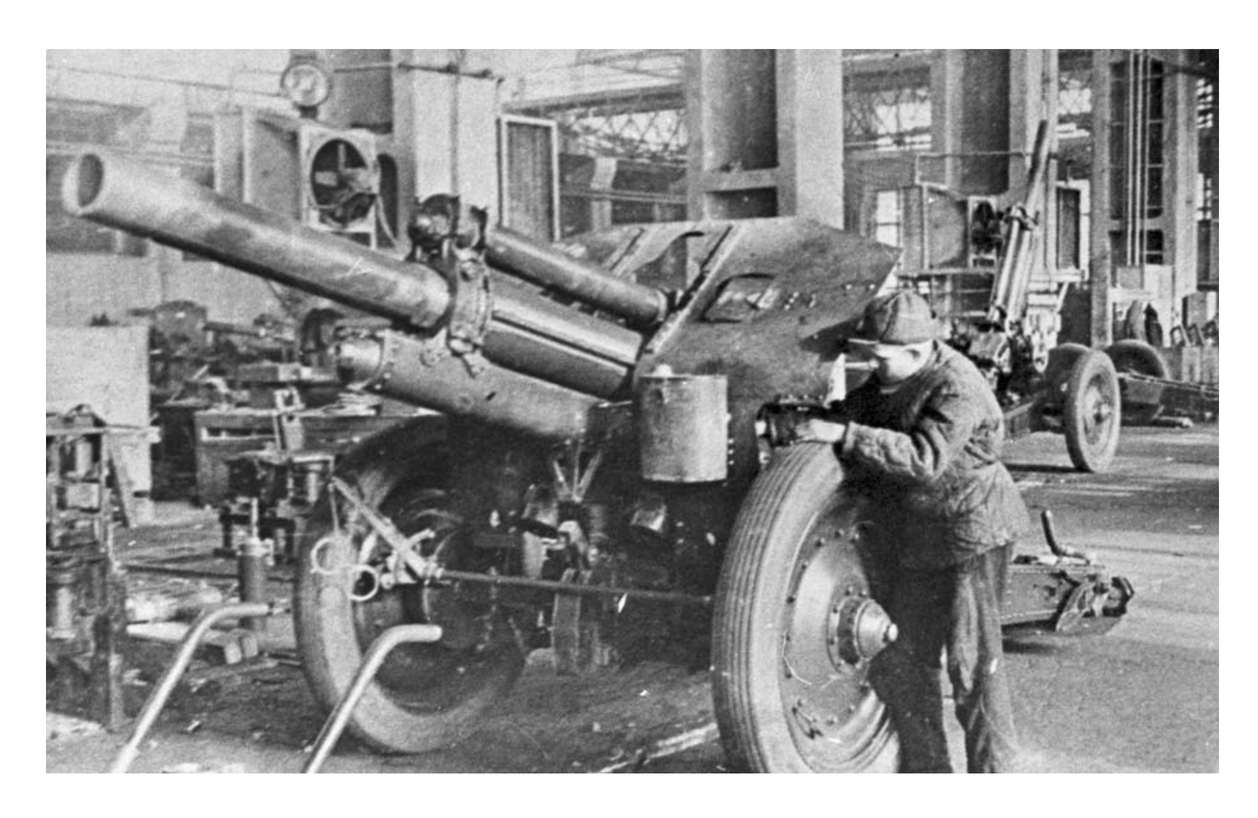
Токарь Т. Лазарева со своими изделиями

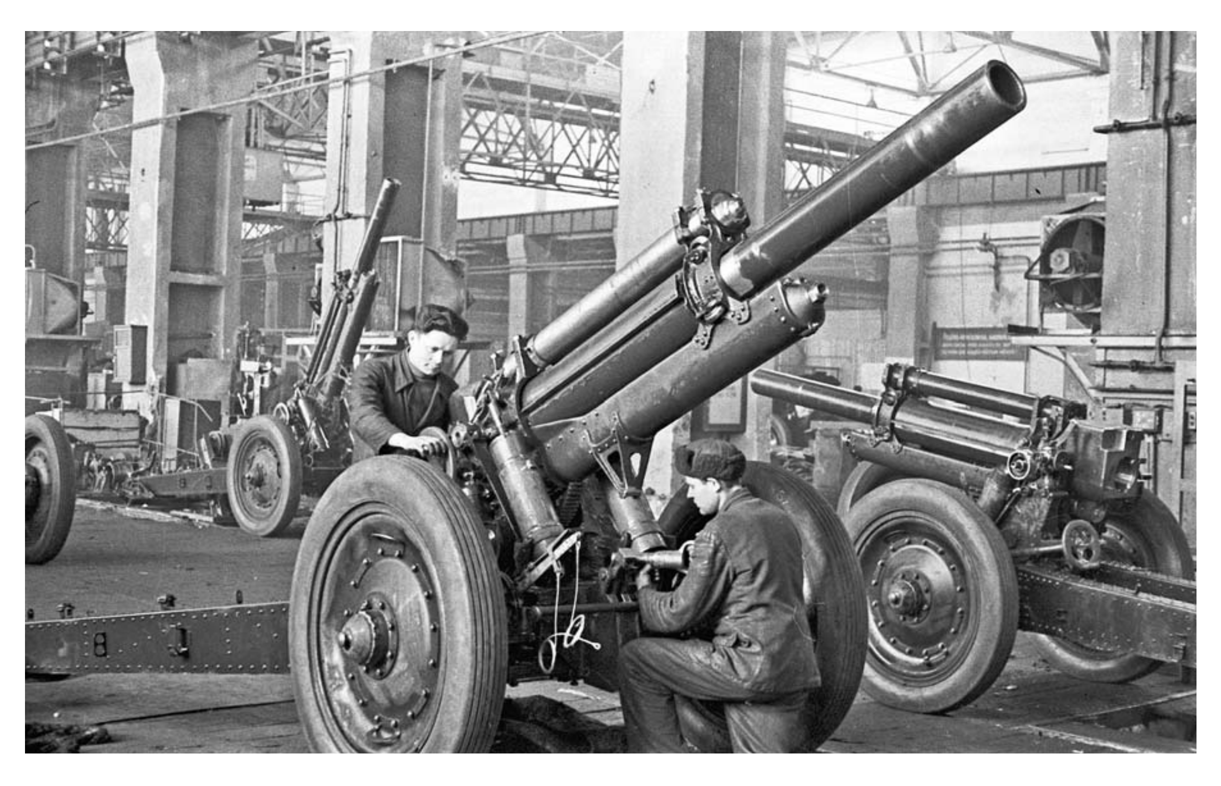
Военпред Н. Н. Антощенко принимает очередную партию боеприпасов

Покраска зенитного орудия перед отправкой в войска

Сборка 122-мм гаубиц М-30

САУ в сборочном цеху…

…и перед отправкой в действующую армию

В 1943 г. Всесоюзное социалистическое соревнование приобрело новое качество. В обязательства трудовых коллективов включались пункты о создании из сверхплановой продукции Особого фонда Главного командования Красной армии. Он предназначался для решения важных оборонных задач. Только рабочие Урала за этот год изготовили сверх плана и передали Уральскому добровольческому танковому корпусу танки Т-34, орудия, автоматы ППШ, винтовки, карабины, грузовые автомобили, другую технику, а также обмундирование и снаряжение. А рабочие Куйбышевской области внесли за год в Особый фонд более чем на 300 млн рублей сверхплановой продукции[20].

К участникам Всесоюзного соревнования предъявлялись и новые требования: выполнять не только военные заказы, но и задания по выпуску гражданской продукции, экономить сырье, материалы, топливо. Особое внимание уделялось борьбе за экономию электроэнергии, что объяснялось прежде всего напряженностью энергетического баланса страны. В ходе Всесоюзного соревнования росло количество стахановцев, многостаночников, совместителей профессий, двухсотников, тысячников. Повышение уровня руководства соревнованием, устранение недостатков, мешавших развитию различных форм творческой инициативы, способствовали эффективности соревнования, мобилизации тружеников тыла на успешное выполнение военно-хозяйственных задач в завершающий период Отечественной войны.

В ноябре 1943 г. с ценной инициативой выступила москвичка бригадир фронтовой бригады Первого государственного подшипникового завода Е. Г. Барышникова, призвав с меньшим количеством рабочих дать больше продукции для фронта и страны. Ее бригада строгальщиц сумела увеличить выпуск оборонной продукции, сократив вдвое свой состав. О широкой поддержке, которой пользовалось предложение Е. Г. Барышниковой о высвобождении персонала, свидетельствует тот факт, что в феврале 1944 г. по ее методу в СССР трудилось 8 тыс. молодежных бригад. Они высвободили для других участков свыше 37 тыс. человек. Передовая работница Екатерина Барышникова была награждена орденом Ленина, удостоена звания лауреата Сталинской премии[21].

Последователи Е. Барышниковой появились во всех регионах страны. В Казахстане перешли на работу по новому методу 690 бригад, высвободив при этом 2064 человека. Лучшая из них — бригада токарей Я. Чемериса с Алма-Атинского завода им. Кирова. Четырнадцать раз ей присуждались первые и вторые места по итогам заводского соревнования[22].

В 1943 г., следуя примеру Е. Г. Барышниковой, 53 молодежные бригады Туркмении высвободили и передали на другие участки 210 человек. Работая в меньшем составе, эти бригады не только не снизили, а, наоборот, повысили производительность труда, хотя большинство юношей и девушек пришли в коллективы в военное время, не имея опыта и необходимых знаний. Благодаря настойчивому стремлению стать мастерами своего дела они выдвинулись в число лучших трудовых коллективов в республике. Среди них бригада Валиева с Ашхабадской железной дороги, неоднократно завоевывавшая Красное знамя ЦК ЛКСМ Туркменской ССР[23]. В Грузии личный состав 351-й фронтовой бригады в конце 1944 г. был сокращен на 1428 человек[24]. Внедрение метода «Меньшим числом рабочих — больше продукции» давало ощутимые результаты, учитывая нехватку трудовых ресурсов.

Серьезный экономический эффект давало движение скоростников на заводах, шахтах и рудниках. Зародилось оно среди скоростников-сталеваров еще в конце 1941 г. Желая дать как можно больше металла оборонной промышленности, металлурги один за другим включались в это патриотическое движение. В середине января 1942 г. сталевар Н. Х. Базетов Верх-Исетского завода на Урале снял по 10 тонн стали с каждого квадратного метра пода печи. Накануне 24-й годовщины Красной армии он повысил этот показатель до 11,4 тонны, а в марте давал до 14 тонн. Выдающегося успеха добился и Д. Д. Сидоровский, сняв с квадратного метра пода печи по 15,3 тонны стали. Тем самым он установил мировой рекорд сталеварения[25].

Вслед за инициаторами Н. Х. Базетовым и Д. Д. Сидоровским метод скоростной плавки стали был подхвачен металлургами Д. Н. Жуковым на Магнитогорском, П. Д. Никитиным и А. Я. Чалковым на Кузнецком металлургических комбинатах, В. М. Амосовым на Златоустовском заводе[26]. Путем внедрения в технологический процесс инноваций они добивались рекордных показателей.

Приемка самолетных винтов на Пневмостроймашине

На железнодорожном транспорте новый размах получило начинание, инициированное машинистом Томской железной дороги Н. А. Луниным. Он и его последователи внедряли прогрессивные методы эксплуатации паровозов посредством организации образцового ухода за локомотивами и выполнения ремонта самой паровозной бригадой. К 1 марта 1942 г. на железных дорогах страны по лунинскому методу работало 7826 паровозных бригад[27]. Этот почин при значительной нехватке кадров, материалов и запчастей получил распространение на транспорте в виде овладения смежными профессиями.

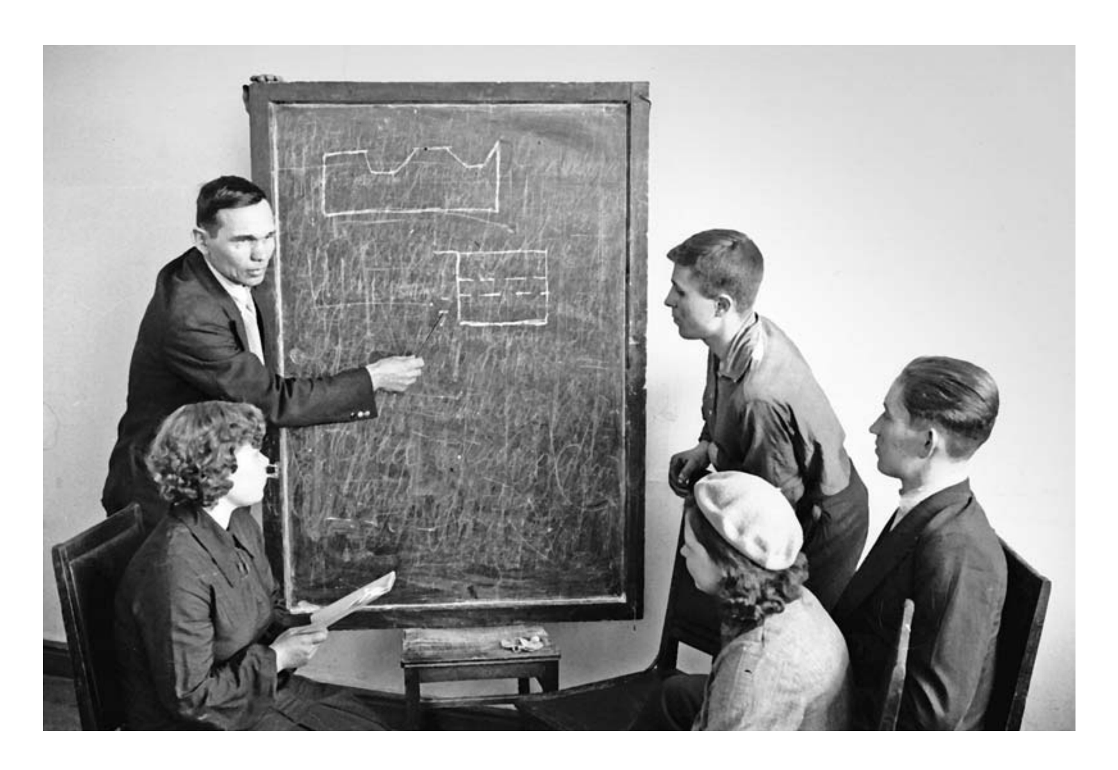
В борьбу за улучшение организации производства, за высокую производительность труда внесло вклад агарковское движение, развернувшееся в завершающий период борьбы с фашизмом. Осенью 1944 г. по инициативе танкостроителя Е. П. Агаркова произошло слияние мелких бригад и участков. Это упрощало структуры цехового управления за счет аннулирования промежуточных звеньев, повышало роль мастера, а самое главное — высвобождало часть высококвалифицированных кадровых инженеров, которых можно было использовать в других подразделениях, в том числе на освобожденной территории. Новаторские инициативы Е. П. Агаркова основывались на возросшей квалификации рабочих и мастеров. Его почин, как и движение Е. Г. Барышниковой, быстро распространился в промышленности. К середине 1945 г. по стране были высвобождены свыше 45 тыс. опытных рабочих и инженерно-технического персонала[28]. Многие из них участвовали в восстановлении индустрии районов, освобожденных от вражеской оккупации. Агарковское движение открыло новые возможности для более рационального использования трудовых ресурсов различных регионов страны.

В Казахстане прошли съезды рабочей молодежи, где обсуждался вопрос о внедрении этого передового метода в промышленной сфере республики. В результате проведенных организационных мероприятий 100 молодежных бригад стали трудиться по методу Е. П. Агаркова, высвободив 346 квалифицированных сотрудников. Одним из первых предприятий, подхвативших агарковское движение, был Алма-Атинский завод им. С. М. Кирова Наркомсудпрома[29].

Переход на более высокотехнологичные методы производства, в том числе на быстро распространявшиеся поточные методы, развитие соцсоревнования сказались на производительности труда. По промышленности СССР за период с мая 1942 по май 1944 г. она поднялась на 40%. В отраслях оборонной промышленности этот показатель возрос значительнее: в производстве боеприпасов — на 54%, в самолетостроении — на 47%, в танкостроении — на 43%[30]. Рост производительности труда открывал дополнительные возможности для увеличения выпуска боевой техники, оружия, боеприпасов без дополнительных капиталовложений.

Поощрение победителей соцсоревнования осуществлялось в различных формах. Если в первый период войны в основном применялись моральные формы награждения (занесение на Доску почета, в Книгу почета, вручение почетных грамот), то с 1943 г. достаточно широко было распространено поощрение победителей различными материальными формами (денежные премии, талоны на дополнительное питание, продуктовые пайки, ордера на промтовары и прочее). Это имело особое значение в условиях кризиса снабжения населения и существования карточной системы.

Правительство и ВЦСПС определили порядок использования премиальных сумм по итогам социалистического соревнования: не менее 50% должно было выделяться на вознаграждение рабочих и служащих, остальное — на улучшение культурно-бытового обслуживания и жилищные нужды членов коллектива. Но при ограниченности финансовых средств профсоюзы и администрация предприятий не всегда достигали взаимопонимания при выделении приоритетности расходов. Отдельные профсоюзные организации неправильно использовали премиальные средства. Так, в постановлении Секретариата ВЦСПС от 16 апреля 1943 г. указывалось на нарушение в использовании премиального фонда на шахтах Подмосковного угольного бассейна (на индивидуальное премирование израсходована незначительная его часть, остальная отпущена не по назначению). Было предложено ЦК Союза рабочих угольной промышленности и местным комитетам установить контроль над его расходованием. Отдел заработной платы ЦК Союза рабочих нефтяной промышленности Кавказа провел проверку мероприятий по повышению оплаты труда нефтяников, использованию премиальных средств по итогам Всесоюзного социалистического соревнования[31].

Токарь Уралмашзавода П. Спехов проводит занятия в стахановской школе

Строительство жилья для рабочих

Лауреат Сталинской премии бурильщик Илларион Янкин

Плакат на одном из строящихся заводов

Нарушения установленного порядка расходования премиальных денег были вскрыты и на предприятиях Наркомтяжмаша, Наркомстроя. Отмечалось также, что инженерно-техническим сотрудникам выплачивалась бо́льшая часть премий, чем рабочим, а суммы индивидуального вознаграждения рабочих были весьма незначительны[32]. Проводимые проверки помогали вскрывать недостатки в организации заработной платы, соцсоревнованиях и привлекали внимание администрации, общественных организаций к важнейшим вопросам работы тыла, распространению инновационного опыта.

Новаторские инициативы лидеров производства тыловых регионов страны нашли поддержку у населения освобожденных от оккупации районов. В Украинской ССР развернулось социалистическое соревнование на восстанавливаемых объектах Донбасса, Днепрогэса, железнодорожном транспорте, среди рабочих, возрождающих металлургические и машиностроительные заводы юга Украины. На Днепрогэсе, ставшем всенародной стройкой, были организованы сотни фронтовых бригад, сыгравших большую роль в обучении молодежи рабочим специальностям, смежным профессиям. Бригадам существенную помощь оказывала выездная редакция газеты «Комсомольская правда». Работая на восстановлении Донбасса, молодежь Украины во внеурочное время отремотировала 130 общежитий, 150 клубов, 180 красных уголков и многие другие объекты[33]. Работа в бригаде стимулировала профессиональный рост, воспитывала сознательное отношение к качественному труду и общественному долгу.

В апреле 1944 г. прошел первый слет стахановцев-лунинцев Белорусской железной дороги, созванный в г. Гомель. С частично освобожденной территории Белорусской ССР прибыли свыше ста человек. Они обратились к молодежи республики с предложением организовать соревнование за всемерную помощь фронту, брали обязательства на каждом предприятии железной дороги организовать не менее одной комсомольско-молодежной бригады, создать на всех станциях, узлах посты по продвижению поездов к фронту, организовать техническое обучение новых кадров. Через месяц после слета количество комсомольско-молодежных участков на Белорусской железной дороге выросло с 20 до 100. Бригады, работающие в прифронтовой полосе, проявили инициативу в организации фронтовых экспрессов, впоследствии подхваченную на других железных дорогах[34].

В конце войны на промышленных предприятиях и транспорте Белоруссии соревновались 1632 комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Среди лучших был молодежный коллектив слесарей, возглавляемый Прокопенко, на Гомельском заводе сельскохозяйственного машиностроения. Благодаря рационализации производства, налаженной технической учебе ему удалось сократить численность бригады с 13 до четырех человек, повысить производительность труда с 200 до 500%. За короткое время бригада внедрила семь рационализаторских предложений, одно из которых ускорило выпуск продукции в 20 раз[35].

В Молдавии еще шли бои по разгрому Ясско-Кишиневской группировки немецко-румынских войск, а в освобожденных городах и селах республики началась упорная восстановительная работа. Молодежные коллективы соревновались на строительстве первоочередных объектов, в том числе взорванных железнодорожных мостов через Днестр. 19 строителей были награждены командованием Красной армии ценными подарками за инициативу, проявленную при строительстве моста у г. Бендеры, в развертывании движения двухсотников. 10 человек были награждены грамотами Президиума Верховного совета Молдавской ССР[36].

В 1945 г. на освобожденной территории Ленинградской области в ходе соревнования 165 лучших бригадиров и стахановцев молодежных бригад были награждены почетными грамотами обкома комсомола, восемь бригадиров — грамотами ЦК ВЛКСМ и 44 человека — значком отличника соцсоревнования наркоматов[37].

В основе всех этих движений лежала инициатива, шедшая снизу, от самих трудящихся. Никакими угрозами и санкциями администрация заводов не смогла бы заставить трудиться рабочих и инженеров без сна и отдыха в течение нескольких суток, выполняя срочный заказ. Эти проявления трудового героизма базировались на самосознании рабочих и инженеров, их энтузиазме и стремлении приблизить победу любой ценой[38].

Среди участников соревнования ведущее положение занимали рабочие (таблица 2). Социалистическое соревнование к концу Великой Отечественной войны стало одним из действенных средств совершенствования промышленного производства, улучшения его качественных показателей, повышения производительности труда.

Таблица 2

Динамика роста количества участников соревнования в 1942–1945 гг. (в % к общей численности занятых в народном хозяйстве СССР)[39]

Отрасль народного хозяйства	Группы соревнующихся	На 1.04.1942	На 1.04.1943	На 1.04.1944	На 1.04.1945
Промышленность	Рабочие	63,8	77,3	78,2	82,3
	ИТР	49,3	59,4	72,1	69,7
	Служащие	37,9	66,8	60,4	63,2
Строительство	Рабочие	69,7	77,0	77,7	81,1
	ИТР	58,8	68,2	73,3	75,1
	Служащие	50,9	57,5	58,2	66,8
Транспорт	Рабочие, ИТР и служащие	73,6	86,3	87,5	87,4

С 1942 г. началось снижение себестоимости промышленной продукции. В целом в промышленности в 1942–1944 гг. она снизилась в совокупности на 5 млрд рублей, то есть на 17,2%[40]. Себестоимость тяжелых танков была снижена в 3 раза, средних — в 2,5 раза. За счет снижения себестоимости отпускные цены на военную продукцию уменьшились только в 1942–1943 гг. на 35 млрд рублей. Такая сумма была необходима для выпуска более 14 тыс. танков Т-34[41]. Советские рабочие в 1941–1945 гг. оказались способными отвечать на вызов времени.

В период Великой Отечественной войны любовь к Родине проявилась и в стремлении советских людей оказать личную помощь сражающейся армии в обеспечении ее необходимым вооружением, снаряжением и продовольствием.

К патриотическим движениям в поддержку армии относится создание Фонда обороны страны, свидетельствующее о единстве фронта и тыла. Он складывался из добровольно вносимых денежных средств, облигаций государственных займов, драгоценностей, продовольствия. Финансовые и материальные ресурсы шли на нужды вооруженных сил.

Движение за создание Фонда обороны в первые полтора месяца войны еще не имело определенных форм. Приемом денежных пожертвований и ценностей занимались различные организации и учреждения. В конце июля 1941 г. в газете «Правда» был опубликован обзор писем под заголовком «Трудящиеся предлагают создать Фонд обороны»[42]. Сообщалось, что добровольные взносы можно вносить в любое отделение Госбанка на специальный счет.

31 июля 1941 г. коллектив московского станкозавода «Красный пролетарий» через газету «Правда» обратился ко всем рабочим, инженерно-техническим сотрудникам, деятелям науки и искусства Советского Союза с призывом начать «ежемесячно до конца войны производить отчисление однодневного заработка в Фонд обороны страны, за счет которого можно дать новые тысячи самолетов, танков, сотни тысяч пулеметов, винтовок и прочего боевого снаряжения для окончательного разгрома злейшего врага человечества — фашизма». С 1 августа 1941 г. сообщения о поступлениях в Фонд обороны систематически публиковались в сводках Совинформбюро. В целях пропаганды движения оно широко освещалось в центральной и местной печати.

В связи с поступающими в Наркомат финансов СССР, ВЦСПС от предприятий, учреждений, профсоюзных организаций запросов о порядке передачи взносов в Фонд обороны в конце июля 1941 г. на места были разосланы специальные письма. В них указывалось, что заявления рабочие и служащие должны передавать в расчетную часть предприятия. Подписью каждого заявителя должно удостоверяться, в каком размере, в какие сроки, в течение какого времени он желает производить взносы из заработной платы[43].

Облигация военного займа

На пункте приема металлоизделий для нужд фронта

Важно подчеркнуть, что создание Фонда обороны явилось инициативой самих народных масс, одобренной Центральным комитетом партии, местными партийно-государственными структурами и общественными организациями. Такого массового патриотического движения за создание Фонда обороны, какое развернулось в годы Великой Отечественной войны, страна прежде не знала. В Челябинском областном отделении Госбанка пришлось даже установить круглосуточное дежурство для приема взносов от населения — так велик был поток желающих внести свой вклад в народную помощь фронту[44]. Это движение охватило все регионы страны.

Взносы делали коллективы промышленных предприятий, государственных учреждений, колхозов, совхозов, творческие союзы, граждане. Особенно крупные денежные суммы поступали от жителей больших городов, промышленных центров. Например, москвичи только за полгода войны отдали на оборону из своих личных сбережений и своего заработка более 142 млн рублей наличными деньгами, на которые можно было приобрести 1400 самолетов или 750 танков. А общий вклад москвичей в Фонд обороны за период войны составил 2 млрд 618 млн рублей[45]. Всего по СССР за военные месяцы 1941 г. в Фонд обороны поступило 1 млрд 787 млн, за 1942 г. — 2 млрд 455 млн рублей.

По состоянию на 1 января 1943 г. кроме денежных средств было сдано 12,6 кг платины, 110 кг золота, 9155 кг серебра, на 1 млн 409 тыс. рублей других драгоценных предметов, на 9 млн 290 тыс. рублей иностранной валюты, на 2 млрд 439 млн рублей облигаций. Помимо этих взносов труженики тыла внесли в Фонд обороны сотни тысяч тонн зерна, десятки тысяч тонн мяса, шерсти и других продуктов и сырья[46].

Об активности колхозного крестьянства можно судить и по тому факту, что только от тружеников села Горьковской области к концу ноября 1941 г. в Фонд обороны поступило более 268 тонн зерна, свыше 1600 центнеров мяса, 250 тыс. литров молока и около 117 тыс. штук яиц. Крестьянством Чувашии в 1941 г. было внесено свыше 23 тыс. пудов хлеба, 2825 пудов

мяса, 65 тыс. литров молока и много других продуктов, в 1942 г. — 120 тыс. пудов хлеба, в 1944 г. — более 712 тыс. пудов хлеба и свыше 710 тыс. пудов картофеля и овощей[47].

С осени 1941 г. по призыву колхозников Оренбургской области стали засеваться сверх плана «гектары обороны», урожай которых передавался на поддержку личного состава вооруженных сил. В Казахстане было засеяно 38 147 га, в Киргизии только комсомольцы засеяли 1917 га[48]. Средства от продажи урожая, полученного со сверхплановых площадей, передавались в Фонд обороны.

В создание Фонда обороны внесла свой вклад и интеллигенция страны. Писатели и ученые, артисты и художники, учителя и врачи перечисляли в Госбанк значительные суммы, в том числе авторские гонорары и премии, различные ценности. Одним из первых передал Сталинскую премию в размере 100 тыс. рублей на дальнейшее укрепление мощи Красной армии писатель М. А. Шолохов. По 50 тыс. рублей внесли поэты А. Т. Твардовский и В. И. Лебедев-Кумач. А известный русский писатель В. В. Вересаев передал несколько золотых изделий общим весом 300 граммов.

Фонд обороны пополнялся средствами, перечисленными жителями национальных республик Советского Союза (таблица 3), причем основную сумму поступлений на укрепление обороноспособности страны составили средства населения Российской Федерации.

Таблица 3

Поступления в Фонд обороны СССР в 1942 г. (млн рублей)[49]

Республики	Поступило в 1942 г.							
	I кв.	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	Итого за 9 мес. 1942 г.
РСФСР	488 272	221 264	144 780	137 134	110 355	111 246	122 472	1 335 523
УССР	–	2572	2134	677	–	–	–	5382
Азербайджанская ССР	4978	1406	5408	4298	624	751	1646	10 515
Грузинская ССР	13 003	3395	1219	1294	–	955	858	20 724
Армянская ССР	4301	1906	427	223	94	418	298	7667
Туркменская ССР	8315	3 585	2057	2058	1719	2026	1809	21 569
Узбекская ССР	12 497	9108	3898	3345	3413	3125	410	35 796
Таджикская ССР	4205	1851	1293	1242	887	1048	780	11 312
Казахская ССР	25 205	12 529	8590	8875	7765	8170	9095	80 229
Киргизская ССР	5035	1408	898	1562	2405	1539	1615	14 462
Карело-Финская ССР	698	1199	279	873	486	293	762	4590

По сведениям Наркомата финансов СССР поступления в Фонд обороны стали снижаться в марте — апреле 1942 г. Заместитель наркома финансов СССР Ф. А. Урюпин в докладной записке в ЦК ВКП(б) одной из причин снижения поступлений назвал введение военного налога с 1 января 1942 г., в связи с чем ряд центральных организаций (НКО, НВМФ, НКВД) дал своим местным подразделениям распоряжения о запрещении производить отчисления в Фонд обороны. Подобного рода факты имели место в Татарской АССР, Свердловской, Горьковский, Куйбышевской областях. Одновременно заместитель наркома подчеркивал: «Необходимо установить, что отчисления в Фонд обороны должны быть сугубо добровольными».

Анализируя сложившуюся ситуацию, Ф. А. Урюпин, ссылаясь на присланные жалобы из трудовых коллективов, указал на недостатки в работе местных органов. Рабочие и служащие сообщали о высоких размерах удержаний из зарплат в Фонд обороны, налогов и на другие мероприятия. Так, на предприятиях Москвы они составили: в типографии «Красный пролетарий» — 46–56% месячной заработной платы, на фабрике «Трехгорная мануфактура» — 64%, на заводе «Красный богатырь» — до 51%[50].

При сборе средств на оборону страны был допущен ряд злоупотреблений и беззаконий руководителями районов, нарушался принцип добровольности, о чем поступали сигналы с мест в высшие эшелоны власти. Высшие государственные и партийные органы осуждали подобные действия, расценивали их как грубую ошибку, вредную практику.

В архивных документах отмечено, что в целом по стране поступления в Фонд обороны к середине февраля 1943 г. составили около 6 млрд рублей[51], тогда как в годы войны производство одного самолета-истребителя обходилось государству примерно в 100 тыс., а танка — 200 тыс. рублей. Исходя из этого, нетрудно представить себе значение добровольно собранных народных денег для укомплектования боевой техникой и вооружением десятков частей и соединений Красной армии.

Почти одновременно с созданием Фонда обороны денежные средства населения стали поступать на строительство танковых колонн и эскадрилий самолетов, катеров и бронепоездов. В этом проявилось стремление советских людей помочь стране ликвидировать численное превосходство армии противника в основных видах вооружения и ускорить разгром фашистской Германии и ее союзников. Однако в начальный период войны это движение еще не приобрело должного размаха. Количественные и качественные сдвиги в нем произошли с конца 1942 — начала 1943 г. На патриотическую активность граждан большое влияние оказали успехи Красной армии под Сталинградом.

Добровольные взносы на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, артиллерийских установок поступали в Фонд Красной армии, который имел в Государственном банке СССР самостоятельный счет.

Одними из первых с инициативой сбора средств на боевую технику выступили комсомольцы Челябинского абразивного завода Наркомстанкопрома в грозные осенние дни 1941 г., когда бронированные полчища вермахта рвались к Москве. Они предложили начать сбор средств на танковую колонну имени Челябинского комсомола. Этот почин имел всесоюзное значение. «Комсомольская правда» писала: «Челябинцы сделали заказ на танки! Кто следующий?..» Уже на 25 декабря 1941 г., по данным 44 обкомов, крайкомов, ЦК комсомола союзных республик, было собрано на строительство танковой колонны имени ВЛКСМ 62 690 тыс. рублей[52].

К концу 1941 г. в Молотовской области на строительство танковой колонны «Уральский комсомолец» было внесено 4356 тыс. рублей, на танковую колонну «Комсомолец Алтая» — 3600 тыс. рублей. Массовый сбор средств проводился также на строительство танковых колонн «Горьковский комсомолец», «Красноярский комсомолец», «Кировский комсомолец», «Иркутский комсомолец», «Комсомолец Узбекистана», «Комсомолец Киргизии» и другие[53]. С такими же названиями были построены эскадрильи самолетов.

Комсомольцы и молодежь Челябинской области собрали на строительство танковой колонны «Челябинские колхозники» 30 млн рублей и 15 млн — на строительство боевых кораблей «Челябинский комсомолец»[54]. Молодежь Свердловской области в 1941 г. внесла 16,5 млн рублей на строительство танковой колонны «Свердловский колхозник». Танки были изготовлены в свободное от работы время. На вторую танковую колонну «Свердловский комсомолец» в 1942 г. было внесено 10 млн рублей[55].

В блокадном Ленинграде комсомольцы собрали на танковую колонну «Защитник Ленинграда» 7,5 млн рублей. А на 15 июня 1943 г. молодые рабочие Ленинградской области внесли в Госбанк СССР на строительство танков и самолетов 25 млн рублей[56]. Осенью 1942 г., когда враг наступал на Сталинград, комсомольцы и молодежь Казахстана приобрели на личные средства 46 танков и передали их войскам, сражавшимся на подступах к городу. И таких примеров множество. На средства комсомольских организаций и молодежи в первый период Великой Отечественной войны — до 19 ноября 1942 г. было построено или строилось более 80 танковых колонн[57].

В разгар героических сражений советских войск на Волге 9 декабря 1942 г. в печати было опубликовано сообщение о том, что труженики села Тамбовской области собрали на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник» 40 млн рублей. А через несколько дней в подарок Сталинградскому фронту крестьяне Саратовской области передали на строительство эскадрильи боевых самолетов 33,5 млн рублей своих личных сбережений. Колхозники

Новосибирской, Калининской, Куйбышевской, Горьковской, Рязанской областей собранные ими средства внесли на строительство танковых колонн[58]. Саратовский колхозник Ферапонт Головатый дважды внес по 100 тыс. рублей на постройку двух истребителей (декабрь 1942 г., май 1944 г.). Фотоснимки вручения самолета летчику Сталинградского фронта гвардии майору Б. Н. Еремину в 1942 г. хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории[59]. Саратовские и тамбовские колхозники были первыми, кому Верховный главнокомандующий И. В. Сталин выразил благодарность. Позднее такие благодарности стали поступать в адрес коллективов предприятий, учреждений, колхозов и отдельных лиц.

Через средства массовой информации советское общество, бойцы на передовой узнавали о благородных поступках граждан своей страны. Солдатские письма благодарности за построенную на народные деньги технику получали многие коллективы. В одном из писем с мест боев от 22 сентября 1943 г. говорилось: «Дорогие товарищи! Этот привет вам шлет личный состав части, которую вы вооружили боевыми машинами-танками «Тамбовский колхозник», построенными на собранные вами средства. В опытных руках гвардейцев-танкистов танки «Тамбовский колхозник» во всех прошедших боях были могучим и грозным оружием, при помощи которого мы беспощадно мстили немецко-фашистским захватчикам за все их преступления, совершенные против нашего народа.

За время прошедших боев гвардейцы на танках «Тамбовский колхозник» истребили до 6000 фашистских солдат и офицеров, уничтожили 154 вражеских танка, 149 пулеметов разного калибра, 73 миномета, 184 пулемета и много другого оружия... За прошедшие бои 348 гвардейцев-танкистов награждены правительственными наградами, среди которых особенно отличились гвардии старший лейтенант Федорчук, награжденный 4-м орденом, гвардии старший лейтенант Луганский, награжденный 5-м боевым орденом, гвардии старшина Гладышев, награжденный 3-м боевым орденом...

Гвардейцы-танкисты и весь наш советский народ никогда не забудут замечательный патриотический почин трудящихся Тамбовской области, в котором сказались единство и сплоченность нашего народа»[60].

Крупные суммы денежных средств на приобретение боевой техники поступали от жителей городов и рабочих поселков. Только население осажденного Ленинграда к началу 1943 г. внесло около 75 млн рублей, жители Челябинска и Нижнего Тагила — по 27 млн, Магнитогорска — 18 млн, Иркутска — свыше 14 млн[61].

Разнообразной была помощь москвичей фронту. На строительство танков и самолетов они передали в военное время 409 млн рублей из личных сбережений. На эти средства создавались авиационное соединение «Москва», танковая колонна «Москва», звено самолетов «Малый театр — фронту» и другие. На собранные деньги работниками Московского железнодорожного узла было построено семь бронепоездов «Москва». «Ежедневно десятки самолетов с надписями на фюзеляжах «Москва» и «Малый театр — фронту» наносят чувствительные удары зверю в его собственной берлоге, — сообщали газеты в начале 1945 г. — Только за три дня боевых действий эти самолеты уничтожили до 30 танков, по 100 машин с техникой и боеприпасами. На машинах москвичей наши летчики провели 16 воздушных боев, сбив при этом девять «фокке-вульфов» и три «Мессершмита-109»[62].

В больших размерах поступали денежные средства на приобретение различного вооружения от интеллигенции. В марте 1942 г. большая группа академиков, в том числе В. Л. Комаров, А. И. Абрикосов, И. П. Бардин, Е. А. Чудаков, обратились ко всем научным сотрудникам страны с предложением принять участие в строительстве танковой колонны «За передовую науку». Они призвали ученых сдавать в фонд строительства танков помимо индивидуальных взносов все сборы от платных лекций, а также четверть гонорара за изданные работы.

В конце марта — начале апреля 1943 г. на приобретение боевой техники для действующей армии передали свои Сталинские премии академики А. А. Байков, А. А. Борисяк, Б. Е. Веденеев, П. М. Жуковский, Н. В. Цицин, Е. А. Чудаков, писатели В. Л. Василевская, А. Е. Корнейчук, Л. М. Леонов, А. Н. Толстой, композитор А. И. Хачатурян, скульптор М. Г. Манизер, заслуженный деятель искусств РСФСР Д. Ф. Ойстрах и многие другие.

Герой Советского Союза В. И. Шишкин на крыле именного истребителя, построенного на средства колхозников Саратовской области

Артисты оркестра Л. О. Утёсова у одного из самолетов, подаренных ими 5-му гвардейскому истребительному полку

Работники искусств Челябинской области в августе 1942 г. начали сбор средств на создание звена боевых самолетов «Челябинский артист». За короткое время было собрано 100 тыс. рублей. Были построены самолеты и созданы авиазвенья «Ленинградский театр имени Кирова» (театр находился в Перми в эвакуации), «Пермский художник». В Иркутской области построены самолеты авиаэскадрилий «Учитель», «Советский артист». В 1942 г. на личные средства С. Я. Маршака, С. В. Михалкова, В. М. Гусева, художников Кукрыниксов был изготовлен и передан РККА танк КВ-1. Известный артист В. Г. Мессинг в 1944 г. на свои личные накопления приобрел истребитель Як-7, на котором воевал Герой Советского Союза К. Ф. Ковалев[63].

Народная забота о нуждах Красной армии не обошла стороной и церковь. 30 декабря 1942 г. глава Русской православной церкви митрополит Сергий обратился к прихожанам с призывом о сооружении на средства верующих общецерковной танковой колонны имени Дмитрия Донского. В телеграмме И. Сталину от 5 января 1943 г. митрополит Сергий сообщил об этом почине, и был получен ответ с разрешением открыть специальный счет в Государственном банке СССР, что явилось первым утверждением юридического статуса РПЦ за годы советской власти. Верховный главнокомандующий передал благодарность русскому духовенству и верующим за заботу о бронетанковых силах Красной армии. Всего было собрано более 8 млн рублей и большое количество золотых и серебряных вещей[64].

Танковую колонну с надписями на боевых машинах «Дмитрий Донской» составили 40 танков, построенных на Челябинском танковом заводе. Грозную технику получили 38-й и 516-й отдельные танковые полки, прошедшие к тому времени нелегкие боевые пути. Последующие их боевые действия на разных фронтах были не менее напряженными. Героические дела воинов 38-го и 516-го танковых полков отражают их высокие государственные награды[65]. Так, в борьбе ради общих целей — освобождения и возрождения Отечества — патриотические чаяния русских верующих и духовенства воедино слились с доблестью солдат и офицеров, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны.

Многие люди не только в СССР, но и за рубежом делали личные вклады. Известно, например, что композитор С. В. Рахманинов перечислил в Фонд Красной армии денежный сбор от нескольких концертов, которые он дал в США. Известный американский поэт Карл Сэндберг в сентябре 1941 г. передал через Внешторгбанк СССР письмо и 3 тыс. долларов для Красной армии, Военно-морского флота и советской авиации[66].

Если на 10 января 1943 г. сумма поступлений в Фонд Красной армии (таблица 4) составляла 3 412 899 рублей, то на 21 марта — уже 6 964 315 рублей, а на 26 марта — 7 023 596 рублей[67].

Таблица 4

Поступление средств в Фонд Красной армии на 21 марта 1943 г. (рублей)[68]

	По сведениям республиканских, краевых, областных органов печати	По данным финансовых органов
Всего по СССР	6 631 813	6 964 315
РСФСР	4 280 404	4 728 861
УССР	9644	–
БССР	5394	–
Казахская ССР	371 258	468 215
Киргизская ССР	85 000	118 637
Узбекская ССР	300 169	364 931
Туркменская ССР	92 656	101 586
Таджикская ССР	81 000	86 036
Азербайджанская ССР	148 046	174 898
Грузинская ССР	261 000	275 705
Армянская ССР	53 000	70 534
Карело-Финская ССР	3000	6912

Нарком финансов А. Г. Зверев регулярно направлял сведения о поступлении денежных средств в Фонд Красной армии (в целом по СССР, республикам, краям и областям) первым лицам государства: И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. М. Маленкову, А. А. Андрееву и Н. А. Вознесенскому. Верховному главнокомандующему сообщались также данные о взносах колхозников[69]. Это свидетельствует о большой заинтересованности государства в дополнительных доходах бюджета СССР, в поддержке народом внутриполитического курса страны.

Советское правительство, учитывая, что в июне 1943 г. планировался выпуск второго государственного военного займа, в начале апреля через газету «Правда» обратилось к гражданам страны с просьбой временно прекратить денежные взносы на строительство вооружения. С 7 апреля прием добровольных взносов на эти цели был прекращен. Однако уже во второй половине 1943 г. труженики тыла, воодушевленные успехами на советско-германском фронте, снова приступили к сбору средств на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, артиллерийских установок, бронепоездов.

По мере продвижения советских воинских частей и соединений на запад в сбор средств на боевую технику включились жители освобожденных от оккупантов районов. 10 февраля 1944 г. газета «Правда» опубликовала статью «Демонстрация патриотизма украинского народа», в которой сообщалось о начале нового патриотического движения в освобожденной республике — вкладах в Фонд обороны и Фонд Красной армии. Динамика поступлений средств в Фонд Красной армии по УССР видна из следующих данных: на 16 февраля 1944 г. поступило 68 266 рублей, на 17 февраля — 131 233 рубля, на 18 февраля — 156 001 рубль[70].

В документах содержатся факты о патриотических движениях в других освобожденных регионах. В то же время упоминаются и негативные стороны во взаимоотношениях власти и населения, в том числе факты административного нажима на людей в ходе сбора средств. Так, в мае 1944 г. бюро Воронежского обкома партии обсудило вопрос о фактах принудительного сбора денег на танковую колонну среди жителей Макаровского сельсовета Борисоглебского района. Виновные были привлечены к уголовной ответственности[71].

Но не эти тенденции в годы войны стали определяющими, а единение народа с воюющей армией, опирающееся на чувство патриотизма. В военное лихолетье в Фонд обороны и на приобретение боевой техники и вооружения поступило от населения свыше 17 млрд рублей наличными, 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, на 1,7 млрд рублей драгоценностей. Эти средства были израсходованы на постройку 2,5 тыс. боевых самолетов, нескольких тысяч танков, восьми подводных лодок, 16 военных катеров и другого вооружения[72].

Средства в Фонд обороны и Фонд Красной армии поступали как за счет добровольных взносов, так и заработанных на субботниках и воскресниках. Они проводились в различных регионах, на предприятиях и в учреждениях. Заработанные денежные суммы перечислялись также на оказание помощи семьям фронтовиков, в Фонд помощи детям, в фонды восстановления Сталинграда и других разрушенных городов. 3 августа 1941 г. газета «Правда» сообщала: состоялся массовый воскресник железнодорожников, в котором участвовали свыше 1 млн человек. Весь заработок — 20 млн рублей был передан в Фонд обороны.

Трудовой энтузиазм в период проведения воскресников, декадников, месячников проявила молодежь. В 1941 г. состоялось три Всесоюзных комсомольско-молодежных воскресника: 17 августа — с участием свыше 9 млн человек; 7 сентября в ознаменование Международного юношеского дня — 13 млн участников; 23 ноября — 4 млн участников[73].

В справке секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова о первом Всесоюзном воскреснике, направленной 22 августа 1941 г. секретарям ЦК партии А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову, указывалось, что молодые рабочие предприятий перевыполняли нормы в 2–3 раза. Сельская молодежь трудилась на уборке урожая и заготовке кормов. Комсомольцы учреждений, вузов работали на погрузке и разгрузке железнодорожных составов, торфозаготовках, ремонте дорог, мостов, заготовке дров для школ, больниц, госпиталей.

Рыбаки Ненецкого национального округа у ящиков с уловом для фронта

На Свердловской табачной фабрике

Вместе с молодежью на работу выходили сотни тысяч добровольцев, в том числе пенсионеры, домохозяйки. 17 августа 1941 г. только на железных дорогах страны трудились 900 тыс. человек. Железнодорожники в течение дня отремонтировали 533 паровоза, 2812 товарных вагонов, 727 километров железнодорожных путей. Заработанные на первом Всесоюзном воскреснике 44 млн рублей были переданы в Фонд обороны[74].

В период проведения второго Всесоюзного воскресника 7 сентября 1941 г. перед коллективом Московского станкозавода имени С. Орджоникидзе выступил Герой Советского Союза И. Д. Папанин. Он призвал работников к новым производственным успехам и показал пример высокопроизводительного труда, выполнив сменное задание на 268%. За этот день заводской коллектив изготовил большое количество сверхплановой продукции и передал в Фонд обороны 24,5 тыс. рублей.

В Москве в комсомольско-молодежных воскресниках 17 августа и 7 сентября 1941 г. участвовали 1,45 млн человек, в Ленинграде — 348,5 тыс. молодых рабочих и служащих. Ленинградцами было заработано и перечислено в Фонд обороны 2,5 млн рублей[75]. Участники двух первых Всесоюзных воскресников в целом по СССР передали в Фонд обороны 104 млн рублей[76].

23 ноября 1941 г. по инициативе комсомольской организации Челябинского тракторного завода был проведен третий Всесоюзный комсомольско-молодежный воскресник, в котором массово участвовали юноши и девушки разных национальностей. Например, в Туркмении число участников воскресников 23 ноября и 7 декабря составило 280,5 тыс. человек, а заработанные 1,4 млн рублей были переданы на дальнейшее укрепление обороны СССР.

Всего с августа 1941 по октябрь 1943 г. в стране было проведено пять Всесоюзных комсомольско-молодежных воскресников, в которых в общей сложности участвовали 43 млн граждан. В целом по Советскому Союзу заработанные на молодежных воскресниках средства в 1941—1945 гг. превысили сумму 460 млн рублей[77].

Неоднократно проводились месячники по оказанию помощи детям участников войны и детским домам. В канун 25-й годовщины Красной армии молодежь выступила инициатором нового патриотического движения. Руководители фронтовых бригад предприятий легкой промышленности, собравшиеся на Всесоюзное совещание в Москве, обратились к молодым рабочим отрасли с призывом усилить помощь детям фронтовиков. 18 марта 1944 г. «Комсомольская правда» сообщала о результатах работы, проделанной за январь — февраль 1944 г. По неполным данным, в Фонд помощи детям было принято свыше 56 млн рублей, 169 тыс. пар обуви, 50 тыс. пальто, около 80 тыс. платьев и костюмов, около 4 тыс. центнеров хлеба, много масла и других продуктов. Рабочие предприятий текстильной и местной промышленности во время воскресников изготовляли ткани, одежду, обувь, которые передавались наиболее пострадавшей от войны группе населения — детям.

В годы суровых испытаний государство, обремененное военными расходами, не в силах было помочь обездоленным людям в необходимом объеме. Их существование поддерживалось всенародно собранными рублями, пожертвованиями, искренним сочувствием, дружеской рукой соотечественников. И это было одной из форм народного патриотического движения.

В экстремальной ситуации, когда финансовое напряжение в стране усилилось, важным источником пополнения государственного бюджета стали дополнительные поступления денежных средств от граждан по подписке на военные займы. В кредитовании государства приняло участие городское и сельское население, жители различных республик, краев и областей. За период войны было выпущено четыре государственных займа, каждый в двух выпусках на запланированную сумму 72 млрд рублей, не считая государственного займа третьей пятилетки, который был принят 2 июня 1941 г., но размещался уже в период боевых действий. К середине июня 1941 г. подписка на государственный заем четвертого года третьей пятилетки дала государству 10 530 млн рублей. Кроме того, с началом войны была успешно осуществлена дополнительная подписка на этот займ. К середине июля 1941 г. среди населения страны было размещено облигаций этого займа почти на 300 млн рублей[78].

Дети готовят подарки для раненых бойцов

Пионеры Молотовска готовят посылочные ящики для отправки подарков бойцам Красной армии

Делегаты одного из ленинградских заводов вручают подарки советским воинам

Первый военный заем был выпущен в апреле 1942 г., его подписная сумма — 10 млрд рублей. Подписка проходила в атмосфере высокого патриотического подъема. Труженики тыла, зная, что деньги, полученные от займа, пойдут на строительство боевой техники, ежемесячно отчисляли свой оклад на эти цели. Так, например, на митинге рабочих третьего цеха завода № 356 Сталинского района Свердловска 13 апреля 1942 г. выступивший старый кадровый рабочий Гаврилов рассказал, какую роль займы сыграли в индустриализации страны, какое значение они имеют в военное время, и призвал весь коллектив подписаться на месячный заработок. К концу смены большинство членов коллектива приняли участие в подписке. На 17 часов 15 апреля 1942 г. среди жителей района было свыше 80% подписавшихся на заем на сумму 20 337 рублей[79].

Массовая подписка трудящихся на государственные займы была одной из форм помощи фронту. Токарь Калининского железнодорожного депо Андреев на митинге заявил: «Я подписываюсь на 150% месячной заработной платы. Но срок рассрочки большой, а время не терпит, фронт не ждет. Вношу сумму подписки наличными»[80]. Подписка повсеместно прошла быстро. «Постепенные вложения в хозяйство ряда небольших сумм, хотя бы и достаточно значительных в совокупности, не шли ни в какое сравнение с той огромной помощью делу обороны, которую оказали советские люди, подписавшиеся в 1942 году на десятимиллиардный военный займ», — подчеркивал в своих мемуарах нарком финансов СССР А. Г. Зверев[81].

Второй военный заем был выпущен в 1943 г., третий — в 1944 г., четвертый — в 1945 г. Среди участников кредитования государства на первом месте находилось население Российской Федерации. При этом сумма подписки по РСФСР за указанный период возросла с 8505 млн рублей в 1942 г. до 17 473 млн в 1944 г. В первой шеренге шли Москва и Ленинград. Блокада не сломила мужественного духа и воли к победе жителей крепости на Неве. Они с пониманием встретили постановление Правительства СССР от 12 апреля 1942 г. о выпуске государственного военного займа. Большинство районов города раньше срока полностью внесли сумму подписки. Значительные суммы средств дали взаймы государству за военные годы трудящиеся Узбекистана, Казахстана, Грузии, Азербайджана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана.

Характерно, что в военное время существенно увеличились суммы подписки на займы среди сельского населения. На 24 апреля 1942 г. от колхозников уже поступило свыше 1 млрд рублей. Всего крестьянство страны дало государству по этому займу 3 млрд рублей. К 1943 г. сумма подписки на военные займы среди сельских жителей возросла более чем в 3 раза[82].

Непосредственно к военным займам примыкают денежно-вещевые лотереи, давшие в доходную часть государственного бюджета немало денежных средств. С 1941 по 1944 г. были проведены четыре денежно-вещевые лотереи. Население приобрело лотерейных билетов на сумму 13 млрд рублей. Высокая сознательность, а также доверие граждан к проводимым государственным кредитным операциям позволили мобилизовать за счет размещения четырех военных займов и четырех денежно-вещевых лотерей военных лет в общей сложности свыше 100 млрд рублей. Эти средства обеспечили более 10% бюджетных доходов военного времени. Ресурсы, мобилизованные с помощью четырех военных займов, на 25% превысили первоначально объявленную величину облигаций[83].

Одними принудительными методами получить столь значительные средства было бы невозможно. «Предпринимаемые сегодня попытки подвергнуть сомнению патриотический порыв советских людей, опорочить военные займы как якобы сугубо принудительную форму мобилизации денежных средств исторически неверны. Подписка на заем была, как правило, осмысленная гражданином, дополнительно взятая на свои плечи финансовая ноша»[84].

Естественно, в стране проводилась большая агитационная и разъяснительная работа по распространению облигаций займов. Государственно-партийными структурами велась предварительная подготовка к займовым кампаниям: совещания с директорами предприятий, руководителями общественных организаций, доклады о текущем моменте, выпуски стенгазет, плакатов и прочее. В 1941–1945 гг. по радио неоднократно выступал нарком финансов СССР А. Г. Зверев на тему «Народная помощь фронту». Он являлся инициатором серьезных

акций в области финансирования военных расходов. Возглавляемый им наркомат проводил большую аналитическую работу[85].

К числу недостатков в работе с населением следует отнести нарушение принципа добровольности при подписке на займы в некоторых областях. Имел место административный нажим на регионы, на людей. В центральный партийный аппарат иногда поступали из регионов жалобы на высокие суммы размещения займа, установленные Наркоматом финансов СССР. На подобный факт указывал в телеграмме на имя члена Политбюро Г. М. Маленкова 29 апреля 1944 г. секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров. Как следует из ведомственной переписки, Наркомат финансов удовлетворил просьбу Молотовского обкома партии частично, снизив сумму размещения займа в области с 205 млн до 190 млн рублей[86].

На заседании Коллегии Наркомата финансов 25 августа 1944 г. анализировалось состояние сбора средств по подписке колхозников на третий государственный займ. Было отмечено, что ряд областей: Омская, Вологодская, Кемеровская, Курганская, Пензенская, а также Татарская АССР и Удмуртская АССР резко отставали в сборе средств по займу на селе по сравнению с предыдущим годом. В материалах коллегии зафиксированы и такие факты: «В Омской области имеет место большое количество случаев неуплаты взносов по займу руководящим составом колхозов. В Курганской области вследствие отсутствия контроля за работой налоговых агентов резко возросли злоупотребления со стороны налоговых агентов»[87].

Слабое поступление средств по займам в ряде областей объяснялось тем обстоятельством, что колхозникам для расплаты по займу в 1944 г. необходимо было реализовать значительно больше сельскохозяйственной продукции, чем в 1943 г., в связи со снижением рыночных цен на продукты. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в 1942–1945 гг. в сельской местности количество подписчиков возросло в 4 раза, в то время как в городе — в 2 раза. Как видим, произошли сдвиги в социальном составе участников кредитования государства.

Следует отметить, в годы Второй мировой войны займы на крупные суммы выпускались и в других воюющих государствах. В Соединенных Штатах Америки, например, в указанный период было выпущено восемь долгосрочных займов на общую сумму 150 млрд долларов. Реализация займов велась главным образом среди банков и торгово-промышленных корпораций и лишь частично среди отдельных лиц. Союзники Германии распространяли займы среди населения принудительно. В Румынии и Финляндии их реализовать не удалось[88].

В СССР в целом с помощью военных займов правительство покрывало около 15% всех прямых военных расходов. По мнению ряда исследователей, добровольно-принудительный характер государственных военных займов позволяет отнести их к налоговым сборам[89].

Общая сумма поступлений от военных займов в два раза превысила сумму доходов от всех внутренних займов СССР в довоенный период (займов индустриализации, крестьянских, советских пятилеток и прочих), которые активно выпускались в стране. Все это свидетельствует о большом вкладе советского общества в формирование доходов государства, о финансовой помощи тыла фронту.

Труженики города и деревни оказывали Красной армии и материальную помощь, проводя сборы предметов обмундирования и теплой одежды, подарков для бойцов и командиров воинских частей и соединений. Народная инициатива была поддержана ЦК ВКП(б), принявшим 5 сентября 1941 г. специальное постановление «О сборе теплых вещей и белья среди населения для Красной армии». Для осуществления связи между фронтом и тылом была создана Центральная комиссия, председателем которой стал секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев. В сентябрьские дни 1941 г. соответствующие постановления были приняты ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС. Инициаторами отправки в действующую армию теплых вещей выступали трудовые коллективы и отдельные граждане. За сентябрь — ноябрь 1941 г. для защитников Родины были сданы миллионы теплых вещей: 1 млн 175 тыс. пар валенок, около 3 млн кг шерсти, свыше 500 тыс. полушубков, миллионы пар шерстяных перчаток и варежек, меховых рукавиц, ватных курток, шапок-ушанок и прочего[90].

Широкий размах это патриотическое движение получило в Российской Федерации. Например, за годы войны население Вологодской области отправило фронтовикам 540 тыс.

теплых вещей, Хабаровского края — 1500 тыс., Ставропольского края — более 1 млн, Сталинградской области — 1200 тыс. теплых вещей. Москвичи собрали и отправили в действующую армию в 1942–1943 гг. свыше 1,5 млн комплектов теплого обмундирования и более 1 млн подарков[91].

К началу 1943 г. трудящиеся Азербайджана послали воинам более 1310 тыс. различных теплых вещей общей стоимостью свыше 20 650 тыс. рублей, 1200 тыс. теплых вещей передали жители Туркмении, 650 тыс. — Таджикистана, 1760 тыс. — Казахстана[92].

В последующем, когда в ходе войны удалось наладить массовое изготовление теплой одежды на государственных предприятиях, размах этой работы постепенно пошел на убыль. В целом же за счет теплого обмундирования, собранного в военное время патриотами страны, можно было одеть и обуть несколько миллионов бойцов. Это была существенная материальная помощь тыла фронту, свидетельство дружбы народов в период суровых испытаний.

Не менее массовым было и начатое в первые месяцы вооруженной борьбы движение за сбор и отправку фронтовикам подарков к праздничным датам. Отправлялись теплые вещи, туалетные принадлежности, галантерея, канцелярские принадлежности, табачные изделия, вино, продукты питания и многое другое.

Так, жители Тувы для удовлетворения нужд действующей армии направили около 700 тыс. голов скота, 50 тыс. строевых лошадей, 52 тыс. пар лыж, 10 тыс. полушубков, 19 тыс. пар рукавиц, 16 тыс. пар валенок, 67 тонн шерсти, сотни тонн мяса, топленого масла, муки, сухарей, кондитерских изделий, облепихи и другого продовольствия. На средства населения республики были выпущены три эскадрильи самолетов и две танковые бригады. Всего же сумма материальной помощи тувинского народа фронту превысила 66,5 млн. рублей[93]. Была и адресная помощь вещами и продовольствием конкретным красноармейцам и командирам.

В ноябре 1941 — мае 1942 г. на фронт прибыло свыше 3,4 тыс. вагонов с коллективными и индивидуальными посылками. Подарки направлялись защитникам Москвы, Ленинграда, Сталинграда и других городов за линию фронта, в партизанские отряды и соединения. Только защитникам Ленинграда, например, трудящиеся Киргизии собрали к началу 1942 г. 10 вагонов мяса, 15 вагонов муки, два вагона риса, пять вагонов сушеных фруктов, шесть вагонов орехов, один вагон спирта. Накануне и в период Сталинградской битвы героям-сталинградцам подарки поступали со всей страны: 20 вагонов от населения Таджикистана, 60 вагонов (мясные продукты, мед, сливочное масло, табак) от жителей Башкирии. Труженики Амура прислали воинам, оборонявшим город на Волге, два вагона рыбы и два центнера зернистой икры[94].

В ответ из действующей армии шли благодарственные письма от фронтовиков в адрес партийных и советских организаций, учреждений, коллективов предприятий и колхозов. Вот одно из писем, написанное в начале января 1942 г. и через газету «Правда» адресованное всем общественным организациям и отдельным гражданам, приславшим новогодние подарки: «Бойцы, командиры и политработники Западного фронта горячо, от всего сердца благодарят вас за присланные в наш адрес новогодние поздравления и подарки. Ваши поздравления и подарки мы приняли как выражение братской любви всего нашего великого народа к своей доблестной, героической Красной армии. Слова вашего сердечного новогоднего привета вдохновляют нас на новые подвиги, они звучат как призыв еще крепче бить фашистских извергов до полного их уничтожения»[95].

Многочисленные архивные документы подтверждают участие основной массы граждан страны в патриотических движениях тружеников тыла. Наиболее широким было движение за сбор средств в Фонд обороны и на различные виды вооружений, возникшее по инициативе снизу. Миллионы людей ощущали, что от них зависит судьба Отечества. Это новое гражданское чувство рождало сознательный патриотизм. Отказываясь от собственного благополучия, народ старался облегчить фронтовую жизнь бойцов и поддержать их моральный дух, направляя на передовую снаряжение, обмундирование, подарки.

Огромное значение имели военные займы, позволившие в значительной мере сбалансировать государственный бюджет и ассигновать крупные денежные средства на оборону. Данное направление финансовой помощи фронту имело некоторое отличие от названного выше. Инициатором в проведении подписных кампаний выступало государство. Оно устанавливало сверху их сроки, контрольные задания по подписке по регионам.

В организационной работе по оказанию разнообразных видов помощи сражающейся армии принимали участие партийные органы, исполкомы Советов, профсоюзы, комсомол, церковь. Единство фронта и тыла являлось одним из важнейших источников победы Советского Союза над фашистским блоком.

Специфика труда и стратегия выживания городского населения в тылу

Война коренным образом изменила привычный уклад жизни населения городов. Удлиненный рабочий день, тяжелые условия труда и быта. Постоянными спутниками стали материальные лишения и невзгоды. Были внесены значительные поправки в распределение сократившегося национального дохода по фондам накопления, потребления и военных расходов. Так, к 1943 г. национальный доход СССР по сравнению с 1940 г. упал на 34%, а ассигнования на оборону (не считая личного потребления военнослужащих) за то же время увеличились почти в 4 раза. В структуре национального дохода снизились такие важные показатели народного благосостояния, как фонды потребления и накопления. Но уже в 1944 г. объем совокупного дохода составил 88% от уровня 1940 г. Несколько увеличилась доля фонда потребления и более чем в 2 раза возросла доля фонда накопления[96].

В распределении и перераспределении национального дохода ведущую роль играл государственный бюджет СССР. Расходная его часть как раз свидетельствует о выделяемых средствах на социально-культурные мероприятия. Так, в 1940 г. они составили 40,9 млрд, в 1941 г. — 31,7 млрд (77% к уровню 1940 г.), в 1942 г. — 30,3 млрд (74% к уровню 1940 г.), в 1943 г. — 37,7 млрд (92% к уровню 1940 г.), в 1944 г. — 51,3 млрд (125% к уровню 1940 г.), в 1945 г. — 62,7 млрд рублей (153% к уровню 1940 г.)[97]. На социальные и культурные нужды выделялись крупные ассигнования. После некоторого снижения в начале войны к 1945 г. они возросли до 62,7 млрд рублей, что превысило довоенный показатель более чем в 1,5 раза.

Основную часть доходов рабочих и служащих в военное время составляла заработная плата, которая устанавливалась централизованно. Как справедливо отмечено исследователями, «на всем протяжении советской истории она сохраняла большое, если не решающее значение в социальной политике власти. Деньги, выделяемые в фонд заработной платы, жестко фиксировались, переброска средств в фонд оплаты труда запрещалась»[98].

Поэтому руководители отраслей и предприятий, строек вынуждены были постоянно экономить финансовые средства, а часто материальное вознаграждение за труд подменять моральным поощрением. Материальная компенсация за труд включала в себя прямые и косвенные заработки. К первым относились зарплата и премии, ко вторым — сверхурочные, приработки, страховые и прочее. При планировании зарплаты акцент был сделан на рост постоянной доли выплат, заключенных в ставках и разрядах.

Вместе с тем перевод народного хозяйства на военные нужды изменил условия работы, характер производственных заданий, их значимость и срочность выполнения. В 1941 г. были произведены большие единовременные выплаты заработной платы рабочим и служащим, мобилизуемым в Красную армию, а также эвакуируемым сотрудникам предприятий и учреждений. Это увеличивало денежную массу в городах. Встали вопросы нормирования, расценок, повышения материальных и моральных стимулов к труду. Государственные структуры пытались приспособить систему расценок и платежей к новым военным реалиям.

Преобладающая часть персонала предприятий получала оплату по сдельной и повременной системе. Развивались премиальная система и дополнительное материальное поощрение отличившихся работников в натуральной форме. В 1941–1945 гг. значение денежной оплаты труда как основного экономического рычага было ослаблено существованием карточной системы снабжения населения.

При этом в тяжелое военное время было обеспечено не только сохранение, но и увеличение среднемесячной зарплаты тружеников тыла (таблица 5).

Таблица 5

Динамика изменения среднемесячной заработной платы рабочих и служащих в ведущих отраслях народного хозяйства СССР (в рублях по курсу 1941 г.)[99]

Отрасль	1940 г.	1943 г.	Абсолютный прирост (в руб.)
Всего по народному хозяйству	330	434	+ 104
В том числе:			
Промышленность (промышленно-производственный персонал)	340	470	+ 130
Строительство (персонал строительно-монтажных работ)	339	413	+ 74
Транспорт	347	482	+ 135
В том числе железнодорожный	341	525	+ 184
Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение	250	269	+ 19

На бюджет рабочих и служащих существенно влияли цены на колхозном рынке, повысившиеся на ряд потребительских товаров в 15–18 раз. Это нельзя было не учитывать при выработке государственной политики в области зарплаты. Например, государственная цена за 1 кг муки составляла 2,4 рубля, на рынке — 80 рублей; государственная цена за 1 кг говядины — 10–12 рублей, на рынке — 155 рублей. Литр молока — соответственно 2 и 44 рубля, растительного масла — 13,5 и 245 рублей[100]. Максимальный рост приходился на районы Центра РСФСР, Поволжья и Урала, минимальный — на районы Дальнего Востока, где и раньше был высокий уровень цен, а также на районы Закавказья (таблица 6).

Таблица 6

Динамика изменения цен на городских колхозных рынках по отдельным экономическим районам[101]

Районы	Уровень цен в апреле 1942 г. в % к апрелю 1941 г.					
	все товары	в том числе:				
		хлебные	картофель	овощи	мясные	молочные
Центра РСФСР	1162,5	2289,0	2477,4	1165,9	808,6	1691,3
Поволжья	855,1	1314,3	697,5	755,4	652,8	1167,4
Урала	790,8	1039,5	685,3	638,0	762,3	1055,0
Западной Сибири	515,1	587,5	927,2	467,3	518,9	504,5
Европейского Севера	1077,1	–	2600,0	1311,3	400,0	1221,0
Северного Кавказа	388,4	455,5	262,7	401,8	329,6	439,7
Средней Азии и Казахстана	320,8	656,4	500,8	640,9	269,9	402,9
Восточной Сибири	336,6	550,7	453,4	296,3	355,6	392,3
Дальнего Востока	260,1	284,4	240,2	202,9	313,0	201,4
Закавказья	235,9	411,8	263,7	286,6	150,3	318,3

Сыновья сменили отцов, ушедших на фронт: бригадир Костя Смазнов и слесарь Толя Щукин на Уральском танковом заводе (Нижний Тагил)

Заработная плата была значительно повышена во всех ведущих отраслях тяжелой и оборонной промышленности. Это же отмечалось и в текстильной, стекольной, бумажной, консервной, рыбной отраслях, на железнодорожном и водном транспорте, в учреждениях просвещения и здравоохранения. Следует учесть, что на рост зарплаты влияло и введение сверхурочных работ, повышение интенсивности труда (оплата сверхурочных работ составляла 6–10% основного заработка). В структуре рабочего времени промышленности количество рабочих дней увеличилось до 284 в 1941 г. против 269 в 1940 г., а праздничные и выходные, естественно, сократились[102].

В 1943 г. в связи с переходом на поточный метод и рационализацией производства рабочий день на отдельных предприятиях был сокращен до обычного, восьмичасового. Но в большинстве отраслей индустрии оставалась 11-часовая смена. Условия войны по-прежнему требовали и сверхурочных работ, которые распространялись и на женщин. А в «штурмовые дни» они распространялись и на подростков, хотя их труд, по положению, ограничивался шестью часами.

На завершающем этапе войны, когда у государства появилось больше возможностей, установка на достижение результатов ценой величайшего напряжения сил всего народа постепенно изживалась. В дневнике инженера Горьковского автозавода В. А. Лапшина 1 мая 1944 г. имеется запись: «Сегодня отдыхаем. Ни митингов, ни демонстраций нет. Целый день дома. Это, кажется, первый Первомай, когда я дома. Работая в ремонтном хозяйстве, на майские дни приходились самые большие работы»[103].

Упорядочение денежной оплаты труда было осуществлено прежде всего в тех отраслях и у тех групп сотрудников, которые вносили решающий вклад в создание военной экономики (угольная, нефтяная, черная и цветная металлургия, оборонная индустрия). Если, например, в 1940 г. среднемесячная зарплата рабочих в союзной промышленности составляла 375 рублей, то в 1944 г. — 573 рубля (у ИТР — 1209 рублей), при этом в угольной промышленности — 729 рублей (у ИТР — 1502 рубля), в черной металлургии — 697 рублей (у ИТР — 1725 рублей). Стахановцы получали большую зарплату. Так, забойщик Л. А. Башляев (г. Копейск) за 15 дней

Шура Степанова — первая в мире женщина-медеплавильщик

марта 1943 г. выполнил норму на 376% и заработал 4836 рублей. Машинист экскаватора разреза № 2 Г. А. Тимошенко за эти же дни получил 1915 рублей[104]. На предприятиях авиапрома среднемесячная зарплата рабочего в 1941 г. составляла 508 рублей, в 1942 г. — 593 рубля, в 1943 г. — 618 рублей, а в 1944 г. — 686 рублей[105].

Характерной тенденцией было постоянное увеличение среднемесячных зарплат. Основная масса выплат рабочим НКАП приходилась на сдельную оплату по тарифу и повременную оплату, а для ИТР и служащих — на должностные оклады. Из приведенных выше цифр видна и тенденция увеличения разрыва в уровне заработков рабочего и инженерно-технического сотрудника.

Наибольшее увеличение заработной платы наблюдалось в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири, где трудилась основная часть заводских коллективов. Если по промышленности в целом уровень среднемесячной зарплаты рабочих поднялся в 1944 г. на 42% по сравнению с 1940 г., то в Поволжье и Западной Сибири — на 79%, а на Урале — на 65%[106].

Прирост зарплаты в оборонной и тяжелой промышленности еще больше увеличил разрыв в оплате труда в тяжелой и легкой индустрии. Чтобы предупредить падение заработной платы, ЦК профсоюза рабочих хлопчатобумажной промышленности Ивановской и Ярославской областей создал специальную комиссию, которая рассмотрела условия труда ткачей и в 1942 г. внесла рекомендации в Правительство СССР об изменении системы оплаты. Рекомендации были учтены и в последующем приняты меры к улучшению тарификации, а также системы оплаты труда в текстильной, легкой, пищевой и других отраслях. В 1944 г. заработная плата текстильщиц выросла от 50 до 120%. Однако ножницы между отраслями групп «А» и «Б» еще оставались[107].

Общий заработок семьи, бюджет рабочего и служащего повышало вовлечение незанятого населения в производство. В военное лихолетье многие семьи, проводившие мужчин на фронт, жили на заработок женщин. Бывшие домашние хозяйки, освоив новые профессии, в том числе и мужские, повышали производственную квалификацию, трудились сверхурочно, зарабатывая на жизнь и содержание детей. Так, Т. В. Белкина, домашняя хозяйка, имевшая восьмилетнего ребенка, проводив мужа в армию, пришла на московский завод «Серп и молот» в апреле 1942 г. и стала подручным вальцовщика. В мае ее заработок составлял 664 рубля, в августе — 1007 рублей, в ноябре —уже 1314 рублей (включая премии). Другая работница этого предприятия — Т. П. Полякова, вдова с двумя детьми, получала от 750 до 900 рублей в месяц, придя в мартеновский цех подсобным рабочим в начале войны. В феврале 1942 г. она освоила специальность сифонщика, успешно выполняла задания: июль — 106,5%, август — 114,9%, октябрь — 110%, ноябрь — 135%, декабрь — 126,8%[108]. Большое значение имели личностные факторы в стимулировании труда: забота о семье, близких. Женщины стали такими же полноправными кормильцами семей, как и мужчины.

Только за два первых месяца войны, например, на предприятиях Наркомата станкостроения влились в трудовые коллективы свыше 3 тыс. новых работниц, многие из которых, быстро овладев квалификацией, стали перевыполнять установленные нормы. 19 сентября 1941 г. нарком станкостроения А. И. Ефремов наградил значком «Отличник социалистического соревнования» и премией группу работниц отрасли. Среди них многостаночница завода «Калибр» А. Райкова, шлифовщица Т. Ф. Бурмистрова с завода «Красный пролетарий», токарь М. И. Федорова с завода «Фрезер» и другие[109]. Бывшие домохозяйки с их бесчисленными уже не только женскими заботами принимали на свои плечи новую ношу.

Широкое вовлечение женщин в производственный процесс в первый период войны привело к изменению гендерных групп среди рабочих и служащих, причем пик женской активности в экономике наступил в 1944 г. (таблица 7).

Освоение женщинами сложных специальностей увеличивало их удельный вес среди квалифицированных кадров, которые имели более высокие заработки. В целом по стране доля женского труда возросла среди машинистов паровых машин с 6% в начале 1941 г. до 33% в конце 1942 г., токарей по металлу — с 16 до 33%, сварщиков — с 17 до 31%, слесарей — с 3,9 до 12%[111].

Таблица 7

Удельный вес женщин среди рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР (в %)[110]

Отрасль народного хозяйства	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Всего по народному хозяйству	38,4	53,4	57,0	57,4	55,3
В том числе:					
Промышленность	41	51,6	53	52,9	50,9
Строительство (строительно-монтажные работы)	23	24	29	–	32
Транспорт	21	35	42	45,2	40

Матери, жены, сестры своим героическим трудом помогали фронту, родным и близким, сражавшимся на передовой. Женщина становилась труженицей, защитником Отечества. Не случайно ее образ в годы Великой Отечественной войны стал символом Родины-матери, звавшей на разгром врага.

В 1942–1945 гг. изменения произошли и в уровне оплаты труда работников транспорта. Специфику военного времени отражали введенные в 1942 г. правила о дифференциации оплаты труда поездных и маневренных бригад железнодорожного транспорта в зависимости от степени близости той или иной железной дороги к фронту. В среднем у машинистов грузовых поездов заработная плата выросла с 937 рублей в апреле 1941 г. до 1642 рублей в августе 1943 г. В 1944 г. машинисты, помощники машинистов, кочегары, составители поездов получали зарплату в 1,5–2 раза больше по сравнению с довоенной[112]. Широко использовалось материальное поощрение железнодорожников, что явилось серьезным стимулом преодоления военных трудностей, одним из средств поддержания их жизненной энергии.

На ударных стройках применялись такие виды оплаты труда, как сдельно-прогрессивная — на земляных, арматурных, бетонных, плотничьих работах; повременно-премиальная — на трудноучитываемых работах (слесари, электрики, механики). В новых условиях шире по сравнению с мирным временем стала применяться аккордная система оплаты труда в случаях срочности и неотложности отдельных работ. При этой системе оценивалась не каждая операция или единица продукции, а работа в целом по всему физическому объему. С середины 1943 г. в связи с увеличением объема строительства и расширением фронта восстановительных работ была повышена заработная плата рабочих-сдельщиков и повременщиков в среднем на 56%[113].

При решении вопросов организации труда постепенно начали возвращаться к довоенным методам интенсификации производства: снижению расценок и поднятию норм выработки. Это проводилось дважды на предприятиях оборонной и тяжелой промышленности — в 1943 и 1944 гг. В среднем нормы были повышены на 20–23%. На предприятиях Авиапрома, например, в апреле 1943 г. расценки были снижены на 13%, а нормы выработки подняты на 15%. Это было связано и с тем, что к маю 1943 г. число рабочих, перевыполнявших нормы, выросло на 22%, а производительность труда в отрасли — на 30%[114]. Следует отметить, что система нормирования в народном хозяйстве СССР еще не соответствовала научным принципам ее организации. Ее слабым местом была недостаточно четкая связь между затратами труда и его результатами, между результатами труда и его оплатой. Имели место случаи задержки выдачи заработной платы персоналу предприятий. Были вскрыты установленные администрацией грубейшие системы штрафов на угольных шахтах Караганды[115].

Военной цензурой НКВД СССР летом 1943 г. были зарегистрированы десятки писем иркутских рабочих, адресованных родственникам и знакомым, в которых высказывались жалобы на большие простои на заводах и низкой в связи с этим заработной платой, на дополнительные вычеты. «Насчет работы плохо, стоим на простое, заработки плохие, — говорилось в одном из этих писем. — Все москвичи шатаются по барахолке, загоняют свое барахло, потому что многие не получают зарплату месяца по два, по три, зарабатывают только на налоги и сборы»[116].

Стахановская бригада лесорубов Зашейковского лесокомбината

В справке, подготовленной для члена Политбюро А. А. Андреева на основании поступившей в ЦК ВКП(б) из НКВД СССР дел докладной записки с выдержками из писем рабочих, приводятся многочисленные примеры создавшегося критического положения. На Иркутском авиационном заводе № 39 производственный рабочий по плану должен был получать 720 рублей в месяц. Фактически же простои привели к значительному снижению зарплаты: в июле 1943 г. среднему рабочему было начислено 558 рублей, в августе — 544 рубля, в сентябре — 451 рубль, при этом ряд стахановцев в результате простоев недополучил 50% зарплаты. Так, Н. П. Андреев, слесарь шестого разряда, лучший стахановец цеха № 27, в августе 1943 г. выполнил норму на 277% и заработал 1909 рублей, но после вычетов на руки ему выдали 1170 рублей, а в сентябре из-за неполной загрузки выполнил задание на 229%, заработал 1303 рубля, а получил 650 рублей, то есть меньше, чем в августе на 520 рублей[117].

В результате такого положения производственные рабочие стали получать в среднем зарплату меньше, чем служащие и вспомогательные кадры. Наличие простоев вело к необходимости наверстывать упущенное время «штурмовщиной». Причины простоев различны: отсутствие электроэнергии, нехватка материалов для работы, ремонт оборудования и прочее[118]. Простои, как и прежде, являлись серьезной проблемой производства.

При проверке жалоб персонала Иркутского завода № 39 на значительные вычеты из заработной платы было установлено, что у некоторых сотрудников они достигли в сентябре 1943 г. 38,5% зарплаты. А отдельные рабочие получали на руки 30–40% зарплаты и ниже. Вот типичный пример: токарь пятого разряда А. П. Курносов в июле 1943 г. заработал 995 рублей, при этом получил 667 рублей, а в августе, работая с неполной нагрузкой, заработал почти 703 рубля, на руки же выдали 320 рублей. Остальные деньги пошли на вычеты: в счет государственного займа — 80 рублей, подоходный налог — 41 рубль 70 копеек, культсбор — 37 рублей 52 копейки, военный налог — 142 рубля 50 копеек, 5% отчисления — 49 рублей 78 копеек, Фонд обороны — 31 рубль 40 копеек.

Особенно тяжелое положение с доходами, создавшееся у рабочих, прибывших из Москвы, усугублялось дополнительными вычетами в счет выданных при эвакуации пособий. Долги за людьми росли из месяца в месяц. В начале 1944 г. взыскание этой задолженности на предприятиях Наркомата авиационной промышленности было прекращено по распоряжению наркома[119].

На повышение заработной платы тружеников тыла оказывала влияние система материальных поощрений, в первую очередь ее премиальные механизмы[120]. В сумме заработка рабочих доля премий выросла с 4,5% в 1940 г. до 8% в 1944 г., у ИТР соответственно — с 11 до 28%[121]. Круг рабочих, получающих дополнительное вознаграждение, расширялся с каждым годом.

Для поощрения самоотверженного труда железнодорожников были установлены ежемесячные премии за выполнение правительственных планов перевозок. С 1 октября 1942 г. вводилось новое «Положение о премировании рабочих и инженерно-технических работников за экономное расходование топлива и теплоэнергии».

На строительстве за сокращение установленных сроков ввода в эксплуатацию новых и восстанавливаемых объектов была установлена выплата премий в размере до 50% заработка. Для инженерно-технических работников за окончание в срок и досрочное завершение строительных работ было ведено дополнительное премирование в размере от полумесячного до полуторамесячного оклада[122].

Кроме вознаграждения на основании утвержденных правительством и наркоматами премиальных систем существовало также индивидуальное и коллективное премирование отличившихся в социалистическом соревновании и победителей во Всесоюзном социалистическом соревновании. Следует указать, что множественность премиальных систем порой вносила путаницу в производственный процесс.

В связи с падением покупательной способности рубля в военное время материальное поощрение работников осуществлялось и в натуральной форме. Например, в системе Наркомата черной металлургии СССР для этой цели ежемесячно выделялось 30 тыс. продуктовых пайков, 1 тыс. пар обуви, 500 шерстяных костюмов и прочее. При крайнем дефиците промышленных изделий получение костюма, ткани на платье или обуви было радостным событием в семье.

В тяжелые дни войны в бюджете семей интеллигенции основная доля также приходилась на зарплату. Средний оклад научных сотрудников возрос с 621 рубля в 1942 г. до 755 рублей в 1943 г. Дополнительная оплата устанавливалась докторам и кандидатам наук[123]. Ставки учителям, преподавателям педагогических училищ с 1 августа 1943 г. были повышены более чем на 50%, библиотекарям — в 2–3 раза. Ставки заработной платы учителей школ с особым режимом исчислялись на 25% выше установленных для массовых школ, где они составляли в среднем 550 рублей в месяц[124]. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1974 от 13 декабря 1942 г. «О повышении заработной платы медицинским работникам», зарплата в среднем возрастала на 71%.

Однако в центральные комитеты профсоюзов продолжали поступать жалобы от учителей и врачей в связи с несвоевременной выплатой денег. Так, в июле 1944 г. в Татарской АССР задолженность составляла 8,6 млн, в Удмуртской АССР — 3,8 млн рублей[125]. Для обеспечения своевременной выплаты жалованья учителям сельских школ и медицинскому персоналу в местных бюджетах стали создаваться специальные бюджетные резервы на эти цели.

Уровень реальной оплаты труда обеспечивался также выплатами из общественных фондов потребления (на просвещение, здравоохранение и некоторые другие нужды), стабильными и низкими пайковыми ценами на продовольственные и промышленные товары, низким тарифом за коммунальные и транспортные услуги. Однако продукции по этим розничным низким ценам не хватало. Почти вся зарплата городских жителей уходила на покупку продуктов на колхозном рынке, где цены выросли многократно.

Непрямые (косвенные) компенсации за труд возвращались работникам в виде социальных фондов и выплат, в том числе по социальному страхованию: пособия по временной

нетрудоспособности, оплата отпусков по беременности и родам, лечение, отдых, обслуживание детей и другие льготы.

Доходная часть бюджета государственного социального страхования сократилась в первые два года войны. В дальнейшем в связи с развитием военной экономики и возрастанием фондов заработной платы наблюдался приток средств. И доходная часть бюджета в 1945 г. составила 9,5 млрд против 8,6 млрд рублей в 1940 г.[126] Возросли и денежные суммы на социальные проблемы.

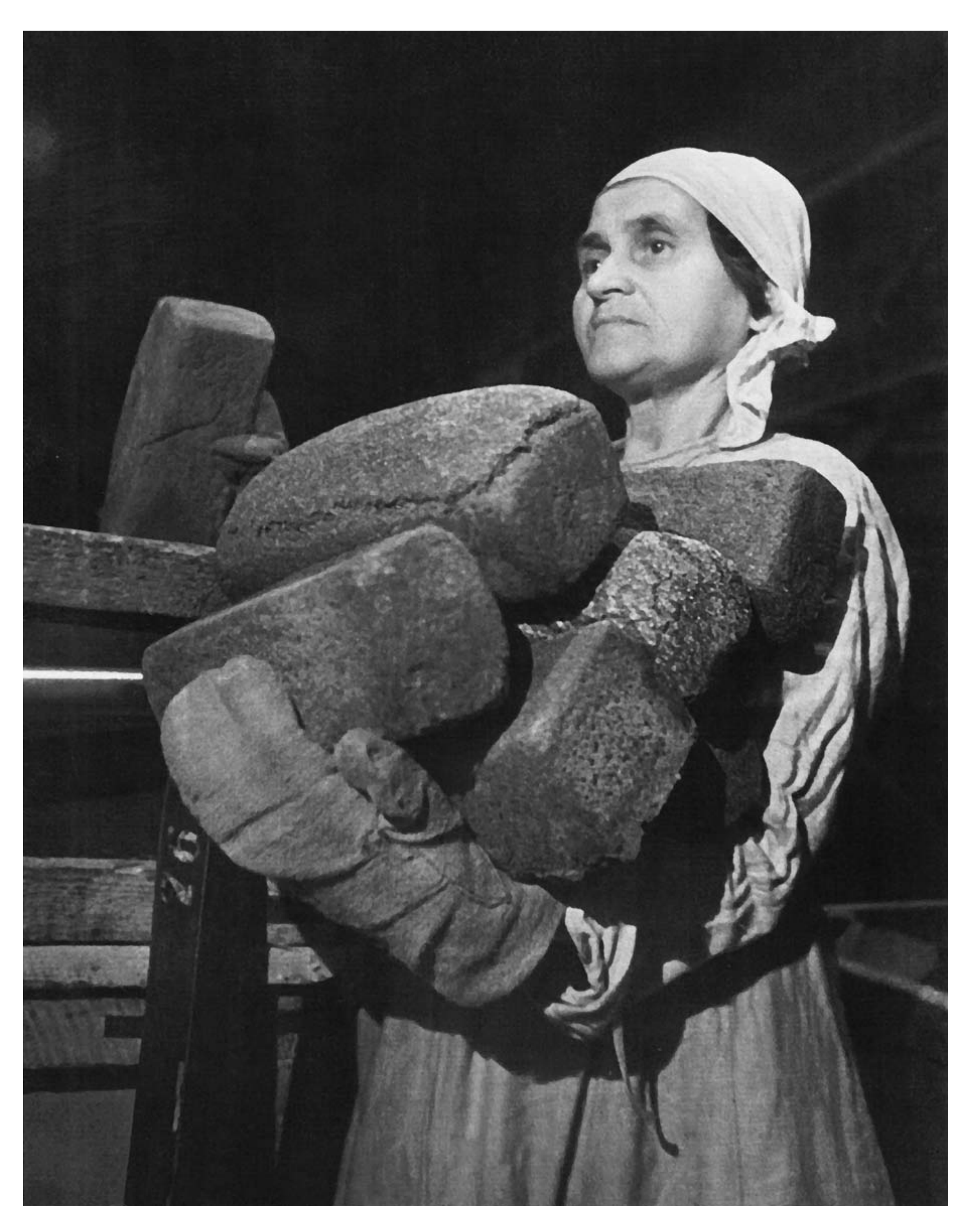
Несмотря на рост номинальной зарплаты, ее реальное содержание неумолимо падало и составило в 1945 г. 40% от уровня 1940 г. Государство параллельно с повышением заработной платы увеличивало налоги и другие отчисления с населения. Это тяжело сказывалось на бюджете горожан. Финансовые органы проводили в жизнь жесткую конфискационную политику, целью которой являлось привлечение имевшихся в стране средств в сферу военного производства, на финансирование общегосударственных мероприятий. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. был введен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан, а с 1 января 1942 г. — военный налог. К его уплате привлекались все граждане, достигшие 18 лет. Освобождались от уплаты налога военнослужащие и члены их семей, получавшие пособие от государства, а также мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше и пенсионеры.

10 апреля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О местных налогах и сборах», повышавший их ставки[127]. Большинство поступлений налогов и сборов приходилось на военный налог. Удельный вес налогов и сборов с граждан в объеме доходов бюджета СССР 1943 г. возрос по сравнению с довоенным временем в 3 раза. А на Урале, например, где сосредоточился значительный контингент высокооплачиваемой рабочей силы, объем налоговых поступлений от населения в 1944 г. возрос в 3,7 раза. Если учесть еще различные обязательные безвозвратные денежные изъятия и взлет рыночных цен, то получится, что в уральском регионе жалованье рабочих к концу войны не увеличилось, а, наоборот, сократилось почти на 60%[128].

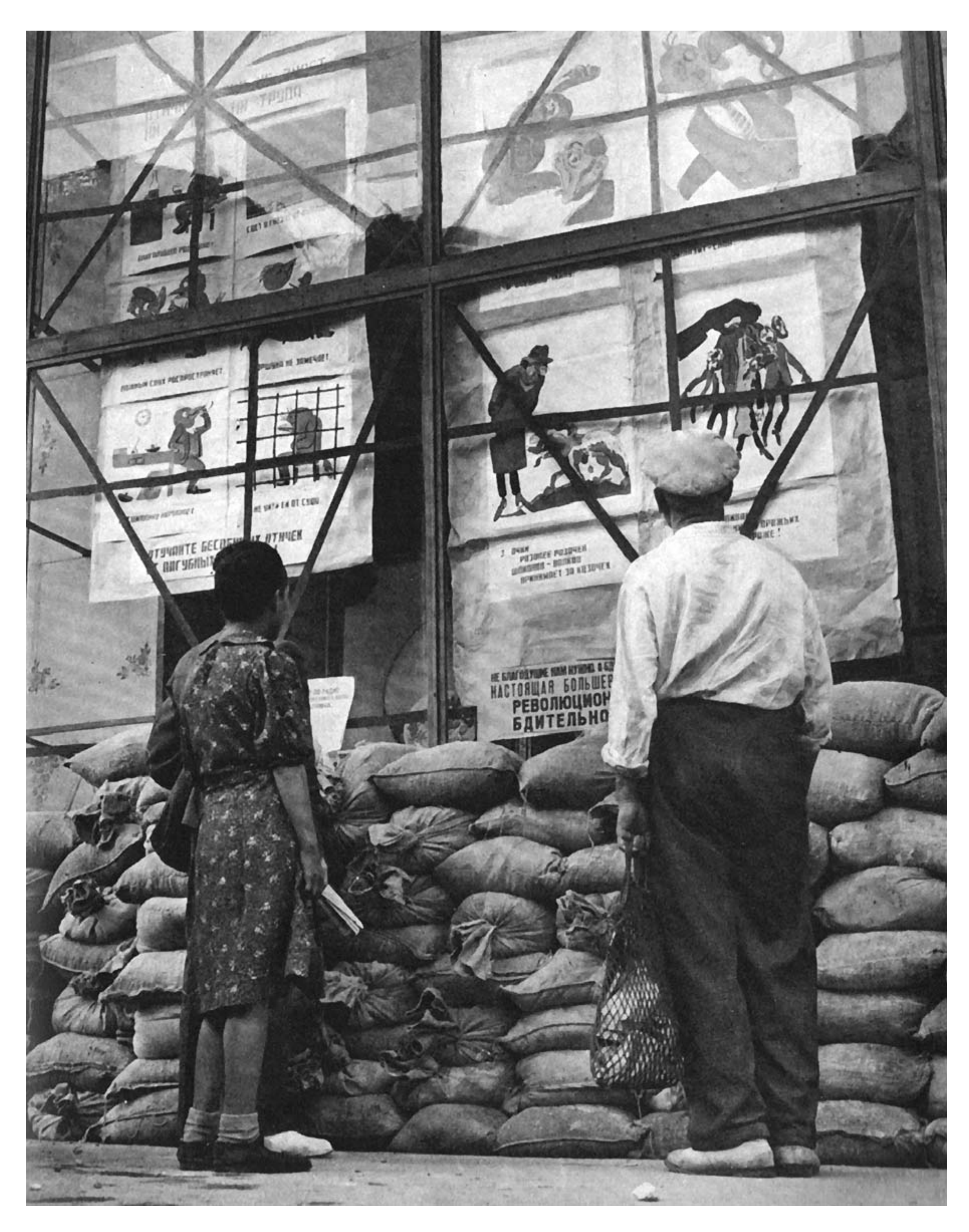
Денежная компенсация за неиспользованные отпуска рабочих и служащих, перечисленная в специальные вклады Сбербанка СССР, составила 1,1 млрд рублей[129]. Основная часть вкладов городского населения в сберегательных кассах также находилась в государственном обороте. Были установлены ограничения при выдаче вкладов. Так, с 23 июня 1941 г. выдача наличных ограничивалась суммой в 200 рублей ежемесячно. Льготные выплаты до 1000 рублей устанавливались для творческой интеллигенции. Блокировка не распространялась на вклады, внесенные во время войны. В январе 1944 г. эти ограничения были отменены. Если на 1 января 1942 г. в сберкассах хранилось 4,96 млрд рублей, то на 1 мая 1945 г. — 5,89 млрд рублей[130].

Рост ассигнований на оборону, а также необходимость кредитования восстановительных работ в освобожденных районах привели к сильному увеличению выпуска денежных знаков. За период войны денежная масса в СССР выросла в 4 раза, тогда как объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли сократился на две трети. Значительная часть денег оседала у населения. Излишек денег в обращении создавал повышенный спрос на товары и облегчал для отдельных лиц возможность спекуляции. Эмиссия — универсальный финансовый метод военного времени, и в СССР она оказалась меньшей, чем в других воюющих государствах. Прекращение в 1944 г. эмиссии для покрытия бюджетного дефицита в Советском Союзе укрепило денежное обращение.

Изменились структура и размеры денежного обращения в период войны. С 1942 г. значительное количество денег стало оседать в каналах обращения, а из города текущие денежные доходы населения через колхозный рынок частично переходили в деревню. В 1942 г. денежные расходы городских жителей превышали доходы на 2,2 млрд рублей, что означало сокращение денежной наличности у горожан. В то время как доходы сельского населения в 1942 г. значительно выросли по сравнению с 1940 г. за счет увеличения цен на колхозных базарах, где крестьяне продавали излишки продуктов. Денежные расходы сельского насе-

Драгоценная продукция ленинградского хлебозавода

У плакатов в витрине магазина

ления также выросли в 1942 г., но в меньшей степени, чем доходы. В деревне этот процесс имел место и в 1943 г. В городе в 1943 г. количество денег в обращении также возросло в связи с быстрым ростом фондов заработной платы. Денежные доходы горожан в 1943 г. росли быстрее, чем увеличение городского товарооборота по причине дефицита продовольствия и промышленных изделий[131].

В общем денежном обороте страны в военное время удельный вес денежной массы, обслуживающей платежный оборот между населением, государственными и кооперативными организациями снизился с 29 до 12%. Отметим также и региональный аспект: приток денег в восточные районы с оккупированных и прифронтовых территорий в связи эвакуацией предприятий и населения. Этот денежный поток, хлынувший на восток страны, составлял, по некоторым расчетам, около одной трети всей денежной массы, обращавшейся в Советском Союзе накануне войны[132].

Рассмотрев формы оплаты труда рабочих и служащих в 1941–1945 гг., следует подчеркнуть, что они не изменились в своих принципиальных основах по сравнению с довоенным периодом. Заработная плата являлась главной частью семейного бюджета горожан. На доходах городских жителей сказались отвлечение денежных средств на возросшие налоги и дополнительные сборы, жесткая экономия финансов в тылу. Несмотря на увеличение заработной платы персонала предприятий и учреждений, ее реальное содержание понизилось. Довоенный уровень реальной заработной платы был достигнут в четвертой пятилетке.

Недостаточность материального вознаграждения во многом компенсировалась моральным поощрением. Действовали идеологические и социально-психологические факторы трудовой активности масс. В чрезвычайно сложное военное время народ сражался и работал во имя одной цели — Победы.

В годы войны существовали три основные группы мотивирующих факторов труда на предприятиях: вознаграждение, побуждение к труду и принуждение[133]. В чрезвычайных военных условиях 1941–1945 гг. на первый план выходил фактор морально-нравственного побуждения к труду, находя выражение в разных формах.

Война наложила отпечаток на все стороны жизни городского населения. Ухудшение материального благосостояния людей сказалось прежде всего на народном потреблении. Хлеб и большинство товаров каждодневного спроса выдавались по карточкам. Удовлетворение минимальных потребностей людей в питании, одежде было сопряжено с огромными трудностями, вызванными потерей основных сельскохозяйственных районов страны, большого числа предприятий легкой и пищевой индустрии. На территории СССР, оккупированной к ноябрю 1941 г., производилось 38% всей довоенной валовой продукции зерна, 84% производства сахара, находилось 38% всей численности крупного рогатого скота. Продукция всех предприятий пищевой промышленности уменьшилась в 1942 г. по сравнению с 1940 г. на 58%, легкой — на 52%[134].

Сложность заключалась не только в сокращении производства потребительских товаров, но и в том, что значительная их часть направлялась на снабжение действующей армии. В СССР удельный вес выпуска продукции для фронта по легкой промышленности во второй половине 1941 г. возрос до 75–80%, а по ряду отраслей достиг 100% (выпуск шинелей, шинельного сукна, брезента, армейской обуви).

Трудности в снабжении армии и городских жителей были вызваны и серьезными просчетами высшего руководства страны в размещении мобилизационных запасов вблизи западных границ страны. Быстрое продвижение противника в глубину территории СССР в начале войны привело к тому, что значительное количество материальных ценностей пришлось уничтожить. Из приграничных областей не удалось вывезти 70% мобилизационных запасов продовольствия, фуража и много других материальных средств[135].

С началом войны города испытывали острый продовольственный кризис в связи с ажиотажным спросом на продовольствие и промышленные товары. Местные власти почти повсеместно предлагали бороться с кризисом путем введения закрытой формы торговли. Так, на пятый день войны в информации секретаря Кировского обкома партии В. В. Лукья-

нова и председателя облисполкома И. Л. Иволгина в ЦК ВКП(б) и СНК СССР указывалось на наличие больших очередей в магазинах, в особенности за хлебом. Далее руководители области констатировали: «В качестве практического мероприятия по ликвидации очередей за хлебом обком и облисполком считают необходимым и просят ЦК ВКП(б) и СНК СССР ввести закрытую форму торговли хлебом, что, во-первых, сократит расход хлеба в городах и гарантирует снабжение им каждой семьи и сократит рабочим и служащим большое количество времени, бесполезно растрачиваемого сейчас ими на пребывание в очередях».

В свою очередь, в информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) от 28 июня 1941 г. подчеркивалось, что, по сообщениям обкомов, «в первые дни после начала военных действий в торговой сети усилился спрос на продукты питания и промтовары, в связи с чем в магазинах образовались очереди. Наибольший спрос наблюдался на сахар, соль, спички, мыло, муку, крупы». Секретарь Марийского обкома ВКП(б) В. М. Кушнарев сообщал, что обком партии решил сократить норму выдачи продовольственных товаров населению[136]. Подобная информация поступала и из других регионов. Решающую роль в снабжении горожан играли государственные рыночные фонды товаров (таблица 8).

Таблица 8

Рыночные фонды основных товаров (1940–1945 гг.)[137]

Основные товары	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1945 г. в % к	
						1940 г.	1942 г.
Мясные продукты, тыс. тонн	689	246	344	510	670	97,2	272,3
Яйца, тыс. ящиков	992	291	239	358	506	51,0	179,3
Рыбопродукты, тыс. тонн	562	183	229	308	290	51,6	158,5
Сахар, тыс. тонн	971	148	77	110	243	25,3	164,2
Чай, тыс. тонн	17,5	7,6	10,3	12,5	12,5	71,4	164,5
Хлопчатобумажные ткани, млн руб.	781	65	55	60	157	20,1	241,5
Льняные ткани, млн руб.	64	5,5	6	6	9	14,1	163,6
Нитки, млн руб.	35	6	6	8	14	40,0	233,3
Швейные товары, млн руб.	796	94	70	65	116	14,6	123,4
Трикотаж, млн руб.	161	38	30	41	45	28,0	118,4
Чулки, носки, млн руб.	139	23	22	24	24	17,3	104,3
Кожаная обувь, млн руб.	512	46	38	47	65	12,6	141,3

Наиболее тяжелым для городского населения оказался первый период войны. По данным ЦСУ СССР и Наркомата торговли СССР, возглавляемого А. В. Любимовым, в 1942 г. по сравнению с 1940 г. для личного потребления граждан государственные фонды сократились по мясным продуктам в 2,8 раза, по рыбопродуктам — в 3,1 раза, по сахару — 6,6 раза, по кожаной обуви — в 11,1 раза, по трикотажу — в 4,1 раза. В 1943 г. по ряду важнейших видов товаров (мука, крупа, масло животное, сахар, обувь) снижение фондов еще продолжалось, по некоторым же положение оставалось на уровне 1942 г., и началось повышение по мясу, мясным консервам, рыбе, маслу растительному. В 1944 г. снижение фондов наблюдалось лишь по таким продуктам, как мука и сельдь, а по остальным продолжалось увеличение.

В экстремальной ситуации государство ввело централизованное нормированное распределение продовольствия и промышленных изделий по карточкам. Основными нормируемыми продуктами были хлеб, сахар, мясо и мясопродукты, рыба и рыбопродукты, растительные и животные жиры, крупа и макаронные изделия. Кроме того, обеспечение горожан в регионах такими необходимыми продуктами, как картофель, овощи, соль и чай, возлагалось на исполкомы местных советов. Они устанавливали нормы на эти товары. Областные, городские

и районные советы создали в своей структуре новые отделы (бюро по выдаче продовольственных и промышленных карточек, отделы торговли, общественного питания, транспорта и другие). В целях ликвидации очередей все население было прикреплено к определенным магазинам, сеть которых заметно расширилась.

В Москве, Ленинграде, их пригородах и отдельных городах Московской и Ленинградской областей карточки на некоторые виды продовольствия и на предметы первой необходимости были введены постановлением Совнаркома СССР от 18 июля 1941 г., а к 10 ноября карточная система была организована практически во всех городских поселениях страны.

Нормы дифференцировались по четырем потребительским группам населения: рабочие и инженерно-технические работники, служащие, иждивенцы, дети до 12 лет. Для рабочих и служащих карточная норма хлеба имела две категории. По первой категории снабжались рабочие, инженерно-технические работники оборонной, угольной промышленности, рудников, занятые на подземных работах, трубопрокатных заводов черной металлургии, вредных цехов химической промышленности и тому подобные. По второй категории хлеб получали работники других отраслей индустрии и остальное городское население.

В октябре 1941 г. нормы по первой категории колебались от 800 граммов до 1–1,2 кг в сутки, по второй категории рабочие и инженерно-технические работники получали по 500 граммов, иждивенцы и дети старше 12 лет — по 300–400 граммов. По рабочей карточке обычная месячная норма снабжения другими продуктами питания выглядела следующим образом: мясо, рыба — 1,8 кг, жиры — 0,4 кг, крупа и макаронные изделия — 1,2 кг[138]. Удельный вес рабочих, снабжаемых по карточкам первой категории, был наиболее высок в городах таких индустриальных центров, как Урал и Поволжье (Куйбышевская, Саратовская области, Татарская АССР).

Помимо норм централизованного снабжения (таблица 9) для 18 основных наркоматов были установлены дополнительные нормы довольствия с выдачей горячего питания, обедов руководящим работникам через спецстоловые и спецбуфеты, сухих пайков, усиленного диетического питания и холодных завтраков. Продукты питания (продовольственный стимул) занимали особое место в поощрительной политике власти. Само поощрение питанием устанавливалось как кратковременное, долгосрочное или постоянное.

Таблица 9

Установленные в 1941 г. нормы снабжения населения СССР[139]

Категории населения	Хлеб, граммов на 1 человека в день		Сахар, кондитерские изделия, граммов на 1 человека в месяц	
	1-я категория	2-я категория	1-я категория	2-я категория
Рабочие	800	600	800	600
Служащие	500	400	600	600
Иждивенцы	400	400	400	400
Дети до 12 лет	400	400	600	400

К концу войны численность гражданского населения, находившегося на государственном снабжении хлебом и другими продуктами, составила, по разным данным, от 76,8 до 80,6 млн человек, из них 10,3 млн детей. Дети войны — это особая проблема. Они страдали больше взрослых, и в целом снабжению детей в военную пору уделялось приоритетное внимание. Несмотря на ограниченность ресурсов, изыскивались возможности для первоочередного снабжения детских учреждений, школ, больниц. В городах и рабочих поселках дети обеспечивались хлебом по норме 400 граммов в день (с ноября 1943 г. — 300 граммов). Кроме того, школьники получали ежедневно по 50 граммов хлеба к завтраку, по 10 граммов сахара в день. Дети до 12-летнего возраста в городах в месяц на одного ребенка получали по карточкам: мясо

КАРТОЧКА

на сахар и кондитерские изделия

на МАЙ 1942 года

Иждивенцы

Фамилия

Имя

Отчество

При утере карточка не возобновляется

Сахар кондит. изд. И Май № 9

Сахар кондит. изд. И Май № 10

Сахар кондит. изд. И Май № 11

Сахар кондит. изд. И Май № 12

Карточка на сахар и кондитерские изделия

и рыбу — 400 граммов, жиры — 300 граммов, крупу и макаронные изделия — 800 граммов, сахар и кондитерские изделия — 300 граммов. Детские карточки отоваривались в расширенном ассортименте: манной крупой, сливочным маслом и прочим. При этом существовали региональные расхождения в нормах для детей, например, для Москвы и Крайнего Севера они были выше. В Москве детям в возрасте до одного года и детским учреждениям отпускалось по девять литров молока в месяц на одного ребенка.

Значительное развитие получило детское общественное питание в широкой сети школьных столовых, детских столовых на предприятиях и в учреждениях. Дополнительные фонды продовольствия выделялись в период летних оздоровительных кампаний (лагеря, площадки). Отдельно регулировались нормы выдачи в детдомах, детсадах круглосуточного пребывания[140].

Необходимо указать и недостатки в организации детского снабжения. Не редкостью было, когда руководящие работники областного, районного звена обеспечивали свое материальное благополучие и за счет детских учреждений и школ, имело место бездушное отношение к детям со стороны руководства отдельных наркоматов и ведомств.

Отметим, что продовольствие нормировалось по карточкам в период Второй мировой войны в 40 странах. Пайки были низкими. Так, в Бельгии и Голландии они составляли четвертую часть довоенного среднедушевого потребления, в Польше по ряду продуктов — меньше одной двадцатой. Во Франции с апреля 1941 г. было введено нормирование конины. Голодало население Греции, Югославии. В Греции в первый год фашистской оккупации, с апреля 1941 по апрель 1942 г., погибли от голода 40 тыс. человек[141].

В США и Великобритании, имевших возможность беспрепятственного снабжения продовольствием, такие продукты, как хлеб и крупа, составлявшие основу питания военного времени, не нормировались. Выдавались по нормам те продукты (яйца, молоко, сыр, жиры, сухие фрукты), которые в СССР нельзя или трудно было получить по карточкам обычным гражданам.

Хлебный паек изменялся и в Германии. На одного человека в день приходилось: с 25 сентября 1939 г. — 343 грамма, с 29 июля 1940 г. — 321 грамм, с 6 июня 1942 г. — 285 граммов. В апреле 1942 г. в Германии были введены карточки на картофель[142]. В своей записке И. В. Сталину А. И. Микоян привел нормы хлеба в странах оси, в том числе и в нацистской Германии (таблица 10).

Таблица 10

Хлебные пайки для разных категорий потребителей в Германии (граммов в день)

	Норма до 6.04.1942	Норма после 6.04.1942
Дети до 3 лет	143	128
Дети от 3 до 6 лет	157	171
Дети от 6 до 10 лет	243	243
Лица от 10 до 20 лет	371	371
Потребители старше 20 лет	321	285
Рабочие с длинным рабочим днем	407	371
Рабочие на тяжелых работах	521	486

В Советском Союзе в военное лихолетье особенно тяжелое положение создавалось в прифронтовой полосе и в районах, подвергшихся оккупации вермахтом. В блокадном Ленинграде в сентябре — ноябре 1941 г. пять раз снижалась норма хлебного пайка, с 20 ноября составив 125 граммов в день. Население голодало. В Москве серьезные продовольственные затруднения возникли осенью 1941 г. и зимой 1941—1942 гг. из-за недостатка транспортных средств. В период подготовки к Московской битве и решающих сражений на полях Подмосковья железнодорожные станции были забиты воинскими эшелонами.

О тяжелом продовольственном положении жителей столицы и Московской области в письме И. В. Сталину сообщал секретарь МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков 27 октября 1941 г. Но и спустя несколько месяцев положение не изменилось. В марте 1942 г. для Москвы требовалось отгрузить 4469 вагонов зерна, а на 18 марта было отгружено лишь 329 вагонов[143]. В марте по карточкам текущего месяца продукты совсем не выдавались, за исключением сельди по 200 граммов всем группам населения. Несмотря на материально-бытовые тяготы и близость фронта, москвичи самоотверженно трудились на фабриках и заводах.

Городское население многих тыловых регионов страны продуктами и предметами каждодневного спроса обеспечивалось не регулярно (Астраханская, Саратовская, Иркутская области, Башкирская АССР, Хабаровский край, Узбекская ССР). Были перебои с хлебом, солью, наблюдались длинные очереди в столовых[144]. Сложности возникали с транспортом, тарой для перевозки крайне дефицитных товаров (соль, растительное масло, зерно). Они скапливались на местах. Большая порча продовольствия и убытки были связаны с дальними автомобильными перевозками ввиду разрушения железнодорожных линий[145]. Все это дезорганизовывало повседневную и производственную жизнь. Подвоз соли из Астрахани прекратился, когда летом 1942 г. немецкие войска вышли к Волге в районе Сталинграда. Ситуация стала меняться лишь после победы Красной армии под Сталинградом и с началом судоходства по Волге весной 1943 г.

Трудности с продовольствием испытывали и работники оборонных предприятий, хотя формально они должны были снабжаться как рабочие и ИТР первой категории. Однако на практике этот порядок соблюдался далеко не всегда. Например, в Куйбышеве на авиазаводе № 1 имени Сталина персоналу было недодано по карточкам в январе 1942 г. 50,4% хлебобулочных изделий, 16% мяса и рыбы, 6,2% жиров, 3,2% сахара. А на авиазаводе № 24 в Куйбышеве в январе — феврале 1942 г. карточки вообще не отоваривались.

Осенью 1942 г. в Иркутске в рабочих столовых на заводе № 39 НКАП ощущался недостаток мяса, рыбы и жиров[146]. Вот свидетельство рабочего Иркутского завода № 39: «Очень тяжело приходится в отношении питания. В столовой один раз в день дадут суп. Мы его называем «ангарская вода», так как Ангара-река близко, наберут воды, вскипятят, траву набросают — вот и суп. А на второе — вермишель из темно-темной муки, а жиров нет никаких»[147].

Некоторое улучшение в снабжение и питание персонала авиационных заводов внесло создание Спецторга НКАП. Но положение оставалось напряженным. Среди причин: недостаток централизованных и местных ресурсов, медленное строительство помещений под столовые и магазины, нехватка кухонного оборудования и инвентаря. В докладной записке от 22 января 1942 г. Секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову «О состоянии торговли и общественного питания по обслуживанию рабочих заводов НКАП в г. Куйбышеве» секретарь Куйбышевского обкома партии В. Д. Никитин просил «воздействовать на Наркомторг о выделении дополнительных фондов Спецторгу НКАП на первый квартал 1942 г. для полного отоваривания продуктовых карточек: 1) мясо-колбасных изделий 300 т; 2) жиров 100 т; 3) круп и макарон — 1100 т; 4) сахара 100 т». На документе стоит резолюция Г. М. Маленкова: «Т. Любимову, т. Шахурину. Прошу ознакомиться. О принятых вами мерах доложить»[148]. Как следует из дальнейшей переписки указанных лиц, меры принимались: в Куйбышев, Казань, Иркутск были направлены бригады сотрудников Наркомторга для проведения мероприятий по улучшению снабжения персонала НКАП, работы столовых и прочего[149].

Для более эффективного снабжения потребительскими товарами тружеников оборонной и других ведущих отраслей индустрии с марта 1942 г. стали создаваться отделы рабочего снабжения (орсы) при заводоуправлениях. В их ведение из системы Наркомторга, Наркомзема и других ведомств стали передаваться совхозы, магазины, столовые, бытовые предприятия. В 1942 г. на предприятиях СССР было организовано около 2 тыс. орсов, а к 1 июня 1945 г. их стало свыше 7700[150].

Функции орсов заключались в торговом, бытовом обслуживании и питании работников и членов их семей. Орсы представляли собой как бы передний край торговли. В конце войны 48% всего населения СССР, находившегося на нормированном снабжении, обслуживалось через орсы. Их доля в городских рыночных фондах важнейших продовольственных и промышленных товаров равнялась 50–56%[151]. Активное участие в налаживании деятельности отделов рабочего снабжения, контроле приняли профсоюзы. Они играли важную роль в практическом осуществлении системы нормированного снабжения, обеспечении ее правильного функционирования. В основу распределения продовольствия был положен принцип обеспечения повышенного потребления за ударный труд. Кадровые рабочие получали полновесные пайки. Одновременно с осени 1942 г. в целях ликвидации уравниловки и укрепления трудовой дисциплины администрация предприятий получила право снижать нормы выдачи хлеба прогульщикам. Но этой возможностью пользовались далеко не все директора заводов, считая, что в условиях нехватки рабочей силы подобная мера контрпродуктивна.

Ценное значение для тружеников тыла имело установление дополнительных видов питания, которое предоставлялось сверх карточек тем, кто выполнял и перевыполнял нормы выработки в важнейших отраслях индустрии, строительства и транспорта. Оно начало применяться с весны 1942 г. и было различным в зависимости от характера производства (вторые горячие обеды, сухие пайки, усиленное диетическое питание и прочее). Так, на железнодорожном транспорте членам выездных бригад выдавались хлеб, колбаса, сахар. В 1941–1945 гг. дополнительным питанием в отраслях тяжелой и оборонной промышленности пользовались до 60% всех рабочих[152].

Многих выручала система общественного питания. Контингент лиц, пользовавшихся столовыми, буфетами, фабриками-кухнями, возрос с 10–11 млн в 1940 г. до 25 млн человек в 1944 г., что объяснялось вовлечением домохозяек в производство, удлинением рабочего дня, трудностями быта. Правда, здесь преобладали блюда из овощей, мучные изделия, по

возможности использовались грибы, водоплавающая дичь, дикорастущие травы, к сбору которых широко привлекались школьники и учителя. На предприятиях пищевой промышленности разрешалось использовать заменители. Например, с 11 июля 1941 г. разрешалось вырабатывать отдельную колбасу с добавлением соевой дезодорированной массы.

На одном из совещаний нарком торговли СССР А. В. Любимов заметил: «Если раньше обсуждались виды продукции, наименование товаров, сортность, то сейчас речь идет только о тоннах и вагонах»[153]. В суровую военную пору дешевая пища столовых спасла сотни тысяч людей от голодной смерти. В расчете на взрослого человека в сутки в 1942 г. калорийность питания городского населения СССР составляла 2555 калорий, в 1944 г. — 2810 калорий, тогда как до войны научно обоснованная суточная норма потребления составляла для мужчин 3500 калорий[154].

Столовые, кафе, буфеты стали составной частью жизни и быта советских людей. Особое развитие службы питания наблюдалось прежде всего в тыловых районах, особенно в Среднем Поволжье и на Урале, в Сибири, где резко возросло количество населения и заводских коллективов. Но она еще была недостаточной в таких индустриальных городах, как Куйбышев, Казань, Новосибирск, и других. Сфера обслуживания оставалась одной из сложных проблем повседневной жизни. На 1 января 1945 г. в районах, не подвергшихся оккупации, имелось 64,8 тыс. предприятий общепита против 54 тыс. на начало января 1941 г.[155]

В заводских столовых приходилось питаться многим молодым рабочим, проживающим в общежитиях. Они часто получали горячую пищу только один раз в сутки вместо трех. Поскольку в общежитиях было холодно и неуютно, подростки часто ночевали в цехах. В августе — сентябре 1942 г. бригады ЦК ВЛКСМ обследовали бытовые условия новых кадров на крупных предприятиях наркоматов танковой, авиационной промышленности, тяжелого машиностроения. Были выявлены плохое питание, низкие заработки, недостаток одежды и обуви. Неустроенность быта, тяжелые условия труда приводили к нарушению трудовой дисциплины, росту числа прогулов.

К 1944 г. почти повсеместно было введено трехразовое питание нового поколения рабочих, налажено их снабжение промышленными изделиями. Также улучшилась организация питания учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ, для которых было предусмотрено трехразовое рационное питание. Воспитанникам системы трудовых резервов с октября 1943 г. стали выдавать продовольственные товары на месяц. Нормы их были следующими: мясо и рыба — 2300 граммов, крупа и макароны — 1400 граммов, жиры — 750 граммов, сахар и кондитерские изделия — 600 граммов. Хлеб распределялся по нормам для рабочих соответствующих предприятий[156]. Государство, приняв на себя содержание рабочей смены, оказывало тем самым помощь тысячам семей фронтовиков, а также тружеников тыла.

Сложности особого рода возникали перед администрациями предприятий и строек при привлечении рабочей силы из Казахстана и Средней Азии. Люди ограниченно или совсем не владели славянскими языками, привыкли жить в иных климатических зонах, по сложившимся традициям и питаться по своим национальным обычаям. Местные советские, партийные органы областей Урала, Западной Сибири неоднократно рассматривали вопросы снабжения узбеков, таджиков, туркмен, киргизов продовольствием. Когда своими силами на местах не справлялись, то обращались в высшие эшелоны власти. Так, в мае 1943 г. Челябинский обком обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой помочь в получении ежемесячных дополнительных фондов сахара, зеленого чая, сухофруктов, риса для организации питания выходцев из других республик. Летом 1943 г. началось регулярное курсирование специального поезда-«вертушки» между Челябинском и Ташкентом. Торгующими и заготовительными организациями была налажена закупка продуктов в Средней Азии.

Принятые меры позволили несколько улучшить питание на предприятиях и стройках Урала, куда по трудовой мобилизации прибыли десятки тысяч людей из Средней Азии и Казахстана. Все они, как правило, были среднего и пожилого возраста, трудно адаптировались. Уральцы оказывали товарищескую поддержку и помощь новым рабочим — казахам, киргизам, узбекам, туркменам. Обучали их русскому языку, создавали для них общежития,

столовые, чайханы, красные уголки, выпускали газеты. Это было не только средством поддержания жизнедеятельности людей, непривычных к другому климату и необычной пище, но и проявлением уважения к национальным обычаям. Чайханы, красные уголки становились и центрами культурно-массовой работы среди нового пополнения рабочих. Здесь представители союзных республик отдыхали, проводили собрания, слушали лекции. Помощь гражданам, работавшим за пределами своей республики, оказывали родственники, земляки, высылая посылки и подарки[157].

Вот, например, каково было материально-бытовое положение рабочих из Средней Азии, прибывших в Горьковскую область на работу в ОСМЧ Стройгаза № 2 летом 1943 г. Для них организовали специальный городок из 23 палаток и двух бараков. Всех обеспечили матрасами и обувью для работы; открыли хлебный и продуктовый ларьки, чайхану, медпункт, парикмахерскую. Им организовали двухразовое питание: в частности, ужин состоял из 100 граммов мяса, 150 граммов крупы, 200 граммов хлеба. Проблемы были с кипяченой водой и постельным бельем[158]. Стремление быть полезными стране в годину суровых испытаний, настойчивость при овладении профессией быстро сказались — большинство прибывших рабочих выполняли норму.

Если же отвлечься от материально-бытового положения национальных групп рабочих, то в целом повседневная жизнь городского населения была тяжелой. Изменения уклада жизни, снабжения товарами повседневного спроса коснулись всех групп городских жителей. Интеллигенция в письмах в органы власти жаловалась на недостаточно организованное продовольственное обеспечение и бытовое обслуживание.

Порядок снабжения работников науки, искусства и литературы был первоначально установлен приказом Наркомторга СССР № 37 от 9 марта 1942 г. Повсеместно на гарантированные нормы были приняты:

а) академики и члены-корреспонденты АН, лауреаты Сталинской премии, заслуженные деятели науки, техники и искусства, народные артисты СССР и союзных республик. Им выдавались продовольственные карточки по норме рабочих особого списка и обеды из набора продуктов, равного набору продовольственной карточки, а также 300 граммов шоколада и 500 граммов какао или кофе в месяц;

б) профессора, доктора наук, доценты, директора вузов и научно-исследовательских институтов, старшие научные сотрудники НИИ и вузов, научные сотрудники АН союзных республик, Академии сельскохозяйственных наук, Академии архитектуры СССР, докторанты — сталинские стипендиаты, заслуженные артисты, артисты цирка и балета, члены союзов советских писателей, советских художников, советских архитекторов и советских композиторов, которым выдавались продовольственные карточки по группе рабочих промышленности, транспорта и связи и обеды из набора продуктов, равного набору продовольственной карточки.

Приказом Наркомторга СССР № 170 от 2 июля 1942 г. контингент работников науки, литературы и искусства был уточнен и существенно расширен. Для указанной категории лиц были организованы во всех крупных городах специальные магазины и столовые закрытого типа. 30 июня 1943 г. распоряжением Совнаркома СССР № 1263р улучшалось снабжение продовольственными товарами деятелей науки, литературы и искусства РСФСР (повысились карточные нормы). В начале 1944 г. Президиум Верховного совета Татарской АССР возбудил ходатайство об установлении для заслуженных деятелей науки, техники, искусства Татарстана тех же норм снабжения, что и для заслуженных деятелей РСФСР. Вопрос рассматривался в Наркомторге СССР, в ЦК ВКП(б), но не был решен положительно[159].

Местные органы власти оказывали помощь ученым, прибывшим в Казахскую, Узбекскую, Туркменскую ССР, Башкирскую АССР. Эвакуированные научные сотрудники АН СССР, АН УССР, Московского и Ленинградского университетов получали продовольствие из фондов, выделяемых этим республикам[160]. Однако дефицит продуктов питания резко ограничивал возможности удовлетворения потребностей людей. Студенты вузов по нормам продовольственных товаров были приравнены к рабочим с февраля 1943 г.

Часть продовольствия — 4,9 млн тонн (зерно, тушенка, масло, сахар, спирт, сыр, фрукты, витамины и прочее) СССР получил по ленд-лизу из США, Великобритании и Канады с 22 июня 1941 по 20 сентября 1945 г.[161] Россияне помнят и ценят помощь, оказанную боевыми союзниками.

Война сказалась не только на снабжении горожан продовольствием, но также промышленными товарами и предметами культурного назначения. Их приобретение населением значительно уменьшилось. Например, уральцами за годы войны покупка тканей снизилась в 10—12 раз, обуви — в 3—4 раза, керосина — в 40—120 раз, дров, хозяйственного мыла — в 2—3 раза. Даже на самых важных военных объектах персонал не был обеспечен в достатке предметами повседневного обихода[162]. Потребление регулировалось распределительной системой.

Как и в области продовольственного снабжения, были установлены дифференцированные нормы обеспечения населения промышленными изделиями. Продажа по карточкам промышленных товаров была введена с 1 февраля 1942 г. сначала в 43 крупных городах и индустриальных центрах, а в течение 1942 г. — во всех городах и рабочих поселках СССР. В число нормируемых товаров вошли все виды тканей, кожаная, валяная, резиновая обувь, швейные изделия, трикотаж, часы, мыло и некоторые другие предметы повседневного спроса. В последние годы войны промтовары стали продаваться городским жителям не по карточкам, а по специальным ордерам. ВЦСПС установил порядок, по которому ордера распределялись с обязательным участием фабрично-заводских комитетов[163].

Из повседневной жизни людей исчезли многие виды одежды, обуви, тканей. Особо острую нужду в этих товарах испытывали эвакуированные рабочие, их семьи, а также трудящиеся освобожденных районов. Суровой зимой 1941—1942 гг. на Урале и в Сибири масса рабочих, прибывших из западной части СССР, оказалась в летней одежде и обуви. Переселенцы не были обеспечены необходимыми полушубками, меховыми шапками, валенками. Люди стали носить телогрейки. Им выдавались небольшие (по 5—10 метров) отрезы хлопчатобумажной ткани для пошива одежды, белья и прочего. В зимние месяцы 1941—1942 гг. особенно неудовлетворительно обеспечивались промышленными изделиями жители Архангельской, Вологодской, Ивановской, Иркутской областей, Алтайского края. В продаже почти отсутствовали мужские и женские зимние пальто, валяная обувь, меховые изделия[164]. Старую одежду штопали, перекраивали.

В военное время появились в рабочей среде в качестве обычной одежды шинели и полушубки, гимнастерки и бушлаты, которые переходили от раненых воинов и инвалидов, вернувшихся в свои семьи, к другим членам семьи. Характерным как для будничной, так и для праздничной одежды мужчин тех лет было включение какой-нибудь детали из военного костюма, что могло и не быть вызвано необходимостью. Чаще всего встречались морские тельняшки, пилотки, бескозырки, солдатские ремни. Возобновилось домашнее ткачество, изготовление архаической обуви. Поступление бытовой утвари в торговую сеть практически прекратилось. Таким образом, бедствия войны отразились не только на пище, но и на одежде населения, его облике, как и на всем бытовом укладе.

В письмах наркома торговли СССР А. В. Любимова в Госплан СССР указывалось на необходимость возобновить в 1942 г. производство резиновой обуви для населения на ленинградских заводах «Красный богатырь» и «Красный треугольник», а также организовать мастерские по выработке обуви на деревянной подошве. Предусматривались организация ручного прядения и выработка трикотажных изделий ручной вязки[165].

В 1942 г. для продажи населению было отгружено 1,2 млн ящиков спичек, но это составляло лишь 28% установленного плана реализации в целом по Союзу ССР. Выход из затруднительного положения находили те, кто проявлял инициативу и смекалку. Так, сотрудники лаборатории Невского машиностроительного завода разработали рецептуру, технологию и наладили выпуск спичек для всего коллектива.

С 1943 г. выпуск товаров для народа возрос на предприятиях легкой и текстильной промышленности. Перелом, который произошел не только в ходе боевых действий, но и в

работе советского тыла, позволял поставить на повестку дня вопрос об улучшении условий жизни трудящихся, их потреблении. Были увеличены планы производства и реализации основных потребительских товаров (обуви, тканей, швейных изделий). Правда, они выполнялись неодинаково в различных республиках и областях. Например, в 1943 г. кожаная обувь в установленном объеме была продана лишь жителям республик Закавказья, Узбекской и Киргизской ССР; швейные изделия — в Грузинской и Узбекской ССР, Московской и Ленинградской областях[166]. Примечательно, что уже в 1944 г. в Москве на Кузнецком Мосту был открыт Всесоюзный дом моды.

Сфера нормированного распределения была особо привлекательной для нечестных людей. Преступной практикой являлись нарушения законов советской торговли, хищения, подлоги документов и карточек. Война всколыхнула и низменные чувства: спекулянты наживались на народном горе. Воровство потребительских товаров из столовых, магазинов, подсобных хозяйств как способ физического выживания являлось одной из драматических реалий военной повседневности.

Специфические условия, трудности военного времени требовали усиления контроля над распределением ресурсов и деятельностью предприятий сферы обслуживания. Во второй половине 1941 г. возросли недостачи, растраты, хищения в системе Наркомторга СССР, особенно в Грузинской, Казахской, Киргизской и Узбекской ССР. Их сумма за девять месяцев 1941 г. составила 12,6 млн рублей. В апреле 1942 г. Коллегия НКТ СССР, проанализировав работу центральной государственной торговой инспекции, признала ее неудовлетворительной. Участились случаи разбазаривания продуктов, продажи недоброкачественных товаров, пользования неисправным весоизмерительным хозяйством, нарушения санитарных правил.

Борьба с нарушителями законов и правил торговли велась местными торговыми инспекциями недостаточно активно. На расширенных совещаниях у заместителя наркома торговли СССР в 1942 г. вопросы охраны социалистической собственности, строгого наказания расхитителей продовольственного фонда страны, подготовки новых кадров рассматривались неоднократно. Однако в Москву продолжали поступать острые сигналы из республик и областей страны[167].

В докладной записке в ВЦСПС «О работе профсоюзных организаций Средней Азии по выполнению решений ВЦСПС о рабочем снабжении и бытовом обслуживании рабочих и служащих» указывалось на серьезные недостатки в этих вопросах. Так, в ходе проведенной к концу 1942 г. проверки Ташкентским горкомом партии было установлено, что 10,5 тыс. продовольственных карточек выдано незаконно, то есть около 4 тонн хлеба ежедневно попадало в руки жуликов и спекулянтов. В Узбекистане в 1942 г. продуктов было разбазарено на сумму 3,4 млн, промышленных изделий — на сумму 4,1 млн рублей. В декабре 1942 г. в результате проверки в Горьковской, Кировской, Пензенской, Ярославской и других областях были выявлены факты бесконтрольного расходования хлеба из государственных фондов. Совнарком СССР потребовал от Наркомторга СССР и Центросоюза строгого учета отпускаемого хлеба[168].

Государство и профсоюзы повели решительную борьбу с недостатками в торговле и сфере услуг. Постановление ГКО СССР № 2780 от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» ужесточало наказания для лиц, виновных в хищении государственного имущества. Аналогичное постановление ВЦСПС от 1 февраля 1943 г. обязало комитеты профсоюзов организовать действительно массовый контроль над работой орсов, складов, магазинов, столовых[169]. ЦК компартий союзных республик, партийным комитетам было предложено оказать помощь профсоюзам в организации общественного контроля. Предлагалось также рассматривать его как важнейшее политическое дело, непосредственно затрагивающее интересы трудящихся и государства в сохранении товарных фондов.

После публикации названных документов ГКО и ВЦСПС Коллегия Наркомторга СССР разработала мероприятия по борьбе с хищением и разбазариванием социалистической собственности. В них включались: расширение прав государственной торговой инспекции (ей предоставлялось право передачи дел в суд и прокуратуру); усиление ревизионной работы и

работы с кадрами; проверка весоизмерительного хозяйства в системе Наркомторга СССР и другие меры. В 1943 г. количество недостач, растрат, хищений уменьшилось, но не во всех республиках. В Азербайджанской и Армянской ССР они даже возросли. Материалы проведенных проверок в этих республиках были обсуждены на расширенном заседании Коллегии Наркомторга СССР с представителями СНК и ЦК КП(б) Азербайджана и Армении. В целях усиления контроля в сфере распределения и обслуживания ЦК ВКП(б) в 1943 г. мобилизовал для работы в торговой инспекции 120 партийных и советских работников. Многое в этом отношении делалось уголовным розыском и службами ОБХСС. Сотрудники милиции раскрыли в военное время немало крупных злоупотреблений, хищений, фактов спекуляции продовольственными и промтоварными карточками. Милиция вернула государству тысячи тонн хлеба, семенного фонда[170].

В первой половине 1944 г. была проведена выборочная проверка весоизмерительного хозяйства в Казани, Новосибирске, Свердловске и других местах. Было установлено большое количество неисправных весоизмерительных приборов. В 1945 г. проводилась сплошная проверка весоизмерительного хозяйства в 34 областях, краях и республиках, в ходе которой были вскрыты и факты нарушения правил торговли: обвес, обмер покупателей, превышение государственных цен на товары. В апреле 1944 г. Бюро ЦК КП(б) Киргизии заслушало доклад уполномоченного Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) о результатах проверки карточных бюро республики, в частности органами НКВД был арестован ряд групп, производивших печатание и продажу карточек на рынке. В РСФСР по результатам проверок и выявленным злоупотреблениям с карточками было передано в судебно-следственные органы более 5 тыс. дел.

Активно включились в контрольную и ревизионную работу профсоюзный актив, женская общественность. На всех предприятиях СССР в течение года были избраны свыше 600 тыс. контролеров, которые повседневно добивались реальных результатов в искоренении фактов расхищения и разбазаривания продуктов, обвешивания и обсчета покупателей. Для общественности проводились семинары по ознакомлению с действующими законодательными актами, инструкциями. На таких крупных заводах, как Коломенский паровозостроительный имени В. В. Куйбышева, «Красный Профинтерн» и многих других, в качестве контролеров в столовые, буфеты были привлечены жены рабочих и служащих — домохозяйки, прошедшие соответствующую подготовку, которые добросовестно взялись за дело[171].

12-й пленум ВЦСПС, состоявшийся в марте 1944 г., обязал центральные, областные, фабрично-заводские комитеты «усилить общественный контроль за работой торгующих организаций и повести беспощадную борьбу с расхищением, незаконным отпуском продуктов и товаров, а также с обмериванием и обвешиванием потребителей»[172].

С помощью профсоюзного актива ВЦСПС в 1944 г. проверил организацию снабжения на 298 предприятиях страны, а также в 122 ремесленных училищах и школах фабрично-заводского обучения. Затем ВЦСПС, Наркомат здравоохранения СССР и Комитет по делам мер и измерительных приборов при СНК СССР провели массовую проверку, охватившую 52 тыс. торговых предприятий. Это помогло вскрыть и устранить ряд недостатков в обслуживании горожан.

Городским жителям, чтобы выжить, приходилось приобретать продукты на колхозных рынках по завышенным ценам. Государство не запретило свободную торговлю в условиях нормированного снабжения. Колхозные базары функционировали. В первые два года войны торговля на них существенно сократилась. Причинами являлись временная оккупация высокотоварных зерновых и животноводческих районов, сокращение сельскохозяйственного производства, недостаток рабочих рук и транспорта, ограниченные возможности покупки в городе промышленных изделий.

На эти обстоятельства обращал внимание нарком торговли СССР А. В. Любимов в письме заместителю Председателя СНК СССР А. И. Микояну 19 февраля 1942 г.: «За последние месяцы резко сократился привоз сельскохозяйственных продуктов на колхозные рынки, значительно повысились и имеют тенденцию к дальнейшему росту цены на основные продукты

питания. Так, например, на рынках г. Куйбышева цены на картофель выросли с 3 руб. 50 коп. за килограмм на конец октября 1941 г. до 10—12 руб. за килограмм на начало января 1942 г.; цены на масло за тот же период выросли с 40 руб. за килограмм до 180 руб. за килограмм.

Такое же положение с ценами на сельхозпродукты имеет место и в других городах Советского Союза. В Казани в начале января 1942 г. килограмм масла продавался на рынке по 150 руб., килограмм мяса по 45 руб.; молоко продавалось по 20 руб. за литр и яйца по 40 руб. за десяток.

Широкий размах приняли товарообменные операции. Тысячи граждан устремляются в деревню для обмена подержанных домашних вещей на сельскохозяйственные продукты. Имеет место спекулятивная перепродажа сельскохозяйственных продуктов... Неудовлетворительное состояние пригородного железнодорожного сообщения отрицательно отражается на подвозе сельхозпродуктов на колхозные рынки»[173].

Учитывая создавшееся положение с колхозной торговлей, Наркомторг СССР просил СНК СССР рассмотреть специально этот вопрос и принять решения, способствующие увеличению привоза и снижению цен на продовольствие. И меры принимались. В июне 1942 г. управления железных дорог получили приказ: во всех местных и пригородных поездах, курсирующих на расстояние 100—150 км, выделять один вагон специально для проезда крестьян и молочниц, везущих продукты в город. Люди могли быстрее приобрести продукты на рынках тех городов, где местные советы оказывали внимание колхозной торговле. Например, в Ярославле не забывали о бытовом обслуживании приезжающих крестьян, благоустройстве рынков. Городская администрация вступала в договорные отношения с колхозами. Так, в 1944 г. было заключено 320 соглашений о привозе продуктов. В результате для жителей Ярославля по сравнению с 1943 г. привоз мяса возрос в 3,5 раза, животного масла — в 3 раза, овощей и картофеля — в 2 раза. И более чем вдвое снизились цены на мясо, молоко, масло[174]. В городах, где местные советы проявляли заботу о жителях, отводились участки для продажи колхозниками продуктов у станций железных дорог и пристаней.

В целом по стране сокращение колхозной торговли привело к росту цен на рынках. Максимальный их рост приходился на районы Центральной России, Европейского Севера, Поволжья и Урала; минимальный рост — на районы Дальнего Востока, где, однако, и в довоенное время уровень цен был высоким (таблица 11).

Таблица 11

Индексы цен на городских колхозных рынках (по 43 крупным городам, в % к 1940 г.)[175]

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Все товары (включая скот)	100	105	749	1311	1075	551
Продукты растениеводства	100	97	742	1298	1111	544
Хлебные продукты	100	117	1045	2155	2360	948
Картофель	100	91	1049	1628	1143	493
Овощи	100	97	710	1151	900	471
Фрукты	100	89	443	767	923	518
Масло растительное	100	112	723	1684	1214	677
Продукты животноводства	100	110	812	1339	1031	554
Масло и сало	100	115	684	1229	987	538
Птица	100	104	582	1031	939	629
Молочные продукты	100	98	942	1434	1049	556
Молоко	100	99	1004	1529	1108	587
Масло животное	100	102	796	1259	949	517
Яйца	100	88	747	1140	962	637

Картина состояния колхозно-рыночной торговли была очень пестрой: скудные базары в прифронтовой полосе, более разнообразные — в центральных районах и богатые — на востоке страны. Из-за местных условий базарные цены на товары в разных городах и даже в одном городе складывались по-разному. Отсюда большая пестрота цен в союзных и автономных республиках.

Товарообмен осуществлялся не только между частными лицами, но и между предприятиями и колхозами. Прямой обмен проходил на инициативных началах и проводился как в городе, так и в деревне. Об этом свидетельствуют и документы, и воспоминания современников. Например, на рынки Ярославля колхозников привлекала развернутая там встречная торговля гончарной посудой, веревками, трикотажными изделиями местного производства, парфюмерией, то есть теми дефицитными товарами, которые до села практически не доходили.

Делались различные попытки ограничить рыночную стихию, в том числе и административными методами. В ряде городов РСФСР, Казахстана была введена встречная продажа промтоваров и сельскохозяйственной продукции. Например, на базарах Алма-Аты ввели так называемые согласительные цены. Они были значительно ниже фактических рыночных и устанавливались по договоренности с председателями колхозов. Однако эта практика не получила распространения. Она была невыгодна сельчанам. Колхозы сократили подвоз продуктов и стали продавать их вне рынка, естественно, по высоким ценам. От согласительных цен пришлось отказаться.

Существенным фактором, влияющим на цены колхозного рынка, явилось развитие огородничества рабочих и служащих и подсобных хозяйств промышленных предприятий. В связи с ростом продукции, собираемой с земельных участков, у городского населения цены на картофель уже в 1943 г. снизились по отношению к 1942 г. А в 1944 г. цены не только на картофель, но и на овощи были в 2–2,5 раза ниже, чем в 1942 г. (в октябре — декабре). Это имело ценное значение для бюджета городских жителей. В 1944–1945 гг. снижение цен на базарах было связано также с организацией государственной коммерческой торговли. Как правило, цены коммерческих магазинов являлись «потолком» для колхозного рынка.

Жители всех городов СССР приобрели в 1944 г. через колхозную торговлю две пятых всего потребленного животного масла, почти такую же долю картофеля, треть мясопродуктов, пятую часть молока и столько же овощей. Доля колхозной торговли во всем розничном товарообороте страны возросла до 46% против 14% в 1940 г.[176] При этом следует иметь в виду, что продажа продуктов на базарах в физическом выражении не только не увеличилась, а даже сократилась.

Спрос населения на продовольствие и дефицитные товары частично удовлетворялся в коммерческих торговых организациях. Продажа хлеба без карточек по повышенным ценам в начале 1942 г. велась в 27 городах Союза, список которых был утвержден СНК СССР. В коммерческих магазинах столицы продавались водка, вино, промышленные изделия. Но свободно покупать товары в более широких масштабах в Москве, Ленинграде, Свердловске, Киеве и других крупных городах люди стали только с апреля 1944 г. В Горьком коммерческий магазин и ресторан первого разряда были открыты 10 августа 1944 г. К моменту открытия магазина образовалась очередь около тысячи человек, но в течение дня сократилась до 300 человек. В первый день торговли в магазине наибольшим спросом пользовались следующие товары: водка — продано 600 литров, колбасные изделия — 130 кг, булки и сдоба — 1100 штук, папиросы — 50 тыс. штук. Наименьший спрос имели мясо и молочные продукты[177]. Секретарь Горьковского обкома ВКП(б) М. И. Радионов в телеграмме И. В. Сталину и А. И. Микояну о развертывании коммерческой торговли 10 августа сообщал следующее: «Оборот магазина составил за день наличными 527 тыс. рублей, и представлены скидки — 23 тыс. рублей, по ресторану на 23 часа оборот — 60 тыс. рублей». Этот день для горьковчан был буквально праздничным. Покупатели восхищались обилием товаров, разнообразием ассортимента, качеством и красивым убранством магазина и ресторана.

В ноябре 1944 г. открылись коммерческие магазины и рестораны в Одессе, Сталиногорске, Владивостоке, Таллине и Львове. В коммерческих магазинах и ресторанах имелся полный ассортимент продовольственных товаров высокого качества (таблица 12).

Таблица 12

Товарная структура розничного товарооборота коммерческой торговли Главособторга в 1944–1945 гг.[178]

	Млн руб.		В % к итогу	
	1944 г.	1945 г.	1944 г.	1945 г.
Все товары	5650	11 580	100	100
Продовольственные товары	3615	6251	64,0	54,0
Из них:				
Мясо и птица	31	70	0,5	0,6
Колбасные изделия	222	399	3,9	3,4
Рыба и сельди	151	345	2,7	3,0
Масло животное	110	249	2,0	2,2
Масло растительное и прочие жиры	40	48	0,7	0,4
Молоко, молочные продукты и сыр	199	313	3,5	2,7
Консервы	68	118	1,2	1,0
Яйца	26	50	0,5	0,4
Сахар	154	343	2,7	3,0
Кондитерские изделия	426	860	7,5	7,4
Чай	26	64	0,5	0,5
Соль	3	6	0,1	0,1
Мука	–	79	–	0,7
Хлеб и хлебобулочные изделия	203	361	3,6	3,1
Крупа, бобовые и макаронные изделия	124	110	2,2	0,9
Картофель	12	12	0,2	0,1
Овощи	54	89	1,0	0,8
Плоды, фрукты, ягоды и бахчевые	186	367	3,3	3,2
Алкогольные изделия	1296	1853	22,9	16,0
Прочие продовольственные товары	284	515	5,0	4,5

Товарооборот этой формы торговли (включая общественное питание) в 1945 г. вырос более чем в 2 раза. Граждане, имея возможность приобретать продукты питания и дефицитные вещи сверх установленных норм, оставляли в коммерческих магазинах и ресторанах крупные денежные суммы. Учитывая возраставший спрос населения, открывались новые торговые комплексы. На начало января 1945 г. в стране работали 53 магазина, 70 ресторанов и 94 буфета для торговли по коммерческим ценам. Однако удельный вес коммерческой торговли в розничном товарообороте страны был невелик — 9,6%.

Население привлекали и снижавшиеся цены, которые становились ниже цен колхозного рынка. Коммерческие цены на продовольственные товары в 1944–1946 гг. снижались восемь раз, а на промышленные — пять раз. Например, говядина первого сорта в апреле 1944 г. стоила 45 рублей за килограмм, а с 16 сентября 1946 г. — 9 рублей, сахарный песок — 70 и 6 рублей за килограмм соответственно. Мужские полуботинки, которые стоили в июле 1944 г. 150 рублей, с 16 сентября 1946 г. можно было купить за 81 рубль[179].

Открытая торговля без карточек использовалась государством и в качестве средства пополнения денежных запасов страны. Нарком финансов А. Г. Зверев вспоминал: «Иногда внезапно возникала ситуация, когда срочно требовалось пополнить казну крупной денежной суммой, а взять ее было неоткуда. Тут на помощь приходила продажа по «коммерческим» ценам товаров, пользовавшихся спросом. Выручал нас, как правило, нарком внешней торговли А. И. Микоян, распоряжавшийся немалыми товарными фондами. Не раз и не два

проводили мы пополнение бюджета таким образом совместно и с другими наркоматами. Слова «на нужды фронта» были в те дни волшебными»[180].

Услугами коммерческих торговых заведений в 1945 г. пользовались жители 86 городов СССР. Ассортимент товаров за этот год увеличился с 1500 до 2200[181]. Коммерческая торговля легализовала недоступный рядовым гражданам стандарт потребления.

В борьбе за выживание горожане проявляли инициативу и изобретательность. Они создавали подсобные хозяйства, обрабатывали огороды. Их продукция помогла улучшить питание рабочих, служащих и их семей. Начало большому и полезному делу положили труженики Глуховского хлопчатобумажного комбината Московской области еще в 1940 г. Они организовали овощекартофельное хозяйство, молочную и свиноводческую ферму. Хозяйство комбината располагало 143 га пашни, но продолжалась работа по освоению новых земель. Дружная работа всей общественности комбината, возглавляемая директором подсобного хозяйства А. Низовским, обеспечила высокую урожайность. За первое полугодие 1941 г. столовые получили 1618 центнеров молока и 11 тонн мяса, 20 центнеров овощей. Его работницы Бочкарева, Газисова, Конакова и Кузнецова стали участницами Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Инициатива глуховцев нашла широкую поддержку. А в военные голодные годы подсобные хозяйства приобрели еще большую популярность, и значение их возросло. «Производя у себя на месте сельскохозяйственные продукты, — писала газета «Правда», — подсобные хозяйства тем самым дают возможность коллективам предприятий меньше пользоваться государственными фондами, необходимыми в первую очередь для Красной армии. Стало быть, подсобные хозяйства не только могут и должны серьезно улучшить продовольственное снабжение рабочих и служащих, но и оказать существенную помощь фронту»[182].

Острый недостаток продуктов заставлял форсировать развитие новых подсобных хозяйств. Саратовский завод имени В. И. Ленина 3 марта 1942 г. обратился через газету «Правда» ко всем заводским коллективам своего города и всей страны с призывом создать при предприятиях собственную продовольственную базу. «Мы, рабочие и служащие завода им. Ленина в Саратове, — отмечалось в письме, — считаем, что у нас есть все возможности снять с государства заботу о снабжении нашего коллектива полностью овощами, картофелем и в значительной степени молоком и мясом. В условиях войны нельзя получать все из централизованных фондов». Сельскохозяйственная база завода была развернута на земле, считавшейся ранее не пригодной к возделыванию. Вложенные капиталы, трудовые усилия рабочих, специалистов, домохозяек позволили поднять урожайность сельхозугодий и продуктивность скота. За первый сезон своей деятельности хозяйство собрало сотни тонн картофеля, капусты, моркови и других овощей, получило около десятка тысяч литров молока.

Правительство, местные советы принимали меры, направленные на развитие подсобных хозяйств. В 1941–1942 гг. в ведение промышленных наркоматов, строек передавались совхозы и фермы, которые полностью переключались на снабжение тружеников тыла. 7 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) вынесли решение «О выделении земель для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих». Местные органы обязывались выявить все пустующие государственные земли и передать их заводам, фабрикам, шахтам, учреждениям для развития подсобных хозяйств и огородов. Тысячи трудовых коллективов приступили к созданию новых хозяйств и расширению существующих.

На железнодорожном транспорте СССР в 1942 г. посевные площади 2 тыс. подсобных хозяйств и 118 совхозов составили 119 тыс. га. В 1943 г. подсобными хозяйствами центральных магистралей было собрано более 70 тыс. тонн картофеля и овощей. Кроме того, в магазины и на базы орсов поступило 18 156 центнеров молока и 4066 цетнеров мяса. В 1944 г. по сравнению с 1943 г. посевные площади совхозов и подсобных хозяйств предприятий НКПС увеличились с 206 тыс. до 300 тыс. га, а в 1945 г. еще на 17 тыс. га. В течение 1944 г. выросло и поголовье крупного рогатого скота[183].

С апреля 1942 г. началась организация подсобных хозяйств в системе наркоматов авиационной, танковой промышленности, станкостроения, тяжелого машиностроения,

черной металлургии и других. В течение 1942 г. такие хозяйства были созданы на 55 заводах Наркомтяжмаша СССР, 79 — Наркомсредмаша СССР, 95 — Наркомбоеприпасов СССР[184].

Подсобные хозяйства 28 промышленных наркоматов весной 1942 г. засеяли различными культурами 818 тыс. га земли. Сотрудники предприятий, проявляя инициативу, в 1943 г. провели большую работу по расширению посевов крупяных культур. Например, трудовой коллектив завода № 35 Наркомавиапрома СССР за счет освоения пустующих участков земли и использования земель колхозов собрал значительный урожай проса в количестве 2980 центнеров. Это обеспечивало улучшение снабжения рабочих и служащих и их семей и послужило основанием заводской администрации обратиться в Наркомторг СССР с просьбой снять с 1 марта 1944 г. контингент предприятия с централизованного плана снабжения крупой[185].

Персоналу легкой промышленности, располагавшей меньшими финансовыми и трудовыми ресурсами, сложнее было организовать подобные хозяйства и наладить работу. Текстильщики Ивановской области неоднократно обращались в высшие государственные и партийные органы власти с жалобами на тяжелое материально-бытовое положение. Критике подвергалась и работа областного и районного руководства, руководителей подсобных хозяйств, в том числе текстильного комбината «5-й Октябрь», отмечалось отсутствие земельных площадей у Ивановского меланжевого комбината и прочие трудности. Речь шла и о неготовности к севу: нехватке семян, инвентаря, незаконных обменных операциях. В начале 1944 г. по этим же вопросам к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову обращалось руководство наркомата зерновых и животноводческих совхозов РСФСР. В марте 1944 г. Ивановскому меланжевому комбинату был передан совхоз для создания подсобного хозяйства[186].

Освоение новых площадей требовало огромной затраты сил. В каждом регионе имелась своя специфика. На Урале на горных склонах и в таежных районах Сибири, учитывая ограниченное наличие свободных земель, приходилось выкорчевывать часть лесных массивов. Так, отделу рабочего снабжения рудника «Гора Высокая» в Свердловской области было дано задание увеличить посевные площади с 30 до 130 га. Вокруг рудника господствовали массивы лиственниц и сосен. Специалисты лесного хозяйства заявили, что для превращения этой чащи в пашню нужны месяцы и тысячи людей. Руководители орса, посоветовавшись с работниками рудника, начали наступление на лес. С большим трудом пашня была завоевана[187].

В республиках Средней Азии, Казахстане не хватало поливных земель, поэтому расширение посевных угодий под овощи было возможно только при проведении мелиоративных работ. Тем не менее в Казахстане в течение первых двух лет войны число подсобных хозяйств рабочих и служащих возросло почти в 10 раз[188]. Вопросами развития, специализации, укрепления материально-технической базы подсобных хозяйств занимались советские, партийные и профсоюзные органы. Так, Пленум ЦК КП(б) Азербайджана 15 октября 1942 г., широко обсудив круг мероприятий по развитию подсобных хозяйств на Апшероне, обязал партийные и другие общественные организации Баку относиться к этому делу как к важному государственному заданию по обеспечению трудящихся продовольствием. В 1942 г. трудовые коллективы столицы республики создали на Апшероне 291 хозяйство. За год они произвели 120 тыс. тонн сельскохозяйственной продукции.

Подсобные хозяйства предприятий и учреждений давали возможность труженикам тыла меньше пользоваться государственными фондами, необходимыми в первую очередь Красной армии. По данным 30 наркоматов, в 1944 г. в СССР было получено 270 млн тонн картофеля, заготовлено 10 тыс. тонн мяса, молока и других продуктов. На предприятиях Наркомчермета СССР в 1944 г. имелось 381 подсобное хозяйство, Наркомтяжмаша СССР — 85, Наркомстанкопрома СССР — 110. В системе Наркомторга СССР за всю войну их было организовано около 3 тыс. Как отмечалось на заседании Коллегии Наркомторга СССР в январе 1944 г., валовой выход основных видов продукции подсобных хозяйств из года в год возрастал, но качественные показатели работы в полеводстве и животноводстве были неудовлетворительными[189].

Жизнь показала, что целесообразно и выгодно создавать подсобные хозяйства при больницах, санаториях, детских учреждениях. Главное управление трудовых резервов при СНК СССР организовало подсобное хозяйство, откорм скота при ремесленных училищах и школах ФЗО.

Хозяйства, созданные при высших учебных заведениях, играли немалую роль в улучшении питания студенчества и профессорско-преподавательского состава. В 1943 г. их было 248, а через год — 284. В крупных хозяйствах приоритет оставался за ведущими культурами: зерновые, картофель и овощи. В срочном порядке принимались меры к развитию животноводства и обеспечению скота собственными кормами. В отдельных коллективах развивалось садоводство и пчеловодство. Успех таких начинаний во многом зависел от ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений, выделявшего денежные средства, проводившего совещания и консультации с председателями обкомов Союза.

В целом ряде профсоюзных организаций институтов (Москва, Ленинград, Куйбышев, Саратов, Киров) к подсобным хозяйствам были прикреплены общественные контролеры. Неоднократно проводилась проверка работы подсобных хозяйств Академии наук СССР, московских вузов: горного, нефтяного, автомеханического, энергетического и других. Одновременно такая проверка проводилась и по линии Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР. Лучших результатов добились хозяйства Московского педагогического и Хабаровского транспортного институтов.

Основными районами, где создавались подсобные хозяйства, были восток и центр страны. Позже они стали возникать на северо-западе и юге. Из всех районов Сибири и Дальнего Востока самое широкое развитие подсобные хозяйства получили в Кузбассе. В Кузбасской котловине имелись благоприятные условия для их развития: плодородные земли, кадры, техника. Здесь получали высокие урожаи, имели большие стада скота. Среди горняков Кузбасса был популярным лозунг: «Каждой шахте — свое картофельное поле». Работники Кузнецкого металлургического комбината, взявшиеся механизировать полевые работы, ремонтировали тракторы и другой сельскохозяйственный инвентарь. На массовые мероприятия по уходу за овощами и на их уборку привлекались рабочие и служащие основного производства и члены их семей. Подсобные хозяйства стали поставщиком недорогих продуктов для столовых и детских учреждений. На предприятиях Москвы в конце 1944 г. их насчитывалось около 900. На пленуме Московского горкома партии в апреле 1944 г., обсуждавшем работу отделов рабочего снабжения, отмечалось, что хозяйства некоторых столичных коллективов полностью удовлетворяют потребность столовых в картофеле, овощах[190]. В Ленинграде, жители которого страдали от голода, горисполком, профсоюзные организации искали пути расширения продовольственной базы, улучшения работы сельскохозяйственных предприятий области. При Выборгском доме культуры был открыт методический сельскохозяйственный кабинет — для проведения консультаций агрономы выезжали на места.

Люди, проявив инициативу, вложили немало сил в развитие подсобных хозяйств и добились неплохих результатов. Например, в 1944 г. сбор сельскохозяйственных продуктов в перерасчете на одного работающего по картофелю и овощам составлял на заводах Наркомстанкопрома СССР — 129 кг, Наркомтяжмаша СССР — 137 кг. В наркоматах черной металлургии, боеприпасов, вооружения и других дополнительно к централизованным фондам поступило в магазины и столовые орсов в среднем по 80 кг продуктов на одного работающего. В 1945 г. подсобные хозяйства орсов составляли 38% общих ресурсов картофеля и 59% овощей, поступивших для снабжения городских рабочих и служащих[191]. Эти цифры убедительно свидетельствуют о роли подсобных хозяйств в обеспечении продуктами горожан.

Однако были и серьезные недостатки в деятельности подсобных хозяйств: низкие урожайность и продуктивность животноводства, большие потери, незаконное расходование продукции. Так, в подсобном хозяйстве ярославской фабрики «Красный перевал» (профсоюз работников трикотажной промышленности) в первом полугодии 1944 г. «осело» 79% молока, в хозяйстве Калининского вагоностроительного завода (профсоюз работников транспортного машиностроения) — 87,7% молока[192]. Жесткий контроль над отделами рабочего снабжения и подсобными хозяйствами установили профсоюзы, общественные контролеры. Несмотря на серьезные недостатки в работе, подсобные хозяйства сыграли важную роль в улучшении питания тружеников тыла (таблица 13).

Таблица 13

Поступление продукции из подсобных хозяйств орсов, системы Наркомторга СССР и потребительской кооперации в 1942–1945 гг. (в тыс. тонн, яйца — в млн штук)[193]

Продукты	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Картофель	447,4	717,6	1364,1	1561,2
Овощи	472,3	722,3	1636,4	2296,9
Мясо	54,0	48,5	58,6	66,3
Рыба	99,9	122,4	154,7	144,4
Молоко	116,8	125,3	236,0	302,2
Яйца	3,1	5,9	8,9	11,5

В некоторых местах проявлялось недостаточно инициативы, чтобы максимально использовать природные ресурсы. Например, слабо осваивались водоемы с их рыбными запасами. В РСФСР использовалось для рыболовства лишь 70% площади промысловых озер. В тех районах, где подсобные хозяйства проявляли интерес к организации рыболовства, им оказывали помощь рыбохозяйственные организации и любители рыбной ловли. Значительные ресурсы мяса мог дать охотничий промысел. В лесных массивах Советского Союза, занимающих свыше трети его территории, было немало других ценных продуктов питания: ягод, орехов, дикорастущих плодов. К сожалению, эти богатства использовались в малой степени.

Дефицит продуктов питания, недостаточное развитие сферы обслуживания вынуждали население страны вести борьбу за выживание. Люди заводили коллективные и индивидуальные огороды, продукция которых служила важным источником питания. Еще в довоенный период огородничеством занимались относительно большие массы рабочих и служащих. В военное лихолетье работа по расширению площадей огородов и повышению урожайности стала важной составной частью деятельности партийных, государственных и профсоюзных органов. В 1942 г. сотни тысяч тружеников не только промышленности и строительства, но и учреждений, в том числе просвещения, здравоохранения, науки и культуры, приобретали участки для развития собственной продовольственной базы.

Значение урожая, собранного с огородов в то голодное и суровое время, трудно переоценить. Овощи при нехватке хлеба основательно выручали рабочих и служащих. Осенью 1942 г. каждая семья, имеющая личный участок, сняла с него 392 кг картофеля и овощей. В тот период огородничеством занимались 5 млн человек, которые обработали посевную площадь в 796 тыс. га[194]. Первые успехи способствовали расширению этого движения. В феврале 1943 г. при ВЦСПС был создан Комитет содействия индивидуальному и коллективному огородничеству рабочих и служащих. Председателем его была утверждена секретарь ВЦСПС К. И. Николаева, отдавшая много сил и времени этому делу.

В целях поощрения ЦК профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, огородных комиссий, добившихся высокого урожая с индивидуальных и коллективных огородов, Секретариат ВЦСПС установил в 1943 г. переходящие Красные знамена ВЦСПС, грамоты и денежные премии. В числе передовых были коллективы Московского Первого государственного подшипникового завода, Коломенского паровозостроительного завода имени В. В. Куйбышева, Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина и другие.

При городских советах весной 1943 г. были образованы сельскохозяйственные отделы для руководства развитием огородничества и животноводства. Учитывая большую занятость на производстве, люди часто высказывались за коллективную форму обработки выделенной земли. Участки предприятий, отдельных граждан использовались в основном под картофель и овощи, которые занимали около 80% посевных площадей, остальное отводилось под бахчевые, зерновые и технические культуры.

Огородные участки рядом с Исаакиевским собором в Ленинграде

19 февраля 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 году». В нем указывалось, что задача государственного аппарата, руководителей профсоюзных и хозяйственных организаций состоит в том, чтобы увеличить посевные площади под огородами не менее чем на 20% по сравнению с предшествующим годом. Рекомендовалось во всех городах и поселках выявить пригодные под огороды площади и передать их предприятиям и учреждениям. Для оказания помощи в Калининскую, Свердловскую, Молотовскую области выезжали сотрудники центрального аппарата профсоюзов. В Москве и других крупных городах Союза проводились совещания по вопросам огородничества. В Ивановской области, например, этот вопрос совместно обсудили бюро обкома партии и ЦК профсоюза работников хлопчатобумажной промышленности Ивановской области. Их представители посещали текстильные фабрики, и результаты сказывались. В мае 1944 г., по данным 67 местных комитетов, количество огородников составляло около 75 тыс., из них более половины записались в текущем году. У населения, ранее получившего личные участки, уже появился опыт; предприятия, учреждения в течение зимы отремонтировали инвентарь, заготовили семена, удобрения[195].

Индивидуальным и коллективным огородничеством занималось городское население всех экономических районов страны, но наиболее активно — в крупных промышленных центрах, в быстро развивающихся индустриальных районах Востока и на освобожденной территории. В 1943 г. огородничеством занималось в РСФСР 45% городского населения, в Казахской ССР — 35%, в Киргизской — 30%, в Армянской — 25%. В 1945 г. на Украине индивидуальные и коллективные огороды на площади 383,5 тыс. га обрабатывали 2530 тыс. рабочих и служащих[196].

В Ленинграде практически каждая семья обрабатывала свой участок или принимала участие в работе на коллективных огородах. Под грядки пошли парки, скверы и газоны. Огороды были даже на Марсовом поле и в Летнем саду. Учительница Н. Никольская вспоминает: «Школа получила огородные участки в Летнем саду... На грядках были посажены капуста, обыкновенная и цветная, морковь, свекла, картофель, укроп... В каникулы мы, учителя, работали в «своем» Летнем саду... Иногда нас застигал там артобстрел. Если он был «так себе», то ложились просто в борозды между грядками, если же «как следует», то прятались в дзоты»[197].

Несмотря на эти трудные условия, ленинградцы добивались хороших результатов. Огородные комиссии широко популяризировали опыт слесаря Кировского завода Т. А. Коваля, поставившего своеобразный рекорд. Он собрал 30 кг капусты с каждого квадратного метра своего участка. В тяжелые блокадные дни голодные, больные цингой ленинградцы, лишенные тепла и света, мечтали о пище, зелени и горячем солнце. Свыше 5 тыс. тонн семенного картофеля выделили им Вологодская, Костромская и Ярославская области. Коллектив Кировского завода возделывал 71 га земли, больше половины которой раньше было занято пустырями и свалками. Много труда затратили они на очистку участков от мусора, камней и железа. Находясь в непосредственной близости к переднему краю обороны, их огороды сильно страдали от обстрелов врага. На участки люди пробирались тайком, прятались в воронках, урожай собирали ночью. В архивном фонде Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов хранится немало документов, свидетельствующих об активности и инициативе трудящихся. В среднем на одного жителя Ленинграда в 1942–1943 гг. приходилось около 90 кг, а в 1943–1944 гг. — около 160 кг овощей. В рационе столовых увеличилась их средняя норма[198].

В городах Урала и Сибири были организованы рабочие поезда, доставлявшие людей на удаленные участки. В цехах предприятий изготовлялся мелкий сельскохозяйственный инвентарь. В уральском регионе за военный период посевные площади личных хозяйств увеличились на 44,8%[199]. Инициативные руководители изыскивали местные возможности обеспечения трудящихся продуктами. Например, директор Магнитогорского металлургического комбината, видный организатор промышленности Г. И. Носов сумел добиться для

коллектива выделения земельной площади под огороды, превышавшей тысячу гектаров. Для обработки земли использовались трофейные танки, с которых снимались башни и верхняя часть броневой защиты. Горючим для них служил бензол, который вырабатывался в коксохимическом цехе. Руководство комбината, завком разумно «игнорировали» запретительные параграфы и инструкции, делая все, чтобы получить дополнительные резервы из местных источников.

За годы войны огородничество в стране стало массовым. Площади под огородами расширились в три с лишним раза. Они давали свыше 9,5 млн тонн картофеля и овощей (таблица 14).

Таблица 14

Развитие огородничества рабочих и служащих в 1942–1945 гг.[200]

	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Число огородников, тыс. чел.	5000	11 796	16 555	18 552
Валовой сбор картофеля и овощей, тыс. тонн	1960	5594	9014	9552
Получено в среднем картофеля и овощей на одну семью, кг	392	485	544	515

Особая страница в истории Великой Отечественной войны — повседневная жизнь населения на освобожденной от врага территории. В опустошенных, разрушенных городах люди испытывали большую нужду и лишения[201]. При отступлении нацисты разрушили там хлебозаводы, пекарни, столовые, торговую сеть. В актах об ущербе, причиненном нацистами предприятиям Наркомторга СССР, представленных в Чрезвычайную государственную комиссию, указано: 11,7 тыс. зданий хозяйственного назначения разрушено; тысячи единиц оборудования вывезены в Германию; миллионы метров тканей, сотни тысяч пар обуви, 414 тонн мыла и прочее похищены оккупантами. В освобожденных городах постепенно вводилась карточная система снабжения, возобновлялась деятельность торговых предприятий. Норма хлеба для рабочих устанавливалась в 500 граммов, служащих — 400 граммов, иждивенцев и детей — 300 граммов[202]. Трудящиеся Смоленской области в январе — феврале 1042 г. получили 263,5 тыс. продовольствия и на 2625 тыс. рублей промышленных изделий. Эшелоны с грузами шли в Мосбасс, Тульскую и Калужскую области.

В постановлении Пленума Сталинградского горкома ВКП(б), рассмотревшего 13 февраля 1943 г. вопрос «О задачах Сталинградской городской партийной организации в связи с очищением города от немецко-фашистских оккупантов», записано: «Пленум считает, что снабжение населения города продовольствием, товарами первой необходимости является одним из решающих факторов, обеспечивающих успешное выполнение всех работ по восстановлению города»[203]. Здесь же предлагались меры по обеспечению четкой работы торговой сети.

Из докладной записки УНКВД по Сталинградской области в НКВД СССР «О положении в городе Сталинграде в период его частичной оккупации и после изгнания оккупантов», датированной 1 апреля 1943 г., отмечены колоссальные разрушения в городе. Были выведены из строя заводы, пищевые и коммунальные предприятия; полностью разрушена торговая сеть; уничтожены 14 больниц, девять поликлиник и более 200 детских яслей, пять театров, шесть кинотеатров, 18 клубов и Домов культуры, две областные, четыре районные и все заводские библиотеки со значительным книжным фондом. Оставшееся в городе население встретило освобождение г. Сталинграда с большой радостью[204].

Большое внимание нормализации жизни города, снабжению населения продовольствием и водой уделял Городской комитет обороны, возглавляемый первым секретарем обкома ВКП(б) А. С. Чуяновым. В Сталинграде уже 1 июня 1943 г. работали хлебопекарни, выпускающие 72 тонны хлеба в сутки. Реконструированы мельницы мощностью 120 тонн помола зерна в сутки. Приступили к работе райпищекомбинаты. Делегация ивановских текстильщиков привезла в 32 вагонах одежду, белье, трикотажные изделия, ткани, обувь, посуду, полное оборудование для детских садов и яслей и овощные семена[205].

Товары повседневного спроса и финансовые средства получали граждане Орла, Курска, Воронежа, Краснодара, Ростова-на-Дону и других городов России и союзных республик. Населению Белоруссии в 1944 г. было продано продовольствия и промышленных изделий на сумму 700 млн рублей из фондов союзного правительства. В республике работали 403 магазина и 153 ларька, в 1945 г. — 505 и 239 соответственно. Местные жители участвовали в восстановлении и ремонте торговых помещений, привлекались и воинские части. В городах Украины в 1944 г. потребителей обслуживали 3 тыс. магазинов (23,6% довоенного уровня) и 693 ларька (11,6% довоенного уровня). В 1945 г. количество всех торговых точек в городской местности увеличилось до 16,4 тыс. Торгующие организации СССР получали кредиты в Госбанке. Такое же право было предоставлено предприятиям местной промышленности и промкооперации в целях быстрейшей ликвидации товарного дефицита. Продовольственные нормы важнейших продуктов в основном обеспечивались, но людям не хватало товаров каждодневного обихода. Имелось много залежавшихся изделий кустарного производства, трофейных некомплектов, не пользующихся спросом у покупателей[206].

На освобожденной территории создавались подсобные хозяйства. При этом нужно было разминировать поля, очищать их от осколков снарядов и трофейной техники. В конце 1944 г. угольщикам Донбасса были переданы 53 совхоза. Собственными силами создавали такие хозяйства многие коллективы Киева, Харькова, Минска, получая от государства ссуды и семена[207].

Всестороннюю помощь жителям восстанавливаемых городов, в том числе в ликвидации продовольственной нужды, оказывали народы национальных республик. Например, до конца апреля 1943 г. Азербайджан направил в Сталинградскую область 49 тыс. пудов зерна, 4500 голов скота, 100 пудов масла, свыше 5,5 млн рублей деньгами и прочее. Труженики сельского хозяйства Грузинской ССР послали пострадавшим фрукты, чай, продукты животноводства. Жители Ставропольского края горячо благодарили трудящихся Закавказья за помощь и по этому поводу писали: «В бедствии познается народная дружба. Вы оказываете нам неоценимую поддержку, делитесь с нами всем, что у вас есть. Нет слов, чтобы выразить то чувство благодарности, которое мы испытываем к вам... Но ваша помощь дорога не только потому, что она поможет нам скорее встать на ноги. Она дорога также как яркое выражение великой дружбы советского народа»[208].

Жители сельской местности Узбекистана кроме сбора продовольствия для людей, оказавшихся в беде, провели большую работу по закупке скота для освобожденных районов. Жители Казахстана шефствовали над 10 городами, 35 районами Орловской, 12 районами Ленинградской, тремя районами Сталинградской области. Большое количество продовольствия и денежных средств выслали жители этой республики Украине и Белоруссии[209]. Подобных примеров было немало.

Такова была специфика жизни городского населения в военные годы. В условиях острого дефицита потребительских ресурсов функционировала распределительная система. Жители городов имели гарантированное снабжение по карточкам важнейшим продуктом питания — хлебом. Пайковые нормы на многие продовольственные товары не покрывали потребностей людей в питании, а давали лишь скудный прожиточный минимум. Но в целом нормирование позволило поддержать уровень питания детей, кормящих матерей и некоторых других категорий граждан. Поскольку введенная карточная система не могла радикально изменить продовольственное положение городских семей, люди сами вели поиски дополнительных источников выживания. Они, проявляя инициативу, создавали подобные хозяйства, обрабатывали земельные участки. Собранные картофель, овощи были существенной добавкой к скудному рациону питания.

Совокупность разносторонних мероприятий Советского государства позволила сохранить на всем протяжении войны цены мирного времени на продукты питания, отпускаемые по карточкам, систематически снижать коммерческие цены и добиться перелома в динамике цен колхозной торговли.

В завершающем периоде войны уровень материального благосостояния городского населения заметно повысился. Это явилось результатом общего изменения положения в стране, государственных мероприятий и борьбы за выживание народных масс. Проявляя высокое чувство гражданского самосознания, жертвенность, люди стойко переносили и голод, и холод, и изнурительный труд. В тяжелое военное время проверялись человеческие качества и сила духа.

Вклад советской деревни в Победу

В период войны советское сельское хозяйство оказалось в особом положении. Колхозное крестьянство продемонстрировало высокое понимание своего гражданского долга перед Родиной. На митингах и сельских сходах его представители выражали глубокое возмущение намерениями фашистов захватить их родную землю, хлеб, луга и скот. «Землю, полученную навечно, не отдадим никому!» — такие слова прозвучали в одном из выступлении в колхозе «Политотделец» Новосибирской области. «Колхозники умеют работать на полях, умеют защищать свое Отечество...» — сообщалось из артели имени Калинина Кантского района Киргизской ССР. «Наши колхозники все, как один, готовы по первому зову... встать на защиту советского Отечества, на защиту своего мирного труда и, не щадя сил и жизни, помочь Красной армии добиться победы над врагом», — заявили участники митинга в селении Гостомель Киевской области Украинской ССР. Подобных заявлений как от трудовых коллективов сельскохозяйственных предприятий, как и персональных — от отдельных сельских жителей в то тревожное время озвучивалось множество. Они выражали общие чувства и стремление с оружием в руках защищать Отечество, трудиться, не покладая рук, во имя приближения Победы[210].

В условиях начавшейся войны, оккупации некоторых районов было необходимо в кратчайший срок организовать слаженно действующую военную экономику, полностью мобилизовать весь материальный и трудовой потенциал. Цель была очевидной — превзойти военную мощь Германии, на которую в то время работала почти половина Европы. При этом СССР мог рассчитывать только на собственные ресурсы, так как помощь от союзников по войне стала поступать значительно позже. Но никакая мобилизация не могла иметь успеха без организации бесперебойного снабжения промышленности и вооруженных сил продовольствием. Эту задачу и предстояло решать труженикам села.

С начала войны представители колхозного крестьянства, совхозные рабочие и служащие согласно объявленной военной мобилизации в массовом порядке уходили на фронт. В одной только Вологодской области были мобилизованы 332 тыс. жителей, из которых почти 80% призваны из села. В Архангельской области на защиту Отечества были призваны свыше 270 тыс. человек[211]. Уже в первые месяцы начавшейся войны в селах фактически не оставалось семей, откуда бы не ушел на войну отец, муж, сын или брат, а то и сразу несколько мужчин призывного возраста. Особенно великий вклад в военную мобилизацию внесли многодетные крестьянские семьи. Например, в колхозе «Путь к коммунизму» Гаврилов-Ямского района Ярославской области из семьи Моревых ушли защищать Родину сразу 10 сыновей и 14 внуков. Из станицы Ладожской Краснодарского края своих восьмерых сыновей, четырех зятьев и внука проводил на войну М. Г. Россохоч, а в станице Тимашевской колхозница Е. Ф. Степанова проводила на фронт семерых сыновей.

Из саратовской деревни ушли на фронт сразу семь братьев Козловых, по три брата проводили на фронт семьи Царевых, Савенковых, Есиновских и Мироновых. И такие примеры не были исключением[212]. Благодаря проведению масштабной мобилизации в ряды Красной армии уже на начало июля 1941 г. были призваны 5,3 млн человек. К началу ноября 1942 г. ее состав насчитывал более 6,1 млн человек. Всего за первый военный год только из колхозов

тыловых областей на фронт выбыли 2,8 млн мужчин наиболее дееспособного возраста, в следующем году — еще 2,3 млн. К концу третьего года войны в колхозах оставалось всего 27% мужчин трудоспособного возраста от их довоенной численности, а все остальные ушли защищать Родину. Массовый отток колхозных кадров в Красную армию продолжался почти до 1944 г., то есть до тех пор, пока на них не была распространена система бронирования[213].

Следует отметить особую роль крестьянства в пополнении состава Красной армии. Учитывая, что в предвоенные годы в СССР доля сельского населения составляла 67%, а специалисты сельского хозяйства, в отличие от рабочих и служащих военной промышленности, не имели брони и были призваны на фронт, количество прямых выходцев из деревни в личном составе Красной армии, по имеющимся подсчетам, приближалось к 80%[214].

Крайне тревожная ситуация на фронтах и оккупация значительной части территории СССР, в том числе важнейших районов высокопродуктивного сельскохозяйственного производства, предельно обострили продовольственный вопрос. Агрессия нацистской Германии резко ослабила аграрный потенциал СССР, поскольку на оккупированной территории до войны проживали 88 млн человек, из которых две трети — сельские жители. Там же находилось 98 тыс. колхозов (42% их общего числа), 1,9 тыс. совхозов (45%) и 2890 МТС (свыше 40%), которые суммарно производили почти 40% зерна в стране, половину всех технических культур, 87% сахарной свеклы и значительные объемы животноводческой продукции.

На захваченной врагом территории осталось много сельскохозяйственной техники, скота, рабочих лошадей и значительная часть практически созревшего богатого урожая. Производительные силы аграрного сектора подверглись масштабному разрушению: было разорено и разграблено 98 тыс. колхозов (свыше 40% их общего довоенного количества), почти 1,9 тыс. совхозов (45%) и 2,9 тыс. МТС. Фашисты захватили и отправили в Германию 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн свиней, 110 млн голов домашней птицы и многое другое[215].

Решение проблемы превращения страны в единый лагерь при советской плановой системе традиционно было начато с изменения перспективного планирования. ГКО СССР весьма оперативно, уже к концу июня 1941 г., разработал и утвердил Мобилизационный народнохозяйственный план на третий, а затем и четвертый квартал 1941 г. Экстремальная ситуация в стране требовала и чрезвычайных методов действий, поэтому в соответствии с задачами обеспечения фронта перестраивалась вся экономическая политика государства. Все имевшиеся ресурсы в государстве перераспределялись в основном в пользу военной промышленности и обслуживавших ее отраслей. В качестве приоритетного направления экономического развития на период войны в плане была поставлена задача создания в кратчайшие сроки на востоке СССР крупной базы военно-промышленного производства, способной не только компенсировать потери от оккупации, но и значительно поднять оборонный и индустриальный потенциал страны.

Сельское хозяйство по праву является одной из важнейших составляющих военно-экономического потенциала государства. Исход войны определяют не только военные победы, но во многом и то, как накормлена, одета армия, как снабжаются рабочие, которые производят оружие. Неурожай или какой-либо другой провал в сельскохозяйственных работах способен привести к таким же страшным последствиям, как и неудача на военном фронте. Поэтому перед сельским хозяйством в программе военной перестройки ставилась исключительно трудная задача — обеспечение бесперебойного снабжения армии и тыла продовольствием, а промышленности — сельскохозяйственным сырьем. Кроме того, немецкая оккупация территории СССР требовала скорейшего вывоза из угрожаемых районов хлеба, сельскохозяйственной техники и скота.

Взятый ГКО курс на создание в восточных областях нового военного арсенала страны предусматривал серьезные изменения в системе размещения производительных сил. Намечалось существенно повысить роль тыла в производстве продовольствия и сельскохозяйственного сырья, для чего в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии планировалось расширить посевные площади — до 62,7 млн га, в том числе

Ученица 7-го класса Т. Пестова на пашне колхоза «Заря»

Школьники ухаживают за телятами на животноводческой ферме колхоза «Гигант»

Перед выходом на полевые работы

Колхозники Кумёнского района Кировской области отправляют на фронт «Красный обоз»: 140 подвод с 1770 пудами сельхозпродукции

за счет колхозов — до 54 млн га. На советских территориях, являвшихся традиционно главными производителями ценных технических культур, овощей, пшеницы, в тыловых районах предстояло с учетом тяжелых последствий немецкой оккупации полное освоение земель, при этом пригодных под самотечное орошение. Необходимо было наладить выращивание не только зерновых культур, но и технических — сахарной свеклы, льна, подсолнечника и другого.

План обязывал наркоматы земледелия и совхозов СССР, а также местные органы власти названных восточных территорий уже под урожай 1942 г. ввести в хозяйственный оборот дополнительные посевные площади и провести огромную работу по изменению существующей структуры посевов за счет внедрения ряда новых для этих территорий технических и масличных сельскохозяйственных культур. Главная задача работников колхозов, совхозов и МТС сводилась к тому, чтобы они при наличии имеющихся производственных ресурсов и кадрового обеспечения осуществляли снабжение в необходимом количестве продовольствием Красной армии и населения страны[216].

В связи со стремительным продвижением гитлеровских войск в глубь СССР летом 1941 г. тяжелые оборонительные бои проходили на огромной территории — от Баренцева моря на севере до Черного моря на юге страны. В это время одновременно с мобилизацией началась стихийная миграция населения в тыл. По железной дороге, водным транспортом и даже пешком люди продвигались на восток, ведя за собой детей и стариков, погибая часто под бомбежками.

ЦК ВКП(б) и советское правительство стремилось придать организованный характер этим миграциям. 27 июля 1941 г. было принято решение об эвакуации из угрожаемой зоны населения, а также промышленных, сельскохозяйственных ресурсов и культурных ценностей. Срочная эвакуация проходила в труднейших условиях. Работники сельского хозяйства старались по возможности убрать урожай до приближения немецких войск, но в случаях, когда это было невозможно, посевы уничтожались. Собранное зерно, а также тракторы, комбайны и другую технику прямо с уборки отправляли на восток, при этом ее нередко разукомплектовывали, частично забирали с собой или же по частям передавали на хранение колхозникам, закапывали в землю, прятали в лесу. В течение августа — сентября 1941 г., по неполным данным, с Украины удалось вывезти 12,5 млн центнеров зерна и другой сельскохозяйственной продукции. Благодаря этому удалось полностью обеспечить продовольствием войска Юго-Западного и Южного фронтов[217].

Вначале проводилась эвакуация колхозов, совхозов и МТС из областей Белоруссии, Правобережной и Левобережной Украины, а осенью — из прифронтовой части РСФСР (Смоленская, Калининская, Орловская, Тульская, Воронежская области). В тыл вместе с другими уходили многие колхозники, совхозные рабочие, сельская интеллигенция. К эвакуации была подготовлена годная к дальней дороге сельскохозяйственная техника, из машин формировались тракторные колонны, люди брали с собой ценные детали машин. Эвакуации подлежал и весь здоровый скот, прежде всего лошади и крупнорогатый скот, свиней же разрешалось забивать.

Маршруты эвакуации разрабатывались преимущественно с учетом расстояния до ближайшего тыла: из угрожаемых областей РСФСР — в не слишком отдаленные (300–400 км) Горьковскую, Ивановскую, Ярославскую области; из Украинской и Белорусской ССР, центрально-черноземных областей — на расстоянии 1500–2000 км, а именно в Пензенскую, Тамбовскую области, Мордовскую, Чувашскую и Татарскую АССР; из Молдавии и Украины — в Саратовскую, Сталинградскую области, а также Казахскую ССР и другие. И если промышленные предприятия эвакуировались в основном по железной дороге и водным транспортом, то сельскохозяйственные машины и скот продвигались на восток своим ходом, а сельские жители — на подводах и телегах. В пути эвакуируемым пришлось испытать неимоверные трудности. Происходил огромный падеж скота, голодные, изнуренные и сильно истощенные животные болели ящуром, сибирской язвой, другими болезнями. Гурты в несколько сотен голов крупнорогатого скота, а также до тысячи овец в сопровождении

гуртоправов и доярок с трудом продвигались по дорогам. Вместе со скотом передвигались и крестьяне, конюхи, табунщики, ветеринары и другие. Например, с Украины одновременно с сельхозтехникой и продуктивным скотом отправились от 400 до 500 тыс. человек.

В пути они нередко попадали под бомбежки, зачастую для скота не было кормов. Часть эвакуированного летом 1941 г. скота едва добралась до ближнего тыла, значительно меньше — до районов Северного Кавказа, Сталинградской и Северо-Казахстанской областей. Эвакуация продуктивного скота проходила более удачно с Украины, оттуда в тыловые районы прибыло почти две трети крупного рогатого скота от его былой численности на начало 1941 г., свыше 90% поголовья овец, 14% лошадей и прочее. Из прифронтовой полосы было вывезено основное совхозное стадо, а часть лошадей передавалась по пути воинским частям Красной армии[218].

Сложнее и с еще большими потерями прошла эвакуация сельскохозяйственной техники. В связи с нехваткой горючего и необходимых запчастей значительное число вполне исправных машин пришлось оставить в пути. В результате в считавшиеся тогда тыловыми Курскую, Воронежскую и Ростовскую области прибыла лишь малая часть парка машин, подготовленных к эвакуации. Эвакуация 1942 г. проходила в еще более сложных условиях, под авиационными налетами — немцы, прорываясь к Сталинграду, особенно сильно бомбили переправы через Волгу.

За это время погибло много не только людей, но и животных, машин. В целом за период эвакуации (вторая половина 1941–1942 гг.) из районов, подвергавшихся оккупации, удалось переправить в тыл всего 28% поголовья крупного рогатого скота, в том числе 38% коров, 39% поголовья овец и коз, 12% лошадей (в сравнении с их численностью на начало 1941 г.). За тот же период удалось вывезти и спасти лишь 3,4% тракторов, принадлежавших МТС и совхозам, и ничтожно малое количество комбайнов (менее 1% от их наличия в начале 1941 г.)[219].

Благодаря проведенной эвакуации работники сельского хозяйства, которым удалось добраться из европейской части СССР до мест назначения, значительно пополнили трудовые ресурсы колхозов и совхозов в восточных районах. Особенно благоприятно это отразилось на обеспеченности трудовыми ресурсами колхозов Сибири, где существовала проблема острой нехватки рабочих рук. Эвакуированные граждане пополнили ряды трактористов, механиков, а также счетоводов, бухгалтеров и других профессий.

Передовики сельского хозяйства, особенно эвакуированные с Украины, сыграли особую роль в процессе перевода колхозов на военные рельсы. Своим богатым опытом хлебороба делился прославленный председатель украинского колхоза «Здобуток Жовтня» Герой Социалистического Труда Ф. И. Дубковецкий. Во время войны он с семьей был эвакуирован в саратовский колхоз имени Карла Либкнехта. Несмотря на солидный возраст, работал в колхозных мастерских, а вскоре был избран председателем правления колхоза.

Своими передовыми методами работы на тракторе охотно делилась с местными механизаторами П. Н. Ангелина, эвакуированная в Восточно-Казахстанскую область. Опыт украинских колхозников очень пригодился для распространения в восточных областях СССР культуры сахарной свеклы, которая здесь высевалась впервые. В новых климатических условиях колхозники добивались высоких для того времени урожаев сахарной свеклы. Обучала местных дехкан возделыванию сахарной свеклы и эвакуированная с Украины колхозница К. Осичевская, которая работала агрономом Булунгурской МТС в Самаркандской области[220].

В целом эвакуация людей и части ресурсов сельского хозяйства в тыловые районы, несмотря на большие потери в пути, все же состоялась. Ее результаты значительно облегчили решение продовольственной проблемы в СССР как воюющей стране: сдавая эвакуированный скот по мясопоставкам, колхозы тыловых районов сохраняли собственное поголовье скота. Кроме того, эвакуированные работники сельского хозяйства оказывали неоценимую помощь в организации аграрного производства и распространении передового опыта. Следовательно, эвакуация основных сельскохозяйственных ресурсов в тыловые районы уже на начальном этапе войны стала весомым вкладом тружеников села в борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Жители Кандалакшского района Мурманской области на уборке урожая

Вывоз с поля сельхозпродукции

Крестьянские хлопоты на личном подворье

Председатель Черноморского сельсовета Краснодарского края и бригадир колхоза перед отправкой хлебного обоза в фонд Красной армии

Одновременно перестройке подвергалась и партийная работа в деревне. Большее распространение получила система уполномоченных, созданная в целях повседневного контроля над ходом уборки, прополки, ремонтных работ и прочего. Уполномоченными назначались, как правило, работники райкомов ВКП(б), райисполкомов, районных отделений НКВД, милиции. Они прибывали в колхозы, совхозы и МТС во время крупных сельскохозяйственных кампаний, чтобы в случае необходимости прийти на помощь. В отдельных случаях им удавалось оказать позитивное влияние на работу колхозов, помочь разобраться в недостатках, выправить ситуацию. Однако далеко не все из них располагали необходимым опытом и знаниями для того, чтобы оказать реальную помощь колхозно-совхозному руководству. Деятельность уполномоченных чаще была помехой, так как связывала инициативу колхозников.

В первый период войны, когда положение в стране было особенно тяжелым, ВКП(б) создала в деревне свои чрезвычайные органы — политотделы МТС и совхозов. Решение об этом было принято 17 ноября 1941 г. за подписью И. В. Сталина. Официально в их задачи входили активизация политической работы на селе, укрепление и повышение роли партии и комсомола. От политотделов ожидали многого: укрепления трудовой дисциплины, быстрого подбора новых кадров взамен ушедших на фронт, обеспечения выполнения колхозами, совхозами и МТС мобилизационных сельскохозяйственных работ. В обязанность им вменялось также организационное укрепление ослабевших во время войны сельских парторганизаций, особенно в колхозах[221].

Политотделы, стремясь ввести в сельскохозяйственное производство все имеющиеся резервы, довольно быстро активизировали политико-массовую работу в колхозах, совхозах и МТС, организовали социалистическое соревнование.

Политотделы обладали большими правами — не подчинялись сельским райкомам ВКП(б), а лишь согласовывали с ними свою деятельность. Они были подотчетны только специальным парторганам при Наркоматах земледелия и совхозов СССР и союзных республик. Почти весь состав политотделов был укомплектован партийными работниками с большим партстажем.

Тот факт, что начальник политотдела одновременно являлся и заместителем директора МТС или совхоза, разделяя с ними равную ответственность за выполнение хозяйственных планов, сыграл явно негативную роль в их деятельности. Пользуясь возложенной на них ответственностью за выполнение государственных планов, которую одновременно несли и руководители хозяйств, начальники политотделов зачастую считали себя вправе подменять их, и это в корне подрывало принцип единоначалия, сковывало инициативу хозяйственных руководителей.

Подобный параллелизм в работе политотделов и руководителей колхозов и совхозов не только создавал помехи в производственной работе, но и порождал между ними недопонимание, даже конфликты. Считая себя партийными ставленниками, то есть по определению стоявшими выше местных хозяйственных руководителей, они по-своему решали кадровые вопросы, допускали по отношению к колхозным председателям и бригадирам строгие административные меры.

Это приводило к высокой текучести среди руководящих кадров колхозного производства. К примеру, к 1943 г. только по Татарской АССР сменилось 2312 председателей колхозов, по Кировской области — 2958 (почти 40% состава председателей), по Челябинской — 1600 (почти половина), по Тамбовской — 751 (24%). В ряде областей Сибири широко практиковалось наложение партийных и административных взысканий на председателей колхозов. О сменяемости бригадиров и других руководящих колхозных кадров среднего звена данные отсутствуют, но факты по отдельным районам свидетельствуют, что она была не меньше. В то же время в отношении рядовых работников сельского хозяйства подобные факты не отмечались.

На партийной конференции Сталинградского обкома ВКП(б) весной 1943 г. многие из выступавших коммунистов справедливо отмечали огромную роль колхозов в продовольственном обеспечении страны. Однако при этом они подчеркивали, что отношение к председателям колхозов со стороны вышестоящих органов «не было бережливым»: «Райкомы партии

легко относятся к их снятию с должности и даже исключению из партии... Но насколько трудно избрание председателя, столь же непростым должно быть и его смещение. Некоторые руководители недооценивают огромную работу колхозного председателя»[222].

В 1943 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О работе политотделов МТС и совхозов», где немало было сказано об их многочисленных промахах: что они не смогли должным образом мобилизовать все трудоспособное население деревни на повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, в погоне за количественными показателями не замечали фактов грубого нарушения агротехники и плохого качества полевых работ, допускали оплошности при обеспечении хозяйств семенами, не следили за своевременным ремонтом техники, подготовкой механизаторских кадров и прочее. «Все эти провалы, — отмечалось в постановлении, — происходили оттого, что политотделы вместо политической работы разменивались на мелочи». Поэтому всего через полтора года после их создания, в мае 1943 г., политотделы в МТС и совхозах были упразднены «как выполнившие свою задачу»[223].

В первый период Великой Отечественной войны состояние производительных сил сельского хозяйства было серьезно подорвано в результате ухода на фронт нескольких миллионов мужчин наиболее дееспособного возраста. Последствия массовой военной мобилизации очень тяжело отразились на обеспеченности сельского хозяйства квалифицированными кадрами.

Уже в первый год войны в армию ушли до 60–70% общего числа колхозных председателей, среди которых и такие прославленные на всю страну, как М. А. Посмитный и А. И. Рубцов. На фронт убыли и почти 90% сельских механизаторов — наиболее квалифицированных и технически грамотных молодых людей, в том числе и такие известные, как К. А. Борин, М. Я. Сабинин, а также много других ценных работников колхозно-совхозного производства. Подчеркнем, что сельские механизаторы сыграли заметную роль в пополнении моторизованных частей Красной армии[224].

Еще в предвоенные годы руководство СССР уделяло пристальное внимание проблеме обеспеченности рабочей силой народного хозяйства, в том числе и аграрного производства. В административном порядке были приняты меры по усилению трудовой дисциплины, упорядочению использования рабочей силы на предприятиях. На это был направлен указ от 17 июля 1940 г. «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях»[225]. Впоследствии этот указ, имевший силу государственного закона СССР, оказал серьезное влияние на ужесточение трудовой дисциплины не только в МТС — государственных предприятиях, но и в колхозах.

Военная перестройка не могла не коснуться и такой важной сферы, как эффективность использования труда в колхозах и совхозах. Происходившая перестройка аграрного сектора на военный лад настоятельно потребовала максимально полной замены ушедших на фронт мужчин. Сделать это было крайне трудно, поскольку речь шла о восполнении наиболее качественного состава работников, чей труд был наиболее эффективным. Главной рабочей силой деревни стали женщины трудоспособного возраста. Увеличился также вклад резервных групп трудовых ресурсов — престарелых, инвалидов и больных колхозников. Постепенно все более массовое распространение получало и привлечение к общественному колхозному труду подростков от 12 до 16 лет. Но подобная замена в составе колхозных трудовых ресурсов не могла восполнить убыль наиболее полноценных работников — трудоспособных мужчин.

Реальным вариантом восполнения создавшегося дефицита рабочей силы могла стать лишь еще большая интенсификация труда за счет увеличения производственной нагрузки на занятых трудом. В особо драматический и напряженный летний период 1942 г., когда враг оккупировал новые территории СССР, в том числе «всесоюзные житницы» Украину и Северный Кавказ, было принято новое партийно-правительственное постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Оно объявляло о «временном, на период войны», повышении примерно наполовину нормы уже действовавшего с 1939 г. обязательного минимума трудодней для трудоспособных колхозников и колхозниц. В усло-

виях военного времени повышение их трудовой активности на вполне законных основаниях ужесточалось введением обязательного требования о равномерном распределении трудовой выработки колхозников по отдельным периодам года. За невыработку без уважительных причин нового обязательного минимума трудодней предусматривались еще более строгие наказания, чем введенные в 1939 г.[226]

Тяжелейшая ситуация с производительными силами деревни заставила советское руководство сделать решительный шаг в сторону привлечения еще одного резерва — более полного использования детского труда. Дети колхозников рано привлекались к сельскохозяйственному труду, помогая старшим по дому и в семейном приусадебном хозяйстве. Некоторая часть колхозных подростков и до войны оказывала помощь колхозам во время уборочной страды, но это имело добровольный и нерегулярный характер, обусловленный желанием помочь семье. Теперь же, в условиях войны и до предела обострившегося дефицита рабочих рук в сельском хозяйстве, постановление 1942 г. впервые в законодательном порядке учреждало обязательный минимум выработки трудодней и для колхозных подростков 12–16 лет[227].

Однако даже при полном привлечении к труду всех имевшихся резервов рабочей силы (подростки, старики, инвалиды и даже больные) с каждым военным годом, вплоть до 1944 г., убыль наиболее эффективно работавших колхозников — трудоспособных мужчин — восполнялась все в меньшей мере. По имеющимся оценкам, только в первый год войны убыль мужской рабочей силы в колхозах была возмещена на 77,4%, уже в 1942 г. — всего на треть, а в 1943–1944 гг. — не возмещалась совсем, поскольку весь наличный резерв труда уже был исчерпан[228].

В целом мобилизационные меры Советского государства заметно способствовали оптимизации использования трудовых ресурсов, которыми располагали колхозы и совхозы, помогли укрепить в них трудовую дисциплину. К сожалению, возможности сельского хозяйства в военное время были крайне ограничены. Государство не могло ему оказывать помощь в требующемся объеме. Более того, жесткая потребность в кадрах, прежде всего в оборонной промышленности, на стройки и объектах транспорта, постоянно вынуждала изымать из колхозного производства часть работников. При этом советское правительство не могло не осознавать, что дефицит рабочей силы в колхозах, накладываясь на существенное сокращение их материально-технических ресурсов, недостаток рабочего скота, со всей неизбежностью повлечет за собой еще большее снижение объемов сельскохозяйственного производства, тормозя тем самым продовольственное обеспечение Красной армии и населения.

В правительственном постановлении № 1353 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в рабочее время», принятом 10 августа 1942 г., содержалась оговорка относительно периодических трудовых мобилизаций из села для оборонных предприятий, заготовок леса, торфа и прочего. Освобождение от них получали лишь женщины, имевшие грудных детей[229]. По этой причине уже с конца 1942 г. общее сокращение рабочей силы в колхозно-совхозном производстве ощущалось значительно больше. Однако теперь уже оно становилось следствием не столько военного призыва на фронт, сколько проводившимися все более масштабно трудовыми мобилизациями молодых колхозников на промышленные предприятия.

Руководители предприятий промышленности, транспорта и сельского хозяйства получали право на период войны удлинять рабочий день за счет сверхурочных работ, отменять очередные отпуска. Это было определено указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1942 г., а также указом от июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время».

Кроме работников оборонных предприятий мобилизованными на весь период войны объявлялись все работники, чей характер работы имел отношение к обслуживанию военной промышленности. В количественном отношении это был многочисленный контингент, поскольку наряду с двумя третями занятых непосредственно в промышленности военную отрасль СССР обслуживало в той или иной мере еще около четверти общего числа работников сельского хозяйства, включая крестьян, перешедших на оборонные заводы[230].

Обоз с зерном нового урожая колхоза «Авангард» направляется на элеватор

«Красный обоз» с хлопком колхоза «Красный Октябрь» Узбекской ССР по дороге на заготовительный пункт

В связи с начавшейся войной первоочередной задачей государства становилась мобилизация производственных мощностей промышленных предприятий для выпуска продукции оборонного значения. С этой целью туда направлялся максимум государственных ресурсов, а также осуществлялся перевод значительного объема рабочей силы из сельского хозяйства. Деревню в годы военного лихолетья по инерции рассматривали как практически неисчерпаемый источник трудовых ресурсов для всего народного хозяйства. До начала войны положение с рабочей силой в сельском хозяйстве по большинству областей, краев и республик страны действительно было вполне благополучным. Во многих хозяйствах имелся даже определенный резерв рабочей силы, что позволяло колхозам ежегодно на протяжении 1938–1941 гг. поставлять промышленности в порядке организованного набора от 1,5 до 2 млн молодых рабочих[231].

Однако война вносила свои коррективы, и проблема обеспечения рабочей силой промышленности по-прежнему решалась посредством ее заимствования в основном из колхозов. Многочисленные наркоматы и ведомства, выполняя стоявшие перед ними задачи по скорейшему выпуску продукции для фронта, испытывали острый дефицит рабочих рук и требовали для этого направления к себе колхозников, скромных и работящих. Одновременно усиливавшийся отток трудовых ресурсов из сельского хозяйства при создавшемся недостатке энергетических мощностей превращался в одну из очевидных причин быстрого снижения сельскохозяйственного производства. Он же предельно затруднял полное и своевременное выполнение колхозами и совхозами государственных планов заготовок и закупок продовольствия.

Отвлечение колхозников от сельского хозяйства не ограничивалось лишь работой в оборонной промышленности, с учетом нужд фронта они были мобилизованы и на другие работы, что строго регламентировалось государством. Сельское население очень часто привлекалось на восстановление и строительство различных объектов, торфоразработки, лесозаготовки и другие работы. Например, для выполнения напряженного плана лесозаготовок, которые в северных областях СССР были не менее важными, чем сельское хозяйство, руководство Коми АССР было вынуждено мобилизовать не только поголовно все колхозное население, включая 14-летних подростков, мужчин старше 55 лет и женщин старше 50 лет, но даже домашних хозяек с малыми детьми. В колхозах не оставалось людей для выполнения самых необходимых работ[232].

Значительное количество сельских жителей было задействовано и на строительстве оборонительных сооружений. В тревожных условиях зимы 1941–1942 гг. почти четверть миллиона жителей Ярославской области, в числе которых не менее трех четвертей крестьян, были отмобилизованы на строительство оборонительных рубежей. При 35-градусном морозе от Рыбинского моря до границ Горьковской и Ивановской областей на протяжении 1900 км крестьянами было возведено с помощью лишь колхозных подвод и лопат за короткий срок несколько сотен земляных сооружений. Это были пулеметные доты, огневые точки, противотанковые рвы, надолбы, окопы и прочее. И все это было сделано преимущественно руками женщин-крестьянок, оторванных от семьи и детей[233].

Сокращение числа колхозных работников, как правило, сопровождалось соответствующим уменьшением числа колхозных дворов. Покидая деревню, ее жители заколачивали свои дома, хотя в тех семьях, где имелись старики, этого не происходило, так как пожилые колхозники в меру сил продолжали вести приусадебное хозяйство. Тем не менее общее число колхозных дворов в военные годы резко сократилось. Если до войны по СССР их насчитывалось 18,7 млн, то уже к концу 1941 г. — 11,9 млн (с учетом части территорий, попавших под оккупацию). В 1942–1943 гг. сокращение общего числа дворов в колхозах отмечалось практически во всех союзных республиках. По РСФСР более всего уменьшение числа колхозных дворов затронуло восточные районы — Урал, Алтай, Новосибирскую, Тюменскую, Пермскую, Курганскую, Читинскую области и Приморский край, то есть именно те области, куда была эвакуирована большая часть заводов из Центральной России. Следовательно, сокращение числа дворов в колхозах определялось не только масштабами призыва в ряды Красной армии,

но и переводом колхозников в сферу промышленности. Это подтверждается географией максимального сокращения колхозных дворов — оно было тем интенсивнее, чем больше в определенных районах сосредоточивалось не только эвакуированных из прифронтовой полосы предприятий, но и построенных уже в войну новых заводов, тоже нуждавшихся в рабочей силе. Лишь к началу 1945 г., когда от немецкой оккупации была полностью освобождена вся территория страны и начали возвращаться домой, в деревню демобилизованные воины Красной армии, общее число дворов в колхозах СССР практически восстановилось до уровня конца 1941 г.[234]

В процессе перевода советского сельского хозяйства на военные рельсы чрезвычайно трудно решалась проблема его обеспеченности квалифицированными кадрами. Война, сделав женщин главной силой в деревне, значительно повысила их долю не только в общем составе трудовых ресурсов, но и среди колхозных руководителей разного уровня. Всего на руководящую работу в колхозы за годы войны пришли почти 400 тыс. женщин-крестьянок, а более 250 тыс. самых способных из них возглавили колхозы, став их председателями. Так, если в 1940 г. по СССР женщин среди председателей колхозов насчитывалось всего 2,6%, то в 1944 г. уже в 4,5 раза больше — 11,8%; среди бухгалтеров и счетоводов удельный вес женщин возрос в пять с лишним раз — с 10,1 до 56,4%; среди колхозных бригадиров — с 4,6 до 41,2%; среди заведующих животноводческими фермами — с 16 до 49,2% соответственно[235]. Естественно, что в профессиональном отношении далеко не все женщины были подготовлены должным образом, но в жизни из них часто получались опытные руководители колхозного производства.

Важным направлением перестройки колхозной экономики на военный лад становилась массовая подготовка кадров. Всем женщинам, даже тем, которые до войны никакого участия в колхозных работах не принимали, теперь приходилось работать не покладая рук, в том числе и осваивая профессии, традиционно считавшиеся исключительно мужскими: шоферов, трактористов, комбайнеров и другие. Женщины стремились заменить уже выбывших и продолжавших уходить на фронт мужчин-механизаторов. Решалась проблема кадров в колхозах путем массового обучения сельскохозяйственным специальностям, которое обычно проходило в зимний период. Большое внимание уделялось ускоренной подготовке руководящих кадров для колхозов. Зимой 1941—1942 гг. при МТС и райземотделах были открыты краткосрочные курсы для подготовки председателей колхозов, счетоводов и работников животноводства. Кроме того, работники сельского хозяйства обучались и проходили переподготовку и на курсах повышенного уровня: межрайонные, областные и прочие. В начале весны 1942 г. в тыловых районах повсеместно прошли занятия для председателей колхозов на 10-дневных курсах-семинарах по специальной программе. Обкомы и крайкомы партии стремились охватить обучением на курсах не менее половины общего числа председателей колхозов[236].

С уходом на фронт мужчин-механизаторов особое значение приобрело обучение женщин этим специальностям. Уже на третий день войны ко всем колхозницам страны обратились трактористки Раменской МТС из Подмосковья с призывом овладеть техникой вождения тракторов, комбайнов и машин. Почти одновременно знатные трактористки страны П. И. Ковардак и П. Н. Ангелина тоже провозласили: «Женщины на машины!». Эти призывы получили массовый отклик у сельских женщин: только за первые полтора-два месяца войны в МТС и колхозах на краткосрочных курсах прошли подготовку свыше 260 тыс. трактористов, механизаторов, водителей машин и других специалистов, среди которых женщины составляли подавляющее большинство — 175 тыс. В июле — августе, а затем в ноябре — декабре 1941 г. во многих селах и райцентрах страны вновь заработали краткосрочные курсы по подготовке механизаторов, на которых получили специальность еще 286 тыс. механизаторов, в основном женщины-колхозницы. Благодаря таким формам обучения среди сельских механизаторов быстро росла доля женщин. Еще в июле 1940 г. среди трактористов страны их насчитывалось всего 8,5%, а уже через год их доля практически удвоилась — более 16%. Вдвое возросло и число женщин среди комбайнеров[237].

Стремительно развивалась и подготовка кадров массовых сельскохозяйственных специальностей, хотя обучение для колхозниц не было легким. Крестьянка из Алтайского края А. М. Степанова позже вспоминала это время: «Все мужчины ушли на фронт. Работать было некому. Нас послали на курсы трактористов в Веселоярск. Зиму проучились, а весной 1942 г. уже сели за трактор. Работать было очень трудно, тракторы были очень старые, часто ломались»[238].

Только с июня 1941 по декабрь 1943 г. обучение на курсах по стране прошли свыше 2,6 млн колхозников, которые приобрели определенные профессиональные и агрономические знания и навыки. Причем в отличие от первых месяцев войны, когда из-за недостатка средств подготовка была недостаточной, в последующий период она проходила уже под присмотром самих колхозов, крайне заинтересованных в получении грамотных кадров. Колхозы на собственные средства создали необходимую им дополнительную сеть школ и курсов, которая постоянно готовила для них сельскохозяйственные кадры нужных специальностей. В результате, если в 1941 г. обучалось всего 280 тыс. человек, то уже в 1942 г. — 401,3 тыс., что было почти втрое выше плановых заданий[239].

Состояние производительных сил в сельскохозяйственной отрасли подрывалось еще и тем, что помимо серьезного урона в рабочей силе заметно снизилась его материально-техническая оснащенность. Колхозы и совхозы уже в первые дни войны передали Красной армии значительную часть своего тракторного и автомобильного парка. В общей сложности сельское хозяйство за первые полгода войны лишилось 54% своих совокупных механических энергетических мощностей. Украина одной из первых отправила на фронт 9300 своих лучших тракторов и большое число автомашин, горючего и лошадей, а вскоре немало собственных транспортных средств передали армии и другие хозяйства тыловых областей.

Из колхозов Сибири в распоряжение армии поступило несколько тысяч тракторов общей мощностью 103 тыс. л. с., в том числе от алтайских колхозов — более трети тракторного парка, имевшегося в их распоряжении. Не меньше своего движимого имущества передали фронту и совхозы. Всего же по районам Сибири, Северного Кавказа и Поволжья в результате данной акции тракторный парк в колхозах и совхозах уменьшился вдвое, а тоннаж грузовых машин — более чем наполовину. Таким образом, к концу 1941 г. в сельском хозяйстве страны оставалось тракторов на одну треть меньше, чем до войны, а зерновых комбайнов — на 25%. Особенно значительным было сокращение парка грузовых автомобилей — их осталось всего 28% от довоенного количества. Оставшийся в МТС и совхозах тракторный парк в основном состоял из устаревших и сильно изношенных машин, что обещало в скором будущем возникновение огромной потребности в запасных частях и деталях[240].

В таких условиях важнейшим средством мобилизации аграрной отрасли на бесперебойное снабжение армии и населения продовольствием могли стать лишь внутренние резервы. Но они тоже были существенно ограничены падением уровня механизации работ и общим техническим спадом в сельском хозяйстве, который со всей неизбежностью требовал переходить на живое тягло и тяжелый физический труд людей. Работники колхозов, МТС и совхозов прекрасно осознавали, что многое, например поиск выхода из создавшегося положения с запчастями и ремонтом техники, зависит и от них самих. Уже в 1942 г. поиск внутренних резервов производства привел сельских рабочих к возможности повторного использования запасных частей после некоторой реставрации и ремонта. Комсомольцы и молодежь Иловлинской МТС Сталинградской области собственным примером доказали, что собранный на дорогах, деревенских улицах и в поле металлолом, потерянные и забытые ранее инструменты, детали от машин и прочее после их реставрации в мастерских МТС вполне могут использоваться в ремонте тракторов, комбайнов, машин и механизмов.

Партийные, советские и земельные органы сразу оценили всю важность данного начинания сельской молодежи, прежде всего с точки зрения политики строжайшей экономии ресурсов и перспектив ремонта сельскохозяйственной техники собственными силами. Они старались распространить этот почин на как можно большее число машинно-тракторных станций страны. По инициативе ЦК комсомола и Наркомзема СССР по всей стране со-

здавались комсомольско-молодежные бригады по сбору запасных частей и инструментов. Особую активность проявляли бригады Работкинской МТС в Горьковской области, Красноармейской МТС в Чувашской АССР, Тюкалинская МТС в Омской области и другие, которые отреставрировали детали и запасные части на многие тысячи рублей[241].

Превращение ремонтных мастерских МТС и совхозов в основной источник снабжения запасными частями сохранившегося машинно-тракторного парка стало примечательной чертой военного времени на селе. Большинство собранных запасных частей не просто реставрировалось — нередко из простейших деталей ремонтные рабочие составляли целые блоки, шестеренки и прочее, столь необходимые для реанимации сломанного трактора или автомобиля. В этом непростом деле значительную помощь деревне оказал и город, который направлял в сельскую местность бригады своих ремонтных рабочих. По имеющимся данным, зимой 1941–1942 гг. промышленные предприятия Западной Сибири передали совхозам и МТС 200 токарных, фрезерных и сверлильных станков, около 400 тонн металла, десятки двигателей, электромоторов и много других необходимых инструментов. О том, какой масштаб приобрели в стране работы по реставрации и сборке запчастей в сельских ремонтных мастерских, свидетельствует тот факт, что за два года (1942 и 1943 гг.) сельскими механизаторами было собрано, отреставрировано и изготовлено инструментов и запасных частей к тракторам, комбайнам и другим сельскохозяйственным машинам в общей сложности на 65 млн рублей. Инициатива сельских механизаторов и ремонтных рабочих, несомненно, имела огромное значение и для обороны страны. Она позволила своими силами отремонтировать десятки тысяч тракторов, не отвлекая при этом заводы от выполнения фронтовых заказов[242].

Особую остроту ситуации с энергетическими мощностями в сельском хозяйстве придавал тот факт, что дефицит технических ресурсов накладывался на существенное сокращение живой тягловой силы. Важной причиной этого стала передача Красной армии почти всего лучшего состава колхозно-совхозных лошадей наряду с тракторами и автомобилями. В целом по стране (без Правобережной Украины и Белоруссии) к концу 1943 г. в колхозах осталась лишь четверть довоенного конского поголовья. Хозяйства только одной Западной Сибири в начальный период войны отправили на фронт 167 тыс. лошадей (около четверти имевшегося поголовья)[243].

Недостаток гужевого скота и лошадей привел к невероятному возрастанию производственной нагрузки на оставшееся в деревне живое тягло. В среднем по стране в начале 1942 г. трудовая нагрузка в расчете на каждую голову рабочего скота возросла более чем на четверть. Среднегодовая выработка, приходившаяся на рабочую лошадь, возросла за это время в совхозах на 20–22%[244]. В ряде областей (Куйбышевская, Чкаловская, а также Алтайский край и другие) реальное соотношение поголовья рабочего скота и посевных площадей усиливало ее еще больше — трудовая нагрузка там возросла сразу на 40–50%.

В колхозах и совхозах стремились использовать оставшееся живое тягло с наибольшей пользой, поэтому оставляли его для выполнения наиболее трудоемких полевых и транспортных работ. По решению государственных органов рабочий скот на период полевых работ даже освобождался от гужевой повинности, при которой особенно жестко эксплуатировались лошади. Со своей стороны, руководство хозяйств следило, чтобы за три недели до начала сельскохозяйственного сезона рабочий скот отдыхал, был поставлен на подкормку. Но эти столь необходимые условия соблюдались далеко не всегда, так как фураж часто отсутствовал, а истощенный скот был не в состоянии восстановиться и далее нести такие перегрузки.

Создавшиеся условия ввиду нехватки, а то и полного отсутствия материально-технических ресурсов в отдельных колхозах вынуждали на сельскохозяйственных работах почти полностью переходить на конно-ручной труд. Физически тяжелые и трудоемкие операции все чаще выполнялись уже не только за счет лошадей, которых было мало, но и крупного рогатого скота. Только крайняя нужда могла заставить крестьянина использовать во время полевых работ сельскую кормилицу — корову, а то и нетель. Это было, конечно, ненормально и отрицательно сказывалось на развитии молочного производства. Например, при проведении весеннего сева 1942 г. в Западной Сибири пришлось привлечь к колхозным работам

почти половину общественного стада коров. Когда колхозных коров не хватало, в качестве тягловой силы использовали личный скот колхозников. Например, по решению Алтайского крайкома ВКП(б) и крайисполкома колхозники в этих условиях обязывались отработать на своих коровах 30 дневных норм[245].

Характерно, что начавшаяся техническая деградация производительных сил сельского хозяйства не имела реальных перспектив к улучшению на ближайшее время. С началом войны практически прекратились государственные поставки новых сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним, а также горюче-смазочных и строительных материалов, минеральных удобрений и многого другого. До войны советское сельское хозяйство всех этих ресурсов получало вполне достаточно, благодаря чему оно и смогло впоследствии передать на нужды фронта столько тракторов, грузовых автомобилей и прочего. Но с июня 1941 г. тот поток металла, горючего и другой продукции, который до войны через МТС получали колхозы, был практически перекрыт. Если в 1940 г. МТС страны получили 18 тыс. новых тракторов, то в 1942 г. — всего 400 единиц, а в 1943 г. — 500. Поставок же автомашин, комбайнов, молотилок, сеялок вообще не было. В 1942 г. МТС страны получили 700 плугов, 600 культиваторов, а жаток и сенокосилок — всего 3,4 тыс. штук. Для большой страны с крупным сельским хозяйством это было каплей в море[246].

Непосредственной причиной фактического прекращения поставок техники сельскому хозяйству послужили военные разрушения. Те два тракторных завода, которые перед войной выпускали основную часть тракторов для сельского хозяйства, были полностью уничтожены. На оккупированной территории оказалось еще девять крупнейших предприятий, обеспечивавших до войны свыше трех чевертей общего объема продукции сельскохозяйственного машиностроения. К тому же многие предприятия в тыловых районах, выпускавшие ранее технику для сельского хозяйства, были переведены на изготовление военной продукции.

ГКО и высшее руководство страны по возможности предпринимали меры для восстановления и строительства новых заводов по производству сельскохозяйственных машин и орудий. В 1943 г. в глубоком тылу, на Алтае, вступил в строй новый тракторный завод, а на ряде крупных машиностроительных заводов страны было начато производство сельскохозяйственной техники. Кроме того, многие промышленные предприятия в порядке шефства наладили выпуск запасных частей для ремонта сельскохозяйственных машин.

Результатом серьезного ухудшения материально-технической обеспеченности колхозно-совхозного производства и многомиллионной убыли квалифицированных работников становилось существенное снижение уровня механизации сельского хозяйства. Оно дополнялось и огромным недостатком горючего, запасных частей, прекращением поступления новой техники, общим снижением квалификационного уровня механизаторских кадров. Все это в итоге привело к резкому снижению производительности труда в сельском хозяйстве. Даже по официальным данным, за годы войны в колхозах, совхозах и других государственных предприятиях деревни она снизилась на 40%[247]. Это сделало аграрный труд физически еще тяжелее. Заметно удлинялась общая продолжительность рабочего дня, становились нормой многочисленные нарушения правил агротехники и прочее.

Таким образом, процесс перестройки колхозно-совхозной экономики на военный лад был серьезно осложнен общим кризисным состоянием производительных сил. С одной стороны, призыв на фронт сразу нескольких миллионов работников количественно и качественно ухудшил состав трудовых ресурсов деревни. С другой стороны, состояние материально-технической базы сельского хозяйства по целому ряду причин объективного характера становилось все более критическим. Снижение обеспеченности аграрной отрасли важнейшими видами ресурсов, включая различные механические двигатели и живое тягло, горючее и минеральные удобрения в значительной мере тормозило и затрудняло процесс выполнения задач, поставленных руководством страны перед колхозно-совхозным производством.

В целом колхозно-совхозная система была неплохо приспособлена для перевода сельских людских и материальных ресурсов на нужды обороны в сжатые сроки. Но этот перевод сельского хозяйства потребовал преодоления громадных трудностей, его труженикам пришлось

выполнять свою работу при существенно сократившихся материально-технических ресурсах, даже рабочего скота. Подавляющее большинство работ приходилось выполнять вручную или с помощью рабочего скота, а тракторы и комбайны, зачастую восстановленные руками сельских умельцев-механизаторов, выполняли лишь малую их часть. Поэтому крестьянский труд в войну был особенно тяжелым, тем более что работать в таких условиях в основном пришлось женщинам-крестьянкам, подросткам и старикам, заменившим мужчин, ушедших защищать Родину.

Одной из главных движущих сил этого процесса послужила опора на субъективный фактор — патриотизм и трудовой энтузиазм крестьянства. Работники сельского хозяйства проявили не только полное понимание важности своей миссии в этой войне — обеспечивать армию и население необходимым количеством продовольствия и сырья, но и сделали для этого все, от них зависевшее. В целом перестройка колхозно-совхозной экономики в соответствии с потребностями военного времени, несмотря на тяжелое положение с рабочей силой и материально-техническими ресурсами, была завершена к началу 1943 г. С этого времени советское сельское хозяйство уже работало на максимально полное удовлетворение нужд фронта.

Особые формы организации труда

Консолидация тыла в условиях войны была бы невозможна без соблюдения жесточайшей дисциплины на производстве и в быту. Именно этим обстоятельством и объяснялась, в первую очередь, нетерпимость советского руководства к любым проявлениям дезорганизации трудовой жизни страны. За годы войны суды всех видов вынесли приговоры по делам о преступлениях, предусмотренных принятыми Президиумом Верховного Совета СССР постановлениями в годы войны, более 8,5 млн человек, из них свыше 2 млн человек приговорили к лишению свободы[248]. Указы не предусматривали в качестве меры наказания направление в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), но на практике такие случаи бывали довольно часто. Еще накануне войны СНК СССР и ЦК ВКП(б) «в целях быстрейшего развития производительных сил в северо-восточной части Советского Союза» совместным постановлением от 10 мая 1940 г. разрешили НКВД СССР «направлять в исправительно-трудовые лагеря и строительства НКВД из тюрем и колоний заключенных независимо от срока их осуждения»[249].

На 1 января 1941 г. в исправительно-трудовых лагерях и колониях содержались 1 876 834 заключенных, из них 555 589 человек (29,6%) отбывали наказание за так называемые контрреволюционные преступления, а 1 321 245 человек (70,4%) находились в местах лишения свободы за совершение уголовных, должностных, воинских и других преступлений. Среди общего количества заключенных Главного управления лагерей (ГУЛАГ) насчитывалось 1 701 467 мужчин и 175 367 женщин. В тюрьмах НКВД СССР на 1 января 1941 г. содержались 470 693 человека. К началу войны численность заключенных в лагерях и колониях составляла, по официальным данным, 2,3 млн человек[250].

В первый же день войны совместной директивой, на исполнение которой отводилось 24 часа, нарком внутренних дел и прокурор СССР указали: «1. Прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников. 2. Указанных заключенных, а также польские контингенты, немцев и иноподданных сосредоточить в усиленно охраняемые зоны, прекратив бесконвойное использование на работах. Содержащихся в лагере заключенных максимально законвоировать. 3. Арестовать заключенных, на которых имеются материалы в антисоветской деятельности. 4. Охрану лагерей, тюрем и колоний перевести на военное положение. 5. Прекратить отпуска всем работникам лагерей, тюрем и колоний и работникам прокуратуры ИТЛ, находящихся в отпусках немедленно вызвать. 6. Прекратить всякую переписку заключенных, а также содержащихся

в спецпоселках с волей»[251]. Во исполнение названной директивы в лагерях и колониях были задержаны до конца 1941 г. более 50 тыс. человек, уже отбывших свои сроки наказания.

В связи с отсутствием транспорта значительные массы заключенных эвакуировались пешим порядком, нередко на расстояния более тысячи километров. Всего с территорий, находившихся в непосредственной близости к зоне военных действий, было эвакуировано 27 лагерей и 210 колоний с общим числом заключенных 750 тыс. человек[252].

Заключенные, следовавшие пешком в глубь страны, широко использовались по требованию командования на оборонительных работах. Случалось, что им приходилось принимать участие и в боевых действиях. О некоторых эпизодах мужественного поведения заключенных при столкновении с врагом рассказывал позднее один из руководителей Сорокского ИТЛ (Карело-Финская ССР) Г. П. Покровский. «Фронт от лагеря находился недалеко, — писал в докладной записке сотрудник ГУЛАГа. — Одно из подразделений лагеря, находившееся на спецточке вблизи г. Выборга, при наступлении немцев стало эвакуироваться, отходить к Лодейному Полю. При марше по болотистой местности по лежневой дороге был замечен прорыв танковой колонны немцев, которая настигала колонну заключенных. Колонна быстро свернула с дороги, и часть конвоя и заключенные замаскировались и организовали оборону. Колонна танков приближалась, положение становилось критическим, тогда один из заключенных выскочил на лежневку, подскочил к стоящей грузовой машине, сел за руль и, развернувшись, с полного хода двинулся в сторону идущему головному танку. Налетев на танк, заключенный герой погиб вместе с машиной, но танк тоже стал и загорелся. Дорога была загорожена, остальные танки ушли обратно. Это спасло положение и дало возможность эвакуироваться колонне дальше»[253]. Этот «заключенный герой» так и остался безымянным, поскольку органам НКВД СССР не удалось установить его фамилию.

В числе подлежащих эвакуации заключенных имелось значительное количество лиц, осужденных за нарушения трудовой дисциплины, мелкие кражи на производстве, бытовые маловажные преступления, а также беременных женщин и женщин с малолетними детьми, несовершеннолетних преступников, стариков и инвалидов. Руководство ГУЛАГа, учитывая это обстоятельство, выступило с инициативой освобождать «по мере необходимости» вышеназванные категории заключенных от дальнейшего отбытия наказания в тех местностях, которые указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. были объявлены на военном положении. При этом преследовалась цель «разгрузки лагерей и колоний от контингентов, не представляющих угрозы для государственной безопасности». Не подлежали освобождению осужденные за контрреволюционные и другие особо опасные преступления, а также бандиты, рецидивисты и злостные хулиганы.

По представлению НКВД СССР Президиум Верховного Совета СССР издал 12 июля и 24 ноября 1941 г. указы об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений. К ним относились заключенные, осужденные на небольшие сроки за прогулы, бытовые, малозначительные должностные и хозяйственные преступления, в том числе и бывшие военнослужащие — они досрочно освобождались из мест лишения свободы, при этом лица призывных возрастов передавались в Красную армию. На 1 сентября 1943 г. по этим указам были освобождены 650 тыс. человек[254].

С началом войны продолжилось строительство объектов, отнесенных 30 июня 1941 г. постановлением СНК СССР к числу «ударных сверхлимитных строек НКВД СССР на 1941 год». Среди таких объектов было строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали. Эта вновь строящаяся железная дорога проходила по территории Коми АССР, в направлении с юго-запада на северо-восток, по совершенно неосвоенному району при полном отсутствии населенных пунктов и каких-либо дорог. В 1941 г. в связи с началом военных действий перед руководством Главного управления лагерей железнодорожного строительства НКВД СССР (ГУЛЖДС), которому подчинялся Северо-Печорский ИТЛ, правительством была поставлена конкретная задача. Необходимо было ввести во временную эксплуатацию железнодорожную линию Кожва — Воркута, а также «начать по этой магистрали вывозку из Воркутпечлага НКВД угля для оборонных нужд нашей страны».

Строительство железнодорожной линии

Прибытие первого поезда в Воркуту

Летом 1942 г. в лагере работали 86 тыс. заключенных и 7,6 тыс. вольнонаемных, из них 4,8 тыс. — в военизированной охране[255]. Среди вольнонаемных рабочих было много бывших заключенных, которых после освобождения в обязательном порядке оставляли на работах при лагере. Кроме Северо-Печорского ИТЛ на строительстве новой железнодорожной магистрали были заняты заключенные Северо-Двинского и Северного железнодорожного ИТЛ. В этих лагерях на 1 января 1943 г. содержалось: в Северо-Печорском — 58 825 человек, в том числе 22 327 осужденных за контрреволюционные преступления; в Северо-Двинском — 20 663 человека, из них 5047 контрреволюционеров. В Северном железнодорожном лагере из общего количества 29 741 заключенного отбывали наказание за контрреволюционные преступления 17 114 человек[256].

Несмотря на чрезвычайно сложные природные условия и плохую организацию снабжения, лагерям, занятым железнодорожным строительством, удалось своевременно выполнить необходимый минимальный объем работ, который позволил начать эксплуатацию новой железнодорожной линии. В совместном приказе наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, наркома путей сообщения СССР Л. М. Кагановича о выполнении первоочередных работ по достройке Северо-Печорской железной дороги от 19 августа 1943 г. отмечалось: «Строительные организации ГУЛЖДС НКВД СССР проделали в трудных и заболоченных тундровых районах Севера большую работу по строительству Северо-Печорской железнодорожной магистрали и обеспечили открытие движения поездов в сжатые сроки. Это позволило в условиях Отечественной войны организовать вывоз в промышленные районы угля, леса и других грузов»[257].

Потеря Донбасса и разрушение шахт Подмосковного угольного бассейна поставили центральные и северо-западные регионы страны в условия топливного голода, поскольку ввозить уголь из восточных районов оказалось очень сложно в силу большой загруженности железных дорог военными перевозками. Его ждали на военных заводах, в Ленинграде, на Северном флоте. В этой ситуации большие надежды возлагались на Печорский угольный бассейн. 12 февраля 1942 г. Совнарком СССР издал постановление «О развитии добычи Воркутинских углей и о мероприятиях по обеспечению их вывозки». При этом ставилась задача увеличить объем годовой добычи угля в 2,5 раза — до 750 тыс. тонн и объем вывоза в 7 раз — до 700 тыс. тонн.

Разработкой и эксплуатацией угольных месторождений Печорского бассейна занимались Воркутинский ИТЛ и выделившийся из него в ноябре 1941 г. Интинский ИТЛ. В труднейших климатических условиях Крайнего Севера десятки тысяч заключенных строили шахты, добывали уголь, прокладывали дороги. В Воркутинском лагере на начало января 1943 г. содержались 27 793 заключенных.

В 1942 г. Воркутлагом было добыто 706,2 тыс. тонн угля, или 94,1% от планового задания, к концу 1945 г. объем добычи увеличился по сравнению с 1940 г. более чем в 10 раз. С зимы 1941–1942 гг. уголь Воркуты систематически поступал по ледовой трассе в Ленинград. К концу войны удельный вес воркутинского угля составлял в топливном балансе Ленинграда 60–70%. Как писала 9 декабря 1944 г. «Ленинградская правда», «этот уголь дорог нам вдвойне: и как топливо, и как знак любви»[258].

В годы войны в Воркуту прибыло значительное количество вольнонаемных специалистов из Донбасса, Кузбасса, с Урала. Однако основную массу «горняков Печорского бассейна» составляли именно заключенные. Своим тяжелым подневольным трудом они внесли немалый вклад в оборону страны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 сентября 1943 г. «За успешное строительство в 1940–1943 годах новой Северо-Печорской железной дороги Воркута — Котлас — Коноша протяжением 1847 км и освоение Печорского угольного бассейна» были награждены 714 сотрудников НКВД СССР. Правительственные награды — 257 орденов и 457 медалей — получили начальники лагерей, политотделов, управлений НКВД СССР, а также их заместители[259]. В отношении заключенных практиковались иные виды поощрений. Так, один из приказов наркома внутренних дел разрешал Печорлагу «производить в порядке поощрения выдачу за наличный расчет спирта заключенным», занятым на важных работах по эксплуатации железной дороги.

Заключенные ИТЛ на лесосплаве

…и торфоразработках

Война внесла существенные коррективы в хозяйственную деятельность лагерей и колоний. Согласно приказу НКВД СССР от 28 июня 1941 г. «О прекращении работ по строительству НКВД СССР в связи с началом войны» с 1 июля приостанавливались работы по строительству 41 предприятия и на 19 объектах дорожного строительства. План капитальных работ наркомата на 1941 г. сокращался с 7,1 до 4,9 млрд рублей. В соответствии с постановлением СНК СССР от 30 июня 1941 г. был объявлен список ударных сверхлимитных строек НКВД СССР на 1941 г., куда вошли 64 объекта, имевшие оборонное значение или с высокой степенью готовности[260]. В 1942 г. строительные организации НКВД СССР выполнили капитальных работ на 3,1 млрд рублей, в 1943 г. — на 2,3 млрд (самый низкий показатель за годы войны), в 1944 г. — на 3,1 млрд, в 1945 г. — на 3,6 млрд[261].

С первых же дней войны ГУЛАГ организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта, перестроив производство всех промышленных колоний на выпуск боеприпасов, спецукупорки, обмундирования и другой военной продукции. Приказом НКВД СССР от 17 февраля 1942 г. в составе Управления исправительно-трудовых колоний ГУЛАГа был организован специальный Отдел производства военной продукции, целью которого являлось обеспечение «единого производственно-технического руководства предприятиями НКВД СССР, вырабатывающими боеприпасы, вооружение и предметы снаряжения для Красной армии, а также дальнейшего развертывания этих производств»[262].

Изготовление боеприпасов ГУЛАГ начал на базе мелких промышленных колоний, зачастую полукустарного типа, выпускавших до войны кровати, скобяные изделия, алюминиевую посуду и прочие предметы ширпотреба. Уже в 1941–1942 гг. на выпуск боеприпасов было переключено 35 промышленных колоний. Несмотря на отсутствие необходимого станочного оборудования, инструментов, острую нехватку инженерно-технических кадров, низкую культуру производства, промышленные колонии в течение нескольких месяцев освоили массовое производство осколочно-фугасных мин и ручных гранат. К концу войны ГУЛАГ занимал второе место в Союзе по выпуску осколочно-фугасных мин.

С начала войны по заданию Государственного Комитета Обороны 58 промышленных деревообрабатывающих колоний ГУЛАГа вместо мебели стали изготавливать спецукупорку для мин, снарядов, авиабомб. За первые три года войны предприятия НКВД СССР изготовили 20,7 млн комплектов спецукупорки, выполнив задание ГКО на 107%. Пиломатериалы для изготовления различных видов спецукупорки также производились заключенными из собственных лесозаготовок ГУЛАГа. В последний год войны НКВД занимал второе место в СССР по производству спецукупорки для боеприпасов[263].

До войны ГУЛАГ являлся основным и практически единственным в стране поставщиком кожтехнических изделий для оборонной промышленности и армии. Изготовлением этой продукции занималась Сокольническая ИТК № 1 в Москве. Во второй половине 1941 г. часть производства пришлось эвакуировать в восточные районы страны, что привело к сокращению выпуска кожтехнических изделий, однако уже с начала 1942 г. ГУЛАГу удалось наладить производство продукции в колониях-дублерах и значительно расширить выпуск кожтехизделий. Учитывая трудности с получением остродефицитных кожполуфабрикатов, НКВД СССР приступил к поиску кожзаменителей для выработки технических изделий. В 1942 г. на предприятиях ГУЛАГа удалось создать полноценные полихлорвиниловые заменители кожи для уплотнителей и организовать их производство. Уже в следующем году 135 предприятий 20 промышленных наркоматов использовали уплотнители из полихлорвинила. Это позволило за год сэкономить 50 тонн высокосортной технической кожи[264].

Кроме выпуска военной продукции заключенные ГУЛАГа принимали участие в строительстве металлургических комбинатов в Нижнем Тагиле, Челябинске, Актюбинске, Закавказье, Норильского медно-никелевого комбината, Джидинского комбината, Богословского алюминиевого завода, нефтеперегонного завода в Куйбышеве и многих других. За годы войны на укомплектование рабочей силой строек и лагерей НКВД СССР для обеспечения выполнения заданий правительства по сооружению оборонных объектов, добыче металла, угля, лесозаготовок и прочего были направлены 2 млн 268 тыс. заключенных[265].

Одной из наиболее масштабных строек НКВД СССР стало капитальное строительство трех авиационных заводов в районе Куйбышева, имевшее в годы войны стратегическое значение для экономики СССР[266]. Приказом НКВД от 28 августа 1940 г. на территории Куйбышевской области было создано специализированное лагерно-производственное подразделение НКВД — Управление особого строительства НКВД СССР (Особстрой). Для обеспечения строительных площадок и подсобных предприятий рабочей силой в структуре Особстроя с осени 1940 г. начал формироваться крупный лагерный комплекс — Безымянский ИТЛ. Уже в феврале 1941 г. для заключенных Безымянлага был введен 10-часовой рабочий день, увеличенный с начала войны до 11–12 и более часов. Численность заключенных лагеря к августу 1941 г. превысила 94 тыс. человек. Согласно государственному плану, скорректированный срок окончания строительства определялся 31 декабря 1941 г.

Обстановка военного времени придала строительству авральный характер, поскольку осенью 1941 г. в район Куйбышева по решению ГКО началась эвакуация авиационных заводов из Москвы и Воронежа. Для расселения тысяч эвакуируемых работников этих заводов, членов их семей требовалось жилье, которого строившийся авиакомплекс еще не имел. Наряду со строительными работами по возведению заводских корпусов Особстрой развернул ускоренное жилищное строительство и сооружение социально-бытовых объектов. Одновременно велась прокладка тепловых, водопроводных и канализационных коммуникаций.

Для того чтобы стимулировать повышение производительности труда заключенных, в Безымянлаге в порядке исключения временно ввели зачеты рабочих дней, отмененные в июне 1939 г. указом Президиума Верховного Совета СССР. При высоких производственных показателях и образцовом поведении заключенному один день работы могли засчитать за 3–5 дней срока отбытия наказания. Согласно особым указаниям Л. П. Берии, разрешалось в порядке поощрения досрочно освободить 500 лучших работников из числа заключенных, о чем надлежало объявить по всему Безымянлагу. Для стимулирования трудовой активности позволялось увеличивать на 50% паек питания заключенным, перевыполнявшим производственные нормы.

Трудовые ресурсы Особстроя были неоднородны. Наряду с заключенными Безымянлага на строительстве работали и вольнонаемные рабочие, и специалисты. Помимо самих авиационных заводов к важнейшим сооружениям Куйбышевского авиапромышленного комплекса относились объекты энергетики, аэродром и рабочий поселок. До конца текущего года работы по ним не были завершены в полном объеме, однако инфраструктура нового авиакомплекса в целом была сформирована. 29 декабря 1941 г. план строительства авиационных заводов в Куйбышеве был выполнен[267]. Именно здесь в годы войны были построены почти все штурмовики Ил-2.

В 1942 г. на объектах Куйбышеского авиакомплекса были введены в эксплуатацию два турбогенератора Безымянской ТЭЦ, испытательная станция моторов, карбидный завод, водопровод, трамвайные пути, шоссейная дорога Куйбышев — Безымянка и сданы заводские жилые дома площадью 128 тыс. кв. метров.

В целом в результате выполненных в 1942 г. строительных работ НКВД СССР ввел в действие ряд важнейших предприятий и сооружений оборонного и экономического значения. По стройкам черной металлургии: подготовлен к пуску Челябинский металлургический завод, введен в действие Актюбинский завод ферросплавов. По оборонным стройкам: сданы в эксплуатацию пороховой завод в Соликамске, авиационный завод в Омске, артиллерийский завод в Свердловске. Было построено и введено в строй 125 аэродромов. Годовой план по объему работ выполнен на 135%.

На Дальнем Востоке был введен в действие нефтепровод от Сахалинских нефтепромыслов в Татарский пролив (с подводной укладкой труб) до пункта Софийское на Амуре, протяженностью 371 км, что решало вопрос транспортировки сахалинской нефти в Комсомольск-на-Амуре и Хабаровск. Успешному выполнению капитальных работ в этих и других отраслях экономики способствовало то, что все промышленные предприятия, железные дороги и производственные объекты возводились в соответствии с постановлением СНК

СССР от 11 сентября 1941 г. «О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени», которое предписывало упрощенный метод ведения работ.

Промышленное производство НКВД СССР охватывало в годы войны более 15 отраслей народного хозяйства, в том числе цветную металлургию, уголь, нефть, производство боеприпасов, лесную промышленность, деревообработку, производство предметов ширпотреба. Общий объем выпуска промышленной продукции в неизменных ценах составил в 1942 г. 1,29 млрд рублей, в 1943 г. — 1,56 млрд, в 1944 г. — 1,98 млрд, в 1945 г. — 1,65 млрд[268]. Все лагеря и колонии НКВД СССР находились в годы войны на полной самоокупаемости.

Значительный вклад в победу советского народа в годы Великой Отечественной войны внес Дальстрой. Источниками пополнения рабочей силы и кадров Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР были вербовка специалистов и завоз заключенных. За 11 лет, с 1931 по 1942 г., на Колыму для работы в Дальстрое были завезены 356 тыс. заключенных. Для их содержания еще в начале 1930-х гг. были организованы Северо-Восточные лагеря, перешедшие в 1942 г. в непосредственное подчинение Дальстрою. Многие из заключенных после освобождения оставались работать в Дальстрое по вольному найму. Это обстоятельство, особенно в военные годы, стало основным фактором увеличения удельного веса вольнонаемных рабочих. На ноябрь 1942 г. в Дальстрое были заняты 202,4 тыс. работников, в том числе 126 тыс. заключенных и 76,4 тыс. вольнонаемных[269].

Несмотря на резкое сокращение капиталовложений в деятельность этой организации, Дальстрой добыл в 1941–1945 гг. более 360 тонн химически чистого золота. Некоторое улучшение механизации горных работ произошло лишь в 1944–1945 гг., когда по ленд-лизу Колыма получила большое количество экскаваторов, бульдозеров и другой техники. Тем не менее около трети колымского военного золота (106,5 тонн) было добыто исключительно ручным способом.

За годы войны Дальстрой добыл 19 320 тонн оловянного концентрата. Особое значение для достижения столь значительного результата имели 13 новых обогатительных фабрик, построенных в военное время. «Сплошная вечная мерзлота, простирающаяся на глубину до 300 метров, бездорожье и топи, суровые зимы с пургой и морозами, достигающими 60 градусов, — все это преодолевалось в борьбе за выполнение государственного плана по золоту и олову»[270].

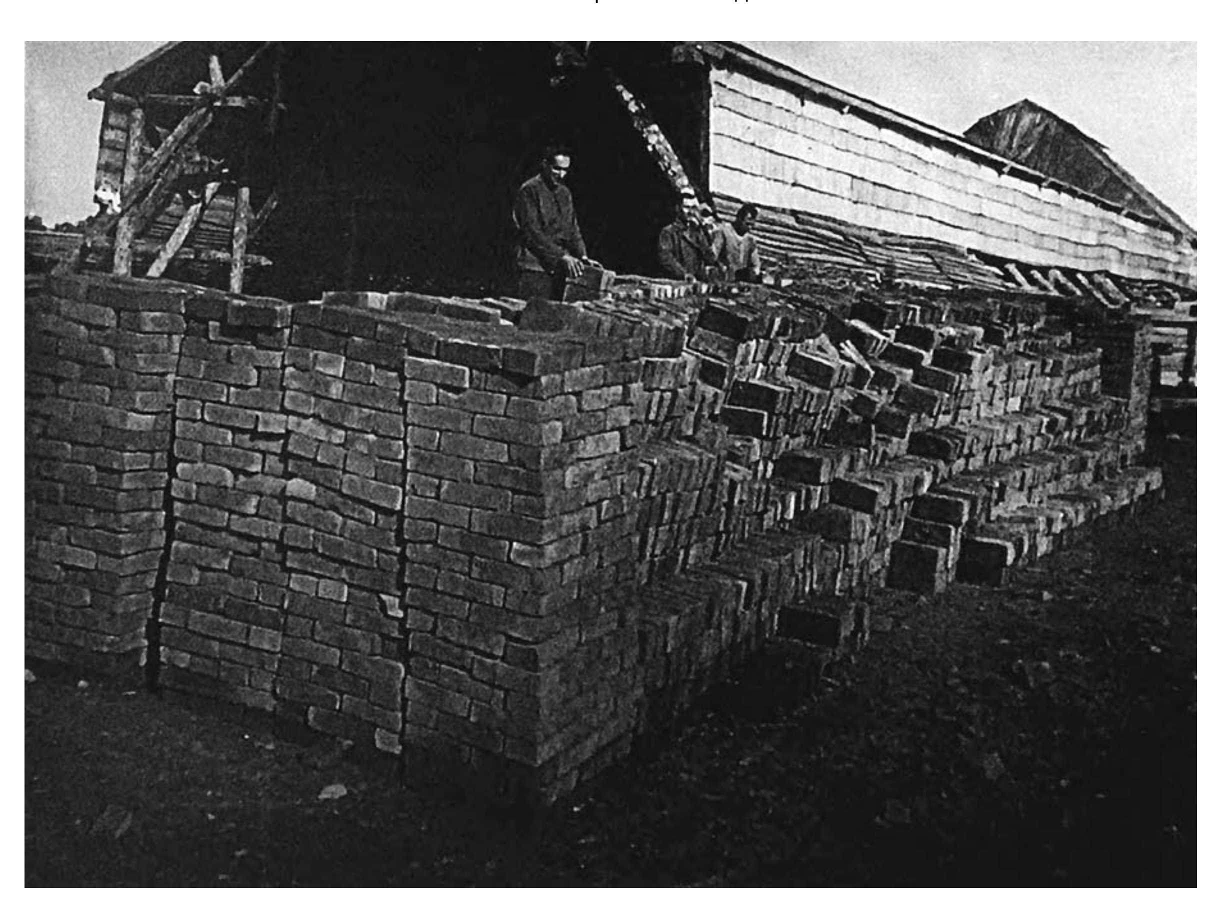
В 1941–1944 гг. началась добыча наиболее важного (после золота и олова) металла Колымы — вольфрама. Общий объем добычи за эти годы составил 280 тонн трехокиси вольфрама. В этот же период, в соответствии с заданиями правительства, на Колыме и Чукотке начались активные геологоразведочные работы по поиску месторождений урана. За большой вклад в оборону страны Дальстрой удостоился правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени. Орденами и медалями в разные периоды были награждены более одной тысячи работников Дальстроя.

В годы войны, в соответствии с решениями ГКО, ГУЛАГ обеспечивал рабочей силой 640 предприятий других наркоматов, в то время как до войны заключенные выделялись только 350 предприятиям. Для обслуживания наиболее важных оборонных предприятий ГУЛАГ организовал 380 специальных исправительно-трудовых колоний, в которых в условиях соответствующего режима и охраны содержались 225 тыс. заключенных. Из этого числа 39 тыс. человек работали в промышленности боеприпасов и вооружения, 40 тыс. — на предприятиях черной и цветной металлургии, 20 тыс. — в авиационной и танковой промышленности, 15 тыс. — в угольной и нефтяной промышленности. Заключенные, работавшие на военных заводах, участвовали в производстве танков, самолетов, боеприпасов, вооружения[271].

Далеко не на всех строительствах и предприятиях НКВД СССР заключенные были основной и тем более единственной рабочей силой. Так, например, на апрель 1945 г. на Челябметаллургстрое списочный состав работающих включал 34 300 человек, из них 4300 заключенных, 4800 вольнонаемных, 4100 военнопленных, 800 спецпереселенцев, 20 300 мобилизованных немцев (трудармейцев)[272].

Работы на кирпичном заводе

В связи с острой нехваткой квалифицированной рабочей силы ГУЛАГ совместно с производственным аппаратом строительств организовал в лагерях и колониях массовое техническое обучение заключенных. За три военных года были подготовлены около 300 тыс. квалифицированных рабочих, которые использовались на стройках и предприятиях НКВД. Кроме того, за годы войны среди заключенных были выявлены свыше 44 тыс. специалистов и высококвалифицированных рабочих (инженеров, техников, металлистов, железнодорожников и прочих), которых по заявкам производственных управлений НКВД направляли на предприятия для работы по специальности[273].

Труд советских заключенных использовался не только в промышленности или строительстве. Имена таких узников ГУЛАГа, как А. Н. Туполев, С. П. Королёв, Д. С. Марков, В. М. Петляков, В. П. Глушко, В. М. Мясищев, А. Л. Минц, А. И. Некрасов, Б. С. Стечкин, А. М. Черёмухин, и многих других выдающихся ученых были связаны с деятельностью Особых конструкторских бюро (ОКБ), входивших в состав 4-го спецотдела НКВД СССР. В январе 1939 г. «в целях использования заключенных, имеющих специальные технические знания и опыт», при Наркомате внутренних дел СССР было организовано Особое техническое бюро, на базе которого в июле 1941 г. сформировали 4-й спецотдел НКВД СССР. Основными задачами этого отдела являлись: «использование заключенных специалистов для выполнения научно-исследовательских и проектных работ по созданию новых типов военных самолетов, авиамоторов и двигателей, военно-морских судов, образцов артиллерийского вооружения и боеприпасов, средств химического нападения и защиты». На 4-й спецотдел возлагалась также задача «обеспечения оперативных отделов и управлений НКВД и НКГБ средствами радиосвязи и оперативной техники»[274].

Накануне и в начале Великой Отечественной войны некоторые заключенные из числа осужденных ученых и специалистов были досрочно освобождены по постановлению Президиума Верховного Совета СССР и продолжили работу в ОКБ в качестве вольнонаемных специалистов.

Деятельность ОКБ накануне и в годы войны была чрезвычайно разнообразной и весьма плодотворной. Вот лишь некоторые результаты, отмеченные в отчете 4-го спецотдела НКВД СССР от 14 августа 1944 г., посвященном проектно-конструкторским работам 1939–1944 гг.: пикирующий бомбардировщик Пе-2, руководитель проекта В. М. Петляков; фронтовой пикирующий бомбардировщик Ту-2, руководитель проекта А. Н. Туполев; дальний высотный бомбардировщик, руководитель проекта В. М. Мясищев; авиационный реактивный двигатель РД-1, руководитель проекта В. П. Глушко.

В отчете также отмечены универсальные артиллерийские системы, противотанковые пушки, подводная лодка, торпедный катер, армейские портативные радиостанции, прибор ночного видения и многие другие разработки, которые успешно прошли испытания и были приняты на вооружение. Большие достижения имелись у создателей новой радиотехники и специальной аппаратуры. Эту наиболее совершенную спецтехнику органы НКВД и НКГБ СССР активно использовали в оперативной работе. В отчете говорилось, что «отдельные объекты, разработанные в 4-м спецотделе и принятые на вооружение, по своей технической новизне, смелому и оригинальному решению ряда технических и конструктивных задач признаны выдающимися. Авторам этих объектов т. В. М. Петлякову, А. Н. Туполеву и А. Д. Чаромскому присвоены звания лауреатов Сталинской премии».

За успешную работу по созданию новых видов вооружения и проявленную при этом добросовестность и преданность делу 156 заключенных специалистов были решением Президиума Верховного Совета СССР освобождены со снятием судимости, из этого числа 23 человека получили правительственные награды. За работы, выполненные в 1943 г., шестеро работников 4-го спецотдела были представлены к соисканию Сталинской премии[275].

Бывший заключенный профессор Г. А. Озеров, работавший заместителем главного конструктора в Опытно-конструкторском бюро А. Н. Туполева, в своих воспоминаниях писал, что труд в «шарагах» был весьма эффективным, поскольку все сотрудники конструкторских бюро работали очень продуктивно[276].

Система ГУЛАГа кроме лагерей и колоний включала также сеть так называемых трудовых поселений (трудпоселков), организованных еще в начале 1930-х гг. для расселения бывших кулаков и членов их семей[277]. Осенью 1941 г. в трудовой («кулацкой») ссылке находилось 265 682 семьи, которые проживали в 1883 трудпоселках. Они располагались на территории 36 областей, краев и республик. Общее количество трудпоселенцев составляло около 936,6 тыс. человек, в том числе 272,5 тыс. мужчин, 285,2 тыс. женщин, 305,6 тыс. детей и 73,3 тыс. подростков в возрасте от 14 до 16 лет. Бывших кулаков (вместе с членами семей) в общей массе трудпоселенцев насчитывалось 871,9 тыс. человек. Остальные обитатели поселков — 64,7 тыс. человек — попали в трудссылку на основании административных решений правительственных органов или в судебном порядке[278]. Для обозначения отдельных категорий граждан, подвергшихся по разным причинам насильственному переселению, использовались различные термины. Начиная с 1944 г. в обиход вошел и стал наиболее употребительным обобщающий термин «спецпоселенцы».

Все семьи трудпоселенцев были распределены и закреплены за определенными наркоматами и хозяйственными органами, в том числе и за управлениями исправительно-трудовых лагерей НКВД, и находились на режиме принудительного трудового использования. Большинство спецпоселенцев, несмотря на свое бесправное положение, не тяготились работой. Еще накануне войны Отдел трудовых поселений ГУЛАГа с удовлетворением отмечал в своих докладных записках, что «по производительности труда трудовые поселенцы не отстают от работающих на предприятиях остальных рабочих. Среди трудовых поселенцев, особенно среди молодежи, имеется значительное количество работающих стахановскими методами»[279].

В 1940 г. в среднем по всем областям, краям и республикам на различных работах (преимущественно тяжелых и неквалифицированных) использовались 82,9% трудоспособных поселенцев. Самый низкий уровень трудового использования этой категории рабочей силы отмечался в Хабаровском крае — 71,8%, наиболее высокий был зафиксирован в Свердловской области — 98,9%. Уже в первые месяцы войны средний процент трудового использования поселенцев резко повысился. В четвертом квартале 1941 г. на работах из общего числа трудоспособных были заняты 94,4% трудпоселенцев, в 1942 г. — 95%; в некоторых регионах, например в Коми АССР, было достигнуто стопроцентное трудоиспользование поселенцев. Рост показателей трудового использования объяснялся в первую очередь повсеместным привлечением к обязательным работам женщин, подростков и ограниченно трудоспособных лиц. Неработающими в трудпоселках оставались лишь женщины, обремененные малолетними детьми, и часть подростков от 14 до 16 лет. На январь 1942 г. в «кулацкой ссылке» насчитывалось 387 тыс. трудоспособных, из них на различных работах были заняты 367,8 тыс. человек[280].

Основная часть трудпоселенцев — 205 тыс. человек работали в промышленности; более 115 тыс. были заняты в совхозах, сельхозартелях и предприятиях Наркомата земледелия; 16 тыс. работали на предприятиях, подведомственных НКВД СССР; около 10 тыс. трудились в кустарно-промысловой кооперации; свыше 20 тыс. привлекались к работам во многих других отраслях народного хозяйства. В промышленности основными потребителями рабочей силы из числа трудпоселенцев были наркоматы лесной промышленности — 57 тыс. человек, угольной промышленности — 51,8 тыс., цветной металлургии — 33,3 тыс., черной металлургии — 20,8 тыс. На многих предприятиях доля трудпоселенцев достигала 70% от общего числа занятых. Среди работавших в промышленности трудпоселенцев было немало квалифицированных забойщиков, машинистов врубовых машин, машинистов электровозов, токарей, слесарей, лесорубов, сплавщиков и прочих. Многие из них добивались высоких производственных показателей, становились победителями в социалистических соревнованиях. Так, в 1942 г. по тресту «Карагандауголь» (Казахская ССР) из 16 тыс. работавших трудпоселенцев 7435 человек получили звания «мастеров угля», были отмечены в качестве стахановцев и ударников. В Хабаровском крае в первом полугодии 1944 г. из 7170 трудоспособных спецпоселенцев, занятых на работах в лесной и золотой промышленности, значились стахановцами и ударниками более 2,5 тыс. человек. В Якутской АССР 296 спецпоселенцев

На территории рудника

Барак для спецпоселенцев

из числа бывших кулаков были представлены по окончании войны к награде медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» как «особо отличившиеся на трудовом фронте в период Отечественной войны»[281].

С началом войны все предприятия кустарно-промысловой кооперации переключились на выработку продукции для нужд фронта: лыж, бочкотары, саней, лопат, обуви и прочего. Бригады, работавшие в системе «Облестреста», получили спецзаказы на изготовление лыжной болванки. Подавляющее большинство сельскохозяйственных артелей трудпоселенцев выполняли государственные производственные планы и обязательства по сдаче сельскохозяйственной продукции в срок и даже досрочно.

Большой финансовой нагрузкой на семьи трудпоселенцев стал введенный еще в начале 1930-х гг. налог в размере 5%, который на основании постановления правительства удерживался из зарплаты каждого работника на покрытие расходов, связанных с административным обслуживанием трудпоселенцев. Эти отчисления, за вычетом административно-организационных расходов по трудовой ссылке, перечислялись через ГУЛАГ в государственный бюджет. В 1940 г. сумма этого сбора составила 47,2 млн рублей, из них 16,2 млн пошло на покрытие административно-организационных расходов, а 31 млн был перечислен в госбюджет. В 1941 г. сумма отчислений составила 47,6 млн рублей, расходы государства по трудовой ссылке — 19,4 млн. Было перечислено в бюджет более 28 млн рублей[282]. Тема освобождения определенных категорий трудпоселенцев от уплаты отчислений в размере 5% от заработной платы стала предметом обсуждения в правительственных органах в начале 1942 г., когда был поднят вопрос о призыве трудпоселенцев на военную службу.

До апреля 1942 г. вопрос о мобилизации в Красную армию мужчин призывных возрастов, проживавших в трудпоселках НКВД СССР, решался в соответствии с указаниями, данными 27 февраля 1940 г. Главным управлением Красной армии (ГУКА), ведавшим войсковой мобилизацией. Директива ГУКА «О порядке приписки к призывным участкам трудпереселенческой молодежи» со ссылкой на статью 30 Закона о всеобщей воинской обязанности относила трудпереселенцев к категории сосланных и высланных, которые не подлежали приписке к призывным участкам. В соответствии с данной трактовкой статуса трудпоселенцев начальникам штабов военных округов (армий) были даны указания: «Призывников из числа трудпереселенческой молодежи, состоящей на учете местных органов ОТП ГУЛАГ НКВД, к призывным участкам не приписывать, учет их не вести и в Красную армию и флот не призывать»[283].

Приписке к призывным участкам, призыву в армию с зачислением в кадровые части по особому указанию НКО СССР подлежала только молодежь, освобожденная из трудовых поселков на основании постановления СНК СССР от 22 октября 1938 г. «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных». Правительственный документ предписывал: «Детям спецпереселенцев и ссыльных при достижении ими 16-летнего возраста, если они ничем не опорочены — паспорта выдавать на общих основаниях и не чинить им препятствия к выезду на учебу или на работу». Молодые люди, получавшие в соответствии с указанным постановлением паспорта, на персональный учет в местных органах Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР не ставились. Им разрешалось уезжать из трудпоселков, но запрещалось проживать в так называемых режимных местностях[284]. В годы войны действие указанного постановления было прекращено в отношении детей из нерусских семей трудпоселенцев более двух десятков разных национальностей: немцев, поляков, финнов и других.

На начало 1942 г. в трудпоселках насчитывалось около 32 тыс. лиц мужского пола, достигших 16 лет и подлежавших освобождению из трудссылки на основании постановления СНК СССР от 22 октября 1938 г. с последующей постановкой на воинский учет. До войны эта категория молодежи активно возбуждала ходатайства о снятии с учета трудпоселения. Однако уже в первые месяцы войны поток заявлений об освобождении сильно сократился. Более того, в комендатуры стали поступать отдельные заявления с просьбой разрешить вернуться в трудпоселок и встать на учет трудпоселенцев. В целях борьбы с уклонениями трудпоселенческой молодежи от мобилизации ГУЛАГ дал указания местному руководству

ускорить освобождение молодых трудпоселенцев «независимо от того, подают они заявления об освобождении или нет», и передать их на учет военкоматов.

Наряду с уклонистами, которые пытались использовать статус трудпоселенца как специфическую «бронь» от призыва в армию, в трудовой ссылке встречались и добровольцы, ходатайствовавшие о направлении их на фронт для борьбы с фашизмом (на начало 1942 г. было подано 547 заявлений). Несмотря на общее правило не призывать на военную службу обитателей трудпоселков, на практике ограниченные мобилизации мужчин призывного возраста все же проводились. До весны 1942 г. в кадровые части и строительные батальоны Красной армии из трудпоселков был призван 3761 человек[285].

В марте 1942 г. НКВД и НКО СССР поставили перед правительством вопрос о призыве в Красную армию тех трудпоселенцев, которые к моменту выселения из районов сплошной коллективизации не были главами кулацких семей, а являлись только их членами. Названную категорию трудпоселенцев, а таковых согласно проведенной проверке насчитывалось около 105 тыс. человек, предлагалось призывать в армию на общих основаниях. Остающиеся в трудпоселках семьи мобилизованных, по мнению руководства НКВД СССР, следовало бы освободить от отчислений с зарплаты в размере 5%, а самих призванных в Красную армию по истечении года службы и при наличии положительных характеристик командования можно было бы снимать с учета трудовой ссылки.

11 апреля 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление о мобилизации 35 тыс. трудпоселенцев призывного возраста в Красную армию. Согласно аналогичному постановлению ГКО от 22 июля 1942 г. призыву подлежали еще 15 тыс. трудпоселенцев. На основании названных постановлений к началу ноября 1942 г. на военную службу были мобилизованы 60 747 трудпоселенцев. Кроме того, военкоматам были переданы около 10 тыс. человек из числа трудпоселенческой молодежи, получившей освобождение из трудовой ссылки по достижении 16 лет. По ходатайствам соответствующих наркоматов от военной мобилизации освобождались трудпоселенцы, работавшие в угольной промышленности, черной и цветной металлургии, а также специалисты по лесосплаву. В целом мобилизация 1942 г. прошла успешно, так как подавляющее большинство трудпоселенцев отнеслось к призыву вполне лояльно.

По окончании призыва 1942 г. в трудовых поселках находились 74,5 тыс. трудпоселенцев призывного возраста (от 18 до 45 лет), однако в последующие военные годы никого из тех, за кем сохранялся статус трудпоселенцев, в армию не призывали[286].

Военная мобилизация кардинально меняла правовое положение трудпоселенца и членов его семьи. На семьи трудпоселенцев, призванных в Красную армию, по указанию Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР, было распространено действие указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начсостава в военное время». На трудпоселенцев, ставших инвалидами Отечественной войны, распространялось действие постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г. «О пенсиях военнослужащих рядового и младшего начсостава срочной службы и их семьям». В соответствии с приказом НКВД СССР от 22 октября 1942 г. все трудпоселенцы, призванные в Красную армию, и «прямые члены их семей (жена, дети)» с учета трудссылки снимались. Тем, кого снимали с учета, выдавали паспорта без ограничений, их также освобождали от уплаты отчислений с зарплаты в размере 5%[287].

Мероприятия по освобождению из трудссылки вызвали в поселенческой среде заметный патриотический подъем и стремление усилить помощь фронту. Донесения из разных мест фиксировали многочисленные благоприятные отзывы трудпоселенцев о проводимой политике. Например, трудпоселенка комендатуры № 10 Восточно-Казахстанской области Пивилёва — мать красноармейца, узнав об освобождении из трудссылки своего сына и его семьи, заявила: «Вот уж как я рада, что наших детей восстановили во всех правах и отменили платить 5% от зарплаты. Я обязательно напишу сыночку на фронт и скажу ему, чтобы он еще больше уничтожал ненавистного врага»[288]. Подобные настроения получили в тот период широкое распространение.

В течение 1943 г. с учета трудпоселений были сняты 102,5 тыс. призванных в армию трудпоселенцев и членов их семей. Продолжался процесс освобождения молодежи, достигшей 16-летнего возраста. С весны 1944 г. с учета спецпоселений начали снимать тех «кулацких детей», которые получали направления на учебу в фабрично-заводские школы и ремесленные училища. В том же году бывших кулаков специальным правительственным постановлением освободили от обременительных отчислений с заработной платы в размере 5% на покрытие расходов по содержанию комендатур.

За годы войны численность спецпоселенцев заметно сократилась: на 1 января 1943 г. на учете состояли 724,5 тыс. человек, на эту же дату 1944 г. — 669,7 тыс., на 1945 г. — 631,2 тыс.[289] После завершения в марте 1944 г. тотальных принудительных переселений с территории Северного Кавказа был сформирован на базе Отдела трудовых и специальных поселений (ГУЛАГ) самостоятельный отдел спецпоселений НКВД СССР. На октябрь 1945 г. в его ведении находились 2,23 млн спецпереселенцев, в том числе 606,8 тыс. бывших кулаков[290].

Война внесла значительные изменения в состав узников ГУЛАГа. Во-первых, произошло заметное уменьшение общей численности заключенных, что было следствием двух основных причин: досрочного освобождения и массовой смертности. Согласно учетным данным ГУЛАГа, численность заключенных в лагерях и колониях на январь каждого года составляла: в 1942 г. — 1,8 млн человек, в 1943 г. — 1,5 млн, в 1944 г. — 1,2 млн, в 1945 г. — 1,5 млн. Напомним, что на 1 июля 1941 г. в ГУЛАГе находились 2,3 млн заключенных. Во-вторых, изменилось количественное соотношение между обитателями лагерей и колоний. До войны 75,6% заключенных находились в лагерях и 24,4% — в колониях. К концу войны эта пропорция выглядела иначе: 49% заключенных содержались в лагерях и 51% — в колониях. Численность заключенных в лагерях сократилась на 59%, а численность обитателей колоний возросла на 33% по сравнению с довоенными показателями.

На июль 1944 г. в составе ГУЛАГа насчитывалось 56 лагерей, подчиненных непосредственно руководству центрального аппарата ГУЛАГа, и 69 региональных управлений и отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний. Эти лагерные комплексы включали в себя 910 отдельных лагерных подразделений и 424 колонии[291].

В годы Великой Отечественной войны среди заключенных отмечался патриотический подъем, который затронул почти всех работников Дальстроя независимо от того, по какую сторону колючей проволоки они находились. «В главном печатном органе Дальстроя — «Советская Колыма» — из номера в номер публиковались сообщения о горняках, ремонтниках, бурильщиках, выполнявших производственные нормы более чем на 200–300%»[292].

Как отмечалось 14 декабря 1941 г. в политдонесении одного из лагерей Дальстроя, «мы имеем 37 заявлений от заключенных с просьбой послать их на фронт. Подавляющее большинство таких заявлений поступает от заключенных, осужденных за служебные и бытовые преступления»[293]. Всего за годы войны через лагеря и колонии ГУЛАГа прошли более 5 млн заключенных, из них 1,2 млн человек были досрочно освобождены и отправлены на фронт.

Отправка на фронт в условиях ГУЛАГа была привилегией, которой удостаивались далеко не все заключенные. В армию, как правило, не призывали лиц, осужденных по контрреволюционным статьям и за тяжкие уголовные преступления. Основаниями для досрочного освобождения служили указы Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г., а также специальные решения ГКО.

Освобождение заключенных для зачисления в Красную армию производилось в соответствии с циркуляром НКВД СССР и прокурора СССР от 5 февраля 1943 г. Руководству лагерей и колоний рассылалось предписание, куда вписывалось от руки число лиц, подлежащих передаче военкоматам[294].

Бывшие заключенные направлялись на укомплектование регулярных частей Красной армии, многие попадали в штрафные воинские подразделения, где кровью и отвагой добивались освобождения и снятия судимости. Находясь на фронтах Великой Отечественной войны, бывшие заключенные проявляли мужество и героизм, их воинская доблесть была отмечена орденами и медалями, многим из них за боевые заслуги на фронтах Великой Отечественной

были присвоены звания Героев Советского Союза. В частности, Героями Советского Союза в 1943 г. стали бывший заключенный Рыбинского ИТЛ А. И. Отставнов — за форсирование Днепра, бывший заключенный Карагандинского ИТЛ В. Е. Бреусов — за штурм высоты под Харьковом, бывший заключенный Красноярского ИТЛ Л. Н. Ефимов за форсирование Днепра. Звание Героя Советского Союза получил также бывший заключенный И. Я. Сержантов, сбивший в 1942–1943 гг. более двух десятков вражеских самолетов. Призванный в действующую армию в 1942 г. В. И. Еронько, осужденный в 1938 г. на четыре года лишения свободы за кражу и отбывавший наказание в лагерях Дальстроя, был удостоен в октябре 1944 г. звания Героя Советского Союза за «мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками».

7 июля 1945 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». Он касался в основном осужденных за нарушения трудовой дисциплины, воинские и уголовные преступления, если срок наказания не превышал трех лет[295]. На основании указа до октября 1945 г. из лагерей и колоний ГУЛАГа были освобождены 620 753 заключенных[296].

Особой формой организации труда в годы Великой Отечественной войны являлось использование военнопленных. По данным Генерального штаба Красной армии, за период с 22 июня 1941 по 8 мая 1945 г. советскими войсками были взяты в плен 4,37 млн военнослужащих неприятельских армий, в их числе более 2,5 млн солдат и офицеров вермахта. После разгрома вооруженных сил Японии в августе 1945 г. число военнопленных увеличилось еще почти на 640 тыс. человек. За годы Второй мировой войны через советский плен прошли граждане более 30 государств, среди которых были представители свыше 60 национальностей.

«Положение о военнопленных», объявленное приказом НКВД СССР от 21 июля 1941 г., стало в годы Великой Отечественной войны основополагающим нормативно-правовым актом, регламентировавшим положение иностранных военнопленных на территории СССР. Этот документ определял порядок учета и условия содержания военнопленных, их эвакуацию, правовое положение, трудовое устройство, уголовную и дисциплинарную ответственность. Основные пункты «Положения о военнопленных», которое оставалось в силе до конца существования лагерей для военнопленных, соответствовали Гаагскому соглашению 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны» и Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными».

Политические обстоятельства, а также намерение правительства использовать труд военнопленных на восстановлении разрушенного войной народного хозяйства ставили советское руководство перед необходимостью принимать самые серьезные меры по организации эвакуации и содержания военнопленных, улучшению их медицинского обслуживания.

15 мая 1945 г. Советское Информбюро в оперативной сводке сообщило: «Прием пленных немецких солдат и офицеров на всех фронтах закончен». Общее количество военнопленных по состоянию на 1 июля 1945 г. составляло 2,7 млн человек, во втором полугодии из фронтовых спецгоспиталей Наркомата обороны и от воинских частей поступили еще около 120 тыс. военнопленных западных армий[297].

Поступление в СССР военнопленных с Дальнего Востока началось после разгрома японской Квантунской группировки войск в Маньчжурии. По донесениям отделов НКВД СССР по делам военнопленных Дальневосточных фронтов, всего на 7 декабря 1945 г. были учтены 608 360 военнопленных японской армии, включая корейцев и маньчжуров[298]. Из этого количества в советские лагеря и рабочие батальоны были направлены 534 тыс. японских военнопленных[299].

К концу 1945 г. в системе ГУПВИ (Главное управление по делам военнопленных и интернированных) НКВД СССР насчитывалось 267 лагерей, из которых для содержания бывших офицеров предназначались 11, для рядовых — 248 (из них для немецких военнопленных — 199, для японских военнопленных — 49) и восемь лагерей были смешанными. В составе лагерей насчитывалось 2376 лагерных отделений. Кроме того, действовали шесть оперативных объектов (четыре в Московской области и два в Хабаровском крае), в которых

Немецкие военнопленные на восстановительных работах в Сталинграде…

…и на швейном производстве лагеря № 466 в Московской области

содержались более тысячи бывших офицеров и генералов, представлявших для советского руководства «оперативный интерес»[300].

Если необходимость пленения и разоружения военнослужащих неприятельских армий ни у кого не вызывала сомнений, то совсем иным было отношение в иностранных кругах к насильственному вывозу в СССР гражданского немецкого населения из районов, занятых Красной армией. В частности, весьма отрицательно союзники реагировали на советские депортации на Балканах. Интернированные гражданские лица немецкой национальности начали поступать в СССР в конце 1944 г. После проведенного оперативными группами НКВД СССР общего предварительного учета всех этнических немцев, проживавших в странах Юго-Восточной Европы, высшее руководство страны приняло решение о мобилизации и депортации в СССР части трудоспособного населения немецкого происхождения. Это был своего рода «симметричный ответ» на угон в Германию миллионов советских граждан, так называемых остарбайтеров, хотя главная причина такого решения крылась, безусловно, в том, что страну нужно было поднимать из руин, а рабочих рук катастрофически не хватало.

16 декабря 1944 г. ГКО принял секретное постановление, которое предписывало: «Мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте: мужчин — от 17 до 45 лет, женщин — от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденных Красной армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. Установить, что мобилизации подлежат немцы как немецкого и венгерского подданства, так и немцы — подданные Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии... Направить всех мобилизованных немцев на работы по восстановлению угольной промышленности Донбасса и черной металлургии Юга. Из прибывающих на место работы немцев сформировать рабочие батальоны по 1000 человек в каждом».

Предусматривалось, что снабжение интернированных будет осуществляться по нормам, установленным для рабочих соответствующих предприятий. Определенные наркоматы были обязаны подготовить помещения для приема и размещения немцев, организовать их медико-санитарное обслуживание и охрану. Мобилизуемым разрешалось взять с собой на одного человека до 200 кг багажа (запас продовольствия, одежды, белья, посуды и прочего)[301]. Уклонившиеся от мобилизации подлежали суду военного трибунала, а их семьям грозили репрессии.

Аналогичное постановление ГКО от 3 февраля 1945 г. касалось мобилизации немецкого населения, проживавшего непосредственно на территории Германии. Документ обязывал НКВД СССР «в целях пресечения попыток совершения терактов и проведения диверсионной работы со стороны немцев, оставляемых немецким командованием в тылу продвигающихся частей Красной армии», провести на территории Верхней Силезии и Восточной Пруссии, находившихся в тылу 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, мобилизацию «всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет».

Согласно постановлению, из мобилизованных немцев следовало «сформировать рабочие батальоны по 750–1200 человек в каждом для использования на работах в Советском Союзе, в первую очередь в Украинской и Белорусской ССР»[302]. Руководить всеми операциями по мобилизации и интернированию немцев поручалось НКВД СССР. Приказом НКВД СССР от 20 февраля 1945 г. в составе ГУПВИ наряду с Управлением по делам военнопленных было организовано специальное Управление по делам интернированных и мобилизованных.

С января по апрель 1945 г. более 208 тыс. немцев и лиц других национальностей были мобилизованы и вывезены в СССР, в их числе около 157 тыс. мужчин и 51 тыс. женщин. Интернированные были сведены в 221 рабочий батальон численностью от 750 до 1500 человек в каждом, распределены по наркоматам и направлены на работы по восстановлению и строительству, а также на производство в шахты и на предприятия наркоматов угольной промышленности, черной металлургии, цветной металлургии, строительных предприятий, топливной промышленности и некоторых других[303].

Вопрос об использовании германской рабочей силы, о так называемых «репарациях трудом», был поднят советской стороной еще до окончания войны. В феврале 1945 г. в ходе Крымской конференции главы трех правительств союзнических государств условились о том, что репарации должны взиматься с Германии в трех формах, одна из которых — «использование германского труда». Эта договоренность была зафиксирована в рабочем протоколе[304].

В Советском Союзе правомерность использования труда иностранных военнопленных имела не только юридическое, но и моральное основание. Согласно «Положению о военнопленных» 1941 г., военнопленные рядового и унтер-офицерского состава могли быть привлечены без их согласия «к работе как в лагере, так и вне лагеря в промышленности и сельском хозяйстве Союза ССР». Руководство страны рассматривало контингент военнопленных в качестве одного из источников пополнения трудовых ресурсов для ликвидации ущерба, причиненного войной. Бывшим военнослужащим неприятельских армий как бы предоставлялась возможность ценой своего добросовестного труда частично искупить вину за те преступления, которые они совершили в отношении советского народа в годы войны.

Порядок трудового использования военнопленных регулировался постановлениями ГКО и директивными документами НКВД СССР. В январе 1942 г. наркомат направил на места циркуляр «Об использовании всех трудоспособных военнопленных на работах в промышленности», который придавал труду военнопленных обязательный характер. Специальной директивой УПВИ НКВД СССР от 17 июля 1942 г. устанавливалось деление военнопленных на четыре условные группы трудоспособности. Разбивка на группы осуществлялась с учетом состояния здоровья каждого военнопленного с целью дифференцированного использования на работах различной тяжести. К первой группе трудоспособности относились военнопленные, годные по состоянию здоровья к тяжелым физическим работам, ко второй — годные к физическому труду средней тяжести, к третьей — годные только для выполнения легких физических работ, в четвертую группу входили военнопленные-инвалиды, имевшие тяжелые хронические заболевания или физические недостатки. Медицинское освидетельствование военнопленных и отнесение их к соответствующей группе трудоспособности осуществлялось врачебно-трудовыми комиссиями. Для лиц, отнесенных не к первой группе, устанавливалась пониженная на 30–50% норма выработки, за выполнение которой полагалось питание как за выполнение нормы 100%[305].

Во второй половине 1942 г. НКВД СССР организовал новые производственные лагеря, в которых военнопленные использовались на добыче угля, торфа, на строительстве дорог, лесоразработках и других тяжелых физических работах. В течение первых одного-двух месяцев на работу выходили около 70% военнопленных, их производительность труда колебалась в зависимости от тяжести работ от 55 до 80%.

В зимние периоды 1943–1944 и 1944–1945 гг. проводились различные мероприятия по ограничению трудовой нагрузки военнопленных. В конце марта 1945 г. специальным постановлением ГКО нормы питания военнопленных были пересмотрены и увеличены примерно на треть (калорийность основной нормы была повышена до 2363 килокалорий), что благоприятно отразилось на физическом состоянии военнопленных[306].

С поступлением в лагеря военнопленных японцев для них в сентябре 1945 г. были утверждены специальные нормы продовольственного снабжения, разработанные с учетом национальных особенностей их режима питания: «пища готовилась три раза в день согласно составляемым меню-раскладкам и принималась в горячем виде. Меню-раскладка составлялась работниками лагерных отделений и военнопленными с учетом их национальных блюд, вкусовых качеств и навыков». Основная норма питания для военнопленных японцев не только отличалась от основной нормы для военнопленных бывшей германской армии по составу продуктов с учетом национальных особенностей, но в то же время была значительно выше по калорийности — свыше 2800 килокалорий[307].

С целью упорядочения использования труда специалистов НКВД СССР особой директивой от 28 апреля 1945 г. обязал руководство лагерей провести учет всех военнопленных-специалистов, организовать их использование на предприятиях по имевшимся специальностям,

наладить работу по сбору рационализаторских предложений. Для поддержания профессионального статуса военнопленных-специалистов предлагалось улучшить их бытовые условия — разместить в самых хороших бараках, обеспечить постельными принадлежностями, доброкачественной одеждой и обувью.

Поиск специалистов в лагерях шел не только на уровне «ремесленников». В целях использования высококвалифицированных немецких специалистов и ученых, содержавшихся в лагерях НКВД СССР в качестве военнопленных и интернированных, Оперативное управление ГУПВИ провело летом 1945 г. специальный учет, в результате которого были выявлены более 600 научных сотрудников и дипломированных специалистов технического профиля. К лету 1946 г. среди военнопленных и интернированных были выявлены уже около 1600 ученых и высококвалифицированных специалистов, в их числе 111 докторов физико-математических, химических и технических наук.

Наряду с крупными учеными среди выявленных специалистов встречались видные производственные и технические руководители известных германских фирм. Запросы на их использование на заводах, в конструкторских бюро, институтах и других объектах поступили от министерств авиационной промышленности, черной металлургии, электропромышленности, машиностроения и приборостроения, станкостроения и некоторых других отраслей, а также от ряда научно-исследовательских институтов Министерства вооруженных сил СССР[308]. В материально-бытовом отношении положение этой категории военнопленных и интернированных по ряду показателей (зарплата, жилище) зачастую превосходило положение советских специалистов, занятых на аналогичных должностях.

Находившиеся в советском плену генералы и офицеры в соответствии с «Положением о военнопленных» имели законное право не работать. Если военнопленный офицер изъявлял желание трудиться, он должен был написать соответствующий рапорт, который хранился в его личном деле. В конце 1945 г. в девяти офицерских лагерях содержались более 82 тыс. военнопленных немецких офицеров, из которых только 5 тыс. добровольно работали в качестве командиров подразделений и на инженерно-технических должностях. Попытки привлечь остальных военнопленных офицеров к производительному труду на добровольной основе успеха не имели. Такой порядок сохранялся до февраля 1946 г., когда НКВД СССР издал директиву о привлечении к труду военнопленных офицеров немецкой национальности бывшей германской армии, имевших воинское звание от младшего лейтенанта до капитана включительно. В дальнейшем указанную категорию военнопленных офицеров перевели в производственные лагеря и использовали на различных работах на тех же основаниях, что и рядовой состав[309].

Массовое использование военнопленных в народном хозяйстве СССР началось со второй половины 1945 г. — после выхода постановления ГКО от 4 июня 1945 г. «О распределении военнопленных и мероприятиях по улучшению их трудового использования». Согласно документу, распределению по предприятиям и стройкам 38 наркоматов и ведомств подлежали 2 млн 105 тыс. человек. Главными потребителями рабочей силы из числа военнопленных и интернированных значились НКВД, Наркомуголь, Наркомат обороны, Наркомат путей сообщения и Наркомстрой СССР. Однако ввиду наличия среди военнопленных большого количества нетрудоспособных, подлежавших репатриации, предприятия и стройки Советского Союза в действительности получили значительно меньше иностранной рабочей силы, чем планировалось. Фактически на 1 августа 1945 г. всем заявленным наркоматам были выделены 1 млн 374 тыс. военнопленных с учетом тех, кто находился в пути — около 80 тыс. человек[310].

Распределение военнопленных и интернированных по отраслям народного хозяйства определялось текущими потребностями той или иной отрасли в рабочей силе. На февраль 1946 г. в народном хозяйстве СССР были заняты 1 млн 965 тыс. военнопленных и интернированных. Распределение по отраслям было следующим: строительство — 800 тыс., топливо и энергетика — 166 тыс., оборонная промышленность и НКО СССР — 285 тыс., металлургия и машиностроение — 167 тыс., лесозаготовки и лесоразработки — 86 тыс., легкая и пищевая промышленности — 61 тыс., химическая промышленность — 13,6 тыс., сельское хозяйст-

во — 9,7 тыс. человек. В других организациях (в основном местного подчинения) работали 377 тыс. человек, или 19,2% от общей численности работающих военнопленных[311]. Трудовое использование военнопленных осуществлялось на основе типовых договоров, разработанных НКВД СССР, которые заключались между лагерями ГУПВИ и соответствующими хозяйственными организациями.

Распределение военнопленных по 13 экономическим районам СССР также было неравномерным и зависело от потребностей отдельных регионов в рабочей силе. Наибольшее количество рабочих из числа военнопленных, находившихся в производственных лагерях, получили в начале 1946 г. следующие экономические районы: Южный экономический район (включая Молдавскую ССР) — 16,5%, Центральный — 14,6%, Западный — 12,2%, Дальневосточный — 11,9%, Уральский — 8,8%, Восточно-Сибирский — 7,8%, Северо-Западный — 7,7%, Поволжский — 5,8%. В остальные экономические районы СССР из производственных лагерей были направлены 14,7% военнопленных.

Доля работающих военнопленных в общей численности занятого населения в целом по СССР составляла весной 1946 г. примерно 6,4%, при этом в отдельных союзных республиках она была значительно выше. Так, в Эстонской ССР доля пленных в общей численности рабочих и служащих составляла 24,6%, в Латвийской — 23,5%, в Литовской — 17,8%, в Карело-Финской — 15,4%, в Белорусской — 12,7%. В названных республиках результаты использования труда военнопленных были более заметны по сравнению с теми регионами, где доля военнопленных в общей численности занятых была относительно невелика.

В абсолютных показателях самый большой объем работ, выполненных лагерями ГУПВИ, приходился на РСФСР. На апрель 1946 г. в народном хозяйстве республики трудились 1 млн 187 тыс. военнопленных, или 66% от их общей численности. При этом их удельный вес в общей массе занятого населения не превышал по РСФСР 6,2%. Вследствие неравномерной плотности населения доля военнопленных в составе рабочих и служащих в российских регионах колебалась от 27,3% на Дальнем Востоке до 3,5% в центральной части республики[312].

В сентябре 1945 г. на основании постановления ГКО от 4 июня 1945 г. было принято «Положение НКВД СССР о трудовом использовании военнопленных». Этот документ регламентировал режим рабочего времени, определял способ организации труда, назначал меры поощрения и наказания. «Для стимулирования и принуждения военнопленных к выполнению установленных государственных норм выработки» вводился новый порядок выплаты денежного вознаграждения. Рассчитывать на его получение могли только те военнопленные, которые выполняли и перевыполняли нормы выработки.

Исключение из этого правила было сделано для военнопленных, работавших в угольной промышленности, где денежное вознаграждение выплачивалось независимо от выполнения нормы выработки и без ограничения суммы. На заработанные деньги военнопленные могли приобретать в лагерных ларьках дополнительные продукты питания и предметы личного обихода. Лишь немногие квалифицированные рабочие при определенных условиях имели возможность заработать максимальную сумму денег, определенную в 200 рублей в месяц. Большинство военнопленных получали на руки небольшие суммы, а занятые на трудоемких и низкооплачиваемых работах, даже если они выполняли и перевыполняли нормы выработки, как правило, не получали ничего, так как общая сумма их заработка не превышала стоимости их содержания. До середины сентября 1946 г. стоимость содержания одного военнопленного определялась в 200 рублей в месяц, затем она была повышена до 400 рублей, а с апреля 1948 г. составила 456 рублей. Денежное вознаграждение работающим военнопленным начислялось с суммы заработка, превышающей стоимость месячного содержания. В среднем сумма денежного вознаграждения, выплаченного военнопленным за определенный период, составляла 5–15% от суммы валового заработка военнопленных за этот же период[313].

Еще летом 1945 г. Л. П. Берия, критикуя неудовлетворительное трудовое использование военнопленных, потребовал от местных руководителей НКВД — УНКВД «считать трудовое использование военнопленных и возмещение государству расходов на их содержание важнейшей задачей». Всякое бесплатное применение военнопленных на работах запрещалось.

В Инструкции по трудовому использованию военнопленных, утвержденной в 1945 г., эта директива НКВД СССР была сформулирована в виде лозунга: «Военнопленный обязан своим трудом возместить стоимость своего содержания». Несмотря на то что отдельные лагеря начали справляться с проблемой самоокупаемости уже со второй половины 1946 г., в целом системе ГУПВИ удалось решить задачу возмещения государству расходов на содержание военнопленных за счет их заработка только в 1949 г., то есть в последний год массового использования труда военнопленных[314] (таблица 15).

Таблица 15

Итоги трудового использования военнопленных в народном хозяйстве СССР в 1943–1949 гг.[315]

Показатель	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
Среднесписочная численность военнопленных, тыс. чел.	32,5	159,2	1300,3	1302,7	1096,8	812,1	341,0
Выход на оплачиваемые работы, %	40,3	45,5	55,0	64,4	64,2	75,2	78,5
Среднедневной заработок на 1 человеко-день, руб.	7,25	8,75	12,15	14,36	17,11	18,97	21,81
Средняя производительность труда, %	91,3	98,7	98,6	113,0	112,0	117,1	124,0
Удельный вес военнопленных, выполняющих нормы, %	43,1	53,9	43,6	75,5	68,0	75,0	88,0
Валовая сумма заработка военнопленных, млн руб.	12,8	182,6	2194,0	4791,8	4502,6	3326,4	1765,3
Расходы на содержание военнопленных, млн руб.	158,6	376,5	3080,0	5122,4	6182,5	4424,5	1635,0
Покрытие расходов на содержание военнопленных за счет их заработка, %	16,5	48,5	71,2	93,5	72,8	75,2	108,0

Общая сумма расходов на содержание военнопленных за период с 1943 по 1949 г. составляла 20 979,5 млн рублей. Валовая сумма денежных поступлений за работу военнопленных за тот же период равнялась 16 775,5 млн рублей, то есть в среднем расходы на содержание военнопленных покрывались за счет их заработка на 80%.

Такая ситуация объяснялась, во-первых, большим количеством временно нетрудоспособных военнопленных (карантин, болезни, производственные травмы, пребывание в оздоровительных командах); во-вторых, наличием в производственных лагерях неработающих инвалидов и хронических больных; в-третьих, плохой организацией труда (отсутствие или недостаток конвойной охраны, временное отсутствие объекта работ и прочее), а также некоторыми другими причинами. Кроме того, из трудового фонда ГУПВИ исключались старшие офицеры, больные в спецгоспиталях, слушатели антифашистских школ и некоторые другие группы военнопленных, освобожденные от обязательных работ. Расходы по их содержанию оплачивались из государственного бюджета.

И все-таки вклад военнопленных в ликвидацию материального ущерба, причиненного войной, в восстановление пострадавших районов страны и развитие послевоенной экономики был вполне реальным и весьма значительным. Согласно докладной записке министра внутренних дел С. Н. Круглова членам правительства СССР от 24 мая 1950 г., военнопленные использовались на работах в угольной промышленности СССР на добыче угля, строительстве и восстановлении шахт, а также на строительстве новых предприятий тяжелой индустрии: Владимирский тракторный завод, Челябинский и Закавказский металлургический комбинат, завод «Амурсталь», Джезказганский медеплавильный завод, Богословский алюминиевый завод, трубопрокатные заводы Азербайджанской ССР и Свердловской области. Они также трудились на работах по расширению Тагильского, Магнитогорского и Орского металлургических комбинатов, на восстановлении пострадавших во время войны Енакиевского и Горловского заводов, заводов «Запорожсталь» и «Азовсталь» и других. Военнопленные принимали участие в строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и в работах по строительству и восстановлению асфальтобетонных дорог в разных районах

СССР. Работали на строительстве ряда гидроэлектростанций, восстанавливали и строили жилые дома и общественные здания во многих городах Советского Союза[316].

По расчетам отдела трудового использования ГУПВИ МВД СССР, военнопленные отработали за период с 1943 по 1949 г. включительно 1077,6 млн человеко-дней[317], выполнили работ и произвели продукции на сумму около 50 млрд рублей. При этом следует учесть, что из общей стоимости работ, выполненных всеми военнопленными в строительстве и промышленности, на долю немецких военнопленных приходится примерно 64%, на долю японских — 20%, венгерских — 10%, румынских — 5%, итальянских, финских и испанских — менее 1%[318].

Как бы ни оценивались результаты трудового использования военнопленных, нельзя забывать, что общая стоимость материальных ценностей, произведенных военнопленными, была в 13,5 раза меньше общего ущерба (679 млрд рублей), причиненного Советскому Союзу за годы войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Всероссийская Книга Памяти. 1941—1945. Обзорный том. 2-е изд. М., 2005. С. 144.

[2] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 269. Л. 23—25.

[3] Там же. Д. 308. Л. 30.

[4] *Парамонов В.* Россия в 1941—1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999. С. 321.

[5] Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945 гг. М., 1984. С. 241—242.

[6] Всероссийская Книга Памяти. 1941—1945. Обзорный том. С. 145.

[7] Великая война и Великая Победа народа. В 2-х кн. Кн. 2. М., 2010. С. 125—126.

[8] Общество и власть. Российская провинция 1917—1980-е годы (по материалам нижегородских архивов). В 3-х т. Т. 3. Июнь 1941 г. — 1953 г. М., Н. Новгород, 2005. С. 40, 45.

[9] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 269. Л. 34.

[10] История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941—1965. М., 1967. С. 94; Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 242—243.

[11] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 255. Л. 18; Д. 303. Л. 9—10.

[12] *Устинов Д. Ф.* Во имя Победы. М., 1988. С. 275.

[13] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 112—113; *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 297—298.

[14] *Зинич М. С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941—1945 гг. М., 1984. С. 122, 222.

[15] Цит. по: *Чикирев Н. С.* Как я стал рабочим. М., 1956. С. 24.

[16] Там же. С. 23—26; Правда. 1981. 20 апреля.

[17] История Московского автозавода имени И. А. Лихачева. М., 1966. С. 333.

[18] РГАЭ. Ф. 8243. Оп. 4. Д. 9. Л. 26.

[19] Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945 гг. С. 247—248, 256; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 151. Л. 1—40.

[20] Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945 гг. С. 248—251; История социалистического соревнования в СССР. М., 1980. С. 124—129.

[21] *Зинич М. С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941—1945 гг. С. 67, 88.

[22] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 255. Л. 20.

[23] Там же. Д. 308. Л. 30—31.

[24] Там же. Д. 251. Л. 5—6.

[25] Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945 гг. С. 245.

[26] Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. С. 166—167.

[27] *Куманев Г. А.* На службе фронта и тыла: Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938—1945. М., 1976. С. 231—232.

[28] Народ и война: 1941—1945 гг. М., 2010. С. 424—425.

[29] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 255. Л. 22—23.

[30] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1985. С. 412—413; *Мухин М. Ю.* Указ. соч. С. 284.

[31] *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья. Вып. 1. М., 1994. С. 59.

[32] РГАЭ. Ф. 8243. Оп. 4. Д. 8. Л. 51; Ф. 8590. Оп. 2. Д. 1111. Л. 2—4.

[33] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 309. Л. 398–399.
[34] Там же. Д. 229. Л. 72–74.
[35] Там же. Л. 76.
[36] Там же. Д. 278. Л. 19–20.
[37] Там же. Д. 272. Л. 139.
[38] Цит. по: Великая война и Великая Победа народа. Кн. 2. С. 125.
[39] Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. С. 255.
[40] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 132, 144.
[41] Экономика Победы. К 65-летию победы СССР в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 126–127.
[42] Правда. 1941. 29 июля.
[43] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 853. Л. 118; Д. 855. Л. 227.
[44] Там же. Оп. 28. Д. 100. Л. 55.
[45] Правда. 1942. 4 февраля; История Москвы с древнейших времен до наших дней. В 3-х т. Т. 3. XX век. М., 2000. С. 239.
[46] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 28. Д. 100. Л. 3; *Колесник А. Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 201–202.
[47] Известия. 1941. 6 декабря; Великая война и Великая Победа народа. Кн. 2. С. 202.
[48] РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 2132. Л. 1; Д. 2131. Л. 1.
[49] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 8153. Л. 52. В 1941 г. в Фонд обороны поступило 1 млн 787 тыс. рублей.
[50] Там же. Д. 853. Л. 37–39, 41–45.
[51] Там же. Оп. 28. Д. 100. Л. 57.
[52] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 140. Л. 2–3.
[53] Там же. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 2138. Л. 1; Д. 2147. Л. 13; ГАРФ. Ф. 7676. Оп. 11. Д. 30. Л. 103; Подвиг Урала в исторической памяти поколений. Екатеринбург, 2010. С. 383.
[54] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 28. Д. 100. Л. 56–57.
[55] РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 2147. Л. 13.
[56] Там же. Д. 2138. Л. 1.
[57] Там же. Оп. 6. Д. 255. Л. 10; *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту. 2-е изд. М., 1985. С. 152–153.
[58] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 853. Л. 29; Патриотический почин тамбовских колхозников в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сб. документов. Тамбов, 1961; *Дьячков Л. Г.* Боевые пути соединений и частей танковой колонны «Тамбовский колхозник» в годы войны // Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны. Тамбов, 1995. С. 24–27.
[59] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 140. Л. 49–62.
[60] Там же. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3824. Л. 1.
[61] *Анисков В. Т., Басов А. В., Белоносов И. И.* Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942–1943. М., 1989. С. 260.
[62] Цит. по: История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 239.
[63] *Анисков В. Т., Басов А. В., Белоносов И. И.* Указ. соч. С. 260–261; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 853. Л. 60.
[64] Славяне. М., 1943. № 5. С. 48; История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. Т. 1. 1917–1970. СПб., 1997. С. 877.
[65] Подробнее см.: *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 69–79.
[66] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 853. Л. 70.
[67] Там же. Оп. 28. Д. 615. Л. 22–24; Д. 616. Л. 211.
[68] Там же. Д. 615. Л. 22.
[69] Там же. Д. 616. Л. 255; Оп. 29. Д. 853. Л. 9.
[70] Там же. Оп. 29. Д. 855. Л. 207.
[71] *Волобуев А. В.* Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны (на материалах областей Центрального Черноземья). Автореф. канд. дисс. Курск, 2009. С. 18.
[72] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 762.
[73] Там же. С. 364.

[74] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 85. Л. 172–173; *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 137.

[75] *Зинич М. С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. С. 184–185; РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 6. Д. 269. Л. 80–81.

[76] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 364.

[77] Там же; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 308. Л. 24.

[78] Экономика победы. К 65-летию победы СССР в Великой Отечественной войне. С. 164.

[79] Общество и власть. Российская провинция 1917–1985. Свердловская область. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. Екатеринбург, 2006. С. 80–82.

[80] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 27. Д. 108. Л. 15.

[81] Цит. по: *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973. С. 208.

[82] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 27. Д. 108. Л. 17; *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 179, 184–185.

[83] Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. С. 130; *Родионова В. М.* Государственные займы как фактор финансовой стабильности // Финансовая система государства в годы Великой Отечественной войны. М., 1996. С. 60.

[84] Цит. по: *Батьковский А. М., Павлушов Н. Ю.* Военные займы России: миражи и реалии // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 10.

[85] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 26. Д. 54. Л. 1–6; Оп. 28. Д. 99. Л. 1–43; Д. 110. Л. 1–30.

[86] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 322. Л. 21.

[87] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 29. Л. 2–4.

[88] Там же. Оп. 27. Д. 108. Л. 15.

[89] См.: *Муравьева Л. А.* Финансовая система СССР в испытаниях военных лет // Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. С. 128, 130; *Караваева И. В.* Вклад населения в формирование бюджетных доходов в годы войны и послевоенного восстановительного периода (1941–1950 гг.) // Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. С. 164; и др.

[90] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 184.

[91] *Колесник А. Д.* Указ. соч. С. 206–207; История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 239.

[92] *Анисков В. Т., Басов А. В., Белоносов И. И.* Указ. соч. С. 265; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1. Д. 303. Л. 16.

[93] История Тувы. В 3 т. Т. II. Новосибирск, 2007. С. 379.

[94] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 140. Л. 19; *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 205.

[95] Правда. 1942. 7 января.

[96] История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 8. М., 1977. С. 350–351.

[97] Там же. С. 350; Т. 12. М., 1982. С. 165.

[98] Цит. по: *Соколов А. К.* Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории. Вып. 9. М., 2010. С. 200.

[99] Труд в СССР: Статистический сборник. М., 1968. С. 138.

[100] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 167.

[101] История ценообразования в СССР. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1975. Т. 3. С. 785.

[102] *Зальцман И., Эдельгауз Г.* Вспоминая уроки Танкограда // Коммунист. 1984. № 16. С. 78; Архив Института военной истории МО РФ. Документы и материалы. Инв. № 32. Л. 86.

[103] Общество и власть. Российская провинция 1917–1980-е годы (по материалам нижегородских архивов). Т. 3. Июнь 1941 г. — 1953 г. С. 856.

[104] *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья. Вып. 1. С. 55.

[105] *Мухин М. Ю.* Указ. соч. С. 287.

[106] *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 117.

[107] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 24. Д. 245. Л. 139–140.

[108] *Митрофанова А. В.* Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М., 1960. С. 360–361.

[109] *Зинич М. С.* Трудовой подвиг рабочего класса. 1941–1945. С. 121; РГАЭ. Ф. 8259. Оп. 1. Д. 4. Л. 86.

[110] Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. С. 375.

[111] *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 111.

[112] *Куманев Г. А.* Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 300.

[113] РГАЭ. Ф. 8590. Оп. 2. Д. 774. Л. 1.

[114] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 24. Д. 191. Л. 33; Оп. 25. Д. 1059. Л. 107; *Мухин М. Ю.* Указ. соч. С. 281.

[115] РГАЭ. Ф. 8848. Оп. 14. Д. 29. Л. 9.

[116] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 212. Л. 6.

[117] Там же. Л. 6–9.

[118] См.: *Журавлев С. В., Мухин М. Ю.* «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. С. 66.

[119] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 212. Л. 10–12.

[120] О создании премиальных систем вознаграждения работников на советских предприятиях, их недостатках см., напр.: *Журавлев С. В., Мухин М. Ю.* Указ. соч. С. 91–94.

[121] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. С. 227.

[122] *Куманев Г. А.* Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. С. 299–300; РГАЭ. Ф. 8590. Оп. 2. Д. 747. Л. 10.

[123] ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 19. Д. 67. Л. 64; Д. 122. Л. 7.

[124] Там же. Д. 122. Л. 8; Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1943. № 11. Ст. 197.

[125] *Митерев Г. А.* В дни мира и войны. М., 1975. С. 245; ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 231. Л. 4–8.

[126] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 29. Д. 18. Л. 1.

[127] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 476.

[128] Народ и война: 1941–1945 гг. С. 430; Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. С. 134, 155.

[129] Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. С. 130.

[130] *Геращенко В. С.* Госбанк в годы Великой Отечественной войны // Деньги и кредит. 1995. № 4. С. 6–7.

[131] *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 136–137.

[132] *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964. С. 153.

[133] *Соколов А. К.* Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 35; Проблемы мотивации труда на советских предприятиях. Вып. 9. М., 2010. С. 174–224; *Журавлев С. В., Мухин М. Ю.* Указ. соч.

[134] Всероссийская Книга Памяти: 1941–1945. Обзорный том. С. 165.

[135] Развитие тыла Советских вооруженных сил 1918–1988. М., 1989. С. 118, 127–128.

[136] Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 207–208, 210–212.

[137] *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 53, 55 (Ценностные показатели приведены в новом масштабе цен).

[138] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 895. Л. 62–75; Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. М., 1944.

[139] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 895. Л. 62–63; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 393.

[140] См.: *Орлов И. Б.* Хлебное и продовольственное снабжение детей в годы Великой Отечественной войны // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв. Сб. научных статей. М., 2006. Ч. 1. С. 196–206.

[141] *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья. Вып. 1. С. 21; *Полимерис Воглис.* Греческие коллаборационисты во время нацистской оккупации Греции // Международная конференция «Оккупация и коллаборационизм в Европе 1939–1945» (Москва. Германский исторический институт. 27 июня 2013 г.).

[142] Вестник Архива Президента РФ. Война: 1941–1945. М., 2010. С. 102–103.

[143] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 152. Л. 110–111; Ф. 88. Оп. 1. Д. 902. Л. 1–4.

[144] Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 152. Л. 7–11, 21–26, 181; Д. 212. Л. 64, 75, 109–110.

[145] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 3. Д. 329. Л. 9–13.

[146] *Мухин М. Ю.* Указ. соч. С. 268.

[147] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 212. Л. 6.

[148] Там же. Д. 152. Л. 7–11.

[149] Там же. Л. 12–14.
[150] *Чернявский У. Г.* Указ. соч. С. 100.
[151] Советская торговля за 30 лет. М., 1947. С. 130–131.
[152] *Вознесенский Н. А.* Указ. соч. С. 125.
[153] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 12. Л. 254; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 3. Д. 361. Л. 26.
[154] *Чернявский У. Г.* Указ. соч. С. 179–179.
[155] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 153. Л. 13.
[156] *Павленко Г. К.* Продовольственное обеспечение учебных заведений системы трудовых резервов Урала (1941–1945 гг.) // Социально-экономическое развитие Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Челябинск, 1985. С. 48–59; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 1058а. Л. 510.
[157] Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны. В 3-х т. Т. 2. Ташкент, 1983. С. 87–88, 90–94; *Парамонов В.* Указ. соч. С. 318.
[158] Общество и власть. Российская провинция 1917–1980-е годы (по материалам нижегородских архивов). Т. 3. Июнь 1941 г. — 1953 г. С. 324.
[159] Там же. С. 185; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 212. Л. 135–136.
[160] ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 19. Д. 34. Л. 75; Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 799. Л. 7; История Ленинградского университета 1819–1969. Очерки. Л., 1969. С. 377.
[161] Отечественная история. 1996. № 3. С. 46–54.
[162] Народ и война: 1941–1945 гг. С. 432.
[163] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 946. Л. 43–45; *Любимов А. В.* Указ. соч. С. 24.
[164] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 184. Л. 37–50.
[165] Там же. Оп. 1. Д. 981. Л. 4.
[166] РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 2. Д. 415. Л. 1–3; Д. 424. Л. 23–24.
[167] Там же. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 928. Л. 183–184; Д. 930. Л. 137–145.
[168] Там же. Д. 953. Л. 260; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 25. Д. 371. Л. 46–48.
[169] Профсоюзы СССР. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. М., 1963. С. 383–386.
[170] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 310. Л. 17; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 983. Л. 1–3; Д. 996. Л. 35–37; Сборник приказов и прейскурантов Наркомторга СССР. М., 1943. С. 2–9.
[171] Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 3. С. 396; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 227. Л. 35.
[172] Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 3. С. 287–288.
[173] Цит. по: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 178–179.
[174] *Любимов А. В.* Указ. соч. С. 160, 164–165.
[175] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 239. Л. 219.
[176] *Чернявский У. Г.* Указ. соч. С. 152.
[177] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 13. Л. 169.
[178] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. сб. М., 1990. С. 188.
[179] *Любимов А. В.* Указ. соч. С. 179; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 3. Д. 349. Л. 3–5.
[180] Цит. по: *Зверев А. Г.* Указ. соч. С. 210–211.
[181] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 3. Д. 349. Л. 3–4.
[182] Правда. 1943. 12 марта.
[183] *Куманев Г. А.* Война и железнодорожный транспорт СССР 1941–1945. С. 301–302.
[184] *Зинич М. С.* Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг. С. 146.
[185] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 310. Л. 11.
[186] Там же. Д. 299. Л. 1.
[187] *Чернявский У. Г.* Указ. соч. С. 135.
[188] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 212. Л. 29–29 об.
[189] Подробн. см.: *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 229–231, 505–508; Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 3. С. 18.
[190] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 174. Л. 28; История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период 1941–1965. С. 142.
[191] Экономика Победы. К 65-летию победы СССР в Великой Отечественной войне. С. 127.
[192] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 174. Л. 13.

[193] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 388.
[194] Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 3. С. 397.
[195] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 25. Д. 226. Л. 115; Д. 573. Л. 46; Оп. 31. Д. 129. Л. 52.
[196] Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. С. 415.
[197] Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1974. С. 399.
[198] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 67. Л. 63–68.
[199] Народ и война: 1941–1945 гг. С. 431.
[200] Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 3. С. 397.
[201] Об условиях жизни в условиях «нового порядка» см.: *Ковалев Б. Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.
[202] Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 450; Вестник Архива Президента РФ. Война: 1941–1945. С. 104.
[203] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1792. Л. 1–2.
[204] Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 168.
[205] Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943: энциклопедия. Волгоград, 2008. С. 405, 419.
[206] *Купреева А. П.* Возрождение народного хозяйства Белоруссии. Минск, 1976. С. 52; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 3. Д. 328. Л. 245–249, 276; Д. 329. Л. 12–13.
[207] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 106. Л. 58.
[208] Цит. по: *Зинич М. С.* Будни военного лихолетья. Вып. 1. С. 38.
[209] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1797. Л. 32.
[210] Цитируется по: История советского крестьянства. В 5-ти т. Т. 3. М., 1987. С. 144.
[211] *Ильина О. В.* Демографические процессы в деревне Европейского Севера России в 1940–1950-е гг. Вологда, 2011. С. 25; Летопись Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Жители села Ракиты в годы войны: на фронте и в тылу. Рубцовск, 2012. С. 71.
[212] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 22; История советского крестьянства. Т. 3. С. 145–146; *Анисков В. Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда, Ярославль, 1998. С. 93.
[213] 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 343; Свод отчетов колхозов страны // Исторический архив. 1962. № 6. С. 28; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 193. Л. 51–52.
[214] См.: *Анисков В. Т.* Война и судьбы российского крестьянства. С. 29.
[215] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 317.
[216] История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. М., 1963. С. 166; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 44–48; История советского крестьянства. Т. 3. С. 147.
[217] *Чадаев Я. Е.* Указ. соч. С. 319–320.
[218] Советское крестьянство: Краткий очерк истории (1917–1969). М., 1970. С. 308.
[219] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 87.
[220] Советское крестьянство: Краткий очерк истории (1917–1969). С. 311.
[221] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15-ти т. Т. 7. М., 1985. С. 260–261.
[222] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 200. Л. 31, 37–39.
[223] Там же. Д. 149. Л. 1–2.
[224] *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 38.
[225] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 806; Ведомости Верховного Совета СССР. 8 мая 1956 г. № 40. Ст. 203.
[226] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 310–311.
[227] Там же.
[228] *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 77–78.
[229] Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 30.
[230] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 452; Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 5. М., 1978. С. 55.

[231] История социалистической экономики СССР. В 7-ми т. Т. 5. М., 1978. С. 366.

[232] *Ильина О. В.* Указ. соч. С. 26–27.

[233] *Анисков В. Т.* Россия преобразованная, мобилизационная, громящая фашизм // В контексте ярославского краеведения. Ярославль, 2006. С. 138.

[234] Исторический архив. 1962. № 6. С. 24–25.

[235] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 128; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 252; *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 408–411.

[236] История советского крестьянства. Т. 3. С. 178.

[237] История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. С. 164.

[238] Летопись Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Жители села Ракиты в годы войны: на фронте и в тылу. С. 68.

[239] *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М., 2003. С. 91.

[240] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 84; *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 39, 142; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 247.

[241] Социалистическое земледелие. 1942. 18 февраля; Социалистическое сельское хозяйство. 1942. № 5.

[242] *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 144–145.

[243] Там же. С. 154.

[244] Там же. С. 155; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 193. Л. 57.

[245] Сельское хозяйство Сибири в XX веке: Проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 109.

[246] *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 142.

[247] Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С. 30, 35; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 14.

[248] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов. В 7-ми т. М., 2004. Т. 1. С. 624–625.

[249] *Маркова Е. В. и др.* Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2002. С. 282–283. Согласно советскому уголовному законодательству в исправительно-трудовые лагеря направлялись лица, приговоренные к лишению свободы на срок свыше трех лет.

[250] ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 3–4; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 48, 539.

[251] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 158.

[252] См.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 64, 67.

[253] ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 522–524.

[254] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 4. С. 82–83, 92, 575.

[255] Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. Документы. М., 2005. С. 256–261.

[256] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник. С. 307, 309, 311.

[257] Цит. по: *Маркова Е. В. и др.* Указ. соч. С. 289.

[258] Там же. С. 37.

[259] Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. Документы. С. 262.

[260] ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 781–785.

[261] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 3. С. 31, 200, 214, 222.

[262] ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 785–786.

[263] Исторический архив. 1994. № 3. С. 81.

[264] Там же. С. 82; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 3. С. 198–199, 549.

[265] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 3. С. 218.

[266] См.: *Захарченко А. В.* НКВД и формирование авиапромышленного комплекса в Поволжье, 1940–1943. Самара, 2013.

[267] Там же. С. 28, 194–196.

[268] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 3. С. 203, 215, 221.

[269] *Широков А. И.* Государственная политика на северо-востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск, 2009. С. 299.

[270] Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. Документы. С. 425.

[271] См.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 66–67.

[272] Свободная мысль — XXI. 2000. № 9. С. 122.

[273] Исторический архив. 1994. № 3. С. 66; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 3. С. 218.

[274] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 3. С. 445.

[275] Там же. С. 445–450.

[276] *Озеров Г.* Туполевская шарага. Frankfurt a. M., М., 1971. С. 5–6.

[277] См.: *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003.

[278] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 5. С. 334–335.

[279] Там же. С. 296.

[280] Там же. С. 335–336, 376.

[281] Там же. С. 335–336, 430–431, 499.

[282] Там же. С. 337.

[283] Цит. по: Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 294.

[284] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 73.

[285] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 5. С. 339, 348, 752.

[286] Там же. С. 349–352.

[287] Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1939–1945. Новосибирск, 1996. С. 115.

[288] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 5. С. 354.

[289] Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. С. 300, 302.

[290] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 5. С. 474.

[291] Исторический архив. 1994. № 3. С. 62.

[292] *Зеляк В. Г.* Пять металлов Дальстроя: История горнодобывающей промышленности северо-востока России в 30–50-х гг. XX в. Магадан, 2004. С. 109.

[293] Цит. по: *Широков А. И.* Указ. соч. С. 307.

[294] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 4. С. 575.

[295] Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 39.

[296] См.: Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. С. 192.

[297] Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. Волгоград, 2004. С. 171, 173; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 234.

[298] Японские военнопленные в СССР: 1945–1956. Сб. документов. М., 2013. С. 41–42.

[299] Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. С. 247–248.

[300] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 1038.

[301] *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 201–203.

[302] Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. Вологда, 1997. Ч. 2. С. 64.

[303] Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. С. 12, 227–228, 614–619.

[304] Тегеран — Ялта — Потсдам. Сб. документов. М., 1970. С. 197.

[305] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 542–543, 548–560.

[306] Там же. С. 87–90, 342–346, 353–363; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. С. 413–417.

[307] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 390–393, 848.

[308] Там же. С. 602–603, 646, 663–664.

[309] Там же. С. 46, 184–186, 652.

[310] Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. С. 539–542.

[311] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 1044–1046.

[312] Региональные структуры ГУПВИ НКВД — МВД СССР. 1941–1951: отчетно-информационные документы (Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1). Волгоград, 2005. С. 8–9, 16.

[313] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 628–641, 1047–1051; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР. 1941–1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. С. 535–539.

[314] Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 618, 628, 670.

[315] Там же. С. 1047.

[316] Там же. С. 916–917.

[317] Человеко-день — единица измерения рабочего времени, отработанным человеко-днем считается явка работника на работу независимо от числа отработанных им в этот день часов.

[318] Региональные структуры ГУПВИ НКВД — МВД СССР. 1941–1951: Отчетно-информационные документы (Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. Т. 5. Кн. 2). С. 11–12; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 719–721; *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР. 1939–1956. Волгоград, 2001. С. 454.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Фронтовые будни

В 1941—1945 гг. все советское общество, вовлеченное в Великую Отечественную войну, оказалось в прямом смысле слова на грани жизни и смерти, и все существование советских людей было подчинено общей задаче — противостоянию фашистскому агрессору и достижению победы. Конечно, повседневная жизнь каждого человека в этих условиях была уникальной.

Жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями, сменяющими друг друга и постепенно приобретающими значение постоянного фактора. И это оказывает воздействие на всю жизнь общества, решительным образом влияет на психологию людей, особенно участников боевых действий. При этом для рядового и командного состава характерны некоторые особенности психологии, связанные с разной степенью ответственности и риска. Имеет свою специфику и восприятие действительности представителями разных родов войск и военных профессий. Оно определяется конкретной обстановкой и задачей каждого бойца и командира в бою, наиболее вероятным для него видом опасности, характером физических и нервных нагрузок, способом контакта с противником, взаимодействием с техникой (видом оружия). Однако главный элемент «психологии войны» является общим для всех: экстремальные условия обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий, необходимых для того, чтобы выжить, равно как и для выполнения боевой задачи.

Наряду с экстремальной боевой обстановкой важнейшее влияние на психологию военнослужащих оказывали специфические условия фронтового быта. «Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства. Зимой — это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда... Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и удушливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нравственно устает, переутомляется и т. д.»[1].

В понятие фронтового быта, или уклада повседневной жизни в боевой обстановке, входят выполнение служебных обязанностей, а также отдых и досуг, в том числе и организованный,

то есть всё то, что составляет распорядок дня. Основными составляющими фронтового быта являются также боевое снабжение и техническое обеспечение войск: оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и прочим, а также жилье, бытовое снабжение продуктами питания и обмундированием, санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие, а также связь с тылом — переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска.

Существует множество факторов, влияющих на специфику фронтового быта. Конкретные бытовые условия участников боевых действий определяются общими, социальными и ситуационными факторами. К первым относятся тип и масштаб войны, ее длительность, наступательный или оборонительный характер. Немалое значение имеет театр военных действий — с точки зрения климатических условий и времени года. К социальным факторам относятся принадлежность к роду войск и военной специальности, а также к рядовому или командному составу. В ряду ситуационных факторов — ход военных действий (наступление, оборона, отход), расположение на основном или второстепенном участках фронта, расстояние от переднего края и прочее.

Длительность войны обусловила широкое разнообразие в ведении боевых действий — от высокой мобильности до длительной позиционности на разных этапах войны и на разных фронтах, изменение характера войны — от преимущественно оборонительного на первых ее этапах к активному наступательному на завершающих, от ведения войны на своей территории к переносу ее на чужую, причем как на земли оккупированных противником стран, так и на собственно территорию Германии и ее союзников. Все это, безусловно, влияло на фронтовую повседневность участников боевых действий, их боевой опыт.

Главное, с чем приходится сталкиваться человеку на фронте, — экстремальная боевая обстановка, бытие на грани жизни и смерти. Именно «в бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»[2]. Каким бы храбрым, подготовленным профессионально ни был воин, он неизбежно испытывал в боевой обстановке чувство страха. Страх в бою — естественное чувство, вызванное инстинктом самосохранения. «Война как постоянная и серьезная угроза жизни, конечно, есть натуральнейший импульс к страху»[3], — отмечал физиолог И. П. Павлов.

Часто страх становится фактором, препятствующим эффективной боевой деятельности и имеющим широкий диапазон последствий: от массовой паники и бегства с передовой значительных групп военнослужащих до индивидуальной психологической подавленности, утраты способности ясно мыслить, адекватно оценивать обстановку, вплоть до безынициативности и полной пассивности. Страх является одной из форм эмоциональной реакции на опасность. При этом для человека в экстремальной обстановке характерно чувство доминирующей опасности, обусловленное оценкой создавшегося положения, и часто то, что казалось опасным минуту назад, уступает место другой опасности, а следовательно, и другому страху. Например, страх за себя сменяется страхом за товарищей, страх перед смертью — страхом показаться трусом, не выполнить приказ и прочее. От того, какой из видов страха окажется доминирующим в сознании воина, во многом зависит его поведение в бою[4].

Иногда страх вызывает у человека состояние оцепенения, лишает его самообладания, провоцирует неадекватное поведение или, напротив, заставляет мобилизовать волю, напрячь усилия, активизировать боевую деятельность. Обычно в боевой обстановке человек руководствуется смешанными идейно-волевыми мотивами, и понимание долга в его сознании неразрывно связано с подчинением воинской дисциплине, а любовь к Родине — с проявлением личного мужества. «Страх за собственную жизнь, а порой, не скрою, и обреченность чувствовал, наверное, чуть ли не каждый из пехотинцев, наиболее из всех родов войск выбиваемых фронтом, — вспоминал бывший командир пулеметного взвода лейтенант в отставке В. Плетнёв. — Но все-таки выше, сильнее чувств каждого из нас как индивидуума было наше общее солдатское чувство и сознание, что без всех нас, без тяжелых потерь, без фронтового братства, взаимовыручки победы не добыть, и мы говорили: «Если не мы, то кто? Лишь бы хватило нас на победу! Скорей бы!» Наверное, такое чувство и есть чувство долга»[5].

Командир подразделения докладывает обстановку на передовой

Советский пехотинец на огневой позиции

Бойцы 115-й стрелковой дивизии в окопе на Невской Дубровке

Гвардейский расчет противотанкового орудия готовится к отражению атаки

Снайперы выбирают позицию

Красноармеец-сапер устанавливает мину

По мнению психологов, период полной боеспособности солдата на войне составляет примерно 60 дней, после чего требуется обязательный отдых[6]. В Красной армии в период Великой Отечественной этот фактор был еще неизвестен и не учитывался, отпуска на фронте являлись большой редкостью как для рядовых, так и для офицеров. Однако отдых от переднего края в том или ином виде все же случался — и тогда возникали новые сложности. Даже после кратковременного отсутствия на передовой, например после госпиталя, человеку требовалась адаптация к условиям фронтовой обстановки. У каждого это происходило по-своему: одним после ухода из зоны активных боевых действий на отдых или переформирование требовалось время для привыкания к боевой обстановке, а были и такие, кто стремился на передний край, рвался туда из госпиталя, чтобы скорее попасть обратно к своим боевым товарищам, бить ненавистного врага.

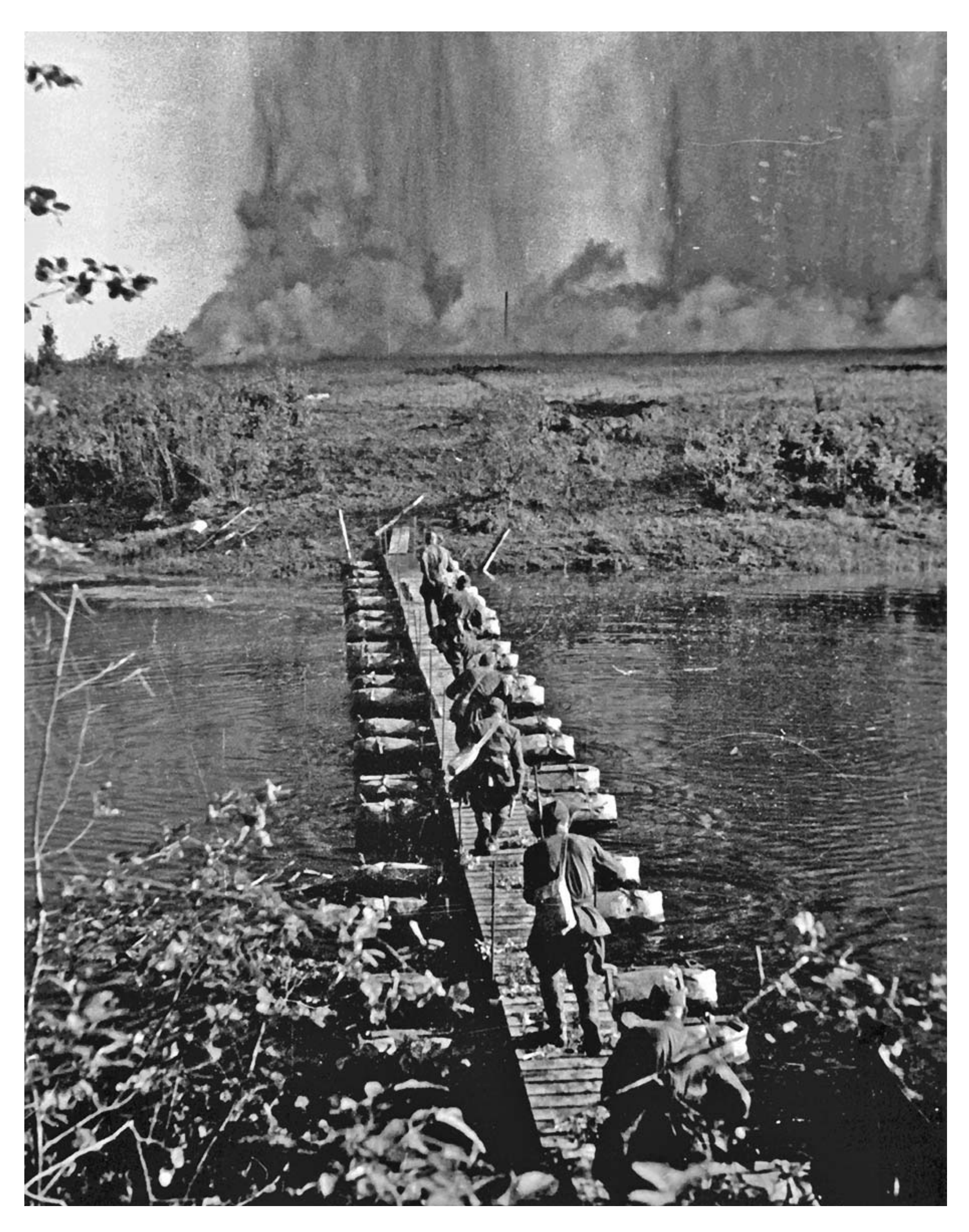
Далеко не у всех участников боя возникает чувство страха, и следовательно, не все они оказываются перед необходимостью его преодоления. «Вопрос не в том, переживает человек в бою эмоцию страха или не переживает никакой эмоции, а в том, переживает ли он отрицательную эмоцию страха или положительную эмоцию боевого возбуждения. Последняя является необходимым спутником военного призвания и военного таланта. Бывают люди, для которых опасность является жизненной потребностью, которые стремятся к ней и в борьбе с ней находят величайшую радость жизни»[7]. Выделяются две категории воинов: к первой относятся те, кто переживает в бою страх и вынужден преодолевать его, боевая обстановка их не увлекает; воины второй категории, напротив, стремятся к бою, их психическое состояние характеризуется отсутствием страха и наличием боевого возбуждения[8].

В боевой обстановке с одинаковой вероятностью могут проявиться прямо противоположные коллективные настроения: с одной стороны, наступательный порыв, а с другой — страх, обреченность, способные в определенной ситуации привести к возникновению паники. Подвиг одного человека (или воинского коллектива) в боевых условиях является мощным психологическим импульсом для окружающих, побуждающим их к активному действию, и служит готовым образцом, своеобразной моделью поведения в опасной ситуации.

Наиболее ярким примером негативного воздействия «психического заражения» в боевой обстановке является паника. Ее случаи в начальном периоде Великой Отечественной войны, во время отхода советских войск под воздействием превосходившего по силе и мобильности противника, в значительной степени были вызваны общим состоянием глубокого психологического шока, который испытала армия в столкновении с реальной мощью противника, что противоречило довоенной пропаганде. При этом сильным импульсом, заставлявшим целые подразделения оставлять свои позиции, обычно становился крик «самолеты», «танки» или «окружают». За время своего отхода войска успели настолько «привыкнуть» к ударам превосходящих вражеских сил, собственным неудачам и поражениям, что сравнительно легко поддавались малодушию.

Очень часто паника возникала, когда солдат сталкивался на поле боя с чем-то непонятным: например, с применением противником нового вида оружия. В годы Великой Отечественной войны панику вызывало использование сирен на немецких пикирующих бомбардировщиках, радиовзрывателей, советских реактивных минометов «катюш». Кстати, этот психологический фактор был учтен Г. К. Жуковым в начале Берлинской операции, когда вслед за мощной артиллерийской подготовкой последовала ночная атака танков и пехоты с применением 140 прожекторов, свет которых не только ослепил неприятеля, но и вызвал у него паническую реакцию. Немцы решили, что против них пущено в ход неизвестное оружие.

Классическим примером борьбы с паникой в период Великой Отечественной войны стали приказы Ставки Верховного главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г. и наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. В первом из них каждый военнослужащий, оказавшись в окружении, обязан был «драться до последней возможности» и независимо от своего служебного положения уничтожать трусов и дезертиров, сдающихся в плен врагу, «всеми средствами, как наземными, так и воздушными». Особо мощным видом воздействия на сознание военнослужащих явился пункт приказа, гласивший, что семьи нарушителей

Воины Красной армии преодолевают водную преграду

Уточнение обстановки перед боем

Расчеты противотанковых орудий в рядах наступающей пехоты

Механик-водитель танка Т-34

присяги будут подвергнуты аресту[9]. Можно по-разному относиться к подобной жестокости, но нельзя отрицать его действенности: приказ № 227 сумел переломить настроение войск. Кстати, такие же чрезвычайные меры для преодоления кризиса на восточном фронте и повышения дисциплины войск предприняло германское командование.

В боевых условиях у бойцов и командиров формируется особое отношение к жизни и смерти, выражающееся, в частности, в постепенном привыкании к ужасным картинам и чувстве отстраненности от них. Вот как описывала свои ощущения военврач Г. Д. Гудкова: «Чудовище войны многолико. На фронте, как это ни ужасно, человеческую смерть, даже если человек молод, со временем начинаешь воспринимать как обыденное явление. Чувство отчаяния, чувство невосполнимости потери если и не исчезает полностью, то притупляется. А если обострится — его подавляешь, чтоб не мешало»[10].

С другой стороны, важное место в мировоззрении бойцов и командиров занимал «солдатский фатализм», как и «привычка к смерти», являвшийся защитным барьером для психики людей в экстремальных условиях. Поэт-фронтовик Давид Самойлов записал в своем дневнике: «Первый бой оформляет солдатский фатализм в мироощущение. Вернее, закрепляется одно из двух противоположных ощущений, являющихся базой солдатского поведения. Первое состоит в уверенности, что ты не будешь убит, что теория вероятности именно тебя оградила пуленепробиваемым колпаком; второе, напротив, основано на уверенности, что не в этом, так в другом бою ты обязательно погибнешь. Формулируется все это просто: живы будем — не помрем... Только с одним из двух этих ощущений можно быть фронтовым солдатом»[11].

Война в психологическом плане относится к категории «пограничной ситуации», то есть крайне опасной, неопределенной, непредсказуемой, угрожающей самой жизни человека и почти не зависящей от его воли и разума. Чем менее она управляема и зависима от человека, тем сильнее его склонность к поиску психологической опоры, в попытке управлять внешними обстоятельствами через иррациональные действия. Неопределенность, непредсказуемость событий в условиях постоянной угрозы самой человеческой жизни и есть та область, которая открывает дорогу к вере в сверхъестественные силы. Причем вера эта имеет вполне практическую цель — получить мистическую защиту, путем выполнения неких ритуальных действий (чтения молитв, ношения оберегов, соблюдения ситуационных табу) оградив себя от опасностей. Особенно такое стремление «повлиять на судьбу» характерно для военной обстановки, что приводит к росту бытовой религиозности в различных ее формах.

Основными носителями религиозного сознания в тылу в период Великой Отечественной войны выступали женщины: матери, жены, сестры, невесты ушедших на фронт мужчин. Молились за спасение близких, за победу над врагом и скорейшее окончание войны, искали духовного утешения. А на передовой, хотя и не столь явно, обращались к вере те, кто постоянно «ходил под Богом». «Я помню, когда мы хоронили своих (а многих молодых ребят принимали в партию рано тогда), и вдруг крестик обнаруживается или ладанка... — вспоминал фронтовик академик Г. А. Арбатов. — Верующий? Неверующий? Или мать дала там что-то такое? А потом я прочитал у генерала Эйзенхауэра, что в окопах атеистов не бывает»[12].

Однако бытовая религиозность не всегда выступала в традиционной форме веры в Бога. Гораздо чаще она проявлялась в виде разного рода суеверий и примет. «Ни в Аллаха, ни в Бога я не верю», — утверждал бывший комсорг батальона, минометчик Мансур Абдулин. Но тут же делал признания совершено иного рода: «Помню, еще на пути к фронту... [вместе с новым полевым обмундированием] были нам выданы и пластмассовые патрончики с крышкой на резьбе. Внутри — ленточка, которую надо было собственноручно заполнить своими анкетными данными, завинтить патрончик наглухо, чтоб в него не попала сырость, и положить в кармашек. «Паспорт смерти» — так окрестили мы этот патрончик между собой. Не знаю, кто как, а я тот паспорт выбросил тихонько, чтоб никто не видел, и на его место положил в брюки свой талисман — предмет, который я должен буду сберечь до конца войны. Наверное, у всех моих товарищей были вещи, которые служили им талисманами, но говорить об этом было не принято: талисман «имел силу», если о нем знал только ты сам»[13].

Человеку свойственно надеяться на лучшее — это тоже защитный механизм сознания, предохраняющий его от саморазрушения. Вера в благополучный исход событий, надежда на возвращение домой поддерживала людей в самых трудных условиях, придавала им новые силы.

Кроме всего прочего фронтовой быт во многом зависел от природно-климатических условий, в которых приходилось воевать. Вот как характеризует в своих военных записках жизнь солдат на Кавказском фронте осенью 1942 г. писатель В. А. Закруткин: «Кусок хлеба, спрятанный в вещевом мешке, превращается в липкий клейстер. Затвор и ствол винтовки ржавеют. От мокрой шинели идет пар. Сапоги покрываются зеленью. Везде тебя настигает проклятый дождь, и всюду слышится смертельно надоевший звук чавкающей, хлюпающей, брызгающей грязи. На дне окопа — вода; в землянках — вода; куда ни прислонишься — мокро; к чему ни прикоснешься — грязь»[14]. Другой ветеран, Ю. П. Шарапов описал суровые будни Карельского фронта: «По многу месяцев нередко длилась на других фронтах позиционная война, но нигде, кроме Севера, не измерялась она годами. Вдосталь натерпелся наш солдат в дни войны в Заполярье, где морозы корежили землю, снег слепил глаза, где вода неотступно преследовала человека, и он радовался каждой сухой кочке; где набухшие от дождя болота проглатывали людей до пояса; где земля, белая и красная, тверда, как бетон; где речки — перешагнуть можно, но дна не достанешь; где на сотни верст ни живой души, только белки летают с ветки на ветку в разрывах между деревьями; где в летний полдень жарко, а в полночь не согреешься у костра; где в июне круглые сутки катится по горизонту громадный шар солнца, а небо нежно-зеленое, как лист салата, а в сентябре ночью такая темь, что абсолютно ничего не видно; где на целых полгода над землей нависает белесая мгла, из которой бесконечно сыплется снег»[15].

Конечно, среди многих слагаемых солдатского быта одно из главных мест занимало вещевое довольствие. В Великую Отечественную войну был учтен печальный опыт Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. — большое количество обмороженных, и к началу первой военной зимы проблем с теплым обмундированием у Красной армии не было. А вот противник сильно уступал нашим войскам в качестве обмундирования: эрзац-сапоги, холодные шинели, пилотки. Такая неподготовленность неприятеля к зиме объясняется германскими планами молниеносной войны: немцы рассчитывали разгромить Советский Союз за несколько месяцев, потому и встретили русскую зиму в летнем обмундировании. Впрочем, и позднее, зимой 1942—1943 гг. под Сталинградом одеты они были не многим лучше и так же, как в 1941 г., укутывались в тряпки и женские платки, так и не сумев приспособиться к русскому климату.

Другая проблема фронтового быта, говоря языком интендантских служб, — квартирование. Безусловно, приоритетными на фронте были задачи выживания, а не удобства. По словам артиллериста П. В. Синюгина: «Чтобы выжить, нам землянка не нужна была. Землянка — это уже обширное помещение, два на два метра. Нам же хватало узенького ровика. Снаряд упадет, тебе ничего не сделает, осколки вверх полетят. Да еще в этом ровике делали подкоп, как мы называли, «лисью нору». Там один сидит, дежурит, остальные отдыхают, если боя нет»[16]. Впрочем, в период обороны даже на передовой удавалось создать своеобразный фронтовой уют в виде теплых землянок и блиндажей.

Во время войны всегда особенно остро встают проблемы, связанные с угрозой эпидемий, поэтому санитарно-гигиеническому обеспечению действующей армии уделялось повышенное внимание, при этом был учтен жестокий опыт Первой мировой и Гражданской войн, когда свирепствовал сыпной тиф. И хотя случаи заболеваний среди личного состава наступавших советских войск, безусловно, имели место, эпидемий благодаря усилиям медиков удалось избежать. Что касается немецкой армии, то она в течение всей войны была источником распространения сыпного тифа и других инфекций. В одном из секретных приказов по 9-й армии (группа армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых»[17]. Основными переносчиками сыпняка были вши, а жилые помещения противника буквально кишели этими паразитами.

Нехитрая солдатская еда

После боя

На привале

Обед на позиции

Первостепенное значение в структуре фронтового быта занимает снабжение армии продовольствием. Оно было очень разным и зависело от определенных условий, конкретного фронта, этапа войны.

12 сентября 1941 г. было принято решение ГКО СССР о введении с 20 сентября новых продовольственных норм суточного довольствия личного состава Красной армии, а 22 сентября издан приказ НКО СССР, во исполнение этого решения вводивший новые нормы. 24 января 1942 г. ГКО принял постановление «О структуре и штатах Главного управления продовольственного снабжения Красной армии», а 1 марта 1942 г. постановление «Об улучшении доставки продовольствия и фуража частям действующей армии»[18]. Впоследствии издавалось немало приказов, касающихся снабжения продовольствием отдельных категорий военнослужащих — летчиков, разведчиков, личного состава железнодорожных эшелонов и прочих, а также анализировавших недостатки в организации питания и снабжения войск на разных фронтах.

20 декабря 1942 г. вышел приказ НКО СССР «О расширении собственной продовольственной базы фронтов»[19], предписывавший фронтам самостоятельно заниматься сезонной заготовкой овощей и фуража за счет использования местных ресурсов.

Особая ситуация с продовольственным обеспечением советских войск сложилась после перехода ими государственной границы. Вместо разоренной территории своей страны наши бойцы оказались в относительно благополучной в продовольственном отношении, несмотря на войну, Европе. 22 февраля 1945 г. Л. Шахпаронова писала подруге из Польши: «Питание у нас здесь улучшилось, так как немцы оставили много коров, свиней, картошки и т. д. Питаемся мы сейчас без всяких норм»[20].

Еще один важный вопрос, касающийся бытовых условий на фронте, — употребление алкоголя личным составом. Во многих армиях использовали и используют различные химические стимуляторы — от алкоголя до наркотических веществ и различных медицинских психотропных препаратов, причем последние могут применяться как перед боевыми действиями, так и после них для снятия или смягчения психических травм.

Почти сразу после начала Великой Отечественной войны спиртное было введено в ежедневное снабжение личного состава на передовой. В подписанном И. В. Сталиным постановлении ГКО «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии» от 22 августа 1941 г. говорилось: «Установить, начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии»[21]. Впоследствии, в 1942–1943 гг., было принято еще несколько постановлений ГКО СССР и приказов НКО СССР, регламентировавших более жесткий порядок выдачи водки в действующей армии и направленных против злоупотреблений при ее распределении[22].

В воспоминаниях участников войны спиртное рассматривается не только как средство психологической разрядки в боевой обстановке, но и как незаменимое «лекарство» в условиях русских морозов. Немцы тоже широко пользовались спиртным, а обязательным атрибутом японских солдат была бутылка с рисовой водкой — саке[23].

На фронте выплачивалось денежное довольствие. Люди семейные отправляли свой денежный аттестат жене и детям, холостяки — родителям или невесте. Ценность денег на фронте теряла всякий смысл. «Бойцы были относительно свободны от забот о материальной стороне жизни. Стремясь успокоить близких, многие из них подчеркивали в письмах, что сыты, обуты и одеты»[24]. «Будничная вещественность войны»[25] была совершенно особой: на фронте ценились простые и незатейливые вещи, в мирной жизни абсолютно незаметные — котелок, ложка, нож, бритва, лопатка и прочее, а то, что тогда считалось роскошью, наоборот, утрачивало какую бы то ни было ценность. И денежный эквивалент не имел к этому никакого отношения.

Кроме того, война обесценила деньги и в тылу: карточная система, нехватка продовольствия, распространенный натуральный обмен. Зная из писем родных и из собственных наблюдений за жизнью гражданского населения, как трудно прокормиться их семьям во

Играй, мой баян, и скажи всем врагам, что жарко им будет в бою!

В минуты затишья

Давай закурим, товарищ, по одной…

Вместе на отдыхе — вместе в бою!

Взвод на отдыхе в тылу

время войны, фронтовики часто сетовали на то, что «ничем, кроме как деньгами», помочь не могут, и советовали продавать и обменивать на продукты абсолютно любые вещи, особенно принадлежавшие лично им, мотивируя это тем, что главное сейчас — продержаться, выжить, сохранить силы и здоровье, а после войны, «если вернусь, всё будет, всё наживем». Пренебрежительные высказывания о вещах — мелочь, тряпки, барахло — встречались очень часто. «Мелочность быта непроизвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность»[26]. При возможности посылками с фронта большинство воинов старалось поддержать в тылу свои семьи, высылая в разоренные города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесенные в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на те же продукты.

В боевой обстановке, особенно во втором и третьем периодах войны, выпадали и минуты отдыха. Первое, что делал в таких случаях солдат, — старался элементарно выспаться. Действительно, иногда в боевой или походной обстановке отдыхать не приходилось по несколько суток, и усталость была столь велика, что многие бойцы приучались спать на ходу, прямо на марше.

Бывали на фронте и нехитрые развлечения. Чаще всего под гитару или гармонь звучала задушевная песня. Пели в окопах не только довоенные, но и новые, рожденные в войну песни. По свидетельству К. М. Симонова, на разных этапах войны имели распространение те из них, которые более точно отражали настроения людей в связи с изменением положения на фронтах: в 1941 г. — «Напрасно старушка ждет сына домой...», в 1942 г. — «В землянке», в 1943 г. — «Темная ночь», в 1944–1945 г. — «Хороша страна Болгария...», «Эх, кабы дожить бы до свадьбы-женитьбы...» и другие[27]. И, разумеется, из уст в уста передавался богатый фронтовой фольклор. Одно из самых интересных явлений в развитии фольклора военных лет — изменение старых песенных текстов, приспособление их к новым условиям. Распространена была замена отдельных строк и куплетов в русских народных, казачьих, старых солдатских и популярных песнях советских авторов. Часто сочинялись стихи на известные мелодии любимых песен. Известно множество вариантов стихотворных текстов на одну и ту же мелодию. Так, различные варианты шахтерской песни «Коногон» («Нас извлекут из-под обломков...») бытовали у представителей разных родов войск[28].

Упоминают ветераны и кинопросмотры, как правило, на отдыхе в ближнем тылу, где существовало какое-то подобие клуба, и в госпиталях — для персонала и легкораненых. Настоящим праздником становился приезд артистов фронтовых бригад, выступавших с концертами перед бойцами. И не было более благодарных зрителей, чем солдаты, которым вскоре предстояло идти в бой.

Рассказывали на привале байки, разряжая атмосферу взрывами хохота, особенно если в подразделении оказывался весельчак и балагур — свой собственный Василий Тёркин. Читали газеты и боевые листки, книги, которые удалось раздобыть, опять же не в окопах, а на отдыхе, да и нечасто это случалось. Играли в шахматы. А уж если удавалось разжиться патефоном и парой пластинок, то они становились величайшей ценностью и заигрывались до полного износа. А кто-то берег как зеницу ока старенький музыкальный инструмент или дрессировал подобранного в сгоревшем селе щенка, ставшего любимцем и талисманом подразделения. Индивидуальный опыт отдыха и способов разгрузки сознания от накопившегося нервного напряжения был весьма разнообразен.

Очень большое значение для солдата на фронте имела связь с тылом, и в первую очередь переписка с родными и близкими. Почти в каждом фронтовом письме встречаются слова о том, как радостно получать солдату весточку из дома, как поддерживает она его душевные силы, помогает и ободряет в бою. Не случайно самые трогательные образцы фронтовой лирики и песен военных лет — «Жди меня», «Темная ночь», «В землянке», «Огонёк» — посвящены письмам любимых или написаны в жанре письма.

Но не все фронтовики получали письма из дома: семьи многих остались на оккупированной врагом территории, и их судьба была неизвестна. И тогда, чтобы боец не чувствовал себя одиноким, над ним брали шефство незнакомые люди, живущие в тылу. Присылали по-

Вручение фронтовикам партбилетов

Полевая парикмахерская

Артиллеристы — народ закаленный!

В бою силен, в быту опрятен

Эх, путь-дорожка фронтовая…

Свежий номер нарасхват

Медсестра полевого госпиталя М. Ткачёва у койки раненого

Прощание с боевым товарищем

сылки и письма, приезжали с подарками на фронт. «Дорогой фронтовик, наша бригада шлет тебе комсомольский привет...», «Дяденька солдат, эти варежки я связала для тебя сама...», «Здравствуй, незнакомый боец! Пишет тебе девушка из далекой Сибири...» — страна щедро делилась своим душевным теплом с теми, кто ее защищал.

Значительную группу составляли письма девушек незнакомым бойцам и командирам. Упоминание об этом мы находим во фронтовых записках Д. Самойлова: «В войну часто переписывались незнакомые одинокие люди — солдаты, оставившие семью в оккупации, с девушками, заброшенными эвакуацией на Урал или в Сибирь. Девушек этих звали «заочницы». Порой такая переписка заканчивалась свадьбой»[29].

Фронтовые письма являются, пожалуй, самыми уникальными и искренними свидетельствами того времени. Мысли и чувства разных людей были настолько близки, так совпадали их мечты и надежды, такое было духовное родство у товарищей по оружию, что и чужие письма (сугубо личные!) воспринимались как свои собственные. И тот, кто чувствовал, что сам не сумеет живо и образно передать свое душевное состояние в письме, заимствовал слова у другого. Наиболее яркие письма переписывались и распространялись наравне с полюбившимися песнями. Заменялись лишь адреса, имена да некоторые детали[30]. В воинских частях часто практиковалось, что бойцы, хорошо владевшие слогом, писали письма по просьбе менее грамотных товарищей, по-своему излагая их мысли. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях Д. Самойлов, упоминая о существовании такого явления, как солдатские «письмовники»[31].

«Летописью боя» и «хроникой чувств» назвал в своих стихах фронтовые письма поэт и журналист И. П. Уткин. Но главное, подчеркивая искренность этих документов, многие фронтовики уже тогда считали, что в будущем именно по ним следует сверять свои душевные качества, чтобы поддерживать их на той нравственной высоте, которой достигли на войне, потому что под пулями не лгут, не лицемерят, не думают о том, как бы изысканнее высказаться. «Кончится война, и совсем небезынтересно будет прочитать все эти письма, полученные на фронте, — писал 22 апреля 1943 г. пулеметчик Василий Пластинин. — И по ним сверить свою жизнь и жизнь своих друзей. Ведь сегодняшние дни, а теперь уже годы войны отличает невероятная людская искренность, что ли, обнаженные чувства, отсутствие фальши в отношениях между товарищами. И если кого-нибудь из них я увижу изменившимся, я предъявлю ему его собственное письмо и скажу: «Смотри, каким ты был»[32].

Определенные и весьма существенные особенности имела фронтовая повседневность рядового и командного состава. При этом «для окопника глубоким тылом считалось все, что находилось дальше медсанбата, а там жизнь текла совсем другая, «кому война, кому мать родна»[33], — отмечал писатель-фронтовик В. Л. Кондратьев. Психология людей из «второго эшелона» была совершенно иной. Не случайно на фронте так не жаловали «штабных», приписывая им все смертные грехи, исходя из своих, «окопных» критериев нравственной оценки человека — пошел бы с ним в разведку или нет.

Специфика социальных и профессиональных категорий, рядового и командного состава, представителей разных видов и родов войск, безусловно, имела место. «Конечно, точка зрения солдата на войну — одна точка зрения, командира полка — другая, даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нем, в этом бою, различные задачи, — писал К. М. Симонов. — Я говорю не о политической задаче — общей, нравственной, патриотической, — а о военной задаче в бою»[34].

Впрочем, наиболее существенные различия обусловливались в первую очередь характером и степенью ответственности, возложенной на каждого в зависимости от служебного положения. Рядовой отвечает только за себя, выполняя приказы всех вышестоящих начальников, и его инициатива предельно ограничена рамками этих приказов. Командир любого ранга несет ответственность не только за себя, но и за своих подчиненных, званием и должностью ему дано право посылать их на смерть, и в этом самое трудное его испытание — испытание властью. Чем выше должность, тем большее число людей зависит от его воли, деловых и человеческих качеств. Но над каждым командиром есть другой командир, чья власть еще больше, и его

инициатива тоже ограничена рамками приказов, хотя возможность ее проявить шире, чем у простого солдата. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом, — и самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни[35].

Принадлежность к офицерскому корпусу формировала у людей особый психологический склад. И возрождение ряда традиций, заимствованных у старого офицерского корпуса, не было пустой фразой. В первую очередь, это отражало изменения в политике государства по отношению к армии: «признание, хоть и негласное, у народа — защитника Отечества — определенных прав; создание кадровой армии (гвардия — как в старые времена, укрепление статуса офицерского состава); ликвидация «двуначалия» — института военных комиссаров»[36], и как итог, отражающий качественные перемены, — введение формы с погонами, встреченное «с интересом и удовольствием»[37]. Многие советские офицеры действительно почувствовали себя наследниками и продолжателями славных побед русского оружия. Ведь возвращение прежней воинской атрибутики совпало с переломом в ходе войны и начавшимся наступлением Красной армии.

Впрочем, на фронте были свои, особые законы, вносившие существенные поправки в отношения людей, независимо от их воинского звания. Без крепкой фронтовой спайки выжить было просто невозможно. «Отношения между собой у фронтовых солдат, как правило, были дружеские... — вспоминал Д. Самойлов. — Наши командиры проявляли о нас заботу, были просты в обращении, ничего не заставляли делать зря, да и жили примерно так, как жили мы, одинаково разделяя с нами все опасности и превратности фронтовой жизни. Но на фронте не специально подбирались добрые, заботливые, смышленые и смелые командиры — на фронте была необходимость смелой и взаимной выручки, справедливости и заботы. Командиру, не обладающему подобными качествами, не поверят в бою... Вся обстановка опасности, смерти, единения, ответственности, долга, вся непосредственность и жизненность этих категорий, абстрактных в иное время и в иных обстоятельствах, определяли поведение большинства фронтовых офицеров»[38].

Именно среди этой самой многочисленной и близкой к солдатской массе категории взводных и ротных офицеров были наибольшие потери. Если за войну среди командиров Красной армии безвозвратные потери составили более 1 млн человек, или 35% от общего числа офицеров, состоявших на службе в вооруженных силах в период войны, то более 800 тыс. из них приходилось на младших лейтенантов, лейтенантов и старших лейтенантов[39]. «Младшие офицеры... испытали войну на своей шкуре, в одном окопе с рядовыми, — вспоминал бывший лейтенант Т. Жданович. — В этом вся тяжесть: ты и рядовой, ты и как командир рядовых подними, да и сам в бой. И сам не дрогни, и других сдержи»[40].

Психологически особенно трудно командовать людьми было именно молодым офицерам, им требовалось прежде всего завоевать у солдат авторитет, подтверждающий их право (не уставное, но моральное) распоряжаться чужими жизнями, несмотря на собственную молодость. А авторитет в бою можно было завоевать только личным примером, подвергая свою жизнь той же степени риска, что и жизнь подчиненных. Это становление и взросление вчерашних школьников, попавших на войну в непривычном качестве человека, наделенного властью, давалось им нелегко. «Не по возрасту тяжкая и страшная ответственность легла на их плечи, — отмечал писатель-фронтовик Г. Я. Бакланов. — И вот им, восемнадцати-девятнадцатилетним, нередко приходилось вести в бой людей, которые были вдвое старше их, и строго требовать, и даже посылать на смерть. А это для молодых и совестливых гораздо труднее, чем самому пойти»[41]. У многих солдат, оказавшихся под началом безусых лейтенантов, были уже взрослые дети, ровесники их командира, и характер взаимоотношений между такими бойцами и командирами был особенно сложен, причудливо сочетая солдатское повиновение и отцовскую заботу и снисходительность у одних и подчеркнутую суровость и уважение к чужому жизненному опыту у других. Для офицеров постарше эта проблема была не такой острой: собственный опыт уравнивал их с подчиненными, лишая, таким образом, ситуацию психологической двойственности.

У каждого вида и рода войск, представителей разных военных профессий также существовали специфика повседневной жизни и особенности восприятии военной действительности, зависящие от ряда факторов, которые можно классифицировать следующим образом: конкретная обстановка и задача каждого бойца и командира в бою; наиболее вероятные (типичные) виды опасности; характер физических и нервных нагрузок; специфика контактов с противником (ближний или дальний); взаимодействие с техникой (видом оружия); особенности военного быта.

Главный фактор, влияющий на психологию родов войск в условиях боевых действий, — специфика видов, форм и степени опасности, присущих каждому из них. «Чувство опасности присутствует у всех и всегда, — писал в 1942 г. К. М. Симонов. — Больше того, продолжаясь в течение длительного времени, оно чудовищно утомляет человека. При этом надо помнить, что все на свете относительно... Человеку, который вернулся из атаки, деревня, до которой достают дальнобойные снаряды, кажется домом отдыха, санаторием, чем угодно, но только не тем, чем она кажется вам, только что приехавшим в нее из Москвы»[42].

Привыкая к «своему» виду опасности и со временем почти не реагируя на него, солдаты, оказавшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя естественно и непринужденно, так как для них именно такая обстановка была повседневной реальностью. Вот как описывает подобную ситуацию бывший танкист, полный кавалер ордена Славы И. Р. Архипкин: «Воевать везде одинаково трудно, что в пехоте, что в танковых... Но, как бы сказать, пехотинцу, он окоп выкопал, лег, понимаете, — и отстреливайся. А если он в танк попадет? Вот у нас десантники были, танкодесантники... Ну, там по нескольку человек — по шесть, по восемь на танке, когда сколько. И командир отделения у них, боевой такой парень, симпатичный, красивый, грудь в орденах вся. И вот, бывало, попросим его: давай, мол, в танк залезем... Я, говорит, не могу в нем сидеть: понимаете, вот какое-то ощущение — снаряд прилетит сейчас, попадет... А уж земля, говорит, она меня и укроет, и все тут»[43].

На войне каждый видел жизнь через то дело, которым занимался, имея собственный «радиус обзора»: пехотинец — окоп, танкист — смотровую щель танка, летчик — кабину самолета, артиллерист — прицел орудия, врач — операционный стол. Но разница в их восприятии войны была обусловлена еще и тем, что, выполняя каждый по-своему тяжелую солдатскую работу, представители разных родов войск осуществляли ее по-разному: кто-то вблизи, встречаясь с противником лицом к лицу, успевая увидеть его глаза, а кто-то на расстоянии, посылая снаряд или бомбу в намеченную цель и не всегда представляя размеры разрушений и количество смертей, вызванных этим снарядом. Для последних противник не был «очеловечен», представляясь безликой фигуркой на мишени. Другое дело — пехота. Бывшая санинструктор О. Я. Омельченко справедливо отмечала: «Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, — всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить»[44].

XX в. с бурно развивающимся техническим прогрессом предопределил возникновение системы «человек — машина». Военная техника объединяла такое количество людей, какое было необходимо для ее функционирования в бою, создавая тем самым особый вид коллектива со своими внутренними связями: пулеметный и орудийный расчет, танковый и летный экипаж, команду корабля и подводной лодки и другие. Возник и такой феномен человеческих отношений, как «экипажное братство», наиболее ярко проявлявшееся у танкистов и летчиков. Несколько человек в одинаковой степени рисковали жизнью, и жизнь всех членов экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий каждого, от глубины эмоционального контакта между ними, понимания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее были подобные связи, тем больше вероятность уцелеть. Боевая действительность определяла кодекс поведения и взаимоотношения людей.

Еще один аспект проблемы «человек и техника» — это превращение некоторых родов войск в элитарные: не по принципу подбора кадров, а по стратегическому значению в данной войне и формированию особой психологии личного состава. В годы Великой Отечественной войны таким особым сознанием своей значимости отличались бронетанковые

Снайпер Людмила Павличенко

Снайпер Мария Кувшинова

войска, авиация и флот, причем военно-воздушные и военно-морские силы наиболее ярко. В психологическом плане у летчиков и моряков было много общего. В бою и для тех, и для других гибель боевой техники почти всегда означала собственную гибель: самолет, подбитый над территорией противника, оставлял экипажу, даже успевшему выпрыгнуть с парашютом, мало шансов на спасение; у моряков с торпедированного корабля было также мало шансов достичь берега или быть подобранными другим судном. Поэтому среди представителей других родов войск те и другие слыли за отчаянных храбрецов. Впрочем, они и сами старались поддерживать подобную репутацию.

И наконец, отношение человека к своей боевой машине, будь то танк, самолет, корабль или подводная лодка, было «одушевленным»: техника воспринималась почти как живое существо, и если была хоть малейшая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это делали.

Большинством наших воинов война воспринималась как работа, тяжелый труд. И солдат в первую очередь был тружеником — каждый на своем месте. Пехота — «царица полей», великая труженица войны, не была однородной. Она включала в себя множество боевых профессий с присущей им спецификой. Так, в наиболее сложных условиях приходилось действовать снайперу-«охотнику», в течение долгих часов выслеживая врага, чтобы поразить его с первого выстрела, а самому остаться незамеченным, не дать себя обнаружить. Здесь требовались огромная выдержка и хладнокровие, особенно во время снайперской дуэли, когда в смертельный поединок вступали равные по меткости и сноровке противники. Такие же качества требовались и для пехотной разведки, которая всегда была «ближе других к смерти», отправляясь на задание в тыл врага: за языком или в разведку боем, специально вызывая огонь противника на себя. «Я вскоре понял разницу между обыкновенной пехотой и разведкой, — отмечал в военных записках Д. Самойлов. — Назначение пехоты — вести бой. Разведки — все знать о противнике. Ввязывание в бой (если это не разведка боем), в сущности, для разведки — брак в работе. Пехоте легче в обороне, особенно в долгосрочной. Разведке легче в наступлении, когда для того, чтобы ворваться в расположение противника, не надо преодолевать минные поля и проволочные заграждения»[45]. Из всех многочисленных видов разведки, за исключением агентурной, пехотная была самой опасной и напряженной.

Не меньшие, чем у пехотинцев, нагрузки приходились на долю артиллеристов, тащивших на себе тяжелые пушки по размытым и разбитым дорогам войны. Велико было и их психологическое напряжение в бою. Не случайно в наводчики орудия выбирали самых волевых и хладнокровных. «В горячке боя взрывы никто не считает, и мысли только об одном: о своем месте в бою, не о себе, а о своем месте. Когда артиллерист тащит под огнем снаряд или, припав к прицелу, напряженно работает рулями горизонтального и вертикального поворота орудия, ловя в перекрестие цель (да, именно цель, редко мелькает мысль: «танк», «бронетранспортер», «пулемет в окопе»), то ни о чем другом не думает, кроме того что надо быстро сделать наводку на цель или быстро толкнуть снаряд в ствол орудия: от этого зависят твоя жизнь, жизнь товарищей, исход всего боя, судьба клочка земли, который сейчас обороняют или освобождают»[46].

По-разному влияли на представителей разных родов войск и особенности местности, где велись боевые действия, и природно-климатические условия. Характерным примером может служить переход наших войск через пустыню Гоби в ходе Дальневосточной кампании в августе 1945 г. Примечательны в этом отношении воспоминания участника тех событий — бывшего артиллериста А. М. Кривеля: «Для нашего полка воды требовалось больше, чем для любого другого, нужно было напоить лошадей. Наши четвероногие друзья в эти дни научились не хуже человека пить из фляги. И солдаты делили с ними те скудные капли, которые получали из «централизованного» фонда. Еще труднее было танкистам. В металлической коробке танка жаркий, будто расплавленный воздух, руками не тронешь нагретое железо. У всех пересохло в горле, стали сухими губы. Танки передвигались на расстоянии ста метров друг от друга. Взметенный горячий песок набивался внутрь, слепил глаза, лез во все щели, как наждак, перетирал стальные детали гусениц»[47].

Впрочем, при всех различиях, присущих разным родам войск, те из них, которые относились к сухопутным войскам, имели между собой много общего — именно потому, что сражались на земле. У летчиков восприятие боевой обстановки было качественно иным, как и сама обстановка. Они испытывали особый риск и особые нагрузки, причем для каждого вида авиации свои, но эти различия не столь значительны и существенны, так как реальность воздушного боя была единой для всех. «Воздушный бой длится мгновения, — вспоминает бывший летчик-истребитель И. А. Леонов. — И бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых летчиков появлялась седина. Такое испытывали тяжелое нервное напряжение... Сначала видишь в небе крохотные точки. Не можешь даже определить — чьи летят самолеты: свои или чужие. Точки быстро растут. И по одному тому, как к тебе приближается вражеский летчик, идет ли в лобовую атаку — ты можешь определить примерно и опыт его, и норов... В бою, как говорится, приходится вертеть головой на 360 градусов. Отовсюду может достать враг. Бросаешь самолет в такие фигуры, которые в иное время, может быть, и не сделал бы. Ты заворачиваешь вираж, догоняя врага. Или на крутом вираже стараешься оторваться от него. Камнем направляешь машину вниз и круто выводишь из пике. В этот момент испытываешь большие перегрузки: веки сами закрываются, щеки обвисают от натуги, все тело будто налито свинцом. А самое главное в бою — ты должен в доли секунды принять единственно верное решение. От него зависит — выйдешь ли ты победителем или погибнешь... Мы искали врага в небе, чтобы победить. Приходилось вылетать по четыре-пять раз. Это было очень тяжело даже для молодых, тренированных летчиков. Случалось, кто-нибудь из ребят приведет самолет на аэродром и вдруг тяжело ткнется головой в приборы. Что такое? Ранен? Убит? Нет, потерял сознание от переутомления... Но молодость выручала нас. Пройдет два-три часа, и мы снова готовы к полету»[48].

У моряков, особенно подводников, были не менее чудовищные физические и нервные нагрузки. Командир подводной лодки Щ-303 Герой Советского Союза капитан 3 ранга И. В. Травкин вспоминал: «Вражеские катера обнаруживают подводников и начинают бомбежку. Лодка оказалась в кольце противолодочных кораблей. Сорок пять часов она уже под водой. Тяжело дышать. У многих началось кислородное голодание. Чтобы меньше был расход кислорода, люди лежат — таков приказ командира. Слипаются глаза, клонит ко сну... Лодку сильно бомбят, и она ложится на грунт. Почти два часа продолжается бомбежка. Два часа ада... Чтобы уменьшить шумы на лодке, краснофлотцы сняли обувь, обмотали ветошью ноги и двигаются по палубе неслышно. Обстановка тяжелая. Люди задыхаются. Немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, тело покалывает иголками. Уснул электрик Савельев. Дышит тяжело. На губах розовая пена... Мы не знаем, когда наступит смерть от удушья. По теоретическим расчетам, нам полагалось задохнуться после трех суток пребывания под водой»[49]. Лодке удалось вырваться из блокады, пройдя под водой через минное поле. Выдержать подобное напряжение мог не каждый.

Но вот еще одна сторона войны — в восприятии тех, кто по роду своей службы спасал от смерти, облегчал страдания искалеченных, возвращал раненых в строй. «Мало кто задумывался и задумывается над тем, какие переживания выпали в годы войны на долю медицинского персонала наших войск, — пишет бывший военврач Г. Д. Гудкова. — А между тем война — даже в периоды успешных наступательных операций — оборачивалась к нам, медикам, исключительно тягостной, губительной стороной. Мы всегда и везде имели дело с муками, страданиями и смертью. Наблюдать это нелегко. Еще тяжелее хоронить тех, кого не сумел выходить, спасти. Тут не выручает никакой профессионализм... На войне мучения и страдания, даже гибель становится повседневным, рядовым уделом миллионов сильных, здоровых, как правило, именно молодых людей. Да и спасать жертвы войны приходится, не зная, избавишь ли их от новых мук или от неисправимой беды»[50]. Большинство фронтовиков, связавших впоследствии свою судьбу с медициной, сделали это в знак высшей благодарности к тем, кто спасал им жизнь на фронте, в медсанбатах и госпиталях.

Еще один специфический ракурс фронтовой повседневности Великой Отечественной войны — массовое, по сравнению со всеми предшествующими войнами, участие в ней жен-

щин, признанное и по характеру, и по масштабу историческим и социально-психологическим феноменом. За шесть предвоенных лет курс занятий в организациях Осоавиахима по противовоздушной и химической обороне прошли 38 млн человек, треть из которых были девушки. Сотни тысяч девушек овладели стрелковым оружием, разнообразными авиационными и морскими специальностями, десятки тысяч стали радистками, медсестрами, освоили парашютное дело, автодело.

С началом войны сотни тысяч женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное — утверждая за собой равные с ними права на защиту Отечества. Они добровольцами вступали в ряды Красной армии, в дивизии народного ополчения.

Женщины в СССР не были военнообязанными, хотя законодательство Советского Союза предусматривало в случае необходимости привлечение их в ряды Красной армии[51]. Статья 13 закона «О всеобщей воинской обязанности», принятого четвертой сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г., предоставила народным комиссариатам обороны и Военно-морского флота «право брать на учет и принимать на службу в армию и на флот женщин, имеющих медицинскую, ветеринарную и специально-техническую подготовку, а также привлекать их на учебные сборы»[52]. В военное время женщины, имевшие такую подготовку, могли быть призваны в армию и на флот для несения вспомогательной и специальной службы.

Первыми были мобилизованы врачи и медперсонал 1905–1918 гг. рождения. Во время войны в действующей армии женщины составляли 41% фронтовых врачей, 43% военных хирургов и военных фельдшеров и 40% санинструкторов и санитаров[53]. В 1941–1945 гг. по линии Красного Креста 300 тыс. женщин получили специальности медицинских сестер, 300 тыс. — санитарок, свыше 500 тыс. — сандружинниц МПВО[54]. Они спасали жизнь раненым, вынося их из-под огня на поле боя, эвакуировали в тыл, лечили в медсанбатах и госпиталях, вернули в строй 72% раненых и 91% больных защитников Отечества. Благодаря их усилиям за время войны в армии не было эпидемий. За мужество и неустанный труд в годы войны 40 тыс. женщин-медиков были удостоены различных наград, 16 получили звание Героя Советского Союза, одна стала полным кавалером ордена Славы[55].

17 сентября 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» в стране было введено всеобщее военное обучение. 21 ноября 1942 г. был издан приказ народного комиссара обороны СССР о начальной подготовке и обучении военным специальностям женщин в комсомольско-молодежных спецподразделениях Всевобуча[56]. Всего за время войны без отрыва от производства военную подготовку прошли свыше 222 тыс. женщин, из них получили специальность минометчиц — 6097, станковых и ручных пулеметчиц —12 318, автоматчиц — 15 290, связисток — 29 509, специалистов для подразделений военно-автомобильных дорог — 11 061[57].

На базе Центральной школы инструкторов-снайперов при Главном управлении Всевобуча НКО действовали курсы по подготовке женщин-снайперов. «Многие женщины постигали искусство снайперской стрельбы прямо на фронте, проходя обучение в частях и соединениях действующей армии»[58]. 21 мая 1943 г. приказом НКО женские курсы отличных стрелков снайперской подготовки были переформированы в Центральную женскую школу снайперской подготовки (ЦЖШСП)[59]. За время своего существования школа сделала семь выпусков, подготовила 1061 снайпера и 407 инструкторов снайперского дела[60]. В январе 1944 г. школа стала Краснознаменной. Выпускницы женской школы воевали на всех фронтах, уничтожили тысячи фашистских солдат и офицеров. 492 из них были награждены орденами и медалями, пять женщин-снайперов — Н. В. Ковшова, Т. И. Костырина, А. Н. Молдагулова, Л. М. Павличенко, М. С. Поливанова получили звание Героя Советского Союза, а Н. П. Петрова одна стала полным кавалером ордена Славы[61].

В годы войны были созданы 1-я отдельная женская добровольческая стрелковая бригада, 1-й отдельный женский запасной стрелковый полк и другие[62]. Но самым уникальным явлением стало создание боевых авиационных частей из летчиц-добровольцев, учитывая их горячее желание идти на фронт.

Пулеметчица З. Козлова

Командир женского авиаполка Е. Д. Бершанская ставит боевую задачу своим подчиненным

Командир танковой роты старший лейтенант Е. С. Кострикова

8 октября 1941 г. нарком обороны СССР издал приказ «О сформировании женских авиационных полков ВВС Красной армии»[63]: 588-го ночного бомбардировочного авиаполка, ставшего впоследствии 46-м гвардейским; 587-го авиаполка дневных бомбардировщиков, ставшего затем 125-м гвардейским, и 586-го истребительного авиаполка ПВО. Их формирование было поручено прославленной летчице, штурману экипажа «Родина», в сентябре 1938 г. совершившего легендарный беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток, Герою Советского Союза М. М. Расковой. Командиром 586-го истребительного авиаполка стала одна из опытнейших летчиц страны майор Т. А. Казаринова. Майор М. М. Раскова была назначена командиром 587-го бомбардировочного авиаполка. 588-й ночной легкобомбардировочный авиаполк возглавила майор Е. Д. Бершанская[64].

Советские женщины сражались как в составе отдельных «женских» полков, так и в обычных «мужских» частях во всех видах авиации (истребительной, штурмовой, бомбардировочной), проявили исключительное мужество и внесли свой весомый вклад в достижение победы над врагом. Так, с марта 1942 г. полком авиации дальнего действия, а затем бомбардировочным авиаполком командовала Герой Советского Союза В. С. Гризодубова, получившая в 1943 г. воинское звание полковника. Истребители Т. У. Памятных и Р. Н. Сурначевская 19 марта 1943 г. вели неравный бой с 42 «юнкерсами», прикрывая железнодорожную станцию. За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны 32 женщины-летчицы и штурмана стали Героями Советского Союза, а стрелок-радист Н. А. Журкина — полным кавалером ордена Славы[65].

Женщины попадали в армию не только на добровольной основе, но и по мобилизации. «Годные к военной службе женщины в возрасте от 19 до 30 лет призывались и направлялись в войсковые части и учреждения, а в возрасте до 45 лет — в стационарные тыловые учреждения. Освобождались от призыва в армию, на флот и в войска НКВД женщины, обремененные семьей и беременные, а также работавшие на предприятиях оборонной промышленности, в органах НКВД и НКГБ, на железнодорожном и водном транспорте, студентки высших учебных заведений и техникумов». Кроме женщин-военнослужащих были вольнонаемные, которые трудились «в штабах всех инстанций и в войсках на должностях обслуживающего персонала военно-медицинских, продовольственных (полевых хлебозаводов, пищеблоков), вещевых, банно-прачечных, ремонтных и других учреждений»[66].

«В связи с созданием многомиллионных армий, развитием техники, вооружений, большими потерями на фронте, привлечение женщин на военную службу становится велением времени, необходимой потребностью. И вот уже сотни тысяч женщин различных возрастов и специальностей находятся в действующей армии: на машинах зенитных установок, в войсках связи, снайперами, за штурвалом самолета и рычагами управления танком, в матросских бушлатах и с флажками регулировщика в руках. Практически не было той воинской специальности, в которой женщины не сражались бы вместе с мужчинами за свое Отечество в 1941–1945 гг.»[67]

Так, 26 марта 1942 г. во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 25 марта 1942 г. вышел приказ НКО СССР о мобилизации 100 тыс. девушек в войска ПВО[68]. В октябре 1942 г. по решению ГКО была проведена вторая массовая мобилизация женщин в войска ПВО. К январю 1943 г. по комсомольским путевкам туда пришли 123 884 девушки-добровольца. Всего же с апреля 1942 по май 1945 г. в войсках ПВО служили до 300 тыс. женщин. В некоторых полках и дивизиях они составляли от 50 до 100% личного состава. К концу войны удельный вес женщин достиг 24% контингента Войск ПВО[69].

Много женщин служило в частях и на узлах связи. Уже в августе 1941 г. в войска связи были призваны 10 тыс. девушек. 13 и 14 апреля 1942 г. были изданы приказы наркома обороны № 0276 «О замене ряда должностей красноармейцев в частях связи женщинами» и № 0284 «О мобилизации в войска связи женщин для замены красноармейцев»[70]. В 1941–1945 гг. женщины составляли 12% личного состава войск связи, а в отдельных подразделениях — до 80%[71]. «Высвобождающиеся из фронтовых, армейских и запасных частей связи мужчины-связисты направлялись на укомплектование и пополнение стрелковых дивизий, бригад, артиллерийских, танковых, минометных частей, находившихся на фронте»[72].

Приказом наркома обороны от 19 апреля 1942 г. для замены красноармейцев-мужчин 40 тыс. женщин были мобилизованы в Военно-воздушные силы на должности специалистов связи, шоферов, кладовщиков, делопроизводителей, писарей, поваров, библиотекарей, бухгалтеров и других административно-хозяйственных работников, а также стрелков-вооруженцев[73].

5 мая 1942 г. вышло постановление Государственного Комитета Обороны о мобилизации 25 тыс. девушек-комсомолок и некомсомолок-добровольцев в Военно-морской флот «в целях более рационального использования рядового и младшего начальствующего состава мужского пола», а 6 мая — соответствующий приказ народного комиссара ВМФ СССР[74]. 10 мая Главное политическое управление ВМФ издало специальную директиву об организации политической работы с мобилизованными девушками[75].

3 июня 1942 г. был издан приказ НКО о замене командного и начальствующего состава, который по характеру работы мог быть заменен начсоставом, ограниченно годным и старшими возрастами, а также женщинами-военнослужащими и вольнонаемными[76].

Женщины служили в бронетанковых и механизированных войсках не только на вспомогательных должностях. Были среди них механики-водители, стрелки-радисты, командиры танков и танковых подразделений. М. В. Октябрьская и И. Н. Левченко стали Героями Советского Союза.

Маршал Советского Союза А. И. Ерёменко писал: «Едва ли найдется хоть одна военная специальность, с которой не справились наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья и отцы»[77]. Они воевали летчицами и танкистами, пулеметчицами, автоматчицами, минометчицами, саперами, минерами, артиллеристами, разведчицами, снайперами, зенитчицами и прожектористками, водителями и регулировщицами. Тысячи женщин-офицеров готовили военные училища во многих городах страны — и они командовали расчетами, взводами, ротами, полками, служили политработниками, участвовали в решающих операциях Красной армии на всех фронтах. А в тылу врага свыше 100 тыс. женщин сражались в партизанском движении, в партийном и комсомольском подполье[78].

В изданном в 2010 г. статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь» утверждается, что «за период Великой Отечественной войны всего были призваны на военную службу 490 235 женщин»[79]. Впрочем, в это число не вошли женщины, относящиеся к целому ряду вспомогательных служб и вольнонаемному составу: подсчитать их точное количество авторам статистического сборника не удалось.

До сих пор неизвестны соотношение вольнонаемных и военнослужащих, добровольцев и мобилизованных, их социальный, образовательный, национальный состав и семейное положение. Официальная статистика не выделяет женщин в особую группу при подсчете военных потерь, умалчивает о количестве раненых, контуженых и ставших инвалидами женщин-комбатантов. В уже упомянутой «Книге потерь» также констатируется: «Потери среди женщин и лиц вольнонаемного состава отдельной строкой не выделялись, поэтому число погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих-женщин показывалось в графах, соответствующих их воинским званиям, вместе с потерями всего личного состава войск, а лица вольнонаемного состава показывались в графе «рядовые». По этой причине не представляется возможным определить точное число потерь среди этой категории лиц. Они учтены в общем количестве потерь военнослужащих»[80].

Женская судьба на войне особенно тяжела и трагична. Просясь на фронт, девушки и женщины были готовы к подвигу, но не к армейским будням, и то, с чем им пришлось столкнуться на войне, стало для них неожиданностью. Гражданскому человеку всегда трудно перестроиться «на военный лад», а женщине особенно. Армейская дисциплина, солдатская форма не всегда по росту, мужское окружение, тяжелые физические нагрузки, трудности быта, проблемы гигиенического характера — все это явилось нелегким испытанием. Но это была именно та «будничная вещественность войны, о которой они, когда просились на фронт, не подозревали»[81].

Потом был и сам фронт с ежеминутной опасностью и «вечно преследующим, но скрываемым страхом»[82]. Впоследствии они сами удивлялись тому, что смогли все это выдержать. И послевоенная психологическая реабилитация у женщин проходила сложнее, чем у мужчин: слишком велики для женской психики подобные эмоциональные нагрузки. «Мужчина, он мог вынести, — вспоминала бывший снайпер Т. М. Степанова. — Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда все могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего, тогда все могла»[83].

По мере роста числа женщин-военнослужащих и вольнонаемных в армии, начиная с 1942 г., издавались специальные «женские» приказы и постановления: например, приказы наркома обороны СССР от 12 августа 1942 г. «О выдаче некурящим женщинам шоколада или конфет взамен табачного довольствия»[84], от 11 апреля 1943 г. «Об увеличении нормы выдачи мыла женщинам-военнослужащим»[85].

Не остался без внимания и такой вопрос, как медицинское обслуживание женщин[86]. Так, в 1943 г. в издательстве «Медгиз» вышла специальная брошюра «Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной армии», в которой отмечалось, что «особенности физиологии женщины требуют серьезного внимания к организации ряда специфических мероприятий лечебного и профилактического порядка»[87]. Составителями брошюры были начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов и главный гинеколог Красной армии полковник медицинской службы И. Ф. Жордания, основавший в период войны самостоятельный раздел военной медицины — военную гинекологию, разработавший систему оказания медицинской помощи раненым и больным женщинам на различных этапах медицинской эвакуации.

В число обязательных лечебно-профилактических мероприятий были включены периодические медицинские осмотры военнослужащих женщин, организованы циклы первичной подготовки медицинских сестер и врачей по акушерству и гинекологии, проводились ежегодные научно-практические конференции военных гинекологов фронтов[88]. В армейских госпиталях развертывались женские палаты, во фронтовых госпиталях — гинекологические отделения. Всего в составе каждой армейской и фронтовой госпитальной базы в 1943–1944 гг. имелось до 300 гинекологических коек[89]. Были созданы и специальные женские госпитали. Так, 1 октября 1943 г. на Ленинградском фронте впервые в Красной армии эвакуационный госпиталь № 1443 на тысячу коек был переформирован в женский[90].

Особыми нормативными документами регулировались нередкие случаи, когда женщины демобилизовывались из армии по беременности. 1 сентября 1942 г. вышло сразу два постановления Совета народных комиссаров СССР: № 1458 «О порядке выдачи пособий по беременности и родам работницам и женщинам-служащим вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений действующих Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД СССР на военное время»[91] и № 1459 «О порядке выдачи пособий по беременности и родам женщинам-военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава, уволенным из Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД СССР на военное время»[92]; а также приказы наркома обороны СССР № 269 от 10 сентября 1942 г. «О порядке обеспечения при временной нетрудоспособности вольнонаемного состава войсковых частей и учреждений действующей армии и о порядке выдачи пособий по беременности и родам»[93] и заместителя наркома обороны № 187 от 28 сентября 1944 г. «О предоставлении льгот беременным женщинам и матерям»[94].

11 июля 1944 г. был издан приказ заместителя наркома обороны СССР № 0201 «О введении обязательных ежемесячных медицинских осмотров всего личного состава Красной армии»[95] — офицерского, сержантского, рядового и вольнонаемного, как мужчин, так и женщин, с целью предотвращения распространения венерических заболеваний.

Командир экипажа Пе-2 М. Долина

Регулировщица

Военный водитель Н. К. Ядыгарова

Феномен участия женщины в войне сложен уже в силу особенностей женской психологии, а значит, и восприятия ею фронтовой действительности. «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания, — подчеркивала С. А. Алексиевич. — Если мужчину война захватывала как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание — для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны — физические и моральные, она труднее переносила «мужской» быт войны»[96]. В сущности, то, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, было чудовищным противоречием ее женскому естеству.

Другая сторона феномена — неоднозначное отношение военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще. Психологи отмечают у женщин более тонкую нервную организацию, чем у мужчин. Самой природой заложена в женщине функция материнства, продолжения человеческого рода — женщина дает жизнь, и тем противоестественнее кажется словосочетание «женщина-солдат», «женщина-воин».

Не все женщины, служившие в армии в годы войны, оказались непосредственно на передовой: были и вспомогательные службы, на которых требовалось заменить ушедших на фронт мужчин, и службы «чисто женские», как, например, в банно-прачечных отрядах. Наше сознание спокойно воспринимает женщину-телефонистку, радистку, связистку, врача или медсестру, повара или пекаря, шофера и регулировщицу, то есть те профессии, которые не связаны с необходимостью воевать. Но летчик, снайпер, стрелок, автоматчик, зенитчик, танкист и кавалерист, матрос и десантник — это уже нечто иное. Жестокая необходимость толкнула женщину на этот шаг, и желание самой защищать Отечество от беспощадного врага, обрушившегося на ее землю, ее дом, ее детей — священное право!

Но не только это «несоответствие» женской природы и представлений о ней тому жестокому, но неизбежному, что требовала служба в армии, на фронте, вызывало противоречивое отношение к женщинам на войне. Чисто мужское окружение, в котором им приходилось находиться в течение длительного времени, создавало немало проблем. С одной стороны, для солдат, надолго оторванных от семьи, в том их существовании, где, по словам Д. Самойлова, «насущной потребностью были категории дома и пренебрежения смертью, — единственным проблеском тепла и нежности была женщина», а потому «была величайшая потребность духовного созерцания женщины, приобщения к ее миру... потому так усердно писали молодые солдаты письма незнакомым «заочницам», так ожидали ответного письма, так бережно носили фотографии в том карманчике гимнастерки, через который пуля пробивает сердце»[97]. Об этой потребности «духовного созерцания женщины» на фронте вспоминают и сами фронтовички. «Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов, — говорит бывшая санинструктор О. В. Корж. — Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал»[98]. По мнению многих, присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, облагораживало человека, который был рядом, делало его «намного более храбрым»[99].

Но существовала и другая сторона проблемы, ставшая темой сплетен и анекдотов, породившая насмешливо-презрительный термин ППЖ (походно-полевая жена). Такое тоже было. Но вот что характерно: особенно охотно злословили по этому поводу в тылу те, кто предпочитал отсиживаться подальше от передовой, за спинами тех же девчонок, ушедших на фронт добровольцами.

Рождались на фронте и подлинные, возвышенные чувства, самая искренняя любовь, особенно трагичная потому, что у нее не было будущего — слишком часто смерть разлучала влюбленных. Но тем и сильна жизнь, что даже под пулями заставляла людей любить, мечтать о счастье, побеждать смерть. И осуждать их за это из далекого тыла, пусть голодного, холодного, но все-таки относительно безопасного, было куда безнравственнее.

Девушка-санинструктор сопровождает раненого солдата

Медсестры Северного флота

О том, как непросто складывались на войне женские судьбы, свидетельствует подборка писем женщин-военнослужащих, обнаруженная в делах политотдела 19-й армии за февраль 1945 г. Эти копии были сняты военной цензурой и «проанализированы» работниками политотдела «для улучшения партийно-политической работы среди женщин армии»[100]. В них, как в зеркале, отражается вся трагедия женщины на войне, те горькие, порой неприглядные стороны, о которых не принято говорить. Спектр мыслей, чувств, настроений авторов писем чрезвычайно широк, они предельно искренни и интимны, явно не предполагая бесцеремонного вмешательства цензуры в свою личную жизнь.

Среди многих других сюжетов в письмах женщин-военнослужащих ярко и многосторонне раскрывается проблема взаимоотношений мужчин и женщин на фронте. Интересен тот факт, что фронтовая мораль гораздо строже осуждала неверную жену, оставшуюся дома и изменившую мужу-фронтовику с «тыловиком», чем фронтовую подругу, по-женски пожалевшую солдата, идущего на смерть. К. М. Симонов по этому поводу писал: «Мы, говоря о мужчинах на войне, привыкли все-таки, беря в соображение все обстоятельства, главным считать, однако, то, как воюет этот человек. О женщинах на войне почему-то иногда начинают рассуждения совсем с другого. Не думаю, чтобы это было правильно»[101].

Бывшие солдаты с благодарностью вспоминают сестренок, которые выносили их, раненых, с поля боя, выхаживали в медсанбатах и госпиталях, сражались с ними рядом в одном строю. Женщина — друг, соратник, боевой товарищ, делившая все тяготы войны наравне с мужчинами, воспринималась ими с подлинным уважением.

За заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми орденами и медалями. Более 200 человек стали кавалерами ордена Славы 2-й и 3-й степеней, а четыре женщины — воздушный стрелок-радист Н. А. Журкина, снайпер Н. П. Петрова, пулеметчица Д. Ю. Станилиене и санинструктор М. С. Нечепорчукова (Наздрачёва) — стали полными кавалерами ордена Славы[102]. 87 советским женщинам присвоено звание Героя Советского Союза[103]. Более 650 женщин из числа участвовавших в освобождении Европы награждены правительственными наградами Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Югославии и других стран[104].

Повседневная жизнь городского населения и сельских жителей в условиях войны

Великая Отечественная война круто изменила жизнь городских и сельских жителей СССР. Эвакуация больших масс населения и промышленных предприятий в восточные районы страны, потеря значительных территорий, в том числе житниц страны, сказались на жизни советского общества. Хлеб, продукты питания, а также большинство товаров повседневного спроса выдавались по карточкам. Не хватало жилья, топлива, электроэнергии. Работа городских коммунальных служб и транспорта в условиях военного времени ухудшилась. В то же время производственная нагрузка на каждого работника, особенно в сельской местности, максимально возрастала, а время отдыха сокращалось до минимума, ужесточались трудовая дисциплина и меры наказания за ее нарушения.

Общее горе сплотило советских людей, укрепило тыл, вызвало в рабочей и крестьянской среде готовность трудиться не покладая рук во имя общей победы. Жители городов и деревень знали, что выплавленная ими сталь, произведенные снаряды, выращенный хлеб и другие продукты сейчас крайне необходимы стране, фронту. Главным лейтмотивом их жизни стали патриотизм, воля к победе, сплоченность, искреннее стремление трудиться с полной отдачей сил, помогать армии бить врага до полной победы.

Война привнесла свою крайне сложную, а порой и жестокую специфику в жизнь городского населения. Повседневная жизнь городов тыловых районов была особенно тяжелой в первый период войны. Массовый приток эвакуированных в тыл породил колоссальные трудности по их размещению, обеспечению продовольственными и промышленными товарами, трудоустройству и прочему. Возможности жилищно-коммунальной сферы были и без того чрезвычайно ограниченными, а строительство жилья шло медленно. 13 сентября 1941 г. было принято специальное постановление СНК СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» за счет государственного бюджета и кредитования.

Эвакуированных рабочих, служащих, их семьи пришлось размещать преимущественно в общежитиях и на частных квартирах. Общежития были переполнены, не хватало кухонь, отсутствовали водопровод и канализация, что заметно снижало общий санитарный уровень жилья и повышало угрозу распространения инфекционных заболеваний. Перенаселены были и частные квартиры в результате уплотнения местных жителей. Семьи (иногда их было от трех до пяти) часто проживали в одной квартире, порой в одной комнате размещались по две и более семьи. Средняя норма на человека составляла примерно 3 кв. метра[105].

И все же, несмотря на сложности военного времени, согласно правительственному постановлению в 1941 и 1942 гг. в тыловых городах, принявших эвакуированных, были построены тысячи квадратных метров жилых помещений упрощенного типа. Так, в Новосибирске в самый тяжелый период войны, осенью 1941 и в начале 1942 г., было сдано в эксплуатацию свыше 202 тыс. кв. метров жилых помещений; в Томске за первый год войны для размещения эвакуированных граждан было сдано дополнительной площади более чем на 25 тыс. кв. метров[106].

Во второй половине 1942 г. жилищные условия горожан начали улучшаться: активизировалось жилищное строительство, налаживалась работа коммунальных служб по водоснабжению и канализации, отоплению и освещению жилья. Администрация многих эвакуированных предприятий проводила ремонт жилых помещений, занималась их санитарной обработкой[107].

Однако немалые проблемы в области снабжения населения продовольственными и промышленными товарами оставались. В зависимости от отраслей народного хозяйства рабочие, инженерно-технические работники, служащие, а также их иждивенцы и дети снабжались хлебом и сахаром по первой или второй категориям. По первой категории снабжались работники предприятий оборонной, нефтяной, угольной, химической промышленности, машиностроения и станкостроения, металлургии, электростанций, строек черной и цветной металлургии, предприятий и строек Главвоенстроя, железнодорожного строительства, строительства шахт. К первой категории на период проведения сезонных работ были отнесены также работники лесной, торфяной и рыбной промышленности. Рабочие и служащие других отраслей народного хозяйства и остальное городское население снабжалось по нормам второй категории. Снабжение населения другими продовольственными продуктами по карточкам практически не осуществлялось, кроме детских продовольственных карточек[108].

Осенью 1943 г. в связи с выделением продовольственных ресурсов для населения освобожденных районов нормы хлеба были еще более снижены. Ухудшилось и качество питания. Важно отметить, что это снижение наблюдалось при повышенных физических и морально-психологических нагрузках. На многих промышленных предприятиях работали в две смены по 11 часов без выходных дней. Рабочие оборонных заводов не уходили домой даже на ночь, отдыхали прямо около станков. Плохое питание и большие нагрузки у большинства населения порождали истощение, авитаминоз, желудочно-кишечные болезни, способствовали распространению легочных и инфекционных заболеваний[109].

Квалифицированной медицинской помощи в городах не хватало. Сказывались и увеличение населения в городах, и мобилизация врачей в армию. В селах, несмотря на то что часть больных лечилась в городах, ситуация была еще тяжелее. Остро ощущалась нехватка лекарственных препаратов и медицинского оборудования. Сложность проблемы усугублялась тем, что часть предприятий фармацевтической промышленности оказалась на оккупированной территории.

Недостаточность медицинского обслуживания и медикаментов в условиях резкого ухудшения жизненных условий, нагрузок и стрессовых ситуаций обусловила повышение смертности населения, о чем свидетельствуют данные помесячной регистрации актов гражданского состояния тыловых территорий РСФСР. С июля 1941 г. смертность горожан начала быстро расти, а в конце года стала особенно высокой. Смертность населения продолжала расти и в 1942 г.: в марте, апреле и мае был зафиксирован самый высокий коэффициент смертности городских жителей за все годы войны. Так, показатели смертности выросли в городах Горьковской области — в 1,6 раза, Вологодской — в 3 раза, Кировской — в 1,9 раза, в Татарской АССР — в 1,8 раза, в Куйбышеве — в 1,6 раза, в Казани — в 2 раза[110].

Лишь с июня 1942 г. коэффициент смертности начал постепенно снижаться. В последующие годы эта тенденция приобрела устойчивый характер. В 1944 г. по отношению к 1942 г. смертность населения сократилась в городах Кировской и Иркутской областей — в 2 раза, в Татарской АССР — в 2 раза, в Архангельской области — в 4 раза, в Молотовской — в 3 раза, в Горьковской и Вологодской областях — в 6 раз[111]. Позитивные изменения в предотвращении роста заболеваемости и смертности населения в годы войны были связаны с рядом причин, прежде всего улучшением медицинского обслуживания.

С 1942 г. были введены дополнительные карточки для питания рабочих, занятых на тяжелых работах. Такими карточками также пользовались беременные женщины и кормящие матери, доноры и больные. Дополнительное горячее питание выдавалось рабочим, выполняющим и перевыполняющим производственные нормы. Было организовано питание для детей дошкольного и школьного возраста. Положительную роль в улучшении питания горожан сыграло постановление СНК СССР от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих», стимулирововавшее развитие коллективного и индивидуального огородничества. С 1943 г. начались продовольственные поставки из-за рубежа. С 1945 г. стали восстанавливаться нормы выдачи хлеба, действововавшие до ноября 1943 г.

Оказывалась специальная помощь матери и ребенку. Важную роль в этом сыграл указ Президиума Верховного Совета СССР, принятый 8 июля 1944 г. Так, предусматривалось увеличение государственной помощи многодетным и одиноким матерям. Одновременно вводилось государственное пособие одиноким матерям, не состоявшим в браке, на содержание и воспитание детей, родившихся после указа, до достижения ими двенадцатилетнего возраста. Существенно были увеличены льготы беременным женщинам. Наряду с этим родители, имевшие трех детей при заработке до 400 рублей в месяц, четырех детей при заработке до 600 рублей в месяц, а также пятерых и более детей независимо от заработка, освобождались на 50% от платы за помещение детей в ясли и детские сады. В то же время предусматривалось создание яслей и детских садов, а также комнат матери и ребенка на предприятиях и учреждениях с массовым применением женского труда[112].

За годы войны в СССР были мобилизованы 29,6 млн, в РСФСР — 21,2 млн граждан[113]. Мобилизация значительно изменила возрастнополовой состав населения городов и сел в сторону численного увеличения женщин, что существенно деформировало брачную структуру. Особенно низкий уровень числа заключенных браков фиксировался в 1942 г. Так, в городах Приморского края брачность в 1942 г. по отношению к 1941 г. сократилась на 57,6%, Челябинской области — на 56,9%, Хабаровского края — на 55%, Новосибирской области — на 51,4%, Саратовской — на 50,3%, Горьковской — на 47,3%, Куйбышевской — 46,3%. Предельно низкими были показатели брачности в 1943 г. В Сибири — на 1 тыс. человек фиксировалось три брака в городах и два в селах[114]. Существенно понизились коэффициенты брачности в уральских городах. В Свердловске, например, уровень брачности составлял: в 1942 г. — 3,8%, в 1943 г. — 3,6%.

Увеличение брачности городского населения стало наблюдаться только в 1943 г. и особенно в 1944 и 1945 гг. Значительным фактором повышения брачности были изменения в законодательстве о браке и семье. 8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, устанавливавший, в отличие от Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г., юридическую силу только за зарегистрированными браками в органах записи актов граждан-

ского состояния. В указе отмечалось, что только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов, то есть был юридически действительным. Лицам, состоявшим в фактически брачных отношениях до издания этого указа, предлагалось зарегистрировать брак с указанием срока фактической совместной жизни.

Снижение уровня брачности влияло на изменение уровня рождаемости, что было связано также с тяжелейшими условиями быта и труда, повышенным физическим и психологическим напряжением, в целом негативно влиявшими на здоровье женщин. Из данных статистики видно: на 1 тыс. человек, зарегистрированных ЗАГСами, в тыловых городах РСФСР рождаемость составляла: в 1941 г. — 34,1, в 1942 г. — 20,2, в 1943 г. — 13,3, в 1944 г. — 14,9[115].

В условиях войны значительно увеличилось число детей-сирот. Многие из них попадали в детские дома. Дополнительно к уже существовавшим до войны дошкольным, школьным и так называемым смешанным (для детей-родственников разных возрастов) детским домам в военное время были созданы новые учреждения: школьные интернаты, колхозные детские дома, специальные детские дома для детей воинов Красной армии и партизан, детские дома для детей иностранцев и другие. Всего к 1946 г. в СССР насчитывалось 5390 детских домов (560 тыс. человек), в том числе в РСФСР — 3700 детских домов (375 тыс. человек). Из детских домов и приемников-распределителей на воспитание в семью были взяты тысячи детей. В РСФСР таких детей к 1945 г. насчитывалось 308 тыс.

Президиум Верховного Совета СССР 8 сентября 1943 г. принял специальный указ «Об усыновлении», где устанавливалось, что по просьбе усыновителя усыновляемому ребенку, не достигшему десятилетнего возраста, могут быть присвоены фамилия и отчество по имени усыновителя. Кроме того, усыновители могли быть вписаны в актовые книги о рождении в качестве родителей усыновляемого. Однако при усыновлении детей, достигших десятилетнего возраста, присвоение им фамилии и отчества по имени усыновителя, а также запись усыновителей в качестве родителей не допускались без согласия детей[116].

Война тяжелым бременем легла на мирное население, чрезвычайно усложнив его повседневную жизнь. Тяжелая морально-психологическая атмосфера, гибель родных и близких, труд во имя Победы на пределе физических возможностей усугублялись тяжелыми условиями быта, недостатком питания и тепла. Однако принятые в военные годы социально-демографические и экономические меры способствовали улучшению жилищных и санитарно-гигиенических условий жизни россиян, питания, медицинского обслуживания, что привело к постепенному сокращению числа смертей и повышению рождаемости и помогало преодолевать тяготы военного времени.

В течение первых пяти месяцев 1941 г. через военкоматы было призвано в армию 340 тыс. жителей Москвы[117]. Многие шли добровольцами, в том числе 17-летние юноши и девушки. В первые же дни войны было принято решение создать отряды народного ополчения. В столице предполагалось закончить их формирование к 6 июля. Только за три дня поступило 170 тыс. заявлений о зачислении в народное ополчение.

Добровольцы, которых не направляли по состоянию здоровья на фронт, скрывали свои недуги, боясь, что им откажут в стремлении попасть в ополчение. 16—17-летние добровольцы сознательно завышали свой возраст. Многие не называли свои звания и ученые степени из опасения остаться в тылу. Более 2 тыс. сотрудников Академии наук СССР сражались в рядах действующей армии и ополчения. Вначале предполагалось сформировать 64 ополченские дивизии, но с учетом нужд промышленности, нехватки вооружения было создано 12 дивизий, куда зачислены около 120 тыс. москвичей и 50 тыс. добровольцев из Подмосковья. Плохо обученные и вооруженные, они понесли большие потери, но сыграли свою роль в обороне Москвы. Некоторые из дивизий выстояли в жестокой схватке с противником, стали гвардейскими и дошли с боями до Берлина.

Остававшиеся в городе москвичи готовились самоотверженно защищать столицу. В самые напряженные для Москвы дни огромную роль в подъеме морального духа защитников столицы, да и всех воинов Красной армии сыграл парад на Красной площади, состоявшийся 7 ноября 1941 г. Практически все население Москвы участвовало в обороне города. Подростки

Женская бригада на маскировочных работах на Манежной площади в Москве

Москвички на курсах по оказанию первой помощи раненым

и женщины трудились на строительстве оборонительных сооружений под Москвой, работали в военных госпиталях, на промышленных предприятиях, направлялись на уборку картофеля и овощей в колхозах, помогали при эвакуации.

Во второй половине июля 1941 г. в столице по инициативе горкома партии была объявлена мобилизация на оборонительное строительство. В первую очередь были мобилизованы московские строители. Специальная комиссия МГК ВКП(б) по мобилизации строителей направила в район Брянска 25 тыс. специалистов строительных специальностей из Академстроя и других московских строительных организаций. Возглавил их начальник Академстроя А. С. Корнев. «Ни один, подчеркиваю, ни один человек из многотысячного коллектива строителей не захотел воспользоваться льготами об освобождении от мобилизации... — отмечал позднее А. С. Корнев. — Строители на своих собраниях обсуждали призыв партии к народу... В заключение на собраниях зачитывался приказ — первый приказ уже не рабочим строек, а военным строителям»[118].

Строительство развернулось по всему Брянскому рубежу. Отряд строителей столицы пополнили свыше 20 тыс. человек молодежи из городов и сел Орловской и Брянской областей и московских студентов. Они возвели четыре оборонительные полосы, построив 14 тыс. разных оборонительных объектов, отрыв 500 км противотанковых препятствий, было произведено более 150 тыс. кубометров земляных работ. И когда в октябре 1941 г. на фронте создалась крайне неблагоприятная обстановка, нависла непосредственная угроза над Москвой, строители уходили вместе с войсками с Брянской линии обороны, чтобы под Тулой, в Плавске, Черни, Щёкине, Крапивне, Одоеве, Скопине сооружать новые оборонительные рубежи[119].

Подлинный трудовой героизм и самоотверженность проявили сотни тысяч жителей Москвы и Московской области, участвовавшие в строительстве оборонительных сооружений Можайской линии обороны, а затем на ближайших подступах к Москве и в самом городе. В соответствии с постановлением ГКО от 16 июля 1941 г. «О Можайской линии обороны»[120] под руководством командования Московского военного округа развернулось ее строительство. Предстояло возвести оборонительные сооружения на площади около 30 тыс. кв. км. Сформированные колонны и рабочие батальоны, управления военно-полевого строительства в кратчайшие сроки создали четыре укрепленных района, прикрывавших важнейшие оперативные направления: волоколамское, можайское, малоярославецкое и калужское. Люди работали в любую погоду, нередко под огнем противника. Они вырыли 700 км противотанковых рвов, возвели 3800 дзотов и дотов. Общая численность жителей Москвы и Московской области, привлекавшихся в августе — ноябре 1941 г. на строительство Можайской линии обороны, внешнего оборонительного рубежа Москвы и обороны внутри города, составляла около 600 тыс. человек, причем примерно три четверти из них женщины[121].

По наблюдениям участвовавшего в оборонительном строительстве директора Московского текстильного института В. И. Губина, выполнение норм у кадровых рабочих составляло 120% (имеются в виду профессиональные строители — как военные, так и гражданские); что же касается мобилизованных городских жителей (служащих, работников умственного труда, учащихся и прочих), то у них выполнение норм составляло 60–80%, у сельских жителей — 90–100%[122]. Однако в ходе строительства, по мере накопления у людей соответствующего опыта, количество выполнявших и перевыполнявших нормы выработки неуклонно увеличивалось. Участие сотен тысяч городских и сельских жителей в возведении оборонительных рубежей, безусловно, являлось составной частью народного подвига в войне.

Привлечение гражданского населения к оборонительному строительству на подступах к столице продолжалось некоторое время и после начала контрнаступления советских войск под Москвой, то есть после 5–6 декабря 1941 г. К середине декабря 1941 г. на оборонительных работах на подступах к столице были задействованы 250 тыс. москвичей, городских и сельских жителей Московской области (из них 75% женщин), в том числе на строительстве укреплений — 165 тыс., на сооружении лесных завалов — 85 тыс. Что касается сооружения лесных завалов на возможных путях продвижения врага к Москве, то на этих работах в разные дни (по данным на 6–17 декабря 1941 г.) были задействованы от 83 тыс. до 100 тыс. человек

Горожане выходят из укрытий в Москве после отбоя воздушной тревоги

Девушки-добровольцы уходят на защиту Москвы

Жители столицы строят на улицах баррикады

Москвичи с детьми укрываются в метро во время налета немецкой авиации

гражданского населения, в том числе от 34 тыс. до 39 тыс. москвичей и от 46 тыс. до 62 тыс. жителей Московской области. Всего на конец января 1942 г. в лесах Московской области были устроены лесные завалы протяженностью 1528 км[123].

Жители Московской области активно участвовали в возведении рубежей и узлов обороны не только на подступах к Москве, но также к Звенигороду, Клину, Наро-Фоминску, Ногинску, Орехово-Зуеву, Подольску, Серпухову, Солнечногорску и десяткам других городов ближнего и дальнего Подмосковья. Так, 23 октября 1941 г. Серпуховской городской комитет обороны принял постановление о мобилизации трудоспособного населения на оборонительные работы, и пять дней спустя в возведении укреплений на подступах к городу участвовали 3 тыс. серпуховчан[124].

В связи с усиливавшимися воздушными налетами противника с конца июня 1941 г. началась эвакуация москвичей. К декабрю из 4,5 млн москвичей в городе остались 2,5 млн человек[125]. Население из Москвы эвакуировалось в Московскую, Куйбышевскую, Рязанскую области, Татарскую АССР, Узбекскую и Казахскую ССР. Уже в 1943 — начале 1944 г. москвичи начали возвращаться домой и на прежнюю работу. Однако некоторая часть эвакуированных граждан оставалась в местах эвакуации.

Война вызвала в столице большие продовольственные трудности. В Москве раньше, чем в других городах страны, — с 17 июля 1941 г. была введена карточная система снабжения продовольственными товарами и предметами широкого потребления. Система оставалась дифференцированной: разные нормы выдачи продуктов утверждались для рабочих, служащих, детей и иждивенцев. К концу 1941 г. в Москве существовало более 100 норм и видов продовольственного и промтоварного снабжения. Повышенными нормами снабжения пользовались прежде всего рабочие оборонных предприятий. Некоторые преимущества были даны беременным женщинам и кормящим матерям, донорам, лицам, больным туберкулезом, а также детям.

К концу 1942 г. карточками были обеспечены 3 млн москвичей, но в городе сильно ощущался недостаток питания, тем более что люди работали с высоким физическим напряжением — по 11–12 часов в сутки. Особенно тяжелое положение сложилось со снабжением Москвы к апрелю 1942 г. По состоянию на 1 апреля у поставщиков в наличии уже не было продовольственных товаров: зерна оставалось лишь на один день, а муки и того меньше. Однако государственно-политическое руководство страны, власти столицы голода в Москве не допустили, и голодных смертей в городе не было.

И все же в сентябре 1943 г. нормы питания в Москве пришлось еще более понизить — в связи с выделением дополнительных ресурсов жителям освобожденных от оккупации районов. Нормы на хлеб стали восстанавливаться только в 1945 г. В 1943 г. наладили общественное питание, которым были охвачены 1,2 млн человек.

Медицинские работники прилагали все усилия, чтобы не допустить распространения острозаразных заболеваний в Москве, предотвратить эпидемии. Уже в 1944 г. удалось снизить общую смертность населения почти до довоенного уровня. В 1945 г. коэффициент смертности снизился до 13%[126].

В суровых условиях войны рождаемость в столице сократилась вдвое. Самой низкой она была в 1943 г. — 9,8%, то есть более чем в 2 раза ниже предвоенной. Сказались и широкомасштабная эвакуация населения, и мобилизация мужчин на фронт, и трудности и лишения военного времени. Резкое падение показателя рождаемости в 1942 г. до 14,4% было также связано с эвакуацией в 1941 г. беременных женщин из Москвы. В 1944 г. был зафиксирован положительный естественный прирост населения города, правда, он составил лишь 1,5%. В 1945 г. он поднялся до 7,3%, но довоенного уровня — 9,2% не достиг.

Воздушные налеты и обстрелы частично разрушили жилой фонд столицы. В связи с этим восстановительные работы по капитальному ремонту жилья не прекращались в Москве даже в самое тяжелое для города время. 19 августа 1944 г. было принято специальное постановление СНК СССР «О мерах оказания помощи жилищному хозяйству Москвы». Всего за годы войны было восстановлено свыше 1 тыс. жилых домов и более 100 админи-

стративных зданий столицы. Капитальные вложения за годы войны в городское хозяйство составили 1 млрд 65 млн рублей. На эти средства строились больницы, бани, детские сады, асфальтировались улицы и дороги.

Тяжелые разрушения коснулись и транспорта. Правда, метро продолжало действовать, и это решало многие проблемы быстрого передвижения. Именно в годы войны было завершено строительство Замоскворецкого и Покровского радиусов Московского метрополитена. Почти четверть подвижного состава наземного транспорта нуждалась в ремонте, постоянно нарушался график движения. Только в 1943 г. эти трудности удалось в значительной мере преодолеть. К концу войны были введены в действие три новых троллейбусных маршрута, проложены десятки километров трамвайных путей.

В декабре 1941 г. в Москве было снижено количество ежесуточного расходования электроэнергии, сокращен лимит потребления тепловой энергии и уменьшена температура подаваемой горячей воды по теплосетям[127].

Однако, несмотря на тяготы и лишения военного времени, культурная, образовательная и научная жизнь в столице не замирала. В 1941–1942 гг. школы в Москве не работали, но уже в декабре 1941 г. действовало 32 консультационных пункта для учащихся старших классов, в них занимались 12 тыс. школьников. В сентябре 1942 г. занятия в школах были возобновлены. К 1944 г. число школьников возросло со 176 тыс. до 410 тыс. человек. В 1941–1942 гг. в столице действовало 27 вузов, в которых обучались 23,4 тыс. студентов. Несмотря на эвакуацию научных учреждений, не прекращали научную деятельность 227 сотрудников Академии наук СССР[128].

В Москве работали театры. Большой театр был эвакуирован в Куйбышев, однако в помещении Театра оперетты разместился филиал Большого театра — открытие сезона состоялось 19 ноября 1941 г. 30 ноября 1941 г. исполком Моссовета принял решение об открытии в столице Драматического театра имени Ленсовета, а также Театра эстрады и миниатюр. Работа в Москве театров и кинотеатров положительно воздействовала на настроения жителей. Кроме того, работники культуры и искусства выезжали с концертами на фронт. Организовывались также концерты и выступления артистов непосредственно на предприятиях Москвы. В целом, с 22 июня по 15 октября 1941 г. ими было дано 2126 шефских концертов[129].

8 июля 1941 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записал в своем дневнике о намерениях А. Гитлера в отношении Москвы и Ленинграда: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация»[130]. Он считал, что с падением Ленинграда «будет утрачен один из символов революции, и дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван», а для Советского Союза «может наступить полная катастрофа»[131].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. была объявлена мобилизация по Ленинградскому военному округу, в этот же день в Ленинграде и Ленинградской области было введено военное положение. В развитие этого указа 27 июня 1941 г. последовал приказ начальника гарнизона г. Ленинграда генерала М. М. Попова об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе. Приказ устанавливал жесткий контроль за общественным порядком, строго регламентировал время работы учреждений и организаций, воспрещал въезд в Ленинград всем лицам, не прописанным на жительство, за исключением специально командированных, запрещал фотографирование и киносъемку в пределах города без разрешения коменданта гарнизона, воспрещал движение легкового автотранспорта и пешеходов с полуночи до четырех часов утра, кроме имеющих специальные пропуска.

В тот же день исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся принял решение о привлечении к трудовой повинности всех трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 50 лет и женщин от 16 до 45 лет, за исключением работающих на предприятиях оборонной промышленности.

Обстановка на северо-западном направлении советско-германского фронта быстро ухудшалась: 26 июня 1941 г., когда немецкие войска достигли Западной Двины, Финляндия официально начала войну против Советского Союза, и Ленинград оказался в непосредственной близости от зоны боевых действий. В этих условиях требовались срочные организационные меры по укреплению его обороноспособности. 30 июня в городе началась запись в народное ополчение. Была создана Комиссия по вопросам обороны Ленинграда, которая посчитала необходимым создать на добровольных началах армию народного ополчения в 200 тыс. человек, в которой предполагалось иметь 15 дивизий, сформированных по производственному принципу. А 10 июля 1941 г. 1-ю (Кировскую) дивизию уже провожали на фронт, на Лужский оборонительный рубеж, где ей сразу же пришлось участвовать в ожесточенных боях с немецко-фашистскими войсками[132].

30 июля 1941 г. командование группы армий «Север» получило приказ А. Гитлера «продолжать наступление в направлении Ленинграда, нанося главный удар между озером Ильмень и Нарвой с целью окружить Ленинград и установить связь с финской армией»[133]. В свою очередь, И. В. Сталин хорошо понимал важность сражения за Ленинград и подтвердил это в разговоре с посетившим Москву в конце июля 1941 г. Г. Гопкинсом, личным представителем президента США Ф. Рузвельта, назвав Ленинград в числе тех важнейших стратегических пунктов, которые должны быть удержаны во что бы то ни стало[134].

Между тем в самом Ленинграде обстановка становилась все напряженнее. С первых дней войны была начата эвакуация детей из Ленинграда, однако ее результаты вряд ли могли быть признаны удовлетворительными. Большинство вывезенных детей были направлены в районы Ленинградской области, откуда их в скором времени пришлось возвращать обратно в город по причине начавшихся систематических налетов авиации противника. Всего до начала блокады в город были возвращены 175 тыс. детей[135].

В июле 1941 г. началась эвакуация рабочих (в первую очередь квалифицированных) вместе с наиболее ценным оборудованием предприятий, но за месяц удалось эвакуировать с заводами немногим более 100 тыс. человек[136]. При этом городская комиссия, созданная 27 июня 1941 г. при исполкоме Ленгорсовета, столкнулась с нежеланием многих ленинградцев уезжать из города. Многочисленные подтверждения тому имеются в дневниках самих ленинградцев: директор Архива АН СССР Г. А. Князев сделал в своем дневнике 27 июня 1941 г. такую запись: «Я остаюсь. По своей воле я не уеду из Ленинграда. Многое придется пережить, может быть, умереть... Но так что же! Моя жизнь сама по себе не имеет для государства никакого значения, а только, пожалуй, в сочетании с тем, что мне вверено охранять! А это здесь, в Ленинграде»[137]. Но и те, кому нечего было охранять, кроме своего скромного имущества, тоже решительно не хотели уезжать, о чем потом сожалели.

Прибывшая 26 августа 1941 г. в Ленинград комиссия Государственного Комитета Обороны могла на месте убедиться в серьезности ситуации, увидеть целый ряд существенных промахов и упущений руководства обороной города. Комиссия потребовала перевести город на осадное положение, а также высказала резкое недовольство медленными темпами эвакуации населения и беспечностью руководства в отношении продовольственных ресурсов города. Проблема эвакуации мирного населения Ленинграда в августе 1941 г. встала действительно остро, и городская эвакуационная комиссия, наверстывая упущенное время, сумела только за период с 15 по 27 августа вывезти из города свыше 200 тыс. человек. Всего же за период с 29 июня по 27 августа 1941 г. из Ленинграда были эвакуированы 636 203 человека, из них 488 703 ленинградца, в том числе 220 тыс. детей, и 147 500 человек из Прибалтийских республик и Карело-Финской ССР[138]. Тем не менее в Ленинграде все еще оставалась значительная часть населения.

Сообщая в Москву о незначительных запасах основных продовольственных товаров в Ленинграде на 27 августа: муки и зерна — на 17 дней, крупы — на 29 дней, рыбы — на 16 дней, мяса — на 25 дней, масла животного — на 29 дней, комиссия ГКО предлагала создать в Ленинграде к 1 октября полуторамесячные запасы продовольствия[139]. 18 июля 1941 г. в Ленинграде была введена карточная система распределения продуктов. Однако город не был обеспечен продовольствием на длительный срок.

Взятие противником станции Мга привело к утрате последней железной дороги, связывавшей Ленинград со страной. После того как 8 сентября 1941 г. немцы в результате недельных ожесточенных боев захватили Шлиссельбург и таким образом отрезали Ленинград с суши, германское командование нанесло завершающий удар с юга на красногвардейском направлении. Последней надеждой уже блокированного Ленинграда остался Пулковский оборонительный рубеж, на котором его защитники стояли насмерть.

11 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта представил в Ставку за подписями К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова доклад, в котором был вынужден признать безуспешность своих попыток переломить ход событий и перейти к активным действиям. Вечером того же дня Ставка освободила К. Е. Ворошилова от обязанностей командующего Ленинградским фронтом, назначив вместо него генерала армии Г. К. Жукова[140].

Незабываемые страницы в историю защиты Ленинграда вписали ленинградские рабочие, служащие, интеллигенция, домохозяйки, студенты и старшеклассники, которые в любую погоду, под бомбежками, артиллерийским и пулеметным огнем трудились на возведении укреплений. В первые дни войны Военный совет Северо-Западного фронта принял специальное решение о строительстве оборонительных рубежей, а 27 июня 1941 г. Ленинградский горисполком разработал меры по привлечению на эти работы населения города. В июле — августе на строительстве укреплений на ленинградском направлении одновременно работали до полумиллиона человек, а в октябре ежедневно трудились до 80 тыс.[141]

В основном усилиями мобилизованных на оборонные работы жителей Ленинграда и Ленинградской области только на южном и северном оборонительных обводах к началу января 1942 г. было построено 425 броневых, 124 железобетонные, 783 деревоземляные огневые точки, сооружено около 82 км противотанковых рвов, почти 25 км эскарпов и контрэскарпов, 8,5 км надолб, 144 км проволочных заграждений, более 24 км баррикад. Более 2 тыс. рабочих, инженеров и служащих ленинградского Металлического завода строили оборонительные сооружения в районе станций Ижора и Ручьи. С 12 июля по 12 декабря 1941 г. только с ленинградской фабрики «Скороход» были направлены на оборонительные работы более 12 тыс. человек. Коллективы ленинградских Балтийского и Адмиралтейского заводов изготовляли бронесооружения и монтировали их на оборонительных рубежах[142].

И хотя немцам все же удалось преодолеть эти оборонительные укрепления, но на это они затратили немало сил и времени, нарушив запланированные германским командованием сроки наступления на Ленинград. В конечном итоге, противник отказался от идеи прямого штурма Ленинграда, ограничившись его блокадой. Ленинград оказался первым стратегическим объектом на пути германского вермахта, который он не смог взять. И в этом немалая заслуга строителей оборонительных рубежей.

29 сентября 1941 г. была подписана секретная директива германского командования «О будущности города Петербурга», в которой, в частности, говорилось: «Фюрер решил стереть Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Финляндия также заявила о своей незаинтересованности в существовании города непосредственно у ее новой границы... Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей... Если вследствие создавшегося положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты»[143].

Немецко-фашистские войска незамедлительно начали осуществление этого варварского плана, приступив к систематическим артиллерийским обстрелам города и бомбардировкам с воздуха. Для населения осажденного Ленинграда, в котором остались свыше 2 млн 500 тыс. человек, в том числе не менее 1 млн 200 тыс. несамодеятельного населения, из них около 400 тыс. детей[144], началась длительная, каждодневная борьба за жизнь, полная опасностей, тревог, переживаний и лишений.

С сентября 1941 г. тяжелая артиллерия немцев вела огонь по Ленинграду из районов Стрельны, Красного Села, Урицка, Пушкина. Гитлеровцы стремились уничтожить запасы продовольствия и топлива, электростанции, водопровод и тем самым парализовать жизнь в

Ленинградцы строят баррикады на Тракторной улице

Перевозка надолб на Московском шоссе в блокадном Ленинграде

Выгрузка песка из трамвайного вагона на Стремянном кольце Ленинграда

городе, при этом они не скрывали, что целью этих обстрелов было также разрушение жилых зданий и истребление жителей Ленинграда[145]. Осенью 1941 г. в результате артиллерийских обстрелов в городе был убит 681 человек и 2268 ранены. Только с 4 сентября по 30 ноября 1941 г. город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов[146]. Иногда население оставалось в бомбоубежищах сутками.

Почти одновременно с артиллерийскими обстрелами начались бомбардировки Ленинграда вражеской авиацией. 6 сентября немецкие самолеты, прорвавшись к Ленинграду, подвергли массированной бомбардировке промышленные предприятия и жилые кварталы. 8 сентября на город было сброшено 6327 зажигательных и 48 фугасных бомб, в результате чего в различных районах вспыхнуло 183 пожара[147]. Самый большой пожар в этот день возник на продовольственных складах им. А. Е. Бадаева. Ленинградцы, еще не привыкшие к воздушным налетам, были потрясены этим пожаром. Впоследствии среди голодавшего населения города возникла легенда, согласно которой именно пожар на Бадаевских складах стал причиной невиданного голода зимой 1941–1942 гг.

В условиях осады продовольственное обеспечение войск и населения Ленинграда оказалось особенно трудным. Как отмечалось выше, к началу войны Ленинград не располагал значительными запасами продовольствия. До начала блокады в город успели доставить свыше 60 тыс. тонн зерна, муки и крупы из Ярославской и Калининской областей, около 24 тыс. тонн зерна и муки из портов Латвии и Эстонии. Осада Ленинграда не позволила завезти в город в достаточном количестве картофель и овощи, всегда игравшие важную роль в питании населения.

Принятое 30 августа 1941 г. Государственным Комитетом Обороны постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», по которому Наркомат путей сообщения обязывался ежедневно, начиная с 31 августа, направлять на станции Волховстрой-2 и Лодейное Поле восемь маршрутов с продовольствием для Ленинграда, не могло быть реализовано в полной мере в условиях уже фактической блокады города. По этой причине Совнарком СССР принял 1 сентября 1941 г. постановление о снижении хлебных норм для населения, а в целях экономии ограниченных запасов муки предложил использовать для выпечки хлеба различные примеси: овес, соевый жмых, ячменный солод и прочее. Со 2 сентября рабочие и инженерно-технические работники стали получать 600 граммов, служащие — 400 граммов, иждивенцы и дети — 300 граммов хлеба. Но положение с продовольствием становилось все более напряженным. 11 сентября пришлось вторично снизить нормы выдачи продовольствия ленинградцам: для рабочих и инженерно-технических работников — до 500 граммов хлеба, для служащих и детей — до 300 граммов, для иждивенцев — до 250 граммов[148], были также снижены нормы выдачи крупы и мяса.

В трудной обстановке осени 1941 г. главной задачей трудящихся осажденного города стало снабжение фронта вооружением, боеприпасами, снаряжением и обмундированием. По решению Военного совета Ленинградского фронта и горкома партии в блокированном городе в качестве действующих было оставлено 175 промышленных предприятий, а остальные законсервированы[149].

Особенно острую потребность Ленинградский фронт испытывал в боеприпасах. 11 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял специальное постановление «Об увеличении производства артиллерийских снарядов и мин в ленинградской промышленности», которым она обязывалась выпустить в сентябре 1941 г. для фронта 550 тыс. минометных и 566 тыс. артиллерийских выстрелов[150].

Это была труднейшая задача для привлеченных к ее выполнению заводов, цехов, участков и мастерских, ранее не специализировавшихся на выпуске военной продукции. К тому же блокада нарушила традиционные производственные связи промышленности города с заводами и фабриками других районов страны. Это привело к усилению внутригородского кооперирования и переводу предприятий на выпуск строго ограниченной номенклатуры продукции. Например, в совместном производстве полковых пушек участвовали 60 заводов, в изготовлении реактивных установок — 40 предприятий. Детали автоматов производились

на семи заводах, пулеметов и минометов — на 15 заводах. Изготовлением боеприпасов были заняты свыше 100 предприятий[151]. В сентябре 1941 г. предприятия блокированного Ленинграда выпустили более тысячи 76-мм пушек, 2500 минометов, сотни противотанковых орудий и пулеметов[152].

Выпуск продукции для фронта затруднялся постоянными артиллерийскими обстрелами и бомбардировками, от которых только в сентябре 1941 г. пострадали 26 оборонных предприятий. В течение осени 1941 г. 28 фабрик и заводов были перебазированы в относительно спокойные северные районы города. Некоторые цеха Кировского завода разместились в производственных помещениях других предприятий. В целях бесперебойного снабжения фронта боеприпасами и вооружением были созданы заводы-дублеры. Совместными усилиями военных специалистов, рабочих, инженеров, техников и научных сотрудников сентябрьское задание Военного совета Ленинградского фронта по выпуску боеприпасов было в целом выполнено. С начала войны до 1 октября 1941 г. в Ленинграде было произведено более 1 млн 347 тыс. артиллерийских снарядов и мин[153].

Октябрь 1941 г. начался для ленинградцев с известия об очередном, теперь уже третьем по счету, снижении хлебной нормы. С 1 октября рабочие и инженерно-технические работники стали получать на день 400 граммов, остальное население — 200 граммов хлеба. В октябре 1941 г. дневная выпечка хлеба по сравнению с сентябрем 1941 г. сократилась почти в 1,5 раза и составляла 1092 тонны в день. По свидетельству блокадников, с октября 1941 г. «хлеб постепенно становился главным и единственным продуктом питания. Другие продукты стали исчезать из употребления. Мясо исчезло в октябре, крупа и сахар выдавались в нормах, не обеспечивающих нормальное поддержание физических сил. Надвигалась страшная угроза голода»[154].

Попытки советских и партийных органов восполнить недостаток запасов муки за счет картофеля и овощей не принесли существенных результатов, хотя на протяжении всего октября 1941 г. были организованы массовые выезды на уборку урожая в колхозы и совхозы Всеволожского района и на пригородные поля. До того как выпал снег, удалось выкопать и вывезти 14,5 тыс. тонн картофеля, 31 тыс. тонн овощей и 1700 тонн капустного листа. Но этого было недостаточно даже для нужд общественного питания, и исполкому Ленгорсовета 19 октября 1941 г. пришлось принять решение о передаче предприятиям общественного питания 1405 тонн картофеля из семенного фонда[155].

К октябрю 1941 г. угрожающее положение сложилось и с топливом. Накануне войны Ленинград расходовал в сутки 1700 вагонов привозного топлива. С установлением блокады крупнейшие торфопредприятия и лесоразработки Ленинградской области остались на территории, занятой противником. Между тем особого уменьшения потребности в топливе не произошло, так как прибавились фронтовые расходы. Имевшихся на 1 сентября 1941 г. в Ленинграде нефтепродуктов могло хватить на 18—20 дней, каменного угля — на 75—80 дней. В октябре 1941 г. городские организации располагали всего полумесячным запасом топлива.

Резко снизилась и выработка электроэнергии, так как Волховская, Свирская и Дубровская ГЭС, дававшие раньше городу основную часть электроэнергии, оказались за кольцом блокады. Городским потребителям электроэнергия поступала в основном с переведенной на торф 5-й ГЭС, находившейся вблизи от переднего края, под постоянным огнем вражеской артиллерии и авиации. В октябре 1941 г. Ленинград получал электроэнергии в три раза меньше, чем в июне 1941 г. Были приняты самые жесткие меры по ее экономии: электроэнергию разрешалось использовать только важнейшим промышленным предприятиям и учреждениям по списку, утвержденному руководством обороны города[156].

Помимо недостатка продуктов питания и нехватки топлива и электроэнергии ленинградцы постоянно подвергались обстрелам и бомбежкам. В октябре 1941 г. они стали еще ожесточеннее. Днем город обстреливался артиллерией, а по ночам начинала работать вражеская авиация, которая с октября 1941 г. изменила свою тактику и стала бомбить город только с высоты 5—7 км. В течение ночи над Ленинградом появлялись 15—25 самолетов отдельными группами, которые использовали возникшие пожары для прицельного бомбометания. Сиг-

Работница ленинградского завода «Большевик» Мария Михайлова за упаковкой снарядов

Токарь у заводского станка в блокадном Ленинграде

налы воздушной тревоги следовали один за другим. В октябре 1941 г. на город было сброшено 42 987 зажигательных бомб, или две трети от общего количества сброшенных на Ленинград за всю войну[157]. Жертвами бомбардировок и обстрелов в этот месяц стали 4 тыс. ленинградцев, из которых около тысячи были убиты[158].

Только принимая во внимание ухудшавшуюся с каждым днем обстановку в блокированном Ленинграде, можно оценить в полной мере трудовой подвиг ленинградских рабочих и инженерно-технических работников, продолжавших снабжать фронт вооружением, боеприпасами, военным снаряжением и обмундированием.

В начале октября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление о производстве артиллерийского и стрелкового оружия. В нем отмечалось, что выпуск минометов и пушек должен удвоиться, а производство боеприпасов предполагалось увеличить в несколько раз, составив в октябре 1941 г. 2200 тыс. артиллерийских снарядов и мин. Только рабочие завода имени Карла Маркса обработали в октябре 1941 г. более 200 тыс. корпусов мин и снарядов. На базе изготовленных здесь реактивных минометных установок был сформирован первый на Ленинградском фронте реактивный минометный полк[159]. Директор завода «Севкабель» А. К. Козловский записал в своем дневнике 31 октября 1941 г.: «Октябрь был самый напряженный месяц по обстановке. Бомбежки сутками не прекращались, артиллерийские обстрелы также, но завод дал рекордный выпуск спецпродукции. Решение Военного совета по «полевым» перевыполнено. Золотые люди. Такой народ действительно трудно победить. Сопротивление растет пропорционально натиску, да в положительной степени»[160].

В конце сентября — начале октября 1941 г. начались занятия в ленинградских вузах, большинство из которых еще находились в блокированном городе. Деятельность высшей школы в этот период была направлена на решение тех задач, которые выдвинули война и оборона города. Предусматривалось обучение всех студентов и профессорско-преподавательского состава военному делу, противохимической и противопожарной защите. Первостепенная роль отводилась тем курсам и дисциплинам, которые в условиях военного времени имели большое практическое значение. Оборонная тематика нашла свое выражение и в дипломных работах студентов. Большинство студентов свои учебные занятия совмещали с работой на заводах и фабриках, в производственных мастерских, на строительстве оборонительных укреплений, в рабочих отрядах, госпиталях, командах МПВО. Во всех институтах учебные занятия были построены так, что позволяли чередовать оборонную и академическую работу. Преподаватели оказывали всемерную помощь студентам в их самостоятельной учебной работе, широко практикуя систему месячных заданий, контрольных работ, консультаций, сдачи зачетов и экзаменов в течение всего учебного года[161].

Вследствие ухода тысяч юношей и девушек на фронт и на производство в крупнейших вузах города (Университете, Политехническом, Горном и других) количество учащихся уменьшилось более чем в два раза по сравнению с довоенным временем. Тем не менее осенью 1941 г. ленинградские вузы дали городу дополнительно сотни инженеров, технологов, врачей, учителей. Электротехнический институт имени Ульянова (Ленина) произвел досрочный выпуск специалистов радио и телефона. Первый медицинский институт имени академика И. П. Павлова подготовил более 500 врачей, в которых так нуждались госпитали и больницы блокированного Ленинграда[162].

8 ноября 1941 г. противник практически без боя захватил Тихвин и перерезал последнюю железную дорогу, по которой доставлялись грузы к Ладожскому озеру для Ленинграда. Тем самым создалась угроза полной блокады города. Вступивший по приказу И. В. Сталина во временное командование 4-й армией генерал К. А. Мерецков сумел остановить наступление противника. В итоге цель германского командования — соединиться с финской армией и полностью блокировать Ленинград — не была достигнута. Но город по-прежнему оставался в смертельной опасности.

Неоправдавшиеся надежды на скорое избавление от вражеской осады настраивали население Ленинграда и его руководство на жестокую необходимость жить и работать в условиях длительной блокады. В это время в городе среди 2,5 млн населения находились еще

свыше 200 тыс. школьников, и исполком Ленгорсовета принял решение начать их обучение. 3 ноября 1941 г. в 103 школах начали занятия 30 тыс. старшеклассников; 60 тыс. учащихся младших классов стали учиться в бомбоубежищах, красных уголках и на квартирах[163]. Это решение было принято, несмотря на непрекращавшиеся варварские обстрелы и бомбежки противника и большие потери от них. В ноябре 1941 г. жертвами этих обстрелов и бомбежек стали 6627 жителей осажденного города, из которых 1730 были убиты и 4897 ранены[164].

Еще более жестоким врагом — коварным и невидимым — стал голод, с которым бороться в условиях блокады и недостатка продуктов питания оказалось почти невозможно. В начале ноября 1941 г. в ленинградских больницах появились первые жертвы так называемой алиментарной дистрофии — заболевания, вызванного истощением организма от постоянного недоедания. В середине ноября были отмечены первые случаи смерти от дистрофии[165]. Вскоре этот незнакомый ранее термин стал известен всем ленинградцам, а число жертв этого заболевания нарастало с каждым днем. Единственным средством борьбы с дистрофией являлось полноценное питание, но после захвата немцами Тихвина население ожидало новое снижение и без того мизерных норм. С 13 ноября по решению Военного совета Ленинградского фронта на рабочую карточку стали выдавать 300 граммов, а на все остальные — по 150 граммов хлеба. Перед этим, четвертым по счету снижением норм продовольствия другие продукты выдавались нерегулярно и не полностью. В ноябре иждивенцы в дополнение к хлебному пайку получили всего по 1,5 кг других продуктов. Как следствие, к концу ноября смертность населения выросла в 3–4 раза по сравнению с мирными временем[166].

Руководство города, промедлившее с эвакуацией населения и с созданием продовольственных запасов, теперь было озабочено спасением оставшихся в блокированном городе людей. С 9 ноября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление о выделении авиации для доставки грузов в Ленинград. Этим постановлением, начиная с утра 10 ноября и до 14 ноября, дополнительно к 26 «дугласам», работающим на Ленинградской линии, выделялось еще 24 транспортных самолета с тем, чтобы ежедневно на доставке продовольствия в Ленинград и вывозе обратно оборонных грузов работали 50 «дугласов». Установленный на пять дней план доставки продовольствия в Ленинград предусматривал ежедневную транспортировку не менее 200 тонн продовольствия, в том числе концентратов — 135 тонн (каша пшенная и суп гороховый), копченой колбасы и копченой свинины — 20 тонн, сухого молока и яичного порошка — 10 тонн, сливочного масла — 15 тонн, топленого сала и комбижира — 20 тонн[167]. Для снабжения почти 2,5 млн населения блокированного Ленинграда этого было ничтожно мало, тем более что более половины из 200 тонн доставляемых ежедневно в город составляли концентраты, а не высококалорийные продукты.

Конечно, действовавший еще с сентября 1941 г. воздушный мост между Большой землей и осажденным городом лишь в незначительной степени удовлетворял его потребности в продовольствии. В октябре — декабре 1941 г. по воздуху в Ленинград было доставлено 4325 тонн продовольствия. С наступлением ледостава на Ладожском озере и прекращением водных перевозок единственным средством снабжения города осталась транспортная авиация.

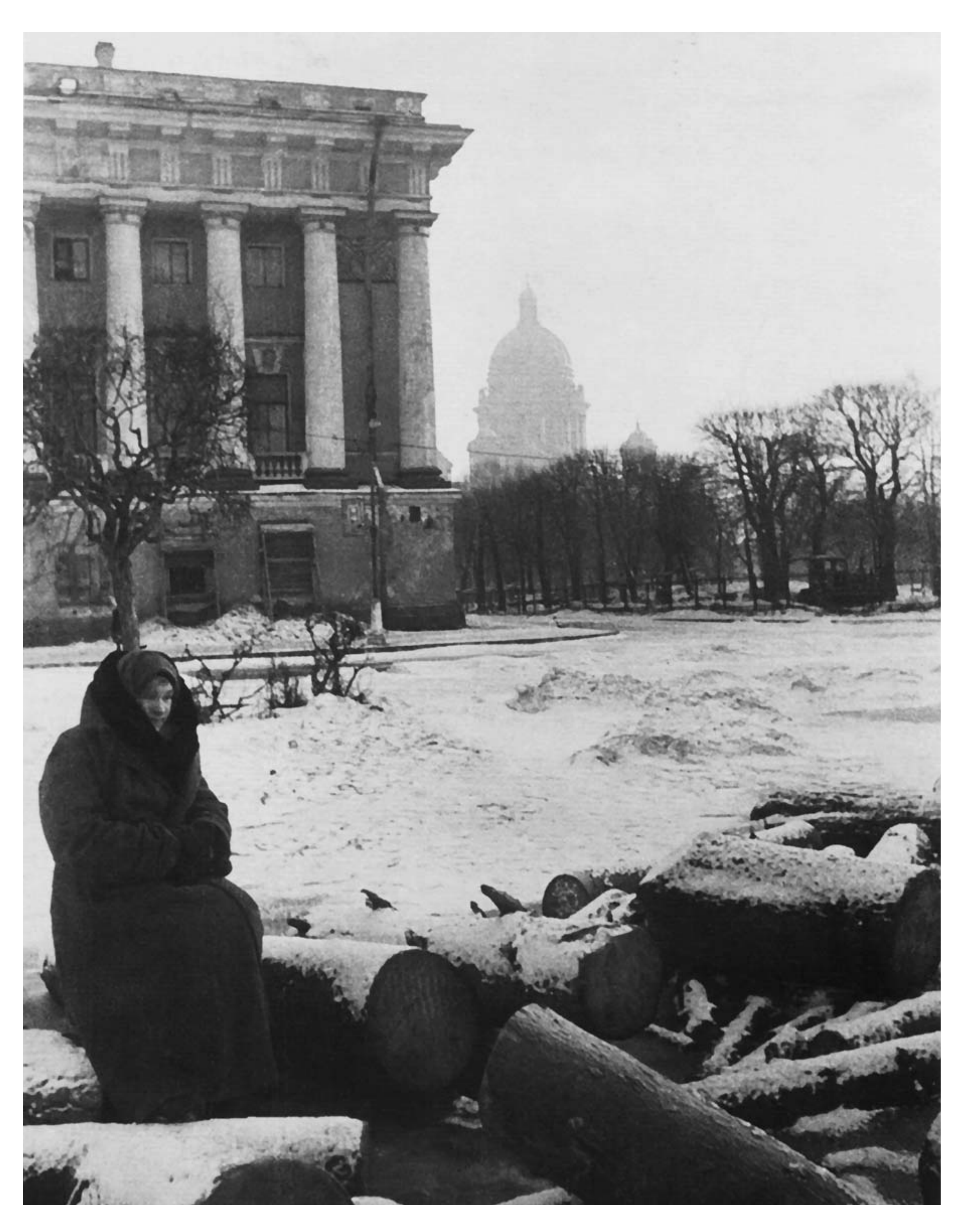
Реальную помощь, как показал даже не совсем успешный опыт осенней навигации, могли принести только перевозки по Ладожскому озеру. Поэтому по инициативе Военного совета Ленинградского фронта было решено проложить по Ладоге ледовую дорогу, подготовка к строительству которой началась еще в октябре 1941 г. Автодорожный отдел Управления тыла Ленинградского фронта, которому было поручено сооружение этой дороги, проделал совместно с учеными Гидрологического института большую подготовительную работу по изучению ледового режима Ладоги и проектированию трасс ледового пути. 6 ноября 1941 г. был подготовлен первый вариант проекта постановления Военного совета Ленинградского фронта «О постройке ледяных дорог через Ладожское озеро». В последующих проектах было скорректировано направление строительства ледового пути, и 13 ноября 1941 г. заместитель командующего войсками и начальник тыла Ленинградского фронта генерал-майор Ф. Н. Лагунов подписал приказ по тылу «Об организации постройки ледяной дороги по водной трассе мыс Осиновец — маяк Кареджи»[168].

Дзот у корпусов больницы имени Фореля на проспекте Стачек в блокадном Ленинграде

Ленинградская молодежь — бойцы МПВО за ремонтом крыши здания

Блокадница на набережной Рошаля у штабеля дров

В результате напряженных и самоотверженных поисков была разведана ледовая дорога по трассе Коккорево — острова Зеленцы — Кобона. 19 ноября командующий войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенант М. С. Хозин, член Военного совета фронта А. А. Жданов и генерал-майор А. В. Гвоздков (за начальника штаба фронта) подписали приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро»[169].

21 ноября 1941 г. в Осиновец прибыл первый конносанный конвой, доставивший по еще очень тонкому льду 63 тонны муки, но для осажденного Ленинграда это были бесценные тонны, с ними появилась надежда на спасение. 23 ноября 1941 г. из Кобоны вышла первая автоколонна, которая по окрепшему за эти дни льду благополучно перевезла на западный берег 70 тонн муки[170]. Чтобы наладить бесперебойные перевозки по ледовой дороге и довести ее запланированный грузооборот в оба конца до 4 тыс. тонн в сутки предстояло еще преодолеть огромные трудности.

19 ноября 1941 г., когда 4-я армия перешла в контрнаступление на тихвинском направлении, Военный совет Ленинградского фронта был вынужден принять (под грифом «совершенно секретно») постановление «О временном изменении норм отпуска хлеба». В нем говорилось: «1. Во избежание перебоев в обеспечении хлебом войск фронта и населения гор. Ленинграда установить с 20 ноября 1941 г. следующие нормы отпуска хлеба: рабочим и ИТР — 250 г, служащим, иждивенцам и детям — 125 г, частям первой линии и боевым кораблям — 500 г, летно-техническому составу ВВС — 500 г, всем остальным воинским частям — 300 г. 2. Выдать в третьей декаде ноября месяца 100 г сухофруктов и 100 г картофельной муки по детским карточкам». Это были самые голодные нормы выдачи хлеба войскам и населению Ленинграда за все время блокады. Суточный лимит расхода муки и примесей составлял с 20 ноября всего 510 тонн, из них населению Ленинграда — 310 тонн, Ленинградской области — 31 тонну, войскам Ленинградского фронта — 144 тонны, частям Балтийского флота — 25 тонн[171].

Обращает на себя внимание тот факт, что этим постановлением лимитировался не только суточный расход муки, но и примесей. Чтобы не прекратить выдачу населению хлеба совсем, приходилось использовать при его выпечке всевозможные примеси, такие как солод, соевая мука, жмыхи, овсяная мука, содержание которых постоянно росло и к этому времени составило 40% по отношению к муке. Но и примеси были на исходе. В качестве одного из компонентов примесей ученые предложили целлюлозу, применявшуюся ранее только как сырье для получения бумаги. Разработанные под руководством заместителя директора ВНИИ гидролизной промышленности профессора В. И. Шаркова гидролизные установки для превращения целлюлозы в пищевой продукт были смонтированы на шести предприятиях города. Постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 19 ноября 1941 г. ежедневная выработка пищевой целлюлозы с 20 ноября по 22 ноября была определена в 35 тонн, а с 23 ноября она должна была достигнуть 80 тонн[172]. В конце ноября 1941 г. пищевая целлюлоза стала поступать на хлебозаводы. Конечно же, ее применение не обогатило питательную ценность хлеба, представлявшего собой темно-коричневую полужидкую массу, которую в булочных развешивали при помощи лопаток. И все же целлюлоза спасла отчаянное положение, помогла экономить таявшие с каждым днем запасы муки. За годы блокады было выработано 16 тыс. тонн пищевой целлюлозы, что позволило дополнительно выпекать сотни тонн хлеба. Всего за годы блокады хлебопекарная промышленность Ленинграда получила свыше 26 тыс. тонн различных примесей, что обеспечило населению города дополнительно 50 тыс. тонн хлеба[173].

Все эти меры по изысканию дополнительных источников продовольствия и так называемых пищевых заменителей помогли в первую очередь растянуть на возможно длительное время выдачу хотя бы и низкокалорийного хлеба. Однако объявленное 20 ноября 1941 г. понижение норм выдачи хлеба имело для большинства ленинградцев тяжелые физические и моральные последствия.

И все же в эти трудные ноябрьские дни 1941 г. Ленинград делал всё, чтобы не позволить врагу ступить на свои улицы. Его промышленность продолжала выпускать артиллерийские

орудия, минометы, боеприпасы, которые направлялись не только на Ленинградский фронт, но и под Москву, где готовилось в это время решающее контрнаступление наших войск. Полуразобранные орудия доставлялись на московское направление. «С волнением и большим удивлением получали бойцы артиллерийское вооружение с маркой заводов осажденного врагом города, — вспоминал находившийся в ноябре 1941 г. в Ленинграде представитель Ставки Н. Н. Воронов. — Рабочие и работницы, инженеры и техники, ослабевшие от голода, создавали это оружие, вкладывая в него всю любовь к Родине и всю ненависть к врагу»[174]. На защиту Москвы из блокадного Ленинграда было отправлено свыше 400 полковых пушек, около 1 тыс. минометов разных калибров и почти 40 тыс. бронебойных снарядов[175]. 28 ноября 1941 г. в Смольный пришла телеграмма командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами»[176].

Выпуская вооружение и боеприпасы для фронта, ленинградские рабочие должны были быть готовыми в любой момент взять это оружие в свои руки. В середине ноября 1941 г. в связи с созданием Управления внутренней обороны города, призванного координировать действия всех имевшихся боевых сил, рабочие отряды на предприятиях были объединены в стрелковые бригады, что облегчало руководство добровольческими формированиями. Стрелковые бригады объединили около 16 тыс. рабочих, инженеров и служащих. Хотя каждый человек, работавший в оборонной промышленности, был на учете, Ленинградский фронт, остро нуждавшийся в пополнении, получил 4300 человек, в основном с оборонных предприятий города[177].

20 ноября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О производстве минометов в Ленинграде», инициатива принятия которого исходила от Военного совета Ленинградского фронта, предлагавшего произвести в декабре 1941 г. на ленинградских заводах 120-мм минометов — 400 штук, 80-мм — 1300, 50-мм — 2 тыс. При этом половина произведенных в декабре минометов должна была поступить из Ленинграда в распоряжение Главного артиллерийского управления Наркомата обороны[178].

Если иметь в виду, что предложения Военного совета опирались на реальные возможности оборонного производства блокированного города, то можно говорить о том, что и в ноябре 1941 г. его оборонный потенциал был еще значительный. Однако к концу ноября 1941 г. из-за отсутствия топлива и электроэнергии пришлось законсервировать 270 крупных предприятий города[179]. Хотя часть рабочих остановленных предприятий перешла на другое производство, тысячи рабочих Ленинграда лишились не только источника продовольственного обеспечения по более высоким нормам, но и своих производственных коллективов.

С 17 ноября Ленинград погрузился во тьму: было отключено электричество. С этого дня пользоваться электроэнергией в пределах установленных лимитов разрешалось только в зданиях Смольного, Главного штаба, Ленэнерго, Управления милиции и отделений милиции, райкомов партии, райисполкомов, райвоенкоматов, городского и районных штабов МПВО, Главпочтамта, телеграфа, телефонных станций, Управления городской пожарной охраны, судебных органов, в госпиталях и больницах, конторах домохозяйств.

5 декабря 1941 г. началось контрнаступление Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов, в результате которого немецко-фашистские войска были отброшены от Москвы на 100–250 км. Активные наступательные действия начались на войбокальском, маловишерском и тихвинском направлениях. 9 декабря войска 4-й армии овладели Тихвином, сорвав тем самым планы германского командования соединиться с финскими войсками и полностью отрезать все пути снабжения Ленинграда.

Возвращение Тихвина позволило возобновить перевозки продовольствия для осажденного Ленинграда по восстановленной Северной железной дороге до станции Войбокало. Доставка грузов на восточный берег Ладожского озера наиболее коротким путем была, таким образом, обеспечена. Однако проблема транспортировки этих грузов через озеро по-прежнему оставалась наиболее слабым и уязвимым местом. Ладожская ледовая дорога из-за чрезвычайно сложных условий эксплуатации трассы в декабре не удовлетворяла и дневную

Практические занятия с блокадниками по строительству и эксплуатации печек в жилых помещениях

Водоразборные колонки в блокадном Ленинграде

К счастью, эта бомба не взорвалась…

Голод

потребность города в продовольствии. В декабре 1941 г. по ледовой дороге поступало в сутки в среднем 347 тонн хлебопродуктов, в то время как требовалось не менее 500 тонн по самым голодным нормам[180]. Суточный рацион занятого на производстве рабочего в декабре 1941 г. составлял 1 тыс. калорий, служащего — около 600 калорий, иждивенца — менее 500 калорий, в то время как нормальная потребность взрослого человека определялась в 3–3,5 тыс. калорий. Продовольственное положение воинов Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота также с каждым днем ухудшалось. Солдаты, матросы и офицеры, хотя и в меньшей степени, чем население Ленинграда, сильно страдали от голода.

Начиная с 9 сентября 1941 г. в войсках фронта несколько раз проводилось сокращение суточной нормы питания. В конце ноября 1941 г. в частях первой линии стали выдавать 300 граммов хлеба и 100 граммов сухарей. Мучной суп утром и вечером, мучная каша в обед дополняли хлебную выдачу. И все же Военный совет фронта, учитывая отчаянное положение голодающего населения Ленинграда, постановил 21 декабря 1941 г. передать городу более 300 тонн продовольствия из запасов, хранившихся в Кронштадте. Большая часть этого продовольствия была направлена на оборонные предприятия[181].

В блокированном городе продолжалась работа по изысканию пищевых заменителей. Имевшиеся в Ленинграде значительные запасы технического альбумина (одного из продуктов переработки крови убойного скота), употреблявшегося ранее для нужд промышленности, стали использоваться для изготовления колбас. После тщательной проверки в пищу пошли слизистая оболочка желудков свиней, щитовидные железы крупного рогатого скота, заготовленные ранее для получения медицинских препаратов. Мясная промышленность Ленинграда, используя технический альбумин, соленое кишечное сырье, соевый шрот, жмыхи, белковые дрожжи и другие заменители, выпустила в годы блокады свыше 11 тыс. тонн колбас, паштетов, студня и желе[182].

Поиском дополнительных источников питания и пищевых заменителей в это голодное время занимались практически все ленинградцы на предприятиях и в учреждениях, в научных институтах, высших учебных заведениях и школах. В Эрмитаже, например, обнаружились запасы льняного масла и клея, предназначенные для ремонтных работ. По распоряжению директора академика И. А. Орбели эти запасы были переданы в «пищевой оборот»: на льняном масле сотрудники жарили мороженую картошку, а из клея варили студень. Упоминания об употреблении в пищу приготовленного из клея студня содержатся во многих блокадных дневниках и воспоминаниях. «В декабре и январе удалось раза три-четыре достать плитки столярного клея, — вспоминал доктор исторических наук М. Г. Штейн. — Стоила плитка 30 рублей. И в течение нескольких дней мы ели студень из столярного клея. Какой это был деликатес!»[183]

Голодавшее население под огнем противника добывало в пригородах из-под снега невыкопанную картошку и овощи. На территории Бадаевских складов люди собирали пропитанную сахаром в результате пожара 8 сентября 1941 г. промерзшую землю, чтобы затем получить из нее драгоценный напиток, в первую очередь для детей. Чтобы заглушить ни с чем не сравнимое чувство голода, ленинградцы использовали в пищу все, что можно было условно считать съедобным, в том числе корни различных растений, цветы, вазелин, глицерин, горчицу, охотились за собаками, кошками и птицами. Изобретательные работницы научились получать из деталей текстильных машин, изготовленных из кожи (так называемых «гонок»), 22 «блокадных блюда», которые впоследствии стали демонстрировать в Музее обороны Ленинграда[184].

Жестокий голод усугублялся наступившими сильными холодами, почти полным отсутствием топлива и электроэнергии. Чтобы хоть как-то разрешить топливную проблему, исполком Ленгорсовета разрешил в декабре разбирать на дрова деревянные дома и другие деревянные сооружения, главным образом подвергшиеся разрушению. Все это дало блокированному городу около 150 тыс. кубометров дров. Кроме того, организованные в Парголовском и Всеволожском районах лесозаготовки дали еще 300 тыс. кубометров. Исполком Ленгорсовета смог выделить из своих скудных запасов населению всего 15 тыс. кубометров,

предприятиям и учреждениям — 90 тыс., хлебопекарным заводам — 14 тыс., Ленэнерго — 40 тыс. Из-за отсутствия бензина грузовой автотранспорт был переведен на газогенераторное топливо («чурки»), производство которого было налажено на Ижорском фанерном заводе[185]. Суточная выработка электроэнергии с сентября по декабрь 1941 г. сократилась почти в семь раз. Минимальные нормы снабжения Ленинграда электроэнергией обеспечивали коллективы 2-й и 5-й ГЭС, на помощь которым были направлены около 2 тыс. рабочих, снятых по решению исполкома Ленгорсовета со строительства Володарского сектора обороны города. 9 декабря 1941 г. в целях сокращения расхода электроэнергии было упразднено восемь трамвайных маршрутов и снято с линии 90 трамвайных вагонов[186]. Вскоре трамваи и троллейбусы застыли на улицах города, став неотъемлемой частью блокадного пейзажа зимы 1941–1942 гг.

Из-за недостатка электроэнергии один за другим стали останавливаться оборонные заводы. 20 декабря в литейном цехе Кировского завода подача электроэнергии прекратилась в тот момент, когда рабочие разливали металл по формам, предназначенным для отливки снарядов. На заводе имени Лепсе электроэнергию отключили 25 декабря 1941 г.[187]

Все эти чудовищные лишения и трудности вызвали огромную смертность среди ленинградцев. Возникшая в силу нечеловеческих условий жизни в осажденном городе и прежде всего из-за невиданного ранее голода алиментарная дистрофия осталась в истории медицины периода Великой Отечественной войны как «ленинградская болезнь». Отношение числа смертельных случаев к числу заболеваний дистрофией достигало в это критическое время 85%[188]. Далеко не точный итог смертности в декабре 1941 г. в блокадном Ленинграде составил почти 53 тыс. человек, что превысило его годовую смертность в 1940 г. — 46 827 человек[189]. Но это был еще не предел человеческих страданий.

В декабре 1941 г. работа Ладожской ледовой дороги не оправдывала возлагавшихся на нее надежд. Из-за сложных условий ее эксплуатации план перевозок не выполнялся, и осажденный город располагал в это время запасами муки для выпечки хлеба на один-два дня. Но 21 декабря 1941 г. на имя А. А. Жданова пришла спасительная телеграмма от генерала К. А. Мерецкова: «Задача, поставленная т. Сталиным войскам 4-й армии, выполнена. Сегодня 20.12 16.00 железная дорога Тихвин — Волхов полностью очищена от войск противника и может быть использована для подвоза грузов летучками до Волхова»[190].

24 декабря 1941 г. А. А. Жданов проинформировал Москву о том, что в течение этого дня в город по Ледовой дороге из Новой Ладоги впервые поступило такое большое количество муки — 669 тонн, что превышало ее дневную потребность в городе. И Военный совет Ленинградского фронта, учитывая отчаянное положение населения и реально надеясь на улучшение подвоза продовольствия в ближайшее время, пошел на рискованный шаг — принял в тот же день постановление о прибавке хлебных норм. 25 декабря 1941 г. население Ленинграда стало получать 350 граммов хлеба по рабочей карточке и 200 граммов по служащей, детской и иждивенческой. Но до «улучшения» еще было далеко.

Самоотверженно работали в это тяжелое время медики. Условия блокадной зимы резко снизили возможность оказания медицинской помощи населению. Работа медицинского персонала больниц протекала в очень тяжелых условиях. Хирурги работали в операционных, отапливаемых буржуйками и освещавшихся керосиновыми фонарями. При огромной заболеваемости ленинградцев больничная помощь в стационарных лечебных учреждениях являлась одним из важнейших средств спасения населения осажденного города. В холодных и полутемных кабинетах врачи вели прием амбулаторных больных[191].

Несмотря на экстремальные условия жизни в блокадном городе, занятия в школах полностью не прекратились. В конце декабря 1941 г. школы по разрешению исполкома Ленгорсовета прекратили занятия, и только 39 школ продолжали занятия без перерыва. В наступившем 1942 г. неожиданный подарок получили ленинградские школьники, воспитанники детских домов и детских садов: по решению исполкома Ленгорсовета с 1 по 10 января в городе были организованы детские новогодние елки для 50 тыс. маленьких горожан. Самое удивительное было в том, что елки на праздниках были настоящие: тысячу елок заранее завезли из прифронтового леса.

Позиция зенитной батареи на Стрелке Васильевского острова в Ленинграде

На марше защитники города на Неве

Сотрудники госпиталя Е. Скарионова и М. Бакулин на уборке урожая капусты, выращенной возле Исаакиевского собора

Доставка обеда служащим одного из ленинградских предприятий

Толкучка у Кузнечного рынка

Изыскивались также ресурсы и пути доставки продовольствия в осажденный Ленинград. 10 января 1942 г. заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР А. И. Микоян подписал распоряжение правительства о помощи Ленинграду продовольствием. Этим распоряжением в целях «обеспечения продовольствием г. Ленинграда, войск Ленинградского фронта и частей КБФ и создания запаса продовольствия в г. Ленинграде» соответствующие наркоматы и ведомства обязывались отгрузить в январе 1942 г. 180 тыс. тонн муки, 10 тыс. тонн крупы, 6192 тонны мяса, 1100 тонн животного масла, 1000 тонн кокосового масла, 700 тонн растительного масла, 3 тыс. тонн рыбы, 1800 тонн сахара, 1 тыс. тонн концентратов, 150 тонн шоколада, 140 тонн чая, 5 тыс. тонн соли и другие продукты питания[192].

С 13 января 1942 г. была установлена новая система продажи продовольствия населению посредством объявления разовых выдач в счет месячных норм по карточкам. В этот день «Ленинградская правда» опубликовала извещение городского отдела торговли: «Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся разрешил продажу с 13 января 1942 года всем группам населения по январским продовольственным карточкам в счет существующих месячных норм: а) мяса и мясопродуктов — 100 граммов, б) крупы — 200 граммов, в) муки в счет крупы — 200 граммов». Продовольственные магазины открывались в 6 часов утра и работали до 9 часов вечера.

Доставка продовольствия в осажденный Ленинград по-прежнему оставалась самым уязвимым местом в снабжении населения продуктами питания. Из 2877 автомашин, числившихся на тот момент на обсуживании Дороги жизни, в эксплуатации находилось только 1198, остальные утонули в Ладожском озере, вмерзли в лед, не вернулись из Новой Ладоги либо требовали капитального и текущего ремонта[193]. Еще одной причиной, не позволявшей резко увеличить объем доставляемых грузов в блокированный город, было плохое состояние трассы, особенно ее ледовой части.

Быт блокадного Ленинграда в январе 1942 г. не поддается описанию. Не работали почти все бани и прачечные, в магазинах не было ни обуви, ни одежды, ни хозяйственных товаров. Помещения освещались с помощью коптилок и лучины, а обогревались печками-времянками, от которых были закопчены не только стены и потолки, но и лица людей. К суровым условиям блокадной зимы приспосабливались, разумеется, кто как мог. Чтобы согреться и вскипятить воду, ленинградцы жгли мебель, книги. Одна из жительниц блокадного города впоследствии писала: «Самая большая в мире библиотека — наверное, те миллионы книг, которые сгорели в ленинградских буржуйках»[194].

Необычайно важную роль в жизни ленинградцев играла почта, которая связывала их с внешним миром, в особенности с родными и близкими, которых война разметала по различным фронтам. В январе 1942 г. в городе работало всего 12 почтовых отделений[195]. Ленинградские почтальоны были настоящими подвижниками, обходя со своими тяжелыми сумками квартиру за квартирой. Принося радостные и горестные вести, почтальоны часто находили квартиры открытыми и полностью вымершими[196]. Они, по всей видимости, были одними из первых, кто воочию увидел реальную картину массовой смертности в Ленинграде в январе 1942 г., по неполным подсчетам, составлявшей 127 тыс. человек[197]. Почти три четверти умерших от голода в январе 1942 г. составляли мужчины и только чуть более четверти — женщины[198]. В память о жертвах голодной зимы 1941–1942 гг. на Пискарёвском кладбище теперь горит неугасающий Вечный огонь.

Противоборство жизни и смерти в блокированном Ленинграде вступило в феврале 1942 г. в свою новую фазу, когда чаша весов стала медленно склоняться в пользу жизни. На возрождение жизни в полуживом городе были направлены предпринятые ленинградским руководством в феврале 1942 г. важные меры. Символично, что одним из первых стало постановление Военного совета Ленинградского фронта от 7 февраля 1942 г. «О нормах продовольственного снабжения за февраль для детских учреждений». Этим постановлением были значительно повышены нормы продовольственного снабжения на одного ребенка в детских учреждениях — домах малюток и интернатных группах детских яслей, дошкольных

детских домах[199]. 11 февраля 1942 г. востоковед А. Н. Болдырев записал в своем дневнике: «Сегодня с утра грянула прибавка хлебная: 500 г, 400 г и 300 г. Первое чувство — выживем теперь!»[200]

Конечно, победить смертность еще одной, третьей по счету прибавкой хлеба и других продуктов питания сразу было невозможно. В условиях широкого распространения среди населения алиментарной дистрофии понизилось сопротивление организма инфекционным заболеваниям. К этому добавилось резкое ухудшение общего санитарного состояния города, его жилищных, коммунальных и промышленных объектов. Употребление воды из загрязненных источников при пониженной сопротивляемости организма инфекциям представляло большую опасность для эпидемиологического состояния блокированного города. Ленинградцы в течение длительного времени были лишены возможности соблюдать элементарную гигиену в быту и на производстве. Все это вместе взятое представляло серьезную угрозу возникновения и распространения эпидемических заболеваний.

В целях предотвращения этой угрозы руководство обороной осажденного Ленинграда наметило осуществить в феврале 1942 г. целый ряд необходимых мер. 10 февраля Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «О мероприятиях по борьбе с эпидемическими заболеваниями», которым определялись неотложные меры по радикальному улучшению медико-санитарной обстановки в городе. В соответствии с постановлением была организована бесперебойная работа всех санпропускников города, двух бань на каждый район и прачечных, обслуживавших военные госпитали, восстановлена работа лабораторий, выпускающих препараты для борьбы с сыпным тифом. Активную деятельность развернула образованная 11 февраля городская противоэпидемическая комиссия. Массовыми противодизентерийными прививками удалось охватить в феврале 1942 г. почти 500 тыс. ленинградцев[201].

Действенным фактором возрождения жизни в феврале 1942 г. стали комсомольско-молодежные бытовые отряды, заслужившие своей самоотверженной работой признание и благодарность ленинградцев. Бойцами первого бытового отряда стали 80 девушек — работниц фабрики «Красное знамя», заводов «Вулкан» и «Красная Бавария», типографии «Печатный двор» и других предприятий Петроградской стороны. Командиром отряда стала Полина Догадаева, комиссаром — Надежда Овсянникова, обе были работницами фабрики «Красное знамя». В бытовых отрядах постоянно трудились около 1 тыс. человек. Кроме того, к работе отрядов привлекались в каждом районе от 500 до 700 человек. Комсомольские бытовые отряды получили широкие полномочия от Ленгорсовета: они имели право переселять жильцов из одной квартиры в другую, более благоустроенную, определять безнадзорных детей в детские дома, ходатайствовать об эвакуации населения. По инициативе комсомольцев были открыты специальные магазины, где отоваривались карточки для больных. Кроме того, в каждом районе были созданы комсомольские столовые, откуда по карточкам доставлялась больным приготовленная пища. Только в первые месяцы своей работы бытовые отряды обследовали почти 30 тыс. квартир и оказали помощь тысячам ленинградцев[202].

Непосредственным толчком к возрождению жизни на крупных оборонных предприятиях стало выполнение фронтовых заказов на ремонт военной техники, прибывшей в начале февраля буквально с поля боя. Специальным постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 6 февраля 1942 г. Металлический завод обязывался отремонтировать и сдать Автобронетанковому управлению фронта из числа прибывших 13 танков КВ семь — к 12 февраля и остальные — к 20 февраля. Для выполнения этого срочного задания заводу выделялось 250 тонн угля для заводской блокэлектростанции, 5 тонн бензина, 3,5 тонны авиабензина и дефицитные масла и смазки. Для усиления питания рабочих, занятых на ремонте танков, предусматривалось отпускать ежесуточно 250 фронтовых пайков передовой линии на период работ по ремонту танков[203]. В назначенный срок отремонтированные танки стали выходить из ворот Металлического завода. Кроме того, ленинградские рабочие вместе с моряками Балтики возобновили в феврале 1942 г. ремонт кораблей, трудились на ремонтных базах военно-воздушных сил.

Одной из важнейших задач в феврале 1942 г. стали организация и проведение массовой эвакуации населения осажденного города. В труднейших условиях февраля 1942 г. были эвакуированы из Ленинграда 117,5 тыс. человек[204].

В феврале 1942 г. стала возрождаться и культурная жизнь Ленинграда. 8 февраля 1942 г. бюро Ленинградского горкома партии рассмотрело предложение Ленинградского отделения Союза художников о подготовке выставки «Ленинград в дни Великой Отечественной войны». Было решено лучшие работы этой выставки передать на всесоюзную выставку в Москве. Ленинградским художникам было что показать: ведь даже в январе 1942 г. они устроили свою выставку, представив на нее 126 картин и эскизов[205].

Театр музыкальной комедии возобновил свои спектакли в помещении Академического театра драмы имени Пушкина. 5 марта 1942 г. впервые прозвучала Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича. Правда, она была исполнена в Куйбышеве, но на Ленинград симфония транслировалась по радио. Выступивший перед началом ее исполнения композитор сказал, что он посвящает Седьмую симфонию Ленинграду, всем ленинградцам и грядущей победе над фашизмом.

8 марта 1942 г. тысячи ленинградцев вышли на первый общегородской воскресник. В этот день произошло важное событие в жизни города — открылось грузовое трамвайное движение. Первый грузовой трамвай прошел еще вечером накануне по Загородному проспекту и площади Труда. Однако объем работ по очистке дворов, улиц и площадей был еще настолько велик, что обезопасить город от эпидемий до наступления теплой погоды можно было только систематической работой всех ленинградцев. Решением исполкома Ленгорсовета от 25 марта 1942 г. все трудоспособное население было мобилизовано на очистку города с 27 марта по 8 апреля. Рабочие действующих заводов, фабрик и учреждений должны были ежедневно отработать два часа во внерабочее время, рабочие и служащие законсервированных предприятий — восемь часов, домохозяйки и учащиеся — шесть часов[206]. 27 марта — в первый день трудовой мобилизации — на работу вышли 143 тыс. ленинградцев, 28 марта — 244 тыс., 31 марта — до 304 тыс.[207]

С 20 марта 1942 г. Ленинград стал получать 550 тыс. киловатт-часов в сутки, или более чем в три раза в сравнении с февралем[208]. Подача промышленного тока позволила ленинградским предприятиям возобновить производство дефицитных корпусов для артиллерийских снарядов. Возрождение оборонной промышленности в блокированном городе имело огромное моральное значение. Ленинград оживал и боролся вместе со всей страной против немецко-фашистских захватчиков.

Хотя разорвать кольцо вражеской блокады вокруг Ленинграда в марте 1942 г. не удалось, пережившие страшную зиму ленинградцы уже не чувствовали себя обреченными и одинокими. Братская солидарность всей страны, направлявшей помощь осажденному Ленинграду, придавала им новые силы. В марте Ленинград посетили делегации партизан и колхозников Ленинградской области, трудящихся Карелии, Казахской, Киргизской и Узбекской ССР. Особое моральное значение имело прибытие в блокированный город «красного обоза» из 223 подвод с продовольствием из «партизанского края», с оккупированной немцами территории области. Колхозники собрали для ленинградцев 3500 пудов различных продуктов, которые проселочными дорогами и лесными тропами под охраной партизан были доставлены через линию фронта в блокированный Ленинград.

По решению горкома партии и исполкома Ленгорсовета в апреле 1942 г. была создана сеть столовых усиленного питания, рассчитанная на обслуживание одновременно около 100 тыс. человек. Для этой цели было выделено 153 столовых, из которых 89 находились на территории предприятий и учреждений и были закрытыми и 64 столовые открытого типа[209]. Уже в скором времени организация лечебного питания дала свои результаты. У большинства прошедших курс лечения в столовых усиленного питания восстанавливалось полностью или значительно улучшалось состояние здоровья. За апрель — май 1942 г. через сеть столовых усиленного питания прошли 234 тыс. ленинградцев, из которых рабочие составляли 69%, служащие — 18,5%, иждивенцы — 12,5%[210].

Группа жителей блокадного Ленинграда на Суворовском проспекте перед эвакуацией

Эвакуированные ленинградцы в порту Кобона

Тела умерших от голода на улицах Ленинграда

Постепенное восстановление здоровья ленинградцев позволило руководству города приступить в апреле 1942 г. к частичной расконсервации оборонной промышленности. Число действующих предприятий оборонной промышленности к концу апреля 1942 г. достигло 50[211]. Одновременно началось возрождение городского хозяйства, почти полностью выведенного из строя варварскими обстрелами и бомбежками. В первую очередь предстояло привести в порядок городской водопровод и канализацию. К началу мая 1942 г. водопровод действовал в 3300 домах, что составляло более трети жилого фонда Ленинграда. Очереди за водой постепенно исчезали. Канализационная сеть была восстановлена в большинстве домов города[212]. Одновременно начались и ремонтно-восстановительные работы в сильно пострадавшем жилищном хозяйстве города: в результате обстрелов и бомбежек было разрушено и повреждено 2295 домов, в которых предстояло отремонтировать более 1,5 млн кв. метров жилой площади. Начатые в апреле 1942 г. ремонтные работы помогли сохранить сотни поврежденных домов, позднее восстановленных окончательно. Символично, что еще в марте 1942 г. коллектив ленинградских архитекторов приступил к разработке проектов возрождения города. Над этими проектами работали 45 архитекторов[213].

Апрель 1942 г. стал последним месяцем эксплуатации Ладожской ледовой трассы, ставшей для блокированного Ленинграда Дорогой жизни. 24 апреля с 16 часов приказом командования военно-автомобильной дороги движение всех видов транспорта, а также пешеходное движение по льду было прекращено. За три недели этого месяца на западный берег Ладожского озера удалось доставить 87 250 тонн различных грузов и вывезти из Ленинграда 163 400 человек[214].

26 апреля 1942 г. городская эвакуационная комиссия утвердила отчет «Об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 г.». В нем отмечалось, что с 22 января по 15 апреля 1942 г. по ледовой дороге из Ленинграда были вывезены 554 186 человек. Всего за период с 29 июня 1941 по 15 апреля 1942 г. были эвакуированы 1 295 100 человек, из которых население Ленинграда составило 970 718 человек[215]. По сравнению с началом блокады Ленинграда его население к концу апреля 1942 г. сократилось за счет эвакуации и смертности в два раза.

Большое значение для ликвидации последствий голодной зимы и увеличения запасов продовольствия имела организация овощеводства. Блокада города в десятки раз сократила территорию пригородного сельского хозяйства, поэтому были взяты на учет все пустующие земли как в пригородах, так и внутри самого города. Летний сад, Марсово поле, Исаакиевская площадь, парки, скверы, площади, где раньше были цветники и газоны, теперь были засеяны овощами. На окнах жителей города в горшочках вместо цветов зеленели салат, редис, лук. Огородничество было сложным и новым делом для жителей Ленинграда. Поэтому еще с февраля 1942 г. начали работать курсы овощеводства, на которых были подготовлены 5700 агротехников и бригадиров-овощеводов для совхозов и подсобных хозяйств.

Работники Ботанического института проводили ежедневные консультации для огородников, выезжали на поля для оказания помощи в борьбе с вредителями сельского хозяйства. Популярными стали лекции на сельскохозяйственные темы, их прослушали более 130 тыс. ленинградцев. Предприятия местной промышленности изготовили для огородников десятки тысяч лопат, мотыг, цапок, грабель, леек и ведер. Повсюду стояли очереди за семенами и рассадой овощных культур, значительная часть которых была доставлена в осажденный город по Ладоге[216]. К началу весеннего сева в Ленинграде было организовано 633 подсобных хозяйства и 1468 объединений огородников, в которых состояли свыше 170 тыс. человек. Кроме того, более 100 тыс. ленинградцев имели свои индивидуальные огороды. Для работы в подсобных хозяйствах предприятия и учреждения выделили и закрепили за хозяйствами 13 тыс. постоянных рабочих. Поскольку в распоряжении подсобных хозяйств оказалось всего 54 стареньких трактора и 200 слабосильных лошадей, широко применялся ручной труд. Из 9838 га обработанной земли 3253 га, или 33%, было вскопано вручную[217].

С начала весенне-летней навигации по Ладожскому озеру была продолжена эвакуация населения из осажденного города и транспортировка боеприпасов и живой силы для его

обороны. За время навигации 1942 г. в Ленинград было доставлено 790 тыс. тонн различных грузов, из которых 353 тыс. тонны составляло продовольствие[218].

Вызовом фашистам стало возобновление занятий в ленинградских школах. В Ленинграде и Кронштадте было открыто 148 школ, в которых с 4 мая 1942 г. стали учиться 63 719 детей[219].

В последний день мая 1942 г. в Ленинграде произошло еще одно событие, в которое сегодня даже трудно поверить — первый с довоенного времени футбольный матч. 31 мая, воскресенье, было объявлено праздником «первого спортивного блокадного дня», и после соревнований по легкой атлетике и другим видам спорта на стадионе «Динамо» был проведен этот легендарный матч. Футбольный матч проходил на тренировочном поле стадиона «Динамо» в присутствии нескольких десятков болельщиков. Было решено, что игра пройдет без перерыва, но в нее вмешался артиллерийский обстрел, и судья приказал всем укрыться в «щелях». После того как обстрел закончился, матч продолжился, и победу в нем одержали с крупным счетом (6:0) динамовцы. О блокадном матче стало сразу же известно на Большой земле, и ленинградские футболисты были приглашены выступить в Москве, Казани, Омске, Алма-Ате. Везде ленинградских футболистов встречали как посланцев героического города[220].

5 июля 1942 г. Военный совет принял постановление, в котором в качестве важнейшей задачи выдвигалось «завершение в кратчайший срок всех мероприятий, обеспечивающих превращение Ленинграда в военный город». В связи с этим предлагалось оставить в блокированном городе «только необходимый минимум самодеятельного населения» — около 280 тыс. рабочих и инженерно-технических работников. На этот раз власти действовали самым решительным образом: с 27 мая по 1 декабря 1942 г. были эвакуированы 448 тыс. человек, из них более 389 тыс. ленинградцев и около 54 тыс. инвалидов войны и населения Ленинградской области. Этим была завершена массовая эвакуация населения из блокированного города. Всего с начала блокады до конца 1942 г. на Большую землю были переправлены 1 млн 100 тыс. человек, из них 871 тыс. ленинградцев. В самом Ленинграде к концу 1942 г. осталось немногим более 600 тыс. жителей, в том числе 225 тыс. рабочих, инженерно-технических работников и служащих[221].

Постепенно восстанавливая свое здоровье, ленинградские рабочие, основную массу которых составляли в 1942 г. женщины и подростки, с каждым месяцем наращивали темпы выпуска оборонной продукции. В 1942 г. промышленность блокадного Ленинграда изготовила 46 танков КВ-1, 14 танков Т-26 и СУ-25, более 1500 минометов, почти 2700 станковых пулеметов «максим», свыше 800 тыс. снарядов, около 2 млн мин, более 1 млн 260 тыс. ручных гранат[222]. Оборонные предприятия города полностью удовлетворяли потребность войск Ленинградского фронта в ручных и станковых пулеметах и в значительной степени в снарядах и минах[223]. Не будет преувеличением сказать, что своим самоотверженным трудом ленинградцы внесли вклад в успех операции «Искра», в результате которой 18 января 1943 г. была прорвана блокада Ленинграда южнее Ладожского озера и освобожден от оккупантов Шлиссельбург.

Важнейшим результатом прорыва блокады Ленинграда стало восстановление его сухопутной связи со страной: 18 января 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве железнодорожного пути от Шлиссельбурга до станции Поляны. 7 февраля 1943 г. первый поезд с продовольствием с Большой земли встречали на Финляндском вокзале. До конца 1943 г. в Ленинград удалось провести 6181 железнодорожный состав с продовольствием, топливом и боеприпасами[224]. По Шлиссельбургской магистрали было организовано и пассажирское движение. С 10 ноября 1943 г. между Ленинградом и Москвой стал ежедневно курсировать прямой скорый пассажирский поезд[225].

Уже через две недели после прибытия в Ленинград первого поезда с Большой земли ленинградцам увеличили нормы выдачи хлеба. С 22 февраля 1943 г. рабочие и инженерно-технические работники стали получать 600 граммов хлеба в день, а на оборонных предприятиях — 700 граммов, служащие — 500 граммов, иждивенцы и дети до 12 лет — 400 граммов, учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО — 600 граммов. В июле 1943 г. 564 232 ленинградца получали продовольственные карточки и 48 770 находились на котловом довольствии[226].

За счет увеличения выработки электроэнергии на городских электростанциях и подачи электроэнергии с Волховской ГЭС, соединенной с Ленинградом с конца 1942 г. высоковольтной линией, в январе 1943 г. 4 тыс. жилых домов были подключены к городской электросети[227]. Хотя электричество включалось всего на несколько часов в день, сам факт его появления в домах имел огромное морально-психологическое значение для жителей города. В 1943 г. в Ленинграде работало полностью или частично 186 крупных промышленных предприятий. С четвертого квартала 1943 г. ленинградская промышленность была включена в общесоюзный план народного хозяйства[228].

С июня 1943 г. в Ленинграде началось вручение медали «За оборону Ленинграда», учрежденной Президиумом Верховного Совета СССР 22 декабря 1942 г. Среди более 1 млн участников обороны города, получивших в 1943 г. эту почетную награду, были и 300 тыс. трудящихся, приближавших победу под Ленинградом[229]. Эта окончательная победа пришла в январе 1944 г. Вечером 27 января в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады на берегах Невы прогремели 24 залпа торжественного артиллерийского салюта из 324 орудий.

Особой страницей в истории Великой Отечественной войны является повседневная жизнь деревенских жителей в условиях военного времени. Начавшаяся война вызвала перестройку привычного уклада сельской жизни. По мобилизации из деревни на фронт уходили мужчины, и сельское население быстро сокращалось. Только в 1941 г. его общая численность уменьшилась сразу на 17,7 млн человек, тем более что помимо военной мобилизации немало работников колхозов и совхозов были призваны на оборонные предприятия, различные стройки. Все это вносило перемены в повседневную жизнь сельских семей. Многие из них лишались кормильцев, а колхозы и совхозы — основных работников. Менялся и демографический состав сельских жителей, так как призыв молодых и дееспособных мужчин резко повысил в нем долю женщин, детей и пожилого населения. Гибель мужчин на войне ухудшала семейно-брачный статус сельских женщин, делая многих вдовами, а их детей — сиротами.

В предвоенные годы, несмотря на заметные успехи технической модернизации, СССР во многих отношениях оставался аграрной страной. Сравнительно высокой в нем была и доля сельских жителей — 67% (согласно переписи 1939 г.). А в советской деревне 70% населения составляли колхозники и члены их семей, в то время как удельный вес всех остальных социальных групп: рабочих и служащих совхозов, МТС и других сельских государственных предприятий, а также немногочисленных крестьян-единоличников вместе с некооперированными кустарями — составлял 30%[230].

Все добросовестно работавшие члены колхоза, согласно уставу сельхозартели, получали приусадебный участок земли. Им предоставлялось право вести на нем личное хозяйство. Колхозники этим хозяйством дорожили, стремились сохранить его любой ценой даже в войну, поскольку оно снабжало семью свежей продукцией с огорода. Имелся и домашний скот. В 1941–1945 гг. определенную часть приусадебных хозяйств содержали старики. За эти годы общее число колхозных дворов сократилось всего на 4%, в том время как численность колхозного населения — на 15%[231].

Быстрая убыль колхозного населения при относительной устойчивости числа дворов свидетельствовала об уменьшении среднего размера колхозной семьи, особенно по числу наличных членов, то есть остававшихся в деревне. Например, в Алтайском крае численность колхозной семьи за этот период уменьшилась в среднем с 4,54 до 3,9 человек, в Краснодарском крае — с 4,19 до 3,8, в Вологодской области — с 4,15 до 3,6, в Новосибирской области — с 4,40 до 3,96, в Башкирской АССР — с 4,96 до 4,56. Иными словами, если перед войной средняя крестьянская семья в РСФСР в своем составе насчитывала пять человек, то к концу войны в ней уже не оставалось и четырех человек[232].

Мобилизация в армию мужчин привела к значительному снижению их доли в составе трудоспособных работников колхозов, которая в 1943–1944 гг. едва дотягивала до трети от предвоенного уровня. Со временем определилась еще одна неблагоприятная для деревни тенденция: если до войны по организационному набору в промышленность выбывали в основном

мужчины, то в войну на оборонные предприятия стали уходить женщины и молодежь. Таким обарзом, война стала причиной интенсивного оттока из села наиболее дееспособных групп населения. При этом сельское хозяйство в войну практически не получало новой техники и прочих необходимых ресурсов, а количество рабочего скота значительно сократилось. Уже к 1943 г. общий уровень механизации колхозных работ снизился в 2,5 раза по сравнению с 1940 г., а производительность труда упала почти наполовину[233]. Работать в таких резко осложнившихся условиях в основном приходилось женщинам, старикам и подросткам.

В годы войны сельские жители без преувеличения вели полную самоотречения ежедневную битву за хлеб, особенно в летнюю страду, когда работать приходилось весь световой день — по 17–18 часов подряд. В это время вся колхозная жизнь перемещалась на полевые станы, колхозники из отдаленных полеводческих бригад сутками не возвращались домой. Из-за нехватки рабочих рук даже конторским работникам нередко приходилось брать в руки косу или лопату.

В 1942 г. по решению правительства для колхозников был в 1,5 раза повышен обязательный минимум выработки трудодней. Важно отметить, что с этого времени в колхозах официально использовался детский труд, так как для колхозных подростков в возрасте от 12 до 16 лет тоже вводился обязательный минимум в размере 50 трудодней, то есть в 2–3 раза ниже, чем для взрослых трудоспособных колхозников. Теперь в колхозе были обязаны трудиться и выполнять установленную норму уже все члены крестьянской семьи, за исключением детей до 12 лет. Даже старики, на которых обязательный минимум не распространялся, по мере сил стремились помогать колхозу.

Материальное положение колхозных семей в войну значительно ухудшилось, поскольку основным источником существования был труд в колхозе, а его оплата резко снизилась. Безусловным приоритетом при распределении произведенной колхозами продукции, как и до войны, являлось выполнение «первой заповеди колхозников» — обязательств по государственным поставкам и закупкам сельскохозяйственных продуктов. На расчеты с государством и нужды фронта уходил практически весь выращенный колхозами урожай, объемы которого снизились по сравнению с довоенным периодом, а нормы сдачи государству сельскохозяйственной продукции по-прежнему были очень высоки.

Практически вся товарная продукция, произведенная колхозами, уходила на восполнение ограниченных из-за войны и оккупации возможностей государства. Вследствие этого неизбежно сокращались фонды потребления в колхозах. На трудодни колхозы выдавали теперь продуктов гораздо меньше, чем перед войной. Подавляющее большинство (почти три четверти) колхозов с 1942 г. и вплоть до окончания войны платили на каждый заработанный трудодень не более 1 кг зерна, а число хозяйств с повышенной выдачей — от 1,1 до 2 кг зерна — за это время сократилось более чем в два раза. Кроме того, в три и более раз уменьшилась выдача картофеля по трудодням. Сокращение натуральных поступлений из колхозов весьма негативно отразилось на продовольственной обеспеченности их работников: если в 1940 г. поступления из общественного хозяйства давали около 40% их совокупного семейного дохода, то в годы войны — уже в три раза меньше, то есть всего около 10%[234]. Выходило, что взрослые колхозники и подростки, хоть и вырабатывали в это время на 10% больше трудодней, чем в 1940 г., продуктов по ним они получали в общей сложности значительно меньше[235] (таблица 1).

Таблица 1

Количество отпускаемых продуктов на трудодни

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерно, ц	2,0	1,6	1,0	0,8	–	0,7
Картофель, ц	1,2	0,4	0,3	0,5	–	0,3
Деньги, руб.	113	127	129	146	123	92

Таким образом, средние цифры по стране убедительно иллюстрируют резкое снижение оплаты (кроме денег) колхозного трудодня в военные годы. Следует иметь в виду и то, что они отражают тот размер натуральной и денежной оплаты, который был лишь определен к выдаче, что совсем не означало фактического получения названных продуктов и денег в полном объеме. В 1945 г. колхозники получили фактически всего 80% от определенного к выдаче объема зерна и картофеля.

Исключение составляли сельские механизаторы, труд которых по-прежнему оплачивался в соответствии с минимумом, который гарантировало им государство, — 2,5 рубля и 3 кг зерна на трудодень. Оплата труда рядовых колхозников была значительно меньшей, и даже в 1945 г., когда положение в колхозах уже несколько выровнялось, в среднем по стране они получили только 600 граммов зерна на трудодень. Сравнительно весомый по условиям военного времени трудодень сохранялся лишь в немногих центральных областях, на Северном Кавказе и в Таджикистане, где колхозное производство развивалось относительно неплохо.

Особенно тяжелым был для деревни 1943 г., когда стояли без горючего и без того немногочисленные тракторы и не было запчастей для ремонта. Лошадей в колхозах не хватало, а те, что остались, буквально падали от перегрузок. Крестьянкам приходилось пахать на быках и коровах. Например, только в Курской области во время весеннего сева, в упряжи стояло 174 тыс. коров, большая часть которых использовалась как тягло — при бороновании и пахоте. Когда не хватало машин и рабочего скота, случалось и самим впрягаться и обрабатывать землю.

Экономические трудности жителей села многих областей страны еще больше усилились в связи с тяжелыми погодно-климатическими условиями 1943 г. Плохая погода летом вызвала серьезный неурожай зерновых и других сельскохозяйственных культур. Колхозные выдачи по трудодням снизились до минимума: например, в Новосибирской области в среднем на один трудодень было выдано всего по 333 грамма хлеба, а во многих хозяйствах не было и этого. В среднем по стране даже с учетом высокой оплаты труда комбайнеров и трактористов колхозы выдали зерновых и картофеля в 2–2,5 раза меньше, чем в довоенном 1940 г. Если же вычесть повышенные заработки механизаторов, то натуральные выдачи рядовым колхозникам по трудодням окажутся еще меньше. Правда, при этом денег на трудодень колхозы заплатили чуть больше — вместо 98 копеек в 1940 г. 1,03 и 1,24 рубля в 1942–1943 гг., что при резком вздорожании продуктов и товаров первой необходимости в период войны абсолютно не имело значения. Такая оплата труда в колхозах в 1942–1943 гг. в среднем обеспечивала каждому наличному члену семьи лишь около стакана зерна и одной картофелины в день, а потребность в овощах удовлетворяла всего на 15–20%[236].

Размеры натуральных выдач на трудодень по стране существенно различались. Например, если за второе полугодие 1943 г. в пострадавших от засухи Куйбышевской, Чкаловской, Саратовской и ряде других областей колхозы в расчете на душу наличного населения заплатили в среднем всего по 20–26 кг зерновых (это означало, что на каждый из 180 дней этого периода на человека приходилось чуть более 100 граммов хлеба), то в Свердловской, Рязанской, Горьковской, Кировской областях — от 50 до 70 кг (соответственно, на день по 275–385 граммов). Понятно, что для пропитания семьи этих выдач зерна никак не хватало. В то же время в Московской области колхозники получили хлеба значительно больше — 92,2 кг, в Вологодской области — 113,9 кг, то есть в среднем уже по 0,5–0,6 кг зерна на человека в день.

В ряде областей Урала и Западной Сибири — Чкаловской, Молотовской, Свердловской, Новосибирской областях, Алтайском крае и других — колхозы за полгода в расчете на одного наличного члена семьи суммарно выдали по трудодням лишь от 1 до 6 кг картофеля. В центральных областях РСФСР, где летом климатические условия сложились удачнее, лучше уродился и картофель. Благодаря этому колхозники Рязанской области получили в среднем на одного члена семьи по 170 кг картофеля, Горьковской области — по 187,2 кг, Московской области — по 336,7 кг. Иными словами, уровень оплаты труда в колхозах разных частей страны зависел не только от общего состояния их экономики, но во многом от погодных факторов, что и предопределило значительные региональные отличия[237].

Обязательным элементом жизни сельского населения, кроме труда в общественном колхозно-совхозном производстве, являлось ведение личного подсобного хозяйства, значимость которого в годы войны значительно повысилась. Труд в нем был еще тяжелее, чем в колхозе, но и эффективность значительно выше. Крестьянское подворье довольно быстро превратилось из второстепенной статьи доходов в главный источник жизнеобеспечения. Даже при полном отсутствии оплаты в колхозе подсобное хозяйство своей картошкой, капустой и другими овощами спасало крестьян от голода. Высшей ценностью, помогавшей семье выживать, считалось наличие коровы. Хотя основной пищей крестьян были хлеб и картофель, но полноценным питание становилось лишь при потреблении молока, которое обеспечивало животным белком и жирами. Корова становилась просто необходимой, когда в семье были дети. «Корова — это всё, без нее и прожить было нельзя», — вспоминали крестьяне военную жизнь[238].

Колхозные семьи, осознавая решающую роль личного подсобного хозяйства в их жизни, старались в период войны уделять ему больше внимания. Но занимались в нем главным образом подростки и старики. В 1944 г. старшие по возрасту члены семей отработали в подсобном хозяйстве от 25% (Вологодская область) до 42% (Куйбышевская область) своего времени, подростки — 10–20%, а у женщин трудоспособного возраста количество времени, отработанное на личном подворье, оказывалось менее 15%. Время, затраченное стариками и подростками в личном подсобном хозяйстве, довольно сильно отличалось по местностям. В Московской и Молотовской областях, например, на это у них уходило по 17–18% общего бюджета рабочего времени; в Горьковской и Куйбышевской областях — 28–30%. У колхозников оставались на свое хозяйство после колхозных работ (особенно в период сева или жатвы) лишь поздний вечер и ночь.

Тот факт, что колхозы резко сократили выдачу хлеба по трудодням, вынуждал крестьян расширить на своем подворье зерновой клин, хотя для этого пришлось сократить посевы под кормовыми культурами, но под овощами и картофелем грядки сохранялись прежними. Общие размеры земельных участков в подсобных хозяйствах колхозников за годы войны несколько увеличились: к 1945 г. их средняя площадь возросла до 0,28 га вместо 0,24 га в 1940 г. Несмотря на сокращение в 1942 г., поголовье скота в колхозных дворах к концу войны тоже достигло предвоенного уровня[239]. Все это подтверждает, что личное хозяйство в годы войны для крестьян имело огромную ценность, так как оно восполняло многое из того, чего не давал колхоз.

Нелегкий труд в подсобном хозяйстве себя полностью оправдывал. Оно почти полностью (до 95%) обеспечивало колхозную семью картофелем, более чем наполовину — разными овощами, а также молоком, мясом и яйцами, которых колхоз вообще не выдавал[240]. Неудивительно, что почти все колхозники стремились держать птицу, корову и по возможности другой домашний скот, несмотря на то что животноводство было наиболее трудоемкой отраслью личного подсобного хозяйства и отнимало вдвое больше времени, чем сад и огород.

В отдельную проблему превратилась в войну заготовка кормов для главной кормилицы — коровы. Своего зерна крестьяне не имели и даже расширение в войну зернового клина на их частных огородах в сочетании с тем малым, что давал колхоз, не покрывало всей потребности в хлебе, так как часть зерна уходила на корм скоту и птице. Сена до войны по трудодням выдавалось вполне достаточно, но в войну его выдача практически прекратилась. Крестьяне находили разные варианты выхода из такого нелегкого положения.

Несмотря на малые размеры хозяйства колхозного двора и его в основном потребительский характер, далеко не вся продукция личного подсобного хозяйства уходила на внутрисемейное потребление. На колхозниках лежала нелегкая обязанность государственных налогов, при этом частично выплачиваемых в денежной форме. Чтобы получить необходимые средства, они выносили на рынок часть продукции из подсобных хозяйств, что нередко заставляло ограничивать себя и детей в продуктах. За период 1941–1944 гг. доля средств, полученных от реализации на колхозном рынке продукции подсобных хозяйств, согласно официальным данным Госплана СССР, увеличивалась. Среди поступлений (зарплата, пенсия, пособие от

выигрышей, а также другие доходы) удельный вес доходов сельского населения от рыночных продаж составлял в 1941 г. — 35%, в 1942 г. — 63%, в 1943 г. — 76,5%, всего за три квартала 1944 г. — 78,7%. Но чтобы не создавалось впечатления, что в войну колхозники зарабатывали большие деньги на продаже дефицитного продовольствия, отметим, что суммарно все денежные суммы, поступавшие в сельские семьи от разных видов источников, включая рыночные продажи, были заметно ниже доходов «несельскохозяйственного населения». Так, суммарные денежные поступления сельских семей составляли в 1941 г. 33,5% от общих денежных поступлений городского населения, в 1942 г. — 52,1%, в 1943 г. — 32%, в первые три квартала 1944 г. — 68%[241].

Колхозное крестьянство на случай продовольственных затруднений во время войны государством «подстраховано» не было, поскольку оно само являлось главным производителем продовольствия в стране. Сложившаяся в стране система распределения продовольствия не давала колхозникам никаких преимуществ, и их собственное продовольственное положение в отдельные годы во многих областях складывалось очень тяжело. «Деревня всю войну жила голодно, вплоть до отмены карточной системы (декабрь 1947 г.)», — вспоминали пережившие войну крестьяне. Нехватка продовольствия ощущалась все время, что отражалось на повседневном питании крестьянских семей как по набору продуктов, так и объему потребления. «Мы не верили, — заявляли крестьяне, — что когда-нибудь досыта наедимся картошки, хлебушка, каши»[242].

Тяжелое материальное положение крестьян негативно отражалось на их питании, с каждым военным годом самоограничение возрастало. При этом сельские семьи старались помочь продовольствием еще и своим родственникам, живущим в городах. На счету были каждый килограмм картошки, каждая горсть зерна, особенно после тяжелейших государственных продовольственных заготовок 1942–1943 гг. Основу крестьянского рациона составляли хлеб и картофель, но даже хлеба потреблялось меньше, чем до войны. В 1943 г. в ряде тыловых областей страны потребление крестьянами хлеба, крупы и бобовых по сравнению с 1940 г. уменьшилось почти вполовину. В Новосибирской области на каждого члена колхозной семьи в день приходилось менее 220 граммов хлеба, в Тамбовской области — 310 граммов, в Алтайском крае — 317 граммов, в Свердловской и Куйбышевской областях — по 350 граммов. Скудных запасов хлеба до начала лета хватало лишь немногим семьям, при выпечке приходилось добавлять различные примеси: картофельные очистки, жмых, лебеду, мякину и прочее. Из зерна часто варили жидкие каши, получая сразу первое и второе блюдо.

Недостаток зерновых деревня возмещала «вторым хлебом» — картофелем с приусадебного участка. Его общее потребление сельским населением страны за войну возросло примерно на одну треть, а в некоторых районах и больше. Увеличенным потреблением картофеля во всех видах (вареного, печеного, жареного) жители села компенсировали общую нехватку хлеба и круп. Например, ежедневно в течение января 1943 г. в Алтайском крае, Башкирской АССР, Куйбышевской, Свердловской, Новосибирской и других областях один член колхозной семьи потреблял в среднем от 1 до 1,5 кг картофеля. Картофель, часто с луком, огурцом, капустой или грибами, олицетворял обычный крестьянский рацион военного времени. Выручали и овощи со своего участка, в южных районах — еще фасоль, горох и кукуруза. При этом дневное потребление колхозниками овощей, даже с учетом, что не хватало хлеба и картофеля, в среднем по стране составляло от 120 до 400 граммов в день.

В рационе питания сельских жителей в эти годы особенно сократилось содержание белков, жиров и витаминов. Потребление мяса и сала резко упало: например, в 1943 г. в среднем по РСФСР их было употреблено на уровне около 20% от 1940 г., а яиц — в два раза меньше. В войну мясо и сало в ограниченном количестве появлялись на крестьянском столе редко, лишь в зимнее время и по большим праздникам. Так, даже в начале 1943 г. мяса и сала в расчете на одного человека было употреблено в Тамбовской области всего около 14 граммов, в Алтайском крае, Новосибирской и Свердловской областях — 76 граммов, а одно яйцо съедалось не чаще, чем раз в три-четыре дня. Таких ценных продуктов питания,

как масло животное, сметана, творог, рыба, колхозники получали очень мало. Правда, летом и осенью они больше потребляли молока, яиц, овощей и фруктов[243]. Если учесть, что колхозники очень много и тяжело работали физически, то следует признать, что потребление ими полноценных и калорийных продуктов животного происхождения было совершенно недостаточным. Очень трудно приходилось многодетным семьям, где из работников была только мать с малолетними детьми.

В войну особенно сократилось потребление продуктов фабричного производства: сахара, кондитерских и колбасных изделий, рыбы, спиртных напитков, табака и прочего. Например, колбасы заводского изготовления в июле 1943 г. в расчете на 100 хозяйств было съедено всего 200 граммов, папирос выкурено 82 штуки, водки выпито 10,1 литра. Из данных бюджетных исследований видно, что в этот месяц в среднем на 100 колхозных семей (350–380 человек) было потреблено менее 1 кг (0,9 кг) сахара и 200 граммов кондитерских изделий, правда, крестьяне по возможности заменяли их сахарином, свеклой, а то и медом. Вместо чайной заварки использовались настои из листьев или трав.

Таким образом, несмотря на поступление основных продуктов от приусадебных хозяйств, питание сельских жителей в годы войны в качественном и количественном отношении было явно недостаточным. Их дневной рацион стал более ограниченным и однообразным.

В середине войны продовольственная ситуация в сельской местности пострадавших от недорода областей обострилась до крайней степени, засуха и неурожай, естественно, затронули не только колхозы, но и личные хозяйства колхозников. В это время сельскохозяйственное производство находилось в особенно трудном положении, улучшение наступило лишь на заключительном этапе войны. В 1943 г. все, что удалось вырастить и собрать на колхозных полях, сразу же в порядке обязательных заготовок было отправлено в закрома государства. Например, в Красноярском крае по состоянию на 25 октября 1943 г. зерновых уродилось настолько мало, что даже по государственным поставкам было сдано всего 15% от запланированного. Аналогичная ситуация складывалась и в других тыловых областях[244].

В пострадавших районах положение с продовольственным обеспечением сельского населения достигало критической черты. С осени среди сельских жителей в районах, задетых военным голодом, стала распространяться дистрофия. По 13 районам только одной Молотовской области за пять месяцев 1944 г. было зарегистрировано почти 14 тыс. больных дистрофией. В одном из отчетов подчеркивалось, что эта цифра неполная, поскольку в нее не вошли сведения по остальным сельским районам области[245].

В июле 1944 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в докладной записке, направленной сразу в несколько инстанций — в ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б), сообщал о страшных последствиях «значительного недорода сельскохозяйственных продуктов в 1943 г. в Алтайском крае»: «Зарегистрировано значительное количество смертных случаев от истощения. В Карасукском районе с начала 1944 г. умерло от истощения 73 человека. В колхозах «Сибиряк», им. А. Микояна и «Просвет» Андреевского района в феврале — марте сего года умерло от истощения более 30 человек, в большинстве дети. В Панкрушихинском районе зарегистрировано 8 смертных случаев от истощения. В Завьяловском районе имеется 35 семей, члены которых сильно истощены и потеряли трудоспособность»[246].

Особенно тяжело переживали зиму 1943–1944 гг. жители регионов, освобожденных Красной армией от фашистской оккупации. Сказывались тяжелые последствия временного хозяйничанья завоевателей. Экономический потенциал колхозов и крестьянских хозяйств, находившихся на временно оккупированной врагом территории, был основательно подорван. В тяжелых военных условиях выживали лишь благодаря многовековому опыту деревни, не понаслышке знакомой с голодом. Из «подножного корма» готовили множество блюд, мололи кости и заправляли этим супы, в кашу добавляли кору деревьев и траву. Не удивительно, что во многих областях фиксировались случаи безбелкового опухания детей, пухли от голода старики и женщины, некоторые не могли ходить от истощения. И все же голод военного времени, в отличие от голода начала 1930-х гг., имел локальный характер и не распространился на все тыловые районы[247].

Советское правительство по мере возможности оказывало помощь особо нуждавшимся жителям села. Например, Орловский обком партии в связи с тяжелейшим продовольственным положением колхозников в пострадавших от немецкой оккупации районах обратился в конце 1943 г. в Наркомат торговли СССР с просьбой отпустить им 1 тыс. тонн продовольственного хлеба и столько же картофеля. Эта просьба была удовлетворена — семьи орловских колхозников только за три первых месяца 1944 г. получили в порядке социальной помощи 5,1 тыс. центнеров хлеба, 704 тонны картофеля.

В мае 1944 г. государственную продовольственную помощь получило также население Марийской АССР, пострадавшее от неурожая. Колхозники там практически не получали зерна на трудодни, за исключением небольших авансов, выданных во время уборки и обмолота урожая в порядке стимулирования труда. Не имея хлеба, они употребляли в пищу различные суррогаты, что вызывало массовые случаи опухания и даже смерти. Колхозникам Марийской республики было дополнительно отпущено 5 тыс. тонн овса, 200 тонн муки, хотя даже месячная потребность в ней была в 10 раз выше.

В июне 1944 г. советское правительство отпустило Ульяновской области на следующий месяц сверх рыночных фондов 500 тонн муки для снабжения сельского населения, а Наркомат продовольствия СССР выделил еще 100 тонн муки. Для нужд населения Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, пострадавших от недорода, также было отгружено значительное количество хлебопродуктов. Подобная помощь продовольствием оказывалась и другим областям страны[248]. И хотя она не покрывала реальных потребностей сельского населения, все же многих жителей села спасала от голодной смерти.

В период Великой Отечественной войны, несмотря на огромные лишения, разного рода трудности, со всей полнотой раскрылся мощный духовно-нравственный потенциал советского крестьянства. Его основу составляли такие высокие нравственные ценности, как патриотизм, гордость за исторические победы русского оружия, преемственность поколений, а также религиозность, терпение и милосердие. Эти фундаментальные качества помогли сцементировать единение народа с тогдашним руководством СССР во имя достижения победы над врагом. Потрясения, пережитые страной в начале войны, сделали каждого гражданина страны активным участником общей борьбы с фашизмом.

Советское крестьянство вместе со всеми гражданами страны глубоко осознавало огромную важность победы в войне не только для всей страны, но и для себя лично. Ради нее оно было готово не только на вооруженный отпор врагу на полях сражений, но еще и упорным повседневным трудом оказывать действенную помощь фронту, снабжая его продовольствием. Помимо выполнения своих главных патриотических функций в Великой Отечественной войне жители советской деревни оказывали и другие виды помощи Красной армии.

С самого начала войны крестьянство безвозмездно в порядке помощи фронту отдало лучшую часть движимого колхозного имущества. Еще летом 1941 г. большинство хозяйств страны передало в распоряжение Красной армии немало своих лошадей, тракторов и грузовых автомобилей, прекрасно осознавая, насколько сильно без этих механизмов и живого тягла утяжелится работа в колхозах. Наряду со сдачей плановых заготовок сельскохозяйственной продукции, являвшихся главным взносом работников колхозов и совхозов в продовольственные закрома государства, они еще и добровольно жертвовали собственные средства в Фонд обороны.

Сразу после нападения фашистской Германии вместе с призывниками из всех советских республик, не затронутых военными действиями и оккупацией, к фронту потянулись продовольственные обозы с хлебом, овощами и мясом. Ежедневно от сельских жителей на склады райпотребсоюзов поступали добровольные пожертвования значительных объемов сельскохозяйственных продуктов из личных хозяйств для Фонда обороны. Важно подчеркнуть, что обычно крестьяне сдавали туда далеко не лишние, а самые необходимые, а порой и последние продукты. К началу июля 1941 г. сельские труженики Борисоглебского района Ярославской области внесли в Фонд обороны 42 тыс. 770 рублей личных средств, 12,5 тыс. яиц, около 3 тыс. литров молока и много других продуктов, выращенных на собственных

подворьях. К весне 1942 г. в Фонд обороны от колхозов и отдельных крестьян поступило 382,2 тыс. тонн зерновых, 3,6 тыс. тонн сена, 84,1 тыс. тонн шерсти, 813 тонн кож (крупных) и сотни тысяч рублей[249].

Наряду с этим колхозники всех советских республик передавали в Фонд обороны значительную часть поголовья продуктивных животных. Туркменская ССР еще до конца 1941 г. направила около 15 тыс. голов мелкого рогатого скота; крестьяне Дагестанской АССР — свыше 2 тыс. овец; колхозники Алтайского, Красноярского краев, Иркутской, Новосибирской, Омской и Читинской областей в 1942 г. в общей сложности сдали в Фонд обороны 12,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 36 тыс. овец и коз; колхозы Азербайджанской ССР поставили на откорм для последующей сдачи в Фонд обороны свыше 6 тыс. голов различного скота. Всего же по стране за 1942–1943 гг. от колхозников в Фонд обороны поступило 114,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 263,1 тыс. овец и коз, 42,7 тыс. свиней, свыше 90 тыс. прочего скота.

В 1944 г. к этому движению присоединилось колхозное крестьянство освобожденной Украины, тоже вступившее во Всесоюзное социалистическое соревнование за сверхплановую сдачу продуктов в Фонд Красной армии, взяв обязательство для этого дополнительно заготовить 15 млн пудов хлеба. Фактически же украинские колхозники сдали в этот фонд 33 млн пудов зерна и 16 млн пудов картофеля. Всего же со времени освобождения и вплоть до окончания Великой Отечественной войны ими было внесено в Фонд Красной армии 175 млн пудов зерна, свыше 86 млн пудов картофеля, 1,7 млн пудов мяса и другой продукции[250]. Все это в сочетании со взносами колхозников из других союзных республик создавало мощную продовольственную базу для организации питания рядового и командного состава действующей армии.

Величайшая самоотверженность колхозного крестьянства и совхозных рабочих проявлялась не только в героическом труде во имя победы над фашистами и сдаче продовольствия в Фонд обороны. Они активно включались и во все патриотические начинания по оказанию помощи Красной армии.

Буквально через полтора месяца с начала войны газета «Правда» сообщала о начавшемся массовом сборе средств, продовольствия и драгоценностей[251]. По всей стране колхозники для фронта сдавали личные накопления, семейные реликвии и драгоценности. Например, в Туркменской ССР за период 1941–1943 гг. они внесли в Фонд обороны свыше 7 тыс. кг различных изделий из серебра; в Азербайджанской ССР — 952 кг серебра и 14,3 кг золота; в Бурятской АССР — около 150 кг серебра и золота; в Западном Казахстане колхозники вместе со всеми жителями республики сдали 116 кг серебра, 1,2 кг золота и платины, а также 11 млн рублей деньгами и облигаций на 12,5 млн рублей[252].

Значительные денежные средства сдавало государству крестьянство и в виде добровольных взносов. Наиболее ярким проявлением патриотизма стал массовый сбор денежных средств на строительство боевой техники, который тоже проходил в рамках общенародного движения по созданию Фонда обороны. Во время битвы под Москвой рабочие и колхозники Оренбургской области начали собирать деньги на танковую колонну имени В. Чкалова, которая была построена уже к середине 1942 г.

Особый размах сбор личных средств на строительство вооружения приобрел в конце 1942 — начале 1943 г. в связи с разгромом немецких войск под Сталинградом. По почину тамбовских колхозников, пожертвовавших 40 млн рублей личных сбережений на строительство танковой колонны, подобные взносы из личных средств делали колхозники во многих областях страны. Благодаря этому Красная армия пополнилась построенными на пожертвования крестьян несколькими танковыми колоннами, среди которых были «Тамбовский колхозник», «Алтайский колхозник», «Воронежский колхозник», «Колхозник Татарии» и другие. Благодаря собранным саратовскими колхозниками денежным средствам в сумме 33 млн рублей в декабре 1942 г. началось строительство эскадрильи боевых самолетов.

К середине января 1943 г. в стране уже не оставалось области, края или республики, крестьянство которых не внесло бы немалых денежных сумм на строительство боевой техники для Красной армии. Но именно тамбовские и саратовские колхозники были первыми, кому

от имени Красной армии выразил благодарность лично Верховный главнокомандующий И. В. Сталин. В дальнейшем тексты подобных благодарностей в адрес трудовых коллективов и отдельных лиц, внесших крупные суммы на строительство танков и боевых самолетов, публиковались в центральных газетах, что еще больше поднимало волну народного патриотизма в стране.

На цели укрепления обороны Отечества с декабря 1942 по март 1943 г. было внесено свыше 7 млрд рублей, из которых больше половины — 4 млрд поступило от колхозников. На всем протяжении войны в Фонд обороны продолжали приходить значительные средства от колхозного крестьянства. Осенью 1943 г. колхоз «Огородный гигант» Ленинского района Московской области пожертвовал 500 тыс. рублей на строительство танковой колонны, в том числе 200 тыс. — от колхозников в порядке аванса в счет заработанных трудодней. Активно подключалось к сбору средств и крестьянство освобожденных от оккупации областей. Несмотря на огромные разрушения и потери, украинские крестьяне тоже внесли крупные денежные суммы, благодаря которым были построены танковые колонны «Звільненна Дніпропетровщина», «Колхозник Сумщины», авиационная эскадрилья «Колхозник Донбасса» и другие. Крупные суммы поступали и от населения Белоруссии, Молдавии, Карелии и республик Прибалтики[253].

Невозможно перечислить все формы помощи, проявленной жителями села по отношению к Красной армии, отдельным семьям фронтовиков, инвалидам войны, эвакуированному населению, детям, потерявшим родителей. Большой вклад внесли сельские женщины: помимо своего практически бескорыстного труда в колхозах и совхозах они стремились окружить материнской заботой бойцов Красной армии, в рядах которой сражались и их сыновья и братья. Сбор и отправка теплых вещей на фронт для бойцов-красноармейцев получили на селе значительное распространение, так как деревня располагала большими возможностями для сбора такого сырья, как шерсть и овчина. Во многих сельских районах открывались мастерские по выделке овчины и производству валенок. Крестьянки вязали рукавицы, носки и другие теплые вещи, которые отсылали на фронт. Например, в Павлодарской области Казахстана в сентябре 1941 г. колхозники собрали и сдали на склады 133 полушубка, 893 пары валенок, 43 пары меховых рукавиц, 753 пары шерстяных варежек и перчаток. В селах работали мастерицы, изготовлявшие телогрейки и ватные брюки для посылки на фронт[254]. Благодаря такой помощи советские войска встречали очередную военную зиму в теплой одежде и обуви.

Колхозники стремились помочь также семьям воевавших на фронте красноармейцев и краснофлотцев. Осенью 1942 г., в преддверии 25-летнего юбилея Красной армии, по почину учителей и колхозников села Федякино Рязанской области в стране зародилось патриотическое движение по оказанию помощи семьям бойцов и командиров Красной армии. Повсеместно создавались комитеты помощи, проводившие работу по обеспечению детей фронтовиков одеждой и обувью, приобрести которые в магазине в это время было невозможно. В Новосибирской области школьники, в том числе и проживавшие в сельской местности, получили через школу 1 тыс. пальто, 2,5 тыс. пар обуви, 2,6 тыс. костюмов и других вещей. В Свечинском районе Кировской области специально для нуждающихся детей из семей фронтовиков в школе были организованы горячие завтраки, для чего колхоз выделил 53 центнера картофеля, 43 центнера гороха, 15 центнеров крупы, 856 кг мяса, 943 кг овощей, 38 кг масла, а также сотни литров молока и других продуктов. В Ивановской области в порядке помощи дополнительное питание и дрова получили свыше 96 тыс. семей красноармейцев и командиров Красной армии[255].

В силу своей многочисленности колхозники, крестьяне-единоличники и работники совхозов несли основное налоговое бремя по наполнению государственной казны СССР материальными и денежными ресурсами. В связи с войной все натуральные и денежные сборы с крестьян были существенно повышены государством. Уже с июля 1941 г. была введена «военная» надбавка к сельхозналогу — сразу в размере 100%, что означало его удвоение. От этой надбавки полностью освобождались лишь те семьи колхозников и крестьян-единолич-

ников, от которых в рядах Красной армии или флота служили не менее двух бойцов. С начала 1942 г. «военная надбавка» была заменена военным налогом, который распространялся на всех граждан СССР в возрасте старше 18 лет, за исключением военнослужащих и членов их семей, а также лиц пенсионного возраста. По военному налогу колхозники и единоличники выплачивали от 150 до 600 рублей в год за каждого взрослого члена домохозяйства. Правительство СССР в 1,5 раза повысило размер военного налога и для тех граждан призывного возраста, которые по уважительной причине не были мобилизованы в РККА или ВМФ. Максимум выплат колхозниками по военному налогу пришелся на 1943 г. — каждая семья в среднем по СССР внесла 840 рублей против 540 рублей в 1944 г. и 600 рублей в 1945 г.

В годы Великой Отечественной войны существенно выросло и натуральное налогообложение крестьянства. В июне 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР были повышены ставки сельскохозяйственного налога, действовавшие с 1939 г., в том числе и на продукцию личных подворий. Нормы облагаемого дохода от сельскохозяйственных источников устанавливались конкретно для каждой республики и области. Например, в РСФСР они были увеличены по зерновым — в 5 раз, по картофелю — в 4,5 раза, по овощам — в 4,8 раза, по коровам — в 3,5 раза, по овцам и козам — в 4,3 раза, по свиньям — в 3,8 раза. В итоге общий размер этого налога возрос примерно в 4 раза.

Однако впоследствии государство несколько уменьшило натуральные налоги с приусадебных участков, чтобы хотя бы отчасти компенсировать потери колхозников в связи с резким падением стоимости колхозного трудодня. Поэтому если в 1943 г. каждое хозяйство на уплату сельскохозяйственного налога в среднем по стране израсходовало 603 рубля вместо 150 рублей в 1940 г., то в последующие годы этот налог снизился. Но не везде: например, в Новосибирской области сумма налога в расчете на один колхозный двор в 1943 г. возросла в 6,4 раза — со 154 до 992 рублей. Особенно тяжелым бременем являлись мясопоставки и сдача молока государству — по 300 литров в год с коровы. Характерно, что даже те хозяйства, в которых не было коровы, от мясопоставок не освобождались. Все это приходилось покупать у других[256].

Расчеты по денежным платежам выглядели проще, налог по самообложению и окладное страхование практически не менялись на всем протяжении войны. Естественно, платило сельское население и установленный в ноябре 1941 г. для всех граждан СССР налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан в размере 100 рублей в год с каждого совершеннолетнего члена семьи. С 1944 г. он уже распространялся и на категорию малосемейных граждан, то есть имевших не более двух детей. Если у колхозников, единоличников и других граждан, входивших в состав хозяйств, облагавшихся сельскохозяйственным налогом, вообще не было детей, они платили по 150 рублей в год, при наличии одного ребенка — 50 рублей, двух детей — 25 рублей[257]. Особенно тяжелы для крестьян были сельскохозяйственный и военный налог, так как требовали серьезных денежных и натуральных средств.

В годы Великой Отечественной войны не менее обременительными для многих сельских семей были и платежи, официально относившиеся к разряду добровольных пожертвований. Ежегодно на протяжении 1942–1945 гг. государство выпускало облигации военных займов СССР, средства от которых тоже в основном шли на строительство боевой техники. К покупке государственных облигаций по займам местные власти стремились привлечь как можно больше колхозников и единоличников, даже тех, кто формально освобождался от всех налогов и сборов, как, например, семьи фронтовиков. Общие суммы, внесенные сельским населением в качестве подписки на военные займы, составили свыше 30 млрд рублей, а вместе с колхозами и промысловыми артелями — почти 36 млрд. К 1944 г. подписка на военные займы среди жителей деревни по сравнению с 1941 г. выросла в 5 раз, а в городе — всего в 2 раза. Крестьяне искренне стремились помочь государству. Военные займы явились убедительным свидетельством высокого патриотизма, сознательности советского крестьянства, не жалевшего средств для скорейшего разгрома фашистских захватчиков. Активное участие крестьянства во всех формах оказания помощи фронту убедительно свидетельствовало о его преданности Родине.

В годы войны сельский быт серьезно изменился, прежде всего значительно сократилась торговая сфера, поскольку основная часть материальных ресурсов преимущественно уходила на удовлетворение потребностей фронта. В условиях, когда первоочередной задачей промышленности стало всемерное обеспечение армии, гражданское население тыловых районов столкнулось с острой нехваткой предметов первой необходимости, начиная от одежды и обуви и вплоть до мыла, керосина, соли и спичек. Для снабжения его промышленными товарами были введены строгие государственные нормы продаж всех видов тканей, кожаной, валяной и резиновой обуви, швейных изделий, трикотажа, часов, мыла и некоторых других предметов повседневного спроса. Товарный голод возник в войну в связи с резким сокращением поставок сельскохозяйственного сырья, создавшимся в результате немецкой оккупации территорий с высокоразвитым аграрным производством, поставлявшим в том числе и сырье для легкой промышленности. Из-за этого выпуск льняных и хлопчатобумажных тканей сократился в 2,5 раза, а кожаной обуви — в 4 раза. И несмотря на то что с 1943 г. производство товаров широкого потребления стало отчасти восстанавливаться за счет заработавших в эвакуации предприятий, а позже и в освобожденных районах, его общий уровень был далек от довоенного. В стране по-прежнему мало производилось всех видов тканей, трикотажных и чулочно-носочных изделий, резиновой и кожаной обуви и прочего[258].

Особую нужду в товарах повседневного спроса испытывали эвакуированные семьи, а также сельское население освобожденных районов. Теплые мужские и женские пальто, равно как меховые изделия и валенки в продаже отсутствовали. Имевшихся на государственных складах запасов не хватало, необходимо было изготовлять одежду, обувь, белье и одеяла. Местные власти пытались помочь эвакуированным гражданам страны из своих фондов. Например, в 1942 г. и первом квартале 1943 г. исполком Вологодской области выделил эвакуированным 10 тыс. пар валенок, до 15 тыс. пар кожаной обуви, 3730 пальто и немало других предметов одежды и домашнего обихода.

Однако товарный голод лишь усиливался, закономерным следствием его становился рост цен[259]. Суровой зимой 1941–1942 гг. на Урале и в Сибири огромная масса населения, прибывшего из западной части СССР, оказалась в летней одежде и обуви. Страна не могла дать всем переселенцам необходимые теплые вещи, так как первоочередной задачей было снабжение армии полушубками и меховыми шапками-ушанками. В первое время прибывшим в сельскую местность горожанам выдавались ватные стеганые куртки и небольшие — по 5–10 метров отрезы хлопчатобумажной ткани для пошива одежды и белья. Но даже такую помощь получили немногие. Большинству эвакуированных пришлось довольствоваться тем, что они смогли взять с собой.

В деревнях из-за крайнего недостатка предметов одежды, белья и обуви возобновились домашнее ткачество, изготовление обуви. Действовавшие в войну жесткие нормы снабжения — по шесть метров хлопчатобумажных или льняных и по три метра шерстяных тканей на одного человека в год — не покрывали реальной потребности[260]. Зачастую на всю крестьянскую семью оставались «один полушубок и одни галоши» или одна пара обуви на всех. Крестьяне донашивали старую одежду и обувь или изготовляли их кустарным способом. Крестьянки в такой ситуации традиционно вязали кофты из грубой домашней шерсти, перешивали для себя вещи, принадлежавшие мужчинам, юбки и платья шили из домотканого полотна, одевались часто не по сезону — ситцевые платья носили круглый год, так как теплых шерстяных вещей не было. В Сибири сельское население зимой в основном ходило в ватных стеганках или бараньих полушубках собственной выделки, носило хлопчатобумажные шаровары, пимы ручной катки, на валенки надевали сохранившиеся с довоенной поры галоши или деревянные колодки[261].

В крестьянском быту из-за трудностей со снабжением не хватало самого необходимого: керосина, соли, мыла и даже спичек. Уже в 1941 г., по данным бюджетных обследований, колхозники многих областей смогли приобрести хозяйственного мыла в 2,5 раза меньше, чем в 1940 г., а в 1942–1943 гг. — в 30 с лишним раз меньше, то есть практически не могли его купить вообще, не говоря уже о туалетном мыле. Невозможно было приобрести и керосин[262].

Поэтому в годы войны далеко не в каждом крестьянском доме горела керосиновая лампа, а электричество для большинства превратилось в отдаленную мечту. Деревня во время войны, по оценке тех, кто ее пережил, выглядела строже и беднее.

Особенно удручающе выглядели села в областях, освобожденных от оккупации. В южных районах, где прошли ожесточенные бои, с лица земли исчезли целые села и хутора. Например, в Матвеево-Курганском районе Ростовской области к октябрю 1943 г. из 75 населенных пунктов осталось всего 30. Боевые действия причинили огромный ущерб крестьянским жилищам. Население ютилось в подвалах, блиндажах, так как быстро восстановить жилье было невозможно. В станицах, селах и хуторах почти все дома были разрушены, улицы изрыты траншеями и воронками от бомб.

По воспоминаниям крестьян, переживших войну, жилищно-бытовые условия за эти годы, как правило, сильно упростились и в тыловых областях. Однако в тыловых сельских районах ситуация была другой. Например, в Алтайском крае титаническим трудом женщин-колхозниц поддерживались не только хозяйственные постройки и развитое подсобное семейное хозяйство, но и колхозные поля, сельские улицы. Все делалось коллективно, всем миром. Когда в 1945–1946 гг. в эти села стали возвращаться мужчины, они были поражены общим ухоженным видом сельских поселений[263].

Несмотря на тяготы войны, не прекращалась деятельность культурно-просветительных учреждений. В сельской местности наряду со школой значимыми очагами культуры оставались избы-читальни. Сельские избачи и молодежь оказывали помощь колхозникам при написании заявления или письма на фронт. Скромная должность сельского избача, который вел малозаметную, но очень важную работу, пользовалась в деревне особым уважением. Работа этих важных культурно-просветительных учреждений в войну была серьезно затруднена тем, что у них часто забирали помещения под хозяйственные нужды, для эвакуированных. Во многих избах-читальнях недоставало книг и свежей периодики, что зачастую и становилось главной причиной их закрытия. Но с 1943 г. их работа в деревне заметно улучшилась — к 1944 г., за короткий срок, их общее число возросло почти до 38 тыс., то есть более чем наполовину[264].

Весьма примечательным явлением жизни советской деревни в годы войны стало возрождение религиозного сознания значительной части ее жителей. В годину тяжелейших испытаний и моральных страданий из-за гибели близких более открыто проявлялись чувства верующих, народ стал ходить в храмы, и не только по праздникам. Разумеется, аналогичный вывод можно сделать и применительно к другим категориям населения СССР, но на селе усиление религиозности проявилось значительно ярче. Глубокая религиозность значительной части крестьян была жива, как и культурные традиции христианства, ислама и других религий. Их сторонниками и носителями в деревне выступали прежде всего люди старшего возраста.

Таким образом, важнейшей чертой повседневной жизни советской деревни в период Великой Отечественной войны стало выполнение обязательств колхозов и совхозов по сдаче зерна и другой сельскохозяйственной продукции государству. На восполнение потребностей фронта и тылового населения уходила практически вся продукция, произведенная в общественном сельском хозяйстве. В связи с этим материальное положение самих колхозников в войну резко ухудшилось, поскольку они практически перестали получать в колхозе плату за свой труд. Данное обстоятельство привело к существенному возрастанию роли личного подсобного хозяйства. В итоге сочетание общественного и личного секторов в сельском хозяйстве успешно служило интересам фронта и тыла.

Резкое снижение жизненного уровня сельских жителей проявилось прежде всего в ухудшении питания, общей обеспеченности их предметами первой необходимости и усилении многочисленных бытовых проблем. При этом самым большим испытанием, выпавшим на долю деревни в суровые дни войны, стала не бытовая бедность, в которой они прожили четыре года, а испытание голодом, достигавшим в ряде районов критической черты. Несмотря на всю чрезвычайность обстановки военного времени, не погибли и сельские культурно-

просветительные учреждения. Они продолжали свою деятельность, что тоже подтверждало упорство и энергию крестьян, которые стоически выносили военные трудности, не теряя при этом интереса к общественной жизни.

Жители деревни проявляли массовый патриотизм и огромное самопожертвование, оказывая неоценимую помощь государству в укреплении обороноспособности страны. Они платили высокие государственные налоги, приобретали облигации военных займов, сдавали значительные материальные и денежные средства на нужды обороны. Все это подтверждает, что в годы Великой Отечественной войны крестьянство полностью раскрыло свой высокий духовный потенциал, проявив неиссякаемое трудолюбие, самопожертвование, безмерную выдержку и терпение. В трудный час испытаний оно полностью выполнило свой долг перед страной и фронтом, нелегким трудом приближая общую для всех советских людей Победу.

Демографическая ситуация и забота о детях в военное лихолетье

С жизнью тыла в военные годы связан целый комплекс проблем. Производственная деятельность населения тыловых районов изучена довольно подробно. Значительно менее исследованы повседневная жизнь и быт жителей тыла, положение постоянного населения и эвакуированных, характеристики различных социально-демографических групп.

Динамику численности населения в годы войны трудно проследить из-за несопоставимости территории, меняющейся конфигурации линии фронта. Однако, несмотря на погрешности учета, основная тенденция просматривается все же отчетливо: численность как городского, так и сельского населения в 1941–1945 гг. заметно сократилась (таблица 2).

Таблица 2

Динамика численности населения РСФСР в 1941–1945 гг. (без оккупированных районов)[265]

Год	Тыс. человек			Удельный вес в %	
	Всего	Городское	Сельское	Городское	Сельское
1.01.1941 г.	111 539,4	39 272,5	72 266,9	35,2	64,8
1.01.1942 г.	91 159,9	33 620,2	57 539,7	36,9	63,1
1.01.1943 г.	78 631,0	29 839,2	48 791,8	37,9	62,1
1.01.1944 г.	90 688,5	33 306,9	57 381,6	37,4	62,6
1.01.1945 г.	88 547,7	34 404,0	54 143,7	38,9	61,1
1.05.1945 г.	87 973,5	34 905,5	53 068,0	39,7	60,3

В тыловых районах, не подвергавшихся оккупации, численность населения зависела от воздействия нескольких факторов, соотношение которых и предопределяло колебания численности горожан и жителей деревни: мобилизация мужского контингента в армию и приток эвакуированных и спецэвакуированных в восточные районы; перемещение части сельского населения в города для работы в промышленности, на транспорте и стройках и перемещение части городского населения на жительство в сельскую местность; депортация народов и переселение людей на пустующие после депортации территории Калмыкии, Крыма, бывшей Республики Немцев Поволжья. Существенно влияла на численность населения страны депопуляция, то есть превышение числа умерших над числом родившихся в годы войны.

В центральных районах России численность населения сокращалась особенно резко. Помимо действия таких факторов, как мобилизация в армию и депопуляция, они стали основными районами эвакуации населения. В Москве, например, за период с 1 января 1941 по 1 января 1943 г. численность населения сократилась с 4,4 млн до 2,7 млн человек, в Московской области — с 5,6 млн до 3,6 млн, в Тульской области — с 1,8 млн до 1,7 млн, в Ивановской области — с 2,7 млн до 2,6 млн[266].

Несмотря на приток эвакуированных и спецпереселенцев, общая численность населения уменьшалась и в глубоком тылу — на Урале и в Сибири. Главным фактором сокращения населения этих регионов была мобилизация мужского населения в Красную армию, причем в подавляющем большинстве из сельской местности. Поскольку темпы сокращения численности сельского населения значительно перекрывали темпы роста горожан, общая численность населения тыловых районов страны понижалась. На Урале, в частности, в годы Великой Отечественной войны население сократилось почти на 5%, в Сибири — почти на 10%.

В годы войны значительно возросла смертность населения тыловых районов России. Острая нехватка сельскохозяйственных продуктов, дефицит белков и витаминов в рационе, снижение калорийности питания негативно сказывались на условиях существования и состоянии здоровья людей. В военные годы резко увеличились случаи пищевых отравлений. В целом по СССР их число в период войны выросло в 3,5 раза[267].

Трудное положение сложилось при обеспечении продуктами питания детей. В докладной записке наркома здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякова, составленной в конце 1941 г. для представления в СНК РСФСР, подчеркивалось: «Набор продуктов, предусмотренных продовольственными карточками, не обеспечивает нормального развития ребенка и не создает необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности». Так, в детских яслях Казани в ноябре 1941 г. вместо положенных по норме военного времени 600 граммов масла в месяц дети получали 100 граммов, вместо 15 яиц — 3 яйца, вместо 1 кг крупы — 200 граммов, вместо 600 граммов сахара — 220 граммов, вместо 4 кг картофеля — 1,5 кг. Детские учреждения города в этом месяце не получили ни грамма моркови, капусты, фруктов, ни литра молока. Аналогичное положение сложилось по всей территории страны.

Не лучше была ситуация со снабжением населения тыловых районов промышленными товарами. Жители тыловых районов испытывали острый дефицит одежды, обуви, предметов личной гигиены. Воды не хватало. Бани работали с перебоями, что создавало условия для распространения педикулеза, а следовательно, сыпного тифа.

Интенсивные миграции привели к резкому росту заболеваемости. Железные дороги в 1941–1942 гг. стали главным источником распространения желудочно-кишечных и острых инфекционных заболеваний, в первую очередь тифа. «Основным фактором распространения сыпного тифа является вокзал, — подчеркивалось на сессии Новосибирского горсовета в 1943 г. — Прибывшее по железной дороге население, не подвергаясь обработке, расходится по всему городу. Санитарного шлюза вокзал не имеет». Инфекционная заболеваемость особенно резко увеличилась в тех районах, которые принимали большое число эвакуированных: на Урале, в Поволжье, Волго-Вятском районе, Западной Сибири.

Положение усугублялось особенно на начальном этапе войны еще и тем, что в тыловых районах ослабло медицинское обслуживание. Численность медицинских работников в тыловых районах страны в первые несколько месяцев войны значительно уменьшилась в связи с мобилизациями в действующую армию. В восточных районах страны, куда прибыло большое количество ослабленного контингента, особенно детей и стариков, врачей явно нехватало. Убыль врачей позднее была компенсирована за счет специалистов, прибывших в порядке эвакуации, но в течение всего второго полугодия 1941 г. и частично первого полугодия 1942 г. население тыловых районов страдало от недостатка медицинской помощи и медикаментов, которые в первую очередь отправлялись на фронт. К тому же многие фармацевтические предприятия остались на оккупированной врагом территории. Компенсировать в тылу производство лекарств и медикаментов удалось не сразу.

Конец 1942 — начало 1943 г. характеризуются кардинальным переломом в динамике смертности тылового населения России. Уже с осени 1942 г. преобладающей тенденцией демографического развития стало резкое снижение показателей смертности в тылу. За 1943–1945 гг. общий коэффициент смертности тылового населения РСФСР снизился на 14,5%, и прежде всего это было за счет сокращения детской смертности[268]. Основной причиной сокращения смертности гражданского тылового населения стало уменьшение числа умерших от инфекционных, желудочно-кишечных болезней и болезней органов дыхания (таблица 3).

Таблица 3

Динамика смертности населения Урала и Сибири (число умерших на 1 тыс. человек населения)[269]

Год	Урал	Сибирь
1941 г.	22,8	21,2
1942 г.	26,0	26,0
1943 г.	17,6	18,4
1944 г.	17,9	12,9
1945 г.	10,5	9,9

Снижение показателей смертности в 1943–1945 гг. можно объяснить адаптацией населения к условиям военного времени. Важным фактором снижения смертности стали также меры, предпринимаемые государственными органами как в центре, так и на местах по развитию здравоохранения, медико-фармацевтической промышленности и предельному ужесточению санитарного контроля. О важности, которую придавало руководство страны борьбе с острозаразными болезнями, говорит тот факт, что в Наркомат здравоохранения СССР направлялись ежедневные донесения о каждом случае инфекционных болезней в стране.

Ресурсы на развитие здравоохранения были значительно увеличены, благодаря чему удалось временно нейтрализовать ухудшение условий существования граждан в тыловых районах страны. В СССР были развернуты сотни новых больниц, увеличено производство медицинских препаратов, улучшено обеспечение стационаров топливом, продуктами, медицинским оборудованием. Численность врачей и среднего медицинского персонала в тыловых районах возросла за счет эвакуированных. Немаловажную роль сыграло широкое применение препарата сульфаниламида и антибиотиков, особенно действенных в лечении желудочно-кишечных заболеваний и пневмонии. Нельзя не отдать дань уважения тысячам рядовых врачей, медицинских сестер, фельдшеров, чей самоотверженный труд стал главным фактором преодоления заболеваемости.

Эффективность работы медиков выразилась прежде всего в снижении уровня больничной летальности. Так, за 1942–1945 гг. смертность в больницах городов РСФСР сократилась по скарлатине — почти в 6 раз, по дифтерии — в 2,6 раза, по кори — почти в 10 раз, по коклюшу — более чем в 2 раза, хотя вспышки скарлатины и кори наблюдались в 1944–1945 гг. Уровень летальности по дизентерии и гемоколиту (по материалам 87 городских больниц СССР) за 1943–1945 гг. уменьшился в 2,3 раза, по туберкулезу — на 26%, по крупозной пневмонии — почти в 3 раза[270].

Политика, направленная на повышение эффективности работы органов здравоохранения и ужесточение санитарного контроля, в принципе оказалась успешной. Смертность сократилась, причем смертность среди детей снижалась интенсивнее, чем среди старших возрастах, а у мужчин она уменьшалась быстрее, чем у женщин.

Огромные негативные изменения претерпела в годы Великой Отечественной войны рождаемость в тыловых районах. Основной тенденцией динамики рождаемости в годы войны стало ее резкое снижение. В течение 1941–1945 гг. коэффициент рождаемости со-

кратился более чем в три раза. Самый низкий уровень рождаемости в военный период был зафиксирован в 1943 г., когда ее коэффициент не превышал 9,9%. По СССР в целом (без оккупированных районов) в 1941 г. на свет появились 4,6 млн, в 1942 г. — 2,1 млн, а в 1943 г. — 1,4 млн младенцев. Таким образом, число родившихся в Советском Союзе за 1941–1943 гг. сократилось на 3,2 млн[271].

Рождаемость в тыловых районах страны в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны не только не сократилась, но даже увеличивалась, что отражало тенденции демографического развития предвоенных лет. В период с июня 1941 по июнь 1942 г. на свет появлялись дети, зачатые в промежутке между октябрем 1940 и июнем 1941 г. В итоге в январе 1942 г. коэффициент рождаемости был выше, чем в январе 1941 г. на 24,6%. Сокращение рождаемости в России фиксируется только с марта 1942 г. Всего за один месяц, с марта по апрель 1942 г., рождаемость в стране понизилась на 28%. В декабре 1942 г. общий коэффициент рождаемости был в 3,6 раза ниже, чем в декабре 1941 г. Только в 1944–1945 гг. общий коэффициент рождаемости стабилизировался на предельно низком уровне, не обеспечивающем расширенного воспроизводства населения.

Апрель 1942 г. стал первым месяцем войны, когда на территории СССР (без оккупированных и прифронтовых районов) число умерших превысило число родившихся. С этого времени и до конца Великой Отечественной войны для демографической сферы нашей страны была характерна депопуляция, достигшая максимальных величин в 1943 г. (таблица 4).

Таблица 4

Естественная убыль тылового населения РСФСР в 1941–1945 гг.
(без оккупированных и прифронтовых районов)[272]

Год	Естественный прирост/ убыль
1941 г.	+ 895 711
1942 г.	– 162 895
1943 г.	– 638 327
1944 г.	– 410 378
1945 г.	– 357 065

Причины столь резкого сокращения рождаемости многообразны, и, вне всякого сомнения, к ним необходимо причислить общее понижение уровня жизни. Но еще более значимым фактором, негативно отразившимся на динамике рождаемости, явилась резкая деформация возрастнополовой структуры населения, прекращение брачно-семейных отношений в связи с мобилизацией мужчин в действующую армию и массовым овдовением. Удельный вес мужчин бракоспособного возраста в составе населения в годы Великой Отечественной войны существенно снизился.

Несмотря на тяжелую военную обстановку, многочисленные проблемы, встававшие перед населением тыла, постепенно решались. Налаживались материально-бытовые условия, улучшалось медицинское обслуживание, обеспечивалось снабжение населения товарами первой необходимости и получение нуждающимися жилья, налаживались коммуникации. Работали научные учреждения, вузы, школы, культурно-просветительные учреждения, издавались книги и журналы. Не замирала культурная жизнь.

Особое значение в годы войны приобретала государственная политика по защите и сохранению детства. С первых же дней войны началась эвакуация детей из западных районов страны на восток. Эвакуация проходила в срочном порядке. Из Минска первые эшелоны с детьми начали отправлять уже вечером 23 июня 1941 г. В начале из прифронтовых областей поезда с детьми прибывали в Харьков, Ростов-на-Дону, Сталинград, Сталино и

другие города. Но в силу быстрого наступления противника и отхода советских войск детей спешно отправляли уже в более глубокий тыл в зависимости от предписаний комитетов по эвакуации. В этой обстановке железнодорожный транспорт работал как конвейер: на запад эшелоны везли войсковые части, а после выгрузки этими же эшелонами доставлялись дети в тыл. В каждом составе два вагона или две крытые платформы выделялись для эвакуации женщин с детьми.

В условиях стремительного наступления противника, огромных людских потерь, остро стоял вопрос оказания помощи сотням тысяч детей. Эвакуация велась соответственно утвержденному порядку. Эвакуация из прифронтовой полосы потребовала мобилизации всех сил государственных и советских органов, общественных организаций, органов железнодорожного и водного транспорта. Перед обкомами Горьковской, Пензенской, Рязанской, Кировской, Тамбовской, Воронежской, Молотовской, Куйбышевской областей, а также Татарской, Удмуртской, Чувашской, Мордовской автономных республик была поставлена задача принять меры по расселению и организации питания для эвакуированных детей, оказать помощь железнодорожной администрации по продвижению составов с эвакуированными людьми. Отдельным пунктом значился вопрос о создании оперативных групп в помощь железнодорожной милиции. Осенью 1941 г. в Московской, Рязанской и Горьковской областях были сформированы первые лагеря эвакуированных детей, налаживалось обслуживание детей силами комсомольцев, учащихся, домохозяек[273].

Вопросы размещения и содержания детей в детских учреждениях, организации патронирования и борьбы с детской безнадзорностью обсуждались 3 сентября 1941 г. на заседании Комиссии по текущим делам Совнаркома СССР. СНК СССР своим распоряжением в этот же день обязал Наркомфин СССР отпустить 30 млн рублей из союзного бюджета целевого назначения на содержание детей в детских учреждениях, эвакуированных из других союзных республик[274]. Тем самым удалось предотвратить целый ряд трудностей, которые неизбежно влекла за собой эвакуации огромного потока населения, в первую очередь эпидемий, массовых преступлений и прочего.

Несмотря на то что забота об эвакуированных детях была в поле зрения государственных и общественных организаций, далеко не все было безупречно в этой работе. 3 декабря 1941 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О фактах пренебрежительно-бюрократического отношения комсомольских организаций к эвакуированным детям». Последовала немедленная реакция. Центральный Комитет ВЛКСМ потребовал, чтобы «комсомольские организации взяли в свои руки дело обслуживания эвакуированных детей»[275]. Были намечены конкретные задачи, и все последующие военные годы велся жесткий контроль по их выполнению.

Проанализировав сложившуюся ситуацию на транспорте, СНК СССР и ЦК ВКП(б) в ноябре 1941 г. приняли постановление «Об улучшении обслуживания, размещения и трудового устройства эвакуированного населения»[276]. Для размещения эвакуированного населения разрешалось производить уплотнение населения, а в тех местах, где не было достаточной жилой площади, рекомендовалось организовать строительство утепленных бараков и землянок. СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили считать «дело обслуживания, размещения и трудового устройства эвакуированного населения... одной из важных политических задач». По предложению первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова в этом постановлении были усилены пункты, касающиеся обустройства эвакуированных детей[277].

Дети вывозились в тыл железнодорожным транспортом, в отдельных случаях автогужевым или водным. Редко, но были случаи, когда дети должны были добираться пешком до места назначения[278]. В 1941–1942 гг. было вывезено 976 детских домов с 167 223 воспитанниками. С территории Украины с начала войны вывезли 257 детдомов, с территории Белоруссии — 132 детдома. Так, в Омской области было размещено 23 детдома и 79 интернатов, в Пермской области — 105 детдомов на 5 тыс. воспитанников, в Татарской АССР — около 100 детских учреждений[279]. Учитывая благоприятные природные условия, значительное количество эвакуированных детей было размещено в Башкирской АССР. На Урале, в Подмосковье и других районах работали детдома для детей из Прибалтики[280].

Маленькие дети возле разрушенного дома в Белоруссии

В руинах белорусской деревни Лозоватка

Дети у могил советских бойцов, павших в боях за освобождение Ржева

Война осиротила многие семьи. С августа 1941 до середины 1943 г. в Казахстан было эвакуировано 149 детских домов и 16 московских школ-интернатов. Широкую поддержку в республике получил призыв группы видных деятелей культуры вернуть эвакуированным детям «детство, заменить семью, окружить заботой, материнской лаской». Широкое распространение получало шефство рабочих коллективов над детскими домами. Детские сады также размещали у себя эвакуированных детей. Женщины обращались с просьбой дать им на воспитание и усыновление оставшихся без родителей детей. На конец войны в Казахской ССР имелось 179 детских домов, в которых воспитывались 27,6 тыс. детей, оставшихся без родителей. Всего за годы войны в детские дома Казахстана были приняты 93 153 человека[281].

В Киргизскую ССР с ноября 1941 по сентябрь 1942 г. было эвакуировано 48 детских домов. В Свердловской области разместились 62 детских дома, главным образом из Украинской и Карело-Финской ССР, Ленинградской, Московской и Калининской областей общей численностью 11 200 человек. За период Великой Отечественной войны в Свердловскую область прибыли более 19 тыс. детей. При этом общая сеть детских домов в области увеличилась в 3,5 раза, до войны в области было 24 детских дома. Вопрос обустройства и размещения в этой области, как и в других, решался следующим образом: часть прибывшего контингента детей вливалась в коллективы существовавших местных детских домов, часть размещалась в бывших домах отдыха и санаториях, а остальных заселяли во вновь приспособленных помещениях. Открытие вновь созданных детских домов происходило, главным образом, в сентябре — декабре 1941 г.[282]

Из ряда районов Белоруссии эвакуация детей проходила под обстрелом врага. Всего за первые две недели войны из республики были вывезены около 14 тыс. детей[283].

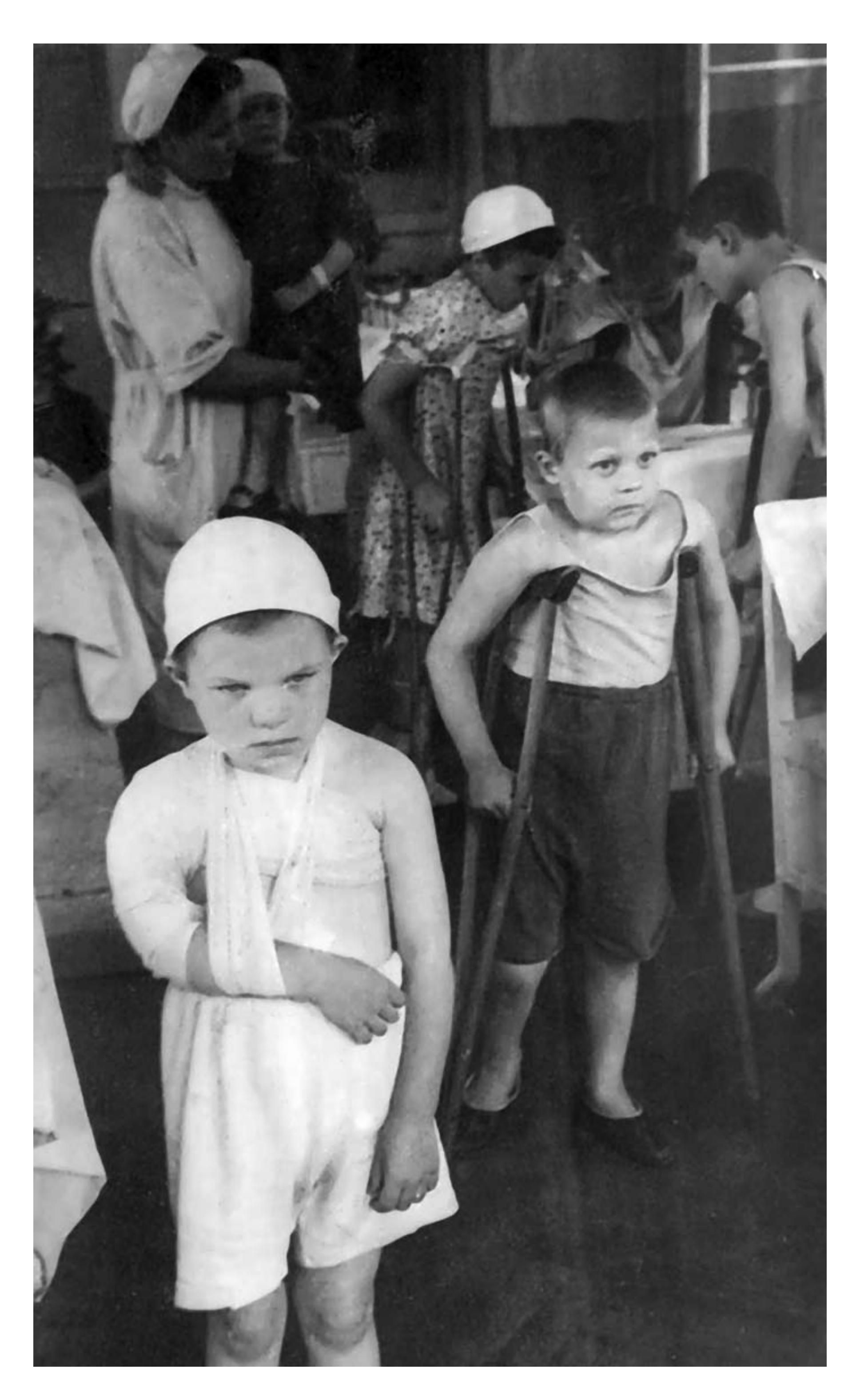
Из Ленинграда в первые десять дней войны были вывезены в Ярославскую, Кировскую, Свердловскую области свыше 150 тыс. детей. К началу блокады из города удалось отправить в Удмуртскую и Башкирскую АССР, Ярославскую, Пермскую и Актюбинскую области более 311 тыс. детей. На 10 августа 1942 г. только в Ярославской области находилось 112 детских домов и 56 интернатов, в которых проживали 20 676 эвакуированных детей из Ленинграда и Ленинградской области. Кроме того, в области имелось 18 местных детских домов общей численностью 4 тыс. детей[284]. Эвакуация женщин и детей из Ленинграда продолжалась и в 1942–1943 гг. Всего за навигацию 1942 г. по Дороге жизни через Ладожское озеро были вывезены свыше 130 тыс. детей[285]. Последняя отправка 1300 детей в тыловые районы состоялась 16 июня 1943 г.

В конце июня 1941 г. началась эвакуация женщин и детей с Украины. В течение июля морским транспортом из Одессы были вывезены 40 тыс. детей. В сентябре 1941 г. из Харькова в Саратовскую, Сталинградскую области и Казахскую ССР выехали 100 тыс. женщин и детей[286].

В течение первой недели войны из Литвы были эвакуированы 42,5 тыс. человек, почти столько же из Латвии. Все они направлялись в Ярославскую, Ивановскую, Вологодскую, Пермскую области и другие тыловые районы страны. В связи со сложной обстановкой на ленинградском направлении эвакуация женщин и детей из Эстонии проводилась только морским путем. Всего из республики были эвакуированы около 60 тыс. человек.

Эвакуация детей из Москвы в составе интернатов, детдомов и детсадов, а также детей с родителями началась в июле 1941 г. В первую очередь вывозили детей младшего возраста и школьников начальных классов, а с сентября было решено продолжить эвакуацию детей среднего и старшего школьного возраста. Только в течение октября 1941 г. из Москвы были эвакуированы около 500 тыс. детей[287]. В декабре 1941 г. в Москве в бомбоубежищах работали детские сады. К началу 1942 г. в связи с разгромом фашистских войск под Москвой необходимость в дальнейшей массовой эвакуации населения из столицы отпала.

Из западных регионов на восток страны были эвакуированы десятки тысяч детей: сироты, дети фронтовиков, те, чьи родители были угнаны на Запад или отправлены в концлагеря, потерявшиеся при бомбежках и в ходе эвакуации, а также воспитанники школ-интернатов и

Раненые малыши на лечении в Ленинградском педиатрическом институте

Дети в оккупированном селе Псковской области

Три подружки под окном

Будущие защитники Родины в одном из детских садов Москвы

Брошенная немецкая зенитка в качестве игрушки для советских детей

детских садов, которых нередко приходилось эвакуировать отдельно от родителей. К концу 1942 г. в тыл были вывезены более 107 тыс. воспитанников детских садов и более 150 тыс. учащихся школ-интернатов[288]. Нередко детей привозили на пустое место, без продовольствия, одежды, предметов первой необходимости, фактически возложив ответственность за их судьбу на плечи местного населения.

Так, воспитанников эвакуированного в Йошкар-Олу московского детского сада № 7 фабрики имени Н. Э. Баумана разместили в помещении дома отдыха Лесосплава в 12 км от города. Местные жители тепло встретили детей на станции Куяр, на руках выносили их из поезда. «Были приготовлены баня, обед, чай, — вспоминала позже директор Куярского дошкольного интерната В. В. Суворова, — и через два часа дети, вымытые, накормленные, спали на чистых, удобных кроватях в прекрасном помещении дома отдыха»[289]. Жители г. Пушкино Московской области для эвакуированных из освобожденных районов детей собственными силами отремонтировали помещение, починили мебель, заготовили дрова. Работницы артели «Партизан» и фабрики имени Ф. Э. Дзержинского в свободное от работы время сшили матрацы, белье, детскую одежду. «Позаботились обо всем, — рассказывала позже заместитель директора детдома имени К. А. Тимирязева В. И. Коршунова, — даже теплые мягкие тапочки стояли около каждой кроватки»[290].

Труженики колхоза «Трактор» Чебоксарского района в марте 1942 г. обратились к населению республики: «Немалое количество эвакуированных, а также потерявших своих родителей детей вынуждены жить в детских домах и яслях. Наша святая обязанность заключается в том, чтобы окружить этих детей материнской лаской и заботой... Мы берем шефство над эвакуированными и над детским садом. Ежедневно мы будем выделять для нужд детсада по 30 литров молока, 60 штук яиц. Каждый колхозный двор обязался вырастить по одной курице для детсада. Кроме того, мы обеспечим детсад овощами и картофелем, а также дровами»[291].

Тепло встретили эвакуированных детей крестьяне Ярославской, Костромской и Кировской областей, жители регионов массовой эвакуации — Узбекистана, Грузии, Урала[292]. К августу 1942 г. около 3 тыс. семей Узбекистана взяли на воспитание эвакуированных детей, отказавшись при этом от материальной помощи государства[293]. В Раменском районе Московской области большинство эвакуированных из блокадного Ленинграда семей разместили в частных домах, а для их детей в детских садах были созданы специальные санаторные группы[294].

В условиях военного времени жизнь детей нередко зависела от энтузиазма и инициативности работников детдомов и интернатов. «Галина Лукинична, благодарю Вас за труд и заботу о моих детях и обо всех детях, живущих с ними»; «Как я благодарна Вам и Вашему обслуживающему персоналу за воспитание моего птенчика, моей любимой дочурки Милочки!» — писали работникам детдомов фронтовики и труженики тыла, не имевшие возможности самостоятельно заботиться о своих детях[295].

С благодарностью вспоминали впоследствии своих воспитателей и сами их подопечные. Так, бывшая воспитанница тамбовского детского дома № 8 Мария Ерохина, став адвокатом, написала директору детдома Л. Н. Малявиной: «Дорогая моя, родненькая, я от всего сердца благодарю Вас за то, что Вы помогли мне найти дорогу в жизни. Спасибо Вам, что Вы меня вывели в люди... Мне очень хочется побывать у Вас, посмотреть на тех, кто воспитывается теперь в нашем доме. Хочется пройти по нашему залу, посидеть в той уютной комнате, где мы учили уроки. Ах, какое это все родное! Какое было светлое, радостное детство наше»[296].

Много добрых слов спустя годы было сказано и в адрес местных жителей, тепло принявших эвакуированных детей. Так, бывшие воспитанники Ишакского детского дома Чебоксарского (бывшего Ишлейского) района, созданного для ленинградских детей, писали: «В суровые годы войны мы, дети блокадного Ленинграда, нашли приют и заботу в этом заветном уголке Чувашии. Добрые, заботливые руки, которым доверили воспитание детей, выпестовали, вскормили и вырастили нас полезными Родине людьми» (А. Д. Шухгарт); «Чувашия — моя вторая родина. Большое спасибо всем за заботу и ласку» (Т. В. Богданова); «Милые, добрые люди, которые спасли жизнь нам — ленинградцам во время Великой Отечественной войны... Таких людей за всю свою жизнь я не видела никогда» (В. Н. Мусатова)[297].

Дети блокадного Ленинграда у грядок на Мытнинской набережной

Белорусская детвора у подбитых немецких танков

Подросток на брошенном немцами артиллерийском орудии

Красноармеец беседует с десятилетним Володей Лукиным,
оставшимся без родителей, крова и отморозившим ноги

Старший сержант Моисеев кормит двухлетнего ребенка в освобожденной деревне под Смоленском

Летом 1942 г. в результате прорыва немецких войск на Северный Кавказ и к берегам Волги эвакуация населения и детей возобновилась. Они отправлялись прежде всего из Воронежской, Орловской, Ростовской и Сталинградской областей. В тыл были вывезены десятки тысяч осиротевших или утративших связь с семьей детей. Именно дети, как самая уязвимая часть населения, оказались в первую очередь жертвами военного лихолетья. Число сирот, оставшихся к тому же без крыши над головой, росло быстрее, чем возможности приюта в других семьях, детских домах, специальных ремесленных, суворовских и нахимовских училищах, домах ребенка, детских приемниках-распределителях.

Детские дома и интернаты военного времени имели существенные отличия от довоенных лет. Во-первых, они создавались в новых местах. Привычное и необходимое имущество осталось на территории, занятой врагом. С собой эвакуированные дети взять многого не могли, поэтому обустраиваться на новом месте было трудно. Нужны были не только столы, кровати, стулья, но также посуда, одеяла, одежда, учебники, игрушки и прочее. Во-вторых, эвакуация проходила в несколько этапов — сначала в ближний тыл, а с приближением фронта опять трогались в путь. Даже прибыв на конечный пункт, решать бытовые вопросы было сложно.

Статистика первых лет войны свидетельствует о резком росте числа детских домов и интернатов в ближайших прифронтовых и тыловых областях и республиках страны. Так, в Ярославской области к сентябрю 1941 г. число детских учреждений увеличилось в 12 раз, составив 302 детдома и интерната на 30 тыс. воспитанников. В 2,5 раза к концу войны выросла сеть детдомов в Калининской области — в 69 детдомах воспитывалось более 6 тыс. сирот. В пять раз выросло количество детдомов в Ивановской области[298]. В последующие годы этот процесс продолжался. Государство поставило и решало важную социальную задачу тыла: сохранение детей — будущего страны.

Только в тыловые районы РСФСР эвакуировалось около 2 тыс. детских домов (более 200 тыс. детей). Наряду с этим на восток были эвакуированы учащиеся 715 школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ с контингентом 125 тыс. человек[299]. Приток большого числа эвакуированных детских учреждений вызвал необходимость улучшения их обеспечения. Обсудив создавшуюся ситуацию, СНК РСФСР 24 марта 1942 г. принял постановление «О мероприятиях по улучшению работы эвакуированных детских учреждений». Исполкомы краевых, областных советов депутатов трудящихся и СНК АССР тех областей, краев и республик, на территории которых имелись эвакуированные детские учреждения, должны были в течение 20 дней проверить подготовленность всех помещений, которые занимали эвакуированные детские учреждения, и там, где имелись недостатки (не был окончен ремонт помещений, отсутствовала необходимая мебель), устранить их.

Председатели районных и поселковых советов депутатов трудящихся обязывались под личную ответственность взять вопрос бесперебойного снабжения топливом эвакуированных детских учреждений. И что было не менее важным, при эвакуированных детских учреждениях с контингентом свыше 200 человек за счет средств, отпускаемых по местному бюджету на строительство простейших бань и прачечных, были организованы бани с небольшими дезинфекционными камерами при них.

У эвакуированных детей с собой практически не было «багажа», а значит, не было ни сменной одежды, ни сменной, а тем более сезонной обуви. На предприятиях местной промышленности и промкооперации налаживалось производство детской одежды из местного сырья и, в частности, за счет реставрации подержанных вещей. Кроме этого, в соответствии с распоряжением СНК СССР от 31 января 1942 г., районные и городские советы депутатов трудящихся обязаны были включать в списки на выдачу вещей, поступавших из-за границы от Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, наиболее нуждающихся эвакуированных детей. Это касалось и тех, кто был размещен в детских домах и интернатах.

В военное время бесперебойное обеспечение продуктами питания эвакуированных детских учреждений становилось задачей не только крайне важной, но и сложной. При этом надо было выдавать продукты в соответствии с утвержденными нормами. Норма хлеба до августа 1944 г. для детей до 14-летнего возраста составляла 300 граммов[300].

В марте 1942 г. СНК РСФСР принял решение: «В целях создания собственной продовольственной базы обязать краевые, областные исполкомы, СНК АССР, районные и городские советы депутатов трудящихся выделить для детских домов и школьных интернатов земельные участки, семенные фонды и инвентарь для организации подсобных хозяйств, особо поощряя организацию огородов, развитие птицеводства и кролиководства»[301]. На организацию этих подсобных хозяйств Наркомфином РСФСР выделялось 5 млн рублей. В дальнейшем эти земельные участки стали первой трудовой вахтой школьников.

23 января 1942 г. СНК СССР принял постановление № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». В постановлении, в частности, отмечалась необходимость считать «важнейшим государственным делом устройство детей, оставшихся без родителей», а также «проведение мероприятий по предупреждению детской преступности». СНК СССР обязал СНК союзных и автономных республик, исполкомы краевых, областных, городских и районных советов депутатов трудящихся взять «под личную ответственность председателей обеспечить устройство детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность, не допуская оставления детей безнадзорными»[302]. При СНК союзных и автономных республик, исполкомах местных Советов создавались комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, расширялась сеть детских приемников-распределителей. Органы НКВД СССР обязали создать там, где их не было, и наладить работу справочных столов для розыска детей.

Детей до трех лет включительно рекомендовалось направлять через местные органы здравоохранения в дошкольные детские учреждения или передавать в семьи местных жителей на патронирование. В детские приемники-распределители должны были направлять детей в возрасте до 15 лет включительно. При этом оговаривалось, что там они могут оставаться не более двух недель. В случае невозможности возвращения их родителям дети до 14 лет через органы народного образования направлялись на патронирование или в соответствующие детские учреждения, а старше 14 лет — устраивались на работу в промышленности или сельском хозяйстве.

В 1942 г. наркому здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякову была поставлена задача в месячный срок укомплектовать все эвакуированные учреждения медицинскими кадрами, обеспечить эти учреждения необходимым минимум медикаментов, создать специальные штаты по руководству и контролю за санитарно-медицинским обслуживанием эвакуированных детских учреждений. В районах, где в интернатах находились свыше 500 эвакуированных детей, предусматривалась должность врача-инспектора по наблюдению за медико-санитарным обслуживанием, а в интернатах с числом детей свыше 100 должна была быть медицинская сестра.

СНК РСФСР весной 1942 г. обязал Народный комиссариат просвещения РСФСР не только укомплектовать детские эвакуированные учреждения кадрами воспитателей и педагогов, но и обеспечить детские учреждения учебниками и учебными пособиями, наладить контроль за учебно-воспитательной работой. Если в мирное время эти задачи являлись обычными и решаемыми, то в условиях войны выполнить все это было непросто.

За годы войны ассигнования на детские дома и мероприятия по охране детства составили в РСФСР 16% всех расходов на народное образование. Для детей воинов Красной армии и партизан с 1943 г. создавались специальные детские дома. В 1945 г. действовало 120 таких детских домов на 17,2 тыс. человек. Имелись также детские дома для иностранных детей: в Узбекистане находились 23 польских детских дома, содержащие свыше 1900 человек, и дом испанской молодежи. В частности, в Самарканде был открыт детский дом для польских детей и организован интернат для 120 испанских детей, переселенных из Москвы[303]. Польские детские дома размещались также в Казахстане, Киргизии и Таджикистане.

Получило путевку в жизнь хорошее начинание — создание мастерских при интернатах с целью производственного обучения и обслуживания бытовых нужд ребят: пошив и ремонт обуви и одежды, изготовление и ремонт мебели и прочее[304]. Всё, что внедрялось в быт и жизнь эвакуированных ребят, требовало государственной поддержки и контроля над

выполнением намеченных планов. Понимая, что вопрос, касающийся эвакуированных детей, — политический, Наркомат госконтроля РСФСР один раз в месяц докладывал СНК РСФСР о результатах проделанной работы.

СНК СССР своим постановлением от 21 мая 1942 г. разрешил руководителям предприятий «на период военного времени принимать для индивидуального и бригадного обучения и последующей работы на предприятии лиц, достигших 14-летнего возраста, при наличии у них медицинского заключения о состоянии здоровья»[305]. В промышленность и на транспорт, по данным Госплана СССР, к середине 1943 г. влились около 2 млн новых молодых рабочих. В связи с этим потребовалось организовать массовое производственно-техническое индивидуальное и бригадное обучение. Только за 1942 г. непосредственно на предприятиях были подготовлены около 1 млн 100 тыс. человек, на транспорте — 420 тыс., в системе государственных трудовых резервов — 562 тыс.[306] Продолжительность рабочего дня как во время обучения, так и для последующей работы молодежи в возрасте от 14 до 16 лет составляла шесть часов. Для подростков запрещались сверхурочные работы без разрешения СНК СССР.

В целях пополнения контингента учащихся ремесленных и железнодорожных училищ вышло постановление СНК СССР о призыве туда молодежи. Им ставилась задача: призвать на производство до 15 июля 1943 г. 80 тыс. человек из числа городской и сельской молодежи мужского пола в возрасте 14—15 лет и женского пола в возрасте 15—17 лет. При этом в ремесленные училища угольной, горнорудной, металлургической промышленности призывались юноши в возрасте 15—16 лет. Тем самым, с одной стороны, решался вопрос подготовки рабочих кадров в тех отраслях, где испытывался их недостаток, с другой — этот призыв был направлен на привлечение неработающей и неучащейся молодежи к получению рабочих профессий, занятию общественно полезным трудом.

Следует заметить, что уже через год набор в школы ФЗО составил 262 тыс. человек, а в ремесленные и железнодорожные училища — 70 тыс. человек. В ФЗО направлялись юноши в возрасте 15—17 лет и девушки в возрасте 16—18 лет; в ремесленные и железнодорожные училища принимались юноши 14—15 лет и девушки 15—16 лет[307]. По областям, краям и республикам существовала определенная разнарядка по количественному набору. Там, где по разнарядке не хватало как неработающей, так и неучащейся молодежи, разрешалось призывать учащихся школ, кроме 9—10 классов[308]. Все мероприятия были направлены на то, чтобы уменьшить количество беспризорных и безнадзорных детей, сделать их полезными для общества.

В период организации системы государственных трудовых резервов не был решен вопрос об отпусках или каникулах для учащихся ремесленных и железнодорожных училищ. Ввиду обстоятельств военного времени в последующем этот вопрос не ставился. И только в 1944 г. часть учащихся ремесленных и железнодорожных училищ второго года обучения разновременно получала отпуска продолжительностью в 12 рабочих дней. С 1945 г. СНК СССР разрешил ввести ежегодные каникулы для учащихся ремесленных и железнодорожных училищ первого и второго года обучения продолжительностью один месяц — с 1 по 31 августа[309].

Имелись и текущие трудности. Как в училищах, так и в школах не хватало опытных воспитателей и преподавателей. Книжные фонды библиотек были малы и с начала войны не пополнялись, практически не работали кружки, а самая главная проблема — неудовлетворительное бытовое обслуживание учащихся, недостаточное питание. В общежитиях отсутствовал необходимый порядок, практически не было мебели. Дети-подростки не обеспечивались одеждой, обувью, слабым оставалось их медицинское обслуживание.

Недостатки в постановке учебно-производственной и воспитательной работы, организации бытового устройства учащихся не только в училищах, но и в школах фабрично-заводского обучения стали прямым результатом массового отсева учащихся, низкой трудовой дисциплины, многочисленных случаев преступности среди учащихся. Только с января по май 1944 г. по стране из ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО самовольно ушли 64 624 учащихся. За этот же период были привлечены органами милиции к уголовной ответственности 3672 учащихся. Из всех лиц, привлеченных к уголовной ответственности

в этот период, на учащихся училищ и школ ФЗО приходилось в Мурманской области — 66,6%, в Воронежской области — 58,85%, в Челябинске — 22,3%, в Ленинграде — 17,8%, в Москве — 13%[310].

При последующем призыве в школы и училища соответствующие государственные и советские органы старались учитывать недоработки прошлого и пытались их устранить. В первую очередь это касалось улучшения питания, снабжения одеждой и доставки к месту учебы.

С первых месяцев войны беспризорность и безнадзорность была одной из главных проблем, связанных с эвакуированными детьми. 8 августа 1942 г. НКВД СССР издал директиву об усилении работы органов милиции по выявлению и изъятию безнадзорных и беспризорных детей. Документ под грифом «секретно» был направлен первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову. В директиве констатировалось, что за период с января 1942 г., когда было принято постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», органы милиции «провели значительную работу по изъятию беспризорных детей. Однако в ряде мест эта работа организована плохо». На решении этой задачи сказывалось то, что «работа протекала беспланово, без повседневного внимания к этому важному делу со стороны руководящих работников органов милиции»[311]. Штаты, которые были определены приказом НКВД СССР от 10 марта 1942 г., использовались не по назначению, работа справочно-адресных детских столов разворачивалась медленно, без всякой инициативы. Необходимые детские комнаты до марта 1942 г. были созданы не во всех городах.

Было также решено «беспризорных детей до 15-летнего возраста включительно направлять в приемники-распределители НКВД, а детей более старшего возраста — в комиссии по устройству детей при исполкомах депутатов трудящихся или тройки, созданные в комсомольских организациях, — для трудового устройства». Но при этом требовалось сделать так, чтобы все эти дети были учтены справочно-адресными детскими столами, а что касается детских комнат, то создать их там, где им положено быть: в городах, на узловых станциях и пристанях[312].

По неполным данным за 1942 г., органы милиции задержали 286 483 ребенка. Особенно большое количество детей и подростков было задержано в Горьковской, Московской, Свердловской, Челябинской, Ярославской областях, Азербайджанской, Грузинской, Узбекской, Казахской союзных республиках[313], причем подавляющее большинство из числа задержанных составляли безнадзорные дети. Так, в Азербайджанской ССР из 38 230 задержанных детей и подростков 35 128 были безнадзорными. Такая же обстановка наблюдалась на территории Узбекской ССР: из 34 809 человек задержанных 24 546 — лишившиеся родителей дети[314]. В Челябинской области в 1942 г. зарегистрированных беспризорных детей было 3820, безнадзорных — 14 844; в 1943 г. — беспризорных — 5584, безнадзорных — 13 890. Основное количество тех и других в области приходилось на рабочие поселки и города, главным образом Челябинск, Магнитогорск, Златоуст[315].

Общей проблемой для всех регионов, куда поступили эвакуированные дети, оставался вопрос, связанный с трудоустройством подростков. При этом часто допускались нарушения. Направленным на заводы подросткам часто не создавали нормальных условий труда и быта, нередко им поручали тяжелую физическую работу. На предприятиях главным правилом оставалось выполнение производственных задач, связанных с фронтовыми заказами. Неустроенность детей уходила на второй план, однако именно она являлась одной из главных причин побегов подростков. Это привело к тому, что в 1942–1943 гг. был отмечен рост задержанных беспризорников и безнадзорных. Особенно заметным это было в Горьковской, Московской, Свердловской, Челябинской, Ярославской областях, в Азербайджанской, Грузинской, Узбекской и Казахской республиках[316].

Секретариатом ЦК ВЛКСМ 24 апреля 1943 г. было принято закрытое постановление, в котором отмечались бездушное отношение местных органов власти к обустройству детей, а также неудовлетворительная работа в ремесленных и фабрично-заводских училищах. ЦК ВЛКСМ констатировал также, что «такое положение дел не может быть терпимо, несмотря

на трудности военного времени, мы можем и обязаны проявлять повседневную заботу о детях, не допускать беспризорных и безнадзорных детей»[317]. Одновременно было принято решение о введении комсоргов ЦК ВЛКСМ в школах, насчитывающих 500 и более учащихся, для улучшения воспитательной работы с ребятами.

Распоряжением от 27 мая 1943 г. было внесено частичное изменение в пункт 4 постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». СНК СССР обязал НКВД СССР: «а) принимать в детские приемники-распределители беспризорных и безнадзорных подростков в возрасте до 16 лет; б) через органы народного образования направлять указанных подростков в порядке трудоустройства на работу в промышленность и сельское хозяйство»[318].

Однако были и другие пути борьбы с детской и подростковой беспризорностью в годы Великой Отечественной войны. 4 февраля 1942 г. в «Комсомольской правде» было опубликовано письмо офицера Тихоокеанского флота комсомольца Петра Безносикова, который сообщил о своем решении взять на воспитание ребенка, оставшегося без семьи. Почин П. Безносикова нашел широкую поддержку у советских людей. В стране развернулось движение по усыновлению осиротевших детей. В Москве только за три месяца 1942 г. были приняты на воспитание и патронат 1500 детей, в Калининской области — 2940 детей. 1100 осиротевших детей были приняты на воспитание в узбекские семьи, только в Ташкенте 643 семьи и 69 коллективов приняли на воспитание детей, оставшихся без родителей. К маю 1945 г. по стране в семьи были приняты на воспитание свыше 300 тыс. детей.

Широкую поддержку народа получил почин воентехника 1 ранга Николая Корниенко, предложившего организовать при «Комсомольской правде» специальный Фонд помощи детям, пострадавшим от фашизма. Он первым сделал взнос в этот фонд в сумме 300 рублей. Так, при газете «Комсомольская правда» был открыт счет № 160180 для помощи детям, пострадавшим от войны. Всего за годы войны на этот счет поступило 208 млн рублей. Кроме того, на средства обкомов комсомола были открыты 14 комсомольских здравниц для больных, а также физически ослабленных детей фронтовиков Ивановской, Кировской, Молотовской, Свердловской, Челябинской, Омской, Горьковской, Ростовской областей, Армянской ССР и Башкирской АССР[319]. Ежегодно в этих здравницах отдыхали более 12 тыс. детей.

Областные комитеты комсомола создали за счет фонда помощи детям 126 детских домов, содержали сотни оздоровительных детских площадок и детских садов. Татарский, Новосибирский обкомы комсомола открыли комсомольские здравницы для детей, потерявших родителей в дни войны. В Татарии здравница была рассчитана на 400 мест в зимнее время и на 900 мест в летних условиях. В 1944 г. было открыто еще 16 специальных детских домов для детей фронтовиков и партизан Отечественной войны.

Южный райком комсомола г. Пензы выступил в 1944 г. с предложением об установлении стипендии для наиболее нуждающихся детей фронтовиков за счет комсомольско-молодежного фонда помощи детям. Одобряя это предложение, ЦК ВЛКСМ установил с февраля 1944 г. для детей, обучавшихся в школах Наркомпроса СССР, 12 010 комсомольских стипендий размером 100 рублей каждая до конца 1943–1944 учебного года[320]. Свыше 100 тыс. бесплатных путевок было приобретено детям за счет комсомольско-молодежного фонда помощи детям. Только в 1945 г. детям было выдано 45 тыс. стипендий на сумму 221 млн 500 тыс. рублей. 11 млн рублей направлено для оказания индивидуальной помощи детям, отдельным детским домам, площадкам, столовым.

Многие детские учреждения были взяты на полное содержание колхозами, коллективами служащих, частями Красной армии, профсоюзами, Литфондом СССР и даже коллективом полярников станции Тикси[321]. Так, работники меховой фабрики «Белка» г. Слободской Кировской области взяли на иждивение 50 сирот, 40 сирот содержал Соликамский калийный комбинат, 30 сирот — трест «Андреевуголь»[322]. Всего за годы войны на территории РСФСР колхозами и совхозами было организовано 376 детских домов, 210 детских домов созданы на средства профсоюзов работников вооружения[323].

Маленькие воспитанники ленинградского детского сада на прогулке

Местные жители приносили в детдома еду, одежду, посуду и другие предметы первой необходимости, жертвовали свои личные сбережения на строительство и восстановление детских учреждений. Так, крестьяне Калининской области за 1942–1943 гг. перечислили в детские дома области более 12 тыс. рублей; председатель колхоза «Рассвет» села Мышковичи К. П. Орловский в годы войны отдал все личные сбережения — 20 тыс. рублей на строительство школы[324].

Широкую известность получило так называемое черкасовское движение — восстановление дошкольных учреждений силами бригад общественников, начавшееся в Сталинграде по инициативе работницы системы дошкольного воспитания А. М. Черкасовой[325].

Учителя брали шефство над детьми фронтовиков (федякинское движение и прочие), устраивали заболевших учеников в больницы, искали временный приют для детей, родные которых были тяжело больны, организовывали работу кружков в школах и Домах пионеров. При помощи общественности детям организовывали праздники, проводили спортивные соревнования, конкурсы и олимпиады, готовили новогодние подарки, организовывали отдых в период школьных каникул.

Общественные организации (профсоюзы, комсомол), а также отдельные граждане страны принимали активное участие в работе по розыску и изъятию беспризорных детей с улицы, устройству их в детские приемники, поиску их родных, выносили детей из разрушенных во время бомбежек зданий. Так, москвичка О. Ф. Гаврилина, до войны работавшая в детской комнате при домоуправлении, с 1942 г. на общественных началах помогала разыскивать родственников детей, потерявшихся во время бомбежек или в ходе эвакуации. Одного из найденных на Казанском вокзале мальчиков — Толю из Днепропетровска О. Ф. Гаврилина усыновила[326].

Большой размах работа по розыску детей-сирот получила в блокадном Ленинграде, где добровольцы не только собирали детей на улицах, но и регулярно обходили квартиры для выявления детей, находящихся наедине с умирающими от голода или уже умершими родными. Учительница Н. А. Миронова привезла на санках в детские учреждения около сотни детей, оказавшихся в подобной ситуации. Старшеклассники во время бомбежек обходили дома и относили малышей в бомбоубежища, помогали выносить их из разрушенных домов[327].

Качественно новый характер приобрело шефство над детскими учреждениями. Особую активность в этой работе проявляли фронтовики, что обусловило формирование специфических заочных форм шефской работы. Фронтовики регулярно перечисляли средства в созданный ЦК ВЛКСМ Фонд помощи детям, переписывались с воспитанниками и воспитателями детских домов, помогали школам, семьям погибших однополчан и семьям, взявшим на воспитание сирот. Так, моряки команды теплохода «Вильнюс» оказывали материальную поддержку двум малолетним сиротам их погибшего товарища Евгения Шмарова (жена Шмарова умерла во время блокады, дети, Аля и Вова, были эвакуированы в Ярославль, где их воспитывала бабушка). Позже моряки «Вильнюса» взяли шефство над 19 патронируемыми детьми-сиротами. Помогали детям погибших моряков и команды судов «Севан», «Белоостров», «Хасан», «Сестрорецк» и многих других[328]. Тесную связь с армией поддерживали учащиеся блокадного Ленинграда. Директора школ выезжали на фронт для вручения подарков, а бойцы Ленинградского гарнизона не только помогали ремонтировать и оборудовать школы, но и участвовали в школьных собраниях и праздничных вечерах[329].

По инициативе общественных организаций г. Ногинска Московской области в годы войны возникла новая форма общественной помощи детским домам — попечительские советы, организовывавшие шефскую работу[330].

Широкое распространение получило в годы войны и явление, известное как сын полка[331]. Воинские части и подразделения Красной армии нередко брали под свою опеку найденных ими беспризорных детей. Так, четырехлетний Геня Смирнов после гибели родителей оказался в санитарном отряде Красной армии, в рядах которого дошел до Кёнигсберга. После войны мальчика устроили в Московскую школу военно-музыкантских воспитанников, большинство учащихся которой также были сиротами войны. «Солдатские найденыши», как их нередко

называли в годы войны, вместе с воинскими частями прошли сотни километров, многие успели побывать в боях и даже были награждены орденами и медалями. Например, Сережу Шульгу, отец которого погиб, а мать угнали в Германию, взяли в свой отряд красноармейцы-разведчики. За годы войны мальчик был награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Валя Никаноров, которого танкисты подобрали на одной из прифронтовых станций, стал башенным стрелком-радистом, дошел до Будапешта и Вены, был награжден орденом Красной Звезды. Михаил Бельский вместе с подобравшим его подразделением Красной армии участвовал в боях под Берлином и в Маньчжурии. В одиннадцать лет мальчик получил звание гвардии ефрейтор, был награжден четырьмя боевыми медалями. После войны поступил в Ставропольское суворовское училище. Многие из сыновей полка впоследствии стали воспитанниками суворовских и нахимовских училищ[332].

Усыновление, патронирование и прочие формы семейного воспитания сирот в годы Великой Отечественной войны впервые в отечественной истории получили поистине массовый характер, развиваясь независимо от материального стимулирования и иной поддержки со стороны государства и базируясь исключительно на добровольной основе. По свидетельству современников, с первых же месяцев войны в детские дома, приемники-распределители и на эвакопункты ежедневно приходили представители фабрик и заводов, колхозов и учреждений, отдельные граждане разных возрастов, как бездетные, так и имеющие большие семьи. Все они предлагали свою помощь в воспитании детей, оставшихся без попечения родителей. Мотивацию массовой народной помощи детям в годы Великой Отечественной войны можно выразить словами колхозницы Г. Морозовой из артели «Красная звезда» Бежецкого района Калининской области: «Наши дети — с нами, они ежедневно видят нашу ласку. Такую же ласку и заботу должны чувствовать и сироты»[333]. В первую очередь из детских домов и детприемников забирали наиболее слабых и больных детей, понимая, что для них семейная забота и родительское тепло крайне необходимы и важны. Так, 19-летняя работница железнодорожной дороги в Челябинске Т. Крылова взяла на воспитание истощенного, больного полуторагодовалого мальчика, пояснив: «Здорового каждый возьмет, а такой особенно нуждается в ласке»[334].

Зачинателями движения по усыновлению сирот принято считать работниц московского завода «Красный богатырь». «Женщины, матери, — обратилась в 1942 г. к своим коллегам работница завода Елена Семеновна Овчинникова, мать четверых детей, — все это так, все это хорошо, сундуки пересмотрим, найдутся и рубашонки, и платья. Принесем. Но детей-то, детей жалко, ведь они сироты! Отцы их за нас кровь проливали. Матери, не могу я молчать, возьму ребеночка такого к себе, приласкаю, выращу... Четыре дочки у меня, вы знаете. Возьму себе пятую. Проживем!» Другая работница поддержала: «Товарищи, и я возьму дитенка, у которого фашистские гады мать загубили. А если отец на фронте... Ну что ж, выхожу, сберегу — вернется из армии, скажу: вот сынок твой, ты за меня воевал, а я тебе мальчонку сберегла». После этого собрания работницы завода Овчинникова, Трутнева, Шарова, Цибульская, Идельчук и Садретдинова взяли в свои семьи по одному ребенку. Их посещение детского приемника было подробно описано в газете «Правда». Корреспондент газеты Е. Кононенко сделала акцент на том, как сложно было женщинам сделать свой выбор, в то время как на них были устремлены сотни пар страдающих детских глаз. «Уходили, слышали отовсюду: «Возьми меня!» — эти строки из опубликованной в «Правде» статьи стали для многих советских женщин призывом взять на воспитание детей-сирот[335].

После освобождения Москвы движение по усыновлению сирот охватило весь город. Только с января по октябрь 1942 г. в семьи москвичей было передано на воспитание более 9 тыс. детей, из них более тысячи усыновили, более 7 тыс. взяли под опеку и 727 человек на патронат[336]. К концу 1942 г. количество москвичей, желающих взять на воспитание осиротевшего ребенка, превысило численность находящихся в столице сирот[337]. Всего в годы войны москвичи приняли в свои семьи более 16 тыс. детей, из которых более 2 тыс. усыновили[338].

Руины здания «Малого пассажа» на Крещатике
в оккупированной столице Украинской ССР

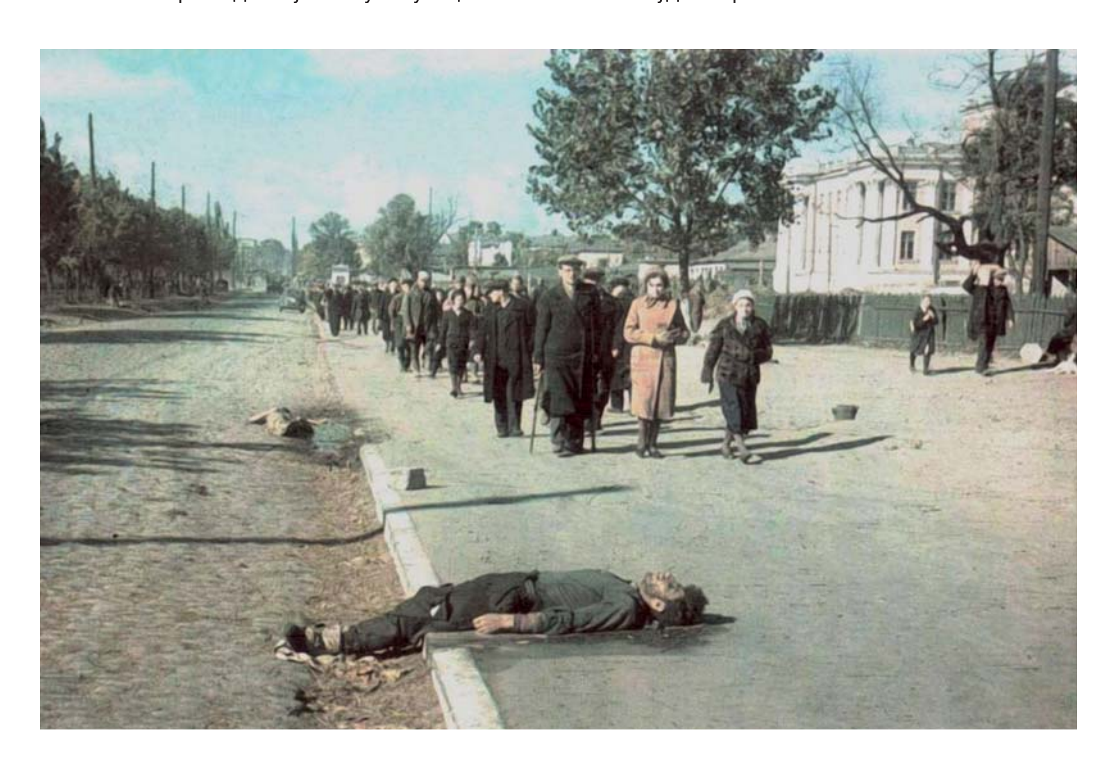
Убитые фашистами советские военнопленные
на одной из киевских улиц

Немецкий регулировщик у блокпоста в Киеве

Украинский полицай позирует немецкому фотографу на фоне женщин, пришедших узнать у оккупационных властей о судьбе арестованных близких

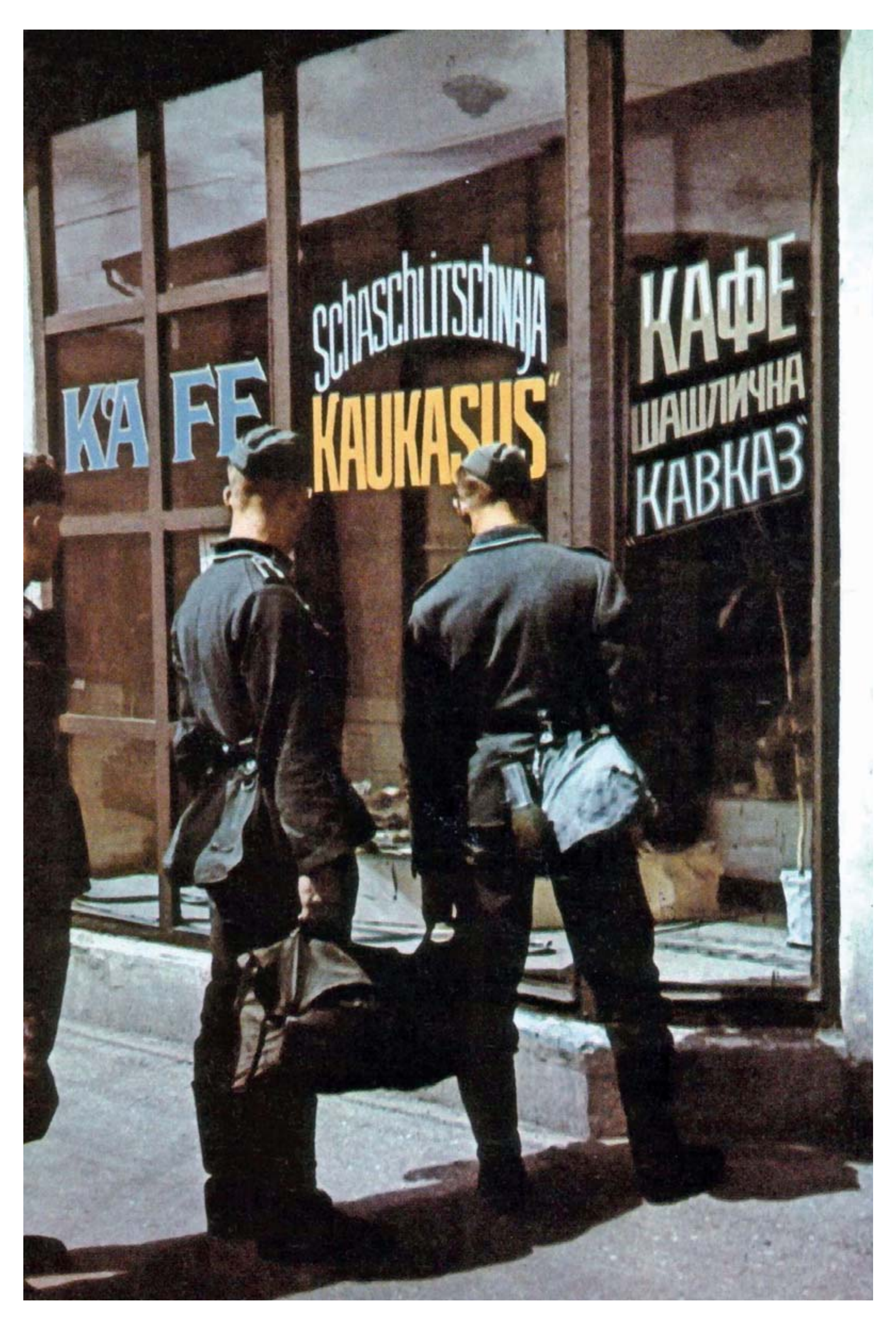
Тела погибших киевлян на бульваре Тараса Шевченко

Мирные жители на берегу реки Лопань
в оккупированном Харькове

Харьковчане в очереди за продуктами

Немецкие солдаты у витрины харьковского кафе

Здание Госпрома
в занятом гитлеровцами Харькове

Городской рынок во время оккупации

Немецкие автомобили
на харьковской площади Свободы

У моста в оккупированном Харькове

Харьковчанка рассматривает
немецкий пропагандистский плакат

Антисоветская пропаганда на улицах города

Отдельного внимания заслуживает отношение к сиротам на оккупированных территориях, где принять в свою семью сироту зачастую было не только тяжело в материальном плане, но и опасно для жизни[339]. Тем не менее тысячи женщин прятали у себя детей казненных односельчан. Так, Меланья Запольская, рискуя жизнью, приютила и выходила четверых малолетних (от одного года до 10 лет) детей казненной партизанки Анны Безбородовой, отец которых погиб на фронте[340]. Во всех оккупированных регионах сразу после их освобождения начиналось массовое усыновление сирот — фактически речь шла о юридическом оформлении уже существовавшего на практике положения. Так, в Орловской области к концу войны в семьи на воспитание были взяты около 19,5 тыс. детей, в Курской области — около 17,5 тыс., в Воронежской области — почти 15 тыс., в Смоленской области — более 12 тыс.[341]

Активное участие в этом движении приняли и фронтовики. Усыновленные ими дети оставались жить в детских домах, но знали, что где-то на фронте у них есть родной человек. Фронтовики ежемесячно присылали деньги на содержание своих приемных детей и регулярно переписывались с ними[342]. Именно в годы войны было положено начало явлению, впоследствии получившему название семейный детский дом, — когда на попечении приемных родителей оказывались пять и более детей. Так, 60-летняя А. И. Романова, председатель колхоза имени Н. К. Крупской в Кунцевском районе под Москвой, в 1942 г. взяла на воспитание четверых детей, а к 1948 г. число ее воспитанников достигло 15 человек. Восьмерых детей взяла на воспитание Бахрихон Амир Ходжаева. Всесоюзную известность получила Александра Авраамовна Деревская, взявшая на воспитание в годы войны 29 детей. А всего она усыновила 65 детей, из них 48 (17 девочек и 31 мальчика) разных национальностей довела до совершеннолетия[343].

Начавшееся «снизу» с первых же дней войны движение по усыновлению детей было поддержано государством. 3 апреля 1943 г. СНК РСФСР утвердил инструкцию Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомюста РСФСР «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей». С целью стимулирования процесса взятия на воспитание детей, лишенных родительской опеки, инструкция предусматривала льготы таким семьям. Однако подавляющее большинство семей, воспитывавших сирот, либо не имели возможности воспользоваться полагавшейся им государственной помощью, либо отказались от нее[344]. В годы войны усыновители юридически были приравнены к кровным родителям[345].

Импульс, полученный общественным движением в годы войны, был настолько мощным, что сказывался еще некоторое время и в послевоенные годы. С одной стороны, государство остро нуждалось в широкой общественной помощи, без которой невозможно было бы справиться с беспризорностью, восстановить школьное обучение и сеть детских дошкольных, досуговых и лечебно-оздоровительных учреждений, обеспечить необходимым минимумом воспитанников детских домов и решить прочие насущные проблемы охраны материнства и детства. Само общество, в свою очередь, не менее нуждалось в том, чтобы опекать этих детей: еще не утихла боль военных утрат, было сильно чувство сопричастности к единому народному горю. Лозунг «Дети-сироты — дети народа» еще не утратил своей актуальности и многими воспринимался как призыв к действию. Вчерашние фронтовики активно участвовали в жизни детдомов, переписывались с их руководством и воспитанниками. Например, Дубовский специальный детский дом в конце 1940-х гг. ежедневно получал несколько десятков писем. Широкое распространение получило военно-патриотическое воспитание школьников при участии ветеранов войны. Так, Ейский детский дом часто навещал бывший член подпольной организации «Молодая гвардия» Радик Юркин; матросы Северного флота шефствовали над Сытьковским детским домом Московской области[346]. Бывшие фронтовики часто проводили беседы с учащимися и воспитанниками детских домов, участвовали в детских вечерах, руководили отрядами юных следопытов, поисковыми отрядами, действовавшими под лозунгом «Чтить память павших героев».

Война стала временем тяжелейших испытаний для всего населения СССР. Основным содержанием военной повседневности советских людей являлся тяжелый, изматывающий

труд без отдыха, в условиях тотального недостатка питания, товаров первой необходимости, лекарственных средств. Система нормированного распределения продовольствия и промтоваров для городского населения, кадров промышленности и транспорта гарантировала им минимально необходимый уровень снабжения, но немалую роль сыграла инициатива самих трудящихся по изысканию дополнительных ресурсов: развитие огородничества, подсобных хозяйств, обменные операции. Стократ тяжелее пришлось труженикам села. Советская деревня, лишившаяся с началом войны значительной части производительных сил, в условиях почти двойного сокращения сельхозугодий и полного отсутствия материально-технического снабжения по-прежнему рассматривалась государственным руководством как источник дешевого сырья и рабочей силы для развертываемой военной промышленности.

В нечеловеческих условиях, при которых государство было вынуждено даже официально узаконить детский труд и фактически ввести милитаризацию сельскохозяйственного производства, советское крестьянство сумело обеспечить продовольствием армию, военную промышленность и городское население. Более того, как горожане, так и селяне СССР развернули в годы войны широчайшую деятельность по оказанию помощи фронту, участвовали в сборе финансовых средств, повышали производительность труда и наращивали производство за счет морально-идеологической мобилизации. Свой весомый вклад в победу внесли советская молодежь и женщины, составившие основную массу трудовых кадров в городе и на селе.

Война породила целый комплекс проблем по сохранению общественного здоровья, охране материнства и детства. Несомненной заслугой следует признать проводимую в годы Великой Отечественной войны в центре и на местах органами государственной власти и общественными организациями последовательную и систематическую работу в сфере здравоохранения и социального обеспечения, борьбу с сиротством, беспризорностью и безнадзорностью детей и подростков.

Жизнь населения в условиях фашистского оккупационного режима

Чрезвычайно тяжелым было положение жителей крупных городов на оккупированной советской территории. В Минске, например, генеральный комиссариат округа «Белоруссия» рейхскомиссариата «Остланд» выделял зимой 1941–1942 гг. на каждого работающего ежедневный рацион из 200 граммов хлеба и 10 граммов соли. Из-за низкой заработной платы рабочие не могли обеспечить себе прожиточный минимум за счет рынка. У населения не было возможности купить в магазинах промышленные и продовольственные товары, что создавало почву для процветания спекуляции. Занимались ею немецкие солдаты и те, кто добывал ценой предательства жизненно необходимые товары. Абсолютное же большинство населения было доведено до обнищания крайней степени.

Через год после начала войны один из фашистских чиновников докладывал в генеральный штаб, что положение русских рабочих безнадежно. Растущие рыночные цены находились в резком контрасте с получаемой рабочими зарплатой. Недельного заработка не хватало, чтобы удовлетворить самые необходимые дневные потребности в продуктах питания. Население буквально голодало и было вынуждено обменивать на продукты питания последнюю одежду и домашнюю утварь[347].

По отношению к рабочим на оккупированной советской территории «новые хозяева» чинили грубый, откровенный произвол. Усиливая эксплуатацию и всемерно снижая жизненный уровень населения, оккупанты стремились получить избыток продуктов, сырья и дешевую рабочую силу для поддержания своего военно-промышленного потенциала. На оккупированной советской территории широкий размах приобрел саботаж всех мероприятий

оккупационных властей. Население городов в большинстве своем под любым предлогом уклонялось от работы, выводило из строя станки и оборудование. На предприятиях рабочие сознательно ухудшали качество выпускаемой продукции, нарушая технологию производства, что зачастую приводило к быстрой ее порче. Производительность труда на таких предприятиях была очень низкой.

Трудовой саботаж в различных формах проявляли рабочие промышленных и транспортных предприятий. Например, на курском и льговском железнодорожных узлах ремонтные работы подвижного состава проводились со значительным отставанием от технических норм. Гитлеровцы не смогли организовать четкую и бесперебойную работу на важнейших железнодорожных объектах из-за частых аварий и актов диверсий. В конечном счете, они вынуждены были заменить многих железнодорожных рабочих немцами, а к оставшимся железнодорожникам из числа местного населения приставили по одному конвоиру на двух работников.

В области сельского хозяйства осуществлялась также политика грабежа. Вскоре после начала войны фашистское руководство объявило, что все пахотные земли, луга, пастбища, равно как имущество колхозов, совхозов и МТС, являются собственностью Германской империи. В целях более полного контроля и учета сельхозпродукции, а также для организации своевременной уборки урожая оккупанты в некоторых случаях оставляли существовавшие колхозы, установив за этими хозяйствами строгий контроль. Были введены непосильные нормы принудительных поставок сельскохозяйственной продукции, денежных налогов и система подневольного, рабского труда. Силой оружия гитлеровцы принуждали крестьян ухаживать за скотом, убирать урожай, возложив на них ответственность за сохранность всей сельскохозяйственной продукции и своевременную сдачу ее заготовительным органам.

Германская печать и руководящие чиновники вынуждены были признать, что сельскохозяйственные работы в оккупированных районах не были обеспечены ни живой тягловой силой, ни тракторами, ни горючим, ни машинами. Была взята установка на проведение всех работ в основном ручным трудом. Одна из немецких газет 21 августа 1942 г. писала: «Босые женщины копали в прошлом году свекловицу, работая под осенним дождем и на морозе, потому что для тракторов не было горючего. Женщины стояли по колено в ледяной воде, замачивая коноплю. В настоящее время на полях тоже будут применяться сотни тысяч серпов, кос, лошадей, коров, но не комбайны и тракторы». Во многих районах Украины поля вскапывались лопатами и засевались вручную. В селах Куштумовка, Балабино, Царицын Кут Запорожской области, в некоторых районах Курской области и в других местностях из-за полного отсутствия тягловых животных в плуги впрягались мужчины и женщины. В Германии и на некоторых заводах Украины поспешно изготовлялись косы, серпы, грабли и другой простейший инвентарь. На Правобережной Украине этим производством были заняты, по сообщениям немецких газет, 28 предприятий, а из Германии было доставлено на Украину около 1 млн серпов[348].

Чтобы восполнить убыль рабочей силы в наиболее обезлюдивших оккупированных областях, германские власти отправляли туда крестьян из других местностей. Так, на проведение весенних посевных работ в районе Кировоград — Днепропетровск — Николаев — Херсон были принудительно отправлены 400 тыс. крестьян из Киевского, Житомирского и Волыно-Подольского генеральных округов. За отсутствием транспорта люди должны были идти пешком. Добровольцам была обещана плата и боны на приобретение промтоваров, а за «особое прилежание и хорошее поведение» — увеличение приусадебных участков. Повсеместно проводилась мобилизация на сельскохозяйственные работы городских жителей: домашних хозяек, студентов, школьников, служащих, безработных.

Как мобилизованные, так и местные жители выполняли сельскохозяйственные работы под надзором полиции и немецких управляющих. Последних к лету 1942 г. во всех оккупированных областях насчитывалось 13—16 тыс. человек. Для надзора за проведением уборочных работ выезжали окружные генеральные комиссары и все чиновники их аппарата. На Украине рабочий день в поле продолжался с 5—6 часов утра до 6—7 часов вечера. Для работы на при-

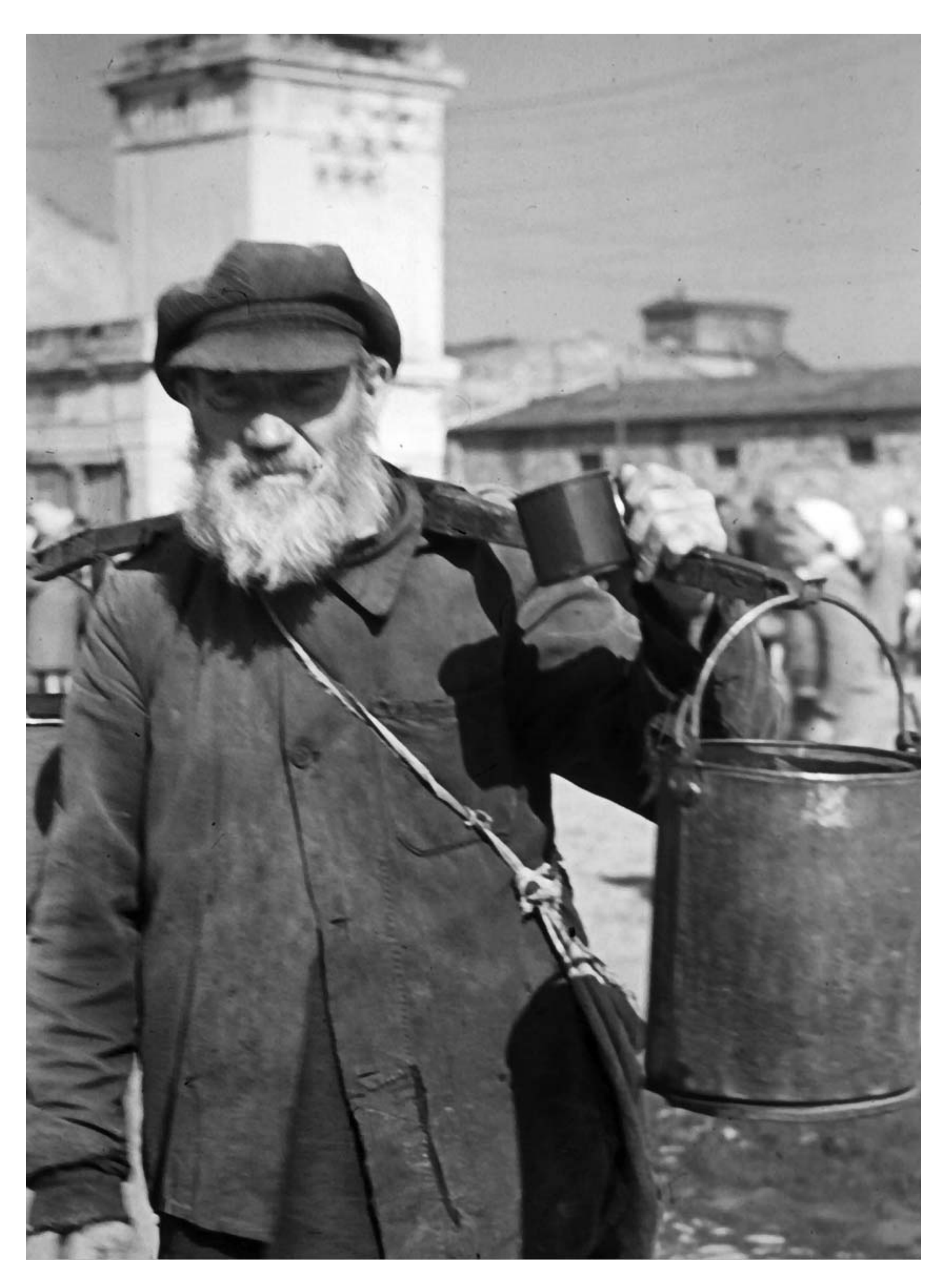
Фашистский террор на Украине

Жертвы нацистского погрома во Львове

Немецкие оккупационные власти Киева объявляют об эвакуации населения

Старик-водонос на Базарной площади оккупированного Смоленска

усадебных участках можно было использовать два дня в неделю, а остальное время каждый должен был работать на земле общинного хозяйства. За невыход на работу в первый раз на работника накладывался штраф 500 рублей, во второй раз виновный отправлялся в лагерь для военнопленных и у него конфисковалось все имущество. Там, где уклонение от работ принимало массовый и организованный характер, применялись также телесные наказания и расстрелы. Между советскими гражданами и немецкими управляющими неоднократно происходили кровавые стычки. По сообщениям немецких газет, «многие сельскохозяйственные руководители погибли на посту»[349].

Приказом по группе армий «Юг» от 28 марта 1942 г. устанавливалось завести при постоянных гарнизонах огороды и обрабатывать их силами войсковых частей. Стремясь обеспечить хлебом в первую очередь армию, германские власти поручали уборку урожая в некоторых тыловых районах непосредственно воинским частям. Газета «Дейче Украине цейтунг» от 4 октября 1942 г. поместила очерк, содержащий следующее описание: «Дивизия охраняет большой участок. Везде оборудуются позиции. Нужен каждый человек. Но все же солдаты участвуют в уборке урожая и охраняют его от близкого врага[350]. Генерал разъезжает по участку как управляющий имением. Вот идет отряд солдат с косами. На трех солдат имеется одна коса. Сельскохозяйственные орудия встречаются редко. На полях работает гражданское население. «Эти люди, — рассказывает генерал, — временно размещены в ближайших деревнях, население которых нам пришлось полностью выселить за связь с партизанскими отрядами»[351].

На сельскохозяйственные работы в оккупированные области привлекалась также рабочая сила из-за границы. Из Германии были присланы 30 тыс. членов организации «Гитлеровская молодежь». Они работали в государственных имениях и частично в крестьянских хозяйствах, при этом одновременно осуществляли дополнительный политический надзор за населением, вели пропаганду и проходили практическую подготовку как будущие колонизаторы[352].

Контингенты рабочей силы в Литве пополнили 50 тыс. немцев, переселенных в Германию в 1939–1940 гг. и возвращенных обратно после оккупации[353]. Кроме того, в апреле 1942 г. в Литву были переселены еще 3 тыс. немецких крестьян.

В Голландии, Дании и Бельгии проводилась вербовка крестьян, желающих переселиться на восток и вести там самостоятельное хозяйство либо работать в качестве управляющих. В этих же странах, а также в Норвегии велась вербовка молодежи на временную сельскохозяйственную работу и для подготовки к постоянной руководящей работе в оккупированных советских районах. По сообщению шведской газеты «Дагенес нюхетер», в Норвегии «вербовка на сельскохозяйственные работы провалилась». Западноевропейские крестьяне явно остерегались связывать свою судьбу с непрочными гитлеровскими завоеваниями[354].

Мобилизуя все внутренние трудовые резервы и пытаясь привлечь рабочую силу из-за границы, немецкие власти одновременно вывозили крестьян из оккупированных районов СССР на работу в Германию, еще более усугубляя резкую убыль трудоспособного населения.

Во многих районах хлеб в счет обязательных поставок увозился немцами на свои склады прямо с полей. За утаивание хлеба, несвоевременную сдачу и всякое сопротивление германским солдатам и чиновникам при насильственном изъятии хлеба население подвергалось штрафам, физическим наказаниям, заключению в тюрьму и даже смертной казни. Так, в оккупированных районах Ленинградской области за несвоевременную сдачу хлеба накладывался штраф от 500 до 1000 рублей, а если это не давало результата, виновный подвергался телесному наказанию. В Смоленской области немцы объявили крестьян, уклоняющихся от сдачи хлеба, саботажниками, отбирали у них коров и кур, подвергали крестьян порке и другим физическим наказаниям вплоть до расстрела. В Литве за несвоевременное выполнение обязательных поставок виновные привлекались к военному суду, а торговля зерном была запрещена под страхом смертной казни. На Украине рейхскомиссар Э. Кох объявил, что крестьяне, утаивающие хлеб во время уборки, расхищающие зерно со складов, будут осуждаться особыми немецкими судами на длительное тюремное заключение с конфискацией всего имущества или на казнь, а если сокрытие или хищение хлеба будут зафиксированы несколько раз в одном и том же селе, то наказанию подвергнутся все жители села[355].

Регистрация местных жителей в оккупированном Могилёве

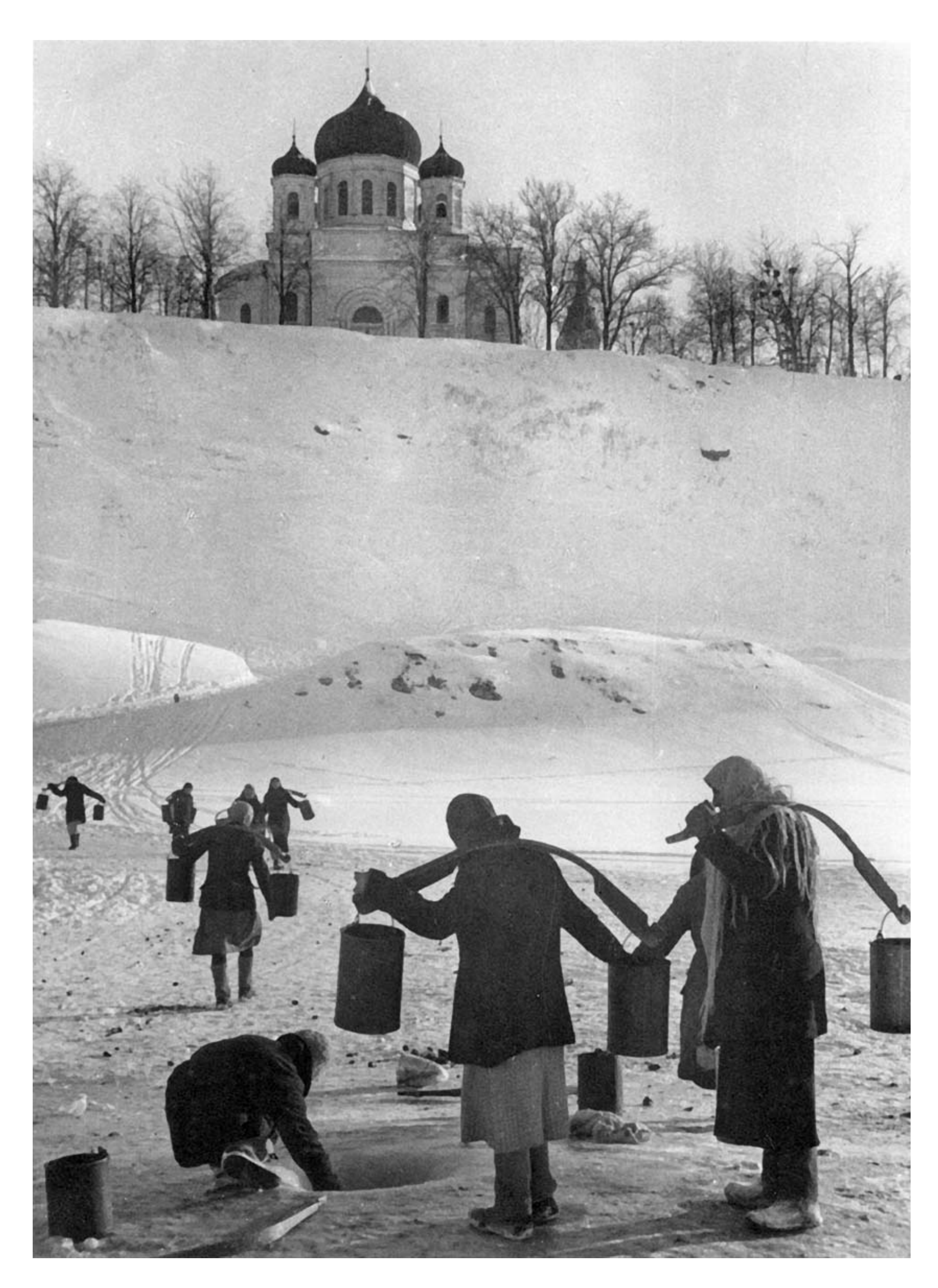
Отправка могилевских евреев на принудительные работы

Благовещенский рынок в занятом фашистами Харькове

Советские беженцы у реки Сейм в оккупированном Льгове Курской области

Жители города Ржева в очереди за водой

Солдаты полевой дивизии люфтваффе в одной из русских деревень

Для «защиты урожая» на Украине была создана вооруженная охрана, которая имела право с каждым, кто попытается похитить или испортить зерно либо окажет сопротивление при его изъятии, расправляться как с партизаном, то есть убивать на месте. Сельские старосты, волостные старшины и полицейские активно содействовали оккупантам при реквизициях продовольствия и проведении связанных с этим репрессий. Несмотря на террор, крестьяне во многих районах затягивали сдачу продуктов, прятали зерно и картофель, оказывали в ряде случаев активное сопротивление при реквизициях продовольствия.

Особенно жестокие формы приняли реквизиции в прифронтовой полосе, превращенной немцами в «пустынную зону». Угоняя из этой зоны население, немцы реквизировали весь хлеб, скот, фураж и другие сельскохозяйственные продукты, абсолютно не считаясь с ранее установленными нормами и выполнением обязательных поставок. Реквизиции сопровождались сжиганием дотла целых деревень и массовыми зверскими убийствами. Такому же грабежу и разбою немецкие карательные отряды подвергали сотни деревень в районах действий партизан. Так, в феврале 1943 г. полному разрушению и опустошению подверглись Осиповичский, Березинский, Червенский, Руденский, Слуцкий, Старобинский, Житковичский, Петриковский и другие районы Белоруссии, а также многие районы в других оккупированных областях. Общее количество зерна, вывезенного в 1942 г. только с Украины, по сведениям, опубликованным в США, составляло 1 млн тонн. Такие же данные сообщали немецкие газеты и радиостанции[356].

Благодаря постоянной агитации подпольщиков саботаж посевных и уборочных работ, укрытие от оккупантов и распределение между крестьянами урожая стали массовым явлением на оккупированной советской территории. Не выполнялись нормы выработки, затягивались сроки посевов и уборки урожая, что приводило к большим его потерям, занижалась

урожайность, путалась отчетность. Сохранилось немало свидетельств о самоотверженных действиях крестьян-колхозников, которые, стремясь сохранить имущество колхозов, одно за другим срывали мероприятия оккупационных властей. Несмотря на расправы, колхозники саботировали приказы оккупационных властей о сдаче хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, прятали и резали скот. Например, летом 1942 г. звеньевая колхоза «Мировая революция» Старооскольского района Курской области М. Винюкова подожгла колхозное поле, чтобы врагу не достался выращенный урожай зерновых.

За невыполнение трудовой повинности на промышленных предприятиях применялись телесные наказания и даже смертная казнь. Так, в Иванинском районе Курской области за самовольный уход с сахарного завода оккупанты подвесили к столбу 16-летних подростков Г. Дичанского и М. Рыжова. В селе Большие Угоны за невыход на работу были расстреляны рабочие сахарного завода Звягинцев и Дорохов. Трупы казненных каратели подвесили к столбам и прикрепили надписи «За невыход на работу».

Срыв мероприятий оккупантов усиливался по мере активизации деятельности партийного подполья и партизан. Установив связь с патриотами на предприятиях, партизаны и подпольщики указывали им наиболее важные объекты для саботажа и диверсий, учили методам их осуществления, снабжали минно-подрывной техникой.

Планируя войну против Советского Союза, руководители фашистской Германии рассчитывали, что смогут полностью обеспечить свою армию за счет оккупированных территорий. Гитлеровцы намечали использовать местные денежные ресурсы для выплаты жалованья военнослужащих, персонала гражданской администрации, полиции и прочих служб. За счет денежных средств оккупированных территорий предполагалось погашать государственный долг Германии.

Например, выкачиванием денежных средств в генеральном округе «Белоруссия» рейхскомиссариата «Остланд» руководило германское налоговое управление при генеральном комиссариате. Оккупанты ввели две формы денежного налога: государственный и местный. Государственным налогом облагались государственные и частные предприятия, платившие налог с оборота, прибыли, подоходный налог. Местным налогом облагались все граждане. Количество и величина налогов постоянно росли, а за неуплату местных жителей ссылали на каторжные работы в Германию, сажали в тюрьму и даже казнили.

Кроме налогов фашисты ввели систему денежных штрафов, налагавшихся за малейшее неповиновение оккупационным властям. Обширная система штрафов и налогов была направлена на максимальный отъем денежных средств у населения. Только учтенный оккупантами приток денежных средств за 1942 г. по смете бюджета генерального округа «Белоруссия» составил 100 млн рейхсмарок. Не поддается никакому учету та часть денежных средств, которая попала в руки гитлеровцев путем прямого грабежа советских граждан и так называемой реквизиции[357].

Жестокий оккупационный режим, установленный фашистами, грабежи, насилия, издевательства немецких властей и солдат над беззащитными мирными жителями сел и городов оккупированных местностей вызывали у населения не только негодование, но зачастую и противодействие, выражающееся в росте партизанского движения, открытых выступлениях агитаторов за советскую власть и актах, направленных на уничтожение представителей фашистской администрации.

Осуществление гитлеровцами политики геноцида в отношении советских людей началось с первых же дней войны. Расстрелы и массовые экзекуции приобрели колоссальные размеры. Солдаты и офицеры вермахта, каратели оперативных групп СС, пренебрегая международными соглашениями и конвенциями о законах ведения войн, повсеместно совершали чудовищные расправы над гражданским населением и военнопленными.

Многочисленные инструкции и приказы, подготовленные и изданные задолго до возникновения массового партизанского движения, рассылавшиеся из рейха на захваченную территорию под грифом «совершенно секретно», свидетельствуют о том, что немецко-фашистская оккупационная политика, ее цели и направление не сложились стихийно, а были

определены и разработаны заранее. Они вытекали из характера и сущности агрессивной войны, которую развязал германский фашизм.

Фашистский преступник Э. фон Бах-Зелевски, уполномоченный рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, начальник штаба по борьбе с партизанами, сделал ряд заявлений на Нюрнбергском процессе, подтверждавших, что борьба с партизанами использовалась фашистами как предлог для массового уничтожения советских людей. Когда его спросили, существовали ли приказы, которые бы разграничивали партизан и мирное население, он ответил, что таких приказов не было, как и пояснений, кого следует считать партизаном. На вопрос советского обвинителя: «Подтверждаете ли Вы, что вся практическая деятельность немецких властей, немецких воинских соединений в борьбе с партизанами была направлена на выполнение этой директивы сократить число славян на 30 млн человек?», Э. фон Бах-Зелевски ответил: «Я считаю, что эти методы действительно привели бы к истреблению 30 млн, если бы их продолжали применять и если бы ситуация не изменилась в результате развития событий»[358].

Уничтожение мирного населения во время карательных операций под видом борьбы с партизанами велось гитлеровцами с одной определенной целью — осуществить, используя любые меры, запланированное еще до начала войны истребление советских людей. Многие тысячи советских граждан были замучены и уничтожены в тюрьмах. Фашисты жестоко пытали и убивали тех, кто восставал против «нового порядка». Тюрьмы были постоянно переполнены. Акции по ликвидации заключенных гитлеровцы прикрывали термином «очистка тюрьмы». В начале 1942 г. гитлеровцы начали применять для массового уничтожения людей специальные автомашины — газенвагены, то есть душегубки.

Оккупанты осуществляли на оккупированной советской территории и варварский нацистский декрет об эвтаназии — умерщвлении душевно и неизлечимо больных. Под его действие подпадал широкий круг людей: старики, дети, душевнобольные. Так, 18 сентября 1941 г. фашисты учинили зверскую расправу над больными психиатрической больницы «Новинки» в Минске: 120 больных отравили газом в помещении бани, а 5 ноября расстреляли еще 300 больных.

Нацистский террор не минул и советских детей. Их уничтожали как социально-биологическую основу нашего народа. Детей принуждали к непосильному труду, морили голодом, заключали в концентрационные лагеря, вывозили на каторжные работы в Германию. Невероятно тяжелым оказалось положение сирот в детских домах на оккупированной территории. Ни военные, ни гражданские власти не были заинтересованы в поддержании их жизни: дети пухли от голода, умирали от болезней и холода. С изуверской жестокостью уничтожались дети, содержавшиеся в концентрационных лагерях. Только в одном концлагере в Барановичах фашисты убили 5200 детей[359].

Массовым явлением в годы войны был угон советских людей с оккупированных врагом территорий на работы в Третий рейх, ставший основным способом «вербовки» рабочей силы. С этой целью на оккупированной территории проводились облавы: полицейские подразделения с собаками перекрывали выходы из городов и других населенных пунктов, оцепляли улицы, базары, вокзалы и пойманных увозили в грузовиках, чтобы готовить их для отправки в Германию. Улицы городов и сел пустели, так как люди, опасаясь попасть в облаву, не выходили из дому. А накануне прихода советских войск гитлеровцы методами угроз и насилия заставляли людей в массовом порядке «эвакуироваться».

Таким образом, фактически речь шла о депортации миллионов советских людей, проживавших на оккупированной территории. В ряде населенных пунктов почти не оставалось жителей. Например, Новороссийск из-за массового угона населения в Германию к осени 1943 г. почти обезлюдел[360]. О том, что пережили люди в связи с подобными акциями, свидетельствует писатель А. Левада: «В Донбассе трудно найти семью, из которой не был бы взят кто-либо в немецкое рабство. В Ворошиловграде, как и во всех городах и селах области, это то, что наиболее потрясло людей... Моя бывшая квартирная хозяйка З. Я. Ковалевская рассказывала об этом так: «Вы видели когда-нибудь, как ловят петлями на базаре и тащат в будку собак? Так ловили немцы нас. Это была настоящая чудовищная охота на людей, охота со стрельбой и улюлюканьем»[361].

Большая часть советского гражданского населения, угнанного врагом с оккупированных территорий за пределы СССР, находилась в Третьем рейхе на положении «восточных рабочих», еще часть — в других европейских странах, подвластных и союзных Германии. Дискриминация, в том числе в оплате труда и нормах питания, и унижение человеческого достоинства стали реалиями жизни. По немецким инструкциям, «восточных рабочих» следовало строжайше изолировать и от немецкого населения, и от других иностранных рабочих, и от собственных земляков-военнопленных. Содержать «восточных рабочих» надлежало по возможности в огороженных и охраняемых рабочих лагерях. Использовать на производстве их разрешалось не индивидуально, что затрудняло контроль, а преимущественно рабочими колоннами. Лишь в сельском хозяйстве, и то не сразу, их дозволялось использование поодиночке, что было вынужденной мерой. Те «восточные рабочие», которые трудились в сельском хозяйстве, не имели права проживать в одном помещении со своими хозяевами — немцами. Обязательным для всех «восточных рабочих» было ношение хорошо видимого нагрудного знака OST.

С течением времени в положении «восточных рабочих» появились некоторые послабления: в ряде трудовых лагерей была снята колючая проволока, упрощена и облегчена практика выдачи увольнительных на выходные дни, но запрет посещать кинотеатры и рестораны оставался в силе. Определенное количество «восточных рабочих» (не менее 100 тыс. человек, как правило, завербовавшихся в Германию добровольно) согласились поступить на службу в немецкую армию и коллаборационистские формирования. Около 200 тыс. человек умерли за границей[362], порядка 150 тыс. больных и искалеченных «восточных рабочих» (включая беременных женщин) немцы возвратили в 1942–1943 гг. на оккупированную территорию СССР[363].

Многие немцы постепенно в ходе войны меняли свои прежние представления об остарбайтерах. Дело в том, что до начала войны с СССР в германском общественном сознании, воспитанном на идее расового превосходства арийцев, господствовало представление о советском народе как о «диких азиатах», «необразованной массе». Однако знакомство с советскими людьми, прибывшими в Германию в качестве военнопленных или рабочих, вольно или невольно приводило к изменению этих представлений. Многих немцев удивлял тот факт, что почти все русские были грамотны, владели рабочими профессиями и инженерно-техническими навыками, некоторые знали иностранные языки и умели музицировать.

Общее количество советских граждан, оказавшихся вследствие войны за пределами СССР, составляло около 6,8 млн человек: 3,3 млн пленных и 3,5 млн гражданского населения, угнанного на работы[364]. Из них к концу войны выжили около 5 млн. человек: 1,7 млн военнопленных и 3,3 млн гражданских лиц.

В принятых в конце войны советскими властями решениях по репатриации советских граждан все перемещенные с территории СССР лица были причислены к категории «насильно угнанных». Дело в том что «эвакуация» немцами местного населения накануне прихода советских войск, как и «вербовка» рабочей силы в Германи почти всегда происходили в принудительном порядке, под угрозой применения силы в отношении уклоняющихся. В октябре 1942 г. немецкий комендант Чернигова издал приказ, который гласил: «Объявляется к неуклонному исполнению населения города Чернигова: все девушки и бездетные женщины в возрасте от 16 до 45 лет, которые проживают в г. Чернигове, должны явиться к месту вербовки рабочих в Германию (г. Чернигов — шерстяная фабрика, возле вокзала) с 9 до 12 и с 14 до 16 часов с 19 по 23 октября 1942 г. для немедленного отъезда в Германию. За невыполнение этого распоряжения, вступившего в силу немедленно, — расстрел»[365].

Вместе с тем десятки тысяч преимущественно молодых людей, поддавшись на агитацию оккупантов о ждущей их в Третьем рейхе «красивой жизни», добровольно выехали на работу в Германию, причем впоследствии многие из них раскаивались в своем поступке. Массовым же явлением стало уклонение населения от отправки в нацистскую Германию, что само по себе являлось одной из форм сопротивления оккупационному режиму. Поэтому насильственный угон под страхом наказания в «немецкое рабство» стал основным способом «вербовки» рабочей силы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Луков Г. Д.* Психология (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М., 1960. С. 43–44.

[2] *Момыш-Улы Б.* Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39–40.

[3] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. III. Кн. 2. М., 1951. С. 209.

[4] *Коробейников М. П.* Современный бой и проблемы психологии. М., 1972. С. 162.

[5] *Гуськов С.* Если останусь жив... М., 1989. С. 216.

[6] Там же. С. 109.

[7] *Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 264–266.

[8] Военная психология и педагогика. М., 1998. С. 316.

[9] Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 423–424.

[10] *Гудкова Г.* Будут жить! М., 1986. С. 181.

[11] *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок //Аврора. 1990. № 1. С. 76.

[12] Комсомольская правда. 1994. 14 декабря.

[13] *Абдулин М.* Страницы солдатского дневника. М., 1990. 2-е изд. С. 59, 61.

[14] *Закруткин В.* Кавказские записки. 1941–1944. Симферополь, 1950. С. 242.

[15] В годы войны. Статьи и очерки. М., 1985. С. 212–218.

[16] Цит. по: *Кринко Е. Ф.* Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. X. М., Магнитогорск, 2010. С. 460.

[17] *Мирский М. Б.* Обязаны жизнью. М., 1991. С. 155.

[18] Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). М., 1997. С. 95–102, 148–150, 163–165.

[19] Там же. С. 380–381.

[20] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.

[21] Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 23.

[22] Приказ НКО СССР от 25 августа 1941 г.; Постановление ГКО СССР от 11 мая 1942 г., Приказ НКО СССР от 12 мая 1942 г.; Постановление ГКО СССР от 6 июня 1942 г.; Приказ НКО СССР от 12 июня 1942 г.; Постановление ГКО СССР от 12 ноября 1942 г.; Приказ НКО СССР от 13 ноября 1942 г.; Постановление ГКО СССР от 30 апреля 1943 г.; Приказ НКО СССР от 2 мая 1943 г. (См.: Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 73, 228, 252–253, 365–366; Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13(2-3). С. 145).

[23] *Кривель А. М.* Это было на Хингане. М., 1985. С. 125.

[24] *Тажидинова И. Г.* Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. С. 495.

[25] См.: *Алексиевич С.* У войны — не женское лицо. Минск, 1985. С. 101.

[26] *Тажидинова И. Г.* Указ. соч. С. 496.

[27] *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 164.

[28] Наиболее известным является вариант этой песни из повести В. Курочкина «На войне как на войне». Несколько других версий опубликовано в книге: Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 74–76.

[29] *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 69.

[30] Так, в Центральном музее Вооруженных сил в Москве (ЦМВС РФ. 4/67082/3080/1–2) хранятся предсмертные письма старшего лейтенанта Александра Набоки к матери и жене. В сборнике «Говорят погибшие герои» (М., 1986. С. 333–334) эти же письма — к матери и невесте — подписаны именем красноармейца Олега Нечитовского. Письма О. Нечитовского были опубликованы после его гибели в газете «Комсомольская правда» 6 августа 1944 г., то есть на несколько месяцев раньше, чем погиб А. Набока. Факт удивительный, но закономерный. И можно ли считать заимствованные слова «чужими» для человека, который пал смертью храбрых, как и их автор, и своей судьбой подтвердил и это письмо, и эти слова?

[31] *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 70.

[32] *Борисов А.* Встреча с погибшим другом. М., 1987. С. 126.

[33] *Кондратьев В.* Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7. С. 117.

[34] *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 301–302.

[35] См.: *Песков В.* Указ. соч. С. 154.

[36] *Бордюгов Г. А.* Великая Отечественная: подвиг и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 271.

[37] *Песков В.* Указ. соч. С. 117.

[38] *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 66–67.

[39] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. М., 1993. С. 315.

[40] *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. С. 260.

[41] Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. М., 1985. Вып. 2. С. 124.

[42] *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 94.

[43] *Симонов К.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. С. 212–213.

[44] *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 163–164.

[45] *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 57–58.

[46] *Сармакешев В. Н.* А мы такие молодые. М., 1988. С. 122.

[47] *Кривель А. М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 137–138.

[48] *Овчинникова Л.* Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 39.

[49] *Ворков С. С.* Морская гвардия. О гвардейских кораблях и частях Краснознаменной Балтики. Л., 1990. С. 64–65.

[50] *Гудкова Г.* Указ. соч. С. 179–180.

[51] *Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 119.

[52] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938 — июль 1956 г. М., 1956. С. 177–181.

[53] См.: Женщины Страны Советов. Краткий исторический очерк. М., 1977. С. 192.

[54] Женская военная судьба. Фотоальбом. М., 1995. С. 5; Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 269–270; Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 3. М., 1995. С. 179–180.

[55] *Иванова Ю. Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002. С. 170.

[56] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 73. Л. 143.

[57] См.: *Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1987. С. 9.

[58] *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 150–151.

[59] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 76. Л. 56–57.

[60] *Мурманцева В. С.* Женщины в солдатских шинелях. М., 1971. С. 103.

[61] *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 143.

[62] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 269–270; Военная энциклопедия. Т. 3. С. 179–180.

[63] Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 111–113.

[64] *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 143–148.

[65] Там же. С. 145, 150.

[66] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 213–215.

[67] *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 151–153.

[68] Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 222–223.

[69] *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 151.

[70] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 70. Л. 117–121; Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 212–213.

[71] *Еремин В. Г., Исаков П. Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 117.

[72] *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 157.

[73] Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 229–230.

[74] Там же. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. Т. 21(10). М., 1996. С. 126–127.

[75] *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 162.

[76] Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 230, 233.

[77] *Ерёменко А. И.* Сталинград. М., 1961. С. 293–294.

[78] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 269–270; Военная энциклопедия. Т. 3. С. 179–180.

[79] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 214; Эта же цифра приводится в первом издании. См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стат. исследование. С. 329.

[80] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 229.

[81] *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 101.

[82] ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 46. Л. 84.

[83] *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 58.

[84] Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 г. Т. 13(2-2). С. 285.

[85] Там же. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. Т. 13(2-3). С. 115.

[86] *Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.). Ростов н/Д., 2013. С. 154.

[87] Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной Армии. М., 1943; ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 22. Д. 3. Л. 3.

[88] См.: Жордания Иосиф Федорович // Связь времен. Акушеры-гинекологи России за три столетия. Биографический справочник. СПб., 2010.

[89] Военно-медицинский журнал. 1946. № 3. С. 16.

[90] Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 15.

[91] См.: *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 242.

[92] РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105.

[93] *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 241.

[94] Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. Т. 13(2-3). С. 317–318.

[95] Там же. С. 304.

[96] *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 61–62.

[97] *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 77.

[98] *Алексиевич С.* Указ. соч. С. 176–177.

[99] *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. С. 225–226.

[100] ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 58.

[101] Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. С. 98.

[102] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 269–270; Военная энциклопедия. Т. 3. С. 179–180; Кавалеры ордена Славы трех степеней: Краткий биографический словарь. М., 2000.

[103] Уточненные данные по награждениям см.: *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 172, 247–255.

[104] Там же. С. 172.

[105] См.: *Магид А.* Солдаты в рабочих ватниках: Страницы из дневника. М., 1969. С. 13; *Бирюкова С. Б.* Материально-бытовое обслуживание эвакуированных рабочих, служащих, ИТР в годы Великой Отечественной войны (на материалах республик Мордовия, Чувашия, Марий Эл). Саранск, 1996 . С. 9—11.

[106] Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Сб. документов. Новосибирск, 1964. С. 60; Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Томск, 1962. С. 136.

[107] *Юрьева В. А.* Спасение населения в ходе эвакуации в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 16.

[108] Государственный архив Мурманской области (далее — ГАМО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 385. Л. 75—79; Ф. Р-808. Оп. 1. Д. 96. Л. 353—354.

[109] Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. С. 497; *Бирюкова С. Б.* Указ. соч. С. 6—7, 10; *Потемкина М. Н.* К вопросу об определении понятия «эвакуированное население периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». Челябинск, 1992. С. 12—13.

[110] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 794. Л. 5—5 об.; *Араловец Н. А.* Городская семья в России, 1927—1959 гг. Тула, 2009. С. 116—125.

[111] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553. Л. 2—3; Д. 794. Л. 5—6 об.; Д. 795. Л. 5—151; Д. 1014. Л. 1; Д. 1456. Л. 9; Д. 1673. Л. 79.

[112] Законодательство о браке, семье и опеке. М., 1947. С. 45—48.

[113] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001. С. 247; Население России в XX веке. Ист. очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 33.

[114] *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 131—132.

[115] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553. Л. 2—6; Д. 794. Л. 5—6 об.; Д. 1014. Л. 1; Д. 1456. Л. 9.

[116] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967. В 2-х т. Т. 2. М., 1968. С. 409.

[117] История Москвы с древнейших времен до наших дней. В 3-х т. Т. 3. XX век. М., 2000. С. 226.

[118] Москва прифронтовая, 1941—1942: архивные документы и материалы. М., 2001. С. 12—14.

[119] Там же. С. 40—43.

[120] *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 503—504.

[121] Москва — фронту. 1941—1945. Сб. документов и материалов. М., 1966. С. 18—81; Провал гитлеровского наступления на Москву: 25 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. 1941—1966. М., 1966. С. 61; Война. Народ. Победа. 1941—1945. М., 1976. Кн. 1. С. 75—76.

[122] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 345.

[123] Москва — фронту. 1941—1945. Сб. документов и материалов. С. 49, 75.

[124] *Маляров В. Н.* Строительный фронт в годы Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941—1945 гг. СПб., 2000. С. 149.

[125] Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы. М., 2001. С. 23.

[126] *Киселев А. С., Пономарев А. Н.* Быт военной Москвы // Этот противоречивый XX век. М., 2001. С. 194—195.

[127] История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 214—215; Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы. С. 356, 358.

[128] История Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 214—215.

[129] Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы. С. 364—366, 372—374.

[130] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. / Пер. с нем. В 3-х т. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 101.

[131] «Совершенно секретно! Только для командования!» Сб. документов. М., 1967. С. 261.

[132] Ленинград в осаде. Сб. документов. СПб., 1995. С. 31, 579.

[133] «Совершенно секретно! Только для командования!» Сб. документов. С. 269.

[134] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 281.

[135] *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. С. 26.
[136] Там же. С. 27.
[137] *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 98.
[138] 900 героических дней. Сб. документов и материалов. М., Л., 1966. С. 106.
[139] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212.
[140] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М., СПб., 2005. С. 34–35.
[141] На защите Невской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л., 1965. С. 208; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1968. Ч. 2. С. 588–589.
[142] *Карасев А. В.* Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959. С. 124.
[143] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 2-х т. Т. 1. М., 1954. С. 783.
[144] *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде (1941 год). М., 1961. С. 57, 60; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. М., СПб., 2002. Кн. 2. С. 34.
[145] *Жданов Н. Н.* Огневой щит Ленинграда. М., 1965. С. 56.
[146] 900 героических дней. Сб. документов и материалов. С. 143.
[147] Там же. С. 139.
[148] Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. В 2-х т. Т. 1. Л., 1944. С. 119.
[149] Блокада рассекреченная. СПб., 1995. С. 164.
[150] *Демидов В. И.* Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 89.
[151] *Манаков Н. А.* Экономика Ленинграда в годы блокады // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 22; *Дзенискевич А. Р.* Военная пятилетка рабочих Ленинграда. 1941–1945. Л., 1972. С. 64.
[152] *Карасев А. В.* Указ. соч. С. 158.
[153] *Дзенискевич А. Р.* Указ. соч. С. 65.
[154] *Байков В.* Память блокадного подростка. Л., 1989. С. 39–40.
[155] Блокада рассекреченная. С. 200.
[156] *Карасев А. В.* Указ. соч. С. 139.
[157] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 372–373.
[158] Там же. С. 374.
[159] На защите Невской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. С. 234–235, 240.
[160] Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 572.
[161] См.: Сражались, работали, учились. Вузы Ленинграда в годы войны и блокады. СПб., 1994. С. 44–75.
[162] Очерки истории Ленинграда. В 6-ти т. Т. 5. Л., 1967. С. 554.
[163] 900 героических дней. Сб. документов и материалов. С. 361–362.
[164] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 374.
[165] Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде. Л., 1947. С. 37.
[166] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 322.
[167] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 64.
[168] *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая земля. Л., 1975. С. 94.
[169] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 195–196.
[170] *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая земля. С. 106.
[171] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 663.
[172] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 195.
[173] *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М., Л., 1966. С. 62.
[174] Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. С. 220.
[175] *Демидов В. И.* Указ. соч. С. 121–122.
[176] Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 109.
[177] *Сувениров О. Ф.* Помощь Ленинграда фронту людьми в первую блокадную зиму // Вторая мировая война. Мат. науч. конференции. М., 1966. Кн. 2. С. 162.

[178] *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 129.
[179] *Демидов В. И.* Указ. соч. С. 127.
[180] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 216.
[181] *Худякова Н. Д.* Вся страна с Ленинградом (1941–1943 гг.). Л., 1960. С. 58–59.
[182] *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 63–65.
[183] Битва за жизнь. Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала блокады Ленинграда. СПб., 2006. С. 58–59.
[184] Музей обороны Ленинграда. М., Л., 1948. С. 44.
[185] 900 героических дней. Сб. документов и материалов. С. 300–301.
[186] Там же. С. 239.
[187] *Демидов В. И.* Указ. соч. С. 128.
[188] Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. В 2-х т. Т. 2. М., 1948. С. 49.
[189] *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013. С. 279.
[190] Блокада рассекреченная. С. 209.
[191] *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 65–71.
[192] *Магаева С. В., Тервонен Л. И.* Блокадные дети. М., 2011. С. 219–220.
[193] *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая земля. С. 135–136.
[194] Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 297.
[195] *Буров А. В.* Блокада день за днем. Л., 1979. С. 115.
[196] *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. Л., 1984. С. 117–119.
[197] Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. СПб., 2001. С. 16.
[198] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 298.
[199] Там же. С. 226–227.
[200] *Болдырев А. Н.* Осадная запись (блокадный дневник). СПб., 1998. С. 55.
[201] Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941–1944. СПб., 1994. С. 101–102.
[202] Жизнь и быт блокированного Ленинграда. СПб., 2010. С. 90.
[203] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 151.
[204] *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая земля. С. 178.
[205] Ленинград в Великой Отечественной войне. Л., 1967. С. 608.
[206] Ленинградская правда. 1942. 26 марта.
[207] *Манаков Н. А.* В кольце блокады. Л., 1961. С. 144–145.
[208] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 391.
[209] *Ломагин Н. А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 266.
[210] Там же. С. 266.
[211] *Карасев А. В.* Указ. соч. С. 229.
[212] *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. С. 580–581.
[213] *Баранов Н. В.* Архитектура и строительство Ленинграда. Л., 1948. С. 50.
[214] *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая земля. С. 182.
[215] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 301–305.
[216] *Манаков Н. А.* В кольце блокады. С. 115.
[217] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 251.
[218] *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая земля. С. 285.
[219] *Буров А. В.* Указ. соч. С. 182.
[220] *Лисочкин И.* Счастливые дни // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 7 мая.
[221] *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. С. 164.
[222] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 167–169.
[223] Операция «Искра». Л., 1973. С. 72.

[224] *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. С. 182.

[225] Там же. С. 183.

[226] Ленинград в осаде. Сб. документов. С. 256–258.

[227] Непокоренный Ленинград. Л., 1985. С. 200.

[228] *Володарский Л.* Восстановление и развитие промышленности Ленинграда // Плановое хозяйство. 1945. № 5. С. 66.

[229] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 716.

[230] Подсчитано по: Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14-ти т. Т. 14. М., 2005. С. 10; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1019-а. Л. 27.

[231] *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 324–325.

[232] Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 720. Л. 18–33; Д. 1248. Л. 86; Д. 1566. Л. 1.

[233] Страна Советов за 50 лет. Статистический сборник. М., 1967. С. 125.

[234] История крестьянства СССР. В 5-ти т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. М., 1987. С. 357; *Мотревич В. П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С. 86–87.

[235] *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 340.

[236] Там же. С. 341.

[237] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1248. Л. 90.

[238] *Featured Кознова И. Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. С. 123.

[239] *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 349; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1225. Л. 63–64, 66.

[240] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1227. Л. 69, 71–72.

[241] Подсчитано по: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. Сб. документов. М., 2003. С. 226–228.

[242] *Бердинских В.* Народ на войне. Вятка, 1996. С. 141.

[243] Там же. С. 77; *Анисков В. Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда, Ярославль, 1998. С. 113; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 1227. Л. 1–16.

[244] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 153. Л. 6.

[245] ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 32. Д. 108. Л. 8.

[246] Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 197–198.

[247] *Бердинских В.* Указ. соч. С. 141; *Кознова И. Е.* Указ. соч. С. 35; *Михайлова М.* Что было у нас на столе в войну // Крестьянин. 2000. № 18; *Зинич М.* Будни военного лихолетья. 1941–1945. Вып. 2. М., 1994. С. 25.

[248] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 231. Л. 7, 31; Ф. 17. Оп. 123. Д. 259. Л. 22–23, 27, 40.

[249] РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 758. Л. 244–246.

[250] История крестьянства СССР. Т. 3. С. 250, 252.

[251] Правда. 1941. 1 августа.

[252] История крестьянства СССР. С. 250.

[253] Там же. С. 261; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 138. Л. 10 об.; Д. 223. Л. 16, 28.

[254] *Максакова Л. В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 259; Летопись Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Жители села Ракиты в годы войны: на фронте и в тылу. Рубцовск, 2012. С. 74–75.

[255] Учительская газета. 1943. 13 и 22 января; 3 и 10 февраля.

[256] *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 342; Сельское хозяйство Сибири в XX веке: Проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 110.

[257] Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 16 июля.

[258] *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 14.

[259] Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв. СПб., 2012. С. 262.

[260] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 720. Л. 32; Д. 1227. Л. 11–17.

[261] Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв. С. 117–118; Опыт историко-социологического изучения села Молдино. М., 1968. С. 252.

[262] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 7. Д. 720. Л. 32; Д. 1227. Л. 13.

[263] Летопись Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Жители села Ракиты в годы войны: на фронте и в тылу. С. 72.

[264] Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР, 1945. № 2. Ст. 10.

[265] Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 2, 3 об.; Оп. 329. Д. 1452. Л. 1117; Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 82.

[266] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 105. Л. 2; Д. 1452. Л. 103.

[267] Гигиена и санитария. 1947. № 2. С. 33; Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 91–93.

[268] Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 96.

[269] См.: *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С. 66; *Исупов В. А.* Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 95.

[270] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 66. Л. 52; Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 98–99.

[271] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 546. Л. 15; Д. 797. Л. 13; Д. 1014. Л. 1; Д. 1456. Л. 9; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 355. Л. 25; Население России в XX веке. Ист. очерки. Т. 2. С. 100–102.

[272] Там же.

[273] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 2. Л. 1–3.

[274] Там же. Л. 6.

[275] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 277. Л. 58.

[276] Там же. Оп. 4с. Д. 2. Л. 18, 20, 23.

[277] Там же. Л. 19, 24–25.

[278] См.: *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941–1945. М., 2002. С. 253–255.

[279] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 1. Л. 124а–124б.

[280] Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. С. 240.

[281] См.: *Жангуттина Б. О.* Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942) // Новый исторический вестник. 2006. № 14.

[282] РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 47. Д. 25. Л. 125.

[283] Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1967. Ч. 2. С. 307.

[284] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 7. Д. 24. Л. 172.

[285] Великая Отечественная вона 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 560.

[286] *Куманев Г. А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 61.

[287] *Лихоманов М. И., Позина Л. Т., Финогенов Е. И.* Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. Л., 1985. С 24.

[288] См.: *Нечаева А. М.* Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000. С. 130–134; *Синицын А. М.* Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 21.

[289] *Суворова В. В.* Как мы перестроили работу детского сада на военный лад // Дошкольные учреждения в дни Отечественной войны. Сборник статей и материалов в помощь дошкольному работнику. Козьмодемьянск, 1942. С. 26.

[290] К женщинам всего мира: Материалы митинга в защиту детей от фашистского варварства. М., 1942. С. 15.

[291] *Андреева Н. Г., Игнатьева О. В.* Эвакуированные дети в Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2007. С. 474.

[292] *Александрова Г. И., Макарова Т. И.* Вклад колхозного крестьянства во всенародную помощь осиротевшим детям в годы Великой Отечественной войны (По материалам Калининской, Костромской и Ярославской области). Калинин, 1987. С. 3–4.

[293] *Свердлов Г. М.* Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент, 1943. С. 45–46.

[294] *Аверьянова М. Г.* Край Раменский, век XX. Очерки краеведа. М., 1998. С. 161.

[295] Цит. по: *Заозерских Е. В.* Боевые задачи работников дошкольного учреждения в дни Отечественной войны // Дошкольные учреждения в дни Отечественной войны. Сборник статей и материалов в помощь дошкольному работнику. С. 6.

[296] *Русанова О.* Дети народа. М., 1948. С. 28; *Кобыш И. П.* Из дневника директора 114-й средней школы Выборгского района г. Ленинграда // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 59–63; *Котов С. Д.* Детские дома блокадного Ленинграда. СПб., 2002. С. 20, 97, 178.

[297] Цит. по: *Андреева Н. Г., Игнатьева О. В.* Указ. соч. С. 476–477.

[298] Борьба партии за укрепление социально-политического единства советского общества. Петрозаводск, 1981. С. 93.

[299] Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 801–803.

[300] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4с. Д. 66. Л. 64.

[301] Там же. Л. 15.

[302] Там же. Д. 12. Л. 3.

[303] *Саидова Г. Ш.* Жизнь эвакуированных детей в Узбекистане в годы Второй мировой войны // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 757–760.

[304] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 12. Л. 16.

[305] Там же. Л. 42.

[306] Там же. Д. 40. Л. 24.

[307] Там же. Д. 39. Л. 3, 6.

[308] Там же. Оп. 4с. Д. 38. Л. 6–8.

[309] Там же. Д. 93. Л. 59.

[310] Там же. Л. 90–91.

[311] Там же. Д. 17. Л. 7.

[312] Там же. Л. 8.

[313] Там же. Д. 30. Л. 59.

[314] Там же. Л. 60.

[315] Там же. Д. 66. Л. 52.

[316] Там же. Оп. 7. Д. 69. Л. 37.

[317] Там же. Оп. 4с. Д. 17. Л. 13–14.

[318] Там же. Оп. 4с. Д. 37. Л. 118.

[319] Там же. Д. 56. Л. 31.

[320] Там же. Л. 32.

[321] См.: *Гельфман П. И.* Забота советской общественности о детях // Из опыта работы попечительских советов детских домов. М., 1961. С. 28–29; *Рихтер З.* У нас нет сирот. М., 1942. С. 6–8; *Русанова О.* Указ. соч. С. 22; Детям фронтовиков — наши забота и любовь // Правда. 1942. 29 сентября; *Александрова Г. И., Макарова Т. И.* Указ. соч. С. 9–13.

[322] См.: *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 26–27.

[323] См.: *Нечепа В. Г.* Деятельность местных органов в социальной сфере в годы Великой Отечественной войны (на материалах Европейского Севера) // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. Сб. статей и материалов. М., Ставрополь, 1998. С. 230; *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 26–27.

[324] *Плешевеня В.* Деревенька моя... // Правда. 1987. 20 августа. С. 2; *Александрова Г. И., Макарова Т. И.* Указ. соч. С. 9.

[325] См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1941–1961 гг. М., 1988. С. 15.

[326] Всего за годы войны супруги Гаврилины усыновили четверых детей от двух до 12 лет (их старший сын, боец Красной армии Евгений, был усыновлен еще до войны, в 1937 г.). Сестры Ольги Федосьевны — Вера и Анастасия усыновили двух девочек шести лет (*Шаповалова А.* Люди с большим сердцем // Огонек. 1946. № 5. С. 14–15).

[327] См.: *Котов С. Д.* Указ. соч. С. 18–19, 31–37; *Раскин Л. Е.* Это было в Ленинграде... // Народное образование. 1965. № 5. С. 22.

[328] См.: *Русанова О.* Указ. соч. С. 7–9, 38–39; *Гельфман П. И.* Указ. соч. С. 26–33, 41–42; *Рабинович М. Г.* На фронте и в тылу (Из истории профсоюза рабочих морского и речного флота 1941–1945 гг.). М., 1962. С. 115–116; *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 44, и др.

[329] *Раскин Л. Е.* Указ. соч. С. 30–32; *Щеглов В.* Возвращенное детство: Из жизни детских домов Сталинграда. Сталинград, 1951. С. 80–84.

[330] О создании попечительских советов см.: *Вальков М. К.* Роль и задачи попечительских советов детских домов // Из опыта работы попечительских советов детских домов. М., 1961. С. 7; *Русанова О.* Указ. соч. С. 21.

[331] Широкую известность это явление получило благодаря повести В. Катаева «Сын полка» и одноименному кинофильму. Интересно, что роль сироты Вани Солнцева в фильме «Сын полка» сыграл 12-летний воспитанник подмосковного детского дома № 11/80 Юра Янкин. Исполнение главной роли в кинофильме помогло Юре, считавшему себя сиротой, найти отца. Съемки проходили в разных городах России, об их ходе регулярно сообщали местные газеты. Когда фильм был уже готов, на киностудию пришло два письма из Ставрополя от гвардии полковника Янкина, потерявшего во время войны сына Юру (*Арбат Ю.* «Сын полка» // Огонек. 1946. № 40. С. 38).

[332] См.: *Войтехов Б.* Седой мальчик // Правда. 1942. 15 октября. С. 2; *Проценко В.* Герои среди вас // Народное образование. 1965. № 5. С. 19; *Галич Б.* Гремит музыка боевая // Огонек. 1946. № 7. С. 25–26.

[333] Цит. по: *Александрова Г. И., Макарова Т. И.* Указ. соч. С. 8.

[334] *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 44.

[335] *Кононенко Е.* «Ты не сирота, малыш!» (О благородном почине женщин «Красного богатыря») // Правда. 1942. 31 января.

[336] *Рихтер З.* Указ. соч. С. 41. Следует отметить, что как опекунство, так и патронирование в годы войны нередко было вынужденной заменой усыновлению, оформить которое юридически было невозможно в связи с неопределенностью судьбы родителей либо отсутствием документального подтверждения их смерти.

[337] *Кононенко Е.* Указ. соч.; К женщинам всего мира: Материалы митинга в защиту детей от фашистского варварства. С. 11–13; *Рихтер З.* Указ. соч. С. 6–26; *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 46.

[338] Сироты воспитываются в семьях трудящихся // Правда. 1945. 26 октября.

[339] Подробнее см.: *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 28; *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 44.

[340] См.: *Русанова О.* Указ. соч. С. 29–30; *Бурносов В.* Мать // Правда. 1945. 25 октября. С. 3; *Рихтер З.* Указ. соч. С. 16–26.

[341] См.: Сироты воспитываются в семьях трудящихся // Правда. 1945. 26 октября; Следуя примеру советских патриотов // Правда. 1942. 17 февраля.

[342] *Рихтер З.* Указ. соч. С. 10–11; Речь заместителя директора детдома Валентины Коршуновой; Речь работницы Елены Овчинниковой // К женщинам всего мира: Материалы митинга в защиту детей от фашистского варварства. С. 16.

[343] См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1941–1961 гг. С. 23; Подвиг матери // Правда. 1974. 21 марта. С. 6; *Русанова О.* Указ. соч. С. 7–9, 36–37.

[344] См.: *Рихтер З.* Указ. соч. С. 20–21; *Свердлов Г. М.* Указ. соч. С. 45–46.

[345] Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении» от 8 сентября 1943 г. было разрешено вносить усыновителей в качестве родителей в свидетельство о рождении, а также давать усыновляемым фамилию и отчество по имени усыновителей. См.: *Пергамент А.* Некоторые вопросы усыновления // Социалистическая законность. 1949. № 2. С. 21–25.

[346] См.: *Вальков М. К.* Указ. соч. С. 7, 9–21, 80–90; *Громов В.* На героических традициях // Народное образование. 1965. № 5. С. 44–45; *Нечесова Е. А.* Попечители Ейского детского дома // Из опыта работы попечительских советов детских домов. М., 1961. С. 70; *Станулионис А.* Школа носит имя героя // Народное образование. 1965. № 5. С. 42–43; *Щеглов В.* Указ. соч. 52–54, 62–70.

[347] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. В 3-х т. Т. 1. Минск, 1983. С. 189.

[348] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 25.

[349] Там же.

[350] Имеются в виду партизаны.

[351] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 26.

[352] Там же.

[353] Возвращение немцев в Литву, кроме того, имело целью усилить там политическое влияние фашистов и противопоставить его влиянию польских националистов.

[354] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 26.

[355] Там же. Л. 28.

[356] Там же. Л. 29.

[357] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Т. 1. С. 191.

[358] Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 7-ми т. Т. 3. М., 1958. С. 360.

[359] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Т. 1. С. 182.

[360] *Безыменский Л. А.* Провал операции «Нептун». М., 1980. С. 69.

[361] *Коваль М. В.* Борьба населения Украины против фашистского рабства. Киев, 1979. С. 26.

[362] Мир и политика. 2012. № 5. С. 30.

[363] *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 68.

[364] По советским источникам, общее количество угнанного врагом с оккупированной территории СССР в разные годы гражданского населения варьируется в пределах от почти 4 млн до 4,3 млн человек (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 246б. Л. 1–3). В вышедшем в 1973 г. 10-м томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» приведены уточненные данные — 4,26 млн человек (История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 390). В это число включены как насильственно угнанные советские граждане, так и те, кто добровольно записался на работу в Германию или предпочел уйти с немцами под видом «беженцев». Некоторая часть угнанных по разным причинам по дороге сбежала, была освобождена партизанами и наступавшими частями Красной армии. С учетом всего этого получается, что за пределы СССР реально было уведено насильственным образом не более 3,5 млн советских гражданских лиц.

[365] *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург»: О срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1980. С. 323.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Основные направления национальной политики накануне и в годы войны

В период с 1917 и до начала 1940-х гг. советской власти удалось многое сделать для формирования адекватных подходов к организации и проведению национальной политики в условиях развития принципиально иной, чем прежде, модели государства. Возникали новые правоотношения, создавались специальные государственные институты, организовывались представительства союзных и автономных республик в Москве. В структуре государственной исполнительной власти был образован Народный комиссариат по делам национальностей со своими подразделениями на местах. Все это содействовало укреплению вертикали власти, занимавшейся совершенствованием межнациональных отношений, улучшением хозяйственной и культурной жизни национальных регионов, решением проблем национально-государственного обустройства, а также партийного и советского строительства в союзных и автономных республиках.

Одновременно решались две главные стратегические задачи: повышение уровня экономического развития регионов проживания различных этносов, а также возрождение и развитие культуры этих народов, формирование их мировоззрения. Общую направленность советской национальной политики определяла принципиальная установка на оказание масштабной и разноплановой помощи отсталым и ранее угнетавшимся народностям и выравнивание (подтягивание) социально-экономического развития национальных окраин до уровня центральных регионов страны.

Двадцатые годы стали временем становления национальной политики Советского государства, главное содержание которого составляли сложные процессы ликвидации негативных последствий Гражданской войны, создания Союза ССР, административно-территориального переустройства, укрепления системы органов власти. В этот период на практике были продемонстрированы возможности органичного развития многих народов в единой стране и на равноправных условиях, с учетом их общих исторических и культурных корней.

Провозгласив лозунг большего доверия коренным национальностям, государство закладывало основы для формирования национальных элит: стране требовались руководители, управленцы, деятели науки и культуры, представляющие разные народы и глубоко знаю-

щие местную специфику. Курс на ускоренное развитие «национальных окраин» активно обсуждался и на партийных съездах. Так, на X съезде РКП(б) отмечалось: «Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам нерусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им:

а) развить и усилить у себя действующие на родном языке — суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных.

б) развить у себя прессу, школу, театр»[1].

Эти масштабные задачи реализовывались параллельно с национально-государственным строительством. Так, к 1932 г. насчитывалось уже 250 национальных районов и 5300 сельских национальных советов[2].

С другой стороны, между местными национальными элитами, порой злоупотреблявшими властью, и населением национальных образований возникали и противоречия, приобретавшие в ряде случаев острый характер. Определенный перекос в сторону жесткого управления национальными процессами, а не регулирования их с помощью «мягкой силы», административно-командная система управления с ее эксцессами, кадровая политика, имевшая зачастую персонифицированный характер, ошибки в практике регулирования межэтнических отношений — все это тоже реалии предвоенного времени.

На характер и содержание межнациональных отношений также влияли происходившие административно-территориальные изменения. Они были связаны с формированием государственности народов Северного Кавказа, Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, включением в состав СССР новых западных территорий, образованием национальных административно-территориальных районов (существовали до 1937—1938 гг.). Иногда практиковалось объединение в рамках одной республики разных народов (при этом принимались во внимание главным образом экономический и географический факторы — удобство транспортных коммуникаций и прочее), а исторический опыт и культурные особенности учитывались недостаточно.

В 1930-е гг. необходимость учета национальных особенностей при проведении экономических, политических, культурных преобразований стала рассматриваться как фактор, усложнявший реализацию задач строительства социализма. При сравнении переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг. обращает на себя внимание сокращение этнического многообразия населения страны. Это произошло в результате объединения родственных этносов на основе общих признаков: языка, обычаев, элементов культуры.

Раскулачивание, сопровождаемое принудительным переселением разных в национальном отношении групп населения, также сказалось на сфере межэтнических отношений. К началу Великой Отечественной войны на выселении оставались почти 1 млн крестьян[3].

Во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. ЦК ВКП(б) и правительство приняли целый ряд политических и нормативно-правовых документов, направленных на изменение национальной политики: постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов», «О ликвидации национальных школ и отделений в школах» от 24 января 1938 г. и «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 мая 1938 г., постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА» от 7 марта 1938 г., постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов» от 29 февраля 1939 г. и другие.

В условиях нараставшей военной угрозы органами государственной власти проводились мероприятия по переселению из приграничных областей потенциально нелояльных этнических групп. Эти меры были осуществлены, например, в отношении 3547 финских семей, выселенных из пограничных с Финляндией районов, и 172 тыс. советских корейцев, переселенных с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию. Аналогичная практика коснулась и части этнических поляков: по данным переписи 1937 г., всего в СССР проживали 636 220 граждан польской национальности[4].

Бойцы Латышской дивизии у Боевого знамени

Вручение оружия пополнению Литовской дивизии

Напряженные отношения с рядом враждебных по отношению к СССР государств выразились в отзыве с 1937 г. представителей соответствующих народов из сферы обороны, предприятий по изготовлению военной техники, конструкторских бюро. В Красной армии проверка завершилась увольнением в 1938 г. около 4 тыс. военнослужащих разных национальностей: немцев, поляков, латышей, эстонцев, финнов, турок, румын, венгров и других[5]. Часть уволенных в 1939–1940 гг. была восстановлена в армии[6]. Наркомат обороны СССР в директиве «О сроках и порядке призыва в РККА в 1939 году» предусматривал отказ от призыва некоторых категорий граждан, в том числе по национальному признаку.

Присоединение к СССР новых территорий — Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии, Карельского перешейка и других — предопределило определенную корректировку национальной политики. При этом было необходимо учесть проживание там нерусского населения, включая ранее ущемленные в правах национальные меньшинства, а также высокую степень религиозности новых советских граждан. Ситуацию осложняли и естественные трудности при создании местных советов, ликвидации частного землевладения и частных предприятий, организации местных партийных организаций, реквизиции, коллективизации, преодолении оппозиционности части населения.

К лету 1941 г. все эти мероприятия были еще далеки от завершения. Именно поэтому некоторая часть населения, по разным причинам недовольная политикой советской власти, доброжелательно встретила войска вермахта. Однако затем реалии оккупационной политики заставили многих пересмотреть свои взгляды.

После нападения фашистской Германии на СССР вопросы национальной политики в деятельности правительства тесно увязывались с задачами обеспечения обороноспособности страны. 27 июня 1941 г. в связи с необходимостью эвакуации промышленности и части населения на восток страны ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Эвакуация производилась в глубь страны, в том числе в республики Средней Азии и Казахстан.

В августе 1941 г. Государственный Комитет Обороны восстановил довоенную практику национальных воинских формирований РККА[7]. Первой из них стала 201-я Латышская стрелковая дивизия, более чем наполовину состоявшая из латышей. В ноябре 1941 г. было принято постановление ГКО «О формировании национальных воинских соединений»[8]. Всего за годы войны в 12 союзных республиках[9] было сформировано 66 национальных воинских соединений и частей: 26 стрелковых и горнострелковых дивизий, 22 кавалерийские дивизии и 18 стрелковых бригад, 37 из них непосредственно участвовали в боевых действиях.

С началом войны первостепенной задачей стало сплочение народов страны для совместной борьбы с врагом. Пропаганда идей патриотизма и дружбы народов приобрела особое значение. Свое выражение эти идеи получили на фронте и в тылу, в действиях партизанских отрядов и подпольщиков. Государственная политика содействовала объединению и сплочению советского общества. Большое значение в формировании оборонного сознания имели русские национальные и патриотические ценности, о которых говорил И. В. Сталин в своей речи 3 июля 1941 г.

Война вообще стала своеобразной лакмусовой бумажкой эффективности довоенной политики, в том числе национальной, до предела обострив все проблемы, продемонстрировав успехи и выявив недостатки в преобразованиях предшествовавших лет. Прежние ошибки власти, а также военные неудачи РККА лета — осени 1941 г. породили у части населения впечатление о слабости и возможном крахе советского строя, способствовали таким негативным явлениям, как дезертирство и уклонение от призыва. Опасаясь сурового наказания, многие дезертиры и уклонисты, некоторые из них с оружием, возвратившись в родные регионы, уходили в горы и леса, занимались разбоем и бандитизмом. Это способствовало некоторой дестабилизации обстановки в национальных регионах страны, вело к обострению криминогенной ситуации. Свои противоправные действия они старались оправдать недовольством политикой советской власти. В период оккупации такие люди нередко вставали на путь сотрудничества с немецкой администрацией.

Бойцы 112-й Башкирской кавалерийской дивизии

Казаки 13-й Кубанской дивизии

Очевидно, что превентивные репрессивные меры предвоенных лет нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, интересы обороны страны требовали проведения комплекса мероприятий, направленных на борьбу со шпионажем и нейтрализацией недовольных советской властью. С другой стороны, жесткие меры и неизбежные при их осуществлении ошибки и эксцессы провоцировали рост недовольства.

Нацисты рассчитывали использовать данное обстоятельство в своих целях и ошибочно считали СССР «колоссом на глиняных ногах». Однако их надежды не оправдались. Сотрудничество представителей отдельных национальностей с гитлеровским режимом, несомненно, имело место, но немцам так и не удалось дестабилизировать советский режим, в том числе путем заигрывания с «обиженными» этническими общностями и конфессиями, использования межэтнических противоречий. Оккупанты недооценили патриотизм народов СССР. Более того, перед фашистской угрозой все противоречия и прежние обиды отступили на второй план. Люди не просто объединились на защиту своего Отечества, но и поддержали усилия власти и выступили совместно с ней против врага, что и стало залогом Победы.

В национальной политике государства акцент делался на сплочение всех народов страны в единый антифашистский лагерь. Пропаганда идей патриотизма, обращение к славным традициям прошлого приобрели особое звучание, газеты и радио ежедневно сообщали о все новых примерах героизма солдат и офицеров разных национальностей. Не было каких-либо ограничений по национальному признаку и при представлении к боевым наградам. Борьба с врагом приобрела поистине общенародный характер.

Вместе с тем жесткая политика государства по отношению к некоторым этносам была продолжена, а условия военного времени диктовали необходимость использования арсенала силовых методов управления. Юридическим основанием для применения соответствующих мер, в числе которых было и принудительное переселение ряда этнических общностей, послужили указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г., постановление СНК СССР от 2 марта 1940 г. о выселении неблагонадежных элементов, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР», «Положение о порядке применения ссылки на поселение для некоторых категорий преступников» от мая 1941 г. и другие.

Военному командованию и НКВД давались особые полномочия. Решения «о выселении в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении, или из отдельных ее пунктов лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой»[10], теперь могли приниматься ими самостоятельно.

Выселение советских немцев рассматривалось властью в качестве превентивной меры и своего рода страховки в связи с тем, что немецкие общины в ряде европейских государств (Чехословакии, Польше и других) в ходе их конфликта с Германией являлись надежной опорой рейха. Действительно, в Германии делали особую ставку на фольксдойче — советских граждан немецкой национальности, которых не успели до начала войны переселить на восток[11]. Однако далеко не все немцы, оказавшись в оккупации, добровольно регистрировались у новых властей и тем более шли на сотрудничество с нацистами. Многие из них, в первую очередь коммунисты, ушли вместе с отступавшими советскими войсками.

В начале войны немцы, проживавшие на территории Украины, в Белоруссии, Крыму, Закавказье, на Северном Кавказе и в других регионах СССР, подверглись принудительному переселению. Так, из Дагестанской и Кабардино-Балкарской АССР были выселены в общей сложности около 10 тыс. немцев, с территории Грузинской ССР — 23,5 тыс., из Азербайджанской ССР — 22,7 тыс., из Крыма, Краснодарского и Орджоникидзевского краев РСФСР — в общей сложности около 130 тыс.[12], еще 11, 5 тыс. советских немцев было выслано из Москвы и Московской области[13].

Людей переселяли в специально отведенные поселки на территории Казахской ССР, республик Средней Азии, Новосибирской и Омской областей, Красноярского края[14]. Самый многочисленный контингент — 446 800 граждан немецкой национальности прибыли в эти регионы из Поволжья. По данным НКВД СССР, к середине 1942 г. удалось доставить на восток «по государственному заданию» в общей сложности более 856 340 немцев вместе с детьми[15].

Солдаты-калмыки в рядах вермахта

«Благословение» русского казачьего подразделения на предательство Родины

После освобождения западных и центральных районов Украины в 1944 г. в спецпоселки отправили и часть немцев, уличенных в сотрудничестве с нацистами и потому попавших в категорию немецких пособников, — всего около 3 тыс. человек[16].

В первые месяцы войны большая часть советских финнов-ингерманландцев, проживавших в Ленинградской области и Карелии, оказалась на оккупированной немецкими и финскими войсками территории. В результате 65 тыс. советских финнов были вывезены в Финляндию. В 1944 г. большая часть из них — около 55 тыс. человек добровольно вернулись в СССР. Однако после возвращения они расселялись не в местах прежнего проживания, а в Вологодской, Ярославской, Новгородской и других областях[17].

Что касается финнов, остававшихся в годы войны на советской территории, то на основании постановлений ГКО о гражданах национальностей, воюющих с СССР стран, в 1941 г. 2,5 тыс. финнов были переселены с мест постоянного проживания в глубь территории СССР. В марте 1943 г. к ним прибавились еще 9 тыс. человек, выселенных из блокадного Ленинграда в спецпоселки Сибири и Якутии[18].

В Карачаевской автономной области, входившей в состав Ставропольского края, в начале войны имели место уклонение от службы и дезертирство из рядов Красной армии как среди некоторых карачаевцев, так и части казаков. По данным отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, за вторую половину 1941 и 1942 г. в крае были задержаны более 2 тыс. дезертиров и уклонистов. В 1943 г., в условиях приближения фронта, уклонение и дезертирство приобрели еще большие размеры — в крае удалось задержать 14,5 тыс. дезертиров[19].

В первые месяцы войны в сибирские спецпоселки были отправлены 110 семей бандглаварей — в общей сложности 472 человека[20]. После освобождения региона от фашистов, в октябре 1943 г. было принято решение о выселении всех карачаевцев «в связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Карачаевской автономной области многие карачаевцы вели себя предательски, вступали в организованные немецкие отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дороги немецким войскам, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти врагов и заброшенных немцами агентов, оказывают им помощь»[21]. Всего из Ставропольского края были выселены почти 68 тыс. карачаевцев, а вместе с карачаевцами, проживавшими в других районах страны, на спецпоселении оказались более 70 тыс. человек[22].

По данным переписи 1939 г., в Калмыцкой АССР проживали более 220 тыс. человек, из которых собственно калмыки составляли около половины. В августе 1942 г. немецкие войска оккупировали территорию восьми из тринадцати улусов Калмыкии. Как и в ряде регионов Северного Кавказа, в начале войны здесь возникли вставшие на путь сотрудничества с оккупантами националистические бандформирования, которые терроризировали местных жителей и дестабилизировали положение в тылу Красной армии. По данным НКВД СССР, на территории республики действовали 12 таких бандформирований общей численностью свыше 500 человек, а также созданный немцами из местных жителей кавалерийский корпус, насчитывавший свыше 25 эскадронов (до 25 тыс. человек). Особой жестокостью отличалась банда Б. Огдонова. На стороне врага оказалась и часть религиозных деятелей Калмыкии, установивших тесные контакты с германским командованием.

После освобождения республики, 27–28 декабря 1943 г. были изданы указ Президиума Верховного Совета СССР и постановление СНК СССР о ликвидации Калмыцкой АССР и принудительном выселении калмыков в Сибирь. Это решение рассматривалось как мера наказания «за противодействие органам советской власти, борьбу против Красной армии», а также как наиболее эффективное в условиях военного времени средство урегулирования «национально-политического конфликта», возникшего у советской власти с калмыками. Правда, суть этого конфликта не объяснялась. К началу 1944 г. из Калмыкии были высланы около 94 тыс. человек. Затем последовало принудительное переселение калмыков из других регионов в определенные для их размещения спецпоселки[23]. Всего переселению подверглись 102 355 калмыков[24].

К началу войны самой густонаселенной автономной республикой СССР была Чечено-Ингушская АССР. Здесь проживали около 732 тыс. человек, из которых почти 388 тыс. чеченцев (52,8%), 205,8 тыс. русских (27,8%) и 75 тыс. ингушей (12,0%)[25]. С началом войны на территории Чечено-Ингушетии активизировалась деятельность банд, занимавшихся разбоями, грабежами и убийствами под антисоветскими, радикальными мусульманскими и националистическими лозунгами.

Летом 1941 г. органами республиканского НКВД в горно-лесистой местности республики было выявлено до двадцати таких банд. С приближением фронта к Северному Кавказу летом — осенью 1942 г. ситуация в республике еще более ухудшилась. Члены выросших численно за счет дезертиров бандформирований наносили ощутимый ущерб, действуя в тылу Красной армии. «В Чечено-Ингушской Республике, по далеко не полным данным, учтено 42 бандитские группы с общим количеством участников 284 человека, из коих активно действуют 24 банды в составе 168 человек и не проявляющие себя с 1942 года 18 банд с составом 116 человек», — докладывал 20 августа 1943 г. в НКВД СССР нарком внутренних дел Чечено-Ингушской АССР С. И. Албогачиев[26]. По данным советской контрразведки, отдельные бандформирования в Чечено-Ингушской АССР установили связь с фашистским командованием, которое переправило сюда своих агентов и пыталось координировать их деятельность.

31 января 1944 г. ГКО принял постановление о принудительном выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля 1944 г. последовал соответствующий приказ НКВД СССР, и уже к 25 февраля были отправлены на спецпоселение около 353 тыс. чеченцев и ингушей[27]. Л. П. Берия в конце февраля 1944 г. доложил И. В. Сталину о том, что принудительному переселению подвергнуты более 478 тыс. чеченцев и ингушей из Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР[28]. Всего в Казахскую и Киргизскую ССР были принудительно переселены в 1944 г. в общей сложности более 496 тыс. человек.

После 1944 г. основная часть военнослужащих чеченцев и ингушей была отозвана из армии и оказалась в спецпоселках вместе с высланными из Чечено-Ингушской АССР соплеменниками. По данным учета спецпереселенцев, проведенного НКВД СССР в 1949 г., на тот момент там находились более 4 тыс. чеченцев и около 1 тыс. ингушей, ранее служивших в Красной армии[29].

По состоянию на февраль 1944 г. в Кабардино-Балкарской АССР проживали более 40 тыс. граждан балкарской национальности[30]. Согласно докладу Л. П. Берии И. В. Сталину, с 8 по 11 марта 1944 г. были выселены 37 103 балкарца. Кроме того, были выявлены и переселены и те балкарцы, которые проживали в Грузинской ССР, других соседних республиках, краях и областях. Они также оказались на спецпоселении в Сибири, Казахской ССР и республиках Средней Азии[31].

В марте 1944 г. из столицы Грузинской ССР были переселены 608 семей (3240 человек) курдов и азербайджанцев. Они обвинялись в том, что «самовольно оставили работу в сельском хозяйстве и прибыли на проживание в Тбилиси»[32]. Азербайджанцы и курды, а также болгары, греки и другие переселялись подальше от турецкой границы. Одновременно проходило согласование с Москвой инициативы грузинского правительства о полном выселении с территории Грузинской ССР турок-месхетинцев, курдов и прочих. По этому поводу 31 июля 1944 г. было принято специальное постановление ГКО, а 20 сентября того же года издан приказ комиссара внутренних дел «О переселении из пограничных районов Грузинской ССР турок, курдов и хемшинов»[33].

Спустя два месяца было положено начало очередной кампании по переселению с территории Грузинской ССР, в результате которой принудительно направлены в спецпоселки Узбекской, Киргизской и Казахской ССР около 95 тыс. спецпереселенцев: более 80 тыс. турок-месхетинцев, 8694 курда, 1385 хемшинов[34], в числе переселявшихся оказались также представители этнических меньшинств Грузинской ССР — лазы, сваны, тёрёкаме, болгары, абхазцы, аварцы, русские, армяне, цыгане и другие.

Депортация калмыков в Сибирь

По состоянию на 1939–1940 гг. в Крыму проживали более 1,1 млн человек, из них большинство составляли русские — более 558 тыс., или 49,6% населения. Крымских татар насчитывалось более 218 тыс., украинцев — более 154 тыс., советских немцев — более 65 тыс. человек. Значительной по численности была еврейская диаспора, также здесь проживали армяне, болгары, греки и другие[35].

На этнополитическую ситуацию в Крыму влияло то обстоятельство, что его территория входила в приграничную зону. В отношении проживавшего там населения действовал особый режим, который был усилен в условиях военной опасности в конце 1930-х гг. и в связи с началом Второй мировой войны. Этот режим предусматривал, в частности, принятие превентивных мер в отношении политически неблагонадежного населения по социально-политическому и этническому признакам, включая принудительное переселение граждан из погранзоны. До начала войны было принято решение выселить представителей инонациональностей из погранзон СССР. В соответствии с ним Крым в принудительном порядке покинули 51 299 немцев, переселенных в Орджоникидзевский край, а также небольшие по численности группы венгров, итальянцев и других. Тем не менее к лету 1941 г. эти меры по выселению не затронули многие этнические общности, в том числе и проживавших в Крымской АССР крымских татар, болгар, греков, армян.

В начале войны из Крыма в Красную армию успели призвать около 90 тыс. человек, в том числе 20 тыс. крымских татар. Большинство из них дезертировали из оборонявшей полуостров 51-й армии при ее отступлении, после чего вернулись в свои села, оказавшиеся в оккупации. После захвата Крыма, в декабре 1941 г. немецкое командование приступило к организации контролировавшихся СД мусульманских комитетов в городах и райцентрах с

целью разложения татарской части населения Крыма и склонения ее к сотрудничеству. Группа татарских националистов направила обращение А. Гитлеру от имени крымско-татарского населения с просьбой разрешить татарам вступить в ряды вермахта, чтобы вести борьбу с большевиками. Члены мусульманских комитетов вели активную антисоветскую пропаганду среди татарского и в целом мусульманского населения полуострова.

В условиях оккупации Крыма, в результате демагогии, заигрывания фашистов с крымско-татарским населением, использования религиозных чувств и недовольства по отношению к довоенным мероприятиям советской власти, немцам удалось склонить на свою сторону некоторую часть крымских татар. В ряде деревень и сел, особенно предгорной и горной части Крыма, гитлеровцы создали из местных татар вооруженные отряды самообороны, используя их также в качестве проводников для карательных отрядов, боровшихся с партизанами. В подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, служили, по приблизительным данным, более 20 тыс. крымских татар. В ходе военных и карательных операций в Крыму немцами, румынами и их пособниками из числа местных жителей были расстреляны 67 тыс. евреев, караимов, крымчаков.

Однако далеко не все крымские татары сотрудничали с врагом. На оккупированной территории полуострова развернулась партизанская война. В ответ фашисты практиковали казни мирного населения за содействие партизанам и просто для устрашения. Так, только в Феодосии были убиты более 1 тыс. жителей, в том числе 245 крымских татар. Среди 3783 партизан, сражавшихся в начале 1944 г. с нацистами в Крыму, насчитывалось 598 татар.

Весной 1944 г., еще до окончательного освобождения Крыма, ГКО СССР принял постановление о принудительном выселении крымских татар, обвиненных в сотрудничестве с оккупантами. Наступательная операция советских войск началась 8 апреля 1944 г., а уже 13 апреля нарком внутренних дел Л. П. Берия издал приказ «О мерах по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов». В документе указывалось, что по мере продвижения частей Красной армии надлежит «немедленно организовать на освободившейся территории органы НКВД и НКГБ для проведения оперативно-чекистской работы». Им поручалось выявить коллаборационистов и «очистить территорию республики от изменников Родины, предателей, активных пособников и ставленников немецко-фашистских оккупантов и иных антисоветских элементов». Республика была разделена в оперативном отношении на семь секторов, для поддержания порядка выделены 20 тыс. солдат. С 10 по 27 апреля были арестованы 49 членов мусульманских комитетов, к концу апреля выявлены 5806 антисоветских элементов, а к середине мая их численность возросла до 8521 человека[36].

На заседании Крымского бюро ВКП(б) 14 октября 1944 г. указывалось: «Большая работа проведена по спецпереселенцам. В мае 1944 г. выселено татар — 194 111 человек и в начале уборки урожая выселено болгар, греков и армян — 33 349 человек»[37]. Репрессивная политика в отношении крымских татар осуществлялась даже применительно к тем, кто проходил службу в РККА. В 1944 г. они были отозваны с фронта и сосланы в спецпоселки в Среднюю Азию. В 1945–1946 гг. на учете НКВД состояли 524 офицера, 1392 сержанта и 7079 рядовых из числа фронтовиков — крымских татар[38].

В декабре 1941 — январе 1942 г. в Симферополь прибыли эмиссары заграничных дашнакских центров, главным образом из Берлина. В их числе был эмигрант и сотрудник германской разведки генерал Д. М. Канаян, бывший военный министр дашнакского правительства Армении. На территории Крыма был создан так называемый «Армянский национальный комитет», имевший целью вовлечение местных армян в сотрудничество с оккупантами путем организации добровольческих батальонов, вербовки в разведывательные школы и прочего. Наряду с возрождением церковной жизни и организацией религиозных общин Армянской апостольской церкви шло создание националистических организаций, занимавшихся антисоветской пропагандой и сотрудничавших с германской разведкой. По данным советских спецслужб, среди представителей армянской интеллигенции получила распространение идея о создании с помощью новых немецких властей «великой независимой Армении».

Вскоре после освобождения полуострова были арестованы и принудительно переселены участники действовавшей в Лариндорфском районе боевой националистической дашнакской организации. Им инкриминировались сотрудничество с фашистами, организация боевых групп из старых дашнакских кадров, агитация за отторжение от Союза ССР Советской Армении, проведение шпионско-диверсионных акций в тылу Красной армии и прочее. Принудительно были переселены летом 1944 г. за сотрудничество с оккупантами все оставшиеся к тому времени на полуострове армяне — около 10 тыс. человек[39]. Выселенные из Крыма армяне направлялись в спецпоселки в Поволжье, на Урал, в Казахскую ССР. В это самое время в составе РККА находились, как минимум, 600 крымских армян, доблестно сражавшихся с гитлеровцами. К середине 1944 г. из Крыма был выселен 9621 человек армянской национальности[40].

Принудительное переселение греков осуществлялось накануне Великой Отечественной войны и в ее начале с целью очищения пограничных районов СССР ввиду подозрения в неблагонадежности. К лицам, представлявшим потенциальную опасность, в соответствии с постановлением ГКО «О выселении иноподданных из Краснодарского края и Ростовской области» от 12 мая 1941 г., относились все иноподданные, проживавшие в пограничных районах Союза ССР, среди которых оказались и греки. Переселялись и греки — граждане СССР. В мае 1942 г. из Краснодарского края и Ростовской области были высланы в принудительном порядке 1,4 тыс. человек. Кроме того, греков выселяли из Крыма, Армении, Азербайджана и с Черноморского побережья Грузии, преимущественно из Абхазии. Всего принудительное переселение только в 1942 г. затронуло более 16 тыс. греков. В соответствии с постановлениями ГКО от 2 и 24 июня 1944 г. принудительному переселению из Крыма были подвергнуты более 18,5 тыс. проживавших там греков — советских граждан и не имевших советского паспорта, огульно обвиненных в пособничестве нацистам во время оккупации[41].

Накануне войны в Крыму проживали 12—14 тыс. болгар. В условиях оккупации антисоветские и националистические элементы сформировали так называемый «Болгарский национальный комитет», который пытался втянуть болгарское население на путь сотрудничества с фашистами. Это стало основанием для принудительного выселения из Крыма всех болгар.

Принудительное переселение армян, болгар и греков с территории Крымской АССР проводилось на основании постановления ГКО СССР от 2 июня 1944 г.[42] Всего крымчан — граждан этих национальностей было выселено около 42 тыс. человек. В официальной справке от 1949 г. «О количестве лиц других национальностей, находящихся на спецпоселении, выселенных с немцами, с выселенцами Кавказа, Крыма, но не входивших в состав семей этих контингентов» сообщалось, что в начале войны вместе с советскими немцами был выселен 1721 человек других национальностей, включая 662 русских. Кроме того, в 1944 г. из Крыма вместе с крымскими татарами были принудительно переселены 3628 человек других национальностей, в том числе 1280 русских[43].

Вслед за освобождением советскими войсками ранее оккупированных территорий, в 1944—1945 гг. был издан ряд приказов НКВД СССР о выселении в спецпоселки «семей активных немецких пособников, предателей и изменников Родины, добровольно ушедших с немцами».

Несмотря на то что в годы войны с территории республик и краев Кавказа, Северного Кавказа, Крымской АССР были принудительно переселены в общей сложности около 900 тыс. человек, выступления ряда «повстанческих групп» отмечались и весной 1944 г. По данным советских спецслужб, только за период с 18 по 25 июня 1944 г. в Кабардинской АССР удалось захватить 42 повстанца и 11 немецких парашютистов, а также изъять значительный арсенал оружия. В горно-лесистой местности продолжали скрываться дезертиры, разыскивавшиеся пособники гитлеровцев, действовали вооруженные банды. В апреле 1945 г. была ликвидирована бандгруппа С. Альтямирова, действовавшая на территории Дагестанской и бывшей Чечено-Ингушской АССР. На территории Ингушетии продолжительное время действовала банда А. Хучбарова[44].

Расстрел украинскими полицаями евреев в Чернигове

Бойцы УПА, кровавые приспешники нацистов

Строевой смотр украинской дивизии СС «Галичина»

На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. на места была направлена директива НКВД СССР о выселении социально-чуждого и националистического элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии, в которой определялись категории лиц, подлежащих принудительному переселению. В их число входили члены семей полицейских, жандармов, бывших крупных помещиков, фабрикантов и чиновников, бывших офицеров, а также репатрианты из Германии и бывших стран Прибалтики, всего более 85 тыс. человек[45].

К выселению назначалось неблагонадежное, с точки зрения власти, население, проживавшее вблизи новых западных границ СССР. В их числе были «польские осадники» — вышедшие в отставку солдаты и офицеры польской армии и члены их семей, а также переселенцы-поляки, получившие после окончания Советско-польской войны 1920 г. и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии с целью польской колонизации этих территорий. Директива НКВД СССР от 10 октября 1939 г. предписывала «не только учесть всех «осадников», но и арестовать их». В результате, помимо арестованных, в 1939 г. к выселению были предназначены 70 158 «осадников»[46].

В дальнейшем с присоединенных территорий количество высылаемых в спецпоселки возросло. На начало 1941 г. их численность составила более 210 тыс. человек, в том числе более 138 тыс. поляков-«осадников», рассматривавшихся советским режимом в качестве «остатков военно-полицейской агентуры польского правительства», а также как «серьезную базу контрреволюционной работы»[47]. Большинство поляков-«осадников» были принудительно переселены в Сибирь и Архангельскую область.

С территории Украины за сотрудничество с оккупационными властями были принудительно выселены 550 826 граждан, включая и русское население — более 190 тыс. человек[48].

Особый контингент на Украине в 1944 г. составили члены Организации украинских националистов (ОУН), главой которых был С. А. Бандера, и Украинской повстанческой армии (УПА), во главе которой стоял Р. И. Шухевич[49].

Уже 30 июня 1941 г. во Львове было сформировано «украинское национальное правительство» во главе с Я. С. Стецько. Однако это «правительство» действовало недолго, поскольку его существование не отвечало планам Германии. Тем не менее деятели ОУН активно сотрудничали с нацистами. В конце 1942 г. руководством ОУН вооруженные отряды были сведены в первую Украинскую повстанческую армию (УПА) под командованием Т. Д. Боровца, перед которой была поставлена задача борьбы «за самостийную соборную украинскую державу». Другой лозунг гласил: «За самостийную Украину без большевиков и москалей!», что выдавало антисоветское и русофобское содержание идеологии украинских националистов.

УПА имела северную, южную, восточную и западную войсковые группы. Ее численность, по приблизительным данным, составляла 40 тыс. человек. Вооруженные подразделения УПА активно действовали в Житомирской, Львовской, Тернопольской, Станиславской областях, где проживало значительное количество польского населения, и занимались так называемой «деполонизацией» западно-украинских регионов[50]. В марте — августе 1943 г. антипольский террор со стороны УПА — ОУН набрал максимальные обороты: широко применялись пытки, расстрелы, поджоги домов. Число погибших от рук украинских националистов поляков известно лишь приблизительно и разнится в пределах от 20 до 100 тыс. человек. Только в северной части Ровенщины бандеровцы сожгли 25 польских сел и почти полностью уничтожили их население. В Шумском районе в 1944 г. оуновцы сожгли пять польских сел (623 двора), значительная часть жителей погибла[51].

В основном из числа оуновцев была сформирована 14-я дивизия войск СС «Галичина» (около 20 тыс. человек), включенная в состав германского 13-го армейского корпуса. Уже в самом конце войны, весной 1945 г. завершилось формирование 1-й дивизии УПА, которая действовала в Югославии. После изгнания фашистов с территории Украинской ССР оуновцы занимались террористической деятельностью, устраивали диверсии.

Военнослужащие 281-го особого оперативного полка НКВД СССР на Западной Украине

С целью ослабления напряженности в западных районах Украинской ССР было принято решение о принудительном переселении оуновцев в восточные районы СССР. На освобожденные от гитлеровцев территории Украины направлялись оперативные группы НКВД СССР. В их задачи входило выявление предателей и пособников фашистов, изучение криминогенной ситуации, антисоветских проявлений со стороны украинских националистов. Семьи оуновцев подлежали принудительному выселению в первую очередь[52]. В 1945 г. на спецпоселении находились более 140 тыс. оуновцев[53].

Борьба с оуновцами продолжалась и в послевоенное время. Так, в декабре 1945 — первой половине января 1946 г. в западных областях Украины было ликвидировано 154 группы ОУН и УПА: проведено 6277 чекистско-оперативных акций по ликвидации бандитизма, при этом арестованы 3670 человек, уничтожены — 2374, явились с повинной — 2065[54].

С территории Бессарабии и Северной Буковины, вошедших в состав СССР накануне войны, начиная с апреля — мая 1941 г. были высланы на спецпоселение более 5 тыс. бывших помещиков, крупных торговцев, домовладельцев и фабрикантов. Эта акция проводились в рамках процесса «советизации». К концу войны из Молдавии были принудительно переселены более 46 тыс. человек.

Деятельность «лесных братьев» на территории республик Прибалтики в 1944–1945 гг. спровоцировала усиление репрессивных мер в этом регионе, включая принудительное переселение местного населения, осуществлявшееся частично на последнем этапе войны,

но в основном уже после ее завершения. Общая численность переселенных из Прибалтики составила около 230 тыс. человек[55]. Выселению подлежали антисоветские, социально-чуждые элементы, включая членов контрреволюционных партий, бывших сотрудников полиции, офицеров и белогвардейцев, помещиков, фабрикантов, членов семей участников бандформирований.

На территории Эстонии[56] в первой половине 1944 г. было отмечено 21 выступление крупных вооруженных группировок, 449 одиночных вооруженных выступлений с убийствами 134 человек. В 1945 г. было зарегистрировано уже 357 выступлений, 139 вооруженных нападений, в результате которых погибли 258 человек[57]. Аналогично выглядела ситуация в Литве и Латвии. Заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов, докладывая Л. П. Берии о работе в Литве, писал: «Удалось легализовать около 8000 бандповстанческих элементов»[58]. Особую агрессивность, как сообщал И. А. Серов, проявляли члены организации «Литовский национальный фронт», так называемые «шаулисты». Они занимались вооруженной борьбой против частей Красной армии, учиняли расправы над партийными и советскими работниками, членами семей командиров, литовцами, поддерживающими советскую власть[59].

Только с 14 по 20 июля 1944 г. органами НКВД и НКГБ Литовской ССР были арестованы «516 человек, в том числе 51 шпион, 302 активных пособника немецких оккупационных властей, 36 участников подпольных антисоветских националистических организаций и 35 уголовников»[60]. Всего в мае — августе 1944 г. были изъяты у террористических элементов на территории республики 5347 винтовок, 627 пулеметов, 112 автоматов, 1624 гранаты, 142 револьвера, 714 тыс. штук патронов[61]. На территории Латвийской ССР в это же время, по данным И. А. Серова, удалось арестовать 190 агентов, сотрудников полиции, предателей, изъять 1412 винтовок, 162 автомата, 66 пулеметов, 670 гранат, 43 револьвера.

По мере приближения конца войны деятельность органов НКВД в Прибалтике активизировалась. В докладной записке на имя Л. П. Берии от 26 марта 1945 г. заместитель наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглов и начальник Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А. М. Леонтьев сообщали: «В соответствии с Вашим приказом от 12 октября 1944 г. органами НКВД и НКГБ СССР проведены значительные операции по очистке территории Литовской ССР от антисоветского подполья и вооруженных банд, созданных и оставленных германской разведкой. На 15 марта 1945 г. были проведены 2275 чекистско-войсковых операций: легализованы 497 бандгрупп (16 938 чел.), захвачены 10 923 бандита, арестованы — 31 674 чел., в том числе участников националистических организаций — 11 412, агентов разведывательных и контрреволюционных органов — 655, вражеских парашютистов — 101, задержано дезертиров и уклонявшихся от службы в Красной армии 33 670 чел., явились с повинной 9376 человек, удалось изъять также 48 минометов, 74 пулемета, 662 ручных пулемета, 912 автоматов, 7606 винтовок, 1229 револьверов и пистолетов, 6190 гранат, 1 070 410 штук патронов, 5 типографий, 11 раций»[62].

В годы войны национально-государственное устройство СССР претерпело существенные изменения. В связи с принудительным переселением немцев, чеченцев, ингушей, крымских татар, карачаевцев, балкарцев был упразднен ряд автономных образований. 28 августа 1941 г., в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз, решением Президиума Верховного Совета СССР была упразднена Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья[63], а ее территория распределена между соседними областями. В принятом двумя днями ранее постановлении СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» предусматривалось расселение на освободившейся территории эвакуированных из прифронтовой полосы колхозников[64].

Организация мероприятий, связанных с набором и размещением больших масс людей на территориях, откуда были выселены репрессированные народы, потребовала от государства немалых усилий. В 1940-е гг. эти меры, наряду с НКВД СССР, осуществляли образованные в структуре СНК СССР и РСФСР Главные переселенческие управления и их местные органы.

3 сентября 1941 г. СНК СССР принял постановление об утверждении плана переселения 59 794 колхозных хозяйств в места, откуда были выселены немцы, в том числе в Саратовскую область — 44 744 хозяйства, в Сталинградскую область — 15 050 хозяйств. По данным на 10 ноября 1941 г., из Украинской ССР, Курской и Орловской областей РСФСР в Поволжье было переведено около 15 тыс. хозяйств. План по заселению территории бывшей немецкой республики был в основном выполнен в 1942 г.[65]

В октябре 1943 г. была ликвидирована Карачаевская автономная область, после того как из пределов Ставропольского края выселены карачаевцы[66]. Здесь также возникла проблема нового заселения. В постановлении СНК СССР от 14 октября 1943 г. говорилось: «Поручить председателю Ставропольского крайисполкома (тов. Шадрин) совместно с СНК Грузинской ССР (тов. Бакрадзе), Краснодарским крайисполкомом (тов. Тюляев), с участием НКВД СССР (тов. Серов), Наркомзема СССР (тов. Пензин) разработать и представить к 25 октября с. г. на утверждение СНК СССР мероприятия, предусматривающие порядок и сроки заселения освободившихся хозяйств спецпереселенцев»[67].

Помимо переселенцев из Центральной России и с Северного Кавказа часть территории бывшего проживания балкарцев и карачаевцев передавалась с целью хозяйственного освоения их соседям — сванам. В результате увеличилась территория входившей в состав Грузии Сванетии, куда были включены Учкуланский и Микояновский районы бывшей Карачаевской АО, на базе которых создавался Тебердинский район Грузии.

27 декабря 1943 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». В соответствии с этим указом республика была ликвидирована, а ее территория передавалась соседним областям, в том числе новой Астраханской области[68].

7 марта 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории». Территория автономии разделялась на несколько частей, большая часть вошла в состав Грозненской области в составе РСФСР. Началось постепенное заселение опустевшей территории, где ранее проживали чеченцы и ингуши. Сюда прибывали переселенцы из других регионов СССР, в 1944–1945 гг. ими были заселены более 30 тыс. дворов[69]. К Северо-Осетинской и Дагестанской АССР, а также к Грузинской ССР отходила остальная территория бывшей Чечено-Ингушской АССР. В это же время в западные районы Чечено-Ингушской АССР переселялись осетины, в южные районы Чечено-Ингушской АССР — хевсуры и тушины, в восточные — аварцы и даргинцы.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. предусматривал переименование Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР. Часть земель, на которых ранее жили балкарцы, была передана с целью хозяйственного освоения соседям — сванам и другим этническим меньшинствам Грузии. Сванетия еще больше прирастала территориально, в том числе за счет балкарского Приэльбрусья с его знаменитыми курортными зонами[70].

В период войны прекратила свое существование и Крымская АССР. 30 июня 1945 г. Верховный Совет СССР принял решение «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР»[71]. За 1944–1945 гг. в Крымскую область были переселены более 17 тыс. семей, а с 1945 по 1950 г. еще около 27 тыс. человек[72].

В результате разукрупнения или упразднения регионов в годы войны в СССР было образовано 23 новые области, из них в РСФСР — 13[73], в УССР — одна, в БССР — три, в Казахской ССР — две, в Узбекской, Таджикской, Туркменской и Киргизской ССР — по одной[74]. После освобождения от немецкой оккупации Закарпатская Украина воссоединилась с Украинской ССР (Манифест о воссоединении был принят 26 ноября 1944 г.).

Событием большой важности явилось вхождение в Союз ССР Тувинской Народной Республики. В 1914 г. Тува под названием Урянхайский край добровольно вступила под протекторат России. В ходе национально-освободительной революции, 14 августа 1921 г. на Всетувинском учредительном хурале было провозглашено создание самостоятельного государства — Танну-Тува и принята первая конституция[75].

22 июня 1941 г. X съезд Великого хурала республики единогласно принял «Декларацию трудящихся ТНР о готовности тувинского народа всеми силами и средствами участвовать в борьбе с фашистской Германией». В документе провозглашалось, что «тувинский народ во главе со своей революционной партией и правительством, не щадя жизни, готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе советского народа против фашистского агрессора до окончательной победы над ним»[76]. В Конституции Тувинской Народной Республики 1941 г. закреплялось двойное гражданство, и уходившие на фронт имели двойной статус — граждане ТНР и СССР[77]. Народное хозяйство Тувы было перестроено на военный лад. Все было подчинено нуждам обороны.

Правительство СССР и командование РККА оказывали Туве значительную помощь в развитии ее экономики и подготовке кадров. В республике проводились мероприятия по укреплению народно-революционной армии (на конец 1941 г. ее численность составляла 1136 человек). Средний и высший командный состав республиканской армии проходил подготовку в военных учебных заведениях СССР. В общей сложности в годы войны с военным делом были связаны около 8 тыс. тувинцев.

Процесс естественного сближения с Россией, активно протекавший на протяжении 30 лет, с 1914 по 1944 г., завершился вхождением Тувинской Народной Республики в состав СССР. 17 августа 1944 г. Чрезвычайная сессия Малого хурала Тувы обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой включить республику в состав Союза ССР на правах автономной области. 11 октября 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о включении Тувинской Народной Республики в РСФСР на правах автономной области с непосредственным подчинением республиканским органам власти[78].

Народы СССР на фронтах войны и в тылу

Война явилась суровой проверкой единства народов СССР, прочности союзного многонационального государства. Патриотизм стал одним из важнейших факторов Победы. Патриотами были многие десятки миллионов советских граждан, сражавшихся и погибавших на фронте, самоотверженно трудившихся в тылу, боровшихся с врагом на оккупированной территории. Для этих людей, объединенных общей целью, уже не имели значения социальные и идеологические различия, политические предпочтения, действительные и мнимые обиды на советскую власть. Патриотизм стал подлинной основой массового героизма, проявленного на войне представителями всех народов, населявших Советский Союз. Все воинские части и соединения Красной армии были многонациональными по составу, радость побед и горечь неудач бойцы делили на всех.

В первые же дни войны сотни тысяч граждан разных национальностей выстраивались в очереди у военкоматов с единственным желанием попасть на фронт. Так было во всех концах огромной страны. Например, только в военкоматы Краснодарского края 22 июня поступило 17 тыс. заявлений с просьбой об отправке на фронт[79]. На начало июля 1941 г. было подано 177 655 заявлений о приеме в народное ополчение. Всего на защиту Родины с территории края ушли около 1 млн бойцов: русских, украинцев, белорусов, адыгейцев. В Адыгее в ряды ополчения только за первые два месяца вступили 13 тыс. человек, из них 1,5 тыс. женщин[80]. Всего за годы войны в Вооруженные силы СССР были призваны около 34,5 млн человек, представителей 151 нации и народности[81].

Жителям Белорусской ССР одними из первых пришлось столкнуться лицом к лицу с врагом. Миллионы мужчин и женщин ушли на фронт, встали в ряды народного ополчения, приняли участие в партизанском движении. О мужестве и храбрости белорусов на фронтах войны свидетельствует тот факт, что за героизм и мужество, проявленные в годы войны, около 400 тыс. воинов-белорусов и уроженцев Белоруссии были награждены боевыми орде-

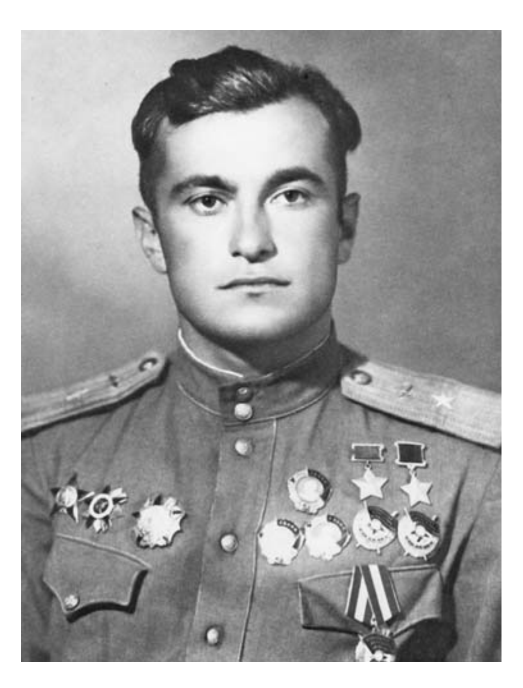
А. Ю. Байсултанов

О. И. Городовиков

Х. Н. Нурадилов

Амет-хан Султан

нами и медалями Советского Союза, 446 воинам присвоено звание Героя Советского Союза, 67 человек стали полными кавалерами ордена Славы[82].

Только в первые месяцы войны на защиту Родины встало свыше 2,5 млн жителей Украины[83]. Армения отправила на фронты Великой Отечественной войны более 600 тыс. своих сынов и дочерей; Грузия — более 700 тыс. человек: грузин, русских, турок-месхетинцев, абхазцев, аджарцев, курдов, хемшилов, сванов, греков, осетин. Из Азербайджана сражаться с врагом ушли около 700 тыс. человек, то есть каждый пятый житель этой республики. Из Казахской ССР отправились на войну почти 1,2 млн человек[84]. На фронтах войны сражались более 300 тыс. жителей Таджикистана, 180 тыс. жителей Туркменистана, около 327 тыс. жителей Киргизии[85], многие сотни тысяч советских граждан из Латвии, Литвы, Эстонии, Узбекистана, Молдавии. Многонациональная РСФСР направила на фронт свыше 21 млн 187 тыс. человек.

Свой вклад в борьбу с фашизмом внесли все нации и народности, включая и те, которые перед войной и в военное время подверглись принудительному переселению. Так, в рядах РККА в первые месяцы войны с врагом сражались 1609 офицеров, 4282 сержанта и 27 724 рядовых — советских немцев[86].

Балкарский народ направил на войну более 5 тыс. своих сыновей. Защищая небо Ленинграда, прославился Герой Советского Союза летчик балкарец А. Ю. Байсултанов. Он совершил около 300 боевых вылетов, лично и совместно с товарищами сбил более 20 вражеских самолетов. 28 сентября 1943 г. А. Ю. Байсултанов погиб в воздушном бою[87].

Прославили себя на фронтах войны и представители ингушского народа. У. Балкоев прошел всю войну — защищал Сталинград, освобождал Воронеж и Курск, воевал в Венгрии и Румынии, награжден тремя медалями солдатской доблести «За отвагу». В годы войны к званию Героя Советского Союза были представлены десятки сынов ингушского народа. Но лишь в 1995 г. указом Президента Российской Федерации старшим лейтенантам А. Т. Мальсагову и Ш. У. Костоеву, а также капитану Р. Б. Гудантову было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

В общей сложности наградами были отмечено более 14 тыс. человек, призванных на фронт из Калмыцкой республики. Широко известны Герои Советского Союза генерал-полковник О. И. Городовиков и его племянник генерал-майор Б. Б. Городовиков.

Карачаевец сержант М. Маршанкулов участвовал в штурме Рейхстага, удостоен многих боевых наград. Известно имя карачаевца летчика-истребителя С. Борлакова, закончившего войну в Праге. Герои Советского Союза чеченцы Х. Нурадилов, А. Идрисов уничтожили сотни врагов.

Отважными бойцами проявили себя во время войны многие советские военнослужащие-курды. Всего, по имеющимся сведениям, в составе Красной армии в 1941–1944 гг. и в партизанских отрядах Белорусской ССР воевали свыше 700 курдов[88].

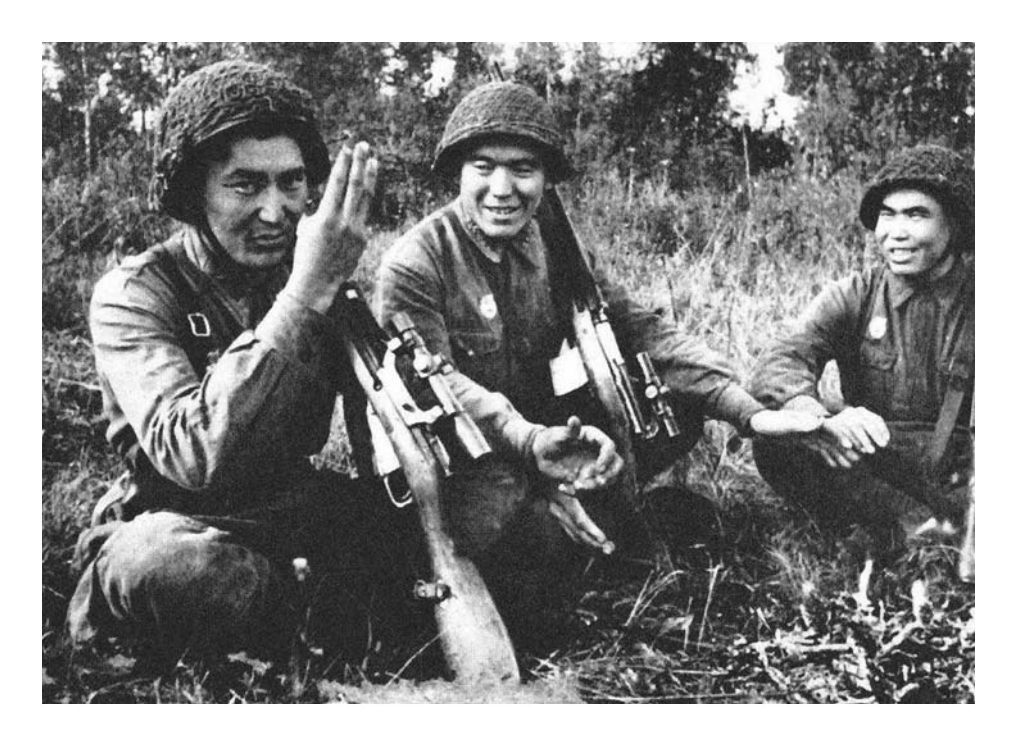
Всей стране стал известен уроженец Алупки, боевой летчик, дважды Герой Советского Союза крымский татарин Амет-хан Султан. Он прошел всю войну, лично сбил 30 самолетов противника.

Свой вклад в Победу внесли коренные малочисленные народы Сибири и Дальнего Востока, среди них есть и представители нанайского народа. М. А. Пассар прославился в Сталинграде. Он был лучшим снайпером 65-й армии, на его личном счету 237 убитых немцев. Указом Президента РФ № 199 от 16 февраля 2010 г. старшему сержанту М. А. Пассару посмертно присвоено звание Героя России.

Героизм, патриотизм, самоотверженность были свойственны всем народам многонационального Советского Союза. Среди защитников Брестской крепости были русские, белорусы, украинцы, балкарцы, карачаевцы, евреи, казахи, чеченцы, ингуши, татары, армяне и представители других национальностей. Знаменитый дом сержанта Павлова в Сталинграде почти два месяца защищали представители более 10 национальностей советского государства[89]. Свыше 11,6 тыс. представителей разных народов СССР стали Героями Советского Союза за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, 2582 — кавалерами ордена Славы трех степеней[90].

Снайпер М. А. Пассар

Снайперы (слева направо): казахи А. Нусулбаев, Т. Абдыбеков и узбек А. Ержанов

Победа над сильным и жестоким врагом была одержана во многом благодаря единству фронта и тыла. В деревне, несмотря на исключительно трудное положение, связанное с военным временем — призыв в армию, передача техники фронту, переход в значительной мере к конно-ручным работам, общее сокращение числа трудоспособных, — морально-психологическое состояние крестьян, их стремление помогать фронту были очень высокими. Объединение двух начал — ответственного отношения крестьян к своему труду и организаторской деятельности государственной власти — способствовало реализации высокой цели оказания помощи фронту. Напряженная трудовая деятельность рабочих, интеллигенции также имела под собой прочную патриотическую основу и была направлена на всестороннюю помощь фронту во имя достижения победы над врагом.

В связи с потребностями войны на территории Ставропольского края через аэроклубы и спецшколы налаживалось обучение связистов, автомобилистов, парашютистов и снайперов. На Ставрополье, как и на территории соседнего Краснодарского края, была создана целая сеть из 100 госпиталей на 32 тыс. больничных коек. Многие граждане становились донорами: всего в крае госпиталям было передано около 9 тыс. литров крови; 59 жителей края были удостоены знака «Почетный донор СССР». Исполняя свой гражданский и патриотический долг, медики трудились без отдыха, спасая раненых воинов — свыше 80% из них возвращались в строй. Через госпитали Сочи (Краснодарский край) прошли лечение около 336 тыс. раненых и больных воинов[91].

В годы войны удельный вес тяжелой промышленности в Узбекистане составлял 52% против 13,9% в 1940 г. Республика становилась одним из мощных арсеналов Красной армии. Огромные усилия были направлены на восстановление эвакуированных промышленных предприятий и ввод их в действие. Были случаи, когда эвакуированные заводы выдавали продукцию уже через два месяца после переезда с запада, и это становилось возможным только благодаря неимоверным усилиям самих рабочих. В сельском хозяйстве республики в 1943 г. с учетом повторных посевов посевная площадь возросла по сравнению с 1940 г. почти на

Красноармейцы на позиции с трофейным немецким пулеметом. Справа — пулеметчик В. Кузбаев

Герой Советского Союза снайпер Ж. Е. Тулаев

600 тыс. га. Одновременно площадь посевов на поливных землях возросла более чем на 300 тыс. га. Повсеместно увеличивались объемы сдаваемой государству произведенной продукции.

Аналогичные процессы происходили и в Казахской ССР, где прирост промышленной продукции за военные годы составил 47%, в том числе средств производства — 90%. В 1941–1945 гг. в республике было построено 469 заводов, фабрик, рудников, шахт, включая 107 предприятий из числа эвакуированных из прифронтовой полосы. Все они явились прочной основой для создания потенциала оборонной промышленности, выпуска торпед, бомб, мин, огнеметов и прочего. Доля металлообработки в республике и машиностроения в валовой продукции возросла с 16% в 1940 г. до 35% в 1945 г.[92] Колхозы Казахской ССР в 1943 г. поставили государству мяса в три раза больше, чем в 1940 г.[93] За годы войны Казахстан поставил фронту и стране 5829 тыс. тонн хлеба, 734 тыс. тонн мяса и много других продуктов питания и сырья для промышленности. Патриотический подъем наблюдался и среди эвакуированных в названные республики. Так, в Западно-Казахстанскую область Казахской ССР была эвакуирована бригада Паши Ангелиной, которая и в новых условиях показала высокие образцы труда. С энтузиазмом прошли акции в республике по сбору средств на нужды фронта: на фронт было отправлено 1600 вагонов с индивидуальными и коллективными подарками[94].

Жители Дагестана выполняли огромную работу в тылу, обеспечивая армию продовольствием, занимаясь лечением воинов в организованных госпиталях. Добровольцы собирали необходимые средства для помощи фронту. За годы войны было внесено в Фонд обороны от республики более 1 млрд рублей, на которые строились новые бронепоезда, самолеты, танки[95].

В Таджикской ССР выполнялись две важные государственные задачи — создание сети госпиталей и введение в строй эвакуированных предприятий. В одном только Сталинабаде было организовано 17 госпиталей, где поправили здоровье 42 тыс. военных. Здесь же были размещены более 48 тыс. эвакуированных жителей Москвы и Ленинграда. Граждане республики проявили подлинный патриотизм, включаясь в движение за сбор средств на нужды обороны. Кроме денежных средств (за время войны в Фонд обороны поступило 30 млн 500 тыс. рублей и 45 млн рублей облигациями) осуществлялся населением и сбор теплых вещей. Из Таджикистана на фронт было направлено множество шерстяных вещей: 2320 полушубков, меховые жилеты, валенки, шапки, носки, рукавицы, 10 тыс. ватных костюмов, 2622 пары шерстных перчаток и прочее. Осуществлялся сбор средств на постройку танковой колонны «Колхозник Таджикистана», строительство эскадрильи самолетов «Советский Таджикистан», для чего было собрано около 120 млн рублей. Из республики поставлялось на фронт продовольствие: только одна разовая отправка морякам Балтики и героям обороны Ленинграда составила четыре вагона мяса, пять вагонов муки, три вагона риса — всего 51 вагон различных продуктов сельского хозяйства.

Из Киргизии в Ленинград было отправлено более 200 вагонов с продовольствием. Киргизская ССР стала регионом с сетью госпиталей и детских домов, куда были эвакуированы более 140 тыс. человек, из них 16 тыс. из блокадного Ленинграда, среди которых 3,5 тыс. детей[96]. Организация помощи раненым и эвакуированным — большая заслуга киргизского народа.

Центральная и Северная Россия, Урал и Поволжье, Дальний Восток и Сибирь, Кавказ и Закавказье, Казахстан и Средняя Азия — все регионы СССР стали для фронта надежным тылом, обеспечили необходимые условия для победы советского оружия.

Конфессиональная политика Советского государства накануне и в годы войны

В предвоенные годы деятельность Советского государства в отношении религиозных конфессий была отмечена активной атеистической пропагандой, борьбой с религиозными предрассудками, преследованием священнослужителей. В этот период были репрессированы

165,2 тыс. священнослужителей: наряду с православными священниками в это число входили диаконы, псаломщики, причетники, а также служители других конфессий. Значительная часть этих людей была расстреляна[97].

В 1930-е гг. значительно сократилось число религиозных обществ. Аресты священников часто вели к закрытию церквей и ликвидации приходов. Только в 1937 г. было закрыто более 8 тыс. храмов. Число объединений РПЦ в 1938 г. составляло 8285, а в 1940 г. — 8279, но уже с учетом 2,5 тыс. религиозных обществ на территории присоединенных к СССР западных земель: в 25 областях РСФСР не имелось ни одного действующего храма, в 20 областях — от одного до пяти. Аналогичной была ситуация и на Украине: в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях были закрыты все православные церкви, по одной церкви действовало в Ворошиловградской, Полтавской, Харьковской областях. Немногие церкви и молитвенные дома функционировали в других союзных республиках. Относительно многочисленной была сеть религиозных обществ на территориях, вошедших в состав Советского Союза в 1939–1940 гг.: в Прибалтике, Молдавии, Западной Белоруссии и Западной Украине[98]. Массовое закрытие храмов во второй половине 1930-х гг. привело к следующим итогам: у РПЦ к 1941 г. оставалось всего 3372 действующих храма, из которых на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг., — 3350. Кроме того, к 1938 г. на территории СССР не осталось ни одного легально действующего монастыря. С присоединением новых территорий их стало 64[99].

Легальное духовное образование было практически ликвидировано: с 1928 г., после роспуска высших богословских курсов в Ленинграде, РПЦ не могла больше готовить священнослужителей. Издание религиозной литературы запрещалось. В 1935 г. перестал выходить «Журнал Московской Патриархии» — последнее из разрешенных властью изданий РПЦ. Тогда же прекратил свою деятельность Священный синод[100].

Епископат Русской православной церкви в годы «большого террора» понес невосполнимые потери: на свободе к 1939 г. оставались только четыре действующих архиерея: два митрополита и два архиепископа. Почти вся организационная структура РПЦ к 1941 г. была разгромлена, ее епархии не существовали как административные единицы.

РПЦ возглавлял Местоблюститель Патриаршего престола (до 1936 г. — заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола) митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский), который в основном был лишен реальных рычагов управления церковной жизнью. В 1937–1938 гг. власти не решились на его арест, хотя материал о его «заговорщической» деятельности активно собирался органами НКВД[101]. Во главе Ленинградской епархии стоял митрополит Ленинградский Алексий (Симанский). Еще около десятка архиереев проживали на покое, не имея функций управления епархиями, но нередко исполняя службу в качестве настоятелей храмов. С 1918 г. не созывались Архиерейский и Поместный соборы[102].

Несмотря на все это, по результатам Всероссийской переписи населения 1937 г. две трети сельского и треть городского населения из общего числа опрошенных признали себя верующими. Большинство из них отнесли себя к православной вере[103]. Религиозная жизнь в предвоенные годы не остановилась, в значительной части она ушла в подполье: проводились тайные богослужения, существовали нелегальные монастыри и семинарии.

Митрополит Сергий (Воскресенский), находясь в оккупации, осенью 1941 г. в меморандуме для немецкого командования о религиозной ситуации перед войной писал: «Вообще же существовала в России очень живая тайная религиозная жизнь (тайные священники и монахи, тайные молитвенные места, тайные богослужения, крестины, исповеди, причастия, свадьбы, тайные теологические занятия, тайное хранение Священного Писания, утвари, икон, богослужебных книг, тайные сношения между общинами, епископствами и руководством Патриархата и т. д.)». Им было высказано предположение, что опасение полного ухода Церкви в подполье вынудило органы власти воздержаться от уничтожения остатков Московской патриархии в период террора[104].

Значительная часть населения соблюдала обычаи веры. Так, уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю Астраханцев в

докладной записке председателю КПК А. А. Андрееву 18 июня 1941 г., отмечая запущенность антирелигиозной работы в крае, писал о таких, с его точки зрения, негативных явлениях, как невыход тысяч колхозников в пасхальные дни на работу, участие коммунистов и комсомольцев в богослужениях и таинствах, оживление деятельности «церковников» и «сектантов»[105].

Аналогичные факты приводил в своей записке «Об усилении антирелигиозной работы в западных областях Белоруссии» от 26 февраля 1941 г. на имя начальника Агитпропа ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова и секретарь ЦК КП(б) Белоруссии В. Н. Малин. Упор в ней делался на недостатки борьбы с «вредительской деятельностью священников». Партийного лидера тревожили как активизация в Белоруссии «церковников» и «сектантов» по самым разным направлениям (духовное просвещение, благотворительность и прочее), так и широкая охваченность религиозным влиянием советских людей, то уважение, которое они оказывали духовным лидерам (конкретные примеры приводились). В связи с этим В. Н. Малин предлагал меры по усилению антирелигиозной работы в республике[106].

Показателем уровня сохраняющейся религиозности многих советских людей стали и мартовские торжества 1941 г. в Москве по случаю 40-летия служения в архиерейском сане митрополита Сергия, когда тысячи верующих собрались в кафедральном Елоховском соборе[107].

В 1939–1940 гг. несколько сократились тиражи и объемы антирелигиозных изданий (газета «Безбожник», журнал «Антирелигиозник»)[108], а в марте 1941 г. председатель Союза воинствующих безбожников Е. М. Ярославский на встрече с работниками антирелигиозных музеев заявил, что граждане теперь редко ходатайствуют об открытии ранее закрытых культовых зданий и об организации религиозных общин, а инициаторами таких ходатайств обычно являются кулаки, единоличники, сами служители культа и бывший церковный актив[109].

Тем не менее к 1941 г. деятельность Союза воинствующих безбожников была активизирована. Его официальная численность выросла до 3,5 млн человек. Тираж антирелигиозных изданий достиг 140 млн. В первом полугодии 1941 г. издавалось 10 атеистических газет, 23 журнала, росло количество атеистических лекций[110]. 27 февраля 1940 г. был издан приказ Наркомпроса РСФСР «Об антирелигиозной пропаганде в школах»[111], однако вопрос об эффективности антирелигиозной пропаганды оставался открытым.

В юридическом отношении религиозные организации в СССР в предвоенные годы были практически бесправны. Сохраняли силу принятые в 1920–1930-е гг. антирелигиозные законодательные и подзаконные нормативные документы, максимально ограничивающие их деятельность: Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви от 20 января 1918 г., инструкция Наркомата юстиции РСФСР от 30 августа 1918 г., постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г., постановление Политбюро ЦК об изменении статьи Конституции РСФСР, лишающее верующих права «религиозной пропаганды» при сохранении свободы пропаганды атеистической от 28 февраля 1929 г. (включено в Конституцию СССР 1936 г.), постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. с последующими инструкциями к нему, постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» от 11 февраля 1930 г. и другие[112]. Эти акты лишали религиозные организации прав собственности и юридического статуса, запрещали им миссионерскую, благотворительную и культурно-просветительскую деятельность, давали властям широкие возможности для преследования церковнослужителей и верующих всех конфессий за нарушения установленных для них легальных границ.

С 1929 г. ведением вопросов религиозных объединений занималась Комиссия по культам при Президиуме ЦИК СССР. До 1935 г. ее возглавлял умеренный антирелигиозник П. Г. Смидович, а после его смерти — известный активный борец с религией еще с ленинских времен П. А. Красиков. Комиссия, однако, пыталась смягчить крайности антирелигиозной политики, перекосы которой часто имели место по инициативе местных органов власти. В апреле 1938 г. Комиссия была упразднена, а новый орган, ответственный за политику советской власти по отношению к религиозным обществам, до войны так и не был создан.

В результате в конце 1930-х гг. единственным органом, в чью компетенцию входили вопросы религии, осталось так называемое «церковное» отделение НКВД СССР[113]. Оно занималось контролем лояльности служителей культа, сбором информации о настроениях среди верующих, пресечением антисоветских проявлений в религиозной среде и прочим. Это подразумевало в том числе вербовку осведомителей, при необходимости слежку и принятие репрессивных мер. «Церковное» отделение 2-го отдела ГУГБ НУВД СССР с февраля 1941 г. возглавил майор госбезопасности Г. Г. Карпов, сменивший на этом посту И. В. Полянского, ведавшего «церковным» направлением в органах ОГПУ — НКВД СССР еще с 1931 г.[114]

В 1938–1939 гг. были освобождены сотни церковнослужителей, включая иерархов РПЦ — архиепископа Иоанна (Соколова), епископа Иосифа (Чернова) и других[115]. Однако в 1939–1941 гг. преследования в отношении верующих и служителей культа всех конфессий были продолжены. Правда, их масштаб был значительно меньшим, чем в 1937–1938 гг. По данным созданной в 1990-е гг. президентской Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, только в 1940 г. были арестованы 5,1 тыс. «церковников», из них расстреляны 1,1 тыс. человек[116].

Период 1939–1941 гг. отмечен привлечением Советским государством деятелей Московской патриархии для решения внутриполитических задач. Это было связано, в первую очередь, с необходимостью скорейшей «адаптации» к СССР территорий Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, вошедших в состав Союза. Значительная часть населения, проживающего на этих территориях (около 7,5 млн верующих, 3350 православных храмов, 64 монастыря), исповедовала православную веру. Чтобы не усугублять и без того напряженное положение на этих территориях, органы советской власти воздерживались от проведения там наступательной антирелигиозной пропаганды. Кроме того, многие жители этих регионов принадлежали к Польской автокефальной православной церкви, и было важно решить проблему автокефалистов путем введения их под юрисдикцию Московской патриархии.

Огромным влиянием пользовалась в западных областях СССР униатская церковь. В связи с этим предпринимались меры по «разложению» униатов с перспективой их перехода в лоно православной церкви. В этих целях использовалась и внедренная в среду староцерковников в предшествующие годы чекистская агентура.

В записке наркома НКВД «О церковных епархиях в западных областях УССР и БССР», представленной 20 сентября 1940 г. И. В. Сталину и В. М. Молотову, говорилось: «Руководители церковных епархий западных областей УССР и БССР, перестраховываясь с этой стороны, формально признав над собой власть Московской патриархии, вместе с тем стремятся неофициально сохранить свою независимость, свободу действий, считая, что в случае если советская власть начнет «гонения» в отношении церквей и ее служителей культа в западных областях, «покорная властям» Московская патриархия не сумеет защитить их интересы... Из перехваченной переписки между руководителями епархий устанавливается, что они подготовляют организованное противодействие налоговой политике, проводимой в отношении служителей культа, и намереваются в случае применения к ним мер репрессивного характера спровоцировать массовые выступления в их защиту со стороны верующего населения.

В целях установления контроля за деятельностью руководителей православной церкви в западных областях УССР и БССР и предотвращения с их стороны вражеских действий, а также противодействия стремлениям немцев использовать эту церковь в антисоветских целях, НКВД СССР считает необходимым провести в первую очередь следующие мероприятия: через агентуру НКВД СССР в Московской патриархии староцерковников провести решение патриархии о назначении в западные области УССР и БССР своего экзарха (представителя) с подчинением ему в административном отношении Гродненско-Новогрудской, Полесской и Волынской епархий»[117]. Экзархом был поставлен архиепископ Ленинградской епархии Николай (Ярушевич), а в марте 1941 г. он был возведен в сан митрополита.

11 января 1941 г. нарком НКВД СССР доложил И. В. Сталину свои предложения по противодействию влиянию униатов в западных областях УССР. В качестве конкретных мер предполагалось следующее:

«1. Организация раскола униатской церкви на основе использования существующих противоречий между сторонниками западного и восточного обрядов.

2. Дискредитация руководителей униатской церкви путем обнародования фактов их бытового разложения, нарушения канонических законов и злоупотребления в делах управления церковным имуществом.

3. Организация среди униатов течения за отрыв от Ватикана и создания «независимой» униатской церкви.

4. Организация движения за отрыв униатов от Шептицкого и присоединение их к православной церкви.

5. Обеспечение контроля в отношении униатской церкви путем постепенной замены нынешних руководителей надежными агентами»[118].

Начало Великой Отечественной войны помешало выполнению этого плана, но впоследствии его положения были реализованы в 1944—1946 гг.

Еще в феврале 1941 г. советские спецслужбы разрабатывали меры по предотвращению попыток использования иностранными разведками и их агентурой церковных организаций Прибалтийских республик для борьбы против советской власти. НКГБ СССР предлагало: «Вынести решение Московской патриархии о подчинении ей православных церквей Латвии, Эстонии и Литвы, для чего использовать имеющиеся заявления от местного руководящего духовенства и верующих. Решением предусмотреть необходимость роспуска епархий в Латвии, Эстонии и Литве и создание вместо них обычных епархий, подконтрольных Московской патриархии. Для управления епархиями Прибалтийских республик решением Московской патриархии целесообразно назначить в качестве экзарха (управляющего) архиепископа Воскресенского Дмитрия Николаевича, воспользовавшись для этого имеющимися в Московской патриархии соответствующими просьбами со стороны местного духовенства»[119].

В феврале — марте 1941 г. архиепископ Сергий (Воскресенский) стал митрополитом Виленским и Литовским, затем экзархом Латвии и Эстонии. Уже 28—30 марта главы латвийской и эстонской церквей митрополиты Августин (Петерсон) и Александр (Паулус) принесли публичное покаяние в грехе раскола, и произошло воссоединение этих церквей с Московским патриархатом. Митрополит Августин стал епископом Рижским, митрополит Александр — епископом Таллинским, и все они подчинялись экзарху Сергию[120].

Активное использование в 1940—1941 гг. деятелей РПЦ для усиления советского влияния в новоприобретенных землях не сопровождалось, как можно было ожидать, поворотом власти навстречу религии и Церкви на территории СССР. Если и были послабления в религиозных вопросах, то они делались властью в отношении населения воссоединенных территорий для стабилизации политической ситуации.

Говоря о различных православных течениях, следует отметить, что в 1937—1941 гг. обновленцы потеряли прежнюю поддержку со стороны властей, большинство обновленческих храмов было закрыто. «К 1941 г. от обновленцев осталась лишь горстка архиереев при 1—3 храмах в епархиях»[121]. После 1937 г. были ликвидированы и почти все григорианские епархии. Иосифлянство почти полностью ушло в подполье[122].

Кроме православных в 1937—1938 гг. преследованиям подверглись и представители других конфессий (ислам, иудаизм, буддизм, протестантизм). Возбуждались уголовные дела на их руководителей, обвинявшихся во вредительстве, антисоветской и шпионской деятельности (в настоящее время эти граждане в основном реабилитированы, а дела на них признаны сфабрикованными)[123]. В 1930-е гг. были репрессированы многие исламские духовные лидеры, пострадало мусульманское духовное образование, были закрыты многие мечети и, соответственно, прекращено существование многих мусульманских приходов. Таким образом, мусульманское религиозное движение было парализовано, а легальные исламские организации почти полностью ликвидированы[124]. Насильственные действия вызвали рост недовольства со стороны правоверных мусульман, лояльных советской власти. Опасным было то, что ситуация провоцировала распространение в их среде радикальных религиозных

Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский)

Патриарх Сергий ведет богослужение

настроений, а деятельность общин загонялась в подполье. «Массовое закрытие мечетей и репрессии против верующих продолжались вплоть до Великой Отечественной войны»[125].

При этом в районах ислама религиозные пережитки сохранялись куда больше, чем в православных регионах. Так, в Татарии мечети посещались большим числом людей, высока была религиозность населения, сохранялись религиозные традиции. Колхозники отмечали религиозные праздники, во время которых прекращали работу. В религиозных мероприятиях участвовали коммунисты и комсомольцы, причем религиозность молодежи была очень велика. Отношение населения к муллам было положительное: им покупали дома, оплачивали налоги и сборы, а в некоторых местах религия существовала за счет колхозных финансов. В некоторых случаях местные колхозы брали мечети на свое иждивение, а их председатели заботились о храмах и пастырях: украшали мечети, заготовляли дрова и прочее.

В Чечено-Ингушской АССР отмечалось сильное влияние адата — свода норм права у мусульманских народов, распространенность среди местного населения таких явлений, как кровная месть, калым, и других. Все эти религиозные пережитки среди чеченцев и ингушей процветали при попустительстве местного руководства и партийных работников[126]. 22 ноября 1939 г. было принято постановление бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), которым, в частности, местные партийные органы обязывались вести массовую культурно-просветительскую и антирелигиозную работу и «систематически разоблачать перед трудящимися реакционную сущность религии, адата, сектантских, тейповых пережитков и их пособников». На деле все ограничилось формальными мероприятиями, не давшими заметного результата[127].

В первый же день войны митрополит Сергий (Страгородский) выступил с посланием «пастырям и пасомым Христовой православной церкви». В этом послании, имевшем яркий патриотический характер, содержался призыв ко всем верующим защитить Отечество, приводились героические примеры русских святых — Александра Невского, Дмитрия Донского и других, «полагавших свои души за народ и Родину». Сергий предостерегал пастырей Церкви и прихожан от равнодушия и возможной измены в виде перехода на сторону врага[128]. Таким образом, Церковь благословляла православных на ратные подвиги и четко обозначила свою позицию — быть вместе с народом в противостоянии захватчикам.

26 июня 1941 г. митрополит Сергий отслужил молебен о победе русского воинства в Богоявленском соборе Москвы, после чего выступил с речью, в которой назвал позорной и равносильной предательству выжидательную позицию, которой придерживалась часть священников. Он заявил, что немецкие агрессоры идут войной не только против советской власти и русского народа, но и против христианских святынь[129]. 14 октября 1941 г. в послании к московской пастве Сергий резко осудил пастырей, перешедших на сторону врага, запретив им священнослужение, и призвал православных москвичей к обороне Отечества[130].

Эти и иные послания главы РПЦ митрополита Сергия начального, наиболее сложного периода войны, имели важное значение в деле сплочения граждан и мобилизации советских людей на борьбу с врагом. Реакция государства на патриотическую позицию Церкви не заставила себя ждать. Первым шагом власти навстречу Церкви можно считать решение Московского совета об эвакуации в Ульяновск наряду с другими госучреждениями формально отделенной от государства Московской патриархии, принятое в октябре 1941 г., в связи с наступлением врага на столицу. В Ульяновск были также эвакуированы и другие христианские центры — Митрополия обновленческой церкви и Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов[131].

Таким образом, едва ли не впервые после многих лет притеснений религиозным организациям была оказана поддержка на государственном уровне. Во время эвакуации Патриархия получила возможность поддерживать связь с епархиями и налаживать церковную жизнь на местах[132]. В Ульяновске митрополит Сергий продолжил свое пастырское служение Родине. В его совместном с другими иерархами послании к пастве от 24 ноября 1941 г. разоблачалась ложь гитлеровцев, что они якобы ведут войну в защиту религии и веры в СССР, приводились факты антирелигиозных гонений нацистов, их глумлений над храмами, зверств над православными людьми[133].

Военнопленные, расстрелянные фашистами в православном храме

В апреле 1942 г. в пасхальном послании Сергия вновь отмечалась антихристианская сущность нацистской идеологии[134]. Особое значение для пропаганды патриотизма и единения людей имело послание Сергия духовенству и верующим 22 июня 1942 г., приуроченное к первой годовщине начала войны. Рассказав о злодеяниях захватчиков, Сергий призвал к поддержке вооруженных сил и партизанского движения[135], а 26 июня поддержке партизан было посвящено еще одно послание владыки[136].

В обращении Сергия к верующим от 22 сентября 1942 г. комментировалась информация о сотрудничестве с оккупантами со стороны православных епископов Прибалтики во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским). Упрекая их в малодушии и выражая возмущение предательским поведением, первосвятитель приводил пример русских эмигрантов, которые идейно расходясь с большевиками, стали на сторону Советов. «Патриаршая Церковь, начиная с покойного святейшего патриарха Тихона и доселе, неизменно признает советскую власть Богоустановленной в СССР», — отмечал Сергий. Он также категорически опроверг инсинуации о том, что он якобы выступает против фашистов не по доброй воле, а по принуждению власти[137].

В тот же день митрополит Сергий и находящийся при нем совет епископов из 13 человек издали определение, в котором потребовали от Сергия (Воскресенского) объяснений, на самом ли деле он и подчиненные ему прибалтийские иерархи пошли в услужение фашизму, как это следовало из информации о состоявшемся в Риге архиерейском съезде[138].

Однозначному осуждению подверг митрополит Сергий поведение епископа Владимиро-Волынского Поликарпа (Сикорского), который в период оккупации не только пошел на сотрудничество с врагом, но и восстановил Украинскую автокефальную церковь. В марте 1942 г. решением руководства РПЦ епископу Поликарпу было запрещено священнослужение[139].

В послании верующим в апреле 1943 г. владыка Сергий вновь выразил уверенность, что, несмотря на новое наступление гитлеровских захватчиков, крах врага неизбежен[140]. Выступали с воодушевляющими православных призывами к победе над врагом и другие известные иерархи РПЦ. Митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич) 22 июня 1942 г. напутствовал паству оккупированных территорий словами: «Святая Церковь радуется, что среди вас на святое дело спасения Родины от врага встают народные герои — славные партизаны, для которых нет выше счастья, как бороться за Родину и, если нужно, умереть за нее»[141].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. владыка Николай был назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Получив возможность частых выездов в прифронтовую полосу, он исследовал и документально зафиксировал ущерб, который оккупанты нанесли храмам и верующим[142].

Включив церковного иерарха в государственную комиссию, власть вновь продемонстрировала новое отношение к религиозным организациям и особенно к православной церкви. С ноября 1942 г. несколько раз издавались совместные послания митрополитов Сергия и Николая с призывами к православным оккупированных гитлеровцами стран принимать участие в антифашистской борьбе[143]. Таким образом, руководство РПЦ принимало активное участие в пропагандистской деятельности, помогая государству в мобилизации граждан на отпор врагу.

Настоящим подвигом можно признать служение в блокадном Ленинграде митрополита Ленинградского Алексия (Симанского). 26 июня 1941 г. он выступил с посланием к ленинградцам, в котором назвал войну в защиту Отечества священным делом. Владыка Алексий также обращался с особым воззванием к партизанам и жителям оккупированных областей, призывая первых к продолжению борьбы, а жителей — к всемерной помощи партизанам. В блокадном Ленинграде, несмотря на трудности, митрополит Алексий занимался организацией сбора средств для нужд Красной армии. Одновременно он продолжал молитвенное и пастырское служение, воодушевляя своей стойкостью жителей и защитников города[144]. С 1944 г., уже после освобождения города, он стал членом ленинградской областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, участвовал в обследовании освобожденных районов[145].

Важным видом церковной помощи фронту и тылу стал сбор средств среди верующих. В 1941–1943 гг. эти меры активно проводились, несмотря на то что они противоречили существующему законодательству, запрещавшему религиозным организациям благотворительную деятельность. Уже в первый год войны православные храмы Москвы передали в Фонд обороны более 3 млн рублей, храмы Горького — более 4 млн, Куйбышева — 2 млн[146]. Только в блокадном Ленинграде служителями и мирянами с начала войны и по октябрь 1944 г. было собрано свыше 13 млн рублей, в том числе на нужды фронта — 11 млн, на помощь больным и раненым воинам — свыше 2 млн[147].

Помимо денег, по всей стране организовывался сбор теплых вещей и подарков для бойцов Красной армии. Крайне востребованной была любая помощь раненым. Общины верующих в этом деле проявляли инициативу. Так, уже на второй день войны церковная община Князь-Владимирского собора обратилась в Ленсовет с просьбой разрешить открыть на их средства лазарет для раненых и больных воинов[148].

Подобных инициатив при поддержке верующих в те годы поступало немало. Протоиерей из г. Горького А. А. Архангельский, сообщая митрополиту Сергию в апреле 1942 г. об открытии 10 августа 1941 г. по разрешению местных властей храма, ими же закрытого в 1940 г., писал: «Верующие охотно несли по примеру своих патриотов-предков не только деньги, облигации, но и лом серебра, меди, другие вещи, обувь, полотенца, полотно и проч. Было заготовлено и сдано немало валяной и кожаной обуви, шинелей, носков, перчаток, белья. Одной шерсти перевязали на носки более 4 пудов. Был организован особый сбор на подарки для бойцов в день годовщины Красной армии, давший свыше 30 000 руб. Подарки были разнесены по госпиталям для раненых, которые сердечно приняли такую внимательную о них заботу... Так

Верующие на молебне о спасении Отечества

Русская православная церковь передает танковую колонну «Димитрий Донской», созданную на средства верующих

внешне материально выразилось отношение верующих к переживаемым событиям, ибо нет православной семьи, члены которой прямо или косвенно не приняли бы участие в защите Родины»[149].

Церковные общины жертвовали средства, отправляя их в Фонд обороны и в Красный Крест. 5 января 1943 г. глава РПЦ митрополит Сергий отправил телеграмму И. В. Сталину, в которой сообщил некоторые данные о произведенных пожертвованиях, просил разрешить открыть в Госбанке специальный счет для этих целей. И. В. Сталин ответил митрополиту Сергию в тот же день благодарственной телеграммой, в которой сообщил, что дал указание об открытии специального счета в Госбанке[150]. Важно подчеркнуть, что самим фактом открытия специального счета пожертвования Церкви и верующих были официально признаны властью. Содержание переписки между И. В. Сталиным и митрополитом Сергием было опубликовано в газете «Правда»[151], что стало еще одним доказательством новой линии в отношениях между государством и церковью.

17 мая 1943 г. И. В. Сталин направил телеграмму Ленинградскому митрополиту Алексию, в которой выражал благодарность за собранные в Фонд обороны около 3,7 млн рублей, поступивших на счет помимо денег, внесенных ранее на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского[152]. Всего на постройку этой колонны было внесено 8 млн рублей, из них верующими Москвы — 2 млн, Ленинграда — 1 млн, Куйбышева — 650 тыс, вносились суммы и верующими сельских церквей. В этой колонне, построенной заводами Челябинска, было 40 танков. 8 и 30 марта 1944 г. состоялись первые официальные встречи иерархов РПЦ с бойцами и командирами Красной армии, посвященные передаче им колонны. Танковые подразделения, в которые вошли построенные на деньги верующих танки, геройски воевали в 1944–1945 гг. и дошли до Берлина[153]. Кроме того, был произведен общецерковный сбор средств на авиационную эскадрилью имени Александра Невского[154]. Согласно отчетным документам, к концу войны общий взнос Церкви на нужды обороны превысил 300 млн рублей[155].

Церковная помощь фронту выражалась в различных формах. Так, председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов на встрече с патриархом Сергием 25 ноября 1943 г. информировал его о полученном через Наркомат обороны уведомлении: командующий Белорусским фронтом генерал К. К. Рокоссовский подтверждал получение благотворительного груза — четырех мешков табачных изделий к празднику Великой Октябрьской социалистической революции, которые были доставлены точно 7 ноября 1943 г. и распределены среди рядового и офицерского состава[156].

Свой вклад в дело пожертвований на нужды фронта внесли и монахи из монастырей — как на вновь приобретенных территориях, так и новых, открытых в годы войны. Так, открытый в годы оккупации Покровский женский монастырь внес в Фонд обороны в 1944 г. более 70 тыс. рублей. Монахини также помогали со сбором вещей для Красной армии[157]. В записке Г. Г. Карпова И. В. Сталину от 17 января 1944 г. упомянуто, что один из монастырей взял на себя помощь военному госпиталю[158].

Вместе с тем, несмотря на потепление отношений с Церковью, партия и государство не прекращали в условиях войны жестко контролировать ее деятельность, опасаясь усиления религиозной пропаганды среди населения. Стратегически религия по-прежнему рассматривалась как «враждебная идеология». В годы войны правительство не допускало духовенство всех конфессий к деятельности среди военнослужащих. Однако в частях служили лица духовного звания, по призыву или добровольно пошедшие на фронт, чтобы с оружием в руках защищать Родину. Часть из них погибла на полях сражений, некоторые были награждены орденами и медалями.

Духовенство на оккупированных территориях, как правило, поддерживало партизанское движение. Известны случаи, когда священники давали расписки спецслужбам — обязательство взаимодействовать с партизанами и подпольщиками[159]. Нередко во избежание эксцессов в качестве «охранной грамоты» им выдавались справки, удостоверяющие факт работы на партизан[160]. Так, в справке митрополита Ленинградского Алексия о деятельности священника Ф. А. Пузанцева от 2 июня 1944 г. констатировалось, что во время оккупации «он имел

связь с партизанами, давал им хлеб, снабжал одеждою, давал им сведения о положении дел, о действии немцев и т. д.»[161].

Были священники, которые, рискуя жизнью, с амвона призывали к сопротивлению и поддержке партизан. Хотя были и такие, кто пытался занять «нейтральную» позицию или даже сотрудничал с гитлеровцами. После освобождения оккупированных территорий служители Церкви проходили проверку на предмет сотрудничества с гитлеровцами. Однако реалии оккупационного режима и патриотическая позиция паствы зачастую побуждала священников менять свою точку зрения. Так было, например, с 70-летним священником И. И. Ражановским, который раньше служил немцам, но «с помощью бесед был сагитирован»[162].

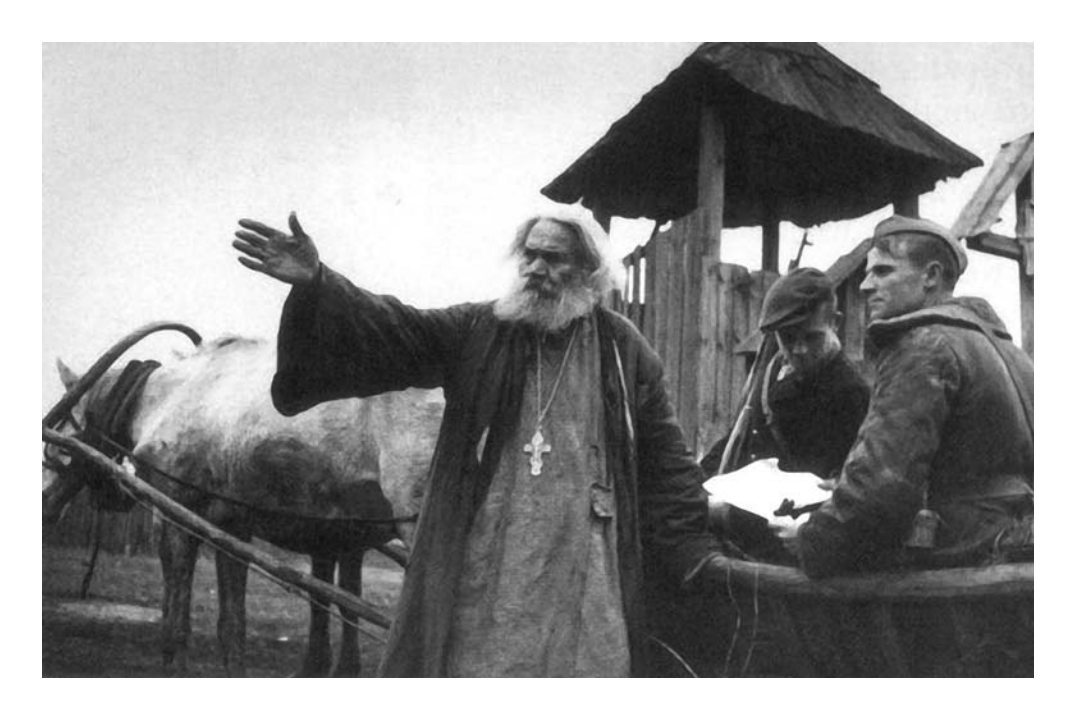
За значительный вклад в защиту Отечества духовные лица удостаивались правительственных наград. Так, 15 сентября 1944 г. митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) представил председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову список на 16 человек — представителей духовенства Москвы и Тулы для награждения медалью «За оборону Москвы». В качестве обоснования к списку прилагались описания заслуг представленных к награждению за период с октября 1941 по январь 1942 г. Например, как следует из документа, протоиерей Палицын помимо богослужений «произносил патриотические речи, укреплявшие веру в победу и вселявшие дух мужества»; протоиерей Цветков организовывал сбор цветного лома и денежные сборы среди верующих на оборону; протоиерей Марков в храме проводил сбор теплых вещей для армии; протоиерей Кузнецов устраивал специальные патриотические молебны[163]. Награждение состоялось, и 6 октября 1944 г. медали были торжественно вручены, в том числе и самому митрополиту Николаю[164]. Представители православного духовенства награждались также медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За оборону Ленинграда», «Партизану Великой Отечественной войны». Патриарх Алексий в 1945 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени[165].

Определенным явлением в религиозной жизни военных лет, вокруг которого не стихают острые дискуссии, стала деятельность так называемой Псковской православной миссии. Она была создана при поддержке немецкого командования в оккупированных захватчиками северо-западных областях России, включавших довольно обширный регион — часть Ленинградской и Калининской областей, Новгородскую и Псковскую области с населением в несколько миллионов человек. Создателем и руководителем этой миссии являлся митрополит Литовский и Виленский, экзарх Латвии и Эстонии Сергий (Воскресенский), имевший резиденцию в Риге. Оказавшись в зоне оккупации, он выступил с рядом антисоветских и профашистских заявлений и вместе с тем продолжал признавать свое каноническое подчинение Московской патриархии, чем ставил последнюю в весьма двусмысленное положение.

Миссия занималась активной просветительской, благотворительной и издательской деятельностью, ей было открыто от 220 до 300 приходов, а количество служащих в ней священников увеличилось с 50 до 175. В Риге и Вильно действовали духовные учебные заведения, которые их готовили. Приходские священники миссии находились под двойным давлением — оккупационных властей и советских партизан, поэтому их положение было очень сложным. Среди миссионеров были сотрудники и информаторы оккупантов, сдававшие партизан и сотрудничавших с ними служителей Церкви, но были и настоящие патриоты и подвижники православия. 29 апреля 1944 г. митрополит Сергий (Воскресенский) был убит неизвестными, одетыми в немецкую форму[166].

Кроме массового открытия храмов на оккупированных территориях, в советском тылу, как правило явочным порядком, тоже стали открываться церкви и молитвенные здания разных конфессий. Религиозная жизнь явно оживлялась. Так, по данным М. И. Одинцова, в 14 районах Ярославской области в 1942–1943 гг. открылась 51 православная церковь из числа закрытых до войны[167]. С открытием церквей появлялись и новые приходы.

Московская патриархия, находясь в эвакуации вне Москвы, предпринимала меры по восстановлению пострадавшей в предвоенные годы церковной структуры. Вернувшиеся в 1941–1943 гг. из заключения и ссылок служители Церкви пополнили действующий епископат РПЦ. Так, известный епископ Лука (Войно-Ясенецкий), находившийся в сибирской ссылке,

На партизанских тропах Белоруссии

Православный священник выступает перед бойцами партизанского соединения

после начала войны в соответствии со своей гражданской профессией получил назначение главным хирургом Красноярского эвакуационного госпиталя. В 1942 г. митрополит Сергий возвел его на Красноярскую кафедру, где Лука совмещал управление епархией с операциями в госпитале. В 1943 г. освобожденный из лагеря епископ Александр (Толстопятов) был назначен на Молотовскую (Пермскую) кафедру. Направлялись на кафедры после свершения покаяния перешедшие в Русскую православную церковь бывшие иерархи обновленческого и григорианского расколов. Все это также являлось признаками новой церковной политики власти.

С началом войны в стране была свернута воинствующая антирелигиозная пропаганда. Закрылись многие «безбожные» издания и антирелигиозные музеи, советская печать перестала публиковать материалы о борьбе с религией. Союз воинствующих безбожников, хоть и существовал номинально, но не проявлял прежней активности. Многолетний «главный борец с религией» Е. М. Ярославский написал статью «Почему религиозные люди против Гитлера?», которая была помещена в «Правде» в октябре 1941 г. В статье отсутствовали обычные для этого автора антирелигиозные выпады, а верующие, борющиеся с врагом, назывались патриотами.

Правда, некоторые руководители Агитпропа ЦК партии пытались и в годы войны продолжать антирелигиозную пропаганду. 9 января 1943 г. заведующий Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров представил секретарям ЦК партии А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову записку «О деятельности религиозных организаций и формах антирелигиозной пропаганды в условиях войны». В ней он предлагал готовить пропагандистов, разъясняющих населению вред религии, предупреждал о вреде бездеятельности в этом отношении. По его мнению, надо было продолжать антирелигиозные беседы, речи и лекции на селе[168].

Ответственный секретарь Союза воинствующих безбожников Ф. Н. Олещук констатировал в письме Е. М. Ярославскому и Г. Ф. Александрову в 1943 г.: «Антирелигиозная пропаганда в условиях Отечественной войны могла бы внести известный разлад, раскол в моральную сплоченность трудящихся». И пояснил, что пока это поняли не все партийные, советские и общественные организации и их руководители[169].

Важным шагом к новому курсу в церковно-государственных отношениях стало издание в 1942 г. книги «Правда о религии в России». В ее создании важную роль сыграл НКВД. 10 марта 1942 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия написал докладную записку И. В. Сталину, в которой сообщал: «Из официальных и агентурных источников известно, что немцы пытаются использовать православную церковь и духовенство в своих захватнических целях. Оказывая через церковь влияние на население, немцы распространяют клеветнические измышления о положения православной церкви в СССР. Так, например, 9 февраля с. г. германское радио сообщило о расправах и убийствах духовенства и верующих, якобы произведенных Красной Армией после освобождения города Можайска от немецко-фашистских войск. В связи с этим НКВД считает целесообразным, используя имеющуюся агентуру по церковникам, подготовить и в ближайшее время издать силами работников Московской патриархии книгу-альбом с материалами, изобличающими немцев в варварском отношении к православной церкви и духовенству. Книгу-альбом предназначить для распространения в церковных кругах за границей, на территории, временно оккупированной немцами, а также среди верующих в СССР». В связи с этим Л. П. Берия просил поручить НКВД СССР принять необходимые меры к обеспечению издания книги. При этом он приложил к записке план-проспект книги, составленный начальником 3-го (секретно-политического) управления НКВД СССР Н. Д. Горлинским[170].

Книга должна была состоять из двух глав: в первой предполагался рассказ о зверствах захватчиков в отношении православных храмов и верующих на территории СССР; во второй планировалось осветить патриотическую деятельность православной церкви, поместив туда статьи и речи церковных иерархов и других церковных деятелей, рассказать о пожертвованиях на нужды фронта и тыла. Там же предусматривалась историческая часть, свидетельствующая

о «свободе религиозного вероисповедания в СССР»[171]. 10 марта 1942 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о принятии мер к обеспечению издания Московской патриархией предложенной книги-альбома в соответствии с разработанным планом[172]. Задание было выполнено в короткие сроки: уже 25 июня 1942 г. И. В. Сталин и В. М. Молотов были информированы о выходе книги[173].

В предисловии этого труда митрополит Сергий (Страгородский) отмечал большие потери, понесенные РПЦ после революции, но в целом положительно оценивал отделение Церкви от государства[174]. Книга свидетельствовала о признании властью значительного вклада Церкви и верующих в борьбу с врагом. Симптоматично, что Е. М. Ярославский в письме Г. Г. Карпову и Л. А. Борташевичу от 28 июня 1942 г. оценил книгу как «очень удачную»[175]. Успех привел к продолжению подобных акций: в 1943 г. вышел сборник патриотических документов церковных деятелей — «Русская православная церковь и Великая Отечественная война».

«Правда о религии в России» действительно дала огромный и выгодный для государства пропагандистский эффект. Имея главным своим адресатом зарубежного читателя, она распространялась также и в оккупированных регионах. Книга вышла тиражом в 50 тыс. экземпляров. Митрополит Николай (Ярушевич), под редакцией которого она была издана, послал 700 экземпляров архиепископу Кентерберийскому для распространения в Великобритании. В 1942 г. митрополит Николай встретился в Куйбышеве в эвакуированном английском посольстве с британским дипломатом Л. Бегали и подарил ему еще несколько экземпляров[176]. Тем самым РПЦ восстанавливала свои международные связи.

Ростки новой «церковной оттепели» были видны и по другим фактам. В частности, РПЦ получила возможность участвовать в работе Всеславянского комитета. Ее представители в мае 1943 г. принимали участие в проведении третьего Всеславянского митинга в Москве[177]. Стало более лояльным отношение власти к религиозным праздникам. Так, 31 марта 1942 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия обратился к И. В. Сталину за разрешением допустить в ночь на 5 апреля ночную пасхальную службу в церквях Москвы и других городов, при условии проведения агентурных мероприятий НКВД СССР и присутствия усиленных нарядов милиции[178]. Согласие И. В. Сталина было получено, и с тех пор ночные пасхальные богослужения были разрешены. Прошли они и на следующий год, 22–24 апреля, причем сводки НКВД зафиксировали благодарность верующих советскому правительству[179].

30 мая газета «Правда» опубликовала ответы И. В. Сталина на вопросы информационного агентства «Рейтер» в связи с роспуском Коминтерна. В интервью, в частности, отмечалось, что этот шаг «облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению всех прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь для развертывания борьбы против фашизма»[180]. «Религиозные убеждения» не случайно были отмечены И. В. Сталиным: в программе Коминтерна, принятой на его 6-м конгрессе в 1928 г., международное коммунистическое движение ориентировалось на жесткую и бескомпромиссную борьбу с религией[181], теперь же основной акцент делался на объединение как верующих разных религий, так и неверующих в борьбе с фашизмом.

Причины поворота власти к новой политике в церковно-государственных отношениях являются предметом историографических дискуссий. Очевидно, что существовала насущная потребность максимально мобилизовать и объединить все силы советского народа в деле достижения победы над нацистской Германией: уступки религиозным организациям в этом смысле были логичным и естественным шагом. Кроме того, власти было необходимо противостоять религиозной политике нацистов на оккупированных территориях, которые, как правило, не препятствовали религиозному возрождению в захваченных областях, массовому открытию храмов, выставляя себя «защитниками Церкви». Имели значение и внешнеполитические расчеты И. В. Сталина, учитывавшего идеологическую позицию союзников СССР по антигитлеровской коалиции и считавшего возможным использование церковного и религиозного факторов для распространения советского геополитического влияния.

Заседание Священного синода Русской православной церкви 8 сентября 1943 г.

В июле 1943 г. органы госбезопасности представили руководству страны подробные данные о состоянии Церкви с анализом ее деятельности, кадров, настроений в церковной среде[182]. 4 сентября И. В. Сталин провел совещание с Г. М. Маленковым, Л. П. Берией и руководителем «церковного» отдела НКГБ Г. Г. Карповым, на котором обсуждалась новая политика государства по отношению к Церкви[183]. А 5 сентября состоялась встреча И. В. Сталина, В. М. Молотова и Г. Г. Карпова в Кремле с тремя митрополитами — Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), на которой рассматривался целый комплекс важных вопросов. Было решено в кратчайшие сроки созвать Архиерейский собор для избрания патриарха и Синода.

Решена была и проблема воссоздания органов духовного образования, чтобы иметь возможность готовить священнослужителей. Обсуждались и другие вопросы: об издании «Журнала Московской Патриархии», облегчении процедуры открытия церквей, снятии ограничений в передвижении для репрессированных в прошлом священнослужителей, содержании церковного аппарата, свечных заводах, улучшении бытовых условий для священноначалия (обеспечение церковных деятелей помещениями, транспортом, спецснабжением и прочим). Без доброй воли и содействия государства все это реализовать было бы невозможно. И. В. Сталин также объявил о создании Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР и о назначении Г. Г. Карпова его председателем. В. М. Молотов поднял тему международных контактов РПЦ, предложив митрополиту Сергию принять делегацию Англиканской церкви[184], что и было сделано в конце сентября.

Об итогах этой встречи сообщалось по радио и в газетах, что произвело и внутри СССР, и во всем мире огромный пропагандистский эффект. Сводки НКВД доносили разные суждения советских людей, а также дипломатов и эмигрантов об этом событии. В них преобладали одобрительные отзывы, хотя звучали и голоса, сомневавшиеся в долгосрочности этого поворота, считая его временным и обусловленным только войной[185].

8 сентября 1943 г. в Чистом переулке, в здании, подаренном государством Патриархии, состоялся Архиерейский собор РПЦ. В нем участвовали 19 архиереев из числа служивших на советской территории (тех, кто продолжал служение в условиях оккупации, естественно, на Соборе не было). Многие из присутствовавших ранее прошли через заключение и ссылки. В докладах митрополитов Сергия и Алексия была освящена роль РПЦ в годы войны. Сергий был возведен в титул Патриарха Московского и всея Руси — его интронизация состоялась 12 сентября. По случаю избрания патриарха Сергия были получены поздравительные послания от патриархов Константинопольского, Александрийского и Антиохийского. Его избрание было признано большинством автокефальных православных и других христианских церквей[186].

На Соборе был утвержден предложенный митрополитом Сергием состав Синода из шести иерархов. В обращении Собора к советскому правительству выражалась благодарность за труды и помощь, а ко всем христианам мира — призыв объединиться во имя победы над общим врагом. Своим постановлением «Осуждение изменников Вере и Отечеству» Собор объявил, что перешедшие на сторону врага представители духовенства считаются отлученными и лишенными сана[187].

14 сентября 1943 г. вышло постановление СНК «Об организации Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР». Его председателем стал Г. Г. Карпов, до 1955 г. совмещавший эту должность с руководством «церковным» отделом в советских спецслужбах. Положение о Совете по делам РПЦ было утверждено СНК СССР 7 октября 1943 г. Согласно этому документу, Совет осуществлял связь между правительством и патриархом по вопросам РПЦ. На него возлагались: предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых патриархом и требующих разрешения правительства, разработка проектов законодательных актов и инструкций, представление заключений по вопросам РПЦ, наблюдение за проведением в жизнь законов и постановлений. Совет должен был также играть роль информационной службы: представлять правительству сведения о деятельности РПЦ, вести учет церквей и составлять статистические сводки. Совет имел своих уполномоченных на местах, у каждого из которых (всего 89 человек) имелся аппарат, а должность уполномоченного приравнивалась к начальникам управлений СНК республик или к заведующим отделами обл(край)исполкомов. Таким образом, Совет получил жесткую централизованную структуру. С 1943 г. куратором Совета по делам РПЦ от правительства стал В. М. Молотов (после войны его сменил К. Е. Ворошилов). Активно интересовался работой Совета и И. В. Сталин.

Тем не менее во взаимоотношениях власти и РПЦ оставались проблемы. 5 февраля 1944 г. была утверждена инструкция для уполномоченных Совета. Пункты этого документа содержали ряд положений довоенного дискриминационного законодательства, которые должны были действовать и в новых условиях в отношении религиозных объединений РПЦ. Инструктивные письма Совета 1944–1945 гг. предостерегали против контактов представителей советских органов с церковными организациями при решении разных хозяйственных задач. Например, не следовало просить у них помощи в поднятии трудовой дисциплины колхозников, обращаться к ним за помощью в строительстве детских домов и прочее[188].

Что касается благотворительности, то, разрешив ее в годы войны религиозным организациям, государство стремилось к тому, чтобы сделать ее по возможности не прямой, а опосредованной. На совещании с уполномоченными Совета по делам РПЦ в сентябре 1944 г. Г. Г. Карпов в ответ на вопрос о допустимости шефства церквей над военными госпиталями ответил: «Шефства допускать не следует. Собранные деньги верующие могут сдавать в банк, а продукты и вещи — в госпитали через органы Наркомздрава СССР»[189]. Факты непосредственной помощи со стороны Церкви красноармейцам-инвалидам войны также признавались нежелательными. В инструктивном письме Совета по делам РПЦ от 21 апреля 1944 г. отмечалось: «Иногда религиозные организации допускаются к постоянному шефству над госпиталями и детскими домами. Раздачу финансовых пособий отдельным лицам и шефство над лечебными и детскими учреждениями религиозные деятели используют для усиления своего влияния на массы»[190].

Управляющий Московской епархией митрополит Николай (Ярушевич) вручает медали «За оборону Москвы» священнослужителям Русской православной церкви

Такие ограничения предписывались, чтобы ослабить возможное влияние Церкви на светскую жизнь. Работа Совета по делам РПЦ в военный и послевоенный периоды была ориентирована в том числе и в этом направлении. Это касалось благотворительной, хозяйственной, просветительной, воспитательной, миссионерских сфер. На местах отношения с религиозными организациями уполномоченных Совета, часто воспитанных в атеистическом духе, развивались по-разному: часть из них заинтересованно помогала верующим в их нуждах, а другая часть — выполняла работу формально. Были, конечно, на местах и такие сотрудники аппарата уполномоченных Совета, у которых сложились «неформальные» отношения с опекаемыми ими приходами и служителями Церкви и которые, по мнению властей, «заходили слишком далеко» в своем расположении к верующим. Впрочем, и церковнослужители были не прочь завести «неформальные» связи со своими «кураторами». В 1945–1946 гг. некоторые уполномоченные были сняты с работы или арестованы «за допущенное взяточничество, бытовое разложение и сращивание с церковниками и духовенством»[191].

Тем временем в Совете по делам РПЦ в 1943–1945 гг. готовился проект нового, более либерального религиозного законодательства. Совет предложил пересмотреть постановление ВЦИК от 1929 г. и изменить Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви от 1918 г. в том направлении, чтобы дать Церкви права юридического лица и облегчить постановку дела духовного образования. В январе 1944 г. Г. Г. Карпов представил в правительство проект нового закона «О положении церкви в СССР», однако он был отвергнут И. В. Сталиным. Не был принят и последующий, подготовленный в 1944–1945 гг., проект закона СССР о вероисповеданиях[192].

Во время войны так и не были отменены важнейшие антирелигиозные законодательные акты, включая Декрет от 23 января 1918 г., выдержанное в жестких тонах Положение о религиозных объединениях от 1929 г., лишавшие Церковь права собственности и статуса юридического лица. Сохранялась статья Конституции СССР от 1936 г., лишавшая религиозные организации права религиозной пропаганды (говорилось только о свободе вероисповедания), но утверждавшая свободу пропаганды атеистической.

В числе действовавших, правда, оставались некоторые постановления власти, идущие навстречу Церкви и формально вступавшие в противоречие с указанными выше антирелигиозными законами, в их числе разрешение открытия счета в банке, разрешение делать подарки и пожертвования на нужды фронта и детей-сирот, открытие церквей и монастырей и другие. Права ограниченного статуса юридического лица были предоставлены церковным органам постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г.[193]

На встрече с митрополитами в Кремле в сентябре 1943 г. владыка Алексий (Симанский) поднял вопрос об освобождении некоторых репрессированных архиереев, и И. В. Сталин согласился рассмотреть такой список[194]. 27 октября 1943 г. глава РПЦ Сергий предоставил Г. Г. Карпову список из 27 человек, числившихся в заключении. Он не знал, что все они, кроме епископа Николая (Могилевского), который после освобождения возглавил Алма-Атинскую кафедру, были расстреляны еще в 1937–1938 гг. Г. Г. Карпову пришлось уклоняться от правдивого ответа по поводу судьбы этих людей[195].

Массовой амнистии мирян, членов общин и монахов, осужденных в 1930-х — начале 1940-х гг. по «церковным» делам, в связи с «новым курсом» не было, даже высших духовных лиц — епископов освободили не всех. Вообще, репрессии в отношении церковнослужителей и активных мирян продолжались и в годы войны. Так, в 1941 г. по «церковным» делам были арестованы около 4 тыс. человек, из них расстреляны — 1,9 тыс.; в 1943 г., то есть в год начала «нового курса», арестованы более 1 тыс. священнослужителей, из них расстреляны — 500 человек[196]. В числе прочих в 1942 г. расследовались групповое «дело духовных дочерей архимандрита Серафима (Климкова)», дело об «антисоветской церковной организации в г. Котласе» и другие[197].

В связи с поворотом в 1943 г. в церковно-государственных отношениях работа спецслужб была переориентирована на преследование тех церковников, которые использовали религиозную деятельность для антисоветской пропаганды или выступали против мероприятий

власти (например, вели агитацию против колхозов), устраивали несанкционированные собрания, шествия и моления[198], против членов церковных общин, остававшихся в подполье и не желавших вступать в патриаршую церковь, против коллаборационистов на освобожденных от оккупантов территориях, в числе коих были члены упоминавшейся выше Псковской православной миссии.

Священноначалие использовало уступки власти для укрепления церковных структур. Патриархи Сергий и сменивший его Алексий успешно восстанавливали разрушенный до войны епископат. Если в конце 1943 г. в СССР насчитывалось 25 правящих архиереев, к марту 1944 г. — 29, то в 1946 г. — уже 61 человек[199]. При этом разрешения на назначения и перестановки епископов патриарху надо было испрашивать у Совета по делам РПЦ.

Органам советской власти после освобождения захваченных земель приходилось учитывать, что тысячи церквей были самовольно или с дозволения гитлеровцев открыты на оккупированных территориях. В период оккупации «новые власти» передавали верующим отобранные у них в 1920–1930-е гг. церковные здания, занятые под советские учреждения, клубы, склады и прочее. Г. Г. Карпов в докладной записке В. М. Молотову от 5 октября 1944 г. сообщил: «Всего за время оккупации было открыто церквей примерно 6500, или 73,7% к общему числу церквей, зарегистрированных на 1 августа с. г.»[200].

После создания Совета по делам РПЦ правительство взяло под жесткий контроль процесс открытия церквей. И. В. Сталин на встрече с митрополитами в 1943 г. говорил, что власть не будет чинить препятствий открытию церквей[201]. В. М. Молотов, однако, на встрече с Г. Г. Карповым высказался за то, чтобы сдерживать этот процесс[202]. 28 ноября 1943 г. вышло постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей», согласно которому вводился сложный порядок открытия храмов. Прерогативой отказа религиозным организациям верующим в открытии церквей наделялись местные органы власти: обл(край)исполкомы советов, совнаркомы союзных и автономных республик. Те же ходатайства верующих, которые ими были поддержаны, подлежали после их одобрения в Совете по делам РПЦ утверждению в СНК СССР[203].

К марту 1944 г. распоряжением СНК СССР в тылу были открыты только 29 церквей. В 1944 г. по всему Союзу из 6402 ходатайств верующих об открытии церквей, по данным Совета по делам РПЦ, было удовлетворено всего 207; в 1945 г. из 6025 таких ходатайств — только 509[204]. Согласно другому отчету Г. Г. Карпова, в 1945 г. «из всех поступивших на 1 июля с. г. 5770 ходатайств об открытии церквей (не считая повторных) рассмотрено и удовлетворено Советом по представлениям обл(край)исполкомов 414 ходатайств, отклонено на местах 3850 и находятся на рассмотрении 1506 заявлений. Чаще всего обл(край)исполкомы отклонения мотивируют занятостью церковных зданий под склады, наличием в 10–15 километрах действующих церквей или же ветхостью церковных зданий и необходимостью их капитального ремонта, непосильного для верующих»[205]. Всего к июлю 1945 г. в СССР насчитывалось 10 243 действующих церкви и молитвенных дома РПЦ.

В многомиллионных городах разрешали открывать только по нескольку церквей. На основании директивы Совета по делам РПЦ отказы давались верующим в виде краткой справки, без мотивировки[206]. Общий результат такой политики был подытожен в 1948 г. в донесении Г. Г. Карпова на имя И. В. Сталина: «В результате изучения и рассмотрения этих ходатайств Советом в 1944–1947 гг., с одобрения Правительства СССР, разрешено открыть 1270 церквей. По ним имелось 4576 ходатайств, или 22,7% к общему числу ходатайств. Отклонено по разным причинам 15 567 (76,3%) ходатайств об открытии 4418 церквей»[207]. После войны значительная часть открытых в годы оккупации храмов была по разным причинам отобрана, а часть закрылась из-за нехватки священников. Из 7547 таких храмов к концу 1947 г. осталось действующими не более 1300[208].

Показатель религиозного возрождения — массовое отмечание церковных праздников. Так, по данным Л. П. Берии, изложенным в записке И. В. Сталину и В. М. Молотову, в ночь с 15 на 16 апреля 1944 г. в ходе Пасхи только в Москве в 32 церквах присутствовали 250 тыс. человек (для сравнения — в 1943 г. было 83 тыс.), а в Московской области в 126 церквах — 200 тыс. человек[209].

Священнослужители Русской православной церкви, награжденные медалями «За оборону Ленинграда»

10 января 1945 г. православным храмам был разрешен повсеместный колокольный звон, запрещенный еще в конце 1920-х гг., но возобновившийся в годы войны во многих церквах на оккупированных территориях. 22 августа 1945 г. это разрешение было подтверждено постановлением правительства[210].

С 1943 г. шло возрождение и монастырской жизни. К концу войны насчитывалось 75 монастырей (42 женских), из них 29 было открыто в военное время. Монашествующих насчитывалось около 4 тыс. человек. Монастыри вели свое хозяйство и притягивали большое количество паломников. Выросла численность приходского духовенства: к лету 1946 г. оно насчитывало 9434 человека, из них треть начали церковную службу в годы войны[211]. В ноябре 1944 г. правительство приняло решение об освобождении от призыва по мобилизации священнослужителей[212].

Для подготовки новых духовных кадров перед Церковью остро стояла проблема воссоздания системы духовного образования. В сентябре 1943 г., в ходе встречи с митрополитами в Кремле, И. В. Сталин объявил, что правительство не будет возражать против организации богословских курсов при некоторых епархиях, как и против открытия духовных академий и семинарий[213]. 28 ноября 1943 г. было принято постановление СНК СССР за подписью В. М. Молотова о разрешении открытия в Москве Православного богословского института и богословско-пастырских курсов, которое состоялось 14 июня 1944 г. в стенах московского Новодевичьего монастыря. В первый год в институте обучались всего 17 студентов, на курсах — 15 слушателей[214].

Для воспроизводства квалифицированных священников этого было явно недостаточно, поэтому 10 мая 1944 г. И. В. Сталин подписал новое постановление СНК СССР о разрешении

открытия богословско-пастырских курсов в Саратове (ходатайство было подано патриархом Сергием на встрече с Г. Г. Карповым за день до этого). 22 марта 1945 г. последовало постановление СНК СССР, разрешавшее открытие богословско-пастырских курсов еще в семи городах: Киеве, Ленинграде, Львове, Луцке, Минске, Одессе и Ставрополе[215].

Была разрешена, пусть и в скромных размерах, церковная печать. 12 сентября 1943 г. тиражом в 15 тыс. экземпляров вышел первый номер возобновленного (после закрытия в 1935 г.) «Журнала Московской Патриархии». Его ответственным редактором был сам патриарх Сергий. В 1943 г. вышло четыре номера журнала, в 1944 г. — 12 номеров. Журнал печатал и официальные церковные материалы, и документы о патриотической деятельности Церкви, и некоторые проповеди, в том числе антифашистские[216]. Журнал подлежал цензуре Главлита. В декабре 1943 г. было дано разрешение на издание церковного календаря на 1944 г. тиражом в 15 тыс. экземпляров. Планировалось предоставить Московской патриархии в собственность типографию, для чего ей было выделено полиграфическое оборудование. Но разрешение на это так и не было дано, и церковные издания печатались в Госиздате[217]. Правительство не пошло и на то, чтобы разрешить РПЦ создать свою сеть церковной печати, а также организовать массовое издание книжной религиозно-богословской литературы.

15 мая 1944 г. скончался глава РПЦ Сергий (Страгородский). Местоблюстителем Патриаршего престола, согласно его завещанию, стал митрополит Алексий (Симанский). В своем послании от 18 июня 1944 г., в связи с трехлетней годовщиной войны, он напомнил о силе молитвы Церкви и ее помощи фронту, благословил победное шествие Красной армии на запад. Молебны о достижении победы и панихиды по павшим воинам были обычной практикой Церкви в те годы[218].

Для завершения организации церковного управления и избрания в 1944 г. нового патриарха перед Церковью встала задача проведения нового Поместного собора (последний Поместный собор состоялся в 1917–1918 гг.)[219]. Важной причиной, по которой правительство пошло навстречу Церкви в этом вопросе, было то обстоятельство, что Собор рассматривался как крупный шаг в укреплении международных связей Московской патриархии. Эти связи использовались для укрепления советского влияния в Европе, США, на Ближнем Востоке, то есть в тех странах, где существовали влиятельные православные диаспоры, среди которых необходимо было поддерживать позитивный образ Советского государства. Это соответствовало плану И. В. Сталина по созданию системы межправославного единства с центром в Москве, попытки реализовать который были предприняты уже после войны. Важным было в этих расчетах и противостояние католичеству, часто занимавшему антикоммунистические и недружественные в отношении СССР позиции[220].

16 ноября 1944 г. В. М. Молотов одобрил предложение Г. Г. Карпова о приглашении восточных патриархов в Москву на предстоящий Поместный собор. В итоге среди присутствовавших на Соборе гостей были патриарх Александрийский Христофор, патриарх Антиохийский Александр, представители Вселенского Константинопольского патриарха Вениамина и Иерусалимского патриарха Тимофея[221]. В Соборе также участвовали митрополит Вениамин (Федченков) из США и делегация от митрополита Феофила (Пашковского) из Югославии и Румынии, Грузинский патриарх Каллистрат. Для подарков восточным патриархам правительство согласилось выделить культовые предметы из музеев страны.

Было дано добро и на духовный концерт для членов и гостей Собора в Большом зале Московской консерватории с исполнением в том числе и запрещенной ранее торжественной увертюры П. И. Чайковского «1812 год»[222]. В рамках подготовки к созыву Поместного собора в Москве 21–23 ноября 1944 г. состоялся Архиерейский собор РПЦ с участием 50 епископов[223].

Поместный собор проходил 31 января — 2 февраля 1945 г. Его первым актом было принятие Положения об управлении Русской православной церковью. В положении определялись функции Поместного собора, патриарха, Синода, епархиальных архиереев, советов, благочинных, настоятелей храмов, устройство приходских общин. 2 февраля 1945 г. на

Поместном соборе был избран новый патриарх Алексий (Симанский). Его интронизация состоялась 4 февраля в Богоявленском кафедральном соборе Москвы[224]. Это был опытный, авторитетный, заслуженный деятель Церкви, уже совершивший героический подвиг своего самоотверженного служения в сане митрополита Ленинградского в блокадном Ленинграде.

Поместный собор 1945 г. имел важное патриотическое значение. В своей речи на Соборе председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов от лица власти высоко оценил патриотическую деятельность Церкви и отметил, что она, как и в годины прошлых испытаний, «не порывала своей связи с народом». В своем ответном обращении к правительству и И. В. Сталину Собор выразил благодарность, а в обращении к верующим призвал к единству сил для достижения победы[225]. Информация с мест, полученная Московским горкомом ВКП(б), фиксировала в целом положительную реакцию трудящихся на проведение Поместного собора.

Вместе с тем многие недоумевали, как теперь поступать с известными антирелигиозными установками партии[226]. В записке заведующего Агитпропом МГК ВКП(б) Н. П. Силантьева от февраля 1945 г. указывалось на то, что коммунист, исполняющий религиозные обряды, совершает партийное преступление. Он напоминал о необходимости для членов ВКП(б) вести атеистическую работу[227]. Партийные работники писали руководству тревожные записки о распространении «религиозных предрассудков» среди детей в школах[228].

10 апреля 1945 г. состоялась встреча патриарха Алексия, митрополита Николая (Ярушевича) и протопресвитера Н. Ф. Колчицкого с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Обсуждались вопросы патриотической деятельности Церкви, расширения сети духовных учебных заведений, церковно-издательской деятельности, а также внешнеполитические направления работы РПЦ[229].

Весной 1945 г. активизировались международные контакты РПЦ. 15 марта 1945 г. Г. Г. Карпов подал записку И. В. Сталину, в которой изложил обширный план по внешнеполитическому использованию Церкви. Важными представлялись борьба с Ватиканом и меры по присоединению к РПЦ униатов, борьба за влияние на русскую православную диаспору в Европе, предполагалось продолжать контакты с англиканами. Особым пунктом предполагалось через Синод РПЦ поставить вопрос о возврате собственности бывших посольских православных церквей за границей, в том числе в Палестине. Предусматривалось расширение контактов с Болгарской, Румынской, Сербской, Ближневосточными церквями, в последнем случае считалась возможной организация русских православных приходов. В США планировалось организовать особую епархию Московской патриархии — экзархат. Г. Г. Карпов также особым пунктом изложил план по организации всемирной конференции христианских церквей в Москве — продвижение сталинской идеи «православного Ватикана»[230].

После войны этот план в большинстве его положений не удалось реализовать, но в 1945 г. предпринимались энергичные меры по его претворению в жизнь. Предполагалось направить в помощь экзарху Московской патриархии в США митрополиту Северо-Американскому и Алеутскому Вениамину (Федченкову) архиепископа Рязанского Алексия (Сергеева). Нарком государственной безопасности В. Н. Меркулов предполагал «под этим церковным прикрытием организовать разведывательную резидентуру в США»[231]. Однако власти США отказали в постоянном проживании архиепископу Алексию[232].

В 1945 г. предпринимались меры и по ведению церковной дипломатии в Европе. Налаживались связи между РПЦ и Румынской православной церковью. С 6 по 23 апреля 1945 г. в Болгарии гостила делегация, возглавляемая архиепископом Псковским и Порховским Григорием (Чуковым), которая была радушно принята экзархом Болгарии Стефаном.

С 8 по 23 апреля делегация во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным) посетила Югославию. Здесь важными были контакты с патриархом Сербским Гавриилом, иерархами и духовенством Сербской православной церкви, а также с лидерами Югославии во главе с маршалом И. Броз Тито[233].

Успешно были проведены переговоры митрополита Николая (Ярушевича) с управляющим русскими православными приходами в Западной Европе митрополитом Евлогием (Георгиевским). В результате в сентябре 1945 г. в Париже все, за немногим исключением,

«евлогианские» приходы перешли под юрисдикцию Московской патриархии[234]. Правда, этот переход впоследствии оказался недолговечным. В августе 1945 г. был подписан акт о воссоединении с РПЦ и харбинских приходов[235]. Государство поддерживало эти меры как способ вовлечения эмигрантских русских диаспор в орбиту советского влияния.

С 28 мая по 26 июня 1945 г. патриарх Алексий с церковной делегацией совершил паломническую поездку по странам Ближнего Востока, посетив Иран, Ливан, Сирию, Палестину и Египет. Поездка была использована для переговоров с Иерусалимским, Александрийским и Антиохийским патриархами об укреплении межправославных связей, о содействии политике Советского государства, в частности ставился вопрос об организации в Москве всемирной конференции всех христианских Церквей (кроме Римско-католической)[236].

Победа над Германией 9 мая 1945 г. была воспринята Русской православной церковью как великое событие и большой праздник. В своем поздравительном письме И. В. Сталину патриарх Алексий отмечал: «Сегодня, в исторический радостный праздник победы, мысли всех верных сынов нашей Родины несутся к Вам, нашему любимому богоданному вождю, чьими неусыпными трудами и заботами страна наша достигла величайшей победы и мира»[237].

С началом Великой Отечественной войны обновленческая церковь, как и другие религиозные организации в СССР, заняла патриотическую позицию. Епископы-обновленцы в своих обращениях к верующим призывали к организации отпора врагу. Так, в воззвании первоиерарха митрополита Александра Введенского в августе 1941 г. говорилось: «С мечом в руках, с огнем веры в сердце пусть верующие выполнят свой великий воинский долг. Те, кто работает в тылу, пусть самоотверженно, с полным напряжением сил выполняют свои обязанности перед Родиной»[238].

В целом, в годы войны обновленческая церковь переживала острый кризис. Ее покидали иерархи, священники и миряне, которые переходили под юрисдикцию Московской патриархии. 12 октября 1943 г. председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов подготовил обширную докладную записку о положении обновленческой церкви. В ней говорилось о том, что она расколота на тех, кто высказывается за соединение с РПЦ, и тех, кто выступает за сохранение обновленческой организации. Г. Г. Карпов предлагал «не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую Сергиевскую церковь». С этими предложениями согласился И. В. Сталин[239].

К январю 1944 г. в Москве в распоряжении обновленцев остался только один храм, а в целом по стране к этому времени сохранилось незначительное количество обновленческих церквей и приходов[240]. 29 февраля 1944 г. А. Введенский был принят Г. Г. Карповым, но никакой поддержки от председателя Совета по делам РПЦ не получил[241].

15 августа 1944 г. Г. Г. Карпов доложил И. В. Сталину, что в СССР действуют всего 147 обновленческих церквей: из них в Краснодарском крае — 86, в Ставропольском — 42. Г. Г. Карпов констатировал, что «в основном распад обновленческой церкви происходит по причине роста авторитетности духовенства патриаршей церкви среди верующих, в то время как многие из обновленческого духовенства себя скомпрометировали аморальными поступками и в церкви, и в быту». В документе также сообщалось об аморальном поведении А. Введенского, выражавшемся в том, что он и его сыновья «совершают службу в храме в пьяном виде, скандалят, сквернословят, дерутся и допускают другие хулиганские выходки, оскорбляющие чувства верующих». Резюмируя, в записке говорилось: «Считая, что вопрос о ликвидации обновленческой церкви вполне назрел, Совет находит возможным ускорить процесс ее окончательного распада». Для этого предлагалось инициировать переход в РПЦ еще остающихся за обновленцами ставропольских и краснодарских приходов[242]. В итоге осуществления этих мер вся обновленческая церковь постепенно сократилось до одного Пименовского храма в Москве, где и служили А. Введенский с сыновьями. С его смертью в 1946 г. фактически перестала существовать и обновленческая церковь[243].

19 мая 1944 г. вышло постановление СНК СССР о создании Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. Согласно положению о Совете, к его ведению относилось осуществление связей со старообрядческой, греко-католической, католической и лютеранской

церквями, духовенством мусульманского, буддистского и иудейского вероисповеданий, а также сектантскими организациями. Совет возглавил И. В. Полянский, выходец из органов госбезопасности. Функции и структура Совета по делам культов во многом дублировали функции и структуру Совета по делам РПЦ[244].

Старообрядческая церковь в годы войны также заняла патриотическую позицию. В Рождественском послании 1942 г. старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Иринарх (Парфёнов) призвал верующих и на фронте, и в тылу содействовать победе над врагом, поддерживать партизан и вступать в их ряды[245]. На нужды обороны страны старообрядческая Московская архиепископия собрала 1,2 млн рублей. Тысячи старообрядцев воевали на поле брани, представители старообрядческого духовенства были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и другими. Патриотический характер деятельности старообрядцев отмечался и в докладной записке И. В. Полянского от 7 декабря 1945 г., где сообщалось, что она отличалась от аналогичной деятельности РПЦ «только более узкими масштабами»[246].

В марте 1945 г. власть дала согласие на установление связей между румынскими и московскими старообрядческими лидерами с перспективой подчинения старообрядческих епархий Румынии Московской архиепископии[247]. Однако в целом уступки власти старообрядческой церкви были незначительны, большинство закрытых в 1930-е гг. храмов ей так и не возвратили, сохранялся запрет на открытие монастырей и духовных учебных заведений.

В связи с массовым переходом в годы войны нелегальных церковных общин на легальное положение так называемые «катакомбные» православные организации значительно ослабели. Подпольные общины власть преследовала. В годы войны наиболее крупной акцией такого характера была массовая высылка антисоветской церковной организации «Истинно-православных христиан», произведенная в июле 1944 г. Состояла она, по оценке органов НКВД, из «бывших кулаков и ранее судимых за антисоветскую деятельность». Группы этой организации имелись в Рязанской, Воронежской и Орловской областях. В результате 1673 человека (537 хозяйств) были принудительно переселены в Омскую, Новосибирскую области, Алтайский и Красноярский края[248].

Война способствовала восстановлению добрых отношений между РПЦ и Грузинской православной церковью, прерванных в 1917 г. 31 октября представитель патриарха Сергия архиепископ Антоний и католикос Грузии Каллистрат устроили совместное служение в древнем Сионском соборе в Тбилиси. 21 ноября совместная служба была проведена и в московском Елоховском соборе. Патриарх Сергий объявил о примирении двух церквей[249].

Армяно-григорианская церковь в годы войны заняла активную патриотическую позицию, принимала широкое участие в сборе средств в Фонд обороны. В начале 1944 г. на собранные АГЦ пожертвования была сформирована танковая колонна имени Давида Сасунского. В 1943—1945 гг. с разрешения властей открывались новые и ранее закрытые армянские храмы, монастыри и духовные школы. Армянская церковь восстановила контакты с зарубежными армянскими епархиями и общинами. От правительства ей выдавались денежные субсидии. Усилиями Местоблюстителя Эчмиадзинского престола архиепископа Геворга VI (Чеорекчяна) и с разрешения советского руководства Армянской церкви был возвращен комплекс зданий Эчмиадзина — ее исторического центра. Для взаимодействия с Армянской церковью в октябре 1943 г. был создан Совет по делам Армянской церкви при СНК Армянской ССР. На Национально-церковном соборе, состоявшемся в июне 1945 г., представители армянских епархий всего мира избрали католикосом всех армян архиепископа Геворга VI (Чеорекчяна)[250].

После освобождения в 1944 г. от оккупантов Западной Украины советское руководство на первых порах проводило терпимую в отношении униатов (около 4 млн человек) и их лидеров политику. В августе — октябре 1944 г. глава униатской церкви на Украине митрополит Андрей (Шептицкий) обратился с несколькими письмами на имя И. В. Сталина, в которых просил правительство разрешить открывать униатские церкви, издавать богословский журнал, сохранить существующие униатские монастыри и духовно-учебные заведения и прочее.

Большинство этих просьб было удовлетворено, однако отказано иметь при больницах церкви, а в палатах — иконы[251]. 10 октября 1944 г. митрополит Андрей в своем последнем письме к И. В. Сталину выразил надежду, что униатская церковь и дальше будет благополучно развиваться. 1 ноября 1944 г. Шептицкий умер.

23 ноября 1944 г. новый глава униатской церкви митрополит Иосиф (Слипый) обратился к И. В. Сталину с приветствиями и пожеланием свободы для униатской церкви, а 21 декабря во главе делегации он прибыл из Львова в Москву, где в Совете по делам религиозных культов встречался с И. В. Полянским. Жалобы униатов на трудности в издании религиозной литературы, препятствия в духовном обучении, большие налоги и прочее были выслушаны, но определенных ответов им дано не было. В ходе встречи униаты передали 100 тыс. рублей, собранные Греко-католической церковью в качестве пожертвований на Красный Крест. На второй встрече 27 декабря 1944 г. И. В. Полянский обещал митрополиту Иосифу предоставление униатам полной свободы исполнения обрядов в соответствии с советскими законами[252].

Однако уже весной 1945 г. разрабатывался план ликвидации униатской церкви. 11 марта И. В. Полянский представил И. В. Сталину обширную записку о положении и деятельности униатской церкви в России и СССР. В ней давался очерк истории униатов, отмечались антисоветские позиции и профашистская деятельность униатской иерархии в годы войны, униатская церковь характеризовалась как вдохновительница националистического движения, а изменение позиции ее лидеров на просоветскую оценивалось как вынужденное[253].

В докладе по вопросам внешнеполитического использования РПЦ председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова от 15 марта 1945 г. содержался раздел, посвященный униатской церкви, в частности предлагалось организовать во Львове православную епархию с правом миссионерской работы, сделать от имени патриарха и Синода специальное обращение к униатам и «организовать внутри униатской церкви инициативную группу, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие». В целом эти предложения были одобрены советским руководством[254].

Уже в апреле — мае 1945 г. группа униатов во главе со священником Г. Костельником выступила за переход в православие. В прессе усилилась критика униатских иерархов. В мае — июне 1945 г. руководители униатов во главе митрополитом Иосифом были арестованы[255], обвинены в «активной предательской и пособнической деятельности» во время оккупации, судимы и осуждены на длительные сроки лишения свободы[256]. По сведениям НКГБ СССР, на 15 января 1946 г. из униатского духовенства и связанных с ним лиц были арестованы уже 236 человек. Умерший митрополит Андрей (Шептицкий) назывался одним из главных предателей и преступников[257].

Православную епархию во Львове возглавил назначенный патриархом Сергием епископ Макарий (Оксиюк). Ему было предоставлено право проведения миссионерской работы и организации православного братства во Львове. Среди униатов активно распространялось обращение патриарха Алексия с призывом присоединения к РПЦ[258].

25 мая 1945 г. первый секретарь компартии Украины Н. С. Хрущёв проинформировал И. В. Сталина о проделанной работе с униатами, а в письме от 11 июня просил рассмотреть подготовленные инициативной группой Г. Костельника документы: письмо в СНК УССР с просьбой об утверждении группы, проект ответа украинского правительства, письмо группы Г. Костельника ко всему духовенству униатской церкви[259].

К концу 1945 г. заявления о желании перехода в Русскую православную церковь были получены от 76% униатского духовенства[260]. 8–10 марта 1946 г. на Соборе во Львове было объявлено об отмене Брестской унии 1596 г., разрыве с Ватиканом и возвращении греко-католиков в лоно РПЦ. Таким образом, активно воздействуя на процесс воссоединения униатов с РПЦ, советское руководство эффективно противодействовало влиянию католичества в западных областях Украины.

Политика государства в отношении католической церкви в годы войны также претерпела изменения в сторону смягчения. 4 мая 1944 г. И. В. Сталиным и В. М. Молотовым был принят американский католический священник польского происхождения С. Орлемань-

ский. По итогам встречи И. В. Сталин в своих ответах на письменные вопросы своего гостя, опубликованных в «Известиях» от 16 мая 1945 г., заявил, что считает недопустимой политику преследований и насилия в отношении католической церкви и считает возможным сотрудничество с папой Пием XII в борьбе с преследованиями католиков[261]. Если к концу 1930-х гг. в СССР действовало только два костела (в Москве и Ленинграде)[262], то к концу 1945 г. в стране насчитывалось уже 1700 действующих костелов, главным образом на территории Литвы, Латвии, Западной Украины и Западной Белоруссии, а католическая церковь имела 12 епархий[263].

В 1945 г. после антикоммунистических заявлений папы Пия XII Ватикан для советских властей стал одним из политических противников. Г. Г. Карпов предложил для борьбы с ним использовать старокатоличество — движение католиков, признающих католические обряды, но отказывающихся признать главенство папы. Старокатолические группы в Латвии и Литве предлагалось организовывать и поддерживать, предоставлять им храмы, укреплять их международные связи. Организация в западных землях православных братств для укрепления православия и противостояния католицизму также рассматривалась в качестве необходимой меры[264]. Аналогичные указания содержались в директивном письме председателя Совета по делам религиозных культов И. В. Полянского своим уполномоченным на местах в мае 1945 г. Вместе с тем он ориентировал своих сотрудников на внешне корректную тактику в отношениях с католическим духовенством[265].

В годы войны активную антифашистскую позицию заняли и протестанты. В мае 1942 г. представители Союза баптистов и Временного совета евангельских христиан выступили с особым воззванием, призвав всех христиан к противостоянию нацизму и гитлеризму. В документе говорилось: «Будем и мы, верующие, лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу! Любимая Родина должна оставаться свободной». Проводились и сборы пожертвований для армии. Так, евангельские христиане Москвы собрали около 100 тыс. рублей на постройку санитарного самолета «Милосердный самаритянин» для вывоза в тыл тяжелобольных солдат[266]. Общие пожертвования всех российских протестантов в Фонд обороны составили 470 тыс. рублей.

В 1942 г. был организован Временный совет евангельских христиан и баптистов — пока без официального разрешения. В июне 1944 г. его председатель М. А. Орлов обратился в Совет по делам религиозных культов с просьбой разрешить провести в Москве совещание для создания объединенного центра евангельских христиан и баптистов[267]. 26–29 октября такое совещание состоялось. В результате принятых решений было официально оформлено объединение двух протестантских движений — создан Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов[268].

Общее религиозное «потепление» затронуло и Церковь адвентистов седьмого дня. В октябре 1941 г. по распоряжению Моссовета правление Всесоюзного совета адвентистов седьмого дня было эвакуировано. В августе 1942 г. его лидер Г. А. Григорьев был возвращен в Москву, ему разрешена заграничная переписка и организационная деятельность по восстановлению московской общины и всесоюзной организации[269].

Что касается пятидесятников, то власть относилась к ним отрицательно. В 1945 г. их общинам предписывали регистрироваться при условии их вхождения во Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. Отказывавшиеся оставались на нелегальном положении. Создать свой религиозный центр пятидесятникам не разрешили[270].

Неприятие у властей вызывала и деятельность Евангелическо-лютеранской церкви. К концу 1945 г. на территории Латвии и Эстонии действовали 433 лютеранские кирхи. В докладной записке В. М. Молотову от 7 декабря 1945 г. председатель Совета по делам религиозных культов И. В. Полянский писал, что лютеранская церковь ведет в республиках антисоветскую деятельность. В качестве ее организаторов назывались латвийский архиепископ К. Ирбе и ряд влиятельных пасторов. Методы борьбы предлагались схожие с теми, какими достигалось разложение униатов: создание инициативной группы из просоветски настроенных духовных лиц и проведение через нее нужных мероприятий по отстранению неугодных лиц и прочее[271].

В мае 1942 г. в Уфе состоялся съезд мусульманского духовенства. Выступая на нем, председатель Центрального духовного управления мусульман муфтий А. Расулев назвал защиту Отечества необходимым условием веры. «Нет ни одного правоверного, чей сын, брат или отец не дрались бы сегодня с немцами, отстаивая с оружием в руках нашу общую Родину. Так же, как и нет, наверное, ни одного, кто бы в тылу не помогал делу победы своим трудом на фабриках и заводах. Ибо мы, мусульмане, хорошо помним слова пророка Мухаммада: «Любовь к Родине — это часть твоей веры», — заявил муфтий. В принятом съездом обращении мусульмане призывались самоотверженно сражаться за победу[272].

19 октября 1943 г. с большим подъемом прошел съезд представителей мусульманства Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, на котором также прозвучали патриотические заявления[273]. Такая позиция мусульманских лидеров была очень важна и потому, что нацисты пытались активно разыгрывать «исламскую карту» на оккупированной территории. В своих обращениях, проповедях, выступлениях мусульманское духовенство призывало верующих выполнять свой ратный долг. Защита Отечества объявлялась святым делом. Мечети становились местами сбора пожертвований. Так, в 1943 г. было собрало около 10 млн рублей на строительство танковой колонны, причем муфтий А. Расулев лично передал 50 тыс. рублей. На телеграмму с сообщением об этом И. В. Сталину последовал ответ: «Благодарю Вас за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии»[274]. Свыше 800 млн рублей были собраны мусульманами в Фонд обороны в Узбекской и Казахской ССР. На собранные в Туркменской ССР 243 млн рублей было построено еще несколько танковых колонн.

В годы войны власть пошла мусульманам навстречу в ряде важных для них вопросов. Открывались ранее закрытые мечети, часть исламских священнослужителей была отпущена из мест лишения свободы. К концу 1945 г. в СССР было учтено около 500 фактически действующих мечетей[275]. В 1943–1944 гг. были образованы три новых духовных управления мусульман: Средней Азии и Казахстана — в Ташкенте, Северного Кавказа — в Буйнакске, Закавказья — в Баку.

В сентябре 1944 г. была разрешена поездка нескольким верующим мусульманам в Мекку в целях паломничества и удовлетворено ходатайство об издании на арабском языке ежемесячного духовного журнала тиражом в 3 тыс. экземпляров. Необходимость такого шага мотивировалась патриотической направленностью журнала[276].

Не все исламские организации поддерживались государством. Например, исмаилизм[277] оценивался как «одна из реакционных сект ислама» и не без оснований: так, в информационной справке оргинструкторского отдела ЦК секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову от 1 февраля 1944 г. сообщалось о враждебной деятельности исмаилитов в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. В документе отмечалось, что в исмаилитских организациях участвуют партийные и советские работники, в них вовлекается молодежь, докладывалось о выявлении контрреволюционных и шпионских групп исмаилитов, связанных с афганской разведкой[278].

В годы войны уменьшились ограничения деятельности и иудейских общин. К концу 1945 г. на территории СССР действовало 105 синагог и молитвенных домов. Руководством Совета по делам религиозных культов был поставлен вопрос о создании Всесоюзного иудейского центра[279].

Что касается буддизма, то к 1941 г. на территории СССР не осталось зарегистрированных буддистских обществ. Монастыри и храмы были закрыты, многие ламы репрессированы. Патриотическая позиция буддистов в годы войны способствовала тому, что власть снова стала открывать для них молитвенные здания, ламы возвращались из мест лишения свободы, появились буддистские общины в Калмыкии, Туве, Ленинграде и других местах страны. Созданный в 1944 г. Союз по делам религиозных культов занимался в том числе и нуждами буддистских организаций. В то же время деятельность буддистских священнослужителей на местах не была однозначной. Так, 7 июня 1944 г. секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков был информирован о фактах антисоветской деятельности лам в Бурят-Монгольской АССР,

которых обвиняли в антиколхозной агитации и распространении провокационных слухов[280]. Организационное оформление управления буддистскими религиозными организациями произошло уже после войны. Собор буддистского духовенства состоялся в Улан-Удэ в мае 1946 г., он избрал Центральное духовное управление буддистов СССР и принял Положение о буддистском духовенстве (ламстве) в СССР.

Позиция государства по отношению к тем религиозным движениям, которые были причислены к «антигосударственным, антисоветским и изуверским сектам», оставалась жесткой. В их числе оказались апокалипсисты, духоборы, малеванцы, методисты, краснодраконовцы, сатанисты, Свидетели Иеговы, скопцы, хлысты и другие. Им отказывали в регистрации, многие сектанты находились под контролем органов госбезопасности. Неприемлемым для власти и общества фактором являлась и антивоенная позиция части сектантов в то время, когда сплочение советских граждан для достижения победы над врагом было особенно необходимо.

Важнейшей задачей государственной национальной политики в предвоенный период и в военные годы являлось сплачивание народов СССР и устранение причин межнациональных конфликтов. Способы ее решения были разными. В основу государственной идеологии закладывалось формирование установок на дружбу народов и патриотизм, на этих же идеях базировалась работа партии и органов государственной власти. Повседневная организационная и управленческая работа строилась с учетом особенностей многонационального государства. Вместе с тем сложные социально-политические процессы 1930-х гг. и рост военной опасности обусловили определенный крен государства в сторону мер силового характера при решении ряда противоречивых проблем, связанных с межнациональными отношениями.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство граждан многонационального Советского Союза, с началом Великой Отечественной войны встав на защиту Родины, проявили в боях высокое мужество и героизм. Среди них были и представители тех этнических общностей, которые власть подвергла ограничению в правах, включая принудительное переселение. В трудные военные годы патриотизм советских людей нашел свои самые яркие проявления, именно он определял духовный и нравственный климат общества, объединяя в себе трепетное отношение к Родине, упорство, мужество, волю, взаимовыручку.

По мере освобождения страны, восстановления советской власти на ранее оккупированных врагом территориях вопросы национальной политики обретали особую актуальность. Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 27 января 1944 г., был посвящен именно этой проблеме. Центральной темой пленума стало повышение государственного статуса союзных республик. На пленуме получили одобрение проекты законов «О создании войсковых формирований союзных республик и о преобразовании в связи с этим Наркомата обороны из общесоюзного в союзно-республиканский наркомат», «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Наркомата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский наркомат» и было решено заменить прежний партийно-государственный гимн «Интернационал» на новый государственный гимн — «Союз нерушимый».

Великая Отечественная война способствовала поиску взаимопонимания между религиозными конфессиями и Советским государством. Глава Русской православной церкви митрополит Сергий в первый же день фашистской агрессии призвал верующих встать на защиту Отечества. Лидеры многих других конфессий также призвали свою паству к отпору врагу. Руководством СССР был взят курс на сближение с церквями, занявшими патриотическую позицию, прежде всего с РПЦ. Большое значение имела встреча И. В. Сталина с иерархами РПЦ, состоявшаяся 4 сентября 1943 г., где были приняты важные решения, ставшие основой новой религиозной политики государства. Постепенно налаживался консенсус в отношениях между религиозными конфессиями, обществом и государством. На место разрушения веры, ущемления возможности исповедовать свою религию приходило понимание необходимости взаимного уважения и взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). В 15-ти т. Т. 2. М., 1970. С. 252.

[2] *Болтенкова Л. Ф.* Интернационализм в действии. М., 1988. С. 63.

[3] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 245. Л. 202.

[4] Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 83.

[5] См.: *Шульга И. И.* Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008. С. 101.

[6] *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА, 1937–1938. М., 1998. С. 311.

[7] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 182. Постановление ГКО № 383с от 3 августа 1941 г.

[8] Там же. Д. 14. Л. 85–85 об. Постановление ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г.

[9] Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР, Казахская ССР, Киргизская ССР, Латвийская ССР, Литовская ССР, РСФСР (Башкирская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая и Чечено-Ингушская АССР), Таджикская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР, Эстонская ССР.

[10] Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 210–214.

[11] *Чеботарёва В. Г.* Государственная национальная политика в Республике Немцев Поволжья. 1918–1941 гг. М., 1999. С. 412.

[12] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 284. Л. 83, 205; Д. 925. Л. 33–34.

[13] Там же. Д. 935. Л. 5.

[14] Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 1–3.

[15] См.: *Бугай Н. Ф.* Принудительные переселения — механизм осуществления национальной политики в государстве. 1930–1950-е годы // Былые годы. 2012. № 4 (26). С. 33.

[16] *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 115.

[17] *Бугай Н. Ф.* Север в политике переселения народов // Север (Петрозаводск). 1991. № 4. С. 92–97; *Он же.* Ингерманландцы под грифом «секретно» // Север. 1992. № 3; *Веригин С. Г., Суни Л. В.* Переселение ингерманландцев в Карелию в конце 1940-х годов // Материалы серии «Народы и культура». Вып. XVI. Карелы. Финны. М., 1992. С. 200–216; *Суни Л. В.* Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998; *Такала И. Р.* Финны-иммигранты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 95–128; *Гильдии Л.* Беда народа. Сб. статей и материалов. СПб., 2003; *Шлыгина Н. В.* Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине. М., 2004.

[18] РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 64. Л. 24.

[19] Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. М., 1994. С. 115.

[20] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 299. Л. 5–7.

[21] *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 91–92.

[22] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 299. Л. 2–10, 61–82.

[23] *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы». Элиста, 1991. С. 4.

[24] *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста, 2013. С. 300.

[25] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 5.

[26] Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 55. Л. 341–342.

[27] *Гаврилов А.* Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. Л. 164.

[28] ГАРФ. Ф. Р. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 161; «По решению Правительства СССР...» Нальчик, 2003. С. 464. *Шахбанова М. М.* Проблемы реабилитации репрессированных народов Дагестана (на примере чеченцев-акинцев). Махачкала, 2006. С. 13.

[29] Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. С. 171.

[30] *Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья (20–50-е годы). Нальчик, 1997. С. 84.

[31] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 95–96.

[32] Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2060. Л. 66–67.

[33] Курды СССР — России: трасса длиною в 100 лет. Документальная история. М., 2014. С. 177–181, 504; *Бугай Н. Ф.* Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917–2010 годы). СПб., 2012. С. 163.

[34] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 241. Л. 39.

[35] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966–1001 (Разработочная таблица ф. 15-А. Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам).

[36] ГАРФ. Ф. 9401-р. Оп. 1. Д. 2191. Л. 4–31.

[37] *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма: Документы. Факты. Комментарии. М., 2002. С. 119.

[38] Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. С. 171.

[39] Крым многонациональный. Вопросы — ответы. Вып. 1. Симферополь, 1998. С. 72.

[40] Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 144.

[41] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 261. Л. 64–66; *Бугай Н. Ф., Коцонис А. Н.* «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М., 1999. С. 84–86; *Сагария Б.* Раскроем тайны «Особой папки» // Абхазия. 1992. № 11.

[42] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 261. Л. 64–66.

[43] ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 721. Л. 74–85.

[44] Кавказские орлы. М., 1993. С. 61.

[45] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 15.

[46] Депортация польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. Варшава, М., 2003. С. 46, 58.

[47] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 85.

[48] *Марчуков А. В.* Украинское движение в УССР в 1920–1930-е годы. М., 2004. С. 496.

[49] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сб. документов. М., 2008. С. 12, 54.

[50] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 107.

[51] *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 78.

[52] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 2197. Л. 34.

[53] *Бугай Н. Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 134.

[54] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 98. Л. 60.

[55] Там же. Ф. 7523. Оп. 109. Д. 195. Л. 50–59.

[56] Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4475. Л. 35.

[57] Там же. Д. 2496. Л. 95–105.

[58] Там же. Д. 2410. Л. 35.

[59] Там же. Л. 98, 124.

[60] Там же. Л. 93–94.

[61] Там же. Д. 1999. Л. 122.

[62] Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2202. Л. 119–120; Народы стран Балтии в условиях сталинизма (1940–1950-е годы). Документальная история. Штутгарт, 2005. С. 114.

[63] В 1918 г. Декретом Совета народных комиссаров одной из первых была образована автономная область, а в январе 1924 г. провозглашена Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья.

[64] ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–6.

[65] Там же. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 393. Л. 1–5, 18.

[66] См.: Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 299. Л. 2–10, 61–82.

[67] «По решению Правительства СССР...» С. 397.

[68] См.: *Убушаев В.* Калмыки. Выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Правда о депортации калмыцкого народа. Элиста, 1991. С. 6.

[69] Сборник законов РСФСР и указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938–1946 гг. М., 1946. С. 58, 102–103.

[70] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1–2; Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 255–256; см. также: *Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии). Ростов н/Д, 1997. С. 127–128; и др.

[71] Сборник законов СССР. 1938–1961. М., 1961. С. 67.

[72] ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 90. Л. 43.

[73] Архангельская, Вологодская, Иркутская, Мурманская, Новосибирская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Читинская.

[74] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 1. Д. 1. Л. 97.

[75] *Бондаренко Т. А.* История создания города в центре Азии. К 95-летию Белоцарска — Урянхайска — Красного — Кызыла // Новые исследования Тувы. 2009. № 4.

[76] Декларация была опубликована в газете «Вперед» («Тувинская правда») 23 июня 1941 г.

[77] См.: *Чадамба Е.* Первым открывали второй фронт тувинцы // Тувинская правда. 2011. 21 июня. № 63.

[78] *Иезуитов В. М.* От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл, 1956. С. 126–127.

[79] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966. С. 415.

[80] *Ачмиз К. Г.* Адыгея и адыги в Великой Отечественной войне и сохранение памяти о Великой Победе в республике // Материалы Первой международной региональной конференции в Туапсе 29–30 апреля 2010 года. М., 2011. С. 47, 49, 52, 58, 72.

[81] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 212; Победа — одна на всех (Вклад союзных республик СССР в завоевание Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). М., 2010. С. 4.

[82] Великая Отечественная война советского народа (В контексте Второй мировой войны). Горки, 2013. С. 68.

[83] История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978. В 2-х т. Т. 2. М., 1979. С. 71.

[84] Еще 178 тыс. жителей республики были призваны в армию в довоенное время (Великая война и Великая победа народов. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2010. С. 66).

[85] Победа — одна на всех (Вклад союзных республик СССР в завоевание Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). С. 256, 458.

[86] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 98–99.

[87] *Хакуашев Е. Т.* Золотые звезды Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1975. С. 2.

[88] *Чатоев Х. М.* Участие курдов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ереван, 1970; *Бугай Н. Ф.* Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917–2010 гг.). М., 2012.

[89] *Цамерян И. П.* Дружба народов — источник могущества Советского государства и его вооруженных сил // Труды Военно-политической академии им. В. И. Ленина. М., 1955. № 12. С. 52–53.

[90] Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 205, 514.

[91] *Щетнёв В. Е.*, *Сорокина В.* История Кубани. XX век. Краснодар, 2004. С. 126.

[92] *Аманжолова Д. А.* Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941–1945 гг.: общее и особенное // Патриотизм — составляющая государственной национальной политики России: теория, практика. М., 2010. С. 150.

[93] История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978. Т. 2. С. 75.

[94] *Аманжолова Д. А.* Указ. соч. С. 150.

[95] *Синицын А. Ф.* Всенародная помощь фронту. М., 1975. С. 163.

[96] Великая война и Великая победа народов. Кн. 1. С. 66, 197–200.

[97] *Яковлев А. Н.* По мощам и елей. М., 1995. С. 94–95.

[98] *Одинцов М. И.* Вероисповедная политика Советского государства в 1939–1958 гг. // Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 8.

[99] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. М., 2009. С. 7–8.

[100] История Отечества: Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 378.

[101] *Хаустов В. Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938. М., 2009. С. 407–408.

[102] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 8.

[103] *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е годы: взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 185–217.

[104] *Алексеев В., Ставру Ф.* Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1980. № 12. С. 116–117.

[105] Советская повседневность и массовое сознание. Сб. документов. М., 2003. С. 403–409.

[106] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44. Л. 15–38.

[107] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 10.

[108] *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в 1939–1964 гг.). М., 1999. С. 96–98.

[109] *Одинцов М. И.* Вероисповедная политика Советского государства в 1939–1958 гг. С. 9–10.

[110] *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 111.

[111] Советская повседневность и массовое сознание. Сб. документов. С. 409.

[112] *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (Религиозный и церковный факторы во внутренней политике Советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 536.

[113] *Одинцов М. И.* Вероисповедная политика Советского государства в 1939–1958 гг. С. 7.

[114] *Чумаченко Т. А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М., 1999. С. 98.

[115] *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 95.

[116] *Яковлев А. Н.* Указ. соч. С. 94–95.

[117] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 60. Д. 9. Л. 43–48.

[118] Там же. Л. 58–59.

[119] Там же. Л. 62–63.

[120] *Гаврилин А.* Попытки реформирования Латвийской православной церкви в 1936–1940 гг. // Живое Предание. М., 1999. С. 141; *Прекуп И.* Православие в Эстонии. Таллин, 1998. С. 24.

[121] *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 114.

[122] Там же. С. 115.

[123] Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 407.

[124] *Миннулин И. Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане. Казань, 2006. С. 199–201.

[125] Там же. С. 201.

[126] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. В 2-х кн. М., 2009. Кн. 2. 1933–1945. С. 471–476.

[127] Там же. С. 496–507.

[128] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 38–40.

[129] Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. М., 1995. В 2-х кн. Кн. 1. С. 330.

[130] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 44–45.

[131] *Одинцов М. И.* Вероисповедная политика Советского государства в 1939–1958 гг. С. 11.

[132] *Цыпин В. В.* История Русской церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 264.

[133] Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. С. 331.

[134] *Цыпин В. В.* Указ. соч. С. 266.

[135] Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сб. документов. М., 1943. С. 29–31.

[136] Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. С. 334.

[137] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 47–49.

[138] Там же. С. 50–51.

[139] Там же. С. 726.

[140] Там же. С. 62–64.

[141] Там же. С. 70–71.

[142] *Цыпин В. В.* Указ. соч. С. 167–168.

[143] *Одинцов М. И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и религиозные организации в СССР // Православная энциклопедия. Т. 7. С. 407.

[144] *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 50–55.

[145] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 726.

[146] *Одинцов М. И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и религиозные организации в СССР. С. 408.

[147] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 55.

[148] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 40–41.

[149] *Одинцов М. И.* Русские патриархи XX века. М., 1999. С. 282.

[150] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 60–61.

[151] Там же. С. 60–61.

[152] *Одинцов М. И.* Русские патриархи XX века. С. 283.

[153] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 70–79.

[154] Православная энциклопедия. Т. 7. С. 408.

[155] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 36.

[156] *Одинцов М. И.* Русские патриархи XX века. С. 299.

[157] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 66.

[158] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 243.

[159] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 58.

[160] Там же. С. 91–92.

[161] Там же. С. 110.

[162] Там же. С. 287–288.

[163] Там же. С. 139–144.

[164] Там же. С. 348–352.

[165] Православная энциклопедия. Т. 7. С. 409.

[166] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 15.

[167] *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005. С. 123; *Цыпин В. В.* Указ. соч. С. 269.

[168] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 9. Л. 69–83.

[169] Там же. Л. 86–86 об.

[170] АП РФ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 5. Л. 44–45.

[171] Там же. Л. 45–49.

[172] Там же. Л. 43.

[173] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 180.

[174] Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. С. 333.

[175] РГАСПИ Ф. 89. Оп. 12. Д. 9. Л. 64.

[176] *Майнер С. М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М., 2010. С. 141–144.

[177] Там же. С. 149, 159–161.

[178] АП РФ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 5. Л. 49а.

[179] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 183–185.

[180] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1096. Л. 16–17.

[181] *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 262–265.

[182] Отечественные архивы. М., 1995. № 2. С. 42.

[183] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 105–109.

[184] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 197–203.

[185] Там же. С. 204–227.

[186] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 22.

[187] Там же. С.67–72.

[188] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 8–10, 28.

[189] Там же. Д. 6. Л. 32.

[190] Там же. Д. 7. Л. 1–4.

[191] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 83.

[192] *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 97–98.

[193] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 474–475.

[194] Там же. С. 199.

[195] *Одинцов М. И.* Русские патриархи XX века. С. 306–307.

[196] *Яковлев А. Н.* Указ. соч. С. 94–96.

[197] *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 547.

[198] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 191–193.

[199] *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 147.

[200] *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 134.

[201] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 199.

[202] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 120.

[203] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 263–265.

[204] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 452. Л. 85.

[205] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 480.

[206] *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 194–195.

[207] АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 6. Л. 6.

[208] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 2; *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 83.

[209] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 291, 477.

[210] Там же. С. 362–363.

[211] *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 154.

[212] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 27.

[213] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 198.

[214] Там же. С. 654.

[215] Там же. 295, 391.

[216] *Цыпин В. В.* Указ. соч. С. 306.

[217] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 269, 282.

[218] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 114–117, 347.

[219] *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 124–126.

[220] *Васильева О. Ю* Указ. соч. С. 150–182.

[221] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 237–238.

[222] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 363–369; *Цыпин В. В.* Указ. соч. С. 322.

[223] *Цыпин В. В.* Указ. соч. С. 320–323.

[224] Там же. С. 326–327.

[225] Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. С. 347–348, 357–358.

[226] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 374–375.

[227] Там же. С. 376–378.

[228] Там же. С. 387–388, 392–398.

[229] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 159.

[230] Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов. Т. 1. 1944–1948. М., 2009. С. 99–107.

[231] АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 80–81.

[232] *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 545.

[233] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 114–122, 124–146.

[234] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 23–25.

[235] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 203.

[236] Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сб. документов. С. 411–412, 415.

[237] Там же. С. 169.

[238] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 12.

[239] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8.

[240] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 226.

[241] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.

[242] Там же. Л. 3, 137–139.

[243] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 24.

[244] Там же. С. 32–33.

[245] Там же. С. 12.

[246] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 134.

[247] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 98–99.

[248] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 80; *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 116, 272–273.

[249] Православная энциклопедия. Т. 7. С. 408.

[250] Там же. С. 411.

[251] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1. Л. 40–41, 50.

[252] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 55–56, 65–81.

[253] *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 158–160.

[254] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 102–103, 107.

[255] АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 9. Л. 151.
[256] Там же. С. 107–108.
[257] Там же. Д. 10. Л. 3.
[258] Там же. Д. 9. Л. 155.
[259] Там же. Л. 130–131.
[260] Там же. Д. 10. Л. 3.
[261] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 29–35.
[262] *Васильева О. Ю.* Указ. соч. С. 183.
[263] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 129.
[264] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 102–103.
[265] Там же. С. 148–152.
[266] История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 229–231.
[267] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1. Л. 12–13.
[268] Власть и Церковь в СССР и в странах Восточной Европы. Дискуссионные аспекты. С. 19.
[269] *Зайцев Е.* История Церкви адвентистов седьмого дня. М., 2008. С. 454–456.
[270] *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР. М., 1983. С. 127.
[271] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 130–133.
[272] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 79–84.
[273] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 814.
[274] Известия. 1943. 3 марта.
[275] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 138–139.
[276] Там же. Л. 38.
[277] Исмаилитами называли приверженцев мусульманской шиитской секты, возникшей в середине VII в. Она была названа по имени Исмаила — старшего сына шестого шиитского имама Джафара Садыка.
[278] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 799–800.
[279] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 10. Л. 140.
[280] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 830–831.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Наука на службе фронта и тыла

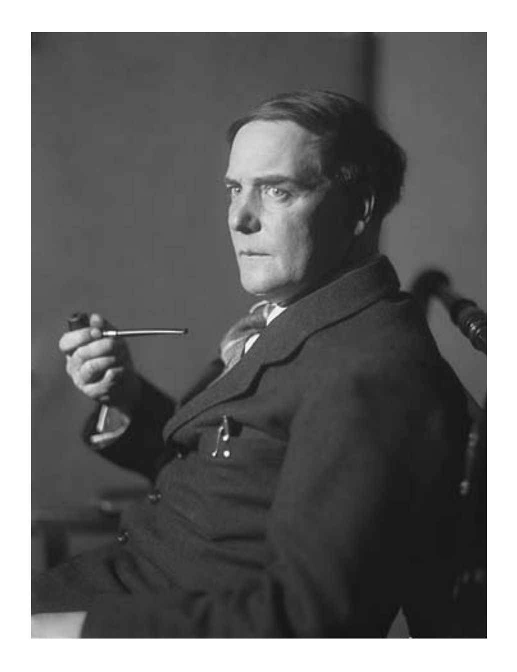
В условиях военного времени политика в области науки нацеливалась исключительно на ее мобилизацию для помощи фронту, поддержание научного потенциала страны, поиск прорывных военных технологий и создание новых образцов военной техники. Для сохранения кадров решением ГКО запрещалось использовать научных работников и преподавателей вузов не по специальности.

Уже к 1 июля 1941 г. Академия наук СССР определила основные направления своей деятельности в военное время. Тематика научных исследований определялась тремя главными направлениями: разработка военно-технических проблем, помощь промышленности и мобилизация сырьевых ресурсов. В соответствие моменту приводились формы организации научной работы.

Государственный Комитет Обороны СССР назначал уполномоченных для решения тех или иных вопросов, имевших оборонное значение. Уполномоченным ГКО по науке стал председатель Комитета по делам высшей школы С. В. Кафтанов. При нем 10 июля 1941 г. был создан Совет для координации научной работы в стране. Одну из секций этого совета возглавляли академик П. Л. Капица, специалист в области неорганической химии и химической технологии профессор Н. М. Жаворонков и другие известные ученые. В 1943 г. уполномоченным ГКО был назначен академик С. И. Вавилов.

При Госплане СССР был создан Совет научно-технической экспертизы, во главе которого стоял вице-президент АН СССР А. А. Байков. Крупные ученые были направлены на работу в наркоматы: черной металлургии — вице-президент АН СССР И. П. Бардин, электропромышленности — А. И. Берг, электростанций — академик Б. Е. Веденеев. Все они стали заместителями наркомов. В самой Академии наук был организован Отдел специальных работ, который возглавил М. А. Садовский. Для более оперативного руководства академическими учреждениями были избраны шесть вице-президентов (до войны было только два).

Отход Красной армии в первые месяцы войны поставил под угрозу сохранение научного потенциала страны. В западных районах РСФСР, на Украине и в Белоруссии до войны находились наиболее крупные научные центры. Работа по их эвакуации проводилась специально созданным Советом под руководством Н. М. Шверника. Уполномоченным по эвакуации академических учреждений был назначен вице-президент АН СССР О. Ю. Шмидт, по эвакуации вузов и других научных учреждений — С. В. Кафтанов.

П. Л. Капица

С. И. Вавилов

Очевидно, что в условиях быстрого отступления и в непосредственной близости к фронту организованно вывезти все имущество и людей было невозможно. В частности, блокада Ленинграда, начавшаяся в сентябре 1941 г., помешала эвакуации научных учреждений города. Около трети научных сотрудников ленинградских академических учреждений не пережили блокаду. Научные учреждения эвакуировались в восточные районы страны. Учреждения по физико-математическим и химическим наукам разместились в Казани, по геологическим наукам — на Урале, по биологическим наукам — во Фрунзе, по гуманитарным наукам — в Ташкенте и Алма-Ате.

Основными рабочими органами науки стали создававшиеся с 1941 г. специальные комиссии: Комиссия по научно-техническим военно-морским вопросам под руководством А. Ф. Иоффе, ученым секретарем которой был назначен И. В. Курчатов; Военно-санитарная комиссия и Комиссия по пищевым ресурсам под руководством Л. А. Орбели; Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной армии под руководством А. Е. Ферсмана и другие.

Большое значение имели работы по изучению природных ресурсов страны. Геологи проводили активную разведку и изучение новых месторождений полезных ископаемых. Так, группа профессора МГУ Н. А. Смольянинова открыла и исследовала вольфрамовые месторождения в Средней Азии — крупнейшие в Советском Союзе. В 1946 г. за эти работы Н. А. Смольянинов был удостоен Сталинской премии[1]. Специалисты-грунтоведы проводили изыскания по поиску подходящих площадок для посадки самолетов.

29 августа 1941 г. начала работу Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, во главе которой встал лично президент АН СССР академик В. Л. Комаров. Она распространила свою деятельность также на Западную Сибирь и Казахстан. Комиссия во главе с академиками В. Л. Комаровым и И. П. Бардиным объединила около 800 ученых из 60 научных и промышленных организаций. Из результатов, достигнутых комиссией, стоит отметить открытие и начало промышленного освоения месторождений бокситов на восточных склонах Уральского хребта. Заслуга в открытии месторождений принадлежит геологам под руководством профессора Д. В. Наливкина. Были обнаружены новые месторождения

А. А. Байков

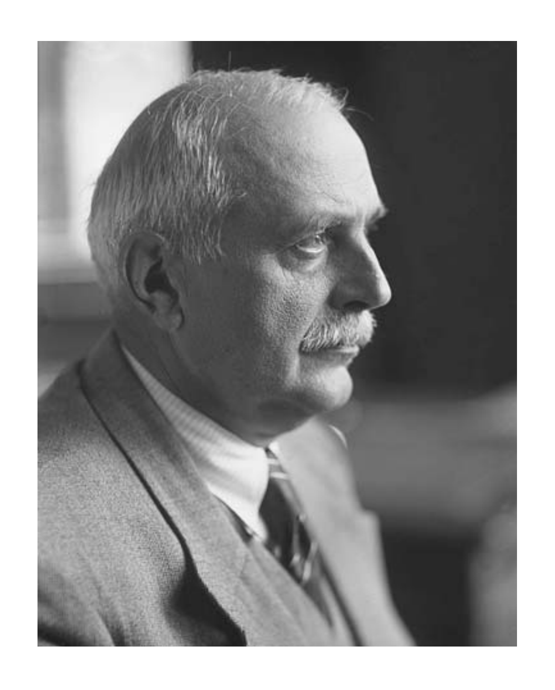
И. П. Бардин

железной руды в Кузбассе, обширные запасы молибденовых руд в Казахстане. Группа энергетиков Комиссии под руководством члена-корреспондента АН СССР В. И. Вейца провела комплексное исследование и рационализацию электроэнергетического баланса Урала, выявляя оставшиеся недоиспользованными местные резервы. В результате выработка электроэнергии была увеличена как минимум в 1,5 раза.

Итогом работы ученых из состава Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны стало также освоение металлургическими предприятиями Магнитогорска и Кузнецка технологии плавки броневой стали в основных мартеновских печах, что позволяло обойтись без применения дуплекс-процесса[2]. Новая технология дала возможность только за 1942–1944 гг. произвести дополнительно 350 тыс. тонн броневых сталей различного назначения. Для металлургических цехов машиностроительных предприятий были найдены и внедрены в производство заменители кокса, что позволило в 1943–1944 гг. в разы сократить транспортировку кокса по железным дорогам и существенно разгрузить подвижной состав железнодорожного транспорта. Не случайно, уже за первую свою разработку «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны», выполненную осенью 1941 г., члены комиссии 10 апреля 1942 г. получили Сталинскую премию 1-й степени[3].

Предложенный членами комиссии метод закалки изделий путем их обработки токами высокой частоты позволил увеличить производительность труда термистов военной и машиностроительной промышленности более чем в 30 раз. А разработанный на базе уральских предприятий академиком Т. С. Ландсбергом метод спектрального анализа металлов (для контроля состава и качества сплавов, например, в двигателестроении) был внедрен в практику всех предприятий авиационной и танковой промышленности[4].

С апреля 1942 г. в Казани начала работу Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья (председатель — академик Е. А. Чудаков). Во главе ее секций — энергетической, нефтяной, химической, экономической, зооветеринарной, по водным ресурсам, минерально-сырьевой и сельскохозяйственной — стояли выдающиеся деятели советской науки академики Г. М. Кржижановский, С. С. Наметкин, В. Г. Хлопин, И. А. Трахтенберг, К. И. Скрябин, член-корреспондент АН СССР Ф. П. Саваренский, профессора И. С. Лупи-

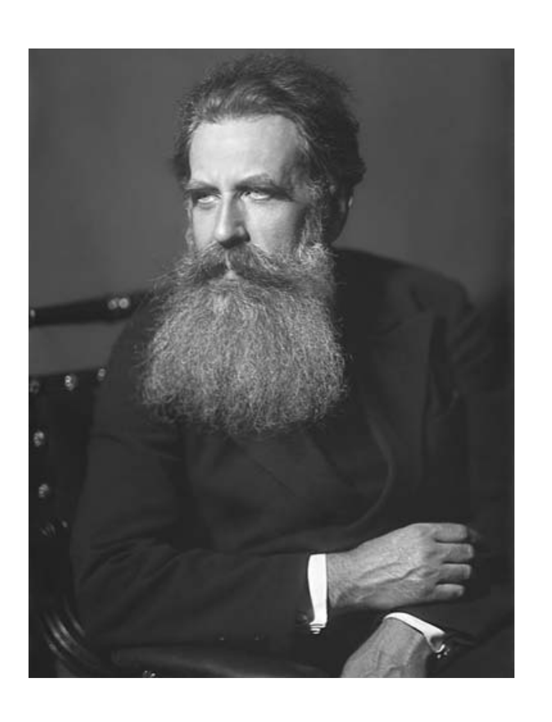
Б. Е. Веденеев

А. И. Берг

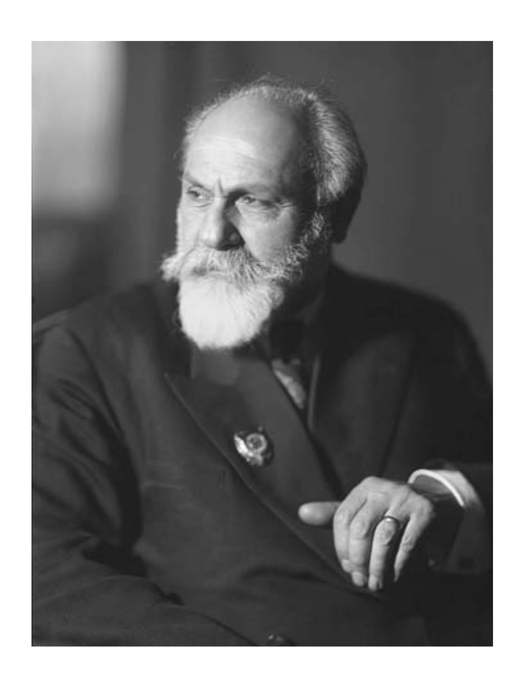
А. Ф. Иоффе

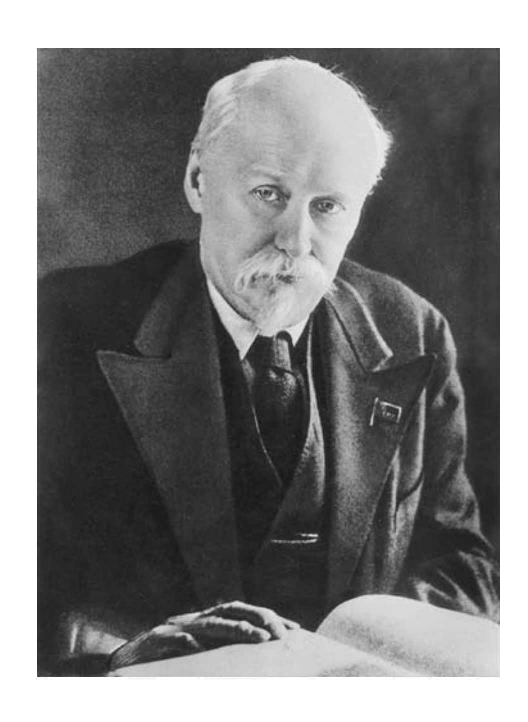
О. Ю. Шмидт

А. Е. Ферсман

Л. А. Орбели

В. Л. Комаров

Е. А. Чудаков

нович и Л. М. Миропольский. К ее работе были привлечены свыше 300 научных и научно-технических сотрудников АН СССР, представителей планирующих и хозяйственных организаций, сотрудников Башкирской комплексной экспедиции, университета и вузов Казани.

Первостепенное значение в деятельности Комиссии приобрело развитие нефтепромыслов Урало-Поволжья. Эти нефтедобывающие районы с хорошей технической и экспериментальной базой, налаженным транспортом нефти и нефтепродуктов из-за неправильно организованных буровых и поисковых работ явно недостаточно использовали свои мощности. Интенсивность поисков нефти и способов ее переработки особо возросла после выхода постановления Государственного Комитета Обороны от 22 сентября 1942 г., где указывалось, что всемерное форсирование добычи нефти в районах Волги, Урала, Казахстана и в Средней Азии — важнейшая военно-хозяйственная и политическая задача, от успешного решения которой зависят удовлетворение первоочередных нужд народного хозяйства и повышение боеспособности Красной армии.

В 1943 г. начались поиски большой нефти в центре Жигулей в Куйбышевской области, а в декабре разведочная скважина № 1, пробуренная там, дала самый крупный фонтан нефти[5]. В 1944 г. усилились разведочные работы на нефть и газ в Среднем Поволжье. Крупнейшим событием этого года стало открытие в Урало-Поволжье мощных нефтяных горизонтов в девонских отложениях. Обнаружение девонской нефти на Самарской Луке создало широкие перспективы для поисков ее в пределах всей Урало-Волжской нефтеносной области.

Война поставила перед нефтеразведчиками Татарии две основные задачи: помимо необходимости ускоренными темпами вести разведку промышленных запасов нефти в каменноугольных отложениях интересы войны выдвинули новую проблему — быстрейшего выявления неглубоко залегающей нефти в пермских отложениях. Еще в июне 1941 г. в Шугурово (ТАССР) было начато бурение первой глубокой разведочной скважины, а 30 июня 1942 г. — второй. Обе скважины были запроектированы на разведку нефтеносности отложений нижнего и среднего карбона. Несмотря на трудности военного времени, разведка не прерывалась, и в августе 1943 г. была получена первая промышленная нефть. Важным событием стало открытие в 1944 г. нефти в районе села Курдюм, а позже — на Соколовой горе у Саратова. Поволжье превратилось в крупный центр нефтяной и газовой индустрии. В 1944 г. на газ была переведена вся саратовская индустрия, и начались работы по строительству первого в стране промышленного газопровода Саратов — Москва[6].

Высокий уровень научно-технических работ оборонного значения базировался на фундаментальных исследованиях довоенных лет. Так, работы Института физических проблем АН СССР в области физики низких температур, в частности открытие сверхтекучести жидкого гелия, сделанное в 1937 г. П. Л. Капицей (организатор и директор института), позволили в годы войны создать установки для производства жидкого кислорода для госпиталей и военных заводов, производящих взрывчатые вещества. С 1943 г. функционировало Главное управление кислородной промышленности при СНК СССР (Главкислород), организатором которого был П. Л. Капица, объединивший научное и техническое руководство отраслью. По его проекту была смонтирована и пущена в эксплуатацию крупнейшая в мире турбинная установка по производству жидкого кислорода производительностью до 2 тонн в час.

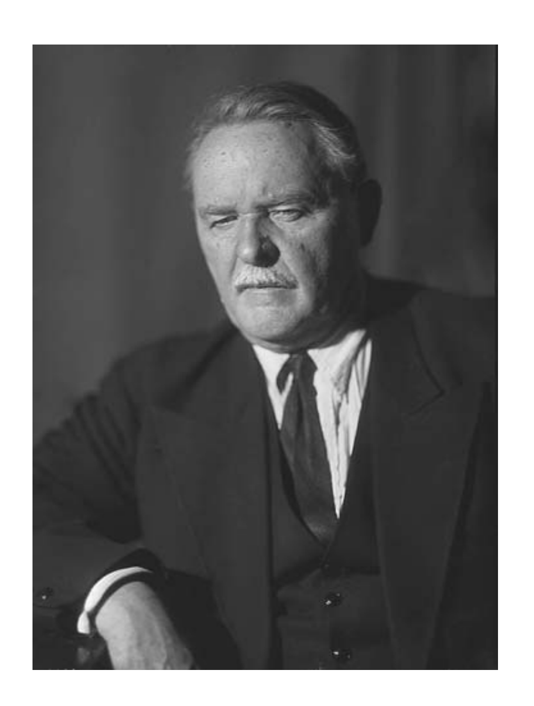
В танковой промышленности замена ручной сварки бронекорпусов автоматической по методу академика АН УССР Е. О. Патона позволила в 2,5 раза снизить себестоимость бронекорпусов танков, что было эквивалентно изготовлению дополнительно 14 тыс. танков Т-34[7].

В 1942–1943 гг. под руководством член-корреспондента А. А. Бочвара в практику двигателестроения был внедрен новый материал — цинковистый силумин, сплав для изготовления блоков авиадвигателей и танковых дизелей. В итоге потребление отраслью алюминия снизилось минимум на 20%[8].

В производстве боеприпасов были с успехом использованы положения теории упруго-пластических деформаций, разработанные в Институте механики АН СССР под руководством А. А. Ильюшина. Его разработки позволили советской промышленности боеприпасов

Г. М. Кржижановский

С. С. Намёткин

К. И. Скрябин

И. А. Трахтенберг

полностью перейти на изготовление цельнокорпусных литых осколочно-фугасных снарядов и мин всех калибров из сталистого чугуна вместо стали. В результате потребность в механической обработке снарядов снизилась более чем вдвое. Было сэкономлено свыше 2 млн тонн стальной заготовки. Еще 180 тыс. тонн высококачественной стали удалось сэкономить за счет замены стальных элементов взрывателей на пластмассовые[9].

Ученые-ленинградцы, и прежде всего работники Ленинградского физико-технического института (ЛФТИ), внесли гигантский вклад в обеспечение боевых действий советского Военно-морского флота. С первого дня войны встал вопрос о защите кораблей и судов от неконтактных донных мин, массово применявшихся противником на Балтике и Черном море. Вопросами защиты кораблей от магнитных мин в ЛФТИ занималась с сентября 1936 г. группа под руководством А. П. Александрова. К июню 1941 г. учеными группы было разработано надежное размагничивающее устройство, испытанное и установленное на линейном корабле «Марат». Но на повестке дня стоял вопрос о быстром и массовом размагничивании большого количества боевых кораблей и транспортных судов.

В июле 1941 г. в ЛФТИ были выделены так называемые «балтийская» и «черноморская» группы размагничивания, направленные на соответствующие флоты с целью создания на месте станций размагничивания кораблей и обучения личного состава методам защиты от магнитных мин. Руководителем «черноморской» группы стал профессор И. В. Курчатов. В течение июля — августа 1941 г. им и его группой был разработан метод безобмоточного размагничивания подводных лодок и малых боевых кораблей, принятый на вооружение всеми флотами и флотилиями ВМФ СССР. В это же время синхронно на Черноморском и Балтийском флотах учеными ЛФТИ создавались первые конструкции электромагнитных тралов. А учеными Института земного магнетизма давались рекомендации по настройке тралов и станций размагничивания с учетом естественного магнитного поля Земли в предстоящих районах действий кораблей и судов. В результате применения этих мер советский Военно-морской флот в течение 1942–1945 гг. не нес потерь от магнитных мин противника.

С весны 1942 г. немецкий флот стал использовать против советского судоходства комбинированные магнитно-акустические мины. После разоружения в Севастополе в мае 1942 г. такой мины на Черное море направилась группа во главе с академиком Физического института АН СССР Н. Н. Андреевым. В течение 1942–1943 гг. этой группой были разработаны рекомендации по предотвращению подрыва кораблей и судов на минах нового типа и сконструирован первый в СССР акустический трал.

С февраля 1944 г. в северных морях, а с весны 1944 г. и на Балтийском море немецкими подводными лодками стали применяться самонаводящиеся акустические торпеды. В июле 1944 г. на Балтике была потоплена немецкая подводная лодка U-250, и на ее борту обнаружены исправные акустические торпеды. Группой ученых под руководством заведующего лабораторией Института автоматики и телемеханики АН СССР Б. С. Сотскова и профессором Ленинградского университета Л. А. Мясниковым были изучены немецкие акустические торпеды, разработаны отечественные аналоги акустической головки самонаведения и сконструирован первый отечественный неконтактный торпедный взрыватель НИВ-5. Учеными была также предложена конструкция так называемого акустического охранителя кораблей — устройства, создающего помехи работе систем самонаведения торпед. Это устройство использовалось советским военным и торговым флотом в конце Великой Отечественной войны.

Разумеется, вклад ученых в обеспечение боевых действий Военно-морского флота СССР не ограничивался лишь противоминной защитой. Работы академика С. И. Вавилова в области оптики позволили провести модернизацию дальномеров надводных кораблей и перископов подводных лодок, а также серьезно улучшить оптическую маскировку кораблей. Академик А. Н. Колмогоров в своих трудах по теории стрельбы указал методы эффективной оценки рассеивания артиллерийских снарядов, которые и внедрены в практику зенитной стрельбы морской артиллерии. Профессор Московского института инженеров транспорта К. К. Хренов впервые в СССР разработал метод подводной сварки металлов, имевший огромное значение для судоремонта и судоподъема[10].

М. В. Келдыш

Особо следует отметить, что составлявшийся и издававшийся Астрономическим институтом АН СССР, в том числе в труднейших условиях осажденного Ленинграда, «Большой астрономический ежегодник» за 1943–1945 гг. был надежным пособием по навигации на флоте и в авиации. Астрономы из Государственного астрономического института имени П. К. Штернберга (ГАИШ), эвакуированные осенью 1941 г. из Москвы в Свердловск, смогли обеспечить бесперебойную трансляцию радиосигналов, демонстрируя высочайшую точность: среднесуточная вариация составляла 0,005 секунды — на 0,007 меньше, чем у немецкой службы времени «Науэн»[11].

Достижения авиационной науки неразрывно связаны с деятельностью Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), Всесоюзного института авиационных материалов (ВИАМ), Летно-исследовательского института и других. В 1941 г. коллективом ЦАГИ была в целом завершена разработка и апробация методик расчета статической устойчивости и управляемости летательных аппаратов, а также критериев выбора параметров самолета с поршневым двигателем. Эти методики были обобщены в выпускавшемся в 1941–1943 гг. «Руководстве для конструкторов», являвшемся основным пособием для инженерно-технического персонала авиапромышленности[12].

С реэвакуацией ЦАГИ в Москву и введением в строй натурных аэродинамических труб для продувки самолетов в 1943 г. была проведена широкая программа исследований. Продувке подверглись все серийные и значительная часть опытных образцов авиатехники. Специалисты ЦАГИ провели все исследования, на основании которых была осуществлена модернизация истребителя Ла-5 до уровня Ла-5ФН. По итогам работы специалистов института скорость отечественных истребителей с начала войны до середины 1943 г. увеличилась в среднем на 50 км/ч.

Большое значение для совершенствования возможностей боевой авиации имели работы по снижению лобового сопротивления самолетов. В результате герметизации щелей, снижения количества и размеров выступающих частей, улучшения обводов стало возможным при

незначительно возросших мощностях двигателей увеличить скорость самолетов: например, штурмовиков конструкции С. В. Ильюшина — примерно на 30%. В результате лобовое сопротивление штурмовика Ил-10, поступившего на вооружение в 1944 г., практически сравнялось с таковым у основного истребителя противника Ме-109. А лобовое сопротивление советских истребителей последних лет войны было на четверть меньшим, чем у последних модификаций «мессершмитов».

Стоит отметить, что в ЦАГИ тщательно исследовали скоростные, маневренные и прочностные характеристики всех самолетов противника. Их также подвергали продувкам в натурных аэродинамических трубах, исследовали поведение на различных режимах полета, а после давали рекомендации в ВВС по использованию в воздушных боях уязвимых мест и режимов вражеской авиатехники[13]. Профессор МГУ М. В. Келдыш сумел разгадать тайну флаттера[14], таким образом предотвратив разрушение советских боевых самолетов, за что вместе с Е. П. Гроссманом был в 1942 г. удостоен Сталинской премии[15].

В деле совершенствования конструкций и технологий советской авиапромышленности большую роль сыграли труды ВИАМ. Ему принадлежит заслуга мирового лидерства СССР в применении стали в самолетостроении. В 1941 г. специалисты института С. Г. Кошкин и Н. М. Скляров создали авиационную броневую сталь АБ-2, благодаря которой и стала возможной сборка бронекорпусов для штурмовиков С. В. Ильюшина. Вместо хромомолибденовой конструкционной стали работниками ВИАМ в авиастроение была внедрена сталь хромансиль, легированная однопроцентными добавками хрома, марганца и кремния, после термической обработки обладающая высокой прочностью и пластичностью, легко поддающаяся механической обработке. Эта сталь стала основным конструктивным материалом для самолетов КБ С. В. Ильюшина и А. Н. Туполева.

В 1942 г. Б. В. Ерофеев и М. М. Гудимов создали первую советскую прозрачную броню на основе оргстекла. Также в 1942 г. был разработан и внедрен в производство новый метод изготовления заклепочной проволоки непосредственно на авиазаводах, что позволило обойтись без поставок проволоки со специализированных предприятий — важная инновация, если учесть, что при сборке одного фронтового бомбардировщика используется до миллиона заклепок. Крупные блоки для авиадвигателей стали отливать из алюминиевых сплавов, что на четверть повысило производительность литейных цехов и примерно на 20% понизило себестоимость готовых двигателей. Наконец, с 1943 г. впервые в мире началось массовое внедрение в авиапромышленности технологий изготовления конструкций крыла и фюзеляжа из открытых стальных профилей, а не из трубок, как ранее практиковалось. Это решение значительно повысило технологичность сборки, было хорошо адаптировано именно к поточным методам, вводившимся тогда в авиапромышленности[16].

Ученые в течение всей войны оперативно откликались на замечания летчиков и конструкторов и помогали решать постоянно возникавшие технические проблемы. Так, во второй половине войны специалистам ВИАМ удалось довести до серийного производства протектированный топливный бак из фибры, а не из алюминия, какие делались ранее. Помимо экономии дефицитного сырья было спасено немало жизней летчиков. При попадании в металлический бак пуль и осколков, особенно при углах, отличных от нормали, рваные края пробоин не давали протектору затягивать их, что вело к утечке бензина и почти стопроцентному пожару. Фибра же при попадании в нее разрушалась без образования рваных дыр и заусенцев. 22 тыс. самолетов с этими баками, которые поставила на фронт промышленность, верой и правдой служили до Победы[17].

На переднем крае борьбы за качество и технологичность всю войну находились специалисты ЛИИ. С целью контроля качества продукции с 1942 г. на всех крупнейших авиазаводах создавались бригады инженеров и летчиков-испытателей, которые ежемесячно проводили мониторинг на соответствие качества выпущенных серийных машин эталонам. Для этого просто выбирали из очередной партии первый попавшийся самолет и проводили 3–5 полетов. Все выявленные дефекты немедленно устранялись, давались соответствующие рекомендации заводам, КБ и строевым частям.

Иногда многое зависело от мелочей. Так, в первый период войны, когда советская авиация почти вся оказалась на полевых грунтовых аэродромах, из частей потоком пошли жалобы на отказ оборудования и поломки. В результате длившихся несколько месяцев исследований оказалось, что виной всему были слишком тугие гидравлические амортизаторы шасси, рассчитанные на эксплуатацию бетонных, а не грунтовых взлетно-посадочных полос. Все решение заключалось в изменении давления жидкости в цилиндрах, зато боеспособность авиации была восстановлена. В другом случае нарекания летчиков, воевавших на истребителях С. А. Лавочкина, на постоянные перегревы двигателей позволили выявить ошибку производственников. Оказалось, что при сборке капотов и установке самих двигателей смещались относительно цилиндров мотора лопасти дефлекторов, призванные улучшить обдув головок цилиндров набегающим потоком воздуха. Казалось бы, совершенная мелочь, неизбежная при тех условиях труда и той рабочей силе, которой располагали советские заводы в военное время, но благодаря труду ученых и испытателей удалось спасти один из лучших советских истребителей и доброе имя его конструктора.

Принципиально новым направлением в науке стали исследования по вопросам горения, выполненные коллективами лабораторий Института химической физики АН СССР, кафедры теории авиационных двигателей Казанского авиационного института (КАИ) и ОКБ главного конструктора моторостроительного завода С. Д. Колосова. Одной из таких совместных работ стала разработка форкамерно-факельного зажигания для авиационных двигателей, начатая в ноябре 1941 г. В ней участвовали от ИХФ АН СССР — профессор А. С. Соколик, научные сотрудники А. Н. Воинов, С. М. Когарко, от КАИ — С. В. Румянцев и инженеры М. Д. Ермолаев, А. А. Булавкин, Б. С. Виноградов, В. И. Домрачев, М. Х. Юсупов, В. И. Патин и другие, разработавшие несколько типов форкамер и специального оборудования. Форкамерная система зажигания давала двойной выигрыш: можно было форсировать мощность авиационного двигателя на номинальном и максимальном режимах и существенно улучшить экономичность за счет объединения смеси на крейсерских режимах, не боясь детонации. Первое улучшало взлетные качества самолета, его скороподъемность и маневренность, а второе увеличивало дальность полета. В дальнейшем исследования по форкамерному зажиганию были продолжены.

Значительную роль в развитии химической науки и промышленности сыграли крупнейшие химические вузы страны — Казанский и Ленинградский химико-технологические институты, которые в 1941–1942 гг. были объединены в один вуз и подчинены Наркомату боеприпасов. В них были сосредоточены высококвалифицированные кадры ученых-химиков. Исследования проводились по таким основным направлениям, как разработка технологических процессов для производства, изыскание видов сырья и заменителей для промышленности пластических масс, изучение и разработка новейших типов боеприпасов, решение ряда теоретических проблем общей и специальной химии. За годы войны в институте было выполнено 229 научно-исследовательских работ. В августе 1941 г. химики получили от Наркомата обороны специальное задание по разработке рецептуры зажигательных смесей для уничтожения вражеских танков. Работа в этом направлении велась на кафедрах физической химии — профессор Н. А. Шлезингер, общей химии — профессор Я. Я. Додонов, общей физики — профессор П. В. Голубков и доцент Г. Ф. Далецкий. Два варианта зажигательной смеси были приняты на вооружение Красной армией.

Огромное оборонное значение имела тема «Вопросы зажигания горючих смесей в противотанковых огнеметах и противотанковых минах», выполненная заведующим кафедрой физической химии Куйбышевского индустриального института доцентом М. Г. Ярцевым. Она осуществлялась по предложению Главного бронетанкового управления Красной армии и диктовалась необходимостью кардинальной реконструкции системы зажигания противотанковых огнеметов[18].

Коллективом Особого технического бюро НКВД СССР № 98 под руководством М. С. Левичека и А. С. Бакаева удалось решить уникальную в мировой практике пороходелия задачу. Их трудом в апреле 1943 г. на пороховом заводе № 98 была запущена установка по непрерывному производству баллиститных (нитроглицериновых) ракетных порохов для знаменитых

«катюш». Вторая такая же установка вступила в строй на пороховом комбинате № 512. Впервые в мире стало возможным непрерывное производство пороховых шашек с заданными характеристиками из такого пороха. Работа была по достоинству оценена государством, а все участники награждены орденами. А. С. Бакаев был освобожден из заключения со снятием судимости и назначен руководить работами по баллиститным порохам уже официально[19].

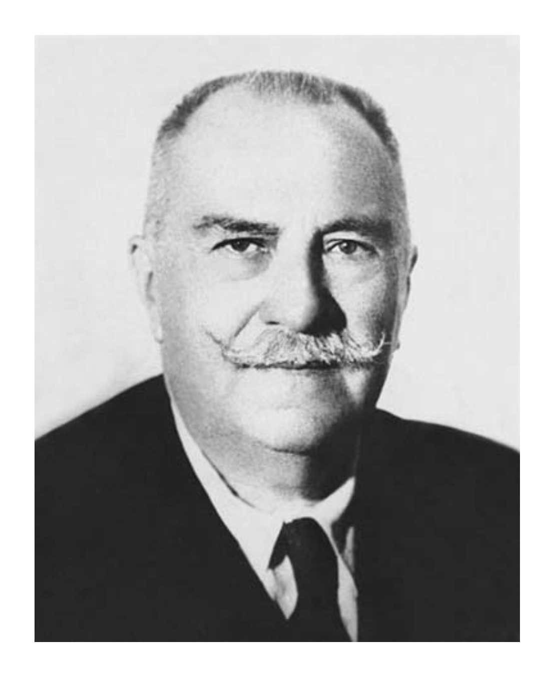
Исследования в области радиолокации и радиотехники послужили базой для разработки радиоуловителя самолетов, широко использовавшегося в противовоздушной обороне. Работы ряда академических институтов в области оптики под руководством С. И. Вавилова позволили создать оптические методы контроля для различных видов оружия и маскировки. Для авиации дальнего действия большое значение имели разработанные Математическим институтом Академии наук СССР штурманские таблицы, повышавшие точность самолетовождения[20].

Огромную работу по излечению раненых воинов Красной армии провели Институт физиологии и многочисленные медицинские научно-исследовательские институты. С первых же месяцев Великой Отечественной войны тематика кафедр медицинских и научно-исследовательских институтов была подчинена потребностям военного времени. Процесс перестройки охватил, по понятным причинам, в первую очередь хирургические кафедры и несколько позднее — остальные. Поэтому тематика первых лет войны была посвящена анаэробной инфекции, отморожениям, вторичным кровотечениям, лечению переломов, острым нефритам, язвенной болезни, столбняку, паразитарным тифам. Затем преобладающее значение приобрели проникающие ранения грудной клетки (открытый пневмоторакс), травматические аневризмы, огнестрельные остеомиелиты, элементарная дистрофия, дизентерия, кишечные инфекции. В последний период войны — вторичный шов, реампутация и проблемы восстановительной хирургии. Сотрудники Института физиологии изучили влияние на организм человека взрывной волны и разработали систему мер по защите бойцов от контузии.

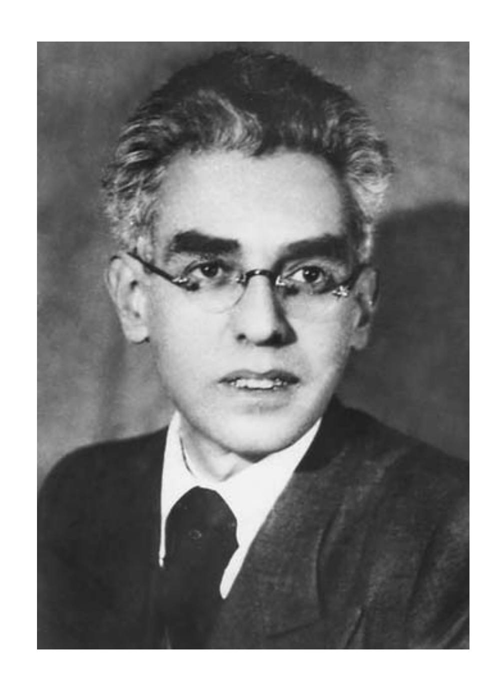
В годы войны в хирургии нашел самое широкое применение разработанный профессором А. В. Вишневским (Казань) метод местного обезболивания — новокаиновая блокада нервов и предложенная им масляно-бальзамическая повязка (мазь Вишневского). Местная анестезия по методу Вишневского прошла проверку и полностью себя оправдала. Вагосимпатическая блокада по методу А. В. Вишневского была признана обязательной при проникающих ранениях, и на третьем году Великой Отечественной войны ее применяли во всех случаях огнестрельных ранений груди. Блокада шейных нервов позволяла хирургам успешно проводить сложнейшие операции на грудной клетке и органах грудной полости, что спасло жизни многих тысяч людей.

Выдающимся достижением советской медицинской науки в 1942 г. стал синтез пенициллина — крустозина З. В. Ермольевой и Т. И. Балезиной, а также получение П. Г. Сергиевым, Г. Ф. Гаузе и М. Г. Бражниковой первой партии советского грамицидина. Новые лекарственные препараты серьезно облегчили военным медикам борьбу с сепсисом и раневыми инфекциями[21].

Крупным успехом советских медиков в годы войны стало предупреждение серьезных вспышек инфекционных заболеваний как на фронте, так и в тылу. Успеху противоэпидемических мер способствовала созданная в предвоенное время научно обоснованная система специализированных учреждений санитарно-эпидемиологической службы. Среди НИИ и вузов, боровшихся за жизнь и здоровье воинов и мирного населения, особое место принадлежало сотрудникам Саратовского государственного научно-исследовательского института микробиологии и эпидемиологии юго-востока СССР («Микроб»), который являлся самым крупным в стране научным центром по всестороннему изучению чумы, холеры, туляремии, массовому производству бактерийных препаратов, проведению профилактических мероприятий. Основным достижением ученых НИИ «Микроб» являлась разработка нового эффективного метода профилактики и лечения считавшейся ранее неизлечимой легочной чумы. Над решением этой проблемы мировая медицинская наука безуспешно работала долгие годы. Этот метод (авторы — профессор Н. Н. Жуков-Вережников, кандидат медицинских наук Н. К. Веренинова) был одобрен на специальном заседании Ученого совета Народного комиссариата здравоохранения СССР[22].

А. В. Вишневский

А. Р. Лурия

Ученым приходилось заниматься и частными вопросами, которые в экстремальных условиях приобретали жизненно важное значение. Так, для организации Дороги жизни по льду Ладожского озера из блокадного Ленинграда сотрудники Физико-технического института провели исследование плотности ледяного покрова и разработали правила движения по ледовой дороге.

Большую роль в военной науке сыграли биологи и психологи. Ботаники вели работы по сохранению зеленой окраски сорванных растений (что важно для маскировки), зоологи разрабатывали методы дрессировки собак в военном деле, велись опыты в области военного голубеводства. Биохимики решали в том числе и самые обычные задачи — как накормить людей: вопросы по усвоению муки грубых помолов, по получению витамина С (которого не хватало) из незрелого грецкого ореха и прочие[23].

Велась активная работа по восстановлению нейрофизиологических функций у раненых бойцов. Работники психологического факультета МГУ развернули в конце 1942 г. экспериментальный госпиталь на Урале. Речь шла о восстановлении речи после черепно-мозговых ранений, нарушенных движений и работоспособности. Усилиями группы А. Р. Лурия были возвращены к нормальной жизни сотни раненых солдат и офицеров Красной армии[24].

Наряду с решением практических вопросов продолжались традиционные фундаментальные исследования. Выдающимся событием в мировой науке стало открытие в Казани в 1944 г. Е. К. Завойским явления, получившего название электронного парамагнитного резонанса (ЭПР). Физика магнитных явлений, физика твердого тела, физика жидкостей, неорганическая химия, химия координационных соединений и органическая химия, минералогия, биология, медицина — это далеко не полный перечень наук, успехи которых, так или иначе, связаны с использованием ЭПР.

Во время войны начались разработки в области физики низких температур. Как отметил в своей нобелевской речи академик В. Л. Гинзбург, именно холод в зимней Казани, куда был эвакуирован физический факультет МГУ, стал поводом для его интереса к этой проблеме.

В конце 1942 г. руководство страны поставило задачу по созданию ядерного оружия и средств его доставки, поскольку стало известно, что такая работа ведется в Германии и США. Предпосылки для исследований в этой области были созданы еще до войны. В 1940 г. по инициативе В. И. Вернадского начала работу комиссия Президиума Академии наук СССР по проблемам урана. Однако правительство недооценило значение этого направления, и с началом войны исследования в области атомного ядра были прекращены.

В октябре 1941 г. специалистами Особого технического бюро НКВД на основании анализа публикации зарубежной печати был сделан вывод о развертывании за рубежом военных разработок по урановой проблеме. После ознакомления руководства страны с этой информацией и сведениями, полученными от советских физиков, был сделан вывод о необходимости развертывания в СССР аналогичных работ. 27 ноября 1942 г. было принято постановление ГКО о развертывании геологоразведки и добычи урановых руд, а также о создании специализированного научно-исследовательского подразделения. Уже тогда руководство страны рассматривало в качестве основной кандидатуру И. В. Курчатова на должность руководителя «атомного проекта». В феврале 1943 г. было принято решение ГКО «Об организации научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии». Под руководством И. В. Курчатова в Академии наук СССР заработала Теплотехническая лаборатория № 2 (ныне Федеральный научный центр «Курчатовский институт»). Курировал ее работу председатель СНК СССР В. М. Молотов[25].

Опасность, нависшая над страной, требовала мобилизации всех духовных сил общества. В этих условиях классовый и интернациональный принципы, на которых базировалась советская официальная идеология, отходили на второй план. В докладе И. В. Сталина от 6 ноября 1941 г. прозвучали знаменательные слова о «великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова».

Историческая наука оказывала огромное идеологическое воздействие на формирование самосознания масс, консолидацию народов в борьбе с фашизмом. Тематика исследований по общественным наукам также приблизилась к задачам военного времени. В исторических публикациях большое место заняли труды о героическом прошлом России. Широкий научный и общественный резонанс получили проведенные в 1944 г. конференции в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, посвященные 700-летию Ледового побоища, роли русской науки в развитии мировой науки и культуры.

В годы войны происходила переориентация советской государственной идеологии в направлении актуализации ее национально-патриотических тенденций. Традиционными стали публикации, посвященные героико-эпохальным личностям русской истории. Тематика российского военного прошлого стала играть стержневую роль наряду с революционной героикой недавнего времени, а тема русского патриотизма в годы войны зазвучала с новой силой.

Партийно-государственное руководство активно поддерживало усилия ученых по популяризации знаковых исторических событий и героев прошлого, хотя рамочные условия интеллектуальной работы историков в течение всей войны были весьма ощутимы. В 1942 г., в канун 25-й годовщины Октябрьской революции, Е. М. Ярославский, влиятельный идеолог партии, титульный соавтор (вместе с И. В. Сталиным и С. М. Кировым) руководства по основным принципам изучения и преподавания истории, в программной статье «О ближайших задачах исторической науки в СССР» указывал на необходимость «показать огромную роль великой русской нации в происходящей освободительной войне», а также «громадную роль и всех других народов СССР в этой героической борьбе, вызывающей восхищение, в широких кругах общественных деятелей за рубежом». И далее Е. М. Ярославский констатировал: «Каждый историк должен проверить накопленные им знания, должен перебрать весь арсенал исторической науки в той области, которую он лучше изучил, с одной целью — лучше применить эти накопленные знания, лучше использовать исторические события прошлых времен для того, чтобы укрепить в народе уверенность в неизбежности нашей победы, в неизбежности гибели врага»[26].

Е. В. Тарле

Н. С. Державин

В тяжелых условиях академические институты направляли все свои усилия на помощь фронту. В то же время оказалось плодотворным влияние эвакуированных историков на становление исторической науки в союзных и автономных республиках СССР. В 1941–1945 гг. многие историки воевали в действующей армии, в народном ополчении, активно вели лекторскую, пропагандистскую работу на фронте, в тылу, голоса ученых звучали на митингах, по радио, в печати. Видное место в лекционной работе занимала историческая тематика, как и в массовых пропагандистских изданиях, в произведениях художественной литературы и искусства. В лекционное бюро, созданное при Комитете по делам высшей школы, вошли крупные историки страны Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, С. А. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, Н. С. Державин, М. В. Нечкина. Опубликованные в 1941–1945 гг. книги авторов, находившихся на «историческом фронте», были нацелены на формирование чувств народного патриотизма, ненависти к агрессорам, самосознания граждан в условиях войны.

С началом войны в связи с процессом эвакуации происходила перестройка системы исторической науки и ее учреждений. Институт истории АН СССР был эвакуирован в Ташкент и Алма-Ату, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова — в Ашхабад, затем в Свердловск, объединенные Киевский и Харьковский университеты — в Кзыл-Орду. Одновременно шел процесс специализации сети исторических учреждений: в 1942 г. начал работу Институт славяноведения АН СССР, в 1944 г. — Институт истории искусства АН СССР, параллельно была создана Археографическая комиссия Института истории АН СССР. В 1943–1945 гг. сформировались академии наук Узбекистана, Армении, Азербайджана, Киргизский филиал АН СССР, в которых предусматривалась деятельность исторических отделений. В годы войны работали восемь отделений Академии наук СССР — в их числе Отделение исторических и философских наук.

Усилиями советских ученых в 1941–1945 гг. закладывалась основа будущих трудов о Великой Отечественной войне. Именно это поколение историков первым прикоснулось к документальным свидетельствам военных лет. Изучение истории войны «по свежим следам»

осуществлялось как силами АН СССР, так и военных структур — Военно-исторического управления Генерального штаба, военных академий, военно-исторических групп, существовавших при академиях. В Генеральном штабе Красной армии с мая 1942 г. приступил к работе Отдел по использованию опыта войны, который в марте 1944 г. был преобразован в управление. Для изучения военной тематики при Институте истории АН СССР в 1943–1944 гг. был образован военно-исторический сектор.

В декабре 1941 г. при Московском комитете партии по инициативе секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербакова была создана Комиссия по истории обороны Москвы. В 1942 г. при АН СССР начала работу Комиссия по истории Великой Отечественной войны. Комиссии по сбору материалов по истории войны заработали также при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии и на флоте, в областях, краях и республиках. В 1943–1944 гг. такие комиссии возникали и в освобожденных районах.

В письме начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова от 1 февраля 1943 г., направленном А. С. Щербакову, отмечалось следующее: «Решением МК ВКП(б) в декабре 1941 г. была создана Комиссия по составлению истории обороны Москвы. Работа Комиссии уже с первых дней переросла рамки первоначального задания. Нельзя было писать [ее], не изучив Тульской и Калининской операций [и без помощи всего Советского Союза]. На местах были созданы свои комиссии. Сведения собирали и в дивизиях, но они были переброшены на другие фронты. В связи с этим Московская комиссия расширила работу. В структуре Академии наук СССР была создана группа научных сотрудников по собиранию и систематизации материалов Отечественной войны. Все это привело к тому, что Комиссия по составлению истории обороны Москвы, по существу, превратилась в общую комиссию по собиранию материалов по истории войны. Назрела необходимость создать такую комиссию, на которую можно было бы возложить собирание материалов по истории Великой Отечественной войны»[27].

В короткие сроки подобные комиссии начали работу в союзных республиках, областях, краях, а также в наркоматах, в армии и на флоте. В это же время большая работа по сосредоточению материалов о деятельности компартии проводилась Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) и его филиалами. Сотрудники комиссии, в их числе ученые Института истории АН СССР, проводили и записывали беседы с военачальниками, политработниками, солдатами непосредственно по следам боев. В ноябре 1945 г. комиссия была ликвидирована, а ее материалы переданы в архив Института истории СССР АН СССР. Они и сегодня являются важным источником для осмысления событий Великой Отечественной войны.

Знания и опыт эвакуированной на восток интеллигенции использовались для подготовки и повышения квалификации местных кадров. С 1943 г. на базе эвакуированных научных учреждений началась работа по созданию новых филиалов и баз Академии наук СССР. Были открыты Западно-Сибирский филиал в Новосибирске, Уральский в Свердловске, Казанский и Башкирский филиалы. Филиалы и базы Академии наук создавались в союзных и автономных республиках. В ноябре 1943 г. Узбекский и Армянский филиалы АН СССР были преобразованы в академии наук этих республик. В январе 1945 г. такое же преобразование было осуществлено в Азербайджане и Казахстане. Осенью 1943 г. было принято постановление об организации Академии педагогических наук РСФСР, в июне 1944 г. — о создании Академии медицинских наук СССР, первым президентом которой стал выдающийся нейрохирург академик Н. Н. Бурденко. Всего за годы войны в стране было открыто около 200 научных центров.

В тяжелейших военных условиях заметные изменения претерпела и научная работа вузов. Многие ученые Ленинградского государственного университета (ЛГУ) в первые же дни войны отказывались от своих плановых тем, переходя на имеющие непосредственное оборонное значение. Так, профессор ЛГУ И. И. Жуков обратился к ректору А. А. Вознесенскому с заявлением: «Я могу дать больше! Свяжите меня с заинтересованными организациями! Идет драгоценное время, и я чувствую, что работаю не в полную силу!»[28]

С плана исследовательских работ в июле 1941 г. сняли 186 тем, но ввели 204 новые, связанные с оборонной тематикой. Вопреки трудностям военного времени защищались кандидатские и докторские диссертации. Так, в МГУ имени М. В. Ломоносова за годы войны было защищено 106 докторских и 520 кандидатских работ, в Томском университете — 14 докторских и 46 кандидатских диссертаций, в Саратовском университете — шесть докторских и 24 кандидатские диссертации. Проводились и научные конференции[29].

Перед исследователями стояла задача квалифицированно реагировать на гитлеровскую пропаганду в самых разных ее аспектах: поэтому в отделе истории Древнего Востока МГУ, например, «особо была выдвинута проблема генезиса отдельных народностей Востока, отношения между народностями, языками и расами, вопросы роли арийцев и семитов в истории культуры Древнего Востока». Велась также работа в области методологии: весной — летом 1942 г. профессорско-преподавательский состав работал над сборником «Против фашистской фальсификации истории».

Представители социальных наук также находили применение своим темам. Например, ученые-экономисты из Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова вели работу над поисками «правильного метода определения ущерба от фашистского нападения».

Много работы было и у юристов. Специалисты по трудовому праву юридического факультета МГУ (восстановлен в 1942 г.) изучали вопросы регулирования труда в военное время. В области уголовного права предметом исследований стали дезертирство, проблемы военно-судебного права, гарантии установления истины в боевой обстановке[30].

Одновременно осуществлялись важные мероприятия по улучшению материального положения и быта ученых, обеспечивался рост численности Академии наук. На выборах 1943 г. 36 ученых стали действительными членами, а 58 — членами-корреспондентами АН СССР. Это были, главным образом, те деятели науки, которые внесли большой личный вклад в подготовку Победы, кто сумел организовать возглавляемые коллективы на успешное решение задач, поставленных временем. Именно тогда вошли в число членов академии А. П. Александров, М. В. Келдыш, И. В. Курчатов, С. А. Христианович, А. А. Лебедев. В. И. Смирнов, И. К. Кикоин, А. И. Берг, А. Н. Несмеянов, В. М. Родионов, И. И. Черняев, М. М. Дубинин, А. А. Благонравов, Б. Н. Юрьев, Б. А. Введенский, Д. С. Белянкин, А. А. Полканов и другие видные ученые нашей страны.

Таким образом, советские ученые внесли весомый вклад в достижение победы над врагом. Медики трудились над разработкой новых лекарств, противоожоговых средств, эффективными способами борьбы с газовой гангреной и травматическим шоком. Химики создавали смеси, повышающие качество горючего, разрабатывали огнестойкие ткани для борьбы с воспламенением самолетов и прочее. Физики создавали таблицы для стрельбы из минометов, вели разработки оптических приборов для подводников. Благодаря работе ученых улучшалось вооружение армии, около 70% раненых возвратились в строй, удалось избежать эпидемий. Были выявлены и работали на Победу новые энергетические и сырьевые ресурсы Урала, Поволжья, Восточной Сибири, Крайнего Севера и других регионов страны, огромный вклад в формирование исторического сознания и патриотизма советских людей внесла историческая наука.

Высшее и среднее образование в военных условиях

Накануне Великой Отечественной войны система высшего образования в СССР динамично развивалась. Это было обусловлено необходимостью обеспечения высокообразованными кадрами различных отраслей хозяйства, государственных и партийных структур, системы образования. По состоянию на 1940–1941 учебный год в Советском Союзе насчитывалось 817 высших учебных заведений, в которых проходили обучение 811 700 сту-

дентов[31], при этом ассигнования на высшую школу составили 2877 млн рублей. Заметно выросли и расходы государства на одного студента: если в 1931 г. они составляли 931 рубль, то в 1940 г. — 4591 рубль[32].

Ежегодный прием в вузы составлял в 1938–1940 гг. в среднем свыше 218 тыс. человек, а в 1940 г. достиг своего пика — 263,4 тыс. студентов. Количество выпусков также неуклонно росло: в 1938–1940 гг. в среднем оно составляло 109,4 тыс. человек, а в 1940 г. — 126,1 тыс.[33] Развитие системы высшего образования настоятельно требовало привлечения новых квалифицированных преподавателей и ученых. Как следствие, росло и количество мест в аспирантуре. На 1941 г. в аспирантуре советских вузов обучались 13,2 тыс. человек, в том числе 1,7 тыс. заочников[34]. Происходило расширение сети факультетов. Так, в 1940 г. философское и экономическое отделения исторического факультета Ленинградского государственного университета были преобразованы в самостоятельные факультеты[35].

Советское студенчество играло все более заметную роль в обществе. Последние мирные годы, по свидетельству современников, оказались весьма неоднозначными. Воспитанные на антифашистской пропаганде, многие студенты не могли психологически безболезненно принять перестройку предвоенной советской внешней политики. Пакт Молотова — Риббентропа вызвал шок в студенческой среде[36].

Близость войны становилась все очевиднее. «Дыхание войны в университете[37] сильно почувствовали, когда Гитлер напал на Югославию — в апреле 1941 г. В клубе МГУ с лекцией «о текущем моменте» выступил младший брат Якова Свердлова, очень популярный и «хорошо осведомленный» пропагандист тех времен. Он уже открытым текстом... «крыл» Гитлера»[38]. Существует множество свидетельств бывших студентов, что в лекциях пропагандистов, читавшихся в закрытых группах членов партии и комсомольцев, прямо говорилось о неизбежности скорой войны, но никто не знал точно, когда это случится.

22 июня 1941 г., когда было официально объявлено, что Германия совершила нападение на Советский Союз, именно в родные высшие учебные заведения устремились студенты и преподаватели: там проводились митинги, проходила запись добровольцев. Бывший студент Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ), в последующем академик Ю. А. Поляков так описал царившую тогда атмосферу: «В первый же день войны все студенты и преподаватели пришли в Институт. Собрались группами, проводили спонтанно возникающие митинги, люди просто считали необходимым высказать свое отношение к неожиданному для большинства нападению Германии»[39].

В МГУ формировались истребительные батальоны, задачей которых были борьба с лазутчиками, помощь при налетах, тушение пожаров и прочее. 3 июля началась массовая запись москвичей в ополчение, значительную часть которого составили студенты и сотрудники столичных вузов[40]. Несмотря на то что студенты и преподаватели не подлежали немедленной мобилизации, Московский университет превратился в большой мобилизационный пункт. Свыше тысячи сотрудников и студентов МГУ влились в 8-ю дивизию Московского народного ополчения.

В ЛГУ первые добровольцы из числа студентов и преподавателей ушли на фронт уже 26 июня, а 30 июня начала работу комиссия по формированию народного ополчения. В его ряды вступали не только студенты: например, взял в руки винтовку член-корреспондент Академии наук СССР, профессор ЛГУ Д. Н. Насонов. Всего из студентов, преподавателей и служащих университета было сформировано семь батальонов народного ополчения. Большинство студентов укомплектовали Василеостровскую дивизию народного ополчения. Студенты принимали участие и в партизанском движении. Например, студент исторического факультета ЛГУ В. И. Дорофеев стал командиром партизанского батальона, сформированного летом 1941 г. Его отряд действовал в районах Ленинградской области. За мужество, проявленное в сражениях с фашистами, В. И. Дорофеев получил правительственную награду[41].

Естественно, на переднем крае партизанского движения оказались студенты украинских и белорусских университетов, действовавшие в зоне оккупации. Студентка четвертого курса ХГУ Елена (Ляля) Убийвовк возвратилась в начале войны из Харькова в Полтаву, где создала

Хабаровские студентки-комсомолки после окончания курсов медсестер

Преподаватель МВТУ имени Н. Э. Баумана И. Успенский проводит занятия

подпольную комсомольскую организацию, оказывавшую помощь военнопленным, распространявшую листовки (Е. Убийвовк расстреляли в 1942 г., посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза). Студентка филфака Нина Минаева была внедрена в одно из оккупационных учреждений в качестве переводчицы, вела разъяснительную работу с немецкими солдатами, помогала бежать из плена советским воинам (летом 1943 г. Н. Минаева после пыток в гестапо была казнена)[42].

Кроме того, студенты активно трудились в тылу. Вместе с преподавателями они выходили на дежурства, указывая людям дорогу в бомбоубежища, вступали в истребительные батальоны, боровшиеся с лазутчиками и диверсантами, помогавшие при разборе завалов, тушении пожаров и прочее. Студенты были мобилизованы на строительство оборонительных сооружений. Когда на одном из участков восточнее Смоленска работы были закончены, студенты высекли на высоком эскарпе, обращенном к наступающему врагу, огромные буквы «Tod dem Faschismus!» («Смерть фашизму»).

По всей стране студенты, пока еще не ушедшие в армию, переходили на совмещение учебы и работы на предприятиях, таких насчитывалось около 150 тыс. человек[43]. Во многих вузах были развернуты госпитали. Так, в Ленинграде госпиталь был создан в кратчайшие сроки в сентябре 1941 г., когда немецкие войска уже блокировали город. Студенты и преподаватели вели в нем не только санитарную работу, но и беседами поднимали боевой дух раненых, зачитывая вслух книги и газеты[44]. Широкое распространение получило донорство. Только в МГУ были зарегистрированы 979 доноров, несмотря на скудный паек, почти 100 сотрудников и студенток сдали свою кровь более 20 раз[45].

Многие здания вузов использовались для размещения воинских частей, производственных площадей. Более 800 зданий вузов и техникумов в тыловых районах были заняты под военные нужды. Так, в начале войны Томский университет лишился всех его корпусов и общежитий, что самым негативным образом сказалось на учебном процессе. Старые здания начали возвращать только в апреле 1943 г.

Большинство студентов-мужчин и значительная часть профессорско-преподавательского состава были призваны в армию. В рядах вооруженных сил служили свыше 3 тыс. студентов и сотрудников МГУ, 2,5 тыс. — ЛГУ, 3 тыс. — Ленинградского политехнического института, 2,5 тыс. — вузов Свердловска, более 1 тыс. — Белорусского университета и политехнического института, свыше 700 — Днепропетровского института инженеров транспорта и другие. Многие из них совершили настоящие подвиги с оружием в руках. Так, студент математико-механического факультета ЛГУ А. Д. Симонян, по словам командира его подразделения, отправившего благодарность в комсомольскую организацию и дирекцию ЛГУ, «дважды раненый... не оставил поля боя, а, наоборот, повел бойцов в атаку». Студент четвертого курса экономфака ЛГУ Н. А. Моисеенко возглавил разведывательную группу, которая нанесла внезапный удар по Большому монастырю г. Тихвина, уничтожив 30 гитлеровцев. В результате участия роты Н. А. Моисеенко в наступлении 9 декабря 1941 г. город был освобожден, а сам Моисеенко награжден орденом Красного Знамени.

Сложившаяся ситуация привела к резкой феминизации студенческой среды военного времени: если в 1941 г. женщины составляли 58% студентов, то в 1943 г. — 81,3%. Часть студенток занималась на курсах медсестер и телефонисток, и они также вскоре оказались на фронте. Многие служили в частях противовоздушной обороны, трудились на производстве и сельскохозяйственных работах.

Коллективы вузов приняли активное участие в сборе средств для армии. Так, в 1941–1942 гг. сотрудники высшей школы и студенты собрали на вооружение Советской армии более 9493 тыс. рублей и свыше 720 тыс. облигациями государственных займов.

Первый военный учебный год начался 1 августа, на месяц раньше, чем обычно. Правда, в Ленинграде учебные занятия фактически стартовали в обычном режиме. Осенью ряд вузов произвел ускоренный выпуск. Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР, председателем которого являлся С. В. Кафтанов, были пересмотрены учебные планы и программы с целью скорейшего выпуска специалистов. Обучение для вузов с пятилетним

сроком сократили до трех с половиной лет, а с четтырехлетним — до трех лет. Студентам второго курса предписывалось окончить университет 1 июля 1943 г., третьего — 1 февраля 1943 г., четвертого — 1 мая 1942 г. При этом общее количество часов на обучение, как правило, уменьшено не было. Сокращение было проведено за счет уменьшения летних каникул с двух месяцев до одного и зимних каникул — с двух недель до одной. Меньше давалось времени на дипломное проектирование: ранее — 21 неделя, теперь — 13–18 недель. Сокращению подверглась и учебная практика. При этом количество учебных занятий в неделю увеличилось с 36 до 42 часов. В вузах с целью оптимизации учебного процесса были разработаны переходные учебные планы, отличавшиеся насыщенностью занятий. В годы войны распространенной практикой стало объединение групп в большие потоки, что позволяло экономить время и аудитории. По ряду дисциплин составлялись общефакультетские расписания.

Такой темп выдержать было непросто. Повсеместно было отмечено снижение успеваемости, обусловленное еще и тем, что студентам приходилось работать, они получали скудное питание, сказывался недостаток основных средств обучения. Постановлением СНК СССР от 18 июня 1942 г. с начала 1942–1943 учебного года был осуществлен возврат к учебным планам довоенного времени. Там, где занятия проводились по переходным учебным планам, они строились таким образом, чтобы на следующий год учебный процесс на всех курсах организовывался с переходом на обычные учебные планы.

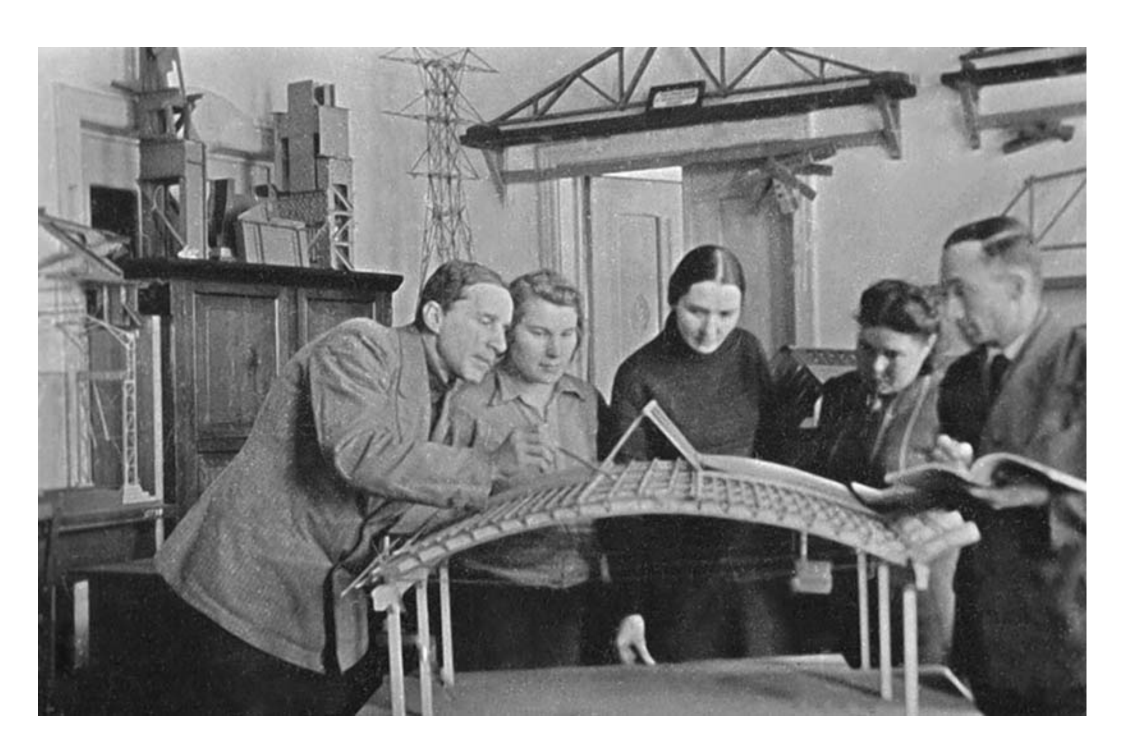
С августа 1941 г. была введена новая программа физической подготовки студентов, превратившейся в часть военной, занимавшей много времени. Военная подготовка проводилась в соответствии постановлением ГКО «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» по 110-часовой программе. Для студентов, выполнивших 110-часовую программу, предусматривалась 80-часовая программа, направленная на совершенствование навыков одиночного бойца и отработку его действий в составе отделения и взвода[46]. Значительное внимание уделялось подготовке студенток. Предусматривалось обучение их строю, гимнастике, стрельбе из мелкокалиберной винтовки, давались знания и навыки, необходимые для работы сандружинницами, радистками, телеграфистками и телефонистками для войсковых штабов[47].

С началом войны временно прекращался прием в аспирантуру. Большинство аспирантов отправились на фронт или эвакуировались. К февралю 1942 г. в аспирантуре числились лишь 800 человек. Впрочем, в этом же году прием возобновился. В 1944 г. в аспирантуре обучались уже 4890 человек[48].

Опыт военного времени внес коррективы и в существующую номенклатуру специальностей, предлагавшихся вузами. Ряд из них подвергся укрупнению. Разрабатывались и вводились в учебный процесс планы по новым специальностям: радиотехника, военно-строительные сооружения, новая авиация, газовое хозяйство, технологии искусственного и жидкого топлива, стальные конструкции, гидроэнергетика, ствольная боевая техника, промышленное использование шлаков и другие[49].

Серьезным испытанием для системы высшего образования стала эвакуация. Всего было эвакуировано 147 учебных заведений, ранее располагавшихся на оккупированных территориях или в прифронтовой зоне. Многие прекратили свою работу, подверглись реорганизации или были объединены с другими. Нередко эвакуация проходила хаотично, руководство прифронтовых вузов поддавалось панике. Показательна ситуация с Московским историко-архивным институтом, который в октябре 1941 г. был фактически брошен своим ректором И. И. Мартыновым и ликвидировался якобы на основании какого-то устного распоряжения. Только решительные действия профессора П. П. Смирнова, ставшего новым ректором, спасли вуз[50].

По данным на март 1942 г., временно было закрыто 196 вузов, а объединенных на временной основе насчитывалось 87[51]. Эвакуация шла на восток. Для удобства управления и координации работы вузов, расположившихся в Казахской, Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской союзных республиках, Коми АССР, Удмуртской АССР, Башкирской АССР, Пермской, Оренбургской и других областях, часть Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР переехала в Томск[52].

Декан строительного факультета Дальневосточного политехнического института имени В. В. Куйбышева консультирует студентов

Студенты Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко за обсуждением задачи

Студентки Грозненского музыкального училища И. Меджлиева и Л. Джураева

На занятиях по микробиологии в Куйбышевском зооветеринарном техникуме

С территории Украины было эвакуировано более 30 вузов. Киевский и Харьковский университеты временно слили в Объединенный Украинский государственный университет (ОУГУ), разместившийся в Кзыл-Орде Казахской ССР. Помощь в начале налаживания его работы оказали высшие учебные заведения Казахстана и Узбекистана. Кзыл-Орда приняла еще несколько вузов, в том числе Симферопольский медицинский институт, Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Харьковский университет возобновил работу 10 декабря 1941 г. В нем продолжили обучаться как студенты, эвакуированные из Харькова, так и бывшие студенты Днепропетровского, Киевского, Одесского университетов. Одесский университет получил прописку в Байрам-Али Туркменской ССР, Николаевский кораблестроительный институт — в Пржевальске Киргизской ССР[53]. Многие украинские учебные заведения сливались с местными вузами на правах украинских отделений. Не менее масштабной стала эвакуация 38 ленинградских вузов.

Эвакуация Московского университета проходила в Ашхабад. Перевозка имущества и сотрудников осуществлялась на барже и поездами. В условиях военного времени эшелоны двигались медленно. Многие студенты и сотрудники уезжали небольшими группами, уходили даже пешком, и все же в Москве осталась немалая часть, которые помимо учебы, преподавания и научной работы занимались спасением зданий университета от авианалетов. Особенно сильно здание университета на улице Моховой пострадало 29 октября 1941 г., когда между ним и Манежем упала фугасная бомба весом 250 кг. Взрывной волной были выбиты все окна, во всех корпусах вырвало двери. Часть здания обрушилась. Оказался поврежден и памятник М. В. Ломоносову[54]. Оставшееся имущество было укрыто на нижних этажах. Учебный год здесь начался только в декабре 1941 г.[55]

В эвакуации к МГУ был присоединен МИФЛИ. Таким образом, значительно усиливалась гуманитарная составляющая ведущего вуза страны. Началом деятельности эвакуированного Московского университета в Ашхабаде считается 24 ноября 1941 г., день назначения исполняющим обязанности ректора М. М. Филатова. В январе следующего года университет возглавил историк И. С. Галкин. К началу работы университет насчитывал 1121 студента и 379 человек профессорско-преподавательского состава[56]. Многие из них ютились в комнатах по 6–7 человек. Первоначально лекции проходили в общежитиях, а затем для этого были выделены помещения Туркменского государственного педагогического университета, хотя многие из них были все еще не достроены. Часть учебных помещений находилась за пределами города, в районе Кеши.

В таких непростых условиях наладить систематический учебный процесс было чрезвычайно трудно. Ю. А. Поляков, оказавшийся после объединения МИФЛИ с МГУ студентом исторического факультета Московского университета, вспоминал об учебе в эвакуации: «Занятия формально шли по программе. Однако, конечно, регулярность и последовательность не могли соблюдаться. На одни лекции не хватало преподавателей, на другие — студентов. Часто мы — два-три студента — сидели с профессором на солнышке и дружески беседовали — об истории, о политике, о войне, конечно. Главное время мы проводили в библиотеке. Сказать честно, с точки зрения программных занятий учебный в 1941–1942 гг. прошел почти впустую»[57]. О библиотеке Ю. А. Поляков вспомнил не случайно. Несмотря на военное время, из Москвы в Ашхабад прибыло 80 тыс. томов университетской библиотеки, новые издания передала Туркменская публичная библиотека.

Университет не замыкался в себе. Студенты помогали местным жителям в весенних полевых работах. Для специальной подготовки были даже открыты курсы трактористов при МГУ. Преподаватели читали лекции на предприятиях, в воинских частях и госпиталях. Регулярно проводились субботники.

В июле 1942 г. было решено перевести университет в Свердловск. Это обосновывалось тем, что в крупном уральском городе проще будет наладить учебный процесс. Общее руководство переездом, занявшим чуть более полутора месяцев, осуществляла заместитель председателя СНК СССР Р. С. Землячка. На новом месте был проведен новый набор студентов. Всего на первый курс были приняты 1200 человек.

Лабораторная работа в Днепропетровском металлургическом институте

Налаживанию планомерного обучения мешали и непредвиденные обстоятельства. Пожар в ночь с 6 на 7 ноября вывел из строя занимаемые МГУ помещения. Пришлось отменить зимние каникулы и изменить сроки окончания учебного года, передвинув их до середины июля 1943 г.[58]

Несмотря на серьезные трудности, образовательный и научно-исследовательский процесс не стояли на месте. В течение 1942–1943 учебного года было открыто 45 новых кафедр: физики низких температур, физики моря, сейсмологии, географии северных стран, геофизических методов разведки газовых месторождений, славянской филологии, арабской и иранской филологии и другие[59]. Открытие новых кафедр диктовалось не только военными нуждами, но и перспективами послевоенного развития мира.

В мае 1943 г. началась реэвакуация университета, которая заняла две недели и считалась законченной 10 июня[60]. По возвращении в Москву ректором университета был утвержден И. С. Галкин. За время войны университет значительно вырос. Количество факультетов увеличилось с 7 до 12, кафедр — с 81 до 151, лабораторий — с 64 до 101, преподавателей — с 600 до 2 тыс. человек. Среди профессорско-преподавательского состава числились 35 академиков и 52 члена-корреспондента АН СССР, 286 профессоров[61].

Военное время вынудило сократить расходы на высшее образование. В 1942 г. они уменьшились более чем втрое по сравнению с 1940 г., составив 821,3 млн рублей. Тем не менее уже в следующем году наблюдался рост до 1123,1 млн, в 1944 г. — до 1980,4 млн, а в 1945 г. на содержание вузов было выделено уже 2856 млн рублей[62]. В 1943 г. СНК СССР принял решение об установлении стипендии для всех успевающих студентов вузов, которая составляла от 140 до 210 рублей в месяц в зависимости от курса. Отличники получали дополнительно к стипендии 25%[63].

Постепенно жизнь в вузах возвращалась к норме. Тем не менее военное время сказалось и на системе приема. С 1944 г. приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР абитуриенты — инвалиды войны, успешно окончившие среднюю школу, освобождались от вступительных экзаменов. С 1944 г. студенты — инвалиды войны, а с 1945 г. все студенты — участники войны освобождались от платы за обучение. Это же право имели студенты — иждивенцы рядового и младшего начальствующего состава войск, дети офицеров, погибших на фронте. С 1945 г. участники войны получили право внеконкурсного зачисления с условием успешной сдачи вступительных экзаменов.

Война нанесла чудовищный удар по советской высшей школе. Полностью или частично было разрушено 334 вуза, потеряно 123 тыс. кв. метров учебной площади и 800 тыс. жилой[64]. Имущество некоторых вузов, например Воронежского университета, оказалось практически полностью уничтожено. Из Киевского университета, оказавшегося в оккупации, немцы сначала вывозили лаборатории и ценные книги, а при отступлении взорвали его корпуса. Были разграблены музеи: например, археологический музей и музей биологического факультета ХГУ — общая сумма убытка, нанесенного университету, составила 28,443 млн рублей. Однако университету удалось относительно быстро восстановиться: уже в 1944 г. в стенах ХГУ прошла научная конференция, приуроченная к дню освобождения Харькова от фашистской оккупации, а в 1945 г. возобновилась и издательская деятельность[65].

Общее количество вузов в СССР к 1945–1946 учебному году сократилось с 817 до 789. В то же время в республиках Средней Азии заметно выросло количество учебных заведений — с 67 до 76 и студентов — с 37,9 до 45,1 (таблица 1). Положительно сказалась эвакуация сюда крупнейших вузов СССР. Местные кадры получили бесценный опыт организации научной и образовательной работы.

Таблица 1

Динамика развития советской системы высшей школы в годы войны[66]

	Число учебных заведений		Контингент студентов, тыс. чел.	
	1940–1941	**1945–1946**	**1940–1941**	**1945–1946**
СССР	817	789	811,7	730,2
РСФСР	481	456	478,1	456,0
Украинская ССР	173	154	196,8	137,0
Белорусская ССР	25	24	21,5	12,8
Узбекская ССР	30	33	19,1	21,2
Казахская ССР	20	24	10,4	15,1
Грузинская ССР	21	20	28,5	30,3
Азербайджанская ССР	16	17	14,6	19,6
Литовская ССР	7	10	6,0	5,7
Молдавская ССР	6	6	2,5	3,2
Латвийская ССР	7	8	9,9	6,7
Киргизская ССР	6	6	3,1	3,8
Таджикская ССР	6	7	2,3	2,7
Армянская ССР	9	13	11,1	10,0
Туркменская ССР	5	6	3,0	2,3
Эстонская ССР	5	5	4,8	3,8

Не были обойдены высшие учебные заведения и наградами. 6975 профессоров и преподавателей были награждены в годы войны орденами и медалями. Орден Ленина получили ЛГУ, Ленинградский горный институт — оба в 1944 г., МАИ — в 1945 г.; орден Красного Знамени — Ленинградский центральный институт физкультуры имени П. Ф. Лесгафта — в 1942 г.; орден Трудового Красного Знамени — Московский институт стали и сплавов — в 1944 г., Московский институт инженеров железнодорожного транспорта — в 1945 г.

Несмотря на серьезные трудности, система советского высшего образования показала свою устойчивость. В тяжелейших условиях была проведена эвакуация большей части университетов и институтов, что позволило им продолжать научные исследования в тылу, а также не прекращать работу по подготовке специалистов. В кратчайшие сроки была проведена переориентация научных и учебных планов под нужды фронта и оборонной промышленности. Кроме того, был продемонстрирован ее немалый мобилизационный потенциал — многие студенты влились в ряды Красной армии. Не подлежавшие призыву студенты, профессора и служащие вузов стали частью народного ополчения. Оказавшиеся в оккупации преподаватели и студенты принимали участие в партизанском движении. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что сотрудники и студенты высших учебных заведений внесли весомый вклад в победу и на фронте, и в тылу.

Нападение фашистской Германии на СССР и военная обстановка сказались также на народном образовании и деятельности школы. В 1940–1941 учебном году в СССР насчитывалось 191,5 тыс. дневных, в том числе 18,8 тыс. средних, школ на 34,8 млн учащихся, в том числе в сельской местности свыше 170 тыс. школ на 24 млн учащихся. В школах работали 1,2 млн учителей. В стране имелось 7,3 тыс. вечерних школ и отделений при дневных школах на 768 тыс. учащихся.

В военных условиях перед советской школой были поставлены серьезные задачи: охват детей школьного возраста всеобщим обучением; воспитание молодого поколения в духе патриотизма, любви к Родине, стремлении к ее защите; обеспечение необходимой физической подготовки учащихся, забота о здоровье детей; организация труда школьников для оборонных нужд на предприятиях и в сельском хозяйстве, а также агротехнической подготовки молодежи для участия в общественно полезном труде; проведение массовой оборонной и политико-просветительской работы среди населения. Однако решать задачи пришлось в другой последовательности.

Начало войны совпало с завершением учебного года. Многие дети разъехались на каникулы, в отпуск с родителями, в пионерские лагеря и дома отдыха, что значительно осложнило их эвакуацию даже в городах. Наркомпрос РСФСР 24 июня 1941 г. отозвал директоров школ из отпусков[67]. 26 июня Верховный Совет СССР указом «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» отменил отпуска во всех школах[68]. Помимо контроля над сохранностью школьного имущества и подготовки к новому учебному году была поставлена задача мобилизовать учащихся для посильной помощи фронту и тылу.

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г. дети до 15 лет подлежали эвакуации в первую очередь[69]. Считая, что наступающего противника Красная армия вскоре остановит, планировалось переместить немногим более 2 млн человек населения в районы ближайшего тыла. Значительную часть планировалось вывезти в Поволжье, а на Урал предполагалось переселить всего 440 тыс. человек[70]. На заседании коллегии Наркомпроса РСФСР рассматривался вопрос об участии органов народного образования и руководителей школ в реализации постановления[71].

На территории СССР, подвергшейся оккупации, находилось 82 тыс. школ на 15 млн учащихся. 1 сентября 1941 г. десятки тысяч детей не смогли сесть за парты. Эвакуация школьников стала беспримерным подвигом и огромной трагедией, сочетая в себе одновременно усилия по спасению детских жизней и реализацию сугубо профессиональных задач. Легче было организовать эвакуацию городских школьников — детей рабочих вывозимых предприятий, из семей командиров РККА, работников аппарата и госбезопасности.

Учительница прифронтовой школы ведет занятия с учениками 2-го класса

Запись в школу перед новым учебным годом

В Белоруссии в числе первых вывезли 14 тыс. детей из детских домов, санаториев и пионерских лагерей. Из западных районов республики и Минска удалось отправить немногие эшелоны. В начале июля 1941 г. из восточных областей были вывезены 28 пионерских лагерей, три специальные школы, три детских санатория[72]. К середине сентября практически вся территория Белоруссии была оккупирована. Из «Справки об эвакуации населения БССР» председателя СНК БССР И. С. Былинского от 1 июня 1942 г. следует, что численность эвакуированных детей (без выделения школьного возраста) составила 36 850 человек[73]. По данным Архива мемориального института Яд Вашем в Иерусалиме, в 10 областях БССР за 1941–1944 гг. погибли 56 397 детей[74].

На Украине эвакуация длилась около четырех месяцев — с июля до середины октября. К моменту оккупации Одессы немцами две трети населения с детьми были эвакуированы. Похожая картина наблюдалась в Киеве и других больших городах Украины. По данным немецкой переписи, в Харькове из 900 тыс. человек в декабре 1941 г. оставались, включая детей, 456 639 человек, в Днепропетровске из 528 тыс. — 166 тыс. детей[75].

Особые проблемы возникли с эвакуацией части населения из Прибалтики. 18 июля 1941 г. в письме в Совет по эвакуации Генеральный штаб Красной армии отмечал: «Эвакуация населения и промпредприятий с западной границы СССР происходила без заранее составленного в мирное время эвакоплана, что, несомненно, отражается и на ее осуществлении»[76]. Массовой эвакуации из Литвы, Латвии, Эстонии не производилось. В тыл вывозились в основном дети партийного и советского актива, лиц, оставшихся на подпольной работе.

В июне была проведена организованная эвакуация из Москвы детей школьного возраста (до 15 лет) в районы Московской, Рязанской, Тульской областей — около 230 тыс. человек. Они эвакуировались с созданными школьными интернатами. По мере приближения линии фронта дети возвращались родителям для индивидуальной эвакуации, часть школьных интернатов закрывалась. Оставшиеся в них дети, не имеющие родителей, были эвакуированы в восточные области Союза — 31,9 тыс. человек[77]. Р. Славина-Васильева вспоминала: «Уезжали мы из Москвы в теплушках 5 августа 1941 года с Казанского вокзала. Я везла группу из сорока детей... Нас провожали несколько родителей. Внезапно началась бомбежка. Поезд перевели на запасный путь... Оказалось, что родители второпях закрыли щеколду двери нашего вагона. Мы были заперты. Я выбила стекло в окошке и криком подозвала людей, чтобы открыли дверь. В пути мы были 10 дней. На каждой станции в вагоны подсаживали детей».

Из других районов РСФСР частичная эвакуация проводилась в июле — августе, массовая же — в сентябре — ноябре 1941 г.[78] Однако эвакуировались не все. Так, из Ленинграда из 909 362 детей за 1941–1943 гг. были вывезены не более 377 787 человек в возрасте до 16,5 лет.

Централизованная переброска в тыл школьных коллективов не была организована, педагоги и их воспитанники эвакуировались местными властями по остаточному принципу или самостоятельно. Стремительный захват фашистами крупных городов как центров эвакуации, ежедневные бомбежки приводили к тому, что организованный вывоз учащихся срывался, сея панику среди населения.

Из западных районов СССР было эвакуировано около 600 школ с 63 тыс. детей[79]. В июле — августе 1941 г. в Челябинскую область были вывезены более 5 тыс. человек из Эстонской ССР. К началу ноября 1941 г. в Омск прибыли из западных областей 26 тыс. детей. К сентябрю 1942 г. в Башкирию из прифронтовой полосы удалось эвакуировать семь школьных интернатов и 15 детских домов. С детьми приезжали учителя, воспитатели, дошкольные работники. В Кузбасс осенью 1942 г. из Ленинграда прибыли 2 тыс. детей, в Омскую область — 142 детских учреждения с 15,6 тыс. детей, в Алтайский край — 77 детских учреждений, в которых насчитывалось свыше 10 тыс. детей[80].

На январь 1943 г. только в Новосибирскую область прибыли свыше 80 тыс. детей в возрасте до 14 лет. Секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев писал: «В открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно было прикрыться от дождя. Иногда и этого не было. Здесь же станки или материалы, коечто из вещей эвакуированных. Именно кое-что... При более благоприятной обстановке

два-три крытых вагона выделяли для женщин с детьми. Вместо 36 человек в них набивалось по 80–100. Никто, разумеется, не роптал, горе объединяло людей»[81].

Более организованно велась эвакуация учебных заведений в системе трудовых резервов и специальных военных школ. Постановление ГКО от 27 июля 1942 г. предписывало отправлять в тыл в первую очередь учащихся РУ и школ ФЗО[82]. Летом и осенью 1941 г. началась эвакуация спецшкол из западных областей на Алтай, Урал, в Сибирь, Казахстан. Из 9808 единиц различного оборудования удалось вывезти 1531. В Свердловскую область только в 1941 г. было эвакуировано 24 школы и 79 училищ с 13 900 учащимися[83]. В первые месяцы на Урал удалось вывезти 344 училища, 219 школ ФЗО с 270 тыс. учащимися и 1415 инженерно-педагогическими работниками. На восток были эвакуированы учащиеся 715 школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ[84]. Они разместились в 30 областях, краях, республиках, главным образом на Урале, в Западной Сибири.

Ростовская артиллерийская спецшкола была перебазирована в село Рыбное, а затем в Ачинск Красноярского края. Из Краснодара вывезена в тыл только СШ ВВС № 12[85]. В сложном положении оказалась Ленинградская спецшкола ВВС, ее эвакуировали из блокадного кольца в феврале 1942 г. По данным бывшего воспитанника школы А. М. Соколова, в Ойрат-Туру из 405 учеников основной группы добрались 216[86].

Учащийся РУ В. Мирошниченко писал в дневнике: «...дадут на пункте 200 граммов хлеба и суп. И все!.. В товарном вагоне нас ехало 65 человек. Спали на полках и на полу, так, что ночью даже места не хватало. Днем ничего — человек 20–30 едут на крыше, и в вагоне свободнее. Один раз, помню, не было долго питательного пункта. Так на наш вагон (всю жизнь помнить буду) выдали из резерва булку хлеба. Вот мы, значит, съели ее: каждому досталось по 1/65 части булки до следующего дня»[87].

Основная масса населения в тылу относилась с пониманием к нуждам эвакуированных. Местные жители, несмотря на свое тяжелое положение, воспитывали в своих семьях детей, чьи родители погибли, были призваны в трудовую армию, сражались на фронтах войны. Но случалось и по-другому. Социолог О. Н. Яницкий отмечал, что «война 1941–1945 гг., как и для миллионов других детей, была для меня тотальным разрушением привычной жизненной «ниши». Для московского ребенка в Казани все было чужим, непонятным, опасным... Ночная погрузка в поезд, лошади, подводы, толпа, начальственные окрики, кругом полно незнакомых людей — в вагоне, на платформе. По дороге поезд часто останавливается. В стоящих рядом теплушках — люди вперемешку со скотом. На каком-то полустанке с сестрой Ирой ползем под пятью составами (каждый может в любой момент тронуться!), потому что мне срочно нужно в медпункт... Наконец, прибыли. Нас, эвакуированных, поселили в огромных аудиториях Казанского университета. Десятки кроватей, длинные столы посредине, уборная в коридоре... Чрезвычайно болезненно воспринималась ненависть местных ко всем нам, потому что мы — эвакуированные, «чужаки», москвичи. Открытые угрозы: «Вот немец придет, тогда узнаете». Нам бьют стекла, кидают камни в окна... Первая реакция — удивление: «В чем же мы виноваты?»... Начинаю... как зверек, осваивать новое жизненное пространство... Зимой 1941–1942 гг. в школу я не ходил... Собирал для раненых гостинцы: курево, бумагу, чернильные карандаши»[88].

С начала войны резко уменьшилось число школ и количество учащихся. Общая численность учащихся в СССР сократилась до 25 млн, в РСФСР школу не посещали 25% детей, что наиболее сильно отразилось на комплектовании старших классов, состоянии среднего образования в целом. Прервалось введение всеобщего среднего образования в городах и семилетнего обучения в сельской местности.

Особенно резко сократилось число учащихся 8–10 классов: в 1941–1942 учебном году выбыли 201,6 тыс. (36,2% от общего количества в этих классах), в 1942–1943 учебном году — 121,3 тыс. детей (25,2%). По данным 44 территорий РСФСР, количество учащихся 8–10 классов в 1942–1943 учебном году составляло 37,8% довоенного уровня, по городу — 31,4%. Численность учащихся 5–7 классов уменьшилась вдвое, 8–10 классов — более чем в 2,5 раза. Отсев учащихся даже в отдаленных сибирских областях был большим. Из школ

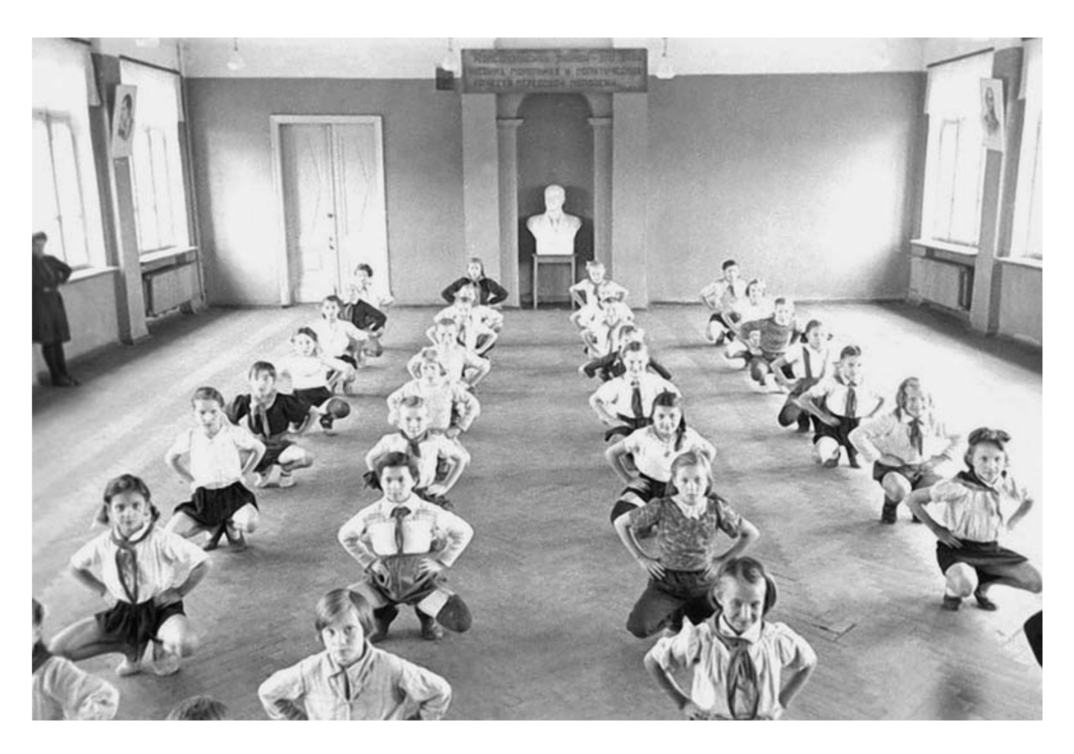
Учащиеся московской школы № 626 в пионерской комнате

Урок киргизского языка в школе № 5 г. Фрунзе

«Книжкина больница» в школе № 528 г. Москвы

Урок физкультуры в московской школе № 626

Читинской области ушли более 37 тыс., в Вологодской — 30 тыс.[89], в Тульской — до 22 тыс. учеников[90]. Основными причинами отсева были: эвакуация и гибель родителей, мобилизация или поступление в ремесленные училища и ФЗО, отсутствие одежды и обуви, длительная болезнь или смерть, призыв в РККА.

Из 35 территорий РСФСР из школ к концу 1942 г. выбыли 704,7 тыс. учащихся: в связи с переменой места жительства родителей — 147,4 тыс., в связи с переходом в другие школы — 108,2 тыс., перешли в ремесленные училища — 51,8 тыс., устроились на работу — 66,2 тыс., отсеялись по болезни — 47,4 тыс., из-за отсутствия одежды и обуви — 145,5 тыс. Во время войны насчитывалось 3500 юных фронтовиков в возрасте до 16 лет.

По уважительным причинам отсев составлял 60,8%. Многие учащиеся старших классов уходили в школы ФЗО получать рабочую специальность. Родители забирали детей из школы для помощи в домашних делах и в колхозе. Значительное место среди причин отсева занимала материальная необеспеченность — 27,3%.

Постановлением СНК СССР № 1803 от 2 июля 1941 г. была отменена введенная в 1940 г. плата за обучение в 8–10 классах детей рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота[91]. По просьбе партийных и советских органов Ленинграда СНК СССР 25 сентября 1942 г. также освободил от платы за обучение учащихся 8–10 классов. В Москве и Ленинграде плата за обучение в 8–10 классах составляла 200 рублей в год, в других городах и селах — 150 рублей[92]. Бюро Ленинградского горкома партии 25 октября 1941 г. обязало исполком Ленгорсовета организовать с 25 октября занятия учащихся 7–10 классов. В 1942 г. десятый класс в осажденном городе окончили 542 ученика. Для них 30 июня был устроен общегородской праздник во Дворце пионеров.

26 февраля 1942 г. ЦК ВКП(б) постановлением «О сохранении контингента учащихся старших классов средней школы» запретил мобилизацию учащихся 8–10 классов на фабрики, заводы, горнорудную промышленность и спецработы, отрывать учащихся во время учебных занятий на выполнение временных работ[93].

31 июля 1942 г. Госплан РСФСР в докладной записке в СНК РСФСР сообщал: у Наркомпроса РСФСР нет сведений о состоянии системы воспитания и образования в Новосибирской области, Красноярском крае, районах Крайнего Севера, Якутской и Бурят-Монгольской АССР. Неудовлетворительной была ситуация в Горьковской, Куйбышевской, Молотовской, Челябинской областях, Алтайском крае, Марийской и Татарской АССР.

Особенно в плачевном положении оказалась средняя школа в национальных республиках. На Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Молдавии хозяйничали оккупанты. С приближением фронта к границам Дагестана на 1 декабря 1941 г. учебой не были охвачены 7811 детей. На начало 1941–1942 учебного года в 8–10 классах школ Дагестана обучались 3169 человек, а к началу 1942–1943 учебного года осталось 1443 учащихся. Постановлениями СНК СССР от 15 октября 1942 г. № 1695 и 1696 освобождались от платы за обучение в 8–10 классах средних школ учащиеся-киргизы в Киргизской ССР, учащиеся таджики и узбеки в Таджикской ССР, постановлением от 5 января 1943 г. № 5 — учащиеся казахи, уйгуры, узбеки и татары в Казахской ССР, постановлениями от 27 февраля 1943 г. № 212 и 213 — узбеки, каракалпаки, таджики, киргизы, казахи и местные евреи в Узбекской ССР, азербайджанцы и армяне в Азербайджанской ССР, постановлением от 19 марта 1943 г. № 302 — туркмены, узбеки и казахи в Туркменской ССР.

Потеря родителей или их смерть отразились на том, что десятки тысяч школьников оказались без присмотра. Органы внутренних дел регулярно информировали руководителей школ об изъятии с улиц учащихся, составлявших до 50% задерживаемых: в Свердловской области — 65%, в Московской — 60%, в Москве — 50%[94]. Только в Москве в 1942 г. были выявлены около 10 тыс. детей, не охваченных учебой или работой. Особенно возросло их число в Ленинграде к декабрю 1941 г. — 87%. В конце 1941 — начале 1942 г. большинство школ вынуждены были прекратить занятия. В зимние месяцы 1941–1942 учебного года занятия продолжались лишь в 39 школах — в бомбоубежищах. К январю 1942 г. в младших классах остались 36 тыс. учеников, но в последующие два месяца их число резко сократилось.

Девятиклассники абаканской средней школы на уроке химии

Урок русского языка под открытым небом в недавно освобожденном селе

В начале 1942 г. СНК СССР утвердил план борьбы с детской безнадзорностью. Важную роль сыграл содержательный контроль над работой школ и учителей всех звеньев органов народного образования. В апреле 1942 г. состоялось межобластное совещание руководителей областных и краевых отделов народного образования и наркомпросов АССР. Приказ наркома просвещения РСФСР № 162 от 16 сентября 1943 г. «Об улучшении контроля над работой школ и учителей и постановки учета знаний учащихся»[95] мобилизовал педагогические коллективы на борьбу с отсевом учащихся. В краях и областях была организована специальная инспектура. Увеличивалось количество инспекторов школ в районных, городских, областных, краевых отделах народного образования, наркомпросах союзных и автономных республик. Они назначались и увольнялись наркомами союзных республик. Инспектора освобождались от проверки организационно-хозяйственной работы в школах. Приказ предписывал им и руководству школ обеспечить регулярное посещение школ и уроков, обращать особое внимание на качество работы учителя и проверку знаний учащихся, проверять выборочно подготовку учителя к уроку и прочее.

В 1942–1943 учебном году отток учеников из общеобразовательных учреждений значительно сократился. Так, в Ленинграде работали 84 школы, в 863 классах насчитывалось 26 584 ученика. В 1943–1944 учебном году число школ достигло 124 на 36 тыс. учеников, а в 1944–1945 учебном году работало уже 200 школ на более 100 тыс. учащихся. На 10 февраля 1943 г. в Сталинградской области школами были охвачены 13 тыс. детей. Заведующий Тульским областным отделом народного образования А. И. Саванюк, подводя итоги 1942–1943 учебного года, отмечал: «Дисциплина стала несравненно выше, чем до оккупации: ребята, пережив ужас фашистского варварства, как бы выросли, стали серьезнее»[96].

Организация школьных интернатов в военных условиях (на Урале, в Сибири, Средней Азии) спасла тысячи детей. Если в 1941–1942 учебном году отсев из школ Южного Урала составлял 102 453 человека, то в 1944–1945 учебном году он снизился до 64 437 человек, в Курганской области — до 12 819 человек только в начальных классах[97]. В школы РСФСР вернулись 360 тыс. учащихся. С октября 1944 по октябрь 1945 г. были репатриированы из Германии 634 тыс. детей до 16 лет[98].

Однако число не посещавших школы детей в течение войны оставалось высоким. В РСФСР в первом квартале 1943 г. были задержаны 20,3 тыс. учащихся школ, в первом квартале 1944 г. количество задержанных возросло до 49 тыс. В Свердловской области подворной проверкой в 1943–1944 учебном году удалось выявить 21 тыс. детей. В Читинской области на начало 1944–1945 учебного года обучались 149 894 учеников, но на 1 января 1945 г. их количество сократилось на 10 340 человек. В Омской области из школ выбыли 13 594 человека[99].

Налаживалась работа с семьями, систематическая поверка микрорайона школы, оказывалась материальная помощь нуждающимся из фондов всеобуча и фондов военкомата. Учителя приходили к больным детям после учебного дня, проверяли домашние задания, объясняли новый материал, давали задание для самостоятельной работы. К больным, обучающимся на дому, прикрепляли пионеров и комсомольцев, в порядке шефства они помогали выполнять домашние задания.

Одной из первоочередных задач являлось восстановление системы народного образования в освобождаемых районах. В январе 1943 г. СНК РСФСР и Наркомпрос приняли решение о помощи в восстановлении учреждений народного образования Ростовской, Сталинградской, Воронежской областям, Ставропольскому и Красноярскому краям, Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Калмыцкой АССР. 19 февраля 1943 г. Наркомпрос издал «Инструкцию по восстановлению дела народного образования в областях, освобожденных от немецко-фашистской оккупации»[100]. Однако в этот период ряд автономий Северного Кавказа и Поволжья был ликвидирован и реорганизован в связи с депортацией местных жителей, что заставляло вносить в указания спешные коррективы. 15 апреля 1943 г. СНК РСФСР вновь принял специальное решение о восстановлении системы народного образования в освобожденных районах. На его основе Наркомпрос РСФСР в апреле — июне издал 12 распоряжений по каждому краю, области, автономной республике[101].

На совещании 8 марта 1943 г. под руководством замнаркома просвещения Г. И. Иваненко был принят план строительных и ремонтных работ по регионам[102]. В годы войны удалось построить или восстановить 8,4 тыс. школ на 1,2 млн ученических мест[103]. Из государственного бюджета 1944 г. был ассигнован 1 млрд рублей на строительство новых школьных зданий. В начале апреля 1943 г. школьная сеть Тулы была восстановлена на 80%. К концу 1945 г. в основном методом народной стройки на Дону и Кубани восстановили 4994 школы (98% от числа довоенных)[104]. К началу 1944 г. в освобожденных районах возобновили работу 23 805 школ, которые приняли 2,8 млн учащихся. В 1945 г. в 35 тыс. школ занимались уже 4,8 млн детей[105]. В 1945–1946 учебном году в СССР насчитывалось 186,9 тыс. школ, в том числе 12,8 тыс. средних, где учились 26 млн человек. В сельской местности размещалось свыше 168 тыс. школ, в том числе 6,7 тыс. средних, на 18 млн учащихся. Имелось 12,5 тыс. вечерних школ. В 1945 г. неполную среднюю школу окончили 1132 тыс. человек, в том числе дневную — 1083 тыс., а полную среднюю — 130 тыс. юношей и девушек[106].

Предметом особой заботы являлось питание учащихся. Многие дети не имели сил, чтобы учиться, от голода умирали учителя и ученики. Дети от недоедания и простуды часто болели, нередко падали в обморок прямо за партой. Те, кто не прекращал занятий, получали в школе тарелку супа без изъятия талонов из продовольственных карточек. Благодаря питанию, организованному в школах, они постепенно втягивались в учебу. Изыскивались различные способы обеспечить их пищей, многим оказывалась материальная помощь. В большинстве школ открывали столовые, буфеты, детей кормили в классах. В дневниковых записях, биографиях, публикуемых в последние годы, предстает картина питания школьников в военные годы. Как правило, горячий завтрак в городских школах состоял из 50 граммов хлеба с чаем без сахара; в сельских — пустые капустные щи или картофельная похлебка, каша, зачастую без хлеба.

Выручал опыт выживания и самообеспечения, не забытый населением. При многих школах были созданы опытные и подсобные хозяйства с пришкольными участками и специально отведенными землями. Коллективы школ с учащимися выращивали картофель, овощи, различные фрукты, кое-где удавалось обзавестись коровами, козами, домашней птицей. Урожай шел на организацию горячих завтраков, приобретение обуви и одежды учащимся.

Другими источниками были благотворительные концерты, разовые сборы, специальные стипендии райкомов и горкомов ВЛКСМ. Полученные деньги перечисляли в фонд детям фронтовиков на организацию питания. С населения для учеников собирались картофель, овощи и молоко. 14 октября 1943 г. СНК ДАССР и бюро обкома ВКП(б) рассмотрели итоги соцсоревнования районов за лучшую подготовку школ к новому учебному году и признали победителями ряд районов. Первое место с вручением переходящего Красного знамени обкома ВКП(б) и СНК ДАССР и денежной премии в сумме 5 тыс. рублей было присуждено Лакскому району. «Колхозы и колхозники этого района выделили для организации горячих завтраков в 1943 году более 2 тыс. кг мяса, 1140 кг картофеля, 966 кг сыра, 1600 литров молока. Для обеспечения учащихся молоком за школами закреплено 6 дойных коров». Второе место занял Хивский район, награжденный денежной премией в 5 тыс. рублей: «На организацию горячих завтраков выделено 45 тонн пшеницы, а за счет колхозников организовано 11 школьных интернатов».

Большой проблемой стала и острая нехватка одежды и обуви. На Южном Урале из-за отсутствия одежды, отдаленности от школы в 1941–1942 учебном году остались вне школы 73 012 детей (71,3%), а в 1944–1945 учебном году — 19 506 человек. Иногда из одной семьи дети ходили в школу по очереди, поскольку была лишь пара ботинок или валенок на двух-трех учеников. Особенно страдали эвакуированные дети. Партийные и советские органы обязывали товаропроизводителей выпускать больше детской одежды и обуви, а торгующие организации осуществлять целенаправленную продажу. Военные комиссариаты и отделы соцобеспечения брали под особый контроль помощь детям фронтовиков. В Татарской АССР в фонд всеобуча от жителей поступило более 3,2 млн рублей. Вскрывались и пресекались многочисленные нарушения и преступления.

В школы стали поступать детские пальто, ботинки, валенки, различные швейные и трикотажные изделия. Махачкалинский горком ВКП(б) в течение 1942–1943 и первого полугодия 1943–1944 учебного года обсуждал вопросы, связанные с этой проблемой, более 20 раз. В Махачкале в 1943–1944 учебном году нуждающимся детям было выдано до 6 тыс. талонов на получение обуви и одежды. Здесь работали две детские столовые, в которых питались 1500 детей. В течение 1942–1943 учебного года в Омске нуждающимся учащимся, преимущественно детям фронтовиков, было выдано 4925 пар обуви, 252 пары валенок, 450 костюмов, 160 пальто, 250 тыс. штук разного трикотажа. В Тарском районе нуждающиеся учащиеся получили 1054 пары обуви, 190 пальто; в Муромцевском районе одежду получили 356 учащихся[107].

Школы плохо обеспечивались учебниками, наглядными пособиями, письменными принадлежностями. Скудный ассортимент республиканских книготоргов не включал всего необходимого для проведения учебных занятий. Нехватку чернил заменяли использованием угля или «чернил» из свекольного сока. Предпочтение отдавали саже, ее стряхивали с листка бумаги и использовали снова. Вместо мела использовали белую глину. Острый дефицит ученических ручек заменяли самодельные палочки с приделанными к ним перьями. Карандаши, если они были, резали на части, чтобы обеспечить всех учеников.

Усложнилось снабжение типографий шрифтами, бумагой, печатными красками, картоном, техническими тканями и другими видами сырья. В 1941 г. было произведено 729,8 тыс. тонн бумаги, в 1942 г. — 165,7 тыс., в 1943 г. — 204,9 тыс., в 1944 г. — 193 тыс. Особенно тяжелое положение было с обеспечением учебниками и тетрадями. Из-за недостатка тетрадей в школах Читинской области уже в 1941 г. ученики старших классов писали на газетах и брошюрах. Повсеместно использовали поля старых книг, обои, ненужные документы. В 1943 г. Главучтехпром Наркомпроса РСФСР выпустил учебных пособий на 11 172 тыс. рублей и военно-учебных пособий на 3727,9 тыс. рублей[108]. Наркомпрос РСФСР обязал областные (краевые) отделы народного образования и наркомпросы автономных республик принять меры к максимальному использованию имеющихся учебно-наглядных пособий, организации их производства на местах и созданию пособий силами учащихся. Это дало возможность улучшить издание учебников и литературы для детей. В 1943 г. было создано Дагестанское учебно-педагогическое издательство, но по вине Дагсоюза и районного отдела народного образования учебники затоваривались на складах и в магазинах сельпо. Из 240 тыс. необходимых на 1943–1944 учебный год книг было закуплено 157 755 экземпляров. В Унцукульском (аварском) сельпо валялись учебники на кумыкском языке.

Местные издательства изготовили только 360 тыс. тетрадей. В 1944 г. в Бурятии было получено всего 52 тыс. тетрадей из запрашиваемых 500 тыс.[109] В 1942–1943 учебном году школы должны были закупить 900 тыс. подержанных учебников, а удалось приобрести только 678,7 тыс., или 76,3%. План закупки новых учебников КОГИЗ выполнил на 4,4%, облпотребсоюз — на 1,4%.

В Читинской области было получено 748 тыс. тетрадей, что не обеспечивало потребности одной учебной четверти. В школах центрального района Читы в 1942–1943 учебном году не хватало букварей и книг для чтения для вторых классов, учебников истории для 8–10 классов. В 1943–1944 учебном году обеспеченность учебниками составляла 50%[110].

В Тульской области не хватало около 10 млн тетрадей. Учебников на 1942–1943 учебный год требовалось 2153,6 тыс. экземпляров, но заявка была удовлетворена на 65%[111]. В справке Куйбышевского городского отдела народного образования о работе школ за 1945–1946 учебный год отмечено: «Школы плохо снабжены учебниками и тетрадями. Учебников было на 40%, тетрадей недостаточно». К началу 1941–1942 учебного года в Ярославской области было закуплено более 50 млн подержанных учебников, отпечатано в Москве и Ленинграде 5142 тыс., в областных типографиях — 6135 тыс. учебников.

В Ростовской области учителя совместно со старшеклассниками развернули общественную кампанию среди детей и их родителей. Обходя дома, они скупали подержанную учебную литературу. В 1944 г. было собрано 403 640 учебных пособий[112], в Краснодарском крае — 348 тыс., что составило по 1,5 экземпляра на каждого обучающегося[113].

СНК РСФСР в постановлениях от 5 июня и 8 августа 1943 г. отметил, что учащиеся не обеспечены в достаточном количестве школьно-письменными принадлежностями и учебниками, строительство городских и сельских школ сорвано. Однако не прекращалось издание произведений русских классиков, укрепляющих народное самосознание: Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, М. Горького, Н. С. Лескова, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева. В двух изданиях вышла «Война и мир» Л. Н. Толстого. В 1944 г. Госполитиздат приступил к изданию 20-томного полного собрания сочинений А. П. Чехова, в 1943 г. вышло полное собрание сочинений И. А. Крылова. В новых переводах были изданы произведения А. Данте (М. Лозинский) и У. Шекспира (Б. Пастернак), В. Гёте. Кроме того, были опубликованы трилогия «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, «Падение Парижа» И. Г. Эренбурга, «Непокоренные» Б. Л. Горбатова, «Порт-Артур» А. Н. Степанова, «Емельян Пугачёв» В. Я. Шишкова, без которых невозможно приобщение к основам мировой культуры. В октябре 1944 г. состоялась Неделя детской книги[114].

Некоторый рост тиражей учебников начался в 1943 г., треть изданий сразу же была направлена в освобожденные районы. Выпуск учебников достиг довоенного уровня к 1948 г.[115]

Огромное значение во время войны отводилось трудовому обучению школьников, в рамках которого они помогали взрослым и вносили посильный вклад в Победу. В первые дни войны местные партийные, комсомольские и советские органы, отделы народного образования, руководители школ направили школьников в помощь сельскому хозяйству, промышленности и транспорту, заменяя взрослых, мобилизованных в Красную армию.

В июле 1941 г. СНК СССР разрешил совнаркомам союзных и автономных республик, областным и краевым исполкомам привлечь учащихся 7–10 классов к участию в сельскохозяйственных работах. Определялась продолжительность рабочего дня школьников в 6–8 часов в зависимости от возраста и характера работы. Бригады учащихся формировались из мальчиков и девочек раздельно во главе с учителями школ. 19 сентября 1941 г. Наркомпрос Казахской ССР в докладной записке в СНК сообщал, что в сельскохозяйственных работах участвуют 261 тыс. учащихся, 12 тыс. педагогов; разработано 15 методических писем и 11 программ по изучению школьниками сельскохозяйственных машин и агроминимума[116]. В 1941–1942 учебном году 185 тыс. пионеров Подмосковья выработали 12 млн 30 тыс. трудодней.

В ноябре 1941 г. приказом Наркомзема СССР и Наркомпроса РСФСР было введено обучение школьников сельскохозяйственным работам. В расписание 7–10 классов городских школ и 6–10 классов сельской местности включались двухчасовые занятия в неделю и двухнедельная производственная практика в МТС, колхозах и совхозах по окончанию учебного года. Ставилась задача к весне 1942 г., обучив основным сведениям по агротехнике, подготовить учащихся 6–8 классов для работы на простых сельскохозяйственных машинах, а учащихся 9–10 классов научить управлять трактором или комбайном. По окончании обучения проводились выпускные испытания для определения квалификации.

24 ноября 1941 г. постановлением ЦК КП(б) Армении с 1 декабря в 8–10 классах вводилось обучение, в первую очередь, трактористов, комбайнеров, штурвальных и сеяльщиков. Наркомзему и Наркомпросу Армянской ССР предписывалось в декадный срок разработать и спустить школам программу и учебный план.

В начале 1942 г. Научно-исследовательский институт школ Наркомпроса РСФСР в методическом письме «О подготовке учащихся к сельскохозяйственным работам» указал, что «широкое участие школьников в сельскохозяйственных работах должно быть использовано для борьбы с формализмом в школьном преподавании, для осуществления единства теории и практики, для углубленного общественно-политического воспитания учащихся, для привития им ценных практических навыков»[117]. Совещание заведующих краевых и областных отделов народного образования, наркомов просвещения АССР 15–17 марта 1942 г., подводя предварительные итоги, констатировало, что в школах РСФСР «серьезное внимание обращено на агротехническую подготовку учащихся к предстоящим сельскохозяйственным работам»[118]. Но требовалось «точное выполнение установленной Наркомпросом программы практической подготовки учащихся к сельскохозяйственным работам»[119]. Весной 1942 г.

школьники подверглись проверочным испытаниям. Отмечалась роль общеобразовательных знаний учащихся, хотя в первый год обучения ощущался недостаток квалифицированных преподавателей, учебников и учебных пособий, учебных тракторов, комбайнов, горючего для обучения[120].

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1942 г. был увеличен обязательный минимум трудодней в 1,5 раза, в том числе и для подростков, начиная с 12 лет — учащихся 6–10 классов[121]. Суду предавались не выработавшие этот минимум. Постановлением СНК и ЦК КП(б) Армении от 21 апреля 1942 г. «О мероприятиях по осуществлению постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» все учащихся 6–10 классов неполных средних и средних сельских и городских школ были направлены на сельскохозяйственные работы в период летних каникул на территории своего района и колхоза.

К началу 1942–1943 учебного года управление школ Наркомпроса РСФСР подготовило проект новых программ для 5–9 классов. Проект одобрил Учебно-методический совет, он был согласован с Наркомземом СССР, ЦК ВЛКСМ и отделом школ ЦК ВКП(б). Занятиям, как и прежде, отводилось два часа в неделю[122]. Однако в декабре 1942 г. в телеграмме наркома просвещения В. П. Потёмкина указывалось: «Впредь до особого распоряжения преподавание основ сельского хозяйства не вводить в расписание». 31 декабря 1942 г. Наркомпрос РСФСР распорядился осуществлять «обучение учащихся основам сельского хозяйства через улучшение преподавания основ наук и организацию внеклассной работы»[123]. Решение было вызвано необходимостью уменьшить учебную нагрузку в связи с увеличением времени на военную подготовку до 22 часов согласно постановлению СНК СССР от 24 октября 1942 г.[124] Занятия шли сверх утвержденного учебного плана, вызывая значительную перегрузку школьников. Однако к концу 1942 г. система трудовых резервов стала справляться с подготовкой механизаторов для сельского хозяйства, что дополнительно обусловило отказ органов школьного образования от специальных занятий по основам сельского хозяйства.

Труд школьников на полях колхозов и совхозов приобрел важное воспитательное и образовательное значение. Ученики принесли большую пользу сельскому хозяйству, расширив свой общеобразовательный кругозор. В результате к июлю 1942 г. в 37 краях, автономных республиках и областях РСФСР свыше миллиона школьников окончили курсы механизаторов, из них 158 122 человека получили специальность тракториста и 31 240 — комбайнера[125]. В марте 1944 г. постановлением СНК СССР для подростков моложе 16 лет был установлен гарантированный день отдыха (один раз в неделю) и отпуск продолжительностью в 12 дней (один раз в году)[126]. В годы войны в период летних каникул на колхозных полях Армении 305 360 школьников заработали 1 543 617 трудодней[127]. В 1942 г. на полях РСФСР работали 3567 тыс. учащихся и 151 тыс. учителей. Всего свыше 20 млн школьников в летние каникулы 1942 г. выработали 757 млн трудодней.

Кроме помощи в уборке урожая в колхозах и совхозах с первых дней войны учащиеся принимали активное участие в строительстве оборонительных сооружений, противовоздушной обороне, сборе металлического лома, лекарственных растений, оказании помощи раненым в госпиталях, шефстве над семьями фронтовиков, сборе теплых вещей для Красной армии. К осени 1942 г. 2,5 млн пионеров и школьников заготовили около 75 тыс. кубометров дров для семей фронтовиков, собрали 4268,1 тонны металлолома, 355,4 тонны дикорастущих и лекарственных растений, 2719 пудов колосьев, перебрали свыше 2 млн тонн овощей, утеплили 565 школ, 172 скотных двора, отгрузили 297 тонн угля, 63 тонн торфа, очистили от снега 29 тыс. км железнодорожных путей. К началу сентября 1941 г. молодежь Узбекистана собрала 4803 тонны металлолома. 27 мая 1942 г. Совинформбюро сообщило: молодежь Сталинградской области провела воскресник: более 15 тыс. человек собрали 1713 тонн лома черного металла и 56 тонн цветного метала.

С начала 1943 г. при некоторых школах и в детских домах стали открываться учебно-производственные мастерские. Учащиеся старших классов работали в мастерских бытового

обслуживания: по ремонту электроприборов и прочего. В этом деле принимали участие и учителя как руководители ученических бригад.

23 июня 1941 г. Главное управление трудовых резервов издало приказ «О революционной дисциплине, порядке и организованности в работе школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ в условиях Отечественной войны советского народа против фашистской Германии», в котором призвало работников и воспитанников системы трудовых резервов выполнить гражданский долг и мобилизовать силы на разгром агрессора[128].

27 июля 1941 г. решением ГКО СССР учебно-производственная деятельность училищ и школ фабрично-заводского обучения была переключена на выполнение оборонных заказов[129], а администрации учебных заведений надлежало усилить политико-воспитательную работу[130]. В сентябре 1941 г. закрытым письмом начальника ГУТР П. Г. Москатова были введены новая организация учебного процесса, трудовой режим военного времени, меры материального стимулирования. Учащиеся в возрасте от 16 лет обязывались работать на производстве восемь часов. Администрациям заводов давалось право изменять продолжительность рабочего дня. За изготовление деталей для военной техники и боеприпасов подростку выплачивалось 50% их стоимости, 33% перечислялись в госбюджет, а 17% — в фонд директора училища. Индивидуальные премии предписывалось выдавать полностью. Дирекциям промышленных предприятий запрещалось использовать учащихся на подсобных работах.

Значительно сократились сроки обучения. Так, в ремесленных училищах до войны обучение продолжалось 2,5 года, при этом теоретический курс занимал до 40–50% учебного времени, а теперь было сокращено до года. В сжатые сроки подросток получал минимум знаний и навыков. Фактически подростки осваивали профессию в ходе выполнения военных заказов. Выпускные экзамены отменялись. Приказом по ГУТР от 22 июля 1942 г. в ремесленных училищах был установлен семичасовой учебно-производственный день: шесть часов производственного обучения и один час теоретических занятий. В школах ФЗО до войны срок обучения составлял шесть месяцев, при этом теория занимала 5–20% учебного времени, но военных условиях он был сокращен до 2–3 месяцев непосредственно на производственном участке[131].

Расширилась сеть училищ и школ, готовивших кадры для отраслей промышленности, игравших особо важную роль в обороне страны в областях, где находились важные промышленные предприятия. Производились досрочные целевые выпуски учащихся. Планы для тыловых регионов были увеличены[132]. В 1941–1942 гг. только ремесленные училища и школы ФЗО Краснодарского края подготовили 9220 специалистов различного профиля[133]. Школы ФЗО Ростовской области за 1941 г. передали промышленности 12 430 человек[134], в 1942 г. они досрочно выпустили 3750 человек[135].

Выпускники ремесленных училищ и ФЗО стали одним из основных источников пополнения кадрового состава промышленных предприятий. В 1940–1942 гг. система государственных трудовых резервов провела 16 призывов. В эти годы в учебные заведения поступили 2 121 900 учащихся, из них в ремесленные и железнодорожные училища — 887 100 человек. Только в 1942 г. по основным и дополнительным призывам в школы ФЗО поступили 584 636 юношей и девушек, а всего, включая и училища, в учебных заведениях трудовых резервов проходили подготовку в 1942 г. 818 936 будущих рабочих. Расширение их подготовки к началу 1943 г. было вызвано развитием сложных отраслей производства, испытывавших необходимость в специально подготовленных рабочих.

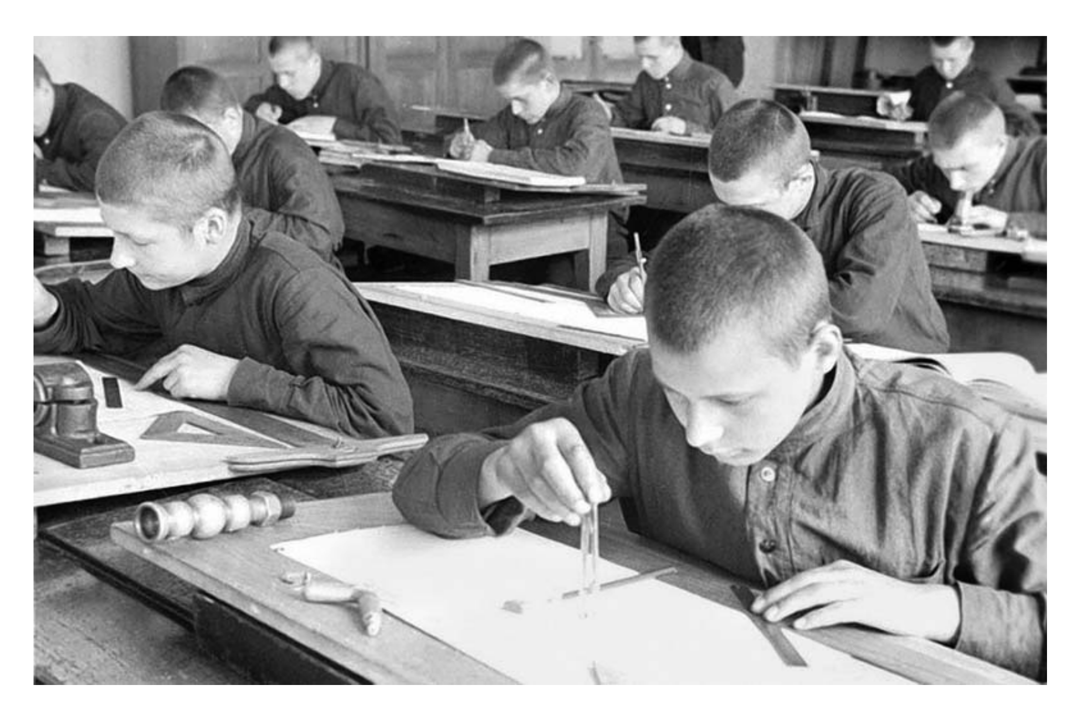
Наибольшего роста число учащихся достигло в 1942 г.: в Чкаловской области оно увеличилось в 3 раза, в Челябинской — в 2,5 раза по сравнению с 1940 г. В 1943 г. было создано шесть специальных латвийских отделений в ремесленных училищах. В 1942 г. число учащихся этих областей составляло по сравнению с довоенным годом 263%, в 1943 г. — 228,1%, в 1944 г. — 154,8%, в 1945 г. — 99,1%. На 1 января 1943 г. в училищах и школах страны числились 683 200 человек, в том числе в училищах — 354 800, в школах — 328 400[136].

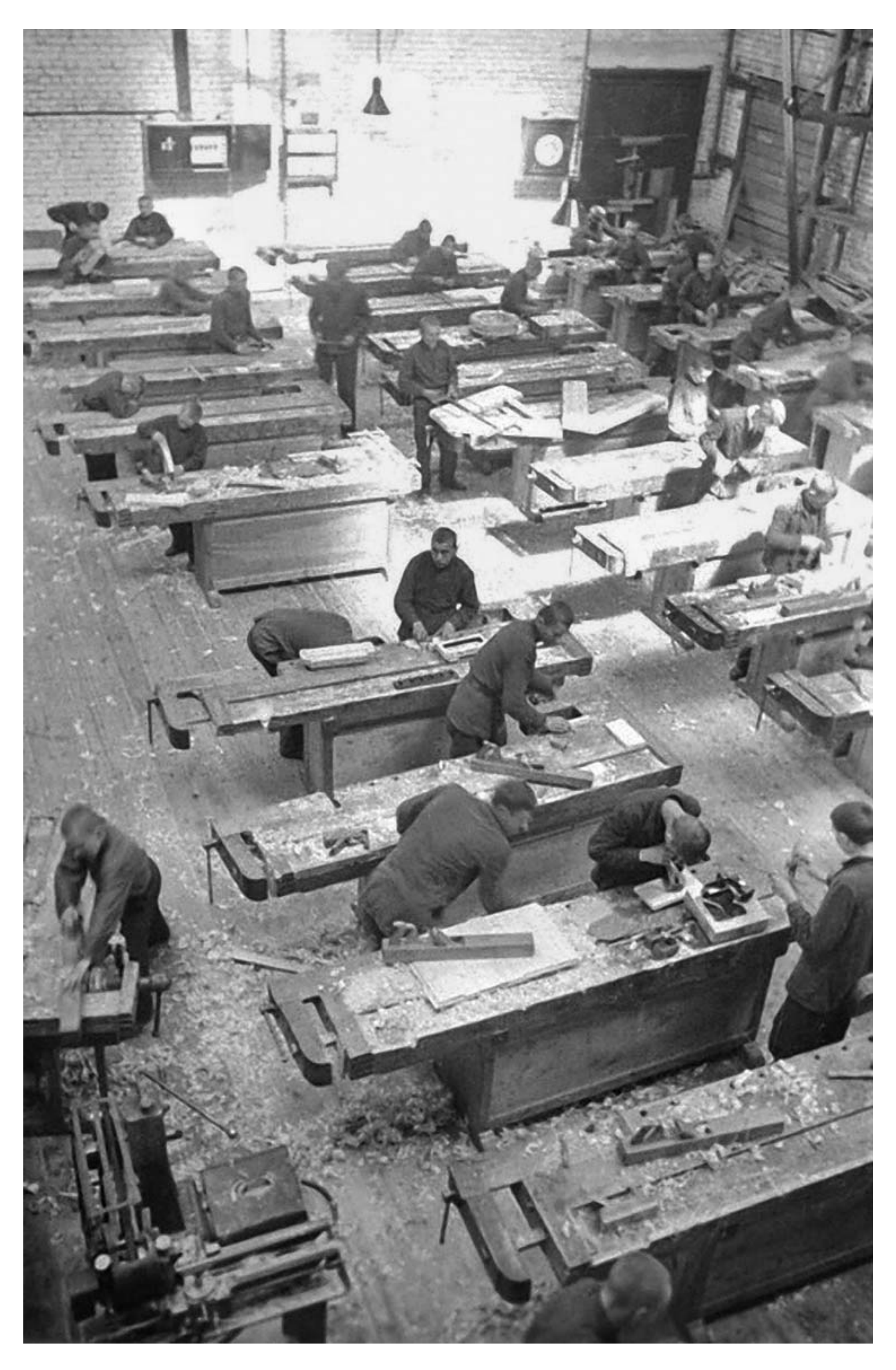
Воспитанник ремесленного училища на производственной практике

Группа хлебопеков ленинградской школы ФЗО при 7-м хлебозаводе

На занятиях по черчению в московском ремесленном училище № 6

Воспитанники ленинградского ремесленного училища № 2 в столярном цеху

Мобилизация рабочих на фронт требовала усилить набор подростков в ремесленные училища и школы ФЗО. Первый призыв молодежи прошел на добровольной основе, в ряде областей страны план призыва был перевыполнен. Учебные заведения Челябинской области приняли 15 200 человек при запланированных 8200 учащихся. Пик роста учебных заведений Чкаловской и Челябинской областей пришелся на 1942 г., их число увеличилось с 58 в 1940 г. до 122 (на 210,3%). В июне 1942 г. приказом по областному управлению трудовыми резервами директор Свердловского ремесленного училища № 1 направил на УЗТМ 126 учащихся[137]. В октябре 1942 г. в Свердловске досрочно были выпущены 2 тыс. учащихся ремесленных училищ, достигшие 16-летнего возраста. «Осилившие программу» направлялись на танковые заводы: на Кировский завод — 300, на УЗТМ — 150, на завод № 200 — 500, на завод № 183 — 700 человек[138].

План по призыву для Ростовской области и Краснодарского края также был увеличен[139]. В 1941–1942 гг. ремесленные училища и школы ФЗО Краснодарского края подготовили 9220 специалистов различного профиля[140]. Школы ФЗО Ростовской области в 1941 г. передали промышленности 12 430 специалистов[141], в 1942 г. досрочно выпустили 3750 человек[142].

С января по июль 1942 г. подростки регионов Дона изготовили военной продукции на сумму около 1 млн рублей[143], хотя во втором квартале сеть учебных заведений сократилась на 11 единиц, в РУ обучались 4900 человек, в 10 школах ФЗО — 4700 человек[144]. Там, где линия фронта находилась в непосредственной близи, распространение получила организация на базе учебных заведений трудовых резервов прифронтовых мастерских, куда военная техника прибывала с полей сражений и после ремонта направлялась снова в бой.

Но набирать установленный по плану контингент становилось сложнее. Мобилизационный план на 1942–1943 учебный год полностью выполнить не удалось. В Челябинской области он был реализован только на 70,9%[145]. Секретарь Свердловского горкома В. М. Андрианов в мае 1942 г. в телеграмме ГУТР сообщил, что возможно набрать в школы ФЗО не более 5 тыс. человек. Он просил оставшуюся часть призвать из других областей. Ресурс молодежи для набора в РУ и школы ФЗО исчерпан[146]. На Урале количество прогулов за восемь месяцев 1942 г. по сравнению с началом года выросло в 2,8 раза, случаев дезертирства — в 6,7 раза. На заводе № 78 г. Челябинска из 1755 молодых рабочих, числившихся на июнь 1942 г., к началу 1943 г. остались 377 человек, а остальные самовольно ушли с производства[147].

К началу 1943–1944 учебного года Свердловская область оказалась не в состоянии выполнить мобилизационный план. Заведующий бюро Свердловского обкома ВКП(б) по учету и распределению рабочей силы А. И. Серозеев констатировал: в городской местности практически все подлежащие призыву подростки или уже учились, или работали по специальности. Предыдущий набор прошел в значительной степени за счет снятия молодежи с предприятий и из школ. По состоянию на 1 января 1943 г. из 121,6 тыс. подростков, проживавших в сельской местности, около 20 тыс. уже работали в государственных и кооперативных предприятиях и учреждениях. Из оставшегося контингента около 21 тыс. человек были призваны в ряды РККА, 18,5 тыс. мобилизованы в ремесленные училища и школы ФЗО, 16,2 тыс. — учащиеся школ Наркомпроса СССР, 45,9 тыс. — «колхозники, которые в настоящее время являются основной рабочей силой в колхозах». Таким образом, «при настоящем положении с контингентом молодежи выполнить намечающийся план призыва по Свердловской области в 13 тысяч человек не в состоянии». За счет «переходящего контингента» (13–14-летних) можно было призвать лишь 3–4 тыс. человек[148].

Постановлением ЦК КП(б) Армянской ССР от 7 сентября 1944 г. «О призыве (мобилизации) молодежи в ремесленные училища и школы ФЗО в 1944 г.» с 15 сентября по 15 октября в ремесленные училища были мобилизованы лишь 200 человек, в школы ФЗО — 1400 человек, преимущественно сельского населения. Широко практиковалось привлечение к работе подростков обоего пола моложе 16 лет. В Удмуртской АССР в 1943 г. каждый седьмой рабочий, занятый в промышленности республики, не достиг совершеннолетия[149].

В 1943 г. СНК СССР признал сложившуюся практику досрочных выпусков учащихся училищ и школ ФЗО порочной, приходилось их дополнительно обучать на производстве. Согласно решению СНК от 3 февраля 1943 г. досрочный выпуск учащихся мог производиться не чаще двух раз в год и по требованию ГУТР[150].

По материалам ведомственной статистической отчетности, за 1941–1945 гг. в системе трудовых резервов обучались 3,1 млн юношей и девушек, в том числе в школах ФЗО — 2 млн, в училищах — 1,1 млн. Города направили на обучение 1 млн человек (32,3%) принятой молодежи. В школах ФЗО численность городской молодежи была незначительна — 392,8 тыс. (19,2%), но в училищах она преобладала — 609 тыс. (57,5%). За 1941–1945 гг. 927,9 тыс. девушек (29,9%) пополнили ряды трудовых резервов, в том числе школы ФЗО — 586,9 тыс. (28,8%), училища — 344,7 тыс. (32,2%)[151]. В 1941–1945 гг. учебные заведения подготовили 2480 тыс. квалифицированных рабочих. На ряде предприятий, особенно в восточных районах страны, воспитанники трудовых резервов составляли более половины всех рабочих. Выпускники учебных заведений трудовых резервов направлялись в освобожденные районы для восстановления разрушенных предприятий. Только на восстановление угольных шахт и электростанций Донбасса были направлены около 20 тыс. учащихся[152].

План третьей (1938–1942) пятилетки, предусматривавший осуществить всеобщее среднее обучение в городе, завершить всеобщее семилетнее среднее обучение, расширив охват детей десятилетним обучением в деревне и во всех национальных республиках, срывался. Введение платы за обучение в 8–10 классах в сентябре 1940 г. значительно ухудшило условия для получения полного среднего образования. По РСФСР среднюю школу оканчивали менее четверти молодых людей в возрасте от 15 лет. В других союзных республиках их численность была еще меньшей. В Сибирском регионе в предвоенном 1940–1941 учебном году в городах в десятый класс пошли только 16,4% 17-летних юношей и девушек, в селах — 9,1%; в девятый класс — соответственно 25,6 и 9,3% 16-летних юношей и девушек; в восьмой класс — 45,2 и 17,7% 15-летних подростков; в седьмой класс — 72,2 и 49,2% 14-летних подростков[153]. Большинство молодых горожан оканчивали неполную среднюю школу, а молодые сельчане — 5–6 классов. Повышение уровня образования населения, необходимое для социокультурной модернизации страны, оставалось острой проблемой. Планировалось увеличить количество учащихся в начальных и средних школах в городах и рабочих поселках с 8,6 до 12,4 млн, а в сельских местностях — с 20,8 до 27,7 млн.

30 июля 1942 г. Тульский облисполком отметил: государственный план по всеобучу выполнен неудовлетворительно[154]. Сходная картина наблюдалась повсеместно[155]. Местные органы оправдывались тем, что в военное время надо воевать, а не учиться. «Как бы мы ни были поглощены войной, — говорилось в газете «Правда», — закон о всеобщем обучении остается незыблемым в условиях войны... Никаких ссылок на военную обстановку»[156].

Выпуск военной высокотехнологичной продукции требовал не только высокой квалификации, но и образования в объеме 8–10 классов. В 1943 г. основная масса учащихся ремесленного училища № 1 Красноярска состояла из юношей и девушек, окончивших 3–5 классов (около 86,0%). Удельный вес выпускников начальной школы достигал 43,1%, неполной средней — 4,2%[157]. В школе ФЗО № 17 Новосибирска 48% составляли подростки, окончившие 5–6 классов. Начальную школу окончили более трети подростков и молодых людей, неполную среднюю — 12,7%. Доля выпускников 8–9 классов в их составе достигала 0,6%. Аналогичная ситуация сложилась в ремесленных училищах и школах ФЗО Кузбасса. В 1944 г. среди учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО Кемеровской области от трех до семи классов окончили 92% юношей и девушек, от восьми до десяти классов — 8%[158].

Абсолютное большинство воспитанников учебных заведений ГУТР имело образование ниже семи классов. Штаты учебных заведений трудовых резервов были укомплектованы на 70%, но основная масса работавших имела среднее образование. Невысокий уровень образования юношей и девушек затруднял их использование в военно-промышленном производстве.

Несмотря на принимаемые правительственные директивы[159], проведение всеобуча во многих областях страны оказалось на грани срыва[160]. 15 июля 1943 г. СНК СССР принял постановление «Об обучении подростков, работающих на предприятиях». Учебно-методическое руководство средним специальным образованием с июля 1943 г. осуществлял Комитет по делам высшей школы при СНК СССР[161]. Для занятых в промышленности или в сельском хозяйстве появились новые учебные заведения: вечерние и заочные школы. При крупных заводах и фабриках с 1 сентября 1943 г. — семи- и десятилетние школы рабочей молодежи (ШРМ), с осени 1944 г. — школы для сельской молодежи (ШСМ). Первые школы ШРМ появились в Ленинграде уже зимой 1941–1942 учебного года. К началу 1943–1944 учебного года в Сибири на базе промышленных предприятий было открыто 132 ШРМ, где числились 16,9 тыс. учащихся[162], в Горьком — 15 школ ШРМ. ШРМ охватили меньшую часть подростков и молодых людей. Организация школьного обучения без отрыва от производства в вечерних и заочных школах, а затем в ШРМ открывала перед ними потенциальные возможности для повышения общего образования. Основная масса юношей и девушек не могла ими воспользоваться из-за постоянной занятости на предприятиях, лишь эпизодически посещая данные учебные заведения.

Ситуация кардинально не менялась. Снижалось качество обучения, системность и регулярность работы школ. Отсутствие во многих школах необходимых условий для систематической внеклассной и внешкольной работы с детьми порождали безнадзорность, падение дисциплины, снижение посещаемости занятий и как следствие этого — массовую неуспеваемость. В 1943 г., с переломом в ходе войны, властью был предпринят комплекс мер, направленных на изменение ситуации.

2 августа 1943 г. СНК РСФСР утвердил «Правила для учащихся», в них определялись обязанности школьника по отношению к школе, учителям, родителям, старшим и товарищам. Устанавливались правила поведения учащихся в школе и вне ее[163]. 5 августа 1943 г. приказом наркома просвещения РСФСР для учеников, начиная с пятого класса, вводился ученический билет. Детгизу поручено было отпечатать 2,5 млн экземпляров билетов[164]. На основании «Правил для учащихся» РСФСР разрабатывались аналогичные правила и в других союзных республиках (с учетом особенностей их быта и культуры). Они должны были способствовать укреплению воспитательной работы в школе. Школьная администрация, милиция, комсомол, профсоюзы и родительская общественность активно боролись с отсевом учащихся, устанавливался жесткий контроль над ними, родителями и учителями.

Введение «Правил» закрепило авторитарный стиль работы педагогических коллективов. 21 марта 1944 г. приказом наркома просвещения РСФСР «Об укреплении дисциплины в школе» вводились как поощрения примерных учащихся (похвальными грамотами и прочим), так и наказания нерадивых (выговор и постановка у двери, исключение или направление в школу с особым режимом). Приказ требовал прекратить «бесплодные разъяснения и уговаривания бесчинствующих и лентяев» и беспрекословно выполнять «Правила»[165].

Было также намечено ликвидировать разрыв между дошкольными учреждениями и школой. 1 декабря 1943 г. СНК РСФСР постановил начать прием в школу семилеток[166]. Снижение возраста приема в школу дало возможность взять детей под педагогическое наблюдение. В сентябре 1944 г. в школы РСФСР пришли дети двух возрастов — семилетки и восьмилетки, всего 1 млн 728 тыс., в 1945 г. — 2 млн 300 тыс.[167] Однако требовалось преодолеть ряд трудностей (не хватало учителей, классных помещений, умения приспособиться к возрастным особенностям детей-семилеток). Тем не менее 8 декабря 1943 г. СНК СССР «предложил» союзным республикам ввести с 1944–1945 учебного года всеобщее обязательное обучение детей с семилетнего возраста[168]. Наркомпросы и местные организации начали вести учет школьных контингентов (включая эвакуируемых), разрешено было открывать дополнительные классы и школы. Допускалось создание однокомплектных начальных школ в населенных пунктах, насчитывающих не менее 15 детей школьного возраста и отдаленных друг от друга на 3–5 км. Для эвакуированных детей создавались школы-интернаты[169].

К административным мерам следует отнести и введение с 1943–1944 учебного года в ряде крупных городов раздельного обучения мальчиков и девочек. Еще постановлением СНК СССР от 24 октября 1942 г. на занятиях по допризывной военной подготовке было введено, начиная с пятого класса, раздельное обучение мальчиков и девочек по различным программам[170]. Для дальнейшей реализации раздельного обучения Отделом школ ЦК ВКП(б) и Наркомпросом РСФСР в 1943 г. была подготовлена докладная записка «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в неполных средних и средних школах Союза ССР». Подчеркивалось, что основная задача совместного обучения — ликвидировать дискриминацию женщин — за 25 лет советской власти выполнена. Введение раздельного обучения обосновывалось тем, что природа детей в зависимости от половой принадлежности различна. Поэтому девочек необходимо в школах готовить к будущей практической деятельности иначе, чем мальчиков, учитывая особенности их физиологии. Указывалось на необходимость укрепить дисциплину, устранить «не всегда здоровые взаимоотношения, создающиеся... при совместном обучении». Подчеркивались психологические особенности поведения разнополых подростков в едином коллективе[171].

16 июля 1943 г. постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о введении раздельного обучения было утверждено Политбюро. 16 июля 1943 г. постановление СНК СССР № 789 «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов» подписал И. В. Сталин. Подчеркивалось, что СНК СССР «придает большое государственное значение введению раздельного обучения в школах»[172]. За указанием крылась попытка отнести трагические события первого периода войны, отразившиеся на деятельности школы, не на счет ошибок руководства, неразберихи и паники, охватившей людей и значительную часть бюрократии, а на счет качества подготовки молодежи школой. Предписывалось ввести с 1 сентября 1943 г. раздельное обучение в 72 городах РСФСР. Отчет о проведении подготовительных мероприятий по созданию отдельных мужских и женских школ требовалось представить в СНК СССР 20 августа 1943 г.[173] Административный подход был далек от увязки проблемы раздельного обучения с содержанием образования, учебных планов и учебных предметов, их технократической и естественнонаучной направленностью.

23 июля 1943 г. вышло соответствующее постановление СНК РСФСР[174]. В Инструкции по введению раздельного обучения в крупных городах РСФСР от 23 июля, утвержденной наркомом просвещения РСФСР, особо отмечалось: «При подборе руководителей школы и педагогического персонала необходимо учесть не только пол данного лица, но и личные особенности характера, определяя... пригодность его для мужской или женской школы»[175]. В РСФСР комплекс работ по учету «контингента», разверстке сети школ, количества классов следовало завершить к 10 августа 1943 г.

Раздельное обучение планировалось осуществлять поэтапно[176], реализация его возлагалась на А. Н. Косыгина. СНК РСФСР обязал облисполкомы, крайисполкомы и совнаркомы автономных республик до 5 августа 1943 г. утвердить сеть мужских и женских школ, количество классов в них и план распределения учебных помещений. Планы отсылались в Наркомпрос РСФСР. Необходимо было учесть расстояние от школы до места жительства учащихся, не превышающее 3 км, бытовые, семейные и иные условия жизни школьников, изучаемый в 6–10 классах иностранный язык[177]. Размещение в одном здании мужских и женских школ не допускалось[178]. То же наблюдалось и в других союзных республиках. В начальных школах обучение оставалось совместным. В 1944–1945 учебном году нововведение планировалось распространить уже на 146 городов, в дальнейшем — в 176 крупных центрах.

В первом полугодии 1944–1945 учебного года в ходе подготовки учащихся к выпускным экзаменам Наркомпрос РСФСР провел инспекторскую проверку многих школ. В декабре 1944 г. ее результаты получили отражение в приказе об организации повторения учебного материала в выпускных классах всех типов общеобразовательных школ[179]. Местные органы изыскивали разные способы повысить качество знаний.

Средние учебные заведения военного профиля

До начала войны в стране функционировало 17 средних артиллерийских школ, 20 школ ВВС и семь спецшкол ВМФ. В годы войны работало 20 артиллерийских школ (11 в РСФСР). Общее число обучаемых за учебный год в 8–10 классах составило 6800 человек.

Первыми в системе Наркомпросов РСФСР и УССР еще в 1937 г. были образованы средние специальные военные артиллерийские школы. В апреле 1938 г. СНК СССР утвердил положение о них как о специальных школах наркомпросов РСФСР и УССР. Отбор производился после тщательной проверки. Каждая артиллерийская спецшкола приравнивалась к войсковому дивизиону, разделенному на батареи. В период лагерного сбора учащиеся осваивали артиллерийское и стрелковое оружие, проводились учебно-боевые стрельбы, занятия на местности по тактике и топографии. Многие юноши овладевали практическими навыками сборки и разборки стрелкового оружия и технического обслуживания артиллерийских орудий.

С 1940 г. подобные учебные заведения создавались в авиации и на флоте. Большую роль в создании школ ВВС сыграл М. М. Громов. В мае 1940 г. руководство ВВС обратилось в правительство с просьбой «организовать... авиационные спецшколы Наркомпроса по типу артиллерийских с обязательным ежегодным выходом в лагеря, с организацией общежитий (интернатов) для иногородних учеников».

Постановлением СНК СССР «Об организации специальных школ ВВС» от 6 ноября 1940 г. предписывалось «Совнаркомам РСФСР, УССР, БССР, Грузинской ССР и Армянской ССР организовать в системе народных комиссариатов просвещения 20 специальных средних школ военно-воздушных сил (в составе восьмого, девятого и десятого классов». Школы создавались в Москве, Ленинграде, Воронеже, Горьком, Саратове, Сталинграде, Иванове, Курске, Свердловске, Ростове-на-Дону, Казани, Краснодаре, Киеве, Ворошиловграде, Харькове, Днепропетровске, Одессе, Минске, Тбилиси и Ереване. Тем же числом было утверждено Положение о спецшколах ВВС, предусматривающее по 500 человек набора с началом занятий со 2 января 1941 г. Специальные средние школы ВВС комплектовались из лучших учащихся средних школ мужского пола, окончивших отлично или хорошо семь классов полной средней школы или неполную среднюю школу. Авиационные школы выделялись особой требовательностью к здоровью учащихся. Специальная медицинская отборочная комиссия ВВС проверяла их годность к летной службе.

Математика, физика, химия, география, черчение, общая тактика, тактика ВВС и предметы по специальным службам ВВС преподавались по программам и учебникам, приспособленным к программам военно-авиационных училищ летчиков и летчиков-наблюдателей. Программы утверждались Наркомпросом СССР по согласованию с НКО СССР. Переводные и выпускные испытания производились в присутствии представителей военно-авиационных училищ летчиков и летчиков-наблюдателей по назначению начальника Управления учебных заведений ГУ ВВС Красной армии.

22 июля 1940 г. постановлением СНК СССР № 1316 (объявлен приказом наркома ВМФ СССР от 7 августа 1940 г. № 452) в системе Наркомпроса СССР было создано семь специальных военно-морских школ с количеством учащихся в одной школе 500 человек. Спецшколы ВМФ просуществовали до 1943 г., после чего были преобразованы в подготовительные училища ВМФ. Училища имели сходную структуру и штаты, сравнимые с обычным военно-морским училищем. Личный состав училища включал 55–80 офицеров, 40–60 старшин, 15–25 рядовых, 310–360 вольнонаемных. Максимальное число курсантов достигало 1200 человек. Они составляли три курса по 400 человек. На каждом курсе насчитывалось четыре роты, в каждой роте — четыре класса (взвода) по 25 человек.

Первым в июне 1943 г. было создано Бакинское военно-морское подготовительное училище на 1200 человек. 31 марта 1944 г. постановлением СНК СССР № 330 «Об организации военно-морских подготовительных училищ закрытого типа в системе Наркомвоенморфлота» было открыто еще три подготовительных училища: в Ленинграде — на 1200 человек, в Горьком

Курсанты артиллерийского училища на занятиях по огневой подготовке

Выпускники военной школы передают винтовки курсантам

Преподаватель школы корабельных боцманов и юнг с группой учащихся

Подготовка летчиков-бомбардировщиков в спецшколе под руководством
Героя Советского Союза В. А. Хорошилова

и Владивостоке — по 600 человек. Курсанты изучали основы такелажных работ — вязание морских узлов и плетение матов, флажный семафор и азбуку Морзе, работу клотиком и прочее. Для преподавания общеобразовательных дисциплин привлекались опытные педагоги. Обучение проводилось в соответствии с общими программами Наркомпроса СССР и по учебникам средних школ. Особое внимание уделялось естественнонаучным дисциплинам и изучению иностранного, как правило немецкого, а для моряков — английского языков.

Жизнедеятельность спецшкол регламентировалась общим Уставом средней школы[180] и Правилами внутреннего порядка в специальных средних военных школах. Летом предусматривался ежегодный 45-дневный лагерный сбор. По сравнению с курсантами, окончившими десять классов средней школы, «спецы» были лучше подготовлены к изучению не только военных предметов, но и общеобразовательных дисциплин, хотя в отношении достигших к окончанию спецшколы призывного возраста (в 1939 г. призывной возраст был понижен с 19 до 18 лет) было принято решение: «Учащимся 10 классов 1925 года рождения, призванным в 1942–1943 гг. в ряды Красной Армии, выдать аттестаты об окончании средней школы без испытаний, руководствуясь оценками за первое полугодие 1942–1943 учебного года, а по арифметике, конституции, географии, естествознанию и рисованию — за соответствующие классы».

За девять лет существования школы подготовили более 23 тыс. человек, ставших курсантами военных училищ и академий. Многие бывшие «спецшкольники» стали Героями Советского Союза, около 50 выпускников школ ВВС — генералами, более ста получили почетные звания заслуженных летчиков-испытателей, штурманов-испытателей, военных летчиков, военных штурманов, пилотов. Среди выпускников спецшкол: генерал армии В. Л. Говоров, генерал-полковники В. Я. Лебедев, В. С. Неделин, А. А. Максимов, Ю. М. Потапов, В. Н. Кончиц и другие крупные военачальники. 1-ю Московскую спецшколу ВВС окончили ведущий инженер по летным испытаниям авиадвигателей Р. Г. Ленский (1943), космонавты В. М. Комаров (1945) и Л. С. Демин (1945).

20 спецшкольников-артиллеристов стали Героями Советского Союза. Из них только 2-я Московская спецшкола взрастила шесть Героев: лейтенант Т. М. Фрунзе, капитан Н. С. Прохоренко, майор М. А. Либман, генерал армии В. Л. Говоров, генерал-лейтенант С. Л. Новичков, генерал-майор С. А. Микоян. За девять лет своего существования, пять из которых выпали на Великую Отечественную войну, специальные артиллерийские школы дали фронту около 12 тыс. высокообразованных офицеров-артиллеристов[181].

В 1943 г. в СССР были созданы первые суворовские училища. Инициатива создания суворовских военных училищ по образцу дореволюционных кадетских корпусов принадлежала генерал-лейтенанту Красной армии, бывшему выпускнику Пажеского корпуса графу А. А. Игнатьеву. В апреле 1943 г. он обратился с письмом к И. В. Сталину, в котором говорилось: «Специфика военного ремесла требует привития к нему вкуса с детских лет, а недостаток дисциплинированности детей в домашней, школьной обстановке вызывает необходимость создать специальные военные средние школы для подготовки нравственно воспитанных и физически развитых будущих командиров Красной Армии»[182].

А. А. Игнатьев предлагал создать один экспериментальный «советский кадетский корпус» в Москве, но И. В. Сталин решил этот вопрос по-своему: во-первых, назвать училища «суворовскими» — в честь великого русского полководца А. В. Суворова, а во-вторых, образовать сразу девять таких училищ. Для выполнения этой задачи в Главкомате Сухопутных войск Красной армии в мае 1943 г. в г. Ельце был сформирован Отдел суворовских военных училищ, который готовил все документы по их созданию, разрабатывал штатное расписание и учебные планы, осуществлял подбор преподавателей и командного состав, набор суворовцев, а со временем и их выпуск.

21 августа 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[183]. В нем говорилось: «Для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников,

рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов, организовать... девять суворовских военных училищ типа старых кадетских корпусов, по 500 человек в каждом, всего 4500 человек со сроком обучения 7 лет, с закрытым пансионом для воспитанников». Суворовские военные училища имели цель «подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании и дать им общее среднее образование». Принимались сюда мальчики с 10-летнего возраста. В приготовительные классы принимались дети в возрасте от восьми до десяти лет[184].

В первом наборе 75% воспитанников не имели отцов, 10% являлись круглыми сиротами. Первыми, кого пришлось воспитывать и учить, были юные фронтовики, сыновья полков и юнги флота, имевшие боевые награды. Для детей воинов Красной армии, партизан, детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, были организованы специальные ремесленные училища, детские дома, приемники-распределители. В 23 специальных ремесленных училищах обучались по 400 человек (9200 человек). Срок обучения составлял четыре года.

С октября по ноябрь 1943 г. решением НКО СССР в его ведении были сформированы девять суворовских военных училищ: Краснодарское (г. Майкоп), Новочеркасское, Сталинградское (г. Астрахань), Воронежское, Харьковское (г. Чугуев), Курское, Орловское (г. Елец), Калининское и Ставропольское. В 1943 г. училища были созданы в Тбилиси, Ленинграде и Риге. Для полного укомплектования одновременно всех училищ в 1943 г. в виде исключения был произведен прием четырех возрастов — от 10 до 13 лет включительно. 1 декабря 1943 г. в девяти суворовских военных училищах начались плановые занятия. Каждому училищу в торжественной обстановке было вручено Красное знамя.

Приказом наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова от 16 октября 1943 г. было создано Тбилисское нахимовское военно-морское училище, а затем Рижское и Ленинградское. В первый учебный год за парты сели 408 воспитанников в возрасте от 10 до 14 лет, среди них участник героической обороны Севастополя Б. Кулешин и партизан В. Чертенко, награжденные орденами Красной Звезды, В. Осадчий, награжденный тремя боевыми медалями, Б. Кривцов — медалью Нахимова, К. Гавришин — медалью Ушакова, П. Паровов — орденами Красной Звезды, Славы 3-й степени и медалью «За отвагу», юнга с торпедного катера В. Лялин — орденом Красной Звезды.

4 июня 1944 г. ГКО постановил открыть еще шесть суворовских военных училищ: Горьковское, Казанское, Куйбышевское, Саратовское, Тамбовское, Тульское. Начальниками училищ назначены генералы Г. Г. Невский, К. А. Железняков, В. В. Болознев, П. А. Дьяконов, А. А. Куценко, И. С. Хохлов.

В августе 1943 г. руководство НКВД СССР выступило с предложением открыть суворовские училища своего ведомства. 4 сентября 1943 г. СНК СССР постановил создать суворовские военные училища войск НКВД в Кутаиси и Ташкенте. Постановление было объявлено 27 сентября приказом № 605 наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии. В этот же день был подписан приказ № 606 «О комплектовании суворовских военных училищ войск НКВД». В Кутаисском и Ташкентском суворовских военных училищах войск НКВД СССР осуществлялась подготовка преимущественно сыновей офицеров, генералов и вольнонаемных сотрудников войск и органов НКВД и НКГБ СССР.

Контингент воспитанников первого набора 1943 г. состоял в основном из детей погибших воинов армии и флота. Из 535 воспитанников Воронежского СВУ, по данным 1945 г., 295 были дети погибших воинов, что составило 55%[185]. Из 505 человек первого набора Горьковского СВУ составляли дети[186]: погибших на фронте — 236 (46,7%), сражавшихся на фронте — 164 (32,7%), инвалидов войны — 19 (3,8%), партизан и советских работников — 67 (13,3%), в том числе сироты — 29 (5,7%). В числе поступивших в первом наборе в Новочеркасское СВУ были дети: погибших на фронте офицеров — 120, погибших сержантов и рядовых — 96, погибших генералов — 2, погибших партизан — 4, сирот — 222, фронтовиков — 240, военных (не фронтовиков) — 5, партийных и советских работников — 12, других категорий — 28[187].

Среди поступивших было много сирот и полусирот: у 65 суворовцев Кутаисского училища отцы погибли на фронте, у двух — стали инвалидами, у 91 — находились на фронте.

Сын полка Миша Бельский с товарищами по учебе в Ставропольском СВУ

В парадной шеренге

В 1943 г. в Ташкентское училище поступили 111 полусирот, каждый четвертый воспитанник — сын офицера, генерала или сотрудника войск НКВД — НКГБ СССР, находившегося в действующей армии, у каждого пятого — отец погиб на фронте[188]. Это были мальчики, испытавшие ужасы войны, пережившие бомбежки и артобстрелы, голод и холод военного лихолетья, на глазах которых фашисты расстреляли родителей и родственников. Среди них были и сыны полков, принимавшие участие в боевых действиях, за что многие из них получили ордена и медали.

Первый, 1943–1944 учебный год в СВУ был очень трудным как для воспитанников, так и для преподавателей. Во-первых, он был на три месяца короче обычного учебного года. Во-вторых, значительная часть воспитанников 1, 2, 3, 4-го и старшего приготовительного классов имела за период войны пропуски в учебе от нескольких месяцев до 1,5–2 лет. Основной задачей преподавателей СВУ в 1943–1944 учебном году было поднять действительные знания ребят до уровня, требуемого для каждого воспитанника в данном классе.

Главным звеном в управлении СВУ было Управление военно-учебными заведениями (УВУЗ) НКО СССР. Его основными функциями являлись централизованное управление училищами, разработка учебно-воспитательных программ, осуществление постоянного контроля над состоянием учебно-воспитательной деятельности и дисциплины в училищах. Отдел ВУЗ при штабах военных округов осуществлял контроль морально-идеологического состояния коллектива, учебно-воспитательного плана, выполнения постановлений УВУЗ училищами. Училища НКВД курировали работники УВУЗ НКВД.

Несмотря на острую потребность в офицерских кадрах на фронте, Главное управление кадров НКО направило из действующей армии на различные должности в СВУ необходимое количество офицеров-фронтовиков, имеющих педагогическое образование и опыт работы в школе. До начала учебы во всех СВУ с руководящим составом училищ, командирами рот, офицерами-воспитателями и старшими преподавателями в Москве были проведены установочные и методические сборы. В последующем проводились сборы командиров рот и офицеров-воспитателей, старших преподавателей по отдельным учебным дисциплинам, в процессе которых обобщался передовой опыт, нарабатывалась и совершенствовалась методика работы с воспитанниками СВУ и НВМУ.

Для повышения военных и педагогических знаний офицеры-воспитатели с 1943 г. направлялись на Высшие офицерские курсы «Выстрел», с ними проводились занятия по 13 предметам, начиная с политической подготовки, специальных военных предметов, строевой подготовки и заканчивая логикой, педагогикой и психологией. Занятия по педагогике и психологии проводились в объеме курса педагогического института. По окончании обучения офицеры сдавали экзамены. Офицерско-преподавательский состав училищ основное внимание уделял учебе. Внутренний порядок в училищах поддерживался на основании «Правил внутреннего распорядка и поведения воспитанников Суворовского военного училища»[189].

Воспитанники училищ комплектовались пятью ротами. Первая рота состояла из шестого и седьмого классов, вторая — из пятого и четвертого классов, третья — из третьего класса, четвертая — из второго класса, пятая — из первого класса. Первая рота имела строевую организацию. Жизнь, быт, взаимоотношения начальников, старших и подчиненных в этой роте строились в соответствии с уставами Вооруженных сил СССР. Воспитанники изучали образовательные предметы средней школы, но в учебные планы включались геология, психология, военная, строевая и физическая подготовка. На изучение иностранного языка отводилось больше времени, чем в школе[190]. После окончания учебного года проводились лагерные сборы, занятия по военной подготовке. Во внеклассное время — игры на свежем воздухе, занятия спортом, дополнительные занятия по общеобразовательным предметам для восполнения пробелов за предыдущие классы.

В пособиях содержались рекомендации, помогающие учителю подводить учащихся к пониманию закономерности победы над фашизмом. Существенные изменения в содержании и направленности школьных курсов истории, в программах и учебниках увеличили объем и удельный вес разделов и тем, важных для военно-патриотического воспитания школьников.

При изучении физики учащихся знакомили с работой двигателей танков, самолетов, автомобилей, применением электричества в военном деле. Преподаватели математики и физики составляли и решали с учениками задачи, основанные на военной статистике. Они вычисляли траектории полетов снарядов, определяли расстояние до недоступных точек и прочее. Школьников знакомили с устройством полевого телефона, принципами работы дирижабля, используя различные справочники и военную литературу. В десятом классе изучали применение тока высокого напряжения при защите позиции, способы охлаждения огнестрельного оружия. Выпускников знакомили с радиопеленгацией, дальномерами, фотографированием в инфракрасных лучах. Содержанию преподавания придавался более практический характер, устанавливалась более тесная связь школьных курсов с жизнью.

Об уделяемом внимании руководства страны этому вопросу свидетельствует стенограмма беседы председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина с заместителями начальников суворовских училищ 10 мая 1944 г. На встрече присутствовали представители всех СВУ, работники Главного политического управления РККА и представители Управления ВУЗов НКО. Присутствующие обратили внимание прежде всего на вопросы воспитания. Ставился вопрос и о привлечении в качестве преподавателей военнослужащих. В результате в 1944 г. все вольнонаемные преподаватели получили офицерские звания административной службы. Большой личный вклад в дело становления первых СВУ внесли начальники училищ: генералы И. Ф. Баринов, В. В. Баланцев, В. Г. Клементьев, М. Т. Субботин, П. А. Ерёмин, В. М. Козырев, А. В. Кузьмин, В. А. Визжилин, Г. Т. Зуев, полковник А. И. Нерченко.

19 декабря 1943 г. большинству сформированных первых училищ в торжественной обстановке были вручены Красные знамена, что означало — суворовские военные училища становились воинской частью. Под этими знаменами суворовцы Орловского, Калининского, Горьковского, Тульского СВУ впервые приняли участие в Первомайском параде на Красной площади в Москве. Но самым запоминающимся событием стало для всех воспитанников участие в составе сводного полка суворовцев в Параде Победы 24 июня 1945 г. С тех пор участие суворовцев в военных парадах Победы стало традицией.

Создаваемые в годы войны суворовские военные и нахимовские военно-морские училища, как правило, располагались в неприспособленных для этих целей сохранившихся после войны зданиях. Как отмечалось в записке начальника Главного управления кадров НКО генерал-полковника Ф. И. Голикова и начальника Управления ВУЗ ГУК НКО генерал-лейтенанта В. И. Морозова И. В. Сталину от 5 ноября 1943 г. «О ходе формирования суворовских училищ», суворовские училища в Майкопе, Ельце и Курске были размещены разбросанно, неудачно. Их размещение рассматривалось как временное, до перевода в более приспособленные здания. Например, Краснодарское СВУ размещалось на трех обособленных территориях, занимая 13 зданий, что требовало в течение дня многокилометровых переходов в столовую, учебные классы и прочее. Это обстоятельство обусловило необходимость в последующем для некоторых из них изменить место дислокации.

Разруха и трудности, связанные с войной, не могли не сказаться на жизни и быте формировавшихся суворовских и нахимовских училищ. Казарменным инвентарем, классной мебелью и столовой посудой суворовские военные училища обеспечивались в самых минимально необходимых на первых порах количествах и по очень сокращенной номенклатуре[191]. Не хватало топлива, часто отключалось электрическое освещение. В классах было так холодно, что замерзали чернила, и воспитанники сидели за партами в шинелях и шапках. Спальни и классы освещались керосиновыми лампами и трофейными плошками, когда гас свет. В этот период в училищах не было в достаточном количестве парт, учебников и наглядных учебных пособий. Учебные приборы и различные плакаты изготавливались руками самих воспитанников под руководством офицеров и преподавателей.

Несмотря на огромные трудности, советские люди, труженики тыла стремились оказывать как моральную, так и материальную помощь фронту. В начале 1944 г. воспитанники, офицерско-преподавательский и вольнонаемный состав суворовских военных училищ внесли большие денежные суммы в Фонд обороны страны. Деньги предназначались для

строительства самолетов «Юный суворовец», который в торжественной обстановке был вручен старшему лейтенанту Н. С. Давыдову, сбитому в 1944 г. в небе над Ельцом и потерявшему свой самолет. В одном из писем в училище пилот сообщал: «Добрый самолет был. Он пролетал почти до конца войны. Под Гродно я сбил на нем свой последний, десятый по счету фашистский самолет — Ме-109. На том же аэродроме (под Гродно) я закончил свой боевой путь, а самолет «Юный суворовец» по техническому состоянию был списан. Всего на нем я провел около ста боевых вылетов и в воздушных боях сбил 6 фашистских самолетов»[192]. Закончил воинскую службу Н. С. Давыдов в воинском звании генерал-майора.

В апреле — мае 1944 г. начальники СВУ получили правительственные телеграммы от Верховного главнокомандующего с благодарностью за значительный вклад личного состава училищ в укрепление боевой мощи Красной армии. Как показал исторический опыт, суворовские военные и нахимовские военно-морские училища возлагаемые на них надежды оправдали. Высокий уровень организации в СВУ и НВМУ учебно-методической работы создавал условия и мотивировал воспитанников к добросовестному отношению к учебе, о чем свидетельствуют итоговые результаты учебы выпускников. Например, за время своего существования (1943–1961) Сталинградское суворовское военное училище сделало 14 выпусков — 973 выпускника, из которых 84 воспитанника окончили училище с золотой медалью и 246 — с серебряной, что составило почти 34%[193]. За период существования Горьковского СВУ (1944–1956) было сделано восемь выпусков — 622 выпускника, из которых 36 человек закончили училище с золотой медалью и 79 — с серебряной, что составило 18,5%[194].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 112.

[2] Дуплекс-процесс — технологический процесс производства стали и сплавов, осуществляемый последовательно в двух раздельных металлургических агрегатах: например, основная мартеновская печь — кислая печь, конвертер — мартеновская печь, конвертер — конвертер, конвертер — электропечь и т. д.

[3] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 113.

[4] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1970. С. 467.

[5] *Широков Г. А.* Научно-мобилизационные проекты ученых Поволжья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 9. № 2. 2007. С. 407.

[6] *Гракина Э. И.* Ученые — фронту. М., 1989. С. 80, 124.

[7] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1970. С. 285.

[8] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 368.

[9] *Кравченко Г. С.* Указ. соч. С. 341.

[10] Российская наука — военно-морскому флоту. М., 1997. С. 7–8.

[11] Там же. С. 85.

[12] Самолетостроение в СССР 1917–1945. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1994. С. 291.

[13] Там же. С. 295.

[14] Флаттер (англ. *flutter* — вибрация), самовозбуждающиеся колебания частей летательного аппарата (главным образом крыла и оперения), возникающие при достижении так называемой критической скорости флаттера; может привести к разрушению конструкции. Явление флаттера связано с взаимным расположением центра тяжести и центра жесткости крыла (оперения) и другими характеристиками данного аппарата.

[15] Московский университет в Великой Отечественной войне. С. 78–79.

[16] Самолетостроение в СССР 1917–1945. Кн. 2. С. 340–342.

[17] Там же. С. 341.

[18] *Широков Г. А.* Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Самара, 2005. С. 28.

[19] *Вернидуб И. И.* Пороховая промышленность СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1994. С 83–88.

[20] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 465.

[21] *Гракина Э. И.* Указ. соч. С. 94.

[22] Там же. С. 97.

[23] Там же. С. 121–123.

[24] Нейропсихология как научная дисциплина на стыке биологии и психологии возникла в условиях Великой Отечественной войны усилиями работников биологического и философского факультетов МГУ. Многие случаи восстановления бойцов после тяжелых ранений описаны в рассказах и повестях А. Р. Лурия.

[25] История советского атомного проекта ИСАП-96. В 2-х т. Т. 1. М., 1996. С. 27–29.

[26] *Ярославский Е. М.* О ближайших задачах исторической науки в СССР // Исторический журнал. 1942. № 6. С. 17–24.

[27] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 204. Л. 1.
[28] *Ежов В. А., Мавродин В. В.* Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л., 1975. С. 22.
[29] *Аврус А. И.* История российских университетов. Очерки. М., 2001. С. 61.
[30] Московский университет в Великой Отечественной войне. С. 134–135.
[31] *Круглянский М. Р.* Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 139.
[32] Там же. С. 47.
[33] Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 22–34.
[34] Там же. С. 27.
[35] *Ежов В. А., Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 5.
[36] *Черняев А. С.* Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 75.
[37] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
[38] Там же. С. 89.
[39] *Поляков Ю. А.* Минувшее. Фрагменты. М., 2010. С. 176.
[40] Московский университет в Великой Отечественной войне. С. 31.
[41] *Ежов В. А., Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 37.
[42] *Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Мигаль Б. К.* Харьковский университет в годы Великой Отечественной войны. Харьков, 1989. С. 55–57.
[43] *Круглянский М. Р.* Указ. соч. С. 65.
[44] *Ежов В. А., Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 19–20.
[45] Московский университет в Великой Отечественной войне. С. 32–33.
[46] Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. С. 74.
[47] Там же. С. 75.
[48] Там же. С. 38.
[49] Там же. С. 75–76.
[50] *Хорхордина Т. И.* Гуманитарный университет в Москве: История идеи. М., 2012. С. 58–59.
[51] *Круглянский М. Р.* Указ. соч. С. 80.
[52] Там же.
[53] Там же. С. 81.
[54] Московский большевик. 1942. 11 февраля. № 34 (892).
[55] *Аврус А. И.* Указ. соч. С. 60.
[56] Московский университет в Великой Отечественной войне. С. 40.
[57] *Поляков Ю. А.* Указ. соч. С. 195.
[58] Московский университет в Великой Отечественной войне. С. 45.
[59] Там же.
[60] Там же. С. 48.
[61] Московский университет в Великой Отечественной войне. С. 71.
[62] *Круглянский М. Р.* Указ. соч. С. 126.
[63] *Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Мигаль Б. К.* Указ. соч. С. 73.
[64] Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. С. 207.
[65] *Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Мигаль Б. К.* Указ. соч. С. 95.
[66] *Круглянский М. Р.* Указ. соч. С. 139.
[67] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2677. Л. 8.
[68] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 30.
[69] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1985. Т. 7. С. 222.
[70] *Потёмкина М. Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002. С. 51–52.
[71] *Савельев В. М., Саввин В. П.* Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 143.
[72] Трудящиеся Белоруссии фронту. Минск, 1972. С. 22, 24.

[73] Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 4. Мінск, 1997. С. 370–379.

[74] *Смиловицкий Л.* Судьба еврейских детей в годы оккупации на территории Белоруссии (Архив мемориального Института Яд Вашем в Иерусалиме: М-33/428, 453, 455, 704, 1135–1149, 1150, 1159, 1178).

[75] *Скоробогатов А. В.* Харків у часи німецкоі окупації. 1941–1943. Харків, 2006.

[76] *Куманёв Г. А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6.

[77] Из отчета городского отдела народного образования. Москва военная. М., 1995. С. 607, 609.

[78] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2706. Л. 1; Д. 2723. Л. 2.

[79] Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 306–312.

[80] Школа Сибири за 60 лет советской власти. Барнаул, 1982. С. 73.

[81] *Патоличев Н. С.* Испытание на зрелость. М., 1977. С. 217.

[82] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 200. Л. 91 об.

[83] *Якунцов И. А.* Урал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Пермь, 1997. С. 124.

[84] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 801–803.

[85] Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: рассекреченные документы. Хроника событий. Краснодар, 2000. С. 517.

[86] *Толмачёв Е. П.* «Организовать авиационные спецшколы... по типу артиллерийских» // Молодежный военно-исторический журнал. 2006. № 1.

[87] *Сошников Н.* Дорогой вековой: исторический очерк. Краснодар, 1997. С. 27.

[88] *Яницкий О. Н.* Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. М., 2009. С. 7.

[89] Основные итоги народного хозяйства Вологодской области за 1940–1945 гг. Вологда, 1946. С. 156–157.

[90] Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. 1942 год. Сб. документов и материалов. Тула, 2012. С. 184.

[91] СП СССР. 1941. № 16. Ст. 311.

[92] Постановление СНК СССР от 2 октября 1940 г. № 1860 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» (СП СССР. 1940. № 27. Ст. 637).

[93] Народное образование: Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1948. С. 32; СП РСФСР. 1944. № 3. С. 16.

[94] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3с. Д. 12а. Л. 90.

[95] Начальная школа. 1943. № 10.

[96] Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. 1942 год. Сб. документов и материалов. С. 8.

[97] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3078. Л. 4 об.

[98] Репатриация советских граждан. Сб. официальных материалов. М., 1945.

[99] ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3с. Д. 12а. Л. 91.

[100] Там же. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3563. Л. 113.

[101] Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 215.

[102] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3563. Л. 106.

[103] Великая Отечественная война1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 794.

[104] Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. 1942 год. Сб. документов и материалов. С. 8; Ростовская область за 50 лет. Сб. статей. Ростов н/Д, 1967. С. 146.

[105] Советская культура в годы Великой Отечественной войны. С. 222–223.

[106] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 795.

[107] *Сперанский А. В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Екатеринбург, 1996.

[108] *Черник С. А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 41–42.

[109] *Бадмацыренов С. С.* Октябрь и всеобуч в Бурятии (из опыта работы областной партийной организации). Улан-Удэ, 1968. С. 216.

[110] Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сб. документов и материалов. Чита, 2005. С. 125.

[111] Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. 1942 год. Сб. документов и материалов. С. 128.

[112] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3119. Л. 2.

[113] Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1841. Л. 9.

[114] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 794.

[115] История книги: Учебник для вузов. М., 1998.

[116] *Жумашев Р. М.* История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Караганда, 2003.

[117] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2832. Л. 5.

[118] Там же. Д. 10890. Л. 24 об.

[119] Там же. Л. 26 об.

[120] Советская педагогика. 1943. № 1. С. 25–26; *Хитарян М. Г.* Трудовое воспитание и политехническое обучение в советской школе накануне перехода к всеобщему среднему образованию (1937–1956 гг.). Ист.-пед. очерки. Вологда, 1974.

[121] Правда. 1942. 17 апреля.

[122] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2849. Л. 116.

[123] *Пегов П. В.* Идейно-воспитательная подготовка школьников к общественно необходимому труду в сельском хозяйстве в годы Великой Отечественной войны // Вопросы развития и воспитания личности школьника. Научные труды кафедры педагогики Саратовского пединститута. Вып. 2. Саратов, 1972. С. 241.

[124] Советская педагогика. 1942. № 8–9. С. 34.

[125] *Савельев В. М., Саввин В. П.* Указ. соч. С. 142.

[126] Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сб. документов. В 2-х т. Т. 2. М., 1957. С. 61–69, 194, 722.

[127] Центральный архив ВЛКСМ (в составе РГАСПИ). Ф. 7. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–2, 5–6, 11, 17–18, 45–48, 51–52, 58–60, 77, 81.

[128] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 17. Л. 35.

[129] Там же. Д. 164. Л. 251.

[130] Там же. Д. 19. Л. 59–61.

[131] *Павленко Г. К.* Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала — фронту. 1941–1945. Челябинск, 2004. С. 17–18.

[132] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп 1. Д. 310. Л. 158.

[133] Там же. Д. 218. Л. 6.

[134] Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 4260. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

[135] Там же. Л. 6.

[136] *Хисамутдинов Р. Р.* Создание системы Государственных трудовых резервов и ее развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале: 1940–1945 гг. Оренбург, 2002.

[137] Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 24. Л. 475.

[138] Там же. Д. 26. Л. 1215.

[139] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп 1. Д. 310. Л. 158.

[140] Там же. Д. 218. Л. 6.

[141] ГАРО. Ф. 426. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

[142] Там же. Л. 6.

[143] Там же.

[144] Там же.

[145] *Павленко Г. К.* Указ. соч. С. 19–21.

[146] Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 417. Л. 152.

[147] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 576. Л. 20; Оп. 43. Д. 2514. Л. 84.

[148] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 417. Л. 152.

[149] Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее — ЦГА УР). Ф. Р-1458. Оп. 2. Д. 65. Л. 42–47.

[150] *Якунцов И. А.* Указ. соч. С. 124; ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 35. Л. 230.

[151] *Ткачёва Г. А.* Подготовка кадров для промышленности и транспорта (1941–1945 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 4. С. 44–57.

[152] Государственные трудовые резервы. Сб. официальных документов. М., 1945; *Золотарёв Ю. Е.* Трудовые резервы Страны Советов. М., 1947.

[153] *Лукинский Ф. А.* Народное образование в Сибири (1928–1941 гг.). Историко-статистическое исследование. Новосибирск, 1982. С. 116.

[154] Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. 1942 год. Сб. документов и материалов. С. 184.

[155] Отчет о работе Ярославского городского совета депутатов трудящихся за декабрь 1939 — март 1945 г. Ярославль, 1945. С. 17.

[156] Правда. 1942. 24 марта.

[157] Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. 1938–1958 гг. Новосибирск, 1984. С. 142–143.

[158] Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО). Ф. П-126. Оп. 1. Д. 42. Л. 4.

[159] «О сохранении контингента учащихся старших классов средней школы» (от 26 февраля 1942 г.), «О вовлечении в школы всех детей школьного возраста и использовании всех зданий по назначению» (от 30 июля 1942 г.), «Об освобождении школьных зданий» (от 27 ноября 1942 г.) и другие.

[160] Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей. М., 1944. С. 12.

[161] СП СССР. 1943. № 10. С. 169.

[162] Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. 1938–1958 гг. С. 143.

[163] Справочник директора школы. М., 1954. С. 174.

[164] Там же.

[165] Сборник материалов о работе школ. Вып. 10. М., 1944. С. 12–14.

[166] СП РСФСР. 1944. № 3. Ст. 16.

[167] *Сайдакова Е. И.* Вопросы организации всеобщего обучения. М., 1953. С. 39.

[168] Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей. С. 120; Народное образование в СССР. М., 1974. С. 120.

[169] *Малышев М. П.* Организация и планирование всеобщего среднего образования. М., 1957. С. 32.

[170] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 73. Л. 242.

[171] Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 18. Д. 54. Л. 21.

[172] Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему образованию детей. С. 13–14.

[173] Народное образование в СССР. С. 177.

[174] Сборник руководящих материалов по школе. М., 1944. С. 1.

[175] Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1948. С. 52–55.

[176] Там же.

[177] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2835. Л. 7.

[178] Там же. Л. 30–32.

[179] Учительская газета. 1945. 1 января.

[180] *Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф.* Советская школа и педагогика в период наступления социализма по всему фронту и упрочения социалистического общества (1931–1941). М., 1982.

[181] *Монахов Н. Я.* Специальные артиллерийские школы // Бомбардир. 2000. № 9.

[182] Горьковское суворовское военное училище. М., 2014. С. 2.

[183] КПСС в резолюциях. Т. 6. С. 98–99, 103–104.

[184] Правда. 1943. 2–3 декабря; Суворовские военные училища за двадцать лет // Сб. статей. М., 1963.

[185] *Лопуховский Л. Н., Ковалёв В. П.* Воронежское суворовское (История ВжСВУ. 1943–1963 гг.). Воронеж, 2013. С. 30.

[186] Горьковское суворовское военное училище. С. 37.

[187] *Ноздрёв В. В.* Новочеркасское суворовское военное училище // Суворовцы и нахимовцы навсегда. М., 2013. С. 57.

[188] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 694.

[189] Советская педагогика. 1944. № 1. С. 18–21.

[190] *Владимиров С. И.* Некоторые вопросы методики изучения суворовцев // Военно-педагогический сб. Вып. 4. М., 1949. С. 67–77.

[191] *Лопуховский Л. Н., Ковалёв В. П.* Указ. соч. С. 601.

[192] Комсомольская правда. 1974. 31 октября.

[193] *Колымагин Г. Н.* Сталинградское (Чкаловское-Оренбургское) суворовское военное училище (1943–1961) // Суворовцы и нахимовцы навсегда. М., 2013. С. 99.

[194] *Кунц Н. З., Смирнов Н. И.* Минское СВУ и кадетское братство. М., 2004. С. 49.

КУЛЬТУРА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Информационно-идеологическая работа в условиях военного времени

Начало Великой Отечественной войны внесло серьезные коррективы во все сферы жизни советского общества. Остро встал вопрос о мобилизации народов СССР на защиту Отечества, координации этой работы. Чрезвычайность сложившейся ситуации вызвала необходимость активизировать пропагандистскую, разъяснительную работу как в своей стране, так и в странах антифашистской ориентации. Любую крупную войну нельзя вести без эффективного пропагандистского, политического обеспечения, вне зависимости от того, каков общественно-политический строй страны — участницы войны.

Рост антифашистских настроений в странах, воевавших с блоком фашистских государств, создавал благоприятные условия для советской внешнеполитической пропаганды. Была поставлена задача вести поиск средств и возможностей влияния на общественность этих государств для более эффективной работы по их консолидации. Решение этих задач содействовало сплочению демократических сил в мировом масштабе на борьбу с фашистской агрессией. Стало очевидным, что политическое, пропагандистское обеспечение Великой Отечественной войны могло быть эффективным только при участии в работе широких слоев общественности.

Понимая, какую огромную роль во время войны играет информация в целях сосредоточения руководства всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, а также хода военных действий, 24 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О создании и задачах Советского информационного бюро». На Совинформбюро возлагались: руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио; организация «контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды; освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного командования»[1]. Во главе этой организации был поставлен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ЦК партии А. С. Щербаков, что свидетельствует о том большом значении, которое придавалось данному направлению идеологической работы. Его заместителем стал С. А. Лозовский, одновременно являвшийся заместителем наркома иностранных дел СССР[2].

25 июня решением Политбюро ЦК партии «в целях сосредоточения руководства всей военно-политической пропаганды и контрпропаганды среди войск и населения» было создано Советское бюро военно-политической пропаганды во главе с начальником Главного управления политической пропаганды РККА армейским комиссаром 1 ранга Л. З. Мехлисом.

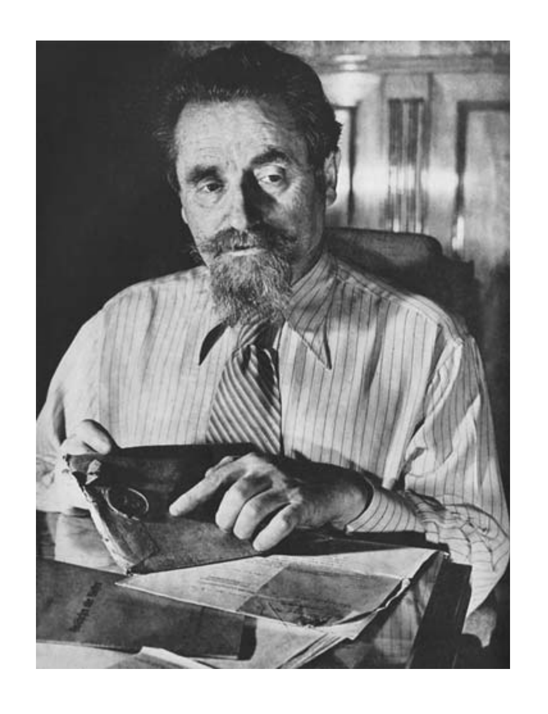
Несмотря на различие возложенных задач, Совинформбюро и Советское бюро военно-политической пропаганды были тесно связаны в работе как по задачам, которые они осуществляли, так и по составу. Ответственными работниками Совинформбюро являлись С. А. Лозовский, Н. Г. Пальгунов, а позже В. С. Кружков, из аппарата А. С. Щербакова были откомандированы несколько человек, также для работы были приглашены писатели А. Н. Афиногенов и А. А. Фадеев. В сложных условиях наладить функционирование новой организации было непросто.

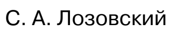
При создании Совинформбюро требовалось решить три совершенно разные по форме, хотя единые по своей направленности задачи. Составление военных сводок производилось главным образом Генштабом и потом специальной группой, которая работала в аппарате Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) по сбору дополнительных фактов и составлению сведений к основной сводке Генштаба.

Сложнее оказалось информировать общественность зарубежных стран о событиях, происходящих на советско-германском фронте, а также о работе советского тыла. У Совинформбюро не было необходимых налаженных связей, а между тем противники СССР, особенно нацистская Германия, имели мощный пропагандистский аппарат, большое количество радиостанций, прессу. Сформировали свой огромный агитационный аппарат и союзники СССР. Совинформбюро необходимо было в предельно сжатые сроки «разыскать и нащупать во всем мире связи — газеты, журналы, радиостанции, агентства и прочее, через которые можно было бы передавать информацию о Советском Союзе»[3]. Большие трудности заключались в подборе кадров. Сказывалась на работе и нехватка специалистов с хорошим знанием иностранных языков для перевода материалов из отечественных газет о борьбе с фашизмом и прочего. Приходилось мобилизовывать необходимые кадры при помощи аппарата ЦК ВКП(б), а также в ходе собеседований с теми людьми, которые могли бы эту работу выполнять.

Уже 25 июня 1941 г. А. С. Щербакову были представлены предложения по структуре и штатам Совинформбюро за подписью С. А. Лозовского. «Начиная работать, — написал он в 1942 г. в записке «О реорганизации аппарата Совинформбюро», — мы не знали, как широко наши материалы проникнут в радио и прессу капиталистических стран, и поэтому построили свой аппарат по трем группам вопросов: а) Военный отдел (военные статьи и обзоры), б) Международный отдел (политические статьи и обзоры), в) Литературный отдел (новелла, художественный очерк)»[4]. Впоследствии были созданы отдел контрпропаганды (зав. отделом Я. С. Хавинсон), отдел международной жизни (зав. отделом Г. Ф. Саксин), отдел внутренней жизни (зав. отделом А. И. Маханов), военный отдел (зав. отделом Д. А. Поликарпов), отдел печати (зав. отделом Н. Г. Пальгунов). В каждом отделе состояло по восемь человек. Самым многочисленным был секретариат, насчитывавший 23 сотрудника. Часть ответственных сотрудников (13 из 42 человек) работала по совместительству[5].

Обстановка требовала «присмотреться», каким образом решаются вопросы информации и пропаганды у союзников и противника. При этом особое внимание уделялось анализу структуры английского министерства информации и германского министерства пропаганды. Было очевидно, что соответствующие советские службы имели смутное представление о масштабах пропаганды, которую нацистская Германия вела на зарубежные страны. Под грифом «совершенно секретно» 2 июля 1941 г. пришло сообщение из Нью-Йорка о мощной немецкой пропаганде в США. Германии удалось через свои радиостанции и по другим каналам наладить в США военную и политическую пропаганду против СССР и Красной армии. Американские газеты были полны сообщений из германских источников, фотографий различных военных действий. Кроме того, отмечалось: «Сообщения передаются по несколько раз в день и производят психологическое воздействие на американское население. В то же время наши радиостанции передают военно-политические сообщения очень редко, а ТАСС почти бездействует»[6]. Начальник 1-го управления НКГБ СССР П. М. Фитин подтвердил тяжелое положение советской пропаганды и контрпропаганды. Информация НКГБ была направлена И. В. Сталину и В. М. Молотову, который переадресовал ее А. С. Щербакову. О ее содержании и выводах был уведомлен и руководитель ТАСС Я. С. Хавинсон[7].

С. А. Лозовский

А. С. Щербаков

А. Н. Афиногенов

А. А. Фадеев

Главная задача советской внешнеполитической пропаганды состояла в том, чтобы убедить общественность и правящие круги западных демократий, что неудачи Красной армии имеют временный характер. От ее успешного решения зависело многое, в частности позитивный подход Соединенных Штатов и Англии к вопросу о военных и других поставках в СССР. Очень важно было мобилизовать усилия общественности союзных нам стран. Размещение советской информации было бы возможно через иностранных корреспондентов, но при условии взаимности, то есть предоставления журналистам определенной свободы в получении информации, а также трибуны на страницах советской печати. Однако работа зарубежных журналистов в СССР была крайне затруднена.

Негативное отношение советских властей к соответствующим просьбам западных журналистов можно было объяснить только инерцией шпиономании и непониманием того, что подобная позиция наносит большой вред отношениям, в частности с таким потенциальным союзником, как США, причиняет серьезный ущерб важному для страны делу внешнеполитической пропаганды. Так, просьбу московского корреспондента американского телеграфного агентства «Юнайтед пресс» Г. Шапиро предоставлять ему наиболее интересные корреспонденции с фронта, написанные спецкорами советских газет, одновременно с тем, как эти материалы сдавались советскими газетами в печать, А. С. Щербаков удовлетворил. «В виде опыта», — гласила его резолюция в июле 1941 г.[8] Он, как и заведующий отделом печати Н. Г. Пальгунов, считал, что «нельзя превращать советских корреспондентов в придаток к аппарату иностранных агентств и газет в Москве».

7 октября 1941 г. агентство «Юнайтед пресс» обратилось к заместителю народного комиссара иностранных дел С. А. Лозовскому с просьбой дать возможность американскому журналисту Уоллесу Карроллу «видеть и описывать сцены из советской жизни... Карролл особенно добивается возможности побывать на фронте и получить интервью от руководящих советских людей, в особенности председателя СНК СССР». В телеграмме говорилось, что У. Карролл — один из самых авторитетных журналистов США. «Всё, что он ни написал, находит самое широкое распространение во всем мире через 1500 газет и более чем 500 радиостанций, обслуживаемых агентством «Юнайтед пресс»[9]. Но на эту просьбу последовал отказ, в связи с чем были упущены перспективные возможности информировать американского читателя о реальных событиях в СССР.

Эффективному ведению пропагандистской и информационной работы на зарубежные страны препятствовали и технические проблемы. В частности, ограниченные возможности трансляции по радио на зарубежные страны не способствовали распространению новостей с полей сражений Красной армии с захватчиками. При этом жесткие идейные установки порой препятствовали зарубежным корреспондентам проводить эту работу по своей линии. Дело в том что ряд посольств имел свои мощные радиосистемы и шел навстречу своим соотечественникам-журналистам, предоставляя время в эфире для передачи информации. Однако осенью 1941 г. иностранные корреспонденты были эвакуированы из Москвы в Куйбышев, где уже не имели возможности передавать информацию в свои страны.

Признавая, что в активизации борьбы с агрессором решающую роль играют широкие народные массы, руководство СССР санкционировало создание ряда новых общественных организаций, поручив им поиск путей развития связей с зарубежной общественностью. К числу таких организаций относились Всеславянский комитет, Антифашистский комитет советских женщин (АКСЖ), Антифашистский комитет советской молодежи (АКСМ), Антифашистский комитет советских ученых (АКСУ), Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). Создание антифашистских комитетов стало важным политическим решением, вызванным потребностями военного времени.

Антифашистские комитеты входили в структуру Совинформбюро. И это решение было полностью оправданным, так как Советское информационное бюро и эти комитеты хотя и разными методами, но выполняли аналогичные функции — ведение информационной и пропагандистской работы в союзных и дружественных СССР странах. Каждый из комитетов имел свое, четко очерченное направление деятельности, соответствующую группу населения стран антигитлеровской коалиции, на которую он работал.

От Советского информбюро!

Фотокорреспондент журнала «Лайф» М. Бурк-Уайт с мужем — писателем Э. Кордуэллом

Замнаркома иностранных дел С. А. Лозовский с зарубежными журналистами

В условиях войны внешнеполитическая пропаганда СССР ставила своей первоочередной задачей донести правду о событиях на восточном фронте, показать вероломство нацистской Германии, героическое сопротивление врагу, вторгшемуся на территорию Советского Союза, рассказать о том, что творят фашисты с мирным населением на завоеванной территории. Естественно, одним из главных направлений внешнеполитической пропаганды был поиск путей взаимодействия с народами славянских государств Европы: Польшей, Югославией, Чехословакией, оккупированных Германией, где разворачивалось движение Сопротивления. И наконец, важную роль играло то, что в США, Канаде, латиноамериканских странах проживало много выходцев из Польши, России, Украины, Белоруссии, Югославии, Чехословакии. Например, славянская диаспора в США насчитывала 15 млн человек. В оборонных отраслях американской промышленности были заняты миллионы славян, от труда которых во многом зависел военный потенциал Соединенных Штатов[10]. Американцы славянского происхождения особенно активно выступали в поддержку борьбы советского народа с фашистскими захватчиками.

Естественно, что с учетом всего изложенного славянский фактор играл особенно важную роль в советской внешнеполитической пропаганде, информационной работе на западные страны, где имелся значительный процент славянского населения. Работу по их сплочению, созданию славянской солидарности в 1941–1945 гг. проводил Всеславянский комитет в Москве — международная демократическая организация, образованная на платформе антифашистского единства советских и зарубежных трудящихся.

По инициативе группы славянских общественных деятелей, проживавших в СССР, которая нашла поддержку у советского правительства, было решено провести Всеславянский митинг. Его подготовкой, которая шла почти месяц, занимался член Совинформбюро писатель А. А. Фадеев. Еще в записке от 18 июля 1941 г. на имя А. С. Щербакова он внес свои предложения: «В интересах использования... литературных сил более целесообразно... вызвать в Москву наиболее крупных и политически проверенных писателей, которые могут принести нам большую пользу, выступая по радио и работая в центральной газете». Далее приводился список писателей, в том числе Андрей Упит, Петрас Цвирка, Янис Ниедре, Слободяник, Леон Пастернак, Ванда Василевская, Павло Тычина, А. Довженко (кинорежиссер), которые «были бы полезны в Москве»[11]. А. А. Фадеев оказался прав: часть этих людей была задействована как в проведении Всеславянского митинга, так и в дальнейшей работе Совинформбюро в качестве авторов.

7 августа 1941 г. в ЦК ВКП(б) на имя А. С. Щербакова от А. А. Фадеева поступил согласованный с С. А. Лозовским список писателей и деятелей славянских стран, намеченных для выступления на радиомитинге. За каждой фамилией кроме рекомендации представителей советской общественности была краткая биографическая справка. Записка заканчивалась словами: «Прошу, если можно, утвердить этот список сегодня, чтобы мы могли готовить их к выступлению»[12]. Из этого списка осталось 13 человек, и дополнительно был рекомендован сербский профессор Божидар Масларич. Каждый выступавший был проинструктирован в ЦК, и все речи читались С. А. Лозовским и начальником Управления пропаганды и агитации ЦК партии Г. Ф. Александровым, а затем А. С. Щербаковым. При подготовке митинга речи читал и правил также А. А. Фадеев, как отвечавший за его подготовку.

Открывая митинг, писатель А. Н. Толстой подчеркнул необходимость объединения славянских народов для борьбы с гитлеризмом, поскольку свободу не приносят на золотом блюде, а берут с оружием в руках. «И те, кто думают как-нибудь пережить это время, стать смирными и незаметными, жестоко ошибаются. Смиренных, как жучков, поджавших лапки, раздавит фашистский сапог... Славяне! Мы объединимся для борьбы и победы»[13]. Выступившие потом представители славянских народов не только поддержали идею единства славян, но и приняли обращение с призывом к славянским народам об объединении для скорейшего разгрома «гитлеровских армий и уничтожения гитлеризма».

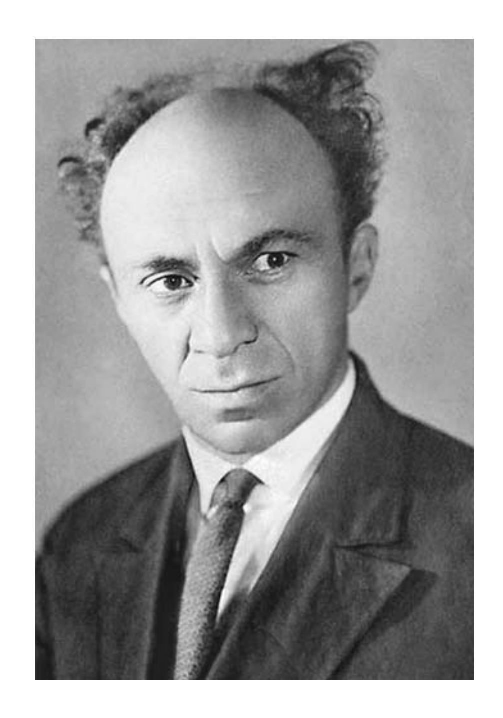
Движение славянской солидарности провозглашалось открытым для всех патриотически настроенных лиц, независимо от социальной принадлежности, философских и политических взглядов, религиозных убеждений. Московское радио передавало это обращение на многих языках и не только на славянских. Призыв участников Всеславянского митинга нашел широкий отклик и в славянских, и в других странах, в частности в США. Центральная печать СССР полностью опубликовала обращение и текст речей участников. Материалы митинга были изданы отдельной брошюрой на английском языке Издательством литературы на иностранных языках и отпечатаны в США тиражом 25 тыс. экземпляров на английском и русском языках[14]. Обширные отчеты о митинге появились в периодической прессе, выходившей в Москве на славянских языках, а также в антифашистских изданиях в США и Англии на английском и славянских языках. Материалы митинга всеми доступными путями были отправлены в славянские страны[15].

5 октября 1941 г. на учредительном собрании инициативной группы славянских деятелей — участников Всеславянского митинга и других представителей общественности заместитель начальника Совинформбюро С. А. Лозовский «информировал о предложении участников митинга... создать из их состава общественную организацию под наименованием Всеславянский комитет, которой со стороны Совинформбюро будет оказана организационная и техническая помощь»[16]. В комитет вошли лица, рекомендованные А. А. Фадеевым, и те, кто был ораторами на радиомитинге: председатель — генерал-лейтенант инженерных войск А. С. Гундоров, вице-председатели — польский генерал Мариан Янушайтис, украинский писатель Александр Корнейчук, чешский ученый, профессор Зденек Неедлы, сербский профессор Божидар Масларич, болгарский общественный деятель доктор А. Стоянов. Секретарем комитета стал А. И. Лаврентьев (заместитель ответственного руководителя ТАСС)[17].

В январе 1942 г. работники Совинформбюро отмечали, что при формировании Всеславянского комитета были выбраны «неудачные кандидатуры председателя и секретаря комитета, их имена мало известны за границей, по характеру своей работы они не могут уделять большое количество времени в работе славянского комитета. Кроме того, они не знакомы со славянскими организациями в США и с движением славян в оккупированных странах. Между тем чрезвычайно важно всемерно развернуть работу этого Комитета, значение которого с каждым днем возрастает»[18].

Не только Всеславянскому комитету, но и другим антифашистским комитетам не сразу удалось развернуть свою деятельность, так как обстановка на фронте осенью 1941 г. заставила иностранных членов комитета эвакуироваться из Москвы, а советских — уйти в действующую армию. До весны 1942 г. работу по Всеславянскому комитету вел международный отдел Совинформбюро. В первую очередь это была переписка с оргкомитетом Всеславянского конгресса в Питсбурге (США), намеченного на весну 1942 г. Было написано обращение от Всеславянского комитета к славянам Западного полушария и подготовлены выступления членов комитета З. Неедлы, Б. Масларича, И. Регента и Р. Стийенского, которые планировалось транслировать по радио. От комитета была также направлена в газету «Дженник Людовый» статья Бронеславского «О польской армии в СССР». Желавших принять участие в работе комитета было так много, что пришлось создать национальные секции, в которые вошли как советские, так и иностранные общественные деятели. Ответной реакцией на деятельность Всеславянского комитета стало усилившееся движение в поддержку боровшихся против фашистских захватчиков соотечественников в кругах славянской эмиграции. Всеславянский комитет расширял связи с партизанским движением на оккупированной территории СССР и в славянских странах, оказывал помощь в формировании славянских частей и соединений на советской территории и вел пропагандистскую работу в их рядах.

Вторая мировая война имела характерную особенность — никогда ранее расизм не находил столь резкого, циничного, всеобъемлющего проявления, как в годы этой войны. Особую ненависть гитлеровцы проявляли к евреям как в Германии, так и в оккупированных странах, государствах-сателлитах — Венгрии, Румынии и других. В ответ на зверства фашистов еврейские диаспоры во всех странах мира поднимались на борьбу с фашизмом. Это движение было

С. М. Михоэлс

характерно в первую очередь для США, поскольку еврейская диаспора там всегда была очень многочисленна и влиятельна, ибо играла и играет важную роль в сфере бизнеса, особенно в финансах, в средствах массовой информации, имеет мощное лобби в законодательных и исполнительных органах власти.

Советской пропаганде, учитывая важность еврейского вопроса во Второй мировой войне, необходимо было мобилизовать еврейское общественное мнение на борьбу с германским фашизмом, противодействовать фашистской пропаганде, всемерно расширять и укреплять связи между еврейскими диаспорами СССР и других стран — участниц антигитлеровской коалиции, в первую очередь США. Устанавливать контакты с еврейским населением США было трудно в первую очередь из-за еврейской интеллигенции и деловых кругов Соединенных Штатов, поскольку эта часть диаспоры в Америке всегда отличалась консерватизмом, антикоммунизмом и антисоветизмом.

16 августа на имя С. А. Лозовского поступило письмо от группы еврейской интеллигенции с предложением «организовать еврейский митинг, адресованный евреям США, Великобритании, а также евреям других стран. Цель митинга — мобилизация общественного мнения евреев всего мира на борьбу с фашизмом и на активную помощь Советскому Союзу в его великой отечественной, освободительной войне». Письмо это подписали С. М. Михоэлс, Д. Р. Бергельсон, Л. М. Квитко, П. Д. Маркиш, В. Л. Зускин, С. З. Галкин, Ш. Эпштейн и И. И. Нусинов[19]. Организаторы намечали и программу митинга. Поддерживая инициативу, осторожный С. А. Лозовский написал А. С. Щербакову: «Если вопрос будет принципиально решен, то можно будет внести некоторые коррективы в список ораторов»[20]. Механизм подготовки был тот же, что и в ходе Всеславянского митинга. Список ораторов подкорректировали: из запланированных 16 человек утвердили 11, несколько изменив состав[21].

24 августа 1941 г. в Москве состоялся первый антифашистский радиомитинг представителей еврейского народа. Выступая на нем, народный артист СССР профессор С. М. Михоэлс охарактеризовал сущность фашизма, его стремление к полному уничтожению еврейского народа и призывал всех, кто его слышит, помнить, что в Советском Союзе «на полях сражения решается

и ваша судьба, и ваших стран». Призывал не убаюкивать себя тем, что А. Гитлер «собирается вас пощадить». И при этом высказывал убеждение, что братья-евреи Англии, США и всей Америки будут «находиться в числе первых, которые способствуют быстрейшей реализации... помощи» странам, воюющим с германским фашизмом[22]. Митинг получил широкий отклик во всех странах Америки, в Англии. Информация о нем была опубликована во многих зарубежных газетах самой различной политической ориентации. Стенограмма митинга была издана в США тиражом в 100 тыс. экземпляров (50 тыс. на английском и 50 тыс. на еврейском языке).

После митинга оформление Еврейского антифашистского комитета как организации состоялось не сразу. Участники митинга оказались разбросаны по разным городам СССР. Небольшой актив в лице И. М. Добрушина, Д. Р. Бергельсона и Л. М. Квитко продолжал вести работу. Были посланы приветствия от имени комитета и индивидуально от председателя комитета С. М. Михоэлса еврейским писателям и художникам в Нью-Йорк, оглашенные там на многотысячном митинге. В крупные еврейские организации США были отосланы новогодние поздравления. Конечно, связи с зарубежной общественностью были еще очень слабые. Параллельно с этим готовились статьи для зарубежной еврейской прессы, а также брошюра о зверствах немцев и об участии евреев в Великой Отечественной войне[23]. Начало деятельности ЕАК относится к февралю — апрелю 1942 г. В состав комитета вошли 63 известных деятеля науки и искусства страны. Председателем ЕАК стал широко известный в нашей стране и за рубежом народный артист СССР С. М. Михоэлс. Комитет имел свой печатный орган — газету «Эйникайт», которая начала издаваться 7 июня 1942 г.

Заместитель начальника Совинформбюро С. А. Лозовский на одной из пресс-конференций в Куйбышеве, отвечая на вопрос иностранного журналиста, констатировал: «Гитлер поставил своей задачей уничтожить еврейский народ и проводит это в жизнь в оккупированных странах и районах, истребляя поголовно еврейское население. Неудивительно, что евреи создали Антифашистский комитет для того, чтобы помочь Советскому Союзу, Англии и США положить конец кровавому безумию Гитлера и других фашистских обезьян, возомнивших себя высшей расой»[24].

Уже на первый призыв советских евреев к евреям всего мира в августе 1941 г. в США развернулась кампания по сбору средств в помощь Красной армии и гражданскому населению СССР, а в Нью-Йорке был создан Американский комитет еврейских писателей, артистов и ученых. Его возглавил известный еврейский публицист и общественный деятель доктор Х. О. Житловский. Почетным председателем был избран Альберт Эйнштейн. Комитет развернул активную деятельность по сбору средств в помощь Красной армии и гражданскому населению СССР, боролся с антисоветскими выступлениями в США. Ряд митингов, проведенных комитетом, получил в Соединенных Штатах большой резонанс.

21 августа 1941 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова и заместителя начальника Совинформбюро С. А. Лозовского поступила записка от Я. С. Хавинсона с предложением: «Было бы целесообразно провести большую международную кампанию «Женщины всего мира — на борьбу с германским фашизмом». Задачей этой кампании является активизировать борьбу широких женских масс за рубежом против гитлеризма, установить и укрепить наши связи с зарубежными женскими организациями США, Англии и других стран. При этом прилагается план проведения кампании, включающий публикации соответствующих статей, проведение радиопередач, организацию женского митинга в Москве, транслируемого по радио, и ряд других мероприятий»[25]. Впоследствии то, что предлагалось автором записки, стало практически содержанием деятельности Антифашистского комитета советских женщин.

А. С. Щербаков идею одобрил. Далее все шло вначале от инициативной группы, а затем от АКСЖ. Намечая план работы, Я. С. Хавинсон в третьем пункте высказал мнение о целесообразности указать, что «инициатива созыва митинга исходит от группы следующих лиц: К. Николаева, В. Гризодубова, М. Раскова, А. Тарасова, А. Караваева от УССР, от БССР А. Панкратова, В. Мухина, Долорес Ибаррури, Анна Паукер». В дальнейшем состав значительно расширился и, естественно, изменился. Первым председателем АКСЖ стала Валентина Гризодубова, первым ответственным секретарем — Татьяна Зуева[26].

В. С. Гризодубова

М. М. Раскова

Д. Ибаррури

В. И. Мухина

От имени инициативной группы женщин СССР советским послам в США, Великобритании и Швеции было направлено обращение, которое составили члены этой группы с предложением «вручить его известным общественным деятельницам и женским организациям», а также «связать их с инициативной группой женщин СССР». Кроме того, было высказано пожелание «получить их отклики на это обращение к митингу в Москве». Митинг, намечавшийся на 7 сентября, должен был стать «началом международной кампании активного участия женщин в борьбе с фашизмом, и поэтому необходимо, чтобы вы (послы. — *Прим. ред.*) обратили на это дело серьезное внимание»[27].

Первый антифашистский митинг советских женщин был проведен под лозунгом создания единого фронта борьбы женщин всего мира против фашистской угрозы. В своих отчетах руководство этого комитета считало, что АКСЖ начал свою деятельность уже со времени проведения этого первого митинга[28]. Однако согласиться с этим трудно, поскольку, как свидетельствуют документы, все антифашистские комитеты в СССР оформились весной 1942 г., одни раньше (Всеславянский комитет, ЕАК), другие позже (АКСУ). Проведение митингов было «на плечах» членов Совинформбюро, о чем шла речь выше. После митингов шла ответная волна откликов из-за рубежа, определялись при этом заинтересованные организации, появлялись адреса для передачи новых материалов. А внутри страны после митингов шел подбор составов комитетов, вырабатывались программы действий, подбирался актив и прочее. Чтобы не терять намеченных контактов для будущих комитетов, большую работу выполнял отдел международной жизни Совинформбюро. Он помог подготовить и организовать выступления по радио Д. Ибаррури, А. Паукер, С. Благоевой. Связи с заграницей, с женскими организациями в этот период были еще эпизодическими и далеко недостаточными.

Во всякой войне молодежь составляет основу вооруженных сил. Именно ей приходится платить особенно высокую цену за все издержки войны. И естественно, что в годы наиболее страшной войны в истории человечества молодежь стран антигитлеровской коалиции стремилась сплотить свои ряды в общей борьбе с блоком фашистских государств. Так, в г. Филадельфии 6–9 июля 1941 г. состоялся американский конгресс молодежи. 9 июля делегаты от имени молодежи Америки приняли воззвание к молодому поколению всего мира, в котором выражалась вера в то, что общие «дружные усилия обеспечат новое светлое будущее». Обращаясь к молодежи Великобритании и Советского Союза, делегаты конгресса призывали: «Будьте мужественны! Мы заявляем вам, что наши сердца и мысли, наши надежды и желания — с вами!.. Народ непобедим»[29]. Публикация письма не разрешалась[30].

Одной из важных задач советской внешнеполитической пропаганды являлось создание максимально благоприятных условий для укрепления международных связей советской молодежи. Одновременно, с учетом специфики общественно-политического строя СССР и советских традиций, большое внимание уделялось тому, чтобы, развивая такие связи, не допустить воздействия на молодое поколение Советского Союза чуждой идеологии. Впрочем, это было характерно для развития международных связей всех пяти советских антифашистских комитетов.

18 сентября 1941 г. А. С. Щербаков получил от Н. А. Михайлова записку, в которой ЦК ВЛКСМ просил «разрешить провести 5 октября в 6 час. вечера в Колонном зале антифашистский митинг молодежи. На митинг пригласить представителей героических защитников Ленинграда и Киева и представителей зарубежной молодежи, находящихся в Москве». Был приложен список из 16 человек как инициативной группы с перечислением состава 17 выступающих. Бумага заканчивалась предложением: «О созыве митинга известить через полпредов Англии, Америки, Швеции антифашистские молодежные организации и отдельных лиц»[31]. Ознакомившись с этой запиской, А. С. Щербаков 21 сентября пригласил к себе Н. А. Михайлова для обсуждения подготовки митинга. В ходе подготовки митинга текст «Обращения к молодежи всего мира» правили в соответствии с требованиями ЦК ВКП(б) в лице Управления пропаганды и агитации ЦК партии «сказать кратко, но сильно и конкретно о задачах и роли советской молодежи в войне против гитлеризма»[32].

ЦК ВЛКСМ, входя в ЦК ВКП(б) с предложением о проведении антифашистского митинга молодежи, еще не знало, как быть дальше в организационном плане, в связи с этим была выдвинута инициатива: «Для постоянной связи с самыми различными слоями, группами и организациями зарубежной и антифашистской молодежи предлагаем создать «Бюро связи советской молодежи с антифашистской молодежью мира». В такое бюро может быть преобразована инициативная группа по созыву митинга с введением в нее нескольких новых представителей советской молодежи. Бюро должно существовать как самостоятельное»[33]. Это предложение в дальнейшем получило организационное оформление в Антифашистский комитет советской молодежи.

Рабочий аппарат планировалось создать из четырех человек. Должны были работать секции: спортивная, студенческая, искусства, ремесленные училища. Но война изменила эти планы и расставила всё по своим местам. Никаких секций не было, да и рабочий аппарат был создан в конце апреля 1942 г. и всего из трех человек: ответственного секретаря, литературного сотрудника и технического секретаря[34]. Этот комитет не был самостоятельным в проведении, точнее в выработке своих планов[35]. Похожая ситуация наблюдалась и по другим комитетам. Исключение представлял Всеславянский комитет, где была несколько другая структура, и кроме председателя в состав входили пять вице-председателей, ответственный секретарь и шесть секций[36]. В апреле 1944 г. ЕАК также учредил постоянный президиум из 15 человек, куда вошли председатель и секретарь[37].

Обращение к молодежи мира, озвученное на радиомитинге в 1941 г., напечатали миллионами экземпляров и в виде листовок разбрасывали с самолетов над советской территорией, временно оккупированной захватчиками. В США стенограмму митинга отпечатали тиражом 25 тыс. и распространили в молодежных организациях[38]. Уже через несколько дней этот документ тайно распространялся в городах и селах Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии. В адрес АКСМ из различных уголков земного шара поступило более 500 писем и телеграмм[39].

Под влиянием митинга советской молодежи во многих странах, в том числе и в оккупированных Германией, были проведены подобные акции[40]. В Англии, США, Мексике, Аргентине, Уругвае, Колумбии, на Кубе, в Индии и других странах прошли митинги, демонстрации, конференции и другие встречи. Они были проведены в поддержку советской молодежи и способствовали расширению ее связей, сплочению прогрессивных сил. «Боевой призыв, прозвучавший в Москве, — отмечал Е. К. Фёдоров, — был услышан и подхвачен во всех странах»[41].

В тревожное время 1941 г. на антифашистских митингах и собраниях советских ученых, которые проходили в Москве и столицах союзных республик, звучали горячие призывы к единству действий ученых в борьбе с фашизмом. Эти призывы нашли отклик среди ученых США, Англии, Канады. Уже в начале войны установились первые связи ученых Советского Союза и Соединенных Штатов, направленные на создание единого антифашистского фронта.

В начале октября на имя А. С. Щербакова поступило предложение от С. А. Лозовского провести антифашистский митинг «советских ученых, которые связаны с учеными Англии, Соединенных Штатов и других стран, и выступления наших ученых и известных научных работников помимо русского на английском и французском языках»[42].

Первый антифашистский митинг советских ученых был и последним в Москве из широко транслировавшихся по радио. Он прошел перед массовой эвакуацией, 14 октября 1941 г. В обращении «К ученым всего мира», принятом на этом митинге, звучала не только уверенность в окончательной победе над фашизмом, но и призыв ко всем деятелям науки и культуры «активно включиться в борьбу и помочь окончательно сорвать план Гитлера — порабощать народы поодиночке». В своем обращении ученые СССР подчеркивали, что в ходе сражений, на полях войны решается не только вопрос о свободе и жизни народов, но и «победит ли наука варварство, победит ли мировой прогресс гитлеровскую реакцию»[43]. Этот призыв получил широкую поддержку среди деятелей науки и культуры всего мира.

Эвакуация в Куйбышев Совинформбюро и зарубежных корреспондентов привела к созданию своеобразного информационного вакуума, породила массу проблем для журналистов. Из Куйбышева поступал поток писем на имя начальника Совинформбюро А. С. Щербакова, остававшегося в Москве, с просьбами более оперативно и подробно информировать о событиях. Отдел международной жизни Совинформбюро предпринимал различные меры, но интерес к событиям под Москвой, к разгрому немцев, стоявших на пороге столицы СССР, был настолько велик, что подготовленные и переданные с 10 ноября по 10 декабря 1941 г. на 13 стран 56 политических обзоров не успевали освещать события.

Журналистский корпус СССР понимал, что этой информации недостаточно. В записке от 4 ноября 1941 г. на имя С. А. Лозовского журналист Е. П. Петров, работавший военкором Совинформбюро на московском направлении, остро поставил вопрос о более полной информированности иностранной прессы хотя бы через корреспондентов, аккредитованных в стране. «Если они, — писал Е. П. Петров, — не будут получать свежих новостей и не будут иметь личных наблюдений, они разъедутся и станут писать о нас гадости. Между тем почти все они симпатизируют войне, которую мы ведем, и хотели бы нам помочь. Это особенно важно в Америке, где нашей пропагандистской слабостью усиленно пользуются немцы. Очень прошу Вас сдвинуть дело с мертвой точки. Каждый день промедления в разрешении проблемы обслуживания инкоров, по моему глубокому убеждению, приносит вред нашему государству»[44]. Очевидно, это письмо не осталось без внимания. И вскоре, с 10 декабря 1941 по 10 января 1942 г., было подготовлено и передано на 17 стран 118 обзоров, то есть почти вдвое больше, чем месяцем раньше[45]. В свою очередь, антифашистские комитеты в указанное время передали для печати только четыре статьи и 55 новогодних приветствий организациям и отдельным лицам.

Первый этап работы Совинформбюро условно делится на два периода: с 25 июня по 15 октября — в Москве, с 25 октября по 25 января 1942 г. — в Куйбышеве. Общие проблемы для отделов заключались в том, что они не были укомплектованы. Существовала текучесть кадров не только внутри отделов, но и на уровне их заведующих (особенно выделялся литературный отдел). А главное, с переездом Совинформбюро лишился целостности, раздвоился, что усложнило оперативное решение текущих вопросов. Особо сложно складывалась обстановка для военного отдела Совинформбюро, поскольку он не обладал собственными каналами для добывания сведений, а лишь собирал факты для сообщений Информбюро на основе официальной информации, при этом окончательная обработка и отбор этих фактов производились отделом печати. Работа Информбюро должна была быть направлена на помощь печати, являющейся основным орудием информации. Между тем благодаря существовавшему порядку отбора фактов в сообщения Информбюро военный отдел не только не помогал газетам, но, наоборот, изымал у них наиболее ценный материал. При этом газеты не имели права публиковать отобранные корреспонденции до появления соответствующего факта в сообщении Информбюро[46].

По предложению редактора военного отдела Е. А. Болтина обсуждался вопрос «об объединении вокруг отдела группы квалифицированных военных авторов «для помощи советской печати и особенно для снабжения иностранной прессы и радио высококачественным военным материалом»[47]. Мешало работе отсутствие учета публикуемых фактов, который исключал бы возможность повторений и всякого рода недоразумений. Из-за этого имели место случаи, когда информационные коммюнике публиковали факты, уже освещенные печатью. Так, в утреннем сообщении от 12 июля 1941 г. говорилось о боевых действиях авиационной части полковника Галунова, повторяя факты, опубликованные накануне в газете «Красная звезда», и в тот же день в вечернем сообщении был рассказ двух немецких перебежчиков, опубликованный в «Вечерней Москве»[48].

Руководству Совинформбюро приходилось и решать другие проблемы. Так, М. И. Бурский (литературный отдел), проработав два месяца в Совинформбюро, посчитал «своим партийным долгом обратить... внимание (А. С. Щербакова. — *Прим. ред.*) на нетерпимое далее положение с нашей пропагандой за границей». И в своей записке от 4 сентября 1941 г. начальнику Сов-

информбюро А. С. Щербакову М. И. Бурский предложил «три практических мероприятия»: во-первых, привлечь для систематической работы на заграничную прессу несколько сотен представителей науки и культуры; во-вторых, «ввести систему лекционных турне по Америке. Нужно планомерно посылать в Америку выдающихся и импонирующих американцам советских деятелей науки и искусства»; в-третьих, «командировать на длительную работу в Америку группу литераторов — человек пять — энергичных и инициативных людей»[49].

Основной задачей работы отдела контрпропаганды являлись организация пропаганды на заграницу через радио, печать, фото, кино и прочее, а также активное разоблачение лживости вражеской пропаганды как по радио, так и в печати. С начала июля 1941 г. отделом контрпропаганды совместно со Всесоюзным радиокомитетом (ВРК) была организована новая для СССР форма работы по радио — регулярная передача политических обзоров. Они транслировались сначала на СССР, а затем и на все зарубежные страны. Опыт передачи обзоров показал, что эта форма пропаганды по радио была наиболее доходчива и интересна.

Однако обзоры имели ряд недостатков: они носили общий повествовательный характер, не были рассчитаны на определенную страну, не учитывали национальных особенностей аудитории и почти не затрагивали вопросы текущей международной жизни, интересующие слушателей той или иной страны. Поэтому с середины августа на каждую страну отдельно начали передаваться специальные обзоры (1—2 раза в неделю), освещавшие события и комментировавшие их специально для слушателей данной страны. Было передано из Москвы 166 обзоров[50]. Тематика политобзоров определялась ходом военных действий на фронтах отечественной войны, текущими международными событиями и важнейшими партийными и советскими документами (речи И. В. Сталина, специальные сообщения Информбюро, ноты НКИД, международные договоры и соглашения). С. А. Лозовский дважды созывал совещания радиокомментаторов (авторов обзоров) вместе с руководящими работниками радиокомитета. Наиболее удачные обзоры получали отклики в заграничных радиопередачах.

В Куйбышеве передача радиообзоров возобновилась на более широкой основе, но уже в системе международного отдела Информбюро. Отдел контрпропаганды Информбюро осуществлял контроль и руководство посылкой печатных материалов, фотографий, окон ТАСС, книг и прочего. За период с начала июля по 15 октября 1941 г. для бюллетеней посольств в Англию и США и эпизодически в Китай и Швецию всего было послано 400 статей[51].

После переезда Информбюро в Куйбышев существенно изменились условия работы отдела международной жизни, что было обусловлено децентрализацией редакций большинства газет и переездом их в различные города. Значительно сократилось количество газетных и журнальных материалов, поступающих для визирования в международный отдел Информбюро. После реорганизации и слияния 10 ноября отделов международного и контрпропаганды новому отделу была поставлена задача — на основе опыта работы в Москве, развернуть контрпропаганду по радио на заграницу из Куйбышева. Среднемесячное количество обзоров, передаваемых из Куйбышева, увеличилось до 120—130, а ранее из Москвы передавалось только 80 обзоров. Возросло число стран, на которые велись передачи. Из Куйбышева была впервые налажена передача политобзоров на Польшу, Югославию, Францию, Литву, Латвию, Эстонию и Швецию, чего не было в Москве. Не удалось организовать передачи на страны Южной Америки, Грецию и Китай, а трансляции на Турцию и Иран оказались единичными, так как соответствующие редакции инорадио с января 1942 г. уехали в Москву вместе с аппаратом переводчиков.

С начала января 1942 г. отдел международной жизни приступил к регулярной передаче статей и очерков для Британской радиовещательной корпорации (ВВС) в целях их трансляции в эфир для немецких солдат на восточном фронте, а также на Францию. ВВС располагала мощными передатчиками в Европе, Азии, Австралии, Африке и Америке и обширной радиосетью и передавала материалы почти на все страны мира. Использование этого канала для СССР было исключительно важно. За период с 9 по 25 января было передано для ВВС 38 материалов: военно-политических обзоров, литературных очерков, писем немецких солдат домой и другой информации пропагандистского характера[52].

Каждый из отделов вел свое направление, однако их объединяло общее желание: вести пропаганду и информацию на высоком уровне. Из-за этого случались и недоразумения, обиды за резкое слово или критику. Но всё забывалось, когда достигалась цель. Были у отделов в работе свои особенности, в первую очередь это касалось литгруппы. Дело в том что ее работа во многом была связана как с иностранными корреспондентами, аккредитованными в СССР, так и с зарубежными читателями.

Работа литературной группы Совинформбюро велась по следующим направлениям:

1. Снабжение иностранной прессы (в первую очередь англо-американской) советским литературным материалом (статьями, очерками, фельетонами, военными обзорами и прочим).

2. Систематическое корреспондентское обслуживание крупнейших американских пресс-агентств материалами советских писателей как специальных корреспондентов.

3. «Продвижение» в западную печать отечественных материалов через иностранных корреспондентов — инспирирование их работы, пресс-сервис, организация встреч инкоров с представителями советских учреждений и предприятий и тому подобная работа по использованию деятельности иностранных корреспондентов в целях нашей пропаганды и контрпропаганды.

4. Широкое ознакомление иностранного общественного мнения с достижениями советской науки и техники, искусства и литературы, продвижение соответствующих материалов, организованных литгруппой, в общие и специальные иностранные журналы и научные органы.

5. Использование в целях советской пропаганды западного кино и театра, продвижение литературных материалов советской тематики в заграничные театр и кинопромышленность, посылка за границу пьес.

6. Снабжение иностранных радиовещательных станций советскими литературными материалами для расширения просоветской тематики их радиотрансляций.

Из различных направлений работы в эти месяцы наибольшее развитие получило обслуживание заграничной прессы советским литературным материалом, что было чрезвычайно важно. Направлялись материалы непосредственно в посольства, а затем в соответствующие газету, журнал, радиокорпорацию. Тематика передававшихся материалов при всем их разнообразии определялась вопросами, наиболее важными в данный период. Большое количество корреспонденций (около 60%) было посвящено нашим ресурсам, работе эвакуированных предприятий, готовности Советского Союза бороться до конца и прочему. Особенный интерес западный читатель проявлял к военным резервам и ресурсам СССР. Работники Совинформбюро в этот период отдавали громадное количество энергии, времени и внимания обслуживанию инкоров, понимая, что одна статья инкора, которому верил читатель, иногда была ценнее десятка статей «чужих» журналистов. С этой целью во время пребывания Совинформбюро в Куйбышеве для инкоров были организованы выезды на ряд объектов — в авиаполк, некоторые колхозы, военно-десантное училище, военный госпиталь, на завод «Шарикоподшипник», а также проводились беседы и встречи с представителями Красной армии, композитором Д. Д. Шостаковичем и другими.

К концу января 1942 г. руководство Совинформбюро все острее понимало, что дальнейшее размещение аппарата Совинформбюро в Куйбышеве теряет смысл, так как все центральные учреждения находились в Москве. Сводки составлялись также в Москве. Отмечая, что «при таких условиях все труднее и труднее становится снабжать из Куйбышева иностранные газеты, журналы, радиостанции и наши посольства полезными для нас материалами», С. А. Лозовский в письме на имя В. М. Молотова в НКИД СССР и секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова высказал предложение «перевести аппарат Советского информационного бюро в Москву»[53]. 3 марта 1942 г. Совинформбюро возвратилось в Москву. Наступило время более активной и эффективной работы этой организации.

После победы под Сталинградом и Курском становилась очевидной способность СССР собственными силами разгромить нацистскую Германию. Политические круги в Лондоне и Вашингтоне стали также понимать, что их «стратегия истощения» СССР себя не оправдала.

Все крупные события Великой Отечественной войны оказывали воздействие на пропагандистскую деятельность Совинформбюро и антифашистских комитетов СССР. Проблема открытия второго фронта была исключительно актуальна на протяжении двух с половиной лет, начиная со вступления США в войну (7 декабря 1941 г.) и до высадки союзников в Нормандии (6 июня 1944 г.). И естественно, этот вопрос был в центре внимания советской пропаганды. В странах антигитлеровской коалиции за открытие второго фронта выступали многие политические, военные руководители, широкие круги общественности.

Самую твердую позицию занимали в этом вопросе профсоюзы. Это было характерно в равной степени для США, Канады, Англии, Латинской Америки. Особое значение имела позиция рабочего класса, профсоюзов США, принимая во внимание, что Соединенные Штаты являлись «арсеналом демократии», поставляли странам антигитлеровской коалиции большое количество военной техники, снаряжения, продовольствия, обмундирования — всего, что было необходимо для ведения войны. А создателем всего этого не только в Америке, но и в других индустриально развитых государствах являлся в первую очередь рабочий класс. И в годы войны, когда спрос на эти ценности резко увеличился, роль рабочего класса в жизни общества еще более возросла.

Процент организованных рабочих, членов профсоюзов в США был невелик по сравнению с другими индустриально развитыми капиталистическими государствами. Однако 12 млн членов профсоюзов США являлись мощной силой в рабочем движении страны. Они были хорошо организованы и сплочены, имели богатые профсоюзные фонды, что позволяло им активно участвовать в общественной и политической жизни, развитии международных связей. Профсоюзы США придерживались различной политической ориентации, что находило свое отражение и в их отношении к Советскому Союзу, различным аспектам советско-американского сотрудничества.

Службы Совинформбюро всемерно стремились к развитию связей с профсоюзами США, но поток его материалов обходил стороной американские профсоюзы, несмотря на то что их пресса и миллионы читателей «профсоюзных газет, причем рабочих читателей, интересовал вопрос, что делают советские профсоюзы»[54]. Начиная с 1943 г. Совинформбюро стало посылать материалы в «СИО ньюс» — «Новости конгресса производственных профсоюзов» и в три агентства профсоюзной печати: «Эллайд лейбор ньюс», «Федерейтед пресс» и «Тредюнион сервис». Первое из них было связано с 26 профсоюзными журналами, второе снабжало материалами около 100 газет и журналов, третье — около 15–16. Установление этих связей стало настоящим прорывом к широким массам организованных рабочих США.

В Совинформбюро внимательно следили за публикациями советских авторов в американской прессе. В США в 1943–1944 гг. большой успех имели фронтовые очерки К. А. Федина, М. А. Шолохова, Л. М. Леонова. Очень многие агентства специально просили прислать им статьи и очерки наиболее известных писателей и журналистов. Среди них был М. А. Шолохов, статьи которого пользовались огромной популярностью за рубежом, но руководство Совинформбюро считало, что писателя не надо беспокоить по пустякам, отвлекать на решение текущих проблем. На одном из совещаний в июле 1943 г. А. С. Щербаков объяснял это тем, что М. А. Шолохов «сидит, думает-думает, а потом и «ахнет» такую вещь, как «Наука ненависти»[55].

Несмотря на многие ошибки и недоработки, в целом советская пропагандистская работа на зарубежные страны, направленная на популяризацию там героической борьбы армии и военных усилий народов СССР, достигла определенных результатов. Начиная с 1943 г. С. А. Лозовский неоднократно подчеркивал значение деятельности Совинформбюро, делая акцент на том, что оно превратилось «в довольно большое предприятие. Причем если по количеству служащих наше предприятие отстает от министерства пропаганды, скажем Германии, Англии и т. д., то по продукции и по влиянию за рубежом мы можем, во всяком случае, поспорить со всеми этими организациями, причем воздействие Совинформбюро... зависит прежде всего от положения на фронте... и от силы ударов нашей Красной Армии»[56].

Вопрос о публикации того или иного материала отнюдь не всегда решался с учетом его качества. Зарубежные страны нередко делали специальные заказы, мягко выражаясь,

необычного содержания. Так, из Канады настойчиво просили «не присылать никаких статей, а только о том, как Канада спасает Советский Союз». Совинформбюро посылало всё, что считало необходимым. По полученным из Оттавы данным, с апреля по декабрь 1943 г. по телеграфу было направлено 285 статей, из них в канадской прессе опубликовали только 106, или 37%[57].

В написании статей различной тематики для зарубежной прессы была своя особенность. О том же открытии второго фронта, бесспорно, надо было писать с учетом специфики американской аудитории, имея в виду, что американцы сражались против отмобилизованных, подготовленных к агрессии вооруженных сил Японии. Нельзя было игнорировать и убежденность многих граждан США, что Советский Союз должен объявить войну Японии. В советской пропагандистской работе это явно не учитывалось, что снижало ее политический эффект. Но нельзя забывать, что определенную роль играла и внутренняя ситуация в США. В Совинформбюро отмечали, что «многие американские журналы и агентства воздерживаются от ответов на наши запросы, боясь репрессий»[58]. Для деятелей Соединенных Штатов страх перед коммунизмом перевешивал страх перед фашизмом, и эта тенденция набирала силу по мере того, как становились все более очевидными военные успехи Красной армии.

Иначе обстояла пропагандистская работа на Англию, которая была более эффективной. По итогам работы к началу 1943 г. международный отдел Совинформбюро докладывал А. С. Щербакову: «Работа, подобная той, что проводится нами для США, уже в течение 10 месяцев ведется для Англии. Там так же, как и в США, мы имеем дело с такими же реакционными кругами. Однако, по сведениям тов. Майского... до 95% наших материалов (с января по ноябрь послана 1291 статья), примерно такого же типа по форме и содержанию, как отправляемые в США, хорошо используются и переводятся на 20 языков для распространения во всех странах мира»[59].

На одном из совещаний в Совинформбюро в 1944 г. А. С. Щербаков отмечал: «Основным принципом всей нашей работы должно быть такое железное правило... использовать газеты, журналы, радио, черта, дьявола, сатану, кого угодно, но в интересах нашего советского дела». Он также предупреждал, что направляемые за границу статьи не должны содержать материалы, представляющие интерес для разведслужб зарубежных стран: «Английские или американские разведчики хотят их использовать... и за наши деньги получить материал, который их интересует с чисто разведывательной точки зрения»[60].

Анализом работы Совинформбюро занимался, как правило, А. С. Щербаков. На практике отрабатывались структура и внутренняя работа организации, увеличивался круг задач и их исполнителей с расширением поля деятельности всего коллектива. На собраниях в Совинформбюро обращалось внимание коллег на то, что им «поручили во время величайшей войны, когда судьба страны поставлена на карту... — показать сотням миллионов людей, почему мы нашли в себе столько силы, чем объяснить этот огромный подъем на фронте и в тылу, что движет силами сотен миллионов людей в нашем обществе»[61].

Особенно была содержательной обратная связь: как принимали статьи и очерки зарубежные читатели, как воздействовали на них эти тексты. По информации НКИД СССР, материалы Совинформбюро находили широкий круг читателей за рубежом. В бюллетене, издававшемся посольством СССР в Вашингтоне весной 1944 г., публиковалось примерно 80% материалов, направленных Совинформбюро. Наиболее интересные из них печатались в основных газетах США, включая «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн». Тираж газет, помещавших материалы Совинформбюро, составлял 34 млн экземпляров. Использовали эти материалы и радиокомментаторы всех основных радиокомпаний. Тираж посольского бюллетеня превышал 14 тыс. экземпляров, отдельные выпуски расходились тиражом в 18–25 тыс. экземпляров. Около 1 тыс. экземпляров бюллетеня рассылалось за пределы США — в Канаду, Мексику, Кубу, Австралию и ряд других стран. Среди подписчиков было 350 библиотек[62].

В то же время посольство СССР в США обращало внимание на то, что материалы Совинформбюро, направляемые в адреса газет и журналов, используются недостаточно. Поэтому была высказана рекомендация «посылать материалы только в адреса тех газет, журналов,

агентств и организаций, которые обратились или будут обращаться с соответствующей просьбой либо непосредственно в СИБ, либо через посольство». Имела место практика, когда в адрес посольства по телеграфу антифашистские комитеты направляли свои материалы для американской прессы и организаций, не считаясь с положением об отсылке их непосредственно в адрес редакций и организаций. И этим создавали дополнительные проблемы работникам посольства. Посол СССР в США А. А. Громыко сообщал: «...впредь не посылать сюда письма от представителей нашей молодежи представителям американской молодежи, оканчивающиеся такими пожеланиями, как «с комсомольским приветом» и тому подобное»[63].

Коренной перелом в ходе войны ставил новые важные задачи перед Совинформбюро и всеми антифашистскими комитетами, особенно перед Всеславянским комитетом, с учетом важности славянского фактора в Великой Отечественной войне и скорого освобождения Красной армией стран Европы. Всеславянский комитет не мог игнорировать в своей работе тот факт, что в США активно действовал аналогичный комитет. В 1943 г. А. Н. Толстой, выступая во Всеславянском комитете, обратил внимание коллег на то, что в Америке существует Всеславянский комитет, чисто американская организация, но он, «несомненно, будет оказывать действие свое и на Европу. И это совершенно очевидно, потому что родина славян — Европа, и не может быть, чтобы они остановились на действиях только в одной Америке». Было очевидно, что нарастала борьба между СССР и США за влияние на славянские страны Европы, и это ставило перед Всеславянским комитетом новые важные задачи.

30 января 1945 г. во Всеславянском комитете состоялась встреча с председателем Славянского комитета стран Ближнего Востока Николаевичем, который информировал о том, что в ноябре 1944 г. в Иерусалиме был организован Славянский комитет по инициативе славянских эмигрантов Палестины при активном участии работников консульств Югославии и Чехословакии. Славянская эмиграция в Палестине была незначительная: поляков — около 5 тыс. (из остатков армии В. Андерса), граждан Чехословакии — до 1,5 тыс., граждан Югославии — несколько сотен и отдельные представители других славянских народов. Выходцев из России, за исключением монахов и евреев, несколько человек[64].

Всеславянскому комитету постоянно приходилось учитывать, что славянская эмиграция в Англии резко отличается от эмиграции США, Канады и других стран. В Англии она состояла из чешских, югославских и польских официальных лиц, профессоров, ученых, писателей, политических деятелей. Большинство из них были связаны с правительственными кругами, их настроение и поведение определялось линией того или другого эмигрантского правительства. Увеличение числа славянских организаций, расширение и укрепление с ними связей были прямо пропорциональны росту динамики пропагандистской работы Всеславянского комитета. Если за 1942 г. было послано за границу 1645 статей, то за восемь месяцев 1945 г. — 3494 статьи. За 1942–1944 гг. состоялось 3232 радиопередачи. Совинформбюро направляло свою продукцию в славянскую печать 13 стран и материалы его печатались на 12 языках[65].

Формирование славянских воинских частей в СССР вызвало широкий интерес у славянских организаций за рубежом. Отчет о митинге воинов-славян, состоявшемся 23 февраля 1944 г., был опубликован не только в советской печати, но и в газетах США, Англии, Канады и других стран. Полная стенограмма митинга вышла на всех славянских языках. Даже аргентинская газета «Русский в Аргентине» издала эту стенограмму. Митинг транслировался по радио на девяти языках, а обращение его передавалось на 32 языках. В США и Лондоне вышли брошюры с материалами митинга, а в Канаде — специальные номера газет «Сербиан геральд» и «Украинская жизнь»[66].

Интерес Совинформбюро — всех советских пропагандистских служб к профсоюзам США объяснялся и тем, что они рассматривали Вторую мировую войну как народную. В решениях, принимавшихся организованными рабочими, объяснялось, почему широкие массы трудящихся США столь единодушно выступали за открытие второго фронта, в поддержку военно-политического курса правительства страны. Славянский фактор играл важную роль во Второй мировой войне в целом и в развитии связей между общественностью США и СССР в частности. К началу войны с СССР Германия оккупировала все славянские государства,

взяла под контроль Болгарию, и война с Советским Союзом была в первую очередь борьбой со славянскими народами этой страны.

Славянские организации в США сопереживали героической борьбе советского народа против немецко-фашистских захватчиков и высказывали свою готовность оказать помощь Красной армии. Американский Славянский конгресс 8 июля 1943 г. организовал в Нью-Йорке прием в честь находившейся в США делегации Еврейского антифашистского комитета СССР в составе С. М. Михоэлса и И. С. Фефера. Организаторы приема подчеркивали свое понимание того, что они участвуют «в необычной войне» и что от ее исхода зависит, «получат ли все народы шанс идти вперед к свободной жизни или же на тысячелетия они попадут в рабство». Рефреном встречи звучали слова о жизненной необходимости единства всех народов: «Мы, славяне, извлекли урок из истории: если поляки будут конфликтовать с русскими, чехи с поляками, хорваты с сербами, евреи с неевреями, негры с белыми, мы не сможем совместно бороться и победить... Вы показали миру, как надо сражаться — плечо к плечу, жизнь за жизнь, бескомпромиссно, с глубокой верой в то, за что вы боретесь». И вновь ставился вопрос о необходимости немедленного открытия второго фронта, «чтобы сокрушить врага совместными усилиями объединенных непобедимых сил»[67]. Это публичное признание еще не означало полного единения в практических действиях, но свидетельствовало о желании к взаимному сотрудничеству.

Сложная международная обстановка в период коренного перелома в ходе войны требовала дифференцированного подхода ко многим проблемам, в том числе и к движению Сопротивления в странах Европы. На заседаниях Всеславянского комитета отмечалось, что нельзя все страны стричь «под одну гребенку»: где-то шла партизанская война, а в таких странах, как Болгария, не исключалась возможность создания правительства, которое «будет признано нашими союзниками». Предлагалось «выделить обращение к македонскому народу, иначе дело представляется так, как будто мы оставляем македонцев в расположении фашистов, тогда как они боролись и борются против фашистов... надо организовать так, что там, где есть обращение к болгарам, нужно одновременно с этим организовать обращение и к македонцам. Политические причины здесь не могут иметь места, так как это порабощенный народ, который борется против оккупантов, и надо еще сделать так, чтобы македонцы обратились и к своим соплеменникам»[68].

Советские войска находились еще на значительном расстоянии от славянских стран Европы, но там уже сказывались последствия пропагандистской работы Всеславянского комитета. З. Неедлы, выступая на заседании комитета в 1943 г., отмечал, что в «Чехословакии можно видеть активизацию борьбы против гитлеризма, и мы, безусловно, повлияли на то, что там происходит».

В укреплении дружественных связей между советским народом и славянами Европы важную роль играла предвоенная политика СССР, выступавшего в поддержку славянских народов. Учитывая специфику момента, было решено обратиться к офицерам болгарской армии по радио и с помощью листовок с разъяснением, что им «поручена роль жандармов на Балканах».

По мере укрепления славянской солидарности и упрочения антигитлеровской коалиции стали брать верх демократические тенденции среди славянских землячеств в США, Канаде, Австралии и других стран. Широкое движение миллионов американских славян оказывало положительное воздействие на политику правительства США, вынуждая его идти на усиление сотрудничества с СССР в войне с Германией. В частности, оно имело определенное значение в вопросе открытия второго фронта в Европе и срыве некоторых антисоветских замыслов. Прогрессивную роль сыграли также демократические славянские организации в Латинской Америке и Австралии, а также некоторые из эмигрантских организаций в Англии.

Установление связей с общественностью в условиях войны — это очень непростой путь. Работники Совинформбюро и антифашистских комитетов в СССР сталкивались с большими трудностями, в том числе и организационного характера. Например, 22 марта 1943 г. ответственный секретарь Антифашистского комитета советской молодежи Л. Воинова сообщала в Совинформбюро: «Мы испытываем большие затруднения в изыскании адресов, особенно

на США. Несмотря на наши неоднократные просьбы в советское посольство в Вашингтоне и телеграммы товарища Лозовского, мы до сих пор не получили ни одного адреса, не говоря уже о характеристике молодежных организаций и изданий»[69].

Трудности в работе возникали и из-за того, что консервативные общественные организации США не стремились идти на контакты с Совинформбюро и антифашистскими комитетами. Например, 5 мая 1943 г. заведующий Отделом стран Латинской Америки НКИД Г. Н. Зарубин писал руководителю Антифашистского комитета советских женщин: «...тов. Литвинов просит Вам передать, что большинство крупных американских женских организаций являются реакционными и настроены антисоветски. Посольство обращалось с просьбой к значительному числу женских организаций послать приветствия в СССР, но эти обращения оставались часто без ответов. Трудности в том, что в самом Вашингтоне почти нет женских организаций, и посольству приходится с ними переписываться, не имея возможности поддерживать непосредственный контакт. Тов. Литвинов считает, что было большим достижением получение 24 приветствий к 8 марта»[70].

Расширению связей между организациями способствовали политические акции. Воззвание к Международному женскому дню 8 марта, которое транслировалось по радио на все страны мира, после побед под Сталинградом получило широкий отзвук, особенно в США. Были получены приветствия от Союза национального торгового флота, от женщин Вспомогательного корпуса морской службы и судостроительных рабочих и многих других.

Вообще, 1943 г. стал для АКСЖ переломным в расширении связей с женскими организациями Америки[71]. По инициативе АКСЖ 11 апреля 1943 г. состоялся митинг матерей и жен фронтовиков под лозунгом усиления борьбы против фашизма и расширения помощи борющимся армиям, а также населению освобожденных районов. Материалы этого митинга, как и двух предыдущих, транслировались по радио и были широко распространены во многих странах. Горячие отклики пришли из Китая, Ирана, Индии, стран Южной Америки, Южной Африки, Австралии. Во многих странах после этих митингов проводились сборы подарков бойцам Красной армии и их семьям, а в посылки, которые отправлялись в СССР, вкладывались записки с пожеланиями и приветствиями. Кроме того, из Англии был получен ряд приветствий от женщин отдельных городов женщинам Советского Союза. Под этими посланиями имеются тысячи подписей как символ поддержки: например, послание женщинам Москвы подписали 32 398 английских женщин, 6647 подписей из г. Ковентри — женщинам Сталинграда, 8139 подписей из Манчестера — советским женщинам[72].

Однако расширению сфер влияния и воздействия советской пропаганды в годы войны мешала существовавшая борьба «за секретность», которая превращала статьи и очерки в серый материал, не очень интересный для читателя. Ежедневно за границу отправлялось 50—70 статей, 80—100 фотоснимков, десятки документов и выступлений передавались по радио[73].

Основной и самый серьезный недостаток в работе отделов и комитетов заключался в отсутствии у них большого авторского актива. Составление корреспонденций почти целиком было возложено на узкую группу профессиональных журналистов, многие из которых, как отмечалось неоднократно в ходе совещаний аппарата Совинформбюро, «с равной готовностью и неизменной бесцветностью выступали на любые темы», создавая в месяц до 60 статей[74]. При таком подходе к авторской работе не могло быть и речи о подготовке материалов серьезных по форме и ярких по содержанию.

В борьбе за открытие второго фронта принимала участие и молодежь стран антигитлеровской коалиции. Позиция молодежи имела важное значение, поскольку во всякой войне, как уже упоминалось выше, именно молодежь, находясь на передней линии огня, приносила особенно большие жертвы на алтарь Победы. Это хорошо понимали и в Советском Союзе, где уделялось пристальное внимание развитию связей между молодежью СССР и США. Несомненно, их расширению, пропаганде героизма советской молодежи способствовала поездка в 1942 г. по приглашению Элеоноры Рузвельт в США советской молодежной делегации, в ходе которой состоялись встречи с молодежью Америки, выступления на массовых митингах. Рекомендации перед отправлением за рубеж и директивы из Москвы, направленные С. А. Лозовским через

советского посла в США М. М. Литвинова, были совершенно излишними, страхующими тех, кто оставался в Москве. Делегация в составе трех человек — Н. П. Красавченко, Л. М. Павличенко и В. Н. Пчелинцева — посетила кроме США Канаду и Великобританию.

Зарубежная пресса на страницах газет и по радио подробно давала биографии членов делегации. Л. М. Павличенко и В. Н. Пчелинцев в прошлой, мирной жизни были студентами, а в годы войны стали снайперами, Героями Советского Союза. Они и без директив ярко говорили о необходимости создания второго фронта. Аудитории их понимали и поддерживали. Типичными были ответные выступления о том, что они, американцы, «не должны успокаиваться одной только хвалой храбрости русских... Похвала не выиграет войну... Мы собираемся требовать и требовать, все громче, громче и громче, прекращения откладывания открытия второго фронта в Европе»[75].

С середины 1944 г. Антифашистский комитет советской молодежи вел регулярную переписку и обменивался материалами с 97 организациями молодежи из разных стран, мобилизуя ее на сопротивление фашизму, информируя о борьбе, жизни, работе советских юношей и девушек. Всего за годы войны АКСМ направил в молодежные издательства 29 стран 5636 статей о советской молодежи, 3702 фотоснимка, 124 фотоочерка, девять фотовыставок, 237 плакатов, 69 информационных бюллетеней, шесть альбомов, 319 экземпляров различных журналов, 405 приветствий и деловых писем[76].

Знакомство зарубежной молодежи с документами и материалами АКСМ, сообщения газет и радиостанций о массовом героизме советских юношей и девушек на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах, в подполье и на трудовом фронте рассеивали лживые измышления буржуазной пропаганды о нашей стране, способствовали укреплению сотрудничества молодого поколения государств антигитлеровской коалиции. Большую роль в развитии и укреплении АКСМ играла индивидуальная переписка. Характер писем настолько разнообразен, круг вопросов, поднимаемых в них, так широк, что без преувеличения можно констатировать: писали представители всех слоев молодежи и запрашивали буквально обо всем. Если к сентябрю 1944 г. из-за рубежа поступило около 7 тыс. писем, то к августу 1945 г. их число возросло до 12 608.

С учетом важности еврейского фактора во Второй мировой войне большое значение приобрело сотрудничество двух самых больших еврейских общин мира — советской и американской. Визит делегации ЕАК в США в 1943 г. в условиях войны являлся свидетельством большого значения, которое придавалось в Москве развитию международных связей Еврейского антифашистского комитета. Одновременно этот визит был и признанием заслуг ЕАК в развитии контактов в первую очередь с евреями США, которые активно участвовали в борьбе за открытие второго фронта в Европе. Значительные успехи были достигнуты также в установлении связей с еврейскими организациями Англии, Канады и других стран. В союзных странах высоко оценивали борьбу еврейской общественности против фашизма.

Степень воздействия советских пропагандистских организаций, в том числе и антифашистских комитетов, на общественное мнение стран антигитлеровской коалиции не следует переоценивать, как и недооценивать. В сложной обстановке военного времени комитеты искали пути информирования населения, иногда не совсем понимавшего, что такое война в действительности. Дипломатические службы СССР в странах, куда шла информация от Совинформбюро, сами мало знали о новых организациях, и при этом больше критиковали, чем помогали. Такой авторитетный эксперт, как заведующий отделом американских стран НКИД СССР Г. Н. Зарубин, констатировал: «Деятельность наших антифашистских комитетов, а в некоторых случаях даже и само их существование неизвестны широкой американской общественности. Здесь вина не только самих антифашистских комитетов и Совинформбюро, не сумевших найти формы общения с соответствующими организациями за границей, в частности в США. В известной степени ответственность несет за это и посольство в Вашингтоне, которое этому участку работы уделяет внимание только тогда, когда поступит какой-либо запрос из Москвы или Куйбышева. Этим надо объяснять и полнейшее незнание работниками посольства американских организаций, с которыми следовало бы наладить регулярный

обмен письмами, советоваться о проведении массовых антифашистских мероприятий и т. п. На сегодня положение таково, что только еврейский, славянский и отчасти молодежный комитеты обменялись некоторыми письмами и приветствиями с соответствующими американскими организациями, но на этом вся их деятельность так и заглохла»[77].

После победных сражений Красной армии на восточном фронте советские пропагандистские усилия находили несравненно более широкую, внимательную и доброжелательную аудиторию, чем раньше. Задача заключалась в том, чтобы с максимальной эффективностью использовать новые благоприятные возможности для работы Совинформбюро и антифашистских комитетов, как и других советских пропагандистских служб.

По линии Совинформбюро и его комитетов до 1 мая 1945 г. за границу было отправлено 134 805 статей и 129 909 фотографий. Этими материалами обеспечивались 32 телеграфных и газетных агентства мира, 1171 газета и 523 журнала различных направлений, а также 18 радиостанций в 23 странах[78]. К июлю 1944 г. Совинформбюро было реорганизовано в 11 отделов, его штаты расширились до 221 человека, а к концу августа 1945 г. — до 385. Число литературных сотрудников выросло на 100 человек[79].

За долгие военные годы по радио были переданы тысячи корреспонденций, репортажей с фронта, интервью, бесед, выступлений, информаций о жизни тыла, международной жизни, литературных и музыкальных передач. Программы вещания охватывали огромное число слушателей, они велись более чем на 70 языках народов СССР и на 28 иностранных языках. Общий объем передач достиг 88 часов в сутки. В этом тоже заслуга Совинформбюро и его комитетов.

Государство тратило в год на работу Совинформбюро 50 млн рублей и еще 12–15 млн золотом на посылку за рубеж материалов телеграфом, кроме того, было издано около 200 книг и брошюр[80]. Объективные данные свидетельствовали о том, что Совинформбюро и его составная часть — антифашистские комитеты в СССР в целом успешно выполнили в годы войны стоявшие перед ними задачи. Во всех комитетах переписку, составление бумаг, отчетов, писем, приглашений и прочего вели ответственные секретари комитетов. Все, что отсылалось за границу или в редакции газет, пропускалось через отдел контрпропаганды. Все было четко регламентировано и находилось под жестким контролем руководства Совинформбюро.

В практике антифашистских комитетов в СССР было проведение радиомитингов и, как правило, предшествовавших им пленумов комитетов. На пленумах обсуждались работа комитетов и план проведения очередного митинга. Ежегодно проходило два радиомитинга и два-три пленума. На этом работа комитетов как общественных организаций заканчивалась. Дальше всю работу вели рабочие комитеты этих организаций, которые входили в Совинформбюро, состояли там на бюджете, контроле и отчетности. Всё, что было сделано от имени антифашистских комитетов в СССР, — это труд всего коллектива Совинформбюро. После Победы антифашистские комитеты в СССР были распущены (АКСУ, ЕАК, Всеславянский комитет) или трансформировались в другие (АКСЖ, АКСМ).

На завершающем этапе войны в ходе одного из совещаний заведующих, ответственных секретарей антифашистских комитетов, редакторов отделов и комитетов Совинформбюро справедливо отмечалось, что Совинформбюро «не только орган информации, но, главным образом, орган пропаганды», а отсюда на него ложится еще бóльшая ответственность именно на этом рубеже войны, когда Красная армия перешла границы европейских стран. Поэтому предлагалось больше писать об армии, давать портреты советских людей, чтобы в странах Европы знали, «что туда идут интересные люди, люди, которых нечего бояться, с которыми стоит познакомиться»[81].

И тогда же прозвучала мысль, которая в условиях эйфории военных успехов не была услышана. Один из участников этого же совещания Н. Кондаков обратил внимание присутствующих на то, что «мы потерпим большое политическое поражение, если не закрепим результаты Отечественной войны и тех симпатий и того сочувствия, которые имеются к Советскому Союзу в народных массах»[82]. К сожалению, своевременное замечание не было учтено в последующей практике различных советских служб.

Сражающаяся культура

Работой общественных организаций в период Великой Отечественной войны руководило Совинформбюро, непосредственно при котором состояла группа деятелей литературы и искусства, в том числе М. А. Шолохов, И. Г. Эренбург, К. М. Симонов, А. А. Фадеев. Культурно-идеологической работой в армии и на флоте занимались Главное политическое управление Красной армии и Главное политическое управление ВМФ, которые работали на правах отделов ЦК ВКП(б). При Комитете по делам искусств в мае 1942 г. была создана Комиссия по учету и охране памятников. С началом войны и заключением союзных договоров с зарубежными странами стали расширяться международные творческие контакты. Оживилась деятельность Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

Война потребовала больших расходов, и ассигнования на культуру сократились. Только с 1943 г., когда в ходе войны уже произошел коренной перелом, бюджет культуры стал расти. Однако в годы войны работа культурно-просветительных учреждений не прекращалась. В Москве даже в самые тяжелые дни осады 1941 г. работали музеи и библиотеки. В блокадном Ленинграде были тоже открыты библиотеки и театры. До сентября 1942 г. в осажденном Сталинграде работал Драматический театр.

Многие учреждения культуры были эвакуированы из районов, которым угрожала оккупация. Уже 27 июня 1941 г. принимались специальные правительственные решения о вывозе из Москвы экспонатов Оружейной палаты, из Ленинграда — Русского музея и Эрмитажа. Все это потребовало громадного напряжения сил работников музеев, которые должны были в кратчайшие сроки тщательно упаковать бесценные сокровища и обеспечить их сохранность в пути и на новом месте. В Узбекскую ССР было эвакуировано около 300 творческих союзов и организаций. В Кустанае разместились коллекции Исторического музея, Музея революции, наиболее ценные книги Библиотеки имени В. И. Ленина, Библиотеки иностранных языков и Исторической библиотеки. В Пермь были вывезены сокровища Русского музея, Третьяковской галереи, в Свердловск — Эрмитажа. Секретариат правления Союза писателей и Литературный фонд СССР переехали в Казань, президиум оргкомитета Союза художников СССР и Художественный фонд — в Свердловск. На базе эвакуированных киностудий «Ленфильм» и «Мосфильм» в Алма-Ате была создана Центральная объединенная киностудия (ЦОКС), где работали выдающиеся советские режиссеры: С. М. Эйзенштейн, В. И. Пудовкин, братья Васильевы, Ф. М. Эрмлер, И. А. Пырьев, Г. Л. Рошаль. Именно этой студией в годы войны было выпущено 80% всех отечественных художественных фильмов. Уже к ноябрю 1941 г. в восточные районы страны было вывезено около 60 театров из Москвы, Ленинграда, Украины и Белоруссии. Ведущие творческие коллективы удалось сохранить.

Война за свободу и независимость Родины сразу определила место творческой интеллигенции — на переднем крае всенародной борьбы. В ряды действующей армии вступило более трети состава Союза писателей, около тысячи членов Союза художников. Три четверти писателей Поволжья и Приуралья, почти половина писательских организаций Бурятской АССР и Якутской АССР находились на фронтах. Из 34 поэтов и прозаиков Мордовской АССР 28 состояли в рядах действующей армии, сражались с врагом 25 из 53 писателей Татарской АССР. Многие ученые, деятели культуры и искусства были призваны в действующую армию и на флот, ушли в народное ополчение, истребительные батальоны, партизанские отряды, перешли на работу в политические органы. Более 30 писателям и деятелям искусства было присвоено звание Героя Советского Союза[83].

Многие писатели, композиторы и другие творческие работники вступили в народное ополчение Ленинграда, Москвы и других городов. Так, в 8-й Московской дивизии народного ополчения служили писатели Ю. Н. Либединский, И. Ф. Жига, П. А. Бляхин, В. Т. Бобрышев и другие. А в 21-й Московской дивизии народного ополчения была создана рота киностудии «Мосфильм», в которой состояли сорежиссер кинофильма «Александр Невский» Д. И. Васильев, авторы сценария кинофильма о Первой конной армии Г. С. Березко и Е. Л. Дзиган[84].

Подготовка музейных экспонатов к эвакуации

Эвакуация фондов Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

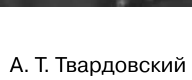
Писатель И. Г. Эренбург в гостях у танкистов

Люди науки, искусства, писатели жили одним стремлением, одним желанием — все творческие силы, все умение и талант отдать народу, внести свою лепту в борьбу против фашизма. Героико-патриотическая тема стала основной в идеологической работе, вдохновила многих ученых-обществоведов, особенно историков, писателей, деятелей культуры и искусства. И они на фронте и в тылу обращались к соотечественникам со страстным призывом отстоять свободу и независимость Отечества. Их вклад в мобилизацию общества, духовное сплочение народа на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками был весом.

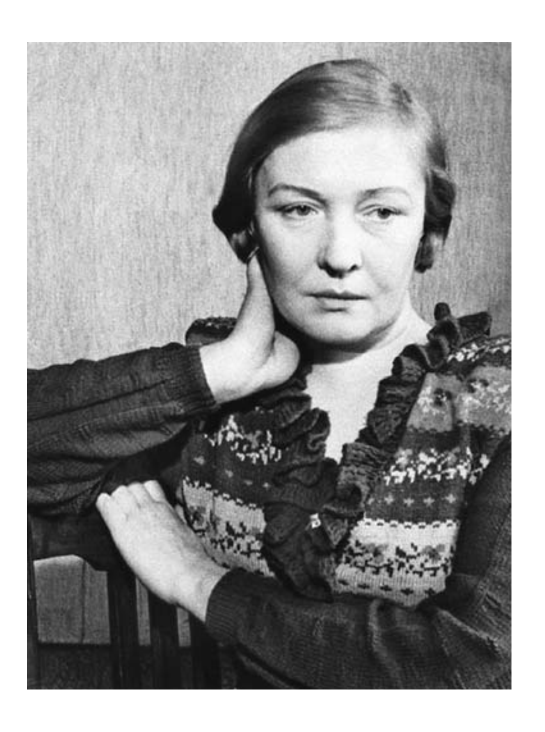
Газеты и журналы, брошюры и книги тех лет отличаются яркими страницами глубокого проникновения в сокровенные мысли людей, на которых обрушились невиданные испытания. Поражают не только количество этих изданий и их большие тиражи, но и широта тематики, тесная связь с жизнью страны военного времени. Формирование в сознании миллионов советских людей на фронте и в тылу понимания причин, цели и характера Отечественной войны позволило максимально сплотить сражающийся народ. Патриотизм, любовь к Родине не удалось разрушить даже жесточайшими репрессиями периода 1930-х гг. Все это, проявляясь в первую очередь в духовной жизни общества, заложило морально-политическую основу победы советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Военная публицистика, освещая с позиций патриотической убежденности и морального превосходства над врагом суровую правду дней отступления, радость побед и наступления по всему фронту, сыграла выдающуюся роль в воспитании мужества и героизма сражающегося народа. Обращаясь к вёшенцам, идущим на фронт, М. А. Шолохов в 1941 г. выражал уверенность в победе, потому что «со времен татарского ига русский народ никогда не был побежденным, и в этой Отечественной войне он непременно выйдет победителем». Когда началась война, голоса писателей зазвучали как вечевые колокола, отражая боль и радость

А. Т. Твардовский

О. Ф. Берггольц

С. Я. Маршак

Д. Бедный

борющегося народа. Их статьи и очерки зажигали ненависть в сердцах людей и в тылу, и на фронте, их публикации выражали уверенность, что «любовь к Родине будет жить вечно, а ненависть... до окончательного разгрома врагов»[85].

В тяжелые для Родины дни, когда гитлеровцы рвались к Москве, А. Н. Толстой, верный сын России, исполненный глубокой веры в свой народ, воскрешал перед ним историческую славу русского прошлого, заветы великих предков. «Сдюжим!» — восклицал он в статьях, а сами заголовки статей звучали как призывы: «К подвигам, к славе!», «Упорство», «Самоотверженность», «Вера в победу», «Разгневанная Россия», «Я призываю к ненависти»[86].

Один из публицистов военного времени писатель И. Г. Эренбург утверждал в своих воспоминаниях: «Никогда я не испытывал такой связи с другими, как в военные годы... я пуще всего дорожу теми годами: вместе со всеми я горевал, отчаивался, ненавидел, любил. Я лучше узнал людей, чем за долгие десятилетия, крепче их полюбил». Военная публицистика писателя-воина И. Г. Эренбурга насчитывает более 1500 произведений, его листовки и статьи с первых дней мирового пожара предупреждали о нависшей опасности фашизма, звали к борьбе.

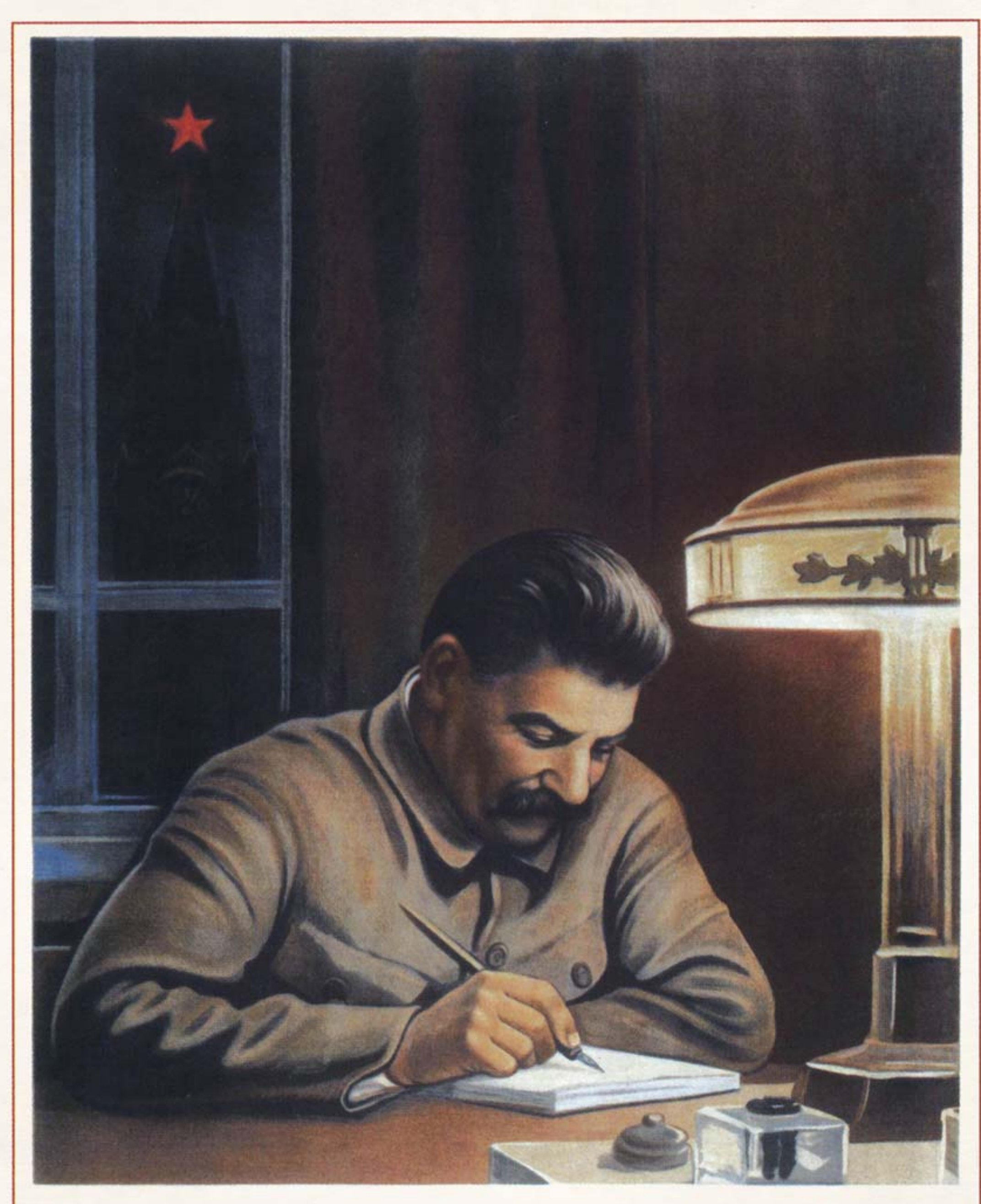
Писатели и журналисты нашли свое место в рядах воевавшего народа, совмещали свои обязанности с трудом воина: работали в качестве военных корреспондентов во фронтовых, армейских, корпусных, дивизионных газетах или становились командирами рот, батарей, политруками, партизанами и подпольщиками. К. М. Симонов очень верно отметил: «От Москвы до Бреста нет такого места, где бы ни скитались мы в пыли, с «лейкой» и блокнотом, а то и с пулеметом сквозь огонь и стужу мы прошли». Многие из одаренных и талантливых людей не дожили до победы, ушли, «недолюбив, не докурив последней папиросы», среди них сын Э. Г. Багрицкого Всеволод, сын А. В. Луначарского Анатолий, А. П. Гайдар, А. Н. Афиногенов, Е. П. Петров, Ю. С. Крымов, Г. К. Суворов, Н. П. Майоров и сотни тех, чей талант не успел раскрыться полностью из-за войны. В боях за Киев погибли Б. М. Лапин и З. Л. Хацревин. Уступив женщине свое место в последнем самолете, погиб в окружении М. К. Розенфельд. Не вернулась из боевого похода подводная лодка, штурманом на которой был ленинградский поэт А. А. Лебедев. В боях за Родину пал Герой Советского Союза поэт адыгеец Х. Б. Андрухаев, ставший в годы войны снайпером. Погибли писатели дагестанцы Э. Капиев и Т. Динмагомаев, осетины Х. Калоев и М. Елкоев, бурят А. Бардамов, башкир А. Карнай и другие.

Души многих советских людей и на фронте, и в тылу потянулись к поэзии, и она чутко отвечала им. «Песня смелых», появившаяся в печати едва ли не в первый день войны, и «В землянке» А. А. Суркова, «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...», «Жди меня» К. М. Симонова, стихи и поэмы О. Ф. Берггольц, В. М. Гусева и многих других воодушевляли людей на воинские и трудовые подвиги. Особое место в поэзии военных лет принадлежит поэме А. Т. Твардовского «Василий Тёркин» — величайшему литературному памятнику беспримерному подвигу нашего народа. Сегодня, через полвека после войны, эта поэма читается с интересом, потому что написана «бестрепетно в лицо, глядя всей правде», для «правды сущей»[87].

В годы войны читатель ждал слов правды, моральной поддержки, объяснения справедливости своего дела. И каждый писатель искал пути и средства решения этого социального заказа. «Я считаю, — говорил М. А. Шолохов в 1943 г., — что мой долг, долг русского писателя — это идти по горячим следам своего народа в его гигантской борьбе против иноземного владычества и создать произведения искусства такого же исторического значения, как и сама борьба»[88]. Те, кому позволили возраст и здоровье, были в самых горячих точках на всех фронтах. В тылу плодотворно работали представители старшего поколения: А. Н. Толстой писал статьи, М. В. Исаковский — стихи и песни, С. Я. Маршак — стихотворные тексты к «Окнам ТАСС» и плакатам, Д. Бедный печатал в «Правде» басни, сатирические фельетоны, листовки, плакаты. Вместе с русскими литераторами свой талант и силы отдали делу всенародной борьбы с врагом татарские писатели М. Джалиль и Ф. Карим, А. Кутуй и С. Хаким, мордовские — А. К. Мартынов и П. С. Кириллов и многие другие.

Плакат Г. Клуциса. 1932

Плакат Г. Говоркова. 1940

Плакат В. Корецкого. 1938

Плакат А. Ситтаро. 1941

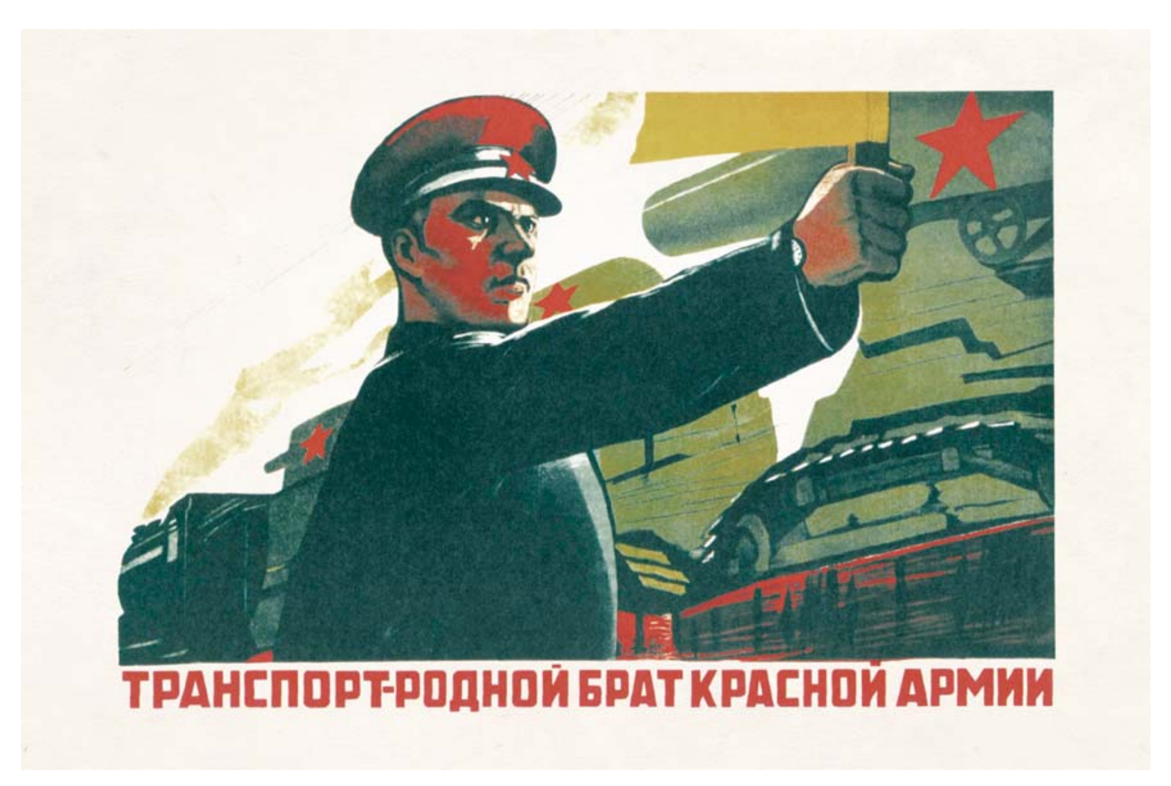
Плакат Д. Моора. 1941

Плакат А. Кокорекина. 1941

Учебный плакат НКВД

Плакат И. Громицкого. 1941

Плакат Д. Шмаринова. 1942

Плакат П. Мальцева. 1941

Плакат Т. Ерёминой. 1941

Плакат Н. Ватолиной. 1941

Плакат В. Иванова и О. Буровой. 1942

Плакат А. Кокорекина. 1942

УЧАЩИЕСЯ РЕМЕСЛЕННЫХ, ЖЕЛЕЗНО
ДОРОЖНЫХ УЧИЛИЩ И ШКОЛ ФЗО!
СЛЕДУЙТЕ ПРИМЕРУ ГЕРОЕВ ФРОНТА!

В СОВЕРШЕНСТВЕ ОВЛАДЕВАЙТЕ
МАСТЕРСТВОМ, ПОВЫШАЙТЕ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА!

Плакат В. Иванова и О. Буровой. 1942

Плакат Л. Голованова. 1942

Плакат Л. Голованова. 1943

Для литераторов работа во фронтовой печати была основной, кроме того, они являлись военными корреспондентами центральных газет, ТАСС, Совинформбюро, радио. В работе возникших в военной обстановке «Окон ТАСС» участвовали 130 художников и 80 поэтов[89]. Слово журналиста, писателя в годы войны стало связующим звеном между фронтом и тылом. Раскрытие героического характера советского человека, воинского подвига советского солдата было главной темой фронтовых газет.

В годы войны печать и радио стали подлинными пропагандистами всенародной борьбы с фашизмом. Ни на один день не прекращались радиопередачи из Москвы. Радио было основным средством связи осажденных городов — Ленинграда, Одессы, Севастополя со страной. По радио страна узнавала о героической борьбе города на Неве. Никто из блокадников и после войны не забыл голоса О. Ф. Берггольц, ее выступлений, вселявших веру в победу, восстанавливавших силы и мужество. В сотнях писем, адресованных поэтессе, слушатели благодарили ее за стихи, поднимавшие их на борьбу: «Мы со словами Ваших стихов идем в бой...». Вместе с О. Ф. Берггольц постоянно выступали со стихами и статьями В. М. Инбер, А. А. Ахматова, И. А. Груздев, В. Я. Шишков, приезжавшие с фронта М. А. Дудин, А. С. Азаров, Н. Л. Браун и другие. Радио сыграло ощутимую роль в воспитании самосознания граждан. Только в 1944–1945 гг. сотрудники Академии наук прочитали свыше 14 тыс. лекций, не считая частых выступлений по радио[90]. Всего за годы войны в советском тылу было прочитано более 3 млн лекций и докладов[91].

Народ хотел знать правду о войне. Ее трагические события, подвиги живых героев были намного драматичнее, ярче выдуманного факта, поэтому в основу многих очерков, рассказов и крупных художественных произведений легли подлинные события, а героями их стали настоящие участники войны. Опубликованная в «Правде», а затем в «Красной звезде» «Наука ненависти» М. А. Шолохова — это правда о войне, о любви к Родине, которая делала армию и народ непобедимыми. «Фашисты могли убить нас, безоружных и бессильных от голода, — говорит один из героев М. А. Шолохова, — могли замучить, но сломить наш дух не могли и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу»[92].

Литературным произведениям на военную тематику предоставлялось абсолютное преимущество при издании. Беспрецедентен факт опубликования на страницах «Правды» полностью пьес «Фронт» А. Е. Корнейчука, «Русские люди» К. М. Симонова. «Душа человека, проходящая сквозь все величайшие испытания Отечественной войны, никогда, ни на мгновение не терявшая веру в победу, душа победителя — вот содержание лучших наших произведений», — писала О. Ф. Берггольц. Художественная литература в тяжелой обстановке войны поддерживала духовную жизнь общества. Такую же функцию выполняли и театры, и музыкальные коллективы, и художественные выставки, словом, все очаги культуры.

Уже 23 июня 1941 г. Московский дом художественной самодеятельности организовал эстрадные концертные бригады для обслуживания частей Красной армии и мобилизационных пунктов. К важному делу привлекались самодеятельные коллективы клуба завода имени Авиахима, Центрального клуба строителей имени Ф. Э. Дзержинского, клуба мукомолов и клуба финбанковских работников. Программы бригад были обширны и разнообразны: патриотические песни, отрывки из постановок, стихи, устное народное творчество и народные пляски[93]. Три бригады художественной самодеятельности организовал методкабинет Дома Союзов. Комсомолка Зоя Базурина из клуба сотрудников Наркомвнешторга пела советские патриотические песни. Участники театрального коллектива Центрального универмага Наркомторга Воздухова и Ходов показывали этюд «Связисты»[94].

К декабрю 1941 г. многие предприятия столицы взяли шефство над военными госпиталями. Работники связи после трудового дня в одном из подшефных московских госпиталей украшали палаты цветами, устраивали концерты, лекции. ЦК профсоюза и Московский областной комитет работников связи передали госпиталю библиотеку, аллоскоп с диапозитивными фильмами и, главное, два патефона с набором пластинок[95].

Московский союз советских композиторов вел шефскую работу в частях Красной армии. Композитор Н. С. Речменский и дирижер хора Н. И. Демьянов взяли шефство над

А. А. Ахматова

В. М. Инбер

концертной бригадой полка аэростатчиков, зенитчиков и прожектористов. При общей консультации профессора Н. С. Голованова ими подготовлен концерт, на котором исполнялись «Марш аэростатчиков» Н. С. Речменского для хора в сопровождении баянов и его же «Русская сюита» для баянов[96].

Дух народного сопротивления отражался и в новых частушках: «Мать родная провожала, мне такой наказ дала: «Береги страну родную, как тебя я берегла». Языком шутливой частушки уничижался враг: «Показали свои рожи к нам фашисты-господа. Мы их так в постель уложим, что не встанут никогда»[97].

В прифронтовой Москве осени 1941 г. появлялись новые учреждения культуры. Так, 29 октября в помещении бывшего театра народного творчества был открыт Московский театр «Мюзик-Холл». В «Вечерней Москве» давалось разъяснение об этом еще незнакомом советскому зрителю театральном жанре, в частности говорилось, что новая программа состоит «из разнообразнейших эстрадных номеров и цирковых аттракционов. Тут выступают старейшие русские клоуны «Бим-Бом» (заслуженный артист РСФСР И. А. Радунский и М. А. Камский), эксцентрики Буяковские, жонглер Назир-Ширяй и др.»[98]. Кроме того, состоялся матч французской борьбы, играл джаз-оркестр под управлением Волкова, была подготовлена программа «Американский цирк», «выдержанная в стиле американских цирковых представлений»[99].

Советская песня становилась весьма востребованной фронтовыми слушателями. Этот музыкальный жанр, до войны считавшийся легким, развлекательным, в годы суровых испытаний оказался самым агитационным и оперативным. Песня, прозвучавшая в кинофильме, в радиоэфире, со сцены, с грампластинки подхватывалась миллионами людей на фронте и в тылу, если затрагивала душу, соответствовала мыслям и чувствам. Давняя истина, что песня может вызвать как душевный подъем, так и психический спад, срыв, объясняет мажорный лад большинства фронтовых песен, сочиненных как профессиональными, так и самодеятельными авторами. Не случайно появилось фронтовое присловье — «умирать, так с музыкой».

Однако несомненно, что и жить с песней намного лучше: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне! Нынче — у нас передышка, завтра вернемся к боям, что ж твоей песни не слышно, друг наш, походный баян?» Эта песня «После боя» была написана композитором А. Я. Лепиным на стихи В. И. Лебедева-Кумача в 1943 г., когда поэт-песенник, будучи в творческой командировке на Северном флоте, услышал от одного из высоких чинов несправедливые слова о том, что пришло время воевать, а не песни петь. Даже песни в миноре, такие как «В землянке» на стихи А. А. Суркова и музыку К. Я. Листова или «Темная ночь» на стихи В. Г. Агатова и музыку Н. В. Богословского, наполнены грустью, но светлой, теплой. Долго не звучала по радио написанная в победном 1945 г. песня М. И. Блантера на стихи М. В. Исаковского «Враги сожгли родную хату», а ведь она и сегодня, по прошествии многих десятилетий, трогает до слез.

Мобилизующая, сплачивающая роль песни на войне разъяснялась уже в сентябре 1941 г. в письме Главного политуправления Красной армии и Военно-морского флота, адресованном начальникам политуправлений фронтов: «Русская песня, гармонь, пляска — друзья бойца... Они сплачивают людей, помогают легче переносить тяготы боевой жизни, поднимают боеспособность и формируют настроение личного состава»[100]. В связи с этим предлагалось: «Развернуть работу по распространению боевых русских песен... песни и гармонь должны звучать повсюду — в походах, на привалах, в промежутках между боями»[101].

Присуждение Сталинских премий в области музыки за 1943–1944 гг. содействовало установлению равноправия легкого песенного жанра с крупными музыкально-сценическими и вокальными произведениями и произведениями инструментальными. Впервые было введено премирование за концертно-исполнительскую деятельность: предусматривались три премии 1-й степени — по 100 тыс. рублей, пять премий 2-й степени — по 50 тыс. рублей, а позже было введено тридцать премий 3-й степени — по 25 тыс. рублей. Премиальный фонд состоял из личных гонораров И. В. Сталина за издание его трудов в СССР и за рубежом. Лауреатами премии становили как представители плеяды творцов крупных музыкальных форм: Д. Д. Шостакович, Д. Б. Кабалевский, С. С. Прокофьев, Ю. А. Шапорин, И. И. Дзержинский, Н. Я. Мясковский, Т. Н. Хренников, В. Я. Шебалин, В. И. Мурадели, В. А. Дехтерёв и другие, так и творцы полюбившихся на фронтах и в тылу песен: В. П. Соловьёв-Седой, М. И. Блантер, И. О. Дунаевский, В. Г. Захаров, Б. А. Мокроусов, Д. Я. Покрасс, А. Г. Новиков[102]. В годы войны и вскоре после Победы премии удостоились также В. И. Лебедев-Кумач, В. М. Гусев, С. В. Михалков, А. А. Сурков, А. В. Софронов, М. В. Исаковский, Л. И. Ошанин, Е. А. Долматовский.

М. И. Блантер, сочинитель популярнейших мелодий к стихам М. В. Исаковского «Катюша», «До свиданья, города и хаты», «В лесу прифронтовом», «Под звездами балканскими» и на слова многих других поэтов, признавал: «Успех моих песен я наполовину отношу за счет авторов стихов»[103]. А. Г. Новиков подтверждал: «Своим успехом песня в огромной степени обязана поэтам... Содержание стихотворения, слова, ритм, форма уже несут в себе музыку»[104].

Песня «Катюша» полюбилась миллионам в исполнении души-певицы Л. А. Руслановой. «Синий платочек», записанный на пластинки Е. Н. Юровской и И. Д. Юрьевой, популярным стал лишь после К. И. Шульженко, исполнившей песню с новым текстом военкора М. М. Максимова в фильме «Концерт — фронту». Стали известны такие песни, как «Соловьи» в исполнении В. А. Нечаева, «Летят перелетные птицы», «Грустные ивы» В. А. Бунчикова.

В 1944 г. Л. О. Утёсов в письме на имя И. В. Сталина объяснял: «Для каждого советского работника науки, литературы и искусства самой великой честью является звание Лауреата Сталинской премии... Как же обидно и тяжело огромной массе артистов советской эстрады, лишенных этого права. Эстрада исключена из видов искусства, имеющих возможность претендовать на получение Сталинской премии... Артисты советской эстрады в период Отечественной войны своей работой на фронте и в тылу доказали, что их искусство наиболее гибкое и портативное, проникает туда, куда не может проникнуть даже кинопередвижка — на передовую линию фронта, в шахту и т. д. Из 46 000 концертных мероприятий для Красной Армии и флота, данных в период войны в порядке шефства, чуть ли не 30 000 падает на работников эстрады»[105].

Выступление Клавдии Шульженко перед бойцами Ленинградского фронта

Лидия Русланова на фронтовом концерте

Д. Д. Шостакович во время работы над Седьмой симфонией

Л. О. Утёсов с участниками фронтовой бригады на боевом корабле Тихоокеанского флота

В резолюции на это письмо председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко отмечал: «В решении Совета Народных Комиссаров СССР от 19 марта 1943 г. предусмотрены четыре ежегодные Сталинские премии за концертно-исполнительскую деятельность. Так как эстрада является одним из видов концертно-исполнительской деятельности, выдающиеся мастера этого вида искусства могут быть выдвинуты на соискание Сталинской премии по разделу концертно-исполнительской деятельности»[106]. А за культурное обслуживание армии предлагалось награждать артистов эстрады орденами и медалями. Наравне с артистами драмтеатров и театров оперы и балета на эстрадников было распространено право получения званий заслуженного и народного артиста.

В годы войны даже композиторов крупных музыкальных форм увлекало создание песен. Так, Д. Д. Шостакович написал романтическую «Песню о фонарике» на слова М. А. Светлова; Т. Н. Хренников на стихи В. М. Гусева — «Есть на севере хороший городок»; В. И. Мурадели на стихи И. Кармазина — «Песню о доваторцах».

Музыкальная летопись Великой войны создавалась совместно композиторами и крупных, и малых форм. В первые дни после нашествия врага родилось более 40 песен. Весь ход трудной войны от первых дней до Победы запечатлен в музыке: о первом бое пограничника, который «землю родную берег» — песня-рассказ «Грустные ивы» (слова А. А. Жарова, музыка М. И. Блантера); о 250-дневной героической обороне Севастополя — песня «Заветный камень» (слова А. А. Жарова, музыка Б. А. Мокроусова), а также опера «Севастопольцы» М. В. Коваля; о первых прославленных героях войны — вокальная кантата В. А. Белого «Капитан Гастелло» и одноименный военный марш Н. П. Иванова-Радкевича, одноактная опера В. А. Дехтерёва «Таня» о подвиге Зои Космодемьянской и музыка к фильму «Зоя» Д. Д. Шостаковича. Песня «Волховская (Ленинградская) застольная» на слова А. А. Тарковского и П. Н. Шубина и музыку И. И. Любана призывает помнить «о тех, кто командовал ротами... кто в Ленинград пробирался болотами».

Седьмая (Ленинградская) симфония Д. Д. Шостаковича, первая часть которой была написана автором до эвакуации из осажденного Ленинграда, отражает мощь и напор армии захватчика, предостерегает от иллюзий о быстрой победе, призывает к сплоченному сопротивлению. Из сочинений крупных форм об обороне Ленинграда также следует отметить кантату Н. Я. Мясковского «Киров с нами» по поэме Н. С. Тихонова, кантату М. И. Чулаки «На берегах Волхова», вокальный цикл Ю. В. Кочурова «Город-крепость», «Песня о Ленинграде», «Героическая ария», одноактную оперу И. И. Дзержинского «Кровь народа», поставленную Ленинградским Малым оперным театром, эвакуированным в г. Чкалов. Автор довоенных балетов «Бахчисарайский фонтан», «Пламя Парижа» Б. В. Асафьев в блокадном Ленинграде создал цикл музыкальных пьес «Суровые дни» для виолончели и фортепьяно, а также фундаментальные музыковедческие труды о творчестве великих русских композиторов прошлого.

В трагический, кульминационный момент войны, когда враг подошел к столице, А. А. Сурков, автор лирической песни «В землянке», написал решительную, могучую по энергетическому заряду «Песню защитников Москвы», превратившуюся в маршевой музыке Б. А. Мокроусова в воинскую клятву: «Мы не дрогнем в бою за столицу свою...»; композитор Д. Б. Кабалевский создал оперу «В огне» («Под Москвой»), поставленную филиалом ГАБТ в 1943 г. в Москве; И. И. Дзержинский написал оперу «Надежда Светлова» — парафраз знаменитых стихов К. М. Симонова «Жди меня», которую поставил Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

О массовом партизанском движении, фактически заменившем в 1942–1943 гг. затянувшийся с открытием второй фронт союзников, повествуют песни В. Г. Захарова и М. В. Исаковского «Ой, туманы мои растуманы», С. А. Каца и А. В. Софронова «Шумел сурово Брянский лес». Д. Б. Кабалевский создал хоровую сюиту «Народные мстители» и музыкальный монолог «Нас нельзя победить», Н. П. Иванов-Радкевич — марш «Народные мстители».

Е. А. Долматовский

Композитор М. Блантер, поэт М. Светлов, композитор Т. Хренников,
редактор корпусной газеты М. Козловский и другие в освобожденной Польше

В 1943 г., после перелома в Сталинградской битве и с началом изгнания врага с родной земли, Ю. А. Шапорин написал ораторию «Сказание о битве за русскую землю» на стихи А. А. Суркова, К. М. Симонова, М. Л. Лозинского; В. Я. Шебалин — Пятый струнный славянский квартет, наполненный мотивами белорусской, украинской, польской, словацкой, русской музыки. Т. Н. Хренников создал две яркие симфонии, музыкальную комедию о событиях войны 1812 г. «Давным-давно» со стихотворным текстом А. К. Гладкова, а в 1944 г. работал над музыкой к предрешающему победу фильму И. А. Пырьева (по сценарию в стихах В. М. Гусева) «В шесть часов вечера после войны».

М. В. Коваль создал хоровую сюиту «Урал-богатырь» о советском героическом тыле, ковавшем оружие победы; Г. Н. Попов — две симфонии с подзаголовком «Родина»; Р. М. Глиэр — концерт для голоса с оркестром и увертюру «Дружба народов»; А. Г. Новиков — вдохновенную «Героическую ораторию» из 15 песен; Н. Я. Мясковский — Седьмой, Восьмой и Девятый струнные квартеты и Двадцать четвертую симфонию, оцениваемую музыковедами как одно из лучших произведений этого маститого симфониста; Д. Б. Кабалевский — кантату «Родина великая». В 1943 г. С. С. Прокофьев сочинил Седьмую фортепьянную сонату и в год Победы — торжественную «Оду на окончание войны»; А. В. Александров — «Победную кантату»[107].

Главным музыкальным событием 1943 г. стало принятие 14 декабря нового Гимна Советского Союза, который впервые был исполнен по радио 1 января 1944 г. Из нескольких сотен представленных вариантов после долгого отбора предпочтение было отдано гимну на стихи С. В. Михалкова, Эль-Регистана и музыку А. В. Александрова: «Мы армию нашу растили в сраженьях. Захватчиков подлых с дороги сметем! Мы в битвах решаем судьбу поколений, мы к славе Отчизну свою поведем!»

Создатель музыки Гимна СССР А. В. Александров, бывший регент храма Христа Спасителя, еще в 1928 г. совместно с Ф. Н. Даниловичем и П. И. Ильиным создал Ансамбль красноармейской песни и пляски, в 1937 г. завоевавший Гран-при на Всемирной выставке в Париже. Во время Великой Отечественной войны талантливый военный дирижер и композитор написал музыку к песням «Священная война», «Несокрушимая и легендарная», «В поход! В поход!» и другим. В мае 1945 г. александровцы дали концерт прямо у стен поверженного Рейхстага в Берлине, виртуозно сочетая самые разные жанры — многоголосое хоровое пение, зажигательный танец балетной группы, с акробатическим мастерством пускающейся вприсядку, в сопровождении смешанного оркестра, состоящего из симфонических и народных инструментов[108]. Этот концерт стал «заключительным аккордом» Победы, возвестившим Европе: «Русские пришли!» — снова, как когда-то под знаменами А. В. Суворова и М. И. Кутузова.

Закономерно в эти годы испытаний обращение композиторов крупных форм к героическому прошлому страны. С. Н. Василенко создал оперу «Суворов», М. В. Коваль — оперу «Емельян Пугачёв». Все годы войны работал над грандиозным полотном оперы «Война и мир» С. С. Прокофьев. Она звучала в концертном исполнении, но композитор продолжал трудиться над этим сложнейшим сочинением и после Победы. В годы сражений он написал музыку к фильму «Иван Грозный» режиссера С. М. Эйзенштейна. Огромную популярность на радио и на сцене получила хоровая композиция «Вставайте, люди русские!», написанная композитором до войны для фильма С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» на слова В. А. Луговского.

Вера в победу, всенародное ожидание наступления мирной жизни обращали композиторов к лирическим темам, а нравственное целомудрие песен о любви, подчеркнутое мягкой, задушевной мелодией, было созвучно русским народным напевам. На фронтах горячо принимали песню «Ты ждешь, Лизавета» из кинофильма 1942 г. о герое Гражданской войны «Александре Пархоменко» на слова Е. А. Долматовского и музыку Н. В. Богословского. Задорная песня «На солнечной поляночке» на стихи А. И. Фатьянова и музыку В. П. Соловьёва-Седого призывала стать героем, а «Моя любимая» на слова Е. А. Долматовского и музыку М. И. Блантера породила настоящую фотоэпидемию: бойцы и командиры Красной армии стали обмениваться с родными и любимыми фотокарточками, в личной переписке с фронта и на фронт просили вложить в письмо фотографию.

Группа артистов фронтовой бригады: А. И. Райкин, К. И. Шульженко,
М. В. Миронова, Л. О. Утёсов, В. М. Гусев и другие

Писатель К. М. Симонов, артистка В. В. Серова и художница А. С. Вишневицкая
на Ленинградском фронте

Многие песни фронтовых лет изобилуют шутками-прибаутками, искрометным юмором. «Бить врага — вопрос другой, с шуткой веселее», — говорит лирический герой песни «Вася-Василёк» на слова С. Я. Алымова и музыку А. Г. Новикова. «Первым делом, первым делом самолеты. — Ну а девушки? — А девушки — потом!» — заявляют бравые летчики в песне на стихи А. И. Фатьянова и музыку В. П. Соловьёва-Седого «Перелетные птицы». В песне «Пора в путь-дорогу» на стихи С. Б. Фогельсона и музыку В. П. Соловьёва-Седого летчик шутливо предупреждает любимую: «Следить буду строго, мне сверху видно всё, ты так и знай!»

Романтические произведения не обходили своим вниманием и композиторы крупных форм: В. М. Юровский написал музыку к балету «Алые паруса», В. А. Дехтерёв создал оперу «Княжна Мэри», С. С. Прокофьев сочинил музыку к сказочному балету «Золушка», А. И. Хачатурян — к балету «Гаяне» со знаменитым стремительным «Танцем с саблями», В. П. Соловьёв-Седой, худрук фронтового театра малых форм «Ястребок», прославленный песенник, написал музыку к оперетте «Верный друг», с успехом обошедшей сцены многих театров музыкальной комедии[109].

Музыкальная критика весьма противоречиво относится к созданным в годы войны произведениям крупных форм. В дискуссию вступают и сами композиторы. Д. Б. Кабалевский, сравнивая различные по стилю и характеру музыки симфонии, отмечая в них общее — тему войны, обращает внимание на различие в подходе композиторов: «Шостакович... выдвигает на первый план трагический конфликт, сталкивая в невероятном напряжении и развитии образы мирной жизни и образы враждебной силы. Мясковский в Двадцать второй и особенно Двадцать четвертой симфониях строит развитие главным образом на теме «борьбы и суровой скорби», а Прокофьев Пятую симфонию строит на воплощении образов непоколебимой силы, мужества, веры в победу»[110].

В лучших песнях о войне можно ощутить отзвуки монументальности некоторых опер, в частности гениальной оперы А. П. Бородина. Катюша в песне М. В. Исаковского и М. И. Блантера шлет привет «степному сизому орлу» на дальнее пограничье с «берега крутого», как Ярославна — с крепостной стены. В песне Л. И. Ошанина и А. Г. Новикова «Эх, дороги!» герой, как и князь Игорь, не знает доли своей: «Может, крылья сложишь посреди степей». Эпическим оперным размахом отличаются «Соловьи» А. И. Фатьянова и В. П. Соловьёва-Седого, «В лесу прифронтовом» М. В. Исаковского и М. И. Блантера, «Песня о Днепре» Е. А. Долматовского и М. Г. Фрадкина.

Инициативой творческой интеллигенции создавались новые музыкальные коллективы. Был возрожден Симфонический оркестр из педагогов и студентов Московской консерватории имени П. И. Чайковского в Саратове. Возобновил деятельность Государственный симфонический оркестр СССР. При Всесоюзном радиокомитете был организован государственный народный оркестр под руководством Н. П. Осипова. Любовь к песне, верность народной традиции петь многоголосым хором послужили стимулом к созданию во время войны множества новых творческих коллективов: Русской народной песни под руководством А. В. Свешникова, Республиканской хоровой капеллы под руководством А. С. Степанова и других.

В многочисленных областных смотрах художественной самодеятельности соревновались за право поехать с концертом на фронт самодеятельные коллективы предприятий. Только в Московской области зимой 1943–1944 гг. старались заслужить это право более 3000 коллективов — около 30 тыс. человек. Заключительный концерт прошел 19 февраля 1944 г. в Колонном зале Дома Союзов[111]. А 10 ноября 1944 г. в Большом театре выступали победители Всесоюзного смотра художественной самодеятельности рабочей молодежи — около тысячи учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО из республик, краев и областей СССР. 30 ноября 1944 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР сообщил секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову, что «Всероссийский смотр хоровых коллективов и солистов-исполнителей русской народной песни... показал значительный рост советской хоровой культуры. В смотре приняли участие свыше сорока профессиональных хоров, из которых

многие созданы за последние годы, в числе их: Воронежский народный хор, Республиканская хоровая капелла, Свердловская хоровая капелла, Челябинский народный хор, Калининский хор русской песни, Московский Областной народный хор и др. Существенных успехов добилось за последнее время и самодеятельное хоровое искусство. В отдельных областях РСФСР (Воронежской, Свердловской и др.) в настоящее время имеется до 450–500 самодеятельных хоровых коллективов»[112].

Но самая боевая и необходимая музыка войны — духовая. Именно бравурные мелодии духовых оркестров сопровождали первые эшелоны бойцов и командиров, уходящих на фронт и под звуки труб, литавр и фанфар встречали их в цветущем мае 1945 г. И чаще всего исполнением пронзительного марша «Прощание славянки», написанного композитором В. И. Агапкиным в 1912 г., когда вспыхнула Первая Балканская война. Этот марш звучал на всех вокзалах в 1914 г., провожая на фронты Первой мировой войны русские полки.

В параде Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади легендарный полковник В. И. Агапкин участвовал как руководитель одного из оркестров и помощник главного дирижера сводного оркестра. А главным дирижером парада был С. А. Чернецкий — автор почти 200 военных маршей, среди которых «Слава Родине», «Ленинский призыв», «Индустриальный», «Родной Донбасс», а также множество национальных: «Русский», «Славянский», несколько «Украинских», «Грузинский», «Азербайджанский», «Казачий», «Молдавский» и другие.

При фронтах, армиях, дивизиях, полках в годы войны рождались свои духовые оркестры. Играли боевые вдохновляющие марши и бравурную музыку русских композиторов XIX в., советских авторов: А. В. Александрова, В. И. Агапкина, Н. Я. Мясковского, Р. М. Глиэра, Д. Д. Шостаковича, С. С. Прокофьева, А. И. Хачатуряна, И. О. Дунаевского, С. А. Чернецкого, М. Л. Старокадомского, а также мелодии популярных песен — от «Варяга» и «Орленка» до «Синего платочка» и «Катюши». С гимном Советского Союза вступали духовые оркестры вслед за передовыми частями в освобожденные города Европы, встречаемые бурными овациями и цветами.

В сражении за Тарнополь в 1944 г. духовой оркестр играл, укрывшись в «щели», вблизи артбатареи. «Вы играйте, а мы дадим немцам жару, — подбадривали музыкантов артиллеристы. — Только одной веселой музыкой сыт не будешь. Сыграйте что-нибудь протяжное, для души сыграйте, ну хотя бы «Синий платочек»[113]. И духовой оркестр исполнял весь репертуар лирических протяжных и душевных песен четыре часа без перерыва, а когда был ранен один из расчетов, музыканты, в прошлом сами артиллеристы, заменили бойцов у орудия[114]. В дни наступления Красной армии в районе Смоленска духовой оркестр одной из гвардейских частей и джаз-ансамбль шли с бойцами в атаку под звуки призывной мелодии песни «Два друга»: «А ну-ка, дай жизни, Калуга, ходи веселей, Кострома...»[115].

С первых дней войны на фронтах выступал джаз-оркестр Л. О. Утёсова. За рекордно короткий срок была подготовлена программа с суровым названием «Бей врага!». Пел артист и другие, знакомые до войны песни, и новые, рожденные грозным временем: «Ты одессит, Мишка», «В землянке», «Заветный камень», песни из фильма «Два бойца», исполненные на экране под гитару М. Н. Бернесом, — озорную «Шаланды полные кефали» и трогательно-щемящую «Темную ночь», «Случайный вальс» («Офицерский вальс») Е. А. Долматовского и М. Г. Фрадкина, «Песенку фронтового шофера» на слова Н. Д. Лабковского и Б. С. Ласкина и музыку Б. А. Мокроусова и другие. В 1945 г., в преддверии Победы Л. О. Утёсов исполнил «Дорогу на Берлин» Е. А. Долматовского и М. Г. Фрадкина.

На Ленинградском фронте в сопровождении джаза В. Ф. Коралли пела К. И. Шульженко. Выступала она в роскошных концертных платьях, туфлях на высоких каблуках, а драматические песни-новеллы представляла зрителям как мини-спектакли: при исполнении «Записки» трепетно держала в руках листок бумаги, «Ветке сирени» — цветок.

Л. А. Русланова, одетая в народный сарафан, покрытая платочком, создала свой, особенный «театр народной песни», в котором старинный напев открывал потаенные, не замечаемые при механическом исполнении мысли и чувства. Она пела, а перед зрителем вставали

картины из жизни героев песен: одни — в шутливых «Валенках», где девица «по морозу босиком к милому ходила»; другие — в жестоких городских романсах: «Когда б имел златые горы» и «Окрасился месяц багрянцем»; и совсем иные — в печальных песнях о каторжной Сибири и нелегких судьбах людских: «Глухой неведомой тайгою», «По диким степям Забайкалья», «Степь да степь кругом», в задорных частушках, народном романсе «Очаровательные глазки», шедевре «Катюша».

Вместе со всем народом откликнулись на призыв «Всё для фронта! Всё для победы!» и работники театра. С первых дней боев стало очевидно, что театр нужен фронту. Все годы войны не сходила со сцен театров оперы и балета страны неувядающая классика. В ГАБТе в тревожные дни 1941–1942 гг. (в Куйбышеве — на основной сцене, в Москве — в филиале) шли постановки «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила», «Князь Игорь», «Хованщина», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Иоланта», «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Кармен», «Аида», балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик», советская музыка была представлена балетами «Бахчисарайский фонтан» Б. В. Асафьева, «Три толстяка» В. А. Оранского, «Тарас Бульба» В. П. Соловьёва-Седого[116]. ГАБТ в новой постановке давал шедевры зарубежных авторов: оперы «Травиата» Д. Верди, «Вильгельм Телль» Д. Россини, балет «Жизель» А. Адана. Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко возвратил на сцену редко исполняемые оперы Н. А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери», «Кощей Бессмертный», балет «Шехерезада», осуществил постановку оперы Ц. А. Кюи «Мадемуазель Фифи» и двух новых советских опер — «Суворов» С. Н. Василенко и «Надежда Светлова» И. И. Дзержинского[117].

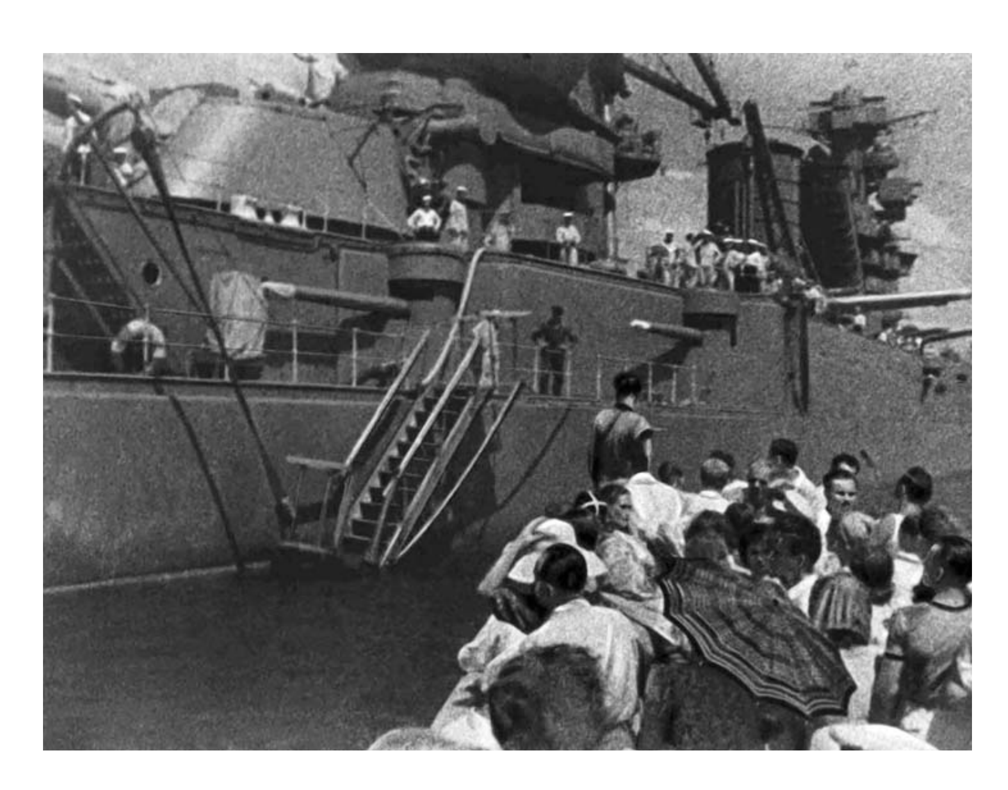
На выездных концертах в действующей армии, в госпиталях и на предприятиях страны звучали арии, ариозо и сцены из классических опер в исполнении замечательных певцов: В. В. Барсовой, создавшей образы Снегурочки, Антониды в «Иване Сусанине», Людмилы в «Руслане и Людмиле», Царевны Лебеди в «Сказке о царе Салтане»; Н. А. Обуховой — Кармен в одноименной опере, Марфы в «Хованщине», Полины в «Пиковой даме»; гремел бас М. Д. Михайлова в партиях Ивана Сусанина, Пимена в «Борисе Годунове», Чуба в «Черевичках», варяжского гостя в «Садко». Блистательные теноры С. Я. Лемешев и И. С. Козловский пропагандировали на фронте и в тылу русскую и зарубежную оперу, русские старинные романсы и народные песни. В музыкальном мире появились молодые таланты: певицы И. И. Масленникова и Е. И. Шумилова, пианисты С. Т. Рихтер и Л. М. Зюзин, дирижер К. П. Кондрашин.

Столь же активной творческой и во многом боевой была жизнь артистов Большого театра и в эвакуации. Они играли лучшие свои спектакли, участвовали в постановке новых, выезжали на фронт и на предприятия тыла с концертными программами. При этом они вынуждены были проявлять себя в неожиданном качестве: так, по словам А. П. Иванова, 19 апреля 1942 г. театру выделили 30 га земли под посев картофеля[118], и в результате физической работы артисты стремительно сбрасывали совсем не лишний для оперных певцов вес. Похудевший за месяцы войны на 20 кг солист отмечал: «Костюмы болтаются на мне, как на вешалке, а голос еще продолжает звучать... Все нормы режима разбиваются о нашу действительность»[119]. Чуткие фронтовые зрители понимали, что артисты работают на пределе сил. «На концерте нас волнует только то исполнение, в котором артист как бы срастается с произведением и отдает ему всю свою душу. Нам нравится, когда Вы поете «на полный газ». «Вот это по-нашему», — каждый думает из нас»[120], — сказал А. П. Иванову один из зрителей, летчик морской авиации.

Среди создателей выдающихся опер и балетов, драм и комедий на равных с режиссерами и артистами заслуживают благодарной памяти художники-постановщики. П. В. Вильямс, главный художник Большого театра, Б. И. Волков, главный художник Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко и многие другие. Блистателен ряд мастеров искусств, создавших монументальные живописные декорации и панно для театральных спектаклей, среди которых К. Ф. Юон, Ю. И. Пименов, П. П. Соколов-Скаля и другие художники многогранных дарований.

Артисты Театра имени Е. Б. Вахтангова у фронтовиков

Фронтовая бригада театра имени В. И. Немировича-Данченко
у борта линкора «Парижская коммуна»

Афиша спектакля «Добро пожаловать» фронтового филиала Театра имени Е. Б. Вахтангова

Артисты фронтового филиала Малого театра после спектакля
в 1-й гвардейской танковой армии генерал-полковника М. Е. Катукова

4 декабря 1943 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР в письме в Государственный Комитет Обороны сообщал, что «для художественного обслуживания трудящихся основных промышленных районов (Урал, Кузбасс), а также районов, освобожденных от немецких захватчиков, Комитет по делам искусств при СНК СССР систематически направляет крупнейшие государственные музыкальные коллективы, ансамбли и концертные бригады. В начале 1943 г. в распоряжении коллективов и ансамблей находилось на правах аренды до 25 пассажирских вагонов... так как размещение артистов в гостиницах... в постоянных переездах из одного города в другой практически невозможно. Кроме того, имея в своем распоряжении вагоны, коллективы и ансамбли обслуживали рабочих предприятий в самых отдаленных районах»[121].

В середине 1943 г. Наркомат путей сообщения СССР отказал артистам в предоставлении вагонов. Это «привело к сокращению плана обслуживания промышленных районов и отмене выездов ряда ведущих коллективов (Государственный ансамбль народного танца СССР, Государственный русский народный хор им. Пятницкого и др.)»[122]. Но 21 марта 1944 г. вопрос о выделении Комитету по делам искусств при СНК СССР вагонов был разрешен, и гастроли проходили планово.

Быстрое продвижение вражеской армии в Западном военном округе, оказавшемся не готовым к войне, не позволило эвакуироваться многим белорусским и прибалтийским театрам. Но упорное сопротивление армий Юго-Западного и Южного военных округов, совершающих контратаки и контрнаступления, дало возможность провести небывалую в истории войн массовую организованную эвакуацию на восток предприятий, людей, культурных ценностей. Только с Украины успели уехать 47 театров[123]. С осени 1941 г. проходила эвакуация театров центральных областей страны, Ленинграда, Москвы. География размещения театров по стране масштабна — от городов Поволжья и Урала до Дальнего Востока, союзных республик Средней Азии и Закавказья.

Работа театров в больших и малых городах РСФСР, в которых зачастую не было до войны своего профессионального театра, дала заметный созидательный результат: пробуждался живой интерес населения к театральному искусству, стали создаваться при домах культуры, клубах и предприятиях коллективы художественной самодеятельности, перерастающие в народные театры. В Тюмени начал работу Запорожский драмтеатр имени М. К. Заньковецкой, в Караганде, и в дальнейшем в Грозном ставил спектакли Киевский русский драматический театр имени Леси Украинки, в Улан-Удэ — Харьковский драмтеатр, в Алма-Ате — Киевский украинский драмтеатр имени И. Франко. Из Ленинграда эвакуировались в г. Молотов — Театр оперы и балета имени С. М. Кирова; в Новосибирск — Театр драмы имени А. С. Пушкина; в Киров — Большой драматический театр имени М. Горького. Ленинградский ТЮЗ, одним из первых отработавший на фронте более 20 дней, был эвакуирован в г. Березняки Молотовской области.

С приближением врага к столице осенью 1941 г. перебрался в Куйбышев основной состав Большого театра, в Саратов — одна часть МХАТа, в Нальчик — другая, с поворотом врага на Кавказ в 1942 г. перебравшаяся в Тбилиси. В Самарканде обосновался театр имени Ленинского комсомола, в Ташкенте — театр Революции (переименованный в 1943 г. в Московский театр драмы, а в 1954 г. — в театр имени В. В. Маяковского), в Омске — театр имени Е. Б. Вахтангова, в Челябинске — Малый театр. В Махачкалу, а позже в Черемхово Иркутской области переехал Театр имени М. Н. Ермоловой. Московский театр кукол С. В. Образцова находился в Новосибирске, но его труппа вместе с худруком много и часто выступала на фронтах.

Эвакуация стала нелегким испытанием для коллективов эвакуированных и местных театров, испытывая их на прочность и в работе, и в неустроенном быту. Чтобы труппы в кратчайшие сроки развернули работу на новом месте, свои сцены им уступали областные театры, переезжая в другие города, где приходилось осваивать сцены домов и дворцов культуры, жить в общежитиях или на частных квартирах. Иркутский драмтеатр, перебазировался в центр угольного бассейна — Черемхово, Челябинский — в Шадринск соседней Курганской области, новосибирский «Красный факел» — в шахтерский Прокопьевск, Томский театр имени

А. В. Луначарского — в областной город Кемерово. Магнитогорский городской драмтеатр делил свою сцену с Московским театром сатиры, Омский областной — с Театром имени Е. Б. Вахтангова[124]. Некоторые эвакуированные театры по нескольку раз меняли места дислокации. Ростовский драмтеатр, эвакуированный в Махачкалу, с наступлением вражеских войск на Северный Кавказ был переведен в Коканд, а оттуда в г. Ковров. Воронежский театр с трудностями переезжал то в Сызрань Куйбышевской области, то в Стерлитомак в Башкирии, то в Копейск Челябинской области. Как только советские войска освобождали временно оккупированные районы, театры первыми стремились вернуться в родные города[125].

Довоенный репертуар советских театров обширен и разнообразен: зарубежная классика — У. Шекспир, Лопе де Вега, К. Гольдони, Г. Ибсен, М. Метерлинк, Б. Брехт, Б. Шоу и другие, русская классика — А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, А. В. Сухово-Кобылин, А. Н. Островский, А. Н. Толстой, Л. Н. Толстой, А. К. Толстой, М. Горький, А. П. Чехов и многие другие. С конца 1930-х гг., когда фашистская Германия покоряла страны Европы, советские театры в предчувствии драматических событий все больше вводили в репертуар военно-исторические и идеологические, антифашистские спектакли, затрагивающие непростые вопросы сложнейших периодов революции и Гражданской войны, коллективизации и индустриализации, военных конфликтов с Финляндией, с фашистами — в Испании, с Японией — на озере Хасан. Зрителю самому предоставлялось сделать выбор между «красными» и «белыми», между бессребрениками и стяжателями, между героями и шкурниками. На сценах шли «Любовь Яровая» К. А. Тренёва, «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты» Н. Ф. Погодина, «Первая конная» и «Оптимистическая трагедия» Вс. В. Вишневского, «Дни Турбиных» («Белая гвардия») М. А. Булгакова, «Машенька» А. Н. Афиногенова, «Платон Кречет» и «В степях Украины» А. Е. Корнейчука, «Волк» Л. М. Леонова, «Парень из нашего города» К. М. Симонова. Какой выбор сделало большинство зрителей — показали уже первые месяцы войны.

Л. М. Леонов, передав восприятие народом фашистского вторжения как всеобщей беды, озаглавил пьесу — «Нашествие». А. Е. Корнейчук приводит героев своей довоенной пьесы «В степях Украины» — о двух представителях многомиллионного крестьянства с прямо противоположными взглядами на колхозное строительство — в партизанский отряд, где они забывают старый раздор. Эта пьеса также имеет обобщающее название — «Партизаны в степях Украины». Другая пьеса А. Е. Корнейчука — о двух полководцах и их штабном окружении, по-разному трактующих тактику и стратегию в новой механизированной войне, и о бойцах и командирах, на судьбах которых драматически отражаются эти разногласия, носит название — «Фронт».

После публикации пьесы К. М. Симонова «Русские люди» в газете «Правда» 13–16 июля 1942 г. группа фронтовиков откликнулась такими словами: «Невольно мы, читатели, прочтя пьесу Симонова «Русские люди», ищем себя среди героев пьесы, задумываемся, так ли мы стойки в борьбе, как Сафонов, смелы и отважны, как Валя, готовы умереть за Родину, как Глоба и Валя... Как и герои пьесы, мы любим жизнь. Но жить хотим, как Сафонов, жить и бороться до тех пор, пока не увидим мертвым последнего гитлеровца»[126].

Артист МХАТ имени М. Горького Б. Г. Добронравов признавался: «Играя капитана Сафонова, я чувствовал, как из темноты зрительного зала, переполненного солдатами и офицерами нашей Советской Армии, тянутся к сцене теплые лучи любви и дружбы. Я чувствовал, что зрителям, так же как и мне, близок и дорог этот волевой, непреклонный советский командир, смысл существования которого заключается в словах: «Стоять насмерть!»[127]

Большим вниманием театров пользовались и новые пьесы о правде войны. «Нашествие» Л. М. Леонова 7 ноября впервые было поставлено Ленинградским областным драмтеатром в эвакуации, в г. Чистополе Татарской АССР, а 15 декабря — Омским драматическим театром. В 1943 г. она шла в Ленинградском городском театре, не уезжавшем из блокадного города, в Малом театре, Театре имени Моссовета в Алма-Ате, Киевском имени Леси Украинки в Караганде, в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина в Новосибирске, Душанбинском русском театре и множестве областных — Горьковском, Куйбышевском,

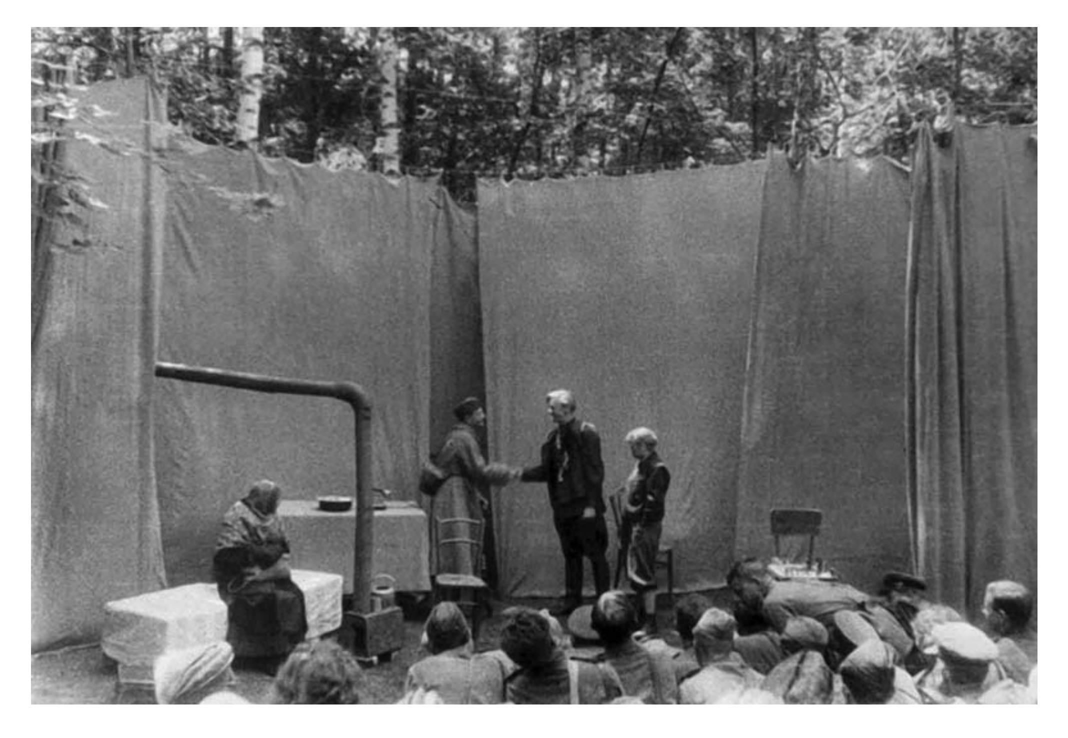
Выступление вахтанговцев перед стрелками-гвардейцами

Маршалы Советского Союза Л. А. Говоров, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев и К. А. Мерецков
в гостях у главного режиссера Театра имени Е. Б. Вахтангова Р. Н. Симонова

В полевой гримерной

Зрительный зал на лесной поляне

Иркутском, Казанском и подмосковном Ногинском. Решительное сопротивление всего советского народа «покорителям мира» тронуло сердца зарубежных театральных деятелей, поставивших спектакли по советским пьесам в 1944—1945 гг. в Мексике, Югославии, Норвегии, Франции, Болгарии, Японии.

«Фронт» А. Е. Корнейчука с начала ноября 1942 г. ставили Московский театр драмы, Малый театр, театр имени И. Франко в Семипалатинске. В 1943 г. премьеры состоялись на сценах Театра имени Е. Б. Вахтангова — в Омске, Ленинградского театра драмы имени А. С. Пушкина — в Новосибирске, Ленинградского Большого драматического театра — в Кирове, Центрального театра Красной армии — в Свердловске, Московского театра имени Ленинского комсомола — в Ташкенте, театра имени Моссовета — в Алма-Ате и во многих областных театрах: Воронежском, Ярославском имени Ф. В. Волкова и других.

Режиссеры и художественные руководители театров, понимая, что народ не может жить одной войной, ее потерями, лишениями, страданиями, ему нужна психологическая разгрузка, смена впечатлений и чувств, возобновляли в репертуаре давно поставленные спектакли о мирной жизни и ставили новые. В Малом театре наряду с военными спектаклями «Фронт» и «Нашествие» шел «Пигмалион» Б. Шоу, историческая драма А. К. Толстого «Иван Грозный» и оцененные суровой критикой как «безыдейные» спектакли по пьесам Н. С. Рыбака и И. А. Савченко «Самолет опаздывает на сутки», Э. Скриба и Э. Легуве «Новеллы Маргариты Наваррской». Московский театр «Ленком», работающий в городах Узбекистана, где было много эвакуированных, ставил «Сирано де Бержерака» Э. Ростана, «Живой труп» Л. Н. Толстого, «Месяц в деревне» И. С. Тургенева. Московский театр имени Моссовета создал особенно разнообразную программу: «Машенька» и «Накануне» А. Н. Афиногенова, «Каннибалы» и «Шпик» Б. Брехта, «Олеко Дундич» А. Г. Ржешевского и С. А. Каца, «Отелло» У. Шекспира и нестареющие пьесы А. Н. Островского «Женитьба Бальзаминова», «Красавец мужчина», «Не всё коту масленица», а также возвратил на сцену чеховскую «Чайку», поставил пьесу А. С. Кочеткова и К. А. Липскерова «Надежда Дурова» — о героине Отечественной войны 1812 г. Эта история знаменитой кавалерист-девицы, преображенная драматургом А. К. Гладковым в героический водевиль «Питомцы славы» («Давным-давно»), была поставлена в Ленинградском театре музыкальной комедии перед войной, в 1941 г., шла в 1942 г. на сцене Центрального театра Красной армии. МХАТ дополнил свой репертуар спектаклями по пьесам А. А. Крона «Глубокая разведка» и «Офицер флота» — о чести и мужестве советских офицеров, трогательной пьесой о самоотверженности женской любви «Последняя жертва» А. Н. Островского и трагической философской драмой М. А. Булгакова «Последние дни» («Пушкин»).

Фронтовые бригады создали Вахтанговский театр и Малый, по образцу уже действующих в армии. Первыми профессиональными фронтовыми театрами, возникшими в начале фашистского вторжения, стали Театр Киевского военного округа под руководством Б. Н. Норда, Смоленский драматический, позже переименованный в Театр Западного фронта под руководством Е. Т. Асеева, Театр Краснознаменного Балтийского флота под руководством А. В. Пергамента, Калининский и Орловский драматический театры. Первым специально созданным фронтовым театром стал Театр народного ополчения, названный позже Агитвзводом Ленинградского дома Красной армии. В 1942 г. образовалась целая сеть фронтовых театров, среди которых пять были созданы Всероссийским театральным обществом (ВТО). Среди них комсомольско-молодежный, организованный студентами ГИТИСа, и «Веселый десант» с разборной сценой и скромными декорациями, разъезжающие по фронтам со спектаклями по пьесам «Полководец Суворов» И. В. Бахтерева и А. В. Разумовского, «Чапаев» по Д. А. Фурманову, «Недоросль» по Д. И. Фонвизину, «Шел солдат с фронта» по В. П. Катаеву, «Русские люди» по К. М. Симонову.

Фронтовой филиал Театра имени Е. Б. Вахтангова под руководством актрисы и режиссера Анны Орочко представлял бойцам и командирам в 1942 г. и драмы, и комедии: «Свадебное путешествие» В. А. Дыховичного и М. Р. Слободского, «Наш корреспондент» И. М. Меттера и Л. Д. Левина, «Бессмертный» А. Н. Арбузова и А. К. Гладкова. В 1943 г. были

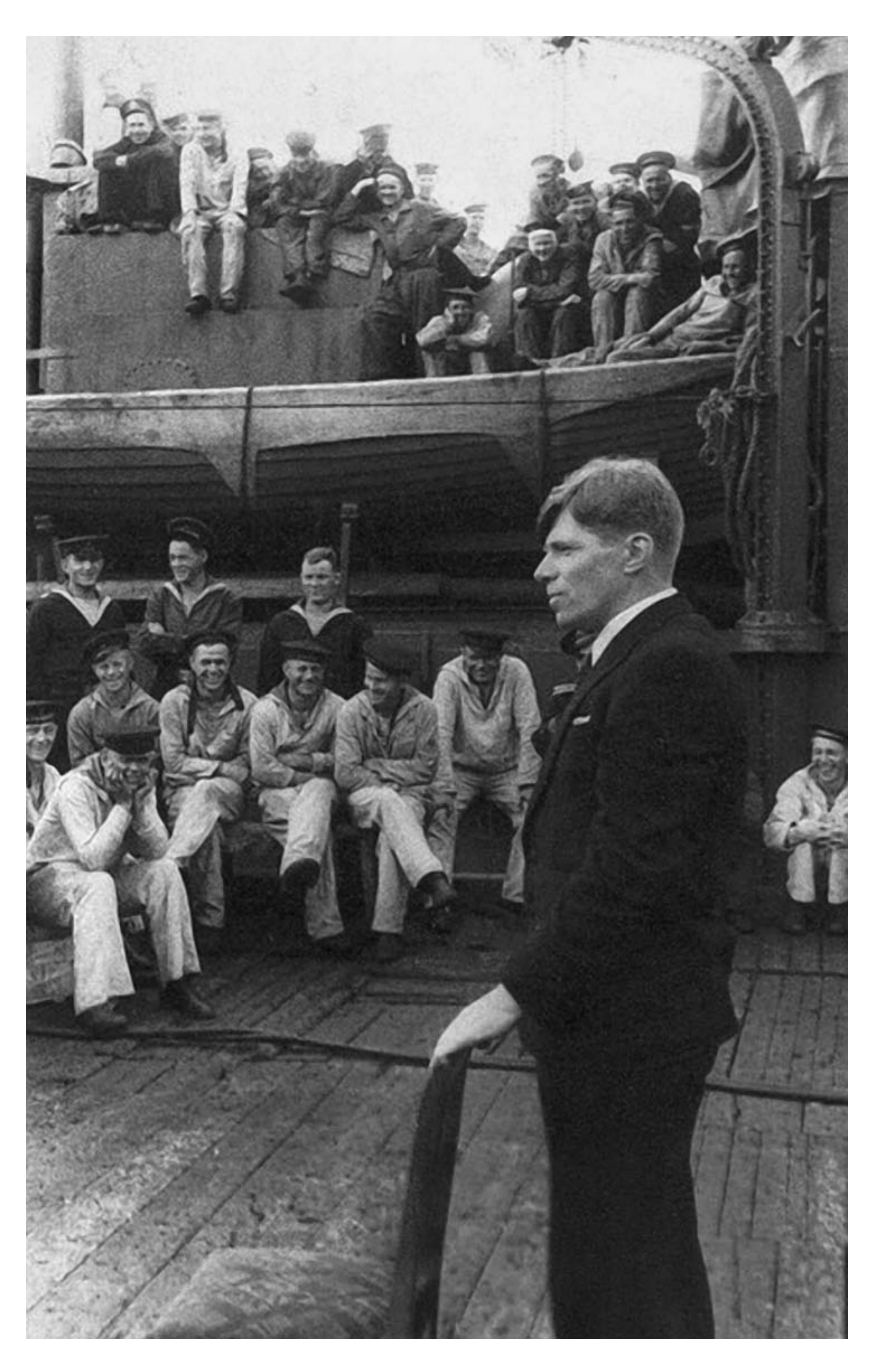

Спектакль для лежачих раненых

показаны «Добро пожаловать!» А. П. Штейна и З. М. Аграненко, «Не в свои сани не садись» А. Н. Островского; в 1944 г. — «Где-то в Москве» В. З. Масса и М. А. Червинского. Приказом командующего 1-м Украинским фронтом генерала Н. Ф. Ватутина фронтовому филиалу Вахтанговского театра 13 ноября 1943 г. была объявлена благодарность с присвоением наименования Фронтовой государственный театр имени Е. Б. Вахтангова при политуправлении 1-го Украинского фронта[128].

После поворота фашистских орд на Сталинград и Кавказ летом 1942 г. местный комитет обороны Северо-Осетинской АССР издал постановление об эвакуации театров и оперной студии из г. Орджоникидзе в безопасные места. В декабре того же года, когда опасность миновала, театры возвратились в Осетию. Это был последний за войну случай эвакуации театров страны[129]. С весны 1943 г. эвакуированные театральные коллективы возвращались в родные края, хотя не всегда в свои здания, поскольку многие были разрушены бомбежками, артобстрелами, взорваны.

18 мая 1944 г. в отстраиваемом после разрушений войны Ростове-на-Дону прошла сессия театральных деятелей освобожденных районов РСФСР. В отчете было сказано, что на освобожденных от врага территориях России восстановлено 52 драматических театра, десятки музыкальных и вновь создано 20 театров. Опыт строительства новых театров в стране имелся большой: даже в самый трудный период отступления в СССР продолжали строиться, согласно планам довоенной пятилетки (1937–1942), новые театры, в том числе и национальные в разных республиках. В июле 1941 г. был открыт Киргизский национальный драматический театр; в сентябре в Чукотском национальном округе, в Магадане — музыкально-драматический; с селе Иссык Алма-Атинской области приступил к работе первый Уйгурский театр, а позже был открыт Уйгурский театр в Алма-Ате, где спектакли шли на национальном языке для живущих в Казахстане уйгуров. Также были построены театры оперы и балета в Астрахани, Алма-Ате, Ашхабаде, Фрунзе, Ташкенте, Новосибирске.

Мастер художественного слова В. Н. Яхонтов выступает перед моряками-черноморцами

Советские артисты помогали фронту не только своим творчеством. 12 истребителей, построенных на их личные средства, передали фронту артисты Малого театра. При передаче эскадрильи «Малый театр — фронту» на аэродроме напутствовали боевых летчиков народные артисты СССР А. А. Яблочкина, Е. Д. Турчанинова, В. Н. Рыжова, П. М. Садовский, а также Е. М. Шатрова, Е. Н. Гоголева. Четыре крылатые машины с надписью «Вахтанговец» подарили летчикам актеры Театра имени Е. Б. Вахтангова[130]. Огромные средства в Фонд обороны внесли в течение войны артисты и целые театральные коллективы, с полным правом называющие себя «бойцами культурного фронта».

Программа фронтовых эстрадных бригад в те военные годы включала «все жанры кроме скучного»: художественное слово, танцы и пляски, цирковые номера — жонглирование, акробатика, фокусы, клоунада, номера кукольников. Живописно выглядят на импровизированных сценах — срочно сколоченных подмостках, кузове автомобиля, палубе корабля — певицы и певцы в концертных нарядах, цирковые артисты в трико с блестками. Но попытки одеться попроще встречали неприятие фронтового зрителя. Л. О. Утёсов был прав, говоря, что зритель ждет от концерта праздника.

М. В. Миронова вспоминала, как в 1942 г. на Калининском фронте ей пришлось выступать среди болота на куске брезента. В голубом шелковом платье, в серебряных туфельках, она вдруг почувствовала, что проваливается в трясину, но довела интермедию до конца, а потом ее под аплодисменты, с шутками зрители вытаскивали из болота[131]. А танцорам А. А. Редель и М. М. Хрусталёву пришлось однажды выступать прямо на дороге. Накрапывал дождь, но зрители с автоматами, многие — перевязанные бинтами, как вкопанные стояли вдоль обочин. По сюжету танца «Акробатический вальс» надо было опускаться на землю, и артисты делали это, несмотря на грязь[132]. Мастера художественного слова С. М. Балашов, В. Н. Яхонтов, Д. Н. Орлов, Н. М. Эфрос, П. М. Ярославцев, Д. М. Лузанов и другие в концертных костюмах с галстуком-бабочкой читали не только стихи великих русских и советских поэтов, но и публицистические очерки и статьи, имевшие большой резонанс на фронте: И. Г. Эренбурга, К. М. Симонова, А. А. Суркова, А. Н. Толстого, М. А. Шолохова и других.

Всесоюзная студия эстрадного искусства под руководством Н. П. Смирнова-Сокольского выступала с новым жанром — «Живой театрализованной газеты». Мастера художественного слова читали громящие врага стихи, сатирические памфлеты, пели юмористические куплеты и частушки.

Уже к 1942 г. Всесоюзное гастрольно-концертное объединение (ВГКО) отправило на фронт более 60 бригад из областных и республиканских филармоний. Анализ 228 программ за ноябрь — декабрь 1943 г. показывает, что на долю лирической песни, юмора и сатиры приходилось до 80% исполняемых произведений, так как программы зачастую менялись на ходу, с учетом заявок особенного зрителя[133].

Около 25 тыс. концертов дали артисты Ленинградской эстрады за 900 дней блокады города. В одном из писем в Комитет по делам искусств при СНК СССР в 1942 г. говорилось: «Отрадно видеть искусство в роли целителя и врачевателя. Когда открылся единственный театр, оставшийся в Ленинграде, — Музыкальной комедии, думали, что безрассудная затея — мрак, голод, холод, обстрелы, личные потрясения. Но театр ежедневно переполнен. Находились люди, которые меняли хлеб на билеты. Билет стоил дорого — четыреста граммов хлеба»[134]. Уполномоченный ГКО по продовольственному обеспечению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда Д. В. Павлов вспоминал, как в неотапливаемом помещении театра, при полном зале тепло укутанных зрителей, артисты Театра музыкальной комедии в легких костюмах давали оперетту «Роз-Мари». В антракте делегация артистов пришла в ложу, где сидели руководители города: «Коллектив поручил нам обратиться с просьбой не засчитывать в счет нормы, полагающейся по карточке, дрожжевой суп, что нам дают на обед»[135]. Просьба артистов была удовлетворена. После концерта зрители приветствовали исполнителей молчаливым вставанием — аплодировать не было сил[136].

Сами фронтовики устраивали в своих частях — в перерывах между боями, при отводе на отдых или на помывку — концерты художественной самодеятельности, где звучали

сочиненные однополчанами песни, стихи, частушки, пародии. Исследователь самодеятельной фронтовой песни Ю. Е. Бирюков по откликам фронтовиков на свою телепередачу восстановил имена авторов многих песен, считавшихся народными, безымянными, и издал сборники фронтовых песен. Обрела автора — военкора В. П. Ермакова — популярная среди фронтовиков песня «Серая шинель», рассказавшая о самой заветной потаенной мечте любого воина — вернуться домой живым, когда «со слезами гордости в лучший угол горницы мать повесит старую серую шинель».

В предвоенные годы в СССР было налажено массовое производство патефонов и иголок к ним — на заводе «Молот» в Кировской области и на Коломенском патефонном заводе под Москвой. Более десяти предприятий страны выпускало в среднем по 50 млн грампластинок в год. Свыше 60% от этого числа изготовлял Апрелевский завод грампластинок в Наро-Фоминском районе Московской области, остальные — десять предприятий Ленинграда и Ленинградской области и молодой, отстроенный перед войной Ногинский завод в Подмосковье[137]. Опасность оккупации Московской области, а затем блокада Ленинграда, бомбежки заставили свернуть производство пластинок и провести эвакуацию предприятий. Оборудование и большая часть специалистов Апрелевского завода были эвакуированы в г. Белово Кемеровской области. А как только враг был изгнан из Подмосковья, завод перешел в ведение Наркомата минометного вооружения и перепрофилировался на выпуск запасных частей для минометов и трубок для взрывателей мин.

Но в Апрелевку с фронтов шел поток писем с призывами: «Грампластинки нужны на фронте, как пушки и снаряды»[138]. Патефонами воинские части были снабжены, добавлялись и трофейные, а вот пластинки — вещь хрупкая. И рабочие Апрелевского завода, в большинстве женщины и девчонки 15–16 лет, организовали комсомольскую фронтовую бригаду и выступили с инициативой восстановить производство пластинок своими силами. Однако финансы на восстановление долго не поступали, и апрелевцам пришлось совершить не один трудовой подвиг для возрождения завода. По ходатайству апрелевцев Совнарком СССР передал им с Ногинской фабрики грампластинок 12 прессов и прочее бездействующее оборудование. К октябрю 1942 г. завод был готов выпускать пластинки[139].

В октябре 1942 г. в неотапливаемой студии Дома грамзаписи в Москве после долгого перерыва стали появляться артисты, согревая своим дыханием холодный микрофон, прежде чем начать петь. К концу 1942 г. завод выпустил 250 тыс. дисков, отправляемых прямиком в действующую армию. Из них только 4 тыс. получил Московско-Ленинский универмаг, и то для обмена с покупателями на битые, заезженные пластинки, из которых затем снова прессовались диски. Но даже в конце войны дефицит пластинок был весьма ощутимым. Первый военный выпуск пластинок — это концерт приехавшего из Ленинграда Центрального объединенного ансамбля ВМФ под управлением В. И. Мурадели (симфонический оркестр, джаз, хор моряков и духовой оркестр), морские песни «Бескозырка» Н. С. Верховского и И. С. Жака, «Бушлат» К. Я. Листова и Н. Г. Флёрова, песня В. П. Соловьёва-Седого на слова Л. Н. Давидович «Играй, мой баян» («Застава дорогая»). Полюбившийся всем «Синий платочек» в исполнении К. И. Шульженко с джазом В. Ф. Коралли и словами М. М. Максимова выходил дважды в записи — и в Ленинграде, и в Апрелевке. За неполный год было записано около 150 песен[140].

7 октября 1941 г. «Вечерняя Москва» сообщала читателям: «Фабрика звукозаписи перестраивает работу. Художественный отдел (начальник отдела тов. И. Н. Акимов) перешел исключительно на запись патриотических боевых песен, предназначенных для Красной Армии. Записано 50 песен. «Священная война», «До свиданья, города и хаты», «На врага, за Родину, вперед!», «Будет Гитлеру конец», «Мы в море уходим», «Мы фашистов разобьем», «Сталинская авиация». Много сатирических и шуточных песен». Однако вместе с тем отмечалось: «Художественному отделу фабрики звукозаписи можно сделать один упрек: отдел совсем не записывает мастеров художественного чтения... Такая серия пластинок явилась бы ценным подарком Красной Армии и ее художественной самодеятельности». В результате на пластинках стали записывать стихи и яркие публицистические очерки и статьи К. М. Си-

монова, Н. С. Тихонова, М. А. Шолохова, А. А. Суркова, А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга, а в помощь общественным агитаторам и лекторам — речи В. И. Ленина и И. В. Сталина. Однако приоритет все же отдавался песне — признанному духовному оружию армии. Записывались концерты Русского народного хора имени М. Е. Пятницкого, Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии под управлением А. В. Александрова, джаз-оркестр Л. О. Утёсова, концерты Л. А. Руслановой и другие.

Отношение бойцов к пластинке со знакомым голосом певца или певицы как к чему-то одушевленному, родному отмечал поэт И. Л. Сельвинский, вспоминая, как однажды на передовой, заслышав из немецких окопов «Катюшу» в исполнении Л. А. Руслановой, солдаты, возмутившись, устроили лихую вылазку, вернулись с пластинкой — и запела певица для наших[141].

Как уже говорилось выше, советские артисты не только словом били врага. Шквальным огнем крушила врага реактивная батарея «катюш», построенная на средства Л. А. Руслановой, первой исполнительницы любимой песни. Били фашистских асов два самолета с бортовыми надписями «Веселые ребята» — подарок от джаз-оркестра Л. О. Утёсова, авиаэскадрилья «Советский артист» — от Свердловского театра музыкальной комедии. «Сверкая блеском стали» шли в бой танки Т-34, построенные на средства С. М. Балашова и В. Н. Яхонтова[142]. Заработанные на сверхплановых спектаклях и концертах 700 тыс. рублей передали в Фонд обороны только в 1942 г. артисты Большого театра СССР[143]. А из далекого Лос-Анджелеса выдающийся русский музыкант и композитор С. В. Рахманинов перечислил в Фонд обороны СССР денежные средства, заработанные на выступлениях и концертах. Трагическая весть о кончине русского патриота 31 марта 1943 г. вызвала скорбь советских людей.

Всенародная вера в Победу была столь неколебима, что 17 ноября 1943 г. Б. В. Асафьев, В. Я. Шебалин и Д. Д. Шостакович обратились к секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову с письмом в поддержку развития в стране электромузыкальных инструментов «Эмиритон», изобретенных ленинградцами А. А. Ивановым и А. В. Римским-Корсаковым. В письме, в частности, говорилось: «Эмиритон» специалисты называют уникальным инструментом, обладающим «огромными творческими возможностями для композитора и музыканта-исполнителя. Его звуковой диапазон перекрывает всю музыкальную шкалу и недоступен ни одному из существующих оркестровых инструментов. Звуковая мощность «Эмиритона» распространяется от едва слышных звуков до мощных, способных обслужить громадные аудитории. «Эмиритон» обладает тембрами, имитирующими все тембры оркестра (скрипка, фагот, кларнет, виолончель и пр.) и гласные человеческой речи. «Эмиритон» — не автомат и требует живого исполнителя»[144]. Видные музыканты и изобретатели считали, что «для продолжения успешно начатого до войны дела подготовки кадров исполнителей на электромузыкальных инструментах «Эмиритон» и образования ансамбля электромузыки необходимо возможно быстрее доставить эти ценнейшие уникальные инструменты в г. Москву из г. Ленинграда воздушным путем»[145].

В феврале 1944 г. в Ленинграде после двух лет перерыва возобновила работу фабрика музыкальных инструментов «Красный Октябрь». Первые партии пианино были отправлены в освобожденные от врага районы — в дома культуры, клубы, театры, филармонии.

Кинематограф по праву считается мощным оружием пропаганды, или в современной транскрипции — информационной войны. Не случайно Наркомат связи хоть и не сразу, но приравнял транспортировку фильмокопий по всей стране к перевозке военных грузов, а значит, срочных, первоочередных. Еще в 1938 г. для руководства киноотраслью, включающей в себя художественную, документальную и учебно-техническую кинематографию, а также кинопленочную промышленность и кинопрокат, был создан Комитет по делам кинематографии при СНК СССР. В первые месяцы войны Комитет частично был эвакуирован из столицы, его подразделения оказались рассредоточены в трех далеких друг от друга городах — Москве, Куйбышеве и Новосибирске. Киностудии, а значит, и кинопроизводство оказались в городах среднеазиатских и кавказских республик СССР. Непросто было главе комитета И. Г. Большакову координировать работу вверенного ему хозяйства[146].

Советский кинооператор А. Эльберт ведет съемку у бронеавтомобиля БА-10

Кинооператоры В. И. Орлянкин и А. П. Софьин в Сталинграде

Огромные организационные, тематические, технические и даже эстетические изменения должны были произойти во всем киноискусстве с началом войны. На первый план вышло создание военно-учебных лент, обучающих воинов всех родов войск искусству сражаться, а мирное население — умению выживать в военных условиях: от тушения зажигательных бомб до организации подсобных огородных хозяйств. Но самой востребованной в нашем трудовом тылу стала кинохроника — правда о войне.

Операторы-ветераны вспоминали, что психологически в первые дни войны труднее всего было снимать бомбежки, отступление войск, беженцев, убитых и раненых — руки опускались в бессилии. Случалось, что обезумевшие от горя люди относились к человеку с кинокамерой подозрительно и враждебно. Оператор А. Ф. Казначеев писал: «Наша киногруппа на открытой полуторке продвигалась к Ворошиловграду. На дороге — тысячи людей, машины, до отказа набитые людьми и скарбом, ревущие стада колхозных коров. И всё это двигалось нескончаемым потоком... Стоя на подножке движущейся машины, я снимал происходящее вокруг. Иногда из толпы раздавалось: «Зачем ты это делаешь?!» Но снимал я, твердо уверенный, что истории это будет крайне необходимо. Верил, что наступит время, когда всё переменится, и мы вернемся сюда»[147].

Уже в начале войны были выведены из строя Минская, Киевская, Ленинградская студии кинохроники. Но Центральная — Московская, в Лиховом переулке, организовывала работу по всей стране, укомплектовывала фронтовые киногруппы и контролировала их отправку в действующую армию. Со всех фронтов, многих предприятий советского тыла и даже из партизанских краев на Центральную студию документальных фильмов (ЦСДФ) поступали километры отснятой кинооператорами-документалистами пленки. Срочно делались проявка, монтаж, писался закадровый текст, и готовые фильмы и киножурналы отправлялись во все концы страны.

Во время Великой Отечественной войны советские кинооператоры-документалисты отсняли 3,5 млн метров пленки[148]. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД) насчитывает сегодня 3541 единицу хранения оригиналов времен Великой Отечественной, что составляет 800 тыс. метров кинопленки. Из них 221 единица хранения — кинофильмы и специальные выпуски, 402 номера киножурналов, 2485 единиц хранения кинолетописных сюжетов. За этими грандиозными цифрами — ежедневный труд фронтовых кинооператоров, изо дня в день писавших кинолетопись войны, рискуя собственной жизнью.

В годы войны создавалась довольно эффективная схема работы фронтовых операторов, отличающаяся мобильностью и оперативностью — качествами, столь необходимыми любому боевому подразделению. Каждая киногруппа, прикомандированная к политуправлению фронта или флота, находилась в оперативном подчинении политуправления, а творческое руководство, снабжение аппаратурой и пленкой осуществлялось фронтовым отделом Главка кинохроники. Возглавлял киногруппу опытный оператор или режиссер, у которого были заместители по административно-хозяйственным вопросам. К каждому крупному воинскому соединению был прикреплен кинооператор. Костяк фронтовой кинохроники составляли операторы с большим опытом довоенной работы: И. И. Беляков, С. Е. Гусев, М. Ф. Ошурков, А. И. Сологубов, С. Н. Фомин, М. А. Трояновский, Р. Л. Кармен и другие.

Первый киновыпуск, посвященный потрясшему всю страну грозному событию — войне, вышел на экраны уже 24 июня. Это был «Союзкиножурнал» № 58. В нем не показаны поля сражений, но есть репортажи о том, как слушали люди в глубоком молчании и напряжении речь В. М. Молотова по радио, как прошли на московских заводах «Калибр» и «Серп и молот» первые митинги, и тут же — сюжет о русском летчике Петре Нестерове, еще в годы Первой мировой войны совершившем воздушный таран. Через две недели после вторжения, 14 июля 1941 г., вышли в свет первые хроникальные кинорепортажи с фронтов — в «Союзкиножурнале» № 66–67. Появилась рубрика «Кинорепортаж с фронтов Отечественной войны», а в августе — первые художественные короткометражки о войне. «Главное — привыкнуть к мысли, что стальное, движущееся на тебя чудовище можно поразить пулей из бронебойного ружья или связкой гранат»[149], — рассказывалось в «Союзкиножурнале» необстрелянному зрителю.

Кинооператор М. Ф. Ошурков спускается в люк подводной лодки

Кинооператор снимает летчиков эскадрильи «Валерий Чкалов» 159-го истребительного авиаполка

Очень популярны были киножурналы, представляющие операти вную информацию с фронтов. До сего дня составляют они «золотой фонд» РГАКФД: 253 номера «Союзкиножурнала» за 1941—1944 гг., 34 номера киножурнала «Новости дня» за 1944—1945 гг., 68 номеров «Ленинградского киножурнала» за 1942—1944 гг., 46 номеров киножурнала «Пионерия» за 1941—1945 гг., отдельные выпуски киножурнала «Советское искусство» и «СССР на экране».

Кроме специальных «Фронтовых киновыпусков» и «Союзкиножурнала» снимались информационно-агитационные короткометражки с призывными названиями: «Молодежь! На защиту Родины!», «Кровь за кровь, смерть за смерть!», в основе которых документальные кадры, но разбавленные «организованными событиями» — своеобразными инсценировками, снятыми в тыловых частях, близ фронта.

1942 г. ознаменовался выходом полнометражных документальных и художественных кинолент. Информация, кинорепортаж, публицистика (киноочерк) освещали боевые действия на фронтах, трудовой подвиг народа в глубоком тылу, повседневную жизнь фронта и тыла. В конце 1941 г. часть сотрудников с оборудованием Московской киностудии была эвакуирована в Куйбышев, укрепив тем самым кадровый состав местной студии, ставшей базой Центральной студии. Всего за месяц была смонтирована на новом месте звукозаписывающая и лабораторная техника, начался выпуск кинопродукции. Сюда поступали боевые репортажи с фронтов, на основе которых был налажен выпуск «Союзкиножурналов».

Для зарубежного зрителя, прежде всего союзников по антигитлеровской коалиции США и Англии, выходил киножурнал «СССР на экране», и уже в 1942 г. были сняты фильмы на экспорт «Героический Севастополь», «Парад польской части». В начале 1943 г. из кинематографистов, эвакуированных на Урал, была организована киностудия в Свердловске. Как оказалось, для поднятия боевого духа народа требовалась не только фронтовая кинохроника, но и репортажи и киноочерки с предприятий тыла, многие из которых также были эвакуированы и развернуты на Урале и в Поволжье.

На вооружении советских кинооператоров была кинокамера «Конвас-1», чаще называемая по американскому аналогу «Дерби» — тяжелая, стационарная, предназначенная для съемок со штатива в спокойной обстановке, а также более легкая (до 4,5 кг), портативная, для съемок с рук, подходящая боевой обстановки, — «Аймо», созданная американскими конструкторами, но выпускавшаяся в СССР под названием «КС». Каждый киносюжет, отправляемый в Москву, на Центральную студию, сопровождался своеобразной краткой аннотацией, рассказывающей о том, что снято на пленке. Этот монтажный лист — краткая и понятная боевая сводка.

Осознавая всю сложность миссии летописцев войны, советские кинохроникеры становились подчас и свидетелями обвинения фашизма, и хранителями истории. Оператор К. И. Широнин повествовал о самых страшных кадрах войны: «В руки фашистам попали наши четыре девушки. Санинструктор и санитарки. Гитлеровцы... подвергли их жестоким пыткам: кололи тело кинжалами, ломали кисти рук и ноги, вырезали на груди пятиконечные звезды. Нам пришлось снимать трагические кадры изуверства. Впоследствии на Нюрнбергском процессе в 1946 г. эти съемки демонстрировались как документы зверств фашистов на советской земле с нашими операторскими клятвами и подписями»[150].

И. П. Копалин, получивший мировую известность как режиссер кинофильма «Разгром немецких войск под Москвой», писал на фронт кинооператорам: «Учтите новое требование к нам. Это — обязательный показ противника через: ответный обстрел наших артпозиций и переднего края, наши убитые и раненые, бомбежки противником наших рядов — всё то, что может дать ощущение противника и наших потерь в боях»[151].

Обращает на себя внимание строгая лаконичность названий фильмов и киновыпусков, лишенных какой бы то ни было патетики и образности: «В логове зверя» (режиссер Я. М. Посельский) — о взятии Восточной Пруссии; «От Вислы до Одера» (режиссер В. Н. Беляев) — об освобождении Польши; «В Верхней Силезии» (режиссер Я. М. Посельский) — о боях за Сандомирский плацдарм, Домбровский угольный бассейн и вступлении наших войск в Германию. А потом были еще: Кёнигсберг, Померания, Будапешт, Вена — и те же географические названия в кавычках, как заголовки киновыпусков о победоносных боевых операциях советских войск.

Фронтовой кинооператор Б. И. Шер после возвращения из боевого вылета

Киносъемка на Пулковских высотах

Советский кинооператор готовится к съемке во время боя в Будапеште

Кадровый состав ЦСДФ был укреплен мастерами игрового кино: А. П. Довженко — «Битва за нашу Советскую Украину» (1943), «Страна родная», «Победа на Правобережной Украине» (оба в 1945 г.), С. И. Юткевич — «Освобожденная Франция» (1944), Ю. Я. Райзман — «К вопросу о перемирии с Финляндией» (1944) и «Берлин» (1945), И. Е. Хейфиц и А. Г. Зархи — «Разгром Японии» (1945). Масштабным проектом советского документального кино стало создание кинофильма «День войны». В восьми частях фильма режиссер М. Я. Слуцкий собрал воедино кадры, снятые 160 операторами на фронтах и в тылу в один день 13 июня 1942 г. — 356-й день сурового испытания.

В середине лета 1943 г. было решено создать полнометражный фильм об авиации. Его режиссером стал И. М. Посельский, а сценаристами — С. В. Михалков и Г. Эль-Регистан. Снимался этот фильм про советских летчиков-асов, вышедший на экраны под названием «Крылья народа», группой талантливых операторов, имеющих немалый опыт воздушных съемок: Т. З. Бунимовичем, Н. В. Быковым, В. В. Доброницким, Д. М. Ибрагимовым, П. Д. Касаткиным, А. Г. Кричевским, К. Кутуб-заде, В. И. Орлянкиным, Р. Б. Халушаковым, Б. И. Шером.

В середине 1944 г. для лучшего освещения боевых действий авиации Военным советом ВВС КА и Комитетом по делам кинематографии была создана специальная фронтовая киногруппа ВВС КА, которую возглавил оператор А. А. Лебедев. Укомплектовывали ее полученными по ленд-лизу узкопленочными 16-миллиметровыми киноаппаратами, поэтому требовалось обеспечение группы узкой пленкой, проявочными машинами под нее, аппаратами для перевода с 16-миллиметровой на 35-миллиметровую, обычную пленку. Только за четыре месяца 1944 г. киногруппа отсняла 16 тыс. метров авиационного материала. До самого конца войны операторы киногруппы совершали боевые вылеты вместе с летчиками[152]. Случалось, брали на себя обязанности членов экипажа. Так, Ил-2, в котором находился Б. И. Шер, во время штурмовки подвергся атаке вражеских истребителей. Оператор, сидя в кабине стрелка, отложил камеру и взялся за пулемет. В этом бою он сбил «Фокке-Вульф-190», за что был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени[153].

Из отличившихся в боях добровольцев, набранных в основном из опытных армейских разведчиков, по инициативе оператора А. И. Медведкина, в последний год войны организовывались группы киноавтоматчиков. После двухмесячных курсов они официально получали дипломы уникальной военной специальности — сержант-оператор. К солдатским ППШ крепились маленькие кинокамеры «Кинамо», по сути видящие бой глазами бойца. Эти съемки вошли в спецвыпуск «Кёнигсберг», снятый режиссером Ф. Киселёвым[154]. Кинооператоры А. М. Зенякин и Н. А. Лыткин рассказывали о работе своих «курсантов»: «Получив свободу передвижения, наши дебютанты, как разведчики, просачивались в тылы врага, устраивали у дорог засады, и пока один бросал в проходящую машину ручную гранату, второй снимал это на пленку, потом менялись: снимал уже первый, как второй берет «языка»[155]. А известный военкор Е. З. Воробьёв в очерке «Кинопулемет» для «Красноармейской правды» писал: «Пятнадцать учеников Н. Лыткина в условиях обороны добыли 58 «языков», взяли в плен сотни немцев... Все пятнадцать награждены 43 орденами и медалями. Гвардии сержант В. Буцко награжден пять раз, гвардии рядовой И. Попов — трижды, гвардии старший сержант Г. Свинухов — кавалер ордена Славы двух степеней»[156].

Яркой героической страницей истории советского кино стала работа кинооператоров за линией фронта, в глубоком фашистском тылу, в партизанских зонах Калининской (Тверской), Орловской, Ленинградской, Брянской, Смоленской областей, Карелии, Кубани, Крыма, Белоруссии, Украины, республик Прибалтики. О том, как снимались самые первые сюжеты партизанской, поистине народной войны вспоминал оператор Р. Л. Кармен. Это случилось 2 июля 1941 г., на одиннадцатый день войны: «В одной деревне мы сняли эвакуацию колхоза. Сначала тронулись в путь два больших стада — коровы, овцы. За ними по дороге — тракторы, ведущие на прицепе комбайны. На деревенской улице стояли два десятка телег с женщинами и детьми, а также домашним скарбом... Подводы медленно тронулись, заплакали в голос женщины. Не все мужчины пошли вслед за повозками, те,

что были вооружены — человек шесть, остались на опустевшей улице деревни... Я проводил колхозников до ближайшей рощицы. Снял вслед долгий план: они один за другим скрывались в густой листве ольшаника; помню последний кадр — качающаяся листва. Много позже я осознал, что эпизод этот, снятый в начале войны, был, очевидно, самым первым штрихом в большой киноповести о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны. Повесть эту создавали мои товарищи-операторы далеко за линиями фронтов»[157]. Эта удивительная «киноповесть» начала «писаться» еще летом 1941 г. — отдельные сюжеты о партизанах появились в «Союзкиножурнале», в рубрике «Репортаж с фронтов Отечественной войны». Одними из первых отправились в тыл врага оператор С. Е. Гусев, фотокор С. И. Лоскутов и журналист Лазарь Плескачевский, и сорок дней, находясь в партизанской бригаде, они снимали акции возмездия — диверсии, нападение на железнодорожную станцию, партизанский быт.

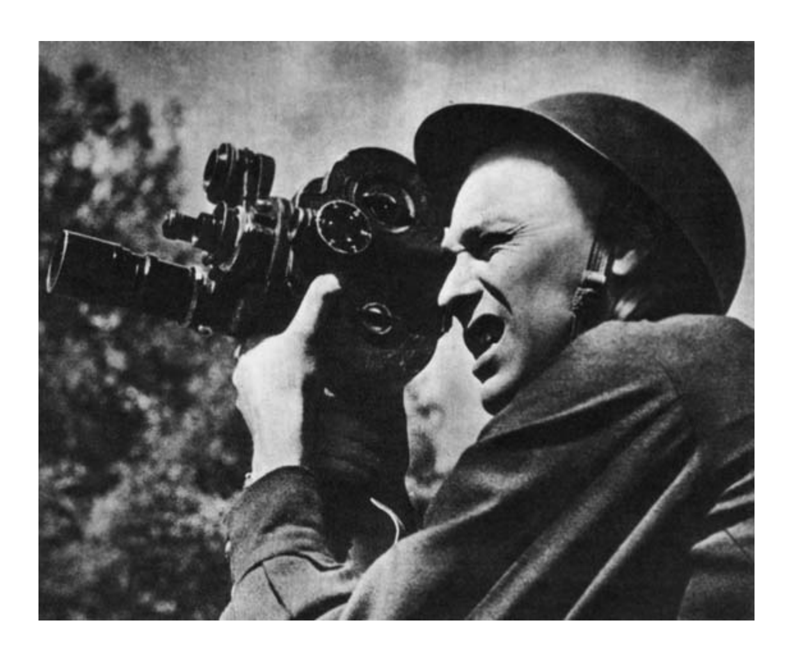
В мае 1942 г. при Ставке Верховного главнокомандования был организован Центральный штаб партизанского движения. Заметно участились рейды партизанских соединений по глубоким немецким тылам. Советский кинозритель, каждый раз ожидая услышать в выпуске новостей об открытии обещанного союзниками второго фронта, приходил к мысли, что второй, резервный фронт уже открыт — партизанами.

Масштабные операции народных мстителей отражены не только в выпусках кинохроники, но и в полнометражном «большом» кино. В начале 1943 г. была организована специальная киногруппа, возглавляемая режиссером В. Н. Беляевым, в которую входили опытные фронтовые операторы: Н. В. Быков, И. Н. Вейнерович, М. М. Глидер, Б. М. Дементьев, Г. А. Донец, Л. С. Изаксон, А. Д. Каиров, Б. К. Макасеев, В. Н. Муромцев, Я. Г. Местечкин, М. И. Сухова, С. С. Школьников, Б. М. Эйберг, А. И. Смолка, В. А. Фроленко, Б. И. Шер. Им предстояло снять первый полнометражный документальный кинофильм о партизанском движении — «Народные мстители». А позже кадры, снятые операторами у партизан, вошли в кинокартины «Освобождение Белоруссии» и «Битва за нашу Советскую Украину».

Переброска операторов в тыл была поручена авиаполкам ГВФ, наладившим связь партизан с Большой землей, еженощно совершающим по нескольку рейсов через линию фронта. С первых красноречивых и символичных кадров этого фильма приходит понимание, сколь оправданна лаконичность закадрового текста, напоминающая емкую краткость телеграфной строки. Вот на экране проходит череда вдохновенных лиц: суровые старики, обросшие бородами-«лопатами», молодые парни с лихими кудрявыми чубами, сосредоточенные девушки, 12-летние мальчишки с напускной серьезностью во взоре. Люди в кадре, вскидывая оружие, беззвучно шевелят губами, но зритель, кажется, слышит их грозное: «Клянемся!». В следующие минуты зритель видит уже народных мстителей в деле — партизаны минируют железнодорожное полотно, диктор комментирует: «Шлют немцы к фронту эшелон за эшелоном. Но поезд не пройдет! Об этом позаботятся партизаны, и в первую очередь сам командир — Батя Игнатов». Взрыв — и трупы немецких солдат. Автоматная очередь прошивает цистерну с бензином, на которой красуется крупная надпись Shell.

Поистине черно-белой, контрастной, лишенной полутонов и ярких красок, предстает перед нами Великая Отечественная в кинохронике, словно скупое графическое изображение. И оттого особо значимым, из ряда вон выходящим событием видятся редкие кадры, снятые в цвете.

Всего за годы войны сделано 34 полнометражных документальных фильма, 67 короткометражек, 24 фронтовых выпуска и более 460 номеров «Союзкиножурнала» и журнала «Новости дня». Отдельный полнометражный документальный фильм был посвящен практически каждому крупному сражению Великой Отечественной, менее важным, но значимым — фронтовые выпуски и короткометражные фильмы. 14 документальных фильмов были удостоены Сталинских премий, в том числе «Разгром немецких войск под Москвой» режиссеров И. П. Копалина и Л. В. Варламова, «Ленинград в борьбе» режиссеров Р. Л. Кармена, Н. Комаревцева, В. М. Соловцова и Е. Ю. Учителя, «Берлин» режиссеров Ю. Я. Райзмана, Е. И. Свиловой.

Фронтовой кинооператор Р. Л. Кармен за работой…

… и с группой офицеров Красной армии

Весть о том, что Красная армия в декабре — январе 1941 г. отбросила хваленый вермахт от Москвы, стала мировой сенсацией. Экспортный вариант фильма «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» режиссеров И. П. Копалина и Л. В. Варламова, созданный в содружестве с писателем П. А. Павленко, поэтом А. А. Сурковым и композитором Б. А. Мокроусовым и исполненный на кинопленках многих кинооператоров, представляет зарубежному зрителю «чудо под Москвой», изменившее мнение о Советском Союзе, о восточном фронте тысяч простых людей во всем мире. Американская академия киноискусств удостоила фильм премии «Оскар», признав его лучшим зарубежным фильмом 1942 г. Фильм имел большой успех не только в США, но и в других странах мира.

Последним документальным фильмом войны стал «Берлин» режиссеров Ю. Я. Райзмана и Е. И. Свиловой, в котором использованы съемки более 30 советских кинооператоров, а также кадры немецкой трофейной хроники, захваченной нашими войсками в берлинском фильмохранилище. Закадровый текст, объясняющий военно-политический «аппетит» А. Гитлера, читает диктор ЦСДФ Л. И. Хмара: «Без власти над Европой — мы ничто! Европа — это Германия! Разгромить англосаксов и в будущем включить Соединенные Штаты Америки в германскую мировую империю!» И тут же кадры, напоминающие о том, что русские брали Берлин еще в 1760 г. — исторические реликвии, старинные гравюры XVIII в. Именно демонстрацией этого фильма открылся первый послевоенный Международный кинофестиваль в Каннах. Фильм получил первую международную премию. Французская газета опубликовала восторженную рецензию: «Символический факт, что международные торжества открываются фильмом, изображающим победу, без которой это торжество не могло бы состояться. Но помимо этой символической ценности, «Берлин» убеждает нас еще раз в крайней правдивости, достигнутой советскими документальными фильмами о войне». Реализм «Берлина» граничит с галлюцинацией. Снимки с натуры смонтированы с удивительной простотой и создают впечатление реальности, которой достигло только советское кино.

Об огромном отличии условий работы советских кинооператоров от коллег в стане союзников, открывших наконец-то весной 1944 г. второй фронт, легендарный режиссер фильма И. П. Копалин рассказывал студентам ВГИКа на лекции в 1958 г.: «В Москву... прилетел американский режиссер Литвак, который привез материалы, снятые на этом втором фронте — материалы высадки американских войск в Нормандии... Мы беседовали с режиссером, и когда мы спросили его: сколько американских операторов снимали эту высадку в Нормандии (а это была незначительная протяженность, которая ограничивалась десятком километров), он сказал, что участвовало в этом 200 американских операторов... а мы сказали, что у нас на 2,5 тыс. километровом фронте находится 150 операторов... По сравнению с американским оборудованием и их количеством операторов, чем могли взять наши операторы в тяжелых условиях фронта? Они могли взять своей выдержкой, мужеством»[158].

С первых дней фашистского нашествия в кинотеатрах столицы и других городов можно было увидеть не только художественные и документальные кинофильмы, но и военно-учебные. Население свыкалось с мыслью, что теперь это «скучное» кино становится для него жизненно важным. Так, на последней, рекламной полосе «Вечерней Москвы» уже 25 июня 1941 г. было размещено объявление: «Все предприятия, учреждения и домоуправления г. Москвы могут получить в Московской конторе «Главкинопрокат» фильмы оборонной тематики: «Светомаскировка жилого дома», «ПВО жилого дома», «Боевые отравляющие вещества», «Работа химзвена группы самозащиты», «Работа санзвена группы самозащиты», «Индивидуальная противохимическая защита», «Противопожарная оборона жилого дома», «Авиационные зажигательные бомбы», «Простейшие укрытия от авиабомб», «Воздушный налет», «Умей пользоваться огнетушителем», «Береги противогаз», «Коллективная защита населения от ОВ», «Группа самозащиты». Предоставляется киноаппаратура и киномеханик. Заказы на выездные сеансы принимаются»[159].

Вскоре после начала войны московская киностудия «Техфильм» была переименована в «Воентехфильм» и выпускала фильмы-инструкции, фильмы-пособия. Как правило, снимались эти киноленты силами тех же режиссеров и операторов, которые создавали и хро-

никальные картины. В сентябре 1941 г. в стране развернулась массовая кампания всеобщего военного обучения, кратко именуемая Всеобуч, основными наглядными пособиями которой стали фильмы для необстрелянных бойцов и мирного населения, например «Кинокурс для всеобщего военного обучения», а также фильмы-плакаты: «Как распознать вражеский самолет», «Как гасить зажигательные бомбы», «Борьба с вражескими танками». Для армии и флота выпускались более серьезные и глубокие специальные фильмы, объясняющие тонкие тактические моменты боя: «Немецкая оборона и ее преодоление», «Пехота в бою» (режиссеры В. Г. Сутеев и В. А. Шнейдеров), «Парашютный десант» (режиссер А. И. Кондахчан).

Особое место занимали фильмы-инструкции, целевой аудиторией которых стало гражданское население. Как писал «по горячим следам», в 1947 г. будущий ректор ВГИКа В. Н. Ждан, уже в первый год войны «сказалось то испытанное качество русского народа, которое поэт Велемир Хлебников назвал в свое время «немцеустойчивостью»[160], и огромную роль в этом сыграли оборонные фильмы: «Население Москвы, Ленинграда и других прифронтовых городов училось на фильмах «Воздушная тревога», «Помни сигналы тревоги», «Что мы должны делать по сигналу «воздушная тревога», «Как обеспечить светомаскировку жилого дома», «Как бороться с зажигательными бомбами», «Умей защищаться от фугасных бомб» и другие[161].

Творческий поиск режиссеров, операторов, сценаристов военно-учебного фильма делал, казалось бы, «скучное», но необходимое кино по-своему увлекательным, образным. Например, выпущенный в начале 1942 г. фильм о технике рукопашного боя построен на основных принципах суворовской «Науки побеждать» и называется «по-суворовски» — «Глазомер, быстрота, натиск». Эхо суворовских заветов слышится и в названиях: «Штыком и прикладом», «Стреляй метко» и других. Фильм «Станковый пулемет Максим» начинается со знакомых зрителю кадров «Чапаева», становящихся лейтмотивом всего повествования: строчит из пулемета легендарная Анка.

Сама война «переписывала сценарий» развития советского художественного кинематографа — «могучего средства мобилизации масс на помощь фронту»[162]. Многие кинооператоры и даже известные режиссеры отдавали свои творческие силы съемкам не художественного, а хроникального кино. И тем не менее даже в этих сложнейших условиях в стране выпускались художественные киноленты, столь необходимые для поднятия морального духа людей.

С самого начала войны сотрудники учреждений культуры внедряли новые методы массовой работы со зрителями. Так, уже 30 июня 1941 г. газета «Вечерняя Москва» объявила, что Управление кинофикации при Мосгорисполкоме и База кинопередвижек «организует выездные звуковые киносеансы в клубах, общежитиях, школах, учреждениях, больницах и везде, где имеется электроэнергия. Прием заказов с 8 часов 30 минут утра до 8 часов 30 минут вечера ежедневно (без выходных)»[163]. К просмотру для подобных коллективных сеансов предлагались кинофильмы, естественно, снятые до войны, но становящиеся особенно важными и значимыми именно в связи с драматически изменившейся ситуацией в стране: антифашистские — «Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок», «Болотные солдаты», исторические и военно-патриотические — «Александр Невский», «Суворов», «Богдан Хмельницкий», «Чапаев», «Щорс», «Чкалов», «Танкисты», «Шел солдат с фронта», «Фронтовые подруги».

В первые месяцы войны на широкий экран вышли цветной фильм-сказка «Конек-Горбунок» и фильм «Дело Артамоновых» по М. Горькому — серьезный рассказ о еще памятном многим зрителям старшего поколения царском времени, беспечные кинокомедии «Свинарка и пастух», «Иван Антонович сердится», а также фильм «Романтики» — о том, как советская молодежь осваивает далекую Чукотку, и кинодрама «Маскарад», выпущенная к 100-летию гибели М. Ю. Лермонтова.

В это время на киностудиях страны уже пересматривался план выпуска новых кинолент — снимались с производства постановочно сложные или ставшие неактуальными по сюжету фильмы, в некоторые вносились изменения в духе времени. Так, были переписаны сценарии фильмов «Машенька» (режиссер Ю. Я. Райзман, сценарист Е. И. Габрилович), «Парень из нашего города» (режиссер А. Б. Столпер, сценарист К. М. Симонов), «Морской ястреб» (режиссер В. А. Браун, сценарист Н. Н. Шпанов).

Летом 1941 г. Киевская, Одесская, Минская киностудии художественных фильмов и «Союздетфильм» (будущая киностудия имени М. Горького) были эвакуированы в глубокий тыл — в Ташкент, Сталинобад и Ашхабад. Чуть позже «Мосфильм» и «Ленфильм» перебазировались в Алма-Ату. Часть киноработников была переведена для работы в киностудии Закавказья. На Ташкентской киностудии, объединившей узбекских и эвакуированных кинематографистов, в 1942 г. был снят кинофильм «Александр Пархоменко» (режиссер Л. Д. Луков), в 1943 г. — знаменитый фильм «Два бойца» (режиссер Л. Д. Луков) и «Насреддин в Бухаре» (режиссер Я. А. Протазанов). Киевская киностудия в первые месяцы войны выехала в Ашхабад, где режиссер М. С. Донской снял кинофильмы «Как закалялась сталь», «Радуга». Столица Таджикской ССР — Сталинабад приняла студию «Союздетфильм», эвакуированную из Москвы. Здесь в 1942–1943 гг. были созданы кинокартины «Сын Таджикистана», «Бой под Соколом», «Клятва Тимура», «Лермонтов», «Новые похождения бравого солдата Швейка», «Принц и нищий», «Март — апрель», здесь работали режиссеры С. И. Юткевич, А. Е. Разумный, Л. В. Кулешов, В. М. Пронин и другие.

Но, по сути, кинематографической столицей Советского Союза в период с 1941 по 1944 г. стала Алма-Ата. Именно там была образована Центральная объединенная киностудия, в которой трудились кинематографисты «Мосфильма», «Ленфильма» и созданной накануне войны Алма-Атинской киностудии художественных фильмов. Сюда же был эвакуирован и Всесоюзный государственный институт кинематографии, учебный процесс в котором продолжался всю войну. Алма-Ата, где, по уверениям метеорологов, 365 солнечных дней в году, как никакой другой город способствовала налаживанию беспрерывного, можно сказать, «конвейерного» кинопроизводства.

Вначале кинематографисты под руководством первого директора ЦОКСа М. В. Тихонова доснимали фильмы, начатые на разных студиях: «Свинарка и пастух» (режиссер И. А. Пырьев), «Машенька» (режиссер Ю. Я. Райзман), «Котовский» (режиссер А. М. Файнциммер). По сценарию К. М. Симонова были закончены фильмы «Парень из нашего города» и «Жди меня». Уже через два месяца после учреждения киностудии вышел на экраны комедийный фильм «Антоша Рыбкин» (1942, режиссер К. К. Юдин), затем «Секретарь райкома» (1942, режиссер И. А. Пырьев), «Непобедимые» (1942, режиссер С. А. Герасимов и М. К. Калатозов), «Она защищает Родину» (1943, режиссер Ф. М. Эрмлер), «Фронт» (1943, режиссеры братья Васильевы), «Актриса» (1943, режиссер Л. З. Трауберг), «Воздушный извозчик» (1943, режиссер Г. М. Раппопорт), «Во имя Родины» или «Русские люди» (1943, режиссер В. И. Пудовкин и Д. И. Васильев), «Зоя» (1944, режиссер Л. О. Арнштам). На победный 1945 г. пришлись: «Нашествие» (режиссер А. М. Роом), «Иван Грозный» (режиссер С. М. Эйзенштейн) и «Черевички» (режиссеры М. Г. Шапиро и Н. Н. Кошеверова).

За военные годы ЦОКС выпустил 23 полнометражных и десяток короткометражных кинокартин, то есть 80% всей кинопродукции страны. Значителен вклад ЦОКС в подготовку творческих национальных кадров Казахстана. Под руководством Г. Л. Рошаля была открыта Казахская киноактерская школа, организована кинолаборатория, где обучалась целая бригада казахстанцев, специалистов в области кино — гримеров, бутафоров, пиротехников, монтажников.

Важное значение приобретали короткометражные фильмы на военные темы, выпуск которых в спешном порядке налаживался буквально в первые недели войны. Короткометражки объединялись в программы под общим названием «Боевой киносборник». Только в 1941 г. их вышло семь выпусков, в 1942 г. — пять. Героями киносборников становились уже хорошо известные советскому кинозрителю персонажи: уходит на защиту Родины герой киноэпопеи о Гражданской войне «товарищ Максим» (Б. П. Чирков); развозит фронтовые письма и даже разоблачает диверсантов письмоносица Стрелка (Л. П. Орлова); легко и почти «шутя» переносят тяготы фронтовой жизни «три танкиста» и неунывающие бойцы Вася Тёркин и Антоша Рыбкин; простодушно издевается над гитлеровцами бравый солдат Швейк; «фронтовая подруга» З. А. Фёдорова продолжает свою роль в сюжете «Патриотка». Программы киносборников вели Л. П. Орлова и другие звезды экрана, режиссерами высту-

пали Г. В. Александров, Б. В. Барнет, В. М. Петров, Е. В. Червяков, С. И. Юткевич. Среди коротких новелл есть и настоящие жемчужины кинематографии. Режиссер В. И. Пудовкин по сценарию Л. М. Леонова и Н. Г. Шпиковского поставил «Пир в Жирмунке» — пронзительный рассказ о том, как старая русская крестьянка Прасковья (А. П. Зуева) решает отравить фашистов — своих незваных постояльцев и погибнуть вместе с ними.

Интересной формой мобильного художественного фильма стали фронтовые концерты, снятые со своеобразным национальным колоритом. Это некие смотры искусства республик СССР с участием лучших артистов театра, эстрады, цирка, певцов и музыкантов, обращенные к фронтовикам, среди которых были представители всех национальностей страны, — всем было приятно получить необычный творческий «подарок» с малой родины. С 1941 по 1943 г. были сняты концерты всех советских республик, но особое значение приобрел «Белорусский киноконцерт», ведь вся территория героической республики-партизанки на тот момент находилась под оккупацией, а народное искусство жило и радовало людей.

Азербайджанская киностудия выпустила фильм «Сабухи» (1941) — о просветителе и философе Мирзе Фатали Ахундове и музыкальную кинокомедию «Аршин мал алан», о том, как непросто выбрать жениху невесту на Востоке, где девушки носят чадру. Вышел кинофильм «Давид-Бек» (1943), снятый армянскими кинематографистами, — о полководце XVIII в., возглавившем борьбу за освобождение Армении от персидских завоевателей. На Тбилисской киностудии был снят двухсерийный киноэпос «Георгий Саакадзе» (1942) — о грузинском воителе XVII в., и одновременно мультфильм «Три товарища» (1943) — о том, как важна дружба и взаимовыручка даже в сказочном мире зверей, а также приключенческий фильм о золотоискателях и контрабандистах «Золотая тропа» (1945) и комедия «Строптивые соседи» (1945). В 1943 г. в Ташкенте была снята комедия «Насреддин в Бухаре» с яркими инсценировками старинных мудрых восточных притч. В 1945 г. на экраны вышел фильм «Тахир и Зухра» по мотивам старинной узбекской легенды о любви. Само за себя говорит название кинофильма «Партизаны в степях Украины» (1943), этой же теме героической борьбы украинского народа посвящены кинофильмы «Радуга» (1943), «Это было в Донбассе» (1945).

Обращались к казахским сюжетам кинематографисты Центральной объединенной киностудии в Алма-Ате. Короткометражки «Боевых киносборников»: «Сын бойца» (режиссер В. П. Строева), «Батыры степей» (режиссер Г. Л. Рошаль), «Ванька» (режиссер Г. М. Раппопорт), «Белая роза» (режиссер Е. Е. Арон) и другие сняты столь ярко и правдиво, что многим зрителям кажутся документальными. Активно работали в кино национальные кадры: сценарист А. Тажибаев, в будущем известный писатель, К. Сиранов, впоследствии драматург и кинокритик, актеры К. Бадыров, Ш. Айманов, Р. Османова, Ж. Огузбаев, К. Карабалина, Р. Мусабекова, Д. Нурпеисова.

Международное звучание приобрел советско-монгольский фильм «Его зовут Сухэ-Батор» (1942) — о знаменитом монгольском лидере начала XX в. О героической борьбе с фашизмом чешских патриотов рассказывал кинофильм «Неуловимый Ян» (1942), снимавшийся в Тбилиси. О том же, но с неподражаемым юмором — «Новые похождения Швейка» (1943). О борьбе с фашизмом в Польше повествовала кинокартина «Зигмунд Колосовский», снятая в освобожденном Киеве 1945 г.

Период Великой Отечественной войны — время переосмысления исторического прошлого народа. Возрождался интерес к судьбам и деяниям на благо Отечества, подзабытым в революционном пылу 1920-х гг. Поворот к пристальному изучению отечественной истории заметен уже и по предвоенным картинам — «Александр Невский», «Суворов», которые не сходили с экранов всю войну. В 1941 г. вышел в прокат «Первопечатник Иван Фёдоров» (режиссер Г. А. Левкоев). Тема российской военной славы была продолжена в 1943 г. съемками кинофильма «Кутузов» (режиссер В. М. Петров), и в 1944 г. — «Иваном Грозным» (режиссер С. М. Эйзенштейн). Выходили во время войны и так называемые историко-революционные киноленты, особенно «урожайным» стал 1942 г.: «Александр Пархоменко», «Котовский», «Как закалялась сталь», «Оборона Царицына».

Безусловно, героика войны была главной темой, разрабатываемой советскими кинематографистами, но простой зритель ждал от мастеров кино и легких комедий, просматривая которые, можно было бы хоть ненадолго отвлечься от суровой военной реальности. Комедийный жанр советского кино представлен несколькими кинолентами, снятыми по мотивам русской классики: «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1941), «Черевички» (1944), «Свадьба» (1944) и «Юбилей» (1944). В 1945 г. был снят фильм по знаменитой пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые», в 1944 г. — веселая оперетта «Сильва», ставшая первым художественным кинопродуктом новой Свердловской киностудии. А в 1945 г. на экраны вышли «Близнецы» (режиссер К. К. Юдин) и «Небесный тихоход» (режиссер С. А. Тимошенко).

Советский кинематограф, стараясь соблюсти некий баланс производства драматических, героических кинолент и фильмов юмористического, сатирического, а также детского жанров, не забывал и о мультипликации, столь любимой не только детьми, но и взрослыми. Несмотря на то что студия «Союзмультфильм», образованная за несколько лет до начала Великой Отечественной войны, находилась в эвакуации в Самарканде, газета «Вечерняя Москва» уже 12 сентября 1941 г. информировала москвичей: «Режиссеры московской студии «Союзмультфильм» П. Сазонов и Л. Бредис заканчивают постановку сатирического мультфильма «Конец фон Граббе», показывающего бесславный конец фашистского вояки — грабителя и вора. Также они работают над памфлетом «Карьера СС». Политплакат «Болтуны» реж. О. Ходатаевой бичует болтунов, шептунов и распространителей ложных слухов. «Ловкость рук» — о Геббельсе снимает Д. Бабиченко. Другие фильмы: «Не по Сеньке шапка», «Три мародера», «Репка», «По доброй воле». Кроме антифашистских и оборонных мультипликационных картин в производстве студии находятся сказки «Теремок», «Топтыгин и лиса», комедийные мультфильмы «Веселый двор», «Альпинисты»[164].

Для самой младшей категории зрителей мультипликаторы снимали всеми любимые сказки: «Лиса, заяц и петух» (1942), пушкинскую «Сказку о царе Салтане» (1943), восточную сказку «Синдбад-мореход» (1944). Кроме того, на экраны вышли мудрые басни И. А. Крылова «Слон и Моська» (1941), «Синица» (1944), поучительные и веселые истории «Сластена» (1942), «Орел и крот» (1944), «Музыкальная шутка» (1944), «Телефон» по К. И Чуковскому, героическая «Песня о Чапаеве» (1944) и новогодняя «Зимняя сказка» (1945). В том же победном 1945 г. появился первый полнометражный (до 60 минут) мультипликационный фильм «Пропавшая грамота» по произведениям Н. В. Гоголя. Символично, что многие фильмы-сказки и мультфильмы, снятые для детской аудитории, отражают реалии войны — в их сказочной иносказательности можно разгадать, кто такой злобный людоед, разбойник Бармалей из одноименного мультфильма 1941 г. К таким следует причислить и мультфильмы «Елка» (1942), «Краденое солнце» (1944), «Теремок» (1945) и другие.

Приключенческий жанр для детей и юношества в военные годы был представлен кинокартинами: «Остров сокровищ» (1941), «Принц и нищий» (1942), «Клятва Тимура» (1942), «Пятнадцатилетний капитан» (1945), «В дальнем плаванье» (1945). Немногие фильмы, снятые в романтичном жанре мелодрамы, отражают военную тему, как, например, «Машенька», «Актриса». Любовь и верность киногероев проверяется войной в кинолентах «Парень из нашего города», «Жди меня», «Два бойца», «В шесть часов вечера после войны», «Воздушный извозчик».

Безусловно, большинство кинофильмов отражает реальность войны во всем ее героизме и обыденности. В ноябре 1942 г. в Москве состоялась премьера картины «Секретарь райкома» (сценарист И. Л. Прут, режиссер И. А. Пырьев). Впервые узнала страна, как живут и борются с врагом на оккупированной территории партизаны и подпольщики. В основу многих фильмов о войне легли реальные истории, рассказанные людьми, прочитанные в газетах. В фильме «Она защищает Родину» русская крестьянка Прасковья Лукьянова в исполнении прекрасной актрисы В. П. Марецкой уходит к партизанам после гибели мужа от рук фашистов. Чтобы разоблачить их ложь, будто пала Москва, и поднять дух людей, она обходит деревни и села, рассказывает правду, чуть было не погибает от рук фашистов, но её спасают соратники по борьбе.

1944 г. можно считать началом создания художественной кинолетописи героических подвигов защитников Отечества — на экраны выходит фильм «Зоя» (сценаристы Л. О. Арнштам и Б. Ф. Чирсков, режиссер Л. О. Арнштам, композитор Д. Д. Шостакович). Роль легендарной героини с поражающей искренностью исполнила Г. В. Водяницкая. О героической обороне Севастополя в 1941–1942 гг. — картина А. Г. Зархи «Малахов курган». По пьесе Л. М. Леонова был снят фильм «Нашествие» (сценарист Б. Ф. Чирсков, режиссер А. М. Роом), повествующий о первых трудных месяцах сражений и отступлений, времени выбора между добром и злом, честью и бесчестием, который встал перед каждым человеком, оказавшимся на оккупированной территории. Отвергнутый семьей, только что вернувшийся из заключения Фёдор Таланов (О. П. Жаков) мстит за поруганное Отечество и бесстрашно говорит своим палачам: «Я — русский, защищаю Родину!» В основу картины «Иван Никулин — русский матрос» (сценарист Л. В. Соловьёв, режиссер И. А. Савченко, в ролях И. Ф. Переверзев, Б. П. Чирков, Э. П. Гарин, З. А. Фёдорова) был положен очерк, опубликованный в газете «Красный флот», о моряке, боевой путь которого начался на корабле и продолжился в партизанах.

Во время войны советские граждане, оказавшиеся во вражеском тылу, называли Большой землей огромную часть страны, свободную от врага. «Большая земля» — так режиссер С. А. Герасимов назвал кинофильм о героической эвакуации на Урал множества предприятий и их сотрудников с семьями, о человеческом сострадании, проявленном местными жителями к эвакуированным. Главная героиня — Анна Свиридова (Т. Ф. Макарова), проводив мужа на фронт, принимает в своем доме семью беженцев, этому примеру следуют ее землячки. Примечательно, что в американском прокате этот фильм вышел под названием «Уральский фронт» — это был прозрачный намек на долгую нерешительность союзников в отношении открытия второго фронта.

Героические ленинградцы, оказавшиеся в кольце голодной блокады, как на маленьком, но непокоренном острове, знали, что Большая земля прикладывает все силы к их освобождению, а кинематографисты рассказали о судьбе гордой Северной столицы средствами кино. В 1944 г. на экраны вышел трогательный фильм «Жила-была девочка» (режиссер В. В. Эйсымонт) о судьбе двух маленьких, но мужественных ленинградок, в главной роли снялась полюбившаяся детворе по серии детских фильмов Наташа Защипина. А кинофильм «Морской батальон» (режиссер А. М. Файнциммер) через непростые судьбы своих героев, балтийских моряков и их семей, повествует обо всех этапах блокады. О днях Московской битвы и героических летчиках — защитниках столицы рассказывает фильм 1944 г. «Небо Москвы» (режиссер Ю. Я. Райзман и А. Л. Птушко).

Важной вехой в истории советского кино стал кинофильм «Радуга» (режиссер М. С. Донской), снятый по сценарию В. Л. Василевской. Украинская партизанка Олёна Костюк (Н. М. Ужвий), попав в руки врага, мужественно переносит пытки и издевательства, у нее глазах фашист убивает ее новорожденного ребенка, но героиня не выдает товарищей. Режиссер фильма М. С. Донской вспоминал, какое мужество потребовалось от артистов, ведь фильм снимали в Ашхабаде при 40-градусной жаре, а в кадре артисты по несколько часов ходили укутанными в зимнюю одежду, по «снегу» из ваты, фосфата и соли, притоптывая ногами, будто от холода. Во время съемок актриса Е. А. Тяпкина узнала, что ее сын погиб на фронте, и по злой иронии судьбы в тот момент она должна была играть скорбящую мать. М. С. Донской решил отменить съемку, но актриса попросила продолжать: «Нет, мы будем снимать этот эпизод, мы воюем!»[165] Режиссер вспоминал: «Подойдя к лежащему на земле артисту, который играл ее сына, она медленно опустилась на колени. Тяпкина не играла роль, она была матерью, у которой на фронте погиб ее единственный сын»[166].

Подарком всей стране к новому 1945 г. стал удивительно духоподъемный фильм «В шесть часов вечера после войны», в котором герои в исполнении любимых народом артистов М. А. Ладыниной и Е. В. Самойлова по воле сценариста В. М. Гусева и режиссера И. А. Пырьева, опережая время на полгода, встречаются в Москве, празднующей Победу. В победном 1945 г. зритель познакомился с кинодрамой «Непокоренные» (режиссер М. С. Донской), рассказывающей, что пришлось пережить жителям Донбасса под оккупацией, а также во-

енным детективом «Поединок» (режиссер В. Г. Легошин) — об охоте немецкой разведки за секретом нового советского оружия.

За месяц до окончания войны был снят фильм, отразивший реалии фашистского нового порядка — с его планами на превращение населения нашей страны в пронумерованных рабов — «Человек № 217». Показательно, что постановщик ленты М. И. Ромм вернулся к этой теме через десятилетия, создав документально-публицистический фильм «Обыкновенный фашизм». На экраны также вышел фильм режиссера Л. Б. Столпера по сценарию К. М. Симонова — «Дни и ночи», созданный им по своим дневниковым записям 1942–1943 гг. и напомнивший всему миру, каким нелегким был путь к победе над самой сильной армией того времени. После Победы, в начале июня 1945 г., режиссер С. А. Герасимов начал подготовку к постановке торжественного парада Победы на Красной площади.

Еще в начале войны, в январе 1941 г., в Нью-Йорке с успехом проходил фестиваль советских фильмов. Среди 21 кинокартины были представлены: «Броненосец «Потёмкин», «Депутат Балтики», «Ленин в Октябре», «Мы из Кронштадта», «Чапаев», «Александр Невский», «Профессор Мамлок», «Волга-Волга»[167]. В конце войны кинофильм «Радуга» был отмечен главным призом Ассоциации кинокритиков США и высшей премией газеты «Дейли ньюс» за лучший иностранный фильм в американском прокате 1944 г., а также призом Национального совета кинообозревателей США.

Союзники СССР по антигитлеровской коалиции внесли свой вклад в разработку «русской темы», снимая в годы войны фильмы о России, русских людях, восточном фронте, среди них «Песня о России» и «Северная звезда», показанные в СССР. Сюжет «Песни о России» вполне мелодраматичен — дирижер американского оркестра на гастролях в СССР влюбляется в русскую девушку. Режиссер фильма Грегори Ратофф — уроженец Санкт-Петербурга, эмигрировавший в США, собрал для съемок многих голливудских актеров с русскими корнями. «Северная звезда» — такое странное название придумывают кинематографисты одному из украинских колхозов, оказавшихся под фашистской оккупацией. Немецкий врач берет кровь для своих солдат у местной ребятни, многие дети умирают. Но смелая кавалерийская вылазка партизан рушит планы захватчиков. Возможно, за основу голливудского сюжеты была взята реальная история о воспитанниках Полоцкого детского дома, у которых немцы беспощадно выкачивали кровь для своих раненых. Партизаны отбили малышей у врага, а летчики 105-го полка ГВФ вывезли их на Большую землю. В истории Великой Отечественной войны эта смелая операция получила белорусское название «Зорачка» — «Звездочка». Кинооператорам, работающим у партизан, удалось запечатлеть вывоз детей на Большую землю, сохранив для истории уникальные и трогательные кадры[168]. Русские и советские люди, безусловно, были благодарны союзникам по антигитлеровской коалиции за моральную поддержку.

Несомненно, для советского кинематографа одной из важных проблем в то время оставалось обеспечение кинопленкой. Ощущалась ее постоянная нехватка. Дело в том что самая мощная пленочная фабрика в г. Шостке (Украина) находилась на оккупированной врагом территории. Поэтому срочно предстояло решать эту проблему. 21 января 1942 г. председатель Комитета по делам кинематографии при Совнаркоме СССР И. Г. Большаков обратился к секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову. В своей записке он констатировал: «За время войны киносеть резко сократилась не только за счет киноустановок, находящихся в районах, временно занятых немцами, но также и за счет значительного сокращения киноустановок на нашей территории. В каждом областном городе были заняты под военные нужды минимум один-два кинотеатра. Значительное количество кинопередвижек с движками и электростанциями, обслуживающими сельскую местность, мобилизовано в армию. Кроме того, мобилизованы автомобили из-под кинопередвижек. С начала войны совершенно прекратилось производство новой кинопроекционной аппаратуры, которая производилась на заводе «ГОМЗ» Наркомата вооружений. В декабре — январе — перебои в снабжении фильмами ряда областей, главным образом, отдаленных и средней полосы, продолжают иметь место, по причине совершенно нетерпимого порядка с транспортировкой

фильмов. Фильмы с фронтовыми материалами хроники идут до отдельных областей месяцами... Для увеличения кинопленки для печати кинофильмов необходимо освободить Комитет по делам кинематографии от производства пленочной основы («НП») для противогазов и обязать Наркомхимпром СССР организовать это производство на своих предприятиях. Это даст дополнительно около 5 млн погонных метров позитивной пленки»[169].

15 мая 1942 г. заведующая отделом культпросветучреждений Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Т. С. Зуева доложила секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву: «В результате пересмотра заявки Наркомата боеприпасов и выяснения действительной потребности его в кинопленке оказалось, что Наркомату боеприпасов СССР требуется не 15 млн м кинопленки, а 9 млн м. Это дает возможность Комитету по делам кинематографии, сократив несколько тиражи художественных кинофильмов, выполнить план на 1942 год»[170].

В 1943 г. мощность пленочных фабрик, несмотря на потерю Шосткинской кинопленочной фабрики, была доведена до довоенных размеров, хотя они работали не на полную мощность[171]. 4 августа 1943 г. было принято постановление «организовать в 1943–1944 гг. производство проекционной, усилительной, электросиловой аппаратуры в количествах, необходимых для восстановления киносети в освобожденных районах и расширения действующей киносети». В связи с этим Госплану СССР предписывалось: «Рассмотреть и утвердить программу 1944 г. по выпуску аппаратуры»[172]. В систему Комитета по делам кинематографии передавались заводы № 297 Наркомата вооружений СССР в Йошкар-Оле и № 2 Наркомата электропромышленности СССР в Москве со всем оборудованием и кадрами. При этом за их работниками сохранялись льготы и преимущества, присвоенные предприятиям, как находящимся в системе НКВ и НКЭП[173]. Поставки оборудования для Комитета по делам кинематографии расширялись с каждым годом.

Масштабная созидательная деятельность в годы войны художников, скульпторов и архитекторов СССР на фоне героизма бойцов и командиров на фронте и трудовых свершений ученых, рабочих и колхозников в тылу казалась нормой. В Москве продолжалось не только строительство, но и декорирование метрополитена, в городах РСФСР и столицах союзных республик строилось более десяти театров — драматических, оперы и балета. Уже с 1942 г. скульпторами и архитекторами разрабатывались проекты памятников воинам — защитникам Родины и монументов Победы, создавались проекты восстановления разрушенных городов, сожженных сел, деревень, железнодорожных станций, мостов. Чтобы отразить правду войны, сотни художников работали на фронтах и в партизанских отрядах.

Систематически проводились в Москве, блокадном Ленинграде, столицах союзных республик и областных центрах РСФСР художественные выставки и конкурсы с демонстрацией новых работ художников всех жанров изобразительного искусства и проектов архитекторов и реставраторов. В первую очередь следует отметить роль и влияние художественного плаката. На третий день нападения фашистской Германии на СССР, когда шли на призывные пункты Москвы военнообязанные и добровольцы, со стен домов и витрин магазинов их вдохновлял на решительный отпор вероломному агрессору плакат Кукрыниксов — трех богатырей советской сатиры: М. В. Куприянова, П. Н. Крылова и Н. А. Соколова. Текст крупным шрифтом призывал и утверждал: «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!». В этот же день ленинградцам напомнил о победе над немецкими псами-рыцарями в Ледовом побоище плакат Вл. А. Серова: «Били, бьем и будем бить!». Рожденный в те же дни плакат И. М. Тоидзе «Родина-мать зовет!» призывал миллионы советских людей к сплоченному сопротивлению, порождал воинский клич к атаке: «За Родину!». На плакате Н. Н. Ватолиной и Н. В. Денисова строгая женщина, прижав палец к губам, напоминала о необходимости быть бдительным — «Не болтай!», «Будь начеку, в такие дни подслушивают стены. Недалеко от болтовни и сплетен до измены».

Повсеместность использования этого массового наглядного жанра, его злободневность и действенность отражены в плакате Н. Н. Жукова «Бей насмерть!» — боец ведет пулеметный огонь по врагу из разрушенного дома, на стене которого чудом сохранился и взывает к отмщению знаменитый плакат В. Б. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» — окро-

вавленный штык-нож со свастикой направлен на молодую мать с ребенком на руках. Этот затронувший душу миллионов плакат был издан тиражом в 14 млн экземпляров и перепечатывался во многих странах мира.

Издательство «Искусство» за войну только в Москве и Ленинграде напечатало работы более чем 200 авторов общим тиражом до 33 млн оттисков. Они расклеивались на площадях и улицах городов и сел или увеличенные в размерах устанавливались на фронтовых дорогах, фасадах городских домов, становились атрибутами повседневной жизни на фронтах, в трудовом тылу и даже в партизанских соединениях. Плакаты на бортах танков въезжали в освобожденные города, украшали почтовые открытки и конверты, печатались на спичечных коробках и даже на брикетах пищевых концентратов.

С первых же дней войны появился и рисованный агитационный плакат, размножавшийся по трафарету — «Окна ТАСС». Первый выпуск создал художник М. М. Черемных. В годы Гражданской войны он занимался изданием «Окон РОСТа» со стихами В. В. Маяковского. У витрин «Окон ТАСС» в Москве и его «собратьев» — «Боевого карандаша» в Ленинграде, «Агитвитринах» и «Агитокнах» в столицах республик и крупных городах СССР всегда собирался народ.

Во всех жанрах изобразительного искусства параллельно развивались два направления: одно отображало страшный лик войны, страдания, боль, смерть, вызывая гнев и ненависть к врагу, стремление к справедливому возмездию; другое запечатлевало самоотверженность героев на фронтах, сверхчеловеческую выдержку тружеников тыла, показывало, что и в войну жизнь продолжается во всех ее бытовых и даже лирических проявлениях, острой сатирой и карикатурами на врага давало повод к шуткам и смеху, поднимало дух, укрепляло веру в Победу.

Вслед за плакатом и другие жанры изоискусства стремились как можно скорее отозваться на происходящие драматические, трагические и героические события на фронтах и в тылу. «Есть высота искусства, на которой и монументальная сила плаката, и острота сатирической графики, и документальная верность фронтовой зарисовки, и живописность картины сливаются воедино, — замечал известный историк искусства, член-корреспондент АН СССР А. А. Сидоров. — Такой высоты искусства — слияния всех жанров воедино ради одной цели — Победы достигли советские художники в годы Великой войны»[174].

Сотни художников уходили в действующую армию с альбомами в походных сумках. В свободные от боевых дел минуты заполняли их зарисовками боевых эпизодов, фронтового быта, портретами однополчан. Только от Московского союза художников были командированы на фронт более 200 человек. Десятки художников направлялись политуправлениями армии и флота в воинские части на постоянную работу. Во флоте работали Б. И. Пророков, Л. В. Сойфертис, С. С. Боим, К. Г. Дорохов, в авиации — А. Н. Яр-Кравченко, Г. С. Бершадский и другие. Многие служили во фронтовых газетах, не раз бывали на передовой. Зарисовки О. Г. Верейского, А. Д. Гончарова, Ф. П. Решетникова ложились в основу их графических и живописных работ, посвященных войне и ее героям. Постоянно работали на фронтах художники военной студии имени М. Б. Грекова под руководством Н. Н. Жукова: М. В. Маторин, П. Я. Кирпичёв, В. С. Климашин, Н. А. Соколов, И. А. Лукомский, П. А. Кривоногов, Л. Ф. Голованов, А. В. Кокорин, Б. М. Неменский и другие, а также члены студии художников-пограничников и художники Военно-медицинской академии.

Некоторые художники партизанскими тропами и самолетами-«кукурузниками» прибывали в творческие командировки к народным мстителям, собирали материал в реальной обстановке народной войны: К. И. Финогенов, Кукрыниксы, А. А. Дейнека, Ю. И. Пименов, Е. А. Кибрик, В. С. Бибиков, А. А. Пластов, Г. К. Савицкий, Т. Г. Гапоненко и другие. Месяцами работал среди белорусских партизан Ф. А. Модоров, среди ленинградских — И. А. Серебряный, украинских — А. А. Шовкуненко.

Одним словом плакат призывал и вдохновлял, как работы Н. Н. Жукова и В. С. Климашина «Отстоим Москву!» (1941), А. А. Кокорекина «Грудью на защиту Ленинграда!» (1942),

Вл. А. Серова «Отстоим Волгу-матушку!» (1942), П. М. Шухмина «Ни шагу назад!» (1942), В. В. Лебедева в «Окнах ТАСС» — лист «Не отступай, советский воин!» (1942), И. М. Тоидзе «Отстоим Кавказ!» (1942), Кукрыниксов «Потеряла я колечко, а в колечке 22 дивизии» (1943), В. С. Иванова «Пьем воду родного Днепра, будем пить из Прута, Немана и Буга!» (1943), Д. А. Шмаринова «Чехи, словаки, поляки! Красная Армия несет вам освобождение от фашистского ига!» (1944) и два плаката Л. Ф. Голованова: «Дойдем до Берлина!» (1944), где солдат с уверенной улыбкой на лице переобувает сапог, ведь идти еще долго, и другой, завершающий его долгий и тяжкий путь — «Красной Армии — слава!» (1945), на котором воин-победитель — уже у стены Рейхстага, где виднеется тот же плакат «Дойдем до Берлина!», а среди надписей выделяются главные: «Дошли!», «Слава русскому народу!».

Свои страницы в летопись войны вписали тысячи других плакатов, издаваемых в Москве, Ленинграде, столицах союзных и автономных республик, многих областных центрах РСФСР от Пензы и Саратова до Тюмени, Красноярска и Хабаровска. На плакате А. А. Кокорекина «За Родину!» — в стремительном броске с гранатой в руке матрос в тельняшке (1941); на масштабном полотне А. А. Дейнеки «Оборона Севастополя» (1942) — моряки в белых робах, прикрывая отход наших войск, бросаются в смертельный бой на врага. И понимаешь, почему Севастополь столь долго — 250 дней! — держал оборону в грозном 1941 г. На плакате В. Н. Дени (Денисова) «Убей фашиста-изувера!» изображены узнаваемая всеми молодая девушка с петлей на шее — Зоя Космодемьянская и ухмыляющийся фашист (1941). Скульптура М. Г. Манизера «Зоя» (1942) будто воскрешает героиню, представив ее до подвига — гордой, решительной, устремленной в бессмертие. Кукрыниксы, увидев немецкие фотографии казни в с. Петрищево, воспроизвели на полотне «Таня» (1942–1947) последние минуты жизни юной героини.

«Все жанры подчинились требованиям военного времени. Полотна, созданные во время войны, и сейчас легко отличить от созданных впоследствии на этот же самый сюжет, — призывают к размышлению слова искусствоведа Г. Г. Серовой. — Общим для всей военной живописи было особое чувство правды, чувство сопричастности, соучастия авторов в изображаемых событиях. В этом заключалась особенность духа живописных произведений, с трудом поддающаяся словесной формулировке»[175]. Так, будто из жизни входит в плакат Ф. В. Антонова «Мать» уставшая пожилая женщина-беженка с узелком в руке, молит, кажется, каждого из воинов: «Сын мой! Ты видишь долю мою. Громи фашистов в святом бою!» На фронтах на этом плакате появлялись приписки от руки, сделанные бойцами: «Мы отомстим за тебя, мать!»

Художники-живописцы воспроизводили для истории впечатляющие картины, созданные по следам реальных событий, о которых рассказывали очевидцы, писали газеты. В графической работе Г. Г. Нисского (1942) «Когда немцы ушли» по комнате разбросаны вещи из сундука. Застыло на постели тело убитой женщины, в окне видны спины уходящих мародеров и насильников. У Г. Г. Ряжского это картина «В рабство» (1942) — на подневольный труд в фашистскую Германию гонят советских людей гитлеровские солдаты; у Вл. А. Серова «Расстрел» (1942) — под выстрелами фашистских палачей падают женщины, старики, дети; у С. А. Герасимова знаменитое полотно «Мать партизана» — перед набычившимся фашистским офицером стоит с гордо поднятой головой простая русская крестьянка, мать, за ее спиной — и юный сын, и его товарищи, а на черной земле тела уже погибших. На лице матери — решимость принять смерть, но не склониться перед врагом, и спокойный, непокорный взгляд ее, кажется, убивает фашиста.

В серии зарисовок Д. А. Шмаринова «Не забудем, не простим!» черным углем на бумаге изображены картины народных страданий: «Казнь партизанки», «Насильники», «Возвращение» — семьи на родное пепелище, «Мать», застывшая в горе у тела убитого юного сына. Множество откликов вызвала эта серия с фронтов. Бойцы и командиры клялись отомстить палачам. Художнику в 1943 г. была присуждена Сталинская премия.

На фронте М. В. Маторин делал свои зарисовки для корпусной газеты «За победу» прямо на доске, используя пень в лесу в качестве станка, тут же резал гравюры. Когда в неотаплива-

Художники Кукрыниксы на фронте

емых мастерских и квартирах Ленинграда замерзали краски, стыли руки, Л. С. Хижинский и П. А. Шиллинговский резали ксилографии, А. И. Харшак и Н. А. Павлов налаживали сложное производство офортов, Е. Д. Белуха, М. Г. Платунов, Г. П. Фитингоф писали гуашью и акварелью.

Ленинградская блокада породила особый вид городского пейзажа в графике и в живописи — мужественно лаконичный, как сами ленинградцы. Он пронизан любовью авторов к городу и его защитникам, гордостью за них, полон тревоги за сохранность архитектурных шедевров. И. Н. Павлов зарисовал момент тщательной маскировки «Медного всадника» и устраиваемый артистами эстрады наперекор бомбежкам и голоду концерт на набережной Невы. С. С. Боим и В. Н. Кучумов отобразили, как в городе, где не работает водопровод и канализация, жители возят на санках воду из Невы в бочке, в ведрах. А. Ф. Пахомов в серии «Ленинград в дни блокады» запечатлел борьбу с пожарами, трагедии бомбежек и очистку снега на улицах, когда обессилившие ленинградцы, выходя на весенние субботники и воскресники, убирали улицы и дворы от нечистот, чтобы в осажденном городе не возникло эпидемий.

Ю. И. Пименов в рисунке «Огороды на окраине города» запечатлел двух взрослых горожанок и девочку за посадкой свеклы, слушающих бойца зенитной батареи, который читает им сообщение из газеты «Правда» «От Советского Информбюро». Рисунок Я. Рубинчика «Огороды на Исаакиевской площади в 1942 г.» показывает характерные черты фронтового города — часовой с ружьем и пышные зеленые кочаны капусты у подножия колонн Исаакиевского собора, щербатых от попавших в них снарядов. Г. П. Фитингоф изобразил знаменитый собор «во весь рост», а на первом плане — аккуратные грядки, женщины с рассадой — «Ленинградцы на огородах». Под стать жителям города с их будничным, не показным героизмом и его воины-защитники. Художник А. Н. Яр-Кравченко вспоминал об одном из них, 23-летнем Алексее Севастьянове, воздушным тараном остановившем полет фашистского бомбардировщика к Ленинграду в ночь на 5 ноября 1941 г.

Фронтовой художник Л. В. Сойфертис, очевидец и участник обороны Севастополя, создавший серию бытовых рисунков с натуры «Севастопольский альбом», запечатлел оптимистический настрой сражающихся. В наброске «Котенка нашли» художник изобразил могучего матроса, нежно ласкающего крошечный живой комочек. Этого же матроса мы видим после атаки, сидящим в воронке от снаряда — перед фотографом, делающим снимок для партбилета.

Серия зарисовок с натуры сталинградца К. И. Финогенова, мать которого погибла от рук врага, эмоционально передает драматический накал переломной Сталинградской битвы — в боевых эпизодах, портретах героев-защитников, сценах разгрома и пленения фашистских вояк. Его набросок, сделанный с крыши вагона, — «Трофеи на станции Лозовая», показывает железнодорожный состав, полный боевой техники, не дошедший до окруженного врага. И. А. Лукомский сохранил для истории образ героя Сталинграда, снайпера, младшего лейтенанта Василия Зайцева, истребившего 250 оккупантов.

В рисунках Д. К. Мочальского «Операционная на передовой», С. С. Урановой «Раненый боец», «Медсанбат. Дежурная сестра Наташа Михалёва» и других показан каждодневный труд медиков, возвращающих в строй бойцов, и мужество пациентов, стойко переносящих боль и страдания.

Партизанский быт показывает Н. Н. Жуков в рисунках «Ателье мод по-партизански», «Партизанская парикмахерская». Радость получения письма — в живописном полотне П. П. Бенькова «Подруги. Письмо с фронта». Трогательную благодарность воинов к женщинам, связавшим за войну десятки тысяч теплых вещей, передала на живописном полотне «Подарки на фронт» С. В. Рянгина. Кажется, каждый миг войны запечатлевается карандашом, тушью, кистью, резцом.

Внимание художников привлекали и фронтовые дороги — размытые дождями до непроходимости, в облаках пыли или ледяной корке, рождающие мысли о том, сколько же автомашин, тяжелых танков и пушек прогрохотало по ним, сколько миллионов сапог прош-

ло-промесило. Проиллюстрировали это художники: А. А. Дейнека — «Окраина Москвы»; В. В. Мешков — «Дорога отступления немцев», «По следам оккупантов»; Н. Н. Жуков — «Фронтовая дорога»; Г. Г. Нисский — «На Ленинградском шоссе», Ю. И. Пименов — «Фронтовая дорога», А. В. Кокорин — «Фронтовые дороги». В. И. Курдов создал для истории серию рисунков «По дорогам войны» — автомобили военных лет.

Большой вклад художников в летопись войны — создание портретов защитников Родины, увековечивших лики мужественных, решительных людей необыкновенного военного поколения: «Портрет Героя Советского Союза генерал-лейтенанта И. В. Панфилова» художника В. Н. Яковлева, «Портрет партизана Власова» Вл. А. Серова, «Гвардии майор Морозов» И. А. Лукомского, «Наводчик сержант Н. Л. Федотов» Н. М. Авакумова, «Старший сержант А. П. Заброда» Б. В. Щербакова и, наконец, портреты тех, кому посчастливилось исполнить мечту всех фронтовиков и тружеников тыла — взять Берлин: «Гвардии старший сержант Дроздов» кисти Л. Ф. Голованова, «Герой Советского Союза М. Егоров» И. Г. Першудчева, «Герой боев за Берлин Трайдуков» В. С. Климашина. В этой галерее достойное место занимает «Портрет маршала Г. К. Жукова» П. Д. Корина.

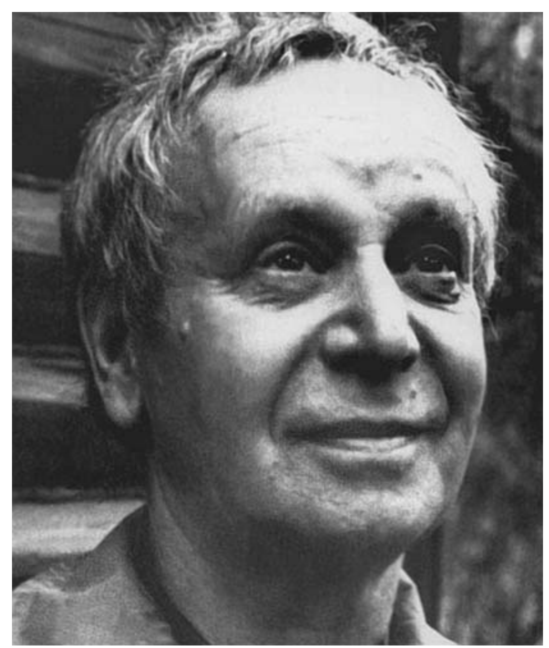
Советские скульпторы работали в своем сложном монументальном жанре по-военному оперативно. Впечатляющий «Портрет Героя Советского Союза Николая Гастелло» создал через два года после подвига А. О. Бембель. Капитан Гастелло вот-вот решительно опустит поднятую над головой руку в краге и даст команду экипажу направить горящий ДБ-3 на цель — цистерны с горючим для спешащих к Минску танков. З. И. Азгур изваял отважного партизана Героя Советского Союза М. Ф. Сельницкого. В. И. Мухина создала бюст полковника Б. Юсупова и скульптуру «Партизанка», в лице которой угадываются волевые черты Зои Космодемьянской. С. Д. Лебедева запечатлела образ военкора А. Т. Твардовского.

Масса творчески одаренных людей требовалась фронту и тылу для выполнения разнообразных оформительских работ — рисования стенгазет, транспарантов, листовок, камуфлирования боевой техники и зданий. Именно для этой цели был призван на фронт вчерашний студент Суриковского института Л. Е. Кербель, вскоре ставший штатным художником Северного флота. Кроме того, он проявил себя и как талантливый скульптор, создав десятиметровые ледяные скульптуры двух идущих в бой морских пехотинцев и матроса, взявшего в плен немца, у которого к весне символично из носа выросла увесистая сосулька. После столь успешного опыта наглядной агитации молодому скульптору поручили изваять скульптурные портреты летчиков морской авиации и подводников. «В сутках 24 часа — торопись!» — такой девиз вывел молодой мастер на стене своей импровизированной мастерской и без устали создавал бюсты героев-летчиков — Б. Ф. Сафонова, З. А. Сорокина, П. Г. Сгибнева, Н. А. Бокия, П. Д. Климова, М. К. Вербицкого. Уже в мае 1943 г. состоялась выставка его работ. Затем он сделал целую скульптурную галерею героев-подводников: И. А. Колышкина, Н. А. Лунина, В. Г. Старикова, А. В. Трипольского, А. М. Лебедева, командующего флотом А. Г. Головко, разведчика С. М. Агафонова и других. Всего более 40 работ, которые были представлены 25 декабря 1943 г. на выставке в г. Полярном.

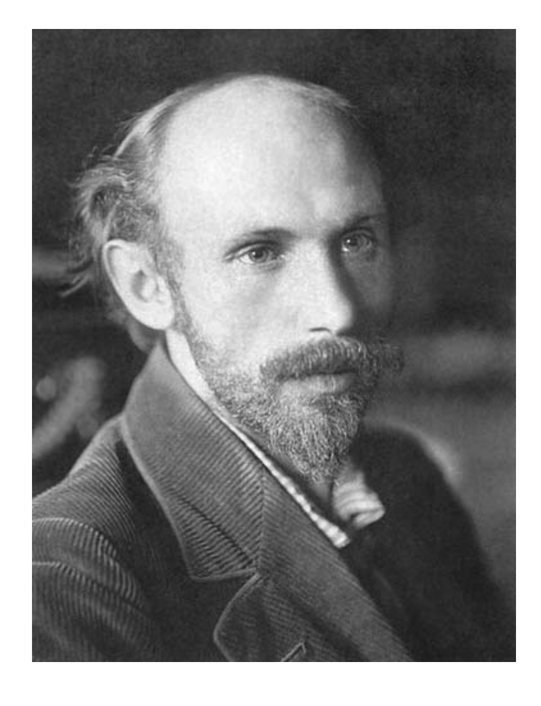
Мастер проявил немалую смекалку в поиске материала для памятника погибшим подводникам: на территории штаба бригады подводных лодок из земли выступала небольшая скала, именно здесь и был воздвигнут монумент. Масса из мелко нарубленной крошки чугуна, бетона и серной кислоты была помещена в форму, изображающую фигуру моряка, а после извлечения доведена до бронзового блеска обработкой горячей олифой. Пустынное место вокруг памятника благоустраивали уже сообща: матросы на катерах привезли с противоположного берега Кольского залива плодородную землю, рассыпали ровным слоем вокруг памятника и посадили скудную северную растительность. С тех пор парк, созданный такими большими трудами, стал украшением г. Полярного. А памятник был открыт на торжественном митинге 22 июня 1944 г. Сразу после войны уже известный скульптор Л. Е. Кербель с другом В. Е. Цигалем возводили в Берлине памятники участникам штурма германской столицы на Зееловских высотах, в парке Тиргартен близ Рейхстага, памятник советскому солдату-освободителю в Кюстрине.

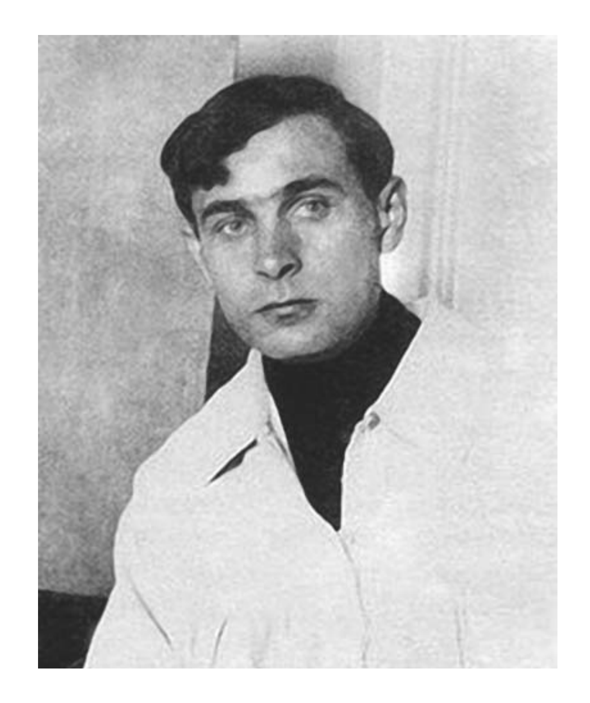
А. А. Дейнека

Ю. И. Пименов

В. В. Мешков

П. Д. Корин

Художники, командированные в партизанские отряды и соединения, создавали портреты народных мстителей и их командиров. Ф. А. Модоров, пробравшийся с группой белорусских поэтов и партизан в отряд батьки Миная — М. Ф. Шмырёва, создал серию портретов народных мстителей, зарисовки их боевых действий и бытовых жанровых сцен. Им было написано объемное полотно «В штабе партизанского движения», на котором запечатлен руководитель Центрального штаба П. К. Пономаренко за обсуждением боевых задач с партизанами.

Труженикам заводских цехов и колхозных полей художники посвящали множество работ. Только в 1943 г., ко второй годовщине начала Великой Отечественной войны, открылось 95 республиканских и областных художественных выставок по стране. Трудовой тыл работал под лозунгом «Всё для фронта, всё для Победы!». На плакате В. Н. Дени и Н. А. Долгорукова «Каждый удар молота — удар по врагу!» под молотом рабочего-богатыря летит в фашистского фюрера туча пуль, артснарядов, авиабомб. На рисунке А. Ф. Пахомова «Для фронта» мальчуган совсем не богатырского вида сосредоточенно работает за махиной станка, на пиджачке у него медаль «За доблестный труд». Основная, ударная сила трудового фронта — подростки, юные девушки, пожилые люди стали героями многих произведений изобразительного искусства военных лет. На картине Вл. А. Серова «Строительство оборонных сооружений» — женщины. На рисунке Н. Рутковской «Комсомольская бригада» — юные девчонки. И только на оборонных предприятиях — мужчины, как на картине Н. И. Дормидонтова «Срочный заказ для фронта». Но на полях страны — опять женщины, подростки, старики, отображенные у А. А. Пластова — «Жатва» и «Сенокос», Ф. Шурнина — «Возрождение», где разбрасывает зерно из лукошка широким взмахом руки не просто величавая, царственная женщина, а Мать-Сеятельница, и помогает ей сын-подросток[176].

Та же ярко выраженная черта решимости и веры отражена в портретах советских ученых: П. Д. Кориным — в живописном портрете почетного академика АН СССР, физиолога Н. Ф. Гамалея, З. М. Виленским — в скульптурном портрете авиаконструктора, творца истребителя-бомбардировщика Ла-5 С. А. Лавочкина.

Участие в художественных выставках — показатель сопричастности художников к всенародной борьбе с фашизмом, которую творцы выражали по-разному. Так, еще 30 июня 1941 г. в Центральном доме журналиста открылась выставка работ «Наша Родина» отца и сына Б. В. и Г. Б. Смирновых. Они создавали образы Отчизны во всем ее природном, климатическом, культурном разнообразии — Кавказ, Крым, Забайкалье, Москва[177].

6 августа 1941 г. художник М. В. Лугинский преподнес Историческому музею ценный дар — «старинные ружейные пули, картечь и осколки гранат, найденные им на Бородинском поле и относящиеся к великой и грозной битве за Москву. Все это экспонируется на выставке, посвященной Отечественной войне 1812 г. ...Рядом на большой витрине показаны рисунки художника Лугинского, изображающие современное Бородинское поле»[178].

7 ноября 1941 г., в день исторического парада на Красной площади, в столице, в Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко открылась выставка военных картин, гравюр и рисунков. В этот же день в столице массу зрителей привлекла выставка «Великая Отечественная война», открытая в пустых залах Третьяковской галереи, поскольку шедевры русской живописи были эвакуированы в Новосибирск. По сути, это первая Всесоюзная художественная выставка, представившая работы художников всего СССР во всех жанрах. На ней большое место занимали портреты маршалов и рядовых: «Героя Советского Союза А. И. Молодчего» Кукрыниксов, «Конный портрет генерал-майора Белова» молодого художника К. Д. Китайки, «Портрет маршала артиллерии Н. Н. Воронова» В. Н. Яковлева. А. П. Бубнов впервые выставил «Портрет Героя Советского Союза рядового А. Матросова» — последние мгновения жизни героя. Портрет колхозника-пчеловода Ферапонта Головатого, зачинателя движения по сбору средств на вооружение Красной армии создал П. И. Котов. Произвели впечатление на зрителей полотна: «Подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев» Д. К. Мочальского, «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 г.» К. Ф. Юона, «Где сдают кровь?» П. П. Кончаловского. На выставке впервые было представлено множе-

ство работ художников-воинов или бывающих на фронтах в творческих командировках. И впервые получило отображение партизанское движение: портреты партизан исполненные Ф. А. Модоровым, А. А. Шовкуненко и другими.

В течение 1943–1944 гг. работала в Москве выставка художников СССР «Героический фронт и тыл», экспонаты которой представляли жизнь и быт на фронтах, в трудовом тылу и уже широко — в партизанских отрядах и соединениях.

Факт открытия в годы войны картинной галереи весьма красноречиво иллюстрирует, насколько активной была культурная жизнь страны. Заместитель секретаря Нижнетагильского ГК ВКП(б) Е. Ф. Колышев в докладной записке на имя секретаря ЦК ВКП(б), заместителя председателя Совнаркома СССР Г. М. Маленкова 20 августа 1944 г. с возмущением сообщал: «Начальник Управления по делам искусств РСФСР тов. Беспалов дал согласие горкому и исполкому горсовета организовать в Нижнем Тагиле постоянную картинную галерею. Это крупное культурное событие для города. При остром недостатке в помещениях мы выбрали лучшее из них, произвели капитальный ремонт и подготовили здание для открытия картинной галереи. В течение 3-х месяцев просим дать нам картины, но картин не выделяют. Командированные нами в Москву товарищи смогли привезти только 23 картины малоизвестных художников. Трудно представить, что из тех сокровищ, которыми располагают музеи и картинные галереи Москвы, Ленинграда и других городов нельзя было отобрать 400–500 нужных для Н. Тагила картин. Прошу Вас, товарищ Маленков, оказать нам помощь — обязать Всесоюзный комитет по делам искусств выделить в Н. Тагильскую картинную галерею 400–500 картин»[179].

Г. М. Маленков поручил решение вопроса начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову, который в ответ на жалобу из Нижнего Тагила вполне резонно ответил: «Управление по делам искусств выделило Нижнетагильскому музею 65 произведений, главным образом советских художников, из них 45 произведений (23 произведения живописи и 22 графики) доставлены в Нижний Тагил в июле 1944 г., 20 картин залежалось ввиду трудности транспортировки их из Ленинграда. Управлению по делам искусств при СНК РСФСР дано указание о посылке в Нижний Тагил в сентябре еще 35 произведений живописи. Выделить Нижнему Тагилу 400–500 картин, как этого просит т. Колышев, не представляется возможным»[180].

В самом сложном, трудном, требующем особого таланта жанре батальной живописи советские художники равнялись на высокие образцы русского классического реалистического искусства, и прежде всего на работы В. В. Верещагина, воспроизводившего без прикрас и лакировки жестокую правду войны. К сожалению, достичь верещагинских высот редко кому удавалось. В духе верещагинских картин о силе «дубины народной войны» в разгроме Наполеона А. А. Пластов создал полотно «Защита родного очага» — оставшиеся в деревне старики встречают фашистских мародеров разъяренным отпором, дерутся беспощадно, смертным боем.

В годы войны взор многих творцов был обращен в прошлое страны, к истокам побед славных предков, к образам народных героев, знамена которых незримо осеняли воинов-защитников в Великой Отечественной войне. Вл. А. Серов в 1944 г. создал многофигурную композицию: «Въезд князя А. Невского в Псков» — после победы над псами-рыцарями. П. Ульянов в картине «Лористон в ставке Кутузова» отобразил образ мудрого фельдмаршала. На историческом полотне «Утро на Куликовом поле» А. П. Бубнова изображен под знаменем Спаса Нерукотворного князь Дмитрий Донской.

Удивительную живописную и лирическую страницу вписали в летопись войны почтовые открытки и праздничные конверты, вносящие неожиданную радость в сердца фронтовиков и ждущих их дома близких. Газета «Литература и искусство», говоря о видах массового искусства — плакате, листовке, рекомендовала не забывать и открытку, «чрезвычайно нужную форму агитации, хорошо поддающуюся массовому воспроизведению и легко проникающую в быт»[181].

Перонный зал станции метро «Завод имени И. В. Сталина» (ныне «Автозаводская»). г. Москва

Станция метро «Новокузнецкая». г. Москва

В декабре 1941 г., как сообщала газета «Вечерняя Москва», «появилась серия художественных почтовых открыток, посвященных Великой Отечественной войне, выпущенная издательством «Искусство». На одной из открыток работы художника Васильева изображен героический подвиг танкиста младшего лейтенанта Юхнича, сражавшегося одновременно с пятью вражескими танками: четыре танка герой расстрелял метким орудийным огнем, а пятый опрокинул сокрушительным лобовым ударом. На второй открытке художники Поляков, Рыбченков и Суворов запечатлели поимку колхозниками фашистских парашютистов-диверсантов. Третья открытка (художник Ромадин) посвящена борьбе партизан с фашистскими оккупантами. Открытки были выпущены тиражом по 25 тыс. экземпляров»[182]. А 24 декабря газета писала: «Промтрест Сокольнического района открыл новое предприятие — фабрику полиграфических изделий. Фабрика приступила к выполнению большого заказа — печатанию 15 млн почтовых открыток. Фабрика начала выпускать также почтовую бумагу для Красной Армии и папиросную бумагу в книжечках»[183].

По заказам Центрального управления военно-полевых почт Наркомата обороны СССР, Военкнижторга, городской московской и областных контор Главбумсбыта и многих других организаций[184] открытки выпускали издательства «Искусство», Воениздат, Военмориздат, Госкиноиздат, Гизлегпром, «Советский график», «Молодая гвардия», Наркомат связи, Художественный фонд СССР, Государственный литературный музей, Филателистическая контора КОГИЗа, Художественно-архитектурно-оформительский комбинат, Художественные эстампные мастерские Московского товарищества художников, созданные в 1945 г. издательства

«Советский художник» и «Победа»[185]. Этим занимались также многочисленные организации по всей стране, например, Управление скульптурно-художественными предприятиями Художественного фонда СССР в г. Свердловске и другие.

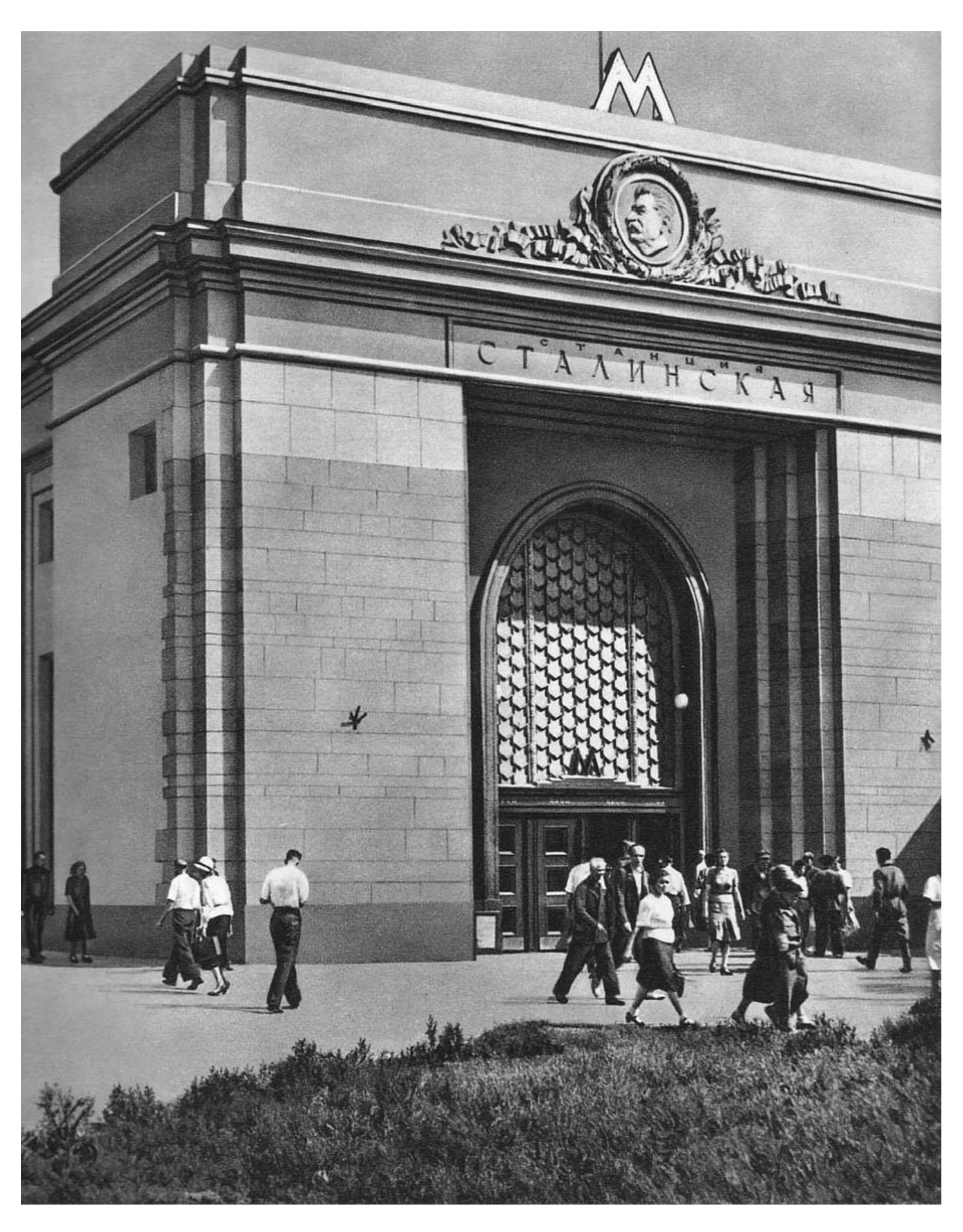
Печаталась основная масса открыток во многих московских типографиях: газеты «Правда», «Искра революции», «Красный пролетарий», «Красное знамя», «Красный печатник», 1-й образцовой, Управления военного издательства НКО СМССР, фабрики детской книги, в литографиях издательства «Искусство», «Труд и творчество», «Декалькомания», Художественного фонда, во 2-й и 5-й художественных литографиях, типолитографииЕспланиздата и других[186].

В удобном для распространения открыточном формате многомиллионными тиражами издавались плакаты. Листы «Окон ТАСС», зарисовки с фронта и предприятий тыла советских художников, произведения русских живописцев-классиков. Но советскими художниками создавались и оригинальные сюжеты специально для открыток: «живописные рассказы» о героях Великой Отечественной войны, портреты великих русских полководцев прошлого. В канун Нового года самыми востребованными на фронте и в тылу становились яркие праздничные открытки. На них можно было встретить и фронтового Деда Мороза, больше похожего на партизана, и малышню на фоне наряженной елки, выводящую корявым почерком: «Отцу на фронт. Папа, бей фашистов!»

Несмотря на хронический дефицит бумаги и сложности с полиграфией в стране все годы войны выходили тысячи книг с иллюстрациями, а детские, как правило, с цветными. Образы сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» выписал многоцветной акварелью В. В. Лебедев. А. М. Каневский сотворил облики Буратино, папы Карло, Мальвины, Пьеро, хитроумной Лисы Алисы, Кота Базилио и других персонажей «Золотого ключика» А. Н. Толстого. В области книжной графики работала целая плеяда известных художников: Ю. А. Васнецов, С. М. Мочалов, А. Ф. Пахомов, Н. В. Кузьмин и другие. Е. А. Кибрик создал литографии к героической повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», столь созвучной времени. Д. А. Шмаринов иллюстрировал третью часть «Петра Первого» А. Н. Толстого — о войнах царя за выход России к Балтийскому морю. Кукрыниксы черной акварелью дополнили драматический рассказ А. П. Чехова «Дама с собачкой». К психологическим новеллам П. Мериме сделал строгие гравюры А. Д. Гончаров.

Ярким синтезом архитектуры, монументальной скульптуры и многих видов декоративно-прикладного искусство стало удивительное явление — продолжение строительства метрополитена в Москве. Несмотря на тяготы суровых испытаний, все делалось на довоенном высоком художественном уровне, с использованием лучших сортов отделочного камня, привезенного из разных уголков Советского Союза, с богатым декорированием, которое выполнили ведущие художники и скульпторы, на ходу меняя творческие концепции мирного времени, отражая в проектах станций тематику всенародного подвига и героизма. Были построены и открыты станции и перегоны: «Новокузнецкая» — «Павелецкая» — «Завод имени И. В. Сталина» («Автозаводская») и «Бауманская» — «Электрозаводская» — «Сталинская» («Семеновская») — «Измайловская» («Партизанская»).

Станция метро «Завод имени И. В. Сталина», открытая 1 января 1943 г., была построена по проекту архитектора А. Н. Душкина и украшена мозаиками художников В. Ф. Бодриченко, Б. В. Покровского и Ф. К. Лехта, выполненными мозаичистом В. А. Фроловым, на тему «Советский народ в годы Великой Отечественной войны». Архитектор А. Н. Душкин так отзывался о своем детище: «Станцию эту люблю за то, что она сделана как бы на одном дыхании. Здесь четко выражена конструктивная сущность и, как у русских храмов, чистота работающей формы»[187]. Этой древнерусской храмовой ассоциации способствует величественное мозаичное декорирование вестибюля — панно на путевых стенах посвящены труженикам знаменитого Московского завода ЗИС (позже — ЗИЛ), рыбакам астраханской путины, вытаскивающим сети с осетрами. Барельефы из московского известняка, выполненные И. С. Ефимовым, посвящены народам Севера, народам Кавказа, а также летчикам и авиаконструкторам, металлургам и инженерам.

Наземный вестибюль станции метро «Сталинская» (ныне «Семеновская»). г. Москва

Художник А. А. Дейнека сделал для станции «Новокузнецкая», открытой 20 ноября 1943 г., эскизы мозаик, посвященных героическому труду советского тыла. Они стали своеобразным светлым и ностальгическим воспоминанием о мирной жизни, поскольку создавались еще до войны для станции «Павелецкая»: садоводы, сталевары, машиностроители, строители-высотники, авиаторы, лыжники. Приметами военного времени стали мозаичное панно «Фронт и тыл в борьбе против немецких захватчиков» Б. В. Покровского, скульптурная композиция работы Н. В. Томского, расположенная на эскалаторном наклоне, — щит, обрамленный знаменами, оружием, лавровыми венками с надписью: «Слава доблестным бойцам Великой Отечественной войны». Пилоны и свод станции украшены барельефами скульпторов А. Е. Зеленского, Н. В. Томского, Н. Л. Штамма, С. Л. Рабиновича, изображающими боевые эпизоды, профили Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

Настоящим творческим и личным подвигом стала работа знаменитого мозаичиста В. А. Фролова над мозаичными панно для станций «Автозаводская» и «Новокузнецкая». Он создал свои шедевры из тысяч мельчайших кусочков смальты всех цветов и оттенков в блокадном Ленинграде. Закончив героический труд, он умер, а его работы в огромных тяжелейших ящиках были доставлены в столицу по Ладожской Дороге жизни[188].

Одновременно с «Новокузнецкой» 20 ноября 1943 г. открылась станция «Павелецкая». Архитекторы А. Н. Душкин и Н. С. Князев значительно отошли от первоначального проекта В. А. и А. А. Весниных, строя станцию с пилонным вестибюлем, по «лондонскому типу» — без центрального зала. Ее реконструировали в 1959 г., сделав центральный зал, а вместо пилонов — колонны. В оформлении станции тематика истории Вооруженных сил СССР — с бронзовыми медальонами работы скульптора И. С. Ефимова и лепным декором. В наземном вестибюле — мраморное панно В. Ф. Бордиченко и Е. Д. Машковцевой, плафон расписан бригадой В. Ф. Бордиченко.

18 января 1944 г. метростроевцы подарили москвичам сразу три станции метро — «Сталинскую», «Измайловскую» и «Бауманскую». Станция «Сталинская» была сооружена по проекту архитектора С. М. Кравца в тогдашнем Сталинском районе столицы. На ней установлена созданная в 1936 г. Г. Д. Лавровым скульптура высотой в пять метров «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Оформление, над которым работали скульпторы В. И. Мухина, Н. К. Вентцель, художник В. П. Ахметьев, посвящено военной теме. В орнаменте свода показаны образцы тяжелого вооружения — самолетов, танков, САУ. На путевых стенах — барельефы с портретами воинов и изображением оружия. На торце вестибюля — горельеф работы С. Л. Рабиновича: орден «Победа» в обрамлении оружия и знамен с надписью «Нашей Красной Армии — Слава!». Потолок украшен изображениями оружия.

Скульптор М. Г. Манизер для станции «Измайловская», созданной по проекту архитектора Б. С. Виленского, изваял группу партизан с оружием: бородач средних лет, моложавая женщина и подросток. Он создал величественные образы Зои Космодемьянской и Матвея Кузьмина — крестьянина 1858 г. рождения, под Великими Луками по примеру Ивана Сусанина заведшего врагов не в тыл, как они требовали, а под прямой обстрел наших бойцов. Оформление станции посвящено теме партизанской войны и в других деталях. Путевые стены украшены барельефами скульптора С. Л. Рабиновича. Капители колонн — барельефами еловых веток и автоматов. Облицовка — из керамических плиток с рельефами советского оружия.

Первоначальный проект пилонной, трехсводчатой станции «Бауманская» по проекту Б. М. Иофана и Ю. П. Зенкевича планировалось назвать «Спартаковской», и архитектор Б. М. Иофан предполагал украсить вестибюль тематически — скульптурами в античном духе, посвященными восстанию Спартака. Но война внесла в оформление свои коррективы — в нишах станции были установлены скульптуры В. А. Андреева, изображающие красноармейцев и славных тружеников тыла — «Фронт и тыл едины!». На торцевой стене вестибюля размещено панно с профилями В. И. Ленина и И. В. Сталина в обрамлении победных знамен.

Строительство станции «Электрозаводская», названной так в связи с находящимся поблизости Московским электрозаводом имени В. В. Куйбышева, было почти завершено к 1941 г., но с началом вражеского вторжения заморожено. Станция открылась 15 мая 1944 г. В разработке проекта принимали участие архитекторы В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейх, А. Е. Аркин и И. Е. Рожин. Заметным украшением ее наземного вестибюля стала скульптурная группа М. Г. Манизера «Метростроевцы в забое», стены кассового и эскалаторного залов украшены портретами-медальонами ученых — основоположников электротехники: М. В. Ломоносова, П. Н. Яблочкова, А. С. Попова, М. Фарадея, Б. Франклина, У. Гильберта. Барельефы скульптора Г. И. Мотовилова на пилонах центрального зала посвящены теме труда: работники Электрозавода, строители, кузнецы, колхозники, ткачи. Свод украсили 318 светильников, расположенных в шесть рядов в специальных углублениях. На торце вестибюля — барельеф с профилем И. В. Сталина в обрамлении знамен.

Метро, необходимое прежде всего как объект стратегический — в качестве бомбоубежища и для прочих военных целей, нес и несвойственную ему в мирное время социокультурную и социополитическую функции: на станции «Курская» был открыт филиал Публичной исторической библиотеки[189]. На многих других станциях метро москвичи не только укрывались во время вражеских бомбежек, но и слушали политинформации, лекции, концерты, даже смотрели кино, а дети занимались в кружках рисования, лепки, вышивки, для самых маленьких жителей столицы было организовано молочное питание. А на станции «Охотный ряд» действовала выставка «Героизм и патриотизм русского народа по произведениям Л. Н. Толстого», которую дополняла картина художника В. В. Верещагина, посвященная бегству из Москвы французов в 1812 г.[190] Просветительские функции выполняли и станции метро «Маяковская» и «Белорусская»[191].

Герой Социалистического Труда метростроевец Т. В. Фёдорова, вспоминая прифронтовую Москву с закамуфлированными архитекторами зданиями и площадями, нарисованными художниками на сером асфальте крышами домов с печными трубами, отмечала, что под этим московским асфальтом шла своя, четко организованная жизнь: «Появились в тоннелях деревянные настилы и двухъярусные нары, устроены санитарные узлы, установлены дополнительные насосы, в эскалаторных недостроенных тоннелях построены лестницы, сооружены добавочные вентиляционные установки. Все эти переоборудованные тоннели и залы пригодились тем москвичам, в домах которых не было бомбоубежищ... Во время бомбежек матери с детьми (они были главными «жильцами») чувствовали себя в просторных тоннелях и залах станций глубокого заложения в полной безопасности. За период с июня по декабрь 1941 г. в московском метро родились 213 детей»[192].

Особым символом военного времени стал для столицы скульптурный ансамбль «Триумф Победы» на путепроводе Ленинградского шоссе над железнодорожной веткой рижского направления. Это одно из лучших достижений монументального жанра начали создавать еще в 1943 г. скульптор Н. В. Томский и архитектор Д. Н. Чечулин. Скульптурно-декоративные композиции «Слава русскому оружию» и колоссальные статуи двух бойцов — мужчины и женщины с автоматами в руках, в развевающихся плащ-палатках выглядят торжественно и сурово. В ликующем июне 1945 г. монументальные изваяния защитников Москвы первыми встретили парадные колонны, двигавшиеся к Красной площади. Н. В. Томский вспоминал: «Знаете, когда я был безмерно счастлив? В утро перед Парадом Победы в 1945 году я шел по мосту, а к центру двигались войска. Колонны, завидев мост, переходили с марша на строевой шаг, держа равнение на монументы воинов — защитников Москвы, командиры отдавали памятнику честь, а в люках танков были видны отдающие честь командиры экипажей. Представляете, здесь, на Ленинградском мосту победители приветствовали монументы Победы! Вот в чем была символика, вот в чем моя авторская гордость и человеческая радость»[193].

Любые проявления условно мирной жизни в военную пору ценятся невероятно, а малейшее нарушение обычного хода жизни воспринимается крайне болезненно. Военкор Е. З. Воробьёв писал о днях страшного лета 1941 г.: «В начале августа во время налета у Никитских

Фрагменты скульптурной композиции «Триумф победы»

ворот упала бомба весом в тонну. Зияла огромная воронка глубиной в 10 метров. Коммуникации разрушены, трамвайные вагоны смяты и отброшены в сторону, разбита грузовая платформа, груженная мешками с мукой. Надолго повисло облако мучной пыли, взрывная волна выбелила всё мукой, как порошей... Памятник К. А. Тимирязеву сбит с пьедестала и поврежден. Инженерная разведка, возглавляемая архитектором города Москвы Д. Н. Чечулиным, определила на месте характер разрушений, и аварийно-восстановительный полк принялся за работу. На следующий день были устранены повреждения, заасфальтирована площадь. Памятник стоял на прежнем месте. Пожарные из брандспойтов смыли со статуи остатки известки и мучную пыль»[194].

В годы войны скульпторам и архитекторам часто приходилось выступать в роли реставраторов. Уже в 1942 г. скульпторы С. В. Кольцов и М. С. Рукавишников восстанавливали поврежденные бомбежкой статуи муз Терпсихоры и Мельпомены в нишах и барельеф на фасаде Большого театра. В Ленинграде скульптор Я. А. Троупянский еще в дни блокады, часто под артобстрелом, реставрировал поврежденные огнем барельефы Адмиралтейства, работая в свои 60 лет на большой высоте. В 1945 г. он завершил восстановление аллегорических фигур на башне Адмиралтейства, вычеканенных из меди, сделав слепки с их сохранившихся «двойников» и по ним изготовив копии.

Советские архитекторы провели колоссальную работу по маскировке художественных объектов, проектированию недорогого и быстро возводимого жилья в местах массовой эвакуации и на освобожденных территориях, благоустройству городов и одновременно по подготовке всесоюзных конкурсов, выставок, смотров. Даже находясь в блокадном Ленинграде, голодая, они создавали проекты мемориалов, триумфальных арок и других символов Победы. Можно понять психологию творца, оказавшегося в экстремальной ситуации блокады. Размышления, работа над новыми творческими проектами вытесняли из сознания мысли о голоде, смерти, возвращали в жизненную колею и этим помогали жить. Уже в конце войны начались работы по восстановлению разрушенного оккупантами ансамбля уникального Петродворца и других пригородов Ленинграда. Скульптуры знаменитой «лестницы» и фонтанов Петродворца приходилось воскрешать по фотографиям, поскольку эскизы и модели не сохранились. В 1947 г. был вновь отлит по модели скульптора В. Л. Симонова исполинский «Самсон».

Сразу после Московской битвы начали создаваться проекты монументов и памятников героям Отечественной войны. «Проектирование монументов героям Отечественной войны в Союзе архитекторов СССР было начато еще в 1942 г. двумя товарищескими конкурсами. Было представлено свыше 150 проектов», — говорилось в «Отчете Союза советских архитекторов за 1942 г.». Первым был открыт 7 ноября 1942 г. по проекту А. А. Мануйлова памятник Герою Советского Союза генерал-майору И. В. Панфилову, командиру прославленной в боях за Москву дивизии, в г. Фрунзе, где он служил военным комиссаром. В Тбилиси был сооружен памятник Герою Советского Союза генерал-полковнику К. Н. Лесселидзе. Е. В. Вучетич работал над созданием многофигурной композиции, открывшейся в 1946 г., которая была посвящена генерал-лейтенанту М. Г. Ефремову, командующему 33-й армией, героически сражавшейся в окружении под Вязьмой, удерживая здесь в дни Сталинградской битвы большие силы врага. В. И. Мухина в 1943–1944 г. создала модель монумента «Героям обороны Севастополя». В Ростове-на-Дону 15 февраля 1944 г. был торжественно заложен памятник героям Великой Отечественной войны — освободителям города от фашистских захватчиков[195]. 21 мая в Перекопе на Турецком валу открылся памятник героям боев за Крым[196], а 17 октября на Сапун-горе в Севастополе — памятник-обелиск советским воинам, павшим в боях за освобождение города[197].

Скульпторы и архитекторы увековечивали в это время не только память о героях Великой Отечественной войны. 7 ноября 1943 г. был торжественно открыт памятник Козьме Минину в г. Горьком работы скульптора А. И. Колобова[198]. В 1944 г. С. Д. Тавасиев исполнил для г. Уфы проект конного памятника Салавату Юлаеву, сподвижнику Емельяна Пугачёва. 7 сентября 1941 г. скульптор К. М. Мерабишвили завершил работу над монументальной фигурой выдающегося грузинского поэта Шота Руставели[199], установленной в Тбилиси в 1942 г. В Алма-Ате И. М. Чайков воздвиг памятник классику казахской литературы Абаю Кунанбаеву. 18 марта 1944 г. в Махачкале литературная общественность республики отметила 75-летие со дня рождения народного ашуга Сулеймана Стальского, открыв ему памятник в Касумкенте[200]. 2 июля 1944 г. в Орджоникидзевском районе Северо-Осетинской АССР в селении Коста был открыт памятник классику осетинской литературы Косте Хетагурову[201]. В 1944 г. прошел третий тур конкурса на памятники великим деятелям русской культуры — М. Ю. Лермонтову, И. А. Крылову, И. Е. Репину. 6 ноября 1944 г. в Москве был открыт памятник М. В. Ломоносову, созданный скульптором С. Д. Меркуловым, перед зданием Московского государственного университета, на том месте, где стоял бюст Михаила Васильевича, разрушенный при бомбежке осенью 1941 г.[202]

Даже в страшные, трагические дни авианалетов на столицу осенью 1941 г. московские архитекторы и строители продолжали свой созидательный труд. В предвоенные годы была начата коренная реконструкция Москвы. «Вечерняя Москва» 6 сентября 1941 г. сообщила, что готовится к передвижке дом № 11 по ул. Горького. Здесь уже были заменены голландские печи на центральное отопление[203]. 22 сентября москвичи узнали, что «одна из бригад Треста по передвижке и разборке зданий приступила к снятию фундамента и установке на стальные катки четырехэтажного дома № 11 по ул. Горького. Начнется передвижка дома на 49,5 м в глубь квартала. Во время передвижки жильцы дома смогут находиться в своих

квартирах. Водопровод, электричество, телефоны будут работать бесперебойно. Передвижку дома предполагается закончить в конце сентября»[204]. А 8 октября дом уже стоял на новом месте — в Брюсовом переулке. «Освободившийся участок со стороны улицы Горького будет использован для нового строительства. Это был двадцать третий по счету большой каменный дом, передвинутый в Москве»[205].

Согласно «Отчету Союза советских архитекторов за 1942 г.»[206] за этот период был выполнен обширный круг работ зодчих и строителей. Архитекторы проектировали оборонительные сооружения, разрабатывали мероприятия по оборонной светомаскировке. 472 человека были призваны в ряды Красной армии, многие служили в составе инженерных войск. Архитекторы участвовали в строительстве многочисленных промышленных предприятий, эвакуированных или вновь возникающих на Урале, в Сибири, Средней Азии, изобретали и осваивали новые технологии на основе использования местных строительных материалов: гипсы, грунтоблоки, облегченные деревянные конструкции, строительные материалы на основе шлаков и прочее. Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» определялась основная задача архитекторов и строителей: «Считать неотложной задачей партийных и советских организаций Курской, Орловской, Воронежской, Калининской, Сталинградской, Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев — восстановление и постройку новых жилых домов из местных строительных материалов в селах, городах и рабочих поселках, освобожденных от немецкой оккупации с тем, чтобы обеспечить размещение в пригодных для жилья помещениях колхозников, рабочих, служащих, проживающих в настоящее время в землянках и разрушенных домах»[207].

Председатель Госплана СССР, первый заместитель председателя правительства Н. А. Вознесенский отмечал: «Население оккупированных городов и сел фашизм вернул к доисторическому существованию; жилища разрушил и бичом террора вновь загнал свободного человека в пещеру; потушил электрические огни и вернул человека к лучине; разрушил города; наших братьев и сестер угонял на рабовладельческую немецкую каторгу. С освобождением многострадальной земли нашей советский народ начал воссоздавать достойные свободного человека условия существования»[208].

В крупномасштабных восстановительных работах была задействована большая армия архитекторов — разных уровней таланта и меры ответственности. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, получавший от граждан СССР множество писем с предложениями, жалобами, видимо, имел основания весьма деликатно напомнить в своем письме председателю Комитета по делам архитектуры А. Г. Мордвинову о стоящих перед зодчими задачах и их моральной ответственности перед народом: «В настоящее время в связи с восстановлением разрушенных городов... необходимо, чтобы такое дело находилось в культурных архитектурных руках или, по крайней мере, под наблюдением людей, отвечающих этому требованию... В основу строительства жилых домов должен быть положен принцип удобства живущих в них, чтобы дома были не только хороши снаружи, но и внутри удобны для жилья, а общественные здания практически пригодны для предназначенных целей. И притом следует избегать выкрутасов. Социалистическое строительство должно быть целеустремленным, красивым, радующим глаз, но не вычурным и претензионным. Желательно распространение архитектурного влияния на наши колхозные деревни как в популяризации типовых домов, так и в планировке каждой улицы... Мы вправе ожидать, что наши архитекторы удовлетворительно справятся с выпавшими на их долю задачами. В противном случае, тяжелая моральная ответственность ляжет на наше архитектурное руководство и на нашу архитектурную общественность»[209].

В свою очередь, архитектор А. Г. Мордвинов представил М. И. Калинину обстоятельный доклад: «Во многих городах войной сметены целые улицы; огромное количество жилых домов сожжено врагом. Множество домов в крупных и малых городах требуют полной или частичной перестройки; многое должно быть построено заново. Огромные затраты, вкладываемые нами в жилищное строительство, требуют правильного решения архитектурных задач, стоящих

перед нами в этой области. Привлекательный облик жилых домов в небольшом городе легко создать применением простейших средств. Определяющее значение имеет здесь опрятный облик и цветовое оформление, выделяющее архитектурно-декоративные детали на основном фоне и создающее живописные цветовые пятна... Наряду с заботой о чистоте и гигиене жилищ необходимо создать движение за опрятность внешнего облика наших домов, за опрятность, достигаемую самыми простыми средствами»[210].

В докладе «Очередные задачи органов Комитета по делам архитектуры при СНК СССР» от 18 декабря 1944 г. А. Г. Мордвинов сообщил: «Десятки бригад архитекторов выехали для быстрейшей помощи восстанавливаемым городам... Проводили обследование и изучение города. Намечали предварительную схему генерального плана и на основе этого совместно с городскими организациями устанавливали порядок его восстановления и застройки. В течение 1944 г. Комитет непосредственно организовал проектирование 8 городов. В течение года проектными работами по Союзу охвачено свыше 140 городов, в том числе по РСФСР — 90 городов, Украине — 34, Белоруссии — 5, Эстонии — 3 и т. д. Утверждены проекты восстановления Сталинграда (авт. Алабян), Смоленска (авт. Гольц). Рассмотрены схемы планирования Новороссийска (авт. Иофан), Новгорода (авт. Щусев) и многих других»[211].

В докладе «Советская архитектура перед новым этапом развития» академик архитектуры А. Г. Мордвинов заметил, что «красивый город привязывает к себе, заставляет любить себя и вызывает чувство гордости и местного патриотизма. Некрасивый город оставляет граждан в равнодушии к себе. Ленинград, если бы не был так красив, не был бы столь обороноспособен... Глядя на прекрасные, монументальные здания, пользуясь этими зданиями, народ проникается уважением к самому себе, к своей стране, укрепляет чувство уверенности в своей силе»[212]. А ставя перед архитекторами и всей строительной отраслью новые задачи, он признался: «Многие наши города заполнились унылыми безрадостными коробками. Такое строительство игнорировало художественную промышленность, прикладные искусства, культуру отделочных и декоративных ремесел, низводило архитектурное мастерство до роли простой техники; оно игнорировало и градостроительное искусство»[213]. Академик критиковал строителей, которые «игнорируют художественное значение планировки поселка и города, не заботятся о благоустройстве, малых архитектурных формах (ограды, ворота и т. п.)... лишь поставив коробки-дома, уходят, оставляя бездорожье и захламленный, неблагоустроенный участок. Такие неблагоустроенные поселки с совершенно одинаковыми домами-казармами вызывают тоску у обитателей, понижают их жизненный тонус и работоспособность»[214]. Далее он делал вывод, что следует: «Возродить художественную промышленность, подготовку кадров мастеров прикладных искусств, рисовальщиков, художников прикладных искусств. Необходимо умножить кадры мастеров отделочных работ, которых осталось небольшое количество и то только в столичных городах. Поднять архитектурное качество проектов городов и зданий, мобилизовав архитекторов на решение труднейших архитектурных задач»[215].

Приоритетное значение приобретали реставрационные работы. Так, в Останкинском дворце они приостанавливались лишь на несколько месяцев, когда враг стоял у стен столицы, но уже 24 декабря городская газета напомнила читателям об удивительном музее, который вновь открыл свои двери для любителей старины: «Сотни лыжников, пришедших в воскресенье в вековой парк на тренировку, посетили прекрасное здание дворца-театра»[216]. В это же время Наркомпрос СССР открыл для посетителей филиал Исторического музея «Василий Блаженный». В Историческом музее также велась подготовка к открытию филиала.

Во время войны на оккупированной территории были разрушены величайшие монументальные произведения наших народов: Киево-Печерская лавра, Черниговский Спасский собор (1036), Новгородская София (1045–1050), Новгородский детинец (XI–XV) и другие. Как только советские войска освободили Новгород, в город прибыли реставраторы, и первым их делом стало воссоздание разрушенного фашистами памятника «Тысячелетие России». Его вновь открыли уже 4 ноября 1944 г. В имении Вишня под Винницей 8 мая 1945 г. специалисты уже трудились над восстановлением забальзамированного тела великого русского хирурга Николая Пирогова, многие годы сохраняемого в храме-некрополе.

И. Э. Грабарь

Академик архитектуры И. Э. Грабарь, художник, искусствовед, один из основоположников музееведения и реставрации памятников, в статье «Восстановление памятников старины» в газете «Советское искусство» осенью 1944 г. с чувством гордости за свою страну отметил: «Никогда еще мир не был свидетелем такой грандиозной по масштабам восстановительной работы, какая предстоит нашей стране в ближайшие десятилетия». Академик изложил закон реставрации, которым нужно руководствоваться при решении о восстановлении разрушенного здания: «Если здание было построено из тесаного камня (что мы видим в античных храмах), то оно сохранится может в виде руин... Спасти же древнее кирпичное здание, легко размываемое водой, можно лишь только двумя способами: либо соорудив над ним шатер (что обезобразит памятник), либо восстановить стену на основании данных, добытых на месте, в системе кладки той же стены и в мусоре, завалившем упавшие фрагменты. Такой именно случай мы видим в Новгороде на руинах всемирно известного храма Спаса Нередицы (XII в.), внутренние стены которого снизу доверху были покрыты фресками»[217]. Предложив восстанавливать храм так, чтобы новая кладка была ясно отличаема и именно в нее вставлены фрагменты найденных фресок, обратив внимание на судьбы наиболее пострадавших от фашистского варварства памятников в Новгороде, Киеве, пригородах Ленинграда, академик заключил: «Гигантские восстановительные работы, которые будут проведены в ближайшие 10–15 лет, станут небывалой в истории искусства по своему размаху и значению школой архитектуры, скульптуры, живописи, декоративного и прикладного искусства. Никакие учебные заведения не дадут таких знаний и навыков, как процесс восстановления величайших памятников искусства»[218].

Архивы хранят документы, ярко свидетельствующие о том, что многие инициативы граждан всемерно поддерживались органами власти, особенно, если носили патриотический характер, способствовали укреплению боевого духа. 22 октября 1943 г. начальник политотдела Винницкого военно-пехотного училища, временно размещенного в г. Суздале, полковник

Ткаченко довел до сведения начальника Главного политического управления Красной армии генерал-полковника А. С. Щербакова: «Сообщаю Вам, что в г. Суздаль Ивановской области в Спасо-Ефимовском монастыре покоится прах Воина народного ополчения, освободившего в 1612 г. наше Отечество от польско-немецких интервентов... В 1933 г. памятник на могиле Д. М. Пожарского разорили и сейчас только осталось несколько камней. Возле могилы всё запущено. К тому же, что сама могила находится на территории спецлагеря, что трудно доступно к ней... Стыдно, как мы чтим память своих предков. Я принял меры: 1) Собираем остатки, которые остались от памятника. 2) Местные власти поставил в известность. Курсанты Винницкого военно-пехотного училища желают дать клятву на могиле. Своим долгом считаю немедленно восстановить. Верно, там на территории военнопленные немцы, но пусть увидят, как мы сохраняем и чтим своих народных героев»[219].

А. С. Щербаков направил письмо руководителю Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) с резолюцией: «Вопрос поставлен правильно. Надо восстановить памятник». В результате было принято решение, направленное А. С. Щербакову: «В связи с невозможностью восстановления памятника в прежнем его виде (часовня-мавзолей) Комитет по делам искусств при СНК СССР заказал скульптору Азгуру З. И. и архитектору Захарову Г. А. проект нового памятника с бюстом Д. М. Пожарского. Ивановский обком ВКП(б) и полковник Ткаченко поставлены об этом в известность»[220]. И хотя памятник князю Д. М. Пожарскому работы скульптора З. И. Азгура был открыт лишь в 1950-е гг., показательно, что вопрос о приведении могилы героя в порядок решался в самую суровую для страны годину, тогда же, когда специалисты бились за сохранение исторического облика многих древних городов с их монастырями, церквями, палатами, хоромами, дворцами.

В первых разработанных проектах общественных зданий и жилья для сел в освобожденных районах чувствовалось стремление архитекторов использовать народные традиции. С башенками, колоннами, решетчатыми полукруглыми арочными окнами предстали на бумаге серии проектов зданий сельсовета А. П. Великанова, Г. И. Ощепкова, А. С. Никольского, правления колхоза Н. А. Гурвича и мастерской И. В. Жолтовского, детских садов А. К. Чалдымова и Р. М. Смоленской, сельской чайной — мастерской И. Н. Соболева, типовой проект почты, представленный Академией архитектуры СССР[221].

Восстановление Сталинграда началось сразу же, как отгремели последние залпы. 4 августа 1944 г., известный архитектор, автор проекта Центрального театра Красной армии в Москве К. С. Алабян писал начальнику Главного политуправления Красной армии А. С. Щербакову: «Приступив к работе по проектированию Сталинграда, представители Академии архитектуры, побывав в городе, обратили внимание на ряд ненормальных явлений. В Сталинграде на многих холмах, высотах или других уголках, среди руин города, имеется несколько могил погибших геройской смертью воинов Красной Армии... Надписи, сделанные карандашом в перерывах между боями, наполовину стерлись, и имена павших героев часто очень трудно установить. Исторические блиндажи на Мамаевом Кургане разрушаются (их разбирают на шпалы некоторые восстановительные организации). Следовало бы в возможно кратчайший срок организовать охрану и уход за этими памятниками, предварительно определив и инвентаризировав их специальной комиссией... я прошу Вас дать указания местным организациям об объявлении Государственным историческим заповедником таких мест, как Мамаев Курган, где сама земля изрыта воронками и траншеями, представляет из себя волнующую картину, дома «Павлова» на площади имени 9-го января, некоторые из блиндажей дивизии Родимцева и могилы павших героев, сооруженные самими бойцами»[222]. На письме архитектора стоит резолюция А. С. Щербакова к руководителю Управления агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову: «Относительно могил павших надо позвонить в обком», и тут же его ответ: «Сталинградский обком ВКП(б) (т. Чуянов) принимает меры к тому, чтобы могилы павших героев-защитников Сталинграда содержались в надлежащем виде»[223].

Когда мужчины бьются на фронте, в тылу на их место встают женщины — матери, жены и невесты. Так, простая сталинградка, председатель уличного комитета, предста-

вительница одной из самых мирных профессий — воспитатель детского сада Александра Максимовна Черкасова стала зачинательницей возрождения города, а затем и символом этого возрождения. 4 февраля 1943 г. она и ее подруги получили задание подыскать и привести в порядок уцелевшие дома для размещения в них детей и престарелых, найденных в подвалах изможденными, больными и ранеными. Бригада А. М. Черкасовой справилась с этим заданием еще до того, как 4 апреля 1943 г. вышло постановление ГКО «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Сталинграда и Сталинградской области, разрушенного немецкими оккупантами». 13 июня 1943 г. девятнадцать женщин, жен фронтовиков, с бригадиром А. М. Черкасовой вышли на восстановление легендарного «дома Павлова». После работы прошел митинг с призывом поддержать почин. Несколько выступлений по радио, интервью в газетах — и призыв сталинградок поддержала вся страна. В ответ на обращение обкома и облисполкома на стенах зданий, где был написан лозунг военных дней: «Мы отстоим тебя, Сталинград!», появилась поправка мирного времени: «Мы отстроим тебя, Сталинград!».

Наглядные свидетельства жизни города — в фотографиях, сделанных иностранными корреспондентами в 1947 г.: среди руин виднеются свежеотстроенные в 1943–1944 гг. деревянные павильоны: часовая мастерская, газетные киоски, скромное временное здание вокзала с кассами. «Работая над великими планами возрождения Сталинграда, небольшая армия архитекторов не забывает и менее важные объекты: школы, деревни и проекты маленьких домиков. Поскольку город начинают отстраивать с окраин, здесь, вдали от центра, тысячами вырастают маленькие дома и жилые здания. А в центре ничего не строят до тех пор, пока не будут утверждены проекты общественных зданий»[224], — писал американский журналист Джон Стейнбек.

Архитектор А. Г. Мордвинов в докладе «Советская архитектура перед новым этапом развития» уже в 1944 г. отмечал, что предвоенная «неправильная застройка Сталинграда привела к тому, что прекрасные берега Волги были застроены непрерывными рядами высоких домов, заслонявших всюду виды на реку и лишавших город прогулочной набережной; улицы города, направленные в сторону реки, упирались в стены этих домов, и фактически приволжский город оказался отрезанным от Волги»[225]. Также он подчеркивал: «Ни один город, если он хочет быть красивым, не может обойтись без высотных композиций... Ни один старый русский город не обходился без высотных композиций, имели их даже и большие села. По свидетельству летописцев, русские люди, создавая высотные здания храмов, восхищались «высотою, красотою и светлостью» их»[226].

Поистине «храмовое» великолепие и величие монумента скульптора Е. В. Вучетича «Родина-мать», возведенного в послевоенные годы на Мамаевом Кургане, сделало образ женщины-воительницы и защитницы символом героического города и Великой Победы, укрепило священный культ Родины-матери — русской богини на все времена.

Но задолго до этого, весной 1945 г. начались работы по сооружению монументов советским воинам-освободителям на местах боев и массовых захоронений в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Австрии, Румынии, Польше, возводились воинские мемориалы и на кладбищах советских воинов в Восточной Германии. Скульптор Е. В. Вучетич, архитектор Я. Б. Белопольский, инженер С. С. Валериус и художник А. А. Горпенко создали величественный мемориал в берлинском Трептов-парке: фигуры скорбящей Родины-матери; советских солдат, преклонивших колени перед памятью погибших; красные знамена, вытесанные из гранита; саркофаги с барельефами, иллюстрирующими весь ход войны; мавзолей, украшенный изнутри великолепными мозаиками; и композиционно венчает мемориал памятник советскому воину-освободителю со спасенной от смерти немецкой девочкой на руках, в плащ-палатке, свободно ниспадающей с плеч, подобно накидке древнего витязя, с карающим богатырским мечом, пригвоздившим поверженную паучью свастику. К грандиозному труду, занявшему несколько послевоенных лет, были привлечены крупные советские скульпторы, архитекторы, инженеры, а также германские специалисты и на неквалифицированные работы — рядовые берлинцы.

Е. В. Вучетич

На возражения отдельных германских деятелей, что победители должны вкладывать средства прежде всего в восстановление жилья для немцев, в развитие социальной сферы, а не в сооружение грандиозного монумента своим погибшим, комендант Берлина генерал А. Г. Котиков ответил: «Ничего, даже самого ценного материала, самой лучшей земли, самых огромных усилий не жалко, чтобы поставить памятник сыновьям советского народа, которые пожертвовали своей жизнью, освобождая вашу родину от германского фашизма. Мертвым, лежащим здесь, в чужой земле, война была не нужна, но они отдали свои жизни, а дома у них остались жены и дети. И этот памятник послужит предостережением живым в том, чтобы больше не было войны. За мир надо бороться, трудиться, не жалея себя. И не завтра или послезавтра, а сегодня, сейчас»[227].

По словам скульптора Е. В. Вучетича, в создании проекта мемориала «определяющую роль сыграло русское зодчество с его великолепными традициями создания архитектурных ансамблей... Реквиемиальный характер будущего памятника... натолкнул на возможность использования кургана как исконно русской национальной формы братских захоронений... Нами всецело владело сознание того, что будущий монумент поднимется в центре Европы, что на него будут смотреть люди всех стран мира, что его будут рассматривать, безусловно, как образец советского искусства, который средствами пластики выражает великую интернациональную освободительную миссию Советской Армии»[228]. И в самом деле, памятник стал одним из символов Великой Победы.

Созданная творцами всех жанров искусства летопись Великой Отечественной войны дала право Президенту академии художеств СССР А. М. Герасимову сказать через шесть лет после Победы: «Советские художники выполнили свой долг перед Родиной, по мере своих сил помогали народу завоевать всемирно-значимую победу. Трудно назвать все их имена, потому что число их огромно»[229].

Судьба отечественных культурных ценностей

Трагична судьба национального культурно-исторического наследия страны в период Великой Отечественной войны. Фашисты уничтожали все то, что составляло гордость славян. Истреблялись тысячи деятелей науки и культуры. Разрушались шедевры мирового зодчества в зоне оккупации. Погибли от взрывов, под обстрелами тяжелых орудий вековые памятники древнерусской архитектуры в Новгороде, Пскове, Смоленске, Вязьме, Тихвине, Киеве и других городах, полностью или частично были разрушены всемирно известные дворцовые ансамбли с художественными произведениями в Павловске, Петергофе, Царском Селе, Гатчине[230].

В огромных масштабах проводилось расхищение сокровищ искусства. Оно осуществлялось с не меньшей жестокостью, чем экономическое ограбление регионов, захваченных вермахтом и войсками союзников Германии. Сводные данные о потерях в сфере культуры были подготовлены Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК).

Члены ЧГК и 19 региональных и областных «комиссий содействия работе ЧГК» приложили колоссальные усилия для установления материального урона, нанесенного СССР, и для сбора доказательств преступлений военного времени, в том числе свидетельских показаний. Дискредитация деятельности Чрезвычайной государственной комиссии некоторыми авторами, «прежде всего утверждением, что она была пропагандистским средством в руках сталинского руководства», не поддерживается учеными, придерживающимися принципа историзма[231].

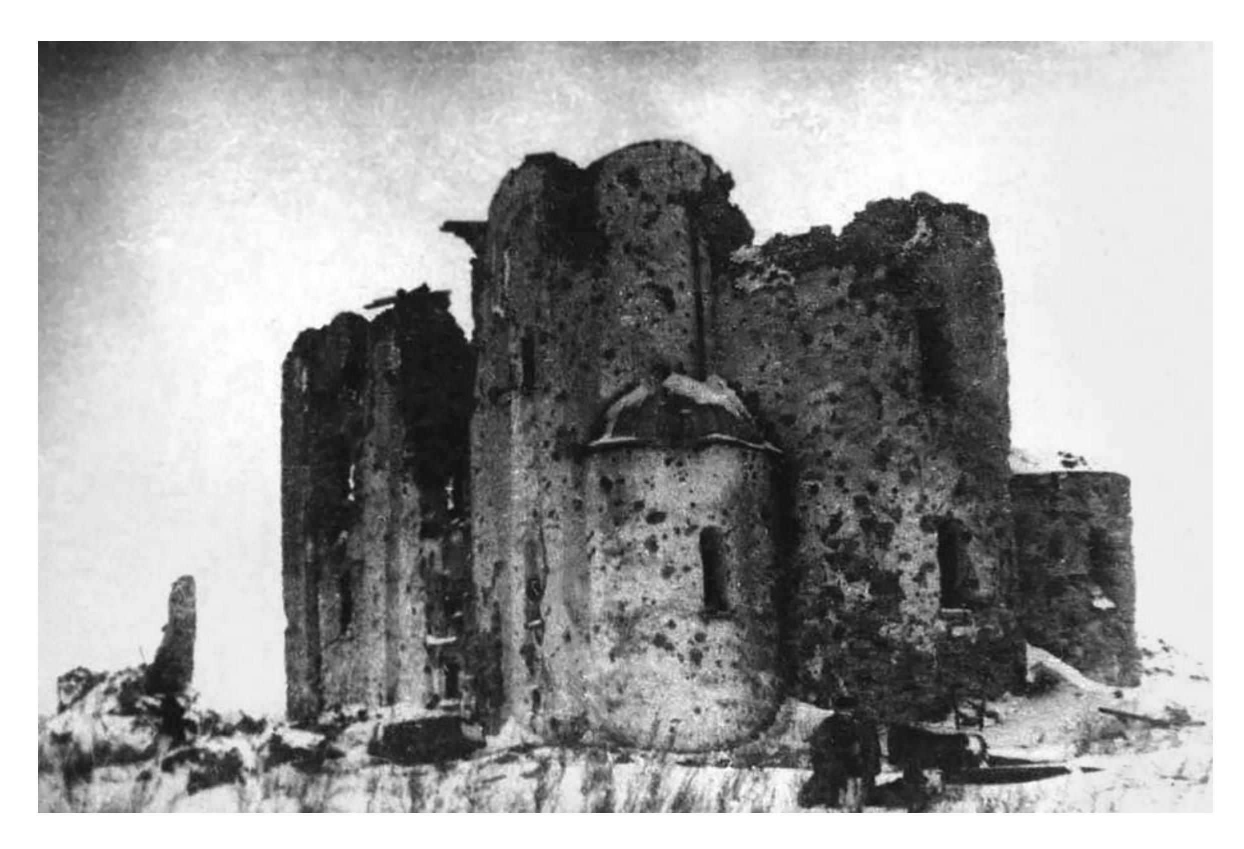
В настоящее время включенные в советскую историографию материалы ЧГК уточняются по отдельным позициям. Ведь комиссия располагала не всегда исчерпывающими сведениями, поскольку оккупанты увозили архивы, инвентарные книги, фототеки. Часть документации погибла, в том числе во многих провинциальных музеях и библиотеках. Проводится также корректировка данных о ценностях, вывезенных на Запад, целенаправленно уничтоженных фашистами и разрушенных советскими войсками в результате боевых действий, а также возвращенных из Германии после войны, о чем ранее сообщалось крайне мало. Воссозданию точной картины потерь поможет обращение к различным немецким источникам, в том числе трофейным, сопоставление их с документами противоположной стороны.

Германия, напав на Советский Союз, преследовала цель ликвидировать не только государственность, но и многовековую культуру народа, служившую укреплению духовного потенциала общества в тяжелый для него период. Были разрушены сохранившиеся здания и предметы старины в Великом Новгороде. В Софийском соборе Новгородского кремля оккупанты уничтожили почти все фрески XII в., пробили купол и стены, изъяли ценные иконы. Церковь Спаса Преображения, расписанная известным художником XIV в. Феофаном Греком, стала наблюдательным пунктом и огневой точкой. Артиллерийскими снарядами была уничтожена церковь Спаса Нередицы — один из лучших памятников средневековой архитектуры и живописи XII в. Оказались разрушены древнейшие храмы с драгоценными фресками — Николы на Липне, Спаса на Ковалёве, Михаила Архангела в Сковородском монастыре XIV в. и другие[232].

Новгородский монумент «Тысячелетие России», созданный в 1862 г. на народные пожертвования, спасло от гибели наступление Красной армии. В скульптурных группах этого интересного сооружения запечатлена тысячелетняя история России: выдающиеся государственные и общественные деятели, полководцы, ученые, писатели, а также важнейшие события. Один из немецких генералов хотел отправить памятник в Германию, но не успел этого сделать, поскольку в январе 1944 г. советские войска освободили Новгород. Заново монумент был открыт 2 ноября 1944 г.

Митрополичьи палаты в Новгородском Кремле. На переднем плане — фрагменты демонтированного немцами памятника «Тысячелетие России»

Руины храма Спаса на Нередице в Новгороде

О состоянии памятников Новгорода после захвата его вражескими войсками можно судить по «Акту осмотра от 26–27 ноября 1941 г.», составленному руководителем немецкой группы «Эстония» Г. Ф. фон Крузенштерном. В нем отмечается, что древний город был разрушен более чем на 90%. Часть города, кремль и участок фронта занимала испанская «Голубая дивизия». В Новгородском кремле значительная часть коллекции ценной библиотеки новгородского архиепископа и книжных собраний местных дворян пострадала от рук солдат этой дивизии. Книги валялись на снегу, в мусоре, ими были закрыты окна в холодных казармах. Церковь Входа Господня в Иерусалим была превращена в кузницу, а дворец архиепископа — в морг. Значительную часть церковных иконостасов испанцы использовали на дрова. Знаменитый собор полностью сожгли «по неосторожности». Испанцы взрывали гранатами двери храмов и выносили серебряные изделия и иконы[233]. Они вели себя без всякого уважения к культуре нашей страны. В Новгородском музее хранится икона XVII в. «Спас Вседержитель», на ней и сегодня можно увидеть несколько слов, выполненных на испанском языке.

В одном из красивейших древних русских городов — Пскове остались неповрежденными лишь единичные памятники многовековой архитектуры. Город был оккупирован войсками вермахта через две недели после нападения Германии на СССР. Удалось эвакуировать незначительную часть коллекций. Большая часть музейного собрания осталась в Пскове: богатейшие археологические и нумизматические коллекции, рукописные книги, произведения церковного искусства, собрания русской и западноевропейской живописи, графики. Нацисты разрушили Рождественский собор Снетогорского монастыря начала XIV в., покрытый художественной росписью. Были взорваны храм XV в. в бывшей Саввиной пустыне

Новоиерусалимский монастырь в Истре, разрушенный и разграбленный немцами

с древним иконостасом, храм Пантелеймона — памятник XVII в. с богатой орнаментацией. Церкви использовались под конюшни. Гитлеровцы разрушили памятники псковского гражданского зодчества: Меншиковы палаты XVI в., часть сводов второго этажа, часть трехэтажного корпуса в Поганкиных палатах, принадлежавших ранее купцу Сергею Поганкину. Эти каменные постройки отличались своеобразной орнаментацией своих фасадов[234].

В древнем Смоленске фашисты уничтожили и осквернили памятники старины, музеи, библиотеки, школы. Первый налет немецкой авиации на город был совершен 24 июня 1941 г., затем они стали систематическими. Очень сильной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу Смоленск был подвергнут 15 июля 1941 г. После ожесточенных боев советские воинские части 29 июля оставили город. С последним эшелоном на восток 9 июля удалось отправить из Государственного музея-заповедника 26 052 экспоната: изделия из драгоценных металлов, оружие, живопись. Всего же в фондах насчитывалось 65 148 предметов. Оставшиеся коллекции подверглись разграблению, археологическая коллекция была уничтожена полностью. В одном из зданий музея была устроена казарма. В Смоленске были взорваны и сожжены церкви XII в. — Петропавловская, Архангельская (Свирская), Иоанна Богослова, Троицкий монастырь XVIII в., церкви Спасская и Духовская XVIII в., разрушены Верхне-Никольская церковь и Введенская церковь Авраамиева монастыря[235].

Особо следует сказать о сильном разрушении и разграблении Новоиерусалимского монастыря в Истре. В нем находился Московский областной краеведческий музей с богатой картинной галереей (полотна Н. П. Аргунова, В. А. Боровиковского, В. А. Тропинина, ценнейшие иконы, фарфор, медали и прочее). Монастырь был основан патриархом Никоном в 1634 г. — это не только религиозный и исторический памятник, но и один из шедевров русского зодчества. В центре архитектурного ансамбля — Воскресенский собор, построенный «в образ и подобие» храма Гроба Господня в Иерусалиме. Академик И. Э. Грабарь называл собор «чудом русского искусства».

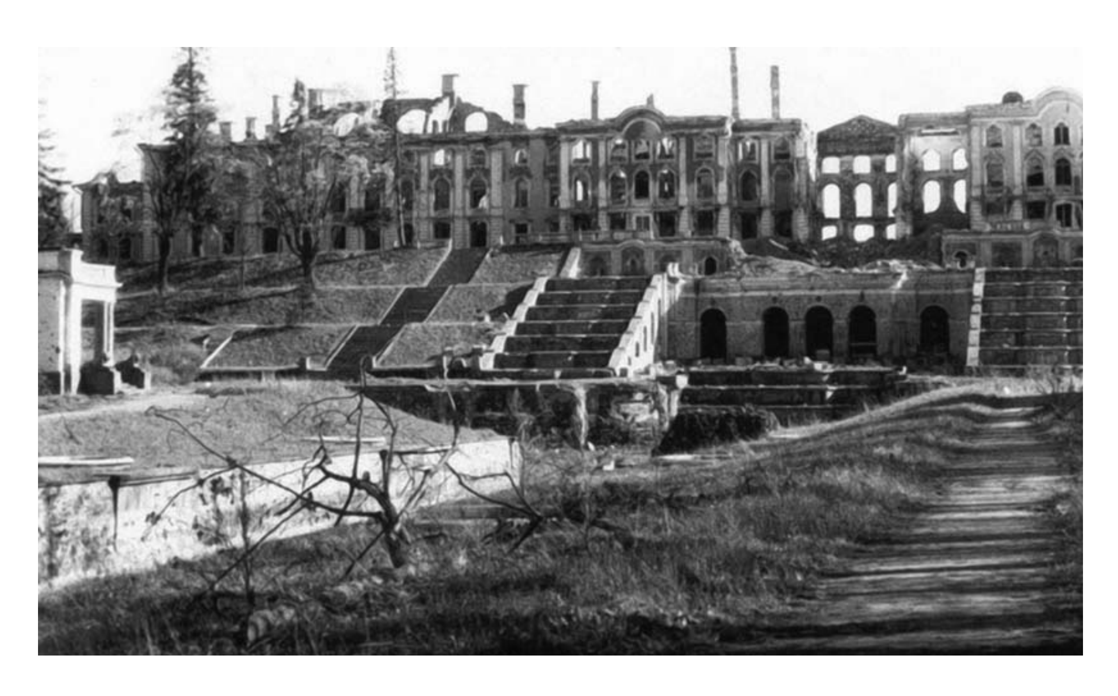
Бой за Истру начался в ночь с 25 на 26 ноября, когда дивизия СС «Рейх» предприняла штурм Истринской цитадели — ансамбля Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. Сильные разрушения были причинены во время осады монастыря и при отступлении немецких войск от Москвы. В огне погибли многие экспонаты: иконы, мебель, часть библиотеки и архивы, фонды отдела природы. Последние солдаты вермахта, заминировав территорию и руины, покинули монастырь после обрушения памятников ансамбля и окончания пожара[236]. Сообщая о чудовищном разрушении Новоиерусалимского монастыря, газета «Правда» 3 января 1942 г. отмечала, что «в то время человеческой культуре был нанесен жестокий удар».

Весной 1943 г. в разрушенные города Вязьму, Гжатск, Сычёвку Смоленской области и Ржев Калининской области выезжали председатель Чрезвычайной государственной комиссии Н. М. Шверник и митрополит Киевский и Галицкий Николай. Там они установили факты массового истребления мирного населения и советских военнопленных, уничтожения городов, культурных учреждений и церквей. В Сычёвке был сожжен музей, в котором погибло свыше 5 тыс. экспонатов, среди них картины известных живописцев И. Е. Репина, И. И. Левитана, В. Г. Перова, И. К. Айвазовского, скульптуры М. М. Антокольского, золотые, серебряные изделия работы мастеров XVII–XIX вв. Старинный русский город Ржев был превращен в груду развалин: из 5443 зданий более или менее сохранилось лишь 495 домов. Фашисты сожгли драматический театр, кинотеатр, краеведческий музей, центральную библиотеку с 60 тыс. книг, три клуба, 22 школы. Были разрушены Успенский собор, польский костел. В Покровской церкви они устроили казармы для солдат, а все ценности вывезли.

В служебной записке, направленной И. В. Сталину 3 апреля 1943 г., Н. М. Шверник изложил установленные на местах факты преступлений нацистов и предложил предать их гласности в советской печати[237]. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии было опубликовано в газете «Правда» 6 апреля 1943 г. Всего на территории России фашистские войска уничтожили и повредили около 3 тыс. зданий древних монастырей и архитектурных шедевров[238].

Павловский дворец в Гатчине, сожжённый гитлеровцами

Разрушенный немецко-фашистскими войсками Большой дворец
ансамбля Нижнего парка Петергофа

Безмерный ущерб был нанесен фашистами императорским дворцам и паркам в окрестностях Ленинграда. Замечательные памятники архитектуры и скульптуры создавались в течение двух веков лучшими русскими и иностранными мастерами. В создании величественного Петергофа (Петродворца) с его неповторимыми фонтанами участвовали В. В. Растрелли, Дж. Кваренги, Ф. Ф. Щедрин, И. П. Мартос, М. И. Козловский и другие замечательные зодчие и знаменитые скульпторы того времени. После ухода немцев из Петергофа от Большого дворца остались лишь разрушенные стены, занесенные снегом. Полностью погибли Тронный и Танцевальный залы, Аудиенц-зал, парадная лестница, церковь и другие помещения. Тяжелыми орудиями части 291-й немецкой пехотной дивизии уничтожили Английский дворец. За 27 месяцев пребывания в Петергофе фашисты ограбили все дворцы.

Город Пушкин (Царское Село) войска вермахта захватили 17 сентября 1941 г. Они разрушили и сожгли роскошный Екатерининский дворец, в том числе личные апартаменты Екатерины II. Артиллерийскими снарядами были пробиты стены, крыша и потолки здания, при этом погибла архитектура и скульптура фасадов. Отступая, гитлеровцы заложили под Екатерининский дворец и Камероновы термы 11 больших авиабомб замедленного действия для полного их уничтожения[239]. Огромные художественные ценности, богатая дворцовая библиотека вывозились военными и гражданскими лицами, в том числе и знаменитая Янтарная комната.

Та же страшная картина разрушений была в Павловске. Отступая из города, немцы подожгли дворец. Советские солдаты пытались потушить бушующее пламя, но спасти здание не удалось. Розовый павильон, охотничий домик немцы использовали как огневую точку. Произведения известного русского скульптора И. П. Мартоса служили им мишенью для стрельбы. В парке было вырублено около 70 тыс. деревьев, взорваны плотины. В Гатчине парк был превращен в оборонительный рубеж. Дворец оккупанты не успели уничтожить, но здание пострадало от пожара[240].

В Ленинграде в результате вражеских бомбежек и обстрелов были повреждены Государственный Эрмитаж, Русский музей, Музей городской скульптуры, Исаакиевский собор. Погибли и были испорчены десятки тысяч экспонатов. В Эрмитаж 18 марта 1942 г. попало шесть снарядов, повреждения в музее были произведены во время обстрелов 8 и 14 мая 1942 г. и в 1943 г. Последний, тридцатый снаряд разорвался 2 января 1944 г. в Гербовом зале. В результате разрушений пострадали паркетные полы, лепные украшения, ценные коллекции[241].

Огромный ущерб был нанесен культуре украинского и белорусского народа. В архитектурном комплексе XI–XVIII вв. Киево-Печерской лавре были разрушены 30 древнейших памятников зодчества, в том числе Троицкая надвратная церковь XII в. Погиб Успенский собор XI в., украшенный мозаикой и фресками, расписанный известным русским живописцем В. В. Верещагиным. Фашисты взорвали также один из старейших центров украинской культуры — Киевский университет.

Был полностью разрушен Чернигов. Погибли все художественные памятники и учреждения культуры. Особенно пострадала Пятницкая церковь, построенная в XII–XIII вв. Прекрасное здание было превращено в груду кирпича и мусора. Немецкие и румынские оккупанты в Одессе взрывали и сжигали тысячи зданий, имевшие историческую и архитектурно-художественную ценность[242]. Были сожжены здания Полтавской картинной галереи, Харьковской картинной галереи, а ценности вывезены в Германию. Всего на Украине подвергся разрушению и грабежу 151 музей[243]. В осуществлении нацистской политики в области культуры на Украине, проводившейся в широком контексте имперской политики на Востоке, главную роль играл рейхскомиссар Э. Кох.

В Белоруссии в огне пожарищ погибли прекрасные старинные здания. Урон, нанесенный памятникам архитектуры этой республики, оценен в 43 млн рублей. В Минске были разрушены все культурно-просветительные учреждения: здания Академии наук БССР, Государственного университета, научно-исследовательских институтов, библиотек, филармонии, консерватории, театров. В Гомеле был сожжен дворец Румянцева (Паскевича) XVIII в., в Витебске из 20 архитектурных памятников семь оказались разрушены полностью, 12 полу-

Руины Успенского собора XI в. в Киево-Печерской лавре

разрушены, в Полоцке из восьми архитектурных ансамблей уничтожены четыре, в том числе Полоцкая София, домик Петра I. В Западной Белоруссии, менее пострадавшей в войну, при оккупационном режиме также безвозвратно были утрачены музеи, церкви, костелы. В одной только Брестской области уничтожены один музей, 35 церквей и три костела[244].

По указанию германского военного командования и оккупационных властей уничтожались мемориальные музеи и памятные места, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта А. С. Пушкина в Пушкинском заповеднике, всемирно известного писателя Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, выдающегося композитора П. И. Чайковского в Клину. В национальной святыне народа — Пушкинском заповеднике фашисты на протяжении всего периода оккупации разрушали здания, расхищали ценности музея, уничтожали леса и парки. В Михайловском разорение завершили отступавшие немецкие части в феврале 1944 г.: всё было сожжено и превращено в груду развалин. Мраморная плита памятника разбита, могила поэта завалена мусором и заминирована. Спасли могилу А. С. Пушкина внезапный приход советских войск и мужество саперов.

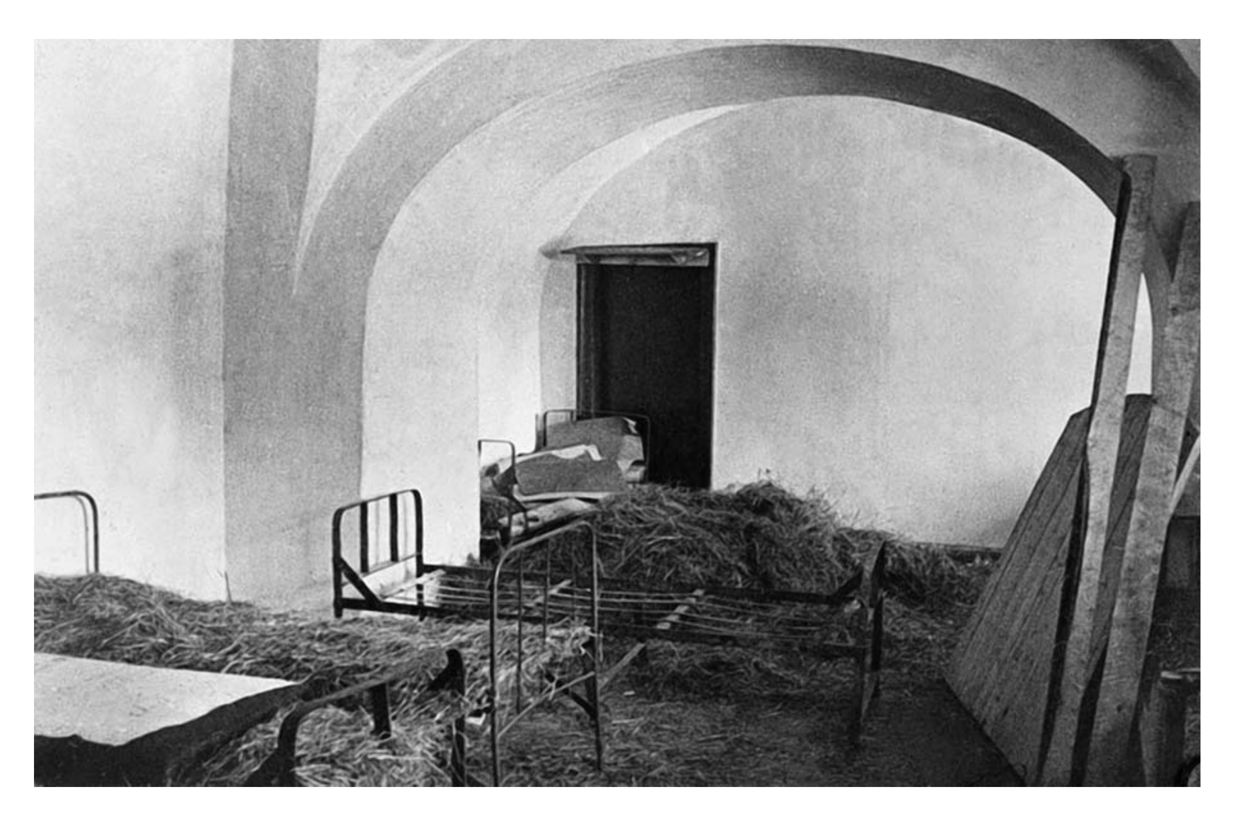
В другой святыне народа — Ясной Поляне фашисты находились полтора месяца и подвергли ее варварскому разрушению. Комнаты музея были превращены в казарму, сапожную мастерскую, хлев. Столы и шкафы в личных комнатах Л. Н. Толстого разломаны, многие музейные экспонаты похищены, в том числе картины и фотографии. Рукописями, книгами великого писателя, портретами отапливали дом. Перед бегством из Ясной Поляны под натиском Красной армии 14 декабря 1941 г. немцы подожгли все постройки. Спасали музей от пожара его сотрудники, ученики Яснополянской школы и местные жители. Военный корреспондент газеты «Правда» поэт А. А. Сурков, посетивший Ясную Поляну 16 декабря 1941 г., писал: «То, что десятилетиями хранили и берегли, как святыню, уничтожено, сожжено, разворовано»[245].

В музее композитора П. И. Чайковского оккупанты устроили гараж для мотоциклов и отапливали его нотами, книгами, мебелью и другими экспонатами. Разрушению подвергся дом-музей И. С. Тургенева в селе Спасское-Лутовиново, музей Н. В. Гоголя в селе Сорочинцы Полтавской области. В Таганроге и Ялте были уничтожены дома, где жил русский писатель А. П. Чехов. Нацисты, захватив музейный комплекс знаменитого русского художника И. Е. Репина в «Пенатах», сожгли все постройки, расхитили экспозицию. Библиотека и историко-бытовые предметы, которые не удалось вывезти, исчезли бесследно[246].

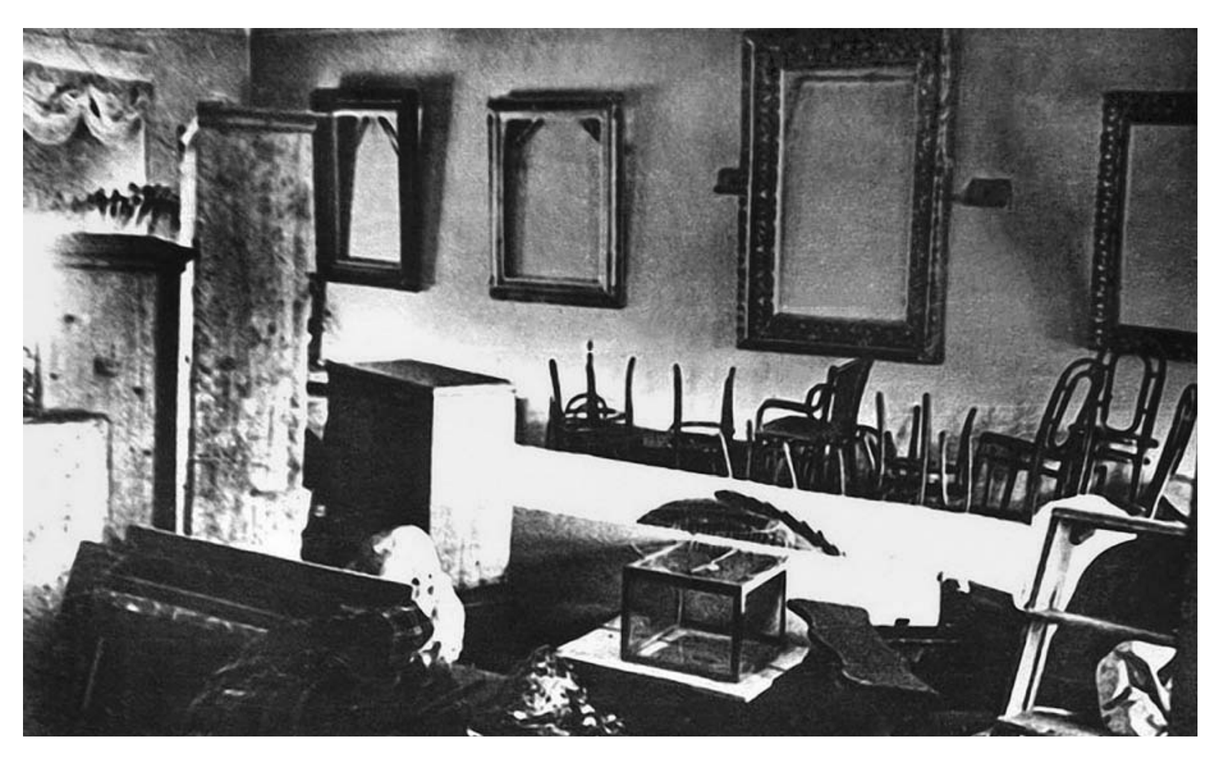
Потери в сфере культуры от рук оккупантов были огромны: разграблено 427 музеев (в России — 173), уничтожено и вывезено на Запад 180 млн экземпляров книг, 13 тыс. музыкальных инструментов. Утрачено 63% всего архивного фонда Российской Федерации[247].

О заранее разработанных в Германии планах расхищения ценностей культуры европейских наций свидетельствуют многие документы. Ни в одной из предшествующих войн агрессор так тщательно не планировал, столь последовательно не проводил конфискацию сокровищ, как это делалось в целях обогащения Третьего рейха и его правящей элиты. Нацистские «эксперты» отбирали музейные коллекции, предметы старины, раритеты, книги для отправки в Берлин, а все неподходящее уничтожалось. Отношение гитлеровского командования к объектам культуры было достаточно определенно сформулировано в приказе генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке», обнародованном на Нюрнбергском процессе: «Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, должно быть уничтожено. Никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения».

Реквизицией духовного наследия народов СССР и взятием трофеев занимались многочисленные германские организации, штабы, зондеркоманды, а также представители исследовательского и просветительского общества «Наследие предков» и территориальных оккупационных властей. Наибольшую активность в разграблении и вывозе ценностей из Советского Союза проявил Оперативный штаб рейхсляйтера А. Розенберга — айнзацштаб (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg — ERR). А. Розенберг — один из идеологов нацизма — возглавлял Имперское министерство по делам оккупированных областей на Востоке (Восточное министерство).

Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» после изгнания оккупантов

Библиотека Л. Н. Толстого

В указе А. Гитлера о полномочиях Оперативного штаба сказано: «Его штаб по руководству операциями на оккупированных территориях имеет право проверять библиотеки, архивы, масонские ложи и другие идеологические и культурные учреждения всех родов с точки зрения наличия в них соответствующих материалов и конфисковывать эти материалы для использования их при решении идеологических задач Немецкой национал-социалистической рабочей партии и в дальнейшем — в научных исследованиях «Высшей школы»[248].

Трофейные документы дают возможность восстановить структуру айнзацштаба и его подразделений, назвать руководителей зондеркоманд и наиболее активных участников вывоза отечественных ценностей, раскрыть широкие масштабы их деятельности. Оперативный штаб размещался в Берлине, его отделения были в Киеве, Минске, Риге, Таллине, Смоленске, Ростове, Симферополе. Ему подчинялись главные рабочие группы «Остланд», «Митте» (с апреля 1943 г.), «Украина», которые, в свою очередь, руководили более мелкими группами, закрепленными за определенной территорией. Активно действовали также зондеркоманды «Псков», «Новгород», «Смоленск», «Ростов», «Горки», Кавказ» и другие[249].

Перемещение в нацистский рейх музейных и библиотечных собраний, архивов производилось с участием квалифицированных специалистов. Из них были созданы и специальные организации, в том числе зондерштабы «Изобразительное искусство» (руководитель доктор Шольц), «Библиотеки» (руководитель доктор Ней), «Архивы» (руководитель доктор Моммзен, затем доктор Дюльфер), «Древняя и ранняя история» (руководитель доктор Райнерт), «Музыка» (руководитель Геригк). Эти штабы шли вслед за немецкими армиями.

Для изъятого штабом А. Розенберга имущества создавались сборные пункты в Пскове, Риге, Таллине, Киеве, Кёнигсберге. В центральное книгохранилище в Киеве к середине ноября 1942 г. помимо украинских фондов было доставлено доктором Неем два вагона книг из Воронежа и Курска. В основном это были старые издания на русском, западноевропейских языках (около 10 тыс. томов), которые предназначались для Центральной библиотеки высшей партийной школы в Берлине[250]. В отчете доктора Нея за период с 9 по 14 октября 1942 г. о работе в Киеве отмечалось, что прибывшие в Киев фонды были разделены на пять групп: старые издания, фонды Дерптского университета (примерно 5 тыс. томов), русские энциклопедии (около 500 томов), русские журналы (примерно 7 тыс. томов), включая раритеты, различные монографии и серийные издания.

В документах штаба А. Розенберга, к сожалению, местонахождение похищенного указывалось не всегда. Вывоз осуществлялся через Киев, Ригу, Таллин, Вильнюс, Кёнигсберг. Так, в донесении сотрудника штаба доктора Ломматша, составленном 5 мая 1943 г., отмечалось, что в Вильнюсе на сборном пункте (в Бенедиктинском монастыре) находились: партархив Смоленска, материалы XIX в. (пять вагонов), русский архив из Витебска (дореволюционные материалы — один вагон), экспонаты Центра крестьянских художественных ремесел, созданного просветительницей М. К. Тенишевой (иконы, картины, книги). Ожидалось прибытие еще нескольких вагонов из Витебска[251].

Смоленский партийный архив, долго фигурировал в спорах по проблеме перемещенных культурных ценностей. Захваченный уполномоченным зондерштаба «Архивы» доктором В. Моммзеном в начале 1943 г. и поступивший в феврале 1943 г. в Вильнюс, он в июне 1944 г. был доставлен в Ратибор (Силезия). Обнаруженная Красной армией в 1945 г. в Польше значительная часть архива была возвращена в СССР, а другая часть, оказавшаяся в распоряжении американской военной администрации в Германии, переправлена в 1946 г. в США и находилась в Национальном архиве. Лишь в 2003 г. Смоленский архив вернулся на свою историческую родину[252].

В отчете главной рабочей группы «Остланд» о доставке из Риги в рейх культурно-художественных предметов в апреле 1944 г., подписанном искусствоведом Д. Роскампом, указано, что отправлено два вагона с фарфором, мебелью, изделиями народных ремесел и прочим, а также 650 произведений древнерусского искусства из церквей и музеев Новгорода, Тихвина, Пскова. Подчеркивалось, что «иконы чрезвычайно ценные, особенно из ико-

ностасов новгородских церквей. Эти иконы можно считать одними из лучших культурных ценностей, полученных в России»[253].

Новгородские иконы вывозились в Псков, а затем в Третий рейх в сопровождении первого бургомистра Новгорода археолога В. С. Пономарёва. 600 уникальных произведений иконописи были обнаружены советскими войсками в Мюльберге-на-Эльбе и возвращены. За границей В. С. Пономарёв содействовал возвращению новгородских художественных предметов в СССР. В нашей стране долгое время он считался предателем. Но как отмечено исследователем Ю. З. Кантор, «в последние годы маятник качнулся в противоположную сторону», и ныне в Новгороде о В. С. Пономарёве говорят почти исключительно как о спасители древнерусской живописи от неминуемой гибели[254]. Так считает и директор Новгородского музея-заповедника Н. Н. Гринёв.

Среди похищенного — ценнейшие памятники истории и национальной культуры: царский и патриарший троны XVI в. из Новгородского Софийского собора, паникадило Бориса Годунова. Из библиотек города было вывезено 33 892 тома, в том числе 585 раритетов и рукописей XVII–XVIII вв., среди них периодические издания «Русская речь» 1880 г., «Библиограф» 1860 г. Из Псковского Кремля было конфисковано 1026 древних церковных книг, предметы культа, из музея А. С. Пушкина в Пушкинских горах — обстановка и экспонаты, из Тихвинского монастыря — национальная святыня, чудотворная икона «Тихвинская Божия Матерь», которая была изъята нацистами в ноябре 1941 г., а позже перевезена в Германию. Оттуда святыня попала в США. И только через 60 лет, в июне 2004 г. реликвия была возвращена в Тихвинский Успенский монастырь[255].

Сильному разграблению подверглись царские дворцы-музеи пригородов Ленинграда. Из Павловского дворца оккупанты вывезли богатейшее убранство царских покоев: мебель, гобелены, паркет, книги, собрание античных монет и многое другое. Из Петергофа были отправлены в Германию десятки тысяч экспонатов, среди них 4950 образцов мебели русской и западноевропейской работы XVIII–XIX вв., фарфор той же эпохи, скульптуры, картины, библиотека. Имеются немецкие источники, свидетельствующие об основных акциях по изъятию предметов старины и редких книг из дворцов-музеев пригородов Ленинграда различными немецкими подразделениями (гражданскими и военными). Впечатляет отчет группы «Ингерманланд» (доктора Вудер, Штеве, Эсер, Шпеер, фон Крузенштерн) об инспекторской поездке в ноябре 1941 г. В разделе «О современном состоянии царских дворцов» дается подробное описание разрушений зданий в Царском Селе, Павловске, Гатчине, Петергофе, называются участники вывоза культурно-художественных собраний этих великолепных архитектурных ансамблей, перечисляются богатые трофеи военных, что названо «традиционным правом боевых частей»[256]. Уточненные данные о потерях, которые понесли дворцы-музеи, опубликованы в томах «Сводного каталога культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны», который издается Министерством культуры Российской Федерации совместно с музейщиками и библиотечными сотрудниками с 1999 г.

Из трофейных источников видно, что подчиненные А. Розенберга поддерживали постоянную связь с другими немецкими подразделениями, решавшими аналогичные задачи: отделами и звеньями пропаганды вермахта, его экономической инспекцией, службами СС и СД и другими. Верховное командование вермахта совместно с А. Розенбергом издало инструкцию, которая обязывала командующих армиями и подчиненные им инстанции оказывать айнзацштабу всемерную помощь в грабеже сокровищ искусства.

23 августа 1944 г. начальник оперативного штаба центрального руководства генерал Г. Утикаль сообщил, что рейхсляйтер А. Розенберг 21 августа 1944 г. потребовал от руководителя оперативной группы Ф. Шюллера отчет о возможности эвакуации художественных произведений из восточных областей. На основании этого документа рейхсляйтер определил, что значительные ценности должны быть вывезены из СССР его айнзацштабом в том случае, если это не нанесет ущерба интересам действующих частей вермахта. Договоренность была достигнута[257].

Таким образом, преступные приказы верховного командования, служебные инструкции, совместная деятельность вермахта и Оперативного штаба А. Розенберга являются доказательствами, разрушающими легенду о «чистом вермахте», не связанном с преступлениями гитлеровского режима. В последние десятилетия в историографии ФРГ предпринимаются попытки раскрыть активную роль командования германских вооруженных сил в утверждении в оккупированных странах, прежде всего на территории СССР, «системы разбоя, террора и опустошения», показать, что совершенные немецкими солдатами и офицерами преступления отражали «общий процесс социальной варваризации» в фашистской Германии. И на смену мифу о «незапятнанном вермахте» приходит историческая правда[258].

Из добычи, захваченной германскими штабами и зондеркомандами, формировались фонды федеральных и ведомственных архивов, Центральной библиотеки высшей партийной школы в Берлине, Восточной библиотеки, Института изучения восточных стран, частные художественные коллекции. Многие похищенные сокровища хранились в замках, шахтах, имениях нацистов. В инструкциях Оперативного штаба излагались принципы, по которым следовало принимать и распределять реквизированные книжные собрания. Этими принципами, в частности, руководствовались его сотрудники при пополнении Восточной библиотеки. Книги делились по языковому принципу на две группы — на русском и иностранных языках (группы А и Б). Затем русская литература подразделялась на изданную до 1917 г. (по еврейскому вопросу, масонству, марксизму, религии, истории, искусству России), после 1917 г. (перечисленная литература аналогичного характера плюс коммунистические издания, позволяющие изучать жизнь СССР) и переводы с иностранных языков, если произведения имели значительную ценность и содержали обширные «большевистские введения»[259].

В отчетных материалах главной рабочей группы «Остланд» руководству штаба в Берлине «Об обработке Новгородской библиотеки», датированных 15 октября 1942 г., указывалось, что вывезенная библиотека содержала 33 892 тома. Из них 6234 книги — прежде всего роскошные издания Библии, Евангелие, молитвенники, раритеты и первые издания XVIII в. — были транспортированы в Берлин для Восточной библиотеки. Кроме того, Восточная библиотека получила «Полное собрание законов Российской империи» (200 томов), «Свод законов» (150 томов), 7600 книг по истории, археологии, географии и 150 альбомов по искусству[260].

Централизованно вывезенные фашистами из СССР ценности неоднократно демонстрировались на выставках в Риге и Берлине. В апреле 1942 г. в Риге были представлены наиболее редкие книги Новгородской библиотеки — из собрания архиепископа Арсения, Братства Святой Софии, Юрьева монастыря. В Государственном музее в Риге в апреле 1944 г. группа армий «Север» выставила мебель, фарфор, часть иконостаса и фрагменты царского и патриаршего тронов XVI в. из Новгородского Софийского собора. Все это позже было отправлено в рейх[261]. На выставке «Из деятельности Оперативного штаба» в большом объеме демонстрировались конфискованные библиотечные фонды, музейные сокровища. К важнейшим успехам штаба были отнесены: изъятие древних церковных книг из Новгорода, отправка в Вильнюс в феврале 1943 г. смоленских архивов и редких экспонатов из музея М. К. Тенишевой (Центра крестьянских художественных ремесел), вывоз вещей культурного и исторического характера из Гатчинского дворца[262].

Самые ценные предметы из награбленного в Европе предназначались для создаваемого Музея фюрера в г. Линц. Эта акция была закодирована как «миссия Линц» и возглавлялась Г. Поссе — известным искусствоведом, директором Дрезденской картинной галереи. Он содействовал разграблению лучших художественных коллекций Европы. По проекту, обнаруженному в личной библиотеке А. Гитлера, планировалось построить несколько зданий для учреждений культуры, которые предполагалось разместить вокруг будущего музея. Шифры для Музея фюрера стояли на псковских и новгородских иконах, предназначенных для вывоза[263].

В немецких документах постоянно подчеркивалось, что все акции по конфискации предметов искусства, библиотечных и архивных собраний осуществлялись лишь для их «спасения» в зоне оккупации, «изучения проблемы», «сбора материала» и хранения ценностей

в безопасном месте, чтобы «они эту войну пережили и остались для последующих поколений». Однако Международный военный трибунал в Нюрнберге признал, что А. Розенберг и его Оперативный штаб занимались разграблением культурного достояния европейских наций, а не его сохранением, как утверждала защита[264]. Масштаб их деятельности весьма значителен. Для транспортировки изъятых в СССР художественных и научных ценностей А. Розенбергу потребовалось 1418 железнодорожных вагонов. Морским путем было отправлено 427 тонн[265].

Среди разграбленных российских учреждений искусства следует выделить группу региональных художественных музеев, расположенных в Калуге, Твери, Воронеже, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Смоленске. Например, Калужский музей, не сумевший эвакуировать свои ценности, ведет поиски вывезенных оккупационными властями произведений живописи И. К. Айвазовского, И. И. Левитана, В. Д. Поленова, И. И. Шишкина и других известных художников[266].

Из Киево-Печерской лавры были конфискованы древние рукописи и акты XV–XVIII вв., богатое нумизматическое собрание, до 4 тыс. ценных предметов музея-заповедника славянских народов Софийского собора — похищено 14 фресок XII в., драгоценная утварь и предметы культа; из киевских библиотек — свыше 4 млн книг[267].

Из Киевского музея западного и восточного искусства открыто под руководством доктора Г. Винтера стали вывозить картины и ценные изделия с 1943 г., якобы для защиты от бомбардировок. Среди похищенного полотна Г. Робера, Х. Рибейры, Я. Иорданса, П. Брейгеля. Сопровождала их научный сотрудник музея П. А. Кузьменко, в послевоенные годы отсидевшая большой срок в лагерях и ушедшая из жизни как предатель Родины. Ценности художественных музеев Киева и Харькова были отправлены сначала в Кёнигсберг, в Исторический музей, находившийся в Орденском замке, а в декабре 1944 г. Э. Кох разместил их в своем родовом имении Рихау и в усадьбе Вильденгоф — владении графа Шверина. Там были произведения искусства немецкой, голландской, итальянской школ XVI–XVIII вв. В архивах обнаружены описи не на все вывезенные 85 ящиков[268].

Сокровища белорусских музеев и библиотек стали добычей нацистов уже в 1941 г. Ценности Минской картинной галереи, областного музея искусств г. Барановичи, художественного музея г. Белосток полностью были разграблены и увезены[269]. 29 сентября 1941 г. палач белорусского народа В. Кубе сообщал в Берлин, что ценная коллекция произведений искусства Минской картинной галереи почти без остатка отправлена в Германию по приказу имперского руководителя СС рейхсминистра Г. Гиммлера. Многие картины, мебель XVIII и XIX вв., вазы, изделия из мрамора и прочее были расхищены военнослужащими немецкой армии.

Книги Академии наук Белоруссии — 30 тыс. экземпляров, Государственной публичной библиотеки имени А. С. Пушкина, Государственного университета были вывезены в Кёнигсберг, Берлин, Прагу. Среди них редчайшие издания Франциска Скорины, первые издания Литовского статута, коллекция рукописей Я. Купалы, Я. Коласа и других писателей. Из 2 млн книг в городских библиотеках осталось к 1944 г. всего 500 тыс.[270]

Богатые трофеи в России захватила зондеркоманда, созданная в 1941 г. Министерством иностранных дел Германии, конкурировавшая с штабом А. Розенберга. Ее задачей являлось «сохранение документов посольств и посланнических миссий» государств, объявленных вражескими. Но этим дело не ограничивалось, проводилась также конфискация и произведений искусства. Зондеркоманда, возглавляемая 30-летним штурмбанфюрером СС бароном Э. фон Кюнсбергом, должна была действовать на передовой. Подробно ее деятельность описана немецким исследователем Ульрикой Хартунг в книге, опубликованной в Бремене в 1997 г.[271]

В 1942 г. это подразделение значительно расширило свои полномочия, увеличило численность и техническое оснащение. Всего в нем насчитывалось 360 человек, 34 легковые автомашины, 33 грузовые, 16 мотоциклов. Выделялись четыре основных направления деятельности: реквизиция политической документации, материалов по народоведению, архивов, материалов по экономике и медицине, что свидетельствует о разнообразии интересов. По одной роте МИДа нацистской Германии были прикреплены к трем германским группам армий: «Север», «Центр», «Юг». Они имели кодовые названия «Гамбург», «Нюрнберг»,

«Потсдам». С ноября 1942 г. зондеркоманда Э. фон Кюнсберга стала называться «Батальоном ваффен-СС».

24 марта 1942 г. в Берлине на Харденбергштрассе состоялась выставка под названием «Образцы материалов, добытых специальной командой Кюнсберга при Министерстве иностранных дел в русской кампании». Среди приглашенных были высокопоставленные представители нацистского руководства, канцелярии фюрера и СС. Экспонаты делились на четыре категории: народоведение, политика, политические документы и сохраненные от уничтожения ценности. Последняя из названных категорий состояла из ценнейших предметов истории и культуры: старопечатные книги, церковно-славянские книги XVII в., уникальные естественнонаучные роскошные издания XVIII и XIX вв., манускрипты царицы Елизаветы, а также редкие географические карты и акварели из России. К этому времени в Берлине уже находилась изъятая библиотека из Царского Села, а коллекции из других императорских дворцов прибыли в Берлин позднее[272]. Экономическую литературу принял экономический штаб «Ост». Северо-восточное и Юго-восточное немецкие научно-исследовательские объединения, Прусская государственная библиотека в Лейпциге также были снабжены добычей, вывезенной из СССР, кроме того, были обеспечены научные учреждения в области растениеводства, сельского хозяйства и медицины. В январе 1943 г. выставка была ликвидирована, а все оставшееся имущество, захваченное на восточном фронте, передано другим учреждениям. Бывший посол в Москве граф Ф. фон дер Шуленбург получил экспонаты из коллекций Павловского дворца для своего генеалогического собрания графских домов.

На Нюрнбергском процессе были использованы показания оберштурмфюрера одного из подразделений Э. фон Кюнсберга — Норманна Фёрстера. Он попал в плен осенью 1942 г. на Северном Кавказе. Полученная в октябре информация от пленного германского офицера была направлена в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и опубликована в советской прессе уже в ноябре 1942 г. В своих показаниях Н. Фёрстер приводил сведения о захвате и вывозе в Третий рейх культурных ценностей из пригородных дворцов-музеев Ленинграда, о богатых трофеях из Украинской академии наук, тысячных библиотечных фондах из Харькова и прочего[273].

«Батальон ваффен-СС» участвовал в вывозе государственного архива Новгорода в октябре 1942 г., действовал в Пскове совместно с зондеркомандой «Псков» в мае 1943 г. Поворот военных событий в 1943 г. на советско-германском фронте привел к ликвидации подразделения Э. фон Кюнсберга. Информация о деятельности реквизиторов из этого батальона нашла подтверждение в рассекреченных в Великобритании весной 1997 г. документах периода Второй мировой войны. Речь идет о радиограммах, которыми обменивались командиры и служащие специального формирования МИД и СС и которые удалось перехватить британской разведке из Центра в Блечли-парк. Из источников Блечли-парк видно, как фашистские оккупанты систематически очищали от культурных ценностей музеи, библиотеки и архивохранилища России (Новгорода, Сталинграда, Крыма и Кавказа)[274]. Тот факт, что деятельность подразделения Э. фон Кюнсберга и штаба А. Розенберга получила отражение в работе Международного военного трибунала в Нюрнберге, свидетельствует о широких масштабах грабежей на территории СССР.

В деле расхищения отечественного культурного достояния нередко не отставали от германских оккупационных властей вторгшиеся вместе с нацистами на территорию нашей страны армии Венгрии, Финляндии, Румынии. Как справедливо заметили ученые из Будапештского университета Ева Мария Варга и Тамаш Краус, «венгерская глава» Второй мировой войны, касающаяся почти трехлетней оккупации советских территорий, даже в кругу специалистов остается практически неизвестной»[275].

Следует подчеркнуть, что венгерские дивизии, сражавшиеся в составе вермахта на восточном фронте, и силы «по поддержанию порядка», карательные батальоны и роты участвовали и в грабежах имущества, в том числе культурных ценностей, и в карательных операциях против партизан, и в преступлениях против мирного населения. Эти акции, отличавшиеся особой жестокостью, замалчивались. Ранее в СССР не рекомендовалось подробно раскрывать

соучастие верной союзницы Германии в войне против Советского Союза. Придерживаясь принципа историзма, учитывая современные реалии, не следует замалчивать или обелять внешнеполитический курс Венгрии в 1941–1944 гг.[276]

Обобщенные данные о последствиях фашистской агрессии приведены Чрезвычайной государственной комиссией в объемной справке «Об ущербе, причиненном венгерскими захватчиками и их сообщниками гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Союза ССР». На 1 мая 1945 г. ЧГК этот имущественный ущерб учтен в сумме 48 128 млн рублей[277]. Из впервые введенных в научный оборот архивных источников в 2000 и 2003 гг. видно, что венгерскими военнослужащими в СССР полностью уничтожено и повреждено 10,7 тыс. культурно-бытовых зданий, 49 зданий религиозных культов, 147 библиотек, 23 музея, в том числе в Воронежской и Курской областях. Ими вывезено и уничтожено 5315 тыс. экземпляров книг, журналов, карт, 2 тыс. музыкальных инструментов. Судьба реквизированного неизвестна, включая произведения искусства из Курской картинной галереи, Острогожского историко-художественного музея имени И. Н. Крамского, материалов Государственного архива Курской области и прочих[278].

Мало известно и о разграблении культурных ценностей финнами в Карелии. В 1941–1944 гг. в Восточной Карелии работала комиссия от Национального музея Финляндии, собиравшая карельские этнографические ценности. Так называемая «Русская коллекция», включающая 400 предметов, сейчас находится в Национальном музее. В 1942–1944 гг. были организованы финские экспедиции в Посвирье и Беломорскую Карелию. Часть коллекций, конфискованных во время войны, поступила в Национальный музей. Археологическая комиссия, начавшая работу в Восточной Карелии осенью 1941 г., собирала предметы для Центрального музея Карелии и для Национального музея. За военное время Археологической комиссии было передано более 500 икон. В тот же период в отдел нефинской этнографии поступило около 400 русских предметов. Из кижских церквей и других храмов Заонежья сотни русских икон и предметов культа также оказались на территории Финляндии.

Санкционированным изъятием художественных, этнографических, архивных комплексов занимались финские профессионалы, в том числе магистр по церковной архитектуре и истории искусств П. Петтерссон, а также военные власти[279]. Финскими войсками были расхищены и отправлены в Финляндию материалы Центрального государственного архива Карело-Финской ССР (ныне ЦГА Республики Карелия). В 1941 г. был захвачен архив Беломоро-Балтийского лагеря НКВД СССР (около 500 тыс. дел), из состава которого после войны в Карелию удалось вернуть примерно половину[280].

Потери отечественного духовного наследия были бы меньше, если бы не действия коллаборационистов. Из рассекреченных документов видно, кто конкретно из интеллигенции и духовенства был тесно связан с оккупантами и помогал им вывезти за пределы Отечества национальные реликвии, музейные и библиотечные коллекции, имущество научных и просветительных учреждений, предметов культа. Причем помогал не только непосредственным участием в реквизициях вместе с фашистами, но и своей службой оккупационному режиму, агитацией за идеалы «нового порядка». При этом специалисты штаба А. Розенберга, зондеркоманды Э. фон Кюнсберга и предатели прекрасно понимали, что собрания культурных и религиозных учреждений имеют не только художественную, но и огромную материальную ценность.

Нужно отдавать себе отчет в том, что в нашем духовном наследии многое утрачено навсегда. Исчез целый пласт национальной культуры. Уничтоженные и разграбленные памятники зодчества, художественные, мемориальные, краеведческие музеи, библиотеки отражали своеобразие славянской культуры, ее традиции, дух эпохи. И это нельзя не учитывать при оценке российских потерь в период войны.

Великая Отечественная война предъявила самые высокие требования буквально ко всем сторонам жизни государства и общества. В условиях ожесточенного военного противоборства задаче достижения победы были подчинены деятельность науки, образования и культуры. Наука стала мощным средством совершенствования средств вооруженной борьбы и организации

военной экономики. Благодаря работе ученых было обеспечено техническое совершенство вооружения и боевой техники, введены новые прогрессивные технологии промышленного производства, значительно увеличена ресурсная и энергетическая база народного хозяйства. В период войны были заложены основы развития научно-технического прогресса и совершенствования оборонной мощи страны на много десятилетий вперед. Ученые-гуманитарии и работники народного образования обеспечили в полном объеме идейно-теоретическую мобилизацию молодежи, сыграли ведущую роль в патриотическом воспитании населения. Кроме того, военные годы стали временем формирования новых подходов к развитию общественных наук, начала подлинно научного изучения многих проблем истории советского государства и общества.

Роль советских культуры и искусства в годы войны трудно переоценить. Их заслуги как мощнейшего средства мобилизации общественного сознания и поддержания высокого боевого духа советских воинов общеизвестны и не подлежат ревизии. Произведения литературы, драматургии, кинематографа, монументального искусства, созданные в Советском Союзе, вошли в сокровищницу мировой культуры и по сей день оказывают мощное эмоционально-психологическое воздействие. Но необходимо помнить и о том, что война стала величайшей трагедией советского народа, временем утраты огромного массива культурных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] КПСС в резолюциях, решениях съездов и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 14; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 2.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 385. Л. 40; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. 1985. С. 210.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 385. Л. 4.

[4] ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 16. Л. 141.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 47. Л. 1–2.

[6] Там же. Д. 38. Л. 33.

[7] Там же. Л. 32.

[8] Там же. Оп. 125. Д. 47. Л. 1.

[9] ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 16. Л. 141.

[10] Там же. Ф. Р-8114. Оп. 1. Д. 899. Л. 68.

[11] Там же. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 5. Л. 44.

[12] Там же. Л. 47.

[13] Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938–1945). М., 1963. С. 323–325.

[14] ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 17. Л. 18.

[15] Там же. Ф. Р-6646. Оп. 1. Л. 4. Л. 4.

[16] Там же. Оп. 4. Д. 95. Л. 77–78.

[17] Международный Всеславянский митинг в Москве. Выступления представителей славянских народов на Всеславянском митинге, состоявшемся 10–12 августа 1941 г. М., 1941.

[18] ГАРФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 244. Л. 28.

[19] Еврейский антифашистский комитет в СССР 1941–1948. Документированная история. М., 1996. С. 35–36.

[20] Там же. С. 37.

[21] Там же. С. 36.

[22] Там же. С. 41.

[23] ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 17. Л. 18–19.

[24] Там же. Оп. 1. Д. 109. Л. 2.

[25] Там же. Л. 36.

[26] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 94. Л. 92.

[27] ГАРФ. Ф. Р-7928. Оп. 2. Д. 1. Л. 23; Д. 3. Л. 33.

[28] Там же. Д. 5. Л. 63.

[29] Там же. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 17. Л. 17.

[30] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 85. Л. 155.

[31] Там же. Л. 165.

[32] Там же. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1. Л. 1, 4; Ф. 17. Оп. 121. Д. 85. Л. 177–178.

[33] Там же. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1. Л. 12–13.

[34] Там же. Оп. 1. Д. 111. Л. 1, 34–35.

[35] Там же. Д. 11. Л. 31–32. Д. 168. Л. 91, 124–125.

[36] ГАРФ. Ф. Р-6648. Оп.1. Д. 1. Л. 1–1 об., 32.

[37] Там же. Ф. Р-8114. Оп. 1. Д. 913. Л. 4.
[38] Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938–1945). С. 347.
[39] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1. Л. 73; Ф. М-4. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
[40] Славный путь Ленинского комсомола. М., 1974. Т. 2. С. 196.
[41] Комсомольская правда. 1941. 14 октября.
[42] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 99.
[43] Там же. Оп. 128. Д. 1056. Л. 16.
[44] ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 4. Л. 93.
[45] Там же. Д. 5. Л. 99.
[46] Там же. Д. 4. Л. 188.
[47] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 47. Л. 11.
[48] Там же. Л. 12.
[49] Там же. Л. 20.
[50] ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2с. Д. 30. Л. 68.
[51] Там же. Л. 70.
[52] Там же. Л. 78.
[53] Там же. Д. 33. Л. 64, 76.
[54] Там же. Д. 14. Л. 2.
[55] Там же. Л. 95.
[56] The Topeka Daily Capital. 1941. October 14.
[57] ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 12. Д. 216. Л. 190.
[58] Там же. Л. 30.
[59] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 192. Оп. 8. П. 56. Д. 7. Л. 96.
[60] ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 12. Д. 216. Л. 120.
[61] The Topeka Daily Capital. 1941. October 16.
[62] *Петрова Н. К.* Антифашистские комитеты в СССР 1941–1945 гг. М., 1999. С. 166.
[63] ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 128. Л. 98–99.
[64] Там же. Д. 161. Л. 3.
[65] Там же. Ф. Р-6646. Оп.1. Д. 4. Л. 20, 44.
[66] Там же. Л. 27, 38.
[67] Там же. Ф. Р-8114. Оп. 1. Д. 829. Л. 39.
[68] Там же. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 22. Л. 16 об.
[69] Там же. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 1157. Л. 15.
[70] Там же. Л. 21.
[71] Там же. Д. 107. Л. 16.
[72] Там же. Л. 6.
[73] Там же. Л. 137.
[74] Там же. Л. 138.
[75] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 89. Л. 25–26; Ф. М-4. Оп. 1. Д. 41. Л. 14–15.
[76] Там же. Ф. М-4. Оп. 1 Д. 234. Л. 56.
[77] АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26. П. 143. Д. 2. Л. 4–5.
[78] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 238.
[79] Там же. Л. 29.
[80] *Петрова Н. К.* Указ. соч. С. 245.
[81] ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2с. Д. 115. Л. 48.
[82] Там же. Л. 50.
[83] *Максакова Л. В.* Культура советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 262.
[84] *Золотарёв В. А., Соколов А. М.* Герои народного ополчения. М., 2012. С. 119, 122.
[85] *Шолохов М.* Собр. соч. В 8-ми т. М., 1975. Т. 8. С. 84.
[86] *Толстой А. Н.* Соб. соч. В 10-ти т. М., 1986. Т. 10. С. 35.
[87] *Твардовский А.* Василий Тёркин. Книга про бойца. М., 1978. С. 66.

[88] *Шолохов М.* Соб. соч. Т. 8. С. 122.
[89] Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945. Сб. ст. М., 1990. С. 17.
[90] *Гракина Э. И.* Ученые — фронту. М., 1989. С. 213.
[91] *Федюкин С. А.* Партия и интеллигенция. М., 1983. С. 197.
[92] *Шолохов М.* Соб. соч. Т. 8. С. 23.
[93] Вечерняя Москва. 1941. 23 июня.
[94] Там же. 22 сентября.
[95] Там же. 23 декабря.
[96] Там же. 17 декабря.
[97] Там же.
[98] Вечерняя Москва. 1941. 29 октября.
[99] Там же.
[100] Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных силах в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Краткий исторический обзор. М., 1968. С. 127.
[101] Там же.
[102] Советские композиторы — лауреаты Сталинских премий. Л., 1954.
[103] Там же.
[104] *Новиков А.* Песня в строю. М., 1976. С. 68—69.
[105] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 234. Л. 37.
[106] Там же.
[107] История русской советской музыки. Т. 3. М., 1959. С. 3—46.
[108] *Пожидаев Г.* Краснознаменный ансамбль: путь песни и славы. М., 1988.
[109] Там же.
[110] *Кабалевский Д.* Вано Мураделли и его Вторая симфония // Советская музыка. 1947. № 2. С. 29.
[111] История русской советской музыки. Т. 3. С. 25.
[112] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 229. Л. 203—204.
[113] Советская музыка. № 2—3. 1946. С. 69.
[114] Там же.
[115] Там же. С. 62.
[116] История русской советской музыки. Т. 3. С. 12—13.
[117] Театральная энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 998.
[118] Там же. С. 261.
[119] Там же. С. 268.
[120] Там же. С. 266.
[121] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 168—169.
[122] Там же.
[123] Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 161.
[124] Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2075. Оп. 1. Д. 85. Л. 99 об.
[125] *Максакова Л. В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. С. 47.
[126] Литература и искусство. 1942. 24 октября.
[127] Литературная газета. 1948. 16 октября.
[128] Москва — фронту. 1941—1945. Сб. документов и материалов. М., 1966. С. 371—375.
[129] Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов и материалов. Орджоникидзе, 1968. С. 282.
[130] *Рощин И.* Для Победы. М., 2010. С. 85—192.
[131] Русская советская эстрада. 1930—1945 гг. М., 1977. С. 375.
[132] Там же.
[133] РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 5. Д. 739. Л. 5.
[134] Там же. Д. 1043. Л. 5.
[135] *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде. Л., 1985. С. 175.

[136] Там же. С. 176.
[137] *Железный А.* Наш друг — грампластинка. Киев, 1989. С. 120–128.
[138] Там же. С. 131.
[139] *Скороходов Г.* Тайны граммофона. Всё неизвестное о пластинках и звездах грамзаписи. М., 2004. С. 387.
[140] Там же.
[141] Там же.
[142] *Рощин И.* Указ. соч. С. 192–193.
[143] *Иванов А.* Искусство пения. М., 2006. С. 271.
[144] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 161–164.
[145] Там же.
[146] *Фомин В. И.* «Нет, ребята, такого начальника мне уже не найти...» // Кино на войне. Документы и свидетельства. М., 2005. С. 85.
[147] Их оружием была кинокамера. Рассказы фронтовых кинооператоров. М., 1984. С. 32.
[148] Очерки истории советского кино. 1941–1945. Т. II. М., 1965. С. 549.
[149] Из кинолетописи Великой Отечественной. М., 1975. С. 17.
[150] Там же. С. 220.
[151] Там же. С. 228.
[152] Там же. С. 204–205.
[153] Там же. С. 200–201.
[154] *Копалин И.* Операторский фронт. Лекция во ВГИКе 15 марта 1958 г. // Киноведческие записки. № 72. С. 86.
[155] Их оружием была кинокамера. Рассказы фронтовых кинооператоров. С. 249.
[156] Там же. С. 250.
[157] Там же. С. 29–30.
[158] *Копалин И.* Указ. соч. С. 86.
[159] Вечерняя Москва. 1941. 25 июня.
[160] *Ждан В.* Военный фильм в годы Великой Отечественной войны. М., 1947. С. 32.
[161] Там же.
[162] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 214. Л. 31.
[163] Вечерняя Москва. 1941. 30 июня.
[164] Там же. 12 сентября.
[165] *Донской М.* Мы сражались своим искусством // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 253.
[166] Там же.
[167] Правда. 1942. 12 января.
[168] *Жукова Л. Н.* Крылатые партизаны // Комиссары на линии огня. В небе. М., 1984. С. 252.
[169] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 124. Л. 1.
[170] Там же. Л. 26.
[171] Там же. Л. 50–52.
[172] Там же.
[173] Там же.
[174] Изобразительное искусство в годы Великой Отечественной войны. М., 1951. С. 56.
[175] Великая Отечественная война. Живопись. Графика. Скульптура. М., 1990. С. 8.
[176] РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 1. Д. 121. Л. 28 об.
[177] Вечерняя Москва. 1941. 30 июня.
[178] Там же. 6 августа.
[179] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 299. Л. 136.
[180] Там же. Л. 137.
[181] Литература и искусство. 1942. 28 марта.
[182] Вечерняя Москва. 1941. 17 декабря.
[183] Там же. 24 декабря.

[184] Развитие связи в СССР 1917–1967 гг. М., 1967. С. 247.
[185] Открытки, изданные в Москве в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Каталог. М., 1995. С. 5.
[186] Там же.
[187] *Гречко М.* Засекреченные линии метро Москвы в схемах, легендах, фактах. М., 2012. С. 77.
[188] Там же. С. 79.
[189] Вечерняя Москва. 1941. 29 октября.
[190] См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995.
[191] Вечерняя Москва. 1941. 12 сентября.
[192] *Фёдорова Т.* Наверху Москва. М., 1981. С. 148.
[193] Мост Победы: памятник немеркнущей славе // Район Сокол: вчера, сегодня, завтра / Редакция газеты «Московский Сокол». М., 2008. С. 84.
[194] *Воробьёв Е. З.* Москва: Близко к сердцу. Страницы героической защиты города 1941–1942. М., 1989. С. 46–47.
[195] Правда. 1944. 16 февраля.
[196] Красная звезда. 1944. 20 мая.
[197] Там же. 18 октября.
[198] Правда. 1943. 8 ноября.
[199] Заря Востока. 1941. 11 сентября.
[200] История советской многонациональной литературы. Т. 6. М., 1970. С. 315.
[201] Там же. С. 365.
[202] Литературная газета. 1944. 7 ноября.
[203] Вечерняя Москва. 1941. 6 сентября.
[204] Там же. 22 сентября.
[205] Там же. 8 октября.
[206] РГАЛИ. Ф. 672. Оп. 2. Д. 100. Л. 1–1 об., 3–3 об.
[207] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 156.
[208] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 2003. С. 141–142.
[209] Архитектура СССР. Вып. 6. 1944. С. 1.
[210] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 299. Л. 93.
[211] Из истории советской архитектуры. 1941–1945 гг. М., 1978. С. 155.
[212] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 299. Л. 43–46.
[213] Там же. Л. 69.
[214] Там же.
[215] Там же.
[216] Вечерняя Москва. 1941. 24 декабря.
[217] Советское искусство. 1944. 28 ноября.
[218] Там же.
[219] РГАСПИ. Ф. 17. Д. 216. Л. 152.
[220] Там же. Л. 156.
[221] Из истории советской архитектуры. 1941–1945 гг. С. 144–149.
[222] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 127.
[223] Там же.
[224] *Стейнбек Д.* Русский дневник. М., 1989. С. 86.
[225] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 299. Л. 66.
[226] Там же. Л. 69.
[227] Там же. С. 10.
[228] Памятник советскому Воину-освободителю в Трептов-парке. Берлин, 1987. С. 20.
[229] Изобразительное искусство в годы Великой Отечественной войны. С. 7.
[230] Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. М., 1946. Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.–Л., 1948; Нюрнбергский процесс над главными

немецкими военными преступниками. Сб. материалов. В 7-ми т. Т. 3. М., 1958. С. 517–567; *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М., 1990; Нюрнбергский процесс. Уроки истории. М., 2007.

[231] Великая Отечественная война. 1943 год. М., 2013. С. 297–298; Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Белоруссии 1945–1950 гг. Грац, Минск, 2007.

[232] Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. С. 35–101.

[233] *Аксёнов В.* Сокровища Третьего рейха. Судьба похищенных шедевров. СПб., 2010. С. 60.

[234] Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 14. Кн. 1. М., 2007. С. 720; *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. С. 17–18.

[235] Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 7. Кн. 1. М., 2005. С. 7–9.

[236] РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 19. Д. 556. Л. 8.

[237] Вестник Архива Президента РФ. М., 2010. Война: 1941–1945. С. 236–240.

[238] *Левит Е.* Осталось только на фотографиях. М., 1978. С. 56.

[239] Город Пушкин. М., Л., 1958. С. 17, 28; Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии. С. 269–271.

[240] РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 1267. Л. 32.

[241] Там же. Оп. 3. Д. 2119. Л. 1–2; ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 121. Д. 2. Л. 104.

[242] Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. С. 18–19, 30; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. Т. 3. С. 554.

[243] *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. С. 31; РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 1020. Л. 27.

[244] РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 1020. Л. 17 об.; *Кареев Дм.* Культура, опаленная войной // Неман. Минск, 1986. № 7. С. 171.

[245] Правда. 1941. 16 февраля.

[246] РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 19. Д. 556. Л. 32–33; *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. С. 41–44.

[247] Всероссийская книга памяти: 1941–1945. Обзорный том. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2005. С. 298; Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 1–17. М., СПб., 1999–2011.

[248] Цит. по: *Зейдевиц Р., Зейдевиц М.* Дама с горностаем. Как гитлеровцы грабили художественные сокровища Европы / Пер. с нем. М., 1966. С. 38–39.

[249] Центральный государственный архив Украины (далее — ЦГА Украины). Ф. 3676. Оп. 1. Д. 59. Л. 93–96; Оп. 4. Д. 444. Л. 207–208.

[250] Там же. Оп. 1. Д. 45. Л. 9, 12; Д. 11. Л. 14.

[251] *Мазурицкий А. М.* Книжные собрания России и Германии в контексте реституционных процессов. М., 2000. С. 52–53; Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». М., 1998. С. 237–238.

[252] Возвращение «Смоленского архива». М., 2005; *Grimsted Kennedy P.* The Odyssey of the Smolensk Archive. Plundered Communist Records for the Service of Anticommunism // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Pittsburg, 1995.

[253] ЦГА Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 136. Л. 723–724.

[254] *Кантор Ю. З.* Судьба художественных ценностей на оккупированной территории северо-запада России // Великая Отечественная война. 1942 год. М., 2012. С. 408.

[255] РГВА. Ф. 1401к. Оп. 1. Д. 65. Л. 61; Возвращение: Тихвинская икона Божией Матери. СПб., 2004.

[256] РГВА. Ф. 1401к. Оп. 1. Д. 50. Л. 13; Д. 65. Л. 61; Отечественная история. 1999. № 4. С. 164.

[257] *Зинич М. С.* Похищенные сокровища: Вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2003. С. 37.

[258] *Борозняк А. И.* Так разрушается легенда о «чистом вермахте» // Отечественная история. 1997. № 3. С. 107–120.

[259] ЦГА Украины. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 444. Л. 12–14.

[260] Там же. Оп. 2. Д. 31. Л. 38–39; РГВА. Ф. 1401к. Оп. 1. Д. 65. Л. 73.

[261] ЦГА Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 138. Л. 723–724; Д. 149. Л. 514–517.

[262] Там же. Д. 146. Л. 130–138.

[263] Там же. Д. 149. Л. 517–518.

[264] Нюрнбергский процесс. Уроки истории. С. 190–191; *Eichwede W., Hartung U.* Hrsg. «Betr.: Sicherstellung». NS-Kunstraub in der Sowjetunion». Bremen, 1998.

[265] *Руденко Р. А.* Судебные речи и выступления. М., 1987. С. 126.

[266] *Левит Е. И.* Осталось только на фотографиях. М., 1985. С. 211; РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 2119. Л. 2–3; Ф. 2075. Оп. 7. Д. 143. Л. 82.

[267] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. Т. 3. С. 550–555.

[268] РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 1180. Л. 183, 202; *Овсянов А. П.* У них есть родина: Судьба перемещенных культурных ценностей. М., 2010. С. 109–114.

[269] *Максакова Л. В.* Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. С. 34.

[270] Немецко-фашистский оккупационный режим. 1941–1944 гг. М., 1965. С. 234.

[271] *Hartung U.* Raubz ge in der Sowjetunion. Das Sonderkommando Künsberg. 1941–1943. Bremen, 1997.

[272] Национальный архив Украины. Ф. 3676. Оп. 2. Д. 1. Л. 43–46, 55, 58–59.

[273] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. Т. 1. М., 1957. С. 500; Т. 3. М., 1958. С. 522–524.

[274] Известия. 1997. 22 мая.

[275] Цит. по: Великая Отечественная война. 1943 год. С. 287.

[276] В настоящее время в Венгрии на государственном уровне ведется пропагандистская кампания по героизации солдат, участвовавших в грабительском походе в СССР. Рассекреченные документы, в том числе Центрального архива ФСБ России, помогут представить правдивую картину событий на оккупированной венграми советской территории и напомнить о послевоенном возмездии за совершенные преступления.

[277] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 223. Л. 204.

[278] *Зинич М. С.* Указ. соч. С. 71–76.

[279] *Кантор Ю. З.* Указ. соч. С. 408.

[280] Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 4; Государственные архивы Российской Федерации. Утраченные архивные фонды. М., СПб., 1999. Кн. 1. С. 13–14.

ОБРАЗ ВРАГА И ОБРАЗ СОЮЗНИКА В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

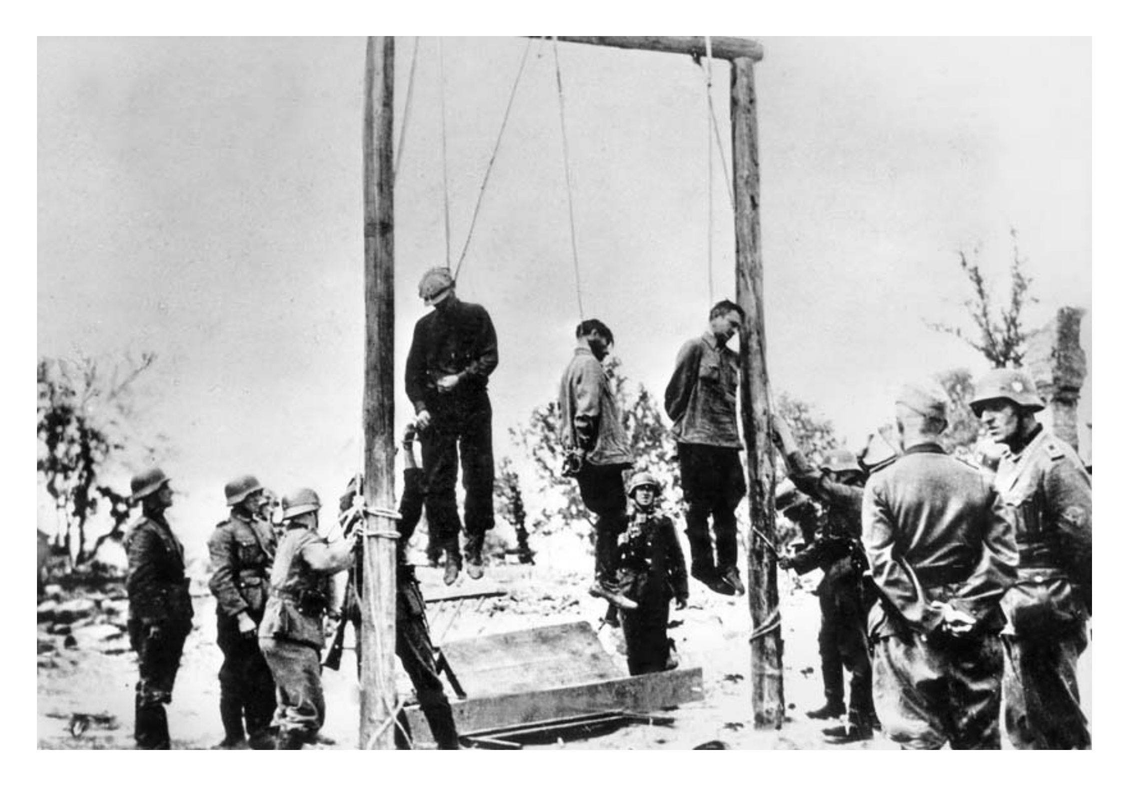
Формирование образа врага в советском обществе и его изменение на разных этапах войны

В начальный период войны среди населения, особенно в тылу, были распространены настроения, отражавшие стереотипы предвоенной пропаганды и не учитывавшие всю серьезность нависшей над страной опасности. Вслед за руководителями страны многие рядовые граждане продолжали убеждать себя и окружающих в том, что война долго не продлится, так как Красная армия не только быстро отбросит агрессора, но и разгромит его[1]. Другие советские люди в соответствии с идеями пролетарского интернационализма в условиях уже начавшейся Второй мировой войны большие надежды возлагали на «братьев по классу», в том числе на немецких пролетариев. Они хотели видеть в германских и иных вражеских солдатах, вступивших на нашу землю, прежде всего обманутых рабочих и крестьян, которые в экстремальных военных условиях обязательно осознают свои ошибки и обратят оружие против А. Гитлера[2]. «Помню первые дни войны и первых немецких пленных, — писала Ванда Василевская в начале января 1942 г. — Папиросы, которыми их угощали наши красноармейцы; сало и хлеб, которые им охотно давали. Для наших бойцов противник, не имевший в руках оружия, переставал быть врагом»[3].

Отрезвление и осознание всей опасности положения наступило в обществе довольно скоро. Сведения, поступавшие с фронтов, свидетельствовали об угрозе, нависшей не только над самим Советским государством, но и над всеми народами, его населявшими. Предстояла схватка не на жизнь, а на смерть, которая неизбежно затронет каждого. В этих условиях переосмысление довоенных стереотипов в отношении образа врага шло достаточно быстро. Впрочем, отголоски классового подхода (или сохранявшаяся надежда на то, что фактор интернациональной солидарности все же возобладает) давали о себе знать, даже когда враг был у стен Москвы. Так, 31 октября 1941 г. в газете «Правда» среди лозунгов, посвященных 24-й годовщине Октябрьской революции, был помещен следующий: «Привет германскому народу, стонущему под игом гитлеровских черносотенных банд, — пожелаем ему победы над кровавым Гитлером!»[4] Очевидно, что подобным образом советское руководство, что называется, «до последнего» стремилось сохранить позитивный образ рядовых немцев в глазах советских людей. Однако в условиях кровопролитных боев и информации о поведении оккупантов на занятых территориях такая позиция носила крайне противоречивый характер.

Расстрел нацистами мирных жителей в Каунасе

Казнь советских граждан, заподозренных в связях с партизанами

Сельские жители у своих разрушенных домов

Гитлеровцы на улице горящей советской деревни

Судя по источникам, смена лозунгов произошла в конце первого года войны. 10 декабря 1941 г. была издана директива Главного политического управления РККА № 278 за подписью Л. З. Мехлиса, предписывавшая со всех без исключения военных газет снять лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который «неправильно ориентирует некоторые прослойки военнослужащих», и заменить его более подходящим к текущему моменту «Смерть немецким оккупантам!»[5]. Смена лозунгов, конечно, несла важный смысловой ряд, она сопровождалась сменой приоритетов в информационно-пропагандистской деятельности СССР, что вело в том числе к трансформации образа врага в конце 1941 г.

К этому времени война приобрела характер длительной и ожесточенной схватки за выживание, в которой никакой пощады или двусмысленности по отношению к агрессору быть не могло. Несмотря на то что на территории СССР действовали воинские части стран — сателлитов Германии, образ врага-фашиста в массовом сознании советских людей все сильнее принимал национальную окраску, адресуясь непосредственно к немцам как решающей силе агрессии. Впоследствии К. М. Симонов отмечал: «Что касается фразеологии военного времени, то... чаще всего тогда говорили «немцы», «немец», «он». «Гитлеровцы» больше писали в сводках и всяких официальных донесениях об уничтожении противника. «Фашист», «фашисты» говорили, и довольно часто, хотя, конечно, гораздо реже, чем «немец» или «немцы». В особенности часто говорили про авиацию: «Вон, фашист полетел». Тут почему-то чаще звучало слово именно «фашист», а не «немец»[6]. Отметим отсутствие в речевых практиках военных лет термина «нацизм», более точно отражающего германскую специфику этой идеологии.

По мере нарастания ожесточенности схватки и роста числа жертв разделение образа врага на два — идейных фашистов и просто немцев (в том числе не разделявших фашистскую идеологию, но так или иначе вынужденных подчиняться приказам) в сознании советских людей все сильнее нивелировалось. Возникал единый, без полутонов, образ безжалостного иностранного врага-захватчика — немца-фашиста, которого нужно уничтожать без всякой жалости. Помимо объективных условий для его формирования (зверства фашистов и прочее) этот единый образ получил соответствующее информационно-пропагандистское обеспечение. Он возник в чрезвычайных условиях и был рассчитан на воспитание бескомпромиссной ненависти к врагу.

«Черная тень легла на нашу землю, — писал 18 октября 1941 г. в «Правде» А. Н. Толстой. — Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей Родины? По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страху голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — всё, всё прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира? Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!»[7] Такое отношение к врагу соответствовало реалиям военного времени.

На восприятие образа врага, безусловно, оказала влияние основная эмоциональная доминанта на разных этапах войны. Естественным был шок от несоответствия довоенных представлений о будущей войне («малой кровью», «на чужой территории») и реальным развитием событий после вторжения. Такая недооценка врага и переоценка собственных сил в начальный, самый трагический период войны обернулась сначала недоумением и растерянностью, затем страхом и распространением преувеличенных представлений о враге как о хорошо отлаженной военной машине, которую якобы невозможно остановить. Конечно, на первом этапе войны были и героическая оборона Брестской крепости и многих городов, и попытки контрнаступлений, однако в целом неожиданно стремительное отступление советских войск, имевшие место растерянность и панические настроения, несколько миллионов

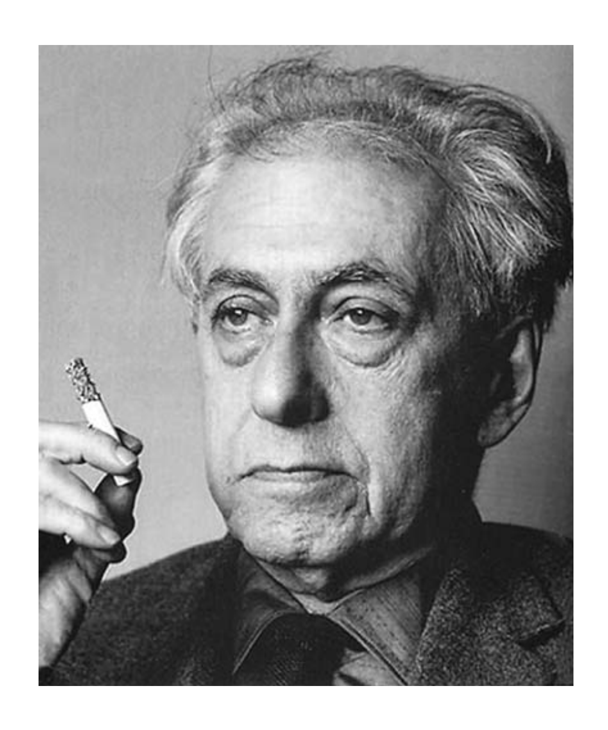
попавших и сдавшихся в плен — все это способствовало формированию образа умелого, сильного и коварного врага.

Перелом в оценке противника наступил лишь после того, как в ходе контрнаступления под Москвой появилась уверенность, что фашистские войска можно бить. «Произошла гораздо более важная вещь, чем взятие десяти или двадцати населенных пунктов, — писал 31 декабря 1941 г. в «Красной звезде» К. М. Симонов. — Произошел гигантский, великолепный перелом в психологии наших войск, в психологии наших бойцов... Армия научилась побеждать немцев... И такой же перелом в обратную сторону произошел у немцев... Пусть не рассчитывают на пощаду. Мы научились побеждать, но эта наука далась нам слишком дорогой и жестокой ценой, чтобы щадить врага»[8]. А вот схожая по смыслу запись о впечатлениях простого солдата из фронтового дневника К. М. Симонова: «Немец, если на него не нахрапом, конечно, а ловким ходом насесть, немец боится. Немец, когда чувствует, что на него идет человек, который не боится, он его сам боится. А если от него тикают, ясно, он бьет! Кто-то кого-то должен бояться»[9].

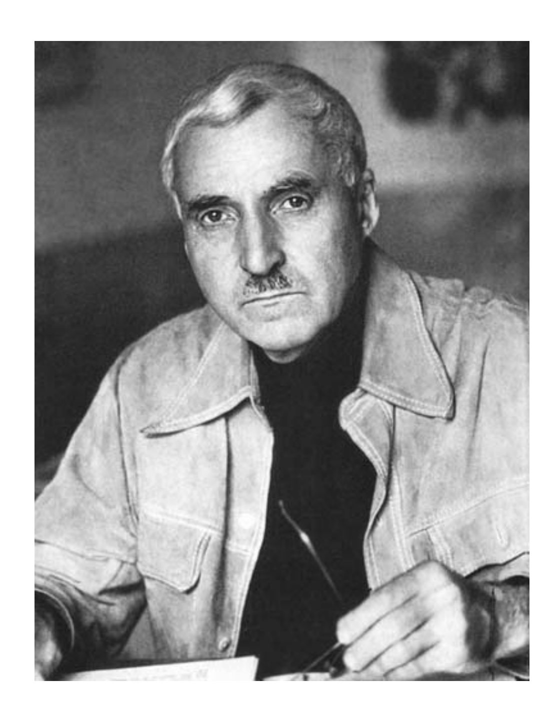
Появление у советских солдат веры в собственные силы вызвало и изменение в их отношении к врагу. Отброшенный от стен Москвы фашистский солдат также стал утрачивать веру в свою непобедимость, сформировавшуюся после триумфального шествия по Европе. Эта динамика лучше всего прослеживается при сравнении настроений немецких военнопленных. «Как переменились за шесть месяцев эти солдаты «непобедимой» армии! — отмечали советские газеты в разгар контрнаступления 1941 г. под Москвой. — В июле было непонятно, кто из них храбр, кто труслив. Все человеческие качества в них заглушал, перекрывал гонор — общая, повсеместная наглость захватчиков. Видя, что их не бьют и не расстреливают, они корчили из себя храбрецов. Они считали, что война кончится через две недели, что этот плен для них, так сказать, вынужденный отдых и что с ними по-человечески обращаются только от страха, что боятся их мести впоследствии. Сейчас это исчезло. Одни из них дрожат и плачут, говорят, захлебываясь, все, что они знают, другие — таких единицы — угрюмо молчат, замкнувшись в своем отчаянии. Армия наглецов в дни поражения переменилась... Это естественно в войске, привыкшем к легким победам и в первый раз подвергшемся поражениям»[10].

В конце 1941 г. в центральной и армейской печати публиковались трофейные письма, свидетельствующие о существенном падении морального духа немецких войск: «Уже около десяти дней мы находимся в Вердене и переживаем Верден. Нападающие — русские, осажденные — это мы. Это ужасно... Ураганный огонь. Атака. Ураганный огонь. Атака...»; «Это просто чудо, что наш блиндаж еще уцелел. Вокруг нас все разрушено и уничтожено. Уже три часа длится ураганный артиллерийский огонь... Приходится... сидеть в углу и ждать смерти. Уже от одного этого можно сойти с ума... Нервы напряжены до последней степени... Я больше не в состоянии этого переносить. Я состарился, по крайней мере, на двадцать лет...»; «Наша часть утратила боеспособность... Нервы больше не выдерживают. Мы можем только еще обороняться...»; «Мы уже ни к чему непригодны и ничего уже не можем делать. У нас слишком много потерь...»; «У меня есть только одно желание: унести отсюда свои кости целыми...»; «Если бы только выбраться из этого дьявольского кольца живым!..»[11].

Чем дольше длилась война, чем яснее становилась глубина народного горя, тем сильнее разгоралась ненависть к захватчикам. Особенно когда Красная армия перешла в наступление и стали известны преступления и зверства на оккупированной территории. Враг стал все чаще ассоциироваться с образом жестокого, не знающего пощады зверя. Советские газеты пестрели сильными выражениями в адрес врага и красноречивыми заголовками: «Черное злодеяние немецких подлецов», «Документы о зверствах немцев», «Массовое убийство мирных жителей», «Фашисты сожгли пленных красноармейцев», «Расправа над безоружными», «Расстреляли каждого третьего», «Не забудем, не простим!», «Что увидели наши войска в Ясной Поляне», «Документы о чудовищных злодеяниях немцев», «Кровавые убийцы», «Бандиты и насильники», «Фашистские варвары», «Новые злодейства гитлеровцев», «Жуткие издевательства немцев над пленными» и другими[12].

И. Г. Эренбург

К. М. Симонов

А. Н. Толстой

М. А. Шолохов

Усиливавшие соответствующий образ врага публикации сопровождались документами, фотографиями, свидетельствами очевидцев и лозунгами, призывавшими к отмщению: «Товарищи, отомстим фашистским негодяям... освободим наши города, села от немецких зверей. Не дадим им надругаться над русским народом и русской культурой. Смерть оккупантам!»[13]

Начало нового, 1942 г. было отмечено знаковой статьей В. Василевской в «Красной звезде» под названием «Ненависть», в которой не доброта и человечность, а ненависть и беспощадность к врагу вводились в страшную норму военной жизни: «Мы по натуре добры. Мы чересчур добры. Нас учили ценить и уважать человека. И сначала нам трудно было усвоить, что могут быть люди — десятки и сотни тысяч людей, в которых от человеческого осталась только внешняя форма... Каждый день войны учит нас: нельзя быть добрым, нельзя быть добродушным. Нужно ненавидеть!.. Ненавидеть каждой мыслью, каждым чувством, каждым ударом сердца. В огне ненависти да сгорит, да превратится в пепел вражья сила! Выжечь след немецкой стопы с наших полей, с наших улиц и дорог, выжечь дотла! Мера нашей любви к Родине — сила ненависти к врагу»[14].

В этой статье В. Василевской впервые в столь четкой форме была выражена мысль о безусловной вине каждого немецкого солдата, вступившего на нашу землю, вне зависимости от того, в каком подразделении или должности он служил и какие приказы исполнял: «Посмотри на дороги, по которым прошел немец! Посмотри на то, что было, и на то, что захватчики оставляют уходя!.. Никакой ураган, никакое наводнение, никакой пожар не могут уничтожать так, как уничтожают немцы... Нет! Не только Гитлер! Каждый из них виновен... Не ищи в нем человека — не найдешь! Будь беспощаден — перед тобой обагренный кровью убийца, величайший преступник всех времен! Будь беспощаден — перед тобой обезумевший дикий зверь, которого необходимо уничтожить!»[15]

Второй год войны действительно стал поворотным в формировании чувства ненависти к врагу. Не случайно именно к 1942 г. относятся известные плакаты с призывами: «Воин Красной армии, спаси!», «Отомсти!», «Защити!», «Папа, убей немца!». В приказе наркома обороны № 130 от 1 мая 1942 г. говорилось: «Исчезли благодушие и беспечность в отношении врага, которые имели место среди бойцов в первые месяцы Отечественной войны. Зверства, грабежи и насилия, чинимые немецко-фашистскими захватчиками над мирным населением и советскими военнопленными, излечили наших бойцов от этой болезни. Бойцы стали злее и беспощаднее. Они научились по-настоящему ненавидеть немецко-фашистских захватчиков. Они поняли, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души»[16].

Одним из первых откликов на этот приказ стал очерк красноармейца Ю. Шарапова «Мы научились ненавидеть», опубликованный в одной из дивизионных газет Карельского фронта 30 мая 1942 г.[17] Он был созвучен появившемуся летом 1942 г. на страницах центральных газет и ставшему широко известным рассказу М. А. Шолохова «Наука ненависти»[18], а также статье А. Н. Толстого «Убей зверя!»[19].

В наиболее эмоциональной и доступной форме чувство ненависти к врагу прозвучало в стихотворении К. М. Симонова «Убей его!», впервые опубликованном 18 июня 1942 г. в «Красной звезде». Впоследствии оно неоднократно переиздавалось и получило широкую известность под названием «Если дорог тебе твой дом»:

...Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Всё, что Родиной мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
...Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей![20]

Насильники. Художник Д. А. Шмаринов. 1942

Беженцы. Художник Д. А. Шмаринов. 1942

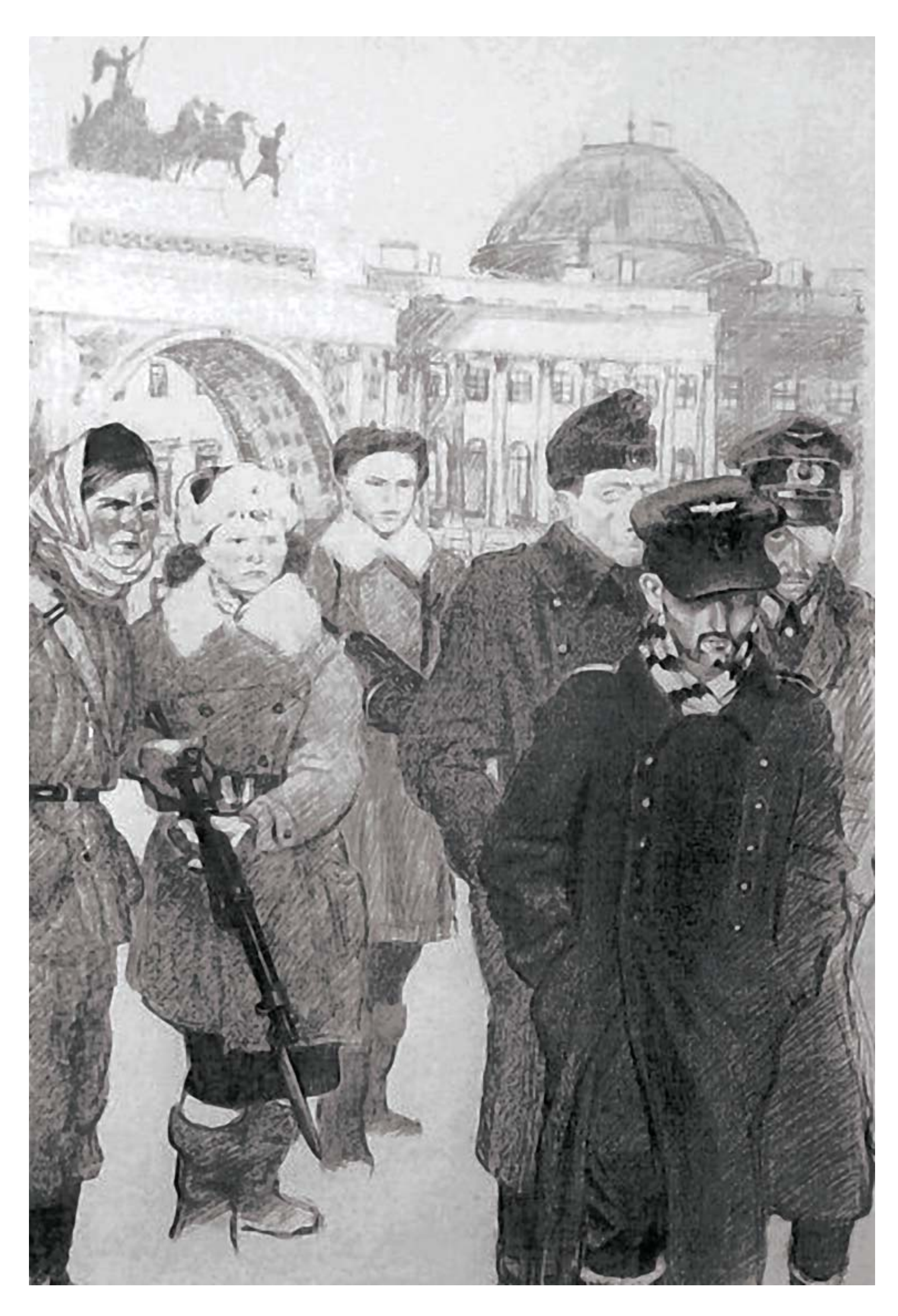
Добили. Художник Д. А. Шмаринов. 1942

Ленинградка. Художник Б. С. Угаров. 1961

За родную землю. Художник В. Н. Гаврилов. 1959

Пленные. Художник А. Ф. Пахомов. 1943

Жатва. Художник А. А. Пластов. 1945

Сенокос. Художник А. А. Пластов. 1945

Прибыл на каникулы. Художник Ф. П. Решетников. 1948

Иллюстрация к повести Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке».
Художник Н. Н. Жуков. 1950

Иллюстрация к повести Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке».
Художник Н. Н. Жуков. 1950

Появившийся летом 1942 г. лозунг И. Г. Эренбурга: «Убей немца!» означал, что различие между понятиями «немцы» и «фашисты» в советском пропагандистском дискурсе стерлось окончательно[21].

В то время как советские люди, часто собственной ценой жизни, освобождали свою землю, а общий исход войны оставался пока неясен, призыв к безжалостному отношению к врагу-оккупанту был верным и оправданным. Тем более что это являлось во многом вынужденной мерой, поскольку в войне против СССР германское руководство открыто отказалось от принципов гуманизма и международного права[22], выдав своим солдатам индульгенцию на преступления в отношении не только военных, но и гражданских лиц. Об этом, в частности, свидетельствует указ А. Гитлера от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве в условиях грядущей войны с СССР[23].

Иллюстрацией типичного поведения захватчиков на советской территории могут служить дневниковые записи немецкого солдата Альфреда Риммера. 24 июня 1942 г., за два месяца до выхода его воинской части в район Сталинграда, он приводит весьма своеобразное описание и восприятие боевой обстановки: «Рота расположилась у цели в предместье г. Изюма. В 3 часа началась атака. В городе уничтожили большое количество танков и взяли много пленных. Это было относительно весело, так как нам досталось приличное количество моркови и редиса. При обыске домов ели очень много яиц, пили много молока, ели хлеб и колбасу, масло, мармелад, сахар и т. д. Колбасу мы ели без хлеба, так как просто уже не могли больше. Нашему отделению посчастливилось достать 3 куска копченого сала. После жиров и яиц мы облизывали пальцы»[24].

На формирование образа врага среди рядовых советских людей, на себе испытавших «прелести» оккупационного режима, часто влиял контраст между представлениями о высокой европейской культуре и поведением «носителей» этой культуры в лице немецких оккупантов. Поведение захватчиков диктовалось их убежденностью в расовом превосходстве над «неполноценными» славянскими народами, что было результатом нацистской пропаганды. В ее основе лежали представления о «еврейской диктатуре» и большевистском безбожии, искоренении интеллигенции, низком интеллекте и неграмотности русских. Однако общение с населением оккупированных территорий, а также необходимость использования труда военнопленных и остарбайтеров из Советского Союза разрушало эту идеологическую картину. Оказалось, что многие советские граждане носили нательные крестики, были религиозны и обладали высокой нравственностью, среди них был низок процент неграмотных, они обладали творческими способностями и навыками индустриального труда[25].

Однако лишь немногие немцы в начале войны оценивали ситуацию адекватно. «Приказано считать, что истреблять русских — это гуманно, ведь они люди «второго разряда»... — писал 28 июля 1942 г. с восточного фронта домой немецкий солдат Хайнрик Линднер, который признавал: — Русские — хорошие солдаты, хотя у них ничего нет, только пехота и танки. Русская пехота выросла как единственное оружие против нашей армии. Она воюет, чтобы спасти свою страну, и верит, что имеет на это право. Мы тоже надеемся победить, чтобы все это наконец закончилось»[26].

В отличие от населения Германии, у находившихся в России германских солдат было значительно больше возможностей для переоценки идеологических стереотипов. «Подавляющее большинство населения [СССР] не верит в победу немцев... — отмечал в 1943 г. в секретном донесении под названием «Настроение местного населения» командир Судетской дивизии генерал-лейтенант А. Деттлинг. — Молодежь обоего пола, получившая образование, настроена почти исключительно просоветски. Она недоверчиво относится к нашей пропаганде. Эти молодые люди с семилетним и выше образованием ставят после докладов вопросы, позволяющие сделать заключение об их высоком умственном уровне. Обычно для маскировки они прикидываются простачками. Воздействовать на них чрезвычайно трудно. Они читают еще сохранившуюся советскую литературу. Эта молодежь сильнее всего любит Россию и опасается, что Германия превратит их родину в немецкую колонию... Молодые люди чувствуют себя с начала немецкой оккупации лишенными будущего»[27].

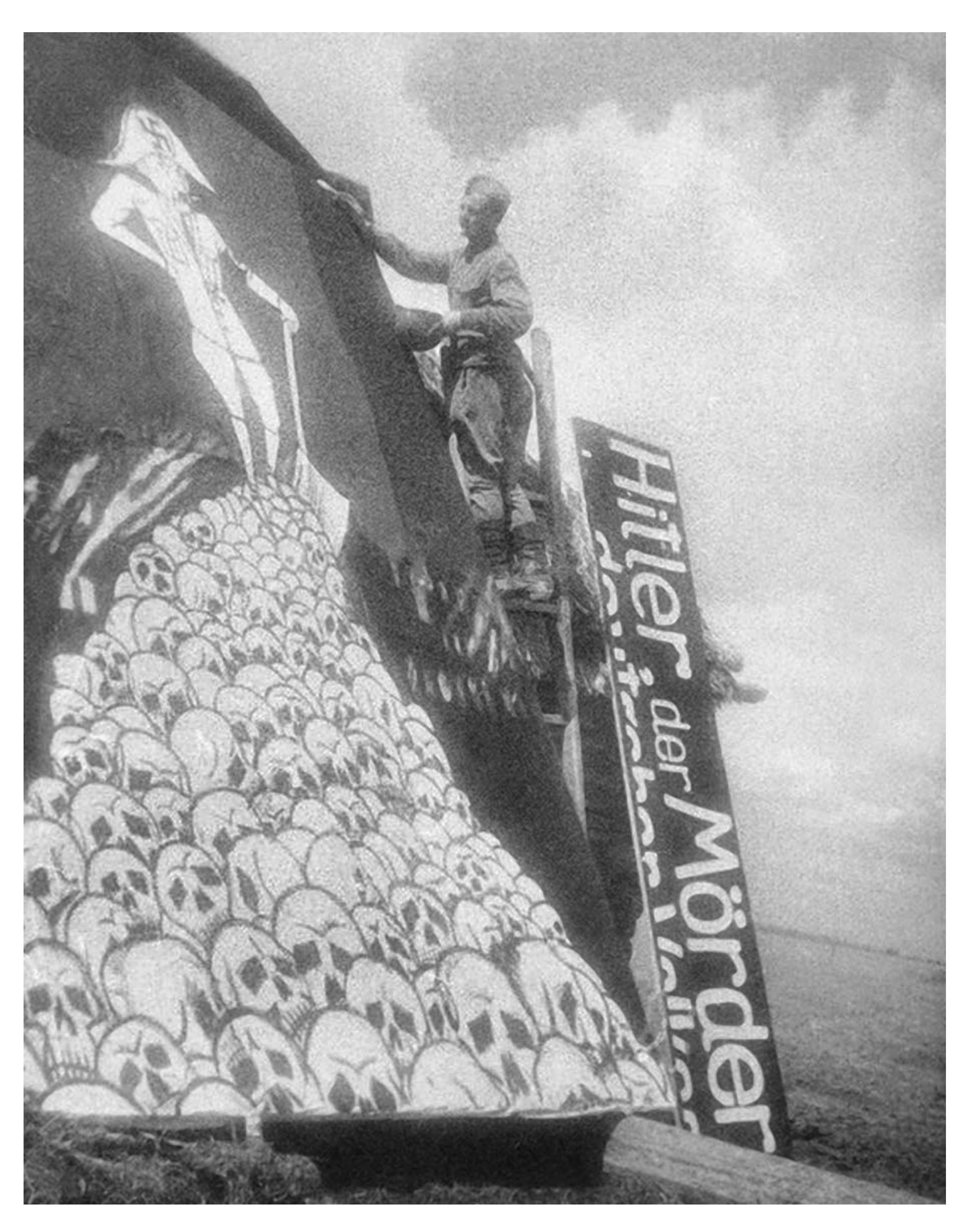
Художник Н-ской части Никулин вывешивает плакат с призывом к немецким солдатам сдаваться в плен

Карикатура на Гитлера на передовой Северо-Западного фронта

Бойцы 8-го эстонского стрелкового корпуса перед антигитлеровским плакатом

Дивизионный художник за работой над плакатом: «Гитлер — убийца германского народа»

Пленные немецкие солдаты

С 1943 г. в германской армии сомнения в победе над СССР становились все сильнее. Распространялись представления о загадочности русского народа, который воспринимался немцами как часть противостоящей им природной стихии. «Из этой борьбы против русской земли и против русской природы едва ли немцы выйдут победителями... — писал 5 сентября 1943 г. в своем дневнике лейтенант К.-Ф. Бранд. — Здесь мы боремся не против людей, а против природы... Это — месть пространства, которой я ожидал с начала войны»[28].

В зависимости от этапа войны отношение к захватчикам среди советских людей приобретало различные оттенки. Тем не менее на всем ее протяжении преобладала ненависть к врагу, распространяющаяся в том числе и на военнопленных. «В тыловых районах нашей страны отношение к немцам было различным, — вспоминает Р. А. Медведев. — Это зависело от дальности фронта или длительности оккупации. Оно было более терпимым в тех городах, которые не знали немецкой оккупации. В некоторых районах Москвы немецкие военнопленные строили небольшие дома. В Тбилиси, где жила в годы войны моя семья, группы немецких военнопленных ремонтировали трамвайные пути. Они работали молча, но без охраны. Их не жалели, но и не оскорбляли. Однако в Киеве, где в конце 1943 г. немецкие военнопленные расчищали разрушенный центр города, их приходилось охранять»[29].

19 июля 1944 г., после того как по Москве провели многотысячную колонну фашистских военнопленных, писатель Л. М. Леонов отметил: «Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца... Мы не жжем пленных, не уродуем их: мы не немцы. Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах во всю длину шествия»[30].

Тем не менее ненависть к врагу и связанная с этим жажда мести были чувствами, отражавшими господствующие настроения на фронте и в тылу. При этом получила распространение идея о коллективной ответственности немцев за преступления гитлеровского режима и армии, вторгшейся в пределы СССР. В августе 1944 г. К. М. Симонов опубликовал в «Красной звезде» статью «Лагерь уничтожения», в которой описал лагерь смерти «Майданек». Там, в частности, рассказывалось, как пленные немцы, ранее служившие в вермахте и привезенные в «Майданек» на «экскурсию», отрицали свою причастность к происходившему в лагере, сваливая вину на СС и СД. Вывод К. М. Симонова был беспощаден: «Не знаю, кто из них жег, кто из них просто убивал, кто снимал ботинки и кто сортировал женское белье и детские платьица, не знаю. Но когда я смотрю на этот склад вещей (казненных узников. — *Ред.*), я думаю, что нация, породившая тех, кто сделал это, должна нести на себе и будет нести на себе всю ответственность за то, что сделали ее представители»[31].

Неудивительно, что вступление советских войск на территорию противника сопровождалось актами стихийной мести. Это было неизбежно, особенно со стороны тех, чьи семьи оказались уничтожены оккупантами. От руководства СССР и командования потребовались особые усилия, чтобы не допустить широкого распространения подобных случаев. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский по этому поводу вспоминал: «Еще задолго до вступления на территорию фашистской Германии мы на Военном совете обсудили вопрос о поведении наших людей на немецкой земле. Столько горя принесли гитлеровские оккупанты советскому народу, столько страшных преступлений совершили они, что сердца наших солдат законно пылали лютой ненавистью к этим извергам. Но нельзя было допустить, чтобы священная ненависть к врагу вылилась в слепую месть по отношению ко всему немецкому народу»[32].

В январе — феврале 1945 г. в ходе Висло-Одерской и Восточно-Прусской наступательных операций советские войска вступили на немецкую землю. «Вот она, проклятая Германия!» — написал на самодельном щите русский солдат, первым перешедший границу[33]. Однако к этому моменту на уровне высшего руководства лозунг «Убей немца!» был уже выведен из употребления. Начало освободительной миссии РККА в Европе сопровождалось сменой пропагандистских приоритетов. Руководствуясь соображениями политической и военной целесообразности, официальная советская пропаганда попыталась разорвать широко распространенную смысловую связку «фашист — немец — зверь». Подверглась ревизии и идея коллективной ответственности немецкой нации за войну. Однако смена пропагандистских

лозунгов и даже соответствующие приказы по войскам не могли одномоментно приглушить боль потерь и память о зверствах оккупантов, привести к переоценке отношения к немецкой нации в целом, которая сама ожидала заслуженной расплаты.

Свою лепту в формирование этих настроений на последних этапах войны внесла нацистская пропаганда, намеренно стремившаяся посеять страх перед советскими воинами и тем самым побудить местное население к сопротивлению. В сообщениях политотделов отмечалось: «Как рассказывают местные жители, после вступления русских войск на германскую территорию немцы особенно усилили пропаганду «большевистских ужасов». День и ночь радио передавало рассказы о «зверствах» русских, газеты также были полны этим материалом. Вся эта пропаганда оказывала сильное воздействие на население»[34]. В разговорах гражданских немцев часто звучали опасения: «Русские нам будут мстить за евреев. Они (русские) с немцами будут делать то, что мы делали с евреями»; «Немецкая нация будет истреблена: часть будет перебита, а остальных угонят в далекую Сибирь»[35]. Многие активисты нацистской партии, не успевшие эвакуироваться с отступающими немецкими войсками, из страха кончали жизнь самоубийством[36].

В связи с имевшими место эксцессами по отношению к немецкому населению советскому командованию приходилось принимать особые директивы и издавать строгие приказы об укреплении дисциплины в войсках, а политработникам — вести с личным составом разъяснительные беседы об отношении к местному населению[37]. Вопрос приобрел политический характер: Советский Союз должен был показать народам Европы, что на их землю вступила не «орда азиатов», а армия — освободительница от «коричневой чумы». Негативные явления в войсках наносили ощутимый урон престижу СССР. По личному указанию И. В. Сталина было проведено несколько показательных судебных процессов с вынесением смертных приговоров виновным, а органы НКВД СССР регулярно информировали военное командование о борьбе с фактами противоправных действий в отношении мирного населения[38].

21 января 1945 г. командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский издал приказ[39], призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя». Он предусматривал наказание за мародерство, насилие, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения в отношении гражданского населения. 27 января 1945 г. близкий по содержанию приказ издал командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев, а 29 января — командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Г. К. Жуков. В соответствии с новым образом врага, из которого исключались немецкая нация и мирное население, перестраивалась и политическая работа в войсках[40].

Газета «Красная звезда» в своей редакционной статье «Наше мщение» от 9 февраля 1945 г. разъясняла, что значит «мстить правильно»: «Красная армия не щадила, не щадит и впредь не будет щадить никого из гитлеровцев, оказывающих ей сопротивление... Ненависть — дополнительное наше оружие в борьбе с немцами. И мы всегда заботились, заботимся и должны заботиться о том, чтобы это оружие не притуплялось ни на минуту... Нельзя представить себе дело таким образом, что если, скажем, фашистские двуногие звери позволяли себе публично насиловать наших женщин или занимались мародерством, то и мы в отместку им должны делать то же самое. Этого никогда не бывало и быть не может... Наша месть — не слепа, наш гнев — не безрассуден»[41].

Тем самым в роли врага оставались лишь немцы, оказывающие вооруженное сопротивление. Однако подобная позиция встретила возражение со стороны тех, кто формировал пропагандистскую повестку дня в начальный период войны. 9 апреля 1945 г. в «Красной звезде» была опубликована статья И. Г. Эренбурга «Хватит», в которой вся Германия и соответственно немецкий народ по-прежнему рассматривались как «колоссальная шайка», стремящаяся избежать ответственности за свои преступления. В ответ на это 14 апреля 1945 г. в газете «Правда» была опубликована статья начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова под названием «Товарищ Эренбург упрощает», в которой содержалась критика позиции И. Г. Эренбурга и отмечалось, что «Красная армия, выполняя свою великую освободительную миссию, ведет бои за ликвидацию гитлеровской армии,

гитлеровского государства, гитлеровского правительства, но никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ»[42]. Ненависть советских людей по отношению к фашистскому агрессору, писал Г. Ф. Александров, объясняется тем, что «гитлеровцы нигде так не палачествовали, нигде не проявляли так разнузданно свою людоедскую сущность, как в оккупированных районах СССР. Народ наш ожесточен. Может быть, большей ненависти, чем ненависть советских людей к фашистским поработителям, еще не видел мир»[43].

Точка в развернувшейся дискуссии была поставлена 20 апреля 1945 г. с принятием директивы № 11072 Ставки Верховного главнокомандования. Командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов предписывалось «изменить отношение к немцам — как к военнопленным, так и к гражданским», «обращаться с немцами лучше», поскольку «жестокое обращение с немцами... заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен... Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне»[44].

В донесениях политорганов фиксировались мнения военнослужащих, как правило, в духе одобрения директивы: «До сих пор мы увлекались статьями Эренбурга и думали, что все немцы — бандиты... А в действительности немцы разные, поэтому к ним надо относиться по-разному...»; «Я и раньше думал, что пора нам немцев сортировать...»; «Приказ Ставки я одобряю, но сейчас каждый из нас горит жгучей ненавистью к немцам, и все немецкое нам противно. Мы имеем месть не только к тем немцам, которые сопротивляются, но и к тем, которые их обеспечивают для ведения войны против нас. Я буду выполнять этот приказ, но моя ненависть ко всем немцам не уменьшится, и нам нельзя прощать преступлений. Мы не должны ничего забывать»[45].

Источники свидетельствуют о сложности психологической перестройки солдат по отношению к немцам, трудности преодоления сложившегося за годы войны устойчивого образа главного врага, несмотря на приказы, директивы и усилия пропаганды. Политорганы вели большую работу среди войск, разъясняя, как отличать «неисправимых врагов от честных людей», однако «многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации»[46].

И все же подавляющее большинство советских солдат сумело преодолеть чувство мести. «Германию в 1945-м году пощадил природный гуманизм русского солдата»[47], — справедливо заметил по этому поводу поэт-фронтовик Д. Самойлов. «Нужно сказать, что наши люди на германской земле проявили подлинную гуманность и благородство»[48], — отмечал и маршал К. К. Рокоссовский. Спустя десятилетия немецкий историк Р. Рюруп признал, что «советские солдаты могли бы вести себя и как карающая небесная рать», и «немецкий народ в действительности может считать себя счастливым» в связи с тем, что его не постиг акт жестокого возмездия за нацистские преступления[49]. Французский историк М. Ларан писал, что «самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага»[50]. И это духовное превосходство проявилось, в частности, на последнем этапе войны, когда на смену чувству мести приходило чувство жалости. Во многих источниках — официальных документах, письмах, дневниках, мемуарах встречаются описания того, как советские бойцы спасали от голода немецкое население, отдавая солдатский паек детям, подкармливая местных жителей из полевых кухонь.

Капитан Гришин писал однополчанину в госпиталь: «Старики и немки — молчаливые, выдержанные, вежливые — становятся в длинные очереди к солдатским кухням. Стоят тихо. Заберут котелок с борщом или кашей: «Данке шеен» — спасибо, мол»[51]. В политдонесениях говорилось о том, что немцы в большинстве своем быстро приспосабливались к новым реалиям: «Мы готовы выполнять любые работы для Красной армии, только выдайте нам что-нибудь на пропитание»; «Для нас все равно. Пусть даже Сталин будет господствовать в Германии, лишь бы он сделал нас сытыми. Тогда против него никогда ни один немец не пойдет. То, что сейчас мы работаем на коменданта, нас не пугает. Ведь мы тоже раньше работали на государство. Теперь нас также на работе кормят. Больше нам ничего не нужно»[52].

Красноармейцы беседуют с представителями немецкого гражданского населения

На улицах Берлина

Особое внимание советское командование уделяло положению жителей крупных городов Германии, прежде всего Берлина. Так, в донесении от 19 мая 1945 г. начальника Политического управления 1-го Белорусского фронта начальнику 7-го управления Главного политического управления РККА о работе с немецким населением за период подготовки и проведения Берлинской операции отмечалось: «Слухи о том, что «русские хорошо обращаются с населением», что «население Бейсензее и Фридрихсгафена[53] восторженно встречало русских», быстро проникали в районы Берлина, еще не занятые нашими войсками, и жители во время уличных боев одиночками и группами переходили через линию фронта на нашу сторону... Население занятых Красной армией районов Берлина с нетерпением ожидало установления власти военных комендантов, надеясь, что они установят определенный распорядок и окончательно искоренят те отдельные случаи бесчинств, которые все еще имели место»[54].

Действия советского военного руководства по обеспечению жителей продовольствием (его организованная выдача по карточкам началась уже 15 мая 1945 г.)[55], восстановлению нормальной работы объектов коммунального хозяйства (подача электроэнергии, налаживание водоснабжения и прочее), запуск метро, а также открытие кинотеатров, театров и концертных залов, магазинов и предприятий бытового обслуживания, осуществленные в сжатые сроки сразу же после завершения боевых действий, особенно впечатлили местное население. «Меры, предпринятые командованием Красной армии по нормализации жизни в Берлине и других районах, вызвали положительную реакцию у немецкого населения, — говорилось в донесении. — Население бурно выражает одобрение этих мероприятий и удивление столь быстрыми темпами восстановления всех отраслей городского хозяйства и отношением к ним со стороны Красной армии... Опубликование норм снабжения продовольствием вызвало радостное и вместе с тем растерянное чувство. В разговорах берлинцы заявляют, что никто не ожидал, что советское командование проявит такую заботу о населении. Тем более никто не надеялся и не мечтал о таких нормах питания... Отдельные видные общественные деятели наши меры оценивают актом «величайшего великодушия, на которое мы, немцы, не могли рассчитывать»[56].

Далее в донесении содержались выводы о том, что: «1) Население [Берлина] перестало бояться русских, охотно и активно помогает во всем, где это требуется, и хочет скорее получить работу; 2) Наши мероприятия по продовольственному снабжению, налаживанию жизни города ошеломили немцев. Они удивлены великодушием, быстрым восстановлением порядка в городе, дисциплиной войск, богатством военной техники и организаторскими способностями генералов и офицеров Красной армии; 3) Враждебная нам деятельность нацистских элементов носит единичный характер и не встречает поддержки основной массы населения. Наоборот, население активно начинает помогать вылавливать их»[57].

Таким образом, на заключительном этапе войны усилиями политического и военного руководства СССР удалось расставить новые идеологические акценты в восприятии советским обществом и армией Германии и ее населения, что, в свою очередь, послужило созданию совершенно иного, чем это насаждалось фашистской пропагандой, понимания немцев о советских людях.

Несмотря на то что в советском обществе образ врага-фашиста ассоциировался преимущественно с немцем, союзники-сателлиты оценивались столь же негативно, пусть и в несколько ослабленной форме. Однако на тех участках фронта и в тех регионах страны (в том числе в районах их оккупации), где население сталкивалось с союзниками Германии, негативность оценки их поведения резко возрастала.

После нападения фашистской Германии Финляндия и Румыния выделили против СССР по две армии, а Италия, Венгрия и Словакия — по одному корпусу. Румынский диктатор И. Антонеску заручился согласием А. Гитлера на расширение своих границ за счет территории Украины. Венгерское правительство за свои услуги надеялось «получить обратно все территории исторической Венгрии», то есть Трансильванию, а также утраченные после Первой мировой войны словацкие и часть украинских земель. Б. Муссолини направил свои

войска на советско-германский фронт, стремясь не допустить «после германской победы над Россией слишком большой диспропорции между германским и итальянским вкладом в войну»[58].

Доля участия в боевых действиях на стороне Германии каждой в отдельности из перечисленных стран была относительно невелика, однако в совокупности весьма значительна, причем по ходу войны она нарастала. Так, летом 1942 г. в наступлении на южном крыле советско-германского фронта участвовали итальянская, венгерская и две румынские армии общей численностью 648 тыс. солдат и офицеров. Прибыв на восточный фронт, они оказались под полным контролем германского военного командования, причем в плане снабжения вооружением и питанием, а также бытовых условий они находились в худшем положении по сравнению с германскими частями[59]. Трофейные письма румынских, венгерских, итальянских и даже австрийских солдат свидетельствуют о натянутых отношениях с немцами, взирающих на них свысока.

В сообщении Управления особых отделов НКВД СССР в ГлавПУР РККА «О реагировании солдат противника на упорное сопротивление советских войск под Сталинградом» за август 1942 г., основанном на донесениях разведки и показаниях военнопленных, в частности, говорилось: «Взаимоотношения между немцами и их союзниками с каждым днем обостряются. Уроженцы Восточной Пруссии считают себя «истинными германцами» и постоянно издевательски относятся к солдатам из западногерманских областей. Еще более открыто проявляют немцы свое «превосходство» по отношению к румынам, венграм и итальянцам. В Германии их называют «вспомогательными народами». Немецкий солдат считает себя вправе сделать замечание офицеру румынской или венгерской армии. При совместном размещении немцы получают лучшие дома и, как правило, лучше питаются. Это вызывает ненависть к немцам со стороны солдат других национальностей»[60].

Недоверие немцев к своим союзникам было связано не только с культивированием чувства превосходства арийской расы, но и с не самыми высокими боевыми качествами войск союзников. В документах советских спецслужб периода войны, следивших за моральным состоянием противника, постоянно встречаются упоминания о немецких заградотрядах, которые «силой гонят в бой» союзников, так как их части слабо дисциплинированы и неустойчивы[61]. Например, в разведсводке 4-го управления НКВД СССР от 18 ноября 1942 г. «О положении в оккупированных противником районах Сталинградской и Ростовской областей, Северного Кавказа и Калмыцкой АССР» сообщалось: «Из разговоров с солдатами румынской, итальянской и австрийской национальностей видно, что немцы не доверяют им, боевые порядки на линии фронта строят таким образом, чтобы наблюдать за своими «союзниками». Немецкие автоматчики всегда стоят за спиной румын и итальянцев, чтобы предупредить их, что отступление невозможно. Некоторые солдаты говорят, что «на русском фронте либо русская, либо немецкая пуля найдет твой конец»[62].

19 ноября 1942 г. началось контрнаступление Красной армии под Сталинградом, завершившееся, как известно, поражением 6-й полевой и 4-й танковой немецких, 3-й и 4-й румынских, 8-й итальянской армий. В январе 1943 г. была разгромлена и 2-я венгерская армия. В результате правительства Румынии и Венгрии стали искать пути к заключению сепаратного мира с Великобританией и США. Кризис между Германией и ее союзниками привел к оккупации в сентябре 1943 г. немецкими войсками Италии, в марте 1944 г. — Венгрии. В мае 1944 г. устрашенные этими действиями Германии, Румыния, Болгария и Финляндия отвергли предложение стран антигитлеровской коалиции о выходе из войны и даже увеличили численность своих войск на советско-германском фронте.

Окружение и разгром крупной группировки немецких и румынских войск в Ясско-Кишиневской операции привели к падению режима И. Антонеску в Румынии. 23 августа 1944 г. здесь началось вооруженное восстание, в результате которого к власти пришло новое правительство, на следующий день, 24 августа, объявившее войну Германии[63]. В 1944 г., когда исход войны был предрешен, из войны вышла Финляндия, которая затем объявила о начале боевых действий против германских войск.

Румынские военнопленные на Юго-Западном фронте

Венгерские солдаты, захваченные в плен советскими войсками

Как в советской пропаганде, так и в восприятии населения СССР и военнослужащих Красной армии сателлиты Германии представлялись «холопами» и «шакалами» в сравнении с их «хозяином», «тигром» — Третьим рейхом. «Приходит час расплаты. Шакалы получат по заслугам, — 12 декабря 1942 г. в заметке «Судьба шакалов» писал И. Г. Эренбург. — Они получат за то, что они пришли к нам. Но мы ни на минуту не забываем о тигре. Тигр получит за все — и за себя, и за шакалов, и за то, что он к нам пришел, и за то, что он привел с собой мелких жадных хищников»[64].

На протяжении всей войны союзные Германии войска воспринимались как второстепенные пособники основного врага, не имевшие ни высокой боеспособности, ни воинского духа, которыми отличались немецкие части. «В итальянских, венгерских, румынских войсках дисциплина и морально-политическое состояние значительно ниже, чем в германской армии»[65]. В то же время они не отставали от немцев в грабежах и издевательствах над населением. «Грабили они дружно, — отмечал в своей статье И. Г. Эренбург. — Правда, и в грабеже немцы соблюдали иерархию. Если немец брал корову, итальянцам доставалась курица. Если немец ел курятину, румын довольствовался яичком»[66]. Именно в таком ключе, как написано в этой статье, действовала советская пропаганда, стремившаяся к разобщению в стане своих врагов, и реалии военных лет давали немало пищи для подобного рода сравнений.

Безусловно, при общем отношении к гитлеровским союзникам как второстепенным и «второсортным» врагам образ каждой из этих стран и их армий имел свою специфику. «Самым лояльным из союзников Германии», который «по первому требованию отправлял на фронт все новые войска», считался румынский диктатор И. Антонеску. Румынское командование для реализации плана «Барбаросса» выделило свои лучшие воинские соединения, выставив летом 1941 г. против СССР две регулярные армии[67]. Как впоследствии отмечал И. Антонеску в беседе с немецким генералом Э. Ганзеном, Румыния выставила против СССР больше дивизий, чем от нее требовало германское командование, и больше других союзников А. Гитлера[68].

По состоянию на август 1942 г. на восточном фронте и на оккупированной советской территории находилось 32 крупных румынских соединения (дивизии и бригады), общая численность которых достигала 700 тыс. человек[69]. Кроме того, 50 тыс. румынских добровольцев воевали в войсках СС — дивизиях «Принц Евгений» и «Флориан Гейер»[70]. Две румынские армии находились в Молдавии, на Украине, на территории Крыма и Северного Кавказа. Они участвовали в боях за Одессу в 1941 г., за Севастополь и Сталинград в 1942 г., боролись с партизанами в Крыму в 1943 г., вместе с немцами отступали под ударами Красной армии обратно к своим границам в 1944 г. Всюду они несли огромные потери. По разным данным, в зависимости от методики подсчета — возвратные или безвозвратные потери, в период Второй мировой войны в боях с советскими войсками Румыния потеряла от 350 тыс.[71] до 630 тыс. человек[72].

Что касается восприятия Румынии как военного противника, то в период Великой Отечественной войны в массовом сознании советского общества и армии, не без активного воздействия советской пропаганды, сложился стереотип «вороватых» и «трусливых» румын. К формированию этого образа приложил руку упоминавшийся выше писатель И. Г. Эренбург. «Среди всех «крестоносцев» самыми живописными остаются румыны», — писал он 12 декабря 1942 г., изображая саму Румынию в гротесковом ключе как «неграмотную», «невежественную», «нищую страну в элегантном смокинге и грязной, вшивой рубашке».

В оккупационной политике румыны стремились не отставать от немцев. В августе 1941 г., в соответствии с договором между А. Гитлером и И. Антонеску, на части советской территории была создана румынская зона оккупации — Транснистрия, с резиденцией губернатора в Тирасполе, которая перебазировалась в Одессу после ее оккупации. Сразу после входа румын в Тирасполь в городе начались грабежи и насилие. Очевидцы вспоминали: «Со двора тюрьмы грузили на автомобили арестованных и увозили, причем машины примерно через полчаса возвращались пустыми. Я с другими женщинами пошла по следам автомашин. Мы увидели румынских солдат, которые закапывали расстрелянных, а другие собирали в кучу

белье, одежду и обувь, снятую с расстрелянных»; «К месту расстрела возили женщин и детей 3–5 лет, подростков 14–16 лет, мужчин, молодых и стариков»[73].

Многие из преступлений оккупантов стали достоянием гласности только после освобождения этих мест. Писатель Б. Л. Горбатов, прибывший в город вместе с наступающими войсками 3-го Украинского фронта, 12 апреля 1944 г. опубликовал в газете «Правда» очерк под названием «Тирасполь наш». В нем он отмечал, что «враги разрушили в Тирасполе все, что сумели разрушить»[74]. Только в начале апреля 1944 г., за несколько дней до освобождения города Красной армией, в саду учебного хозяйства сельхозинститута румынами были расстреляны свыше 2 тыс. человек[75].

Вскоре после вступления Красной армии на территорию Румынии Совинформбюро обнародовало захваченный советскими войсками секретный документ — наставление румынского генерального штаба № 346900 от 25 июня 1942 г. «О функциях организаций Z1, специализированных по военным захватам и военным трофеям». «Наставление румынского генштаба — это не инструкция войскам, а «спутник грабителя» — карманное пособие для громил и мародеров, — говорилось в сообщении Совинформбюро. — В нем идет речь об открытом организованном ограблении и расхищении всех материальных богатств и культурных ценностей советского народа во временно оккупированных районах». Далее Совинформбюро подробно цитировало соответствующие пункты этого наставления, посвященные вывозу из СССР заводов, фабрик, промышленного, медицинского оборудования, инструментов и медикаментов, продовольствия, одежды, скота. Особо регламентировалась процедура вывоза культурных ценностей: «Все произведения искусства и художественные ценности надо собирать в строжайшей тайне, не привлекая внимания. Желательно, чтобы картины вывозились вместе с рамами. Если это невозможно, следует вырезать их из рам бритвой и свертывать в трубку. Произведения искусства, национальные ценности надо вывозить только в румынских санитарных поездах в пункты по адресу генерального штаба, который направит их к месту назначения по степени их важности»[76].

По версии советской пропаганды, ведя себя с гражданским населением на оккупированных территориях как заносчивые завоеватели, в боевой обстановке румынские войска не проявляли чудеса храбрости. На разных этапах войны советские спецслужбы отслеживали вопросы боеспособности румынских солдат и их взаимоотношения с немецкими войсками. Так, в докладной записке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особыми отделами НКВД СССР от 31 октября 1942 г. «О дисциплине и морально-политическом состоянии армий противника» говорилось, что в середине августа 1942 г. один из румынских полков отказался выполнить приказ о переходе в наступление, среди румынских солдат имеет место дезертирство, широко распространены антивоенные настроения. При этом «дисциплина в румынской армии в буквальном смысле слова палочная: за малейшие провинности солдат жестоко избивают все начальники — начиная от малых и кончая большими. Наказание провинившихся солдат 25–30 ударами палки — обычное явление в румынской армии»[77].

Источники подтверждают наличие трений, вплоть до открытых конфликтов и драк немецких военных с румынами. К примеру, приказ командующего 3-й румынской армией генерала П. Думитреску гласил: «Дабы избежать в дальнейшем некоторых неприятных инцидентов между румынскими и немецкими солдатами, предлагаю в любом населенном пункте, где находятся румынско-немецкие части, укреплять всеми средствами дружественные взаимоотношения... Крайне необходимо избегать или, в крайнем случае, сократить количество конфликтов, которые могут привести к тяжелым последствиям и неблагоприятно отразиться на осуществлении наших притязаний в будущем»[78].

Однако «недружественные» отношения немецких и румынских военнослужащих на бытовом уровне приобретали еще более острый характер, едва положение на фронтах ухудшалось. Так, в информации Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Особый отдел НКВД Донского фронта «О морально-политическом состоянии и снабжении окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск» в середине декабря 1942 г. сообщалось: «Своим румынским союзникам немцы совершенно перестали доверять... Оружие у них ото-

брали, и они используются сейчас на хозяйственных работах, на постройке оборонительных сооружений. Румынские солдаты со времени окружения, 20 ноября, не видели хлеба, пищу получают только один раз в день — вечером похлебку с 150–200 г конины. Немцы издевательски заявляют, что румын нечего кормить, так как они все равно сдаются в плен»[79].

В последний период войны румыны, порвав с Германией, стали союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Однако в массовом сознании советских людей сохранялось недовольство слишком мягкими условиями перемирия с Румынией[80]. О своих впечатлениях о Румынии, в которую в августе 1944 г. вступила Красная армия, вспоминал в «Записках о войне» поэт-фронтовик Б. А. Слуцкий, утверждая, что именно в Румынии, этом европейском захолустье, «наш солдат более всего ощущал свою возвышенность над Европой»[81].

Другим сателлитом фашистской Германии являлась Венгрия, объявившая войну СССР 27 июня 1941 г. Отношение к венграм было несколько иным, нежели к румынам. В ходе войны в общественном сознании сложился обобщенный образ «жестоких мадьяр», особенно укрепившийся в конце войны, во время боевых действий на венгерской территории, где враг дрался ожесточенно. 8 октября 1944 г. корреспондент «Красной звезды» З. А. Хирен писал: «Капитан Благодаренко читал нам жуткое письмо. В нем описывалось поведение мадьяр на нашей родной земле. Вот что было в этом письме: «Коротко опишу, что сделали в нашем селе мадьяры во время оккупации. Отступая, они сожгли все общественные здания и много домов. Многих колхозников они убили за несвоевременный выход на работу. Сначала загоняли людей в заранее приготовленные ямы, а потом бросали туда гранаты. От рук венгров пострадала и ваша семья. Жену вашу Веру вместе с малыми ребятами выгнали на кухню. В комнате поселились два мадьяра. Они избили ваших родных. Потом однажды мадьяр подозвал к себе вашего сынишку Витю, дал ему заряженную гранату, сказал, что это игрушка, и послал в дом показать маме. Витя побежал на кухню и уронил гранату. Она разорвалась. Осколками убит ваш сын, искалечена жена»[82].

Венгерские военные, сражавшиеся на стороне фашистской Германии, были жестокими врагами. 27 октября 1944 г., когда советские войска вступили на территорию Венгрии, было принято специальное постановление ГКО СССР, в котором Военному совету 2-го Украинского фронта предписывалось издать воззвание к населению Венгрии, разъяснив, что «вступление советских войск на территорию Венгрии вызвано исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением германских войск и военных частей союзной с Германией Венгрии»[83]. В свою очередь, частям Красной армии было приказано: «Венгерских порядков не ломать и советских порядков не вводить... Объявить для всеобщего сведения, что все личные и имущественные права венгерских граждан и частных обществ, а также принадлежащая им частная собственность находятся под охраной советских военных властей»[84].

Однако столь гуманный подход не возымел должного воздействия на венгров. Венгрия оказалась первой страной из числа союзников Германии, не сдавшейся при приближении Красной армии к ее границам и не перешедшей на сторону антигитлеровской коалиции. Венгерская армия вела упорные боевые действия с советскими войсками на своей территории до конца, используя в том числе партизанские методы и поддержку местного населения. В результате наши потери в Венгрии были особенно ощутимыми. По словам Б. А. Слуцкого, на излете войны ненависть к венграм в войсках стала такова, что «запрещенная приказами месть была разрешена солдатской моралью. И вот начали сводить счеты»[85].

Политотделы и военные комендатуры докладывали, что отношение венгерского населения к Красной армии, как правило, недружелюбное, а то и открыто враждебное[86]. Отмечалась деятельность «в острых формах», включая диверсионную и террористическую[87], фашистского подполья «на территории Венгрии, где фашистская идеология глубоко проникла в сознание многих слоев населения»[88].

Тем не менее в официальной советской пропаганде, в том числе на страницах центральных газет, венгров как таковых стали отделять и от венгерских фашистов, и от хозяев-немцев почти сразу же после пересечения Красной армией государственной границы с Венгрией.

При этом в отношении воинских качеств венгерских солдат газетчики признавали, что «почти на всех участках мадьяры проявляют упорство», однако сразу же добавляли, что в венгерской армии под нажимом немцев применяются жесточайшие репрессии: «Всюду работает жандармерия, солдат расстреливают без суда за малейшую провинность. Но это мало помогает. Под ударами наших частей венгры, а вместе с ними и немцы, продолжают отступать»[89]. Тем самым советская пропаганда пыталась представить дело таким образом, что венгерские солдаты якобы упорно воюют не столько сознательно, сколько «под дулом автомата» и по принуждению немцев.

1 января 1945 г. газеты опубликовали сообщение Совинформбюро об убийстве в районе Будапешта советских парламентеров. Они направлялись к окруженной группировке противника с ультиматумом о сдаче, чтобы избежать напрасного кровопролития, в том числе со стороны мирных жителей, а также предотвратить разрушение исторических памятников венгерской столицы[90].

Если в начале наступления РККА в Венгрии немецкие и венгерские войска упоминались в советских сводках преимущественно вместе, в качестве единого серьезного противника, то по мере продвижения Красной армии к Будапешту в материалах с описанием ожесточенных боев все чаще стало звучать противопоставление немцев венграм. Советская пропаганда старалась скорректировать сложившийся за годы войны в представлениях советских людей, включая армию, негативный образ венгерских солдат. В советских газетах начала 1945 г. все чаще стали встречаться упоминания о венграх, массово сдающихся в плен, дезертирующих, не желающих воевать за А. Гитлера[91]. «Немцев особенно беспокоят участившиеся случаи перехода венгерских солдат и офицеров на сторону Красной армии, — писала в январе 1945 г. «Красная звезда». — В силу этого венгерские части и подразделения расформировываются и вливаются в немецкие соединения. Не так давно на пункте военнопленных пришлось слышать немало рассказов о том, что венгерские солдаты и офицеры, находящиеся в осажденном Будапеште, сражаются весьма неохотно. Капитан Пастор говорил, что он не знает ни одного офицера, который не имел бы при себе гражданского платья, чтобы при первом удобном случае переодеться и перейти на сторону Красной армии. Вот его подлинные слова: «Я знаю лично полковника Гаана, сказавшего мне при встрече следующую фразу: «Будь спокоен, дорогой мой капитан, и я венгр». Это означало, что он хочет избавиться от немцев, чтобы не погибнуть вместе с ними, и при случае убежать в расположение советских войск»[92].

Советская пропаганда тем самым действовала в четком соответствии с политической установкой: оставить гитлеровскую Германию в полной изоляции, оторвать ее от последнего союзника, еще сохранявшего верность и продолжающего сражаться против наступающих советских войск. В этой связи при корректировке образа врага-венгра особо подчеркивались «принудительное участие» венгров в ненужной для них войне и преступления немцев против мирного венгерского населения. В газетном репортаже «Красной звезды», формирующем общественное мнение, приводились рассказы пленных венгерских военнослужащих и солдат-перебежчиков о том, что «в центре Будапешта царит полный произвол немцев. Там — повальный грабеж и мародерство. Немцы беспощадно расстреливают мирных жителей за появление на улицах после установленного времени, за бегство с оборонных предприятий и с принудительных работ»[93]. Ожесточенные бои на улицах Будапешта продолжались полтора месяца, вплоть до 14 февраля 1945 г.

31 января 1945 г., когда от фашистов уже была освобождена часть города, заместитель начальника ГлавПУРа РККА генерал-лейтенант И. В. Шикин докладывал заместителю наркома обороны СССР о положении в Будапеште: «Продовольственное положение населения крайне тяжелое... Основные запасы имевшегося в городе продовольствия вывезены немцами... Населением съедены все лошади, убитые в ходе боев... Имеют место случаи смертности на почве голода. Выпрашивание местными жителями хлеба у наших бойцов и офицеров стало массовым явлением»[94].

В результате советское командование не только взяло на себя заботу о снабжении продовольствием населения Будапешта в несколько миллионов жителей, но и наладило

электро- и газоснабжение освобожденных районов, способствовало возобновлению работы уцелевших и ремонту разрушенных предприятий, пуску городского трамвая и прочее[95]. Лучшей агитацией была реальная деятельность военных комендатур. «По комендантской линии за это время уже закончено восстановление водоснабжения, пущен пивной завод, подготавливаются к пуску электростанция и мельница. Обнародованы приказы № 1 и 2. Собраны радиоприемники и оружие. Понемногу открываются магазины и мастерские. В городе наведен порядок... Духовенство полностью осталось в городе. Католические церкви возобновили работу уже 3 апреля. Евангелическая церковь, где богослужение совершается по воскресеньям, будет работать без перерыва. По наведению порядка в городе по линии комендатуры приняты энергичные меры», — отмечалось в источниках[96].

Однако окончательно избавиться от образа венгра — вчерашнего жестокого врага, чинившего вместе с немцами зверства на советской территории, нашим военнослужащим оказалось непросто. Тем более что и после окончания войны венгерское население оказывало помощь не желавшим сложить оружие венгерским и немецким солдатам и офицерам, в основном из войск СС[97].

Еще одним сателлитом Германии в войне против Советского Союза являлась Италия. В 1941 г. на территорию СССР вместе с гитлеровскими полчищами вступил итальянский экспедиционный корпус, а затем и целая армия. «Когда план «Барбаросса» стал известен Муссолини, тот немедленно отправил по своей собственной инициативе итальянский экспедиционный корпус, состоящий из трех дивизий, насчитывающих в своем составе 60 тыс. человек, в южный сектор восточного фронта. Очень скоро численность этих войск возросла до 250 тыс. человек, и на восточном фронте появилась 8-я итальянская армия»[98].

Моральный дух итальянских частей был одним из самых низких среди германских сателлитов. По воспоминаниям участников событий, «итальянские части, воюющие на восточном фронте, не пользовались уважением своих немецких союзников»[99]. Советские контрразведчики, отмечая «моральное разложение и признаки упадка дисциплины» в итальянских частях, приводили такие данные: «Нашим зафронтовым агентом... отмечено прохождение с ростовского направления через ст. Ханженково целого железнодорожного эшелона с закованными в кандалы итальянскими солдатами»[100]. О напряженных отношениях с немцами пишут и итальянские мемуаристы. «Немцы... послали двух автоматчиков занять позиции за нашими спинами, причем на значительном расстоянии друг от друга. Поэтому горе тем, кто попытается покинуть поле боя... Я невесело усмехнулся, вспомнив пропагандистские рассказы о советских комиссарах, держащих бойцов на мушке»[101], — вспоминал бывший офицер итальянского экспедиционного корпуса Э. Корти. Он же отмечал: «В наших несчастьях все винили немцев. Это из-за них у нас не было горючего. К тому же они, в отличие от нас, имели и топливо, и еду, да и обмундирование у них было не в пример лучше нашего. Как тут не чувствовать неприязнь?»[102] Таким образом, при всей специфике отношений с итальянским союзником немцы зачастую проявляли к нему такое же пренебрежение, как и к остальным.

Итальянцам, как и другим сателлитам Германии, советская военная пропаганда уделяла соответствующее внимание. 12 апреля 1942 г. И. Г. Эренбург, внесший весомый вклад в формирование собирательного образа врага-итальянца, едко высмеял их в заметке «Петушиные перья». При этом он использовал унизительные отзывы об итальянских частях, взятых в плен на Украине: «Итальянцы годны только для тыловой службы... Они не выдерживают артиллерийского огня... Они неизменно требуют от нас помощи». Немецкие солдаты презрительно называли итальянцев «макаронщиками», а один немецкий ефрейтор заявил: «По-моему, итальянцы хуже румын, а уж румыны дерутся, как опытные зайцы»[103].

Присутствие итальянцев в составе вторгшихся в СССР германских войск воспринималось в советском обществе с недоумением. Лучше всего эти общественные настроения выразил поэт М. А. Светлов в своем стихотворении «Итальянец». Оно было написано в 1943 г., после разгрома немецких войск под Сталинградом, к северо-западу от которого в районе р. Дон полностью погибла 8-я итальянская армия. Судя по всему, именно это стихотворение и стало

основой образа-стереотипа, сформировавшегося в советском общественном мнении: «Итальянцы — печальные, замерзающие в русских снегах уроженцы юга, бессмысленно погибающие на ненужной им войне». Но при этом итальянец — такой же чужеземный захватчик, как и все остальные. И вывод, который устами М. А. Светлова делает солдат, убивший итальянца под Моздоком, не вызывает ни тени сомнения: «Я не дам свою Родину вывезти за простор чужеземных морей! Я стреляю — и нет справедливости справедливей пули моей!»[104] Тем не менее стоит признать, что образ врага-итальянца был, вероятно, наиболее безобидным из всех стереотипов германских сателлитов, вторгшихся на советскую землю.

Особое место среди союзников нацистской Германии занимала Финляндия — недавний противник СССР по Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Выступив в новой войне против СССР на стороне Германии, сами финны назвали свое участие в ней «войной-продолжением», обосновывая это своим стремлением не только вернуть территории, утраченные в результате поражения в предыдущей войне, но и создать «Великую Финляндию»[105].

Дойдя до старой советско-финляндской границы, финская армия двинулась дальше, занимая территории, ранее ей не принадлежавшие. В финской пропаганде утверждалось, что Яанислинна (Петрозаводск), а затем и Пиетари (Ленинград) будут принадлежать Финляндии, что Великая Финляндия протянется на восток до Урала, «на всю свою историческую территорию»[106]. Регулярные финские части участвовали в блокаде Ленинграда, а финские добровольцы в составе полка СС «Нордланд» воевали на Миус-фронте и на Кавказе. Основные же боевые действия против финских войск проходили на Севере, на Карельском фронте.

В общественном сознании советских людей финны воспринимались в целом как враг второстепенный, во многом в силу своей немногочисленности. Тем не менее на Карельском фронте, на участках непосредственного с ними соприкосновения, они выступали в качестве опасного противника, по своим боевым и морально-волевым качествам заслуживающего уважения. Среди советских бойцов бытовало мнение, что попасть в плен к финнам еще хуже, чем к немцам. В частности, были хорошо известны факты уничтожения финскими диверсионными группами советских военных госпиталей вместе с ранеными и медицинским персоналом[107].

Три года продолжались бои между советскими и финскими войсками — до сентября 1944 г., когда Финляндия вышла из войны, заключив перемирие с СССР и Великобританией и объявив войну бывшему союзнику — фашистской Германии. Этому событию предшествовали крупные успехи советских войск по всему советско-германскому фронту, в том числе наступление на Карельском фронте в июне — августе 1944 г., в результате которого они вышли к государственной границе.

Капитан Э. Лайтинен на допросе, рассуждая о влиянии «зимней» войны на отношение финнов не только к восточному соседу, но и к идее социализма в целом, заявил: «Мнение финнов об СССР, о социализме, коммунизме за последние 10 лет сильно изменилось. Я уверен, что если бы 10 лет тому назад солдаты моей роты должны были бы воевать против Красной армии, они бы все перебежали на вашу сторону. Причиной тому, что их взгляды теперь изменились, являются события 1939–1940 годов, когда русские начали войну против Финляндии, а также оккупация русскими прибалтийских стран, чем они доказали свое стремление поработить малые народы»[108].

Среди всех сателлитов Германии, пожалуй, лишь у Финляндии присутствовал элемент справедливости для участия в войне против СССР, который, впрочем, полностью перекрывался ее захватническими планами и политикой геноцида в оккупированных областях. При этом для финнов было характерно дифференцированное отношение к гражданскому населению занятых ими территорий по этническому принципу: распространены были случаи жестокого обращения с русскими и весьма лояльное отношение к карелам и вепсам. Таким образом, имелось достаточно оснований, чтобы видеть в финнах коварного и опасного врага, координирующего свои действия с германскими войсками, попирающего нормы международного права и проводящего на оккупированных территориях дискриминационную национальную политику по отношению к «инородцам». Поэтому многие ключевые оценки

противника, звучавшие в советской пропаганде, полностью соответствовали настроениям сражающейся с ним армии.

Кроме перечисленных выше стран — союзников фашистской Германии, воинские части которых, будучи посланными их правительствами, воевали на восточном фронте и участвовали в оккупации советских территорий, на стороне фашистов сражались и иностранные добровольцы: голландцы, норвежцы, датчане, французы, испанцы, поляки, словаки, хорваты и другие. Как правило, это были сторонники нацизма, воевавшие за идею. Так, испанцы из «Голубой дивизии»[109] участвовали в осуществлении блокады Ленинграда; французы, голландцы и бельгийцы привлекались к борьбе с партизанами. И хотя их число было не столь велико, в сознании населения оккупированных территорий СССР они успели оставить о себе недобрую память. Сохранилось немало свидетельств о недостойном поведении французских добровольцев, воевавших в районе Смоленска. Р.-Д. Мюллер в своей работе об иностранных пособниках А. Гитлера отмечал в отношении французов: «Как констатировали немцы, за «постоянные грабежи их ненавидело население»[110].

В. Н. Беликов, будучи подростком, повидал в своей брянской деревне за время войны целый «интернационал» оккупантов: на постое у них стояли не только немцы, но и коллаборационисты из «охранных батальонов», а также австрийцы, словаки, венгры, голландцы, французы. «Говорят на неизвестном языке. На левом рукаве у каждого эмблема: трехцветный (синий, белый, красный) щиток, а сверху белая полоска с надписью «Франсе». Что, неужели французы? Да, самые настоящие. Вот, вот — у нас в деревне только французов и недоставало... Мама когда-то говорила, что французы — народ живой, общительный, культурный и веселый. А эти какие-то пасмурные... Кормежка у них почему-то неважная; кухни не было, варили себе сами»[111].

В целом, в общественном сознании советских граждан все германские союзники, если они и выделялись рядовыми людьми из общей массы фашистских оккупантов (что на самом деле было не всегда), воспринимались как второстепенные противники СССР в Великой Отечественной войне. Это полностью соответствовало реалиям тех лет. Отношение к сателлитам Германии определялось многими факторами: предысторией межгосударственных и межнациональных отношений, степенью и характером участия каждой из стран в войне, поведением их солдат в боевой обстановке и на оккупированных территориях и многим другим.

Восприятие союзников в советском обществе

В массовом сознании советских людей образ союзника по антигитлеровской коалиции представал в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями, чувством благодарности за помощь часто встречались и проявления двойственного отношения и даже недоверия к ним (особенно в отношении Великобритании). Причины этого были заложены в истории взаимоотношений России и СССР с этими странами, в наследии идеологической пропаганды предвоенных лет, но в немалой степени и в реальной политике союзных государств, преследовавших в первую очередь собственные интересы, в частности затягивавших открытие второго фронта в Европе.

В то время существовал довольно широкий спектр мнений в отношении союзников — от абсолютно позитивных до резко негативных, иногда неожиданных, а порой, с точки зрения современного историка, весьма обоснованных и рациональных. Одной из реакций населения на начало войны была растерянность. Так, житель г. Симферополя Х. Г. Лашкевич 23 июня 1941 г. записал в своем дневнике впечатления от разговоров со встревоженными германским вторжением знакомыми: «Прошло почти два года поднятой немцами [Второй мировой] войны, а меня спрашивают: чей город Лондон? И — за нас ли Англия и Италия?»

Но одновременно Х. Г. Лашкевич подметил: «Говорят чаще всего на тему: Германия договаривается с Англией, чтобы покончить войну за наш счет. Заявлению Черчилля о совместных с нами действиях просто не верят: англичане якобы обманывают нас». Эта запись лишний раз демонстрирует, что антианглийские стереотипы были характерны даже для обывателей, которых, по мнению автора дневника, отличало «непонимание географических расстояний и этнографии... полное невежество в политике»[112].

О том же писал в своем дневнике и ленинградец Н. С. Файнштейн, геолог по профессии, в июле 1941 г.: «Оптимисты возлагают большие надежды на соглашение с Англией. Пессимисты считают его почти за ничто. Да и я не придаю ему большого значения. Зачем им лезть, если есть, кому отдуваться?»[113] Подобный скептицизм оказался характерен прежде всего для жителей Ленинграда. Как писала в феврале 1942 г. сотрудница Государственного Эрмитажа Е. Г. Ольденбург академику В. И. Вернадскому: «Люди так мрут, что не успевают хоронить... Говорят, будто умерло до 2 1/2 млн. Ну что же наши союзники американцы и англичане думают? Это называется разве победа? Если бы армию в 1 млн человек уничтожили, то бы об этом заговорили в газетах, а если мирное население умерло в 2 1/2 млн — об этом молчат»[114].

Однако скептические настроения в отношении союзников распространялись и фиксировались не только в блокадном Ленинграде, но и в других регионах СССР. Тем не менее вряд ли стоит безоговорочно утверждать, что они преобладали в массовом сознании. Позднее, когда союз с западными странами стал фактом и пресса изменила тон в более благоприятную для союзников сторону, любые сомнения в действенности союза с Англией и США, особенно в 1941–1942 гг., стали расцениваться как антисоветские. Уже в июле 1941 г. в Красноуфимском районе Свердловской области отдел агитации и пропаганды местного райкома партии при проведении работы с населением выявил «неправильные» взгляды на обстановку, которые наряду «пораженческими настроениями» включали «непонимание позиции Англии и Америки в отношении к Советскому Союзу» и проистекавшее отсюда недоверие к западным державам[115]. Характерно, что подобные суждения неоднократно высказывались людьми и в осажденном Ленинграде[116].

О том, какое значение придавали советские граждане союзу с западными державами, свидетельствует, в частности, следующий факт. В октябре 1941 г. на предприятиях г. Омска состоялись собрания, посвященные итогам трех месяцев войны. Как отмечал в посланной по инстанциям докладной записке секретарь горкома ВКП(б), «большинство присутствующих интересовали такие вопросы: взаимоотношения между Китаем и Японией, позиция Турции и Японии в происходящей войне, чем конкретно помогают Англия и США Советскому Союзу в борьбе с нацизмом, почему Англия активно не выступает против Германии»[117]. К записке было приложено около 70 вопросов из 160, полученных из аудитории, то есть около половины, которые в совокупности дают любопытный срез о «состоянии умов» советского тыла начала войны.

Прежде всего в списке доминируют вопросы, связанные с внешнеполитическими акцентами войны, формированием антигитлеровской коалиции, что в значительной степени было вызвано Московской конференцией трех держав, которая состоялась в конце сентября 1941 г. и о которой подробно сообщала советская пресса. Война между Японией и Китаем или позиция Турции действительно интересовали многих, но основная масса вопросов, относящихся к внешней политике, пришлась все же на взаимоотношения СССР с Англией и США.

Жителей Омска интересовало: «Почему Англия не посылает сухопутные войска против Германии? Почему Англия плохо помогает нам и плохо бомбит Германию? Почему Англия не привлечет Турцию на свою сторону? Почему Англия не откроет второй фронт на Балканах? Почему Англия не высаживает своих десантов на оккупированную зону Франции и не бьет там Германию?» И конечно главный вопрос: «Чем конкретно помогают нам США и Англия... что мы платим за это наличными деньгами?»[118].

После начала Великой Отечественной войны многие советские люди вспомнили о том, что к лету 1941 г. уже пришлось пережить народам европейских стран, в частности немецкие бомбардировки Великобритании после начала Второй мировой войны. Тем самым Великая

Отечественная война стала восприниматься как продолжение Второй мировой, причем СССР, по мнению граждан, оказывался «на правильной стороне», выступая союзником Англии, а с началом фашистского вторжения в СССР — ее преемником в качестве главного противника Германии. Это ощущение образно передал в своей документальной прозе С. Д. Кржижановский, назвавший защитные полоски на московских окнах «стеснительной, мешающей и солнцу, и глазу одеждой с чужого лондонского плеча». И добавил: «А там и сама война с лондонских плеч на наши»[119].

Любопытно мнение инженера Ладыженского, высказанное им в августе 1941 г.: «Надо было начать войну с Германией нам, и тогда, когда Германия воевала с Францией. Сейчас Англия добилась своего, она столкнула своего злейшего конкурента — Германию с идеологически чуждой и, по мнению Англии, подлежащей ослаблению Россией... Наверное, Англия раньше предлагала нам воевать против Германии, тогда бы для последней действительно были два фронта, и мы бы победили»[120].

Академик В. И. Вернадский 16 июля 1941 г. в своем дневнике отметил: «Общее удовольствие, что отошли от Германии, и очень популярен союз с Англией и демократиями»[121]. В августе 1941 г. на 1-м Всеславянском митинге писатель А. Н. Толстой говорил о «могучей союзнице», «могущественной и свободолюбивой Великобритании»[122].

В конце 1941 г. в Алма-Ате С. М. Эйзенштейн, работая над сценарием «Ивана Грозного», писал председателю Комитета по делам кинематографии И. Г. Большакову: «В Ливонской войне несколько ослабляется самостоятельная роль Польши и заостряется антинемецкая линия... Вводятся мотивы англофильства Ивана Грозного, его политические связи с Англией и Елисаветой Английской». Позднее в письме к А. А. Жданову засомневавшийся С. М. Эйзенштейн советовался с одним из главных партийных идеологов, нужна ли в сценарии об Иване Грозном тема взаимоотношений России с Англией. Ответ на этот вопрос был им получен лишь в сентябре 1942 г.: И. Г. Большаков порекомендовал снять английскую тему[123]. Как видно, инициативы в этом направлении не всегда встречали однозначную поддержку «сверху».

В выступлениях представителей советской интеллигенции подчеркивалась важность единства действий союзников на разных фронтах. Так, композитор Д. Д. Шостакович на антифашистском митинге работников искусства и литературы, проходившем в ноябре 1942 г., заявлял: «Как это делают армии, сражающиеся под Сталинградом и в Африке, должны объединить свои усилия и художники всех демократических стран для того, чтобы помочь армиям, которые завтра встретятся для окончательного разгрома гитлеризма на полях Европы»[124].

В информационных документах НКВД СССР отмечены высказывания советских граждан о том, что речь И. В. Сталина 3 июля 1941 г. прежде всего предназначалась для Англии и Америки, «которых мы объявили союзниками». Встречались, впрочем, и противоположные мнения, например: «Надеяться на помощь Англии и Америки — безумие»[125]. Подобные скептические в отношении союзников настроения существовали практически во всех социальных слоях. Не стал исключением и офицерский корпус. Например, попавший в плен к немцам в сентябре 1941 г. генерал-майор М. И. Потапов уверял на допросе, что «русские считают Англию плохим союзником»[126].

Судя по источникам об общественных настроениях, в том числе среди интеллигенции, порой даже сама необходимость создания антигитлеровской коалиции подвергалась сомнению. 23 июня 1941 г. А. П. Остроумова-Лебедева в своем дневнике высказывала сомнения в действенности английской помощи, обещанной в своей речи У. Черчиллем. С одной стороны, по ее мнению, «истощенный и утомленный» народ в принципе не мог оказать существенной поддержки, с другой — примерами английской «помощи» она считала Францию, Грецию, Югославию. Но главное, она сформулировала предположение, которое нередко встречалось и в других записях и высказываниях 1941 г.: «Неужели развязавшаяся война между нами и Гитлером вызвана коварной политикой Англии?.. Неужели это есть результат... политики «коварного Альбиона»? Неужели это они натравили разъяренного дикого быка — Гитлера на нашу страну?»[127].

В докладной записке Л. П. Берии, поданной И. В. Сталину в сентябре 1941 г., приведены слова одного из работников Наркомата среднего машиностроения СССР, отразившие антисемитские настроения: «Я не хочу, чтобы в результате войны победителями оказались Англия и Америка, потому что в верхних слоях опять будут евреи, так как Америка — еврейская страна, и она старается, чтобы в России господствовал еврейский капитал. Пусть лучше владеет Россией Германия и Гитлер»[128].

Подписание США и Великобританией Атлантической хартии оценивалось одним московским режиссером следующим образом: «Соглашение между Рузвельтом и Черчиллем без нашего участия доказывает, что мы только орудие в их руках. Англия добилась своего, мы своей плохой дипломатией и политикой получили разгром, а Англия снова вершит судьбами мира»[129].

Достаточно распространенным и среди сторонников, и среди противников антигитлеровской коалиции было скептическое отношение к мотивам поддержки, которую союзники оказывали или обещали оказать СССР. Практически никто не сомневался, что союзники проявляют заботу прежде всего о собственных интересах. По этому поводу известный философ А. А. Зиновьев вспоминал: «Мы знали о том, что западные страны вроде Англии, Франции и США гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей... Мы были уверены, что страны Запада, враждующие с Германией, рано или поздно присоединятся к нам в борьбе с Германией и помогут нам разгромить ее»[130]. Московский журналист Н. К. Вержбицкий в ноябре 1941 г. в дневнике также записал: «США, сбросившие фиговый листок нейтралитета, помогут во имя спокойствия и невероятных гешефтов»[131].

Вместе с тем для настроений людей была характерна уверенность в экономической мощи союзников, их превосходстве в ресурсах, особенно с учетом ограниченных возможностей СССР, значительная часть территории которого была оккупирована врагом[132]. Отголоски подобных настроений «взяли на карандаш» немцы, допрашивавшие советских военнопленных. По этому поводу сотрудник «бюро Риббентропа» Г. Хильгер в августе 1942 г. отмечал: «Генерал Власов и особенно полковник Боярский[133] в своих высказываниях преувеличивали военные и экономические возможности США и Англии. Эти представления являются прямым следствием соответствующей советской пропаганды. Показательно, насколько интенсивно она способна воздействовать даже на критически настроенных людей»[134]. Характерна убежденность Г. Хильгера в том, что представления советских офицеров об экономическом потенциале союзников объясняются исключительно пропагандой.

Впрочем, одной уверенности в экономической мощи США и Великобритании было недостаточно. 6 ноября 1941 г. в своем докладе И. В. Сталин впервые подробно и определенно говорил о реальной помощи союзников, однако это вызвало смешанные чувства. С одной стороны, высказывались удовлетворение и надежды на скорейшее открытие второго фронта, а с другой — некоторые слушатели расценили слова И. В. Сталина как признание полного бессилия Советского Союза в войне с Германией, словно теперь все зависело от помощи Америки и Англии[135].

В мае — июне 1942 г. были подписаны советско-английское и советско-американское соглашения. Большинство советских граждан вслед за официальной пропагандой выражали удовлетворение достигнутыми результатами, надеясь, что эти соглашения приблизят окончание войны. Но нередки были и высказывания о том, что подобным соглашениям нельзя придавать существенного значения. Например, договор с Америкой, по мнению этих людей, был составлен в крайне запутанных выражениях и предусматривал прежде всего соблюдение интересов Америки, а не СССР. Более того, как считал некий житель Ленинграда, «договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть, и расширение частной инициативы внутри Советского Союза». То же самое говорилось и в отношении соглашения с Англией. Признавая необходимость тесного союза с США и Великобританией, скептики тем не менее считали, что данным соглашением Англия «основательно связывает нас по рукам и ногам не только на время войны, но и на послевоенное время»[136].

Наибольшие опасения в обществе в качестве надежного союзника вызывала Великобритания. Уже в октябре 1941 г. Н. К. Вержбицкий в дневнике отмечал: «На нас обрушилась военная промышленность всей Европы, оказавшаяся в руках искуснейших организаторов. А где английская помощь? А может быть, английский империализм хочет задушить нас руками Гитлера, обессилить его и потом раздавить его самого? Разве это не логично с точки зрения английских империалистов? Весь мир знает, как тонко умеет «англичанка гадить»[137].

В записной книжке за 1942 г., принадлежавшей писателю Л. Пантелееву, есть примечательные слова: «С первых дней мировой войны 1914 г. в Англии стал популярен, стал крылатым циничный лозунг: «Англия будет драться до последнего русского солдата». Не вспомнилась и не пришлась ли по душе эта милая шутка отцов выросшим и возмужавшим деткам?»[138]

В СССР в 1942 г., как об этом писал А. Верт в своей книге «Россия в войне», нередко сравнивали героическую оборону Севастополя и «малодушную» капитуляцию англичан в североафриканском Тобруке, добавляя при этом, что «англичанам верить нельзя»[139]. В военном дневнике историка Б. Г. Тартаковского за сентябрь 1942 г. сохранилось упоминание о некоем командире РККА, который во время боя кричал немцам: «Это вам не Англия!»[140]

В ноябре 1944 г., отражая скептические настроения части общества по поводу западных союзников, старший лейтенант А. И. Шур писал К. Е. Ворошилову: «Вся история подтверждает, что Англия (оплот капитала) и СССР совместно жить не могут и не будут. Либо задушат в открытом бою, либо медленную смерть изобретут»[141].

Отношение к Великобритании ярко выразилось и в вопросе, заданном лектору одним из жителей Архангельской области летом 1944 г. В нем высказывалось сомнение в прочности союза Англии и СССР, так как на протяжении многих десятилетий Англия проводила антироссийскую политику, а после революции являлась одним из главных организаторов и участников интервенции против Советской России[142].

В советском общественном мнении военных лет отношение к Америке как к союзнику было более позитивным, нежели к Великобритании. «За годы войны жители страны Советов поверили в настоящую, а не временную дружбу с американским народом. Воины и труженики тыла отдавали им заслуженное предпочтение перед другими союзниками. Американцы выполняли обязательства по оказанию помощи Красной армии, успешно воевали на Тихом океане, в Северной Африке, освободили Италию от фашистов, одержали важную победу над немецкими войсками в Арденнах»[143], — подчеркивает, например, историк В. Ф. Зима, несколько, правда, идеализируя ситуацию. На самом деле, конечно, и отношение к Америке на протяжении всей войны оставалось двойственным.

Своеобразным следствием советской пропаганды, способствовавшей утверждению в предвоенные годы массовых стереотипов относительно политики Запада, стало широкое распространение в условиях войны мнения о том, что для правящих кругов Запада одинаково ненавистны гитлеризм и коммунизм. В результате делался следующий неутешительный вывод: «Англия изменит нам, и воевать придется долго — пока не ослабнет и Советский Союз, и Германия, и тогда Англия и Америка продиктуют свои условия и нам, и Германии»[144]. В этой связи вполне логичными выглядели следующие опасения, зафиксированные в источниках: «Не может ли получиться так же с Англией и Америкой, как получилось с Германией, которая была в дружественных отношениях с нами и в то же время вероломно напала на нас?»[145]

Таким образом, многие граждане не испытывали иллюзий, полагая, что западные страны — временные тактические союзники, а стратегически, с учетом их непримиримого отношения к социалистическому строю, они остаются противниками СССР. Вместе с тем некоторые западные дипломаты и журналисты были склонны считать, что простые советские люди более позитивно относятся к Западу, чем официальные власти. Это постоянно подчеркивается, к примеру, в книге Ф. Баргхорна, который даже озаглавил один из ее разделов «Русский народ: ахиллесова пята Кремля», имея в виду как раз отношение к Западу, в частности к США. Однако и архивные материалы, и свидетельства многих современников говорят о том, что ситуация была намного сложнее. По словам А. Верта, дело обстояло как раз наоборот: высказывания простых советских людей к союзникам, как правило, были более

критичными по сравнению с официальной позицией властей[146]. Это было связано в первую очередь с затянувшимися, граничащими с разочарованием ожиданиями открытия второго фронта, которое могло спасти жизни десятков тысяч советских солдат.

В повседневных настроениях, связанных с союзниками, тема второго фронта занимала особое место. Хотя союзники с переменным успехом воевали на Тихом океане с Японией, а в Северной Африке и с 1943 г. на Апеннинском полуострове — с Германией и Италией, в качестве настоящего второго фронта, способного отвлечь с восточного фронта германские войска, воспринималась лишь массированная высадка союзных войск во Франции.

Советской пропагандой отсутствие второго фронта было объявлено одним из факторов поражений Красной армии летом 1942 г. Широкое распространение в обществе получило и мнение, что открытие второго фронта приблизило бы окончание войны и позволило сохранить человеческие жизни. Так, уже в августе 1941 г. ленинградец Н. С. Файнштейн в дневнике отметил: «Союзники говорят хорошо, но действенной помощи от них не видно»[147].

С другой стороны, любые известия о позитивных изменениях в политике союзников, особенно в первые, самые тяжелые годы войны, воспринимались с оптимизмом, иногда даже преувеличенным. В декабре 1941 г. по поводу объявления Англией войны Финляндии, Румынии и Болгарии московский врач Е. И. Сахарова записала в своем дневнике: «Это то, что т. Сталин назвал вторым фронтом. Если активна будет деятельность Англии, то нам, безусловно, станет значительно легче и не будут так дробиться наши военные силы»[148].

20 ноября 1941 г., подсчитывая людские ресурсы стран оси, писатель М. М. Пришвин пришел к выводу: «Ясно, что, если бы возник в Европе второй фронт, немцам пришел бы конец. Значит, все нити войны в руках наших союзников, что захотят, то и сделают»[149]. По мнению военного корреспондента Д. В. Фибиха, зафиксированному им в дневнике в мае 1942 г., СССР вряд ли мог нанести Германии решающий удар своими силами. «Последнее слово, как в ту войну, скажет Америка», — делал вывод журналист[150].

Тот факт, что открытие второго фронта повсеместно волновало людей, доказывают и сохранившиеся перечни вопросов, которые задавались пропагандистам в ходе различных собраний, лекций и бесед, вне зависимости от того, проходили эти мероприятия в Азербайджанской ССР, Башкирской или Удмуртской АССР, Краснодарском или Ставропольском краях, Архангельской, Воронежской, Ивановской, Калининской, Курской, Омской, Орловской, Пензенской, Ростовской, Смоленской, Сталинградской, Ульяновской областях РСФСР, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской, Черниговской областях УССР[151]. Обобщение содержания этих вопросов позволяет определить основные проблемы, волновавшие людей применительно к теме антигитлеровской коалиции: «Когда и где откроют второй фронт, чем объясняются задержки с его открытием? Выполняют ли союзники свои обязательства в отношении поставок оружия, продовольствия, снаряжения в СССР?» Ряд вопросов касался также ситуации на других театрах военных действий, позиции нейтральных стран, движения Сопротивления и прочего.

Характерно, что вслед за пропагандой встречались и скептические высказывания граждан в отношении перспектив второго фронта в Европе на том основании, что союзникам выгодно максимально ослабить СССР в войне с Германией, а потому они будут затягивать его открытие. Так, в Ленинграде уже в ноябре 1941 г. были отмечены соответствующие высказывания: «О втором фронте я думаю, что он будет, но тогда, когда будет крах всей [советской] системы. Этого ждут Англия и Америка»[152].

В январе 1942 г. один из руководителей созданной на случай оккупации Москвы подпольной группы[153] в своем донесении о настроениях жителей города отмечал: «В связи с англо-советским коммюнике о беседах И. В. Сталина и В. М. Молотова с госп[одином] Иденом один гражданин у газетной витрины сказал: «Второй фронт не хотят создавать, нам приходится самим воевать с немцами, а условия мира хотят диктовать». Другой откликнулся, сказав: «Да, это такой союзник, что деньгами только расплачивается»[154].

Тема временности, ненадежности капиталистов — союзников по антигитлеровской коалиции звучала в общественном мнении постоянно. Кто-то говорил об этом откры-

то, другие с учетом официальной точки зрения предпочитали помалкивать или ставить в неудобное положение пропагандистов. В январе 1943 г. на одном из оборонных заводов Свердловска лектору был задан вопрос: «Не правы ли профашистские элементы Англии, говоря, что действительным врагом Англии является не фашизм, а коммунизм? Ведь конечной целью коммунистов является ликвидация капиталистического строя вообще, и в частности в Англии»[155].

Бомбардировки, которым подвергали союзники территорию Германии (наряду с советской авиацией), вызывали у граждан в общем положительную реакцию как фактор отмщения и разрушения военно-экономического потенциала врага. Инженер В. А. Лапшин 3 июня 1942 г. внес следующую запись в свой дневник: «Газеты сообщают о бомбежке Кёльна, куда летали 1000 английских бомбардировщиков, сбросивших 10 000 бомб в течение 90 минут. Вот это была бомбежка. Вероятно, камня на камне не осталось от Кёльна. Хороший урок фашистским мерзавцам. На бомбы только отвечать бомбами в тройном размере. Авось почувствуют, что значит бомбить беззащитные города как у нас, так и в Европе»[156]. Конечно, массированные авианалеты, насколько бы они ни были эффективны, как и кампании на отдаленных театрах военных действий, по мнению советских людей, не могли компенсировать отсутствие второго фронта.

Своего апогея ожидания обществом второго фронта достигли летом — осенью 1942 г., в критические дни оборонительной фазы Сталинградской битвы. Это совпало по времени с заключением «Договора о союзе и сотрудничестве» с Великобританией в мае 1942 г., а также с появлением советско-английского и советско-американского коммюнике, в которых граждане увидели намек на скорую высадку войск союзников в Европе, что вызвало многочисленные комментарии как в тылу, так и на фронте.

«Сегодня, 12.VI.[1942 г.] утром по радио, — замечал академик В. И. Вернадский в своем дневнике, — сообщено о возвращении Молотова из Лондона и США и подписании договора с Англией и США, и образование 2-го фронта в Западной Европе ждут во Франции». В августе 1942 г. он вновь возвратился к этой теме: «Ясно, что в ближайшее время будет 2-й фронт в Германии и Западной Европе»[157]. О том же в июле 1942 г. писал с фронта политрук Ю. И. Каминский, считавший, что соглашение о втором фронте должно было вернуть войне «первоначальные темпы, но только в другую сторону, с нашей земли в Европу»[158]. Вскоре последовало краткое, но многозначительное сообщение о том, что в США объявлено о создании «европейского театра военных операций» и что «командующий европейским театром» генерал Д. Эйзенхауэр уже прибыл в Лондон[159].

Наряду с оптимистичными высказываниями многие граждане, в том числе и фронтовики, по-прежнему выражали скептическое отношение к союзникам. Как отмечалось 30 июля 1942 г. в спецсводке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, где обобщались материалы военной цензуры, заключение соглашений с США и СССР в условиях неудач на фронте вызвало среди военнослужащих и членов их семей «целый ряд отрицательных суждений и разговоров». Авторы сводки подчеркивали, что бойцы, командиры и политработники в своих многочисленных «документах» (в данном случае имелись в виду проверенные цензурой письма) выражали недоверие союзникам относительно открытия второго фронта в Европе, а «отдельные лица высказываются о невозможности завершения победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников»[160]. Другими словами, если верить данной сводке, степень недоверия к союзникам летом 1942 г. уже нельзя было охарактеризовать как «отдельные настроения», поскольку в данный момент подобные настроения преобладали.

В тылу также активно обсуждались возможности открытия второго фронта. В августе 1942 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров представил в Секретариат ЦК докладную записку о содержании вопросов, задаваемых докладчикам рабочими и служащими заводов Москвы. Он отмечал, что много вопросов касается темы открытия второго фронта в Европе, при этом слушателей интересуют «практические мероприятия союзников в этой области», наиболее типичные из них: «Когда будет открыт второй фронт и что делается союзниками для осуществления договора?», «Не может ли

получиться, что наши союзники будут только говорить о втором фронте, но действовать не будут?», «Какую помощь оказывают нам англичане и американцы и через какие пути идет доставка вооружения?». А на собрании партактива Ленинского района Москвы была подана записка, отразившая откровенное неверие в то, что союзники выполнят свои обещания: «Когда, в каком месяце откроется второй фронт, может быть, 31 декабря 1942 года в количестве 15 солдат с разбитым танком?»[161]

В сентябре 1942 г. в Москве побывал американский политический деятель, лидер республиканцев У. Уилки. Он посетил столичные учреждения и предприятия, и везде его неизменно спрашивали в первую очередь о втором фронте[162]. На встрече с советскими писателями он, к своему удивлению, вновь был атакован вопросами о втором фронте. Как вспоминал К. М. Симонов, участники встречи буквально считали своей миссией высказаться по поводу отсутствия второго фронта и ни о чем другом говорить не хотели. К. М. Симонову, только что вернувшемуся из Сталинграда, по его собственным словам, не хотелось благодарить американца ни за тушенку, ни за автомобили, ни за танки[163].

Эта тема, причем со всё более явным критическим оттенком в адрес союзников, оказалась ключевой в вопросах, задававшихся осенью — зимой 1942 г. жителями Свердловска во время лекций и бесед с ними: «Чем же объяснить нерешительность английского правительства открыть второй фронт? Доверяет ли наше правительство правительству наших союзников? Как рассматривать то странное явление, что после договоренности открытия второго фронта между правительствами нашим и англичан в кругах последнего ведется борьба вокруг этого вопроса? Считаете ли вы, что вопрос о втором фронте пока прекращен потому, что поработала над этим вопросом Германия? Союзники заинтересованы во втором фронте, видя угрозу со стороны фашистской Германии. Но будут ли стоять английские и американские руководители за второй фронт, если начнется разгром немецкой армии, не явится ли тогда идея второго фронта как способ борьбы не с фашистской Германией, а против усиления влияния Советского Союза? Не стремятся ли союзники к тому, чтобы мы сами изгнали немцев со своей территории, без военной помощи с их стороны?»[164]

В октябре 1942 г. в Северной Африке перешли в наступление британские войска Б. Монтгомери, а в ноябре в Марокко высадились американские войска во главе с Д. Эйзенхауэром. 10 ноября 1942 г. писатель Вс. В. Иванов зафиксировал: «У газет много людей. Читают через плечи друг друга — все об Африке. Всюду повеселевшие лица»[165]. В это время находившийся в Казахстане академик В. И. Вернадский с удовлетворением записал в дневнике: «Высадка войск США во Французской Африке. Резкое изменение обстановки. Второй фронт приблизился»[166]. После успешного завершения африканской кампании Д. В. Фибих в дневнике заметил: «С Северной Африкой покончено. На очереди Италия. Кажется, второй фронт становится реальной вещью»[167].

Но для большинства советских граждан даже самая успешная африканская кампания не могла заменить открытие настоящего второго фронта в Европе. После победы под Сталинградом, изменившей характер войны на восточном фронте, скептическое отношение к перспективе открытия второго фронта продолжало сохраняться в обществе. В информационных материалах особых отделов в феврале 1943 г. отмечалось «значительное количество фактов отрицательных настроений» по поводу второго фронта. Многие были уверены в том, что США и Англия сознательно ограничиваются оказанием материальной помощи, не открывая второго фронта, так как добиваются истощения материальных и людских ресурсов СССР, «а затем объявят нам войну и продиктуют свои условия»[168].

Аналогичные настроения с 1943 г. были преобладающими, что подтверждают и дневниковые записи. «Известия из-за границы поступают скудные. Наши доблестные войска фактически один на один с немецкой армией бьют ее, громят, уничтожают и гонят на запад, а союзники ограничиваются операциями на Сицилии», — писал в августе 1943 г. инженер В. А. Лапшин[169].

Вместе с тем после победы под Сталинградом некоторые граждане начали ставить под сомнение саму необходимость скорейшего открытия второго фронта. Ленинградец акаде-

мик З. Г. Френкель в январе 1943 г. отметил в своем блокадном дневнике возросшую силу и потому независимость Красной армии от помощи союзников. «Пожалуй, теперь союзникам нужно уже не для нас, а для себя поторопиться со вторым фронтом», — заключил он[170]. Корреспондент «Правды» Л. К. Бронтман в марте 1943 г. писал: «О втором фронте и у нас, и в мировой печати все меньше и меньше разговоров. Народ начинает относиться к нашим союзникам все более недоверчиво»[171].

Изменился характер пропаганды и агитации, активно внедрялась уверенность в том, что победа будет одержана и без открытия второго фронта. Подобная агитация приносила свои плоды, тем более что опиралась на реальные успехи Красной армии. Были и такие суждения: «На второй фронт у нас в редакции уже махнули рукой»[172].

В очередной раз тема второго фронта вышла на первый план общественного внимания в связи с началом Тегеранской конференции. К тому времени большая часть советского общества поверила в то, что победа может быть одержана и без военной помощи союзников. Тем не менее решения конференции были встречены с одобрением. Так, судя по документам, на одном из оборонных заводов Челябинска выступления на митинге, посвященном итогам Тегеранской конференции, «сводились к выражению надежды, что война будет закончена в самый короткий срок, что второй фронт теперь, безусловно, будет открыт, что подтверждается указаниями тов. Сталина о том, что второй фронт не за горами»[173].

Тем временем в дневниках советских людей все чаще появлялись саркастические комментарии относительно причин задержки с высадкой войск союзников в Нормандии: «Сегодня день Красной армии... Мы все еще одни, а союзники все еще жалуются на плохую погоду»[174].

В начале 1944 г. в обществе все сильнее становились настроения по поводу того, что второй фронт в Европе окончательно перестал быть актуальным. Более того, ситуация на фронтах изменилась настолько, что с открытием второго фронта теперь связывались не только надежды, но и опасения по поводу того, что хребет Германии уже сломлен, и союзники смогут воспользоваться плодами наших побед для установления своего влияния в Европе. Люди спрашивали пропагандистов, не случится ли так, что после поражения Германии Англия и США разделят между собой территорию Германии?[175] Вместе с тем для людей было главным все же скорейшее окончание войны и сохранение человеческих жизней, что они по-прежнему связывали с открытием второго фронта.

Неудивительно, что колхозники, услышав о высадке союзных войск на севере Франции, «заговорили о том, что теперь скоро должен быть мир, что немцы теперь не выдержат натиска». Документы о настроениях населения сообщали: «Настроение колхозников поднялось, начались более веселые разговоры, даже улучшилась работа в поле»; «Вот теперь война должна скоро кончиться. Сил у союзников много, и нам будет легче»[176].

После высадки войск в Нормандии в июне 1944 г. американские и в меньше степени английские военные и дипломаты в Москве на время почувствовали к себе особое внимание. Однако глава американской военной миссии генерал У. Дин отмечал в шифровке, что в реакции москвичей на открытие второго фронта в Европе не было «бурного ликования»[177]. Второго фронта слишком долго ждали, а летом 1944 г. уже мало кто сомневался в исходе войны независимо от действий союзников.

Помимо открытия второго фонта еще два аспекта отношений с союзниками занимали важное место в общественных представлениях в годы войны. Речь идет о поставках по ленд-лизу в СССР продовольствия, снаряжения, военной техники, а также об осмыслении перспектив антигитлеровской коалиции. Инженер Горьковского автозавода В. А. Лапшин в июне 1942 г. в дневнике отметил: «Вслед за подписанием договора с Англией опубликовано соглашение с США о помощи материалами, танками, самолетами и пр. Помощь эту мы видим ежедневно у себя. Какие машины собираются сейчас у нас из отдельных собранных узлов... Сколько их собирается каждый день. А какие «Матильды» и «Валентины». Это реальная помощь»[178]. Во многом благодаря помощи по ленд-лизу, возможно, даже в большей степени, чем благодаря открытию второго фронта, в советском обществе закрепился в целом положительный образ союзников.

Среди части советской интеллигенции интерес вызывали прежде всего политические аспекты сотрудничества с союзниками. Что касается остальной части населения, то здесь наряду с позитивной оценкой ленд-лиза встречались и предположения о том, что за помощь рано или поздно придется расплачиваться: «все наши ценности союзники заберут, а мы на них работай», «после войны мы пять лет будем работать на Англию и США», а также опасения, «не попадет ли СССР в кабалу Англии и Америки за их поставки?»[179].

Иногда подобные опасения трансформировались в слухи, циркулировавшие в обществе. «Правда ли, что скоро будет съезд союзников Англии, США и СССР, на котором будет решаться вопрос, сколько мы должны вывезти мяса для Америки, и это мясо в скором времени начнут собирать с колхозников?» — спрашивали жители Башкирской АССР весной 1943 г.[180] Неудивительно, что труженики колхоза «15 лет ВЛКСМ», говоря о помощи союзников, резонно заявили: «Помогать-то они нам помогают, но дорого придется платить потом. Это ж буржуи, и они глядят на свою пользу»[181].

Приближение окончания войны и успехи освободительной миссии Красной армии в Европе заставили советских людей задуматься о перспективах послевоенного устройства мира. В 1944 г. в общественных дискуссиях вместо проблемы второго фронта на первый план вышли вопросы: оккупирует ли Красная армия Германию, какой будет послевоенная Европа, какова позиция союзников в отношении западных границ СССР, что ждет послевоенную Польшу и другие[182]. И может быть, самая важная тема: «Не будут ли решены послевоенные вопросы мира без нашего равноправного участия?»[183]

Постепенно в обществе, предчувствующем скорую, долгожданную Победу, укреплялось ожидание позитивных изменений после войны, и в значительной степени это было связано с продолжением сотрудничества с союзниками, в том числе в экономической области. Это многим казалось необходимым для ликвидации послевоенной разрухи в СССР.

Распространялись слухи о том, что США и Великобритания якобы способны заставить И. В. Сталина отказаться от большевизма[184]. Однако на самом деле большинство населения, будучи реалистами, осознавало временный характер союзнических отношений. Уже в сентябре 1941 г. в Москве были зафиксированы высказывания, скептически оценивающие перспективы послевоенного мира. Несмотря на их полумифическое содержание, отраженная в документе тенденция была ясна: «Эту войну мы выиграем, но за ней будет вторая. Кончится первая война, сядут за стол сто дипломатов, в том числе пять наших. И сто будут диктовать условия пяти. Вот тогда и решится вопрос — кто кого»[185].

Одновременно некоторые представители московской интеллигенции втайне рассуждали о возможности перемен после войны, не исключая, в принципе, возможность иностранной оккупации: «У нас должны произойти перемены в области политики... В настоящей войне возможно поражение Германии, но в СССР все равно будет изменена форма правления под давлением Америки и Англии в сторону создания демократической республики по их образцу. Для этого будут использованы их войска, которые Америка и Англия ввели в пределы СССР»[186]. Другой представитель творческой интеллигенции в ноябре 1941 г. предсказывал, что «войну Россия как национальное государство выиграет, но советскую власть проиграет... После окончания войны, которая закончится поражением Германии, благодаря усилиям Америки и Англии, несомненно, будет установлена какая-то форма буржуазной демократии»[187].

Впрочем, более распространенными во время войны были ожидания лишь некоторого смягчения советского режима. В. И. Вернадский 15–16 ноября 1941 г. записал в своем дневнике: «Невольно думаешь о ближайшем будущем. Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже кажется — огромного значения... Впереди неизбежны коренные изменения — особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий»[188]. Позднее В. И. Вернадский записал в своем дневнике: «1944 год будет годом огромных изменений. Советский Союз — не сомневаюсь — победит и выйдет из испытаний усиленным. Союз с демократиями усилит у нас свободу мысли, свободу веры, свободу научных исканий»[189]. Появление в советской прессе военных лет большого количества позитивных и нейтральных по тону сообщений о странах-союзницах, конечно, не могло не повлиять на формирование образа союзника.

Жители только что освобожденных территорий Советского Союза в декабре 1943 г. спрашивали пропагандистов ЦК ВКП(б): «Смогут ли мирно ужиться СССР с капиталистическими странами после разгрома Германии? Как долго Советский Союз может быть в капиталистическом окружении?»[190] Сам характер задаваемых вопросов показывал, какие именно темы являются наиболее актуальными в обществе, как менялся со временем и как неоднозначно воспринимался образ союзника, как — порой с надеждой, но иногда и с тревогой — воспринималось в советском социуме сотрудничество СССР с США и Англией.

В тот период в межсоюзнической позиции, в частности в западных средствах массовой информации, прежде всего выдвигались претензии относительно свободы вероисповедания в СССР. Неудивительно, что смягчение религиозной политики государства воспринималось частью населения как вынужденная мера, продиктованная союзниками: «Двадцать восемь лет не говорили о попах, а тут заговорили, когда мы стали союзниками Англии... Англия и Америка повернут нас на старый лад»[191].

Роспуск Коминтерна в 1943 г. виделся гражданами как стремление СССР сделать шаг навстречу союзникам: «Это очень тонкое, продуманное и дипломатическое решение, которое, безусловно, способствует укреплению связи между СССР и союзниками»[192]. Эти высказывания зафиксированы в Ленинграде, но сохранились справки спецслужб об отношении к роспуску Коминтерна в Москве, Ульяновской и Свердловской областях, которые дают практически идентичную картину[193].

Не только роспуск Коминтерна, но и гораздо менее значительные и на первый взгляд мало связанные с межсоюзническими отношениями мероприятия власти, как, например, введение погон в Красной армии, вызывали разговоры о «влиянии союзников», некоторые офицеры заявляли: «Введение погон в армии имеет определенный смысл международного характера», считая, что данная мера была предпринята под давлением союзников[194].

Помимо Англии и США, в массовом сознании советских людей присутствовали, хотя и на втором плане, собирательные образы других союзников СССР — стран Восточной Европы, оккупированных Германией. На территории СССР формировались польские и чехословацкие соединения (армия В. Андерса в 1941–1942 гг., дивизия им. Т. Костюшко и чехословацкие части в 1943 г.), впоследствии принимавшие участие (за исключением армии В. Андерса) в боевых действиях на советско-германском фронте. Сравнительная немногочисленность этих польских и чехословацких соединений и то, что они вооружались, снабжались и частично комплектовались за счет ресурсов РККА, привело к тому, что в массовом сознании советских людей, особенно в тылу, они не воспринимались в качестве самостоятельных союзников, обладающих серьезной военной силой. Их создание оценивалось больше как политический шаг.

Сложным и неоднозначным был образ польского союзника, на формирование которого в советском обществе повлияла острая ситуация, сложившаяся в советско-польских отношениях в 1920–1930-е гг. 30 июля 1941 г. в Лондоне было подписано советско-польское соглашение, восстановившее дипломатические отношения между СССР и Польшей. В соответствии с ним на территории СССР началось формирование армии из числа польских граждан во главе с генералом В. Андерсом. Однако польские подразделения, получившие боевую технику и прошедшие обучение, под разными предлогами отказывались отправляться на фронт. Летом 1942 г. армия В. Андерса, состоявшая из 75 тыс. человек, была выведена из СССР в Иран и впоследствии принимала участие вместе с союзниками в боях на западном фронте. У большинства советских граждан подобное развитие событий вызывало искреннее недоумение, тем более что информация в советских газетах носила дозированный характер.

Участие польских подразделений в боях на советско-германском фронте не могло серьезно повлиять на ход войны. Однако в это время разворачивалась кровопролитная Сталинградская битва, и поведение армии В. Андерса в глазах рядовых граждан приобрело скрытый политический смысл. Неудивительно, что в 1942–1943 гг. советские люди часто спрашивали об этом докладчиков и пропагандистов во время собраний, что зафиксировали документы. В январе 1943 г. в Свердловской области распространился слух, что польские войска наконец

появились на фронте. Работники одного из оборонных предприятий обратились в завком и партийную организацию за разъяснениями: где находятся польские войска, воюют ли они сейчас вместе с нашими войсками?[195]

Весной 1943 г. отношения между СССР и польским правительством в изгнании достигли критической точки. Помимо разногласий по поводу армии В. Андерса, обострился вопрос о границах и одновременно о трактовке ставших достоянием гласности событий в Катыни, где были расстреляны польские офицеры. В результате в апреле 1943 г. последовал разрыв отношений СССР с польским правительством в Лондоне, о чем писали газеты.

Недоумение советских граждан вызывала позиция союзников по антигитлеровской коалиции, которые, по их суждению, не принимали мер против заявлений польского правительства[196]. В этой ситуации вновь вспомнилась армия В. Андерса. Вс. В. Вишневский 19 мая 1943 г. записал в дневнике: «Генерал Андерс ждал распада Красной армии и возможности ухода вдоль Каспия в Иран. Тайные антибольшевистские тенденции этой армии стали явными»[197]. Лишь сообщения Совинформбюро о появлении на фронте в октябре 1943 г. польской добровольческой дивизии им. Т. Костюшко[198], впоследствии преобразованной в Первую польскую армию (армия З. Берлинга), способствовали преодолению преимущественно негативного образа польских союзников, сложившегося в советском обществе в условиях войны.

В последний период войны союзниками СССР стали некоторые вчерашние противники (румыны, болгары, финны), объявившие войну Германии. Понятно, что образ новых союзников формировался под сильным воздействием вчерашнего образа врага, и даже в условиях массированной пропаганды он не мог в одночасье получить позитивную оценку в глазах советских людей. В особенности это касалось фронтовиков, скептически оценивавших боеспособность новых союзников[199]. Не внушала уважения и слишком быстрая перемена внешнеполитической ориентации руководителей Румынии и Болгарии, вставших на сторону победителей.

Более того, как видно из документов, в массовом сознании преобладало недовольство слишком мягкими условиями перемирия, в частности с Румынией[200]. По этому поводу докладчикам на собраниях задавались такие вопросы, ярко характеризовавшие общественные настроения: «Будет ли Румыния наша после войны? Будут ли нам платить поляки, если наша армия освободит их территорию? Будет ли Польша существовать после войны или сделают там советскую власть? Какой будет установлен строй в Чехословакии?»[201]

9 мая 1945 г. страна праздновала Победу. Как вспоминает академик Т. И. Заславская, которой весной 1945 г. было 17 лет: «Мы запели песню и пошли вдоль Красной площади, обошли ее раза три, не замолкая, кричали «ура!» Красной армии и родному Сталину. Потом пошли к американскому посольству и нарочно затянули «Широка страна моя родная». Из окон, с балконов, изо всех щелей высовывались милые американцы, они хлопали в ладоши, кричали: «Ура!», «Победа!», «Сталин!», а мы бесновались на улице, надрывая горло, вопили: «Привет союзникам!» и «Америка!», «Америка!»... После американцев пошли к англичанам, были и у французов, которые встретили нас радостно, как родные. Множество французов сидело на крыше и смотрело на город, а когда мы подошли, то один из них сел верхом на барьер, свесился совсем вниз и, бешено аплодируя, пел песню, свою, французскую, где слышалось: France, Union Sovietique, de Gaulle, Stalin. Все смешалось в счастливом круговороте, в мелькании слов, имен, песен»[202].

В 1945 г. на территории Германии многие тысячи советских солдат и офицеров встретились с союзниками, английскими и американскими товарищами по оружию. В результате личных контактов и общения стал меняться, приобретая живые, человеческие черты некогда абстрактный образ союзника. Размывались и бледнели, теряя однозначность и жесткость, привычные официозные стереотипы. Непосредственное знакомство с культурой, бытом и повседневной жизнью европейских народов, как это уже было ранее, в период Отечественной войны 1812 г. и в условиях Первой мировой, изменило взгляд на мир сотен тысяч советских воинов.

Особую, до сих пор недостаточно изученную роль в формировании образа союзника играли ставшие возможными в условиях более тесного военно-технического и культурного сотрудничества в период войны личные контакты между иностранцами и советскими руководителями и официальными лицами разного уровня, военными, журналистами и деятелями культуры (в том числе имевшими отношение к военной пропаганде и формированию образа союзника), а также обычными советскими гражданами, в той или иной степени причастными или являвшимися свидетелями обеспечения переговорного процесса с союзниками, поставок по ленд-лизу и прочего. Архивные документы дают возможность по-новому оценить «человеческое измерение» этого сотрудничества, а также показать эволюцию образа союзника в отношении американцев и англичан.

Общим настроением большинства представителей США и Великобритании, посещавших СССР в годы войны, было стремление лично узнать правду об СССР, его героической борьбе против Германии и по возвращении донести ее до своих народов, установить дружеские отношения с советскими людьми, помочь организовать военно-экономическую помощь СССР в своих странах.

Реакция правительств и народов Великобритании и США на нападение Германии на СССР, а также их позиция в начальный период Великой Отечественной войны были неоднозначны. Рядовые граждане этих стран, особенно Великобритании, открыто встали на сторону СССР, побуждая свои правительства к сотрудничеству в борьбе с общим врагом. Как отмечал английский посол в СССР А. Керр в беседе с В. М. Молотовым 17 июня 1942 г., «в Англии 44 миллиона населения едины в своих симпатиях к СССР.. Когда Германия напала на СССР, то народ в Великобритании поднялся одновременно с Черчиллем за оказание помощи СССР»[203]. Летом 1941 г. Англия предоставила СССР первый кредит в размере 1 млрд фунтов стерлингов, был подписан советско-английский договор. С октября 1941 г. США начали оказывать военно-экономическую помощь по ленд-лизу, хотя формальное соглашение об американских поставках в СССР было заключено только 11 июня 1942 г.

В условиях преобладавших накануне войны антизападных настроений советской пропаганде пришлось переубеждать свой народ во враждебности по отношению к СССР стран антигитлеровской коалиции. Согласно донесениям партийных органов, советские граждане часто спрашивали: «Почему нам помогают Англия и Америка, ведь они же капиталисты?» И. В. Сталин в своей речи 6 ноября 1941 г. провел различие между двумя категориями капиталистов: фашистами, с которыми шла борьба, и англосаксонскими демократиями, которые «не только не присоединились к походу немецко-фашистских захватчиков против СССР, а, напротив, оказались в одном лагере с СССР против фашистской Германии»[204].

В пропаганде военных лет в духе сотрудничества руководители часто апеллировали к общим историческим и культурным традициям народов. Во время беседы с председателем Торговой палаты США Э. Джонстоном 26 июня 1944 г. И. В. Сталин говорил о традиционной исторической общности между русскими и американцами: «Англия — это страна аристократическая, а США — не аристократия. При царе Россия управлялась аристократией, но народ прогнал аристократию, и Россия стала демократической страной. Это одна из причин симпатий русских к Америке. Кроме того, русские рады, что американцы воюют против немцев»[205].

В беседе с председателем Управления по делам военного производства Д. Нельсоном 15 октября 1943 г. И. В. Сталин также активно развивал эту тему. В ответ на заявление Д. Нельсона, что «русские похожи на американцев. Оба народа имеют одинаковые вкусы, но трудность состоит в том, что оба народа плохо знают друг друга», советский вождь подчеркнул: «Русские ближе сходятся с американцами, чем с людьми другой национальности. Русским нравится простота отношений, существующая на американских фабриках и заводах между рабочими и инженерами. Их отталкивает чопорность и надменность англичан... У американцев и русских много общего в быту и в отношениях к народу. В Америке нет помещиков и нет аристократии. В России помещики и аристократия были ликвидированы... Предки американцев бежали от аристократии в другую страну, в то время как русские изгнали аристократию из своей страны»[206].

Американцы, совершавшие в конце войны поездки по СССР, с восторгом отмечали, что русские люди своей энергией и оптимизмом, с которыми они восстанавливали из руин разрушенные города, очень напоминали американцев. Советский дипломат И. М. Майский записал своем дневнике 14 июня 1945 г. о поездке в Сталинград с американцами — членами межсоюзной репарационной комиссии: при осмотре города американцев поразили две вещи — «колоссальность разрушений», «поношенность платья и обуви у сталинградского населения, а также недостаток всякого рода ширпотреба», все это разительно контрастировало с «энергией и бодростью сталинградцев в восстановлении города», с похожей на американцев силой духа[207].

Направляя своих военнослужащих в СССР, военное руководство США снабжало их инструкциями, которые должны были создать наилучшее впечатление об американцах в глазах советских людей. Одновременно эти инструкции отражали расхожие представления о русском народе, его обычаях и особенностях поведения. Так, в наставлении для военнослужащих 15-й военно-воздушной армии США, направлявшейся на авиабазу в Полтаву, содержались следующие указания: «Не вступайте в политические или социальные дискуссии, затрагивающие сравнения с нашими собственными институтами»; «Не хвастайтесь диковинками жизни в Америке»; «Русские женщины, как правило, открыты и дружелюбны, но не принимайте это как приглашение к большей близости»; «Русские — опытные и стойкие выпивохи. Водку не следует пить на пустой желудок, поэтому всегда ешьте при выпивке»[208]. Другое дело, что на практике эти инструкции далеко не всегда выполнялись. Между русскими и иностранными союзниками формировались личные взаимоотношения, которые зачастую приводили к переосмыслению прежних представлений друг о друге, основанных на пропагандистских штампах.

Даже из официальных записей бесед между дипломатами и лидерами стран антигитлеровской коалиции можно увидеть, как «жестокий диктатор» И. В. Сталин, показавший себя в личном общении человеком эмоциональным и умеющим оценить юмор в исполнении посла Великобритании А. Керра, постепенно становился в представлении иностранцев более «человечным» и потому понятным им и предсказуемым.

Более сухим и жестким в личном общении казался союзникам В. М. Молотов, который, например, резко протестовал против неуважительного отношения к русским, которое он сравнивал с обращением британцев с колониальными народами. Речь шла об инцидентах с местным населением с участием английских моряков, приходивших с конвоями и проживавших в Мурманске и Архангельске[209].

Британский лидер У. Черчилль со времен иностранной интервенции и Гражданской войны считался в СССР «врагом номер один», попав в этом качестве, например, в «Краткий курс истории ВКП(б)». О первом впечатлении У. Черчилля и И. В. Сталина друг о друге можно судить из дневника В. М. Молотова о приеме им британского посла А. Керра 19 августа 1942 г.: «Керр говорит, что он вынес впечатление, что в результате последней беседы Черчилля с тов. Сталиным между ними установились хорошие личные отношения... Керр говорит, что на Черчилля Сталин произвел впечатление не только как государственный человек, но и как человек... т. Молотов отвечает, что личные симпатии и взаимопонимание имеют большое значение для совместной работы»[210]. Установление неформальных отношений, в свою очередь, нередко способствовало быстрому решению проблем или нахождению компромиссов в ходе переговоров[211].

Дипломатические представители США и Великобритании в Москве наиболее тесно общались с В. М. Молотовым, А. Я. Вышинским, В. Н. Павловым. Личные отношения сложились у них и с И. В. Сталиным. К примеру, в конце беседы 5 ноября 1942 г., как зафиксировала стенограмма, А. Керр обратился к нему с просьбой «дать ему в руки на несколько минут трубку И. В. Сталина. Он, Керр, хотел бы начертить контур этой трубки с тем, чтобы заказать для И. В. Сталина трубку в Лондоне у своего очень хорошего мастера. Тов. Сталин благодарит Керра и передает ему для этой цели свою трубку»[212]. Любопытно, что американцы часто дарили советским руководителям произведенные в США кинофильмы.

Вместе с тем отношения военных и дипломатических представителей союзников с советскими коллегами были таковы, что последние опасались посещать дипучреждения и вступать, помимо деловых отношений по работе, в неформальные контакты с иностранцами. Не было секретом, что иностранцы и связанные с ними по службе советские граждане находились под пристальным вниманием спецорганов. Генеральный консул США во Владивостоке А. И. Уорд возмущался слежкой за его сотрудниками. В дневнике дипломатического агента НКИД СССР С. П. Дюкарева зафиксирована его беседа с А. И. Уордом 14 января 1944 г., в ходе которой американский дипломат жаловался на «невыносимый режим» и слежку «как за сотрудниками консульства, так и за всеми входящими и выходящими людьми в консульство и в мою квартиру»[213].

В беседе от 7 марта 1944 г. А. И. Уорд снова завел разговор о «режиме»: «Мы живем... в условиях полнейшей изоляции, мы ни к кому не ходим, и никого у нас не бывает... Что происходит сейчас, не понимаю, не нас смотрят как на врагов. Советские люди боятся за последствия каждой встречи с иностранцами, и чтобы не подводить их, я теперь каждого предупреждаю, что я иностранец, американец, и поэтому будьте осторожны, т. к. вам могут быть неприятности за разговор со мной»[214].

Довольно напряженные отношения складывались подчас и между военными представителями союзников, которые должны были работать в тесном контакте. В начале войны между ними неоднократно возникали конфликты и недоразумения. Так, в беседе с И. В. Сталиным 2 июля 1942 г. американский посол У. Стэндли жаловался, что «военно-морской атташе американского посольства лишь через неделю добился разрешения своего выезда из Куйбышева в Мурманск для оказания помощи американским морякам, пострадавшим от бомбардировок и обмораживания. Затем тот же американский военный атташе лишь через месяц смог получить разрешение на свой выезд из Куйбышева в Москву»[215]. И. В. Сталин назвал это недоразумениями и предложил ввести уведомительный порядок поездок.

Аналогичными были и настроения среди англичан. К примеру, в беседе с И. В. Сталиным от 28 марта 1942 г. А. Керр, ссылаясь на своего военного атташе, жаловался на то, что «совместная работа наших генштабов недостаточно тесная». На это лидер Советского государства ответил, что, возможно, «сотрудничество наших штабов недостаточно тесное... Эти недоразумения объясняются тем, что англичане и русские не совсем друг друга понимают. Русские, особенно военные, сильно заняты, мало спят. Фронт большой и требует к себе постоянного внимания. Это не всегда понимают англичане»[216].

Несмотря на углубленные личные контакты между лидерами, достичь согласия во многих вопросах было непросто. Одна из коллизий, свидетельствовавших о реальной мере доверия между союзниками, возникла в связи с полетами американских самолетов над советской территорией. С октября 1942 г. начала функционировать трасса Аляска — Сибирь, по которой американские самолеты, поставлявшиеся по ленд-лизу, перегонялись в СССР. Президент США Ф. Рузвельт предлагал И. В. Сталину, чтобы американские самолеты пилотировались американскими летчиками вплоть до озера Байкал, на что И. В. Сталин ехидно заметил: «Должно быть, президент полагает, что мы не в состоянии выделить своих летчиков для этой цели?» И предложил принимать американские самолеты уже на Аляске, в Номе, поскольку «советские летчики... хорошо знают трассу и условия полета по этой трассе». Руководство СССР явно не хотело допускать бесконтрольные полеты американцев над своей территорией, за исключением совместных полетов, когда американцы сопровождали советских летчиков. Была укреплена инфраструктура сибирских аэродромов Красноярской воздушной трассы. С октября 1942 до начала 1943 г. по трассе Аляска — Сибирь в среднем перегоняли 132 самолета в месяц (всего было отправлено 1185 самолетов)[217].

Беспокоили советское руководство и вынужденные посадки американских самолетов на советском Дальнем Востоке в ходе боевых действий между США и Японией. При первом таком случае в 1942 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов заявил руководству США протест[218]. Однако в 1944 г. такие эпизоды участились, и встал вопрос: что делать с американскими самолетами и летчиками, совершившими вынужденную посадку на советской территории.

Подробные донесения об этих событиях содержатся в дневниках дипломатического представителя НКИД во Владивостоке, которые открывают малоизвестные аспекты взаимоотношений между американцами и русскими — военными и дипломатами — в специфических условиях Дальнего Востока. Из документов видно, что советская сторона подозревала союзников в том, что истинные причины вынужденной посадки самолетов якобы заключались в разведывательной деятельности. Между тем самолеты подлежали конфискации, а американские летчики интернировались и отправлялись в глубокий советский тыл, в Ташкент.

В рамках осуществления поставок по ленд-лизу, в ходе пребывания на советской территории американцы и британцы вступали в неформальные контакты с советскими военными и гражданскими лицами. В отличие от дипмиссий проследить за общением рядовых людей было затруднительно. Люди не только совместно работали, но и отдыхали, в процессе общения больше узнавали друг друга. В результате в условиях войны появились элементы «народной дипломатии». Если со стороны союзников это была, как правило, инициатива отдельных лиц или небольших групп (например, мать троих погибших на фронте сыновей, группа английских моряков, лечившихся в советском госпитале), то с советской стороны ответные письма составлялись публично — в коллективах, на митингах и общих собраниях трудящихся, публиковались в газетах.

Наиболее ярким примером личных контактов между рядовыми советскими людьми и иностранцами стали контакты с иностранными моряками в портах Архангельска, Мурманска, Владивостока. Правда, количественно и территориально они носили ограниченный характер. О масштабах этих контактов свидетельствуют, например, следующие цифры: в августе 1942 г. в Архангельске находилось 40 английских и американских судов, 14 из них торговые, команды которых составляли в общей сложности не менее 8 тыс. человек, а население Архангельска в 1939 г. насчитывало около 280 тыс. человек — другими словами, один иностранец приходился на 30–40 местных жителей. Иностранцы там жили, кормились, что-то покупали, лечились, отдыхали, знакомились с девушками и прочее. Понятно, что в такой ситуации контакты на бытовом уровне были неизбежными и носили несанкционированный характер. Власти стремились предотвратить нежелательные контакты путем увеличения милицейских патрулей и высылки из портовых городов подозрительных элементов[219].

Таким образом, основными точками соприкосновения иностранцев и советских граждан были, во-первых, дипломатические центры — Москва, Куйбышев, Владивосток, где во время войны находились дипломатические миссии союзников. Однако в этих городах общение ограничивалось преимущественно официальными встречами между высшими политическими, военными, дипломатическими представителями. Во-вторых, местом общения были портовые города, где останавливались и подолгу находились экипажи союзных конвоев «северного маршрута» ленд-лиза — Мурманск, Архангельск, Молотовск (Северодвинск). Кроме того, группировки американских ВВС базировались на авиабазе в Полтаве, откуда совершали челночные бомбардировки Румынии[220].

Американские летчики непосредственно сталкивались с советскими людьми и в дальневосточном регионе, в связи с начавшимися с марта 1942 г. и особенно участившимися в 1944 г. вынужденными посадками американских самолетов, которые участвовали в воздушных боях с Японией вблизи советской границы. Контакты имели место и на южном, «персидском» направлении, на территории Ирана, через которую также осуществлялись поставки по ленд-лизу. На территории США такие контакты осуществлялись на Аляске — в Номе и Фербенксе, где советские летчики принимали американские самолеты, перегонявшиеся затем по авиатрассе Аляска — Сибирь.

Контакты, способствовавшие «персонификации» образа союзника, имели место и на отдельных участках советско-германского фронта, и в ряде советских промышленных центров — Урал, Сталинград и другие, куда выезжали с ознакомительными поездками представители союзников: Г. Гопкинс, У. Уилки и прочие. Некоторые представители дипкорпуса, например американский консул во Владивостоке А. И. Уорд, совершали поездки через всю страну и оставили свои путевые заметки с впечатлениями о жизни советских людей[221].

В целом, несмотря на усилия советской пропаганды, увеличение личных контактов, способствовавших «персонификации» образа союзника, боевое содружество на полях сражений, лед недоверия между советскими гражданами и союзниками не растаял до конца. Противоречия тлели под оболочкой дружбы и сотрудничества. Тем не менее война, безусловно, способствовала изменению представлений о союзниках в лучшую сторону. Она содействовала формированию, хотя и в ограниченных размерах, своеобразной модели неформальных отношений «лидер к лидеру», «человек к человеку» между СССР, США и Великобританией. Представители стран-союзниц, вступавшие непосредственно в личные контакты, больше узнавали друг о друге, что способствовало налаживанию повседневного сотрудничества и совместной работы для достижения Победы над общим врагом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерк истории Советского государства. М., 1991. С. 258.

[2] Из записи во фронтовом дневнике М. И. Березина о 20 июля 1941 г. // Комсомольская правда. 1989. 9 мая.

[3] Красная звезда. 1942. 1 января.

[4] Правда. 1941. 31 октября.

[5] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 4. Л. 110.

[6] Из письма К. М. Симонова В. В. Томскому. 7 июня 1963 г. // *Симонов К. М.* Письма о войне 1943–1979. М., 1990. С. 194. См. также: Из письма К. М. Симонова С. Орту. 1970 г. // *Симонов К. М.* Письма о войне 1943–1979. С. 420.

[7] *Толстой А. Н.* Москве угрожает враг // Правда. 1941. 18 октября.

[8] *Симонов К. М.* Июнь — декабрь // Красная звезда. 1941. 31 декабря.

[9] Война: день за днем. Беседа с писателем К. М. Симоновым // *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 165.

[10] *Симонов К. М.* Июнь — декабрь // Красная звезда. 1941. 31 декабря.

[11] Документы о настроениях немецких солдат // Красная звезда. 1941. 26 декабря.

[12] Красная звезда. 1941. 5, 6, 9, 11, 16, 19, 27, 29, 30 декабря.

[13] Там же. 1941. 16 декабря.

[14] Там же. 1942. 1 января.

[15] Там же.

[16] Красная звезда. 1942. 1 мая.

[17] *Шарапов Ю.* Мы научились ненавидеть // На разгром врага. 1942. 30 мая.

[18] *Шолохов М.* Наука ненависти // Правда. 1942. 22 июня; Красная звезда. 1942. 23 июня.

[19] *Толстой А.* Убей зверя! // Красная звезда. 1942. 23 июня.

[20] *Симонов К.* Убей его! // Красная звезда. 1942. 18 июля; Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 259–260.

[21] Из статьи И. Эренбурга «Убей!», опубликованной в «Красной звезде» 24 июля 1942 г.; Развитие тема получила в другой его статье «Помни!», которая вышла в «Красной звезде» 13 августа 1942 г.

[22] Директива ОКВ № 44822/41 от 6 июня 1941 г. об обращении с политическими комиссарами // Anatomie des SS-Staates. Freiburg: Walter-Verlag, 1965. Bd. 2. S. 237–238.

[23] Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Берлин, 1992. С. 45.

[24] Там же. С. 105–106.

[25] Там же. С. 183–184.

[26] По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941–1945 гг. М., 1995. С. 193.

[27] *Эренбург И.* Душа России // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 231–232.

[28] Немцы о русских. Сб. М., 1995. С. 39–40.

[29] *Медведев Р. А.* Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С. 12.

[30] *Леонов Л.* Немцы в Москве // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С. 259.

[31] *Симонов К.* От Халхин-Гола до Берлина. М., 1973. С. 200.
[32] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1988. С. 308–309.
[33] Они сражались с фашизмом. М., 1988. С. 130–131.
[34] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 33. Л. 336.
[35] Там же. Л. 15.
[36] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 32. Л. 184.
[37] Там же. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 34. Л. 66–68, 405–409.
[38] *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995. С. 314–315.
[39] Речь идет о приказе Военного совета 2-го Белорусского фронта № 006 от 21 января 1945 г.
[40] ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30–32.
[41] Красная звезда. 1945. 9 февраля.
[42] Правда. 1945. 14 апреля.
[43] Там же.
[44] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4-5). Битва за Берлин. М., 1995. С. 220.
[45] Там же.
[46] *Жуков Ю.* Солдатские думы. М., 1987. С. 337.
[47] *Самойлов Д.* Люди одного варианта (Из военных записок) // Аврора. 1990. № 2. С. 93.
[48] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 309.
[49] *Рюруп Р.* Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80–81.
[50] Цит. по: Вопросы философии. 1975. № 3. С. 106.
[51] Великая Отечественная в письмах. 2-е изд. М., 1983. С. 235.
[52] ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2727. Д. 31. Л. 27, 156.
[53] Так в документе. Правильно: Вайсензее и Фридрихсхаген — районы Большого Берлина.
[54] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 623. Л. 374–378.
[55] РГВА. Ф. 40938. Оп. 1. Д. 56. Л. 27.
[56] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 623. Л. 374–378.
[57] Там же.
[58] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 280.
[59] Там же. С. 284.
[60] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 50–51; Об отношении между собой уроженцев разных областей Германии в немецкой армии и отношении немцев к армиям своих союзников см. также докладную записку Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особыми отделами НКВД СССР от 31 октября 1942 г. «О дисциплине и морально-политическом состоянии армий противника» (Там же. С. 112–114).
[61] Там же. С. 50–51, 79, 112.
[62] Там же. С. 134.
[63] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 289–290.
[64] *Эренбург И.* Война. Апрель 1942 — март 1943. М., 2003. С. 70.
[65] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 112, 114.
[66] *Эренбург И.* Война. Апрель 1942 — март 1943. С. 67.
[67] *Эббот П., Томас Н.* Союзники Германии на Восточном фронте. 1941–1945 / Пер. с англ. М., 2001. С. 29, 49.
[68] Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 195.
[69] Там же. С. 231.
[70] *Бишоп К.* Иностранные дивизии III рейха. Иностранные добровольцы в войсках СС 1940–1945 / Пер. с англ. М., 2006. С. 90, 126.
[71] *Эббот П., Томас Н.* Указ. соч. С. 53.
[72] См.: История румын с древнейших времен до наших дней / Пер. с румын. Кишинэу, 2001. С. 282.
[73] Российская газета. 2009. 9 апреля. С. 10.
[74] Правда. 1944. 12 апреля.
[75] Российская газета. 2009. 9 апреля. С. 10.

[76] Красная звезда. 1944. 10 мая.
[77] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 113.
[78] Цит. по: *Эренбург И.* Война. Апрель 1942 — март 1943. С. 69.
[79] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 293.
[80] Проблемы российской истории. Вып. V. К 60-летию Победы. Магнитогорск, 2005. С. 351.
[81] *Слуцкий Б.* Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб., 2000. С. 46–48.
[82] Красная звезда. 1944. 8 октября.
[83] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 215. Л. 44–45.
[84] Там же. Л. 46–47.
[85] *Слуцкий Б.* Указ. соч. С. 108–110.
[86] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2772. Д. 125. Л. 277.
[87] РГВА. Ф. 32905. Оп. 1. Д. 143. Л. 57–58.
[88] Там же. Д. 129. Л. 25.
[89] Красная звезда. 1944. 8 октября.
[90] Там же. 1945. 1 января.
[91] Там же. 1944. 16 декабря; Там же. 1945. 11 января.
[92] Там же. 1945. 11 января.
[93] Там же. 1945. 6 января.
[94] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 676. Л. 87–92.
[95] Там же.
[96] Там же. Ф. 413. Оп. 10389. Д. 45. Л. 194–195.
[97] РГВА. Ф. 32905. Оп. 1. Д. 129. Л. 24.
[98] *Корти Э.* Немногие возвратившиеся. Записки офицера итальянского экспедиционного корпуса. 1942–1943 гг. М., 2002. С. 8.
[99] Там же.
[100] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 112–114.
[101] *Корти Э.* Указ. соч. С. 74.
[102] Там же. С. 54.
[103] *Эренбург И.* Война. Апрель 1942 — март 1943. С. 57.
[104] Поэзия Великой Отечественной войны и антифашистского Сопротивления. Стихи поэтов НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СССР, ЧССР. М., 1980. С. 463–464.
[105] По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 60, 70.
[106] Там же. С. 261.
[107] Там же. С. 190–191.
[108] ЦАМО. Ф. 387. Оп. 8680. Д. 17. Л. 86.
[109] Красная звезда. 1941. 10 декабря.
[110] Цит. по: *Мюллер Р.-Д.* На стороне вермахта. Иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1941–1945 гг. М., 2012. С. 146–147.
[111] *Беликов В., Овсянников Н., Утенков А.* До свиданья, мальчики. Мы не были сволочами! М., 2006. С. 546–547.
[112] Москва — Крым. Историко-публицистический альманах. Специальный выпуск: Крым в Великой Отечественной войне. Дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5. М., 2003. С. 236–237.
[113] *Файнштейн Н. С.* Ленинградский дневник (3 июля — 4 декабря 1941 г.) // Звезда. 2010. № 9. С. 153.
[114] *Вернадский В. И.* Дневники. Июль 1941 — август 1943. М., 2010. С. 446.
[115] Цит. по: Проблемы российской истории. Вып. 7. М., Магнитогорск, 2006. С. 342.
[116] См.: Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (Из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996. С. 23, 44, 48–49; и др.

[117] Центр документации новейшей истории Омской области (далее — ЦДНИОО). Ф. 14. Оп. 3. Д. 75. Л. 135.

[118] Там же. Л. 136–139.

[119] *Кржижановский С.* Собр. соч. В 5-ти т. Т. 3. СПб., 2003. С. 501.

[120] Центральный архив общественных движений Москвы (далее — ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 52. Д. 33. Л. 74.

[121] *Вернадский В. И.* Дневники. 1935–1941. В 2-х кн. Кн. 2. 1939–1941. М., 2006. С. 30.

[122] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 74–75.

[123] Цит. по: Киноведческие записки. № 38. М., 1998. С. 146–147, 152.

[124] История советской радиожурналистики. Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945. М., 1991. С. 14.

[125] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 68–69.

[126] Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 58.

[127] *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2002. С. 219.

[128] Москва прифронтовая. 1941–1942. М., 2001. С. 629.

[129] Российская история. № 6. 2009. С. 3–27.

[130] *Зиновьев А. А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 231.

[131] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 489.

[132] См.: *Жилинский И. И.* Блокадный дневник (осень 1941 — весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 4.

[133] Боярский Владимир Ильич (1899–1945), полковник, командир 41-й стрелковой дивизии. Попал в плен в мае 1942 г. под Харьковом. В сентябре 1942 г. командовал созданной немцами так называемой «Русской национальной народной армией» в Белоруссии, затем участвовал в создании РОА. В мае 1945 г. был повешен чешскими партизанами.

[134] Цит. по: *Вишлёв О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 196.

[135] Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (Из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). С. 14.

[136] Там же. С. 52–53.

[137] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 477.

[138] *Пантелеев А. И.* Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. Л., 1985. С. 409.

[139] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 339.

[140] *Тартаковский Б. Г.* Из дневников военных лет. М., 2005. С. 50.

[141] Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945. М., 2003. С. 70–71.

[142] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 262. Л. 116.

[143] *Зима В. Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. С. 186.

[144] Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (Из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). С. 49, 53, 75.

[145] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 100.

[146] *Верт А.* Указ. соч. С. 480.

[147] Звезда. 2010. № 9. С. 160.

[148] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. С. 666.

[149] *Пришвин М. М.* Дневники. 1940–1941. М., 2012. С. 691.

[150] *Фибих Д. В.* Фронтовые дневники 1942–1943 гг. // Новый мир. 2010. № 5. С. 52–53.

[151] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 119, 247, 255, 262; Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее — ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 3786. 3790; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 673, 676–681.

[152] *Ломагин Н. А.* Указ. соч. С. 252.

[153] Подобные группы были созданы осенью 1941 г. на случай занятия Москвы немцами, тогда же перешли на нелегальное положение. Донесения этих групп отложились в ЦАОДМ, частично были опубликованы в сборниках «Москва военная» и «Москва прифронтовая».

[154] Москва прифронтовая. 1941–1942. С. 467.

[155] Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 161. Оп. 6, Д. 1651. Л. 27 об.

[156] Общество и власть. Российская провинция. В 3-х т. Т. 3. Июнь 1941–1953 г. М., 2005. С. 789.

[157] *Вернадский В. И.* Дневники. Июль 1941 — август 1943. С. 332, 261.

[158] Цит. по: *Сенявская Е. С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 166.

[159] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 365.

[160] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 159.

[161] Цит. по: *Колдомасов И. О.* Эволюция образа союзников в советском обществе военных лет: от катастрофы к «великому перелому» // Проблемы российской истории. Вып. 7. С. 348.

[162] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 76, 79–80.

[163] *Симонов К. М.* Разные дни войны. Дневник писателя. В 2-х т. Т. 2. М., 1977. С. 191.

[164] Проблемы российской истории. Вып. 7. С. 348; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 71, 76.

[165] *Иванов Вс. В.* Московские тетради. Из дневников военного времени // Дружба народов. 2001. № 8. С. 86–87.

[166] *Вернадский В. И.* Дневники. Июль 1941 — август 1943. С. 374.

[167] Новый мир. 2010. № 5. С. 76.

[168] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 395.

[169] Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. Июнь 1941–1953 г. С. 835.

[170] *Френкель З. Г.* Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 49.

[171] *Бронтман Л. К.* Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи, события, судьбы. 1942–1945. М., 2007. С. 118.

[172] Новый мир. 2010. № 5. С. 63–67.

[173] Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. П-92. Оп. 5. Д. 168. Л. 55 об.

[174] Вестник Российской Академии наук. Т. 78. 2008. № 3. С. 252.

[175] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 681, 694, 697.

[176] Там же. С. 703.

[177] Цит. по: *Печатнов В. О.* Указ соч. С. 151.

[178] Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. Июнь 1941–1953 г. С. 790; «Матильды» и «Валентины» (правильнее «Валентайны») — типы английских танков, поставлявшихся в СССР по ленд-лизу.

[179] Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (Из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). С. 124; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 678–679.

[180] РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 88. Д. 255. Л. 126.

[181] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 703.

[182] ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3929. Л. 94 об. — 95; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 680.

[183] Там же. С. 681.

[184] *Зима В. Ф.* Указ. соч. С. 186.

[185] Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 554.

[186] Там же. С. 555–556; Неясно, что имел в виду автор высказывания, говоря о войсках союзников, введенных в СССР, возможно, так была расценена совместная советско-британская оккупация Ирана: многие воспринимали этот шаг как попытку Англии утвердиться на Кавказе (См.: Там же. С. 549–556).

[187] Цит. по: *Ломагин Н. А.* Указ. соч. С. 241.

[188] *Вернадский В. И.* Дневники. Июль 1941 — август 1943. С. 69, 71. *Bailes K.* Soviet Science in the Stalin Period: The Case of V. I. Vernadskii and his School. 1928 –1945 // Slavic Review. Vol. 45. № 1. P. 36.

[189] *Вернадский В. И.* Дневники. 1926–1934. М., 2001. С. 382.

[190] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 678, 680–681.

[191] Цит. по: Отечественная история. 1998. № 3. С. 36.

[192] Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (Из Архива Управления Федеральной службы безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). С. 94–95.

[193] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 247. Л. 29–29 об.; Оп. 125. Д. 181. Л. 3–5; Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945. С. 67–70.

[194] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 389–391.

[195] ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1651. Л. 27–28.

[196] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 64–65; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д.1651. Л. 155; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 681.

[197] *Вишневский Вс.* Дневники военных лет (1943, 1945 гг.). М., 1974. С. 174.

[198] Формирование польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко из польских патриотов и советских граждан польской национальности началось в соответствии с постановлением ГКО СССР от 6 мая 1943 г.

[199] Цит. по: *Тимофеев А.* Стоит над горою Алёша. Облик красноармейца, освободителя Балкан // Родина. 2011. № 1. С. 233; Иванов Семен Павлович (1907–1993) — советский военачальник, Герой Советского Союза (1945), генерал армии (1968), начальник штаба 3-го Украинского фронта с октября 1944 по июнь 1945 г.

[200] *Ломагин Н. А.* Указ. соч. С. 111–113.

[201] Там же. С. 315; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. С. 702, 704.

[202] *Заславская Т. И.* Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М., 2007. С. 281.

[203] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 4. Пор. 129. Папка 14. Л. 36.

[204] Цит. по: *Печатнов В. О.* Указ соч. С. 37.

[205] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 374. Л. 69–75.

[206] Там же. Л. 50–51.

[207] АВП РФ. Ф. 017 (Секретариат И. М. Майского). Оп. 1. Пор. 3. Папка 1. Л. 54–55.

[208] *Печатнов В. О.* Указ соч. С. 150.

[209] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 128.

[210] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. Пор. 129. Папка 14. Л. 74–75.

[211] РГАСПИ. Ф. 558. Д. 379. Л. 37–38.

[212] Там же. Оп. 11. Д. 284. Л. 21.

[213] АВП РФ. Ф. 0129 (Референтура по США). Оп. 28. Пор. 12. Папка. 155. Л. 21.

[214] Там же. Л. 25 об. — 26.

[215] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 379. Л. 19.

[216] Там же. Д. 284. Л. 5–6.

[217] *Супрун М. Н.* Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М., 1997. С. 155.

[218] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. Д. 236. Папка 22. Л. 15.

[219] *Голубев А. В., Поршнева О. С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 346–348.

[220] *Печатнов В. О.* Указ соч. С. 148.

[221] *Быстрова И. В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М., 2011.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Изменения демографического состава и структуры народонаселения

Великая Отечественная война закончилась долгожданной Победой, однако ее радость была омрачена огромными жертвами, которые понесли народы Советского Союза в схватке с фашизмом. Военные действия велись на обширной территории и отличались большими масштабами, ожесточенным характером и значительными потерями. 1,9 млн кв. км европейской части СССР, на которой до войны проживало около 45% населения, было временно оккупировано врагом. Людям во время войны приходилось ютиться в немыслимой тесноте, жить в землянках и подсобках, в полуразрушенных домах. Жестокие условия оккупации, фашистский террор, голод привели к массовой гибели гражданского населения. Хозяйство многих районов, оккупированных фашистами и оказавшихся в зоне боевых действий, было сильно подорвано. Захватчики разрушили и сожгли 1710 городов и рабочих поселков, более 70 тыс. сел и деревень, лишив крова 25 млн мирных жителей[1].

Послевоенный период был связан с форсированным восстановлением разрушенного войной хозяйства, что потребовало от населения большого напряжения физических и душевных сил. Промышленные предприятия потеряли миллионы квалифицированных специалистов, ушедших на фронт, многие из которых погибли. Крайне тяжелым было положение сельского хозяйства. Если в канун войны в деревне насчитывалось почти 17 млн мужчин, то к 1945 г. осталось лишь 6,5 млн — чуть более трети от их численности на начало войны[2], причем немалую их часть составляли люди старшего возраста, подростки или комиссованные по ранению инвалиды войны. Однако и из этих 6,5 млн относительно трудоспособных мужчин на 1 января 1946 г. в колхозах оставались только 1,2 млн человек. Основная тяжесть тяжелого сельскохозяйственного труда легла на плечи женщин и подростков. Мужская сила в первую очередь требовалась городу — на восстановление промышленности, жилищного фонда, городской инфраструктуры.

Демографическое эхо Великой Отечественной войны оказалось тяжелым и затяжным. В полной мере осознать последствия можно, лишь учитывая тот факт, что Россия пережила перед этим трагическим событием Первую мировую и Гражданскую войны, голод 1921 и 1932–1933 гг., массовые репрессии. Многочисленные социально-политические потрясения привели к тому, что в СССР уже к концу 1930-х гг. было нарушено нормальное развитие демографических процессов, а негативное воздействие войны сильно усугубило ситуацию на длительное время.

В результате «демографических ям», связанных с людскими потерями, понесенными в 1914—1921 гг. и в 1930-е гг., население СССР в канун Великой Отечественной войны было гораздо малочисленнее, чем это могло бы быть при благоприятных условиях для его воспроизводства. По подсчетам демографов, прямые людские потери в Великой Отечественной войне составили около 27 млн человек[3], включая погибших в результате военных и иных действий противника и из-за повышения уровня смертности как в тылу, так и в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях. При этом здесь не учтены последствия снижения рождаемости в период войны, рост смертности в первые послевоенные годы и другие косвенные демографические потери. Согласно имеющимся подсчетам, косвенные потери населения СССР за время войны составили 23 млн человек, а по РСФСР этот показатель равен 14 млн[4].

Огромные человеческие жертвы тяжело отразились на демографическом развитии российского населения. По переписи 1959 г. наибольшие потери наблюдались среди мужчин от 34 до 44 лет, вступивших в войну в возрасте 17—27 лет. Произошло сокращение доли мужчин и в старших возрастных группах. Соотношение полов было нарушено в пользу женщин: в возрастных группах 1919—1923 годов рождения на 100 женщин приходились только 62,6 мужчины-ровесника, 1924—1928 годов рождения — 83,5[5]. Причем наибольший дисбаланс наблюдался в сельской местности.

Эти изменения возрастно-полового состава населения оказали сильное негативное влияние на семью и демографические процессы на многие десятилетия. После окончания войны в РСФСР наблюдался кратковременный рост числа заключенных браков. Анализ текущей статистики показал, что наибольшее число браков было зарегистрировано в первый послевоенный 1946 г. — 12,3 (на 1 тыс. человек). Это было связано с вступлением в брак лиц, не успевших создать семьи до войны и отложивших устройство своей личной жизни на период после ее окончания. Но уже в 1947 г. на 1 тыс. населения было зарегистрировано 10,4 брака, а в 1948 г. — 10,6.

Число замужних женщин заметно снизилось практически во всех возрастных группах, причем наиболее наибольшее число вдов и незамужних насчитывалось среди женщин, которым в 1941 г. было 17—25 лет. По сравнению с 1940 г. произошло снижение брачного возраста женщин. В 1959 г. большая часть браков заключалась молодыми женщинами в 20—24-летнем возрасте. Значительная часть женщин, чья молодость пришлась на годы войны, при таком количестве молодых невест уже не имела возможности по ее окончании найти супруга. Безбрачие — прямое следствие войны, стало серьезной проблемой.

После окончания войны возросло число разводов. В РСФСР было зафиксировано в 1946 г. 7,9 развода на 1 тыс. зарегистрированных браков, в 1947 г. — 17,5, в 1948 г. — 25,8, в 1949 г. — 34,2, в 1950 г. — 40,7[6]. Постепенное увеличение разводов отчасти было связано и с запоздалым (в связи с вступлением в действие нового законодательства о браке и семье 1944 г.) оформлением разводов, многие из которых фактически произошли до войны. Об этом свидетельствовало повышение числа разводов сразу после войны в средних возрастных группах (30—39 лет), особенно у мужчин с длительной продолжительностью брака (5—20 лет). Возросло число разведенных женщин в средних возрастах, так как в послевоенных условиях им трудно было выйти замуж повторно. В 1950-е гг., когда в брачный возраст вступили поколения 1930—1939 годов рождения, произошло увеличение расторжения браков с продолжительностью от года до шести лет, причем более половины расторгнувших брак находились в возрасте 25—39 лет[7].

Последствия военных лет обусловили специфику повторных браков. Этому способствовала возросшая активность мужчин, поскольку избыток женского населения давал уверенность в том, что в случае развода мужчина без особых затруднений сможет создать новую семью. В 1950—1954 гг. в СССР на 1 тыс. разведенных или овдовевших через пять лет вступили в повторный брак 552 мужчины и 146 женщин, спустя десять лет — 673 мужчины и 219 женщин, в 1955—1959 гг. соответственно — 544 и 159, 653 и 234[8]. Возникшая ситуация привела к росту продолжительности жизни в браке у мужчин, сокращению — у женщин.

Те же тенденции прослеживались и в РСФСР. Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. показывают преобладание женатых мужчин во всех возрастных группах. Женщины, особенно в возрасте 50 лет и старше, наоборот, часто являлись одиночками или членами неполных семей. В РСФСР в 1959 г. на 1 тыс. населения было 12 одиноких мужчин, а одиноких женщин — 36. Например, в Ивановской области на 1 тыс. человек приходились 46 женщин-одиночек, в Куйбышевской — 49, в Западной Сибири — 29. Бессемейных женщин на 1 тыс. человек больше всего насчитывалось в Москве — 51 и в Ленинграде — 69. Однако в целом в РСФСР по-прежнему доминировало семейное население: удельный вес семейных пар составлял 95,2%[9].

Произошло сокращение размеров семьи. В РСФСР в 1959 г. средняя семья насчитывала 3,6 человека, а в 1939 г. — 4,1. Более существенным было уменьшение сельских семей: в 1939 г. они превышали городские семьи на 19%, а в 1959 г. — на 9,9%. Это явление специалисты обычно связывают с «демографическим переходом» к новому типу воспроизводства населения в развитых индустриальных странах, с преобладанием нуклеарной малодетной семьи. Однако в данном случае было бы неверным забывать о последствиях войны: гибель супругов, повышенная смертность детей, преждевременная смерть членов семьи от полученных на фронтах ранений и прочее. В результате в РСФСР наблюдалось увеличение числа семей из двух человек. Такие семьи, как правило, состояли или из бездетной супружеской пары, или чаще всего из супругов, потерявших детей в годы войны. К этой категории относились также неполные семьи с женщинами во главе: семьи вдов или разведенных женщин и так называемые материнские семьи (мать и внебрачный ребенок).

Еще одним последствием войны стало распространение такого явления как безотцовщина. За период с 1945 по 1958 г. в СССР родились 10,6 млн детей, у которых в свидетельстве о рождении отсутствовало указание об отце. Наиболее высокий процент детей, родившихся вне брака (от численности всех новорожденных), отмечался в 1949 г. — 19,6 и в 1950 г. — 19,7. В городах Советского Союза процент внебрачных детей был особенно высоким в 1945 г. — 24,7, в 1949 г. — 22,2, в 1950 г. — 21,5. Большую роль в распространении внебрачных рождений сыграло запрещение в 1936 г. искусственного прекращения беременности (абортов). Неслучайно, отмена этого запрета в 1955 г. способствовала сокращению рождений вне брака. В 1958 г. процент таких рождений составил 12,5[10].

В семьях, где дети не имели отцов, женщины должны были и материально обеспечивать семьи, и поднимать детей, и ухаживать за престарелыми родителями. Это были семьи вдов, в которых отцы погибли на фронте, умерли от ран и контузий, а также семьи разведенных женщин. В наиболее тяжелой ситуации, особенно после ликвидации института фактического брака в июле 1944 г., оказались семьи с детьми, рожденными в незарегистрированном браке, чьи отцы не вернулись с фронта. Таким образом, пострадали дети, родившиеся до войны или в самом ее начале, в считавшейся по тем временам законной, полной семье, при совместном проживании обоих родителей, чьи отцы ушли на фронт и погибли, защищая Отечество. Такие дети вдруг оказались неполноценными по сравнению со сверстниками, чьи родители были расписаны в загсах и сельсоветах.

Вернувшиеся с войны мужчины, состоявшие прежде в фактическом браке, регистрировали семейные отношения, тем самым узаконивая собственных детей. Но погибшие на фронтах такой возможности не имели. Их сыновья и дочери оказались лишены законного происхождения, отцовского имени, пенсии, права на «светлую память». Отношение к таким детям и их матерям со стороны окружающих, включая даже родственников, нередко менялось, становилось отрицательным. Последствиями этого явления нередко были нервно-психические заболевания детей и подростков, алкоголизм, преступность и прочее. Нелегко складывались и судьбы матерей, родивших детей вне брака в годы войны и послевоенное время[11], что в условиях дефицита мужчин становилось все более частым явлением. Социальная политика государства, с одной стороны, обеспечивала таких детей государственным пособием и преимущественным правом на содержание в детских учреждениях, с другой — наносила им психическую и моральную травму, введя в их свидетельствах о рождении прочерк

вместо отцовского имени. Предполагалось, что эта мера укрепит мораль женщины, заставит ее избегать внебрачных связей, однако должного эффекта она не имела.

Тяжелейшим следствием войны было сиротство. Помимо существовавших до войны детских домов создавались новые учреждения: школьные интернаты, колхозные детские дома, специальные детские дома для детей воинов Красной армии и партизан, детские дома для детей иностранцев и прочие. Всего к 1946 г. в СССР существовало 5390 детских домов, в которых содержались 560 тыс. детей, из них в РСФСР — 3700 детских домов разного типа, в которых проживали 375 тыс. детей.

В условиях войны и после ее окончания по инициативе граждан стали возникать общественные организации по шефству над детскими домами. Из детских домов и приемников-распределителей на воспитание в семьи были взяты тысячи детей. Например, к концу войны только жители РСФСР взяли на воспитание в семьи 308 тыс. детей. Президиумом Верховного Совета СССР 8 сентября 1943 г. был принят специальный указ, в котором отмечалось, что по просьбе усыновителя его фамилия и отчество могут быть присвоены усыновляемому ребенку. Усыновители могли быть вписаны в качестве родителей усыновляемого ребенка в актовые книги о рождении. Однако при усыновлении детей, достигших возраста 10 лет, запрещалось без их согласия присваивать им фамилии и отчества усыновителя, а также записывать усыновителей в качестве родителей. В таких семьях нередко возникали сложные психологические ситуации, если дети узнавали о своем усыновлении. Особенно драматичными становились отношения, когда спустя годы после войны находились биологические родители ребенка или один из них[12].

После Второй мировой войны с ее многомиллионными людскими потерями во многих странах Западной и Центральной Европы и США произошел взрыв компенсаторной рождаемости, который в зарубежной литературе получил название «беби-бум». Некоторые исследователи миграционных процессов склонны оценивать имевшее место после Великой Отечественной войны повышение рождаемости в России как беби-бум, который якобы привел к избытку молодежи на селе, что повлекло за собой ее активную миграцию в города. Теперь можно судить об этом явлении с известной степенью достоверности, поскольку открыты архивные данные текущего учета населения.

На развитие демографических процессов в стране в послевоенное время оказывало влияние несколько важных факторов. Во-первых, экономика была сильно подорвана, страна переживала тяжелый и напряженный восстановительный период, когда приходилось на оккупированных и прифронтовых территориях буквально из пепла возрождать города и села, перестраивать все хозяйство на мирный лад. Во-вторых, после сверхчеловеческого напряжения во время войны люди были истощены физически и морально-психологически. В-третьих, война унесла миллионы человеческих жизней. Особенно велики были потери среди мужского населения. К тому же во время войны и по ее окончании резко ухудшились бытовые условия жизни и питание населения, не хватало медицинского персонала и медикаментов. Наконец, война привела к ухудшению экологической ситуации.

Негативное влияние этих факторов на демографическую ситуацию в стране правительство пыталось смягчить мерами демографической политики. В частности, государством были увеличены пособия на второго ребенка и последующих детей. В бóльших размерах, чем ранее, стали выплачиваться пособия матерям-одиночкам, оказывалась помощь детям-сиротам и детям-инвалидам, было уделено особое внимание здоровью новорожденных[13]. Однако влияние негативных факторов войны оказалось настолько глубоким, сильным и долговременным, что его нельзя было устранить, а только смягчить.

Безусловно, в СССР, как и в других странах, произошло увеличение рождаемости, но эта тенденция была неоднозначна. Период повышенной компенсаторной рождаемости после войны был очень коротким и фактически прерванным голодом 1947 г. В основном он охватил конец 1940-х — начало 1950-х гг. Следует учесть, что, несмотря на повышение рождаемости в компенсаторный период, она так и не вышла на довоенный уровень. К тому же дети часто рождались на свет с ослабленным здоровьем. Всё это привело к тому, что в нашей стране

не случилось такого активного пополнения населения молодым поколением, какое имело место в странах, переживших беби-бум. В сегодняшней сложной демографической ситуации в России немалую роль играют потери населения в годы Великой Отечественной войны.

Война нанесла значительный урон здоровью населения, повысив показатели смертности и заболеваемости, связанные с недоеданием, физическим и нервным перенапряжением и прочим. Она отрицательно сказалась и на физическом развитии новорожденных вследствие недостаточного питания будущих матерей в военные годы. В Ленинграде, например, в 1941 г. суммарные средние величины веса новорожденных были более чем на 100 граммов ниже по сравнению с 1938–1940 гг. В 1942 г. физическое состояние новорожденных резко ухудшилось. Их средний вес понизился на 600 граммов, средний рост — на 2 см, окружность груди — на 1,5 см, окружность головы — на 1,3 см. У детей, рожденных в Москве в 1943–1944 гг., вес ко времени достижения ими года жизни, в сравнении с показателями 1937 г., был меньше на 650 граммов, а рост — на 1,5 см. В Свердловске наблюдалась та же картина: в 1942 г. вес новорожденных снизился на 200 граммов у мальчиков и на 171 грамм у девочек, рост уменьшился соответственно на 0,71 и 0,74 см[14].

Ухудшилось и физическое развитие дошкольников. Проведенные обследования показали, что рост мальчиков 4–7 лет в 1945 г. был меньше на 4–5 см, чем у детей того же возраста в 1938 г., вес уменьшился на 2 кг у семилетних и на 1 кг у четырехлетних. Аналогичная картина была зафиксирована у школьников. Так, у девочек во время войны наблюдалось отставание роста, особенно в 11 лет, у мальчиков максимальное отставание в физическом развитии падало на возраст 13–14 лет. Вследствие этого подростки в 1945 г. во всех возрастных группах были значительно слабее, чем в 1939 г.

Изучение влияния физического развития новорожденных и детей дошкольного возраста на продолжительность их жизни показало, что дефицит роста, веса, обусловленные тяжелыми материальными условиями жизни в военные и послевоенные годы на протяжении 6–8 лет, остается некомпенсированным в течение последующих 13–15 лет даже при благоприятных условиях. В СССР физическое развитие населения по отдельным возрастным группам нормализовалось только к 1956–1958 гг.[15] Это привело в последующие годы к росту заболеваемости и смертности у поколений людей, переживших войну, особенно в младенческом и детском возрастах. Прекращение роста продолжительности жизни в СССР к началу 1970-х гг., а затем и уменьшение этого показателя во многом объясняются пониженным жизненным потенциалом людей, родившихся в войну и первые послевоенные годы.

По итогам войны резко увеличилось число инвалидов — фронтовиков и гражданских лиц, которые страдали от ранений, увечий и контузий, различных нервно-психических заболеваний. Рост инвалидности также вел к увеличению числа одиноких людей.

Таким образом, война значительно ослабила здоровье не только людей, ее перенесших, но и их потомства, что отразилось в последующие годы на характере заболеваемости, росте смертности, снижении рождаемости населения и потребовало больших затрат на социальное обеспечение. Повышение смертности в послевоенные годы существенно снизило естественный прирост населения. «Демографическое эхо» войны сказывалось на протяжении ряда десятилетий.

Подводя итоги, можно сказать, что война самым непосредственным образом повлияла на сокращение численности населения, уменьшение удельного веса мужчин, увеличение доли пожилых возрастных групп в российском обществе, ухудшила состояние здоровья людей. Она способствовала углублению неблагоприятных демографических тенденций, выражавшихся в медленном выравнивании возрастно-полового состава населения РСФСР, распространению психоневрологических и сердечно-сосудистых заболеваний, изменению структуры инвалидности, а также снижению продолжительности жизни в последующие десятилетия. Вместе с тем она обострила проблему пополнения трудовых ресурсов как в количественном, так и в качественном отношении. С ростом в обществе числа сирот, пожилых одиноких людей, инвалидов увеличилась нагрузка на социальное и медицинское обеспечение населения.

Ущерб здоровью, нанесенный войной, был причиной повышенной смертности и заболеваемости в послевоенное время среди всех групп населения. Но особенно большие потери понесли мужчины, чья молодость пришлась на годы войны и послевоенное время. С 1949 по 1959 г. численность мужчин 1920–1924 годов рождения сократилась на 155 тыс. человек, а 1915–1919 годов рождения — на 177 тыс. человек; численность женщин соответственно — на 200 тыс. и 169 тыс. человек. Это были перспективные в демографическом отношении, трудоспособные группы населения, которые не смогли оставить после себя достаточного потомства, способного восполнить потери войны.

Работа государства и общества по восстановлению хозяйства и ликвидации последствий войны

За военные годы Советский Союз потерял около 30% своего национального богатства. Ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным гражданам (потери от прямого уничтожения и разграбления имущества), составил 679 млрд рублей, в том числе государственным предприятиям и учреждениям — 287 млрд, колхозам — 181 млрд, кооперативным, профсоюзным и другим общественным организациям — 19 млрд, сельским и городским жителям — 192 млрд[16]. Фашистские захватчики полностью или частично уничтожили свыше 6 млн зданий, лишив крова около 25 млн человек, разрушили около 32 тыс. промышленных предприятий и 65 тыс. км железнодорожных путей, разорили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинотракторных станций[17]. Помимо этого враг вывел из строя в захваченных им районах 62 доменных и 213 мартеновских печей, разрушил 1135 угольных шахт, на которых добывалось ежегодно свыше 100 млн тонн угля, более 3 тыс. нефтяных скважин с ежегодной добычей до 5 млн тонн нефти, электрические станции общей мощностью около 5 млн кВт и многое другое[18].

На территориях СССР, подвергавшихся оккупации, к моменту освобождения удельный вес уцелевших промышленных предприятий составлял 17%, в том числе в освобожденных районах РСФСР — 13%, на Украине — 19%, в Белоруссии — 15%, Молдавии — 49%, в Прибалтийских республиках — 32%[19]. Эти цифры сами по себе (особенно по России, Украине и Белоруссии) говорят о чрезвычайно высоких масштабах разрушения народного хозяйства.

Работа по подсчету прямого и косвенного материального ущерба СССР от войны началась сразу после ее окончания. В этом плане стоит выделить изданную в 1947 г. книгу Н. А. Вознесенского об экономике СССР военного периода. В годы войны он занимал должности первого заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, председателя Государственной плановой комиссии при Совете народных комиссаров СССР. В своей книге одну из глав он посвятил анализу издержек и потерь народного хозяйства в результате фашистской агрессии[20].

Потери квалифицировались по четырем основным категориям:

1. Прямые потери имущества (основных и оборотных фондов СССР, уничтоженных или похищенных оккупантами);
2. Прямые военные расходы и дополнительные расходы, вызванные войной и перестройкой народного хозяйства;
3. Потери продукции и народного дохода в районах, подвергавшихся оккупации, вследствие прекращения там производства;
4. Уменьшение народного дохода во время и после войны в связи с потерями в людях, вследствие военных операций и в связи с гибелью и истреблением оккупантами части населения СССР[21].

От успешного и скорейшего осуществления восстановительных работ в годы войны зависело не только увеличение экономических ресурсов сражавшейся страны, но и восстановление народного хозяйства в послевоенный период, дальнейшее упрочение военного и экономического могущества СССР. Проведение восстановительных работ в условиях продолжающейся войны поставило перед государством дополнительные задачи, потребовало больших капиталовложений, изыскания и мобилизации новых материальных и людских ресурсов.

Вопрос скорейшего восстановления экономики имел не только экономический и социальный, но и политический характер. Бывший нарком финансов СССР А. Г. Зверев по этому поводу впоследствии отмечал: «Политбюро ЦК ВКП(б) требовало от Наркомата финансов обеспечить ресурсами восстановительные работы так, чтобы значительную часть их удалось провести еще во время войны. Дело в том, что руководство закономерно беспокоилось, как бы нам не выйти из войны слишком ослабленными. Это могло иметь тяжелые последствия в международном плане»[22].

В ходе войны ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли целую серию постановлений, касавшихся проблем восстановления как экономики в целом, так и ее отдельных отраслей и хозяйственных регионов. Ключевым среди них было постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[23]. Это постановление имело программное значение — оно поставило задачу развернуть работу по ликвидации тяжелых последствий оккупации на всей освобожденной от врага территории, подчеркнуло важное военно-хозяйственное и политическое значение восстановительных работ.

Программа работ определялась годовыми государственными планами восстановления и развития народного хозяйства. Задачи восстановления рассматривались также на сессиях Верховного Совета СССР при утверждении государственных бюджетов. Они конкретизировались в постановлениях ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б) как по отдельным отраслям индустрии, так и по областям и республикам, освобожденным от вражеской оккупации. Ход восстановительных работ направлялся и регулировался Госпланом СССР и специально созданными органами и наркоматами. В январе 1943 г. коллегия Госплана приняла решение о разработке плана восстановления и развития экономики вновь освобожденных районов. Вскоре в составе Госплана СССР было создано специальное Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах[24].

В 1943 г. начал работать Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, которому поручалось руководство восстановительными работами и контроль над выполнением решений правительства, относящихся к этим районам[25]. При всех наркоматах были организованы специальные комиссии, строительно-восстановительные управления. Госплан СССР, СНК РСФСР, ВЦСПС направили своих уполномоченных в освобожденные области и края. При Наркомате путей сообщения уже с января 1942 г. действовало Главное управление военно-восстановительных работ[26]. К решению задач восстановления народного хозяйства привлекались органы тыла Красной армии, соединения инженерных и железнодорожных войск, части войск связи и другие воинские формирования. Этими вопросами также занимались военные советы и политуправления всех фронтов[27].

Сохранившейся на освобожденных территориях страны рабочей силы не хватало для осуществления программы возрождения, поэтому восстанавливать разрушенное народное хозяйство исключительно за счет местных трудовых ресурсов не представлялось возможным. В этих условиях из тыловых районов СССР в западные регионы страны были направлены квалифицированные специалисты, рабочие кадры (часть их прибыла в порядке реэвакуации). При этом государство старалось распределять рабочие кадры в целом по стране таким образом, чтобы одновременно обеспечивать восстановление индустрии в освобожденных районах и дальнейшее ее развитие в центральных и восточных регионах СССР.

В стране широко развернулось движение шефства над освобожденными районами. Оно зародилось в начале 1942 г. как шефство тыловых районов над отдельными предприятиями и районами Подмосковья и по мере освобождения советской территории от захватчиков переросло в шефство над городами и областями. В этом движении участвовали все союзные и автономные республики, области и края. Например, Казахская ССР шефствовала над 10 городами, 35 районами Орловской области, 12 районами Ленинградской области, тремя районами Сталинградской области и одним районом Калининской области, Азербайджанская ССР — над Ставропольским краем, Узбекская ССР — над Днепропетровской областью и т. д.[28]

Шефство приобрело характер широкого движения общественности страны за скорейшее возрождение освобожденных районов. В то же время шефское движение являлось, во-первых, весьма разносторонним, включая наряду с производственной (изготовление оборудования и материалов) социально-бытовую, кадровую и идеологическую стороны, и, во-вторых, стабильно целенаправленным и адресным: вся помощь оказывалась постоянному подшефному району. В ряде областей, краев и республик были созданы специальные шефские комитеты или комиссии. Только в РСФСР функционировало 50 шефских комитетов и комиссий: Московская, Кемеровская, Ярославская, Куйбышевская и другие[29]. Вопросы организации и осуществления шефства над освобожденными районами находились под контролем партийных органов и организаций.

В развертывании шефской помощи освобожденным районам активную роль играли профсоюзы. Так, 19 ноября 1943 г. Секретариат ВЦСПС предложил всем ЦК профсоюзов широко развернуть работу по осуществлению шефства промышленных предприятий над шахтами и заводами Донбасса[30]. В свою очередь, отраслевые ЦК профсоюзов тоже выступали с соответствующими инициативами.

17 ноября 1943 г. президиум ЦК профсоюза рабочих тяжелого машиностроения одобрил инициативу коллективов ряда машиностроительных заводов о шефстве над восстанавливаемыми предприятиями. Так, Иркутский завод имени В. В. Куйбышева шефствовал над Старокраматорским имени С. Орджоникидзе, Копейский завод горного оборудования — над Горловским, Уралтурбозавод имени С. М. Кирова — над Харьковским турбинным, Чимкентский завод имени М. И. Калинина — над Воронежским имени М. И. Калинина и т. д.[31]

29 ноября 1943 г. президиум ЦК профсоюза рабочих электростанций и коллегия Наркомата электростанций поддержали обращение коллектива Шатурской электростанции имени В. И. Ленина организовать широкую помощь в восстановлении электрических станций и сетей в районах, освобожденных от врага[32].

В мае 1943 г. ленинградцы прислали в Сталинград эшелон строительных материалов, электромоторов, телефонной и радиотехнической аппаратуры, изготовленных сверх плана во внеурочное время. «Шлем привет, желаем быстрее восстановить славный Сталинград и сделать его еще более прекрасным», — говорилось в телеграмме ленинградцев, продолжавших вести героическую борьбу с врагом в условиях еще не снятой в то время блокады[33].

Нельзя не отметить вклад комсомола и молодежи в развитие шефства над освобожденными районами. Так, в начале 1943 г. ЦК ВЛКСМ одобрил работу Кировской, Горьковской, Саратовской, Куйбышевской областных комсомольских организаций, комсомольской организации Татарской АССР, которые в числе первых взяли шефство над восстановлением предприятий Сталинграда[34]. О многосторонности этой помощи свидетельствуют такие данные: комсомольцы Кировской области на воскресниках заготовили и отправили в Сталинград 18 тыс. кубометров строительной древесины, 36 вагонов с различным оборудованием, инструментом и прочим, а 1028 юношей и девушек с путевками комитетов комсомола поехали возрождать город-герой на Волге[35]. Всего в течение 1943 г. молодые рабочие страны в Фонд восстановления Сталинграда собрали и изготовили 198 тыс. единиц различного оборудования и инструмента, отправили 2100 вагонов лесоматериалов[36].

Со всех концов страны в освобожденные районы в нарастающем темпе стали поступать различная техника, оборудование, материалы и многое другое. Свыше 70 заводов Ленинграда

приняли участие в технической оснащенности заводов и шахт. В турбинном зале Донецкого металлургического завода на мемориальной доске есть надпись: «Турбогенератор в 5000 киловатт сделан в Ленинграде в период блокады». 37 промышленных предприятий Москвы оказывали помощь заводам и шахтам Донбасса. Коллективы 57 предприятий различных союзных республик участвовали в восстановлении завода «Запорожсталь»[37].

Восстановительные работы нередко были сопряжены с риском для жизни. Оккупанты перед отступлением заложили взрывчатку и заминировали ряд заводов, фабрик, шахт, электростанций и других предприятий. Но советские люди, проявляя в таких условиях в массовом порядке настоящую отвагу, вели восстановительные работы в нарастающем темпе. Так, в Донбассе шахту № 1 «Смолянка» треста «Куйбышевуголь» немцы при отступлении заминировали и, взорвав ствол, наглухо закупорили. Люди, рискуя остаться под завалом, работали круглые сутки и метр за метром расчищали проход в шахту. На третий день доступ в шахту был открыт. Запальщики извлекли оттуда более 300 кг динамита. Работая по пояс в ледяной воде, горняки-добровольцы подняли затопленное оборудование[38].

Первая победа в восстановлении разрушенного народного хозяйства была одержана в 1942 г. в освобожденных районах центра России. Подмосковный угольный бассейн — топливная база Центрального промышленного района — стал первой вехой практического решения проблемы восстановления разрушенной индустрии в разгар войны. В постановлении СНК СССР от 29 декабря 1941 г. «О восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне» ставилась задача — дать в самый короткий срок уголь предприятиям и транспорту Москвы и Московской области[39]. Восстановление первых 43 шахт началось в исключительно трудных условиях. Стояла суровая зима, мороз доходил до 40 градусов, не хватало оборудования, материалов, инструментов, транспортных средств. На крупной шахте № 26 еще не была закончена откачка воды, и ее уровень достигал 30–40 см, а горняки по собственной инициативе уже спустились под землю и начали расчистку завалов[40].

Помощь горнякам Подмосковного бассейна оказывали партийные и комсомольские организации Московской, Тульской, Ивановской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской, Ярославской, Пензенской и других областей. Около 3 тыс. комсомольцев и молодежи этих областей влились в ряды восстановителей бассейна. С предприятий Москвы и Тулы направлялись бригады электриков, токарей и других квалифицированных рабочих. Машиностроители Москвы организовали производство горно-шахтного оборудования и отправили на шахты 400 вагонов этого оборудования, а также инструменты и инвентарь для общежитий; металлурги Урала — сортовое и листовое железо, балки; лесорубы Севера — крепежный и строительный лес. Комсомольские организации промышленных предприятий Москвы и Подмосковья собрали 50 вагонов оборудования, изготовили во внерабочее время 10 компрессоров и 15 электровозов, предназначенных для восстанавливаемых шахт. Шефы помогали организовывать мастерские на шахтах[41].

Первые 22 тонны подмосковного угля шахтеры добыли 11 января 1942 г. Вводились в строй новые горные участки. К концу февраля 1942 г. уголь давали 42 шахты вместо 27 по плану, в среднем в сутки добывалось 7 тыс. тонн. В июне 1942 г. добыча угля составила более двух третей довоенного уровня[42]. Работы велись в атмосфере величайшего трудового энтузиазма. Заслуженной славой за свои трудовые успехи пользовались машинист врубовой машины И. А. Филимонов, женская бригада навалоотбойщиц во главе с О. Г. Софиной и многие другие. Летом 1942 г. состоялся слет стахановцев Мосбасса, участники которого призвали всех шахтеров и строителей ускорить темпы восстановительных работ и добычи угля[43].

Во второй половине 1942 г. в Подмосковный бассейн были направлены дополнительные контингенты квалифицированных рабочих, в том числе 6 тыс. эвакуированных рабочих из Донбасса, горняки и инженерно-технические работники, демобилизованные из тыловых частей Красной армии. Усилилась помощь бассейну оборудованием, продовольствием, одеждой. В результате самоотверженного труда шахтеров, общих усилий трудящихся Москвы, Тулы и других городов и областей страны Подмосковный бассейн был восстановлен в относительно короткий срок. Уже в сентябре 1942 г. среднесуточная добыча угля составила

35 тыс. тонн против 34,7 тыс. в июне 1941 г.[44] За 1942 г. бассейн дал 8,6 млн тонн угля, то есть 11,4% общесоюзной добычи вместо 6% в 1940 г.[45]

После Сталинградской битвы, завершившейся 2 февраля 1943 г., фронт восстановительных работ значительно расширился. Первостепенное значение придавалось организации восстановления промышленных предприятий Сталинграда. В январе 1943 г. пленум Сталинградского обкома ВКП(б) утвердил план первоочередных мероприятий по восстановлению города[46]. ЦК ВКП(б) в феврале 1943 г. провел совещание секретарей обкомов партии областей и республик Поволжья, на котором были рассмотрены практические меры по осуществлению шефства над Сталинградом[47].

4 апреля 1943 г. ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства города Сталинграда и Сталинградской области, разрушенного немецкими оккупантами»[48]. В 1943 г. намечалось ввести в действие около 300 тыс. кв. метров производственных площадей. Сталинградские обком и горком партии призвали трудящихся мобилизовать все силы и средства на выполнение поставленной задачи[49]. На помощь сталинградцам пришла вся страна.

19 июля 1943 г. на Сталинградском тракторном заводе снова прозвучал заводской гудок: был пущен кузнечный цех. В семь часов вечера под молот подали первую нагретую поковку, которую отковал ветеран-тракторозаводец орденоносец М. И. Яковлев. Почти за один год удалось восстановить все цеха завода: за 22 дня был восстановлен кузнечный цех, за 27 дней — прессово-штамповочный корпус. Шесть раз коллективу Сталинградского тракторостроя вручалось знамя Городского комитета обороны и несколько раз — знамя ГКО[50]. На сталинградском заводе «Красный Октябрь» 31 июля 1943 г. вступил в строй действующих мартеновский цех, и комсомольско-молодежная смена сталеваров дала первую плавку[51]. Восстановительные работы в Сталинграде продолжались в нарастающем темпе.

В январе — феврале 1943 г. приступили к восстановительным работам горняки освобожденной восточной части Донбасса, на шахтах Ростовской области и ряда районов Ворошиловградской и Сталинской областей. 22 февраля 1943 г. ГКО принял постановление «О восстановлении угольных шахт Донбасса»[52], а три дня спустя, 25 февраля, на комбинате «Ростовуголь» были добыты первые тонны угля[53]. Восстановительные работы велись тогда в прифронтовых условиях, многие шахты ежедневно подвергались артобстрелу, имелись убитые и раненые[54]. Новый этап восстановительных работ начался осенью 1943 г., когда весь Донбасс был освобожден от фашистских захватчиков.

Далеко за пределами Донбасса в 1943–1945 гг. стали известны имена передовых донецких шахтеров С. Рубана, М. Афонина, А. Кеди, М. Пековой, И. Панащатенко, В. Панченко и многих других, прославившихся своими трудовыми достижениями. Был выдвинут призыв: «Одну норму за себя, другую — за товарища, ушедшего на фронт!» Девушки, работавшие на донецких шахтах, начали движение за освоение шахтерских профессий. Массовый характер приняло движение за освоение горняцких профессий. И многие из женщин-шахтеров не только не отставали от мужчин, но и сами показывали образцы высокопроизводительного труда. В марте 1944 г. на комбинате «Ворошиловградуголь» свыше 400 женщин выполняли по полторы-две нормы за смену[55]. Добыча угля на шахтах Донбасса неуклонно возрастала. Если в 1943 г. донецкие шахтеры добыли 4,1 млн тонн угля (4,7% от довоенного уровня), то в 1944 г. — 20,3 млн тонн (соответственно 23,7%)[56].

Восстанавливались предприятия различных отраслей промышленности повсюду на бывшей оккупированной территории: в Краснодаре, Ростове-на-Дону, Орле, Брянске, Белгороде, Смоленске, Харькове и других городах. С февраля 1944 г. началось восстановление знаменитого Днепрогэса. С осени 1944 г. восстановительные работы развернулись в Молдавии, республиках Прибалтики, западных областях Украины и Белоруссии.

Важнейшей государственной задачей являлось также восстановление сельского хозяйства, которое в подвергшихся оккупации районах являло, как правило, гнетущую картину опустошения и разорения. По данным Чрезвычайной государственной комиссии, на оккупированной территории было полностью или частично сожжено и разрушено более 70 тыс.

сел и деревень, вывезено в Германию или уничтожено 137 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, около 4 млн плугов, борон и других почвообрабатывающих машин, 265 тыс. посевных и посадочных машин, 885 тыс. уборочных, сортировочных и других сельскохозяйственных машин. Колхозы почти полностью лишились техники. Плохо обстояло дело и с живой тягловой силой — оккупанты истребили или угнали в Германию более 7 млн лошадей. Сильно пострадала система земледелия, запущенными оказались многие посевные площади: главным образом из-за того, что было уничтожено или вывезено большое количество продовольствия, семян, сельскохозяйственного сырья. Колоссальный урон был нанесен животноводству: истреблено или вывезено в Германию более 17 млн голов крупного рогатого скота, свыше 20 млн свиней, почти 28 млн овец и коз, около 110 млн голов домашней птицы[57].

Восстановление МТС в освобожденных районах шло довольно быстрыми темпами: в начале 1943 г. их действовало 394, в начале 1944 г. — 1702, на 1 октября 1944 г. — 3080, на начало 1945 г. — 3102 из имевшихся до войны 3150[58]. Успешное возрождение МТС объяснялось исключительной заинтересованностью в этом как государства, так и колхозов. Например, колхозники Ногинского района Московской области выступили инициаторами движения за скоростное восстановление МТС силами колхозов. Таких инициатив было довольно много, и всего в 1945 г. методом народной стройки, при активном и заинтересованном участии колхозов, возводилось и восстанавливалось 400 МТС[59].

Однако не следует переоценивать эти результаты. В мае 1944 г. газета «Правда» сообщала, что даже там, где МТС восстанавливались быстро, они могли выполнить лишь до 40% основных полевых работ на селе[60]. В большинстве же районов освобожденной территории удельный вес работ МТС был еще ниже[61]. Сказывалось то обстоятельство, что оснащенность МТС тракторами, комбайнами и другой техникой еще значительно уступала довоенному уровню. В этих условиях большое значение приобрело использование живой тягловой силы. Однако и лошадей не хватало, к тому же уцелевшие в колхозах и крестьянских хозяйствах лошади часто были ослабленными. В Белоруссии, например, почти 70% уцелевших на селе лошадей были старше 15 лет, крайне истощены и больны, тем не менее норма на одну рабочую лошадь в республике составляла к концу войны 24,5 га в день при 8,2 га в 1940 г.[62] Кроме того, лошади широко использовались на заготовке леса, вывозе урожая, ремонте дорог и прочих работах.

Наивысшего напряжения трудовой накал достигал во время полевых работ. С полной отдачей трудились женщины, инвалиды войны, подростки, старики, дети. Использовали конную сеялку, жатку, а чаще косы, серпы, цепы, деревянные грабли и волокуши. А там, где имелся трактор или комбайн, работали на них от поломки до поломки, невзирая на время суток[63]. В условиях дефицита тракторов и лошадей довольно широкое распространение получило использование коров на пахотных работах. Однако корову не так-то просто было научить правильно ходить в упряжке. Бывший главный агроном Бегомльского района Минской области С. К. Соловьёва вспоминала: «Коров в упряжке приучали постепенно. Каждой по мерке старались изготовить хомут, впрягали вначале на 2–3 часа, затем на более длительное время. Помню, как мучились наши колхозницы, пока научили коров слушаться, правильно ходить. Часто бедное животное прямо в упряжке ложилось на борозду, и нужно было немало сил и настойчивости, чтобы заставить такую корову встать»[64].

Партийные и советские органы развернули разъяснительную работу по поводу этого вынужденного, но крайне необходимого средства восстановления земледелия. В газетах рассказывалось о накопленном уже тыловыми районами опыте применения личных и низкопродуктивных колхозных коров на полевых работах[65]. Областная и районная печать публиковала соответствующие решения местных советских и хозяйственных органов, помещала необходимые рекомендации. В постановлении «О плане сельскохозяйственных работ на 1943 год» ЦК ВКП(б) и СНК СССР предложили правлениям колхозов установить норму выработки при использовании коров на полевых работах в размере трети от норм выработки на лошадях, а колхозникам, работавшим на своих коровах, начислять трудодни в двойном размере и обеспечить коров фуражом[66].

Во многих освобожденных областях весной 1943, в 1944 и даже 1945 гг. крупный рогатый скот был основной тягловой силой. В Курской области к весеннему севу 1943 г. колхозники подготовили 174 тыс. коров. Только на пахоте и бороновании здесь использовалось от 110 тыс. до 140 тыс. коров, часть из них задействовалась на транспортировке зерна, горючего, воды и других хозяйственных работах. Общая численность рабочих коров в этой области в 1943–1944 гг. в шесть раз превышала количество оставшихся лошадей[67]. В Ростовской области в 1943 г. численность занятых на полевых работах коров более чем в два раза превышала конское поголовье — 80 тыс. рабочих коров при 40 тыс. лошадей[68]. На Кубани при наличии 54 тыс. лошадей только на вывозке зерна осенью 1944 г. использовалось свыше 60 тыс. коров[69]. В Полтавской, Винницкой и Запорожской областях в 1944 г. до 40% всех полевых работ было выполнено на коровах[70].

Столь же распространенной стала и ручная обработка земли, особенно в малоземельных освобожденных областях РСФСР. Лопатами здесь, как правило, обрабатывали весь приусадебный участок, поднимали целину на косогорах и залежь. В Смоленской области весной 1944 г. женщины-колхозницы вскопали лопатами 45 тыс. га, или девятую часть всей площади колхозных посевов. Весной 1942 г. в 20 освобожденных районах Калининской области лопатами вскопали 30 тыс. га земли. Если на лошадях в колхозе «Пролетарский» было вспахано только 8 га, то лопатами — 33 га[71]. Это был поистине титанический труд.

В прифронтовых условиях существенную помощь крестьянам в проведении сева и уборки уцелевшего урожая оказывала армия. Маршал Советского Союза И. С. Конев вспоминал: «Урожай 1943 г. в Харьковской, Полтавской, Днепропетровской и части Кировоградской областей был на редкость богатым. Отступающие гитлеровцы не успели его полностью уничтожить, а население не в силах было убрать. Поэтому по решению Военного совета фронта к уборке урожая были привлечены войска и транспорт тыловых частей и учреждений. Нужно было видеть, с каким горячим энтузиазмом работали на полях наши воины»[72].

Аналогичную помощь, только на весеннем севе 1944 г., оказывали войска 1-го Украинского фронта (этим фронтом в марте — мае 1944 г. командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков). Помимо участия личного состава воинских подразделений в проведении сева, фронтом для нужд сельского хозяйства было выделено 455 тонн крайне дефицитного горючего. В специальном постановлении Военного совета фронта, подписанном Г. К. Жуковым, говорилось: «Военный совет фронта считает, что это задание не исчерпывает всех возможностей частей и подразделений по оказанию помощи совхозам и колхозам и единоличным крестьянским хозяйствам в проведении весеннего сева, и обязывает военные советы армий и политические отделы изыскать другие источники дополнительной помощи местным органам власти в проведении весеннего сева»[73].

Общегосударственной проблемой стала нехватка семян для сельского хозяйства освобожденных районов: всё, что успели, оккупанты вывезли или уничтожили. В 1943 г. в областях Левобережной Украины дефицит семенного фонда яровых культур составил 40–50% потребности к плану сева 1941 г., причем семян бобовых и трав в колхозах практически не было[74]. Отдельные районы почти не имели семян и могли рассчитывать лишь на помощь государства и тыловых районов. В соответствии с указанным выше постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. освобожденным районам выделялось 120 тыс. тонн семян озимых культур, но этой помощи хватало только на пятую часть посевов озимых[75]. Остальное семенное зерно предстояло изыскать на месте. Часть потребности была покрыта за счет колхозного зерна, спрятанного от оккупантов, а также семян из личных запасов колхозников. Нередки были случаи, когда на помощь приходила армия. Так, по решению Военного совета 1-го Украинского фронта в апреле 1944 г. колхозам, совхозам и крестьянам-единоличникам Каменец-Подольской области, испытывавшим острейший дефицит семенного зерна, была выдана для посева 1 тыс. тонн зерна яровых культур из трофейных запасов[76].

Однако основным источником восполнения дефицита семян стала межколхозная, межрайонная и межобластная взаимопомощь[77]. К весеннему севу 1945 г. ситуация с наличием семенного зерна в бывших оккупированных районах существенно улучшилась. В 1945 г.

удельный вес восстановленной посевной площади по отношению к уровню 1940 г. в освобожденных районах приблизился к соответствующим общесоюзным показателям: в среднем по СССР — 75,6%, при этом на Украине — также 75,6%, в Белоруссии — 73,7%[78]. Эти данные — яркое свидетельство огромных трудовых усилий крестьянства, помощи государства, населения тыловых районов. И хотя до полного восстановления посевных площадей было еще далеко, достигнутые результаты весьма впечатляли.

Сложнее обстояло дело с урожайностью полей, поскольку почти всюду она уступала довоенным показателям. Сказывались истощение и засорение земель за годы оккупации, отсутствие должной агротехники, удобрений, нарушение севооборота, острый дефицит рабочей силы, запущенность семеноводства. К концу войны эти проблемы все более выдвигались на первый план. В 1943 г. многие колхозы Дона были освобождены от обязательных поставок хлеба государству: разрушения усугубила засуха. Тем не менее колхозники Ростовской области, руководствуясь патриотическими побуждениями, сумели изыскать резервы и сдали в 1943 г. в Фонд Красной армии 11,5 млн пудов зерна, 21,6 тыс. тонн картофеля, 134 тыс. литров молока, 8,2 тыс. тонн мяса, 5,7 тыс. тонн шерсти, 37 тыс. тонн сена. Причем около 11 млн пудов хлеба они тогда сдали в Фонд обороны Родины из тех запасов, которые во время оккупации ими были спрятаны от немцев. В урожайном 1944 г. заготовка зерна на Дону возросла в 4,5 раза, составив почти 50 млн пудов[79]. Неуклонно наращивали заготовки зерна и другой сельскохозяйственной продукции сельские труженики других освобожденных областей РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, республик Прибалтики.

Довольно трудной задачей оказалось возрождение животноводства, особенно общественного. Его восстановление шло за счет реэвакуации колхозного стада, централизованных государственных поставок и помощи восточных регионов страны. Но решающую роль в формировании колхозного животноводства освобожденных областей играла контрактация молодняка у местных колхозников. Так, в 1943 г. общее количество поголовья скота, полученного тогда колхозами освобожденных районов, составило 1723,2 тыс. голов, при этом удельный вес законтрактованного скота и приобретенного в не подвергавшихся оккупации районах своих же областей составил 48,7%, а в сумме по реэвакуации и закупкам в центральных и восточных регионах СССР — 51,3%[80].

Несмотря на то что личное хозяйство колхозников и единоличных крестьян было разорено оккупантами, оно сохранилось значительно лучше, чем общественное хозяйство колхозов и совхозов. Даже в Белоруссии, где общественное стадо оказалось практически уничтоженным, 40% колхозных семей сумели спасти часть личного скота[81]. Чтобы заинтересовать колхозников в быстрейшем воспроизводстве не только своего, но и колхозного животноводства при том крайне бедном исходном уровне, нужны были дополнительные поощрительные меры. До войны за сданную на колхозную ферму телку кроме денежной оплаты колхознику начисляли до 10 трудодней. Теперь же в дополнение к этому за каждый килограмм живого веса теленка крестьянин получал по 1 кг зерна и по 10 кг грубых кормов, а за контрактацию теленка старше шести месяцев личное хозяйство колхозников вообще освобождалось от мясопоставок — их брал на себя колхоз. В общей сложности в 1943–1945 гг. колхозники освобожденных районов продали для комплектования колхозных животноводческих ферм 4,5 млн голов крупного рогатого скота[82].

Самый большой прирост поголовья скота приходился на первые месяцы после изгнания оккупантов, когда одновременно действовали все внутренние и внешние каналы поступлений: реэвакуация, помощь государства и тыловых районов, частичное возвращение угнанного оккупантами скота, а также скот, полученный по контрактации и в виде приплода. Например, на Украине за несколько месяцев 1944 г. численность скота со времени освобождения от оккупации возросла в 5–7 раз[83]. А в 1945 г. темпы прироста уже резко снизились, так как теперь они в основном определялись естественным приплодом, а плохие условия содержания увеличивали падеж и яловость.

В результате общественное животноводство, несмотря на огромный урон, возрождалось довольно быстро. В Курской области с декабря 1943 по конец 1945 г. численность крупного

рогатого скота в колхозах возросла с 82,6 тыс. до 217,1 тыс. голов, в Орловской — с 65,4 тыс. до 100,2 тыс., в Калининской — с 301,4 тыс. до 345,7 тыс., в Ростовской — с 207,4 тыс. до 344,2 тыс., в Краснодарском крае — со 181,5 тыс. до 273,2 тыс. голов. Всего по 16 освобожденным областям и краям РСФСР, включая бывшие в частичной оккупации, колхозное поголовье крупного рогатого скота за то же время увеличилось с 2137,8 тыс. до 2846,7 тыс. голов[84].

В целом же освобожденные районы становились крупным поставщиком продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Уже в 1944 г. они дали более половины государственных заготовок зерна, свыше трех четвертей сахарной свеклы, четверть скота и птицы, около трети молочных продуктов[85]. И хотя валовая продукция сельского хозяйства по этим районам в 1945 г. составляла только 51% к уровню 1940 г.[86], это был крупный вклад в пополнение продовольственного фонда страны, в дело общей победы над врагом, особенно с учетом того, что внутренние резервы сельского хозяйства тыловых областей к тому времени были фактически исчерпаны. Сельскохозяйственные достижения уже в военные годы составляли хорошую основу для дальнейшего восстановления хозяйства в послевоенное время.

В ходе войны советский народ, несмотря на огромные трудности, добился восстановления 7,5 тыс. промышленных предприятий, 51,9 тыс. км главных железнодорожных путей, 190 депо, 2734 крупных мостов на территории, подвергавшейся вражеской оккупации[87]. В 1945 г. металлургические предприятия этих территорий производили по сравнению с довоенным уровнем железной руды 20% вместо 1% в 1943 г., чугуна — соответственно 20,5% вместо 2,6%, стали — 15,5% вместо 0,5%, проката — 16% вместо 0,1% в 1943 г.[88] В первом полугодии 1945 г. восстановленная промышленность дала (к общесоюзному производству): угля — 37,6%, чугуна — 16,9%, стали — 12,8%, проката — 13,7%, электромоторов — 37,2%[89]. В 1945 г. выпускали продукцию 140 полностью или частично восстановленных текстильных предприятий, а также были перевыполнены правительственные задания по восстановлению предприятий пищевой промышленности: вместо запланированных 2075 фактически удалось восстановить 3223 предприятия[90].

К концу войны был достигнут важный результат в решении сложнейшей технической задачи восстановления Донбасса — в откачке воды из разрушенных шахт. Это позволило на большинстве основных шахт развернуть восстановительные работы и наладить добычу угля. Шахтеры Донбасса в 1945 г. добыли 36,9 млн тонн угля (на 16,6 млн больше, чем в 1944 г.), достигнув 43,1% довоенного уровня угледобычи. Всего за 1943–1945 гг. шахтеры Донбасса дали стране свыше 60 млн тонн угля. В то же время полностью восстановленный Подмосковный бассейн давал угля в два раза больше, чем в 1940 г.[91]

Осуществление большого объема восстановительных работ привело к заметным изменениям в промышленном потенциале районов, подвергавшихся оккупации. Однако разрушения и ущерб, причиненные экономике этих районов, были столь велики, что даже большой объем восстановительных работ не дал возможности за столь короткий срок (1–2 года) достичь довоенного уровня промышленного производства. Тем не менее история еще не знала примера одновременного осуществления крупнейших военных наступательных операций и восстановительных работ в столь грандиозных масштабах. Восстановление народного хозяйства в районах СССР, подвергшихся гитлеровской оккупации, по праву можно назвать еще одним великим подвигом советского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 5. М., 1978. С. 254.

[2] *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972. С. 19.

[3] Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сб. статей (Материалы конференции, 14–15 марта 1995 г.). СПб., 1995. С. 41–42; Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. М., 2001. С. 132.

[4] Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сб. статей. С. 131.

[5] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 60–61.

[6] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2231. Л. 2–4; Д. 2643. Л. 149–151; Д. 3169. Л. 5–1; Д. 3806. Л. 2; Оп. 33. Д. 2638. Л. 20.

[7] Там же. Оп. 33. Д. 4529. Л. 136.

[8] Война и общество. 1941–1945. В 2-х кн. Кн. 2. М., 2004. С. 232–264; Евразия. 1993. № 4. С. 19.

[9] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 427–437, 450.

[10] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 3968. Л. 14–15; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. С. 240, 352.

[11] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. В 3-х т. Т. 2. 1938–1967. М., 1968. С. 418.

[12] Великая Отечественная война, 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 240–241; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 2. 1938–1967. С. 409.

[13] *Жиромская В. Б.* Некоторые проблемы социального и медицинского обслуживания российского населения после Великой Отечественной войны // Духовность. Кн. 8. Общественное здоровье и его место в системе социокультурных ценностей: история и современность. Сергиев Посад, 2005. С. 93–99.

[14] *Новосельский С. А.* Демография и статистика. Избранные произведения. М., 1978. С. 250; *Георгиевский А. С., Гаврилов О. К.* Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975. С. 111–112; *Малышева Р. А.* Физическое развитие детей раннего и дошкольного возраста г. Свердловска. Свердловск, 1959. С. 14; *Курсаков Н. К., Бояршинова Н. П.* Здоровье населения г. Свердловска. Свердловск, 1988. С. 122–123.

[15] *Георгиевский А. С., Гаврилов О. К.* Указ. соч. С. 120–121.

[16] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. Приложение к еженедельному Статистическому бюллетеню ЦСУ СССР № 41 (540) от 11 ноября 1959 г. М., 1959. С. 53.

[17] Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 420; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977. С. 17.

[18] *Рыжков Н. И.* Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. М., 2011. С. 260.

[19] Всемирно-историческая победа советского народа. 1941–1945 гг. М., 1971. С. 326.

[20] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947.

[21] Там же. С. 158.

[22] *Зверев А. Г.* О некоторых сторонах истории советской финансовой системы // Вопросы истории. 1969. № 2. С. 143.

[23] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14-ти т. Т. 6. М., 1971. С. 65–104.

[24] История советского рабочего класса. В 6-ти т. Т. 3. М., 1984. С. 313.

[25] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 16-ти т. Т. 3. М., 1968. С. 169.

[26] *Куманёв Г. А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1963. С. 130–131.

[27] *Антипенко Н. А.* На главном направлении. М., 1967. С. 134–135.

[28] Образование СССР — торжество ленинской национальной политики. Л., 1972. С. 33.

[29] *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 394.

[30] Профсоюзы СССР. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 3. М., 1963. С. 232–233.

[31] Там же. С. 309–310.

[32] Там же. С. 310–311.

[33] *Чуянов А. С.* На стремнине века: Записки секретаря обкома. М., 1977. С. 268.

[34] История советского рабочего класса. Т. 3. С. 322.

[35] Там же.

[36] Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 191.

[37] Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 22.

[38] История рабочих Донбасса. В 2-х т. Т. 2. Киев, 1981. С. 76; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 331.

[39] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 55.

[40] Строители — фронту. М., 1968. С. 148–153.

[41] *Приходько Ю. А.* Восстановление индустрии. 1942–1950. М., 1973. С. 36; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 325.

[42] Строители — фронту. С. 156; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 325.

[43] *Оника Д. Г.* Подмосковная кочегарка. М., 1945. С. 108; *Лебедков А. Д.* Дела и люди Мосбасса. М., 1949. С. 11.

[44] История советского рабочего класса. Т. 3. С. 325.

[45] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. С. 91.

[46] *Чуянов А. С.* Указ. соч. С. 265.

[47] *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1968. С. 357.

[48] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6-ти т. Т. 3. М., 1961. С. 610.

[49] *Чуянов А. С.* Указ. соч. С. 267.

[50] Строители — фронту. С. 226.

[51] *Чуянов А. С.* Указ. соч. С. 269.

[52] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 95.

[53] *Приходько Ю. А.* Указ. соч. С. 61–62; История рабочих Донбасса. Т. 2. С. 68, 75; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 328.

[54] История советского рабочего класса. Т. 3. С. 329.

[55] Там же. С. 332.

[56] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 91.

[57] Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. С. 429, 438–439; История советского крестьянства. В 5-ти т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1987. С. 302–303.

[58] История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 317–318.

[59] Там же. С. 318.

[60] Правда. 1944. 22 мая.

[61] История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 337.

[62] *Олехнович Г. И.* Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны. 1941–1945. Минск, 1982. С. 131.

[63] История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 340.

[64] *Олехнович Г. И.* Указ. соч. С. 132.

[65] Правда. 1944. 27 мая; Социалистическое земледелие. 1944. 27 июля.

[66] Партийное строительство. 1943. № 5/6. С. 25.

[67] Правда. 1944. 22 мая; *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 436.

[68] *Негодаев В. Ф.* Истоки возрождения. Ростов н/Д, 1979. С. 79.

[69] История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 338.

[70] Вопросы истории. 1959. № 6. С. 13.

[71] История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 338.

[72] *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 1981. С. 74.

[73] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 3. Киев, 1980. С. 74–75.

[74] Там же. Т. 2. С. 351.

[75] История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 339.

[76] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. Т. 3. С. 74.

[77] История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 339.

[78] Там же. С. 342.

[79] *Негодаев В. Ф.* Указ. соч. С. 112–113.

[80] История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 343.

[81] *Олехнович Г. И.* Указ. соч. С. 128.

[82] История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. С. 343.

[83] Там же. С. 344.

[84] Там же. С. 343.

[85] Там же. С. 345.

[86] Страна Советов за 50 лет. Сб. статистических материалов. М., 1967. С. 191; Шаги пятилеток: Развитие экономики СССР. М., 1968. С. 127.

[87] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1976. С. 580; *Куманёв Г. А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1976. С. 396.

[88] *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970. С. 238–239.

[89] *Приходько Ю. А.* Указ. соч. С. 132.

[90] История советского рабочего класса. Т. 3. С. 343.

[91] Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 91; История рабочих Донбасса. Т. 2. С. 78, 91; История советского рабочего класса. Т. 3. С. 343.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великая Отечественная война — решающая часть Второй мировой войны, важнейшего события в истории XX в., во многом определившего судьбы России и всего мира. Многие из событий войны продолжают оказывать воздействие на формирование современных исторических представлений россиян.

К сожалению, на освещение истории военного времени значительное влияние оказала холодная война, ставшая продолжением «горячей». Бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции стали его противниками, и трактовка войны в условиях противостояния двух систем подверглась серьезной идеологизации.

В западной литературе война между Германией и СССР подавалась как противоборство двух тоталитарных режимов. Наблюдалось стремление принизить роль СССР в достижении Победы, показать, что главные события вершились в Африке и на Тихом океане, а не на советско-германском фронте. В период холодной войны в западной литературе о Второй мировой войне в лучшем случае упоминалось о Сталинградской битве, поставках в СССР по ленд-лизу и северных конвоях. Что собой представляли советское общество военной поры, патриотизм населения, советский солдат и в чем реальные причины поражения нацистской Германии в попытке поработить СССР — все это западных историков не интересовало.

До недавнего времени и в отечественной литературе преобладали оценки, навязанные теми, кто сегодня на Западе считает себя «победителями» в холодной войне. Прослеживался «разоблачительный» уклон, смещение акцентов, односторонний и пристрастный подход, а порой и прямая ревизия фундаментальных знаний об истории Великой Отечественной войны.

В десятом томе предпринята попытка показать сложность и противоречивость социальных, политических, экономических, национальных проблем, до предела обострившихся в условиях военного времени. Особенно непростая ситуация сложилась с современным отношением к существовавшим в советское время оценкам источников победы СССР в Великой Отечественной войне. Главные среди них: война была народной и священной; победа была одержана благодаря сплочению власти и общества, единству фронта и тыла, а также братству народов многонационального СССР; тяжелые жертвы и лишения были не напрасны.

Теперь многие из этих положений подвергаются очернительству. Под флагом «приближения к исторической правде» на деле в общественное сознание внедряются новые мифы о войне. Авторы данного тома категорически не согласны с теми, кто пытается поставить на одну доску советский и нацистский режимы, в том числе в рамках концепции равной ответственности А. Гитлера и И. В. Сталина за развязывание Второй мировой войны, и возвести на героический пьедестал тех, кто вчера еще безоговорочно считался предателями и изменниками Родины. Результаты подобной «ревизии» итогов Великой Отечественной войны хорошо видны на примере событий в современной Украине.

Основным фактором победы в войне было единство государства и общества на фронте и в тылу. В годы войны особая роль в выработке и реализации военной стратегии, мобилизации ресурсов на разгром врага принадлежала Государственному Комитету Обороны и Политбюро ЦК ВКП(б). Прообразом ГКО военных лет был Совет Труда и Обороны (СТО) времен Гражданской войны. В то же время в деятельности этого чрезвычайного органа прослеживались и новые черты, приобретенные в годы создания «мобилизационной модели» социализма. Его работа не регламентировалась никакими документами, а решение всех принципиальных вопросов И. В. Сталин держал в своих руках. Деятельность ГКО охватывала практически все стороны жизни и деятельности страны, при этом тенденция к максимальной централизации власти и управления была оправданной в условиях военного времени.

В районах боевых действий и в прифронтовой полосе вводилось военное положение. Все функции государственных органов, относящиеся к вопросам обороны, обеспечения общественного порядка и безопасности переходили к военным советам фронтов, армий и военных округов или командованию войсковых соединений. Еще более суровый режим предусматривало введение осадного положения в случае непосредственной угрозы захвата городов. Нарушители порядка немедленно привлекались к ответственности с передачей дел военным трибуналам.

Создание народного ополчения из добровольцев, в состав которого в короткий срок записались до 1 млн человек, стало наглядным подтверждением патриотического подъема среди населения. Формирование народного ополчения лежало в русле отечественных традиций и опиралось на прежний опыт ведения войн. Еще одним типом народных добровольческих формирований были истребительные батальоны, придаваемые в помощь работникам НКВД. Они охраняли заводы, мосты, учреждения, железные дороги, линии связи, электростанции и другие объекты, выявляли и задерживали подозрительных лиц, диверсантов, шпионов, пресекали пораженческие настроения и распространение негативных слухов. В истребительных батальонах в годы войны состояли более 300 тыс. человек.

Все меры, направленные на отражение агрессии, даже самые жесткие, а порой и жестокие, как правило, находили поддержку и понимание советских граждан. Безусловно, были и враги советского строя, предатели, трусы, дезертиры, а также немало паникеров и просто испуганных людей, стремившихся во что бы то ни стало сохранить свою жизнь. Но не они определяли господствовавшие в обществе настроения.

Очень быстро в начале войны развеялся миф о международной классовой солидарности трудящихся, убеждение в том, что рабочие и крестьяне Германии не будут воевать против СССР. Массовые расстрелы коммунистов, комиссаров, евреев, военнопленных, мирных жителей, жестокое обращение с населением оккупированных территорий вызвали волну ненависти к оккупантам как со стороны советских солдат, так и мирных граждан. Под влиянием информации о поведении оккупантов многие противники советской власти пересмотрели свои позиции.

Особенно явным был рост ненависти к захватчикам в действующей армии, где получили распространение настроения отмщения за убитых и замученных родных и близких. Советские солдаты не были «рыцарями без страха и упрека», отлакированными советской литературой о войне. Непонятно другое — зачем сегодня отдельные авторы столь настойчиво пытаются поменять местами причину и следствие, перенося акцент на «бесчинства» советских солдат по отношению к гитлеровским захватчикам.

Война ворвалась в каждый дом, принесла горе, страдания и лишения на советскую землю. С фронта шли похоронки, в тыл возвращались увечные и калеки. Резко ухудшились условия жизни населения. С июля по ноябрь 1941 г. в городах и рабочих поселках началось введение карточной системы на продукты питания, а с 1942 г. и на промтовары. Работники сельского хозяйства карточками не обеспечивались, получая продовольствие в обмен за сданную государству сельхозпродукцию. Большим подспорьем были приусадебные участки.

В результате призывов в армию к концу 1942 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве сократилась с 33,9 млн до 18,5 млн человек. Предпринимались чрезвычай-

ные меры, чтобы обеспечить кадрами хотя бы наиболее важные для обороны производства. Нехватка рабочей силы восполнялась в основном за счет женщин и подростков, которых требовалось срочно обучить рабочим профессиям. Только в 1942 г. 2 млн человек прошли производственное обучение, причем половина из них была подготовлена в системе трудовых резервов (фабрично-заводское обучение, ремесленные и железнодорожные училища). Тот факт, что советской промышленности в подобных условиях удалось не только восстановить, но и существенно увеличить выпуск военной продукции высокого качества, свидетельствует о необыкновенной самоотдаче, патриотизме и героизме тех, кто своим трудом в тылу приближал Победу.

Граждане были готовы трудиться, что называется, на износ. До сих пор остаются загадкой трудовые рекорды, намного превосходившие довоенные достижения стахановцев и превышавшие средние нормы выработки в 2, 3, 5, 10 и более раз. Примечательно, что такие рекорды нередко ставили полуголодные подростки, женщины и старики. Потребность внести свой вклад в победу над врагом стала важным моральным стимулом для увеличения производительности труда.

Рост военного производства достигался путем сокращения выпуска продукции в гражданских отраслях и, как следствие, сопровождался снижением качества жизни людей. Граждане других воюющих держав, где тоже вводилась карточная система, жаловались на нехватку привычных продуктов, дефицит кофе, специй. Ситуация в СССР не шла ни в какое сравнение, поскольку здесь не хватало буквально всего — от продуктов и элементарной одежды (донашивали довоенную одежду, перешивали военную форму) до иголок, ниток, спичек, канцтоваров для школ. Однако, несмотря ни на что, народ выстоял.

Поражает героизм тружеников деревни. Основные житницы страны оказались в руках противника. Село послало на фронт значительную часть мужского населения. В армию из колхозов шли автомобили, тракторы, лошади, а новые поставки техники в сельское хозяйство прекратились, не хватало и горючего. 80% работ приходилось вести вручную. И без того тяжелое положение усугубил неурожай. Урожайность зерновых культур упала с 8,6 центнеров с гектара до войны до 4,4 центнеров в 1942 г. В этом году удалось собрать только 25 млн тонн зерна. Резко сократилось и поголовье скота. Число коров, например, уменьшилось наполовину, да и удои молока существенно снизились. Тем не менее фронт в основном обеспечивался всем необходимым. Без преувеличения, главной действующей силой на селе стали женщины. Большинство председателей колхозов и специалистов сельского хозяйства в годы войны тоже составляли женщины.

С началом войны стало уменьшаться число заключенных в тюрьмах и лагерях. Многие были освобождены и отправлены на фронт. Около миллиона бывших узников ГУЛАГа влились в ряды Красной армии. Часть из них была помилована, другая попала в штрафные подразделения. ГУЛАГ был тоже переведен на военный режим работы. Для заключенных были увеличены рабочий день, нормы выработки. Многие из заключенных тоже были охвачены патриотическими настроениями, просились на фронт, чтобы сражаться за Родину.

Рост патриотических настроений и ненависти к врагу нашел отражение в пропаганде, а также в литературе и искусстве военной поры. Культура, воздействуя на чувства и эмоции людей, сыграла важную роль в сплочении населения. Главной темой художественных произведений стал народ на войне. На экранах страны демонстрировалось немало фильмов, в которых создавался образ непокоренного народа. Песенный цикл военной поры, созданный советскими композиторами, пользуется большим успехом и поныне. Весомый вклад в победу внесли ученые и конструкторы военной техники. В годы войны значительно усилилась роль истории как средства патриотического воспитания. Фильмы, театральные постановки, картины, книги воспевали дела выдающихся деятелей и полководцев прошлого.

Были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, предназначенные для награждения генералов и офицеров, отличившихся в сражениях, а также ордена и медали Ушакова и Нахимова для награждения адмиралов, офицеров и краснофлотцев. Красная армия перешла на новую форму, атрибутами которой стали погоны и знаки

различия, традиционные в имперской России. Исполнявшийся прежде «Интернационал» сменил Государственный гимн Советского Союза, который «сплотила навеки Великая Русь».

Быстро росли ряды коммунистов, особенно в армии. Многие солдаты и офицеры писали заявления о вступлении в партию непосредственно перед боем. Состоялось примирение государства с Русской православной церковью, которая в своей деятельности делала упор на патриотические ценности и идеалы, сопротивление иноземному нашествию.

В годы войны был предпринят ряд мер, направленных на укрепление семьи. Усилилась забота о материнстве и детстве. Учреждались звания и ордена — «Мать-героиня», «Материнская слава», медаль материнства. Затруднялись разводы. Особенно успешным было взаимодействие усилий государства и общественных инициатив в деле спасения детей-сирот. В сфере образования появились экзамены на аттестат зрелости, лучшие ученики теперь получали от государства золотые и серебряные медали.

Только в 1944 г. оккупированные территории СССР были полностью освобождены от врага. Преступлением против человечества стало массовое уничтожение представителей русского и других славянских народов, а также истребление евреев. Геноцид по отношению к ним усугублялся тезисом о «еврейском большевизме».

На оккупированной территории в целях борьбы с развернувшимся там партизанским движением гитлеровцами проводились карательные и устрашающие акции, массовые расправы и казни. В результате преднамеренного уничтожения, а также варварских бомбежек, артобстрелов и прочих акций погибли примерно 7 млн советских граждан.

Советское руководство стремилось возглавить ширившееся партизанское движение и связать его с действующей армией. Командирами и комиссарами партизанских отрядов назначались секретари партийных комитетов, политработники, чекисты. В мае 1942 г. при Ставке был образован Центральный штаб партизанского движения. С 1942 г. партизанское движение охватило огромную территорию, распространившись даже на районы, недавно вошедшие в состав СССР, население которых поначалу дружелюбно встретило немцев.

Тем временем в условиях еще не закончившейся войны началось восстановление нормальной жизни в регионах страны, освобожденных от врага. Весной 1944 г. ценой чрезвычайных усилий на освобожденной территории удалось засеять 60% посевных площадей и начать восстановление промышленности и инфраструктуры.

В целом деятельность руководства страны в годы войны была направлена на консолидацию общества для разгрома врага. Победа была достигнута преимущественно благодаря стойкости, патриотизму и самопожертвованию советских людей. В числе сражавшихся на фронте и награжденных за героизм боевыми наградами были представители едва ли не всех национальностей. Особую роль при этом сыграл русский народ, который во время войны проявил свои лучшие качества. Надо отдать должное и патриотизму тех, кто вносил свою лепту в разгром врага на трудовом фронте.

Дорогой ценой досталась Советскому Союзу Победа в войне с нацистской Германией и ее союзниками. Пожар войны унес жизни каждого седьмого жителя страны, а на территориях, подвергшихся оккупации, — каждого четвертого. Последствиями войны стали десятки тысяч разоренных городов и сел. Вместе с тем СССР выходил из войны небывало сильным в моральном плане, с мощной армией, народом-победителем. С возросшей ролью на международной арене. Достигнутое в ходе войны единство государства и общества стало залогом поразительно быстрого восстановления народного хозяйства и залечивания моральных ран, нанесенных войной.

ДОКУМЕНТЫ 1941–1945 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам».

2. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения».

3. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О военном положении».

4. Выступление по радио заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в связи с нападением Германии на Советский Союз.

5. Обращение митрополита Московского и Коломенского, главы Православной церкви в России Сергия к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви».

6. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О создании Ставки Главного Командования».

7. Проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей.

8. Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) о создании Государственного Комитета Обороны.

9. Постановление Государственного Комитета Обороны «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения».

10. Проекты указа Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии» и «Положения о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

11. Проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей.

12. Записка П. К. Пономаренко И. В. Сталину «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР».

13. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

14. Из приказа наркома обороны СССР И. В. Сталина о задачах партизанского движения.

15. Записка П. К. Пономаренко И. В. Сталину «К вопросу о постановке диверсионной работы».

16. Записка Г. Димитрова В. М. Молотову.

17. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР об эвакуации г. Москвы.

18. Основные положения по борьбе с партизанами, утвержденные главнокомандованием сухопутных войск германского вермахта и разосланные во все части, действовавшие на советско-германском фронте.

19. Записка А. С. Щербакова И. В. Сталину о запасах муки в Москве и Московской области.
20. Приказ № 42 о борьбе против партизан.
21. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР о военнослужащих, находящихся в плену.
22. Записка А. И. Микояна в Государственный Комитет Обороны СССР об отгрузке продовольствия для войск Красной армии и населения Ленинграда.
23. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О нормах снабжения хлебом в Москве и Московской области и в городах, освобождаемых от противника».
24. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО».
25. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О замене во фронтовых, армейских и запасных частях связи и тыловых узлах связи красноармейцев женщинами».
26. Постановление Государственного Комитета Обороны «О мобилизации девушек-комсомолок и некомсомолок добровольцев в Военно-Морской флот».
27. Письмо В. Е. Маркевича И. В. Сталину о поднятии патриотического духа.
28. Письмо К. И. Николаевой и М. М. Расковой И. В. Сталину о привлечении женщин на фронт.
29. Постановление Государственного Комитета Обороны об укомплектовании действующей армии.
30. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о заявлении советского правительства «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы».
31. Записка П. К. Пономаренко и К. Е. Ворошилова И. В. Сталину о деятельности партизанских отрядов в зимних условиях.
32. Записка Е. И. Смирнова И. В. Сталину о санитарах-носильщиках.
33. Постановление Государственного Комитета Обороны «Об утверждении Оперативного бюро».
34. Текст немецкой брошюры «Политические задачи немецкого солдата в России в условиях тотальной войны».
35. Записка Н. М. Шверника В. М. Молотову о чудовищных преступлениях фашистских захватчиков и о расхищении ими культурных ценностей.
36. Записка П. К. Пономаренко И. В. Сталину о действиях партизан на коммуникациях.
37. Записка Ф. И. Голикова и В. И. Морозова И. В. Сталину об открытии Суворовских военных училищ.
38. Письмо академика А. Н. Баха, писателей Л. Н. Сейфуллиной, А. А. Антоновской и других И. В. Сталину о создании монументального памятника Великой Отечественной войны.
39. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О призыве в армию 25 тысяч женщин-добровольцев».
40. Постановление Государственного Комитета Обороны «О работе Оперативного бюро».
41. Постановление Государственного Комитета Обороны ««О материально-бытовом обеспечении генералов, адмиралов, комиссаров госбезопасности, комиссаров милиции и старшего офицерского состава Красной армии, Военно-Морского флота, войск органов НКВД и НКГБ СССР, имеющих срок выслуги 25 лет и более, зачисляемых в запас или увольняемых в отставку».
42. Письмо маршала Г. К. Жукова генералу Ф. И. Голикову с анализом подготовки военных кадров, исходя из опыта военных действий в период Великой Отечественной войны.
43. Записка А. В. Хрулёва и Е. И. Смирнова И. В. Сталину о войсковых домах отдыха.
44. Письмо репатриируемых советских граждан И. В. Сталину.
45. Обращение И. В. Сталина к народу.
46. Телеграмма Патриарха Московского и всея Руси Алексия И. В. Сталину.
47. Записка Ф. И. Голикова И. В. Сталину об обнаружении концентрационного лагеря Заксенхаузен.

№ 1

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам»

22 июня 1941 г.

Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам».

Секретарь ЦК

Приложение

Указ
Президиума Верховного Совета Союза ССР
о мобилизации военнообязанных по Ленинградскому,
Прибалтийскому особому, Западному особому, Одесскому, Харьковскому,
Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому,
Приволжскому, Северо-Кавказскому
и Закавказскому военным округам

22 июня 1941 г.
Москва, Кремль

На основании статьи 49 пункта «л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию на территории военных округов — Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северо-Кавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно. Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР — М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР — А. Горкин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 63–64.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 27–28.

№ 2

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
«Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения»

22 июня 1941 г.

Тт. Горкину, Чадаеву

Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» (см. приложение).

Секретарь ЦК

Приложение

Указ
Президиума Верховного Совета Союза ССР
об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения

22 июня 1941 г.
Москва, Кремль

На основании статьи 49 п. «п» Конституции СССР объявить военное положение в Архангельской обл., Белорусской ССР, Вологодской обл., Воронежской обл., Ивановской обл., Карело-Финской ССР, Калининской обл., Краснодарском крае, Крымской АССР, Курской обл., Литовской ССР, Латвийской ССР, г. Ленинграде и Ленинградской обл., Молдавской ССР, Мурманской обл., г. Москве и Московской обл., Орловской обл., Ростовской обл., Рязанской обл., Смоленской обл., Тульской обл., Украинской ССР, Эстонской ССР и Ярославской обл.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Опубликовано: Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

№ 3

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
«О военном положении»

22 июня 1941 г.

тт. Горкину, Чадаеву

Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» (см. приложение).

Секретарь ЦК

Приложение

Указ
Президиума Верховного Совета Союза ССР
о военном положении

22 июня 1941 г.

1. Военное положение, в соответствии со ст. 49 п. «п» Конституции СССР, объявляется в отдельных местностях или по всему СССР в интересах обороны СССР и для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности.

2. В местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, — высшему командованию войсковых соединений.

3. В местностях, объявленных на военном положении, военным властям (п. 2) предоставляется право:

а) в соответствии с действующими законами и постановлениями Правительства привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов, для участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями;

б) устанавливать военно-квартирную обязанность для расквартирования воинских частей и учреждений;

в) объявлять трудовую и автогужевую повинность для военных надобностей;

г) производить изъятие транспортных средств и иного необходимого для нужд обороны имущества как у государственных, общественных и кооперативных предприятий и организаций, так и у отдельных граждан;

д) регулировать время работы учреждений и предприятий, в том числе театров, кино и т. д.; организацию всякого рода собраний, шествий и т. п.; запрещать появление на улице после определенного времени, ограничивать уличное движение, а также производить в необходимых случаях обыски и задержание подозрительных лиц;

е) регулировать торговлю и работу торгующих организаций (рынки, магазины, склады, предприятия общественного питания), коммунальных предприятий (бани, прачечные, парикмахерские и т. д.), а также устанавливать нормы отпуска населению продовольственных и промышленных товаров;

ж) воспрещать въезд и выезд в местности, объявленные на военном положении;

з) выселять в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении, или из отдельных ее пунктов лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой.

4. По всем вопросам, предусмотренным пунктом 3-м настоящего Указа, военные власти имеют право:

а) издавать обязательные для всего населения постановления, устанавливая за неисполнение этих постановлений наказания в административном порядке в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев или штрафа до 3000 рублей;

б) отдавать распоряжения местным органам власти, государственным и общественным учреждениям и организациям и требовать от них безусловного и немедленного исполнения.

5. Все местные органы государственной власти, государственные, общественные учреждения, организации и предприятия обязаны оказывать полное содействие военному командованию в использовании сил и средств данной местности для нужд обороны страны и обеспечения общественного порядка и безопасности.

6. За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежат уголовной ответственности по законам военного времени.

7. В изъятие из действующих правил о рассмотрении судами уголовных дел, в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передаются на рассмотрение военных трибуналов, а именно:

а) дела о государственных преступлениях;

б) дела о преступлениях, предусмотренных законом от 7 августа 1932 года об охране общественной (социалистической) собственности;

в) все дела о преступлениях, совершенных военнослужащими;

г) дела о разбое (ст. 167 УК РСФСР и соответствующие ст. ст. УК других союзных республик);

д) дела об умышленных убийствах (ст. ст. 136–138 УК РСФСР и соответствующие ст. ст. УК других союзных республик);

е) дела о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи (ст. 81 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК других союзных республик);

ж) дела об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности (ст. 68 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК других союзных республик) и о сопротивлении представителям власти (ст. ст. 73, 73.1 и 73.2 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);

з) дела о незаконной покупке, продаже и хранении оружия, а также о хищении оружия (ст. ст. 164А, 166А и 182 УК РСФСР и соответствующие ст. ст. УК других союзных республик).

Кроме того, военным властям предоставляется право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, злостном хулиганстве и иных преступлениях, предусмотренных Уголовными Кодексами союзных республик, если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного положения.

8. Рассмотрение дел в военных трибуналах производится по правилам, установленным «Положением о военных трибуналах в районах военных действий».

9. Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежат и могут быть отменены или изменены лишь в порядке надзора.

10. Настоящий Указ распространяется также на местности, где в силу чрезвычайных обстоятельств отсутствуют местные органы государственной власти и государственного управления СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 67–71.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 29–31.

№ 4

Выступление по радио заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в связи с нападением Германии на Советский Союз*

22 июня 1941 г.

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня в 4 часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после свершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как Народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи со сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность, что наши доблестные Армия и Флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

---

* В. М. Молотов выступил по радио в 12 часов 15 минут.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны — все рабочие, крестьяне и интеллигенция — мужчины и женщины, отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойных настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, Флота и Авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Опубликовано: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы (22 июня 1941 — 31 декабря 1943 г.). М., 1946. Т. 1. С. 127–129.

№ 5

Обращение митрополита Московского и Коломенского, главы Православной церкви в России Сергия к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви»

22 июня 1941 г.

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва ли не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский

народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божьей. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Дмитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнью свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем, и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины.

Господь нам дарует победу.

Патриарший местоблюститель
смиренный Сергий,
митрополит Московский и Коломенский

Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы.
М., 1995. С. 44–46.

№ 6

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О создании Ставки Главного Командования»

23 июня 1941 г.

Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе наркома обороны маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, маршала Ворошилова, маршала Будённого и наркома Военно-Морского флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников в составе тт. маршала Кулика, маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса.

РГАСПИ. Ф. 13. Оп. 59. Д. 401. Л. 1.
Опубликовано: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.
Изд. 9-е, доп., испр. М., 1985. С. 211.

№ 7

Проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей*

Не ранее 29 июня 1941 г.

Директива
Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б)
~~всем~~** партийным и советским организациям
прифронтовых областей

Вероломное нападение ~~Ф~~фашистск~~ая~~ой Германи~~я~~и ~~вероломно напала~~ на Советский Союз *продолжается*. Целью этого нападения является ~~разгром Советского государства~~ *уничтожение советского строя, захват советских земель,* порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, ~~всех народных богатств~~ *восстановление власти помещиков и капиталистов*. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, *захватил часть Латвии,* Брестскую, Белостокскую, Вилейскую области Советской Белоруссии и ~~ряд~~ *несколько* районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями. Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города — Ригу, Минск, Оршу, Могилёв, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск. На ~~стороне Германии против Советского Союза выступили пограничные Румыния и Финляндия.~~

~~Советский Союз~~ *В силу навязанной нам войны наша страна* вступил*а* в смертельную схватку со своим опасн~~ейшим~~ым и коварным врагом — немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией. Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьется за каждую пядь ~~священной~~ советской земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную ~~опасность~~ *угрозу* для *нашей* страны, ~~многие~~ *некоторые* партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители *все* еще не ~~поняли сложившейся новой обстановки~~ *понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значения этой угрозы,* живут благодушно-мирными настроениями не ~~сознали своих обязанностей по немедленной мобилизации всех своих сил для отпора врагу, для организации победы. Более того, есть~~ *и не понимают, что война резко изменила положение, где наша родина оказалась в ~~опасности и мы~~ величайшей опасности, и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад.*

Более того, есть позорные случаи малодушия и трусости среди некоторых руководителей наших организаций, ~~*например* в~~ ведущие к дезорганизации наших рядов и подрывающие дело обороны***.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации ~~немедленно~~ покончить с ~~таким опасным положением,~~ с *благодушием и* ~~*беззаботностью с*~~ беспечностью и ~~отставанием в и~~ мобилиз~~ации~~*овать* все~~х~~ наши~~х~~ организаци~~й~~и, все~~х~~ сил*ы* народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

---

* Директива была разослана 29 июня 1941 г. за № П509 членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б), наркомам СССР, первым секретарям обкомов и крайкомов ВКП(б), председателям обл- и крайисполкомов.

** Здесь и далее в документе зачеркивание произведено И. В. Сталиным, выделенное курсивом вписано И. В. Сталиным от руки.

*** После повторной правки И. В. Сталина абзац был вычеркнут.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

2) ~~1. Немедленно~~ Организовать всестороннюю помощь действующей Армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, *обеспечить* снабжение Армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений. и ~~обеспечением медицинскими кадрами.~~

3) ~~2.~~ Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на ~~возможные~~ провокации.

1) ~~3.~~ В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, *проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.*

4) ~~5)~~ При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, ~~весь~~ хлеб сдавать *под сохранность* государственным органам ~~или воинским частям.~~ *для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.*

5) ~~4)~~ В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах.

6) ~~4.~~ Немедленно предавать суду Военного трибунала тех руководителей партийных, советских и других организаций, которые своим паникерством и трусостью дезорганизуют дело обороны. ~~как это уже сделано с секретарем Пинского обкома Минченко и председателем Пинского облисполкома Шаровым~~.

~~*4)* 5. Советская власть не может оставить под ударами врагов важнейшие для обороны предприятия в местах, где им угрожает опасность быть разрушенными от бомбардировок или захваченными противником. Такие предприятия должны быть эвакуированы в глубокий тыл в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Из всех городов, куда будут эвакуироваться предприятия, выселять в села всю ту часть населения, которая не связана с обслуживанием важнейших государственных нужд. Выселяемым в этом порядке гражданам выплачивать на каждую семью установленную решением Совнаркома СССР сумму. В освобождаемые квартиры вселять рабочих и служащих эвакуируемых предприятий.~~

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) заявляют, что в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

~~А. Щербаков~~
~~В. Молотов~~
~~(т. Микоян за)~~

Председатель Совнаркома СССР и секретарь ЦК ВКП(б) — И. Сталин
Заместитель председателя Совнаркома СССР — В. Молотов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 109–112.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 34–37.

№ 8

Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) о создании Государственного Комитета Обороны

30 июня 1941 г.

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:
т. Сталин И. В. (председатель)
т. Молотов В. М. (заместитель председателя)
т. Ворошилов К. Е.
т. Маленков Г. М.
т. Берия Л. П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР — М. И. Калинин
Председатель Совнаркома Союза СССР и секретарь ЦК ВКП(б) — И. В. Сталин

Опубликовано: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1939–1944 гг. М., 1945. С. 41.

№ 9

Постановление Государственного Комитета Обороны «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»

№ 10
4 июля 1941 г.
Москва, Кремль

В соответствии с волей, выраженной трудящимися, и предложениями советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций города Москвы и Московской области Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Мобилизовать в дивизии народного ополчения по городу Москве 200 тысяч человек и по Московской области — 70 тысяч человек.

Руководство мобилизацией и формированием возложить на командующего войсками МВО генерал-лейтенанта Артемьева.

В помощь командованию МВО для проведения мобилизации создать чрезвычайную комиссию в составе тт. Соколова — секретаря МГК ВКП(б), Яковлева — секретаря МК ВКП(б), Пегова — секретаря МК и МГК ВЛКСМ, Филиппова — начальника Управления продовольственных товаров Горторготдела, Онуприенко — комбрига и Простова — подполковника.

2. Мобилизацию рабочих, служащих и учащихся Москвы в народное ополчение и формирование 25 дивизий произвести по районному принципу.

В первую очередь — провести к 7 июля формирование 12 дивизий.

Отмобилизованная дивизия получает номер и название района, например: 1-я Сокольнического района дивизия.

Районы Московской области формируют отдельные подразделения и части и вливают их по указанию Штаба МВО в дивизии гор. Москвы.

3. Для пополнения убыли, кроме отмобилизованных дивизий, каждый район создает запасный полк, из состава которого идет пополнение на убыль.

4. Для руководства работой по мобилизации трудящихся в дивизии народного ополчения и их материального обеспечения в каждом районе создается чрезвычайная тройка во главе с первым секретарем РК ВКП(б) в составе членов райвоенкома и начальника райотдела НКВД.

Чрезвычайная тройка проводит мобилизацию под руководством штаба МВО с последующим оформлением мобилизации через райвоенкоматы.

5. Формирование дивизий производится за счет мобилизации трудящихся от 17 до 55 лет. От мобилизации освобождаются военнообязанные 1-й категории призываемых возрастов, имеющие на руках мобилизационные предписания, а также рабочие, служащие заводов Наркомавиапрома, Наркомата вооружения, Наркомата боеприпасов, станкостроительных заводов и рабочие некоторых, по усмотрению районной тройки, предприятий, выполняющих особо важные оборонные заказы.

Рядовой состав, младший состав, 50% командиров взводов, до 40% командиров рот, медсостав и весь политический состав формируемой районом дивизии комплектуется из рабочих, служащих и учащихся района; остальной начсостав комплектуется за счет кадров РККА.

6. Боевая подготовка частей производится по специальному плану штаба МВО.

7. Отмобилизование и казарменное размещение частей народного ополчения проходит на базе жилого фонда райсоветов (школы, клубы, другие помещения), кроме помещений, предназначенных для госпиталей.

8. Снабжение частей дивизий средствами автотранспорта, мото- и велоснаряжением, шанцевым инструментом (лопаты, топоры), котелками, котлами для варки пищи и вещевым довольствием производится за счет ресурсов Москвы, Московской области и района, путем мобилизации и изготовления этих средств предприятиями района. Штаб МВО обеспечивает дивизии вооружением, боеприпасами и вещевым довольствием.

Боеприпасы и вооружение поступают по линии военного снабжения.

9. Во все время нахождения мобилизованного в частях народного ополчения за ним сохраняется содержание: для рабочих — в размере его среднего заработка, для служащих — в размере получаемого им оклада, для студентов — в размере получаемой стипендии, для семей колхозников назначается пособие согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26.VI.1941 г.

В случае инвалидности и смерти мобилизованного мобилизованный и его семья пользуются правом получения пенсии наравне с призванными в состав Красной Армии.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 110–112.

№ 10

Проекты Указа Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии» и «Положения о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии»*

Не позднее 16 июля 1941 г.

Указ
Президиума Верховного Совета СССР
о реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии

~~В связи~~** *Ввиду* ~~с~~ расширени~~ем~~*я* объема работы *политических работников Красной Армии в связи с навязанной нам войной* и *вследствие* необходимост~~ью~~*и* быстрого реагирования политорганов Красной Армии на все стороны боевой деятельности войск Президиум Верховного Совета Союза ССР постановляет:

1. Реорганизовать управления и отделы политической пропаганды в политические управления и политические отделы Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

2. Ввести во всех ~~войсковых частях, соединениях~~, *полках и дивизиях*, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной Армии институт военных комиссаров, а в ротах, батареях, эскадронах и ~~равных им подразделениях~~ — институт политических руководителей.

3. Утвердить Положение о военных комиссарах *в полках и дивизиях* Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР А. Горкин

* Проекты приводятся в двух вариантах. Окончательный вариант указа с приложением положения был опубликован 17 июля 1941 г. в газете «Правда». В деле имеются сведения о том, что до принятия указа его проект был разослан на ознакомление Г. И. Кулику, Г. К. Жукову, К. Е. Ворошилову и командующим и членам военных советов Северного и Южного фронтов, которые высказались за одобрение данного проекта.

** Здесь и далее в документе зачеркивание произведено И. В. Сталиным, выделенное курсивом вписано И. В. Сталиным от руки.

Проект

Положение
о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии

1. Во всех войсковых частях, соединениях, штабах, учреждениях, управлениях и военно-учебных заведениях Красной Армии как на фронте, так и в тылу учреждается институт военных комиссаров.

2. Военный комиссар является представителем ~~ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны~~ *Партии и Правительства* в Красной Армии и наряду с командиром несет полную ответственность за выполнение *войсковой* частью боевой задачи, за ее стойкость в бою и непоколебимую готовность драться до последней капли крови с врагами нашей Родины и с честью отстаивать каждую пядь советской земли.

~~3.~~ *4.* Военный комиссар обязан всемерно помогать командиру, честно и самоотверженно выполняющему боевые задачи, во всей его работе, укреплять авторитет командира и строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования.

~~4.~~ *3.* Военный комиссар является нравственным руководителем своей части (соединения), первым защитником ее материальных и духовных интересов. «Если командир полка является главой полка, то комиссар полка должен быть отцом и душою своего полка» (Сталин).

~~5.~~ *6.* Военный комиссар воодушевляет личный состав на борьбу с ~~германским фашизмом с целью его быстрейшего разгрома~~ с *врагами нашей Родины.* В наиболее серьезные моменты боя военный комиссар обязан личным примером храбрости и отваги поднять боевой дух *войсковой* части и добиться безусловного выполнения боевого приказа.

~~6.~~ *7.* Военный комиссар обязан поощрять и популяризировать храбрецов, воспитывать у личного состава *войсковой части* отвагу, смелость, хладнокровие, инициативу и сметку, ~~свойственную нашему народу,~~ *воспитывать* презрение к смерти и готовность биться до победоносного конца против врагов нашей Родины.

~~7.~~ *8.* Военный комиссар обязан, опираясь на широкие массы красноармейцев и командиров, вести беспощадную борьбу с трусами, паникерами и дезертирами, насаждая твердой рукой революционный порядок и советскую воинскую дисциплину. Координируя свои действия с органами 3-го Управления Наркомата Обороны, военный комиссар обязан в корне пресекать всякие антисоветские действия и измену.

~~Военный комиссар современно и правдиво информирует вышестоящее командование и политорганы о всех недостатках и нуждах частей и соединений.~~

~~8.~~ *9.* Военный комиссар руководит политорганами, а также партийными и комсомольскими организациями *войсковых* частей.

~~9.~~ *11.* Все приказы по ~~части (соединению,~~ *полку, дивизии,* управлению, учреждению~~)~~ подписываются командиром и военным комиссаром.

10.

~~5.~~

Указ
Президиума Верховного Совета СССР
О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии

~~Ввиду расширения объема работы политических работников Красной Армии в связи с навязанной нам войной и вследствие необходимости быстрого реагирования политорганов Красной Армии на все стороны боевой деятельности войск,~~ *Навязанная нам война в корне изменила обстановку работы в Красной Армии. Война расширила объем* ~~*политических работников*~~ *политической работы в нашей армии и потребовала* ~~*поднять на должную высоту значение поли-*~~

~~тической работы в армии,~~ чтобы политработники не ограничивали свою работу пропагандой, а взяли на себя ответственность также и за военную работу на фронтах.

С другой стороны, война усложнила работу командира в полку и дивизии ~~сделала их работу очень ответственной~~ и требует, чтобы командиру полка и дивизии была оказана ~~прямая~~ полная помощь со стороны политических работников ~~как~~ не только в области политической работы, ~~так~~ но и в области военной.

Все эти новые ~~моменты~~ обстоятельства в работе политработников ~~нашей армии,~~ связанные с переходом от мирного времени к военному времени, требуют ~~изменения в положении политработников~~ того, чтобы была ~~поднята~~ повышена роль и ответственность политработников — подобно тому, как это имело место в период гражданской войны против иностранной военной интервенции.

В соответствии с этим Президиум Верховного Совета Союза ССР постановляет:

1. Реорганизовать управления и отделы политической пропаганды в политические управления и политические отделы Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

2. Ввести во всех полках и дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной Армии институт военных комиссаров, а в ротах, батареях, эскадронах — институт политических руководителей.

3. Утвердить Положение о военных комиссарах в полках и дивизиях Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР А. Горкин

Положение
о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии

1. Во всех полках и дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной Армии как на фронте, так и в тылу учреждается институт военных комиссаров.

2. Военный комиссар является представителем Партии и Правительства в Красной Армии и наряду с командиром несет полную ответственность за выполнение войсковой частью боевой задачи, за ее стойкость в бою и непоколебимую готовность драться до последней капли крови с врагами нашей Родины и с честью отстаивать каждую пядь советской земли.

3. Военный комиссар является нравственным руководителем своей части (соединения), первым защитником ее материальных и духовных интересов. «Если командир полка является главой полка, то комиссар полка должен быть отцом и душою своего полка» (Сталин).

4. Военный комиссар обязан всемерно помогать командиру, честно и самоотверженно выполняющему боевые задачи, во всей его работе, укреплять авторитет командира и строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования.

5. Военный комиссар обязан ~~во время~~ *своевременно* сигнализировать *Верховному командованию и Правительству* о командирах *и политработниках,* недостойных звания командира *и политработника* и порочащих своим поведением честь Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

6. Военный комиссар *должен* воодушевл~~*четять*~~ ~~рабочий состав~~ *войска* на борьбу с врагами нашей Родины. В наиболее серьезные моменты боя военный комиссар обязан личным примером храбрости и отваги поднять боевой дух войсковой части и добиться безусловного выполнения боевого приказа.

7. Военный комиссар обязан поощрять и популяризировать ~~храбрецов~~ *лучших бойцов и командиров,* воспитывать у личного состава войсковой части отвагу, смелость, хладнокровие, инициативу и сметку, воспитывать презрение к смерти и готовность биться до победного конца против врагов нашей Родины.

8. Военный комиссар обязан, опираясь на широкие массы красноармейцев и командиров, вести беспощадную борьбу с трусами, паникерами и дезертирами, насаждая твердой рукой

революционный порядок и ~~советскую~~ воинскую дисциплину. Координируя свои действия с органами 3-го Управления Наркомата Обороны, военный комиссар обязан в корне пресекать всякую измену.

9. Военный комиссар руководит политорганами, а также партийными и комсомольскими организациями войсковых частей.

10. Политрук ~~подчинен~~ *подотчетен в своей работе* комиссару полка, комиссар полка — комиссару дивизии, комиссар дивизии — Военному Совету Армии и Главному Политическому Управлению Красной Армии.

11. Все приказы по полку, дивизии, управлению, учреждению подписываются командиром и военным комиссаром.

Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР А. Горкин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 23. Л. 49–57, 64–70. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 37–40.

№ 11

Проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей

Не ранее 18 июля 1941 г.

Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б)
партийным и советским организациям прифронтовых областей

СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) в своей директиве от 29 июня 1941 года партийным и советским организациям прифронтовых областей, а также в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск» определили задачи партийных и советских ~~организаций~~* *органов* прифронтовых районов и мероприятия по организации борьбы с гитлеровцами в захваченных противником районах.

Между тем СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) располагают фактами, *показывающими,* что многие партийные и советские организации эти указания СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) выполняют неудовлетворительно. До сего времени имеют место факты, когда партийный и советский актив прифронтовых районов вместо того, чтобы проявить наибольшую организованность по укреплению тыла *Красной Армии* и подчинить интересам фронта всю свою деятельность, обеспечив усиленную работу всех организаций, предприятий и колхозов, — нередко, при малейшей угрозе захвата района противником, сами теряют голову, выпускают *руководство* из ~~рук~~ своих ~~руководство~~ *рук и* даже позорно бросают свои ~~боевые~~ посты, отходят в тыл на спокойные места, превращаются на деле в дезертиров и жалких трусов. В ~~многих районах прифронтовой полосы~~ В результате такого позорного поведения партийных и советских руководителей во *многих районах прифронтовой полосы* прекратились работы по уборке картофеля и овощей, приостан~~авливается~~*овилось* выполнение натуральных поставок государству, не обмолачивается хлеб и много ~~хлеба~~ *зерна* остается в скирдах, которые при вынужденном отходе советских войск не уничтожаются и становятся добычей

* Здесь и далее в документе зачеркивание произведено предположительно рукой Г. М. Маленкова, выделенное курсивом вписано предположительно Г. М. Маленкова от руки.

противника. В ряде районов не угоняется в *тыл* общественный скот колхозов, который также становится добычей противника.

~~Подобные преступные~~ *Такие* действия отдельных партийных и советских руководителей районов надо заклеймить как пораженческие, идущие во вред интересам нашей Родины и помогающие врагу.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) требуют от всех партийных и советских организаций прифронтовых районов немедленно покончить с подобными преступными явлениями, фактами и мобилизовать все наши организации на укрепление тыла Красной Армии и на разгром немецких захватчиков. СНК СССР и ЦК ВКП(б) требуют от партийных и советских организаций прифронтовых районов:

1. Обеспечить уборку картофеля и овощей, обмолот зерновых культур и выполнение колхозами натуральных поставок государству. По выполнении колхозами натуральных поставок государству оставшуюся продукцию распределить по трудодням среди колхозников.

Выдачу авансов колхозникам хлеба, картофеля и овощей производить в прифронтовых районах в размере 50% от количества сданного государству хлеба, ~~и в размере 20% от всего накопанного~~ картофеля и ~~заготовленных~~ овощей.

2. Принять все меры к своевременному вывозу из *прифронтовой полосы* в тыл государственных запасов продовольственных товаров и к угону в тыл общественного скота колхозов и совхозов. Птицу, свиней, а также скот, который не может быть гоном эвакуирован в тыл, ~~должен быть~~ *необходимо* сда~~н~~*ть* государству под расписку и забить. Птица *после забоя должна быть заморожена,* свиное и другое мясо *засолено и отправлено в тыл* ~~должны быть зависимо от возможности заморожены или засолены и отправлены в тыл~~.

3. Для того чтобы лишить немцев возможности захватить общественные колхозные фонды, необходимо при эвакуации общественного скота раздавать колхозникам все наличные фонды семян, хлеба и кормов, за исключением того, что окажется возможным эвакуировать вместе со скотом для его подкормки. Поросят и птицу, которы~~е~~*х* не ~~было~~ *представилось* возможн~~ости~~*ым* своевременно забить ~~или~~ *и* вывезти в *тыл,* раздавать колхозникам.

Государственный запас хлеба и других продуктов, который оказалось невозможным *при отходе советских войск* своевременно вывезти *в тыл,* ~~при отходе советских войск~~ должен быть уничтожен или сдан колхозам под расписку для раздачи колхозникам.

4. При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, ни *одного трактора,* не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего.

5. В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской борьбы всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах. *Во всей этой работе обеспечить строжайшую конспирацию.*

6. Для организации подпольных коммунистических ячеек и руководства партизанским движением и диверсионной борьбой в районы, захваченные противником, должны быть направлены наиболее стойкие руководящие партийные, советские и комсомольские работники, а также преданные Советской власти беспартийные товарищи, знакомые с условиями района, в который они направляются. Засылка работников в эти районы должна быть тщательно подготовлена и хорошо законспирирована, для чего следует каждую группу (2–3–5 человек) засылаемых связывать только с одним лицом, не связывая засылаемые группы между собой.

~~7.~~ В районах, находящихся под угрозой захвата противником, руководители парторганизаций должны немедля организовать подпольные ячейки, переведя уже *заблаговременно* часть коммунистов и комсомольцев на нелегальное положение*.

7. Для обеспечения широкого развития партизанского движения в тылу противника парторганизации должны немедля организовать боевые дружины, диверсионные группы из числа участников гражданской войны и из тех товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения, а также из работников НКВД, НКГБ и других. В эти же группы должны быть влиты коммунисты и комсомольцы, которые не используются для работы в подпольных ячейках.

Партизанские отряды и подпольные группы должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями, для чего заблаговременно должны быть в надежных местах зарыты и запрятаны необходимые запасы.

Необходимо также заблаговременно позаботиться об организации связи подпольных ячеек и партизанских отрядов с советскими районами, для чего их снабдить радиоаппаратами, использовать ходоков, тайнопись и прочее, а также обеспечить посылку, печатание на месте листовок, лозунгов, газет.

8. СНК СССР и ЦК ВКП(б) требуют, чтобы руководители парторганизаций лично руководили всей этой борьбой в тылу немецких войск, чтобы они вдохновляли на эту борьбу преданных советской власти людей их личным примером, смелостью и самоотверженностью, чтобы все эта борьба получила размах непосредственной, широкой героической поддержки Красной Армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращают внимание всех советских и партийных организаций на то, что нельзя преуменьшать трудности стоящих перед нами задач. Только напряжением всех наших сил, сокрушая вылазки врага и преодолевая колебания неустойчивых и паникерских элементов, мы сумеем успешно решить все наши задачи как на фронте, так и в тылу Красной Армии. Партийные организации должны неустанно разъяснять трудящимся новые задачи и обязанности нашего народа, которые поставила перед нами война не на жизнь, а на смерть с нашим заклятым врагом — германским фашизмом. В беспощадной борьбе с врагом надо отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села. Необходимо всемерно крепить нашу Красную Армию и тыл Красной Армии. Необходимо направить все силы на разрушение тыла нашего врага, на уничтожение захватчиков всеми средствами.

Председатель Совнаркома СССР и секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин
Зам. председателя Совнаркома СССР В. Молотов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 416. Л. 16–22.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 41–43.

---

* Абзац перенесен в конец пятого пункта.

№ 12

Записка П. К. Пономаренко И. В. Сталину «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР»

18 августа 1941 г.

Центральный комитет ВКП(б)
товарищу Сталину И. В.

Все наиболее значительные предприятия числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью. Крупные предприятия эвакуировались комплексно: оборудование, материалы, рабочая сила — и уже восстанавливаются в других городах Союза. В числе этих предприятий — станкостроительные заводы, Гомсельмаш, очковая фабрика, Паровозоремонтный завод, пресса [завода] дельта-древесины. Могилёвский авиационный завод № 459 эвакуирован в Куйбышев. Вывезено более 400 станков, все металлы, инструменты, электромоторы, кабели. Весь состав квалифицированных рабочих и ИТР. Вывезены полностью также Оршанский льнопрядильный комбинат, Кричевский цементный завод, судоремонтные мастерские, труболитейный завод и другие.

Кроме этого, большое количество средних и мелких предприятий (спиртзаводы, льнозаводы, кирпичные) и оборудования, и материалы промышленной кооперации.

Из ценного технологического оборудования эвакуировано:

1. Металлообрабатывающих станков — 3201.

2. Производственно-техническ. оборудования (станки и машины — 9607 единиц), в том числе:

а) Текстильные — 5 ед.

б) Швейные — 650 ед.

в) Кожобувные — 8 ед.

г) лесообрабатывающей, спичечной и бумажной промышленности — 486 ед.;

д) трикотажные — 4740 ед.;

е) прочие — 538 ед.

3. Турбогенераторов мощностью в 32 тыс. кВт — 18 шт.

4. Электромоторов (без моторов и индивидуальных проводов) — 3664 шт.

5. Трансформаторов мощностью в 58 тыс. кВт — 69 шт.

6. Кабель силовой — 44 километра.

7. Цветных металлов — 842 тонны.

Ценой огромных усилий, в сложной обстановке, удалось вывезти пресса Микашевичского завода дельта-древесины. Они уже установлены в другом месте и работают.

ЗЕРНОПРОДУКТЫ

1. Было зернопродуктов в БССР — 151 475 тн.

В том числе муки — 67 913 тн.

2. Отгружено в Ярославскую, Московскую и другие области — 44 765 тн.

3. Уничтожено — 42 500 тн.

4. Передано воинским частям — 10 350 тн.

5. Использовано на снабжение областных и райцентров — 26 115 тн.

6. Оставшееся зерно в тылу у противника (об уничтожении которого не донесено) — 27 745 тн.

ЭВАКУИРОВАНО СКОТА, ТРАКТОРОВ И КОМБАЙНОВ

7. Эвакуировано скота всех видов всего — 600 000 голов

В том числе крупного рогатого скота — 340 000 голов

8. Эвакуировано тракторов — 4000 шт.
Кроме того, передано РККА — 300 шт.
9. Эвакуировано комбайнов — 400 шт.
10. Эвакуировано молотилок — 150 шт.
Эвакуация комбайнов, тракторов, хлеба продолжается.

АРХИВЫ И ЦЕННОСТИ

Полностью эвакуированы денежные знаки и ценности Белорусского отделения Госбанка в Минске и 9 областных банков (о Бресте сведений нет). То же относится и к сберегательным кассам.

Центральный партархив КП(б)Б вывезен полностью и находится в Уфе. Секретный архив, учетные дела парткадров также полностью вывезены.

Из 212 — 201 горком и райком КП(б)Б учетные партийные карточки и другие секретные материалы эвакуировали, и они направлены для хранения через ЦК ВКП(б). Один райком сжег документы на месте, в трех райкомах документы остались, и о семи нет сведений. Архивы НКГБ и НКВД эвакуированы также полностью.

Многие наркоматы и Президиум Верховного Совета БССР секретные архивы уничтожили. Минские предприятия не эвакуированы вследствие перехвата коммуникации врагом, разрушений и общего пожара города в результате беспрерывных бомбардировок.

Станкостроительный завод Кирова разгромлен и сожжен в первые же дни целиком. На заводе им. Ворошилова оборудование испорчено.

Архив Совнаркома БССР и ряда наркоматов остался в Минске и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и председателем СНК БССР. Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мною был послан отряд 27.VI.1941 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог.

Эвакуация продолжается даже из занятых немцами областей. Колхозники через Полесье выгоняют к нам скот.

Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пономаренко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 426. Л. 15–18. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 66–68.

№ 13

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»

28 августа 1941 г.
Москва, Кремль

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районе Поволжья, советским властям не сообщал — следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в Республике Немцев Поволжья или в прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

*Опубликовано: Мировые войны XX века. В 4-х кн.
Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005. С. 228.*

№ 14

Из приказа наркома обороны СССР И. В. Сталина о задачах партизанского движения

5 сентября 1942 г.

<...> История войн учит тому, что победа над захватчиками часто достигалась не только борьбой одной регулярной армии, но одновременно и народным партизанским движением, способствовавшим окончательному разгрому захватчиков.

Так было в Отечественную войну 1812 года. <...>

Так было и в годы гражданской войны. <...>

Партизаны наносят серьезный урон живой силе, технике и дезорганизуют тыл противника. Однако партизанское движение еще не развернулось полностью, еще не стало делом всех и каждого, кто очутился в лапах немецких хищников, тогда как налицо все условия для повсеместного быстрого развития всенародной партизанской борьбы против немецких оккупантов.

<...> Существующие сейчас партизанские отряды не должны замыкаться, а втягивать в партизанскую борьбу все более широкие слои населения. Нужно наряду с организацией новых партизанских отрядов создавать среди населения проверенные партизанские резервы, из которых и черпать пополнения или формировать дополнительно новые отряды. Нужно повести дело так, чтобы не было ни одного города, села, населенного пункта на временно оккупированной территории, где бы ни существовало в скрытом виде боевого резерва партизанского движения. Эти скрытые боевые партизанские резервы должны быть численно не ограничены и включать в себя всех честных граждан и гражданок, желающих освободиться от немецкого гнета.

Основные задачи партизанских действий: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей.

В настоящий момент разрушение путей подвоза врага имеет важнейшее значение. Враг сейчас вынужден перебрасывать резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт из далекого тыла, а также перебрасывать из нашей страны в Германию награбленный хлеб, мясо и всякое другое имущество. Железные, шоссейные дороги, по которым враг питает свои войска, растянулись на тысячи километров. Во многих местах они пересекаются лесами. Это создает благоприятные условия для действий партизанских отрядов по разрушению путей подвоза. Закрыть пути подвоза — значит, лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горючим, боеприпасами, а также вывозить в Германию награбленное в нашей стране народное добро и тем самым облегчить Советскому Союзу разгром врага. <...>

8. Беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей Родины, находящихся на службе у врага. В этих целях постоянно наблюдать за генералами и крупными чиновниками. Выяснять, куда и по какому пути ездят, ходят, с кем ведут знакомство из местных жителей, какого поведения; кто и как их охраняет.

9. Партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной Армии. <...>

10. Руководящим органам партизанского движения, командирам и комиссарам партизанских отрядов наряду с боевой работой развернуть и вести среди населения постоянную политическую работу, разъяснять правду о Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели кровожадных оккупантов. Разоблачать на фактах лживую немецкую пропаганду, воспитывать ненависть и озлобление к немецким захватчикам. В этих целях организовать издание газет, листовок и других печатных материалов на оккупированной территории. <...>

Совместными действиями Красной Армии и партизанского движения враг будет уничтожен.

Народный комиссар обороны СССР — И. Сталин

Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1947. № 5. С. 11–14.

№ 15

Записка П. К. Пономаренко И. В. Сталину «К вопросу о постановке диверсионной работы»

21 сентября 1941 г.

Центральный Комитет ВКП(б)
товарищу Сталину И. В.

Считаю неотложно необходимым доложить Вам соображения о состоянии и необходимых мероприятиях по диверсиям в тылу у противника. Эти соображения основаны на двухмесячном опыте руководства диверсионными мероприятиями в Белоруссии и на изучении работы талантливых диверсантов-командиров.

Организованная систематическая диверсионная работа в тылах противника представляет огромную силу, значение которой для операций фронтов и армий трудно переоценить.

Танковый батальон — грозная сила на поле сражения, в эшелоне совершенно беззащитен и ликвидируется с успехом 2–3 диверсантами.

То же самое относится и к пехотным, артиллерийским, авиационным и другим частям.

Диверсанты могут уничтожать их еще до ввода в бой или замедлять их движение, доставку на фронт.

Можно совершенно надежно закрыть движение на железнодорожных магистралях и полностью закрыть ночное движение на автомобильных дорогах и сделать неполноценным на них дневное движение. Это заставит противника снять с фронта и поставить на охрану коммуникаций десятки дивизий, которые, в конечном итоге, только затруднят диверсию, но никогда не добьются ее ликвидации.

Мы имеем неплохие примеры организации диверсионной работы и много примеров прекрасной работы диверсантов. Опишу кратко заслуживающую внимания работу Гомельской диверсионной школы.

В июле месяце Центральным Комитетом КП(б) Белоруссии была организована в г. Гомеле диверсионная школа. В школу набирались главным образом колхозники. Учились они пять дней под руководством опытных инструкторов применению различного рода взрывной техники. Техника, кроме взрывателей, готовилась в мастерской школы.

Через 5 дней практического обучения колхозник, дрожавший ранее при одном слове диверсия, практически убедившись, как легко летят в воздух куски рельс и мостов под воздействием им же самим приготовленного и поставленного заряда, шел смело в тыл. Он знал, что добраться и скрываться в своих местах легко, а снарядом он управлять научился.

Нужно заметить, что диверсия — это наиболее удобный и любимый крестьянами вид участия в партизанском движении. Диверсант может действовать в любой местности, в том числе и безлесной, где партизану трудно. Диверсант не боится, что деревню немцы сожгут, как это они делают за участие в партизанском отряде, так как действует диверсант вдали от деревни и не связан с местонахождением отряда.

Гомельская школа за 2 месяца подготовила практически и забросила в тыл 2960 диверсантов с соответствующей техникой, сделанной в мастерской школы.

Кроме того, школой подготовлено 59 групп диверсантов для консервации, они расставлены заранее на нашей территории, на случай прихода противника. Сейчас территория эта занята врагом, и они действуют.

Опыт школы быстро стал распространяться на соседние области и Украину. В школе по просьбе Н. С. Хрущёва и Бурмистенко были подготовлены кадры для Киевской школы и создана в Киеве сама школа. По просьбе обкомов ВКП(б) и областных управлений НКВД школой были подготовлены инструктора-диверсанты:

для Смоленской области — 32 человека,
для Московской области — 10 человек,
для Орловской области — 50 человек,
для Курской области — 5 человек,
для Тульской области — 10 человек,
для Черниговской области — 12 человек.

В результате эти области начали широкую подготовку диверсантов, правда, на более низкой технической основе.

Отсюда ясно видно значение и роль диверсионной школы для массовой подготовки диверсантов. Она, помимо своей воли, превратилась в известного рода организующий центр для ряда прифронтовых областей.

Случилось это потому, что в школе собрались настоящие опытные инструктора, любители дела. А главное, потому, что диверсанты, посланные школой, были настоящие диверсанты, обученные технике дела и действовавшие поэтому успешно.

Приведу несколько примеров превосходных действий подготовленных школой диверсантов.

Несколько пятерок диверсантов, подготовленных в школе и засланных в тыл немцев, специально на ж. д. линию Слуцк — Осиповичи — Бобруйск, взорвав пути, пустили под откос 3 воинских эшелона и закрыли линию для движения.

Несколько диверсионных групп этой же школы взорвали на ж. д. линии Бобруйск — Житковичи все трубы под насыпями, стрелочные переводы и надолго вывели линию из строя.

Группа 69-Б Гомельской диверсионной школы 17 августа на станции Старушки взорвала путь и пустила под откос бронепоезд противника.

Группа 75-Б той же школы заминировала шоссейную дорогу Минск — Старобин одной миной. На ней взорвалась передовая машина немецкой мотоколонны. 25 солдат было убито, колонна остановилась и в течение 3-х часов подвергала окружающие леса жесточайшему и бесцельному обстрелу. Затем из окрестных колхозов был согнан скот и пущен впереди колонны. До самого Старобина немецкая мотоколонна, полагая, что дорога и дальше заминирована, ехала вслед за скотом.

Можно с уверенностью сказать, что налетами авиации не удалось бы задержать мотоколонну настолько, насколько ее задержали 5 человек одной удачно примененной миной.

Можно привести еще много примеров замечательной диверсионной работы по взрыву мостов, сооружений, пуску под откос эшелонов, уничтожению автомашин.

Однако в целом постановку диверсионной работы у нас следует признать совершенно неудовлетворительной, не соответствующей ни огромным возможностям, которыми мы располагаем, ни интересам обороны родины.

Фронты и армии правильно поставленной, сколько-нибудь широкой диверсионной работы не ведут. Разведупры и особые отделы засылают ничтожное количество людей. Эти люди, взятые отдельно, действуют неплохо, но в целом их работа оперативного значения не имеет.

Много и других организаций занимается засылкой диверсантов. Однако государственного контроля за постановкой дела нет. Послал пять групп — хорошо, десять — еще лучше, а в самом деле мог бы подготовить и послать сотню групп и, надлежаще их направив на обстрел магистрали, увязав с операциями армии — фронта, сделал бы огромное дело. Сейчас дело не в том, чтобы длительно готовить группы или одиночек диверсантов-«классиков». Нет слов, «классики» сработают прекрасно, но они не решат дела.

Сейчас необходима широко организованная, планомерная, систематическая, массовая диверсионная работа, для которой у нас такие изумительные возможности, каких никогда не имела никакая армия в мире.

В самом деле, фронт проходить необычайно легко — и в тыл врага, и из тыла. В тылу немцев почти нет, территория огромная, много лесов, и проникать всюду легко. Население оказывает охотно любую помощь. Кадры для подготовки диверсантов неограниченные в количестве и высокого качества. Диверсия в этих условиях, как показал опыт, простое, нетрудное и менее опасное, чем участие в боях на фронте, дело. Надо решительно искоренить кустарщину, разобщенность, мелочность и в ряде случаев пренебрежение к диверсионной работе.

Нельзя пренебрегать и держать под спудом грознейшее оружие, не требующее к тому же ни больших затрат, ни новых производств.

Что необходимо сделать?

1. Необходимо развернуть при фронтах и отдельных армиях 12—15 диверсионных школ с 10-дневным курсом практического обучения с изготовлением взрывной техники в мастерских при школах. В каждой школе примерно 500 обучающихся, следовательно, ежедневный выпуск школы — 50 человек, а всего по школам — 750 человек в сутки, или свыше сотни диверсионных групп. Это для начала очень хорошо.

2. В виде опыта необходимо организовать при фронтах специальный батальон диверсантов. В Испании существовала бригада диверсантов. Действовала она поротно на участках и соединялась в бригаду для нанесения диверсионного удара оперативного значения. Может быть, командный состав батальона диверсантов и будет являться постоянным инструкторским составом диверсионной школы. Это предположительно и необязательно.

3. Руководство диверсионной работой надо во фронте — в армии возложить на специального члена Военного совета фронта — армии, ведающего только вопросами работы в тылу противника. Такого члена Военсовета необходимо ввести.

4. Необходимо создать подчиненную наркому обороны инспекцию или группу по контролю и координации вопросов широкой подготовки диверсантов, снабжению спецтехникой и т. д.

5. В ЦК ВКП(б) необходимо создать сектор или отдел по работе в тылу у врага, под наблюдением которого должны быть и диверсионные мероприятия.

6. Школу ЦК КП(б) Белоруссии, находящуюся в г. Орле, как накопившую известный опыт, сделать центральной школой по подготовке инструкторов-диверсантов или передать Брянскому фронту.

7. Подготавливать диверсантов необходимо не только для направления в тыл, но и для оставления в прифронтовых районах в зоне 100—150 км от фронта. Опыт показал, что оставленные диверсанты действуют наиболее надежно. Процент выполнения боевых заданий ими колеблется от 50 до 60%. Кроме того, для этого вида работы очень подходят девушки, женщины и подростки. Для них кроме обычной аппаратуры должны изготовляться заранее куски цветных металлов, угля, дров с вделанными в них взрывными снарядами. Такая техника позволяет без всякого риска взрывать топки паровозов, плавильные печи и т. д.

8. Сейчас имеется талантливейшее изобретение — электрохимический взрыватель замедленного действия. Этот портативный дешевый и надежный взрыватель, могущий быть поставленным для действия в диапазоне времени от 2-х часов до 100 суток, заменяет собой дорогостоящие, громоздкие и неудобные в установке часовые механизмы для мин замедленного действия. Этот взрыватель буквально открывает эру в деле минирования дорог и предприятий при отходе и в тылу и имеет огромное значение в любом диверсионном деле. Образец* его (холостой) я Вам посылаю, его немедленно надо ставить в производство. Для этого нужен, собственно, даже не завод, а мастерские.

9. В каждом деле наиболее важная сторона — кадры. Сейчас выявились очень умелые, знающие хорошо диверсионное ремесло руководители. Лично я испытал и видел на деле, таких как:

1) полковник Старинов,

2) дивизионный комиссар Туманьян,

3) полковник Мамсуров**.

Они еще называют капитана Потрохальцева, майора Сухинина, полковника Кочегарова. Это люди, любящие дело, способные его двинуть. А полковник Старинов себя блестяще показал в диверсионной школе ЦК КП(б) Белоруссии.

Прошу обратить, товарищ Сталин, внимание на это дело и помочь ему.

Результаты превзойдут все предположения и ожидания.

Пономаренко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 470. Л. 33—40. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941—1945. М., 2010. С. 70—73.

---

* Образец уничтожен 29.X.1970 г. Назарова (сноска документа).

** Пост. ГКО № 2133 от 3.VIII.1942 г. утвержден Мамсуров Х. Д. (сноска документа).

№ 16

Записка Г. Димитрова В. М. Молотову

14 октября 1941 г.

Товарищу Молотову

Дорогой товарищ Молотов,

Посылаем Вам русский перевод воззвания ЦК Коммунистической партии Германии. Немецкие товарищи считают, что воззвание нужно использовать как документ, написанный и распространенный внутри Германии. Мы придерживаемся того же мнения. Прошу Ваших дальнейших указаний.

С товарищеским приветом, Г. Димитров

Приложение

К немецкому народу и к немецкой армии!

Рабочие! Крестьяне! Все граждане!

Свыше двух лет германский народ истекает кровью ради безумных планов Гитлера, стремящегося к мировому господству. В эти тяжкие дни Коммунистическая партия Германии обращается к немецкому народу и к немецкой армии. Мы, коммунисты, неоднократно предостерегали вас, какую огромную опасность представляет Гитлер для нашего народа и для нашей страны. Мы призывали вас к борьбе против изверга Гитлера. Мы говорили вам, что Гитлер — это нужда без меры, позор без примера и война без конца. Но никогда раньше наше национальное несчастье не было столь огромно, как в нынешний момент. Военные успехи Гитлера в Голландии, Бельгии, Франции, на Балканах не принесли мира, а только новые войны, новые, еще большие жертвы и страдания.

Двадцать второго июня своим коварным и вероломным нападением на Советский Союз Гитлер свершил самое тяжкое преступление против немецкого народа и навлек на Германию величайшее бедствие. Миллионы немецких солдат за эти четыре месяца войны бессмысленно принесены в жертву. И сейчас Гитлер гонит немецкую армию через горы трупов на новое, самое кровавое наступление. С беспримерным цинизмом он обещает измученным и отчаявшимся немецким солдатам, что это наступление принесет конечную победу и мир.

Но вспомните, немецкие солдаты! Уже год тому назад Гитлер хвастался тем, что исход войны решен и Англия разгромлена. Это была ложь. С тех пор Англия стала только сильнее. В июле этого года Гитлер заявил, что Красная Армия уничтожена. Это была ложь. Сопротивление Красной Армии стало еще более упорным и могучим. И сегодня сами солдаты и их семьи все больше сознают роковую истину: миллионы и миллионы немцев никогда не вернутся домой с поля битвы, разыгрывающейся на необъятной территории Советской России. Никогда еще ни одно правительство Германии не бросало так азартно на истребление целое поколение немцев, как это сделал Гитлер.

Перед лицом этой кровавой катастрофы каждый немец задает себе вопрос: почему начата эта преступная война против Советской России? Вы помните, как были мы все потрясены вестью о нападении на Советский Союз. Мы знали, что русский народ был другом немецкого народа и немало дал доказательств этой дружбы со времени 1918 года. Он поддерживал Германию в тяжкие дни Версаля. Советский Союз подписал с Германией Раппальский договор, когда Германия была изолирована. Мы знали, что Германия и Советский Союз заключили пакт о ненападении. Мы знали, что Советский Союз строго соблюдал этот пакт. Никогда

Гитлер до 22-го июня не предъявлял никаких жалоб и претензий. Все лживые утверждения Гитлера после его предательского нападения на СССР опровергаются фактами. Миллионы наших солдат могут подтвердить, что не Советский Союз, а Гитлер в начале этого года сконцентрировал огромные военные силы на границе Советской России. Гитлер послал немецкие войска в Финляндию, Румынию и Болгарию, чтобы занять выгодные исходные позиции для нападения на Советский Союз. Без всякого предупреждения немецкие воздушные силы по приказу Гитлера бомбардировали мирные советские города. Без объявления войны Гитлер вероломно бросил немецкую армию против Советской России. Если бы Советский Союз имел намерение посягнуть на Германию, он не стал бы ожидать нападения немецкой армии. Известно, что Советский Союз мобилизовал свои вооруженные силы лишь после вторжения германской армии в Советскую страну. Факты обвиняют Гитлера. И ему не удастся убедить немецкий народ в справедливости этой злодейской войны, доказать, что эта война была необходима или неизбежна.

Гитлер напал на Советский Союз, чтобы ограбить его, чтобы использовать его сырье и богатства для войны против Англии и подготовить свою войну против США. На грабительской войне против Советского Союза хотят нажиться алчные немецкие плутократы и нацистские главари. Но от этой войны ничего не выиграет немецкий народ. От этой грабительской войны станет богаче концерн Геринга, германский народ станет еще беднее, а многомиллионный русский народ станет непримиримым врагом Германии.

Гитлер оказался в своей политике не только угнетателем народов, но и недальновидным и глупым политиком. Своей глупой и близорукой политикой он добился того, что он объединил в едином фронте Англию, СССР и США. Он боялся войны на два фронта. А на деле он создал против себя союз трех великих держав, представляющих три фронта могучих держав против Германии. Трудно представить себе более глупую и более идиотскую политику.

Немецкие рабочие! Разве не является позором для вас, что вы не препятствуете Гитлеру вести войну против единственного социалистического государства мира, что вы куете на заводах оружие против страны, где хозяевами являются рабочие и крестьяне? Не понимаете ли вы, что тем самым вы куете цепи еще худшего собственного рабства?

Немецкие солдаты! Хотите ли вы проливать вашу кровь и гибнуть бесчестно, как ландскнехты реакции в борьбе против народа, который мужественно защищает свою страну, свою свободу, свой социалистический строй?

Немецкому народу хватит этой преступной войны. Она принесла ему нужду, несчастье и позор. Немецкий народ хочет мира. Но каждый военный успех Гитлера лишь затягивает войну, увеличивает потери, ввергает Германию еще глубже в пропасть. Переутомленный изнурительной работой, голодающий, без обуви и раздетый, дрожащий за жизнь своих сыновей, преисполненный глубокой тревоги, вступает наш народ в третью зиму войны.

Вокруг Германии подымается ненависть народов, которые дольше не хотят переносить его рабства и террора. Война этих порабощенных и истязуемых народов против Гитлера — справедливая война. Немецкий народ не может взять на себя позорную роль душителя и палача свободолюбивых народов.

Если он хочет быть сам свободен, если он хочет смыть с себя позорное пятно преступлений Гитлера, он должен поддерживать освободительную борьбу народов Европы и, прежде всего, великую освободительную войну Советского Союза.

Эта война — безнадежная для германского народа война. Гитлер бросил все свои резервы против Советского Союза, и тем не менее он не в силах одолеть советский народ и его Красную Армию. Материальные и моральные резервы Советского Союза неиссякаемы. За каждым фронтом подымается новый фронт. За каждый шаг вперед немецкие солдаты платят кровью и трупами. И в то время как немецкая армия истекает кровью в войне против Советского Союза, Англия накапливает огромные силы во всех концах своей мировой империи. Соединенные Штаты Америки ставят на службу народов, борющихся за свободу, всю их гигантскую военную промышленность. Только сумасшедший может думать, что Гитлер в силах одолеть такую мировую коалицию. Поражение Гитлера неизбежно.

Предчувствуя свою неумолимо надвигающуюся гибель, втаскивая Германию во все новые авантюры, Гитлер пытается приковать к себе немецкий народ лживыми утверждениями, что поражение его, Гитлера, будет катастрофой для Германии. Но история учит, что никогда народы не погибали оттого, что они низвергали преступные правительства. Наоборот! Низвержение таких правительств способствовало возрождению и материальному и моральному подъему народа.

Единственное спасение немецкого народа — это покончить с войной. Но, чтобы покончить с войной, необходимо свергнуть Гитлера. Война будет продолжаться до тех пор, пока Гитлер и его шайка правят Германией. И горе нашему народу, если он свяжет до конца свою судьбу с Гитлером, если мы сами, немцы, не наведем порядок в Германии, а предоставим другим народам очищать Европу от фашистской чумы.

Пробил час, когда наш народ должен взять судьбу Германии в свои собственные руки, покончить с войной и добиться почетного мира. Мы обращаемся ко всем немцам, которым невмоготу переносить бедствия войны, к солдатам на фронте, к их семьям, к рабочим, крестьянам и всем гражданам в тылу и зовем их: Боритесь за прекращение войны! Боритесь за спасение Германии! Гитлер — это война без конца. Путь Гитлера ведет к истреблению народа, к крушению страны, к катастрофе. Этот путь — не путь немецкого народа.

У немецкого народа есть свой, другой путь. Этот путь ведет через освобождение немецкого народа от гитлеровского угнетательского режима, через завоевание такой Германии, которая, наконец, сумеет жить в мире и станет воплощением подлинной воли народа. Это будет Германия без господства плутократических хищников и фашистских разбойников; Германия, где властвовать будет наш честный трудолюбивый народ. Это будет Германия, в которой не будет безработицы, в которой будет гарантировано право на труд, в которой крестьянин будет свободно распоряжаться продуктами своего труда. Это будет Германия, где будет покончено с фашистским варварством; Германия, в которой не богатства и происхождение, а способности и труд человека будут определять его положение в обществе. Это будет Германия, в которой не будет вопиющего противоречия между богатством одних и ужасающей нищетой других. Это будет Германия целостная, независимая, равная среди равных; Германия, живущая в мире со всеми народами.

Рабочие, крестьяне и все граждане!

Боритесь за такую Германию! Установление такой Германии будет подлинной, самой великой победой германского народа в этой войне.

Если Вы не станете на этот справедливый и достойный путь, вы рискуете пережить разгром германской армии и германского государства, более потрясающий, чем это имело место в первой мировой войне. А это будет означать раздробление Германии и возмещение военных убытков, нанесенных Гитлером Европе и СССР.

Долой Гитлера и его шайку Геббельсов, Герингов, Гиммлеров и Риббентропов!

Солдаты! Кончайте войну! Отказывайтесь наступать!

Рабочие! Всеми средствами останавливайте военную машину Гитлера!

Женщины! Требуйте возвращения ваших мужей, братьев и сыновей с фронта!

Немецкий народ! Вперед на борьбу за народную Германию, Германию мира и свободы!

Центральный комитет Коммунистической партии Германии Вильгельм Пик

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 417. Л. 19–25. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 79–81.

№ 17

Постановление Государственного Комитета Обороны СССР об эвакуации г. Москвы

15 октября 1941 г.

Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев. (НКПС — т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД — т. Берия организует их охрану.)

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 428. Л. 44.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 82.

№ 18

Основные положения по борьбе с партизанами, утвержденные главнокомандованием сухопутных войск германского вермахта и разосланные во все части, действовавшие на советско-германском фронте*

Ставка главного командования
Сухопутной армии

25 октября 1941 г.

Главнокомандующий Сухопутной армией
Генштаб Сухопутной армии
Отдел боевой подготовки (1а)
№ 1900/41

Одобряю «Основные положения по борьбе с партизанами»
Фон Браухич

Разослать до батальонов

Основные положения по борьбе с партизанами
А

Русские партизаны наносят удар не только по мелким войсковым частям и соединениям действующих войск, но и разрушают военные сооружения и связь тыловых районов. Отсюда задачи всех войсковых частей и войсковых соединений в восточных областях — обнаружение и уничтожение партизан.

---

* Этот документ и. д. начальника Разведывательного управления Генштаба Красной армии генерал А. Н. Панфилов 7 января 1942 г. направил И. В. Сталину.

Отсюда основные задачи: постоянная бдительность, планомерная разведка и энергичная борьба с партизанами, особенно в то время, когда на фронте наступает затишье, появляются тенденции успокоенности, понижается бдительность.

Партизаны, несмотря на их коварство и хитрость, не могут причинить ущерба бдительной части с энергичным командиром. Только слабость и ошибки в организации нашего охранения обуславливают им успех. Борьба с партизанами значительно облегчается, если германским войскам удается благоразумным, рассчитанным обращением завоевать доверие населения, путем уверенных, энергичных действий создать впечатление превосходства сил германской армии и прочности ее охраны.

Б. Организация и деятельность партизанских отрядов

1. Общее

Партизанская борьба с вступающей на русскую землю армией с целью ее ослабления являлась во всех известных случаях истории действенным средством в руках русского военного командования. С большим успехом этот метод борьбы применялся против варяг, татар, шведов, Наполеона и против германской армии в мировую войну.

В настоящую войну русское командование также применяет этот метод борьбы. Сталин сам подчеркивал, что цель партизанской войны в тылу армии противника — «создать в оккупированных противником областях невыносимые условия». Данные об истории партизанской войны см. приложение а).

2. Организация партизанских отрядов

Партизанские отряды организуются противником до занятия района нашими войсками или стихийно создаются вокруг назначенного командира из рассеянных нашими частями красноармейцев и местных жителей. Необходимо иметь в виду, что они могут постоянно усиливаться за счет парашютистов.

Численность и состав партизанских отрядов различны в зависимости от поставленных задач, местности, ресурсов и от расположения противника. Преимущество мелких групп в том, что они более подвижны, а поэтому они находят наибольшее применение.

Партизаны организуются в:

а) Партизанские отряды от 75—100 человек, отряд состоит из 2—3 рот, в каждой роте по 2—3 взвода. Действие ротами или взводами.

б) Диверсионные группы численностью от 3 до 10 человек. Объединение групп в отряды служит организационным целям. Командир отряда ставит задачу группам.

3. Вооружение и снаряжение

а) Винтовки, по возможности автоматические, ручные пулеметы, легкие гранатометы, пистолеты, пистолеты-пулеметы, ручные гранаты, взрывчатые и горючие вещества. Боевые отряды располагают также станковыми пулеметами, тяжелыми минометами и орудиями. Кроме того, винтовками со звукоглушителями, зажигательными боеприпасами и партизанскими пистолетами.

б) Приборы световой сигнализации и радиоприборы, ракетные пистолеты. Лошади и автомашины реквизируются. Одежда, общепринятая в данной местности, а также форма противника. Удостоверения фальшивые, по возможности удостоверения противника.

4. Снабжение

а) Снабжение идет за счет местного населения. Оружие, боеприпасы пополняются за счет трофеев или сбрасываются на парашютах.

б) Склады снабжения заблаговременно организуются и пополняются. Их местоположение точно известно командирам групп и отрядов. Склады замаскированы и на картах не наносятся.

5. Боевые задачи и методы борьбы

Высшее командование ставит задачи только в больших рамках, выполнение боевой задачи предоставляется инициативе подчиненного командира.

Задачи:

а) Внезапное нападение на отдельные автомашины, на колонны снабжения, на места привалов, штабы, аэродромы, железнодорожные эшелоны, склады с боеприпасами и продовольствием.

б) Разрушение железнодорожного полотна, искусственные сооружения, нарушение телефонной связи.

в) Захват документов и доставление сведений о расположении противника.

г) Моральное воздействие на местное население.

6. Действия партизанских отрядов

а) Никакой борьбы без предварительной разведки; в целях разведки привлекаются старики, женщины и дети. Сведения собираются людьми в одежде сельских рабочих. Используются связисты, в необходимых случаях при помощи террора. Они никогда не должны знать расположение и численность отряда.

б) Марши только ночью. Днем партизаны прячутся в лесах, болотистых местностях или в заброшенных постройках. Постоянная перемена места расположения.

в) Внезапное нападение производится обычно на непроходимой местности, на поворотах дорог, в оврагах, ночью и на рассвете. При нападении на колонну уничтожаются первая и последняя автомашины. Чтобы способствовать успеху, создаются заграждения.

г) Крушения железнодорожных эшелонов посредством разборки рельс, по возможности на крутых склонах, закладка взрывчатых веществ. Выскакивающие из поезда солдаты уничтожаются огнем.

д) Нападения никогда не совершаются на одном и том же месте. Бой непродолжительный. Пути отступления и места сбора назначаются заранее. Об их расположении противник заводится в заблуждение. Перед нападением нарушается связь противника.

е) При нападении на склады бесшумно снимаются посты и охранения. Предварительная, особо тщательная разведка. Вступают в бой с подходящим для ликвидации пожара противником.

ж) Перерезается телефонная проводка, подпиливаются телеграфные столбы. Замыкание всех проводов на столбе производится тоненькой проволочкой.

з) Отобранные документы ни в коем случае не уничтожаются, а доставляются высшему командованию.

и) Моральное воздействие на население частыми выступлениями, цель которых подорвать веру в силу противника. Распространение ложных сведений, в отдельных случаях террор. В форме противника партизаны сближаются с военнослужащими оккупированных частей, чтобы подорвать их боевой дух.

Приложение б) содержит донесение опроса одного партизана и дает представление об их действиях и подготовке к зиме.

В. Указания по борьбе с партизанами

1. Принципы командования

Партизанское движение не останавливается ни перед жизнью, ни перед имуществом своих, не причастных к партизанскому движению сограждан. Русский народ, в особенности крестьяне, отвергают этот метод борьбы, родившийся из террора. Современная борьба партизан является борьбой за большевизм, она не является народным движением.

Метод борьбы партизан самый разнообразный. В его основе лежат хитрость и коварство. Знание способов и методов борьбы партизан является предпосылкой для успешной борьбы с ними. К тому же часто отдельному солдату приходится вести борьбу с партизанами самостоятельно.

Подавление партизанского движения не должно исчерпываться охраной одного какого-либо участка местности. В борьбе с партизанами противнику должна быть навязана собственная инициатива боя. Поэтому бою с этим особо коварным врагом должна предшествовать планомерная разведка для того, чтобы иметь представление о его организации, численности и намерениях и тем самым создать основные принципы для собственного плана борьбы и возможно лучше использовать имеющиеся в распоряжении силы. Быстрая передача донесений и хорошая согласованность действий с соседями приобретают особое значение в боях на огромной и неприспособленной для наблюдения местности.

Противник должен быть полностью уничтожен. Полная решимость уничтожить партизан и заподозренных является часто не под силу даже для самого черствого солдата. Но это необходимо. Правильно поступает тот, кто, полностью пренебрегая личными чувствами, беспощадно и бессердечно действует в бою.

Цель атаки — окружить и полностью уничтожить противника. Фронтальная атака редко приносит успех.

Но после принятия решения необходимо действовать быстрее и внезапнее. Превосходящая численность часто не решает исход боя. Исход боя решается в первую очередь внезапностью нападения.

Преследование противника, который часто бежит по знакомой ему местности, бросив оружие и личные вещи, бесполезно отнимает силы. Новая разведка и новое введение в бой обещают успех, так как партизан также прикован к своей местности и к своим опорным пунктам.

Переход к обороне вызывается большей частью внезапностью нападения. Она происходит почти всегда на неблагоприятной и неопределенной для немецкого солдата местности. Поэтому необходимо немедленно переходить в наступление. Если это невозможно, например из-за полностью заболоченной местности, то необходимо прекратить бой.

Важно знание расположения соседних частей, особенно на границах районов. Часто бои происходят на границах областей и при переходе партизан в соседние районы, заранее налаженная связь должна быстро обеспечить содействие соседних частей.

Установление контакта с сочувствующим населением в целях обнаружения партизан является задачей командования. Командиры подразделений должны уметь правильно управлять населением через бургомистров и заручаться доверием населения.

Знание местности дает большое преимущество. Партизаны живут почти только в густом лесу и на островах болот. Таким образом, местность трудно проходима, затрудняет наблюдение и требует больших усилий.

Важным является также изучение карт. Часто по нанесенным на картах лесам вместе с болотами можно определить район расположения партизан.

Зимой успешнее всего можно вести борьбу дозорами и отрядами преследования — на лыжах и санях. Скорость и радиус действия лыжников увеличивается, если их тащат лошади или автомашины.

Обнаружение и установление лыжных или других следов партизан может в значительной мере помочь их обнаружить. Партизаны должны быть выгнаны из их зимних помещений. Трудности снабжения и холода будут способствовать затем уничтожению партизан, оторванных от своих опорных пунктов.

Частным, предназначенным для борьбы с партизанами в зимних условиях (главное командование сухопутной армии, генштаб армии, отдел боевой подготовки (1а) № 1530/41 от 05.09.1941 г.).

2. Агентура и разведка

а) Борьба с агентурой противника требует прежде всего большого ограничения гражданского движения по дорогам.

Выдача удостоверения находится в первые недели и месяцы оккупации в плохом состоянии. Несмотря на строжайшие приказы, удостоверения все же самым легкомысленным

образом выдаются лицам, не имеющим на это никакого права. После выдачи населению надлежащих удостоверений партизанам часто представляется возможность захватить себе эти удостоверения. Таким образом, на удостоверения полагаться нельзя.

Войска должны учиться содержать дороги свободными от постороннего движения, а также от движения по ним женщин, девушек и подростков, но все же не препятствовать необходимому хозяйственному движению населения. Отдельный командир роты не в состоянии сделать этого на своем участке. Дивизии, полки, батальоны полиции и вся полевая жандармерия должны по систематически разработанному плану дивизии освобождать свои дороги от бродячих элементов. Необходимо вести постоянное и переменное патрулирование дорог с грузовыми машинами. Бродячие элементы отводятся в органы охраны тыла, в тайную полевую полицию или в лагеря для военнопленных, поскольку нет трудовых лагерей. «Лозунгом» должно быть: «Очистить дороги от русских».

Задачей командиров частей вплоть до командиров роты является удаление лиц, не проживающих в данном населенном пункте. Возложить ответственность за это дело на местных старост.

Агентура противника сознательно преувеличивает численность своих банд до десятикратного размера. Противник обширно использует шептунов.

б) Каждый командир обязан практиковать свою разведку. Он использует для этого собственную службу патрулирования и население.

Собственное патрулирование постоянно практикуется маленькими, по возможности конными дозорами.

Часто имеет успех патрулирование солдат, одетых в гражданское платье, пешком, на лошади или на транспортных повозках. Для этого нужна основательная подготовка, подробная договоренность, так как иначе вполне возможна перестрелка; первое появление днем в форме, договоренность с бургомистром или связным, населенный пункт покидается в противоположном направлении; вторичное появление в переодетом виде — ночью.

Ночное бесшумное окружение деревень может дать хороший результат. Собственная агентура с большим успехом поддерживается самолетами для обнаружения привалов, спрятанных стад скота и для разведки непроходимых районов.

Для установления места расположения радиостанций противника и радиосвязи партизан необходимо использовать радиоподслушивание.

Для добычи сведений необходимо привлекать под руководством разведотделов командных инстанций (1с) и штабов организаций германской контрразведки. Организации контрразведки должны быть осведомлены о намечаемых планах борьбы с партизанами, тайную полевую полицию по возможности также привлекать к этому. Использование опыта и знаний контрразведки и тайной полевой полиции сокращает потери войск и придает их борьбе большую эффективность. Такая связь выгодна также и для использования населения.

Население привлекается посредством вербовки из его среды агентов. Это вменяется в обязанность командиров подразделений. Оказывать предпочтение семьям, родственники которых проживают в пограничных государствах, или таким семьям, родственники которых пострадали от большевиков. По возможности шпионы должны также проверяться тайной полевой полицией.

Командиры дивизий, боевых групп и групп тайной полевой полиции обслуживаются ими же самими отобранными связистами, руководят их действиями. Войска по их желанию берут их под свою защиту и придают дивизиям.

Тактическая разведка и разведка боем на маршах и при других операциях теряет свое значение. Она ведет часто только к предупреждению партизан, а поэтому мешает внезапности нападения на них. Необходимо выставление дозоров для ближнего охранения на маршах.

3. Усмирение районов путем осады

Усмирение занятого партизанами района эффективнее всего посредством быстрого продвижения широким фронтом и по возможности занятия района расчлененными войсками.

Чем больше расчлененность войск, тем скорее им предоставляется возможность овладеть данным районом, завоевать доверие населения и взять его под свою защиту, познакомиться с бургомистром, шпионами, изучить условия и местность.

Как правило, расчленение войск происходит до усиленной роты. Но иногда необходимо также расчленение на взводы. Частям при вступлении рекомендуется собирать население и назначать, если он еще не назначен, временного бургомистра до последующего окончательного решения.

Бургомистр и население должны полностью отвечать за спокойствие, порядок и охранение дорог, запасов и искусственных построек в окрестности. Радиусом до половины расстояния данного населенного пункта от ближайшей деревни необходимо ввести полицию для поддержания порядка; временно вооружить огнестрельным оружием, лишь после проверки органами службы охраны тыла или тайной полевой полиции.

Население нужно информировать о положении и успехах немецких войск. Необходимо распространять средства пропаганды. Необходимо запрещать коллективные мероприятия.

Обращение командиров части к населению деревни должно заканчиваться призывом посвятить себя мирной работе и возделыванию полей. Необходимо, наконец, приспосабливаться, завоевывать авторитет, а также создавать покой и уверенность и заручаться доверием народа. Необходимо выявлять не проживающих постоянно в данной местности и тех, которых бургомистр не может взять под свою полную ответственность, отводить их в органы службы охраны тыла, в тайную полевую полицию или в лагеря для военнопленных.

Части размещать в закрытых помещениях, школах или в сараях так, чтобы войска способны были обороняться.

Они должны тщательно обыскивать населенные пункты и отдельные дворы их района, местность, проверять население, выявлять лиц, не проживающих постоянно в данной местности, или лиц, поддерживающих партизан. Обыски необходимо повторять в постоянно меняющейся форме, в различное время дня, особенно вечером или рано утром.

Служба патрулирования мелких дозоров, а еще лучше конных дозоров с целью разведки всего района, с целью проникновения в отдаленные его части и в места предполагаемых партизанских гнезд, а также с целью установления связи и обмена сведениями с соседними подразделениями. В органы тайной агентуры необходимо проводить вербовку также среди женщин и молодежи.

4. Большая операция

Большая операция — введения в бой нескольких батальонов с приданными отрядами в форме котла или преследования — служит для уничтожения сильных банд противника. Но успех этих операций часто не соответствует ожиданиям.

Этот вид преследования противника дает преимущество. Постройка замаскированной засады, подведение ночью передовых отрядов к исходным позициям, отказ от разведки, продвижение мелкими дневными маршами к линии засад; при этом осматривать населенные пункты и отдельные дворы и обрабатывать население согласно пункту 3.

Большая операция приводит часто только к раскалыванию больших банд противника на мелкие части, многие из которых могут просачиваться на большой территории и в густых лесах сквозь наступающие части.

5. Малая операция

Малая операция применяется:

а) При внезапном нападении на обнаруженные места привалов и мелкие скопления партизан в районах охранения.

б) При проверке подозрительных населенных пунктов. Малые операции проводятся ротами и взводами.

Тщательная подготовка, подробное инструктирование, отдохнувший рядовой состав, условленная световая сигнализация, бесшумное выступление (собак запереть в домах).

К а) Окружение объекта в последние часы ночи, на рассвете, внезапный огонь зажигательными боеприпасами или сигнальными патронами по соломенным крышам, ввести в бой минометы.

К б) Окружение ночью — оставить резерв — выделить охранение повозок. Атака ударных отрядов на рассвете, со всех сторон поставить охранение, при продвижении вперед налаживать телефонную связь от резерва к деревне, кроме того, договориться по поводу световых сигналов. Проверка и обработка населения согласно пункта 3.

Если требуется быстрота и окружение, то моторизованная или кавалерийская часть может также внезапно, с большой скоростью, без охранения прорваться в деревню вплоть до противоположной окраины. Экипажи машин или кавалеристы в составе заблаговременно составленных отрядов спешат на окраины населенного пункта для того, чтобы окружить его и начать потом собирать население.

6. Марши с целью очистки определенных районов

Марши с целью очистки определенных районов, например местности по обе стороны дороги, проводятся в случае переброски войск или если недостаточно времени и сил для осады, согласно пункту 3.

В отношении осаждения они представляют собой вынужденный маневр. Это также не может дать ожидаемого результата.

Операция проводится по крайней мере батальоном. Ему предоставляется участок около 10 км по обе стороны дороги, а в целом 20 км, и суточный переход — 15 км.

Деятельность ограничивается обыском и проверкой населенных пунктов и отдельных дворов. О «прочесывании лесов» существуют часто неправильные представления. Прочесывание возможно только на маленьких площадях и на отдельных маленьких участках, большие же лесные массивы прочесать не представляет возможным за отсутствием сил, а поведение в населенных пунктах согласно пункту 3.

Батальон, расчлененный до взводов, движется по различным дорогам, смотря по обстоятельствам, два дня, а на третий день основные силы его отдыхают, в то время как подвижные отряды возвращаются в оставленные позади деревни, чтобы проверить предпринятые мероприятия и то, как на них реагируют партизаны. Если есть время, то большое значение имеет 2—3-дневный отдых в каждой большой деревне.

Для того чтобы избежать предупреждения партизан, нужно отказаться от разведки, но не от охранения на марше.

Принятием особых мер обеспечить транспортировку военнопленных.

7. Охранение железных и других дорог

Местное охранение длинных линий как железных, так и других дорог заключает в себе слабую сторону обороны. Если командование из-за недостатка сил вынуждено ограничиваться местными охранениями, то часто сильные партизанские банды нападают на слабые сторожевые охранения и могут принести ущерб защищаемому ими объекту.

а) Железные дороги.

Численность и сила охранения и постов зависит от числа искусственных построек и рельефа местности. В средних условиях на 100 км железной дороги необходимо около батальона охраны, из него — около двух человек на каждый квадратный километр, а остатки — для службы патрулирования и на образование резервов. Железнодорожные линии разделить на участки для рот, внутри полевой заставы которых от 2 до 10 человек принимают охранение отдельных объектов (2 унтер-офицера, сменяющих друг друга, 9 человек для постов и их смены, 1 человек в запасе, для несения особой службы, и т. д.; отдыхающие посты должны спать, чтобы быть постоянно бодрыми).

Распределить тяжелое оружие.

Командиры рот и батальонов устраиваются при выделенных резервах в середине отведенных для них участков. Полевые заставы и резервы должны устраиваться на опорных пунктах, окруженных проволокой и на хорошо простреливаемой местности.

Для резерва необходимо освободить автомашины от личных вещей и прочего; особенно хорошую службу может сослужить локомотив с людскими вагонами, приспособленными для обороны.

Днем объекты охраняются постами, а ночью удвоенными постами. Большие объекты требуют выставления постов или удвоенных постов на каждом конце и на плохо простреливаемой местности, а также в ночное время выставляется охранение под мостом или на сваях моста.

В случае, если силы слабы, необходимо переходить к попеременному занятию маловажных объектов. Оживленное патрулирование днем по обе стороны железной дороги шириной в несколько километров, по возможности на мотоциклах; ночью встречаются патрули, расхаживающие по железным дорогам.

Нужно проверять на стыках шины, укрепление соединений и соединяющие болты. Необходимо следить за внутренней стороной рельс, нет ли там подрывных шашек, и за свежими местами земли с внешней стороны рельс. (Закладка мин.)

Желательно иметь дрезину для снабжения и для службы контроля.

Если сил достаточно, то необходимо занимать большие полосы местности по обе стороны железной дороги. Необходимо обыскивать деревни согласно пункту 3 и проверять население. В этом отношении необходимо иметь в виду распоряжение, данное партизанам, согласно которому они не должны удаляться больше чем на 20 км в сторону от большой линии связи.

Охрана железной дороги может быть значительно улучшена посредством сожжения или уничтожения с помощью местных жителей прикрытий на местности, которые мешают наблюдению. Целесообразно уничтожить или сжечь хутора, расположенные вплотную около железной дороги.

Службу связи необходимо обеспечивать установлением телефонной проводки, радиоприборов и созданием головных постов связи.

б) Дороги.

Руководствоваться теми же положениями. Особенно важно держать наготове автомашину для переброски резерва.

8. Войска и вооружение

Рота, усиленная тяжелым пулеметом и тяжелым гранатометом, или соответственно снаряженный взвод являются войсковыми единицами, которые часто вводятся в бой. Если представляется возможность выбора средств передвижения — моторизованные, самокатные и пешие, то руководствоваться условиями местности.

Особенно ценно вооружение легкими и тяжелыми гранатометами. Партизаны чаще всего снабжены подобным оружием, так как его удобнее всего возить. В бою без равного оружия для части чувствительно превосходство противника.

Если партизаны располагаются на близких островах болот, подступы к которым неизвестны, то гранатомет является единственным успешно действующим оружием.

При тяжелых условиях местности только конник продвигается с достаточной быстротой. Трудности на местности могут встречаться самым неожиданным образом.

Если недостаточно конных взводов, то необходима придача конных отрядов, сформированных вспомогательно из артиллерии и из частей охраны тыла.

Необходимо позаботиться о снабжении каждой группы приборами связи и ракетными пистолетами.

Прикомандирование служащих из охраны тыла, тайной полевой полиции и переводчиков дает возможность войсковой части обеспечить себе правильный контакт с населением и дает возможность производить опрос захваченных партизан.

Собак-ищеек целесообразно вводить в бой только для мелких подразделений, слабых дозоров и сторожевых патрулей; собака предупреждает части при продвижении в лесу и на местности, трудно поддающейся наблюдению, от внезапностей. Наряду с качеством собаки решающим является выучка, сообразительность и ловкость водителя собаки.

Для больших подразделений — дивизий — необходимо на пунктах, лежащих у путей сообщения, держать наготове ударные группы силою не менее 2-х рот с различным вооружением.

9. Введение в бой самолетов

Введение в бой самолетов оказывает существенную поддержку при ведении боя.

Медленно летающие самолеты постоянно наблюдают за движением на местности, за кострами, скоплением скота и прочим. Они помогают командованию также в управлении отдельными группами, действующими по ту сторону лесов и болот.

Сбрасывание бомб и применение бортового оружия против партизан, находящихся на далеко лежащих, недоступных островах болот, может быть при условии единственным средством для их уничтожения.

Только посредством самолетов могут распространяться листовки и материал пропаганды в отдаленных районах.

10. Пропаганда

Пропаганда является важным оружием в борьбе с партизанами, тем более что население, как правило, долгое время остается без сведений и ничего не может противопоставить устной пропаганде партизан. Поэтому часть должна быть богато снабжена плакатами, листовками и журналами и должна распространять их. Командир части должен психологически воздействовать на население. Необходимо для пропаганды использовать машины с радиоустановками.

Пропаганда охватывает распространение сведений об успехах немецких войск, о роспуске пленных нацменов, обработку земельных угодий, подавление идей партизанской борьбы, как идей народного движения, и т. д.

Приложение а)
к основным положениям главного командования армий (генштаба армий) отдела боевой подготовки (1а) № 1900/41 от 25.10.1941 г.

Партизанская война

Партизан — вид оружия, похожий на алебарду, которое применялось в XVI столетии. Людей, носящих это оружие, стали называть партизанами. В позднем французском словоупотреблении «партизаном» называли воина, оперирующего в тылу противника.

Наибольшее значение партизанская война получила впервые в начале XVIII столетия в Северной войне, когда Пётр I ввел против шведов особый кавалерийский корпус. Последний имел своей задачей опередить шведское войско и, уничтожив его источники снабжения, замедлить тем самым его продвижение.

Когда Наполеон со своими войсками проник в Россию, началась борьба в тылу Наполеона, которая велась главным образом крестьянами. Последние были вооружены примитивным оружием, но наносили наполеоновской армии существенный ущерб.

Новый вид партизанской войны появился во время гражданской войны в России в 1917–1922 гг. Рабочие и крестьяне боролись с армиями белогвардейцев, в частности с армией Колчака, а также против генералов Деникина и Врангеля; против германской оккупационной армии на Украине также вспыхнула в 1918 г. партизанская война. Провал плана наступления Деникина на Москву осенью 1919 г. нужно отнести за счет деятельности партизан. Операции партизан организовывались и руководились непосредственно компартией. Многие советские политики принимали участие в партизанской войне. Из партизанских групп русской революции выросла позднее «Рабоче-Крестьянская Красная Армия». Таким образом, большевики превратили партизан в планомерное средство ведения войны. Примером всех русских партизан гражданской войны был командир-партизан Чапаев, который погиб в бою с казаками. До последнего времени общественная пропаганда берет его как пример советского «героя».

В современной войне партизанские отряды действуют не только в России, но и в других странах.

Итальянцы при занятии Абиссинии до последнего времени подвергались нападениям со стороны абиссинских партизан, которые использовали особенности местности. В гражданскую войну в Испании красные партизаны развернули оживленную деятельность в тылу войск Франко.

Наконец, особое значение партизанская борьба приобрела в Японо-китайской войне. В тылу японской армии, особенно на железнодорожных узлах, в густых населенных областях бушует с 1938 г. партизанская война, в плохом смысле слова.

Тем самым японцы вынуждены для окончательного подавления партизанского движения иметь особую армию.

Приложение б)
к основным положениям главного командования армии (Генштаба армии) отдела боевой подготовки (1а) № 1900/41 от 25.10.1941 г.

Донесение об опросе одного партизана

В государственной тюрьме в Пскове появился русский подданный Александр Николаев рождения 21.02.1923 г., в Ореховцы при опросе дал следующие показания:

26.08 в Ореховцы (10 км западнее железнодорожной станции Ям на железной дороге Псков — Гдов) появилось 26 партизан, вооруженных пулеметами, винтовками, ручными гранатами и пистолетами, частично в форме. Сам он находился на поле. Партизаны согнали население в одно место и объявили мужчинам призывного возраста, что они по приказу правительства организовали в Ленинграде новую партизанскую армию и каждый способный носить оружие должен идти с ними, если кто откажется — будет расстрелян на месте. Из деревенских жителей было взято 3 молодых мужчины: он, Сергей Фёдоров и Семён Фёдоров. Оба между тем также сбежали от партизан. Фёдоров Сергей живет теперь в деревне Гаделова, рядом с деревней Шпитцено. Место пребывания Семёна Фёдорова неизвестно.

Мужчины были также согнаны и принуждены идти в партизаны в деревнях, лежащих в окрестностях Полновский, например, в Подборовье (на берегу Чудского озера) и в Каменки. 20 дней он был у партизан. Прежде всего, он пошел домой и около недели был в пути. Потом он направился в Ям, чтобы дать сведения о партизанах, угрожающих деревням. 23.08 он представился немецкому коменданту станции. В тот же день пришли еще двое гражданских, которые также были уведены партизанами, это — [...]ротлов Николай и Казимиров Александр из Подборовье. Так как не было переводчиков, то их 3 дня продержали у коменданта станции, а затем отправили в Псков.

О партизанах ими были даны следующие показания:

Многие партизаны носят форму погранчастей войск НКВД с зелеными петлицами. Командиром был лейтенант Баканов и политрук Никовырин, оба носили форму со знаками различия. Все лица, насильно уведенные партизанами, получили русскую винтовку и 50 патронов.

Отряд, в который он должен был вступить, был вооружен одной винтовкой с оптическим прицелом и 6-ю 15-зарядными автоматическими винтовками. Все остальные имели простые русские винтовки, кроме того, у каждого был пистолет и ручные гранаты. Лейтенант и политрук имели по 2 пистолета; было около 30 пакетов взрывчатого вещества, каждый пакет по 200 граммов. Как ему рассказали, отряд при своем вступлении в Ям взорвал мост и использовал при этом взрывчатое вещество. Сколько пакетов уже использовано, он не знает.

Отряд, в который он вступил, назывался «Подозский»; радиоаппаратуры в отряде не было. Позднее этот отряд объединился с отрядом «Полновский».

Они обозначали название деревень, жителями которых являлось большинство партизан отряда. Этот отряд имел обыкновенный радиоприемник, но ни одного передатчика. При

отряде есть типография. Оборудование было взято из типографии в Полновский, которая в мирное время печатала местную газету. Устройство типографии таково, что сначала должен быть набран шрифт, а затем он ручным способом переносится на бумагу. Газеты печатались в размере 40х80 см с обеих сторон. Запас бумаги достаточный. Редактор газеты «Полновский» по имени Соловьёв Пётр находится также при партизанском отряде. В типографии работает еще Шалманов Григорий. Типография размещена в доме высотою около 6 метров. В этом доме помещается также штаб. Вблизи дома, около 50–60 метров от него, находится 3 блиндажа с жилой площадью от 6х12 метров каждый. Средняя высота блиндажей около 2-х метров, там в 2 этажа устроены нары. Каждый блиндаж рассчитан на 22 человека. Расстояние от блиндажа к блиндажу примерно 8–10 метров. Этот лагерь расположен в середине густого леса, 4 км восточнее железнодорожной станции Ям. Туда ведет дорога, которая известна только партизанам.

7 км юго-восточнее лагеря находится один единственный дом, он принадлежит Николаеву, сын которого является комиссаром отряда. В этом доме каждый день выпекается хлеб для партизан, который относится ночью командами в 2–3 человека. Точное расположение лагеря указано на приложенной схеме.

Лагерь не укреплен, дорога к лагерю ведет через большую прогалину в лесу от 2 кв. км. Прогалина находится на небольшой высоте, там стоит парный пост с винтовками. Севернее лагеря стоит второй парный пост. Оба поста находятся на расстоянии 200 метров от лагеря. В лагере нет никаких полевых укреплений. Командир отряда намерен в случае нападения противника обороняться на этой высоте. Много раз с целью подготовки к обороне устраивалась учебная тревога с точной расстановкой людей. Завалов и стрелков на деревьях нет. Открытая местность хорошо приспособлена для обороны, так как там частично еще лежат стволы деревьев, а высокая трава и пни деревьев без полевых укреплений дают возможность обороняться. Основной пункт обороны предусмотрен с левой стороны от наступающего. Но справа от дороги будут находиться стрелки. Единственный пулемет установлен на крыше дома, но едва ли будет использован, так как нет масла и смазки.

Командир отряда — майор Ефрименко Геннадий. Он носит форму со знаками различия. Он пришел с одним из батальонов партизан через немецкий фронт из-под Ленинграда. Батальон был разбит, и он взял на себя командование отряда «Полновский». Командир батальона Фёдор Николаев, он ходит в гражданской одежде. Далее при партизанском отряде находятся 3 секретаря окружного комитета партии, а именно: Василий Разыграев, Пётр Пушков и Александр Куликов. Последние пришли через фронт из-под Ленинграда между 1–10 августа и принесли с собой поручение: насильно брать в партизаны местное население, способное носить оружие.

Отряд расчленяется на 3 взвода, в каждом взводе по 22 человека. Командиры взводов:

1. Живоченко, лейтенант пограничных войск НКВД, в форме.
2. Александр Уралов, в гражданском платье.
3. Уткин, лейтенант артиллерии в форме.

При отряде есть шесть латышей, все коммунисты. Один из них говорит на шести языках (на немецком, русском, английском, французском, латышском и эстонском), его фамилия — Янолис.

В лагере под открытым небом есть место для варки пищи, там одновременно в двух котлах готовят пищу для всего отряда. Время приготовления пищи рано, около 6.00 и пополудни около 16.00. Поэтому в это время всегда можно наблюдать сильный дым.

Отряд провел уже много операций. Так, 17.08 между Ореховцы и Ныссовичи было совершено нападение на одну грузовую немецкую машину, которая потом была сожжена. При этом было где-то 5 немецких солдат и один ранен, который спасся. При предпринятых немецкими войсками мерах возмездия в обеих деревнях Ореховцы и Ныссовичи было расстреляно несколько крестьян. Отряд взорвал также железную дорогу у Ям, когда — неизвестно. Кроме того, отряд занимается распространением листовок, как одним из средств пропаганды. До сих пор было отпечатано около 400–600 листовок. Запас бумаги достаточный. Партизаны должны

были разбрасывать эти листовки вблизи деревень. Листовки содержали призывы населения к борьбе с немецкими оккупантами: «Убивайте немцев всюду, где вы их встретите». В листовках, кроме этого, население призывается также к организации партизанских отрядов.

В последнее время отряд не предпринимал значительных операций. Отряд с начала сентября занимается больше постройкой зимних блиндажей. Кроме того, создаются запасы продовольствия на зимнее время. Один кузнец, место жительства и фамилия которого неизвестны, изготовил ключ для разборки железнодорожного пути. Продовольствие реквизируется партизанами принудительным порядком. Для этого уходит половина отряда, другая половина остается в лагере. Около 14.00 отряд отправляется в путь, ищет себе часто деревню на расстоянии 16–18 км и прибывает туда около 18.00. Потом деревня окружается, население сгоняется в одно место, и под угрозой расстрела уводятся мужчины, способные носить оружие, и принуждаются к участию в партизанских отрядах. Имеющиеся запасы продовольствия забираются. Если крестьянин пытается защищаться, его расстреливают. Отряд возвращается, как правило, ночью или рано утром.

Подобные операции предпринимаются каждые 5–6 дней. Из реквизированной муки пекут в указанном уже дворе хлеб, каждый день вечером приходят 2–3 человека за хлебом и к утру возвращаются в лагерь.

Очень маловероятно, чтобы отряд из-за побега 3-х партизан переменил свое место расположения. До них однажды уже убежало 4 партизана, и все же отрядом не были предприняты какие-либо меры, в частности перемена места расположения. У партизан есть связной коммунист по фамилии Мельник из деревни Палны. Николаев знает его лично. Партизаны называют его «Дядя Вася».

Трое беглецов готовы принимать активное участие в борьбе с партизанами и служить проводниками и разведчиками. Они готовы также установить связь с коммунистом Мельник. Они считают, что необходимо ускорить проведение операций.

Примечание: Три беглеца производят впечатление очень развитых и интеллигентных людей. Эти показания они сделали для их собственной защиты, так как в своих собственных деревнях они чувствовали бы себя не вполне спокойно и каждый день могли бы рассчитывать на появление партизан. В таком случае они были бы немедленно расстреляны.

Перевел: военный переводчик техник-интендант 2 р. Ревина

Захвачено в районе Анненка — Варваровка 05.12.1941 г.

Верно: майор Чуриков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 451. Л. 66–82.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 428–438.

№ 19

Записка А. С. Щербакова И. В. Сталину о запасах муки в Москве и Московской области

26 октября 1941 г.

Председателю Государственного Комитета Обороны
товарищу Сталину И. В.

В Москве и Московской области по состоянию на 25 октября остаток муки составляет 40 000 тонн, что удовлетворяет потребность по области на 10–11 дней и по Москве на 13 дней. Запасы зерна на 25 октября в Москве — 132 500 тонн, в области — 22 000 тонн, из них 8000

тонн находятся в глубинках, из которых в данное время зерно вывезти трудно. Потребность в муке исчислена без учета потребности армии.

В связи с небольшими запасами муки МК ВКП(б) просит Государственный Комитет Обороны:

1. Разрешить снизить нормы выдачи хлеба по области: рабочим с 800 гр. до 600 гр., служащим, иждивенцам и детям оставить норму 400 гр. в сутки. Снижение норм выдачи хлеба даст экономию около 3000 тонн муки в месяц.

2. Разрешить в некоторых районах области производить выдачу зерна вместо муки и хлеба.

Снижение норм выдачи и переход на частичную выдачу зерна вместо муки и хлеба обеспечивает снабжение населения области хлебными продуктами на 20–25 дней.

3. В целях увеличения выработки муки на мельницах г. Москвы разрешить заменить сортовой помол простым. Переход на простой помол увеличит производственную мощность мельниц в сутки с 1500 тонн до 2000 тонн, в связи с этим разрешить торговлю в Москве хлебом двух сортов (пшеничным 96% и ржаным 95%).

Секретарь МК и МГК ВКП(б) Щербаков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 43. Д. 64. Л. 127.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 86.

№ 20

Приказ № 42 о борьбе против партизан*

18 ноября 1941 г.

Копия
Перевод с немецкого

Имперский руководитель СС
Главный штаб войск СС 1 1/10 исх. № 10/186/41 н.
Начальник охранной полиции и службы госбезопасности

Гл. ставка
Секретно

ПРИКАЗ № 42
Содержание: Борьба против партизан

1. Общее внимание

Опыт, накопленный в борьбе против партизан, создает теперь ясное представление о структуре и задачах партизанских групп. Доказано, что носителем партизанского движения является не Красная Армия, а политические и государственные учреждения Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ).

Партизаны рекрутируются из разбитых русских полков, коммунистов и особенно комиссаров и политических работников, а также из гражданских лиц, получавших предварительную подготовку в партизанских школах, которых сбрасывают на парашютах в тылу немецкого фронта.

---

* Этот документ П. К. Пономаренко 12 июня 1942 г. направил секретарю Ростовского обкома ВКП(б) Б. Двинскому.

2. Задачи партизан

Задача партизанских групп заключается в том, чтобы взрывать мосты, разрушать дороги, телефонные и телеграфные линии, поджигать леса и склады и осуществлять нападение на двигающиеся колонны, моторизованную пехоту, связных, штабы, аэродромы, ж. д. эшелоны, обозы и т. п.

Помимо партизан, действующих в тылу немецких войск, во всех крупных населенных пунктах созданы так называемые истребительные батальоны. Их задачей, прежде всего, является — бороться против немецких воздушных десантов, а после оккупации районов и отступления Красной Армии — перестраиваться в партизанские отряды.

3. Действия партизан

Общая численность партизанского отряда составляет 75—100 человек, разделенных на три роты, каждая по три взвода.

Боевые отряды подчиняются единому руководству.

За последнее время партизаны в связи с условиями снабжения и маскировки перешли к дальнейшему расчленению на более мелкие группы.

4. Борьба против партизан

А. Подготовка операции

Основной задачей в борьбе против партизан должно быть уничтожение, а не изгнание. Поэтому решающим является не предоставлять им возможности избежать боя или скрыться.

Предпосылкой каждой операции должна быть тщательная разведка. Она должна установить местоположение позиции, постов, количество и вооружение партизан, а также выяснить местность с особым учетом наиболее благоприятных подходов. Такая разведка может быть осуществлена успешно только гражданскими лицами, знающими местность, характер населения и владеющими языком.

Поэтому следует перед каждой операцией по борьбе с партизанами, поскольку нет непосредственной опасности, привлекать к ближайшему участию боевые группы — команды охранной полиции и службы государственной безопасности. Уже сейчас действующие группы располагают хорошо работающей сетью осведомителей, и прежде всего в их распоряжении находятся для вышепоименованных целей заслуживающие доверие гражданские осведомители.

Б. Осуществление операции

Осуществлять операцию следует только при наличии подробных данных разведки, в сотрудничестве с охранной полицией и службой ГБ. Задачей действующих отрядов охранной полиции и службы ГБ является — на основании данных разведки довести введенные в действие отряды.

Так как партизанские группы ежедневно меняют свое месторасположение, то успешной может быть только быстрая борьба, с окружением отдельных групп соединенными усилиями всех действующих сил. В части того, что касается сотрудничества конных подразделений охранной полиции и войск СС с боевыми отрядами охранной полиции и службы ГБ, — отсылаю к экстренному приказу начальника штаба имперского начальника СС от 27.VII.1941 г. и к боевому приказу № 12 начальника охранной полиции и службы ГБ от 18.IX.1941 г.

В. Развитие операции

Захваченных партизан необходимо немедленно допрашивать, что является обязанностью сотрудников полиции и службы ГБ. Немедленный расстрел допустим лишь тогда, когда этого требуют боевые условия. Допрос должен выяснить следующие вопросы: 1) Количественный состав подразделения, месторасположение, характер подготовки; 2) вооружение; 3) задачи и как они до сих пор осуществлялись; 4) район действия и пути подхода; 5) имена и местонахождение руководителей; 6) средства связи; 7) существовала ли связь с другими партизанскими подразделениями и как осуществлялось сотрудничество; 8) снабжение питанием

и боеприпасами; 9) докладывали ли об операциях, кому и какими способами; 10) в какой мере население поддерживало партизан или участвовало в их действиях; 11) настроение в партизанском подразделении.

5. Общие выводы

Особое значение для задержания партизан имеет установление и проверка личности. Необходимо проверять личность каждого, встречающегося за пределами населенного пункта. Подозрительными являются все лица с коротко остриженными волосами, не имеющие личного удостоверения, так как они, как правило, являются служащими Красной Армии. Подозрительными являются также лица, выдающие себя за политических заключенных. Они чаще всего бывают красноармейцами, имеющими задачу — присоединиться к партизанским отрядам, действующим в немецком тылу, или образовывать самостоятельные отряды. Внимания заслуживают также лица, которые, согласно удостоверениям личности, являются «рабочими». В данном случае это чаще всего руководящие партийные работники, которые направляются для подпольной деятельности среди населения оккупированных областей. Особое внимание нужно уделять женщинам и детям, так как именно их предпочтительнее всего используют для передачи военных донесений. В их обязанности входит также поддерживать связь между отдельными партизанскими отрядами и извещать о готовящихся против них операциях.

С подлинным верно: Г. Гиммлер

СС обершарфюрер

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 452. Л. 108–111.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 451–455.

№ 21

Постановление Государственного Комитета Обороны СССР о военнослужащих, находящихся в плену

27 декабря 1941 г.

В целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, изменников Родины, шпионов и дезертиров, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать Наркомат обороны (тов. Хрулёв) создать в пределах армейского тыла сборно-пересыльные пункты для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника, обнаруживаемых в местностях, освобождаемых частями Красной Армии от войск противника.

2. Обязать военные советы фронтов, армий и командование соединений и подразделений войсковых частей Красной Армии при освобождении городов, сел и иных местностей от войск противника обнаруживаемых бывших военнослужащих Красной Армии как находившихся в плену, так и в окружении противника задерживать и направлять в распоряжение начальников сборно-пересыльных пунктов Наркомата обороны.

3. Для содержания указанных выше категорий бывших военнослужащих Красной Армии и обеспечения их фильтрации НКВД СССР организовать специальные лагеря:

В Вологодской области — для Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов;

В Ивановской области — для Западного и Калининского фронтов;
В Тамбовской области — для Брянского и Юго-Западного фронтов;
В Сталинградской области — для Южного фронта,
— назначив начальниками лагерей опытных оперативных работников НКВД.

4. Для обеспечения работы по проверке бывших военнослужащих Красной Армии и выявления среди них изменников Родины, шпионов и дезертиров, НКВД СССР организовать в каждом из перечисленных выше лагерей Особые отделы.

5. Лиц, в отношении которых после проверки их Особыми отделами не будет установлено компрометирующих материалов, начальникам лагерей передавать соответствующим военным комиссариатам — по территориальности.

6. Обеспечение организуемых НКВД лагерей помещением, казарменным инвентарем, постельными принадлежностями, питанием, отоплением, необходимым обмундированием и санитарной обработкой возложить на Наркомат обороны (тов. Хрулёв).

7. Возложить перевозку бывших военнослужащих Красной Армии от сборно-пересыльных пунктов до специальных лагерей НКВД на Управление военных сообщений Красной Армии (тов. Ковалёв), а конвоирование их в пути следования, а также несение охраны лагерей — на войска НКВД СССР.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 265. Л. 112—112 об.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941—1945. М., 2010. С. 99—100.

№ 22

Записка А. И. Микояна в Государственный Комитет Обороны СССР об отгрузке продовольствия для войск Красной армии и населения Ленинграда

1 января 1942 г.

Государственный Комитет Обороны
тов. Сталину И. В.
тов. Молотову В. М.
тов. Ворошилову К. Е.
тов. Берия Л. П.
тов. Маленкову Г. М.

С 1 декабря по 31 декабря 1941 года для войск Красной Армии, частей КБФ и населения г. Ленинграда было отгружено следующее количество продовольствия:
муки и крупы — 44 500 тонн,
овса — 2000 тонн,
мяса — 3139 тонн,
копченостей — 200 тонн,
масла животного — 652 тонны,
масла растительного — 800 тонн,
комбижира — 160 тонн,
молока сгущенного — 243 тонн,
сыра — 154 тонн,
сахара — 2700 тонн
шоколада — 100 тонн.

Из указанного количества отгружено с 20.XII по 31.XII: муки и крупы 42 300 тонн, овса 2000 тонн, мяса 2275 тонн, масла сливочного 372 тонны, масла растительного 800 тонн и сахара 1200 тонн.

Всего разгружено на перевалочных базах в Подборовье и Тихвине с 20.XII по 31.XII включительно 708 вагонов продовольствия, находилось в Тихвине перезагруженных 271 вагон и было в подходе к этим базам на Северной железной дороге 685 вагонов.

Перевезено по ледяной дороге в г. Ленинград за декабрь месяц 14 333 тонны продовольствия, в том числе:

муки, зерна и крупы — 12 828 тонн,
мяса — 942 тонны,
масла животного — 178 тонн,
молока сгущенного — 159 тонн.

В среднем в сутки перевозилось:

в первой декаде декабря — 218,7 тонны,
во второй декаде — 381,0 тонны,
в третьей декаде — 754,5 тонны.

Самолетами перевезено в г. Ленинград с 1.XII по 27.XII 1700 тонн, в том числе:

мяса — 485,6 тонны,
масла животного — 406,4 тонны,
сыра — 154,0 тонны,
копченостей, бекона, шпика и колбасы — 200,0 тонны,
сгущенного молока — 88,3 тонны,
шоколада — 41,1 тонны.

В остатках на перевалочных базах (Тихвине, Войбокало, Новой Ладоге, Свирьстрое) на 1 января 1942 года имелось:

муки, зерна, крупы — 8034 тонн,
сухарей — 428 тонн,
мяса — 626 тонн,
птицы — 90 тонн,
сахара — 1148 тонн,
масла животного — 40 тонн,
концентратов — 14 тонн,
чая — 8 тонн.

В находящихся в подходе к перевалочным базам на Северной дороге, от Вологды в сторону Волховстроя, 685 вагонах имеется муки и крупы 9216 тонн, сахара 540 тонн и овса 1870 тонн.

По подсчетам ленинградских организаций, требуется для войск и населения в сутки 820 тонн муки и крупы (с учетом введенного с 25 декабря увеличения нормы выдачи хлеба).

Таким образом, наличие муки и крупы на перевалочных базах обеспечивает потребность в хлебе на 10 дней и находящийся в подходе на Северной дороге хлеб обеспечивает потребность на 11 дней, а всего наличие на базах и в пути обеспечивает потребность Ленинграда по этим нормам на 54 дня.

Погрузка продовольствия для г. Ленинграда продолжается.

А. Микоян

АП РФ. Ф. 3. Оп. 43. Д. 104. Л. 6–7.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 100–102.

№ 23

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О нормах снабжения хлебом в Москве и Московской области и в городах, освобождаемых от противника»

11 января 1942 г.

Утвердить следующее постановление СНК СССР:
Установить с 14-го января 1942 г. следующие нормы снабжения хлебом:
1) В Москве и в городах области:
рабочим оборонных предприятий по 700 граммов в день,
рабочим остальных предприятий по 600 граммов в день,
служащим по 500 граммов в день,
иждивенцам и детям по 400 граммов в день.
2) В городах, освобождаемых от противника:
рабочим по 500 граммов в день,
служащим по 400 граммов в день,
иждивенцам и детям по 300 граммов в день.

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 3. Оп. 43. Д. 64. Л. 137.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 109–110.

№ 24

Постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО»

25 марта 1942 г.

В целях наиболее целесообразного использования обученных контингентов и для усиления ими действующей армии Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Заменить в войсках противовоздушной обороны территории страны 100 000 красноармейцев женщинами для замещения должностей: телефонистов, радистов, прибористов зенитной артиллерии, разведчиков-наблюдателей за воздухом зенитной артиллерии и постов службы ВНОС, некоторых номеров прожекторных станций, зенитных пулеметов и аэростатов заграждения, а также разных специалистов подразделений обслуживания.

2. Обязать ЦК ВЛКСМ мобилизовать к 10 апреля 1942 года в войска противовоздушной обороны территории страны 100 000 девушек-комсомолок в возрасте 19–25 лет, из них 40% с полным средним образованием и остальные с образованием не ниже 5–7 классов.

Мобилизацию произвести порайонно в соответствии с заявкой командующего войсками ПВО территории страны.

3. Мобилизуемых девушек-комсомолок направить для замены красноармейцев в войсках ПВО территории страны:

а) в зенитную артиллерию — 45 000;
б) в зенитно-пулеметные части — 3000;
в) в зенитно-прожекторные части — 7000;
г) в части аэростатов воздушного заграждения — 5000;

д) в части службы ВНОС — 40 000.

4. Замену мобилизованными девушками-комсомолками красноармейцев мужчин в войсках ПВО территории страны произвести в сроки:

а) в подразделениях обслуживания — немедленно после призыва;

б) специалистов в частях зенитной артиллерии — не позднее чем через полтора месяца после призыва;

в) специалистов зенитно-прожекторных частей — через два месяца после призыва;

г) специалистов аэростатов заграждения — через полтора месяца после призыва;

д) пулеметчиков — через полтора месяца после призыва;

е) наблюдателей-телефонистов постов службы ВНОС — через два месяца после призыва.

5. Освобождающихся красноармейцев после замены их девушками-комсомолками использовать на укомплектование выводимых с фронта стрелковых дивизий и стрелковых бригад по плану Главупроформа Красной Армии.

6. Мобилизованных девушек-комсомолок, назначаемых на должности красноармейцев, входящих в состав строевого расчета подразделений (артиллеристы, пулеметчики, прожектористы, аэростатчики, связисты, вносовцы, разведчики), обеспечивать всеми видами довольствия наравне с военнослужащими и распространить на них действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года и Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269; назначаемых же на административно-хозяйственные должности (писари, делопроизводители, кладовщики, повара, фельдшеры, санитары, сан. инструкторы, портные) содержать как вольнонаемных.

7. На период обучения в частях ПВО мобилизованных девушек-комсомолок выделить НКО 100 000 полуторамесячных пайков.

8. Обязать т. Драчева в месячный срок изготовить 90 000 комплектов обмундирования для мобилизуемых девушек-комсомолок.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 65–66.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 131–132.

№ 25

Постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О замене во фронтовых, армейских и запасных частях связи и тыловых узлах связи красноармейцев женщинами»

13 апреля 1942 г.

В целях наиболее целесообразного использования обученных контингентов для усиления ими боевых частей действующей армии Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Заменить во фронтовых, армейских и запасных частях связи и тыловых узлах связи 30 000 человек красноармейцев женщинами для замещения должностей:

а) бодистов, эстистов, морзистов, телефонистов, радистов, телеграфных техников, телефонно-телеграфных мастеров, радиомастеров, кинорадиомехаников, работников полевой почты и экспедиторов;

б) чертежников, делопроизводителей, писарей, санитаров, санитарных инструкторов, фельдшеров, административно-хозяйственный состав и разных специалистов подразделений обслуживания.

2. Обязать тт. Шверника и Москатова мобилизовать в период с 15 апреля по 1 мая 1942 года в войска связи 30 000 женщин в возрасте от 19 до 25 лет, из них:

а) 24 144 женщины с образованием не ниже 7 классов средней школы для подготовки специалистов, указанных в п. 1 «а» настоящего постановления;

б) 5856 женщин для замещения должностей, указанных в п. 1 «б» настоящего постановления.

Мобилизацию произвести порайонно, в сроки по заявке начальника Главного Управления связи КА.

3. Освобождающихся красноармейцев-связистов фронтовых и армейских частей связи после замены их женщинами использовать в первую очередь на укомплектование и пополнение потерь связистов стрелковых дивизий и стрелковых бригад, артиллерийских, танковых и минометных частей, находящихся на фронте. Оставшихся же в излишке специалистов-связистов обратить на укомплектование частей связи выводимых с фронта стрелковых дивизий и стрелковых бригад по плану Главупраформа.

4. Мобилизованных женщин, назначаемых на должности красноармейцев в частях и учреждениях связи и полевой почты, находящихся в действующей армии, а также специалистов связи, входящих в состав строевых расчетов частей и ВУЗов связи, обеспечивать всеми видами довольствия наравне с военнослужащими и распространить на них действие Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26.VI.41 г. и Постановления Совнаркома ССР от 16.VII.40 г. № 1269.

5. Обязать начальника Главного Управления связи КА тов. Пересыпкина в период с 25-го апреля по 1-е сентября заменить:

а) к 1-му мая с. г. — в войсках связи, находящихся на фронте и в тылу, обслуживающий состав мужчин в числе 5856 человек;

б) к 1-му июня с. г. — 2042 телефониста, 920 экспедиторов телеграфных станций, 1000 старших и 500 младших приемщиков полевых почтовых станций и баз, всего 4462 человека;

в) к 1-му июля с. г. — 6595 телеграфистов-морзистов и 1050 младших приемщиков полевых почтовых станций и баз, всего 7645 человек;

г) к 1-му августа с. г. — 3000 телеграфистов-эстистов, 250 начальников и помощников отделений и 1200 старших приемщиков полевых почтовых станций и баз, всего 4450 человек;

д) к 1-му сентября с. г. — 5315 радистов, 300 радиомастеров, 872 бодиста и 1100 техников, механиков кино, радио и телеграфа, всего 7587 человек.

Всего за этот период времени заменить 30 000 человек.

6. На период обучения в частях связи мобилизованных женщин выделить НКО 24 000 месячных пайков, из них: на май месяц — 11 910, на июнь — 7250, на июль — 3820 и на август — 1020.

7. Обязать Главного интенданта Красной Армии (т. Драчева) к 15 мая с. г. изготовить 30 000 комплектов обмундирования для мобилизуемых женщин.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 112–113.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 145–146.

№ 26

Постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О мобилизации девушек-комсомолок и некомсомолок добровольцев в Военно-Морской флот»

5 мая 1942 г.

В целях наиболее целесообразного использования обученных контингентов для усиления действующих военно-морских флотов, флотилий Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Заменить в береговых базах плавающих соединений, в береговых постах службы наблюдения и связи, в береговых частях гидрографической службы, а также в центральных управлениях, общефлотских и базовых управлениях, отделах и отделениях, на складах и производственных предприятиях, в медико-санитарных и ветеринарных учреждениях и частях, в учебных заведениях, в культурно-массовых учреждениях, в военно-судебных органах ВМФ 25 000 краснофлотцев — женщинами.

2. Мобилизованных использовать для замещения должностей электриков, радистов, телеграфистов, телефонистов, типографов, топографов, шоферов, писарей, кинорадиомехаников, лаборантов, коков, голубеводов, библиотекарей, санитаров и других специалистов подразделений обслуживания по указанию Наркомата Военно-Морского флота СССР.

3. Обязать ЦК ВЛКСМ мобилизовать для Военно-Морского флота 25 000 девушек-комсомолок и некомсомолок добровольцев в возрасте 19–25 лет с образованием 5–9 классов, согласно прилагаемой разверстке по областям и флотам, флотилиям (см. приложение), из них 15 000 девушек к 15 июня 1942 г., остальные 10 000 — по мере фактической возможности использования, по заявке Наркомата Военно-Морского флота.

4. Мобилизуемых девушек направить для замещения краснофлотцев:
а) в Краснознаменный Балтийский флот — 3000;
б) в Черноморский флот — 2700;
в) в Северный флот — 1100;
г) в Беломорскую военную флотилию — 1000;
д) в Тихоокеанский флот — 4200;
е) в Амурскую Краснознаменную флотилию — 800;
ж) в Каспийскую военную флотилию — 600;
з) в Волжскую военную флотилию — 600;
и) в центральные и подсобные учреждения ВМФ — 1000.
Итого: 15 000.

5. Замену краснофлотцев мобилизуемыми девушками произвести в сроки:
а) по специальностям, не требующим школьной подготовки, — через две недели после призыва;
б) по специальностям, требующим школьной подготовки, — через 2–3 месяца после призыва.

6. Освобождающихся краснофлотцев после замены их девушками использовать на покрытие некомплекта на надводных, подводных кораблях и в береговых частях Военно-Морского флота по указанию Наркомата ВМФ.

7. Мобилизованных девушек обеспечить всеми видами довольствия. Распространить на них действие «Положения о прохождении действительной военной службы рядовым и младшим начальствующим составом ВМФ», Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 июня 1941 г. и Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269.

8. На мобилизованных девушек выделить ВМФ 25 000 пайков.

9. Обязать Наркомлегпром изготовить для Военно-Морского флота 25 000 комплектов обмундирования для мобилизованных девушек по образцам, разработанным Наркоматом ВМФ.

10. Управлению военных сообщений армии обеспечить перевозку мобилизованных девушек к месту службы.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 149–150.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 148–149.

№ 27

Письмо В. Е. Маркевича И. В. Сталину о поднятии патриотического духа

22 мая 1942 г.

Высокоуважаемый вождь Иосиф Виссарионович!

Имею три срочных предложения, которые, кроме Вас, никто разрешить не сможет.

В настоящее время мы стараемся поднять патриотизм масс историческими примерами героики русского народа, вспоминаем подвиги времен Александра Невского, Суворова, 1812 г. и т. п. Это хорошо. Однако мне кажется, что вместо того, чтобы «откапывать» таких старинных покойников, было бы целесообразней использовать в первую очередь живых героев, проливавших кровь за русскую землю и русский народ. Разве мало имеется в живых участников прошлой империалистической войны, колотивших немцев и в Пруссии, и в Австрии, получивших за это боевые награды, раны, увечья? А разве не найдутся инвалиды русско-японской войны, обороны Порт-Артура (это — не оборона Сингапура). Вероятно, окажется и несколько ветеранов более старых войн. Сыновья и внуки их сражаются сейчас против фашистов, а ветераны оставлены в тени, как будто не сделали ничего, заслуживающего внимания. Их как будто не надо замечать. Однако народ их видит, знает. Это охлаждает, размагничивает нашу смену — молодых бойцов. Они видят, что их отцы и деды грудью отстаивали родную землю, кровь проливали и все это как будто насмарку пошло. Возможно, что через 100 или 300 лет будут воспевать их подвиги, но им, ветеранам, от этого сейчас, быть может, еще тяжелее...

Необходимо исправить эту ошибку, и сделать это нетрудно. Следует выявить участников прежних войн. Выпустить специальные медали и ордена из мельхиора, латуни и стали с соответствующими надписями, вроде «Родина своему защитнику», «Почет и слава храбрым», «Родина чтит своих героев», «Кровью добыл, носи со славой» и т. п. В торжественной обстановке вручить такие медали и ордена ветеранам прежних войн (ордена выдать тем, кто имел соответствующие боевые награды). Окружить ветеранов некоторым вниманием, заботой, любовью.

Это сильно поднимет патриотизм народа. Масса увидит, что мы чтим героев, инвалидов и ветеранов, защищавших отечество.

Второе предложение. Были войны — гражданская, затем с белофиннами. Мы внешне ничем не отличили участников прошлых войн. Если выпустили юбилейную медаль в память XX-летия Красной Армии, то тем более следовало выпустить медали в память войн, чтобы публике видно было, что данный человек свою голову под пули подставлял, кровь проливал за Родину, а не потерял руку или ногу, цепляясь за вагоны или в еще более глупых обстоятельствах. Такие медали следует выпустить.

Третье предложение. У нас много раненых на войне, часть из них опять возвращается в строй.

Раненого необходимо отметить какой-либо звездочкой, нашивкой или другим знаком. Все, видя человека с двумя-тремя звездочками, будут невольно почитать его как пострадавшего за Родину, за советский народ.

Живые участники войн — герои, ветераны и инвалиды окажутся незаменимыми агитаторами и будут поднимать героику советских народов, культивировать дух самопожертвования, храбрости, отваги и непобедимости.

Предполагаю, что Вы с этим согласитесь, и поэтому решил обратиться к Вам с настоящим письмом.

С боевым приветом, искренне Вам преданный
В. Е. Маркевич,
ветеран, всегда готовый к защите Родины

Адрес: г. Новосибирск,
просп. Сталина, д. 6, кв. 60
Владимиру Еронимовичу Маркевичу

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 464. Л. 131–133.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 158.

№ 28

Письмо К. И. Николаевой и М. М. Расковой И. В. Сталину о привлечении женщин на фронт

21 июня 1942 г.

Товарищу Сталину И. В.

С первых дней отечественной войны среди женщин, особенно женской молодежи, появилось огромное стремление овладеть военными специальностями и пойти на фронт. Однако единственная специальность, по овладению которой была развернута подготовка женщин, — это военно-медицинский состав, сестры, санитарки. Значительно слабее была развернута подготовка женщин стрелков, радистов, водителей автомашин, морзистов, телеграфистов, и только за последние месяцы, примерно с апреля, по этим специальностям подготовка ведется более активно.

Опыт войны показал, что женщины могут так же хорошо справляться с порученным им делом в условиях фронта.

Женщины значительно в большей степени могли быть привлечены к различным службам в действующей Красной Армии.

Сформированные по Вашему приказу от 8 октября 1941 г. женские авиационные полки показали, что, пройдя специальную подготовку, женщины могут полностью обеспечивать боевую работу авиационной части. Полк, которым командует капитан Бершанская, в настоящее время действует в составе ВВС под командованием генерал-майора Вершинина. Полк, которым командует майор Казаринова, несет службу ПВО на современных машинах. Личный состав вполне справляется с возложенной на них работой.

Это позволяет сделать вывод, что привлечение женщин к работе в частях ВВС может быть поставлено более широко, и после непродолжительной их подготовки они смогут выполнять следующие работы: стрелков, мастеров и механиков авиавооружения, мастеров

и механиков авиационных приборов и электрооборудования, мастеров кислородного оборудования, мотористов, механиков и техников по радиоаппаратуре, укладчиков парашютов, шифровальщиков штабов авиачастей.

Мы хотели бы напомнить, что с 1936 по 1940 год, по данным Осоавиахима, в аэроклубах было подготовлено 6860 женщин пилотов, но, где они находятся и что делают, никому неизвестно, только 137 человек из них до 1.VI.1942 г. работали инструкторами. Если бы хоть часть этих обученных людей собрать, подготовить, то можно было бы использовать их для соответствующих служб в авиации, высвободив тем самым мужскую часть для более сложных работ.

Женщины, окончившие пилотскую программу в аэроклубах и не использованные в настоящее время по специальности, могли бы после дополнительного обучения и тренировки заменить летчиков-мужчин в ночных полках У-2, санитарной авиации и на самолетах связи.

Исходя из этого, нам кажется, что было бы правильно обучать женщин военным авиационным специальностям. Однако в существующие школы, подготовляющие кадры для ВВС, женщин не принимают, и подготовка их в аэроклубах тоже прекращена с 1941 года по мотивам непригодности женщин к службе в ВВС.

Мы и решились, товарищ Сталин, обратиться к Вам и просить разрешить подготовку женщин в военных авиационных школах различных специальностей, создав в них особые отделения, если же это невозможно, то выделить для подготовки женщин отдельную специальную школу.

К. Николаева
М. Раскова

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 611. Л. 117–119.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 161–162.

№ 29

Постановление Государственного Комитета Обороны об укомплектовании действующей армии

26 июля 1942 г.
г. Москва, Кремль

Вопросы НКО

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать НКО (тов. Щаденко) за счет сокращения и реорганизации тыловых частей и замещения вспомогательных должностей негодными к строю после ранений нестроевыми военнообязанными и женщинами высвободить к 1 сентября 1942 года для боевых частей годных к строю 400 000 человек.

2. Сократить численность Военно-Морского флота до 450 000 человек и обязать народного комиссара Военно-Морского флота тов. Кузнецова за счет высвобождаемых по сокращению передать к 25 августа на укомплектование действующей армии 100 000 человек обученного рядового и младшего начсостава, годного к строевой службе.

3. Обязать НКО (тов. Щаденко) призвать с 10 августа 1942 года полностью всех граждан, родившихся в 1924 году, независимо от места работы и занимаемых должностей и направить:

а) в военные училища и запасные части — 450 000 чел.;

б) в Военно-Морской флот — 100 000 чел.;

в) в войска НКВД — 75 000 чел.;

г) в войска Забайкальского фронта — 25 000 чел.

4. Взамен призывников 1924 года высвободить соответственно из Военно-Морского флота 100 000 человек, из войск НКВД 75 000 человек (согласно прилагаемому перечню), с Забайкальского фронта 25 000 человек, а всего 200 000 человек обученного рядового и младшего начсостава, годного к строевой службе, и передать к 1 сентября 1942 года на укомплектование действующей армии.

5. Обязать военные советы фронтов и армий призывников 1924 года рождения, мобилизованных в прифронтовой полосе, передать к 10 августа для обучения в военные училища и специальные запасные части (артиллерийские, АБТ, связи и др.) и запасные стрелковые бригады по плану начальника Главупраформа тов. Щаденко.

6. Обязать наркоматы к 20 августа с. г. передать в армию:

а) 100 000 человек забронированных военнообязанных рабочих и служащих в возрасте до 35 лет (приложение № 1 — расчет разбронирования по наркоматам);

б) 50 000 человек военнообязанных, годных к строевой службе, в возрасте до 45 лет из числа переданных наркоматам в составе рабочих колонн (приложение № 2 — расчет призыва по наркоматам).

7. Обязать НКВД (тов. Берия) передать в армию 35 000 человек военнообязанных, годных к строевой службе, до 40-летнего возраста из общего числа забронированных за милицией, лагерями, исправительно-трудовыми колониями и за учреждениями НКВД.

8. Обязать НКВД СССР (тов. Берия) и прокурора Союза ССР (тов. Бочкова) пересмотреть в течение августа и сентября месяцев в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД заключенных мужчин в возрасте до 40 лет, осужденных за бытовые и имущественные преступления, с целью досрочного освобождения и передачи в армию 30 000 человек, годных к несению строевой службы.

НКВД СССР (тов. Берия) передать, а НКО (тов. Щаденко) призвать в армию 15 000 человек трудпоселенцев до 35-летнего возраста, годных к строевой службе в рядах армии.

9. Обязать тов. Щаденко заменить передаваемых наркоматами — 100 000 человек забронированных и 50 000 человек из рабочих колонн — негодными к строевой службе военнослужащими и военнообязанными (пункт 6 настоящего постановления).

10. Для обучения призывников 1924 года сформировать к 15 августа 5 запасных учебных бригад типовой организации численностью 20 864 человека каждая.

11. В целях обеспечения высвобождения 400 000 человек (пункт 1 настоящего постановления) произвести сокращение численности армии на 400 000 человек по родам войск, согласно следующему расчету:

Рода войск	**Подлежит сокращению**
а) части ВВС	100 000
б) части ПВО	80 000
в) бронетанковые части	30 000
г) артиллерия РГК	30 000
д) инженерные части	60 000
е) части укрепленных районов	60 000
ж) части связи	10 000
з) минометные части	5000
и) дорожно-эксплуатационные и дорожно-строительные	25 000
к) автотранспортные части	25 000
л) интендантское снабж. горючим, арм. базы и части, обслуживающие их	5000
Итого	430 000

12. Обязать начальников главных управлений НКО под личную ответственность до 20 августа с. г. произвести указанное сокращение и передать высвобожденные контингенты рядового и младшего начсостава, годного к строевой службе, в распоряжение начальника Главупраформа тов. Щаденко.

13. Обязать НКПС (тов. Хрулёва) перевезти указанные в настоящем постановлении контингенты в пункты и сроки по заявке начальника Главупраформа тов. Щаденко.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

Приложение № 1
к постановлению Государственного Комитета Обороны
от 26 июля 1942 г.

Расчет разбронирования и призыва в армию 100 000 военнообязанных, годных к строевой службе, из числа забронированных за наркоматами

Наименование наркоматов	Число забронированных на 15.06.42 г.	Подлежит разбронированию и передаче в армию
НК вооружения	149 000	3000 — 2%
НК авиационной промышленности	244 500	5000 — 2,0%
НК боеприпасов	96 400	2000 — 2,0%
НК танковой промышленности	89 400	2500 — 2,2%
НК минометного вооружения	28 300	1000 — 4,0%
НК черной металлургии	103 800	2000 — 2,0%
НК цветной металлургии	82 000	2000 — 2,4%
НК угольной промышленности	123 000	4000 — 3,2%
НК химической промышленности	42 500	2000 — 4,7%
НК тяжелого машиностроения	24 300	1000 — 4,1%
НК среднего машиностроения	50 500	2000 — 4,0%
НК нефтяной промышленности	41 700	1000 — 2,4%
НК путей сообщения	408 100	15 000 — 3,6%
НК по строительству	64 400	5000 — 7,8%
НК электропромышленности	23 200	1000 — 4,3%
НК электростанций	34 400	1000 — 3,0%
НК ВМФ (вольнонаемные)	10 000	1000 — 10%
НК связи	45 400	1000 — 2,2%
НК речного флота	41 300	2000 — 2,4%
НК судостроительной промышленности	34 100	1000 — 3,0%
НК заготовок	30 600	2000 — 6,6%
НК пищевой промышленности	34 200	2000 — 6,0%
НК легкой промышленности	16 400	1000 — 6,2%
НК текстильной промышленности	28 700	2000 — 7,1%
НК лесной промышленности	31 600	2000 — 6,4%
НК промышленности строительных материалов	12 600	1000 — 7,9%
НК земледелия	249 100	16 000 — 6,8%
НК совхозов	38 000	2000 — 5,2%
НК торговли	5000	1000 — 20%
НК финансов	10 700	1000 — 9,3%
Ком. и Гл. упр. при СНК СССР	35 700	1000 — 2,9%
Местная промышленность, кооперация, коммунальное хозяйство и адм.-упр. аппарат местных органов РСФСР	143 000	14 000 — 9,9%
То же Таджикской, Казахской, Киргизской, Туркменской и Узбекской ССР	13 000	1000 — 8,0%

Приложение № 2
к постановлению Государственного Комитета Обороны

Совершенно секретно

№ 2100сс
от 26 июля 1942 г.

Расчет
призыва военнообязанных, годных к строю, из рабочих колонн, переданных наркоматам

1. Наркомат по строительству — 11 000;
2. Наркомат боеприпасов — 6000;
3. Наркомат авиационной промышленности — 9000;
4. Наркомат угольной промышленности — 5000;
5. НКВД — 4200;
6. Наркомат вооружения — 2000;
7. Наркомат черной металлургии — 5000;
8. Наркомат танковой промышленности — 1000;
9. Наркомат химической промышленности — 1000;
10. Наркомат цветной промышленности — 2000;
11. Наркомат электростанций — 1800;
12. Наркомат стройматериалов — 200;
13. Наркомат среднего машиностроения — 1800.

Итого: 50 000.

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 70–76.

№ 30

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о заявлении советского правительства «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы»

14 октября 1942 г.

Утвердить проект заявления Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы (см. приложение).

Секретарь ЦК

Приложение

Заявление Советского правительства
об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния,
совершаемые ими в оккупированных странах Европы*

Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Чехословацкой Республики г. Фирлингер и представитель Французского Национального Комитета** г. Гарро передали

* Опубликовано в газете «Правда» 15 октября 1942 г.

** Французский национальный комитет — руководящий орган движения «Сражающаяся Франция» (до июля 1942 г. — «Свободная Франция»), учрежденный в Лондоне декретом главы «Свободная Франция» генералом Ш. де Голлем от 24 сентября 1941 г. 28 сентября 1942 г. был признан Советским Союзом

через Народный Комиссариат Иностранных Дел на имя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина коллективную ноту правительств Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга и Французского Национального Комитета, подписавших 13 января с. г. «Декларацию о наказании за преступления, совершенные во время войны». В этой ноте выражено пожелание, чтобы со стороны Советского Союза было сделано предупреждение об ответственности за злодеяния, совершаемые гитлеровцами в оккупированных ими странах.

14 октября Народным Комиссариатом Иностранных Дел по поручению Советского Правительства направлено г-ну Фирлингеру и г-ну Гарро следующее заявление:

«Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин, ознакомившись с обращенным к нему призывом представителей стран, временно оккупированных гитлеровской Германией, сделать торжественное предупреждение об ответственности за злодеяния, совершаемые гитлеровцами на захваченных ими территориях, поручил Народному Комиссариату Иностранных Дел довести до сведения правительств Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга и Французского Национального Комитета нижеследующее заявление Советского Правительства:

Советское Правительство и весь советский народ относятся с чувством братской солидарности и с глубокой симпатией к страданиям и к освободительной борьбе народов оккупированных гитлеровской Германией стран Европы. Бедствия, унижения и мучения, причиняемые этим народам гитлеровской тиранией, тем более понятны народам Советского Союза, что гитлеровские захватчики во временно оккупированных ими советских районах совершают в чудовищных масштабах свои злодейские преступления, массовые убийства мирных граждан, разрушение городов и деревень, ограбление и разорение населения, зверские насилия над женщинами, детьми и стариками, увод в рабство сотен тысяч людей.

Сообщенные Советскому Правительству в полученном им коллективном обращении сведения о зверствах гитлеровских оккупантов и их сообщников снова подтверждают повсеместный и предумышленный характер их кровавых преступлений, свидетельствуя о том, что немецко-фашистское правительство и его сообщники, стремящиеся поработить народы оккупированных стран, разрушить их культуру и унизить национальное достоинство, поставили себе также целью прямое физическое истребление значительной части населения на захваченной территории.

Советское Правительство в то же время констатирует, что германским фашистам не удалось ни методами устрашения и подкупа, ни путем разжигания расовой розни, ни грабежами и голодом, ни кровавыми расправами сломить волю европейских народов к борьбе против оккупантов за освобождение и восстановление независимости своих стран. Не страшась неизбежных жертв, которые несет с собой эта справедливая освободительная борьба, и не зная ни пощады к врагу, ни компромиссов с ним и его пособниками, патриоты в угнетаемых гитлеровцами странах применяют все доступные средства борьбы с захватчиками, вплоть до развертывания народного партизанского движения.

Мужественные борцы за честь, свободу и независимость народов, угнетаемых гитлеровцами, не останавливаются ни перед чем, чтобы нанести гитлеровским оккупантам и германской военной машине максимально возможный ущерб, они срывают военно-промышленное производство на оккупированных территориях, действуя разными методами, от замедления темпов и ухудшения качества работы до забастовок, массового ухода с производства, порчи машин и продукции, диверсионных актов на заводах, электростанциях, шахтах; они организуют бойкот сельскохозяйственных поставок немецким угнетателям; они срывают мероприятия гитлеровцев по вербовке и увозу в Германию иностранных рабочих, обрекаемых на рабский труд для производства оружия, предназначенного против союзников угнетенных народов

«единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан и французских территорий». Прекратил существование в июне 1943 г. в связи с созданием Французского комитета национального освобождения.

Европы; они, борцы против гнета германских разбойничьих империалистов, уничтожают или портят военные и сырьевые запасы оккупантов, они нарушают коммуникации врага, разбирая рельсы, взрывая мосты и пуская поезда под откос, вызывая аварии на торговых судах и военных кораблях, разрывая телеграфную и телефонную связь; они оказывают практическую помощь действиям союзной авиации над оккупированной гитлеровцами территорией; они саботируют мероприятия военных и гражданских оккупационных властей; они наказывают смертью виновников, организаторов и исполнителей гитлеровского насилия и террора, так же как и предателей, помогающих оккупантам. Наиболее ощутимый ущерб нанесен врагу в тех странах, где, наподобие великому движению народных мстителей-партизан, борющихся против оккупантов на временно оккупированных гитлеровцами советских территориях, верные патриоты бесстрашно вступили на тот же путь вооруженной борьбы с захватчиками, как это имеет место в особенности в Югославии.

Не подлежит сомнению, что успешное развитие этой славной освободительной борьбы во всех ее проявлениях станет одним из самых важных условий окончательного разгрома общего врага и приблизит час возмездия, к которому столь справедливо призывают представители оккупированных гитлеровской Германией стран.

В нотах Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. Молотова от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», от 6 января с. г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», от 27 апреля с. г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных ими советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления», направленных всем правительствам, с которыми Советский Союз поддерживает дипломатические отношения, Советское Правительство возложило «всю ответственность за бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск на преступное гитлеровское правительство Германии» и заявило, что «гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершенные против народов СССР и против всех свободолюбивых народов». Советское Правительство сообщило также, что его органы «ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия».

Ознакомившись ныне с вновь полученной информацией о чудовищных злодеяниях, совершенных и совершаемых гитлеровцами по приказу правительства и военных и гражданских властей Германии на территории Франции, Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, и предавая поступившую от представителей этих стран информацию широкой гласности, Советское Правительство настоящим вновь заявляет во всеуслышание, со всей решительностью и непреклонностью, что преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками.

Советское Правительство одобряет и разделяет выраженное в полученной им коллективной ноте законное стремление обеспечить передачу в руки правосудия и привлечение к ответственности виновных в указанных преступлениях и приведение в исполнение вынесенных приговоров. Советское Правительство готово поддержать направленные к этой цели практические мероприятия союзных и дружественных правительств и рассчитывает, что все заинтересованные государства будут оказывать друг другу взаимное содействие в розыске, выдаче, предании суду и суровом наказании гитлеровцев и их сообщников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированной территории.

Советское Правительство согласно с заявлением Президента Соединенных Штатов Америки г. Рузвельта, сделанным им в его речи 12 октября, по вопросу о наказании «нацистских лидеров, конкретно ответственных за бесчисленные акты зверств», а именно, что «клика

лидеров и их жестоких сообщников должна быть названа по имени, арестована и судима в соответствии с уголовным законом». Всему человечеству уже известны имена и кровавые злодеяния главарей преступной гитлеровской клики — Гитлера, Геринга, Гесса, Геббельса, Гиммлера, Риббентропа, Розенберга и других организаторов немецких зверств из числа руководителей фашистской Германии. Советское Правительство считает, что оно, так же как и правительства всех государств, отстаивающих свою независимость от гитлеровских орд, обязано рассматривать суровое наказание этих уже изобличенных главарей преступной гитлеровской шайки как неотложный долг перед бесчисленными вдовами и сиротами, родными и близкими тех невинных людей, которые зверски замучены и убиты по указаниям названных преступников. Советское Правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, из оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии.

Возобновляя в данный момент свое предупреждение о всей тяжести ответственности, которую должны понести преступные гитлеровские правители и все их пособники за совершаемые ими чудовищные злодеяния, Советское Правительство считает своевременным подтвердить выраженное в его официальных заявлениях убеждение в том, что гитлеровское правительство, признающее только грубую силу, «должно быть сломлено всесокрушающей силой свободолюбивых народов», ибо «интересы всего человечества требуют, чтобы как можно скорее и раз навсегда покончить с шайкой оголтелых убийц, именуемой правительством гитлеровской Германии».

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 540. Л. 50–58.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 190–193.

№ 31

Записка П. К. Пономаренко и К. Е. Ворошилова И. В. Сталину о деятельности партизанских отрядов в зимних условиях

31 октября 1942 г.
г. Москва

Товарищу Сталину И. В.*

С августа 1942 года партизанские бригады, отряды и группы, проводя боевые операции, одновременно выполняя указания Центрального штаба от 27.VIII с. г., начали подготовку к действиям в зимних условиях.

В оперативно-тактическом отношении эта подготовка заключается в отборе, изучении районов действия зимой, в подготовке к рассредоточению тех из крупных отрядов, которые по местным условиям не могут при существующей численности преодолеть трудности зимы. Особое внимание уделяется заготовке за счет местных ресурсов и трофеев запасов продовольствия, одежды, снаряжения и боеприпасов.

Создавались и продолжают создаваться строго законспирированные продовольственные и вещевые базы. Отряды, имеющие в виду проводить зимовку не на одном месте, а маневрируя, закладывают базы в нескольких точках. Кроме этого, партизаны заготовляют валенки,

---

* На первом листе в левом верхнем углу имеется резолюция: «Тт. Берия, Маленкову, ~~Ворошилову~~, Пономаренко. Согласен (с поправкой на стр. 6). И. Сталин». Зачеркивание произведено И. В. Сталиным.

организуя среди населения валяльные мастерские, выделку овчин и пошивку полушубков, выделку чуней, лаптей, лыж и т. д.

Как показывают отчеты командиров, многие отряды достигли в этом отношении серьезных успехов и неплохо обеспечили себя для действия зимой. Эта работа продолжается и сейчас.

Однако есть много районов ближней фронтовой полосы, настолько опустошенных немцами, где действующие партизанские отряды из местных ресурсов не могут себя обеспечить. Есть также группы отрядов, как, например, Емлютина, Орлова, Зыкова и др., длительно блокируемые противником и поэтому не имеющие источников снабжения. Для таких отрядов потребуется оказание помощи некоторыми необходимыми для боевых действий и сохранения партизанских отрядов материалами. К ним, в первую очередь, относятся патроны, взрывчатые вещества и прочие боеприпасы, а также некоторое количество вооружения, продовольствия, медикаментов, перевязочных материалов, мазей от обмораживания и в отдельных случаях некоторые предметы теплой одежды, в особенности портянки, рукавицы, ушанки.

Численность партизанских отрядов и подготовка их к зиме характеризуется по областям и республикам следующими данными:

1. Карело-Финская ССР

Партизанских отрядов 13, количество партизан 1000 человек, действия Карело-Финских партизанских отрядов заключаются в рейдировании по тылам противника и возвращении по израсходованию носимых запасов для отдыха и экипировки на базы в советский тыл. Населения в тылу противника почти нет, поэтому нет и никаких местных ресурсов. Снабжение партизанских отрядов боеприпасами, оружием, продовольствием и одеждой осуществляется нами. Самолетов не требуется, так как все предметы снабжения могут быть доставлены по железной дороге.

2. Ленинградская область

Партизанских отрядов 73, диверсионных групп 133, общее количество партизан 5129 человек. Партизаны действуют в ближайшем тылу противника в тяжелых условиях. Население в северо-западной части области, в особенности ингерманландское*, настроено по отношению к партизанам недружелюбно.

В зиму 1941–1942 годов практиковалась заброска боеприпасов одежды. Продовольствием партизаны были обеспечены и даже организовали обоз в Ленинград. Практиковался вывод отрядов на кратковременный отдых и засылка их обратно в тыл для боевых действий.

В этом году продовольственные ресурсы у населения значительно истощены повсеместным ограблением этих районов немцами. Само население в огромном количестве вывезено или уничтожено, и уже сейчас ощущаются продовольственные затруднения. Поэтому партизанские отряды существовать зиму за счет местных ресурсов не смогут. Кроме продовольствия, захватываемого партизанами из разбиваемых и спускаемых под откос эшелонов, Ленинградский, Волховский и Северо-Западный фронты должны будут оказать помощь действующим партизанским отрядам в тылу противника. Снабжение может производиться путем проноса со стороны Северо-Западного фронта и со стороны Калининского фронта в районы Холма, а также самолето-вылетами.

Крупные бригады Васильева, Орлова и др. на зиму необходимо рассредоточить поотрядно.

3. Эстонская, Латвийская и Литовская ССР

Всего отрядов 3, численность 80 человек. Для реализации плана развития партизанского движения намечена выброска организаторских групп. Для этих республик потребуется некоторое количество боеприпасов и вооружения.

---

* Ингерманландия — этнокультурный и исторический регион, расположенный по берегам Невы, ограниченный Финским заливом, рекой Нарвой, Чудским озером на западе и Ладожским озером.

4. Белорусская ССР

Партизанских отрядов 334, диверсионных групп 107, количество партизан 43 556 человек. Имеются крупные партизанские отряды и бригады, некоторые из них необходимо рассредоточить на отряды.

Продовольствием партизаны будут почти полностью обеспечены за счет местных ресурсов. Вместе с населением партизанские отряды создают лесные базы и скрытые склады продовольствия для зимы.

Для поддержания активности отрядов и дальнейшего развития партизанской борьбы необходимо будет периодически снабжать их боеприпасами, взрывчатыми веществами и вооружением, а также некоторым количеством одежды, в особенности теплыми портянками для лаптей, сапог и шапками-ушанками.

В связи с большим выходом мужского населения из Белоруссии самостоятельно и выводимого партизанами в районе Торопца необходимо организовать эвакуационную базу для приема и направления этих контингентов в запасные части армии.

5. Смоленская область

Партизанских отрядов 120, партизан — 20 453 человека. Действуют в ближайшей фронтовой опустошенной противником полосе. После ликвидации немцами Дорогобужского, Ельнянского и Дятьковского партизанских районов партизанским отрядам приходится вести тяжелые бои и все время маневрируя, что не дает возможности им создать свои продовольственные базы. Уже сейчас многие отряды испытывают нужду в продовольствии. Ввиду непроходимости фронта снабжение боеприпасами и небольшим количеством теплого обмундирования и медикаментами партизанских отрядов возможно только воздухом.

Бригады и крупные отряда (Орлова, Галюга, Данченко и др.) необходимо рассредоточить поотрядно, а некоторые из них передислоцировать.

6. Орловская область

Партизанских отрядов 91, партизан — 17 738. В подавляющем большинстве отряды сосредоточены в Брянских лесах. Отряды Брянских лесов, за исключением южного выхода на Украину, блокированы немцами. Продовольственные базы, созданные отрядами Емлютина, Панченко и др., частично захвачены противником. Оставшимися запасами отряды обеспечиваются в течение полутора-двух месяцев.

В Брянских лесах скопилось, кроме большого количества семей партизан, также до тысячи партизанских детей, потерявших отцов и матерей. Они своим присутствием в Брянских лесах мешают боевой деятельности и маневренности партизанских отрядов. Партизаны этих ребят всемерно оберегают.

За последнее время противник активными действиями снова пытается захватить Брянские леса и уничтожить партизан. Партизаны приковывают здесь около двух дивизий врага.

В целях повышения боеспособности и улучшения управления отрядами Емлютина необходимо свести эти отряды в 10—11 бригад по 5—6 отрядов в каждой, объединяемых штабом Емлютина. Штаб Емлютина в условиях постоянных боев 51 отрядом управлять не может.

Стратегическое положение отрядов Емлютина требует удержания этого района во что бы то ни стало, поэтому необходима будет и впредь помощь боеприпасами, медикаментами, а через несколько месяцев и продовольствием. Обратными рейсами самолетов необходимо вывезти тяжелораненых и больных партизан и детей.

7. Украинская ССР

Партизанских отрядов 42, партизан — 5958. Имеется большое количество отрядов, с которыми связь еще не установлена. Забрасываемые по намеченному плану группы организаторов партизанских отрядов на Украину проводят сейчас значительную работу по насаждению новых и сколачиванию существующих партизанских отрядов. Все эти отряды нуждаются в помощи вооружением и боеприпасами.

8. Северный Кавказ

Партизанских отрядов 71 с количеством партизан 4000 человек. Партизанское движение в стадии развертывания. Связь с отрядами свободная. Климатические условия хорошие. Продовольствие имеется. Благоприятные условия для действия зимой.

Необходимо направление в тыл политических работников и организаторов партизанского движения.

Выводы

1. Запретить выход через линию фронта в советский тыл партизанским отрядам, кроме Карело-Финской ССР и частично Ленинградской области, где выход связан с оперативной деятельностью отрядов.

2. Крупные партизанские соединения на зиму в необходимых случаях, в зависимости от обстановки, рассредоточивать на отряды.

3. Основным источником снабжения партизанских отрядов являются местные ресурсы и трофеи, добытые у врага. В этом направлении дать ясную ориентировку отрядам.

Продовольствием партизанские отряды не снабжать, за исключением карело-финских партизан, части смоленских и Емлютинской группировки орловских партизан, т. е. партизан, действующих в полосе, где местных продовольственных ресурсов нет.

4. Снабжать партизанские отряды боеприпасами, особенно винтовочными патронами и взрывчаткой.

5. Безусловно, снабжать партизанские отряды медикаментами, противоцинготными витаминами, мазью от обмораживания, особенно северные и северо-западные области.

6. В необходимых случаях снабжать партизанские отряды теплой одеждой за счет фондов, отобранных у населения и неиспользуемых для нужд Красной Армии ввиду некондиционности.

7. Снабжение должно идти путем проноса и провоза через линию фронта, а в места, где это невозможно, — переброской самолетами. Для переброски партизанским отрядам перечисленного имущества и вывозки больных и раненых партизан необходимы Центральному штабу для постоянной работы 6 самолетов ПС-84, а также помощь фронтов. Обратные рейсы самолетов из мест, где возможна посадка, используются для эвакуации раненых, тяжелобольных партизан и вывозки партизанских сирот.

8. Выделить 2–3 госпиталя для размещения больных и раненых партизан, организовав в них надлежащим образом политическое обслуживание.

К. Ворошилов
П. Пономаренко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 472. Л. 178–183. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 198–201.

№ 32

Записка Е. И. Смирнова И. В. Сталину о санитарах-носильщиках

30 ноября 1942 г.

В Центральный Комитет ВКП(б)
товарищу Сталину И. В.

Стрелковые дивизии на фронте имели до последнего времени по 104 санитара-носильщика.

В августе месяце дивизии перешли на новый штат*, в котором число носильщиков сокращено до 68 человек. Сейчас стрелковый батальон имеет только 2-х санитаров-носильщиков, стрелковый полк имеет 12 санитаров-носильщиков.

Опыт работы службы в течение войны показывает, что в период боевых операций требуется в среднем выносить с поля боя от 200 до 300 человек в сутки на дивизию.

Обеспечить своевременный вынос такого количества раненых при установленном числе носильщиков совершенно нельзя. С этим не хотят считаться в Главупраформе. Несмотря на мои неоднократные доклады тов. Щаденко о нехватке у нас носильщиков, их не увеличивают, а, наоборот, сокращают, мотивируя сокращение тем, что командиры рот, батальонов, полков обязаны выделять на период боя носильщиков из числа бойцов. Этого часто не бывает. Раненые остаются многие часы на поле боя. В зимнее время года несвоевременный вынос будет иметь следствием большую смертность среди раненых.

Прошу Вашего указания о восстановлении количества санитаров-носильщиков в стр. дивизии до 104 человек и запрещении Главупраформу производить сокращение штатов санитарной службы без нашего согласия.

Начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии
корврач Смирнов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 269. Л. 207. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 70–73.

№ 33

Постановление Государственного Комитета Обороны «Об утверждении Оперативного бюро»

8 декабря 1942 г.
Москва, Кремль

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Утвердить Оперативное бюро ГОКО в следующем составе:

Молотов В. М., Берия Л. П., Маленков Г. М., Микоян А. И.

Отнести к ведению Оперативного бюро ГОКО контроль и наблюдение за текущей работой всех наркоматов оборонной промышленности, Наркомата путей сообщения, Наркомата черной металлургии, Наркомата цветной металлургии, Наркомата электростанций, Наркомата

---

* Постановлением ГОКО № 2101сс от 26 июля 1942 г. «Об организации, штатном составе и вооружении стрелковой дивизии численностью 10 374 человека» предусматривалось иметь отдельный медико-санитарный батальон численностью 98 человек.

угольной промышленности, Наркомата нефтяной промышленности, Наркомата химической промышленности, а также за делом составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности и транспорта всем необходимым.

2. Ввиду напряженного положения с углем, металлом и перевозками на железных дорогах поручить:

а) члену ГОКО т. Берия, дополнительно к возложенным на него обязанностям, — контроль и наблюдение за работой Наркомата угольной промышленности и Наркомата путей сообщения;

б) члену ГОКО т. Маленкову, дополнительно к возложенным на него обязанностям, — контроль и наблюдение за работой Наркомата черной металлургии;

в) члену ГОКО т. Микояну, дополнительно к возложенным на него обязанностям, — контроль и наблюдение за работой Наркомата цветной металлургии, а также контроль и наблюдение за распределением топлива, металла и электроэнергии.

3. Освободить т. Вознесенского от обязанностей по контролю и наблюдению за Наркоматом угольной промышленности, Наркоматом черной металлургии и Наркоматом цветной металлургии.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 56–57.

№ 34

Текст немецкой брошюры «Политические задачи немецкого солдата в России в условиях тотальной войны»*

30 мая 1943 г.

Копия
Перевод с немецкого

Политические задачи
немецкого солдата в России в условиях тотальной войны

I. Необходимость этой задачи.
II. Русский народ и его историческое развитие.
III. Русский человек.
IV. Обращение с русскими.
V. Приложение: Русский рабочий в Германии.

Издание штаба 3-й танковой армии
РО Ставка армии
30 мая 1943 г.

Предисловие

Брошюра «Политические задачи немецкого солдата в России в свете тотальной войны» предназначена для занятий с личным составом частей и подразделений, согласно приказу командующего 3 ТА от 30.05.1943 г.

---

* В деле имеется сопроводительная записка: «Товарищу Сталину И. В. Направляю захваченную партизанами брошюру «Политические задачи немецкого солдата в России в условиях тотальной войны». Брошюра свидетельствует о стремлении германского командования «исправить» отношения с русским населением и является известной методологией для солдат. П. Пономаренко. 17.09.1943 года».

(Документ РО № 2779/43 секр.).

Рекомендуется пользоваться следующей дополнительной литературой:

1. Информация РО штаба 3 ТА № 100/43 секр. от 01.04.1943 г.

2. «Немецкий солдат и его политическая задача на востоке» учебная брошюра штаба 4-й армии.

3. «Русский человек» — доклад капитана Штрик-Штрикфельд.

4. «Историческое развитие русского народа» (доклад д-ра Штольте).

5. «Восток», ч. 2, Советская Россия, 47 Сборник статей «Солдатские письма».

I. Необходимость этой задачи

Цель: Все немецкие солдаты, в первую очередь офицеры, должны проникнуться чувством глубокой ответственности за правильное обращение с русским населением. Они должны знать, что для окончательного завершения войны на Востоке необходимо, чтобы восточные народы сочувствовали Германии. Достижение хозяйственного, военного, политического сотрудничества населения оккупированных областей с великой германской империей как основой нового государственного порядка Европы является главной политической задачей немецкого солдата на Востоке.

1. Борьба за будущее Европы достигла кульминационного пункта. Победа или поражение зависят от того, кто обладает большими людскими и материальными ресурсами, более крепкой экономикой, большей волей к победе.

Противник прилагает все усилия для мобилизации своих неисчерпаемых людских и материальных резервов для уничтожения Европы.

Подтверждением этого служат политические и экономические вымогательства по отношению к Южноамериканским штатам, обещания Китаю, договоры с нейтральными государствами (Турцией, Португалией, Испанией, Швецией и др.).

Государства оси популяризируют тотальную войну. Должны быть мобилизованы все людские ресурсы. В нашем распоряжении находятся огромные резервы — более 400 млн чел. и сырьевые ресурсы всей Европы. Союзники, нейтральные и побежденные государства — все включены в сеть гигантских мероприятий и планов, направленных к победоносной войне и образованию нового порядка в Европе.

2. Для достижения окончательной победы необходимо мобилизовать все богатства Восточной Европы для тотальной войны. Территория России, оккупированная немецкой армией, больше, чем Германия. Население этой территории составляет 70 млн чел.

Однако тотальная мобилизация всех сил и ресурсов оккупированных восточных областей имеет свои особенности.

Необходимо сначала добиться добровольного сотрудничества русских с Германией, ибо силой народ можно подавить, но нельзя привлечь идейно.

Борьба против большевизма не является борьбой двух народов между собой, это борьба двух различных мировоззрений. Здесь успех решается не только силой оружия. Большое значение имеет то, чтобы немцы насаждали в сердцах русских чувства, до сих пор задавленные большевизмом. Все это в первую очередь зависит от поведения немецких солдат. Наиболее сильное влияние имеет личный пример. Русские могут судить о немецком народе и его мировоззрениях только по немецкому солдату. Поэтому перед последним стоит ответственная политическая задача — сознательно и планомерно добиваться союза с русским народом в борьбе с большевистско-плутократической опасностью и затем использовать русских как рабочую силу в оккупированных областях и немецком тылу или для борьбы с оружием в руках.

Во время наступления население оккупированных областей относилось к немцам весьма дружелюбно. Но в ходе войны отрицательное отношение к большевизму потеряло почву; несмотря на это, старая неприязнь к последнему преобладает над разочарованием в Германии. Как бы неблагоприятно ни сложились отношения между армией и русским населением, имеется еще достаточно данных для сотрудничества с русским населением в деле создания нового порядка в Европе.

Если население оккупированных русских областей станет искренним союзником Германии, то представится возможность использовать оккупированную территорию для войны. Тотальная мобилизация в восточных областях дает для Европы следующее:

а) гигантские резервы рабочей силы;

б) значительное превосходство в продовольствии и сырье;

в) активное участие населения в борьбе с большевизмом.

3. Использование территории и людских ресурсов оккупированных областей России имеет не только экономическое, но военное и политическое значение.

а) Главную роль играют при этом огромные ресурсы рабочей силы. Как показал опыт, русские могут быть использованы на любой работе в с/хозяйстве, на строительстве дорог и в военной промышленности. Причем речь тут идет не о временной повинности. Необходимо, чтобы русский народ понял возможность и целесообразность будущего сотрудничества с Германией. Это возможно только в том случае, если обращение с русским человеком будет справедливым. Этим объясняются мероприятия немецкого правительства, направленные на защиту рабочих из восточных областей.

б) Природные богатства России настолько велики, что при правильной экономике они обеспечат не только армию оккупированных областей, но частью и Германию, и остальную часть Европы. Для достижения наивысших результатов необходима добрая воля и готовность населения к работе.

в) Вовлечение России в тотальную войну имеет не только хозяйственное значение: Европа должна использовать русских также и для активной борьбы против общего врага — большевизма. Население знакомо с большевизмом. Оно 25 лет находилось под гнетом. За исключением коммунистов, служащих советских учреждений и тех, кто стал жертвой советской пропаганды, жители настроены к большевизму враждебно. Крестьяне в особенности ненавидят советскую власть, отнявшую у них собственность и создавшую колхозы. Благодаря ненависти и отрицательному отношению к большевизму их легко завербовать для борьбы с советской властью. Сопротивление русских крестьян советской власти может быть использовано как барьер, о который разобьется наступление большевизма. Эту опасность ясно понимает большевистское командование. Поэтому оно всеми средствами старается обрисовать эту войну как отечественную, войну за «матушку Россию» и вызвать среди населения ненависть к немецким солдатам как варварам и разрушителям культуры.

Для усмирения страны весьма ценна помощь населения при борьбе с партизанами, саботажниками и шпионами. Активное участие русских в борьбе с большевизмом выражается в создании РНА и частей русской полиции.

I. Русская народная армия создана из русских добровольцев, сражающихся плечом к плечу с немцами против КА и партизан. Использование РНА при условии планомерной вербовки может иметь также и военное значение.

II. Русская полиция представляет из себя части, состоящие из добровольцев и имеющие целью охранять деревни и бороться с бандами.

III. Кроме того, в частях и подразделениях немецкой армии для обслуживания используются добровольцы из числа населения и военнопленных, что дает возможность использовать на передовой линии большое количество немецких солдат.

Все это ясно показывает необходимость завоевать доверие и союз с русским населением в тотальной войне. Немецкий солдат должен решить эту задачу. Он должен привлекать все более широкие массы населения к активной борьбе с большевизмом. Его поведение должно обуславливаться сознанием, что он борется с большевизмом, а не с русским народом и русской культурой.

Вывод:

1. Тотальная война, исход которой обозначает или гибель, или новый порядок в Европе, требует мобилизации всех людских и материальных ресурсов.

2. Большая и богатая территория оккупированных областей должна быть также использована для тотальной войны.

3. Для этого необходимо добиться искреннего и постоянного экономического, политического и военного сотрудничества с Германией как основы новой Европы.

4. Вовлечение оккупированных областей России в тотальную войну предоставит борющейся Европе:

а) гигантские резервы рабочей силы;

б) значительное превосходство в продовольствии и сырье;

в) активное участие населения в борьбе против большевизма.

Выполнение этой задачи зависит от обращения с населением; чтобы правильно обращаться с последним, необходимо его знать. Характер русского народа можно понять, зная его историю и расовое происхождение. Поэтому в данной брошюре речь будет идти сперва об историческом развитии России, а затем уже о русском человеке.

II. Русский народ и его историческое развитие

Поведение русского народа вплоть до настоящего времени крайне противоречиво. В то время как часть русских под руководством большевиков ведет борьбу с нами, другая часть на стороне немецкой армии борется за Европу. Нам, немцам, нелегко оценить это противоречивое поведение русских.

Двоякое политическое лицо русского народа можно объяснить его историческим развитием. Последнее еще с давних времен обуславливается сильными противоречиями, а именно тем, что Россия сочетала в себе черты европейского и азиатского государства.

В русской истории различаются четыре периода, в течение которых Россия поочередно находилась под влиянием Европы или Азии.

1. Германское государство варягов (862—1240).
2. Господство татар и Московское государство (1240—1639).
3. Европеизация России Петром Великим и его наследниками (1689—1917).
4. Период большевизма с 1917 года.

1. Германское государство варягов

Русские являются ветвью славянских племен. В течение долгих столетий они жили между Карпатами и Днепром, влача совершенно бесславное существование. У них не было единого государства. Великое переселение народов их не коснулось. Как раз в то время выявляются три основных качества славянских племен: храбрость, пассивность и терпение.

В 830 году славяне завладели важнейшим торговым путем, ведущим из Скандинавии через Балтийское море, оз. Ильмень, Днепр и Черное море в Византию. Но, несмотря на это, славяне не могли создать государства.

Для превращения славянских народов в самостоятельную нацию и государство необходимо было вмешательство других народов. Это произошло во времена вторжения германского племени варягов на территорию торговых путей славян. Варяги вначале были наемниками славянского купечества, а затем превратились в завоевателей. Начиная с 900 года они стали полными хозяевами торговых путей и тем самым хозяевами всего славянского государства.

Они создают государство, дав ему название Росс, или Русс. Другие народы создавали государство собственной силой, русские же обязаны этим варяжским завоевателям. Но для русского народа характерно, что он воспринял германское господство как освобождение. Это видно из слов, которыми описывается образование русского государства:

«Славаки, кривичи, чуды обратились к русским с такими словами. Наша страна велика и богата, но нет в ней порядка. Придите к нам, чтобы управлять нами».

862 год — образование русского государства, в это время Рюрик завоевывает Новгород. Его наследники переносят политический центр в Киев. Таким образом, созданы условия для возникновения самостоятельной русской нации. Только сейчас происходит разделение между восточными, южными и западными славянами в культурном, политическом и языко-

вом отношении. Эти события произошли под влиянием Европы. Их следует рассматривать в рамках многочисленных предприятий норманнов, известных в то время всему миру.

Политическое лицо этого государства ничем не отличается от других германских государств. Небольшая верхушка варягов поднялась над широкими массами славян. Она управляла государством и обогащалась за счет войны. Но, как и во всех странах, покоренных германскими племенами, варяги все больше и больше ассимилировались с покоренным народом.

Для древнего русского государства наряду со славянским народом и германской государственной системой характерно византийское христианство. В 988–989 годах Владимир принял со своим государством христианскую веру.

Существо русской православной церкви заключалось в том, что христианство в его закостенелой форме было воспринято идейно незрелым народом. Так возникла исключительная набожность и глубокая магическая вера в обряды.

Православная церковь на много веков задержала развитие русской культуры. За пределами церкви не существовало умственной жизни: ни рыцарской культуры, ни гуманизма, ни ренессанса. После завоевания Константинополя турками руководство православной церкви перемещается в Россию, и чувство своеобразности веры становится частью русского национального самосознания.

Варяжское государство распалось на ряд княжеств. За обладание великим Киевским княжеством ведется беспрерывная борьба. При этом опустошается южный район, и новый поток славян-переселенцев направляется на север. Здесь возникает расовый тип великоросса — результат смешения сов. славян с древними финскими племенами; светлые волосы, широкий череп, широкая кость, коренастый, непосредственность и наивность в мысли, внезапная перемена в настроении и опасная склонность к утопии характеризует этот тип.

Упорная работа на скудных участках земли на севере сделала их людьми сильными. Продолжительная, долгая зима воспитала выносливость и фанатизм, свойственный и современному солдату.

Совершенно иначе протекало развитие украинцев; внешний вид их таков: темный, небольшого роста, подвижный, с большой примесью азиатских черт. В языковом отношении они сильно отличаются от великороссов.

2. Господство татар и Московское государство

В начале XIII столетия раздробленное русское государство постигает катастрофа, имеющая мировое значение. Чингисхан начинает свой поход из Восточной Азии, доходит до Китая, Сибири, Персии и Европы. В 1224 году монголы нападают на Россию и побеждают русских. В 1240 году они завоевывают Киев, и все русское государство попадает под иго татар (монгол). Золотая орда, расположившаяся на нижней Волге, накладывает на страну огромную контрибуцию. Варяжские князья остаются правителями, но в действительности они являются лишь исполнителями воли монгольской державы.

Так, Азия настойчиво добивается русской территории. Немецкая государственная основа, ранее служившая основой государства, перерождается в деспотическую систему: князья, сами подвластные татарам, научились у них беспощадной эксплуатации своих подчиненных. Внешне это выразилось в том, что русские перенимают татарские обычаи (ношение высоких шапок, длинных кафтанов и чаепитие). В характере русских также появляются новые черты: раболепие все более внедряется в характер русского человека, покорность и страх, зависть и стремление вверх, беспощадность и жестокость. Кнут является их символом, следствием этого является продажность и взяточничество.

В это время дешево меняется человеческая жизнь и личность, чему поражается каждый европеец, у которого русская государственная система вызывает лишь удивление.

Переселение народов на север влечет за собой и перемещение политического центра. Московское княжество, не имевшее до сих пор исторического значения, становится цент-

ром русской политической жизни и борьбы за освобождение России от татарского ига. Освобождение России от татар не есть результат геройского поступка или блестящей победы, она была завоевана по-азиатски — упорным терпением, способностью переносить любые трудности и невзгоды и предательством.

Небольшое Московское княжество приобретает значение только тогда, когда Иван I (1328–1340) покупает у Золотой Орды титул великого князя и становится сборщиком налогов по всей Руси. Через Москву проходят огромные богатства, значительная часть которых остается в руках великих князей. В результате этого их владения расширяются с каждым днем. Митрополит русской церкви переселяется из Киева в Москву.

Географическое положение Московского княжества (пересечение главных торговых дорог и водных путей) способствует тому, что Москва становится политическим центром. Татары и литовцы уже меньше беспокоят Московское княжество. Целый ряд энергичных людей сумел хорошо использовать географическое и политическое положение Московского княжества.

Иван III (1452–1505). Он один из наиболее выдающихся московских князей. Предательством, убийством и тонкой дипломатией он объединяет мелкие княжества. Он отказывается платить дань татарам, ему удается свергнуть иго татар, не вступая в решительное сражение.

Иван IV (1538–1585) Грозный присваивает себе титул царя. В этом видно стремление к мировому господству и наклонность русского народа к преувеличению и утопии. Иван IV централизует московскую государственную систему.

Его наследник ввел крепостное право для русских крестьян, что явилось в первую очередь опорой крупного дворянства и государства. Земля, принадлежащая дворянам, раньше обесценивалась тем, что крестьяне целыми группами покидали поместья и оседали на новых землях на севере и востоке. В результате введения крепостного права большая часть русского народа стала абсолютно бесправной. Отсюда возникает непримиримость и социальная ненависть, которая так характерна для России.

3. Европеизация России Петром Великим и его наследниками

В 1618 году династия Романовых вступает на русский престол. Наиболее выдающийся царь этой династии — Пётр Великий (1689–1725), поставивший себе задачу поднять Россию до европейского уровня. Он отличается энергией и стремлением к культурной революции широкого исторического значения. Царство Петра имело для России такое же значение, как и создание германскими князьями русского государства и нашествие татар. Татары принесли много азиатского на русскую территорию. Пётр прорубил окно в Европу.

Уже в детстве Пётр восхищался немецкими офицерами и ремесленниками, проживавшими под Москвой, их образом жизни. Его технические способности пробуждают в нем желание перенести европейскую культуру в Россию. Семнадцатилетним юношей он совершает свое знаменитое путешествие по Германии, Англии, Голландии. Впервые русский царь посетил Европу.

Царство Петра Великого означает катастрофу для консервативных сил России. Пётр вводит западноевропейскую одежду, женщины начинают вести светский образ жизни и играть известную общественную роль. По западноевропейскому образцу организуются официальные приемы.

Главной заботой Петра являлось создание флота, усиление сухопутной армии, ее обучение по западноевропейскому образцу. Чиновничий аппарат обновляется, расширяются права дворян. Ведется беспощадная борьба со взяточничеством. К этому присоединяются еще и церковные реформы, создается синод — высшая церковная власть, во главе которой стоит царь.

Символом полного преобразования русского государства является основание города Петербурга (1703), где располагалась резиденция Петра.

В результате войны со шведами (1721) Россия завоевала выход к Балтийскому морю, таким образом получила возможность включиться в европейскую политику. Швеция была вычеркнута из числа великих держав, ее место заняла Россия.

В дальнейшем Россия идет по дороге, проложенной Петром. Русское дворянство процветает (XVIII век), крестьянство же все более впадает в нищету. Дворянство и чиновничество все сильней перенимают европейскую культуру. Назревают социально-политические конфликты, и возникает необходимость реформ, в чем царское правительство отказало. Таким образом, русский народ приходит к анархизму, затем к марксизму и большевизму.

4. Большевизм

После мировой войны царское правительство терпит крах, и к власти приходят большевики: русский народ переживает последнюю катастрофу.

Россия, европеизированная Петром Великим, вырывается большевиками из ряда культурных европейских стран и возвращается к азиатским обычаям. Ленин, как и Пётр Великий, видел техническую отсталость России и старался ликвидировать ее, перенять европейскую цивилизацию. Но идея, во время которой он делал это, враждебна европейской культуре, как преступление против народа, расы, семьи, собственности, религии и прежде всего человеческой личности.

Без сомнения, эта государственная система мирового господства евреев является для русского народа порабощением, превосходящим кровавые события его прошлого, даже нашествие татар. Единственно, что русские могли противопоставить этому, оказались терпеливость и выносливость.

Насколько чужда стала Европа России за 25 лет, ясно увидел немецкий солдат, но вместе с тем он увидел, что русский человек под немецким руководством способен «вернуться к Европе».

Вывод

История России распадается на четыре противоположных друг другу периода. В 862 году Рюрик силами германских народов основывает варяжское государство. В 1240 году Киев завоеван татарами, и Русь попадает под иго монголо-татар. В 1689 году начинается эпоха Петра Великого и возвращение России к Европе. В 1917 году большевистская революция изолирует Россию от европейской культуры и вновь «возвращает ее к Азии».

Этот очерк истории русского народа должен обрисовать немецкому солдату характер русского человека и указать политические задачи немцев. Он должен дать ему также и ключ к разрешению этих задач.

III. Русский человек

При характеристике русских нельзя поддаваться первому впечатлению. Внешний вид русских, их образ жизни следует отнести за счет систематической пролетаризации масс, что типично для Советской России. 25 лет в Советском Союзе производились наиболее необходимые предметы потребления, так как все хозяйственные силы страны были мобилизованы на вооружение. Поэтому вполне понятно, что внешность русских говорит о крайней бедности и обнищании.

То, что трудно отличить офицера от солдата, инженера от рабочего и напрасно искать тип культурного русского — вполне понятно. Большевики систематически уничтожали старую русскую интеллигенцию. Современная интеллигенция в своем большинстве вышла из народа и развивалась в современной изоляции от Европы, не имея перед собой примера культурного человека.

Нельзя отрицать талантливость русского народа. Только этим и можно объяснить отдельные выдающиеся достижения русских.

Испытания на интеллигентность русских дали те же результаты, что и у большинства народов. 50% — на среднем уровне, 25% — ниже среднего уровня и 25% — выше среднего уровня. Повторные испытания русских среднего и ниже среднего уровня показали, что по культуре они стоят значительно ниже среднего немца, в то время как остальные 25% обнаружили выдающийся интеллект и одаренность, превышающие выше среднего уровня.

Характерной чертой русских является богатство чувств и аффектов, иначе говоря, интенсивность внутренней жизни. Богатством внутренней жизни и объясняется удивительное сочетание противоположных черт русского характера. Честность, правдивость, доброта и верность сочетаются с замкнутостью, ложью, хитростью, насилием, жестокостью и фанатической ненавистью.

Русский живет не умом, а чувством. Он следует своему сердцу. Этим и объясняется его большая религиозность. Русские веруют, они хотят веровать во что-нибудь или кого-нибудь: это надо понимать не только в религиозном смысле.

Если нам не удастся заставить русских поверить в нас, то вряд ли подействуют разумные аргументы. Поэтому основное — своим поведением завоевать неограниченное доверие русских. При этом они очень хорошо отличают естественное от фальшивого.

Далее, одной из характерных черт русских является выносливость, непонятная для немцев. Русский привык переносить страдания и обиду. Это не значит, что у него атрофировалось чувство обиды; причиненная несправедливость вызывает глубокие моральные переживания, хотя внешне это незаметно. В то время как европеец старается отомстить за обиду, русские научились переносить страдания с фанатическим терпением.

Если же чаша переполнена, русский человек восстает, и долгое терпение разражается с бешеной, безумной силой.

Характерно также и то, что русским необходимо крепкое руководство (сильная личность). Они радостно следуют за дерзким, энергичным и признанным ими вождем, который личным примером и теплым чувством сумеет завоевать их доверие. Они готовы на жертвы и являются храбрыми бойцами. Особенно русские благодарны за доверие и сердечную теплоту со стороны руководителя.

Если русский верит и чувствует справедливое отношение к себе, он готов перенести строгость, даже жестокость. Он обладает свойственным туземным народам чувством справедливости. Хорошие и справедливые обращения для него важнее, чем благоприятные условия жизни. Русский больше всего ценит, как они выражаются, «человеческое отношение». Это выражение популярно среди них и играет большую роль в характеристике людей. Под ним следует понимать не мягкое обращение, а признание личности. Даже простой русский человек в этом отношении очень чувствителен и обладает чувством личной и национальной чести. Пренебрежительное отношение, особенно со стороны наций, стоящих выше в культурном отношении, глубоко оскорбляет в нем чувство национальной чести и вызывает враждебность. Особенная чувствительность русских в этом отношении заставляет предполагать, что они стоят ниже европейцев. Худшим оскорблением для русского является взгляд на него, как на человека низшего класса — получеловека. Поэтому русский не переносит телесных наказаний, в особенности со стороны немцев, т. к. видит в этом оскорбление своего национального достоинства.

Русский — восторженный. В своих действиях они всегда ищут идеи. Особенно популярны патриотические идеи, т. к. русские — патриоты. Простой человек в большинстве случаев подсознательно настроен патриотически, поэтому большевики с очевидным успехом апеллировали к национальному чувству русского народа.

Каждому русскому свойственна глубокая любовь к Родине и «матушке России». Эта любовь к Родине меньше всего носит национально-политический характер, она относится, главным образом, к необъятным просторам и естественным богатствам страны. Русские гордятся широтой своей территории и характера. И в действительности отличаются этим во всех отношениях. С европейской точки зрения, эта широта беспредельна.

Русские по природе не шовинисты, ненависть на национальной почве среди русских не популярна. Их гигантское государство состоит из множества народов и рас, и общение с людьми других обычаев и культуры для них привычно. Русские также незнакомы с антисемитизмом и расовой точкой зрения, хотя проводят между собой и евреями известные границы. Они видят в евреях в первую очередь поддержку и пособников большевизма и поэтому своих врагов.

Из характерных черт русских следует еще отметить гостеприимство. Ранее столь известное гостеприимство сохранилось и в условиях современной бедности.

Вышеупомянутая характеристика русского человека относится только к великороссам, составляющим приблизительно 49% населения Советского Союза. Великороссия представляет собой политическую основу Советской России, и поэтому мы уделяем ей наибольшее внимание.

IV. Обращение с русскими

Если основные черты характера русского будут нами точно определены, то мы сумеем выработать правильную линию поведения по отношению к последним. Правильное обращение с русскими поможет вселить в них веру в немецкого солдата, еще раз подчеркнет его превосходство перед ними. Чтобы русские признали немецкое господство, необходимо заставить их поверить нам и добиться полнейшего доверия с их стороны там, где это нам выгодно. Этого можно достигнуть в первую очередь безупречным поведением наших солдат и внимательным отношением к русским с учетом их личных желаний и потребностей. Немецкий солдат должен вести себя с русским, как с европейцем.

Немецкий солдат должен стремиться показать себя перед русскими с лучшей стороны; русские стремятся к справедливости, которой они были лишены при большевиках. Если немецкому солдату удастся убедить русских в своей правоте, то наше превосходство перед большевиками станет им совершенно очевидным.

Каждое недозволенное изъятие имущества у русских рассматривается ими просто как воровство. Наша уверенность в том, что русский за период существования большевизма привык к подобным кражам, совершенно несправедливо. Русские ничего не имеют против военных налогов, если они упорядочены и обеспечивают им прожиточный минимум. Превышение отдельными немецкими солдатами их власти ставит русских в бесправное положение.

Также необходимо принимать во внимание личные и национальные привычки русских, дабы не задевать последних. Следует быть тактичным и вежливым в обращении с ними. В глазах русских вежливость является признаком культуры.

Немецкий солдат должен держать себя по отношению к русским вежливо, но с надлежащим достоинством. Лишь только тогда он добьется доверия и внимания со стороны русского. Грубый и дерзкий тон может обеспечить лишь временный успех и вызывает у русского чувство страха. Он рассматривается русскими как пренебрежение к их личным и национальным привычкам и обычаям. Из истории русские хорошо знают о том, что культура и цивилизация пришли в Россию с запада. Грубое и бестактное обращение, рассматриваемое в России как некультурность, начинает наводить русских на мысль, что так принято вести себя в Европе, и подрывает веру у русских в немецкого солдата.

Уважение к немецкой армии, послушание по отношению к немецким властям достигаются путем быстрых и строгих, но справедливых наказаний.

Русский послушен и исполнителен, если он чувствует превосходство немецких властей. Русский народ нуждается в постоянном руководстве. Государственная власть в России очень авторитетна и стала для простого русского необходимостью.

Следует постоянно наблюдать за настроением русских, которое часто меняется в зависимости от отношения к ним. Тот же самый русский, от которого путем хорошего отношения можно было добиться доверия, честности и преданности, при чересчур жестоком и несправедливом отношении к нему превращается в замкнутого, недоверчивого и фанатически ненавидящего нас врага.

Немецкий солдат должен соответствующим образом вести себя по отношению к русским, т. к. это прежде всего в его интересах.

Каждый немецкий солдат должен понять, что русский видит в каждом немце типичного представителя немецкого народа, представителя европейской культуры и мировоззрения.

Отсюда вытекают следующие положения:

1. Никакой пощады пособникам большевизма.

2. Дружелюбно настроенный русский — не враг, а помощник и союзник в борьбе с большевизмом.

3. Никакого доверия непроверенным лицам.

4. Строгий порядок, но абсолютная справедливость, вежливость и такт по отношению к русским, уважение к личности и привычкам, никаких телесных наказаний.

5. Не давать обещаний, которые нельзя выполнить.

6. Признание заслуг русских.

7. Уважение к собственности местного населения.

8. При всех обстоятельствах сохранять собственное достоинство. Всегда помнить, что солдат является представителем немецкого государства.

Люди, живущие чувством, особенно нуждаются в строгости власти.

Доверие в соединении с осторожностью необходимо, однако доверчивость излишня.

Во избежание необдуманных действий со стороны русских необходима строгость и твердость. И то, и другое должно быть справедливым. Действовать нужно холодно и разумно, не слушаясь собственного чувства.

V. Приложение: русские рабочие в Германии

Необходимое в тотальной войне использование русской рабочей силы породило понятие «восточный рабочий». Сотни тысяч русских мужчин и женщин заняты в немецкой оборонной промышленности. Работают они хорошо и не подают повода недовольства. Обращаются с ними так же, как и с другими иностранными рабочими, согласно следующих принципов: хорошее питание, чистая, здоровая квартира, справедливое обращение.

Если в начале кое-где на основании неправильного воззрения с «восточными рабочими» обращались несправедливо, то виной этому — недостаточная осведомленность.

Большевистская пропаганда использовала эти случаи и утверждает, что с «восточными рабочими» в Германии обращаются как с бесправными рабами, их грабят, бьют, оскорбляют.

Так как такого мнения придерживается и население оккупированных областей, задача немецкого солдата — рассеять эти неправильные представления.

Для этого представителям армии и руководителям областных организаций, имеющим дело с трудовой повинностью, необходимо дать указания об обращении с «восточными рабочими».

Согласно приказу выделена комиссия, в задачу которой входит контроль за русскими рабочими. На основании ее предложений постоянно проводятся исправительные мероприятия. Особенно старательным русским рабочим предоставляются известные льготы в виде дополнительного продовольствия и табака.

Комиссия обязана регулярно подавать донесения по следующим пунктам:

1. Какими мероприятиями регулируется рациональное использование русской рабочей силы?

2. Как расквартирован русский рабочий? Достаточно ли питание? Какие болезни были отмечены медпунктами и сколько среди рабочих больных, как обслуживаются больные? Одежда. Зарплата. Чем заполняют рабочие свое свободное время?

Члены комиссии обязаны ликвидировать все замеченные недостатки. Там, где замечены случаи несправедливого отношения к русским рабочим, рабочий немедленно переводится на другое предприятие или же наказывается виновный.

На каждом предприятии, где более 20 русских рабочих, должен иметься специальный сотрудник, ведающий делами русских рабочих. Из числа последних выделяется бригадир, который вносит немецкой администрации предложения об использовании рабочих соответственно специальности, сообщает их желания и просьбы. На каждом предприятии имеется лицо, ответственное вместе с начальником предприятия за справедливое обращение как с немецкими, так и с русскими рабочими. Он дает дирекции советы о правильном использовании рабочих с целью увеличения производительности труда.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 455. Л. 72–79 об.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 465–475.

№ 35

Записка Н. М. Шверника В. М. Молотову о чудовищных преступлениях фашистских захватчиков и о расхищении ими культурных ценностей

24 июня 1943 г.

Товарищу Молотову В. М.*

Направляю при этом копию актов, посланных товарищу Сталину, устанавливающих: расхищение ценностей Ростовского музея изобразительных искусств, произведенное по приказу имперского министра по делам оккупированных восточных областей Альфреда Розенберг, командующим 1-й танковой немецкой армией генералом кавалерии Макензеном и начальником отдела пропаганды этой же армии Миллером; отравление по приказанию коменданта города Курска Фляха и немецкого врача Керна 1000 больных, находившихся в Сапоговской психиатрической больнице; массовое убийство мирных жителей города Купянска, произведенное начальником немецкой тайной полевой полиции Карганом и его заместителем Швайцэ.

Прошу Вас разрешить опубликовать эти акты в печати от имени Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Н. Шверник

В Чрезвычайной Государственной Комиссии
по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков
и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным
организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР**

В Чрезвычайную Государственную Комиссию продолжают поступать акты, заявления потерпевших, показания очевидцев о злодеяниях, совершаемых немецкими властями в советских районах, временно попавших под фашистское иго.

*1.**** Немецкие оккупанты уничтожают памятники старины, расхищают сокровищницы культуры народов Советского Союза, грабят научные учреждения, музеи и библиотеки.

---

* На первом листе вверху слева имеется резолюция: «т. Сталину. Считаю желательным опубликование (попр. в тексте). В. Молотов». Внизу первого листа имеется запись: «Сдано в печать. Поскрёбышев».

** Опубликовано в газете «Правда» 25 июня 1943 г.

*** Здесь и далее в документе выделенное курсивом вписано В. М. Молотовым от руки, зачеркивание сделано В. М. Молотовым, выделенное жирным В. М. Молотовым подчеркнуто.

По приказанию немецкого верховного командования и «имперского министра по делам оккупированных восточных областей» Альфреда Розенберг из СССР вывозятся в Германию книги XIV, XV и XVI веков, оригинальные произведения живописи, графики, скульптуры русских и западноевропейских мастеров.

В январе 1943 года командующий 1-й танковой армией генерал кавалерии Макензен в присутствии начальника отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллера взял из Ростовского музея изобразительных искусств, эвакуированного в гор. Пятигорск и находившегося в помещении Лермонтовского музея, наиболее ценные полотна Рибейра, Рубенса, Мурильо, Иорданса, Верещагина, Коровина, Крамского, Поленова, Репина, Лагорцо, Айвазовского, Шишкина; скульптуры Донателло и другие экспонаты.

Ниже публикуется акт о вывозе немецкими властями ценностей Ростовского музея изобразительных искусств.

«Акт

Мы, нижеподписавшиеся, председатель культсекции консультационно-технического бюро Пятигорского горсовета Виктор Иванович Буланин, хранитель ценностей Ростовского музея изобразительных искусств Мытников Александр Абрамович и директор Литературного музея «Домик Лермонтова» Яковкина Елизавета Ивановна, составили настоящий акт в нижеследующем:

Ценности Ростовского музея изобразительных искусств были эвакуированы в Пятигорск, где и хранились с 4.01.1942 г. в помещении Литературного музея «Домик Лермонтова» до 7 января 1943 года, когда значительная часть музея была вывезена немецкими оккупационными властями.

Ценности Ростовского музея изобразительных искусств, эвакуированные из г. Ростова-на-Дону и заключающиеся в оригинальных произведениях живописи, графики и скульптуры русских и западноевропейских мастеров, а также ценного фарфора русских и заграничных фабрик, упакованные в специальных ящиках, несмотря на принятые меры, вывезти из Пятигорска не удалось, и поэтому во время германской оккупации они находились на складах Лермонтовского музея.

Первое время ценности Ростовского музея скрывались от германских оккупационных властей работниками Лермонтовского музея. 7 сентября представители Берлинской комиссии Розенберга явились к директору Лермонтовского музея и, заявив, что им сообщили в Ростове о наличии ценностей Ростовского музея на складах Лермонтовского музея, предложили открыть склады и ознакомить их с содержанием ценностей Ростовского музея. После этого склады были опечатаны германскими властями.

В течение времени с 7 сентября 1942 года по 7 января 1943 года представители отдела пропаганды германской армии генерала Макензена неоднократно вскрывали ящики. При этих вскрытиях происходили изъятия наиболее ценных экспонатов, причем это изъятие производилось иногда в присутствии самого генерала Макензена.

7 января 1943 года по личному распоряжению начальника отдела пропаганды Миллера в его присутствии и в присутствии представителя генерала Макензена ценности 14 ящиков за № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 16, 20, 22, переупакованные в 12 ящиков, были увезены на пятигорский вокзал, погружены в железнодорожные вагоны и в ночь на 9 января 1943 года вывезены из г. Пятигорска.

Акт подписали:
председатель культсекции консультационного технического бюро
пятигорского горсовета Буланин,
хранитель ценностей Ростовского музея изобразительных искусств Мытников, директор
Литературного музея «Домик Лермонтова» Яковкина
24 февраля
г. Пятигорск».

Факт ограбления немецко-фашистскими захватчиками Ростовского музея изобразительных искусств свидетельствует о том, что гитлеровское правительство и немецкие военные власти являются вдохновителями и организаторами грабежей в оккупированных районах. Неопровержимо установлено, что немецкие генералы принимают личное участие в грабежах культурных ценностей, принадлежащих народам Советского Союза.

2. В селе Сапогово Курской области немецкие оккупанты отравили около 1000 больных, находившихся на излечении в психиатрической больнице. Об этом чудовищном злодеянии свидетельствует следующий публикуемый ниже документ:

«Акт

28 февраля 1943 года нижеподписавшиеся, в лице представителя Курского областного Исполнительного комитета депутатов трудящихся Мальцева, судебно-медицинского эксперта военного врача III ранга Шварца, старшей медсестры названной больницы Арепьевой Екатерины Ивановны, а также медсестры больницы Ткаченко Ирины Семёновны, в селе Сапогово Курской области составили настоящий акт в следующем:

В декабре 1941 года, вскоре после оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Курска и районов Курской области, в Сапоговской областной психиатрической больнице немецкими военными властями было организовано массовое умерщвление больных, находившихся в указанной больнице на излечении.

Путем опроса сотрудников больницы и местных жителей Комиссия установила, что массовое умерщвление больных производилось путем их отравления 70% раствором хлоралгидрата, который в принудительном порядке давался больным вовнутрь.

В общей сложности было умерщвлено около 1000 человек больных, находившихся к тому времени на излечении в больнице.

Отравленные и умерщвленные больные были по приказанию немецких властей похоронены в щелях-бомбоубежищах, расположенных на территории больницы.

При разрытии двух таких щелей-бомбоубежищ, расположенных против 7 и 9 отделений больницы, было обнаружено массовое похоронение умерщвленных. Только из двух этих щелей было извлечено около 300 человеческих останков.

Для организации массового умерщвления больных в начале 1941 года в село Сапогово специально приезжал старший врач немецкого гарнизона города Курска Керн, который непосредственно проинструктировал назначенного немцами директора больницы Краснопольского, каким путем производить отравление больных.

По словам очевидцев этого кошмарного злодеяния Босенко Пелагеи Ивановны, Машкиной Валентины Васильевны, коменданта больницы Филист Константина Никитовича, Гречухиной Екатерины Тимофеевны и многих других, умерщвление больных психиатрической больницы путем их отравления было произведено в течение 3—4 дней. Причем некоторые больные, несмотря на свое душевное заболевание, поняли, что их хотят отравить, оказывали сопротивление и отказывались принимать яд. В таких случаях им производилось насильственное вливание яда.

При массовом захоронении отравленных имели место случаи, когда в щели сбрасывали еще живых людей, а в 2—3 случаях сброшенные туда больные даже выбирались из щелей и возвращались в больницу. После чего им была дана повторная доза яда.

Так как захоронение в некоторых щелях произведено небрежно и неглубоко, то были случаи, когда собаки растаскивали по территории больницы куски человеческих трупов. О чем и составлен настоящий акт.

Акт подписали:
Мальцев, Шварц, Арепьева и Ткаченко
Село Сапогово, Курской области».

3. После изгнания немцев из города Купянска Харьковской области населением было обнаружено 8 ям, в которых были свалены 248 зверски замученных и расстрелянных советских людей. Раскопка ям была произведена комиссией в составе украинского писателя К. Гордиенко, священника Николаевской церкви протоиерея Иоанна Протопопова, домохозяйки Белоцерковской, врачей П. Гогина, В. Кощеева, Р. Гарницына и председателя Горсовета Тугай.

«Акт

Граждане города Купянска сообщили о том, что немецкие оккупанты расстреляли большую группу мирных жителей города Купянска и Купянского района. Комиссия в составе представителей советских и общественных организаций, а также населения, церковной общины и врачебно-медицинских работников 17 мая 1943 года произвела осмотр в яру у подножья Меловой горы города Купянска ямы, о чем и составлен настоящий акт.

При раскопке ямы на глубине одного метра был обнаружен 71 труп расстрелянных жителей города Купянска и Купянского района. Среди них было 62 мужских трупа, 8 женских и трупик грудного ребенка. Все расстрелянные были без обуви, а некоторые и без одежды.

Врачебно-медицинской частью комиссии констатированы следы диких пыток и увечий на теле расстрелянных. У некоторых были связаны руки железной проволокой. У ребенка была размозжена голова выстрелом на близком расстоянии.

Комиссия отмечает, что у многих раны не были смертельными, и очевидно, что этих людей сбрасывали в яму и закапывали живыми. Это также подтверждается гражданами, проходившими вблизи ямы вскоре после расстрелов, видевшими, как над ямой ворошилась земля, и был слышен глухой стон из могилы.

Среди расстрелянных многие были опознаны родственниками и присутствовавшими при раскопке гражданами.

Так были опознаны: ~~1.~~ Байдак Илларион Яковлевич 37 лет — председатель Гусинского сельсовета Купянского района. ~~2.~~ Старикова Елизавета Ивановна — работница Купянского Кустшвейпрома. ~~3.~~ Берестовая Ольга Никифоровна — работница сахарного завода, председатель Заоскольского сельсовета. ~~4.~~ Ткаченко Сергей Арсентьевич — мастер-портной Купянского Кустшвейпрома. ~~5.~~ Карайбога Пётр Григорьевич — механик мельницы. ~~6.~~ Садовский Артём Петрович — рабочий-железнодорожник. ~~7.~~ Садовский Иван Маркович, счетовод колхоза «Стахановец» Куриловского сельсовета. ~~8.~~ Садовский Михаил Иванович — председатель колхоза «Стахановец» Куриловского сельсовета. ~~9.~~ Бутивещенко Иван Трофимович — колхозник из хутора Пристень. ~~10.~~ Харченко Василий Григорьевич — колхозник из хутора Пристень. ~~11.~~ Сухомлин Никита — колхозник из хутора Пристень. ~~12.~~ Волдырь Михаил Ильич — колхозник хутора Кругляковки. ~~13.~~ Сулига Иван Павлович — колхозник хутора Кругляковки. ~~14~~. Погуляй Иван Лаврентьевич — председатель Петровского сельсовета. ~~15.~~ Мойсов Иван Кириллович — работник кооперации. ~~16.~~ Ковшарь Кирилл Андреевич — бригадир колхоза «Червона зирка» Куриловского сельсовета, в последнее время работал председателем этого колхоза. ~~17.~~ Буймер Даниил Иванович — директор Купянского маслозавода. ~~18.~~ Сморшко Иван Герасимович — колхозник села Николаевки. ~~19.~~ Кравченко Пётр Кириллович — колхозник села Куриловки.

Комиссия отмечает, что многие убитые настолько изуродованы, что их невозможно опознать.

Акт подписали:
председатель комиссии украинский писатель К. Гордиенко,
члены комиссии — председатель горсовета Тугай,
настоятель Николаевской церкви города Купянска Иоанн Протопопов,
домохозяйка Белоцерковская,
врачи П. Гогин, В. Кощеев, Р. Гарницына».

Чрезвычайная Государственная Комиссия устан~~авливает~~*овила,* ~~что~~ *следующие факты:*

1) Ростовский музей изобразительных искусств ограблен и вывезен в Германию командующим 1-й танковой армией генералом кавалерии Макензеном и начальником отдела пропаганды 1-й танковой армии Миллером.

2) Больные, находившиеся в Сапоговской психиатрической больнице *в Курской области,* отравлены по приказу немецкого коменданта Фляха и врача Керна, причем наблюдение за выполнением приказа Фляха осуществлял посредник — переводчик немецкой комендатуры Вегеманн.

3) Истязание и расстрел мирного населения в городе Купянске произведены по приказу начальника немецкой тайной полевой полиции Каргана и его заместителя Швайцэ.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за ограбление, истязание и массовые убийства мирных советских людей, произведенные в Пятигорске, Курске и Купянске, командующего 1-й танковой армией **генерала кавалерии Макензена,** начальника отдела пропаганды 1-й танковой армии **Миллера,** коменданта **Фляха,** врача **Керна,** посредника переводчика **Вегеманна,** начальника тайной полевой полиции **Каргана** и его заместителя **Швайцэ.**

Н. Шверник

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 550. Л. 16–25. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 272–275.

№ 36

Записка П. К. Пономаренко И. В. Сталину о действиях партизан на коммуникациях

9 июля 1943 г.

Товарищу Сталину И. В.

Действия партизан на коммуникациях наносят большой ущерб захватчикам. По имеющимся данным, за два года войны партизаны спустили под откос около четырех тысяч эшелонов. Помимо материального ущерба, задержки в движении, вызываемые действиями партизан на коммуникациях, достигают в среднем 15–18%, не говоря уже о серьезном сокращении движения из-за снижения скорости поездов и прекращения на ряде участков ночного движения ввиду действий партизан.

Однако, несмотря на огромное значение борьбы партизан на коммуникациях, дезорганизация перевозок противника по железным дорогам не достигла еще таких размеров, чтобы иметь оперативное влияние на положение немецких фронтов.

Объясняется это тем, что последствия многочисленных диверсий — крушений эшелонов, взрыва мостов и порчи железнодорожного оборудования, проводимых разновременно на огромной сети, немцы сравнительно быстро исправляют.

Из этого, конечно, следует, что количество диверсий на железнодорожном транспорте следует непрерывно и всеми возможными средствами увеличивать, однако если мы увеличим их вдвое и втрое, то при всем огромном положительном значении для борьбы с врагом этого факта коренная дезорганизация железнодорожного движения все же не будет достигнута.

С весны этого года многие партизанские отряды и бригады по указанию штабов партизанского движения стали разрушать железнодорожное полотно противника путем растаскивания и уничтожения рельс. Это оказалось серьезнейшим средством дезорганизации коммуникаций.

Для примера можно привести следующий факт: в Белоруссии в мае месяце было выведено из строя 150 км жел. дорог. В условиях, когда немецкие оккупанты часть рельс со вторых и станционных путей отправили в переплавку, а запасы израсходовали на восстановление путей, выходящих из строя при диверсиях партизан, — это оказалось таким сильным ударом, что немецкое командование мобилизовало все рельсовые ресурсы, привлекло к этому вопросу внимание всей железнодорожной администрации, поставило на восстановление путей саперные части и только через месяц опубликовало официальное сообщение о том, что наконец-то силами саперов и местного населения «150 км железнодорожной линии, которая была разобрана партизанами на восточном фронте, восстановлены».

Партизанский отряд Королёва, участвовавший в этой операции, между станциями Осиповичи и Татарка взорвал рельсы по стыкам на расстоянии 2 км. Движение поездов на этой важной линии было приостановлено с 17 июня по 2 июля. Для возмещения рельсы немцы взяли с неработающей линии Осиповичи — Могилёв.

Это касалось 150 км железнодорожного пути, или в рельсовом исчислении 25 тыс. рельс, причем следует сказать, что добрая половина из них были не перебиты, а растащены, и немцы не могли возвратить их обратно для восстановления.

Можно себе представить, какой оперативный эффект имела бы операция, проведенная одновременно повсеместно и закончившаяся уничтожением 200—300 тыс. рельс.

Это поставило бы германское командование перед необходимостью приостановить наступление, если бы оно велось, впредь до того момента, когда путь был бы восстановлен.

Не подлежит сомнению, что германское командование за счет рельсового проката и съемки вторых, а также второстепенных путей на первый раз восстановило бы пути и ликвидировало длительную задержку, но все дело в том, что после первого одновременного удара партизаны систематически разрушали бы во все возрастающих масштабах рельсы на других или восстановленных участках.

Непрерывное уничтожение рельс в таких размерах приведет противника к катастрофическому недостатку рельс. Маневренные запасы рельс, при которых немцы обходятся сейчас, при описанном выше положении никакого выхода не дадут.

Центральным штабом партизанского движения* такая операция разработана с привлечением Украинского штаба партизанского движения в отношении дорог Украины.

Эта операция, которой, по нашему глубокому убеждению, суждено сыграть выдающееся историческое значение в деле разгрома немецких захватчиков, покоится на совершенно реальных основах, заключающихся в том, что:

а) На всех коммуникациях имеются партизанские отряды, могущие получить и, безусловно, выполнить наши задания.

б) Легкость проведения подобной операции.

Командиры партизанских отрядов и диверсионных групп и партизаны операцию по уничтожению рельс считают наиболее доступной и безопасной, могущей быть произведенной в любых условиях, при любой охране, так как она не требует долгой задержки на полотне, маскировки зарядов и пр. Кроме того, партизанские отряды и бригады помимо широкого проникновения одиночек на полотно, как правило, могут овладевать перегонами и выводить их сразу из строя целиком.

в) Огромная экономичность операции.

---

* Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования как центральный орган управления партизанским движением был образован постановлением ГКО от 30 мая 1942 г. № 1837сс. В марте 1943 г. был упразднен, но через месяц постановлением ГКО от 17 апреля 1943 г. № 3195сс вновь восстановлен при Ставке ВГК, из подчинения ЦШПД был выведен Украинский штаб партизанского движения. Решением ГКО от 13 января 1944 г. № 4945сс ЦШПД был расформирован, руководство партизанским движением в союзных, автономных республиках и ряде областей было передано ЦК и обкомам партии.

Для того чтобы перебить пополам рельс, весящий в среднем 500 кг, оказалось достаточным, как доказано нами вопреки существующему официальному наставлению, не 400 граммов взрывчатого вещества, а только 100 граммов. Таким образом, одной тонны тола достаточно для уничтожения 10 тысяч рельс, а для уничтожения рельс в размере 1 миллиона штук требуется всего 100 тонн тола.

Центральным штабом партизанского движения массированная операция по уничтожению рельс врага подготовлена полностью*. Все необходимые материальные ресурсы для выполнения операции также имеются.

Операцию, по нашему мнению, возможно провести начиная с 25 июля.

Прошу об оказании следующих мер помощи:

1. Выделить 180 самолето-вылетов самолетами Ли-2 и Си-47 в течение 5–6 дней, начиная с 12 июля, для выброски взрывчатых веществ в намеченные нами точки для проведения первого одновременного удара по магистралям.

2. Выделить 220 целевых самолето-вылетов для доставки взрывчатого материала и принадлежностей для взрыва в течение июля — августа для продолжения нанесения систематических ударов по рельсам врага.

3. Ввиду того, что в настоящее время для взрыва рельс 100-граммовыми шашками нам приходится разрезать 400- и 200-граммовые шашки, обязать тов. Ванникова изготовить в июле — августе 150 тонн 100-граммовых толовых шашек по образцу, представленному Центральным штабом партизанского движения.

Прилагаемые проекты решений по этому вопросу прошу утвердить**.

П. Пономаренко

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 475. Л. 60–64. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 285–287.

№ 37

Записка Ф. И. Голикова и В. И. Морозова И. В. Сталину об открытии Суворовских военных училищ

5 ноября 1943 г.

Народному комиссару обороны
Маршалу Советского Союза
Товарищу И. В. Сталину

О ходе формирования Суворовских училищ***

Докладываю, что по подготовке открываемых в 1943 году девяти Суворовских военных училищ к новому учебному году проведена следующая работа:

---

* Операция «Рельсовая война» — крупная операция, проведенная советскими партизанами с 3 августа по 15 сентября 1943 г. на оккупированной территории РСФСР, БССР и части УССР для оказания помощи частям Красной армии в завершении разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве и развитии общего наступления по белгородско-харьковскому направлению.

** Не публикуются.

*** Специализированные военные училища, получившие свое название в честь русского полководца А. В. Суворова, были созданы в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В 1943 г. открылось 11 Суворовских военных училищ: Краснодарское, Сталинградское, Воронежское, Харьковское, Курское, Калининское, Орловское, Ставропольское, Ташкентское и Кутаисское (два последних — училища НКВД для детей пограничников), в 1944 г. — еще шесть: Казанское, Куйбышевское, Горьковское, Саратовское, Тамбовское и Тульское.

1. Назначены и находятся на местах начальники училищ, учебно-административный аппарат, командиры рот, офицеры-воспитатели и старшие преподаватели. Всего назначено в училища 297 офицеров, из них: с высшим педагогическим образованием — 110 чел. (37%), со средним педагогическим образованием — 125 чел. (42%), с общим средним образованием и с опытом педагогической работы в военных училищах — 62 чел. (21%).

Из числа назначенных в училища офицеров — 211 чел. (71%) имеют опыт педагогической работы в военных училищах.

С офицерами-воспитателями, командирами рот, старшими преподавателями, начальниками учебных отделов, начальниками физподготовки и комсоргами проведен в г. Москве десятидневный сбор. На сборе указанные офицеры прослушали цикл лекций по вопросам педагогики, дидактики, психологии и организации воспитательной работы в Суворовских военных училищах.

2. Подготовлены следующие документы:

а) «Положение о Суворовских военных училищах».

б) «Правила внутреннего распорядка и поведения воспитанников Суворовского военного училища».

в) «Примерный распорядок дня в училище».

г) «Учебный план».

д) Программы по всем общеобразовательным дисциплинам.

е) Годовой распорядок работы в училище.

3. Краевыми и областными комиссиями произведен отбор воспитанников до полного штата в каждое училище. В период с 15 по 20 ноября отобранные комиссиями воспитанники прибудут в училища.

4. Помещения под расквартирование Суворовских военных училищ отведены. Восстановление и ремонт зданий будут закончены по всем училищам к 15–20 ноября. Основным тормозом в производстве ремонтно-восстановительных работ является недостаток квалифицированных рабочих (столяров, маляров) и строительных материалов (оконного стекла, гвоздей, красок, электроарматуры и др.).

Суворовские училища в Майкопе, Ельце и Курске размещены разбросанно, неудачно. Их размещение следует рассматривать как временное, только на текущий год, впредь до перевода в более приспособленные здания.

Топливо для училищ занаряжено, но доставка его производится очень медленно из-за отсутствия транспорта и горючего.

Казарменным инвентарем, классной мебелью и столовой посудой Суворовские училища обеспечены в самых минимально необходимых на первых порах количествах и по очень сокращенной номенклатуре.

5. Питание воспитанников и офицерского состава училищ установлено по 9-й норме, а сержантского и рядового состава по 3-й норме. Необходимым запасом продуктов училища обеспечены. Орловское, Воронежское и Курское училища испытывают большие затруднения с заготовкой и доставкой картофеля, овощей, сена.

6. Обмундированием, обувью, бельем, постельной принадлежностью для воспитанников по 500 комплектов все училища обеспечены. Обмундирование для офицерского состава занаряжено очень низкого качества и грубой пошивки, что делает внешний вид офицеров крайне неприглядным, резко отличным от внешнего вида воспитанников.

7. Автомобильным и гужевым транспортом все Суворовские училища будут полностью обеспечены к 15 ноября. Большие трудности испытывают училища с обеспечением горючим для автомашин в связи с недостатком последнего в пунктах квартирования училищ.

8. Учебниками обеспечены приготовительные и 1 и 2 классы, за исключением учебников по истории СССР под редакцией профессора Шестакова и иностранных языков, — полностью; 3 и 4 классы будут обеспечены в ноябре месяце из дополнительно выходящих из печати тиражей.

Занятия во всех Суворовских училищах начнутся 1 декабря 1943 года, как и предусмотрено Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Начальник Главного управления кадров НКО — генерал-полковник Голиков
Начальник Управления ВУЗов ГУК НКО — генерал-лейтенант Морозов

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 224. Л. 36–39. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 315–316.

№ 38

Письмо академика А. Н. Баха, писателей Л. Н. Сейфуллиной, А. А. Антоновской и других И. В. Сталину о создании монументального памятника Великой Отечественной войны

2 апреля 1944 г.
Москва

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Наша Отечественная война в течение тысячелетий будет не только восхищать поколения своим беспримерным в истории человечества героическим эпосом, но и питать их чувства и разум величием военной доблести и труда. Героический эпос Отечественной войны будет вдохновлять наших потомков на новые подвиги во имя Родины, как нас вдохновляют подвиги наших предков.

Сейчас, когда Отечественная война приближается к своему торжеству — победе, взволнованное стремление воздвигнуть памятник Отечественной войны все сильнее охватывает патриотов СССР.

Монументальный памятник Отечественной войны — Пантеон Славы — должен увековечить гений вождя, доблесть героев и бессмертные деяния Красной Армии, подвиги богатырей оружия и труда. В его стенах будет вечно жить великая эпоха освободительной борьбы народов СССР за честь и независимость своей Родины.

На возведение монументального памятника Отечественной войны с гордой радостью отдадут свой труд и вдохновение рабочий и пахарь, писатель и художник, академик и инженер, генерал и солдат — все от мала до велика.

Музей Отечественной войны 1812 года был открыт после празднования столетнего юбилея. Мы же думаем, что желание каждого нашего патриота — воздвигнуть памятник второй Отечественной войны — Пантеон Славы — ко дню празднования первого десятилетия победы над фашизмом.

Пантеон Славы нам мыслится как величественное здание, возвышающееся в столице нашей Родины. Сочетание мрамора и красок, бронзы и слова должно стать выразителем героических образов и дел.

Строгий по формам и монументальный по размерам Пантеон Славы будет создан нашими лучшими архитекторами, скульпторами и художниками.

Нам мыслится, что в Пантеоне Славы произведения живописи и скульптуры, оружие, знамена, трофеи будут дополняться книгами, фолиантами, художественными и документальными кинофильмами, запечатлевшими Отечественную войну, пластинками и пленкой с изображениями и голосами героев фронта и тыла.

Грандиозный памятник доблести и чести как истинно народный памятник будет воздвигнут народами СССР на свои средства. Нам, инициативной группе, это мыслится, как создание Общества памятника Отечественной войны — Пантеона Славы, стать членами которого будут стремиться миллионы граждан.

Писатели, скульпторы, художники, композиторы, ученые отдадут в материальный фонд памятника свои произведения для массового распространения.

После одобрения Правительством идеи создания памятника Отечественной войны общество немедленно приступит к подготовительным работам возведения Пантеона Славы.

Мы рассчитываем, дорогой Иосиф Виссарионович, на моральную поддержку Партии и Правительства в великом деле создания советским народом памятника Отечественной войны.

Инициативная группа:
А. Н. Бах, лауреат Сталинской премии, академик*
В. И. Мухина, лауреат Сталинской премии, скульптор
К. Ф. Юон, лауреат Сталинской премии, художник
А. А. Антоновская, лауреат Сталинской премии, писатель
Ф. Жутаев, председатель ЦК Союза работников печати СССР
Е. Ф. Никитина, член Президиума ЦК Союза работников печати СССР, критик
Л. Н. Сейфуллина, писатель-орденоносец
Н. Н. Ляшко, писатель-орденоносец
Д. Д. Шостакович, лауреат Сталинской премии, композитор
Б. Е. Этингоф, профессор
Б. К. Чёрный, писатель
К. Н. Сидельников, работник литфонда СССР

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 595. Л. 50–52. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 338–339.

№ 39

Постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О призыве в армию 25 тысяч женщин-добровольцев»

16 мая 1944 г.

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Разрешить НКО (начальнику Главупраформа Красной Армии Смородинову) призвать в добровольном порядке через местные городские и областные комитеты ВКП(б) и исполкомы Советов депутатов трудящихся 25 000 женщин в возрасте от 20 до 35 лет.

Призванных женщин направить в части Красной Армии на укомплектование должностей поваров, прачек, связистов и санитарок.

Призыв провести в городах и крупных населенных пунктах областей, краев и республик, согласно прилагаемому расчету, из числа женщин, не имеющих детей и не обремененных семьей.

2. Призванных женщин обеспечить всеми видами довольствия наравне с военнослужащими, распространив на них действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года и Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 года № 1269**.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 273. Л. 157–158. Копия.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 344.

---

* Подпись А. Н. Баха на документе отсутствует.

** Имеется в виду указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» и постановление СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям».

№ 40

Постановление Государственного Комитета Обороны «О работе Оперативного бюро»

19 мая 1944 г.
Москва, Кремль

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Отнести к ведению Оперативного бюро ГОКО:

а) контроль и наблюдение за работой всех наркоматов оборонной промышленности (Наркомавиапром, Наркомтанкопром, Наркомбоеприпасов, Наркомвооружения, Наркомминвооружения, Наркомсудпром), железнодорожного и водного транспорта (НКПС, Наркомречфлот, Наркомморфлот и ГУСМП), черной и цветной металлургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, бумажно-целлюлозной, электротехнической промышленности и Наркомата электростанций;

б) рассмотрение и внесение на утверждение Председателя Государственного Комитета Обороны проектов решений по отдельным вопросам, квартальных и месячных планов производства указанных выше наркоматов и квартальных планов снабжения народного хозяйства металлом, углем, нефтепродуктами, электроэнергией, а также осуществление контроля за исполнением этих планов и планов снабжения перечисленных наркоматов всеми материально-техническими средствами;

в) решение текущих вопросов, касающихся наркоматов, перечисленных в п. «а», и выпуск постановлений и распоряжений по этим вопросам.

2. Транспортный комитет при Государственном Комитете Обороны упразднить с возложением на Оперативное бюро Государственного Комитета Обороны рассмотрение планов перевозок на железнодорожном, морском и речном транспорте.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 335. Л. 185–186.

№ 41

Постановление Государственного Комитета Обороны «О материально-бытовом обеспечении генералов, адмиралов, комиссаров госбезопасности, комиссаров милиции и старшего офицерского состава Красной армии, Военно-Морского флота, войск, органов НКВД и НКГБ СССР, имеющих срок выслуги 25 лет и более, зачисляемых в запас или увольняемых в отставку»

28 июня 1944 г.

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Установить, что генералам, адмиралам, комиссарам госбезопасности, комиссарам милиции и старшему офицерскому составу КА, ВМФ, войск и органов НКВД СССР и НКГБ СССР, имеющим срок выслуги 25 лет и более, зачисляемых в запас и увольняемых в отставку по состоянию здоровья или по возрасту, — пенсии исчислять из штатного оклада содержания по последней должности и процентной надбавки за выслугу лет:

а) генералам, адмиралам, комиссарам госбезопасности и комиссарам милиции — в размере 90%;

б) старшему офицерскому составу, имеющему срок выслуги 25 лет, — 80%.

За каждый год выслуги свыше 25 лет пенсию старшему офиц. составу увеличить на 3%, причем общая сумма при сем не должна превышать 90% от оклада содержания по последней должности и процентной надбавки за выслугу лет.

Исчисление срока выслуги производится в соответствие со ст. ст. 3 и 4 Постановления СНК от 5 июня 1941 года № 1474.

2. Выдавать лицам, указанным в пункте 1, при зачислении их в запас или при увольнении в отставку единовременное пособие из расчета штатного оклада содержания по последней должности и процентной надбавки за выслугу лет:

а) генералам, адмиралам, комиссарам ГБ, комиссарам милиции — в размере 6 месячных окладов;

б) полковникам и лицам, имеющим соответствующие им воинские и спец. звания, — в размере 5 месячных окладов;

в) подполковникам и лицам, имеющим соответствующие им воинские и спец. звания, — в размере 4 месячных окладов;

г) майорам и лицам, имеющим соответствующие им воинские и спец. звания, — в размере 3 месячных окладов.

3. Установить, что лица, указанные в п. 1, при зачислении их в запас или при увольнении в отставку при наличии положительной аттестации могут быть представлены к награде орденом и присвоению в аттестационном порядке очередного воинского или специального звания.

Предельными воинскими званиями, к которым могут быть представлены зачисляемые в запас или в отставку, являются звания генерала армии, адмирала и соответствующие им звания.

При этом офицеры, удостоенные при зачислении в запас или увольняемые в отставку генеральских и им соответствующих званий, пользуются всеми правами, установленными настоящим Постановлением для генералов (и им соответствующих), зачисляемых в запас или увольняемых в отставку.

4. Предоставлять указанным в п. 1 лицам, зачисленным или уволенным в отставку, право:

а) на ношение формы одежды со знаками различия, но с особым отличительным знаком на погонах;

б) на обеспечение их продовольственными и промышленными товарами за оплату наравне с генералами, адмиралами, комиссарами госбезопасности, комиссарами милиции и старшим офицерским составом на соответствующих должностях в КА, ВМФ, в войсках и органах НКВД И НКГБ СССР;

в) на обеспечение их и членов их семей медицинской помощью, а нуждающихся — в санаторно-курортном лечении через поликлиники, санатории и дома отдыха НКО, НКВМФ, НКВД и НКГБ соответственно;

г) на занимаемую им и их семьями жилую площадь, а при перемене места жительства — на получение новой жилплощади;

д) состоять действующим членом офицерских клубов и собраний местных гарнизонов Красной Армии, Военно-Морского флота, в войсках и органах НКВД СССР и НКГБ СССР;

е) на прием их детей в суворовские и нахимовские училища, а также на бесплатное обучение детей в техникумах и высших учебных заведениях;

ж) на обеспечение вещевым довольствием по нормам и в сроки, установленные для находящихся на службе в Красной Армии, Военно-Морском флоте, в войсках и органах НКВД СССР и НКГБ СССР, — за наличный расчет по государственным расценкам.

5. Обязать городские и районные Советы депутатов трудящихся предоставлять лицам, указанным в п. 1 настоящего Постановления, по их заявлениям в бесплатное пользование под застройку, огороды и сады земельные участки от половины гектара до одного гектара,

а также выдавать им необходимые стройматериалы с оплатой их стоимости по госуд. ценам в рассрочку на 10 лет.

6. Установить, что за указанными в п. 1 лицами, поступившими на работу в учреждения и предприятия, сохраняются все льготы, предусмотренные Постановлением, в т. ч. и полная пенсия независимо от зарплаты, получаемой по месту работы.

7. Установить, что в случае смерти лиц, указанных в п. 1 настоящего Постановления, их семьи обеспечиваются в порядке, установленном Постановлением СНК СССР от 28 апреля 1943 г. № 462. При этом единовременное пособие выдается в размере 1/3. Кроме того, эти семьи обеспечиваются пенсией в соответствии с Постановлением СНК от 5 июня 1941г. № 1474.

8. Распространить льготы, установленные настоящим Постановлением, на лиц, зачисленных в запас или уволенных в отставку с начала Отечественной войны (22 июня 1941 г.), имевших к моменту увольнения из армии срок выслуги 25 лет и более и воинские, а также специальные звания, соответствующие перечисленным в п. 1 настоящего Постановления.

Ввести с 1 июля 1944 г.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 347. Л. 76–78.

№ 42

Письмо маршала Г. К. Жукова генералу Ф. И. Голикову с анализом подготовки военных кадров, исходя из опыта военных действий в период Великой Отечественной войны

22 августа 1944 г.

При разработке плана использования и создания кадров Красной Армии после войны нужно прежде всего исходить из опыта, который мы получили в начальный период Отечественной войны.

Чему нас учит полученный опыт?

Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Будённый, Черевиченко, Тюленев, Рябышев, Тимошенко* и др.).

На армии ставились также мало изученные и неподготовленные люди. Иначе и не могло быть, так как подготовленных еще в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения не было. Людей знали плохо. Наркомат обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих — командовать фронтами и армиями.

Еще хуже обстояло дело с командирами дивизии, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры. Короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров.

Вывод: Если мы не хотим повторить ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

---

* Д. Г. Павлов, Ф. И. Кузнецов, М. М. Попов, С. М. Будённый, Я. Т. Черевиченко, И. В. Тюленев, Д. И. Рябышев, С. К. Тимошенко.

Затраченные средства окупятся успехами войны.

Видимо, в мирное время нужно иметь два-три комплекта и командиров дивизий и полков, которые бы обеспечили полное развертывание армии и трех-четырехмесячное ведение войны.

Каждому командующему фронтом и армией иметь заранее отобранного и подготовленного заместителя.

Во-вторых, мы, безусловно, оказались неподготовленными с кадрами запаса.

Все командиры, призванные из запаса, как правило, не умели командовать полками, батальонами, ротами и взводами. Все эти командиры учились войне на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей.

В-третьих, мы не имели культурного штабного командира и, как следствие, не имели хорошо сколоченных штабов.

В-четвертых, в культурном отношении наши офицерские кадры недостаточно соответствовали требованиям современной войны. Современная война — на 8/10 война техники с техникой врага, а это значит, нужно быть культурным человеком, чтобы уметь быстро разобраться со своей техникой и техникой врага и, разобравшись, грамотно применить свою технику.

Нужно правду сказать, что из-за неграмотности и бескультурья наших кадров мы очень часто несли большие потери в технике и живой силе, не достигнув возможного успеха.

В-пятых, существовавшая в мирное время система обучения и воспитания наших кадров не дала нам для войны образцового и авторитетного командира.

Наши академии, школы и курсы неправильно учили командные кадры, а именно:

1) Теоретическое обучение шло явно в ущерб практическому обучению. Опыт войны показал, что только те командиры оказались хорошими командирами, которые выросли на полевой работе, а не в кабинетах. Следовательно, главный упор в будущем должен быть в обучении командира — это работа в поле, в обстановке, близкой к боевой.

2) Наши командиры очень плохо знали и знают технику (авиацию, артиллерию, танки и пр.). Нужно каждого командира, от командира батальона и выше, в будущем обязательно прикомандировать в спец. части на 6—10 месяцев для капитального изучения сердца техники.

3) Волевые качества нашего командира — инициатива, умение взять на себя ответственность, развиты явно недостаточно, а это очень пагубно сказалось на ходе войны в первый период. Следовательно, этот важнейший вопрос нужно решить также капитально.

Что касается Ваших соображений об оставлении возможно большего состава командного состава в рядах армии в мирное время, я считаю в основном их правильными, но при этом я только за оставление нужных и способных кадров, а не таких, как у нас были, вроде провалившихся.

Г. К. Жуков

Опубликовано: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. С. 480–481.

№ 43

Записка А. В. Хрулёва и Е. И. Смирнова И. В. Сталину о войсковых домах отдыха

14 ноября 1944 г.

Товарищу Сталину И. В.

По Вашей директиве, в зиму 1942—1943 гг. были организованы дивизионные, армейские и фронтовые дома отдыха, которые содействовали укреплению здоровья офицеров и бойцов частей действующей армии.

В этом году Военный совет 1-го Белорусского фронта получил Ваше разрешение содержать дома отдыха, что дало хорошие результаты.

Полагали бы целесообразным организовать во всех действующих фронтах дома отдыха по примеру прошлых лет.

Представляем на Ваше рассмотрение и утверждение проект директивы.

А. Хрулёв
Е. Смирнов

Приложение
Проект

Командующим войсками действующих фронтов

Для предоставления кратковременного отдыха рядовому, сержантскому, офицерскому и генеральскому составу действующих фронтов приказываю:

1. Развернуть с первого декабря 1944 года на срок до 1 апреля 1945 года на каждом фронте, в зависимости от боевой обстановки, дома отдыха, исходя из следующего расчета: а) в каждой дивизии (бригаде) — на 50 коек для рядового и сержантского состава, б) в каждой армии — на 100 коек для рядового и сержантского состава и на 50 коек для офицерского состава, в) во фронте — на 50 коек для генералов и полковников.

2. Установить срок пребывания в домах отдыха рядовому и сержантскому составу — десять дней, генералам и офицерам — пятнадцать дней.

3. Производить питание отдыхающих бесплатно согласно приказу НКО 1941 года № 312 по нормам: № 1 — рядовой и сержантский состав, № 11 — генералов и офицеров с добавлением ежедневно по 100 гр. водки. Вольнонаемный обслуживающий состав питать по норме № 3.

4. Командующим войсками фронтов и Начальнику тыла Красной Армии обеспечить развертываемые дома отдыха необходимым имуществом, денежными средствами и пайками.

И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 163. Л. 21–22. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 369–370.

№ 44

Письмо репатриируемых советских граждан И. В. Сталину

2 февраля 1945 г.
Каир, Египет

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза
товарищу Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В условиях жестокой борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на нашу долю выпало тяжкое несчастье попасть в неволю к фашистским варварам.

Мы, красноармейцы, сержанты, офицеры, попавшие в плен, и гражданское население, насильно вывезенное на каторжные работы в Германию, испытали ужас насилия, издеватель-

ства, голод, холод и непосильный труд в застенках концентрационных лагерей у германских фашистских палачей.

В лагерях для военнопленных: в Карачеве, Брянске, Гомеле, Бобруйске, Молодечно, Виляндия (Эстония), Колвария (Литва), Якопшталь, Нюрнберг, Линбурглан, Болхин (Лотарингия), «Черный лагерь» и ряде других немцы намеренно проводили истребление русских, советских людей, число которых достигало до 400 человек в день. Трудно выразить жизнь в этих лагерях, когда военнопленные по 6 суток не получали пищи, в холодные осенние дни жили под открытым небом. Вместо оказания медицинской помощи раненым их расстреливали, а остальным лицам создавали невыносимые условия, в результате чего обрекали на верную гибель. Пристреливали и тех, которые от истощения не могли следовать на этапных маршах: в декабре 1941 г. на этапе Старая Русса — Псков убито 200 человек, Гомель — Бобруйск — 150 человек, 12.XI.41 г. Вязьма — Смоленск — 2500 чел., среди которых были пленные и гражданские (старики и дети). Получившие заболевания туберкулезом на шахтах и рудниках русские пленные и гражданские, не получая никакой помощи, концентрировались в специальных лагерях смерти, обреченные на постепенное вымирание: такой лагерь находится близ гор. Болхин (Лотарингия), где насчитывалось в апреле м-це 1943 г. до 7000 человек; в этом же районе находится 400 братских могил с русскими, каждая из них содержит до 30 человек.

Несмотря на жестокий террор фашистских извергов и всемерные принуждения под угрозой расстрелов, повешения и систематических избиений, советские люди не желали работать на своих поработителей, устраивали забастовки против невыносимых норм выработок, большого рабочего дня, всеми мерами саботировали проводимые немцами мероприятия. Например, была затоплена в районе Сандовольт шахта «Карл Александр»; на шахте «Реден» и «Инцитлист» около города Нойнкирхина забастовавшие пленные около 1000 чел. в течение двух суток не выходили из шахты до тех пор, пока немецкое командование не пообещало улучшить условия жизни.

Безусловно, жизненные условия улучшены не были, но зато после забастовки немецкие палачи непосредственно в шахте казнили через повешение советских пленных.

В каждом лагере для военнопленных по утрам можно было видеть висящих на проволоке пристрелянных пленных, пытавшихся бежать из фашистских застенок — плена. Некоторым удалось преодолеть проволочную изгородь, разломать решетки лагеря, прокопать подземные ходы и другими путями покинуть фашистский плен, бежать по чужим землям: Франции, Италии, Греции, Югославии, вступать в партизанские отряды этих стран и вести борьбу с немецкими захватчиками, а некоторым, пройдя территории Германии, Франции, Италии, довелось быть интернированными в Швейцарии.

Находясь вдали от Родины, нас никогда не покидала мысль о свободной, счастливой жизни в нашей Великой Стране Советов.

Благодаря победоносному наступлению нашей доблестной Красной Армии под Вашим мудрым руководством и благодаря наступлению союзных войск на Западе много советских военнопленных и гражданского населения — женщин, детей и мужчин, работающих на каторге, в Германии, — освободилось от фашистской тирании.

С величайшей радостью мы возвращаемся на свою любимую Родину.

Дорогой наш вождь и отец! Великая вера в Вас, в Ваше гениальное руководство героической Красной Армией и всем многомиллионным советским народом, в Вашу отеческую любовь к советскому человеку служила нам неугасающим маяком, когда мы находились в кошмаре фашистского плена. Мы верили в Ваши мудрые слова: «Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

Осуществились наши долгожданные мечты. Теперь мы свободны! Позади остались страшные мучения и издевательства, заслуживающие жестокой мести и презрения расовоненавистнической политики фашистских головорезов, палачей и грабителей, потерявших человеческий облик.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Красноармейско-сержантский и офицерский состав сводного полка, находящегося в пути следования, горит одним желанием: скорее ступить

на свою родную землю и немедленно вновь влиться в ряды Красной Армии для того, чтобы отомстить фашистской гадине и добиться окончательной победы над заклятым врагом.

Разрешите нам по прибытии на Родину немедленно отправиться на фронт и применить науку ненависти к поработителям для получения с них долгов за все бесчинства над нами лично и миллионами наших братьев, сестер, матерей, отцов и детей.

Мы просим Вас, родной вождь, принять от нас скромный вклад в фонд Главного Командования нашей героической Красной Армии — 1450,15 пиастров (египетской валютой), добровольно собранных нами среди личного состава полка.

Да здравствует наша любимая Родина, ее свобода и независимость!

Да здравствует славная героическая Красная Армия!

Да здравствует Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза — товарищ Сталин!*

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 506. Л. 113–117. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 374–375.

№ 45

Обращение И. В. Сталина к народу

9 мая 1945 г.

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая**.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

---

* Письмо подписали 27 человек — младших офицеров, сержантов и рядовых, в т. ч. И. Богачук, И. Горностаев, А. Немоляев и др., отдельные подписи неразборчивы.

** 7 мая 1945 г. в 2 часа 41 минуту во французском городе Реймсе был подписан Акт о капитуляции Германии. От имени немецкого главнокомандования протокол подписали генерал А. Йодль в присутствии генерала У. Смита (от союзных экспедиционных сил), генерал И. Д. Суслопарова (от советского главнокомандования) и французский генерал Ф. Севез в качестве свидетеля. Ссылаясь на отсутствие у И. Д. Суслопарова соответствующих полномочий, Советский Союз настаивал на подписании другого акта. 8 мая в 22 часа 43 минуты по среднеевропейскому времени (9 мая в 0 часов 43 минуты по московскому) в Карлхорсте (пригород Берлина) был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Стороны условились, что первый акт о капитуляции будет считаться предварительным, а второй — окончательным.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. Сталин

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 416. Л. 175, 178–180 об.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 382–383.

№ 46

Телеграмма Патриарха Московского и всея Руси Алексия И. В. Сталину

9 мая 1945 г.

Москва, Кремль
Иосифу Виссарионовичу Сталину

Сегодня, в исторический радостный праздник победы, мысли всех верных сынов нашей родины несутся к Вам, нашему любимому богоданному вождю, чьими неусыпными трудами и заботами страна наша достигла величайшей победы и мира.

Православная церковь наша зовет всех своих чад торжественной всецерковной молитвой ознаменовать этот светлый праздник русского народа, она возглашает Вам, своему дорогому вождю, многая и многая лета счастливой жизни на благо и радость нашего народа.

Алексий
Патриарх Московский и всея Руси

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 591. Л. 77–78. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации.
Война 1941–1945. М., 2010. С. 384.

№ 47

Записка Ф. И. Голикова И. В. Сталину об обнаружении концентрационного лагеря Заксенхаузен

19 мая 1945 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров СССР
Товарищу Сталину И. В. *

Докладываю:

Представитель репатриации подполковник Мячин донес:

В городе Ораниенбург (40 км севернее Берлина) обнаружен лагерь смерти** типа Майданек***.

В освобожденном лагере оказалось 2 тыс. тяжелобольных заключенных.

Крематории и газовую камеру немцы уничтожить не успели.

Арестовано 2 человека из состава немецкой комендатуры лагеря.

Предварительным опросом освобожденных установлено, что немцы за период 1940–1945 гг. в лагере истребили до 100 тыс. человек, в том числе большое количество сов. военнопленных.

Генерал-полковник Голиков

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 506. Л. 80. Подлинник.
Опубликовано: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. М., 2010. С. 391–392.

---

* На бланке Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации.

** Имеется в виду концентрационный лагерь Заксенхаузен рядом с г. Ораниенбургом. Создан в июле 1936 г. Освобожден советскими войсками 22 апреля 1945 г.

*** Концентрационный лагерь на территории Польши близ Люблина. Был создан в октябре 1941 г. На территории лагеря действовало семь газовых камер. По данным Нюрнбергского процесса, через лагерь прошли около 1,5 млн человек.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

1. Докладная записка начальников Управления Народного комиссариата государственной безопасности и Управления Народного комиссариата внутренних дел по г. Москве и Московской области П. Н. Кубаткина и М. И. Журавлёва заместителю наркома госбезопасности СССР Б. З. Кобулову о проведенных мероприятиях по обеспечению порядка в г. Москве и Московской области.

2. Распоряжение А. Гитлера об использовании экономики оккупированных восточных областей.

3. Справка председателя исполкома Моссовета В. П. Пронина председателю Совета по эвакуации при СНК СССР Н. М. Швернику о количестве вывезенных из Москвы детей и взрослого населения.

4. Из приказа В. Кейтеля о подавлении «коммунистического повстанческого движения».

5. Указание ОКХ о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением.

6. Постановление ГКО «Об эвакуации Большого государственного академического ордена Ленина театра, Московского художественного академического ордена Ленина театра им. Горького, Малого академического театра и Театра им. Вахтангова».

7. Постановление Моссовета о возобновлении нормальной работы предприятий торговли, общественного питания, коммунального хозяйства, лечебных учреждений и транспорта Москвы.

8. Из распоряжения № 44 начальника сельскохозяйственного отдела ОКВ д-ра Муссета.

9. Записка начальника Киевского районного отдела НКВД Сенькина о создании партизанского отряда, направленная в УНКВД по г. Москве и Московской области.

10. Из запроса генерала М. Шенкендорфа в штаб группы армий «Центр» о выделении сил для борьбы против партизан.

11. Донесение железнодорожной дирекции группы армий «Центр» о действиях партизан.

12. Спецсводка Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР «О реагированиях военнослужащих и их семей по вопросу открытия союзниками второго фронта в Европе (по материалам военной цензуры)».

13. Приказ начальника жандармерии при имперском наместнике в Штирии относительно понятия «восточный рабочий».

14. Записка заместителя председателя ГКО В. М. Молотова И. В. Сталину о проектах распоряжений по возобновлению работ в области использования атомной энергии.

15. Из спецсводки Особого отдела НКВД Донского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР «О реагированиях военнослужащих по вопросу открытия союзниками второго фронта (по материалам военной цензуры)».

16. Приказ А. Гитлера о противопартизанской войне.

17. Приказ А. Гитлера о «выжженной земле».

№ 1

Докладная записка начальников Управления Народного комиссариата государственной безопасности и Управления Народного комиссариата внутренних дел по г. Москве и Московской области П. Н. Кубаткина и М. И. Журавлёва заместителю наркома госбезопасности СССР Б. З. Кобулову о проведенных мероприятиях по обеспечению порядка в г. Москве и Московской области

22 июня 1941 г.

В соответствии с Вашими указаниями об обеспечении государственной безопасности в г. Москве и Московской области нами проведены следующие мероприятия:

1. Весь оперативный состав УНКГБ и УНКВД МО собран, проинструктирован и переведен на казарменное положение.

2. На основании имеющихся агентурно-следственных материалов проводится изъятие активно действующего контрреволюционного элемента, главным образом по признакам «Т», «Д», «ШП»*.

На 17 час. арестовано 14 человек и подготовлено к аресту 240 человек, из них по линии: немецкого шпионажа — 71, японского — 6, венгерского — 2, английского — 4, итальянского — 3, турецкого — 2, румынского — 5.

Кроме того, по линии уголовного розыска подготовлен к изъятию уголовно-бандитский элемент — 231 человек.

3. Установлен учащенный прием всей агентурно-осведомительной сети, которая направлена на выявление антисоветской деятельности подучетного элемента и лиц, распространяющих пораженческие и повстанческие настроения.

4. Агентурно-осведомительная сеть ОБХСС направлена на выявление скупщиков и спекулянтов продуктами питания и товарами широкого потребления.

5. Взято под особое оперативное обслуживание 114 оборонных заводов и режимных предприятий, на которые направлено 119 оперативных работников и пом. директоров по найму и увольнению для обеспечения государственной безопасности на этих объектах.

На этих предприятиях дополнительно установлены 472 милицейских поста.

6. Все виды охраны оборонных и промышленных предприятий переведены на усиленный вариант и казарменное положение.

7. На режимных заводах производится проверка личного состава, и лица, на которых имеются компрометирующие материалы, отстраняются от работы.

8. Пожарная охрана г. Москвы и Московской области переведена на усиленный вариант и казарменное положение и проводит в настоящее время профилактические мероприятия по проверке противопожарной готовности объектов города и области.

9. В целях обеспечения безопасности движения воинских поездов и вагонов особой нормы организовано агентурное обслуживание лиц, имеющих отношение к ним.

Через агентуру и специально выделенный оперативный состав установлено наблюдение за правильностью даваемых воинских маршрутов.

10. Проводится проверка состояния охраны (войсковой, стрелковой НКПС и милиции) депо, вагонных парков, железнодорожных мостов, объектов связи и сигнализации.

11. Для предупреждения возможных антисоветских проявлений и диверсионных актов на железнодорожном транспорте силами оперативного состава и особо проверенной агентуры организованы обходы главных железнодорожных магистралей и важнейших объектов.

---

* «Т» — теракт, «Д» — диверсия, «ШП» — шпионаж.

Для участия в обходах выделены 492 человека.

12. Взято под особую охрану 14 железнодорожных и стратегических мостов, на которые выставлены специальные воинские и милицейские посты.

13. Аппаратом УШОСДОРа* производится проверка состояния особо важных и стратегических автогужевых магистралей и шоссейных мостов.

14. В районах города и области органами милиции и общественностью организована охрана социалистической собственности.

15. По г. Москве и Московской области проводится проверка хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, предназначенных для производственных целей, на предприятиях, в учебных, научных и медицинских учреждениях — для устранения всякой возможности хищения их и использования в контрреволюционных целях.

16. Под особое наблюдение взяты объекты и научные учреждения, хранящие бактериологические препараты и химикаты. Лица, имеющие к ним отношение, взяты в агентурное обслуживание.

17. Усилена охрана тюрем, КПЗ** и лагерей, и весь личный состав охраны переведен на казарменное положение.

18. Из тюрем УН КВД МО вывезено в лагеря 1000 арестованных, и подготовлены места для содержания вновь поступающих арестованных.

Для интернированных иностранцев организован специальный лагерь на 300 человек.

19. Для обеспечения порядка в г. Москве организовано патрулирование работниками милиции и бригадами в количестве 1525 человек.

В ночное время выставляются дополнительные милицейские посты.

20. Местная противовоздушная оборона приведена в состояние угрожаемого положения, и проводится проверка готовности населения к светомаскировке.

Начальник УНКГБ по г. Москве и Московской области
комиссар госбезопасности 3 ранга — Кубаткин
Начальник УНКВД по г. Москве и Московской области
старший майор госбезопасности — Журавлёв

Опубликовано: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. I. Начало (22.06.1941–31.08.1941). М., 2000. С. 48–49.

№ 2

Распоряжение А. Гитлера об использовании экономики оккупированных восточных областей

29 июня 1941 г.

1) Во вновь оккупированных восточных областях рейхсмаршал Герман Геринг в пределах власти, данной ему как лицу, ответственному за четырехлетний план, ведает всеми мероприятиями, которые необходимы для наилучшего использования обнаруженных запасов и производственных мощностей и для укрепления экономической мощи в интересах военной экономики Германии.

2) В этих целях он может давать непосредственные указания всем инстанциям вооруженных сил в оккупированных восточных областях.

---

* УШОСДОР — Управление шоссейных дорог.

** КПЗ — камера предварительного заключения.

3) Это распоряжение вступает в силу с сегодняшнего дня. Оно будет опубликовано только после особого приказа.

Фюрер	Адольф Гитлер
Начальник штаба верховного главнокомандования вермахта	Кейтель
Рейхсминистр и начальник рейхсканцелярии	д-р Ламмерс

Опубликовано: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. М., 1973. С. 278.

№ 3

Справка председателя исполкома Моссовета В. П. Пронина председателю Совета по эвакуации при СНК СССР Н. М. Швернику о количестве вывезенных из Москвы детей и взрослого населения

10 сентября 1941 г.

На 24 часа 9 сентября 1941 г. всего вывезено из Москвы детей из детских садов, яслей, школ и взрослого населения г. Москвы — 2 млн 178 тыс. 511 человек, в том числе за 9 сентября — 11 320 человек (детей — 3596), из них железнодорожным транспортом — 10 596 человек и водным транспортом — 724 человека.

На 10 сентября 1941 г. намечается вывезти детей и взрослого населения г. Москвы — 12 тыс. человек.

Председатель исполкома Московского городского совета
депутатов трудящихся В. Пронин

ГАРФ. Ф. 259. Оп. 40. Д. 3059. Л. 130.

№ 4

Из приказа В. Кейтеля о подавлении «коммунистического повстанческого движения»

16 сентября 1941 г.

Содержание: Коммунистическое повстанческое движение на оккупированных территориях.

1. С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд*.

Следует указать, что здесь речь идет о массовом движении, централизованно руководимом из Москвы. Отсюда проистекают и отдельные, кажущиеся незначительными инциденты в областях, которые до сего времени были спокойными.

---

* Так оккупанты называли партизанские отряды.

В связи с многочисленными политическими и экономическими трудностями на оккупированных территориях следует, кроме того, принять во внимание, что националистические и другие силы воспользуются этим обстоятельством, чтобы, присоединившись к коммунистическому восстанию, вызвать затруднения для немецких оккупационных властей.

Таким образом, во все возрастающей степени возникает «угроза для немецкого руководства войной». Она пока проявляется во всеобщей неуверенности оккупационных войск и уже привела к отвлечению сил на главные очаги восстания.

2. Принимавшиеся до сего времени мероприятия, направленные против этого всеобщего коммунистического повстанческого движения, оказались недостаточными. Фюрер распорядился, чтобы повсюду пустить в ход самые крутые меры для подавления в кратчайший срок этого движения. Только таким способом, который, как свидетельствует история, с успехом применялся великими народами при завоеваниях, может быть восстановлено спокойствие.

3. При этом в своих действиях следует руководствоваться следующими положениями:

а) каждый случай сопротивления немецким оккупационным властям, независимо от обстоятельств, следует расценивать как проявление коммунистических происков;

б) чтобы в зародыше подавить эти происки, следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения. При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна считаться смертная казнь для 50–100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие. Обратный образ действий — сначала ограничиваться сравнительно мягкими приговорами и угрозой более строгих мер — не соответствует этим положениям и его следует избегать;

в) политические установки Германии относительно указанных территорий не должны влиять на действия военных оккупационных властей. Следует принять во внимание и использовать для пропаганды идею, что крутые меры освободят местное население от коммунистических преступников и тем самым пойдут ему на пользу. Искусная пропаганда такого рода воспрепятствует тому, чтобы в результате этих крутых мер против коммунистов в лояльно настроенных слоях населения возникла нежелательная обратная реакция;

г) силы из местного населения не годятся для проведения таких насильственных мероприятий. Увеличение этих сил создаст повышенную угрозу для собственных войск, и к нему поэтому не следует стремиться. Зато можно широко использовать премии и вознаграждения для населения, чтобы обеспечить его сотрудничество в подходящей форме;

д) если в порядке исключения потребуется проводить военно-полевые суды над участниками коммунистических восстаний и прочих действий против немецких оккупационных властей, то следует применять самые строгие меры наказания. Действенным средством запугивания при этом может быть только смертная казнь. Особенно следует карать смертью шпионские действия, акты саботажа и попытки поступить на службу в наши вооруженные силы. В случае неразрешенного хранения оружия следует, как правило, выносить смертный приговор.

4. Командующие войсками на оккупированных территориях должны позаботиться о том, чтобы эти основные положения были немедленно доведены до сведения всех военных инстанций, которые заняты подавлением коммунистического движения.

Кейтель

Опубликовано: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. М., 1973. С. 430–431.

№ 5

Указание ОКХ о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением

12 октября 1941 г.

Группе армий «Центр»

Верховное главнокомандование приказало:

«Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего мира. Так же, как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. Поэтому необходимо считаться в еще большей степени с аналогичным положением в Москве и Ленинграде. То, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего бойца, объявлено по русскому радио.

Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие незакрытые проходы, предоставляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство.

Совершенно безответственным было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии.

Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их.

Это указание фюрера должно быть доведено до сведения всех командиров».

Дополнение главного командования сухопутных сил:

Следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром.

Дальнейшие указания будут отданы позже.

Главное командование сухопутных сил

KTB OKW. Bd. I. S. 1070–1071.
Опубликовано: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. М., 1973. С. 255.

№ 6

Постановление ГКО «Об эвакуации Большого государственного академического ордена Ленина театра, Московского художественного академического ордена Ленина театра им. Горького, Малого академического театра и Театра им. Вахтангова»

13 октября 1941 г.

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Разрешить Комитету по делам искусств при Совнаркоме СССР немедленно приступить к эвакуации следующих московских театров:

а) Большого государственного академического ордена Ленина театра в г. Куйбышев с размещением в здании Куйбышевского оперного театра;

б) Московского художественного академического ордена Ленина театра им. Горького в г. Саратов с размещением в здании Драматического театра;

в) Малого академического театра в г. Челябинск с размещением в здании Драматического театра;

г) театра им. Вахтангова в г. Омск с размещением в здании Драматического театра.

2. Возложить ответственность за эвакуацию Большого государственного академического ордена Ленина театра, Московского художественного академического ордена Ленина театра им. Горького, Малого академического театра и театра им. Вахтангова на председателя Комитета по делам искусств т. Храпченко.

3. Обязать НКПС выделить для эвакуации московских театров, перечисленных в п. 1 настоящего постановления, и артистов с членами их семей 43 классных вагона и 35 товарных вагонов.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 122. Заверенная копия.

№ 7

Постановление Моссовета о возобновлении нормальной работы предприятий торговли, общественного питания, коммунального хозяйства, лечебных учреждений и транспорта Москвы

16 октября 1941 г.

Московским советом установлено, что за последние дни отдельные учреждения неудовлетворительно обслуживают население г. Москвы. 15 и 16 октября с перебоями работал троллейбус, отдельные магазины не обеспечили нормальное обслуживание покупателей.

Такие факты являются грубым нарушением государственной дисциплины и не могут быть терпимы в нашем советском городе. Московский совет предлагает:

1. Всем торговым предприятиям, ресторанам и столовым нормально, по установленному порядку обслуживать население г. Москвы.

2. Троллейбусу и трамваю бесперебойно производить работу с 5 часов утра до 10 часов вечера.

3. Коммунальным предприятиям и лечебным учреждениям начинать и кончать работу в установленные ранее Московским советом часы.

4. Директорам и руководителям предприятий и учреждений предлагается под их ответственность обеспечить твердый порядок в работе учреждения и предприятия.

5. Управлению милиции г. Москвы обеспечить порядок в работе предприятий и учреждений.

Председатель исполкома Московского городского
совета депутатов трудящихся В. Пронин
За секретаря зам. председателя исполкома Московского городского
совета депутатов трудящихся М. Смирнова*

Опубликовано: Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М., 2001. С. 261.

---

* Имеется помета: «Опубликовано в газете».

№ 8

Из распоряжения № 44 начальника сельскохозяйственного отдела ОКВ д-ра Муссета

4 ноября 1941 г.

Максимальные рационы питания на оккупированной территории СССР (граммов из расчета на неделю)

Продукты	Категории населения*					
	А	Б	Б1	В	В1	Г
Мясо и мясопродукты	–	100	100	200	200	–
Жиры	70	100	100	150	150	–
Хлеб	1500	1500	2000	2000	2500	750
Картофель	2000	4000	2500	5000	3500	1000

* Условные обозначения в документе:

Категории населения: А — не способное выполнять работу; Б — пригодное для полезных работ (в ОЗН и ОЗМ); Б1 — то же в ОЗЗ; В — длительное время выполняющее тяжелую физическую работу (в ОЗН и ОЗМ); В1 — то же в ОЗЗ; Г — дети моложе 14 лет и евреи (половина от категории А).

Допустимыми считались невыдача мяса и жиров, а также замена картофеля свеклой, а хлеба — кашей или пшеном.

ОЗЗ (Operativegebiet S d) — Оперативная зона группы армий «Зюд» («Юг»); ОЗМ (Operativegebiet Mitte) — Оперативная зона группы армий «Митте» («Центр»); ОЗН (Operativegebiet Nord) — Оперативная зона группы армий «Норд» («Север»).

КТБ (BA/MA. RW 3 I/143).
КТБ — Дневник боевых действий экономического штаба «Ост».
BA/MA — Bundesarchiv/Militararchiv (Федеральный военный архив, Фрайбург, ФРГ).

№ 9

Записка начальника Киевского районного отдела НКВД Сенькина о создании партизанского отряда, направленная в УНКВД по г. Москве и Московской области

Декабрь 1941 г.

При этом направляю вам список созданного мною при райотделе НКВД из добровольцев партизанского отряда в количестве 46 человек. Отряд разбит на три истребительные группы. Каждая группа в своем составе имеет 15 человек, из них: один — командир истребительной группы, один — помощник командира истребительной группы по политической части и 13 бойцов.

По партийному составу отряд распределяется следующим образом:

Членов ВКП(б) — 9 чел.;

Членов ВЛКСМ — 11 чел.;

Беспартийных — 26 чел.

По положению:

Рабочих — 36 чел.;

Служащих — 7 чел.;

Учащихся — 3 чел.

Все находятся на казарменном положении: обмундированием, снаряжением, вооружением и питанием обеспечены полностью за счет местных средств. Военному делу, борьбе с танками и борьбе в тылу врага все обучены по специальной двухмесячной программе с отметками на «хорошо» и «отлично». К выполнению специальных заданий в тылу врага все готовы. Жду ваших указаний».

Приложение: сп[исок] на 2 листах*.

Начальник Киевского РО УНКВД по г. Москве и Московской области
ст. лейтенант госбезопасности Сенькин

Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4611. Оп. 1. Д. 4 а. Л. 264.

№ 10

Из запроса генерала М. Шенкендорфа в штаб группы армий «Центр» о выделении сил для борьбы против партизан

16 апреля 1942 г.

I. Действия партизан в тыловом районе группы армий «Центр» и обстановка для борьбы с партизанами

В памятной записке командующего группой армий «Центр» от 24.02.1942 г. дается чрезвычайно правильная оценка возрастающей активности партизан: «Непрерывное усиление групп противника за линией фронта группы армий и связанный с этим рост партизанского движения во всем тыловом районе принимают настолько угрожающие масштабы, что я со всей серьезностью должен обратить внимание на эту опасность. Необходимы безотлагательные действия крупными силами, чтобы своевременно ликвидировать эту опасность...».

Если в конце прошлого и в начале этого года партизаны в результате проводившихся против них активных карательных действий выступали только небольшими группами, захватывали продовольствие и при удобном случае совершали нападения на отдельные не охраняемые войсками населенные пункты или на небольшие команды солдат, то теперь они действуют крупными, обученными в военном отношении частями. Они имеют в большом количестве тяжелое пехотное оружие, частично также артиллерию и другое вооружение и, как показали крупные нападения на Ельню и Брынь (17 км северо-восточнее Ельни) с предварительной трехчасовой артподготовкой из десяти орудий, способны вести наступательные действия.

Установлено, что во всех партизанских отрядах имеется военное руководство, что в партизанских отрядах проводится военное обучение и они имеют организацию по типу войсковых частей. <...>

Почти во всех партизанских частях в меньшем или большем числе имеются парашютисты. Военное руководство партизан регулярно производит набор в отряды в деревнях и осуществляет планомерное обучение. Поэтому партизаны, даже одетые в штатское платье, в полной мере обладают боеспособностью регулярных частей, как это можно было установить при ведении боевых действий 221-й дивизией против партизан в районе Ельни.

Разведка партизан организована отлично. Многие военные руководители партизан и почти все парашютисты снабжены радиостанциями. Следует с уверенностью полагать, что партизаны в широких масштабах организуют подслушивание на многих линиях телефонной

---

* Не публикуется.

связи и поэтому не разрушают эти линии, так как даже при участившихся теперь диверсиях на автомобильных и железных дорогах и мостах почти никогда не нарушаются линии связи. Связь партизанского командования с командованием Красной Армии осуществляется самолетами, по радио и через агентов.

Основными центрами партизанского движения, как показывает обстановка в тыловом районе группы армий «Центр» в последние месяцы, являются:

1) район севернее Борисова;
2) район между Бобруйском и Червенем;
3) район южнее Бобруйска;
4) район между Ельней, Дорогобужем и Днепром, восточнее Смоленска;
5) район севернее Смоленска (между Демидовом и Духовщиной);
6) район восточнее Гомеля.

Указанный в пункте 3 район южнее Бобруйска в период с 29.03 по 03.04.1942 г. был очищен от партизан силами 707-й пехотной дивизии, находящейся в подчинении командующего охранными войсками. Ввиду того, что на проведение этих операций было предоставлено мало времени, не удалось произвести очистку других районов под Бобруйском и запланированное основательное прочесывание района южнее Бобруйска. Поэтому партизанское движение в этой области вновь дает себя знать.

Следует отметить, что партизаны господствуют еще в ряде важных в хозяйственном отношении областей тылового района группы армий «Центр», так как за истекшие месяцы не было достаточно войск для активной борьбы с партизанами. Имеющихся в нашем распоряжении войск едва хватало для охраны железных дорог, шоссе, важных объектов и т. д.

Далее следует отметить, что условия для действий партизан после окончания периода распутицы станут более благоприятными. Партизаны будут избегать населенных пунктов и уйдут в свои убежища, расположенные в необъятных, частично заболоченных лесах, где их трудно обнаружить и куда нелегко добраться. Поэтому вести с ними борьбу будет значительно труднее, чем в зимнее время. <...>

II. Угрожающее положение, создавшееся к настоящему времени в результате действий партизан

Совершенно очевидна огромная опасность, возникшая к настоящему времени в результате действий партизан. Эта опасность состоит в следующем.

1) Важнейшие пути подвоза по железной дороге, в особенности мосты, ввиду недостаточной охраны постоянно находятся под угрозой. Число налетов партизан, диверсий и т. п. с каждым днем возрастает, так как имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении силы недостаточны для борьбы с численно возросшими партизанскими частями, имеющими военное руководство.

2) Экономическое использование обширных областей в высшей степени затруднено. При нынешнем положении с продовольственным снабжением не только армии, но и местного населения городов это играет немалую роль. Если местным жителям городов нечего есть, из их рядов рекрутируются партизаны.

3) Поставлено под угрозу дальнейшее использование важнейших предприятий — электростанций, станций водоснабжения и зависящих от них предприятий (госпиталей, мастерских, заводов), так как партизаны могут сорвать подвоз этим предприятиям необходимого количества торфа.

4) Партизаны имеют в контролируемых ими областях такие крупные части, что силами, которыми мы располагаем в настоящее время, будет трудно отражать одновременные нападения этих частей на тыловые коммуникации и тыловые службы. Чтобы устранить эту опасность, необходимо иметь подвижные, пригодные для ведения наступательных действий части.

5) Ввиду отсутствия достаточных сил едва ли можно воспрепятствовать проводимому партизанами насильственному рекрутированию местного населения*. Поэтому следует ожидать постоянного численного роста противника.

6) Население перестает верить в силу германской армии, так как видит, что мы не можем справиться с партизанами. Поэтому местные жители охотно оказывают помощь партизанам или даже вступают в их ряды.

7) Чисто пассивные оборонительные действия против партизан приводят к сковыванию значительных собственных сил охранных войск, причем не обеспечивается надежная защита охраняемых объектов. Типичным примером этого может служить находящаяся в подчинении группы Шенкендорфа 11-я танковая дивизия. Здесь при протяженности фронта охранения в северном и южном направлении в 210 км скованно около 12 тыс. человек. Одновременное концентрированное использование крупных сил для активных действий с целью уничтожения противника высвободило бы собственные силы и обеспечило бы значительно лучшую защиту охраняемых объектов.

III. Задачи охранных войск в тыловом районе группы армий «Центр»

1) Необходимо обеспечить охрану местными силами важных шоссейных и железных дорог и в особенности охрану важных объектов, расположенных на этих дорогах. Именно в последнее время увеличилось число диверсий, проводимых партизанами и парашютистами даже на тех участках дорог, которые довольно надежно охраняются (как между Смоленском и Оршей).

В тыловом районе группы армий «Центр» охране подлежат: 1700 км железнодорожных путей и 1100 км шоссейных дорог; всего около 3000 км.

2) Охрана коммуникаций, столь важных для тылового снабжения действующей армии, как уже неоднократно указывалось, требует активных действий против партизан. Имеющийся опыт показывает, что необходимо создание подвижных оперативных групп, вооруженных тяжелым оружием и в достаточной степени оснащенных средствами связи, для ведения наступательных карательных действий против партизан. Пассивная местная оборона не обеспечит надежной охраны коммуникаций.

3) Охрана территории требует сосредоточения подразделений охраны в важных населенных пунктах и в важных в экономическом отношении районах. Чтобы добиться усмирения охваченных партизанским движением областей, необходимо, судя по опыту, более длительное пребывание в них наших войск. Однократное прочесывание никогда еще не приносило должных результатов. Партизаны уходят в леса и остаются для нас угрозой. <...>

IV. Расчет потребностей в охранных батальонах в тыловом районе группы армий «Центр» для борьбы с партизанами

<...> Всего для этих целей требуется 38 охранных батальонов по четыре роты в каждом. Однако в тыловом районе группы армий «Центр» вместо 38 батальонов имеется только 25. Таким образом, до минимальной расчетной потребности недостает 13 батальонов. <...>

VI. Состав охранных войск, имевшихся в тыловом районе группы армий «Центр» на 01.12.1941 г.

Четыре охранные дивизии, одна бригада СС, одна кавалерийская бригада СС, 229 пехотных рот, 12 танкоистребительных рот, девять рот тяжелого пехотного оружия, 11 артиллерийских батарей. <...>

---

* Это утверждение неверно. За все годы существования многочисленных партизанских формирований в тылу противника не было ни одного случая, чтобы в партизанские отряды кто-либо зачислялся насильно. Партизанское движение было по своему характеру народно и основывалось исключительно на принципе добровольности.

В настоящее же время командующий охранными войсками имеет в своем распоряжении 85 охранных рот, 50 процентов состава которых недостаточно обучены и плохо вооружены. Основная масса офицеров старше среднего возраста, а рядовой состав в большей части пригоден только для несения гарнизонной службы в тылу.

Это сравнение показывает, насколько имеющиеся в настоящее время силы недостаточны для действий против значительно возросших, хорошо вооруженных и имеющих военное руководство партизанских отрядов.

VII. Ходатайство

На основании вышеизложенного ходатайствую о:

1) предоставлении в мое распоряжение еще 13 охранных батальонов для обеспечения охраны в тыловом районе группы армий «Центр» и активной борьбы с постоянно возрастающим партизанским движением;

2) возвращении 211-й охранной дивизии и 707-й пехотной дивизии в состав охранных войск после выполнения поставленных перед ними задач.

Командующий охранными войсками и начальник
тылового района группы армий «Центр»
генерал пехоты — фон Шенкендорф

Опубликовано: Военно-исторический журнал. 1960. № 7. С. 90–93.

№ 11

Донесение железнодорожной дирекции группы армий «Центр» о действиях партизан

28 июля 1942 г.

Последствия партизанских налетов в зоне, подведомственной главной железнодорожной дирекции группы армий «Центр»
(Доклад представляется по распоряжению г-на имперского министра путей сообщения в связи с его пребыванием в Киеве 21.07.1942 г.)

1. Общая обстановка.

Налеты партизан в течение июля приняли столь угрожающие масштабы, что не только снизилась и значительно отстает от установленных норм пропускная способность дорог, но и вообще на ближайшее будущее положение вызывает самые серьезные опасения.

Число партизанских налетов:

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	1–25 июля
5	6	27	65	145	262	304

Приводимые данные показывают, что число налетов возросло с пяти в январе до 262 в июне. В июле, до 25-го включительно, их было уже 304. Таким образом, в августе следует ожидать около 360 налетов.

При этом следует особенно учитывать, что за последнее время значительно возросла сила налетов и, соответственно, усугубились их последствия. Потери в людях и особенно в

драгоценнейшей материальной части очень велики. Важно также отметить, что ввиду недостаточной охраны и обороны значительно увеличилось число дневных налетов и нападений на поезда и железнодорожные станции.

2. Служба движения.

В результате партизанских налетов служба движения с определенного времени значительно недовыполняет нормы перевозок, предусмотренные расписанием движения.

Число и продолжительность простоев на участках недопустимо увеличились. В начале июля продолжительность простоев на 23 участках составляла еженедельно около 600 часов. К этому следует еще прибавить около 350 часов на маневрирование на запасных путях. В результате получается около 1000 часов простоя в неделю, или на каждый участок 1000:23 = 44 часа в неделю, т. е. в среднем около шести часов в сутки. Не удивительно, что пропускная способность, несмотря на все старания управления службы движения и вопреки всем усилиям личного состава и затратам материальных средств, постоянно снижается. Если около двух месяцев тому назад пропускная способность дорог, несмотря на значительное уже в то время число налетов, превышала (иногда намного) установленные нормы, то с начала июля эти нормы не выполняются. Так, например, число ежедневно принимаемых на границе и следующих по направлению к фронту эшелонов составило в течение недели с 12.07 по 18.07 в среднем 116 в сутки, а в течение недели с 19.07 по 25.07.1942 г. — только 111, в то время как норма, согласно расписанию движения, предусматривает 128 эшелонов в сутки. Приходилось на время задерживать составы с углем, отдельные эшелоны с военными грузами, тыловые перевозки и даже перевозку войск.

Чтобы обеспечить предусмотренное графиком число воинских эшелонов, часто задерживались составы с техническим имуществом, предназначенным для выполнения строительной программы на Востоке. Дальнейшая задержка этих составов ставит под угрозу выполнение программы строительства на Востоке*, а также и выполнение плана перевозок.

Очень увеличилось опоздание поездов, достигающее 120 часов.

Следует опасаться, что партизанам, при умело организованных и планомерных действиях, удастся полностью парализовать отдельные железнодорожные узлы.

За последнее время часто подвергались налетам и разрушениям также охраняемые объекты (мост в районе Речицы, водоснабжающая станция в районе Выдрея, водокачка в Борковичах и др.). Выход из строя водонапорной башни, водокачки или другого технического сооружения может значительно снизить пропускную способность дороги, так как снабжение водой из цистерн не может заменить водоснабжающих станций. Особой опасности подвергаются вспомогательные паровозные депо, построенные из дерева, так как их нетрудно поджечь. Эта опасность особенно велика в осеннее время, так как партизанам наиболее выгодно разрушить эти депо незадолго до наступления зимы. Однако главная опасность состоит в том, что партизаны, воодушевленные своими успехами, в скором времени начнут действия против крупных объектов. Вывод из строя крупного сооружения или разрушение прочих важных военных объектов будут иметь тяжелые последствия для транспорта и тем самым для действующих войск.

3. Служба эксплуатации.

а) *Паровозы.*

Как показывает приводимая ниже таблица, в эксплуатационной службе с увеличением числа партизанских налетов резко возросло число выведенных из строя и поврежденных паровозов:

---

* Так называемые программы строительства на Востоке составлялись немецко-фашистскими захватчиками с целью планомерного ограбления временно оккупированной территории СССР (демонтажа предприятий, добычи сырья, заготовок продовольствия и т. д.), а также сооружения аэродромов, укреплений и других военных объектов.

Месяц	Число подорвавшихся на минах паровозов	Из них в ремонте
Февраль	5	2
Март	5	2
Апрель	13	6
Май	25	13
Июнь	62	38
Июль	90	49

К настоящему времени только на минах подорвалось 200 паровозов, из которых 100 ремонтируется на паровозоремонтных заводах в Германии. Эти паровозы выведены из строя не менее чем на полгода. Таким образом, только в зоне главной железнодорожной дирекции группы армий «Центр» подорвалось на минах число паровозов, равное месячной продукции паровозостроительной промышленности Германии. Кроме того, 38 паровозов спущено под откос. Эти паровозы выведены из строя не менее чем на год. После того как они будут поставлены на рельсы, их придется отправлять на паровозоремонтные заводы в Германию.

Таким образом, паровозы на месяцы выводятся из строя и не только не могут выполнить своего основного назначения, но и требуют привлечения значительной рабочей силы для их восстановления на паровозоремонтных заводах и в депо. На государственных паровозоремонтных заводах за май, июнь и июль было затрачено около 4 тыс. рабочих часов для ремонта паровозов, подорвавшихся на минах. Число рабочих часов, затраченных на ремонт в паровозоремонтных депо, намного больше. <...>

б) *Вагоны с техническим имуществом и ремонтные поезда.*

Большое число партизанских налетов требует, кроме того, почти непрерывного использования вагонов с техническим имуществом и ремонтных поездов. В июне около 21 800 рабочих часов, или 2200 рабочих дней, ушло на восстановительные работы. Эти работы отрывают большое число высококвалифицированных паровозных слесарей и других квалифицированных рабочих от ремонта паровозов.

Последние 14 дней персонал ремонтных поездов был вынужден работать до изнеможения на постановке паровозов на рельсы. <...> Затяжка ремонта паровозов приводит к постоянному ухудшению технического состояния паровозного парка. Число паровозов, требующих ремонта, возросло вследствие этого с 20 процентов по норме до 24 процентов. Оно будет автоматически возрастать и дальше, если налеты партизан не прекратятся и если не будут присланы из Германии затребованные специалисты. <...> В целом в июне непроизводительные затраты рабочего времени составляют 45–50 тыс. рабочих дней.

в) *Вагонный парк.*

Потери вагонного парка, как это видно из нижеприводимых данных, также очень велики.

Число сильно поврежденных и полностью выведенных из строя вагонов:

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	1–25 июля
–	–	57	45	166	218	287

<...> Число легких повреждений, которые выявляются только после тщательного осмотра мастерами, намного больше. Более высокие потери вагонный парк несет в результате налетов партизан. Опаздывание поездов колеблется в пределах от 10 до 120 часов. Если считать, что в среднем каждый поезд опаздывает на 36 часов, то при 100 поездах, ежедневно следующих в одном направлении, это составит: 100x40x36/24 = –6000 вагонов, а всего 12 тыс. вагонов, которые могли бы ежедневно использоваться для нужд армии или военной промышленности и хозяйства.

Что касается ремонта вагонов на государственных заводах или в депо, то здесь положение такое же, как и с паровозами. Много квалифицированной рабочей силы отвлекается от выполнения своей непосредственной работы.

4. Железнодорожное полотно.

Повреждения полотна в результате партизанских налетов не особенно значительны, если иметь в виду общую длину путей в зоне, подведомственной железнодорожной дирекции группы армий «Центр»*. Однако и здесь потери довольно велики.

Повреждения железнодорожного полотна (в м):

Апрель	Май	Июнь	1–25 июля
1220	2040	4180	6000

5. Строительная служба.

Действия партизан, наносящие ущерб строительным работам, заключались:

а) в прямых нападениях на строительные объекты, на персонал строительных участков, а также в разрушении строительных машин;

б) в косвенных актах (увод местной рабочей силы, создание затруднений в вербовке рабочих, нарушение движения транспорта и воспрепятствование заготовке стройматериалов).

К пункту а). Наблюдалось уже несколько случаев нападения партизан на построенные объекты, главным образом на мосты (мост на западной окраине Калинковичей, два моста на участке Демехи — Горваль, мосты на участке Осиповичи — Могилёв и др.).

Ввиду разрушения этих объектов объем работ значительно вырос.

За последнее время заметно увеличились также налеты партизан на строительные взводы и на строительные отряды. Имеется ряд случаев убийства или ранения служащих строительных фирм, организации Тодта, дорожно-строительных взводов (нападение на строительный взвод в районе Могилёва, на строительный отряд организации Тодта на станции Муляровка, на строительный взвод службы связи в районе Бычихи и т. д.).

На участке Осиповичи — Могилёв ввиду отсутствия достаточной охраны до 1 июля невозможно было начать строительные работы. Начатые работы пришлось снова прекратить через две недели, так как были отозваны подразделения охраны.

На дороге Барановичи — Тимковичи были обстреляны немецкие железнодорожники. На ряде участков этой дороги ввиду усилившихся налетов партизан строительные работы вообще не начинались.

На этих же участках были совершены налеты с целью уничтожения строительных машин (экскаваторов) и вагонов. Приходится охранять все строительные машины. До сих пор это делается служащими строительных фирм, которые после ночных дежурств не в состоянии продуктивно работать.

К пункту б). Косвенное воздействие партизан проявляется, например, в том, что рабочие покидают строительные участки. С некоторых строительных объектов, сооружаемых по строительной программе для восточных областей на 1942 г., ушли почти все рабочие, особенно в районе Могилёва, где в настоящее время имеются только отдельные рабочие из местного населения. <...> Отмечается также уход значительного числа рабочих со строительства

* До весны 1943 г. в тыловом районе группы армий «Центр», как и во всех временно оккупированных районах СССР, действия партизан на железнодорожных путях выражались, как правило, в крушении вражеских поездов, подрыве мостов и разрушении станционного оборудования, а также в выводе из строя подвижного состава. Поэтому, естественно, протяженность поврежденного железнодорожного полотна была сравнительно невелика. Партизанские удары с целью массового разрушения путей сообщения в тылу врага начались с лета 1943 г.

двухколейной дороги на участке Молодечно — Полоцк, откуда, по имеющимся данным, в течение двух-трех недель сбежало около 200 человек. Кроме того, в районах, находящихся под влиянием партизан, невозможно завербовать местных рабочих и служащих. Значительная часть русского населения скрывается в леса уже при приближении наших вербовщиков.

Далее, из-за налетов партизан возникают трудности с подвозом стройматериалов и доставкой рабочей силы к строительным объектам. Вследствие вывода из строя большого числа подорвавшихся на минах паровозов, нарушения движения поездов, а также в результате диверсий рабочие поезда курсируют с большими опозданиями. Так как рабочий персонал доставляется к строительным объектам на рабочих поездах, опоздание каждого поезда влечет за собой значительную потерю рабочего времени. Ввиду того что диверсии совершаются ночью, возрастает интенсивность движения поездов в дневное время. Поэтому поезда в течение дня не имеют необходимого времени для разгрузки стройматериалов, что также ведет к значительным потерям рабочего времени. На строительстве двухколейной дороги на участке Молодечно — Полоцк, где в настоящее время занято около 2 тыс. рабочих, ежедневно потери рабочего времени ввиду нарушения графика движения рабочих поездов составляют два-три часа по меньшей мере для 1/3—1/2 всех рабочих. Это означает нехватку 200—250 рабочих на этом участке. Вызванное диверсиями скопление поездов приводит к тому, что приходится задерживать поезда, подвозящие стройматериалы. Ввиду этого на ряде участков ощущается недостаток в цементе и строительных материалах для железнодорожного полотна (например, в Крулевщине, Полоцке и Бигосове). Это приводит к затяжке строительства.

6. Заготовка строительного леса и шпал.

В результате действий партизан возникли трудности в заготовке строительного леса и шпал. Наиболее удобные места лесозаготовок находятся в партизанских районах. Вследствие наблюдающегося повсеместно недостатка в военной охране очень трудно, а зачастую почти невозможно заготовлять лес и подвозить его к лесопильным заводам. К тому же партизаны планомерно поджигают и подрывают лесопильные заводы, что вызывает серьезное беспокойство. При этом уничтожается большое количество готовых шпал. Многим лесопильным заводам грозит крайне серьезная опасность уничтожения.

В Белоруссии к настоящему времени полностью уничтожено девять лесопильных заводов. Это составляет потерю 48 тыс. шпал ежемесячно. При сожжении лесопильного завода в Исавичах было уничтожено 7 тыс. готовых шпал.

В районе Минска на складах находится 30 тыс. готовых шпал, которые, однако, не могут быть вывезены. Когда военный госпиталь № 665, получив разрешение на вывоз 1100 шпал для постройки запасного пути для санитарных поездов, попытался вывезти эти шпалы, использованные для этой цели грузовые машины подверглись нападению и были уничтожены партизанами. <...> Подвоз лесоматериалов к лесопильням в настоящее время частично прекращен. Назначенные нами лесничие расстреливаются партизанами. Тысячи кубометров заготовленного лесничеством лесоматериала увозятся местным населением при поддержке партизан. Сил незначительных немецких отрядов по охране лесов не хватает, чтобы воспрепятствовать этому. За последние недели партизаны убили 16 человек из этих отрядов. В результате деятельности партизан мы теряем только в Белоруссии 100 тыс. шпал ежемесячно.

В тыловых районах группы армий «Центр» к настоящему времени уничтожено 13 лесопильных заводов. Среди них — наиболее производительный лесопильный завод на Березине в Борисове. Транспортировка леса по сплавным рекам и по дорогам из-за активных действий противника приостановлена на 90 процентов. На р. Березине уничтожено два буксира для сплава леса.

Таким образом, возникают дополнительные потери в 20 тыс. шпал ежемесячно. Следует заметить, что лесопильные заводы тылового района группы армий работают преимущественно для нужд войск. Изготовление шпал производится там в порядке неплановой работы.

Еще более затруднительно положение немецких фирм, которые должны наладить дополнительное производство шпал, привлекая для этого местных лесорубов. Из 10 немецких фирм, предназначенных для работы в Белоруссии и в тыловых районах группы армий, к настоящему времени только четыре смогли развернуть работу. Все остальные фирмы либо были вынуждены прекратить работу, либо вообще не смогли приступить к ней.

В районе Слонима областной комиссар из соображений безопасности запретил углубляться в леса. Три человека из рабочей команды фирмы «Фортак» вместе с грузовиком были похищены партизанами.

В районе Брест-Литовского лесничества возчики не явились на работу, несмотря на то что им были предоставлены запряженные повозки. <...> Три лесопильных завода вынуждены были ввиду этого приостановить производство, что привело к потере 12 тыс. шпал в месяц.

Всего в результате деятельности партизан до настоящего времени мы теряли 270 тыс. шпал в месяц.

Такие же трудности мы испытываем с заготовкой строительного леса. В тыловом районе группы армий должно быть заготовлено около 15 тыс. кубометров строительного леса (исключая потребности организации Тодта для выполнения железнодорожных работ). До сих пор мы ничего не получили.

В письмах генерал-квартирмейстера главного командования сухопутных войск в штаб группы армий «Центр» от 31.05.42 г. и 03.06.42 г. главной железнодорожной дирекции было сообщено, что даже первоочередные потребности армейских организаций могут быть удовлетворены только на 10 процентов. Увеличение поставок лесоматериалов возможно лишь при том условии, если будет начата эффективная борьба с партизанами.

Во всех областях, находящихся под управлением генерального комиссара Белоруссии и генерального комиссара Украины, положение с заготовкой лесоматериалов столь же затруднительно, как и с заготовкой шпал, о чем подробно говорилось выше.

7. Служба связи.

Повреждения партизанами линий связи до настоящего времени были относительно незначительными. Это объясняется тем, что партизаны в широких масштабах организовали подслушивание и для них это значительно выгоднее, чем разрушение немецких линий связи. Однако иногда все-таки приходится использовать строительные взводы связи для устранения крупных повреждений партизанами линий связи главной железнодорожной дирекции. Вследствие этого при выполнении программы строительства в восточных районах на 1942 г. было потеряно следующее количество рабочих дней.

При повреждении линий в районе Уза 03.06.1942 г. два строительных взвода связи затратили по три рабочих дня и по два дня на дорогу = 10 дней = 200 рабочих дней.

При повреждении линий в районе Злынка 06.06.1942 г. один взвод — 10 дней и три дня на дорогу = 13 дней = 260 рабочих дней.

При повреждении линии в районе Славное 20.07.1942 г. один взвод — четыре дня и два дня на дорогу = шесть дней = 120 рабочих дней. Итого: 29 дней = 580 рабочих дней.

Это приблизительно соответствует объему работы целого строительного взвода связи в течение месяца. Кроме того, партизаны наносят линиям связи мелкие повреждения, которые устраняются силами эксплуатационно-технического персонала службы связи. Тем самым этот персонал часто на целые дни отвлекается от выполнения своей основной задачи — помощи строительным взводам в выполнении работ по программе строительства в восточных районах на 1942 г. Начиная с 01.06.1942 г. таким образом было потеряно около 450 рабочих дней.

8. Влияние партизан на рабочих и служащих из местного населения.

Прежде всего вызывает опасение моральное воздействие партизанских налетов на местный рабочий персонал. <...> Вражеская пропаганда, особенно через листовки, дей-

ствует очень умело. Она повсюду распространяет слухи о слабости германской армии. В качестве доказательства используется тот факт, что действия партизан не только не остаются безнаказанными, но и с каждым днем усиливаются. <...> Воздействие партизан на местный рабочий персонал постоянно увеличивается. Все в большей мере среди рабочих и служащих проявляется равнодушие и лодырничество. Одни пытаются уклониться от работы под предлогом ухода в отпуск или болезни, другие уклоняются без всяких причин. За последние недели с работы на службе движения ушло 242 человека, с других служб — 437, всего 679 человек. При налетах партизан часто обнаруживается, что в этом оказываются замешанными или участвуют местные железнодорожники. Часто самые лучшие работники оказываются партизанами или даже руководителями партизанских организаций и отрядов. Поэтому постоянно возрастает число арестов среди местных железнодорожников. Например, в Полоцке из 86 местных железнодорожников 16 были разоблачены как партизаны и расстреляны.

На всей территории, прилегающей к железной дороге, фактически хозяйничают русские комиссары. Они заставляют местных жителей совершать диверсии*. <...> Есть опасение, что местные рабочие и служащие при удобном случае в массовом порядке бросят работу и уйдут к партизанам.

Все подчиненные инстанции подтверждают, что сосредоточение войск охраны у железнодорожной линии как мера, продиктованная их малочисленностью, может только на время улучшить положение, но не обеспечит безопасности. Безопасность может быть достигнута только активными действиями против партизан и умиротворением всей страны.

9. Выводы.

В заключение можно сказать, что при дальнейшем росте числа партизанских налетов пропускная способность дорог, уже упавшая ниже необходимого уровня, будет снижаться и дальше. В таком случае требования вооруженных сил на железнодорожные перевозки не смогут быть удовлетворены. Более того, есть основания опасаться, что партизаны, планомерно усиливая свои действия, парализуют целые железнодорожные узлы и, совершая налеты на крупные объекты, выведут на длительное время из строя важные тыловые коммуникации. Проводя соответствующую пропаганду и оказывая влияние на местных железнодорожников, они заставят их в один прекрасный день полностью прекратить работу и оказывать нам пассивное сопротивление. Положение может быть улучшено только активным подавлением партизан, а не усилением охраны, что обеспечит лишь временное облегчение.

Главная железнодорожная дирекция группы армий «Центр»
Уполномоченный по воинским перевозкам Логеманн

Опубликовано: Военно-исторический журнал. 1960. № 7. С. 93–99.

---

* Не только на территории, прилегающей к железной дороге, но и во многих других временно оккупированных районах СССР действительными хозяевами положения были советские люди. Комиссарами здесь названы, видимо, подпольные партийные работники, которые возглавляли самоотверженную борьбу населения против немецко-фашистских оккупантов.

№ 12

Спецсводка Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР «О реагированиях военнослужащих и их семей по вопросу открытия союзниками второго фронта в Европе (по материалам военной цензуры)»

30 июля 1942 г.

Зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Абакумову

Заключение договора и соглашения между великими державами — СССР, Великобританией и США — о взаимной помощи и об открытии союзниками в 1942 году второго фронта в Европе среди военнослужащих фронта и их семей вызвало, при временных неуспехах на фронте, целый ряд отрицательных суждений и разговоров.

Бойцы, командиры и политработники в своих многочисленных документах выражают недоверие к союзникам об открытии ими второго фронта в Европе, а отдельные лица высказываются о невозможности завершения победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников.

Ниже сего приводим отдельные выдержки из данных документов.

ППС-899, военнослужащий 860 БАО, Быковский: «Когда же, наконец, англичане и американцы откроют эффективный второй фронт, черт их знает, любят воевать за чужой счет, но ведь они должны понимать, что Гитлер и для них погибель. Стоит заметить, что они все советуются, совещаются, договариваются, а конкретного участия, кроме экономической помощи нам, пока не чувствуем.

Может быть, по примеру первой войны, в августе вмешаются. Это, конечно, может улучшить положение в положительную сторону и ускорить развязку с обер-бандитом Гитлером, а пока тяжело...».

Сталинград, обл., с. Никольское, Нефедьев: «Второй год пошел уже, как началась отечественная война, а конца ее не видать. О втором фронте только пишут да говорят в Англии и в США. Видимо, надо надеяться, дорогие наши защитники, на собственные силы, — это будет, пожалуй, лучше.

Ведь в прошлом мы не раз немцев били и били только собственным русским кулаком...».

Сталинград, обл., Харабалинский р-н, с. Сасыколи, Кузьмин А. Я.: «Обстановка на фронтах, насколько известно нам из газет, не блещет особыми достижениями. И это нас сильно угнетает и навевает довольно-таки мрачные мысли о будущем.

Союзники наши, наверно, только брехать красиво умеют, а пользы с них, как от козла молока. Со вторым фронтом что-то у них темпов не видно. Стоит заметить, что они все еще пока развлекаются и упиваются своим пташьим полетом в поднебесье, что им, судя по их крикливым, восторженным речам, доставляет детское удовольствие. От серьезных дел они далеки.

Наземное действие против Гитлера у них, вероятно, и в голове не укладывается, потому что она забита у них детскими восхищениями да восторгами о стойкости русских. Только и хорошего, что талантливо умеют кричать и восторгаться. Ну, я, например, им все это извиняю, потому что это в их буржуйской телячьей натуре — видеть все в розовом свете...».

Казакевич

Центральный архива ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 912. Л. 30–31. Подлинник.

№ 13

Приказ начальника жандармерии при имперском наместнике в Штирии* относительно понятия «восточный рабочий»

20 августа 1942 г.

Приказ № 11095/42
Всем жандармским служебным инстанциям
Относительно: Понятие «восточный рабочий», разъяснение.
Основание: Приказ имперского наместника от 06.03.1942 г.
I 386 A 1/26.
(Содержащий приказ имперского руководителя СС и полиции, С-IV-Д-208/42 (иностр. раб.) от 20.02.1942 г.)

Ввиду того, что понятие «восточный рабочий» часто недопонимается, что ведет к неправильным выводам и административным действиям, приводятся выдержки из общих определений, установленных имперским руководителем СС и полиции от 20.03.1942 г., раздел С-17-Д-208/42 (иностр. раб.) — для тщательного инструктажа и ознакомления.

Следует различать:

А) Рабочую силу из старых советских областей

К «рабочей силе из старых советских областей» относятся те рабочие, которые прибыли или прибудут в качестве гражданских рабочих в Германию с бывшей советско-русской территории, за исключением бывших государств Литвы, Латвии, Эстонии, Белостокской и Львовской областей.

В обращении с этими рабочими решающее значение имеет то обстоятельство, что они в течение десятков лет находились под большевистским господством и воспитывались систематически в духе вражды к национал-социалистической Германии и европейской культуре.

Нет необходимости в проверке рабочих по национальной принадлежности, поскольку это для дальнейшего обращения с рабочей силой никакого значения не имеет.

Находящиеся в Германии рабочие из старых советских областей должны быть строго изолированы от немецкого населения, иностранных рабочих и всех военнопленных. На предприятиях они используются, главным образом, целыми колоннами. Только на сельскохозяйственных предприятиях женщины и мужчины могут использоваться в индивидуальном порядке. Но мужчины все же должны размещаться все вместе и по возможности совместно питаться.

Совместно работающие и проживающие рабочие из старых советских областей должны постоянно охраняться. Помещение, в котором они проживают, также должно постоянно охраняться. Из лагеря они могут уходить только для выполнения работы на производстве. Все свободное время они проводят в пределах лагеря.

Б) Рабочую силу с территории бывших государств Литвы, Латвии и Эстонии

К «рабочей силе с территории бывших государств Литвы, Латвии и Эстонии» относятся все бывшие литовские, латвийские и эстонские граждане, а также лица, не имеющие гражданства, которые до 01.09.1939 г. проживали на территории бывших государств Литвы, Латвии

---

* Шти́рия (нем. Steiermark) — федеральная земля на юго-востоке Австрии. Столица и крупнейший город — Грац.

и Эстонии и после 22.06.1941 г. прибыли или прибудут как гражданские рабочие в Германию. Они именуются также коротко «рабочая сила из Прибалтийских государств».

В обращении с ними руководствоваться тем, что в большинстве своем их следует рассматривать как иностранных рабочих, которые лишь на протяжении известного периода времени находились под сильным большевистским влиянием. Но отношение этих народов к большевизму оправдывает привилегированное обращение с рабочей силой из Прибалтийских стран по сравнению с рабочей силой из старых советских областей.

В принципе, рабочая сила из Прибалтийских стран также должна использоваться нераздельно, т. е. большими колоннами, прежде всего в промышленных и крупных сельскохозяйственных предприятиях. На мелких сельскохозяйственных и промышленных производствах (например, угольные предприятия), наоборот, требуется использование рабочей силы в индивидуальном порядке.

Размещение рабочих происходит в зависимости от условий работы. Соответственно, с этим для промышленности и крупных сельскохозяйственных предприятий предписывается совместное размещение (барачный лагерь или казармы). Кроме того, используемая в индивидуальном порядке рабочая сила должна по возможности размещаться в общем лагере.

Особой охраны мест размещения рабочих из Прибалтийских государств не требуется.

Принимая во внимание, что при вербовке рабочей силы в результате полицейской проверки имеется возможность устранить опасные элементы, что за рабочей силой на производстве и в лагерях ведется особое наблюдение, а также учитывая общее политическое положение, можно отказаться от особых ограничений образа жизни этих рабочих, за исключением:

а) Права пребывания в районе обслуживания окружных полицейских властей, совпадающем с местом работы (право на пребывание разрешается путем полицейского предписания высших административных органов);

б) Запрещение полового сношения с немцами и немками (ставятся об этом в известность местными полицейскими органами при мобилизации).

В) Рабочую силу польской национальности из Генерал-Губернаторства и присоединенных восточных областей

К «рабочим польской национальности из Генерал-Губернаторства и присоединенных восточных областей» относятся те рабочие польской национальности, которые до 01.09.1939 г. проживали в присоединенных восточных областях, включая Белостокскую область, а также в Генерал-Губернаторстве (включая Львовскую область) и прибыли или прибудут в Германию в качестве гражданских рабочих с указанной территории, кроме присоединенных восточных областей района Белостока.

На эту рабочую силу польской национальности распространяется предписание имперской полиции от 08.03.1940 г. и прочие изданные соответствующие приказы.

Г) Иностранную рабочую силу непольской национальности из Генерал-Губернаторства и присоединенных восточных областей

К вышеназванной рабочей силе относятся все иностранные рабочие непольской национальности, которые до 01.09.1939 г. проживали в присоединенных восточных областях, включая Белостокскую область, а также в Генерал-Губернаторстве и прибыли или прибудут в Германию в качестве гражданских рабочих с указанной территории, кроме присоединенных восточных областей и Белостокской области.

К этой категории принадлежат:

а) Украинцы, белорусы, русские;

б) Кашубы, мазуры, словаки, если они не внесены в списки немецкой национальности.

Они должны доказать свою национальность путем предъявления удостоверения, выданного украинским, белорусским или русским представительствами, а кашубы и словаки —

путем предъявления удостоверения, выданного по месту жительства соответствующими административными властями.

В обращении с этими рабочими исходить, с одной стороны, из их большой настроенности против польского народа и лояльного отношения к германской империи. С другой стороны, нельзя оставлять без внимания жизненный уклад, характер и политические наклонности этих рабочих, которые не согласовываются с соответствующими германскими условиями жизни.

Иностранные рабочие непольской национальности используются на производстве и размещаются согласно правилам, определенным для рабочей силы из Прибалтийских стран (см. раздел «Б»).

На рабочих данной категории в равной мере распространяются:

а) Предписание о пребывании в районе обслуживания окружных полицейских органов;

б) Запрещение половых сношений с немцами и немками.

Таким образом, под наименованием «восточные рабочие» имеются в виду только рабочие из старорусских областей, указанные в пункте «А». Только эти рабочие обязаны носить знак «OST», хорошо видимый на груди справа, на каждом виде одежды.

Рабочие, указанные в разделах «Б» и «Г», знаков не носят, в лагерях не охраняются и подлежат только ограничениям, указанным в п. п. «Б» и «Г ».

Указанные в разделе «В» рабочие польской национальности из Генерал-Губернаторства и присоединенных восточных областей, согласно установленным для них правилам, должны носить справа на груди хорошо видимый знак «Р». На них распространяются существующие для них особые предписания.

Начальник жандармерии
подписал: (подпись неразборчива)

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 95.

№ 14

Записка заместителя председателя ГКО В. М. Молотова И. В. Сталину о проектах распоряжений по возобновлению работ в области использования атомной энергии

27 сентября 1942 г.

Вношу на Ваше утверждение проект распоряжения Государственного Комитета Обороны «Об организации работ по урану», внесенный Академией наук СССР (т. Иоффе) и Комитетом по делам высшей школы при Совнаркоме СССР (т. Кафтановым).

В проекте распоряжения предусматривается возобновление работ по исследованию использования атомной энергии путем расщепления ядра урана.

Академия наук, которой эта работа поручается, обязана к 1 апреля 1943 г. представить в Государственный Комитет Обороны доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива.

Второй проект тт. Иоффе и Кафтанова (о добыче урана) требует дальнейшей проверки и будет внесен на утверждение ГКО особо.

В. Молотов

АП РФ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 95. Л. 103. Подлинник.

№ 15

Из спецсводки Особого отдела НКВД Донского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР «О реагированиях военнослужащих по вопросу открытия союзниками второго фронта (по материалам военной цензуры)»

27 октября 1942 г.

Зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Абакумову

За последнее время значительно увеличилось поступление документов от военнослужащих нашего фронта с различными реагированиями по вопросу открытия союзниками второго фронта.

Бойцы, командиры и политработники в своих многочисленных письмах к родным и знакомым хоть и не верят в открытие второго фронта, но высказывают уверенность в полной победе над врагом собственными силами. Так, например:

ДКА, ППС-2482, часть 21, Коловский Н. Д.: «...А война, кажется, обещает быть затяжной. Помощи с Запада нет и не будет, как видно из хода вещей.

Да, вот если вы слышали по радио ответ тов. Сталина одному журналисту Запада, то вам станет ясна картина обещаний наших союзников. Нам самим своим горбом придется уничтожать гитлеровские орды — тяжелое испытание. И мы, и противник наш ослабнем в этой адской борьбе, а жар будут загребать союзнички.

Я так полагал, что английская армия сейчас, да и вообще не способна воевать с немцами, это можно судить по их африканскому театру войны, им бы только в футбол играть.

Ну, у нас дела немножко улучшились.

На тот же вопрос журналисту тов. Сталин ответил, что наша армия сейчас самая сильная в Европе и в мире.

Журналист, видно, почесал себе переносицу, и есть над чем почесаться, ведь ни одна армия в Европе не устояла перед немецкой, а мы бивали эту орду и добьем ее...».

ППС-1665, часть 524, Бурундуков Виктор Константинович: «...Правда, бойцы обижаются на наших союзников за медлительность открытия второго фронта и говорят, что они не умеют держать своих обязательств. По-моему, они в этом правы. СССР реализует все, согласно договора, а они копаются, или вернее, отписываются...».

ППС-25, часть 98, И. Остроухов: «...Нужно полагать, что в ближайшее полторы-две недели здесь разыграются еще более жестокие бои, в ходе которых будет положено начало разгрома и уничтожения вражеских полчищ. Вот тогда и у наших союзников появится большое желание открыть второй фронт, тогда они скорее найдут возможность к этому и от митингов перейдут к делу...».

Наряду с данными отмечены отдельные факты, когда некоторые военнослужащие выражают сомнение в завершении победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников. Например:

ППС-1722, 15 СП, учрота, Кочин П.: «...Почему не открывается второй фронт, без которого нам, очевидно, не достигнуть победы, для нас непонятно, хотя, кажется, к этому есть все возможности...».

ППС-1954, в/ч 1474, Стефанович В. В.: «...Конца этой бойни не видно, враг силен, союзнички, сама видишь, как помогают. 42-й год уже на исходе, значит, судьба будет решаться в первой половине 1943 года...».

ППС-800, 554 ОАТБ, военнослужащий Лебедев С. П: «...Перспективы войны невеселые, из выступлений наших «друзей» Рузвельта и Черчилля нужно сделать вывод, что они соби-

раются открыть второй фронт только в 1943 году, а пока вся тяжесть войны опять ложится на нас, и нам предстоит еще провести одну зиму в борьбе с сильным противником. Что принесет эта зима, сказать трудно...».

Об изложенном проинформирован Военный совет фронта.

Казакевич

ЦА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 4. Д. 912. Л. 193–194 об. Подлинник.

№ 16

Приказ А. Гитлера о противопартизанской войне

27 апреля 1943 г.

Фюрер. Главное командование сухопутных войск
Генеральный штаб сухопутных войск
Оперативный отдел (I). № 4705/43
Только для командования

Основная директива № 14 (оперативный отдел)
(Борьба против бандитизма)

Русские все интенсивнее развертывают борьбу посредством бандитизма. Они назначают командирами банд генералов, организовали систематические связь и снабжение с помощью курьеров, радио и авиации; члены банд даже вывозятся самолетами в отпуск.

В составе банд, функционирующих в районах боевых действий, насчитывается, по имеющимся данным, около 80 тыс. человек, исключая многочисленные отряды на Западной Украине, в Белоруссии и в Прибалтике.

В последнее время банды причинили серьезный вред железнодорожному транспорту и сельскому хозяйству, нарушили сплав леса по рекам и т. д.

Исходя из этого, мы должны вести борьбу против бандитизма еще более интенсивно и продуманно, тем более что в районах боевых действий для этих целей выделены крупные силы (приблизительно также 80 тыс. человек, в том числе 35 тыс. немцев).

Я приказываю:

1. Считать борьбу с бандитизмом равнозначной боевым действиям на фронтах. Ею должны руководить оперативные отделы штабов армий и групп армий. Эта борьба должна вестись систематически.

2. Все пригодные для данной цели силы должны быть использованы. Там, где таких сил недостаточно, необходимо, смотря по обстоятельствам, создавать сводные части и в течение определенного времени использовать их для борьбы с бандитизмом. Это послужит и целям боевой подготовки, повышению боеспособности вошедших в них подразделений.

3. Надлежит проверить пригодность для руководства действиями, направленными против бандитизма, командиров всех степеней в частях, предназначенных для этого. Только деятельные, энергичные и физически крепкие люди подходят для выполнения этой, зачастую весьма нелегкой задачи.

4. Необходимо дальнейшее совершенствование разведки против банд. Для этого наряду с помощью населения следует использовать все доступные средства военной разведки. Особенно целесообразно запрашивать у командных инстанций ВВС выделение самолетов для широкого участия в разведывательных мероприятиях.

5. Оповещение о нападениях банд должно быть налажено так же, как и разведка. Надлежит немедленно оповещать соответствующие органы о действиях банд, где-либо происходивших.

6. Следует создать подвижные оперативные группы, которые способны немедленно в ударном порядке начать действия против обнаруженных банд. Медленно развивающиеся наступательные действия наших сил часто не достигают цели, так как банды узнают об этом и уклоняются от боя. Упомянутые оперативные группы необходимо на время противобандитских действий оснащать средствами передвижения, а командовать ими следует поручать особо надежным командирам. Эти группы должны неожиданно появляться то здесь, то там и не оставлять в покое банды.

7. В осуществлении мероприятий по борьбе с бандитизмом на данной территории должен быть обеспечен тесный контакт между начальниками тыловых учреждений действующих войск и высшими руководителями СС и полиции имперских комиссариатов.

8. В ходе борьбы с бандитизмом необходимо беспощадно карать его пособников. Бандитизм — это такой враг, который применяет в борьбе любые средства и только такими же средствами при равнозначной ожесточенности он может быть разгромлен.

9. Необходимо использовать все средства обмана и маскировки. Оправдала себя организация лжеотрядов из местных жителей, находящихся на службе у немцев и действующих под их руководством. С помощью таких отрядов можно собрать важные сведения и накопить соответствующий опыт.

10. Я направляю особых уполномоченных, которые проверят проводимые на местах мероприятия по борьбе с бандитизмом и доложат о результатах проверки мне лично.

11. ОКХ будет систематически издавать «Сообщения о борьбе против бандитизма», которые будут содержать все данные о действиях банд, полученные из собранной информации.

Группам армий к 05.05.1943 г. донести о намечаемых мероприятиях по борьбе с бандитизмом и сообщить данные об особых мерах: создании сводных частей, ударных групп и т. п.

Адольф Гитлер

Верно: подполковник службы генерального штаба Ратгенс

Опубликовано: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. М., 1973. С. 445–446.

№ 17

Приказ А. Гитлера о «выжженной земле»

19 марта 1945 г.

Содержание: о разрушении объектов на территории Германии.

Борьба за существование нашего народа заставляет также и на территории Германии использовать все средства, которые могут ослабить боеспособность противника и задержать его продвижение. Необходимо использовать все возможности, чтобы непосредственно или косвенно нанести максимальный урон боевой мощи противника. Ошибочно было бы полагать, что после возвращения потерянных территорий можно будет снова использовать не разрушенные перед отступлением или выведенные из строя на незначительный срок пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства. Противник оставит нам при своем отступлении лишь выжженную землю и не посчитается с нуждами местного населения.

Поэтому я приказываю:

1. Все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства, а также материальные запасы, которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, немедленно или по прошествии незначительного времени подлежат уничтожению.

2. Ответственность за уничтожение возлагается: на военные командные инстанции в отношении всех военных объектов (включая дорожные сооружения и средства связи), на гаулейтеров и государственных комиссаров обороны в отношении всех промышленных предприятий, предприятий коммунального хозяйства, а также всякого рода материальных запасов. Войска должны оказывать гаулейтерам и государственным комиссарам обороны необходимую помощь в выполнении стоящих перед ними задач.

3. Настоящий приказ немедленно довести до сведения всех командиров. Все распоряжения, противоречащие данному приказу, утрачивают свою силу.

Адольф Гитлер

Опубликовано: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941–1945 гг. М., 1973. С. 603–604.

Именной указатель

Географический указатель

Содержание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

Государство, общество и война

Редакторы *Е. И. Рычкова, А. П. Аристов, Е. Р. Ароян*
Бильд-редактор *Э. А. Суровый*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Векторная графика карт и схем *В. Г. Курочкин*
Корректоры *Е. Р. Цегельник, Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 01.11.14. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 69,66. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ № .

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
ООО «ПОЛИГРАФ-СЕРВИС»
105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 28-30, корпус 1, помещение 014П

ISBN 978-5-9950-0458-5
9 785995 004585